

Это цифровая копия книги, хранящейся для потомков на библиотечных полках, прежде чем ее отсканировали сотрудники компании Google в рамках проекта, цель которого - сделать книги со всего мира доступными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских прав на эту книгу истек, и она перешла в свободный доступ. Книга переходит в свободный доступ, если на нее не были поданы авторские права или срок действия авторских прав истек. Переход книги в свободный доступ в разных странах осуществляется по-разному. Книги, перешедшие в свободный доступ, это наш ключ к прошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все пометки, примечания и другие записи, существующие в оригинальном издании, как минимум о том долгом пути, который книга прошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использования

Компания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы перевести книги, перешедшие в свободный доступ, в цифровой формат и сделать их широкодоступными. Книги, перешедшие в свободный доступ, принадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, поэтому, чтобы и в дальнейшем предоставлять этот ресурс, мы предприняли некоторые действия, предотвращающие коммерческое использование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические запросы.

Мы также просим Вас о следующем.

- Не используйте файлы в коммерческих целях.
Мы разработали программу Поиск книг Google для всех пользователей, поэтому используйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.
- Не отправляйте автоматические запросы.
Не отправляйте в систему Google автоматические запросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного перевода, оптического распознавания символов или других областей, где доступ к большому количеству текста может оказаться полезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем использовать материалы, перешедшие в свободный доступ.
- Не удаляйте атрибуты Google.
В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он позволяет пользователям узнать об этом проекте и помогает им найти дополнительные материалы при помощи программы Поиск книг Google. Не удаляйте его.
- Делайте это законно.
Независимо от того, что Вы используете, не забудьте проверить законность своих действий, за которые Вы несете полную ответственность. Не думайте, что если книга перешла в свободный доступ в США, то ее на этом основании могут использовать читатели из других стран. Условия для перехода книги в свободный доступ в разных странах различны, поэтому нет единых правил, позволяющих определить, можно ли в определенном случае использовать определенную книгу. Не думайте, что если книга появилась в Поиске книг Google, то ее можно использовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских прав может быть очень серьезным.

О программе Поиск книг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне доступной и полезной. Программа Поиск книг Google помогает пользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый поиск по этой книге можно выполнить на странице <http://books.google.com/>

Миссіонерское обозрѣніе

Harvard College Library

THE GIFT OF
Archibald Cary Coolidge, Ph.D.
Class of 1887
RUSSIAN COLLECTION OF 1922

1907.

Январь.

XII.

МИССИОНЕРСКОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

ЖУРНАЛЪ ВНУТРЕННЕЙ МИССІИ.

№ 1

1-6.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типо-литографія Т-ва «СВѢТЪ» Невскій, 136.
1907.

Редакція „Миссіонерск. Обозр.“
Невскій, 153. Телеф. № 222-26.

Содержаніе январской книжки

ЖУРНАЛА „Миссіонерское Обзорніе“ за 1907 годъ.

- Апокалиптическое ученіе о судьбахъ и концѣ міра. *Л. Тихомировъ* 3—32
- Христіанско-освѣщеніе жгучихъ социальныхъ и государственныхъ вопросовъ нашей современности. (О смертной казни и объ отношеніи христіанства къ государству и къ общественно-политическимъ вопросамъ). *В. Базаряниновъ* 33—44
- Внутреннія противорѣчія социализма. *П. Ухтубужскій* 45—67
- Къ вопросу о церковности, какъ дидактическомъ принципѣ. Свящ. *Николай Каменевъ* 68—72
- Церк. дисциплина по отношенію къ сектантамъ. *И. Айвазовъ*. 73—86
- Къ исторіи секты бесѣдниковъ (хлыстовъ) 87—91
- По слѣдамъ раскольничьихъ дѣятелей. *Н. Гринякинъ*. 95—100
- Недоразумѣніе по поводу чинопріема изъ австрійскаго раскола. Свящ. мисс. *Дометій Холоповъ* 101—109
- Лѣтопись періодической печати: *Мусій изъ Каплицы*. Очеркъ *Н. Н. Оглобина*. („Русская Мысль“ сентябрь 1906 г.) *Н. Пустынникъ* 110—125
- Хроника. Миссіонерство, старообрядчество и секты. Изъ миссіонерскихъ итоговъ за истекшій годъ. *В. Скворцовъ*. 126—137
- Столѣтіе молоканства въ Тавридѣ. *Православный Тавричанинъ*. — Насилія старообрядцевъ. *Н.* — Переписка между высокопреосв. Антоніемъ, еписк. Волынскимъ, и старообрядческимъ имен. архіеп. Іоанномъ Карпушинымъ 138—146
- Изъ жизни инославія и изъ міра заграничнаго сектантства. Христіанскія ассоціаціи въ Японіи. Корреспонденція изъ Токио. — Двухсотлѣтіе Датскаго Миссіонерскаго Общества. *С. Зетринскій* 147—152
- Миссіонерскій Вѣстникъ. Воззваніе братства свв. Сергія и Германа. — Письмо въ редакцію. Свящ. *Е. Зубаревъ*. — Старообрядческій проповѣдникъ. *М. Е. М.* 153—164
- Отлики. Праздные вопросы безпоповца. *Н. Гринякинъ*. Еврейское миссіонерство въ Россіи. *С. Глыбова*. 165—170
- Въ преддверіи всероссійскаго церковнаго собора. I. Периодическая печать о церковной реформѣ. *И. В. Преображенскій*. 1—6
- Отъ конторы редакціи. Подписавшимся на газ. «Колоколь» высылается жур. «Миссіонерское Обзорніе» за 4 рубля вмѣсто обычной подписной платы 6 р. При подпискѣ на оба изданія высылается 10 руб., причемъ допускается разсрочка: первый взносъ при подпискѣ 3 рубля, второй—не позже Пасхи 5 руб., остальные не позже 1 Сент.

Издательница *Ю. А. Скворцова*.

Редакторъ *В. М. Скворцовъ*.

1907.

Январь.

XII.

МИССИОНЕРСКОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

ЖУРНАЛЪ ВНУТРЕННЕЙ МИССІИ.

№ 1.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Издатель Т-ва «СВѢТЪ» Невскій, 136.
1907.

Редакція „Миссіонерск. Обзоръ“
Невскій, 153. Телес. № 5226.

CP375.20

YVARD COLLEGE LIBRARY
GIFT OF
ARCHIBALD CARY COOLIDGE
JULY 1 1922

Апоалиптическое учение о судьбахъ и концѣ міра.

I.

Нѣсколько вступительныхъ словъ.

Ожиданіе конца міра и пришествія антихриста, часто волновавшее христіанское челоѣчество, снова narosло въ настоящее время. Наряду съ ожиданіями прогресса и возрожденія жизни, часто встрѣчаешь людей, углубленныхъ въ таинственныя страницы Апокалипсиса, и слышишь рассказы о таинственныхъ видѣніяхъ, предрекающихъ конецъ міра. Немудрено бы это было, если бы такія настроенія явились вслѣдствіе страшныхъ разгромовъ Россіи въ японской войнѣ или того хаотическаго, обезумѣлаго междуусобія, которое охватываетъ насъ теперь. Но ожиданія конца міра явились гораздо раньше. Ихъ связываютъ съ именемъ св. Серафима Саровскаго. Владиміръ Соловьевъ выступилъ со своими „Тремя разговорами“, когда у насъ, по внѣшности, все обстояло благополучно. Да и Соловьевъ былъ только передовымъ выразителемъ широко разлитаго настроенія. Еще до японской войны ходили рассказы, со словъ разныхъ блаженныхъ и юродивыхъ, о рожденіи антихриста. Вычислялось даже, сколько ему лѣтъ. Нѣсколько позднѣе предтечею антихриста называли извѣстнаго гипнотизера и авантюриста Филиппа. За послѣдніе два года о близости конца міра нерѣдко говорилъ столь популярный проповѣдникъ, какъ о. Іоаннъ Кронштадтскій, а за чтеніемъ Апокалипсиса можно увидать даже невѣрующихъ, но обладающихъ чуткостью сердца, которая мѣшаетъ имъ присоединиться къ толпамъ ликующихъ по поводу современнаго „возрожденія“, облитаго кровью и сопровождаемаго разрывомъ

вѣхъ безкорыстныхъ связей, потерей уваженія къ святынь религіозной, семейной и общественной.

Въ такое время и среди такихъ настроеній, быть можетъ, не бесполезно подѣлиться съ интересующимися этимъ предметомъ нѣкоторыми общими заключеніями, къ которымъ я пришелъ при чтеніи эсхатологическихъ мѣстъ св. Писанія.

Я не принадлежу къ числу ученыхъ изслѣдователей, и для меня остается не только множество темныхъ мѣстъ въ Апокалипсисѣ, но даже въ тѣхъ мѣстахъ, которыя мнѣ кажутся понятными, найдется очень многое, въ отношеніи чего я имѣю лишь предположенія, а не безусловно твердое убѣжденіе. Оговариваюсь въ этомъ, чтобы показ ать совершенную без претензіозность своего чтенія.

Но стоитъ ли вообще углубляться въ чтеніе Апокалипсиса? Есть люди, которые не одобряютъ этихъ изысканій. Они ссылаются на слова Спасителя, что намъ не дано знать сроки міровой жизни, и находятъ, что вникать въ эсхатологию даже опасно, такъ какъ при этомъ легко впасть въ ложныя мнѣнія, легко потерять энергію въ содѣйствіи человѣческому благу и т. д.

Говорятъ также, что Апокалипсисъ доступенъ пониманію только людей, достигшихъ особливо высокаго состоянія своего духовнаго „я“.

Не могу согласиться съ этими мнѣніями безъ большихъ оговорокъ. Трудности пониманія Апокалипсиса, пророчествъ Даніила и т. д. конечно, неоспоримы. Однако, Апокалипсисъ данъ вовсе не для однихъ пророковъ. Это таинственное Откровеніе обращено къ совокупности вѣрующихъ нѣсколькихъ церквей. т. е. ко множеству людей, среди которыхъ были и далеко не безупречные („носишь имя, какъ будто ты живъ, но ты мертвъ“ и т. п.).

А въ заключеніе св. Іоаннъ Богословъ говоритъ все-таки: „Блаженъ слушающій и исполняющій слова пророчества сего“. Да и Самъ Спаситель указывалъ намъ быть внимательными къ признакамъ времени. „Вы же берегитесь, —говоритъ Онъ,—вотъ Я напередъ сказалъ все“. Онъ даже упрекаетъ тѣхъ, которые умѣютъ различать лицо неба и земли, а признаковъ времени не различаютъ. Итакъ, я полагаю, что вниманіе къ эсхатологій совершенно обязательно для христіанина.

Но понятно, что быть внимательнымъ не значитъ быть увлекаю-

щимся, легкомысленнымъ и субъективнымъ, и именно для избѣжанія субъективности и легковѣрія въ дѣлѣ столь важномъ, какъ предвидѣніе событій міровой жизни и ея конца, слѣдуетъ въ эсхатологическомъ чтеніи соблюдать всѣ противъ этого предосторожности.

Въ числѣ ихъ, я полагаю, нужно помнить, что цѣли пророческихъ откровеній о будущихъ судьбахъ міра двояки. Иногда пророчество имѣетъ цѣлью дать намъ руководство къ поведенію, и тогда оно всегда понятно. Такъ, напримѣръ, Спаситель особенно подробно говорилъ о событіяхъ, относящихся къ разрушенію Іерусалима, и всѣ эти пророчества столь ясны, что христіане, именно благодаря предостереженіямъ Спасителя, могли своевременно спастись отъ бѣдствій, постигшихъ ихъ остальныхъ соплеменниковъ при разгромѣ Іудеи. Иногда, напротивъ, пророчество столь неясно, что становится понятнымъ только ретроспективно, послѣ того, какъ мы уже пережили время его исполненія. Такъ, напримѣръ, едва ли кто-нибудь изъ современниковъ апостола Іоанна Богослова могъ понять, что гоненій на христіанъ будетъ именно д е с я т ь. Но черезъ нѣсколько вѣковъ, когда уже время гоненій отошло въ прошлое, легко стало сосчитать, сколько ихъ было. Теперь даже въ учебникахъ считаютъ десять гоненій, и намъ становятся понятными слова „будете имѣть скорбь д н е й д е с я т ь“. Это даже замѣчательно точное опредѣленіе, потому что, дѣйствительно, правильнѣе было бы сказать не „десять гоненій“, а „около десяти гоненій“, ибо если считать эпоху Декія и Галерія за одно гоненіе, то всѣхъ ихъ было д е в я т ь, а если считать по именамъ императоровъ — т о д е с я т ь.

Какова же, однако, цѣль пророчества, которое возможно понять только тогда, когда оно уже исполнилось? Оно, очевидно, имѣетъ цѣлью не предупрежденіе, не руководство къ поведенію, а укрѣпленіе нашей вѣры въ Бога. Видя на историческихъ фактахъ исполненіе того, что, хотя бы и непонятно намъ, развертывалось передъ взоромъ Тайнозрителя, на сотни и тысячи лѣтъ, мы убѣждаемся, что дѣйствительно существуетъ Нѣкто Всевѣдущій, вдохновлявшій пророка. Такая помощь нашей вѣрѣ становится тѣмъ болѣе необходима, чѣмъ дальше отходятъ люди отъ временъ апостоловъ, чѣмъ легче у насъ способны являться вопросъ: гдѣ же обѣтованія прішествія Иисуса? Особенно важно имѣть такую опору къ концу временъ. Когда

придетъ антихристъ, и ложныя чудеса врага будутъ ослѣплять всѣхъ, въ средѣ же святыхъ и „голоса умолкнуть“ и „пророчество прекратится“, — предсказанія Апокалипсиса станутъ драгоцѣнной опорой христіанина противъ невольнo одолѣвающихъ сомнѣній. Поэтому-то, думается мнѣ, послѣднія времена и описаны въ Апокалипсисѣ съ такими подробностями, тогда какъ ближайшія историческія эпохи сравнительно очень кратко и суммарно.

Итакъ, имѣя въ виду эти двѣ существенно различныя цѣли Откровенія, мы не должны смущаться невозможностью понять те перь многія мѣста его.

Кое-что въ немъ дано для нашего времени и эти мѣста понятны. Кое-что дано только для будущаго, и такія мѣста бесплодно стремиться разгадать, пока не приспѣло время, для котораго пророчество дано.

Другую необходимую предосторожность противъ ошибокъ въ эсхатологическомъ чтеніи составляетъ правильная система этого чтенія.

Обычной основой христіанской эсхатологіи служитъ Апокалипсисъ св. Іоанна Богослова и пророчества Даніила. Но оба источника отличаются всей неудобопонятностью пророческихъ созерцаній, прикровенностью, символизмомъ и той особенной образностью, къ которой духовное созерцаніе принуждено прибѣгнуть въ обрисовкѣ предметовъ, неизобразимыхъ нашими человѣческими словами и понятіями, и даже образами, въ отношеніи всего, „яже не лѣтъ челoвѣкамъ глаголати“.

Для преодоленія трудностей пониманія этихъ частей пророчествъ рекомендуется внимательное изученіе пророческой символики, чтобы быть способными какъ бы къ дешифровкѣ прикровенныхъ мѣстъ. Это, дѣйствительно, необходимо, но я думаю, что никакая дешифровка не поможетъ, не спасетъ отъ ошибокъ, если мы упустимъ изъ виду основное общее правило чтенія св. Писанія.

Это правило гласитъ, что мы никогда не должны объяснять св. Писанія на основаніи отдѣльно выхваченныхъ мѣстъ его, и можемъ считать правильнымъ лишь то пониманіе, которое основано на совокупности всего, открываемаго по данному предмету или вопросу въ св. Писаніи.

Въ отношеніи будущихъ судебъ міра и конца его существуетъ много мѣстъ въ св. Писаніи и помимо Апокалипсиса и пророка Даниила, и эти мѣста нерѣдко способны дать опору въ пониманіи пророческихъ созерцаній. Такими опорными пунктами, при чтеніи Апокалипсиса, являются пророчества Самого Спасителя въ Евангеліяхъ и эсхатологическія мѣста посланій апостоловъ Павла, Петра, Іуды и самого Іоанна. Указанія на будущее дѣлаются Спасителемъ и Апостолами уже не въ формѣ символическихъ образовъ и созерцаній, а въ видѣ прямыхъ фактическихъ сообщеній или конкретнаго историческаго повѣствованія. Здѣсь все ясно и точно, не допускаетъ никакихъ перетолкованій.

При чтеніи Апокалипсиса я и ставлю правиломъ объяснять не понятное при помощи понятнаго и не допускать никакихъ толкованій, которыя вступаютъ въ противорѣчіе въ ясными словами Спасителя и Апостоловъ.

Эта предосторожность особенно важна по вопросамъ о хилиазмѣ, судьбахъ Израиля и Царствѣ Божіемъ на землѣ.

II.

О семи періодахъ міровой исторіи христіанства.

Послѣ этихъ общихъ замѣчаній, попытаюсь обрисовать въ краткихъ чертахъ, какъ намъ представляется исторія христіанскаго міра въ пророческихъ указаніяхъ.

Въ смыслѣ пророческой исторіи будущаго, нѣтъ ни одного источника болѣе полнаго, чѣмъ Апокалипсисъ. Но въ то же время рисуемая имъ картина наиболѣе сложна, и ее нельзя понять, мнѣ кажется, если мы вздумаемъ себѣ представить Апокалипсисъ, какъ простое хронологическое изложеніе будущихъ событій.

Отчасти эта ошибка есть въ извѣстной книжкѣ полковника Бейннгена „Близость второго пришествія Спасителя“, вып. I-й. Онъ сопоставляетъ событія исторіи съ послѣдовательно взятыми мѣстами Апокалипсиса, выражающими открытіе судебъ Божіихъ. Такими мѣстами, какъ извѣстно, считаются „снятіе печатей“, „трубные гласы“ и т. д. У полковника Бейннгена такъ и разбирается исторія: первая печать—это апостолы у язычниковъ, вторая печать

войны Римской имперіи, третья печать — разныя бѣдствія въ имперіи, голодъ, чума и т. д., пятая печать послѣднее гоненіе (Галерія) и т. д. Затѣмъ идутъ „трубные звуки“. Переселеніе народовъ — это первая труба и т. д. Послѣ всего — начинается сопоставленіе событій съ „чашами гнѣва“ Божія, причѣмъ первая чаша сопоставляется съ явленіемъ Вольтера, вторая чаша — Французская революція и т. д. Пятая чаша приходится на Парижскую коммуну, а шестая на Турецкую войну... Остается еще седьмая чаша, и міру конецъ... Я не могу останавливаться подробно на историческихъ сопоставленіяхъ полковника Бейнингена, и ограничусь замѣчаніемъ, что нахожу ихъ большею частью совершенно произвольными и неубѣдительными.

Что касается Апокалипсиса, то я полагаю, что исторія событій въ мірѣ сокрыта или открыта въ немъ въ гораздо болѣе сложной переплетенной картинѣ. Мнѣ кажется несомнѣннымъ, что Апокалипсисъ состоитъ изъ цѣлаго ряда отдѣльныхъ пророческихъ созерцаній, охватывающихъ то одну, то другую сторону событій, иногда возвращаясь къ одному и тому же событію по нѣскольку разъ. Событія, открываемыя ввору Тайнозрителя, происходятъ то на небѣ, то на землѣ, то спускаются въ преисподнюю. Для нѣкоторыхъ изъ нихъ нѣтъ хронологіи, ибо это не эволюція какого либо процесса, а состояніе предметовъ. Тамъ же, гдѣ дѣло касается нашей земной исторіи, развивающейся эволюціонно, — хронологическая послѣдовательность проявляется и въ созерцаніяхъ св. Іоанна.

Эта хронологическая послѣдовательность событій проявляется, по моему мнѣнію, въ трехъ частяхъ Апокалипсиса: во 1-хъ, въ явленіи семи церквамъ Асійскимъ, гдѣ цѣль откровенія по преимуществу учительная, имѣющая дать вѣрующимъ руководство къ поведенію; во 2-хъ, въ повѣствованіи о снятіи печатей книги, раскрытой Агнцемъ: здѣсь даются краткія указанія на характеристическія особенности предстоящихъ (для насъ уже во многомъ истекшихъ) событій. Въ 3-хъ, хронологически же изложенъ рассказъ о послѣднихъ временахъ міра.

Что касается трубныхъ гласовъ ангельскихъ, то хотя это мѣсто Апокалипсиса безъ сомнѣнія излагаетъ событія въ хронологическомъ порядкѣ, но я склоненъ думать, что они относятся лишь къ послѣдней эпохѣ, хотя нѣкоторыя отдѣльныя мѣста и весьма соблазняютъ

расположить событія трубныхъ гласовъ по всѣмъ семи міровымъ эпохамъ, съ первой до послѣдней, параллельно и въ дополненіе къ „наставленіямъ церквамъ“ и „снятію печатей“.

Какъ бы ни рѣшать этотъ послѣдній вопросъ, во всякомъ случаѣ, кромѣ событій, изложенныхъ хронологически, нѣкоторые наиболѣе важные эпизоды обрисовываются въ отдѣльныхъ созерцаніяхъ, какъ-то явленіе жены, облеченной въ солнце, явленіе дракона, явленіе жены прелюбодѣйной. Для этихъ эпизодовъ не указывается яснаго хронологическаго мѣста, и его приходится опредѣлять гадательно, по соображеніямъ. Съ большою подробностью Апокалипсисъ также описывается, даже въ двухъ отдѣльныхъ мѣстахъ, на послѣдней борьбѣ антихриста и Христа.

Что касается знаменитой XX-й главы Апокалипсиса, которая нерѣдко понимается, какъ отдѣльный хронологическій моментъ исторіи, и при этомъ служитъ опорой для ученія хилиастовъ,—то я полагаю, что она должна въ дѣйствительности быть признанной за общій повторный, конспективный взглядъ на всю ранѣе изложенную картину міровой борьбы сатаны противъ Господа Бога. Вслѣдъ за этимъ повторнымъ, конспективнымъ созерцаніемъ идетъ особое, и уже послѣднее созерцаніе—Новаго Іерусалима, подготовленное созерцаніями XIX главы.

Такова въ общемъ эта сложная, далеко не исчерпанная мною картина, въ рядѣ созерцаній, то захватывающихъ взаимно части одно другого, то совершенно ускользающихъ отъ хронологическаго опредѣленія ихъ мѣста въ исторіи. Однако же, какъ сказано, для значительной части событій можно уловить хронологическую послѣдовательность, въ соотвѣтствіи съ которой исторія міра, отъ пришествія Искушителя до конца временъ, несомнѣнно для меня распадается на семь отдѣльно характеризованныхъ эпохъ.

Ихъ охарактеризовываетъ, во-первыхъ, наставленіе церквамъ, во-вторыхъ повѣствованіе о снятіи печатей.

Я долженъ однако при этомъ прежде всего объяснить, почему считаю наставленіе семи Асійскимъ церквамъ за характеристику семи эпохъ будущаго. Обычно главы 2-я и 3-я Апокалипсиса, гдѣ изложены эти наставленія, считаются только и исключительно наставленіями именно этимъ семи церквамъ, составлявшимъ тогда какъ бы **эпикръ** св. Іоанна Богослова.

Но я никакъ не могу съ этимъ согласиться.

Конечно, откровеніе Іоанна Богослова, по прямому смыслу, обращено и вообще только къ этимъ семи церквамъ: въ Ефесѣ, Смирнѣ, Пергамѣ, Фіатирѣ, Сардисѣ, Филадельфіи и Лаодикии... Но почему же только къ нимъ однѣмъ? Это совершенно непонятно. Уже древнѣйшій изъ дошедшихъ до насъ толкователей, Андрей Кесарійскій, замѣчаетъ: „Много было мѣстныхъ церквей, а посылаетъ только къ семи“ и въ разъясненіе этого обстоятельства говоритъ, что это дѣлается „ради седмичнаго числа, означающаго таинственное въ церквахъ, повсюду находящихся, и соотвѣтственность сего числа настоящей жизни, въ которой есть седмичный періодъ дней“ („Толкованіе на Апокалипсисъ“, слово 1-е, 1—4).

Въ 91 г. по Р. Х. (годъ откровенія св. Іоанна) было дѣйствительно множество церквей въ Европѣ, Азій и Африкѣ¹⁾. Упоминаемая въ Апокалипсисѣ не были ни главными, ни важнѣйшими, ни даже имѣющими будущее. Правда, Ефесъ былъ столицей апостола Іоанна, который здѣсь же и почилъ въ 94 г. Но апостоль Іоаннъ зналъ и другія церкви. Только что передъ ссылкой на Патмосъ, гдѣ произошло откровеніе, и гдѣ также была Кипрская церковь, св. Іоаннъ былъ привозимъ изъ Ефеса въ Римъ (гоненіе Домиціана), и тамъ претерпѣлъ свое славное мученичество... Почему же откровеніе обращается не къ Риму, не къ другимъ важнѣйшимъ церквамъ, а только къ Асійскимъ? Развѣ оно не касается всего христіанскаго міра?

Но несомнѣнно, что Спаситель обращается ко всѣмъ христіанамъ. Самое описаніе небесной обстановки видѣнія показываетъ, что Христосъ говорилъ, какъ глава Вселенской церкви. Спаситель изображенъ посреди семи свѣтильниковъ, держа въ рукахъ семь звѣздъ, и эти

¹⁾ Кромѣ Асіи (включавшей Фригію, Мизію, Карію и Либію), были на примѣръ церкви въ Александріи, Антиохіи (гдѣ впервые явилось слово „христіане“), Арменіи, особенно въ г. Эдессѣ, въ Афинахъ, Беріи, Византіи, Вифиціи, Галатіи, Дамаскѣ, въ Эфіопіи, Испаніи (Гвадиха и Эльвира), въ Индіи (церкви св. Варфоломея, въ Іерусалимѣ (впрочемъ уничтоженныя въ 70 г.), въ Каммадокии, Копцирѣ, Кесаріи, Кликии, на Кипрѣ (куда относился и св. Патмосъ), Коринфѣ, Критѣ, въ Ливіи, Понтѣ, Панноніи, Парфіи, Римѣ, Синопѣ, Скифіи, Солунѣ, въ Филиппахъ. Въ указанныхъ провинціяхъ церкви, конечно, были нерѣдко не менѣ многочисленны, чѣмъ въ Асіи.

свѣтильники суть семь церквей и звѣзды—ихъ ангелы. Ефесской церкви приказываетъ написать: „Такъ говоритъ держащій семь звѣздъ въ десницѣ Своей, ходящій посреди семи золотыхъ свѣтильниковъ...“ И далѣе: «Такъ говоритъ имѣющій семь духовъ Божіихъ и семь звѣздъ...» Несмотря на то, что церквей было множество, Спаситель изображается ходящимъ посреди семи. Но такъ какъ Спаситель держитъ въ Десницѣ Своей всѣ церкви, бывшія, сущія и будущія, и ходитъ посреди нихъ въ теченіе всего существованія міра, то мнѣ кажется очевиднымъ, что семь Асійскихъ церквей имѣютъ лишь символическое значеніе, и что въ лицѣ ихъ Спаситель обращается ко всей Вселенской церкви, въ какихъ-то семи ея проявленіяхъ и моментахъ существованія.

Это предположеніе является неустранимо. Извѣстный Оберленъ („Пророкъ Даніилъ и Апокалипсисъ св. Іоанна“, стр. 262) также замѣчаетъ по этому поводу, что семь Асійскихъ церквей «представляли собою всю церковь».

Я полагаю, что онѣ представляли и типы церковные, и моменты ея существованія, то-есть что Асійскія церкви имѣли типическія особенности тѣхъ состояній, которыя будетъ переживать Вселенская церковь за все время своего существованія на землѣ. Такимъ образомъ, наставленія и предостереженія, въ лицѣ Асійскихъ церквей, даются для каждаго періода существованія Вселенской церкви, каковыхъ періодовъ и должно поэтому считать семь.

Если такъ, то характеристика, даваемая откровеніемъ каждой изъ семи Асійскихъ церквей, соотвѣтствовавшая конечно и состоянію каждой изъ нихъ въ то время, является точно также характеристикой семи послѣдовательныхъ періодовъ существованія Вселенской церкви на землѣ, и даетъ какъ бы краткую лѣтопись этого существованія въ будущемъ.

Другой такой же хроникой будущихъ судебъ человѣчества является книга, запечатанная семью печатами. Здѣсь мы опять видимъ указаніе на семь эпохъ.

Древнее толкованіе Андрея, архіепископа Кесарійскаго, говоритъ, что подъ книгою мы разумѣемъ премудрую память Божію, а также глубину божественныхъ судовъ, или—какъ онъ выражается въ другомъ мѣстѣ—„божественныхъ судебъ“. Самыя же толкованія Андрея

Кесарійскаго, въ отношеніи первыхъ печатей, прямо слѣдуютъ первымъ эпохамъ христіанской исторіи. Такъ подъ первую печать Методій (древнѣйшій толкователь, цитируемый Андреемъ Кесарійскимъ) разумѣетъ рядъ Апостоловъ, вышедшихъ на покореніе міра Христовой истинѣ. Вторую печать Андрей примѣняетъ ко временамъ мучениковъ, въ третьей усматриваетъ нѣкоторое отпаденіе, въ четвертой—бѣдствія, можетъ быть относящіяся къ его собственному времени, въ пятой уже предполагаетъ нѣкоторое будущее гоненіе, которое будетъ позднѣе, послѣ его времени, подъ шестой печатью разумѣетъ переходъ отъ гоненія ко временамъ передъ пришествіемъ Антихриста, а подъ седьмой печатью предполагаетъ „окончаніе земной жизни“.

Имѣя такимъ образомъ какъ бы двѣ отдѣльныя хроники міровой жизни отъ перваго пришествія Христа до втораго, мы можемъ соединить ихъ вмѣстѣ, и тогда получимъ повѣствованіе болѣе подробное. Другія созерзанія Апокалипсиса даютъ еще болѣе подробностей объ отдѣльныхъ эпизодахъ этой исторіи будущаго, для насъ уже отчасти и прошедшаго. Разставить эти эпизоды по соответственнымъ хронологическимъ мѣстамъ—дѣло очень нелегкое и тутъ возможны разногласія. Тѣмъ не менѣе въ Апокалипсисѣ мы имѣемъ возможность прослѣдить исторію христіанской церкви, погруженной въ исторію человѣчества, и находящейся подъ воздѣйствіемъ борьбы неба и преисподней, Божественной силы, ведущей людей ко спасенію, и сатанинской злобы, увлекающей ихъ въ погибель.

III.

Характеристика семи эпохъ міра или тысячелѣтняго царствованія Христа на землѣ.

Приступая къ попыткѣ охарактеризовать, въ общихъ чертахъ, содержаніе каждой изъ семи эпохъ христіанской исторіи міра, я долженъ оговориться, что совокупность этихъ эпохъ считаю исторіей тысячелѣтняго царствованія Христа на землѣ.

Какъ извѣстно, многіе ждуть тысячелѣтняго царства Христа на землѣ, какъ эпохи особой, которая должна наступить послѣ уничтоженія Антихриста. Я этого мнѣнія не принимаю, во первыхъ

потому, что оно издревле отвергнуто Церковью, во вторыхъ потому, что ни у одного Апостола, въ эсхатологическихъ мѣстахъ посланій, нѣтъ никакого упоминанія о тысячелѣтїи послѣ пораженія Антихриста, и ясно указывается, что второе пришествіе Христа будетъ и послѣднимъ. У самого Спасителя точно также нѣтъ никакихъ упоминаній о „хилястическомъ“ тысячелѣтїи, напротивъ весьма ясно высказано, что второе пришествіе будетъ соединено уже съ концомъ міра. Царствіе же Божіе или Небесное наступило, по ясному ученію Спасителя, уже 1900 лѣтъ назадъ.

Характеристика развитія Царства Божія на землѣ сдѣлана Спасителемъ во множествѣ притчъ съ полнѣйшей ясностью.

Наконецъ и въ самомъ Апокалипсисѣ глава XX, составляющая главную опору ожидателей особеннаго чувственнаго 1000-лѣтія, скорѣе можетъ быть понимаема, какъ общій повторный взглядъ Тайнозрителя на все, о чемъ онъ говорилъ раньше.

Андрей Кесарійскій, повторяя толкованія древнѣйшихъ временъ, говоритъ прямо: „Тысяча лѣтъ есть время отъ вочеловѣченія Господня до пришествія Антихриста“.

Я именно и принимаю это толкованіе.

Какъ же располагаются событія міровой жизни за это время, которое называется „тысячелѣтїемъ“ не въ арифметическомъ смыслѣ, а въ смыслѣ нѣкоторой „полноты временъ“, и исторически распадается, по Апокалипсису, на семь различныхъ эпохъ?

Уже при Спасителѣ Царствіе Божіе или Небесное (что есть одно и то же) приблизилось къ людямъ и наступило для нѣкоторыхъ изъ нихъ. Это Царствіе Божіе, которое находится внутри насъ, проявляется и внѣшне, что видимъ на примѣрѣ Апостоловъ, увидѣвшихъ его въ силѣ и славѣ во время Преображенія Господня. Оно существуетъ видимо также и въ Церкви, здѣсь на землѣ и на небесахъ, что видимъ въ Апокалипсисѣ въ лицѣ „старцевъ“, которыхъ Господь сдѣлалъ „царями и первосвященниками“. Святые, которыхъ Господу угодно было „прославить“, царствуютъ съ Господомъ на землѣ среди тѣхъ, которые покоряются Христу, то есть сердечно и правильно вѣруютъ и по вѣрѣ живутъ.

А въ то же время Царствіе Божіе погружено въ міровую жизнь, среди остальнаго челоуѣчества, въ которомъ дѣйствуетъ, какъ заквас-

ка, постепенно квасящая тѣсто, или какъ сѣть, захватывающая рыбу хорошую и дурную, изъ которой первая оставляется, а вторая выбрасывается вонъ и т. д.

Вообще Царство Божіе, оно же и „тысячелѣтіе“, всесторонне обрисовано Спасителемъ какъ въ видѣ общаго процесса развитія, такъ и въ своихъ отношеніяхъ къ отдѣльнымъ личностямъ. Общій же характеръ всемірнаго процесса, въ которомъ созрѣваетъ Царство Божіе, виденъ изъ притчи о пшеницѣ и плевелахъ. Они оставлены расти вмѣстѣ до тѣхъ поръ, пока пшеница не созрѣетъ для жатвы, и тогда она будетъ отобрана въ житницы райскія, а плевелы выброшены въ огонь вѣчный. Этотъ совмѣстный ростъ пшеницы и плевель распадается на семь эпохъ.

Ни для одной изъ эпохъ нельзя установить точныхъ границъ, отдѣляющихъ ее отъ предыдущей и послѣдующей. Эпоха выражаетъ собою нѣкоторый преобладающій типъ, нѣкоторый духъ христіанскаго человѣчества, который не сразу возникаетъ, не сразу измѣняется, и не по всѣмъ мѣстностямъ въ одинаковой степени и одновременно. Поэтому въ то время, когда въ однихъ мѣстахъ еще продолжается духъ прежней эпохи, въ другихъ уже развится иной духъ. Поэтому эпохи, если брать весь міръ, какъ бы захватываютъ одна другую, и слѣдовательно лишь приблизительно могутъ быть отдѣлены одна отъ другой по десятилѣтіямъ и даже столѣтіямъ.

Впрочемъ, то же самое относится и ко всѣмъ другимъ эпохамъ культурной или духовной жизни человѣчества. Никакой точной датой нельзя выразить, когда кончилась эпоха классической культуры, когда возникъ и кончился духъ Среднихъ вѣковъ и т. д. То же самое должно сказать и о распредѣленіи эпохъ апокалиптическихъ по различнымъ вѣкамъ всемірной исторіи.

Съ этой оговоркой приступаю къ опредѣленію границъ каждой эпохи.

Первая изъ нихъ—Ефесская—охватываетъ время Апостольской проповѣди, то есть отъ временъ Спасителя до эпохи гоненій на христіанъ, хотя гоненія начались еще при Апостолахъ въ 64 году, тогда какъ Откровеніе св. Іоанна Богослова дано въ 91 году. Высшимъ конкретнымъ выраженіемъ церкви этого перваго періода была, конечно, Іерусалимская Апостольскихъ временъ, которая одна-

ко въ 91 году была уже разсѣяна изъ города и укрывалась за Іорданомъ.

Откровеніе воздаётъ высокую похвалу этой первой, Ефесской, эпохѣ церковнаго существованія церкви. Замѣчу, что самое названіе „Ефесь“ означаетъ „вождедѣнный“ „желательный“... Этотъ символизмъ наименованій замѣчается и въ другихъ эпохахъ... Къ Ефесскому періоду должно отнести явленіе Жены, облеченной въ солнце, которую преслѣдовалъ Драконъ. Жена— это Церковь... Подъ „первой печатью“ Ефесская эпоха обозначается, какъ побѣдоносная проповѣдь— „всадникъ на бѣломъ конѣ. Онъ вышелъ, какъ побѣдоносный и чтобы побѣдить“... Въ наставленіи къ Ефесской церкви Спаситель воздаётъ этой эпохѣ первенствующей Церкви высокую похвалу между прочимъ за то, что она умѣла отличить истинныхъ Апостоловъ отъ ложныхъ и ненавидитъ еретиковъ. Однако Откровеніе уже дѣлаетъ съ 91 г. церкви упрекъ, за то, что она „оставила первую любовь свою“. Надо полагать, это относится къ утратѣ того духа, при которомъ у вѣрующихъ все было общее, не только сердце и вѣра, но и имущество, и не было среди нихъ ни бѣдныхъ, ни богатыхъ, какъ гласятъ „Дѣянія“.

„Итакъ, говоритъ Господь, вспомни, откуда ты ниспалъ, и покайся, и твори прежнія дѣла твои, а если не такъ, то скоро прійду къ тебѣ и сдвину свѣтильникъ твой съ мѣста“...

Эта угроза осуществилась съ слѣдующемъ періодѣ Смирнскомъ, эпохѣ гоненій...

Эта эпоха началась для иныхъ мѣстъ раньше, чѣмъ раздался предостерегающій голось Апокалипсиса. Собственно Іерусалимская Церковь была потревожена еще при разрушеніи Іерусалима въ 70 году. Но она при этомъ не пострадала, а только разбѣжалась за Іорданъ. Тамъ христіане продолжали существовать въ церковномъ единеніи, имѣли своихъ епископовъ. Потомъ, когда Іерусалимъ снова сталъ заселяться, христіане, конечно, были и въ немъ, до окончательнаго разрушенія его въ 130 г., когда императоръ Адрианъ даже переименовалъ Іерусалимъ въ Элію Капитолину и поставилъ храмъ Юпитору на мѣстѣ Іудейскаго святилища. Это собственно и правильно считать водвореніемъ мерзости запустѣнія на мѣстѣ святѣ, а не заступку мечети Омара, какъ опредѣляетъ полковникъ Бейнингенъ.

Какъ бы то ни было, „свѣтильникъ“ Іерусалимской церкви былъ „сдвинуть съ мѣста“. Она надолго утратила вліяніе и патриархія была здѣсь основана лишь въ 451 году.

Какъ сказано выше, къ первому періоду относится начало видѣнія о Женѣ, облеченной въ солнце, но продолженіе и конецъ его переходитъ не только во вторую, а даже въ третью эпоху. Жена эта, по древнѣйшему толкованію, означаетъ Церковь. Сатана во время крестной смерти Спасителя былъ пораженъ. Въ это время произошла на Небѣ борьба, и Драконъ (Сатана) былъ низверженъ на землю, гдѣ въ ярости хотѣлъ уничтожить порожденіе Жены, облеченной въ солнце, то есть, по толкованію Андрея Кесарійскаго, спасающихся вѣрующихъ. Но дитя Жены было взято на небо, а сама она улетѣла въ пустыню, то есть въ среду языческихъ народовъ, гдѣ ей дано было укрываться. Змій пытается погубить ее, пустивъ въ догонку рѣку, но земля поглотила воду. По толкованію Оберлена, это относится къ нашествію варваровъ, которые должны были уничтожить Церковь, укрывшуюся среди римскихъ владѣній. Но земля, то есть народъ, поглотила воду, впитала въ себя варваровъ, и Змій въ сильной ярости началъ измышлять другіе способы борьбы съ „прочими отъ сѣмени“ Жены.

Этотъ эпизодъ, начавшись въ первую эпоху, оканчивается въ третью. Первая же Апокалипсическая эпоха продолжается всего нѣсколько десятковъ лѣтъ, не болѣе сотни.

2) *Вторая эпоха, смирская*, по самому своему символическому названію, выражаетъ нѣчто погребальное. Она осуществила угрозу Божію, выраженную въ первой эпохѣ, и огнемъ гоненія очистила „ниспавшую“ съ недолгой высоты Церковь.

Подъ второй печатью указано, что этой эпохѣ дано было снять миръ съ земли, и чтобы убивали другъ друга. А въ словѣ Божіемъ къ Смирнской Церкви упоминается, что на христіанъ будетъ злословіе тѣхъ, которые называютъ себя іудеями, но на самомъ дѣлѣ составляютъ „сборище сатанинское“. Извѣстно, что клеветы евреевъ были причиною перваго гоненія, да и всегда возбуждали римлянъ противъ христіанъ. Названіе іудеевъ „сборищемъ сатанинскимъ“, быть можетъ, показываетъ, что они въ этомъ случаѣ дѣйствовали, какъ орудіе борьбы Дракона противъ Жены, облеченной въ солнце.

Слово Божіе къ Смирнской Церкви, то есть къ христіанамъ второй эпохи, увѣщаеетъ ихъ однако не бояться того, что имъ предстоитъ потерпѣть въ темницахъ и гоненіяхъ, и предупреждаетъ, что скорбь будетъ только „дней десять“... Это послѣднее выраженіе, какъ я упомянулъ выше, должно связать съ десятию гоненіями на христіанъ ¹⁾.

Въ самомъ началѣ Смирнской эпохи исполнилось и пророчество Спасителя относительно разрушенія Іерусалима и храма въ 70 году, причемъ христіане, благодаря своей внимательности къ указаніямъ Спасителя, заблаговременно избѣжали гибели...

Эта тяжкая очистительная эпоха продолжалась приблизительно до временъ Константина Великаго, то есть болѣе 200 лѣтъ. Она замѣчательна тѣмъ, что Слово Божіе не дѣлаеетъ Смирнской Церкви ни единого упрека, но только говоритъ: „знаю твою скорбь“, и обѣщаетъ „побѣждающему“ дать „вѣнецъ жизни“, такъ что онъ „не увидитъ второй смерти“. По толкованію Андрея Кесарійскаго, это означаетъ, что „побѣждающіе“ не будутъ подлежать второму суду. Въ самомъ Апокалипсисѣ (глава 7-я) мы потомъ видимъ на небесахъ передъ престоломъ и Агнцемъ людей въ бѣлыхъ одеждахъ и съ пальмовыми вѣтвями, и Ангель объяснилъ Тайновзрителю, что это „тѣ, которые пришли отъ великой скорби“... Всѣ они еще до второго пришествія Спасителя „пребываютъ передъ Престоломъ Бога и служатъ Ему день и ночь въ храмѣ Его“...

Первыя двѣ эпохи обрисованы въ Апокалипсисѣ настолько ясно, что легко узнаются. Но третья эпоха понимается труднѣе.

3) *Третья эпоха, Пергамской Церкви*, обрисована прежде всего тѣмъ, что Церковь живетъ тамъ, „гдѣ престолъ Сатаны“, и

¹⁾ Гоненія происходили: 1) при Неронѣ въ 64 году, 2) Доминіанѣ 91 г., 3) Траянѣ 98 г., 4) Маркѣ Авреліи 177 г., 5) Септиміѣ Северѣ 202 г., 6) Декіѣ въ 250 г., послѣ котораго безъ перерыва продолжалось гоненіе императора Галла въ 252 г., 7) при Валеріанѣ 257 г., 8) при Авреліанѣ 275 г., 9) при Діоклетіанѣ въ 303 г., и 10) при Максиминѣ въ 311 г. Гоненій обычно считается десять. Такъ и выходитъ, если считать время Декія и Галла за одно. Если же считать ихъ за два гоненія (потому что все таки это два разные императора), то гоненій было одиннадцать. Если же счесть весь періодъ 250—257 годовъ за одно непрерывное гоненіе, то ихъ было всего 9. Точнѣе всего сказать «около десяти».

это ставится ей извиняющимъ вины обстоятельствомъ. Что это значить? Церковь и прежде укрывалась „въ пустынь“, среди язычниковъ, гдѣ тоже властвовалъ Сатана. Но должно думать, что пока это было простымъ убѣжищемъ среди людей, хотя бы и нехристіанъ, то само по себѣ это не составляло никакихъ испытаній, не давало ни заслугъ, ни грѣха. Это не ставилось и смягчающимъ обстоятельствомъ.

Но въ Пергамскую эпоху, стало быть, произошло какое-то серьезное измѣненіе условій, которое столь усложнило положеніе Церкви, что Христось ставить ей въ особую похвалу то, что она все таки и въ этомъ положеніи содержитъ Его имя и не отреклась отъ вѣры.

Я полагаю, все это означаетъ, что въ Пергамскую эпоху Церковь уже осѣла „въ пустынь“ прочно, стала уже господствующей, государственной Церковью. Это ее поставило въ самомъ центрѣ того мірскаго интереса и житейскаго попеченія, въ которомъ Сатана укрѣпляетъ свой престоль. Тогда понятно, что сохраненіе вѣрности Христу, въ столь сложномъ и трудномъ положеніи, составляетъ большую заслугу, за которую Церкви и воздается похвала.

Однако за это время Церкви дѣлаются и многочисленныя упреки за присутствіе разныхъ ересей, причемъ Господь говоритъ, что Онъ Самъ прійдетъ и сразится съ еретиками, мечемъ устъ Своихъ... Когда употребляется такое выраженіе, это всегда означаетъ, что мечъ устъ Господнихъ побѣдитъ. Поэтому Пергамская эпоха несомнѣнно должна быть считаема также эпохою Вселенскихъ Соборовъ, побѣдившихъ ереси.

Но хотя истина и побѣдила въ третью эпоху, таинственный голосъ при снятіи „третьей печати“ говоритъ: „Хиниксъ пшеницы за динарій, и три хиникса ячменя за динарій, вина же и елея не повреждай“... Думаю, это означаетъ, въ первой половинѣ фразы, появленіе крайняго неравенства духовнаго достоинства въ людяхъ. Во второй же части фразы дается, безъ сомнѣнія, наставленіе сохранять благодатныя таинства, по всей вѣроятности---Евхаристію и священство. Нельзя не отмѣтить, что въ награду „побѣждающему“ въ эту эпоху Господь обѣщаетъ дать вкушать „манну небесную“, что по толкованію Андрея Кесарійскаго означаетъ св. Причастіе.

Сверхъ того побѣждающему дается „бѣлый камень“, на которомъ написано новое имя, котораго никто не знаетъ кромѣ того, кто его получилъ...

Не упорствуя въ своемъ предположеніи, думаю, что „бѣлый камень“ долженъ означать святость, а новое имя, никому неизвѣстное, кромѣ получившаго его, означаетъ нѣкоторый переходъ Церкви къ „невидимому“ состоянію. То есть можно заключить, что со времени превращенія Церкви въ государственную, стало уже внѣшне „невидимымъ“, „неизвѣстнымъ“, кто къ ней дѣйствительно принадлежитъ, такъ что лишь самъ получившій таинственное „новое имя“ чувствуетъ, что онъ дѣйствительно Христовъ. О множествѣ же другихъ видимыхъ членовъ Церкви уже невозможно судить, кто они такіе: христіане или нѣтъ, идутъ ли ко спасенію или не думаютъ объ этомъ?

Какова продолжительность Пергамской эпохи? Полагаю, что приблизительно съ Константина Великаго она тянется до того времени, какъ христіанскія государства начинаютъ явно торжествовать надъ язычниками, ибо послѣднее обстоятельство указано, какъ характеристическій признакъ слѣдующей, четвертой эпохи. Къ третьему періоду, вѣроятно относится и тотъ эпизодъ, что Драконъ пустилъ воду, какъ рѣку, за убѣгающей Женой. Это по Оберлену—нашествіе варваровъ на Западную Европу, но быть можетъ еще лучше бы означало нашествіе магометанскихъ народовъ, которые несравненно сильнѣе угрожали Женѣ, нежели варвары времени переселенія народовъ.

Въ общей сложности Пергамская эпоха охватываетъ приблизительно времена Византійскаго государства, а въ Западной Европѣ эпоху Карла Великаго и его монархіи.

Съ тѣхъ поръ какъ Церковь разбилась по разнымъ государствамъ и народамъ, неодинаково успѣшно выполнявшимъ обязанности и миссію христіанскаго государства, періоды особенно трудно разграничиваются по разнымъ мѣстамъ, но въ однихъ мѣстахъ кончаются раньше, въ другихъ позже, захватывая одинъ другой. Приблизительно третью эпоху можно считать очень продолжительною. Отъ 4-го вѣка почти до 14-го, то есть совпадающей съ такъ называемыми Средними вѣками исторіи.

4) *Четвертая эпоха—Фіатирской Церкви* охватывает преимущественно Новую исторію, съ 13-го, 14-го вѣковъ. Откровеніе говорить, что церковное дѣло этого времени проявляет и любовь, и вѣру, и даже что послѣднія дѣла его больше первыхъ. Но Христосъ также упрекаетъ эту эпоху въ ересь и развращенности, характеризуемой въ женѣ Іезавели, именуемой себя пророчицей. Упоминаетъ также Апокалипсисъ о „глубинахъ сатанинскихъ“, проявляющихся въ какихъ-то ученіяхъ. Быть можетъ, подъ этимъ должно разумѣть антихристіанскія вѣянія, которыми ознаменовала себя эпоха возрожденія на ряду съ успѣхами науки и мысли. А быть можетъ подъ этимъ понимаются развращенныя ереси, которыя связываютъ съ орденомъ Тамплиеровъ и съ масонствомъ. Мѣста эти вообще изъ очень темныхъ въ Апокалипсисѣ.

Но наставленіе, даваемое въ эту эпоху Церкви, повидимому, предостерегаетъ противъ исканія „новшества“, какъ бы напоминая, что раскрытіе Истины уже закончено раньше, такъ что дальше въ этомъ отношеніи идти некуда. Такой смыслъ повидимому имѣютъ слова: „Только то, что имѣете—держите, пока приду“. Можетъ быть, попытки новаго изясненія христіанства въ то время или съ того времени становятся уже опаснымъ обманомъ „Сатанинскихъ глубинъ“... Если такъ, то къ этому времени можетъ относиться окончаніе 12-й главы Апокалипсиса о дѣйствіяхъ Дракона, который, не успѣвъ погубить Жену рѣкою, „пошелъ вступитъ во брань съ остальными отъ сѣмени ея“.

Однако же въ общей сложности четвертая, Фіатирская эпоха служить сильно дѣлу Божію, такъ что Апокалипсисъ обѣщаетъ ей „власть надъ язычниками“, которыхъ она будетъ пасти „жезломъ желѣзнымъ“, то есть очень властно и авторитетно. Это дѣйствительно составляетъ черту христіанскаго государства съ 14-го вѣка, когда Европа завладѣла постепенно всѣми языческими странами, обращая ихъ народы въ христіанство и властвуя надъ ними. Это эпоха желѣза и крови, и подъ „четвертою печатью“ Апокалипсиса обозначено появленіе „коня блѣднаго“,—всадникъ котораго—смерть, и за нимъ слѣдуетъ адъ, такъ что четвертая часть земли подверглась умерщвленію мечемъ, голодомъ, моромъ и звѣрями земными. Опустошенія этой эпохи среди самихъ христіанскихъ государствъ.

извѣстны изъ исторіи, да и язычники, хотя и сокрушались, „какъ сосуды глиняные“,— также отвѣчали жестокими опустошеніями христіанскихъ странъ.

Гдѣ провести приближительный конецъ четвертой Фіатирской эпохи?

Быть можетъ, разгадки этого слѣдуетъ искать въ Россіи и Русской Церкви.

Россія родилась въ третью эпоху и принимала оживленное участіе въ четвертой. Въ ней особенно типично развилось христіанское государство именно съ консервативнымъ оттѣнкомъ Фіатирской эпохи, какъ бы усвоивъ наставленіе: „только то, что имѣете—держите, пока приду“. Это былъ типичный девизъ Русской вѣры, съ начала Руси и до недавняго времени. Россіи было также дано видное участіе въ спасеніи язычниковъ жезломъ желѣзнымъ, и долго они сокрушались передъ нею именно какъ сосуды глиняные... Думается, что, примѣнительно къ Русской Исторіи, конецъ четвертаго періода можно считать около 19-го вѣка, а продолжительность всей эпохи въ пять столѣтій.

Наше время, кажется, уже несомнѣнно вышло изъ Фіатирской эпохи и приблизилось къ пятой эпохѣ. Слѣдующую же, Филадельфійскую—мы еще очевидно не переживали. Такимъ образомъ, наше время должно быть отнесено къ пятой эпохѣ.

5) *Пятый періодъ—Сардійской Церкви*—принадлежитъ вообще къ печальнымъ. Сардійская Церковь даже символически, по названію своему, напоминаетъ тщетныя надежды людей на всемогущество богатства, такъ какъ апокалиптической Сардисъ—это именно древнія Сарды знаменитаго царя Креза. Апокалиптическая характеристика этой эпохи какъ бы подставляетъ зеркало съ отраженіемъ нашего псевдо-христіанскаго лика. „знаю твои дѣла, говоритъ Господь, ты носишь имя, будто ты живъ, но ты мертвъ“. Дѣйствительно, весь міръ теперь только носитъ имя христіанскаго, но нигдѣ противоположность между именемъ жизни „Святой Руси“, „Православія“ и т. д. и полной мертвенностью вѣры не поражаетъ до такой степени, какъ въ Россіи.

Господь не находитъ для Сардійскаго періода никакого утѣшенія, только увѣщаетъ покаяться и угрожаетъ найти на раз-

вратную эпоху „какъ тать“, „и ты не узнаешь, въ который часъ найду на тебя“...

Лишь „нѣсколько человѣкъ“ въ Сардисѣ, по Апокалипсису, „не осквернили одежду своихъ“, и Господь обѣщаетъ ихъ одѣтъ свято-стью („бѣлыми одеждами“).

Это эпоха такого паденія, что души умершихъ (подъ „пятой печатью“) уже находятъ своевременнымъ послѣдній судъ надъ міромъ... Но долготерпѣніе Божіе еще не истощилось, и душамъ сказано, чтобы успокоились на малое время, «пока и сотрудники ихъ и братья, которые будутъ убиты—дополняютъ число».

Дѣйствительно, съ Сардійской эпохой христіанскій міръ еще не поконченъ. Въ немъ еще кроются великія силы для возрожденія, которое и достается на долю слѣдующей за нами Филадельфійской эпохи.

Появленіе Звѣря и Жены Любодѣиной. Прежде чѣмъ перейти къ шестой эпохѣ міровой жизни, необходимо слегка остано-виться на двухъ отдѣльныхъ эпизодахъ созерцанія Тайнозрителя. Это именно—появленіе Звѣря и появленіе Жены Любодѣицы.

Къ какому времени должно отнести «звѣриное» проявленіе? Полагаю, что созерцаніе Апокалипсиса въ этомъ случаѣ должно дополнить эсхатологическими мѣстами посланій ап. Іоанна и ап. Павла. Послѣдній говоритъ, что пораженный Спасителемъ Сатана задумалъ нѣкоторую «тайну беззаконія», которая уже во времена ап. Павла была «въ дѣйстви», но появленію Антихриста въ полной силѣ мѣшаетъ нѣчто «удерживающее», или нѣкто «Держай». Полное осуществленіе Антихриста было тогда еще невозможно, хотя частные «антихристы» были уже и тогда, какъ заявляетъ ап. Іоаннъ. Но то появленіе Звѣря Антихриста и помогающаго ему Звѣря—лжепророка, о которомъ говоритъ 13 и отчасти 11 глава Апокалипсиса, относится очевидно къ уже совсѣмъ послѣднимъ временамъ, къ седьмой (Лаодикійской) эпохѣ. Въ наше время—Антихристъ, вѣчно готовый родиться, вѣчно существующій въ потенціи, едва ли отмѣчается Апокалипсисомъ.

Но что касается Жены Любодѣицы, то весьма возможно, что ея появленіе должно быть приурочено къ пятой эпохѣ.

Что такое Жена Любодѣица, эта измѣнница Богу, любодѣиствующая—

щая съ царями земными? Оберленъ очень убѣдительно доказываетъ, что это ничто иное, какъ *павшая церковь*... Онъ не приурочиваетъ этого образа ни къ какой частной церкви, то-есть напимѣрь, къ Римской, какъ любятъ дѣлать другіе протестанты. По Оберлену, въ исторіи церкви всегда сосуществуютъ два элемента: 1—чистая и свѣтлая Невѣста Христова, которая никого не любитъ, кромѣ своего Небеснаго Жениха и всегда вѣрна Ему, 2—другой элементъ любодѣвица, которая «обмирщилась», измѣняетъ Христу для міра, любодѣйствуетъ съ царями земными... Поэтому Оберленъ не указываетъ никакого частнаго момента появленія Жены Любодѣвицы.

Мнѣ кажется, возможно однако и иное толкованіе. Въ Апокалипсисѣ, 17 глава, явленіе Жены Любодѣвицы скорѣе происходитъ какъ бы въ нѣкоторый опредѣленный моментъ, и ужъ во всякомъ случаѣ Тайнозритель увидѣлъ ее «въ пустынѣ», то-есть въ то время, когда церковь укрылась въ среду язычниковъ, значитъ не въ первую эпоху. Да вдумываясь во всѣ первыя четыре эпохи—трудно предположить моментъ ея появленія въ одну изъ нихъ. Даже аналогіи съ Іезавелью четвертой эпохи Жена Любодѣвица не представляетъ. Та просто развратница и играетъ роль пророчицы. Жена Любодѣвица—во первыхъ измѣнница, во вторыхъ, представляетъ какое-то спокойное, животное паденіе, изъ-за низшихъ благъ земныхъ. Но явленіе ея очень возможно предположить въ пятую эпоху, если только Жена Любодѣвица есть дѣйствительно павшая церковь.

Однако—я не увѣренъ, чтобы это была церковь. Древнѣйшіе толкователи Апокалипсиса, компилируемые Андреемъ Кесарійскимъ, считаютъ Жену Любодѣвицу нѣкоторымъ Царствомъ. Въ самомъ Апокалипсисѣ она называется «городомъ, царствующимъ надъ царями земными». Но если это есть царство, то очевидно такое, которое было раньше очень тѣсно связано съ Богомъ, со Христомъ, на подобіе церкви. Иначе преданіе себя не Богу, а благамъ земнымъ—во всякомъ случаѣ не было бы «измѣною», не было бы «прелюбодѣйствомъ». Прелюбодѣянiемъ обозначается въ библіи—поведеніе Израильскаго народа, но никакъ не Персидскаго или какого иного царства, никогда и не вступавшихъ съ Господомъ въ обрученіе Завѣта. Прелюбодѣицей является у пророковъ «Дѣва Израиля», но не «Дщерь Вавилонская».

Если принять во вниманіе все это, то скорѣе всего можно представить себѣ, что жена Любодѣвица есть никто иной, какъ Россія, измѣнившая Богу. Ни одна нація не сливала такъ своего гражданско-политическаго бытія съ церковнымъ, какъ Россія. Только древній Израиль представляетъ съ нею въ этомъ аналогію, ибо даже и Византия несла въ себѣ наслѣдство политическаго учрежденія—древняго Рима, а Россія, подобно Израилю, родилась вмѣстѣ съ обрученіемъ Господу.

Если это печальное предположеніе вѣрно—то и судъ надъ великой Любодѣницей, и ея уничтоженіе 12 царями, вассалами Антихриста, все это должно исторически быть относимо къ судьбамъ Россіи. Впрочемъ—это судьбы, еще предстоящія въ будущемъ, такъ какъ относятся къ седьмой эпохѣ. Появленіе же Россіи въ качествѣ Жены Любодѣиной (если только это она) должно въ этомъ случаѣ отнести какъ разъ къ нашей, пятой эпохѣ.

Шестая эпоха—Филадельфійская. Какъ ни пала пятая Сардикійская эпоха, съ ней не кончается міровая миссія христіанства. Оно должно еще имѣть эпоху великаго подъема духа, почти небывалаго, ибо шестой Филадельфійской церкви Христось въ Апокалипсисѣ не дѣлаетъ ни одного упрека, а даетъ только похвалы. Этого не удостоилась даже первая эпоха, а только вторая (мученическая) и шестая, которая и по символическому значенію слова Филадельфія—означаетъ «братскую любовь».

Въ эту эпоху церковь будетъ численно невелика—«немного имѣешь силы», сказано въ Апокалипсисѣ,—но крѣпко сохраняетъ слово Христа, и въ награду за это передъ ней «преклонятся» евреи. Замѣчательно это мѣсто. «Вотъ, говоритъ Господь, Я сдѣлаю, что изъ сатавинскаго сборища, изъ тѣхъ, которые говорятъ о себѣ, что они Іудеи, но не суть таковы, а лгутъ, вотъ Я сдѣлаю то, что они прійдутъ и поклонятся предъ ногами твоими и познаютъ, что Я возлюбилъ тебя...

Другими словами, должно полагать, что именно въ Филадельфійскую эпоху послѣдуетъ обращеніе Израиля ко Христу, о чемъ такъ положительно говоритъ ап. Павелъ. Въ 7-й главѣ Апокалипсиса отмѣчено отдѣльное видѣніе, которое происходитъ послѣ того, какъ снята шестая печать и до снятія седьмой печати, то-есть, стало быть относится къ Филадельфійской эпохѣ. Въ этомъ видѣніи — кладется

печать на челахъ рабовъ Божіихъ изъ всѣхъ колѣнъ Израилевыхъ. Отсюда можно видѣть, что іудеи, называемые въ этомъ мѣстѣ «сатанинскимъ сборищемъ», играли вообще какую-то роль въ дѣлѣ Сатаны. Побѣжденные великой нравственной силой Филадельфійской церкви, они обращаются ко Христу, но въ этнографическомъ смыслѣ не поголовно, а лишь тѣ, которые запечатлѣны печатью Божіей. Придутъ, сказано, «изъ сборища», а не все «сборище». Отмѣчаю это обстоятельство въ опроверженіе тѣхъ, которые (какъ и полковникъ Бейнингенъ) готовы встрѣтить власть іудеевъ надъ міромъ, какъ нѣкоторое благо и исполненіе пророчества. Это ошибка.

Не одинъ Апокалипсисъ, а Самъ Христосъ въ евангеліи говорилъ іудеямъ: „Если бы вы были дѣти Авраама, то дѣла Авраамовы дѣлали бы“... Но «вы дѣлаете дѣла отца вашего... вашъ отецъ діаволь, и вы хотите исполнять похоти отца вашего» (Еванг. Іоанна, гл. 8, ст. 39, 41, 44). «Не тотъ іудей, говоритъ ап. Павелъ, кто таковъ»... (Римлян. гл. 3, ст. 28 — 29). И хотя ап. Павелъ говоритъ «Итакъ весь Израиль спасется» (Римл. гл. 2, ст. 25), однако онъ же объясняетъ въ 9-й главѣ того же посланія. «Но не то, чтобы слово Божіе не сбылось, ибо не всѣ тѣ израильтяне, которые отъ Израиля... Не плотскія дѣти суть дѣти Божіи, но дѣти обѣтованія признаются за сѣмя»... (Римл. гл. 6, ст. 7—8).

Итакъ въ Филадельфійскую эпоху, полагаю, произойдетъ спасеніе такъ именуемаго «всего Израиля», то-есть того, который есть истинный Израиль, и выйдетъ изъ «сборища сатанинскаго».

Вмѣстѣ съ тѣмъ Господь, въ награду Филадельфійской церкви общаетъ сохранить ее отъ „години искушенія“, которое придетъ на всю вселенную. Это уже канунъ окончанія міровой жизни, и Спаситель говоритъ Филадельфійской церкви: «Се гряду скоро, держи, что имѣешь».

Въ Филадельфійской церкви, надо думать, сохранится до конца міра чистая Невѣста Христова. Но, вѣроятно, большинство именуемыхъ «христіанъ» будетъ падать все ниже, такъ какъ міръ переходитъ въ седьмую эпоху, Лаодикійскую, которую Господь съ отвращеніемъ «изблаетъ изъ устъ Своихъ».

Само собою, что о долговременности Филадельфійской эпохи нѣтъ возможности дѣлать никакихъ соображеній. Но послѣ нея наступать послѣдняя седьмая эпоха.

Седьмая эпоха, Лаодикійская. На характеристикѣ этой эпохи не останавливаюсь. Она — самая печальная изъ всѣхъ и закончится величайшими бѣдствіями, которыя подробно описаны въ Апокалипсисѣ. Закончится она пришествіемъ Антихриста и его недолговременнымъ царствованіемъ. За тѣмъ уже наступитъ конецъ міра.

По вопросу о концѣ міра существуетъ большое разногласіе: какъ понимать этотъ конецъ? Многіе полагаютъ, что это лишь промежуточное «тысячелѣтнее царство» Христа на землѣ. Свое мнѣніе о «тысячелѣтіи» я выразилъ выше. Подробно же разбирать этотъ вопросъ потребовало бы особаго сообщенія.

IV.

О численныхъ срокахъ конца міра и пришествія антихриста.

Я началъ свое сообщеніе съ тѣхъ ожиданій близкаго конца міра, которыя теперь распространяются среди христіанъ. Какъ рѣшить вопросъ о правильности этихъ ожиданій? Много ли времени осталось жить міру, и стоитъ ли еще намъ заботиться о поддержаніи Христіанской миссіи, а тѣмъ болѣе о поддержаніи Христіанскаго государства?

Многіе толкователи Апокалипсиса рѣшаютъ, что конецъ міра очень близокъ, Оберленъ въ 30-хъ годахъ не надѣялся уже больше, чѣмъ на 200 лѣтъ міровой жизни. Таково же мнѣніе Вл. Соловьева. Полковникъ Бейнингенъ, посредствомъ расшифровки «пророческой азбуки», опредѣляетъ конецъ міру въ 1932 году.

Мнѣ кажется, что всѣ эти вычисленія и предположенія очень субъективны, даже тогда, когда субъективизмъ облачается въ наружно математическую форму вычисленій полковника Бейнингена.

Я думаю, что мы не знаемъ сроковъ. Можно думать, что изъ семи эпохъ міра—четыре уже прошли, одна идетъ, а двѣ еще остались впереди. Но сколько составитъ лѣтъ, вѣковъ или тысячъ лѣтъ теченіе пятой, шестой и седьмой эпохъ—мы не можемъ знать. Продолжительность эпохъ, судя по прошлому, весьма неодинакова. Первая не имѣла и сотни лѣтъ. Третья захватила цѣлое тысячелѣтіе, сколько протянется пятая, сколько потребуетъ Филадельфійской эпохѣ для спасенія всѣхъ, еще подлежащихъ спасенію? Да и нашей эпохѣ

(если она точно пятая), несмотря на ея грѣховность, указано: «Бодрствуй и утверждай прочее близкое къ смерти». Значить, и пятой эпохѣ указывается дѣятельность, которая вѣроятно и подготовитъ возможность появленія свѣтлой Филадельфійской эпохи. Стало быть, мы обязаны во всякомъ случаѣ работать, а сколько времени—это, я полагаю, зависитъ не отъ заранѣе predetermined срока, какъ бы навязаннаго намъ, а отъ успѣшности нашей работы. Чѣмъ болѣе усердно мы работаемъ, чѣмъ больше спасаемъ людей, тѣмъ больше срокъ, ибо міръ кончится, думаю я, тогда лишь, когда уже никто не захочетъ быть съ Богомъ и идти ко спасенію.

Въ 7-й главѣ Апокалипсиса сказано: Ангелъ, имѣющій у себя печать Божію, воскликнулъ къ ангеламъ, имѣющимъ «вредить землѣ и морю»:

«Не дѣлайте вреда ни землѣ, ни морю, ни деревьямъ, доколѣ не положимъ печати на челахъ рабовъ Божіихъ»... Сколько же времени потребуется на это? Не сказано. Апокалипсисъ открываетъ общій ходъ историческаго процесса отъ временъ Спасителя до конца міра и указываетъ число періодовъ эволюціи, которую за это время предстоитъ совершить церкви и міру, но вычисленія времени, которое суждено прожить міру въ теченіе этой эволюціи, мнѣ кажется, не имѣютъ для себя никакой опоры въ предсказаніяхъ св. Писанія.

У Спасителя указаны общіе признаки наступленія конца міра, но въ отношеніи хронологическомъ сказана, во-первыхъ, очень непонятная фраза: «Не пройдетъ родъ сей, какъ все сіе будетъ», а засимъ положительное заявленіе: «О днѣ же томъ и часѣ никто не знаетъ, ни ангелы небесные, а только Отецъ Мой единъ». Не опредѣляя срока, Спаситель однако указывалъ всегда его ожидать. («Бодрствуйте, молитесь, ибо не знаете, когда наступитъ это время»). «Наступитъ оно неожиданно, но предусматривать его должно, наблюдая зрѣлость міра для кончины («Отъ смоковницы возьмите подобіе — когда вѣтви ея становятся мягки и пускаютъ листья, то знаете, что близко лѣто»).

Тѣ же наставленія всегда ожидать конца, но безъ обозначенія «временъ и сроковъ» содержатся у апостола Павла («Сами вы достоверно знаете, что день Господень придетъ какъ тать ночью». «Ибо когда будутъ говорить: миръ и безопасность, тогда внезапно постиг-

нетъ ихъ пагуба»). Апостоль Петръ напоминаетъ, что у Господа «одинъ день, какъ тысяча лѣтъ, и тысяча лѣтъ, какъ одинъ день» и повторяетъ: «придетъ же день Господень, какъ тать ночью»...

Всѣ апостолы указываютъ, подобно Спасителю, нѣкоторые признаки явленія Антихриста и второго пришествія Господа, но совершенно отрицаютъ опредѣленіе сроковъ. Указанія Апокалипсиса дѣлаются въ выраженіяхъ очень неопредѣленныхъ. Ихъ стараются разгадать, но думается, не для того пророчество излагается въ столь непонятномъ видѣ, чтобы позволить разгадку.

Во всякомъ случаѣ мы видимъ, что конца міра ждали уже во времена апостоловъ. Св. Іоаннъ Богословъ писалъ: «Дѣти, послѣднее время. И какъ вы слышали, что придетъ Антихристъ, и теперь появилось много антихристовъ, то мы и познаемъ изъ этого, что послѣднее время» (1 Іоанна, 2—18). Ап. Павелъ по поводу браковъ говоритъ: «Я вамъ сказываю, братья: время уже коротко, и имѣющіе женъ должны быть какъ не имѣющіе»... «ибо проходить образъ міра сего». (Коринф. 7, 29—31).

Ожиданія конца міра были столь напряжены у христіанъ тѣхъ временъ, что сами апостолы должны были увѣщевать вѣрующихъ не преувеличивать близости конца. Въ этомъ отношеніи апостоль Павелъ, въ посланіи къ Солунянамъ, даетъ замѣчательныя указанія условій, при которыхъ наступитъ конецъ міра и которыя при немъ еще не назрѣли. Быть можетъ, именно для указанія еще долгаго пути и былъ данъ Апокалипсисъ, который, хотя и говоритъ «время близко» и «Еи, гряди скоро», но самымъ содержаніемъ раскрываемой картины будущаго поясняетъ относительность этой „близости“.

Ожиданія конца міра и впоследствии повторялись, каждый разъ оказываясь ошибочными.

Подъ такое же сомнѣніе ставлю я и современныя ожиданія. Во всякомъ случаѣ мнѣ кажется, что люди, какъ Оберленъ и Вл. Соловьевъ, въ своихъ попыткахъ узнать время конца, стоятъ на болѣе правильной почвѣ, чѣмъ полковникъ Бейнингенъ. Они основываются не на цифровыхъ вычисленіяхъ, а на оцѣнкѣ духовно-нравственнаго состоянія человѣчества. Справедливы или нѣтъ ихъ ожиданія близкаго конца, но, мнѣ кажется, именно такой методъ предвидѣнія указанъ Спасителемъ. „Возьмите примѣръ отъ смоков-

ницы“, то есть, полагаю я, наблюдайте духовно-нравственную эволюцію міра, и когда увидите признаки, то знайте, что время близко.

Самъ я за это не берусь въ настоящихъ строкахъ. Но не бесполезно представить себѣ общую картину міровой исторіи съ точки зрѣнія развитія дѣла Божія. Она, мнѣ кажется, такова.

Господь Богъ послалъ въ міръ Спасителя, Который, дѣйствіемъ Духа Святаго, воздвигъ человѣчество ко спасенію. Сила Божественной благодати дана человѣчеству для созиданія изъ себя Церкви, Невѣсты Христовой, въ которой въ теченіе извѣстнаго времени должны соединиться со Христомъ всѣ, которые могутъ быть спасены.

Съ другой стороны, силы зла, Древняго Змія, также напрягались въ борьбѣ противъ Бога, въ той же средѣ человѣчества, отстаивая свое господство. Для этого силы зла выдвинули нѣкоторую „Тайну беззаконія“, вступившую въ дѣйствіе уже во времена Апостоловъ.

И вотъ въ человѣчествѣ идетъ борьба добра и зла. Она представляетъ эволюціонный процессъ, котораго отдѣльные фазисы указаны въ Апокалипсисѣ, но продолжительность этихъ фазисовъ, а стало быть и общій срокъ жизни міра не указаны. Эти сроки, думаю я, и не предназначены Богомъ въ смыслѣ чего либо насильственного, неизбѣжнаго, а предопредѣлены только въ смыслѣ предусмотрѣнія Божія.

Должно вспомнить ученіе ап. Павла о предопредѣленіи. Господомъ все предопредѣлено, но только въ томъ смыслѣ, что Онъ всевѣдущъ, и то, что предузналъ, то и предопредѣлилъ.

Обычный разумъ, которымъ обладаютъ люди и въ еще большей степени ангелы и демоны, можетъ предвидѣть только то, что составляетъ логическій выводъ изъ положенія дѣлъ и соотношенія силъ. Но въ отношеніи дѣйствія свободной воли такой логикой вельзя ничего предвидѣть. Вотъ почему Сатана, напримѣръ, не знаетъ, успѣетъ ли онъ погубить искушаемаго имъ святого. Если бы Сатана зналъ навѣрное, что не успѣетъ въ своихъ усиліяхъ, онъ бы вѣроятно не сталъ понапрасну тратить силъ. Но онъ этого не знаетъ. Онъ только видитъ, что по содержанію душевныхъ силъ этотъ человекъ можетъ пасть, и даже иногда кажется, что непременно долженъ пасть. Но у искушаемаго есть порывы свободной воли въ направленіи къ добру или злу, и ужъ дѣйствія ихъ Сатана ни-

какъ не можетъ предвидѣть. Только Божественный Разумъ знаетъ все это, не логическимъ умозаключеніемъ, а прямымъ всевѣдѣніемъ, созерцаніемъ самой картины будущаго, еще не нарисованной, подобно тому, какъ мы созерцаемъ картину прошедшаго...

Вотъ по этому Своему всевѣдѣнію, Господь знаетъ весь будущій ходъ борьбы добра и зла, и только потому преопредѣляетъ спасеніе однихъ и гибель другихъ.

Въ міровомъ процессѣ борьбы добра и зла огромна роль свободы человѣка къ добру и злу. Отъ нея зависитъ успѣшность дѣйствій того и другого, а потому и продолжительность сроковъ той или иной стадіи борьбы, въ результатѣ же, слѣдовательно, и общій срокъ мировой эволюціи.

Апостоль Павелъ говоритъ Солунянамъ, что день Господень не придетъ, пока не явится отступленіе и не объявится человѣкъ грѣха, сынъ погибели (Антихристъ), котораго явленіе нынѣ чѣмъ-то задерживается и который явится, какъ только это „удерживающее“ будетъ „отнято отъ среды“. Когда же это удерживающее отнимется, давъ возможность тайнѣ беззаконія взять верхъ? Мнѣ кажется — это можетъ случиться в с е г д а. Уже во времена Апостоловъ считали возможнымъ пришествіе Антихриста, но съ тѣхъ поръ прошло 1900 лѣтъ, а его все нѣтъ, хотя частные „антихристы“, противники Христа, были и 19 вѣковъ назадъ. Самъ Тайнозритель считалъ возможнымъ, что уже „последнее время“. И однако „последняго времени“ тогда еще не наступило. Времена и сроки сокрыты отъ самихъ Ангеловъ. Даже „Сынъ Человѣчскій“, поскольку Онъ былъ человѣкъ, не могъ этого знать. Все это объясняется, мнѣ кажется, только тѣмъ, что въ дѣйствительности сроки зависятъ отъ напряженія свободной воли человѣка къ добру и злу. Въ волѣ Господа — чтобы спаслось возможно больше людей, и вотъ, быть можетъ, стремленіе свободной воли человѣка къ Богу и есть то „удерживающее“, которое не даетъ явиться Антихристу. Есть объясненіе, что „удерживающее“, это — дѣйствіе Святого Духа. Но дѣйствіе Святого Духа и не отнимется отъ среды, пока не явится отступленіе отъ свободнаго влеченія человѣка къ Богу.

Такое дѣйствіе свободной воли могло бы произойти и во времена Апостоловъ. Если бы по предвидѣнію Божію оказалось, что

спастись, быть съ Богомъ, желаетъ лишь немногочисленная группа вѣрующихъ первенствующей Церкви, то „удерживающее“ было бы отнято тогда же и конецъ міра наступилъ бы немедленно. Антихристъ дѣйствительный быстро выросъ бы изъ какого-нибудь изъ мелкихъ антихристовъ той эпохи. Поэтому Спаситель и апостолы предупреждали христіанъ быть наготовѣ. Но самое это предупрежденіе вызвало новые порывы свободной воли къ созданію Тѣла Христова, и, предвидя еще великое множество способныхъ къ спасенію, Господь не отнималъ „удерживающее“ отъ „среды“.

Такъ было при Апостолахъ, такъ было и потомъ, такъ останется навсегда. Антихристъ всегда готовъ явиться, какъ только его пустятъ сами же люди. Настоящее время, напимѣръ, имѣетъ множество признаковъ конца вѣка, и нравы, нравственно, тѣ, которые предупреждаютъ насъ: „Дѣти, послѣднія времена“... Эти времена истинно послѣднія, но собственно по характеру, по напряженію силы зла и по ослабленію стремленія людей къ Богу. А „послѣднія ли“ эти времена по сроку, хронологически? Этого, мнѣ кажется, нельзя знать. Думается, что если бы свободная воля людей воспрянула снова, хотя бы пораженная гнуснымъ видомъ мерзости запустѣнія, и устремилась бы снова къ Богу, то Антихристъ уже совсѣмъ готовый войти въ наши двери, былъ бы снова отброшенъ въ свою бездну... до болѣе благопріятныхъ условій.

Итакъ я думаю, что сроковъ не положено. Они зависятъ отъ насъ, людей, отъ свободной склонности къ добру или злу, къ Богу или Сатанѣ. Въ опредѣленіи продолжительности каждаго періода и всего срока міровой жизни участвуютъ три элемента. Изъ нихъ два постоянныхъ и одинъ—переменный. Сатана въ каждую минуту готовъ завладѣть міромъ и выпустить для этого всегда готоваго Антихриста. Другой элементъ—спасительная благодать Божія точно также всегда, независимо отъ сроковъ, готова защитить насъ. Обѣ эти силы — противоположны по цѣлямъ и стремленіямъ, одинаковы по опредѣленности и постоянству напряженія въ своихъ цѣляхъ и стремленіяхъ. Но есть третій элементъ—самъ человекъ. Напряженіе его свободной воли искать Бога или Сатану—есть величина переменная. Ея-то дѣйствіе и рѣшаетъ вопросъ о продолжительности сроковъ. Они Господомъ Богомъ предусмотрѣны, и въ

этомъ смыслѣ предопредѣлено какъ Божественное дѣйствіе благодати, такъ и поущеніе злу. Но все это предусмтрѣно и предопредѣлено лишь въ зависимости отъ человѣческой свободной воли, которую Господь не насилуетъ ни въ какую сторону.

Это обстоятельство—зависимость сроковъ отъ насъ самихъ—и есть, мнѣ кажется, причина того, что сроки намъ не открыты. Знаніе ихъ связывало бы нашу свободную волю различными соображеніями „еще не скоро“ или „все равно ничего не подѣлаешь“. Между тѣмъ нужно, чтобы наше дѣланіе или недѣланіе обусловливалось не такими соображеніями, а свободнымъ исканіемъ добра и зла, свободнымъ желаніемъ быть съ Богомъ или наоборотъ—съ Сатаной.

Съ этой точки зрѣнія для христіанина нужно не численное предусмтрѣніе сроковъ, а различеніе духовно-нравственной зрѣлости добра и зла для того, чтобы бороться за добро противъ зла, и созидать дѣло Божіе въ соотвѣтствіи съ состояніемъ міра. Въ этомъ смыслѣ различеніе лица времени нужно и полезно. Мнѣ кажется, что только въ этомъ смыслѣ оно и указано намъ Спасителемъ. Въ этомъ же смыслѣ и въ Апокалипсисѣ сказано: „Блаженъ соблюдающій слова пророчества книги сей“.

.Г. Тихомировъ.

Христіанское освѣщеніе жгучихъ соціальныхъ и государственныхъ вопросовъ нашей современности.

(О смертной казни и объ отношеніи христіанства къ государству и къ общественно-политическимъ вопросамъ).

Наше время выдвинуло вопросъ о смертной казни. Его поставили недовольные кровавыми репрессіями правительства въ отношеніи революціонеровъ и политическихъ убійць. Имъ ищутъ амнистіи и даже требуютъ ея не какъ милости, а какъ долга. Одновременно поднять вопросъ и о совершенной отмѣнѣ смертной казни. Первая Государственная Дума выработала объ этомъ законопроектъ.

Возникновеніе вопроса въ такую историческую минуту и по такимъ поводамъ мѣшаетъ трезвому обсужденію столь серьезной и трудной темы. Пылъ политическихъ страстей примѣшался къ сужденіямъ обѣихъ сторонъ, — какъ противниковъ казни, такъ и ея сторонниковъ. Подъ громъ бомбъ и трескъ браунинговъ, съ одной стороны, и залпы винтовокъ и пулеметовъ, съ другой, среди криковъ „протестуемъ!“ и „такъ вамъ и надо!“ въ азартъ наговорено и тѣми, и другими много громкаго, но лишняго, а въ самой постановкѣ вопроса допущено много путаницы. Такое впечатлѣніе слагается у всякаго безпристрастнаго мыслителя по поводу говореннаго и писаннаго въ послѣдніе мѣсяцы на тему о казни.

Мы хотимъ взять въ данномъ вопросѣ лишь его религіозную сторону, освѣтить его съ христіанской точки зрѣнія. И это особенно потому, что вопросъ о смертной казни съ самаго начала поставленъ и на эту точку зрѣнія, и даже пожалуй на нее преимущественно. Обсуждали его подъ этимъ угломъ зрѣнія и въ Государственной Думѣ, и въ Государственномъ Совѣтѣ. Такъ бываетъ со всякимъ важнымъ и жизненнымъ вопросомъ. Бываетъ потому, что религія, для однихъ сознательно, для другихъ без-

сознательно, еще не перестала быть основной живой силой и критеріемъ при взвѣшиваніи нравственныхъ и общественныхъ цѣнностей. Многіе впрочемъ, особенно лѣвые, употребляютъ въ вопросѣ о казни религіозные доводы, лишь какъ *argumentum ad hominem*, и какъ лучший способъ подѣйствовать на массы.

Итакъ, вопросъ: какъ надо относиться къ смертной казни съ христіанской точки зрѣнія?

Лѣвые кричатъ: Христось и христіанство безусловно осуждаютъ смертную казнь, какъ убійство, ибо жизнь человѣка священна. Подталкиваемые такой радикальной постановкой вопроса и такимъ безусловнымъ его рѣшеніемъ, правые готовы утверждать, что казнь освящена христіанствомъ, почти какъ религіозная догма, по принципу—кровь за кровь.

Рѣзкая постановка и крайнія мнѣнія. Истину надо искать въ серединѣ: христіанство никогда не осуждало существующаго права власти на казнь преступниковъ; но оно его и не догматизировало, не увѣковѣчивало, не ставило казнь въ необходимую обязанность власти, не возводило право на нее въ неотъемлемый атрибутъ власти. Ни безусловнаго запрета казни, ни прямого повелѣнія о ней оно не дало. Безъ прямого противорѣчія религіи Христа казнь можетъ существовать и можетъ быть изъята изъ кодекса наказаній. Ея религіозно-нравственное право на существованіе не безусловно и всецѣло зависитъ отъ степени государственной въ ней необходимости и того, даетъ-ли она обществу то благо, ради котораго примѣняется.

Объяснимся подробнѣе.

Христіанство смотритъ въ корень вещей, глубже поверхности жизни. Оно, конечно, не чуждается жизни и есть ея соль и кваска; оно должно проникать всю жизнь, не частную только, но и общественную и государственную; и не можетъ быть двухъ моралей—одной для личности, и другой—для общества и государства. Но однако христіанство не даетъ намъ готовыхъ идеальныхъ формъ жизни, соціальныхъ и гражданскихъ, а даетъ лишь тѣ глубочайшія нравственныя нормы, которыя потомъ должны помогать намъ въ строеніи не только личной жизни, но и быта и государства, изъ которыхъ (нормъ) лишь производно (черезъ соотношеніе ихъ съ условіями и цѣлями извѣстнаго историческаго момента) могутъ быть выводимы понятія о лучшихъ соціальныхъ и государственныхъ формахъ. Даже въ нравственныхъ заповѣдяхъ христіанства надо различать первичное отъ производнаго, простое—и выводное; иначе мы рискуемъ впасть въ буквализмъ и ложное пониманіе заповѣдей. Основная нрав-

ственная аксіома христіанства—люби (Бога и брата, что существенно связано между собою). Ея отрицательное выраженіе и минимумъ—не враждуй. Все проистекающее изъ любви—добро, изъ вражды—зло. Вотъ христіанская сила, которая должна строить всю жизнь личности, общества, государства; вотъ христіанская мѣрка, съ которой мы должны подступать къ оцѣнкѣ всего; вотъ точка отправленія для пониманія всѣхъ христіанскихъ заповѣдей и отношенія религіи къ разнообразнымъ явленіямъ жизни. Но ясно, что такая оцѣнка не такъ проста и непосредственна, а есть цѣлая тонкая нравственная логика, если хотите—математика, выведеніе послѣдующаго изъ первичнаго аксіоматическаго. И, конечно, чѣмъ производнѣе фактъ, т. е. чѣмъ сложнѣе онъ, чѣмъ туманнѣе его отношеніе къ основнымъ христіанскимъ положеніямъ, тѣмъ труднѣе и труднѣе становится точная его христіанская оцѣнка. Это особенно надо сказать о вопросахъ государства. По-христіански, когда обижаютъ меня, я долженъ простить и терпѣть; но можно-ли также терпѣть, когда обижаютъ другого?—вотъ болѣе трудный вопросъ. Любовь чистая и совершенная можетъ воцариться лишь тогда, когда не будетъ злыхъ. При наличности-же въ людяхъ взаимоисключающихъ стремленій и враждебныхъ интересовъ она превращается въ справедливость: это выходъ изъ коллизіи любви ко всѣмъ и враждебнаго столкновенія ихъ интересовъ. Въ основѣ государства и его порядковъ и законовъ и лежитъ эта превращенная любовь (справедливость), носящая въ себѣ элементъ коллизіи, неизбѣжной сдѣлки и взаимоограниченія. Поэтому-то нравственная оцѣнка чертъ и формъ государственнаго строя такъ затруднительна. Любовь къ одному желаетъ ему полноты свободы и права, но любовь къ другому справедливо требуетъ ихъ ограниченія во всемъ, въ чемъ они сталкиваются съ интересами этого столь-же любимаго другого. Эта сдѣлка свободы и насилія во имя общаго блага и составляетъ сущность государства. Какъ относится къ этому христіанство? Оно благословляетъ эту приспособленную къ ненормальной дѣйствительности любовь, или точнѣе—освящаетъ тотъ элементъ любви, какой есть въ этихъ компромиссахъ, терпя элементъ насилія, какъ неизбѣжный при существованіи зла. Но необходимое количество насилія, его виды и формы—вовсе не вѣчная, неизмѣнная, постоянная величина. Она можетъ колебаться и измѣняться сообразно историческимъ условіямъ быта, интеллигентности, нравственнаго состоянія и т. д. Угадать лучшее для даннаго момента соотношеніе свободы и силы—это великая нравственная задача

правителей и каждого, поскольку онъ является силой, создающей общій строй и общественное благо. Но христіанская критика установившейся формы жизни или проектированіе новой не могутъ исходить изъ безусловнаго предпочтенія одной изъ нихъ предъ другой, а лишь изъ разъясненія нравственныхъ корней той и другой и взвѣшиванія ихъ относительнаго превосходства по той степени добра, какое осуществляетъ каждая изъ нихъ, и по сравнительной величинѣ того насилія, какой устанавливаетъ она, какъ неизбежный минимумъ, сообразно дѣйствительной необходимости данной исторической минуты. Идеаль христіанства—полная свобода, но при непремѣнномъ условіи всеобщей святости, т. е. полной самоотверженной любви у всѣхъ. Ближайшая-же практическая задача христіанскаго государства: поменьше насилія, а свободы—столько, сколько именно позволяетъ данная историческая минута.

Итакъ, нельзя въ религіи Новаго Завѣта искать готовыхъ вѣчныхъ образцовъ соціальнаго и государственнаго быта, готовыхъ, неизблемыхъ, санкціонированныхъ свыше формъ. Это предоставлено нашему творчеству и составляетъ задачу религіозно-общественнаго прогресса и христіанскаго государства. Поэтому наша религія въ общественномъ и государственномъ отношеніи—самая прогрессивная сила: ея идеаль безконеченъ, безмѣрно-широко и поле работы, при двигателѣ—„любви“ и регуляторѣ—„будь справедливъ“.

Въ этомъ, между прочимъ, существенная разница двухъ Завѣтовъ, т. е. религіи христіанской и еврейской. Первая прогрессивна и либеральна, вторая неподвижна и безусловно консервативна.

Ветхій Завѣтъ, какъ временный завѣтъ съ верховной національностью, завѣтъ съ необлагодатствованными и рабами, народомъ религіозно и граждански младенчествующимъ, былъ завѣтомъ теократическимъ. Законъ Моисеевъ не столько давалъ чистые религіозно-нравственные принципы, сколько отливалъ ихъ въ опредѣленные бытовые и государственныя формы и законы. Это было лучшее осуществленіе любви и справедливости, лучшей компромиссъ свободы и власти, личности и общества, общества и государства для того народа, того времени, тѣхъ условій. Пятокнижіе—это (въ перемежку съ нравоученіемъ и правилами культа) цѣлый сводъ законовъ основныхъ, гражданскихъ, уголовныхъ. Оно санкціонируетъ авторитетомъ свыше опредѣленные внѣшнія формы жизни, какъ обязательныя и неизмѣнныя. Тутъ опредѣленно и разъ навсегда рѣшенъ вопросъ сословный,

церковный, аграрный. Тутъ-же содержится примитивный уставъ судопроизводства и уложение о наказаніяхъ. Съ точки зрѣнія этого закона не можетъ быть никакихъ толковъ и сомнѣній и по вопросу о смертной казни: смерть опредѣленно указана въ Пятокнижьи за многія преступленія, а за намѣренное убійство—всегда. Указаны тамъ и самые роды казни: чрезъ побіеніе камнями, сожженіе и повѣшеніе на деревъ *).

Новый-же законъ, имѣя дѣло съ облагодатствованными, какъ законъ сыновства, законъ вѣчный, сверхнаціональный, намѣренно избѣгая давать теократическій кодексъ, даетъ лишь кодексъ нравственный, оставляя просторъ для свободнаго прогрессивнаго творчества въ области формъ жизни при свѣтѣ его вѣчныхъ началъ. Господь Іисусъ Христосъ, въ совершенную противоположность Моисею, не только не давалъ Своихъ государственныхъ законовъ и пришелъ, не какъ правитель и законодатель, но даже премудро избѣгалъ осудить или санкционировать какое-либо современное Ему государственное положеніе. Его хотѣли уловить на больномъ и обоудустромъ вопросѣ о подчиненіи евреевъ римлянамъ: достойно-ли платить подать кесарю? Но Онъ отвѣтилъ гораздо общѣ вопроса: „отдавайте кесарево кесарю, а Божіе—Богу“, т. е. санкционировалъ послушаніе существующей власти (принципъ власти), подчеркнувъ однако различіе вѣчнаго царства Бога любви отъ временнаго царства кесаря справедливости.

Это отношеніе христіанства къ формамъ государственной и общественной жизни очень часто забываютъ выходящіе на трибуну устнаго и печатнаго слова какъ справа, такъ и слѣва. Тѣ и другіе хотятъ объявить извѣстные чисто временные и условные порядки жизни—неизмѣнными правилами религій: одни—порядки существующіе и установившіеся, другіе—ими проектированные. И тѣ и другіе равно унижаютъ нашу религію, отнимая у нея ея вѣчный, универсальный, прогрессивный характеръ.

Такъ, напримѣръ, обстоитъ дѣло въ вопросахъ равенства и свободы.

Было время рабовладѣльчества. Исторія поставила вопросъ о немъ. Ретрограды и социальныя тусы, особенно изъ церковниковъ, стали пугать себя и другихъ призраками. „Христосъ-де жилъ во времена горшаго рабства, зналъ о немъ, видѣлъ вокругъ его ужасы, но однако ни единымъ словомъ не протестовалъ противъ, а наоборотъ, явленія рабской жизни бралъ въ

*) Все это не мѣшало-бы помнить ратующимъ противъ смертной казни евреямъ.

образецъ отношеній людей и Бога: явно-де, Онъ освятилъ рабство. А апостолы—тѣ прямо увѣщевали рабовъ повиноваться господамъ, быть довольными своимъ рабскимъ положеніемъ и оставаться въ томъ званіи, въ какомъ кто призванъ: очевидно-де и апостолы узаконяли рабство“. Жизнь прошла мимо этихъ казуистовъ и софистовъ христіанства, ронявшихъ его въ глазахъ всѣхъ лучшихъ людей, кому претила мерзость рабовладѣнія. И когда освобожденіе стало фактомъ, всѣ лучшія силы церкви признали его не противнымъ буквѣ и въ высшей степени соотвѣтственнымъ духу христіанства, т. е. согласились, что рабовладѣніе было явленіемъ насильническимъ гораздо болѣе, чѣмъ того требовало общее благо и интересы справедливости. А теперь послѣдній семинаристъ твердо знаетъ, что промолчаніе Христа о рабствѣ не было знакомъ Его согласія и санкціи, а апостолы, не узаконяя этой соціальной формы и вовсе не оцѣнивая ее, какъ таковую, просто-на-просто лишь давали вѣрующимъ нравственные совѣты, какъ имъ совершеннѣе, т. е. любовнѣе, поступать въ данныхъ соціальныхъ условіяхъ: рабовъ призывали къ довольству своимъ состояніемъ, терпѣнію и исполнительности, а господь—къ снисходительности.

Рабство и крѣпостничество—это высшая форма соціальнаго неравенства. За нимъ слѣдуетъ существованіе сословныхъ привилегій и вообще неравенство гражданъ предъ закономъ. И согрѣшилъ-бы предъ христіанствомъ тотъ, кто сталъ-бы съ религіозной точки зрѣнія принципиально одобрять такой строй. Впрочемъ былъ-бы не правъ и тотъ, кто сталъ-бы утверждать, что эта соціальная форма прямо и безусловно осуждена евангелиемъ. Ни за, ни противъ сословнаго и классоваго неравенства Христосъ и апостолы не говорили. Но изъ возвѣщенной христіанствомъ любви и справедливости несомнѣнно слѣдуетъ, что надо стремиться къ уничтоженію неравенства, ибо неравенства и насилія должно быть яичуть не больше минимума, который требуется несомнѣнной необходимостью общаго блага. И запаздывающіе въ этомъ направленіи правители, конечно, согрѣшаютъ.

Подобное можно-бы сказать и по вопросу о гражданскихъ свободахъ (совѣсти, слова, собраній, союзовъ) и неприкосновенности личности. Всего этого Христосъ и апостолы прямо не касаются. Но, по духу ихъ ученія, всѣ эти свободы и эту неприкосновенность надо благословлять, пока и сколько онѣ совмѣстимы съ общественнымъ благомъ.

Ту-же точку зрѣнія можно приложить и къ экономическому неравенству и къ вопросу о правѣ собственности.

Самое понятіе собственности—изъ области столько-же права, сколько морали. Что такое собственность? Едва-ли найти для этого понятія опредѣленіе безъ внесенія въ него элемента чисто правового: собственность—то, чѣмъ я владѣю, пользуюсь, распоряжаюсь, какъ приобрѣтеннымъ своими трудами или добровольно переданнымъ мнѣ другими, но все это—непремѣнно въ границахъ дозволеннаго закономъ. Государственный законъ, во имя общаго блага и справедливости, на каждомъ шагу ограничиваетъ право собственности. Я даю деньги взаймы: мои права на $\%$ ограничены закономъ. Я хочу торговать: изъ моихъ прибылей взимаютъ налогъ государство. Я владѣю землей: за нее плачу подати. И такъ повсюду. Не говоримъ уже о конфискаціи властью собственности нелегальной, о лишеніи правъ собственности по суду, о даровомъ или платномъ, по государственной оцѣнкѣ, отобраніи лошадей, земли и др. собственности на чрезвычайныя нужды государства (напр. во время войны, на необходимыя нужды путей сообщенія и т. д.). Христіанская мораль говоритъ: не желай чужого, не отнимай чужого (ни тайно, ни явно, ни съ насиліемъ, ни безъ него) ради интересовъ себялюбія и по злему чувству къ другому. Таковъ смыслъ 8 и 10 заповѣди десятословія. Но ни эти заповѣди, ни вообще христіанская религія вовсе не опредѣляютъ границъ „своего“ и „чужого“. Это дѣлаетъ гражданскій законъ; и государство въ этомъ отношеніи не связано со стороны религіи никакими точными и нерушимыми нормами. Христіанство не беретъ на себя установить, сколько и какого рода (и въ какомъ случаѣ) частнаго имущества можетъ быть отчуждаемо въ пользу государства, на общее благо. Но самый принципъ отчужденія не по прихоти и своекорыстнымъ цѣлямъ лица, а волею закона, во имя общественныхъ интересовъ оно во всякомъ случаѣ допускаетъ, какъ прерогативу власти и частность принудительныхъ правъ государства. Правые, защищая имущіе классы, договариваются до того, что съ религіозной точки зрѣнія, будто бы всякая частная собственность, въ томъ числѣ и земельная, абсолютно неприкосновенна, а экспроприація ея—дѣло противорелигіозное. Такихъ понятій нѣтъ ни у Христа, ни у апостоловъ. Ссылаются на слова ап. Петра къ Ананіи: „чѣмъ ты владѣлъ, не твое-ли было, и приобрѣтенное продажею не въ твоей-ли власти находилось?“. Но апостоль въ данномъ случаѣ, безъ сомнѣнія, не частную собственность утверждалъ, какъ обязательный въ христіанствѣ принципъ, а лишь говорилъ,

по извѣстному поводу, собственнику того времени, что при тогдашнемъ законѣ и строѣ онъ имѣлъ полное право на закономерно принадлежавшее ему недвижимое земельное имущество. Освященія-же на вѣки тогдашнихъ законныхъ границъ частнаго и общественнаго апостоль вовсе не дѣлаетъ. И христіанство ничего прямо не говоритъ противъ большей социализаціи имуществъ, т. е. увеличенія сферы имущества общественнаго и суженія сферы собственности частной, какъ и наоборотъ,—противъ большей имущественной индивидуализаціи. Прогрессивный-ли подоходный налогъ, націонализація-ли земли, социализація-ли орудій производства 1) все это столь-же малопротивно христіанству, какъ напримѣръ, всякія казенныя монополіи, казенныя земли и т. д. Но и наоборотъ, когда чисто добровольная общность имущества первыхъ христіанъ лѣвыми приводится, какъ аргументъ въ пользу обязательности, съ точки зрѣнія новозавѣтной религіи, коммунарнаго строя (принудительная общность имущества),—такое доказательство явно несостоятельно. Религія равно не догматизируетъ ни коммуны, ни капитализма и магнатства. И при христіанскихъ сужденіяхъ о лучшемъ социальномъ-экономическомъ строѣ невозможно навязывать религіи готовыхъ его типовъ. Религія не даетъ даже общихъ указаній, какое изъ двухъ главныхъ теченій социологіи и экономики предпочтительнѣе: въ сторону социализаціи или обратно—индивидуализаціи жизни. Что будетъ любовнѣе, справедливѣе, гдѣ будетъ больше свободы для добрыхъ проявленій и стѣсненія для злыхъ, гдѣ будетъ больше условій для развитія въ обществѣ свободнаго нравственнаго добра,—тогъ строй жизни и будетъ болѣе христіанскимъ. Его и надо одобрить именемъ религіи; къ нему и надо стремиться.

Такимъ-же является христіанство въ вопросѣ о верховной государственной власти. Было, и еще есть, направленіе среди богослововъ, и особенно среди проповѣдниковъ, стремящееся доказать, что самодержавно-царская форма верховной власти есть религіозное правило, вѣчный Божескій законъ для христіанскаго государства. Для этого привлекается цѣлое море текстовъ Свящ. Писанія. Прежде всего берутъ Ветхій Завѣтъ съ его уставами

1) Соціализмъ враждебенъ христіанству, но не сущностью своею, т. е. не своей теоріей обобществленія труда и имущества, а своей матеріалистической метафизикой, которая въ немъ случайна, т. е. совершенно отъ него отдѣлима. Но, кромѣ существующаго матеріалистическаго соціализма въполнѣ возможенъ и соціализмъ христіанскій, т. е. соединеніе стремленій къ социализаціи жизни съ христіанскими идеями царства Божія, царства любви.

и законами о царѣ—помазанникѣ. Имъ возражаютъ, что уставы о царѣ вовсе не первая форма правленія въ еврейскомъ народѣ, что они представляютъ собою уже уступку жестоковѣйности народа, не удовлетворившагося теократической формой правленія съ временными, выдвигаемыми чрезвычайными историческими обстоятельствами, судьями. Но главное, что надо возразить на это царепоклонникамъ,—это то, что уставы о государствѣ и всѣ вообще гражданскіе законы Ветхаго Завѣта для новаго времени не имѣютъ никакого обязательнаго значенія, кромѣ лишь священно-историческаго. Что касается Завѣта Новаго, то повелѣніе Христа „водавать кесарево—кесарю“ и ученіе о власти апостола имѣютъ лишь тотъ смыслъ, что законъ и власть, какіе и пока они существуютъ, пока они не измѣнены признаннымъ порядкомъ, должны быть священны, ибо ихъ цѣль—общее благо. Но самодержавное кесарство здѣсь вовсе не освящается навсегда. Христось, Петръ и Павелъ даютъ вѣчныя моральныя наставленія вообще о послушаніи власти въ той формѣ, какая тогда существовала, вовсе не подымая даже вопроса объ этой самой формѣ, какъ таковой. „Существующія власти—отъ Бога“, но только потому, что „нѣтъ власти не отъ Бога“ (Римл. 13, 1).*) Освященъ принципъ закона, власти, государства, но не догматизированъ бывшій при апостолахъ государственный строй и форма верховнаго правленія. И почему освящено государство? Только потому, что оно имѣетъ добрую цѣль — содѣйствовать добру и удерживать зло. Но и этотъ принципъ (послушанія власти) не абсолютенъ: послушаться власти можно и даже должно, когда она требуетъ явно дурного, несомнѣнно осуждаемаго моею совѣстью, очевидно несогласнаго съ волей Божіей (Дѣян. 4, 19—20). Конфликтъ закона съ совѣстью все-же долженъ имѣть исходъ въ сторону совѣсти, хотя и при полной готовности запечатлѣть уваженіе къ принципу власти и закона принятіемъ на себя его кары за ослушаніе.

Съ точки зрѣнія такого взгляда на отношеніе христіанства къ государству мы должны взглянуть и на вопросъ о смертной казни.

*) Для насъ представляется страннымъ и празднымъ и споръ о томъ, откуда идетъ санкція верховной власти, отъ Бога или народа, сверху или снизу? Будетъ-ли власть эта въ лицѣ самодержца или въ видѣ народнаго представительства, выборная или наследственная,—она одинаково отъ Бога. Богъ держащій въ рукахъ Своей сердце царево, силенъ и въ сердцѣ президента или членовъ палаты; Его вліянію подлежитъ не только актъ рожденія, но и выборы.

Смертная казнь преступника—это одинъ изъ видовъ наказаній, которыми охраняетъ гражданъ принудительный законъ. Наказанія состоятъ въ лишеніи виновнаго имущества, свободы, и жизни. Наказанія первыхъ двухъ видовъ являются частичными въ отношеніи къ послѣднему. Что значить лишеніе имущества? Это отнятіе того, на что затрачена часть жизни, часть силъ и энергіи человѣка, къ чему сводится и чѣмъ обусловливается часть его (человѣка) интереса къ жизни. Что такое лишеніе свободы? Свобода—это жизнь. Абсолютное лишеніе свободы равносильно лишенію жизни. Относительное лишеніе свободы—это лишеніе части жизненныхъ интересовъ и проявленій. Если, такимъ образомъ, полное лишеніе жизни въ смертной казни есть лишь высшая степень частичнаго ея лишенія, содержащагося въ каторгахъ, поселеніяхъ, крѣпостяхъ, тюрьмахъ, арестахъ и даже штрафахъ, то вопросъ о казни изъ отдѣльнаго и принципиальнаго превращается въ частный вопросъ, входящій въ болѣе общій и принципиальный—о правѣ власти на наказаніе злодѣевъ. А это право христіанство признаетъ за государствомъ, какъ неизбежное послѣдствіе существованія зла въ обществѣ, какъ лучшій выходъ при совмѣстномъ жительствѣ въ человѣкѣ и обществѣ добрыхъ и злыхъ началъ. Что же касается того, какой родъ наказанія лучше, какой хуже, и какой подлежитъ совершенному уничтоженію, то на этотъ, уже второстепенный и непринципиальный для религіи вопросъ христіанство можетъ дать государству не прямую таксу или табель, не готовое уложеніе, а одинъ единственный совѣтъ: лучшее изъ наказаній то, которое наицѣлесообразнѣе. Но какова-же цѣль наказаній? Или лучше: какую изъ этихъ цѣлей можетъ признать христіанство? Искорененіе зла изъ общества, т. е. охраненіе его отъ преступника. Это достигается его исправленіемъ или хоть изолированіемъ. При этомъ, чѣмъ съ меньшимъ насиліемъ надъ самимъ преступникомъ достигается означенная задача, тѣмъ лучше. Поэтому лучшее изъ наказаній то, которое, при наименьшемъ насиліи надъ преступникомъ, наивѣрнѣе его исправляетъ или хоть обезвреживаетъ изолированіемъ. Съ этой точки зрѣнія надо осудить всѣ напрасно и чрезмѣрно жестокія наказанія, т. е. такія, которыя не исправляютъ преступника и мало гарантируютъ отъ него общество, а между тѣмъ представляютъ собою грубое насиліе надъ нимъ. Исторія наказаній очень поучительна. Она показываетъ, какъ болѣе грубыя и жестокія формы наказаній смѣнялись болѣе гуманными. И въ этомъ надо видѣть не только исправленіе ошибокъ прошлаго права, но и процессъ приспособ-

собленія кодекса наказаній къ новымъ условіямъ, новымъ фазамъ развитія общества. Если бы намъ доказали, что наказанія въ видѣ обезображенія, увѣчья, побоевъ, батога, розги и т. д. были когда-либо вѣрнѣйшимъ и лучшимъ средствомъ исправленія, при тогдашней грубой средѣ, то мы-бы признали ихъ для того времени религіозно терпимыми. Но, въ другое время, при другихъ условіяхъ и степени народнаго развитія, ихъ примѣненіе будетъ уже религіознымъ преступленіемъ законодателя и исполнительной власти. Здѣсь не можетъ быть разъ навсегда взятыхъ нормъ и навѣки составленныхъ уложеній *): цѣлесообразность той или другой формы наказанія много зависитъ отъ нравственнаго, эстетическаго, интеллектуальнаго уровня общества. Мы не беремся отвѣтить на вопросъ, цѣлесообразна-ли и дозволительна-ли смертная казнь для настоящаго времени (съ одной стороны вопли о ея безобразіи, съ другой—совершенное неуваженіе къ человѣческой жизни въ цѣлой хронической системѣ возмутительныхъ убійствъ!). Но мы, не сомнѣваясь, скажемъ: можетъ быть она и дозволительна въ иное время, при павѣстныхъ обстоятельствахъ; въ другое-же время и при иныхъ условіяхъ она можетъ быть и вопіющимъ нравственнымъ безобразіемъ. Она необходима, если въ атмосферѣ, гдѣ жизнь человѣческая цѣнится не высоко, правительство не въ состояніи найти иного, болѣе мягкаго и несомнѣнно вѣрнаго способа сдѣлать безвреднымъ очень опаснаго преступника, на исправленіе котораго нѣтъ времени или и совсѣмъ утрачена надежда. Съ этой точки зрѣнія, думается, всегда останется смертная казнь въ военно-полевои судѣ, или хоть въ уставѣ о судѣ въ отрѣзанномъ отъ арміи отрядѣ или осажденной крѣпости, т. е. во всѣхъ случаяхъ, когда опасность отъ преступника (шпіонъ, дезертиръ, измѣнникъ) крайне велика, а другихъ вѣрныхъ способовъ обезопаситься отъ него не существуетъ. Но если правительство не будетъ давать себѣ труда создать менѣе жестокой и однако несомнѣнно прочный способъ обезвреживанія преступника, но успокоится на употребленіи самаго примитивнаго и самаго жестокаго изъ подобнаго рода средствъ,—казни, оно будетъ несомнѣнно виновно предъ религіей любви. Но, надо ого-

*) Еврейскій законъ караетъ увѣчьемъ за увѣчье. И это узаконилъ самъ Богъ. И для того времени и народа—это, очевидно, было необходимо и потому религіозно—дозволено. Но когда еврей фанатично утверждаетъ, что Моисеевъ законъ—вѣченъ, то онъ грубо ошибается уже потому одному, что воскресить Моисееву систему наказаній было-бы крайне грѣшно для настоящаго времени и общества.

вориться, виновно оно можетъ быть и тогда, когда, не создавъ взаимнѣхъ казни надежнаго средства оградить общество отъ опаснѣйшихъ злодѣевъ, оно отмѣнить ее по слабости нервовъ или увлеченію теоретическими принципами. Это будетъ религіозно—преступная лжегуманность. И такъ, иногда казнь можетъ быть необходима и потому нравственно дозволена. Но надо помнить правителямъ, что она не удовлетворяетъ одной изъ лучшихъ цѣлей наказанія— исправленія преступника*) и есть maximum насилія. Необходимость въ казни должна быть слишкомъ серьезна и невозможность обойтись безъ нея слишкомъ несомнѣнна и непреодолима, чтобы имѣть нравственное мужество ее практиковать.

И такъ, вопросъ о смертной казни вовсе не принципиальный вопросъ христіанства, какъ и вопросъ о формѣ правленія, о порядкѣ пользованія землей и другіе подобныя крупнѣйшіе вопросы государства. Христіанство прямо и безусловно ни освящаетъ казни, ни отрицаетъ. Съ точки зрѣнія общихъ нравственныхъ понятій христіанства ее можно осудить въ большинствѣ случаевъ, но иногда можно и оправдать, какъ дѣло необходимости. Когда ставятъ вопросъ объ изъятіи ея изъ уголовного кодекса, не надо искать въ первоисточникахъ христіанства готоваго отвѣта и разводить казуистику на почвѣ текстовъ писанія, а надо трезво обсудить современное состояніе общества и всю сумму средствъ его защиты, доступную для власти, и искать наилучшее осуществленіе въ данныхъ обстоятельствахъ христіанскаго духа—любви (защиты обижаемаго и состраданія къ обидчику).

В. Базаряниновъ.

*) Есть мнѣніе, что казни надо подвергать „неисправимаго“ преступника. Такъ можетъ, пожалуй, рассуждать юристъ. Но человекъ религіи убѣжденъ, что хотя дѣйствительно бываютъ уже и здѣсь на землѣ «грѣшники къ смерти», но знать этого людямъ не дано. Для насъ всѣ самые ужасные злодѣи, пока еще они здѣсь на землѣ, должны быть въ разрядѣ „исправимыхъ“. Здѣсь напрашивается сама собою еще одна религіозная мысль: если „неисправимыхъ“ для насъ быть не должно и если вѣрить, что по смерти нѣтъ заслугъ, а есть лишь воздаяніе за содѣянное на землѣ, то кто имѣетъ право прервать жизнь преступнику и лишить его возможности покаяться?

Внутреннія противорѣчія социализма.

Статья первая.

I.

Въ настоящее время среди русскихъ людей усердно распространяются революціонной интеллигенціей социалистическія ученія. Живется русскому народу худо, хуже даже, чѣмъ въ тяжкое время крѣпостной зависимости. А тамъ, гдѣ бѣдность и нищета, тамъ и недовольство. Недовольный своимъ положеніемъ, человѣкъ дѣлается особенно доступенъ для льстецовъ и обманщиковъ. Когда мнѣ хочется вырваться изъ бѣдственнаго положенія, то я готовъ вѣрить всякому, кто мнѣ посулитъ что-нибудь хорошее. Я даже и не спрашиваю: что это за человѣкъ, обещающій меня облагодѣтельствовать и сдѣлать счастливымъ? Я не стараюсь узнать, благонадеженъ-ли онъ и можно-ли на него рассчитывать. Какъ утопающій хватается за соломинку, такъ и человѣкъ, находящійся въ бѣдственномъ положеніи, готовъ повѣрить всякому, кто только пообѣщаетъ вывести его изъ бѣды. Именно въ такомъ бѣдственномъ положеніи и находится русскій народъ. Онъ вѣритъ социалистамъ не потому, чтобы былъ по духу своему, по направленію склоненъ къ социализму, а потому, что ему стало невтерпежъ, потому что народъ нашъ—особенно крестьянство—заѣдено нищетой и безправіемъ.

Да, въ томъ, что русскіе люди часто попадаютъ въ сѣти, разставляемыя имъ социалистами, нѣтъ ничего удивительнаго, но однако съ этой социалистической „ересью“ надо изо всѣхъ силъ бороться. И борьба эта нужна не только потому, что социализмъ поселяетъ между богатыми и бѣдными сословіями вражду и ведетъ къ гражданскимъ смутамъ, междоусобицамъ, бунтамъ и рѣзнямъ. Борются съ социализмомъ и обличать его лживость не значить защищать богатыхъ. Социализмъ опасенъ прежде всего для тѣхъ, въ защиту кого онъ якобы выступаетъ, т. е. для бѣдныхъ и угнетенныхъ сословій, толкая ихъ на ложный путь.

Бѣдность и нужда народная суть дѣйствительно великое зло, съ которымъ надо бороться и которое нужно и можно искоренить. Но сдѣлать это можетъ не социализмъ, а единственно лишь Святая Православная Церковь, Божественное установленіе, могущее объединить около себя и бѣдныхъ, и богатыхъ, и народъ, и государство, и власть предержавшую, и ея подданныхъ. Отбывая русскихъ людей отъ этого единственно вѣрнаго пути, социалисты причиняютъ бѣдному трудящемуся русскому народу величайшій вредъ. Они толкаютъ его на дорогу, идя по которой, онъ не достигнетъ ни до чего хорошаго для себя и полезнаго.

II.

Социализмъ проповѣдуетъ, что всѣ бѣды человѣчества вообще и рускаго народа въ частности происходятъ отъ того, что народъ дѣлится на богатыхъ и бѣдныхъ. Богатые утопаютъ въ роскоши и всякаго рода излишествахъ, тогда какъ бѣдные труженики всю свою жизнь борются съ голодной смертью и вынуждены предаваться непосильному труду.

И чѣмъ дальше илетъ развитіе страны, чѣмъ больше развиваются промышленность и торговля Россіи, тѣмъ рѣзче становится это раздѣленіе народа. *Богатые становятся все богаче, а бѣдные все бѣднѣе.* Съ одной стороны растутъ богатства, роскошь и излишества, а съ другой—бѣдность и нищета. Увеличивается число людей, не могущихъ даже хотъ за-дешево продать свой трудъ. И эти люди обречены или на прошеніе милостыни, или на голодную смерть.

Такое прискорбное положеніе вещей (а то, что это положеніе социалистами описывается правильно,—несомнѣнная истина) объясняется, по мнѣнію социализма, тѣмъ, что законы всѣхъ государствъ признаютъ *право собственности.*

Подъ правомъ собственности разумѣется право cadaго пользоваться какъ ему угодно своимъ законно-пріобрѣтеннымъ имуществомъ. А это свое имущество люди не только проживаютъ и проѣдаютъ (это-бы было, по мнѣнію социализма, безвредно), но они кромѣ того пускаютъ это свое имущество въ дѣло, устраиваютъ его такъ, чтобы оно приносило доходъ, приращалось.

Это право cadaго содѣйствовать законнымъ путемъ приращенію своего имущества и есть источникъ,—такъ разсуждаютъ социалисты,—всякой неправды, несправедливости и неравенства.

Имущество, предназначенное для приращенія, для принесенія дохода называется въ политической экономіи *капиталомъ*, а ученые социалисты (главнымъ образомъ, евреи) доказывали и доказываютъ, что обладаніе капиталомъ даетъ возможность богатымъ присвоить себѣ плоды чужого труда. Если, скажемъ, капиталистъ, имѣющій доходное дѣло, нанимаетъ работника, то этимъ самымъ онъ заставляетъ работника работать цѣнные вещи. На уплату работнику идетъ только меньшая часть этихъ создаваемыхъ рабочимъ цѣнностей. Большую-же часть ихъ капиталистъ беретъ себѣ, такъ сказать, ни за что, ни про что, за то только, что у него есть капиталъ, при помощи котораго онъ могъ поработить бѣднаго человѣка, заставилъ его работать на себя.

Проповѣдуя подобныя мысли, социалисты стараются внушить народу, что капиталисты достигаютъ хорошаго положенія путемъ несправедливости, что они суть разбойники, грабители, паразиты, бесполезные люди, которые сами не трудятся, а живутъ чужимъ трудомъ и что, стало быть, не будетъ грѣха, если угнетенные труженики возстанутъ и насильно отберутъ у капиталистовъ ихъ достояніе.

III.

Итакъ, социализмъ проповѣдуетъ войну богатыхъ съ бѣдными. Бѣдные должны силою отнять у богатыхъ источникъ и опору ихъ несправедливаго владычества, капиталъ, и сбросить съ себя кабалу, плодящую въ мірѣ слезы, горе и нищету.

Такимъ революціоннымъ настроеніемъ были одержимы французскіе социалисты сороковыхъ годовъ прошлаго столѣтія. Они проповѣдывали войну бѣдныхъ противъ богатыхъ, но эта бессмысленная проповѣдь, какъ и слѣдовало предвидѣть, окончилась полной неудачей, не смотря даже на то, что социалистамъ сопутствовалъ внѣшній успѣхъ. Они захватили верховную власть надъ страной и объявили Францію республикой. Но эта социалистическая республика просуществовала—да и то съ грѣхомъ пополамъ—три съ половиной года и изъ благихъ начинаній социалистовъ ничего не вышло, кромѣ болтовни. Наполеонъ-Бонапартъ, ничтожный племянникъ великаго императора того же имени, социалистическую республику уничтожилъ, и во Франціи водворилось капиталистическое иго, еще болѣе тяжкое, чѣмъ прежде. Въ настоящее время Франція опять республика, имѣетъ даже правителей-социалистовъ, но народу отъ этого не легче и онъ стонетъ подъ игомъ капитала

Современные социалисты—ученики и послѣдователи нѣмецкихъ ученыхъ Маркса, Лассаля, Энгельса¹⁾ и пр.—гораздо умнѣе и послѣдовательнѣе своихъ пылкихъ французскихъ предшественниковъ. Социалистъ нашихъ временъ прекрасно понимаетъ, что изъ насильственнаго переворота ничего не выйдетъ даже въ томъ случаѣ, если-бы этотъ переворотъ былъ возможенъ. Получится только „сказка про бѣлаго бычка“.

Въ самомъ дѣлѣ, представимъ себѣ, что пролетаріи (такъ социализмъ называетъ всѣхъ людей, лишенныхъ доходной собственности и живущихъ только продажей своего труда) востали, уничтожили всѣхъ капиталистовъ, овладѣли доходными имуществами страны и подѣлили ихъ между собой. Что будетъ далѣе? Да то-же самое, что было въ началѣ. Ловкіе и умные будутъ берегать свою долю добычи, пустятъ ее въ оборотъ, станутъ богатыми, а беспечные, лѣнивые и безсребренники станутъ швыряться деньгами, скоро ихъ потратятъ и очень скоро будутъ вынуждены, ради куска хлѣба, идти въ батраки къ своимъ осторожнымъ товарищамъ.

И лѣтъ черезъ сто образуются новые капиталисты, и новые пролетаріи, и понадобится новая революція, новая рѣзня, новое избіеніе богатыхъ и капиталистовъ.

Принимая все это во вниманіе, социалисты отказались отъ стараго, революціоннаго образа мыслей. Они говорятъ, что вслѣдъ за ихъ благодѣтельной *революціей* долженъ послѣдовать совершенно новый порядокъ. Собственности въ смыслѣ доходнаго имущества въ новомъ, социалистическомъ мірѣ ни у кого быть не должно.

Эту мысль социалисты называютъ на своемъ варварскомъ языкѣ „соціализаціей орудій производства“.

Т. е. собственность какъ имущество, предназначенное для удовлетворенія личныхъ потребностей, не будетъ воспрещена, но собственность какъ орудіе для производства новыхъ цѣнностей, какъ капиталъ, будетъ монополіей государства или общества.

Земля, фабрики, заводы, магазины, лавки и всѣ другія доходныя заведенія будутъ собственностью всѣхъ. Доходность каждаго такого учрежденія будетъ точно высчитана и весь чистый доходъ, за вычетомъ извѣстнаго процента на общепольныя нужды, будетъ дѣлиться между трудящимися. При такихъ по-

1) Всѣ эти нѣмцы были, однако, евреями.

рядкахъ, пророчествуеть соціалізмъ, наступитъ царство небесное на землѣ.

IV.

Теперь спрашивается, когда-же наступитъ или можетъ наступитъ на землѣ этотъ соціалистическій рай? Можно ли осуществитъ пожеланія соціализма завтра, послѣ завтра, черезъ недѣлю, мѣсяць, годъ, десять лѣтъ? Можно ли однимъ словомъ надѣяться на возможность соціалистическаго рая *въ ближайшемъ будущемъ?*

Наши русскіе соціалисты въ этомъ отношеніи обнаруживаютъ большую рѣшительность. Они говорятъ, что, только-бы имъ власть получить, такъ они живо Россію въ соціалистическій парадизъ превратятъ. Но за границей—особенно въ солидной и трезвой Германіи, соціалисты открыто издѣваются надъ такими единомышленниками, считая ихъ или за наивныхъ глупцовъ, или-же за темныхъ проходимцевъ, которые, подъ видомъ соціализма, хотятъ просто-на-просто обдѣлывать свои темныя дѣла. И въ самомъ дѣлѣ, немного надо ума, сообразительности и знаній для того, чтобы понять неосуществимость соціалистическаго идеала для настоящаго и ближайшаго будущаго.

Представьте себѣ, что наши соціаль-демократы, соціаль-революціонеры и вся прочая компанія, состоящая изъ малограмотныхъ студентовъ и гимназистовъ, молодыхъ, буйныхъ и не любящихъ труда рабочихъ, а также изъ темныхъ евреевъ и ивородцевъ, захватила власть, объявила демократическую республику и упразднила собственность. Всѣ доходныя предпріятія взяты правительствомъ. Правительство беретъ на себя и управленіе этими имуществами, и наемъ рабочихъ, и уплату этимъ рабочимъ ихъ *справедливой* доли, и т. д. Прежде всего водворится страшнѣйшая, неслыханная тиранія. Русскій обыватель не будетъ сътъ заработать ни одной копейки безъ разрѣшенія чиновниковъ. Заботу о будущемъ своемъ и своего семейства русскіе люди должны будутъ оставить. Объ этомъ будутъ заботиться чиновники. На нихъ будетъ возложено и управленіе доходными предпріятіями, и поднятіе ихъ доходности, и содержаніе всего русскаго народа.

Представить себѣ возможность такого порядка можно только въ бреду. Обязанности нашихъ теперешнихъ чиновниковъ по части благоустройства гражданъ въ тысячу разъ менѣе сложны.

чѣмъ тѣ обязанности, которыя они должны нести при социалистическомъ строѣ, но и то мы видимъ отъ чиновниковъ менѣ добра, чѣмъ худа. Можно-же себѣ представить порядокъ, при которомъ исполнительная власть станетъ господиномъ „душъ и тѣлесъ“ всего народа? Мы можемъ прямо не обсуждать такого предположенія. О такихъ планахъ рѣчь можетъ идти только въ сумасшедшихъ домахъ.

Немедленное осуществленіе социалистическаго идеала невозможно не только въ нашей отсталой въ смыслѣ развитія торговли и промышленности Россіи, но и въ самыхъ прогрессивныхъ странахъ Запада. Самые лучшіе чиновники—это чиновники Англии и Соединенныхъ Штатовъ, но и они съ улыбкой говорятъ о предположеніяхъ социалистовъ. Нѣтъ еще въ мірѣ такого правительства, которое могло-бы взять на себя тѣ обязательства, которыя оно должно принять для осуществленія социалистическихъ идеаловъ.

Серьезные социалистическіе мыслители и сами понимали и понимаютъ неосуществимость своего ученія для болѣе или менѣ близкаго будущаго и открыто, не скрываясь, объ этомъ говорятъ.

Торжество социализма этими мыслителями откладывается въ отдаленное будущее. Посмотримъ-же, что именно говоритъ по этому важному пункту социализмъ.

Социализмъ утверждаетъ, что капиталъ самъ подготавливаетъ свою собственную гибель и торжество социалистическаго идеала. Происходитъ-же это слѣдующимъ образомъ:

Выше мы указывали на совершенно справедливую характеристику социалистами современнаго капиталистическаго строя. Совершенно справедливо, что одной изъ главныхъ чертъ капиталистическаго строя является постепенное сосредоточеніе богатствъ все въ меньшихъ и меньшихъ рукахъ. Чѣмъ богаче становятся богачи, тѣмъ меньше становится этихъ богачей, тѣмъ большій и большій процентъ населенія уходитъ въ пролетаріатъ т. е. лишается собственности, своихъ собственныхъ доходныхъ дѣлъ и обрекается на жизнь только своимъ трудомъ.

Спорить противъ этихъ указаній социализма совершенно невозможно. Жизнь именно такъ и складывается въ капиталистическомъ строѣ, какъ говорятъ социалисты. Чѣмъ больше растутъ размѣры богатствъ, тѣмъ меньше число богачей. Въ старину, напримѣръ, можно было вести какое-нибудь маленькое дѣльце и около него кормиться. Теперь это почти невозможно. Возьмемъ, напримѣръ, переплетное ремесло. Сорокъ лѣтъ тому назадъ,

человѣкъ, изучившій это ремесло какъ слѣдуетъ и имѣвшій небольшія деньги, открывалъ свое небольшое заведеніе и могъ быть вполне увѣренъ, что прокормить себя и семью, ибо нужно было только желать трудиться, а заказчики неизмѣнно находились.

Но пусть такой переплетчикъ попробуетъ начать свое маленькое, но самостоятельное дѣльце теперь. Въ очень скоромъ времени онъ убѣдится въ полной невозможности конкурировать съ огромными переплетными мастерскими, которыя, работая дорого стоящими машинами, имѣютъ возможность понижать цѣны на товаръ до такихъ цифръ, при которыхъ маленькій хозяйчикъ работать не можетъ безъ убытка для себя.

И вотъ этому переплетчику волей-неволей приходится „закрывать лавочку“ и идти рабочимъ въ ту самую мастерскую, которая убила его экономическую самостоятельность. И горевать-то ему не придется о потерянной свободѣ и независимости, ибо въ качествѣ работника, наймита у крупнаго капиталиста, онъ получитъ больше, чѣмъ если бы онъ оставался самостоятельнымъ мелкимъ хозяйчикомъ.

Это особенность капитализма. Рабы капитала оказываются богаче и счастливѣе, чѣмъ тѣ, которые желаютъ сохранить свою экономическую независимость.

Возьмите, напримѣръ, какого-нибудь крестьянина. У него надѣлъ „на двѣ души“, лошаденка, коровенка, овцы. Онъ ведетъ свое хозяйство, питается самъ и кормитъ свою семью. Онъ свободенъ, независимъ, но эта свобода сводится къ тому, что онъ питается впроголодь, пробуетъ мясо три раза въ годъ и чай искренно считаетъ предметомъ роскоши. Но вотъ онъ почему-либо свое жалкое хозяйство ликвидировалъ, а самъ ушелъ въ городъ, гдѣ вскорѣ и устроился на должности, скажемъ, дворника. Одного жалованья—онъ получаетъ 200 цѣлковыхъ, да столько-же собираетъ „на-чаями“. Каждый день онъ и мясо ѣстъ, и водку пьетъ, одѣвается „чисто“ и чувствуетъ себя такъ, какъ чувствовалъ бы себя г. Петрункевичъ, если-бы ему удалось сдѣлаться министромъ внутреннихъ дѣлъ Россійской Имперіи. Но свободы и независимости этотъ крестьянинъ лишился, и онъ не только не жалѣетъ объ этомъ, а совершенно напротивъ: говорить о „деревенской сѣрости“ не иначе, какъ въ тонѣ величайшаго презрѣнія.

И это торжество капитализма вы видите вездѣ и всюду. По мѣрѣ того, какъ увеличивается наша матеріальная культура, все большіе и большіе капиталы требуются для того, чтобы на-

чать какое-нибудь доходное дѣло. Прежде люди, начавъ съ рублемъ въ карманѣ, наживали милліоны, а теперь для того, чтобы нажить милліонъ, нужно имѣть сотни тысячъ, а люди, стремящіеся нажить большія деньги, начавъ съ небольшой суммы, въ большинствѣ случаевъ кончаютъ тѣмъ, что теряютъ послѣдній рубль.

Указывая на эту особенность капиталистическаго строя, заключающуюся въ концентраціи (сосредоточеніи) богатствъ, социалисты съ внѣшней побѣдоносностью утверждаютъ, что капитализмъ самъ, путемъ постепеннаго своего развитія, подготавливаетъ свое упраздненіе и торжество социализма. Наступитъ дескать время, когда собственность всего міра сосредоточится въ немногихъ рукахъ. Съ одной стороны мы увидимъ лишенное собственности и трудящееся для капитала человѣчество, а съ другой капиталъ, олицетворенный въ ничтожной по численности группѣ милліардеровъ. Съ одной стороны лишенное собственности и социальной нравственности человѣчество, съ другой—десятокъ-другой тирановъ.

И упраздненіе этой тирании совершится естественно и незамѣтно. Государство приметъ въ готовомъ видѣ отъ капитализма созданную имъ для себя организацію труда и все останется по-прежнему; только прибыли, вмѣсто того, чтобы идти на приращеніе капитала и безумную роскошь владыкъ человѣчества, станутъ поступать въ распоряженіе самихъ труженниковъ.

V.

Таково содержаніе социалистической проповѣди. Я, конечно, не думаю и претендовать на то, чтобы выдавать свою характеристику социализма за полное и точное изложеніе этого ученія, но достаточно и того, что мы не приписали социализму ни одной такой мысли, которая-бы ему не принадлежала. Всѣ эти мысли—безспорно, мысли социалистическія.

Практика-же социализма приблизительно такова. Во всѣхъ странахъ, гдѣ-бы социалисты ни появились, они первымъ дѣломъ начинаютъ „открывать глаза“ рабочему классу. Они разъясняютъ рабочимъ „истинную природу“ капиталистическаго строя, указываютъ имъ на капиталистовъ и вообще на зажиточныхъ людей, какъ на враговъ трудящейся массы. Основываясь на темной и спорной теоріи еврея Маркса о такъ называемой „прибавочной

стоимости“, они стараются убѣдить рабочихъ въ томъ, что доходами своими капиталистъ обязанъ не капиталу, а *исключительно* труду рабочихъ и тому, что онъ этотъ трудъ *несправедливо* себѣ присваиваетъ. Рабочимъ внушается такимъ образомъ взглядъ на ихъ хозяевъ и нанимателей (да и вообще на всѣхъ зажиточныхъ людей) какъ на разбойниковъ, грабителей, мошенниковъ и паразитовъ.

Соціализмъ не ограничивается вселеніемъ въ рабочихъ вражды и ненависти къ хозяевамъ; онъ старается сдѣлать изъ нихъ враговъ вообще всего существующаго строя. Строй, признающій собственность, капитализмъ, есть строй разбойничій, мошенническій—и его надо разрушить до основанія. Именно эту мысль и пропагандировали наши „носари“, рекомендовавшіе рабочимъ „отрѣшиться отъ стараго міра“. Рабочимъ внушается мысль, что они—изгон, пасынки жизни, что эта жизнь устроена въ интересахъ только однихъ капиталистовъ. Стараясь сдѣлать изъ рабочихъ революціонеровъ, соціалисты не останавливаются въ своей враждѣ даже передъ завѣтнѣйшимъ и драгоцѣннѣйшимъ идеаломъ человѣчества. Мы говоримъ объ ученіи Господа Иисуса Христа, которое соціализмъ объявилъ уже „религіей капитализма“. Одинъ итальянскій писатель-соціалистъ Лабріола въ своей кощунственной книгѣ (насколько помнится, книга эта во французскомъ переводѣ называется „Les bases économiques de la constitution sociale“) пресерьезно увѣряетъ (можетъ-же ополѣть и оподлѣть до такой степени человѣческой умъ!), будто капиталисты нарочно придумали царствіе небесное и вѣчное блаженство, чтобы ихъ рабамъ-пролетаріямъ было легче отказаться отъ временныхъ земныхъ благъ.

Вообще говоря, соціализмъ старается внушить труженнику недовѣріе, злобу и ненависть къ людямъ зажиточнымъ и богатымъ и вообще къ современному строю. Родъ человѣческой какъ-бы дѣлится на два враждебныхъ лагеря. Одинъ лагерь—это пролетаріи, угнетенная добродѣтель, а другой лагерь—капиталисты, торжествующій порокъ. Отношеніе соціализма къ пролетаріямъ и капиталистамъ то-же, что отношеніе талмудическаго еврейства къ своимъ „избраннымъ іудеямъ“ и гоямъ-проклятымъ и поганымъ. Нравственнымъ надо быть только со своими: только по отношенію къ своимъ обязательны доброта, благородство, сострадательность, великодушіе и т. д. Къ врагамъ-капиталистамъ и вообще къ капиталистическому строю: религіи, государству, обществу, другимъ сословіямъ и т. д. соціалисты учатъ рабочихъ относиться какъ къ заклятымъ врагамъ. Непа-

видѣть этихъ враговъ и дѣлать имъ всяческій вредъ не только не грѣшно, но совершенно напротивъ: всѣ такія злыя дѣйствія противъ „враговъ труда“ считаются величайшими социалистическими добродѣтелями.

„Пролетаріи всѣхъ странъ, объединяйтесь!“ „Въ борьбѣ обрѣтешь ты свое право!“—таковы девизы социализма.

Революціонизируя рабочихъ, дѣлая ихъ по возможности сознательными врагами наличной жизни, социализмъ стремится изо всѣхъ силъ этихъ распропагандированныхъ и нравственно извращенныхъ ими рабочихъ объединить, создать изъ нихъ организованную массу. При помощи этихъ массъ онъ угрожаетъ ненавистному капиталистическому строю, по возможности, его ослабляетъ и расшатываетъ.

Рабочимъ социалисты внушаютъ, что они не должны заботиться ни о комъ, кромѣ своихъ массовыхъ, сословныхъ интересовъ и интересовъ всемірнаго пролетаріата. Идея отечества, патриотизмъ старательно изъ рабочаго человѣка социалистами вытравляется.

Въ общемъ направленіе дѣятельности социализма по отношенію къ существующему строю есть направленіе отрицательное, разрушительное, революціонное. Идеалы социализма всѣ въ будущемъ. Настоящее онъ цѣликомъ вплоть до христіанскаго ученія отрицаетъ.

VI.

Для православнаго христіанина, знающаго Истину изъ Божественнаго Откровенія и познающаго при помощи этой Истины всѣ самыя сокровенныя тайники человѣческой жизни, ложность и лживость социализма совершенно очевидна, ибо не можетъ быть правымъ ученіе, сулящее человѣчеству земное блаженство. Ибо мыслимо-ли блаженство для существъ, живущихъ и имѣющихъ жить всегда подъ суровымъ закономъ смерти? Не на землѣ мы чаемъ блаженства.

Не можетъ видѣть въ социализмѣ истины христіанинъ еще и потому, что не можетъ быть истиннымъ ученіе, поселяющее среди людей раздоры, смуты, междоусобицы, рознь, злобу, зависть и ненависть.

Но дѣло теперь идетъ не о твердо вѣрующихъ христіанахъ, которые прельщеніямъ социалистическихъ ученій недоступны, а о такихъ нашихъ братьяхъ, которые, по озлобленію-ли, порож-

денному бѣдностью и нуждой или по неопытности, поддаются пропагандѣ социализма и начинаютъ вѣрить, что истина только въ немъ. Остальное-же все эти жертвы социализма начинаютъ отвергать. И христіанская вѣра перестаетъ согрѣвать ихъ сердце, и говорятъ они, вмѣстѣ съ смутившимися ихъ богохульниками, что христіанство есть принадлежность стараго, подлежащаго сломкѣ міра, что оно есть религія капиталистовъ.

Ради этихъ-то смущенныхъ въ совѣсти братьевъ нашихъ мы должны обнаруживать ложь и фальшь социализма, стоя не на своей, православно-христіанской, а на враждебной намъ социалистической точкѣ зрѣнія. Мы должны побивать социалистовъ, стоя на ихъ собственной почвѣ, приводить имъ лишь такіе доводы, не принять которыхъ они не могутъ.

Иными словами, мы должны найти почву общую съ социализмомъ, создать возможность для веденія спора на понятномъ для обѣихъ сторонъ языкѣ. Какъ мы видѣли выше, это довольно трудно, ибо социализмъ отрицаетъ начисто весь „старый міръ“. Идеи христіанства, отечества, государства, общества и т. д. ничего не говорятъ уму и сердцу социалистовъ.

Да, съ социализмомъ у насъ мало точекъ соприкосновенія, но, однако, одна такая точка—и притомъ, весьма существенная—имѣется.

Мы разумѣемъ общечеловѣческія нравственныя представленія. Социализмъ собирается создавать свой земной рай путемъ учрежденія *всеобщаго равенства*. Современный-же строй социализмомъ критикуется и отвергается именно на нравственной почвѣ. Социализмъ указываетъ на социальное неравенство, подчеркиваетъ *несправедливость* существующаго строя.

Иначе говоря, социализмъ и по своему внутреннему содержанию, и по характеру своего вліянія на массы, есть ученіе *нравственное* или притязающее на нравственное значеніе.

Социализмъ находитъ теперешнюю жизнь человѣчества безнравственной и обѣщаетъ человѣчеству новое, нравственное бытіе. Онъ обѣщаетъ при этомъ и земное блаженство, утверждая такимъ образомъ, что безнравственность есть единственная причина бѣдъ и невзгодъ человѣчества. Когда человѣчество станетъ нравственнымъ по социалистическому рецепту, на землѣ водворится блаженство.

VII.

Основнымъ пунктомъ социалистическаго ученія, сообразно съ только что сказаннымъ, является такимъ образомъ ученіе о *несправедливости* собственническаго строя. Въ этомъ пунктѣ мы и попробуемъ прежде всего разобраться.

Прежде всего установимъ совершенно искренно и откровенно тотъ фактъ, что современный капиталистическій строй съ нравственной точки зрѣнія крайне неудовлетворителенъ. Контрасты этого строя удручаютъ. Съ одной стороны мы, дѣйствительно, видимъ безумную роскошь и излишества, съ другой—нищету и рабство подневольнаго труда. Такой порядокъ *несправедливъ* съ любой точки зрѣнія,—и прежде всего съ православно-христіанской, но спрашивается, кто-же повиненъ въ этой „несправедливости“.

Соціалисты представляютъ дѣло въ такомъ видѣ, что въ „несправедливости“ повинно алчное и недобросовѣстное меньшинство, забравшее въ свои руки „орудія производства“, т. е. собственность, и заставляющее на себя рабски работать большинство. Соціализмъ дѣлитъ сообразно съ этимъ человѣчество на овновь и козлищъ—на угнетенное, терпящее несправедливость, пролетарское большинство и угнетающее, творящее несправедливость, капиталистическое большинство.

Въ такомъ истолкованіи общеміроваго факта социальнаго неравенства сказывается грубое незнаніе и непониманіе человѣчества, столь же грубое и плоское, какъ то, которымъ грѣшили романисты старой, сентиментальной школы. Своихъ героев и героинь они дѣлили на добродѣтельныхъ и порочныхъ. Добродѣтельные герои были на совѣсть добродѣтельными. На ихъ добродѣтели авторы ни одного пятнышка не допускали. За то они безжалостно чернили своихъ злодѣевъ. Насколько герои сентиментальныхъ романовъ безупречны въ нравственномъ отношеніи, настолько-же беспросвѣтно порочны „злодѣи“ этихъ романовъ. Пороки этихъ злодѣевъ ужасны, чернѣе ночи и не найдете вы въ этомъ мракѣ порочности ни одного проблеска свѣта.

Основанія и причины „несправедливости“, указываемой социализмомъ несравненно глубже и сложнѣе, чѣмъ представляется этимъ политическимъ сентименталистамъ.

Начну свой разборъ съ мелкихъ, вульгарныхъ, но могущихъ дать намъ нить для правильнаго мышленія примѣровъ.

Въ деревнѣ живеть зажиточный крестьянинъ. Хозяйство у него, что называется, полная чаша. Много скота, лошадей, много и надѣльной, и собственной, и арендуемой земли. При немъ четверо взрослыхъ и женатыхъ сыновей. Такимъ образомъ однихъ своихъ, даровыхъ и вполне надежныхъ, работниковъ восемь человѣкъ. И сыновья въ значительной мѣрѣ способствуютъ процвѣтанію хозяйства. Старшій сынъ живеть постоянно при отцѣ и помогаетъ ему вести хозяйство. Второй выучился грамотѣ хорошо и давно уже состоитъ въ приказчикахъ въ Москвѣ или Петербургѣ, жалованья получаетъ 50 р. въ мѣсяць, но живеть скромно, во всемъ себѣ отказываетъ и отцу не менѣе двухъ-трехъ сотенныхъ въ годъ прислеть. Третій и четвертый тоже мастерство знаютъ, тоже деньги зарабатываютъ, тоже себѣ во всемъ отказываютъ и шлютъ въ отцовское хозяйство всѣ добытыя потомъ и кровью деньги.

Такихъ крестьянскихъ семей на Руси было прежде много, да и теперь еще кое-гдѣ такія патриархальныя семьи попадаются. Напоминають онѣ хозяйство муравьевъ. Вы видите здѣсь почти полное отреченіе отъ собственныхъ, личныхъ выгодъ. Членъ семьи работаетъ не на себя, ведеть аскетическую жизнь, стараясь лишь о томъ, чтобы содѣйствовать благоустройству своего родимаго гнѣзда. Единственное утѣшеніе для него въ томъ лишь, что онъ видитъ себѣ обезпеченнымъ на старость лѣтъ уголь и пристанище.

Но вотъ это не-личное отношеніе къ труду ослабляется. По причинѣ-ли смерти отца или при его жизни, но сыновья прискучили своей ролью безотвѣтныхъ и безкорыстныхъ ба-траковъ.

Каждый изъ нихъ хочеть свободы и самостоятельности, они не хотятъ совмѣстной жизни. И вотъ происходитъ раздѣлъ имущества. Въмѣсто одного хозяйства образуются четыре. Каждый работаетъ только на себя, стремится всячески упрочить свое благосостояніе, достигнуть богатства и почета.

Но судьба четырехъ братьевъ не одинакова. Одинъ дѣйствительно, оказывается удачникомъ. Своей четвертой долей отцовскаго наслѣдія онъ управляетъ лучше, чѣмъ отецъ управлялъ всѣмъ имуществомъ, и становится богачемъ, строитъ себѣ каменный домъ, открываетъ фабрику и заводъ и начинаетъ панимать себѣ десятки рабочихъ.

Но остальнымъ троемъ братьямъ не повезло. Представимъ себѣ, что они разорились; тотъ, кто былъ приказчикомъ, заболѣлъ и очутился въ такомъ положеніи, когда люди принуждены

просить милостыню. Онъ счастливъ уже тѣмъ, что богатый братъ далъ ему пріютъ. И онъ живетъ жалкимъ и униженнымъ приживальщикомъ; имъ помыкають, надъ нимъ издѣваются. Третій и четвертый братья сохранили свою работоспособность, но имущество свое они по разнымъ причинамъ прожили и очутились у своего родного брата въ батракахъ. Они уже не на себя вынуждены работать, не свое хозяйство созидать, какъ прежде, а хозяйство брата. Въ этомъ хозяйствѣ у нихъ нѣтъ части, кромѣ той поденной платы, которую они получаютъ.

Вотъ и взгляните на возмутительнѣйшее съ нравственной точки зрѣнія положеніе. Деньги, нажива стали между тѣми, которыхъ соединяють узы крови, узы родства и любви. Вѣдь это же дѣти одного отца. Такъ зачѣмъ-же одинъ изъ нихъ—хозяинъ, другой—унижаемый калѣка, а третій и четвертый—безотвѣтные и бездольные батраки?

Да, это несправедливо, это величайшая несправедливость.

Но въ то-же время очевидно, что эта несправедливость создана не только тѣми, кто получаетъ отъ нея выгоду, но и тѣми, кто отъ нея терпитъ. Вѣдь тотъ изъ братьевъ, который сталъ богачемъ, не считалъ себя гарантированнымъ отъ нищеты и необходимости батрачить, вѣдь тѣ двое, которые стали батраками, хотѣли не этого, дѣлясь и стремясь къ свободѣ. Каждый изъ нихъ мечталъ, что у него будетъ и домъ, и заводъ, и десятки рабочихъ.

Приведеннымъ примѣромъ я пробую уяснить то совершенно справедливое положеніе, что „капитализмъ“ и „пролетаризмъ“ суть не общественно-сословные типы, какъ учить социализмъ, а свойства человѣческой личности, независимо отъ ея положенія въ народѣ. По своему нравственному укладу каждый пролетарій есть неудавшійся капиталистъ, а капиталистъ есть неудавшійся пролетарій.

Нѣкоторые противники социализма считаютъ долгомъ восхвалять институтъ собственности, возводить его чуть-ли не въ степень религіознаго догмата. Всякое скептическое, „сомнительное“ отношеніе къ собственности считается грѣхомъ, вопіющимъ на небо. Для многихъ собственность куда священнѣе Самого Господа Бога. Живой примѣръ тому—содѣлавшіеся охранителями и монархистами вчерашніе земскіе либералы. Отрицательное отношеніе „освободителей“ къ религіи этихъ господъ нимало не смущало. Они только похваливали поруганіе, которому предавалась Православная Вѣра. Но стоило „освободителямъ“ покуситься на собственность этихъ либераловъ и революціонеровъ—и они стали записными монархистами.

Акафисты читать институту собственности у меня нѣтъ ни малѣйшаго желанія, ибо восхвалять собственность, порождающую столько горя и золь на свѣтѣ,—было-бы величайшимъ лицемѣриемъ и подлостью. Да, собственность является источникомъ многихъ несправедливостей, создаетъ *несправедливое* положеніе вещей.

Но потрудитесь изслѣдовать характеръ и происхожденіе этой несправедливости и вы придете къ выводамъ, которые какъ разъ обратны выводамъ соціалистическимъ.

VII.

Возвращаемся къ нашему примѣру. Мы извлекли изъ него такой выводъ, что „капитализмъ“ и пролетаризмъ суть свойства человѣческой личности. Соціализмъ съ чисто дѣтской грубостью дѣлитъ родъ человѣческой на два лагеря: капиталистовъ и пролетаріевъ. У капиталистовъ соціализмъ находитъ исключительно только „капиталистическія“ свойства и качества, а у пролетарія—свойства и качества исключительно пролетарскія.

Изслѣдуйте любую личность въ ея соціальномъ и экономическомъ отношеніяхъ, и вы увидите, что весьма трудно опредѣлить, гдѣ въ человѣкѣ кончается „капиталистъ“ и начинается „пролетарій“ или обратно.

Беру наиболѣе рѣзкій примѣръ. Передъ вами рабочій—слесарь или ткачъ. Съ родной деревней онъ узъ порвалъ, земельного надѣла у него нѣтъ, единственнымъ источникомъ заработка для него являются его мускулы, его трудъ. И вотъ этотъ трудъ онъ продалъ фабриканту, онъ получаетъ задѣльную плату и только на эту плату живетъ и содержитъ свою семью. Это типическій пролетарій, это тотъ человѣкъ, котораго соціализмъ провозглашаетъ жертвой капиталистическаго строя. По отношенію къ своему хозяину онъ находится въ отношеніи эксплуатируемаго къ эксплуататору. Соціализмъ прямо и рѣшительно учитъ, что интересы этого пролетарія враждебны и противоположны интересамъ этого нанимателя. Рабочему нужно, чтобы его хозяинъ заставлялъ работать поменьше, а платилъ-бы ему дороже, а хозяинъ желаетъ какъ разъ обратнаго—онъ хочетъ поменьше платить и побольше получать.

Вотъ и будемъ разсуждать: вездѣ-ли и во всемъ-ли этотъ рабочій является пролетаріемъ?

За свою задѣльную плату рабочій покупаетъ, скажемъ, хлѣбъ и мясо. Эти продукты продаются въ городѣ, причѣмъ торгу-

ющихъ хлѣбомъ и мясомъ лавокъ очень много. Каждый лавочникъ старается залучить къ себѣ покупателей-рабочихъ и съ этой цѣлью удешевляетъ цѣны на хлѣбъ и мясо. На свой-ли счетъ лавочники благодѣтельствуютъ въ данномъ случаѣ рабочимъ? Разумѣется, не на свой. Они покупаютъ хлѣбъ и мясо у окрестныхъ крестьянъ и помѣщиковъ, которыхъ и принуждаютъ всѣми правдами и неправдами продавать имъ названные продукты въ убытокъ. Отъ этого крестьяне и другіе производители мяса и хлѣба разоряются, а кто наживается? Разумѣется, прежде всего и больше всего лавочники, по свою долю при этомъ получаютъ и ихъ покупатели-рабочіе. И вотъ, въ качествѣ покупателя хлѣба и мяса, нашъ пролетарій превращается мигомъ въ капиталиста, въ эксплуататора, отбирающаго у труженника-крестьянина часть его труда.

Или представьте себѣ, что какой-нибудь фабрикантъ, пользуясь положеніемъ, поднялъ цѣны на товаръ и прибавилъ плату своимъ рабочимъ. Поднятіе цѣнъ ничѣмъ нельзя объяснить, кромѣ безвыходнаго положенія потребителей, съ которыми фабрикантъ можетъ дѣлать все, что ему угодно и заставляеть ихъ переплачивать. И вотъ уже азбучка социализма оказывается никуда не годной. Пролетарій оказывается не противникомъ капиталиста, а его союзникомъ и этотъ двойственный союзъ преисправно и съ спокойнымъ духомъ эксплуатируетъ потребителей товара, рабочими производимаго, а фабрикантомъ продаваемаго.

Равнымъ образомъ чрезвычайно трудно найти „чистаго“, такого, какой нуженъ социалистическимъ теоріямъ, капиталиста. Я знаю, на примѣръ, что у такого-то человѣка есть фабрика или заводъ, на которомъ работаютъ тысяча человѣкъ, что эта фабрика даетъ извѣстный чистый доходъ. Для социалиста этихъ данныхъ совершенно достаточно для того, чтобы зачислить этого господина въ эксплуататоры, но эксплуататоръ-ли онъ или нѣтъ, большой вопросъ. Всѣ мы знаемъ сущность такъ называемыхъ „залоговыхъ операцій“ и вотъ представляемъ себѣ, что хозяинъ фабрики находится въ рукахъ ростовщиковъ, частныхъ лицъ или какого-нибудь еврейскаго банка, имя-же этимъ банкамъ—легіонъ. И эти ростовщики сумѣли опутать хозяина фабрики такъ, что не только вся „прибавочная стоимость“, получаемая имъ съ рабочихъ, уходитъ въ ихъ руки, но кромѣ того онъ имъ еще приплачиваетъ изъ своего кошелька. И оказывается на повѣрку, что не хозяинъ эксплуатируетъ рабочихъ, а и онъ самъ, и рабочіе эксплуатируются еврейскимъ банкомъ.

Всѣми этими примѣрами, взятыми не изъ книгъ, а изъ живої, пестрой и сложной дѣйствительности мы лишь подтверждаемъ ту правильную и опровергающую основное положеніе социализма мысль, что „чистыхъ“ пролетаріевъ и капиталистовъ, проповѣдуемымъ социализмомъ, нѣтъ. Въ каждомъ изъ насъ сидятъ тѣсно между собой переплетенные, неразрывные „прлетарій“ и „капиталистъ“. То, что такъ называемый капиталистическій строй плодитъ массу несправедливостей и что эти несправедливости вопіющіе—совершенно вѣрно, но создаютъ эту несправедливость не „прлетаріи“, не „капиталисты“ мифическаго социализма, а люди, человѣчество.

Несправедливость эта есть общечеловѣческая черта, дѣло всего человѣчества и убить эту несправедливость *теперь* можно только однимъ путемъ: это—предложивъ повѣситься одновременно всему миллиарду разумныхъ существъ, населяющихъ вселенную.

VIII.

Да не покажется этотъ выводъ читателямъ черезчуръ смѣлымъ или парадоксальнымъ. Мы не хотимъ утверждать, что несправедливость, порождаемая капиталистическимъ строемъ, вѣчна, что человѣчество не можетъ создать лучшія условія для своей матеріально-творческой дѣятельности. Мы лишь подчеркиваемъ, уясняемъ характеръ и происхожденіе социальной несправедливостью и указываемъ на то, что средства, предполагаемыя для уничтоженія этой несправедливости социализмомъ, не только не дѣйствительны, но и удаляютъ человѣчество отъ истиннаго, единственно-правильнаго способа рѣшенія социальнаго вопроса.

Принципъ частной собственности оказывается непоколебимымъ и для нашего времени „вѣчнымъ“ въ силу того факта, что человѣчество въ его цѣломъ не доразвилось еще до такого-же отношенія къ чужимъ интересамъ, какъ къ своимъ. Человѣкъ только тогда напрягаетъ свою энергію до высшаго предѣла, только тогда принуждается къ максимуму напряженія свои силы духовныя и тѣлесныя, когда затроцуютъ его интересъ, его личныя выгоды. Какъ ни прискорбно и ни обидно это констатировать, но фактъ это несомнѣнный.

Взгляните, напримѣръ, на слѣдующее обстоятельство: теоріей и практикой отчасти неоспоримо доказано, что коллективнаго, общиннаго хозяйничаніе выгоднѣе во многихъ случаяхъ

лично, основаннаго на правѣ личной частной собственности. Примѣровъ къ этому масса.

Взять хотя бы вопросъ квартирный. При собственническомъ строѣ дома строить и сдаютъ ихъ подѣ квартиры лица, специализировавшіяся на этомъ занятіи. Затрачиваютъ они капиталъ на постройку домовъ для того, чтобы получать большіе проценты. Домовладѣлецъ, не довольствуясь 5—6 процентнымъ доходомъ на затраченный капиталъ, получаетъ иногда столь огромные доходы, что благосостояніе его быстро растетъ. Вслѣдъ за первымъ доходнымъ домомъ онъ строитъ второй, за вторымъ третій и т. д. Спрашивается, за чей же счетъ происходитъ это обогащеніе? Разумѣется, за счетъ квартирантовъ. У домовладѣльца, скажемъ, домъ съ пятидесятью квартирами, причѣмъ за каждую онъ беретъ по 600 р. Получаетъ онъ тридцать тысячъ дохода, но, подсчитывая его расходъ, стоимость дома и земли, ремонтъ, погашеніе, прибыль etc, вы видите, что десять тысячъ онъ получаетъ лишнихъ. Эти деньги онъ беретъ съ квартирантовъ, какъ говорится „ни за что, ни про что“, и платятъ они ему эти деньги тоже ни за что, ни про что.

Въ виду этихъ непомѣрныхъ домовладѣльческихъ доходовъ возникла мысль устраивать домостроительныя товарищества. Вычисляли съ математической точностью стоимость предпріятіи подобнаго рода и огромныя выгоды для квартирантовъ отъ этихъ товариществъ очевидны. Такъ, года три тому назадъ, въ Москвѣ группа лицъ изобрѣла такой планъ: собрать извѣстное число лицъ, каждое изъ которыхъ согласилось бы внести пай въ одну, двѣ, три и четыре тысячи рублей. На эти деньги предполагалось выстроить домъ, въ которомъ каждый пайщикъ получалъ бы квартиру по размѣрамъ, сообразнымъ паю. Было высчитано, что

1) за квартиру каждый будетъ платить вдвое менѣе, чѣмъ если бы онъ ее снялъ у домовладѣльца,

и 2) квартирная плата каждый годъ понижается и лѣтъ черезъ 20—25 каждый квартирантъ будетъ полнымъ хозяиномъ квартиры и не будетъ платить за нее ни копейки.

На томъ же принципѣ основаны потребительскія, взаимно-страховыя и пр. начинанія. Выгодность этого рода предпріятій сразу бросается въ глаза. Казалось бы, они должны были убить частную промышленность, но ничуть не бывало. Мы можемъ наблюдать, что общинно-хозяйственныя начинанія не только не развиваются, но влчатъ свое существованіе самымъ жалкимъ образомъ. Спрашивается, отчего это происходитъ? Неужели люди

такъ глупы, что предпочитаютъ неразумную организацію разумной? Неужели мнѣ пріятнѣе переплачивать вдвое на квартирнѣ домовладѣльцу и лавочникамъ, у которыхъ я забираю товаръ? Почему я не возьму тѣхъ пяти тысячъ рублей, которыя у меня зря валяются въ банкѣ, принося мнѣ 3,8 проц. на капиталъ, и не вложу ихъ въ несомнѣнно выгодное общинно-домостроительное дѣло? Почему я не вступаю членомъ въ то или другое потребительское товарищество и не порываю съ обогащаемыми мною мясниками, булочниками, мануфактурниками etc?

Но личная, собственническая, невыгодная для потребителей промышленность и торговля рѣшительно, жестоко бьетъ промышленность и торговлю общественную, и для потребителей несомнѣнно выгодную. Почему же? Въ чемъ преимущество собственнической предпримчивости? Да, именно, въ ея собственническомъ характерѣ. Успѣхъ доходнаго дѣла зависитъ отъ того, каковы люди, около этого дѣла стоящіе. Заботятся ли они о процвѣтаніи этого дѣла или нѣтъ? Содѣйствуютъ ли они его успѣху или не содѣйствуютъ? Когда доходное дѣло принадлежитъ кому-нибудь на правахъ собственности, то этотъ „кто-нибудь“ напрягаетъ всѣ свои усилія къ тому, чтобы это дѣло двинуть впередъ. Собственность солидаризируетъ доходное предпріятіе съ работающимъ надъ его успѣхомъ человѣкомъ въ высочайшей степени. Человѣкъ сливается съ дѣломъ всѣми сторонами своего существа вплоть до животныхъ инстинктовъ. И—какъ учить опытъ—заставить человѣка служить какому-нибудь полезному дѣлу вы можете скорѣе, не растолковывая ему полезность самаго дѣла, а прельщая его тѣми выгодами, которыя онъ лично можетъ отъ этого получить.

Такъ, напримѣръ, одинъ московскій издатель изъ простыхъ и невѣжественныхъ кулаковъ энергичнѣйшимъ образомъ распространяетъ всякую либеральную литературу. Съ точки зрѣнія либераловъ это весьма полезная дѣятельность, но къ этой „полезной“ дѣятельности кулакъ-книгоиздатель подвигнуть отнюдь не вѣрой въ либеральныя идеи (на идеи этому субъекту наплевать, ему только бы копеечка на копеечку), а жаждой наживы. Право собственности запрягаетъ на службу обществу огромную массу людей; пробуждаетъ общественные „таланты“ тамъ, гдѣ ихъ нельзя и подозрѣвать, повидимому.

Мы приводимъ примѣры, изъ которыхъ можно вывести заключеніе, что собственнической принципъ равносильенъ пробужденію въ человѣкѣ грубаго, животнаго эгоизма. Называйте вещи, какъ хотите, но съ фактами считаться нужно. Истинныхъ мона-

ховъ, людей, отрицающихъ отъ стяжанія, мало и „жадный эгоизмъ“ вьетъ свое гнѣздо всюду. Мы не объ отрицательныхъ сторонахъ этого эгоизма говоримъ, а о положительныхъ. Главной же положительной чертой собственническаго эгоизма является пробуждаемая имъ способность къ хозяйственному творчеству. Собственнической эгоизмъ вызываетъ въ человѣкѣ къ жизни и дѣятельности всѣ тѣ практическіе таланты, которые нужны для того, чтобы создать полезное для государства и народа дѣло. Человѣкъ становится и бережливъ, и остороженъ, и сообразителенъ, и трудолюбивъ. На дѣло онъ смотритъ, какъ на самаго себя. Успѣхи дѣла—это *его* успѣхи. И онъ отдаетъ всего себя на службу дѣлу, которое отъ этого выигрываетъ во всѣхъ отношеніяхъ.

Скажутъ, что желательнѣе было бы, чтобы человѣкъ побуждался къ такому образу дѣйствій болѣе чистыми соображеніями, но въ томъ-то и бѣда, что эти высокія соображенія безсильны произвести таковой же дѣловой эффектъ, какой производится естественнымъ себялюбіемъ. Живой примѣръ тому—общинно-хозяйственныя начинанія, о которыхъ шла рѣчь выше. Для того, чтобы эти предпріятія преуспѣвали точно такъ же, какъ преуспѣваютъ предпріятія частновладѣльческія, нужно, чтобы во главѣ ихъ стояли лица высокаго нравственнаго уровня, такіе люди, на которыхъ общій интересъ дѣйствуетъ такимъ же возбуждающимъ образомъ, какъ на большинство человѣческаго рода—интересъ частный, но, къ сожалѣнію, такихъ людей очень мало ¹⁾. Не говоря уже о томъ, что предпріятія этого характера проваливаются сплошь да рядомъ по причинѣ того, что руководители ихъ оказываются ниже своей задачи, потому что они

1) Какъ на одно изъ такихъ исключеній могу указать на устроителя одного потребительскаго учрежденія въ Москвѣ. Разумью полковника Николая Петровича Гибнера, которому обязано своимъ удивительнымъ развитіемъ экономическое общество офицеровъ московскаго военнаго округа. Говоря откровенно, это общество, представляющее теперь миллионное дѣло, есть дѣло рукъ Николая Петровича, котораго не можемъ назвать иначе, какъ фанатикомъ потребительской идеи. Этотъ человѣкъ недюжиннаго ума и энергичнѣе паразитической, можно сказать, посвятилъ половину своей жизни на изученіе всего того, что нужно было ему, какъ главному руководителю столь огромнымъ дѣломъ. Результаты получились паразитическіе, но этими результатами мы обязаны именно не внутренней силѣ «потребительской идеи», а рѣдкому уму, честности и энергичности руководителя. Но такіе успѣхи общинно-хозяйственныхъ предпріяній столь же рѣдки и исключительны, какъ рѣдки и исключительны такіе люди, какъ Н. П. Гибнеръ.

преслѣдуютъ не общіе, а личные интересы и совершаютъ недобросовѣстные поступки—мы можемъ указать на то, что и при добромъ желаніи сдѣлать пользу дѣлу, руководители хозяйственно-общественныхъ предпріятій приносятъ чаще дѣлу вредъ, чѣмъ выгоду. Явленіе это весьма знаменательное, свидѣтельствующее о томъ, что даже тѣ люди, которымъ и удалось вытравить изъ души нечистыя, животныя побужденія, жажду наживы, эгоизмъ и все прочее, не успѣли еще развить въ себѣ общественнаго чувства *до степени инстинкта, до степени энергіи*. Общественное чувство въ нихъ живетъ, отъ животнаго эгоизма они отрѣшились, но общественное чувство еще находится у нихъ въ состояніи идеи, оно не успѣло еще перейти въ инстинктъ, въ волю; оно еще не побуждаетъ ихъ дѣйствовать для общаго интереса съ такою же силой, съ какой подстегиваетъ хлопотать о себѣ себялюбца эгоизмъ. Взгляните также и на казенное хозяйство всѣхъ странъ и народовъ и вы получите тѣ же выводы.

IX.

Всѣмъ сказаннымъ мы стремились охарактеризовать причины, дѣлающія изъ института собственности общечеловѣческое, органическое и неустранимое для настоящаго времени учрежденіе. Какъ видятъ читатели, мы далеки отъ субъективно-пристрастнаго отношенія къ этому институту, мы не восхваляемъ его, не объявляемъ его „священнымъ“ (какъ сіе принято теперь у многихъ благоразумныхъ консерваторовъ), но и не порицаемъ его, какъ это дѣлается соціалистами. Называть институтъ собственности „несправедливымъ“ въ соціалистическомъ смыслѣ ни въ какомъ случаѣ нельзя, съ такимъ-же точно основаніемъ мы можемъ назвать несправедливымъ и ножъ, и веревку, при помощи которыхъ люди рѣжутъ и давятъ своихъ ближнихъ. Если уничтожить все, чѣмъ люди злоупотребляютъ, то придется поставить человѣчество въ такія условія, при которыхъ оно существовать не сможетъ. Собственность, если хотите, несправедлива только съ точки зрѣнія не человѣческой, а божеской, христіанской. „Если хочешь совершенъ быти, иди, продай имѣніе свое, роздай нищимъ и ко Мнѣ иди!“ Но христіанское отреченіе отъ собственности никакого отношенія къ вопросу о соціализмѣ не имѣетъ. Христіанство, отрицая собственность (для ищущихъ совершенства), отрицаетъ и всю такъ называемую цивилизацію. Результатомъ христіанскаго отреченія отъ собственности—является монастырь,

забвеніе житейскихъ потребностей, жизнь поста, молитвы и умерщвленія плоти.

Но такъ какъ религіозная сторона вопроса въ данномъ случаѣ не при чемъ, то намъ и приходится закончить, что строй, основанный на личной собственности, въ нравственномъ смыслѣ безразличенъ. Весь вопросъ въ томъ, какое употребленіе люди дѣлаютъ изъ него. Сообразно съ этимъ собственнической строй становится или нравственнымъ, или безнравственнымъ.

Теперь вопросъ въ томъ, вѣченъ-ли институтъ собственности? И нельзя-ли его замѣнить другимъ, болѣе нравственнымъ?

Лично я полагаю, что нравственный вопросъ въ дѣлѣ замѣны личной собственностью какой-либо другой хозяйственной формой—не при чемъ. Какіе-бы недостатки въ собственническомъ строѣ ни были, но и при немъ человѣчество, если-бы захотѣло, могло-бы быть вполне нравственнымъ. И какой-бы строй ни придумали, но никогда не сочинишь такихъ внѣшнихъ условій, при которыхъ люди должны бы были быть болѣе нравственными, чѣмъ теперь. Если вы свяжете человѣку руки, чтобы онъ не дрался, онъ будетъ кусаться, если вы ему вырвете зубы, онъ станетъ ругаться, если вы заткнете ему ротъ, онъ умретъ—нельзя заставить людей быть нравственными поневолѣ. Нравственность есть результатъ внутренняго совершенства, а не внѣшнихъ условій.

Соціализмъ и нелѣпъ именно своей чрезмѣрной вѣрой въ вліяніе на нравственность внѣшнихъ условій. Онъ воображаетъ, что можно создать такой строй, живя въ которомъ, *люди должны были-бы быть нравственными*. Предположеніе совершенно фантастическое!

Въ виду этого мы должны, при сужденіи о будущности института собственности, отложить нравственныя соображенія и строить всѣ наши предположенія только на точкѣ зрѣнія цѣлесообразности. Допустимъ, что и въ самомъ дѣлѣ институтъ собственности есть учрежденіе, долженствующее отойти рано или поздно въ область прошедшаго, что собственнической строй будетъ замѣненъ въ будущемъ строемъ общиннымъ, что психика человѣка преобразовывается и что въ будущемъ человѣческая энергія будетъ возбуждаться въ своей матеріальной дѣятельности мотивами не эгоистическаго, а альтруистическаго характера, что люди найдутъ болѣе выгоднымъ подражать не волкамъ, какъ теперь, а бобрамъ и муравьямъ, у которыхъ, какъ извѣстно, забота о сохраненіи вида рѣшительно преобладаетъ надъ заботами о себѣ.

Допустимъ также, что эта дальнѣйшая форма хозяйственной жизни человѣчества болѣе совершенна, а потому и болѣе желательна, чѣмъ теперешняя, основанная на институтѣ собственности. Допустимъ поэтому, что и на социализмъ съ этой точки зрѣнія надо смотрѣть, какъ на доктрину, подготовляющую человечеству лучшее будущее.

Но эта гипотеза получить нѣкоторое вѣроятіе, если мы рассмотримъ ученіе социализма съ этой точки зрѣнія и если намъ удастся доказать, что социализмъ воспитываетъ въ своихъ превращенцахъ чувства, нужныя для того, чтобы человечество могло перейти къ новымъ общиннымъ формамъ матеріальной жизни и дѣятельности. Но именно этого въ социализмѣ и нѣтъ. Вникните хорошенько въ доктрины социалистовъ, и вы увидите, что онѣ, не смотря на свой бутафорскій нравственно-обличительный обликъ, не только не ведутъ человечество къ лучшимъ, болѣе совершеннымъ и цѣлесообразнымъ формамъ жизни, но совершенно напротивъ, укореняютъ въ человечествѣ наиболѣе назменные идеи, чувства и стремленія, порожденныя худшими сторонами капитализма.

Социализмъ вопіетъ, что имъ будетъ созданъ новый міръ, новыя божества. Но при внимательномъ разсмотрѣніи оказывается, что въ новомъ мірѣ и новыхъ божествахъ социализма много, слишкомъ много стараго, слишкомъ много того самаго „капитализма“, который онъ собираетъ упразднить.

На разсмотрѣніи этихъ внутреннихъ противорѣчій социализма мы остановимся въ слѣдующій разъ.

П. Ухтубужскій.

Къ вопросу о церковности, какъ дидактическомъ принципѣ.

Въ первой *) статьѣ о церковности, какъ дидактическомъ принципѣ, была выяснена генетическая связь народной психологіи съ церковностью, въ основѣ которой лежитъ евангельская психологія. Теперь, когда слѣдуетъ указать на содержаніе, на матеріалъ для нормальнаго дидактическаго развитія учащихся въ школѣ, нужно опредѣленно высказаться, что мы въ данномъ случаѣ разумѣемъ подѣ церковностью.

Церковность въ собственномъ смыслѣ не есть народное творчество. Церковные обряды, богослуженіе, церковныя пѣсни и проч.— это творчество высочайшаго религіознаго гениа, высокаго благодатнаго вдохновенія, творчество апостоловъ, отцевъ и учителей церкви, приобщившихъ русскій народъ посредствомъ церковной обрядности къ идеальному христіанскому настроенію, къ совершенной христіанской жизни...

Эта церковность, какъ совершенное воплощеніе евангелія, само собою разумѣется, представляетъ изъ себя святое царство духа, благодатное царство, которое для насъ всегда будетъ лишь только идеаломъ и дидактическаго примѣненія въ школѣ не можетъ имѣть, потому что школа не церковь. Въ школѣ мы обязаны своимъ собственнымъ содѣйствіемъ оказать услугу нормальному развитію дѣтей, иначе не будетъ воспитанія.

Поэтому страннымъ кажется желаніе непременно устроить школу въ видѣ часовни, молитвеннаго дома, или подѣ одною кровлею съ храмомъ. Дѣти должны быть чисты, какъ ангелы, это совершенно справедливо, но, къ сожалѣнію, они не таковы... И такая церковность школы сама по себѣ, механически, не воспитываетъ. Что школа должна быть преддверіемъ церкви—это опять вѣрно; однако не буквально же понимать слѣдуетъ это. Достаточно, если школьный домъ будетъ напоминать собою домъ, избу благочестиваго православнаго христіанина. Съ внѣшней стороны и въ виду значительныхъ расходовъ не слѣдуетъ идти дальше.

Содержаніемъ, учебнымъ матеріаломъ должно быть то, что входитъ въ мировоззрѣніе въ обыкновенномъ смыслѣ идеальнаго православнаго христіанина, сложившееся исторически подѣ влия-

*) См. «Мисс. Обзор.», кн. 11-я, 1906 г.

ниемъ церковнаго просвѣщенія, его самобытная культура, образованность.

Высказывая такую мысль объ учебномъ школьномъ матеріалѣ, мы предвидимъ возраженіе. Намъ скажутъ, какъ и „возразили“ уже нѣкоторые изъ священниковъ Шлиссельбургскаго уѣзда въ своихъ отзывахъ о церковности, — церковность и культура понятія не совмѣстимыя. Но эта несомѣстимость лишь только кажущаяся.

Слово культурность понимается различно, смотря по тому, что хотятъ имъ обозначить. О. Л.—въ въ своемъ отзывѣ пишетъ: „Мы современники всѣми признаннаго факта, что безблагодатный и не-христіанскій народъ (японцы) по части культуры шагнулъ гораздо дальше народа русскаго, церковнаго, но мало культурнаго“. Однако изъ такого понятія о культурности нельзя-же вывести такого заключенія, что японцы въ умственномъ и нравственномъ отношеніи стоятъ выше русскаго православнаго народа. Очевидно упомянутый о. іерей слово культурность употребляетъ для обозначенія образованности японцевъ въ смыслѣ матеріальнаго развитія, развитія торговли, промышленности, ремеселъ, естественныхъ наукъ. Но не въ этомъ только культурность..

Факторовъ матеріальнаго благополучія, кромѣ образованности, множество, и образованность, понимаемая въ смыслѣ матеріальнаго развитія, въ этомъ случаѣ на первомъ мѣстѣ не можетъ быть поставлена. Гораздо болѣе прогрессъ матеріальнаго развитія находится въ зависимости отъ географическаго положенія страны. Въ самомъ дѣлѣ, неужели у японцевъ флотъ сильнѣе и многочисленнѣе потому, что они не христіане, и не церковны, какъ русскій народъ... Очевидный обсурдъ.

Кромѣ того, матеріальное благосостояніе не дѣлаетъ еще человѣка довольнымъ, счастливымъ въ жизни, тѣмъ болѣе съ ужасною культурною борьбою за существованіе. Какъ это справедливо относительно каждаго въ отдѣльности человѣка, такъ вѣрно и относительно цѣлыхъ народовъ. Посему заповѣдь Христа: „ищите же прежде царствія Божія и правды его и сія приложатся“ (Мѣ. 77—33) остается во всей силѣ. И родная культура православнаго русскаго народа, чуждая по своей идеальности и церковности культурѣ западной, поэтому даетъ полный просторъ для многосторонняго развитія народнаго духа.

Вотъ эта-то церковность, составляющая отличительную черту русской народной культуры, и должна имѣть дидактическое значеніе въ школѣ, если будетъ преподаваться въ систематическомъ порядкѣ, какъ нѣчто стройное, цѣлое и притомъ сообразное съ уровнемъ развитія дѣтей школьнаго возраста.

Обидно и досадно за русскую школу. За все время существованія ея нужный для нея матеріалъ не собранъ, въ дидактической системѣ не расположенъ. Если встрѣчается въ школьныхъ бібліотекахъ, то въ самомъ необработанномъ видѣ. Можно сказать, что дидактическаго принципа въ русской школѣ не существуетъ. Трудятся на поприщѣ народнаго просвѣщенія „кто во что гораздъ“, по теоріи „кати валомъ“...

Школа сдѣлалась складочнымъ мѣстомъ всякаго литературнаго и не литературнаго хлама. Чѣго только нѣтъ въ книгахъ для школьнаго возраста! Тутъ и физика, и химія, и ботаника, и минералогія, естественная исторія, даже юриспруденція, сельское хозяйство, фабричное и заводское производство и проч. Все это выхвачено изъ специальныхъ учебниковъ и популяризовано... Видимо, что трудятся въ ней насадители западной культуры съ страстнымъ желаніемъ приобщить къ ней православный русскій народъ.

Не менѣе оригинальны и церковно-приходскія школы. Здѣсь безбожію своего рода противопоставляется какой-то аскетизмъ. Книжки наполнены разсказами изъ житія святыхъ, совсѣмъ непригодныхъ для дѣтскаго чтенія, изъ троицкихъ листковъ и переложеніями, составленными якобы подъ вліяніемъ благочестиваго настроенія, однако настолько плохими, что надъ ними школьники готовы смѣяться. Вотъ для примѣра изъ кники Попова „Благодатный дождь“. „Дождь полилъ, какъ изъ ведра. Весь народъ въ деревнѣ высылалъ на улицу“. Какъ дождь ни благодатенъ, но ужъ если пошелъ, какъ изъ ведра, всякій старается съ улицы убраться... Тенденція въ школѣ очевидна, но и только...

Что касается научнаго естествознанія, то пора его оставить, пора убѣдиться въ практической безрезультатности преподаванія по той простой причинѣ, что естествовѣдѣніе не имѣетъ примѣненія ни въ школѣ, ни въ жизни. А для формальнаго развитія, для развитія памяти, сообразительности, наблюдательности школа располагаетъ болѣе цѣлесообразными средствами и прежде всего методическимъ преподаваніемъ учебныхъ предметовъ.

Съ другой стороны, приучать дѣтей, да еще деревенскихъ, къ физическому труду, будь то ручной трудъ или какой-либо другой, начиная со школы, дѣло совершенно излишнее. Въ свое время они приучатся къ труду, ибо всю жизнь предстоитъ имъ трудиться и тяжелымъ трудомъ добывать себѣ кусокъ насущнаго хлѣба. Если же встрѣчаются въ средѣ крестьянской, какъ и во всякой другой, тунеядцы, лежебоки, пьяницы и проч., то не думайте объяснять эти явленія тѣмъ, что ихъ въ школѣ къ труду не приучали. Не въ этомъ дѣло...

Чѣмъ же замѣнить „научное“ естествознаніе, пересаженное въ нашу русскую народную школу изъ нѣмецкой школы и устранить интернаціональность нашихъ школъ? Вопросъ назрѣвшій и заслуживающій серьезнаго вниманія...

Русскій православный народъ смотритъ на природу прежде всего, какъ идеалистъ, а не какъ эксплуататоръ. Въ этомъ заключается существенная отличительная черта его міровоззрѣнія. Въ св. Евангеліи Христосъ не отдѣлимъ отъ природы. Подъ вліяніемъ св. церкви, воспѣвающей въ своихъ художественныхъ пѣсняхъ природу, среди которой совершались спасительныя для міра евангельскія событія, у православнаго русскаго народа образовался взглядъ на природу чисто нравственный. Онъ благоговѣетъ передъ ней, какъ освященной Сыномъ Божиимъ и

рождествомъ Своимъ въ пещерѣ вилеемской, когда земля приняла Его на лоно свое и небо, оглашаемое ангельскимъ пѣніемъ, ликовало, и крещеніемъ въ Іорданѣ, когда разверзались надъ Нимъ небеса и Духа Святый сходилъ на Него въ видѣ голубя и слышенъ былъ голосъ Божій, усыновляющій Богу все вѣрующее человѣчество во Христѣ: сей есть Сынъ Мой возлюбленный... А Ѡворъ, Голгофа со всѣми знаменіями на небѣ и на землѣ... Воскресеніе, Вознесеніе?! Это такія событія, которыя навѣки оставили слѣды Божія присутствія въ природѣ, благословенія Божія и Его всемогущества... Надо сдѣлаться невѣромъ послѣ этого, чтобы отрѣшиться отъ религіозно-нравственнаго міровоззрѣнія на природу. А Христось и ученіе-то Свое облакаетъ въ высокохудожественныя притчи, взятая часто изъ природы, съ которою такъ близко живетъ православный русскій народъ. Это послѣднее обстоятельство сдѣлало религіозно-нравственное міровоззрѣніе русскаго народа жизненнымъ и оно получило практическое, огромное, всестороннее культурное значеніе, приблизило къ природѣ, которую народъ узналъ и знаетъ лучше дилетантовъ-книжниковъ, приурочивъ всѣ характерныя черты и явленія изъ природы къ праздникамъ, къ постанъ, къ днямъ въ честь нарочитыхъ святыхъ: Рождество, Крещеніе, Великій постъ, Пасха, Георгіевъ день, Николинъ день, Петровъ день, Ильинъ день, Александровъ день, Дмитріевъ день и проч., не только дни праздничные для вѣры, они въ то же время имѣютъ и культурное значеніе. Назовите православному русскому тотъ или другой праздникъ, у него сейчасъ же по ассоціаціи является вѣрное представленіе о состояніи, въ которомъ бываетъ природа въ это время. А эти прибавленія, какъ эпитеты, къ святымъ, напр. Капельникъ (св. Василиій), Грачевникъ (св. Герасимъ), на что указываютъ, какъ не на то, что народъ при религіозно-нравственномъ міровоззрѣніи, не такъ тупо, какъ нѣкоторые „умники“ полагаютъ, относится къ природѣ.

Хозяйственныя работы, въ особенности касающіяся главной промышленной отрасли русскаго народа — земледѣлія, полевныя работы, а также и въ огородѣ, въ саду, на пасѣкѣ, рыбная ловля—всегда приурочиваются къ праздникамъ или днямъ въ честь святыхъ. Даже срокъ работъ или найма для рабочихъ вычисляется церковными днями. И послѣ этого не признавать за церковностью культурнаго значенія, это, по нашему мнѣнію, значить умышленно сбивать народъ съ толку.

Намъ говорятъ, что всѣ эти знанія и наблюденія надъ природою *ненаучны*. Мы и не стараемся этого доказывать. Мы утверждаемъ только, что церковныя свѣдѣнія народа о природѣ совершенно раціональны, культурны. А научила народъ церковь. Она сама, безъ помощи науки, использовала нѣкоторыя явленія природы также съ практической цѣлю. Если мы не пользуемся, напр., „Зрячею Пасхалию“, то единственно потому, что не знаемъ настолько природу, насколько знаетъ ее церковь и, къ стыду нашему, нѣкоторые грамотеи по деревнямъ, умѣющіе смотрѣть въ Пасхалию. Возьмите хотя бы кругъ луны... Для насъ съ вами

уже стали непонятны такія выраженія, какъ: мѣсяць народился, мѣсяць на ущербѣ; мы сами не церковны, а для деревенскаго грамотея здѣсь все ясно: онъ безъ календаря знаетъ, по псалтырю, темныя и свѣтлыя ночи, погоду. Наблюденія его простираются дальше: онъ по звѣздамъ выходитъ изъ дремучаго лѣса, по вѣтру ѣдетъ съ озера, когда не видно береговъ и проч. И не думайте, чтобы свое знаніе отъ промѣнялъ на книжное, т. е. научное естествознаніе..

Если бы наши педагоги, руководящіе народнымъ просвѣщеніемъ, научили природу церковно-народнымъ методомъ и поощряли въ этомъ учащій персоналъ, то, при идеальномъ религиозно-нравственномъ міровоззрѣніи на природу, изъ всѣхъ знаній и наблюденій надъ природою могла бы образоваться дѣйствительно наука о приходѣ, но не свѣтская, а *церковно-народная*. Она и должна быть самымъ существеннымъ учебнымъ матеріаломъ въ начальной русской народній школѣ и была бы куда полезнѣе этихъ несчастныхъ популяризацій изъ естественныхъ наукъ, изъ спеціальныхъ учебниковъ по нимъ, надмевающихъ *двухъ* народнаго культурнаго просвѣщенія...

Такой церковно-народной науки о природѣ у нѣмцевъ нѣтъ; позаимствоваться не у кого. Придется самимъ потрудиться. И мы увѣрены, что труженики такіе найдутся, лишь бы разсѣять тьму, покрывающую нашу русскую народную школу — иноземщиной..

Священникъ Николай Каменевъ.

Церковная дисциплина по отношенію къ сектантамъ ¹⁾.

Въ борьбѣ съ религіозными заблужденіями и порочными наклонностями и поступками, которые проникали въ среду христіанъ и тамъ овладѣвали многими, Православная Церковь искони, со временъ своего божественнаго Основателя, усиленно пользовалась особыми средствами, совокупность которыхъ извѣстна подъ именемъ церковной дисциплины.

Въ наше время, когда въ нѣдрахъ Православной Церкви множатся отпаденія въ различныя секты, когда соблазнъ этихъ отпаденій растетъ, болѣе чѣмъ когда-либо надлежитъ подумать о церковной дисциплинѣ, приспособить ее къ удовлетворенію насущныхъ потребностей современной церковной жизни и немедленно привести въ дѣйствіе.

Къ этому мы побуждаемся еще слѣдующими соображеніями.

Узы, исторически скрѣпившія воедино судьбы Русскаго Государства и Православной Церкви въ Россіи, въ наше время значительно порваны. Новая государственная вѣроисповѣдная система далеко ушла у насъ отъ принципа особаго покровительства Православной Церкви. Если прежде внѣшнее удовлетвореніе религіозныхъ потребностей отщепенцамъ отъ Церкви—раскольникамъ и сектантамъ дозволялось государственными законами лишь постольку этимъ не могло быть, по мнѣнію законодателя, нанесено вреда господствующей вѣрѣ,—съ каковою цѣлью по всѣмъ вопросамъ относительно положенія въ государствѣ раскола и сектъ министерство внутреннихъ дѣлъ и вообще государственныя учрежденія входили въ соглашеніе съ Православною Церковью,—то теперь Русское Государство въ своей вѣроисповѣдной системѣ перешло на новую, исключительно государственную почву. Стоя на этой почвѣ, оно смотритъ на каждое исповѣданіе, расколъ или секту со стороны ихъ вреда, пользы или безразличія только для государственнаго благополучія, для общественной нравственности и спокойствія. Интересы-же Православной Церкви перестаютъ быть для него его собственными и во всякомъ случаѣ уже нисколько не обуславливаютъ собою появленія или характера того или иного госу-

¹⁾ Докладъ, читанный въ VI отд. предсоборнаго присутствія. Мистическія секты хлыетовъ и скопцовъ здѣсь не имѣются въ виду, такъ какъ о нихъ говорилось въ особомъ докладѣ.

дарственного вѣроисповѣднаго закона. При такой основной точкѣ зрѣнія новой государственной вѣротерпимости и самое соглашеніе государственныхъ учреждений съ Православною Церковью по дѣламъ, относящимся до отщепенцевъ отъ Церкви, отходить и уже отошло съ деликатною постепенностью въ область свѣжаго преданія. Теперь государство само творить вѣроисповѣдный законъ. Если оно и внимаеъ стороннему голосу, то только голосу тѣхъ, кого издаваемый имъ законъ касается непосредственно. Первенствующій, союзническій и совѣтническій для русскаго государства голосъ православной церкви во всѣхъ его вѣроисповѣдныхъ дѣлахъ упраздненъ. Вслѣдствіе этого государственная вѣроисповѣдная дисциплина потеряла значеніе положительной цѣнности въ глазахъ православной церкви, такъ какъ въ принципѣ отвергла, какъ свою цѣль, интересы православія и обосновалась исключительно на чисто-государственной базѣ, на соображеніяхъ чисто-государственного благополучія и пользы.

При такомъ положеніи у насъ государственной вѣротерпимости, православная церковь осталась безъ своего исконнаго союзника въ борьбѣ съ религіозными заблужденіями. Своимъ врагамъ она теперь можетъ противопоставить, и то въ извѣстной мѣрѣ, свои силы, свой мечъ, свою чисто-церковную дисциплину.

Разработка этой дисциплины, примѣнительно къ насущнымъ нуждамъ нашего времени, и проведеніе ея въ жизнь—вотъ задача, съ разрѣшеніемъ которой, особенно въ силу настоящаго положенія православной церкви въ Россіи, медлить нельзя.

Но при этомъ надо помнить, что теперь церковная дисциплина должна имѣть свою преимущественную цѣлью благополучіе и процвѣтаніе Церкви. Если прежде каждая церковно-дисциплинарная мѣра преслѣдовала обоюдную пользу Церкви и государства, если прежде церковь нерѣдко даже поступалась своими интересами въ пользу своего исконнаго союзника, снисходя къ его немощамъ, то теперь, когда узы, исторически связавшія у насъ судьбы церкви и государства во едино, значительно порваны, церковь вынуждается блюсти преимущественно свои интересы, не жертвуя ими въ пользу государства. Почему церковная дисциплина должна теперь создаваться у насъ почти независимо отъ соображеній государственной пользы и обосновываться на чисто-церковныхъ началахъ.

Въ затронутой нами области отношеній церкви къ сектантамъ церковная дисциплина должна быть запечатлѣна стремленіемъ оградить православныхъ чадъ отъ сектантскихъ соблазновъ и въ тоже время вразумить отщепенцевъ отъ церкви.

Здѣсь прежде всего мы обращаемъ вниманіе на общественныя молитвенныя собранія сектантовъ, особенно штундистовъ.

Прежде государственный законъ воспрещалъ общественныя молитвенныя собранія штундистовъ, какъ принадлежащихъ къ

наиболѣ вредной и для православія сектъ. Другимъ-же сектантамъ, если дозволялась свобода богосмоленія, то только безъ со-
вращенія на ихъ общественныхъ молитвенныхъ собраніяхъ пра-
вославныхъ. Такими дисциплинарными мѣрами государство зна-
чительно ограждало православныхъ отъ совращенія въ сектант-
ство, а сектантовъ сильно стѣсняло въ ихъ пропагаторской дѣ-
ятельности, главнымъ орудіемъ которой у штундистовъ были
ихъ общественныя молитвенныя собранія. Теперь-же, съ появле-
ніемъ закона о вѣротерпимости 17-го апрѣля 1905 года и пра-
вилъ о регистраціи сектантскихъ общинъ 17-го октября 1906 г.,
сектанты, въ томъ числѣ и штундисты, получили право на ни-
чѣмъ неограниченную свободу общественныхъ богомоленій, или
общественныхъ молитвенныхъ собраній, въ какомъ-бы вредномъ
для православной Церкви направленіи они ихъ ни совершали,
только-бы не учиняли „неправомѣрныхъ“ или преступныхъ съ
чисто-государственной точки зрѣнія дѣяній. Такимъ образомъ,
въ настоящее время государственная вѣроисповѣдная дисци-
плина совершенно отказалось отъ всякой попытки оградить пра-
вославныхъ отъ соблазна сектантскихъ общественныхъ молит-
венныхъ собраній. Посему въ этой области должна съ особен-
ною силою проявиться чисто-церковная дисциплина. Необходи-
мость ея именно здѣсь вытекаетъ еще изъ общепринятаго мнѣ-
нія объ особенномъ вредѣ сектантскихъ, въ частности штундо-
выхъ общественныхъ молитвенныхъ собраній для православ-
ныхъ. Можно съ увѣренностью сказать, что большинство совра-
щеній православныхъ въ штунду произошло именно благодаря
штундовымъ общественнымъ богомоленіямъ, ярко запечатлѣн-
нымъ обличеніемъ православной церкви и стремленіемъ отторг-
нуть въ сектантство ея чадъ. Это признаютъ и сами штундисты,
да и другіе сектанты. Почему они и стараются всячески при-
влечь православныхъ на свои молитвенныя собранія, гдѣ пори-
цаніемъ православной церкви, жизни православныхъ, своими им-
провизированными молитвами и пѣніемъ духовныхъ стихотво-
реній постепенно втягиваютъ въ сектантство. А если еще правос-
лавные живутъ вдали отъ своего храма, если у нихъ нѣтъ въ
достаточной мѣрѣ своего православнаго назиданія, то въ такихъ
случаяхъ хожденіе православныхъ на сектантскія собранія
является повальнымъ. Въ такомъ приходѣ на вопросъ: „зачѣмъ
вы ходите къ сектантамъ на собранія?“— православные обычно
отвѣчаютъ: „да дома скучно, а у нихъ не видно ничего пло-
хого—все читаютъ отъ Писанія“. Въ самомъ хожденіи на чужія
богомоленія нашъ православный крестьянинъ не приученъ ви-
дѣть плохое, преступное съ церковной точки зрѣнія. А если-бы
у насъ существовала я дѣйствовала въ этомъ направленіи дис-
циплина, то она значительно связала-бы и предохранила отъ
сектантской заразы. Тогда-бы нашъ крестьянинъ не говорилъ:
„у насъ хорошо, да и у нихъ нѣтъ ничего плохого“.

Церковная дисциплина по отношенію къ сектантскимъ обще-
ственнымъ молитвеннымъ собраніямъ должна, по нашему мнѣ-
нію, проявляться въ слѣдующемъ: не о б х о д и м о—1) публично

въ храмѣ, въ школѣ и проч...) и частно (въ домахъ православныхъ и при встрѣчѣ съ ними) увѣщевать и предостерегать прихожанъ отъ хожденій на сектантскія собранія, указывая имъ на преступность самихъ собраній и хожденій на нихъ, на причиняемый ими церкви вредъ. Для большаго вліянія на прихожанъ надо подкрѣплять свои слова ученіемъ Св. Писанія, каноновъ церкви и Св. отцовъ. Такимъ путемъ создастся въ приходѣ полезная для церкви атмосфера прещенія. На ея почвѣ возможны и дальнѣйшія дисциплинарныя мѣры: 2) обличеніе наединѣ, а затѣмъ и публично отдѣльныхъ лицъ, нарушившихъ пастырскій или церковный запретъ относительно посѣщенія сектантскихъ собраній; 3) епитимійное исправленіе и наказаніе виновныхъ, съ приглашеніемъ вѣрной паствы имѣть таковыхъ „на замѣчаніи“, чтобы исправить ихъ. Вообще епитимія должна соответствовать духу апостольскихъ наставленій (1 Коринѣ. 5 гл. 3. 5. 13 ст.; 11 гл. 32 ст. 2 Коринѣ. 2, 6-10. 2 Солун. 3, 14—15) и каноновъ церкви (VI Всел. Соб. пр. 102; Двукр. 10; Анкир. 5—9); 4) отлученіе отъ св. причастія и, наконецъ, отъ молитвеннаго общенія съ церковью тѣхъ, кои уже кичатся и открыто заявляютъ о своемъ уходѣ къ штундистамъ и моленіи съ ними (Апост. пр. 10. 45. 56. Антиох. 2. Лаодик. 33).

Для усиленія духовной разобщенности православныхъ отъ сектантовъ необходимо публично въ храмѣ произвести отлученіе всѣхъ, пребывающихъ въ той или другой сектѣ, съ изложениемъ вины отпавшихъ отъ Церкви сектантовъ. Конечно, подобныя отлученія должны произойти съ епископскаго разрѣшенія и послѣ соборнаго отлученія Русскою Православною Церковью всѣхъ отщепенцевъ отъ нея. При совершеніи акта отлученія въ томъ или другомъ приходѣ сектантовъ желательное присутствіе епархіальнаго миссіонера, который совмѣстно съ приходскимъ священникомъ подготовитъ путемъ бесѣды народъ къ сознательному отношенію и усвоенію важности даннаго церковнаго акта.

Вторымъ вопросомъ, которымъ, по нашему мнѣнію, немедленно должна занять свое вниманіе церковная дисциплина, является вопросъ объ огражденіи православныхъ семей отъ сектантской заразы.

До 17-го апрѣля 1905 года, точнѣе до 14-го марта 1906 г., законъ касался религіознаго быта православной семьи. Такъ, онъ обязывалъ родителей приводить къ исповѣди дѣтей своихъ, достигнувшихъ семилѣтняго возраста (209 ст. Улож. о нак.); повелѣвалъ отцу стараться о сохраненіи его женою и дѣтми православной вѣры и, въ случаѣ намѣренія ихъ отступить отъ православія, увѣщевать ихъ и вообще законнымъ путемъ препятствовать имъ привести въ исполненіе свое намѣреніе (ст. 192-я Ул. о нак.) и т. д.. Нарушеніе закона сопровождалось для виновныхъ тѣмъ или другимъ наказаніемъ. Теперь же всѣ подобныя узаконенія отмѣнены. Православная семья освобождена отъ вмѣшательства въ ея чисто-религіозный бытъ государственной вѣроисповѣдной дисциплины, пока то или другое

проявленіе этого быта не причесеть ущерба интересамъ собственно Государства.

Понятно, что съ упраздненіемъ въ сферѣ православной семьи государственной дисциплины, преслѣдующей интересы православной вѣры, Церковь сама должна усиленно и немедленно позаботиться о томъ, чтобы своею церковною дисциплиною предохранить православную семью отъ религіознаго разложенія и укрѣпить въ ея нѣдрахъ церковный укладъ. Церковная дисциплина въ православной семьѣ должна ярко обосноваться на признаніи мужа или отца семьи главою, которому должны повиноваться мать и дѣти и который съ своей стороны долженъ обращаться съ женою благоразумно, любить ее, не раздражать своихъ дѣтей, но воспитывать ихъ въ ученіи и наставленіи Господнемъ (1 Птр.3,1.7. Ефес. 5, 24.25. 6,1—4.). Нарушеніе кѣмъ-либо въ семьѣ своихъ священннхъ обязанностей должно сопровождаться примѣненіемъ къ виновному той или другой, въ зависимости отъ проступка, церковно-дисциплинарной мѣры. Пастырь Церкви не долженъ считать неприкосновеннымъ для себя семейный бытъ своихъ овецъ. Нѣтъ, блюсти его въ чистотѣ и святости—это его прямой долгъ. Нельзя говорить здѣсь о сыскѣ. Къ любимому пастырю овцы сами пойдутъ съ своею душевною тугою и его приходу всегда будутъ рады, какъ свѣтлому дню. Мы слишкомъ отмежевали семейный бытъ православныхъ отъ вліянія на него пастырей Церкви. Между тѣмъ въ немъ фундаментъ церковнаго строительства. Сектанты поняли это прекрасно. Почему они и стараются совращать православныхъ прежде всего путемъ внесенія улучшеній въ ихъ семейный бытъ. Ни для кого не тайна—обычная повѣсть совратившагося въ секту православнаго: „я прежде билъ жену, дѣтей; бранилъ ихъ разнымъ чернымъ словомъ; пропивалъ послѣдній рубль и заставлялъ ихъ голодать. Куда они ходили: въ храмъ, или на распутное веселье,—мнѣ дѣла не было до нихъ. Чему училъ ихъ? Я не знаю, да и самъ я ничего не зналъ!.. Никто-жъ ко мнѣ и не пришелъ, и не наставилъ. Теперь-же Слово Божіе читаю, не пью и не бранюсь, семью люблю и въ Божьихъ заповѣдяхъ ее поучаю. Кто такъ меня наставилъ, къ тому я и пошелъ“... Пусть здѣсь все преувеличено, но много есть и правды,—этого нельзя съ открытыми глазами отрицать. Ближе, надо ближе стать къ внутренней жизни православной семьи, надо внести въ ее бытъ и Божію милость, и Божій запретъ. Пусть виновный въ нарушеніи отеческихъ, материнскихъ, сыновнихъ или дочернихъ обязанностей въ семьѣ понесетъ церковное наказаніе, или подвергнется церковному врачеванію въ томъ или другомъ видѣ, смотря по надобности, и вы увидите, какъ сильно возрастетъ обаяніе пастыря Церкви въ семьѣ, какъ трудно станетъ оторвать члена такой семьи отъ его духовнаго врача. Конечно, пастырь и въ наказаніи долженъ проявить любовь къ согрѣшившей овцѣ. Потребуйте отъ каждой семьи, особенно отъ ея главы, чтобы исправно въ ней исполнялся долгъ исповѣди и св. причастія, чтобы приступали къ таинству послѣ мира со всѣми и

особенно съ домашними (въ Малороссіи и доселѣ кой-гдѣ сохранился обычай „прощеныхъ дней“), вразумите ослушниковъ церковнымъ взысканіемъ,—и обаяніе Церкви въ семьѣ возрастеть и немощные окрѣпнуть. Иначе, безъ старанія пропитать всѣ проявленія семейнаго быта православнымъ церковнымъ духомъ,—трудно пастырю Церкви сохранить овецъ отъ разсѣянія. Необходимость сказаннаго нами станетъ еще болѣе очевидной, когда мы посмотримъ на то, какъ далеко отъ церковнаго берега отчалилъ быть современной православной семьѣ и куда ее влекутъ волны мірскаго прогресса!..

Перейдемъ теперь къ рѣшенію вопроса объ огражденіи путемъ дисциплины православной семьѣ отъ распространенія въ ней сектантства, тѣми членами ея, которые уже отступили отъ православія, и о дисциплинарномъ вразумленіи послѣднихъ.

Прежде законъ считалъ отпаденіе отъ православія преступнымъ дѣяніемъ, предусмотрѣннымъ уголовнымъ уложеніемъ (ст. 188-я) и влекущимъ за собою для виновнаго потерю нѣкоторыхъ личныхъ и гражданскихъ, семейственныхъ и имущественныхъ правъ (38. 39. 57-я ст. Уст. пред. пресѣч. прест.). Законодательство отказывало отступнику въ законной принадлежности къ другому исповѣданію и въ пользованіи правами членовъ этого исповѣданія, а оставляло его въ вѣдѣніи православнаго духовенства (91/9, Гримма; 91/10, Леціуса). Вина отпавшихъ отъ православія не покрывалась давностью, какъ непрерывно продолжающаяся, доколѣ они не обратятся къ долгу (ст. 162-я Улож.). Теперь-же, со времени закона 17 апрѣля 1905 года, отпаденіе отъ православной вѣры въ другое христіанское исповѣданіе не подлежитъ преслѣдованію и не влечетъ за собою какихъ-либо невыгодныхъ въ отношеніи личныхъ или гражданскихъ правъ послѣдствій. Далѣе, отпавшее отъ православія лицо, по достиженіи совершеннолѣтія, признается принадлежащимъ къ избранному имъ для себя исповѣданію и пользуется всѣми правами членовъ послѣдняго.

Такимъ образомъ, государство открыло законный путь къ разложенію вѣры въ отдѣльныхъ членахъ православной семьѣ. Посему со стороны Церкви должны быть усилены мѣры къ огражденію православной семьѣ отъ случаевъ совершения ея членовъ въ сектантство. Здѣсь Церковь должна дѣйствовать на пошатнушагося въ преданности православію члена семьѣ чрезъ остальныхъ членовъ той-же семьѣ, оставшихся ей вѣрными, и особенно чрезъ главу семьѣ. Она должна побуждать ихъ принять мѣры къ вразумленію заблудшаго. Такъ постепенно упразднится въ православной семьѣ та теплотость, которую она нерѣдко проявляетъ къ своему члену, отпавшему отъ православія. Семья пойметъ свой долгъ предъ заблудшимъ и свою вину въ неисполненіи этого долга.

Пользу отъ такой семейно-церковной дисциплины давно поняли наши сектанты. Напримѣръ, штундовыя „пресвитеры“ часто не допускаютъ до крещенія, а тѣмъ болѣе до чаши тѣхъ штун-

дистовъ, въ семьѣ которыхъ еще остаются православные члены. Этимъ они усиливаютъ въ своихъ овцахъ стараніе совратить православныхъ въ секту, чтобы затѣмъ вступить въ полное общеніе съ штундовою общиною. И должно сказать, что такой способъ пропаганды сектантства не только сопровождается большимъ успѣхомъ, но еще и вырабатываетъ изъ рядового сектанта миссіонера. Отъ того-то каждый штундистъ дышетъ текстами, къ сожалѣнію, ложно имъ понятыми.

Внести духъ прозелитизма въ православную семью, особенно если въ ея средѣ есть заблудшіе, показать ей, что въ насыщеніи этимъ духомъ ея обязанность предъ Церковью и что въ пренебреженіи имъ кроется великій грѣхъ—вотъ въ чемъ задача Церкви особенно нашего времени по отношенію къ православной семьѣ, тѣмъ болѣе къ семьѣ, имѣющей въ числѣ своихъ членовъ сектантовъ.

Направляя означеннымъ путемъ дѣятельность православныхъ членовъ семьи къ вразумленію заблудшихъ, Церковь тѣмъ самымъ предохраняетъ и ихъ отъ вліянія сектантской пропаганды. Въ самомъ дѣлѣ, объединенные сознаниемъ своего общаго долга предъ Церковью, стремящіеся къ одной цѣли—вразумить заблудшаго, изучающіе всѣ средства къ тому и, главнымъ образомъ, Слово Божіе,—православные члены семьи явятся непреступною твердынею для своего сочлена—сектанта. Пропаганда послѣдняго останется безплодною, рвеніе къ совращенію православныхъ у него падетъ и дорога къ возвращенію его въ православіе значительно откроется. Но въ случаѣ крайняго упорства заблудшаго и ожесточенныхъ попытокъ его къ совращенію православныхъ членовъ семьи, надо предложить послѣднимъ прекратить съ нимъ, если не житейское, то полное духовное общеніе, чтобы вразумить его. Съ цѣлью-же подѣйствовать на православную семью въ этомъ направленіи должно гласно въ Церкви отлучить упорнаго сектанта отъ всякаго общенія съ нею и повелѣть всѣмъ православнымъ не сообщаться съ еретикомъ и имѣть его на замѣчаніи. Только такую мѣрою возможно сдержать ожесточеннаго фанатика-сектанта.

Но если и эта мѣра окажется безсильною, если особенно глава семьи по прежнему будетъ стараться совратить въ секту свою жену и дѣтей, если онъ не будетъ разбирать средства для достиженія своей преступной цѣли, но, пользуясь своею властью, станетъ подвергать православныхъ членовъ семьи постояннымъ и тяжкимъ оскорбленіямъ, глумленіямъ, а нерѣдко и чисто мученическимъ страданіямъ за стойкость ихъ въ православной вѣрѣ, такъ что имъ ни встать, ни лечь, ни сѣсть за столъ нельзя безъ того, чтобы глава ихъ не поглумился надъ крестнымъ знаменіемъ, надъ св. иконами, надъ ихъ молитвою, чтобы съ угрозою онъ не заставлялъ ихъ ѣсть въ постъ скоромное, бросить креститься, вынести изъ избы иконы и молиться по-сектантски, то необходимо дать возможность православному супругу, если онъ пожелаетъ, развестись съ отпавшимъ отъ православія, чтобы сохранить свою вѣру неповрежденной. Соб-

ственно говоря, при отпаденіи одного изъ православныхъ супруговъ отъ православія, бракъ такихъ супруговъ теряетъ значеніе христіанскаго таинства брака, такъ какъ перестаетъ быть образомъ единенія Христа съ Церковью. Посему въ такихъ случаяхъ умѣстнѣе говорить не о расторженіи брака, а о разрѣшеніи православному супругу раздѣльнаго жительства съ неправославнымъ. Но при этомъ необходимо вмѣнить въ обязанность православному супругу взять къ себѣ на воспитаніе дѣтей, происшедшихъ отъ его брака съ отпавшимъ въ секту, а дѣтямъ внушить, что они должны, въ цѣляхъ сохраненія своей вѣры, перейти на жительства къ православному отцу или матери, такъ какъ Апостоль повелѣваетъ имъ быть „святыми“, а каноны Церкви предлагаютъ „соблюдать правовѣріе предпочтительнѣе“ (Гангр. соб. пр. 16-е).

Если-же православный супругъ не пожелаетъ разойтись съ неправославнымъ, то надлежитъ обратить усиленное вниманіе на дѣтей въ такой семьѣ. Прежде законъ старательно оберегалъ ихъ отъ совращенія изъ православія отпавшими въ секту ихъ родителями. Теперь-же дѣло охраны православія дѣтей, рожденныхъ отъ православнаго брака, обстоитъ печально. Только если одинъ изъ супруговъ отпадетъ отъ православія, то дѣти остаются православными. Но если оба супруга соврачатся въ секту, то законъ даетъ имъ право увести за собою и своихъ дѣтей, не достигшихъ 14-лѣтняго возраста. Здѣсь кореннымъ образомъ попроано право первенствующей въ Россіи Православной Церкви и надъ довольно взрослыми дѣтьми, на примѣръ, даже 13-ти лѣтъ, узаконено религиозное насиліе!.. Необходимо признать, что всѣ дѣти, рожденныя отъ православныхъ родителей, одного или обоихъ, независимо отъ ихъ возраста, должны быть воспитываемы въ православіи до гражданскаго совершеннолѣтія, хотя-бы и оба супруга уклонились въ секту. Сверхъ того, надлежитъ просить законной гарантіи того, что дѣти, достигшія 14-ти лѣтъ, при отпаденіи ихъ родителей въ секту, дѣйствительно будутъ воспитываться такими родителями въ православіи.

Обратимъ теперь вниманіе на смѣшанный бракъ. Какъ оградить православныхъ членовъ семьи, происшедшей отъ смѣшаннаго брака православнаго съ неправославнымъ супругомъ, отъ совращенія въ вѣру неправославнаго супруга? Подобныя браки, къ сожалѣнію, новымъ государственнымъ закономъ, санкціонированнымъ для Церкви и высшею Церковною властью, дозволены не только раскольникамъ, но и сектантамъ и притомъ безотнositельно къ степени ихъ религиозныхъ заблужденій, почему и не разъяснено: какъ имъ раскольникамъ и какъ имъ сектантамъ?!. Соблазнъ огромный! Вредъ для Церкви неисчислимый, если мы хотя сколько-нибудь ознакомимся съ прозелитизмомъ раскола и сектъ и съ поразительнымъ извращеніемъ многими сектами всей христіанской морали и догмы. Собственно говоря, стоя на библейской и канонической почвѣ, Православная Церковь должна воспретить смѣшанные браки православ

ныхъ съ неправославными ¹⁾. Но такъ какъ мы вынуждены считаться съ печальною дѣйствительностью, то и предлагаемъ средства къ уменьшенію вреда отъ подобныхъ браковъ для Церкви.

При современной свободѣ и полной безнаказанности совращенія путемъ убѣжденія православныхъ въ различныя исповѣданія и секты, а также при свободѣ отпаденія отъ православія, смѣшанные браки являются мощнымъ орудіемъ въ рукахъ разныхъ сектъ и инославныхъ исповѣданій въ дѣлѣ совращенія православныхъ въ вѣру неправославнаго супруга. Посему необходимо прійти на помощь православнымъ въ ихъ борьбѣ съ неправославными, съ которыми они сочетались бракомъ и которые, не смотря на данное обязательство не касаться вѣры православнаго супруга, все-же всѣми силами стараются свратить его и дѣтей въ свою вѣру. Въ такихъ случаяхъ, при желаніи православнаго супруга, разрѣшить ему развестись съ неправославнымъ, но съ тѣмъ, чтобы прижитыхъ отъ такого брака дѣтей онъ взялъ къ себѣ на воспитаніе. Конечно, вина развода всецѣло падаетъ здѣсь на неправославнаго, почему ему и запрещается вторично вступать въ бракъ съ православнымъ. Разведенному-же православному супругу если и дозволяется новый бракъ, то только съ православнымъ.

Въ огражденіе дѣтей отъ смѣшаннаго брака отъ совращенія ихъ въ вѣру неправославнаго супруга необходимо также принять особыя мѣры. Къ сожалѣнію, новое законодательство гарантируетъ воспитаніе дѣтей отъ названнаго брака въ православной вѣрѣ только въ случаѣ сохраненія православнымъ супругомъ своей вѣры и притомъ эта гарантія распространяется только на дѣтей до 14 лѣтняго возраста. Понятно, что недостающее должно быть восполнено. Необходимо, чтобы законная гарантія (ст. 89-я Нов. Угол. Улож.) была распространена на православныхъ дѣтей отъ смѣшаннаго брака до ихъ гражданскаго совершеннолѣтія. При допущеніи смѣшаннаго брака, въ устраненіе всякихъ недоразумѣній и конфликтовъ, взять съ неправославнаго супруга обязательство безпрекословно отдать дѣтей отъ его брака съ православнымъ, въ случаѣ расторженія этого брака, супругу православному. Предвидя возможность отпаденія православнаго супруга въ вѣру неправославнаго, необходимо, при допущеніи смѣшаннаго брака, взять съ обоихъ супруговъ обязательство воспитывать дѣтей, рожденныхъ отъ такого брака, за все время сохраненія православнымъ своей вѣры, до гражданскаго ихъ совершеннолѣтія въ вѣрѣ православной. Перечисленными мѣрами, при постоянномъ духовномъ воздѣйствіи на православныхъ членовъ семьи отъ смѣшаннаго брака, возможно значительно сократить вредъ для Церкви отъ подобныхъ браковъ.

Остается намъ рассмотреть вопросъ объ огражденіи членовъ православной семьи, происшедшей отъ брака двухъ

¹⁾ Объ этомъ мы подробно говорили въ соединенномъ засѣданіи 3-хъ отдѣловъ присутствія, когда обсуждался данный вопросъ.

супруговъ въ иновѣріи, когда затѣмъ одинъ изъ супруговъ принялъ православіе, — отъ совращенія въ вѣру неправославнаго супруга. Конечно, дальнѣйшее сожительство такихъ супруговъ можетъ быть допущено только при воспитаніи рожденныхъ дѣтей въ православіи до ихъ гражданскаго совершеннолѣтія и предоставленіи православному супругу свободнаго исповѣданія имъ своей новой вѣры. При нарушеніи этихъ условій, необходимо дать православному супругу, при его желаніи, возможность развестись съ неправославнымъ. Въ данномъ случаѣ не будетъ нарушенъ духъ апостольскаго завѣта: „если какой братъ имѣетъ жену невѣрующую, и она согласна жить съ нимъ, то онъ не долженъ оставлять ее; и жена, которая имѣетъ мужа невѣрующаго, и онъ согласенъ жить съ нею, не должна оставлять его. Ибо невѣрующій мужъ освящается женою вѣрующею, и жена невѣрующая освящается мужемъ вѣрующимъ. Иначе дѣти ваши были бы нечисты, а теперь святы. Если же невѣрующій захочетъ развестись, пусть разводится; братъ или сестра въ такихъ случаяхъ не связаны; къ миру призвалъ насъ Господь. Почему ты знаешь, жена, не спасешь-ли мужа? Или ты, мужъ, почему знаешь, не спасешь-ли жены?..“ Какъ видимъ, ап. Павелъ запрещаетъ вѣрному супругу оставлять невѣрнаго не вообщее, не всегда, а только при слѣдующихъ условіяхъ: 1) когда невѣрующій супругъ желаетъ жить съ вѣрнымъ, притомъ въ мирѣ, 2) когда невѣрующій освящается вѣрующимъ и 3) когда дѣти отъ такого сожитія „святы“, или крещаются и пребываютъ въ Церкви. При отсутствіи этихъ условій, вѣрующій супругъ освобождается отъ связи съ невѣрующимъ. Слѣдовательно, если невѣрный супругъ не даетъ вѣрному святить дѣтей, если онъ не только самъ не освящается вѣрнымъ, но всѣми средствами, даже насиліемъ и т. под., старается совратить вѣрнаго въ невѣріе, если онъ превращаетъ жизнь въ адъ, и не проводитъ ее въ мирѣ съ вѣрнымъ, то, попирая этимъ апостольскіе завѣты для сожитія вѣрнаго съ невѣрнымъ, онъ ясно своими дѣйствіями, безъ словъ и даже хотя-бы вопреки словесному заявленію, свидѣтельствуетъ о своемъ нежеланіи жить съ вѣрнымъ, пока послѣдній пребываетъ въ вѣрѣ. Понятно, что Церковь, принимая отъ вѣрнаго свидѣтельство о жизни съ нимъ невѣрнаго, а также основанную на этомъ свидѣтельствѣ просьбу о разрѣшеніи оставить невѣрнаго должна, провѣривъ показанія вѣрнаго, дать имъ значеніе, не меньшее словеснаго заявленія невѣрнаго. Болѣе того, провѣренными показаніями вѣрнаго она оцѣниваетъ достоинство заявленія невѣрнаго. Убѣдившись въ лжи невѣрнаго и въ правдѣ показаній вѣрнаго, она удовлетворяетъ просьбу послѣдняго, и вину ихъ разлученія переноситъ на невѣрнаго. Такъ соблюдается апостольское повелѣніе, чтобы въ такихъ случаяхъ виновнымъ былъ только невѣрный. Но отъ вѣрнаго Церковь все-же требуетъ, чтобы онъ взялъ къ себѣ на воспитаніе дѣтей, которыхъ долженъ святить. Если второй бракъ и можетъ быть разрѣшенъ такому вѣрному, то уже только съ православнымъ.

Винновому-же въ разводѣ невѣрному, если онъ принадлежитъ къ лицамъ, пользующимся правомъ на смѣшанный бракъ, воспрещается вступленіе въ бракъ съ православной. Возможно, что православный супругъ отпадетъ въ свое прежнее невѣріе или въ другую какую-нибудь вѣру. Въ такихъ случаяхъ дѣти, рожденныя за время пребыванія его въ православіи, должны быть воспитываемы въ православной вѣрѣ.

На этомъ я кончаю обзоръ церковно-дисциплинарныхъ мѣръ въ огражденіе различнаго рода православныхъ семействъ отъ сектантской заразы.

Въ заключеніе нахожу весьма желательнымъ упразднить одинъ большой соблавъ для православныхъ, проистекающій отъ того, что на кладбищахъ, или на особо отгороженныхъ на нихъ мѣстахъ, гдѣ покоятся подъ знаменемъ креста тѣла усопшихъ членовъ православныхъ семействъ, погребаются и различнаго рода сектанты, враги видимаго креста Христова, внесшіе въ православныя семьи духовный разладъ и причинившіе Церкви тяжелыя муки.

Законодательныя положенія 1).

Церковная дисциплина по отношенію къ сектантскимъ общественымъ молитвеннымъ собраніямъ должна проявляться въ слѣдующемъ: необходимо а) публично—въ храмѣ, въ школѣ, во время соборствованій, и прочихъ мѣстахъ, а также частно—въ домахъ православныхъ и при встрѣчѣ съ ними увѣщевать и предостерегать православныхъ прихожанъ отъ хожденій на сектантскія собранія, указывая имъ на преступность самихъ собраній и посѣщенія ихъ, на причиняемый ими православной Церкви вредъ. Въ подкрѣпленіе подобныхъ предостереженій приводятъ соотвѣтствующія слова изъ Св. Писанія, каноновъ Церкви и твореній св. отцовъ; б) обличать наединѣ, а затѣмъ и публично отдѣльныхъ лицъ, нарушившихъ церковный запретъ посѣщеніемъ сектантскихъ собраній; в) эпитимійно врачевать и наказывать упорно ходящихъ на сектантскія собранія, съ приглашеніемъ вѣрныхъ православныхъ имѣть виновныхъ на замѣчаніи и не сообщаться съ ними, чтобы исправить ихъ. Епитимія должна соотвѣтствовать духу апостольскихъ наставленій (1 Коринѣ. 5 гл. 3. 5. 13; 11 гл. 32 ст. 2 Кор. 2, 6—10; 2 Солун. 3, 14—15) и каноновъ Церкви (17-го Всел. Соб. пр. 102-е; Двукр. 10-е, Анкир. 5—9-е); г) отлучать отъ св. причастія и, наконецъ, отъ молитвеннаго общенія съ Церковью тѣхъ, которые уже открыто заявляютъ о своемъ уходѣ къ сектантамъ и моленіи съ

1) Въ изложенной редакціи они приняты VI-мъ отдѣломъ Предсоборнаго Присутствія.

ними на ихъ собраніяхъ (Апост. пр. 10. 45. 65. Антиох. 2. Лаодик. 38). Съ тою-же цѣлью воспрещенія для православныхъ хожденій на сектантскія молитвенныя собранія необходимо усилить духовную разобщенность между православными и сектантами путемъ: а) публичнаго въ храмѣ отлученія отъ Церкви всѣхъ, пребывавшихъ въ сектантской общинѣ и молящихся по ея обычаямъ и б) разъясненія православнымъ важности даннаго церковнаго акта.

II.

Церковная дисциплина въ дѣлѣ огражденія различнаго рода православныхъ семействъ отъ разлагающаго вліянія сектантской пропаганды должна проявляться въ слѣдующемъ:

1) Прежде всего въ дѣлѣ огражденія чисто-православной семьи отъ сектантской заразы необходимо: а) пропитать всѣ проявленія семейнаго быта православныхъ чадъ церковно-христіанскимъ духомъ, для чего пастырямъ Церкви какъ можно ближе стать къ семейной жизни православныхъ и руководить ею, по завѣтамъ Церкви; б) утвердить семью въ признаніи отца ея главою, которому должны повиноваться мать и дѣти, и который съ своей стороны долженъ обращаться съ женою благообразно, любить ее, не раздражать дѣтей своихъ, но воспитывать ихъ въ ученіи и наставленіи Господнемъ (1 Петр. 3, 1—7. Ефес. 5, 24—25; 6, 1—4); в) требовать отъ семьи, особенно отъ ея главы, чтобы въ ней исправно исполнялся важнѣйшій христіанскій долгъ исповѣди и св. причастія, чтобы приступали къ великому таинству, примирившись со всѣми, особенно съ домашними, чтобы и ко всѣмъ церковнымъ завѣтамъ относились съ должнымъ вниманіемъ и благоговѣніемъ; г) подвергать церковно-епитимійному врачеванію виновныхъ въ нарушеніи отеческихъ, материнскихъ, сыновнихъ или дочернихъ обязанностей въ семьѣ, обращая вниманіе на условія и характеръ проступка, а также на положеніе виновнаго въ семьѣ.

2) Въ дѣлѣ огражденія православной семьи отъ пропаганды совратившихся въ сектантство ея членовъ и вразумленія послѣднихъ необходимо: а) сплотить вѣрныхъ членовъ семьи единствомъ ихъ христіанскаго долга твердо стоять въ своей вѣрѣ и вразумлять совокупными силами заблудшаго, б) просить такого вразумленія особенно у главы семьи, в) предложить вѣрнымъ членамъ семьи прекратить съ упорнымъ и жестокимъ невѣрнымъ ихъ сочленомъ если не житейское, то полное духовное общеніе, г) отлучить упорствующаго въ заблужденіи отъ общенія съ Церковью и призвать всѣхъ православныхъ къ прекращенію съ нимъ всякаго общенія, чѣмъ подкрѣпится и семья въ своемъ врачующемъ отношеніи къ заблудшему, д) воздѣйствовать на православныхъ членовъ семьи, соблазняющихъ своимъ поведеніемъ заблудшаго, путемъ церковной епитиміи, е) разрѣшить православному супругу, въ случаѣ насильственнаго совращенія его въ секту другимъ супругомъ, отпавшимъ отъ православія, а также и другого рода нависшаго

надъ нимъ религіознаго гнета со стороны отпавшаго супруга, не милующаго и дѣтей,—просить Церковь о расторженіи его брака съ неправославнымъ супругомъ и вмѣненіи вины къ разводу отпавшему отъ православія; приче́мъ разрѣшать такой разводъ подъ условіемъ принятія православнымъ супругомъ дѣтей отъ его брака съ отпавшимъ къ себѣ на воспитаніе, ж) предоставить разведенному православному супругу право на вступленіе въ новый бракъ, но только съ вѣрнымъ, з) лишить отпавшаго отъ православія и виновнаго въ расторженіи его брака съ православнымъ права на вступленіе въ новый бракъ съ православнымъ, но если онъ возвратится въ православіе, то такой бракъ можетъ произойти только съ разрѣшенія епископа, и) внушить дѣтямъ, что „правовѣріе“ должно быть „ими соблюдаемо „предпочтительно“ (Гангр. соб. пр. 16-е) и что они должны быть „святѣ“, для чего имъ надлежитъ перейти на жительство къ православному отцу, или матери, и) признать, что, въ случаѣ отпаденія въ сектантство обоихъ супруговъ, всѣ дѣти ихъ, независимо отъ возраста, рожденныя до совращенія супруговъ въ секту, должны быть воспитываемы въ православіи, о чемъ внушать дѣтямъ, ихъ воспріемникамъ и православнымъ родственникамъ, располагая всѣхъ къ исполненію лежащаго на нихъ христіанскаго долга и о чемъ ходатайствовать предъ государственною властью; сверхъ того, просить послѣднюю, чтобы отъ такихъ супруговъ, прежде внесенія ихъ въ число членовъ зарегистрированной ~~сектантской общины, отбирались подписки о воспитаніи ими дѣтей въ православной вѣрѣ, приче́мъ нарушение даннаго обязательства должно влечь за собою исключеніе ихъ изъ общины,~~ к) оказывать названнѣмъ дѣтямъ, въ случаѣ посягательства на ихъ вѣру со стороны ихъ родителей, всяческую помощь въ дѣлѣ перехода ихъ на жительство къ православнымъ.

3) въ дѣлѣ огражденія православной семьи, происшедшей отъ смѣшаннаго брака православнаго съ неправославнымъ,—если только такіе браки не будутъ воспрещены, отъ совращенія въ вѣру неправославнаго супруга необходимо: а) предоставить православному супругу право расторгнуть свой бракъ съ неправославнымъ, въ случаѣ нарушенія послѣднимъ данныхъ при бракѣ обязательствъ не касаться вѣры православнаго супруга и воспитывать дѣтей отъ брака съ нимъ въ православіи; но при этомъ православный супругъ обязанъ взять къ себѣ дѣтей на воспитаніе, б) предоставить православному разведенному супругу право на новый бракъ, но только съ православнымъ, в) лишить разведеннаго неправославнаго супруга права на вступленіе въ новый бракъ съ православнымъ; но если онъ приметъ православіе, то на такой бракъ необходимо разрѣшеніе архіерея, г) поставить непремѣннымъ условіемъ заключенія смѣшаннаго брака принадлежность дѣтей, въ случаѣ расторженія этого брака, православному супругу, д) признать, что вступающій въ смѣшанный бракъ съ православнымъ обязанъ воспитывать дѣтей своихъ отъ этого брака въ православіи до ихъ гражданскаго совершеннолѣтія, а не только до 14-ти лѣтъ

е) признать, что, съ переходомъ православнаго супруга въ вѣру неправославнаго, всѣ дѣти ихъ, рожденные до отпаденія православнаго, должны быть воспитываемы въ православіи до ихъ гражданскаго совершеннолѣтія, ж) примѣнять къ православнымъ членамъ семьи отъ смѣшаннаго брака всѣ вышеизложенныя мѣры духовнаго воздѣйствія на нихъ и врачеванія, съ цѣлью укрѣпить ихъ въ преданности православной вѣрѣ и побудить приобщить къ ней неправославнаго супруга.

4) Въ дѣлѣ огражденія православной семьи, происшедшей отъ брака ея супруговъ въ неправославіи, когда одинъ изъ супруговъ принялъ православіе,—отъ совращенія въ вѣру неправославнаго супруга необходимо: а) пользоваться всѣми духовными мѣрами воздѣйствія на православнаго супруга и чрезъ него на неправославнаго, б) признать, что дальнѣйшее сожителство ихъ возможно только при воспитаніи рождаемыхъ дѣтей въ православіи, в) предоставить православному супругу право просить развода съ неправославнымъ, если послѣдній посягаетъ на его вѣру, на вѣру дѣтей и вообще не желаетъ жить съ нимъ въ мирѣ, безъ религіозныхъ распрей, причемъ православному супругу вмѣнить въ обязанность взять дѣтей къ себѣ на воспитаніе, г) дать право православному супругу на новый бракъ, но только съ православнымъ, д) лишить неправославнаго супруга права на смѣшанный бракъ съ православнымъ, если онъ, какъ инославный христіанинъ, пожелалъ-бы воспользоваться этимъ правомъ; но, въ случаѣ принятія имъ православія, бракъ его съ православнымъ разрѣшается епископскою властью, е) обязательство воспитанія дѣтей въ православной вѣрѣ признать дѣйствующимъ до ихъ гражданскаго совершеннолѣтія, ж) рожденныхъ, во время пребыванія одного изъ супруговъ въ православіи, дѣтей считать православными, хотя-бы означенный супругъ ушелъ въ неправославіе.

III.

Признать желательнымъ, чтобы на православныхъ кладбищахъ, а равно на особо отведенныхъ на нихъ мѣстахъ не погребались умершіе сектанты, а чтобы для этого имъ назначались отдѣльныя мѣста.

И. Айвазовъ.

Къ исторіи секты бесѣдниковъ.

«Горе міру отъ соблазна». «Горе
человѣку имъ же соблазнъ, при-
ходить».

Секта бесѣдниковъ представляетъ собой разновидность хлы-
стовства. Она получила свое названіе отъ того, что послѣдова-
тели ея собираются на бесѣдки, которымъ въ дѣлѣ спасенія
придаютъ большее значеніе, чѣмъ церкви Христовой съ ея бого-
учрежденными таинствами и священноначаліемъ.

Появилась эта секта въ селѣ Раковкѣ, Самарскаго уѣзда. Ере-
сеначальницей или точнѣе организаторшей ея считается нѣкая
вдовица Настасья Кузьминишна Керова (инокиня Марія), болѣе
извѣстная подъ именемъ „тетушки Кузьминишны“, или „ма-
тушки Маріи“.

Когда сама Кузьминишна заразилась сектантствомъ, точно не-
извѣстно, замѣтное же проявленіе ея сектаторской пропаганды
относится ко времени основанія Свято-Троицкаго Раковскаго
женскаго монастыря, Самарской губерніи; да и вообще то судьба
секты тѣсно связана съ начальнымъ устройствомъ этой обители.
Исторія замѣтнаго появленія секты такова. Въ началѣ 50-хъ го-
довъ 19 столѣтія Настасья Кузьминишна, заразившаяся во время
хожденія по богомольямъ идеями хлыстовства и уже знавшая
„всю глубину писанія“, задумала основать свою обитель, для
чего и рѣшила эксплуатировать любовь русскаго народа къ бла-
гочестію и при томъ въ возможно широкихъ размѣрахъ, а чер-
ничекъ-келейницъ избрала оружіемъ этой эксплоатаціи, дабы
черезъ ихъ посредство сразу же широко развить популяриность
своей „святой“, „подвижнической жизни“, и черезъ то найти
благодѣтелей, которые помогли бы ей осуществить свой замы-
селъ.

На успѣхъ этого дѣла она вполне рассчитывала, потому что,
странствуя по святымъ мѣстамъ, она давно видѣла, что почти
въ каждомъ селеніи можно встрѣтить такъ называемыхъ черни-
чекъ-келейницъ, которыя за свое благочестіе пользуются боль-
шими симпатіями народа, а порой, въ силу того же хотя бы и
показнаго благочестія, даже имѣютъ и вліяніе на него. Какъ
женщина не глупая, она хорошо понимала, что это объясняется
тѣмъ, что въ душѣ русскаго народа искони живетъ стремленіе
къ благочестію, къ подвижничеству, предъ коими русскій на-

родъ всегда преклоняется; а какъ велика и сильна эта врожденная любовь русскаго народа къ благочестію, она знала и по собственному опыту и наглядно видѣла на келейницахъ, которыя чаще всего живутъ, ничего не дѣлая и живутъ безбѣдно. На келейницъ же она рассчитывала потому, что, имѣя частое общеніе съ ними, она знала, что это въ громадномъ большинствѣ случаевъ безграмотныя или полуграмотныя, или „благочестія ради“, или по другимъ причинамъ, не вышедшія замужъ дѣвицы или вдовицы, которыя почему либо, напр., по непригодности, не имѣютъ возможности поступить въ монастырь, а чаще, пожалуй, и не желаютъ даже поступать туда въ виду строгости монастырскаго устава, а предпочитаютъ жить въ міру по монашески. Видѣла она, что все это подражаніе жизни монастырскаго сводится къ чисто показному наружному благочестію и ограничивается тѣмъ, что собираясь по двѣ, по три, онѣ строятъ „келью“, подобно монахинямъ, носятъ черную одежду, отказываются отъ мясной пищи, часто ходятъ въ храмъ Божій и на богомолья, при чемъ послѣднія почти всегда соединяются со сборомъ подаваній. Видѣла она, что громадное большинство такихъ черничекъ не любятъ труда, а предпочитаютъ питаться отъ „доброхотныхъ даяній“, каковыя получаютъ за молитвы о болящихъ, коихъ чернички умываютъ „отъ очесъ призора“, за чтеніе псалтири по умершимъ, но болѣе всего отъ продажи цѣлительныхъ травъ, разныхъ цвѣточковъ, различныхъ камешковъ, неску и тому подобной святости, что чернички приносятъ съ богомолій. Знала она, что при этомъ „подвижницы-благочестія“—нерѣдко обманываютъ своихъ набожныхъ и довѣрчивыхъ пациентовъ самымъ безцеремоннымъ образомъ, продавая имъ по дорогой цѣнѣ и такую святость, какъ стружки отъ гроба Господня, щепочки отъ лѣстницы, „юже Іаковъ видѣ“. Знала Кузьминишна и то, что далеко не всѣ эти чернички хранятъ принятый ими на себя обѣтъ дѣвства, а что многія изъ нихъ предаются тайному разврату, почему и даютъ у себя пріютъ множеству проходимцевъ, среди которыхъ не мало бываетъ всякаго рода лжеучителей, причемъ въ силу своего невѣжества чернички эти часто дѣлаются слѣпымъ орудіемъ въ рукахъ изувѣровъ и служатъ разсадниками и проводниками всевозможныхъ ересей, и что, слѣдовательно, чернички представляютъ изъ себя самый подходящий элементъ для привитія и распространенія близкихъ ей идей хлыстовства. Однимъ словомъ, Настасья Кузьминишна видѣла, что, при умѣнн, черезъ черничекъ она скорѣе и вѣрнѣе достигнетъ намѣченной цѣли. А разъ задавшись этой цѣлью, она не стала медлить ея исполненіемъ и вскорѣ же всѣхъ ближайшихъ черничекъ, пожелавшихъ поселиться у ней, взяла къ себѣ, а не пожелавшихъ расположила въ свою пользу, на что она великая мастерица. Съ этихъ поръ она упорно пошла къ своей цѣли и вся ея дѣятельность, все стараніе и усиліе были направлены къ тому, чтобы всѣмъ казаться „благочестивою“, „подвижницей“, „дерзновенной молитвенницей“. И надо сказать, что, благодаря своему лицемѣрью и настойчивости, она добила съ того,

что многіе ей слѣпо вѣрили,—а чрезъ нихъ, главное же чрезъ черничекъ-келейницъ, скоро пошла молва о явленіи „матушки-подвижницы“ и все болѣе и болѣе стала распространяться по окрестности и чѣмъ далѣе шло время, тѣмъ все болѣе она въ этомъ успѣвала и убѣждалась въ томъ, что расчетъ ея былъ вѣренъ.

Въ 1855—6 году „тетушка Кузьминишна“, уже пользовавшаяся за свою „святость“ большою извѣстностью и собиравшая къ себѣ дѣвицъ, желающихъ посвятить себя на служеніе Богу, уговорила одного изъ крестьянъ села Черновки уступить ей съ черничками въ 4-хъ верстахъ отъ села Раковки 30 десятинъ земли на предметъ устройства обители, и вскорѣ же построила на ней нѣсколько небольшихъ избушекъ, именуемыхъ кельями, и одну большую келью, куда всѣ сестры собирались для молитвы, такъ какъ ни храма, ни священника еще не было, чѣмъ и положила основаніе нынѣ очень благолѣпному Свято-Троицкому монастырю, Самарской епархіи. Собираясь на молитву, за отсутствіемъ священниковъ, сестры сами служили утреню, часы, читали апостоль. Этимъ временемъ удачно воспользовались „братцы“—хлысты, они явились на помощь, пожертвованія лились рѣкой, пока имѣющая видъ богадѣльни обитель росла, а вмѣстѣ съ тѣмъ и тайная пропаганда идей хлыстовства дѣлала свое дѣло.

Въ угоду тетушкѣ, желавшей быть игуменіей, всѣмъ хотѣлось преобразовать тетушкину общину въ настоящій монастырь. Начались хлопоты объ официальном разрѣшеніи Раковской женской обители, но неудачно. Тогда благодѣтели посоветовали найти какую-либо помѣщицу, которая согласилась бы пожить въ обители и отъ себя, разумѣется при извѣстномъ пожертвованіи, начать хлопоты по устройству общины; со временемъ ее де можно будетъ и выкурить. Совѣтъ пришелся по сердцу и вскорѣ посланныя нашли въ Самарѣ благочестивую вдову-дворянку Анну Ивановну Кадышеву, которая, не зная сектантской подкладки устроительницъ новой обители, но вѣря въ искренность ихъ стремленія къ благочестію, согласилась потрудиться для блага возникающей обители и принесла съ собою чудотворную икону Божіей Матери — „Вансканіе Погибшихъ“, составляющую въ настоящее время величайшую святыню Раковского монастыря.

Кадышева энергично принялась за дѣло; въ 1859 году получила указъ отъ бывшаго самарскаго епископа Теофила и отправилась за сборомъ пожертвованій по разнымъ мѣстамъ Руси—матушки; дѣло пошло на ладъ: въ надеждѣ быть начальницей, Кузьминишна хорошо собирала дома, а три ея наперсницы—Романовна, Даниловна и Платоновна отправились въ Сибирь, гдѣ пробыли 1½ года и возвратились съ очень крупными пожертвованіями. Романовна напр., какъ говорятъ, пріѣхала въ возкѣ на собственной тройкѣ прекрасныхъ лошадей и кромѣ вещественныхъ даяній привезла 2500 рублей золотомъ. Но ожиданія Настасьи Кузьминишны не оправдались; исторія монастыря сложилась иначе. Въ 1862 году, будучи въ Петербургѣ, Кадышева исходатайствовала официальное разрѣшеніе на устройство Ра-

ковской женской общины и была утверждена ея начальницей. Вернувшись въ обитель, новая начальница вопреки ожиданіямъ основательницъ обители—тетушки и ея наперсницъ сборщицъ, считавшихъ себя въ правѣ не только давать совѣтъ, но и руководить, не обращала на нихъ никакого вниманія, а дѣлала все по своему усмотрѣнію. Слѣдствіемъ такого ея поведенія было то, что всѣ ея распоряженія, особенно постройка для себя богатой кельи, когда не было еще храма, не нравились сторонникамъ „тетушки“ и вызывали съ ихъ стороны частые протесты, на что частенько получался обидный для привыкшихъ къ почету гордыхъ „матушекъ“ отвѣтъ. Это было испытаніемъ для „тетушки“, котораго она не вынесла. Тутъ-то и обнаружилась неискренность и фальшь ея чисто фарисейскаго показного благочестія, такъ какъ стало ясно, что оно вытекало не изъ любви къ Богу, не изъ желанія угодить Ему, а изъ стремленія „быть первой“, „руководить“. Тутъ только и поняли, что благочестіе „тетушки“ было только средствомъ для достиженія намѣченной цѣли, потому что какъ только она увидѣла, что ея надежда быть начальницей не оправдалась, она не выдержала характера и показала себя такою, какою была на самомъ дѣлѣ. Она озлобилась и не только перестала заботиться о монастырѣ, но прямо вредила ему; были, напр., случаи, когда она говорила жертвователямъ: „ступай домой и корми своими припасами свиней, что свиньи, то и монашки“. Съ этихъ-то поръ, можно сказать, и начинается уже открытое враждебное церкви проявленіе сектаторства „тетушки“ и ея послѣдователей. Слѣдившіе за ходомъ событій хлысты умѣло воспользовались озлобленіемъ „тетушки“ и разжигали его, а по мѣрѣ роста озлобленія все замѣтнѣе сказывалось вліяніе „братцевъ“ и все яснѣе и яснѣе становилось сектантское направленіе ея послѣдователей, что наконецъ и дало поводъ одному изъ сосѣдей помѣщику, нѣкому Владимиру Васильевичу Скрябину, донести на Настасью Кузьминишну и ея послѣдователей, какъ на распространителей сектантства. Зная, что послѣ этого доноса у нея уже навсегда отнята возможность быть игуменіей, Настасья Кузьминишна рѣшила, что въ монастырѣ ей дѣлать болѣе нечего и ушла изъ него; за ней ушли и сборщицы; и всѣ они ушли съ тѣмъ, чтобы отомстить за свою обиду.

Сборщицы впоследствии какъ-то стушевались, а Настасья Кузьминишна не изъ тѣхъ людей, которые бросаютъ излюбленное дѣло при первой неудачѣ. Гордая, теперь она объ одномъ только и думала, какъ бы „прославиться“, „показать себя“, „затмить Раковскихъ“, „отомстить“. Предавшись чувству злобы, она мало-по-малу перенесла его съ личности на церковь. Непризнанная въ монастырѣ, горя жаждой мести, она рѣшила „показать себя“ Раковскимъ и на зло имъ не далеко отъ нихъ основать свой лучший монастырь уже въ міру, куда не являлась бы никакая власть съ своимъ дозоромъ и гдѣ мужскій полъ не былъ бы разобщенъ отъ женскаго. Скоро она сманила къ себѣ изъ монастыря множество своихъ черничекъ. Одна изъ почтенныхъ мо-

нахинъ Раковскаго монастыря, живущая въ немъ чуть ли не съ самаго его основанія и бывшая свидѣтельницей этихъ событій, передавала намъ, что Настасья Кузьминишна съ Ксеніей Даниловной увели съ собой изъ монастыря сто сестеръ, мотивировавшихъ свой уходъ изъ обители тѣмъ, что только „по тетушкѣ мы де и жили, а безъ нея то нѣтъ и спасенія“. Собрать черничекъ, Настасья Кузьминишна, ослѣпленная гордостью и злобою, дошла до того, что, желая удержать ихъ около себя, не побоялась открыто порвать общеніе съ церковью и стать ересеначальницей, лишь бы только „быть первой“, „отомстить“, а потому вмѣсто церковныхъ службъ завела „бесѣдки“. Въ церквахъ, напр., обѣдня,—у нея бесѣдка, въ церквахъ вечерня или всенощное бдѣніе,—у нея опять бесѣдка и т. д. Въ началѣ бесѣдки эти посѣщались только женщинами и носили сравнительно невинный характеръ: на нихъ читались акаѣсты, св. писаніе, святоотеческія творенія, пѣлись любимыя черничками канты напр.: „Гдѣ рай мой прекрасный?“ „Гора Аѳонъ, гора святая“, „Слава, слава въ вышнихъ Богу“ и т. п.

Но съ теченіемъ времени, по мѣрѣ того, какъ росла усиленно распространяемая черничками молва о бесѣдкахъ и святости ихъ устроительницы, дивной наставницы, озаряемой свыше и теперь постигшей всю глубину писанія тетушки, увеличивался и кругъ участниковъ этихъ бесѣдокъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ постепенно открывался доступъ на нихъ и „мужичкамъ“. Сначала приглашали однихъ „благодѣтелей“, за ними болѣе или менѣе грамотныхъ для „чтенія“ и „толкованія“, а потомъ уже и всѣхъ желающихъ. На этихъ-то бесѣдкахъ Настасья Кузьминишна постепенно развивала слушателямъ хлыстовское ученіе и незамѣтно прививала его своимъ послѣдователямъ.

Начала она съ того, что со слезами и поклонами стала увѣщевать приходящихъ быть „истинными христіанами“ 1), учила молитвѣ, воздержанію, умоляла удалиться отъ міра и всего мірскаго, оставить прежнюю жизнь, хранить дѣвство, не пить вина, не курить табуку, не ѣсть мяса, не участвовать въ пирахъ, играхъ и хотя бы невинныхъ забавахъ и по возможности избѣгать общенія съ „грѣшными“, т. е. православными людьми, при чемъ собою подавала образецъ „новой“ благочестивой жизни. А далѣе съ теченіемъ времени по мѣрѣ развитія хлыстовскаго ученія и сама она постепенно изъ „святой“ превращалась въ „богородицу“, а потомъ ужъ и въ „Бога—Господа“, „видимо теперь съ нами во плоти пребывающаго“, и стала, по выраженію бесѣдниковъ, „равночестною“ и еще „честнѣе“ Святыхъ Тайныхъ Христовыхъ; а вмѣстѣ съ нею и „мужички“ изъ простыхъ „чтецовъ и толкователей“ превращались въ „вдохновенныхъ, злато-словесныхъ учителей“, „пророковъ“ и „апостоловъ“, имѣющихъ

1) Бесѣдники различаютъ «истинныхъ» христіанъ отъ православныхъ. Истинный христіанинъ долженъ хранить и хранить всѣ «семь печатей» дара Духа Святаго. Между ними и православными, по словамъ бесѣдниковъ, такая же разница, какъ между «отцами духовными» и «отцами брюховными».—Первые дяденьки, вторые—православные священники.

власть „рѣшить и вязать“; бесѣдки, вмѣсто особаго присутствія Божія, въ „вечери любви“ и наконецъ въ „церковь апостольскую“, въ которой нѣтъ „спасенія“, даже канты совершенно измѣнили свой характеръ и изъ простыхъ, чаще невинныхъ пѣснопѣннѣй превратились въ догматику бесѣдничества, заключающую въ себѣ весь секретъ спасенія. Въ дальнѣйшемъ развитіи это ученіе не оставило безъ своего вліянія и всѣхъ вообще послѣдователей „тетушки“. И они по мѣрѣ роста славы и святости своей наставницы все болѣе и болѣе проникались хлыстовствомъ и отъ своей наставницы заражались ея гордостью и самоувѣніемъ и все старательнѣе и старательнѣе отдѣляли себя отъ „мірскихъ“ „ненашихъ“, пока не превратились въ „истинныхъ христіанъ“, „людей Божіихъ“ и наконецъ совершенно не обособились въ тайную общину, отличающуюся крайнимъ пренебреженіемъ къ православію и православнымъ, осужденіемъ и обличеніемъ всего православнаго и особенно несправедливо къ православному духовенству.

Все это не мѣшало однако „тетушкѣ“ по прежнему обирать православныхъ. Пожертвованія собирались обычно и такъ обильно, что Настасья Кузьминишна не только могла безбѣдно содержать себя и своихъ „мірскихъ монахинь“—черничекъ, но, на зло Раковскимъ, еще щедрой рукой раздавала направо и налево, что для „тетушки“ было весьма полезно, ибо усиливало ея популярность и авторитетъ, такъ какъ бѣдность, пользовавшаяся ея благодѣяніями, окружала ее ореоломъ святости, а это подтверждало розказни черничекъ и много способствовало тому, что Настасья Кузьминишна пользовалась такимъ почетомъ, что потомъ сама не скрыла предъ самарской духовной консисторіей, что ея почитатели „встрѣчали ее съ иконами, валялись въ ногахъ, цѣловали руки“ 1). Этимъ пользовались послѣдователи „тетушки“ и распространяли про святость матушки множество легендъ. Говорили, напр., что право учительства ей далъ за ея святость покойный цесаревичъ Георгій Александровичъ, будто бы случайно бывшій у нея на бесѣдкѣ. Говорили, что когда она спитъ, душа ея бесѣдуетъ съ Богомъ, Божіей Матерью и всѣми святыми; а когда „тетушку“ отправили въ Суздаль, бесѣдники говорили, что вездѣ, гдѣ она ѣхала, звонъ былъ: „какъ мимо какой нибудь церкви въ селѣ или городѣ она ѣдетъ, сами собой колокола звонятъ“. Приведу полностью одну изъ такихъ легендъ, подтверждающую сильное вліяніе на тетушку одного изъ видныхъ хлыстовъ Василя Щеглова, коего наши бесѣдники и до селѣ чтутъ за своего „духовнаго отца“ и о немъ молятся.

„Святость нашей матушки Настасьи Кузьминишны сугубая: сама-то по себѣ по жизни она, можно сказать, равна ангелу, а тутъ еще ей, какъ въ древность пророку Елисею, передалъ свою святость угодникъ Божій старецъ Василиій. Этотъ старецъ своей святой жизнью такъ угодили Богу, что Богъ сподоблялъ его своихъ особыхъ откровеній. Разъ стоялъ онъ на молитвѣ, Богъ и

1) «Самар. Епарх. Вѣдомости» за 1891-й годъ.

сказалъ ему: „ты не умрешь до тѣхъ поръ пока не передашь своей святости достойному человѣку, ступай, ищи такого человѣка“. Получивъ такое откровеніе, старецъ пошелъ, долго ходилъ онъ, обошелъ семь губерній, а говорятъ еще 14, вѣрно не знаемъ, знаемъ только, что обошелъ онъ чуть ли не всю Россію, а праведнаго человѣка все нѣтъ и нѣтъ, и то сказать, гдѣ нынѣ найдешь святого-то? какой нынѣ народъ-то сталъ? Такъ, можетъ быть онъ ходилъ бы и до сихъ поръ, если бы не услыхалъ о богоугодной жизни нашей матушки. Какъ пришелъ онъ къ ней, да побесѣдовалъ, да поглядѣлъ на ея подвиги и жизнь ея святую, такъ и не ушелъ отъ нея, передалъ ей свою святость, и тутъ же и душеньку свою святую Богу отдалъ, а матушка-то съ этихъ поръ и стала учить и исцѣлять всякія болѣзни“.

Такъ началось и развивалось бесѣдничество въ Раковкѣ, а оттуда широкой волной оно разлилось по Самарскому и Ставропольскому уѣздамъ Самарской губерніи, захватило часть Чистопольскаго уѣзда и теперь все ближе и ближе подвигается къ Чистополю.

Главными распространителями бесѣдничества и здѣсь являются „келейники“ и „келейницы“, т. е. мужчины и дѣвицы, давшіе обѣдъ дѣвства и живущіе въ міру „по-монастырски“. Какъ люди, по собственному ихъ сознанію, не отъ міра сего, эти своеобразные отшельники и отшельницы чуждаются всего мірскаго. Любимое занятіе келейниковъ—хождение по богомольямъ. Будучи въ громадномъ большинствѣ малограмотными, они, во время путешествій на богомолье, нерѣдко попадаютъ въ сѣти хлыстовъ, которые прельщаютъ ихъ сначала своимъ показнымъ благочестіемъ, а потомъ глубиной духовнаго пониманія св. писанія. Заразившись хлыстовствомъ въ той или иной его фракціи, эти люди распространяютъ его съ энергіей, достойной лучшаго примѣненія. Бываетъ это обычно такъ. Выходитъ келейникъ или келейница изъ дома съ намѣреніемъ посѣтить, напр., хоть Кіевъ. Дорогой старается на ночь остановиться у людей благочестивыхъ, каковыми и любятъ показатъ себя хлысты. На третьей—пятой станціи онъ случайно попадаетъ къ хлыстамъ; тамъ его облачаютъ и или вызываются сопровождать его на богомолье, или чаще указываютъ ему по дорогѣ добрыхъ людей, у которыхъ онъ можетъ не только переночевать, но и пожить два—три дня, отдохнуть съ дороги, тѣ въ свою очередь рекомендуютъ ему другихъ—своихъ добрыхъ знакомыхъ и т. д. На этихъ остановкахъ у хлыстовъ келейникъ вездѣ встрѣчаетъ самый радушный приемъ, видитъ образецъ благочестивой жизни, ведетъ самую душеспасительныя бесѣды, при чемъ его собесѣдники обычно жалуются на оскуднѣіе благочестія въ монастыряхъ, выставляютъ въ самомъ неприглядномъ свѣтѣ жизнь монаховъ и чуть ли не до небесъ восхваляютъ жизнь того или другого угодника—подвижника, живущаго въ міру, въ данномъ случаѣ восхваляется жизнь „дяденьки“ и особенно „матушки Маріи“. Посѣтивъ пять—шесть такихъ станцій келейникъ подъ вліяніемъ новыхъ друзей и благодѣтелей, нерѣдко оставляетъ свое прежнее намѣреніе и

вмѣсто Кіева путешествуетъ уже по „живымъ угодникамъ“. Тѣ, находясь подъ „непосредственнымъ озареніемъ свыше“, постепенно открываютъ ему глубину духовнаго пониманія св. писанія и, разумѣется, все болѣе и болѣе готовятъ его къ принятію новаго ученія, а затѣмъ, когда онъ признается достаточно подготовленнымъ, ему раскрываютъ „истинное“ ученіе и въ случаѣ принятія сподобляютъ лицезрѣнія самого „царя царей“, и „господа господей“. Срокъ такой подготовки порой продолжается по нѣскольку лѣтъ ¹⁾. Зато ужъ домой такой келейникъ возвращается завятымъ сектантомъ, чаще всего искренно убѣжденнымъ въ правотѣ своего новаго ученія, а потому имѣющимъ сильное желаніе „открыть глаза“ „просвѣтить“ и своихъ средниковъ, а чрезъ то и самому занять болѣе видное положеніе въ новой сектѣ.

Таковъ обычный у насъ ходъ распространенія бесѣдничества. Такъ, по крайней мѣрѣ, оно появилось въ Чистопольскомъ уѣздѣ Казанской губерніи, въ селеніяхъ Бимарь-Озерѣ, Гайтановкѣ, Борезовкѣ, Владиміровкѣ, Николаевкѣ и Ермаковѣ, а также и въ смежной Самарской губерніи въ селеніяхъ Старой-Кармалѣ, Кошкахъ, Березовкѣ, Каменкѣ и многихъ другихъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

¹⁾ Одинъ бесѣдникъ, житель села Ермолова, говорилъ: я только черезъ восемь лѣтъ сподобился видѣть царя царей и господя господей, а вотъ Любаша, такъ та черезъ годъ этого сподобилась.

По слѣдамъ раскольничьихъ дѣятелей.

«Не можетъ дерево худое принести плоды добрыя» (Мѣ. 7, 18).

„Свободы“ 17 апр. и 17 окт. 1905 г. поставили внутреннюю миссію православной церкви въ новыя условія и открыли для нея новое поле сраженія съ расколомъ и сектами. „Свобода“ совѣсти, печати, образованія религиозныхъ общинъ и т. п. не замедлила газетнымъ путемъ двинуть на „третій Римъ“, Русь православную, двенадцать отступническихъ языковъ и для нашихъ противорасколо-сектантскихъ дѣятелей и защитниковъ церкви открылись теперь и новая „Москва“ и новое „Бородино“.

Всѣмъ извѣстно, какъ простой русскій народъ смотритъ на печатное слово: это для него, такъ сказать, штампованная правда: „въ газетахъ писано, самъ читалъ“, передаетъ сосѣдъ Демьянъ сосѣду Фокъ какой-нибудь вадоръ пропагандистской газеты или листка. Уваженіе къ печатному слову у русскаго народа понятно, стоитъ только обратиться къ исторіи. Это уваженіе является традиціоннымъ наслѣдіемъ нашей святой старины. Вспомните, какія книги впервые (въ 16 вѣкѣ) появились въ печати на святой Руси—„апостолы“, „служебники“, и т. п. „божественное писаніе“; какъ велось тогда книгопечатное дѣло: книги выходили въ свѣтъ не иначе, какъ „во славу святыхъ единосущныхъ, животворящихъ и нераздѣлимыхъ Троицы—Отца, и Сына, и Святаго Духа—повелѣніемъ благочестивѣйшаго царя и благословеніемъ святѣйшаго патріарха“...

И не въ столь старое время изданія, касавшіяся вопросовъ религиозныхъ, вообще выходили въ свѣтъ лишь съ разрѣшенія или благословенія церковной власти.

Цѣлыя столѣтія народъ зналъ только такія книги, и, разумеется, привыкъ смотрѣть на печатное слово съ полнымъ къ нему довѣріемъ и уваженіемъ. И—много теперь нужно времени и просвѣтительнаго труда, чтобы онъ уразумѣлъ цѣну нынѣшняго печатнаго слова и критически ориентировался въ газетно-журнальномъ хаосѣ. Онъ мало еще понималъ, что теперь у насъ свободно располагаютъ печатнымъ станкомъ, какъ сѣялкой всякихъ отступническихъ и иновѣрныхъ плевелъ, и раскольники, и сектанты, и жида, и татары, и безбожники п пр. и пр.

Вотъ гдѣ новое Бородинское поле для отраженія нашей миссіонерской ратью вражескаго нашествія. И, нужно замѣтить, что это Бородино—печатное обличеніе отступнической неправды, съ распространеніемъ въ народѣ доступныхъ миссіонерскихъ изданій—брошюръ, листовъ и т. п., если имѣть въ виду необходимость постоянного миссіонерскаго воздѣйствія на православное и отступническое населеніе, едва ли меньшее будетъ имѣть значеніе, чѣмъ личная, но рѣдкая, бесѣда миссіонера съ расколо-сектантскими начетчиками. Добрый слѣдъ миссіонерской бесѣды „на мѣстахъ“ отступники умѣютъ скоро заметать, а миссіонерская книжка или статья у православнаго—постоянный щитъ вѣры.

Дѣятели раскола и сектантства давно уже сознали эту истину и самымъ ревностнымъ образомъ исповѣдуютъ ее въ своихъ пропагандистскихъ письмахъ, книгахъ, газетахъ и т. п. До пресловутыхъ гражданскихъ свободъ 17 апр. и 17 окт. 1905 г. исповѣданіе это ползло изъ-подполья путемъ частныхъ писемъ, гектографа и заграничной печати, а теперь проносится „предълицемъ всѣхъ людей“, по всей св. Руси. Печальной извѣстности ремесленники раскольниковьяго пустословія, именуемые начетчиками, раньше бывали въ рѣдкихъ мѣстахъ: такса за ихъ бесѣды была слишкомъ обременительной для старообрядцевъ бѣднаго заолустья (знаменитые „выписанные“ начетки брали по 3 и 5 руб. съ каждаго раскольниковьяго двора за бесѣду); нынѣ въ своихъ статьяхъ и брошюрахъ грошовыхъ раскольниковьяхъ изданій эти знаменитости проникли въ самые медвѣжьи углы старообрядческой деревни и умножились такимъ образомъ въ тысячи разъ. Какимъ путемъ наша миссія должна теперь повести свое дѣло противъ отступнической пропаганды, понятно: необходимо самое широкое, распространеніе миссіонерскаго печатнаго слова; при настоящихъ условіяхъ, это насущная потребность нашей внутренней миссіи. Неправота религиозныхъ мудрованій и дѣйствій руководителей расколо-сектантской толпы должна быть предаваема нашими миссіонерами самой широкой печатной огласкѣ и обличенію. Въ противномъ случаѣ послѣдняя отступническая лестъ будетъ горше первой...

I.

За нами прежде всего долгъ предъ читателями по пропагандистскому письму Он. Вас. Швецова (уральскаго окружническаго архіерея Арсенія), помѣщенному въ 9 № „Миссіон. Обзор.“ за 1906 г. Мы обѣщали указать въ немъ мѣста, имѣющія для насъ полемиическое значеніе.

По внимательномъ прочтеніи этого письма, мы, правду сказать, затрудняемся, „откуда начать плакати“. Письмо хочетъ изобразить исторію распадаенія австрійщины на окружническій и противоокружническій толкъ такъ, чтобы, во-первыхъ, избѣжать всѣхъ подводныхъ камней бѣлокриницкой іерархіи, во-

вторыхъ, очернить противокружниковъ и въ-третьихъ оправдать еретичество „бѣлокриницкаго устава“ о подлѣтномъ рожденіи Сына Божія. Эта задача для автора письма оказалась непосильной и онъ преподнесъ своему адресату просто кучу историческо-каноническо-догматическаго мусора. Онъ разсчитывалъ, что этотъ мусоръ дастъ испарину, какъ пропасть, надъ которой ставился треногъ Пиеи, и адресатъ заговоритъ швецовскимъ внушеніемъ. Но, слава Богу, этого не случилось: адресатъ швецовскаго письма—нынѣ единовѣрческій священникъ и ревностный обличитель австрійщины. Среда, на какую разсчитывало письмо, намъ лично извѣстна. Семь лѣтъ тому назадъ (въ янв. 1900 г.) мы вели противораскольническую бесѣду въ хут. Канчировскомъ (Орскаго у. Оренбургской губ.). Хуторъ—раскольническій: австрійцы и бѣглопоповцы. Отвѣтчиками хуторянь объ ихъ христіанскомъ упованіи были только молодые начетчики И. М. Мажиринъ, Т. А. Костяковъ (адресатъ письма) и лжесвященникъ амросіевской благодати Георгій П—овъ (упоминаемый въ письмѣ). Слушателей собрались сотни. Австрійщину защищалъ Мажиринъ; Костяковъ, гдѣ нужно было, поддерживалъ его, а „отецъ“ Георгій только утиралъ свой упитанный ликъ и приглаживалъ свои длинные волосы. Слушатели были простой дѣвственной почвой, жаждущей Божьяго сѣмени.

Какъ подѣйствовала наша „закваска“ на канчировское „тѣсто“ и какъ противоѣйствовала ей австрійщина, мы не знаемъ. Намъ извѣстно теперь только одно, что И. М. Мажиринъ сталъ противораскольничьимъ миссіонеромъ, а Т. А. Костяковъ единовѣрческимъ священникомъ въ томъ же самомъ раскольничьемъ хуторѣ. Правда Христовой Церкви восторжествовала. И швецовское письмо (болѣе года спустя послѣ нашего посѣщенія канчировскаго хутора) на благоразумныхъ христіанъ не подѣйствовало, да и не могло на нихъ подѣйствовать, такъ какъ, при внимательномъ его разсмотрѣніи, оно является не апологіей, а самымъ беспощаднымъ обличеніемъ австрійскаго раскола. Общее впечатлѣніе отъ письма таково: въ австрійскомъ расколѣ копошится темная толпа, вопитъ о „канонѣ“, „писаніи“, сама себя проклинаетъ, между собой враждуетъ, интригуетъ, мирится, куда-то „вылупя очи“ стремится; на самомъ же дѣлѣ „канонѣ“ и „писаніе“ у нея и не разумѣются и не дѣйствуютъ, для нея—„что нынче свято, то завтра клято“, и „читится“ ей лишь „одинъ кумиръ священный—телець златой“, тотъ самый, на которомъ, вопреки своей вѣрѣ, совѣсти и священнымъ канонамъ, перѣхалъ изъ православія въ расколъ продажный грекъ, запрещенный митрополитъ босносарайскій, Амросій, родоначальникъ австрійской іерархіи.

Въ началѣ своего письма Швецовъ говоритъ: „мнѣ исторія сія (раздѣленіе австрійщины изъ-за „окружнаго посланія“) хорошо извѣстна, потому что почти все это произошло на моихъ глазахъ. Но только какъ-то не желательно было письменно обнажать эту язву церковную предъ всѣмъ міромъ“. Намъ очень понятно, почему Швецовъ смущается повѣдать исторію „австрій-

ской“ смуты изъ-за „окружного посланія“. Исторія эта, даже въ передачѣ Швецова, такъ искусно обходящаго всякіе намеки на канонико-догматическое безобразіе вообще австрійскаго священства, явѣ творитъ весь австрійскій расколъ, какъ именно „церковную язву“. Невольно припоминаются по этому поводу слова одного заграничнаго лжеепископа австрійскаго (Аркадія „славскаго) объ „Амвросіевыхъ недостаткахъ“: „если бы я на сей хартіи, писалъ онъ, открылъ Амвросіевы недостатки, то вы бы не сія думали, но открытъ не на пользу, развѣ когда потребуетъ надобность... Если по обдержнымъ правиламъ повѣрять всѣхъ епископовъ достоинство, то затворите церкви всѣ“ („Переписка раск. дѣят. „Н. Субботина, вып. II, стр. 139—149). И это—неоспоримо. Если австрійскіе старообрядцы свято чтутъ догматы и каноны Церкви Христовой, то по одному даже и при томъ пристрастномъ письму О. Швецова, они должны дѣйствительно „затворить“ церкви свои.

1. Что прежде всего бросается въ глаза въ письмѣ Швецова, такъ это то, что „смиренный епископъ Арсеній“ „съ помощью Божіей“ усматриваетъ „сучекъ въ глазѣ брата своего, а бревно въ своемъ глазѣ не чувствуетъ“ (Мѣ. 7, 3). Онъ не разъ бросаетъ по адресу противоокружниковъ обвиненія въ симоніанствѣ, въ продажѣ благодати и вообще церковнаго дѣла за деньги, а также въ нарушеніи противоокружническими „епископами“ каноническихъ правилъ. „Лицемѣръ, вынь прежде бревно изъ твоего глаза, и тогда увидишь, какъ вынуть сучекъ изъ глаза брата твоего“ (Мѣ. 7, 5). Въ самомъ дѣлѣ, ужели у „епископа“ амвросіевской благодати хватаетъ смѣлости заговаривать о симоніи и канонахъ? Кому неизвѣстно, что австрійская іерархія только потому и существуетъ, что существуетъ симонія и нарушаются церковные каноны. Если бы бывший митрополитъ Амвросій, корень бѣлокриницкаго священства, не совершилъ ужаснаго грѣха симоніанства, безпримѣрнаго, по своему существу, обстановкѣ и послѣдствіямъ, въ церковной исторіи; если бы онъ, когда иноки Павелъ и Алимпій „сватали“ его въ расколъ, вспомнилъ хоть о канонахъ, — австрійской іерархіи, въ томъ числѣ и „смиренаго Арсенія, епископа уральскаго“, не было бы на свѣтѣ.

По этому самому Швецовъ долженъ бы, казалось, относиться къ симоніи и поправію церковныхъ каноновъ съ благодарною памятью, какъ источнику своей благодати, а не съ порицаніемъ, какъ къ отвратительнымъ грѣхамъ. Но онъ предпочелъ играть въ „смиренную“ невинность.

Швецовъ пишетъ: „Софроній, прибывши въ Москву епископомъ, здѣсь приурочилъ себѣ и жительство... Увѣрившіеся старообрядцы стали просить его рукоположить имъ священниковъ, но онъ на это не сразу соглашался, но искалъ отъ просителей богатыхъ даропріношеній. Но какъ это явно противорѣчитъ многимъ священнымъ правиламъ. О чемъ было обжаловано въ бѣлокриницкую митрополію“.

Въ 1863 г. Софроній, по словамъ Швецова, „взидилъ въ бѣло-

криницкую митрополию, чтобы задобрить всѣхъ находящихся около Бѣлокриницкаго митрополита совѣтниковъ, чтобы они помогли ему достигъ намѣченной имъ цѣли“ (стать архіепископомъ московскимъ).

О главномъ дѣятелѣ по поставленію Антонія второго (гуслицкаго) противоокружническаго архіерея, Винокуровъ, Швецовъ сообщаетъ, что этотъ господинъ на почвѣ ходатайствъ по религіозному дѣлу своихъ единовѣрцевъ воздвигъ себѣ „суконную фабрику, стоимостью болѣе ста тысячъ рублей, и далъ ей полное движеніе къ работѣ“.

„Митрополитъ Кириллъ, пишетъ Швецовъ, „впалъ въ тяжкій грѣхъ симоніи“: „въ Бѣлой Криницѣ Крючковъ - Степуниъ, какъ вослѣдствіи самъ же проговорился нѣкимъ достовѣрнымъ людямъ, израсходовалъ на жертвоприношеніе митрополиту Кириллу и его окружающимъ пять тысячъ рублей и достигъ того, что митрополитъ Кириллъ въ іюль 1864 году представленнаго ему новопостриженнаго инока Антонія рукоположилъ въ Москву во епископа“. На Бѣлокриницкомъ соборѣ 1868 г. по дѣлу о расколѣ въ австрійщинѣ изъ-за окружнаго посланія и двухъ Антоніяхъ, московскихъ епископахъ (Шутовъ и Гуслицкомъ), „предсѣдательство собора, сообщаетъ Швецовъ, не осталось за митрополитомъ, но перешло въ руки пословъ второго Антонія. Очевидно, что онъ (митрополитъ) окраденъ былъ богатымъ приношеніемъ попечителей Рогожскаго кладбища“.

Достоинно вниманія, что всѣ въ данномъ случаѣ упоминаемыя Швецовымъ „богатыя дароприношенія“, „стотысячная суконная фабрика“, „задабриваніе приношеніемъ“, изъ-за которыхъ въ австрійщинѣ идутъ нескончаемыя взаимозапрещенія, изверженія, проклятія и пр.—„смиранный Арсеній“, для укора противоокружниковъ, документально подтвердить ничѣмъ не можетъ: это его догадки на шаткихъ основаніяхъ: то Крючковъ-Степуниъ „самъ проговорился“, то для Швецова это, „очевидно“, то что-нибудь подобное. Словомъ, тутъ „сучекъ въ глазѣ“ противоокружнической партіи. А вотъ—цѣлое „бревно въ глазу“ всеи австрійщины,—достоверная до самоличной въ томъ подписи, симонія митрополита Амвросія, которой Швецовъ, и „призвавши Бога на помощь“, „не чувствуетъ“.

Митрополитъ Амвросій не только не обвинивъ, но и не заподозрѣвъ своего патріарха ни въ ереси, ни даже въ какомъ-либо каноническомъ преступленіи, переходитъ въ раскольникъ, анаематствованное Церковью общество, попираетъ священные каноны, прокликаетъ греко-восточное православіе и тѣмъ терзаетъ „тѣло Христова“, Церковь святую—изъ-за чего? Вотъ документальный на это отвѣтъ. „Я нижеподписавшійся, боснійскій митрополитъ Амвросій Поповичъ, заключилъ сіе условіе съ австрійскими вѣрнопопданними... Алиміемъ Милорадовымъ и Павломъ Васильевымъ въ томъ, что согласился я поступить въ старовѣрческую религію верховнымъ пастыремъ... по прибытіи въ Бѣлокриницкій монастырь принять духовнаго отца изъ тамошнихъ

священниковъ и учинять то, что будетъ предлагать мнѣ духовникъ необходимое въ присоединеніи церковномъ, а самому мнѣ жить до смерти въ томъ монастырѣ и получать жалованья въ годъ по пяти сотъ червонцевъ австрійскимъ золотомъ и пока буду живъ, обяжусь исполнять монастырскій весь уставъ... а монастырь обяжанъ перевести на свой счетъ изъ Босніи родного сына моего Георгія Поповича и его жену... и купить имъ въ Бѣлокриницѣ въ вѣчную собственность домъ, съ дворомъ и огородомъ въ тысячу червонныхъ, а въ случаѣ моей смерти вознаграждать ихъ отъ монастыря по усмотрѣнію, но не менѣе тысячи червонныхъ, въ чемъ и подписуюсь. Боснійскій митрополитъ Амвросій 15 апрѣля 1846 г.“

Чего яснѣе? Настоящій актъ купле-продажи! Амвросій форменно, по „условію“, продалъ свою вѣру, свой санъ и свою душу. Сразу, оптомъ, продалъ онъ это. Подробности тутъ его не интересовали. Онъ напередъ „обязался“ исполнять все, что отъ него потребуетъ „тамошній священникъ“ (бѣглый) и бѣлокриницкій уставъ (явно еретическій). За то на счетъ вознагражденія онъ, какъ практичный грекъ, очутившійся въ нащенскомъ положеніи (Амвросій былъ за штатомъ и на мизерную пенсію вынужденъ былъ содержаться въ Константинополѣ и себя и своего женатаго сына), оставилъ дѣло довольно подробно и опредѣленно: жалованья въ годъ 500 червонныхъ (1500 руб.), сыну въ вѣчную собственность домъ, съ дворомъ и огородомъ въ 1000 червонныхъ, въ случаѣ своей смерти... вознагражденіе сыну не менѣе 1000 червонныхъ... Если сопоставить то, что и какъ Амвросій, по условію, давалъ, съ тѣмъ, что и какъ онъ по нему получалъ, переходя изъ неподозрѣнной въ ереси православной церкви къ отщепенскому обществу раскольниковъ, то, вѣдъ всякаго сомнѣнія, „условіе“ 15 апрѣля 1846 г. явится для всякаго мыслящаго человѣка, какъ торговый актъ симоніаства—во всей наготѣ продажи „на выносъ“ благодати Духа Святаго; актъ—одинаково позорный какъ для самаго Амвросія, такъ и для тѣхъ русскихъ людей, которые пожелали воспользоваться его „червонною“ благодатью. Съ своей стороны Амвросій исполнилъ „условіе“ и былъ очень строгъ къ другой договаривавшейся сторонѣ: когда липоване однажды не выслали ему своевременно жалованья, онъ предалъ изверженію своего намѣстника Кирилла и проклятію всѣхъ липованъ съ полной рѣшимостью „сдѣлать ихъ безпоповниками“*). Вотъ какое бревно нужно прежде вынуть Швецову изъ глаза всего австрійскаго священства, чтобы увидѣть сучекъ въ глазу противокружническаго брата своего..

Н. Гринякинъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

*) Цитать изъ «исторіи» Вѣлокриницкой іерархіи не сгавимъ: Швецову и его сподвижникамъ она хорошо извѣстна; а буде кто изъ нихъ усумнится, приведемъ документы.

Недоразумѣніе по поводу чинопріема изъ австрійскаго раскола.

Достояніемъ печати сдѣлалось письмо преосвященнаго Антонія архіепископа волынскаго къ старообрядческому „архіепископу“ *) Картушину, съ правилами св. Василя Великаго и карагенскаго собора о донатистахъ и наватіанахъ, въ примѣненіи ихъ къ чинопріему поповцевъ-австрійцевъ, и безграмотный, сухой отвѣтъ раскольническаго „владыки“ съ требованіемъ отъ насъ полного возвращенія къ дониконовскому православію, отмѣны всѣхъ „новшествъ“ и отреченія отъ клятвы на раскольниковъ. На вторичное же письмо преосвященнаго Антонія отвѣта отъ Картушина не послѣдовало.

По сему поводу собраніе миссіонеровъ въ Н. Новгородѣ, въ засѣданіяхъ 8 и 9 августа текущаго года, дало объ австрійцахъ такой отзывъ: „Бѣлокриницкіе въ настоящее время не только не ищутъ воссоединенія съ Православною Церковію, но и не высказываютъ къ тому ни малѣйшаго желанія,—а даже наоборотъ, относятся къ православною Церкви и ея пастырямъ съ большей ненавистью и фанатизмомъ, чѣмъ прежде, а къ святынямъ ея съ большимъ глумленіемъ, чѣмъ ранѣе, что каждому, имѣющему дѣло со старообрядцами, хорошо извѣстно, какъ изъ личныхъ съ ними сношеній, такъ равно и изъ печатныхъ ихъ произведеній, распространяемыхъ ими нынѣ въ широкихъ размѣрахъ среди простаго народа“ („Колоколъ“ № 208).

Изъ приведеннаго видно, что австрійцамъ желательно не соединиться съ правосл. церковію, а добиться (только того, чтобы св. церковь удовлетворила ихъ упрямство, признала бы законнымъ ихъ священство; между тѣмъ какъ правила, приведенныя преосв. Антоніемъ о донатистахъ, говорятъ не о соединеніи какомъ-то обоюдномъ, при взаимно-уступкахъ, между церковію и донатистами, а о полнѣйшемъ присоединеніи послѣднихъ ко св. церкви, объ отреченіи ихъ отъ самостоятельности и подчиненіи опредѣленіямъ Церкви. Помимо того донатисты имѣли не самочинное священство, а законное, оставшееся у

*) Кромѣ какъ въ кавычкахъ этого званія къ уряднику Іустину Картушину приложить нельзя.

нихъ отъ рукоположенія церковнаго. Посему принятіе нашей церковію австрійскихъ клириковъ „въ сущемъ санѣ“, безъ новаго надъ ними рукоположенія, мнѣ думается, есть недоразумѣніе. Говорю это не въ отрицаніе снисходительной любви архіепископа Антонія, но въ обличеніе старообрядческаго лукавства и въ защиту православной Церкви. Защищать церковь, думаю, не запрещено и всякому христіанину, какъ при пожарѣ св. храма разрѣшается и простолыдину касаться неприкосновенной дотолѣ святыни, находящейся на св. престолѣ,—ковчега съ пречистыми тайнами, для сохраненія ихъ отъ огня, и не вмѣняется то въ грѣхъ дерзости.

О „кафарахъ“, упоминаемыхъ въ 1-мъ правилѣ Василія Великаго, восьмое правило 1-го вселенскаго Собора говоритъ: „О именовавшихъ себя чистыми, но присоединяющихся къ католической и Апостольской Церкви, благоугодно св. и великому Собору, да по возложеніи на нихъ рукъ пребываютъ они въ клиръ. Прежде же всего надлежитъ имъ письменно исповѣдати, яко прильпятся и послѣдовати будуть опредѣленіямъ Католическія и Апостольскія Церкви, т. е. будутъ въ общеніи церковномъ.... Надобно, чтобы они во всемъ послѣдовали опредѣленіямъ Католическія церкви.... аще... нѣкоторые изъ нихъ приступятъ къ церкви“. Притомъ, Василій Великій „чистыхъ“ называетъ только раскольниками: „кафары суть изъ числа раскольниковъ“, и, ссылаясь на прежде его бывшихъ отцовъ, говоритъ: „древніе... назвали раскольниками раздѣлившихся въ мнѣніяхъ о нѣкоторыхъ предметахъ церковныхъ, и о вопросахъ, допускающихъ уврачеваніе.... Однако угодно было древнимъ, какъ-то: Кипріану и нашему Фирмилиану, единому опредѣленію подчинити вѣхъ: кафаровъ, енекратиковъ.... приходящихъ отъ нихъ къ Церкви очищати истиннымъ церковнымъ крещеніемъ. Но поелику нѣкоторымъ во Асіи рѣшительно угодно было, ради назиданія многихъ, пріяти крещеніе ихъ: то да будетъ установлено, чтобы послѣ ихъ крещенія, приходящіе къ церкви, были помазуемы отъ вѣрныхъ, и тако приступали къ таинствамъ... Аще же они сохраняютъ наше крещеніе, сіе да не устыждаетъ насъ: ибо мы обязаны не воздавати имъ за то благодарность, но покорятися правиламъ съ точностію“.

А о тѣхъ „находящихся въ церковныхъ степеняхъ“, кои „нерѣдко пріемяются въ тотъ же чинъ“, Василій Великій говоритъ, что они отступили отъ церкви со священствомъ, и что все же принимать ихъ въ тотъ чинъ слѣдуетъ только въ томъ случаѣ, „аще покаются отъ самочиннаго сборища, и исправятъ ихъ приличнымъ наказаніемъ и обращеніемъ“. А австрійцы развѣ каются, хотя бы въ грѣхъ „самочиннаго сборища“? Нѣтъ! Въмѣсто того, чтобы услышать и увидѣть отъ нихъ „приличное покаяніе и обращеніе“, мы слышимъ все тѣ же

Аввакумовскія упорство и гордость, все тѣ же дерзкія хулы на святыню церковную! О донатистахъ въ 80-мъ правилѣ карфаген. собора говорится: „донатисты не имѣютъ ничего благословнаго противу каеолическія церкви“. А у австрійцевъ, арианско-швецовскія ереси развѣ уничтожены устнымъ и письменнымъ признаніемъ предъ соборомъ? Нисколько! Ихъ австрійцы только замолчали отъ стыда предъ православною церковію.

Послѣ уже согласія съ Механиковымъ, Швецовъ опять повторялъ свое прежнее исповѣданіе бѣлокриницкаго еретическаго устава въ своемъ письмѣ къ бывшему своему ученику и начетчику, а нынѣ единовѣрческому священнику Оренбургской епархіи о. Т. А. Костякову¹⁾. О примиреніи же съ Механиковымъ Швецовъ въ томъ же письмѣ воетъ что говорить: „комиссія, разсмотрѣвъ мою защиту бѣлокриницкаго устава, не нашла въ ней никакой ереси, а по обвиненію меня Механиковымъ признала и несправедливость и пристрастность“. Такъ! Теперь по суду комиссіи австрійскаго сборища Швецовъ съ Аріемъ правы, а святые отцы, конхъ свидѣтельства Механиковъ приводилъ противъ аріево-швецовской ереси,—„несправедливы и пристрастны!“ Очевидно, этому же мнѣнію принужденъ былъ подчиниться и Механиковъ, не устоявшій въ правдѣ противъ своего „владыки“, ибо Швецовъ пишетъ: „Архіепископъ вызвалъ Механикова на личное сомной объясненіе, и благодареніе Богу, мы, при личномъ объясненіи съ Механиковымъ, пришли къ общему согласію по исповѣданію вѣры“, каковое исповѣданіе Швецовъ и изложилъ въ означенномъ письмѣ снова въ прежнемъ видѣ, извративъ слова Евангелія отъ Іоанна. И съ такимъ-то исповѣданіемъ вѣры арианской австрійцы разсчитываютъ, что и Церковь Православная, подобно Механикову, снизойдетъ къ нимъ, и утвердитъ „сущій санъ“ за ними, а послѣ этого и принесетъ раскаяніе предъ швецовскимъ вѣроисповѣданіемъ. А затѣмъ они уже завладѣютъ московскимъ Успенскимъ соборомъ, и съ побѣдоносностью Наполеона, будутъ извергать изъ священныхъ гробницъ святыя мощи послѣ-никоновскихъ временъ и попирать всю для нихъ неприятную святыню Церкви Православной, напримѣръ: св. иконы съ троюперстіемъ, и съ именемъ „Іисусъ“, четвероконечные кресты и проч.

Подходятъ ли подъ одну категорію донатисты и наватіаны съ нашими австрійцами? И можно ли примѣнять соборныя правила святыхъ отцовъ о донатистахъ и наватіанахъ къ нашимъ русскимъ отступникамъ отъ церкви? Безъ сомнѣнія, нѣтъ. Тѣ ничего такого, что содержатъ наши отступники, не имѣли противъ церкви, и то о принятіи ихъ

1) См. «Миссіонерское Обозрѣніе», № 9 1903 года стр. 310.

говорится: „*еще исправясь, восхотѣть приступить къ Каволической еврѣ, да не будутъ лишены принятія въ своихъ степеняхъ*“ (79 прав. Карфаг. Соб.). Въ 12-мъ правилѣ Теофілѣ Александрійскій, ссылаясь на отцовъ 1-го вселен. Собора, *повелѣваетъ рукополагать восхотѣвшихъ присоединиться къ церкви, еще тоѣмо житіе ихъ добродѣтельно, и нѣтъ никакого тому препятствія; 8-е правило 1-го Собора и говорить: „да по возложеніи на нихъ рукъ, пребываютъ они въ клирѣ“; 19-е же правило того же собора о бывшихъ павликіанами, *прибывшихъ къ Каволической церкви, постановило,—по перекрещиваніи, да будутъ рукоположены епископомъ Каволическія церкви. Аще же испытаніе обрящетъ ихъ неспособными къ священству, надлежитъ имъ изверженнымъ быти изъ священнаго чина“; а 19-е правило 6-го вселенскаго собора наватіанъ, четыренадесятниковъ, *присоединяющихся къ православію, повелѣваетъ принимать чрезъ св. мвропомазаніе, и лишь послѣ того, „когда они дадутъ рукописанія и проклинаютъ всякую ересь, немудрствующую, какъ мудрствуетъ Св. Божія Каволическая и Апостольская церковь“* ¹⁾.**

Если мы принимаемъ австрійцевъ чрезъ св. мвропомазаніе, то какъ же оставлять ихъ „въ сущемъ санѣ“ безъ рукоположенія вновь? При томъ, помимо аріево-шведовскихъ ересей по бѣлокриницкому уставу, нужно еще спросить ихъ: дадутъ ли они рукописаніе въ томъ, что „наша восточная вѣра, истинная и не прелестная, Духа Святаго дарованія имѣетъ, пришествія Его сподобляется, что въ Ней освящаются богоугодницы, и просвѣщаютъ, и въ боговидѣніе приходятъ, богословствуютъ отъ Духа наставляемы по совлеченіи ветхаго челоувѣка, и по смерти тѣло нетлѣнно богоугодниковъ пребываетъ, вонями благоуханными благоухаетъ, и чудотворятъ кости мертвыя съ вѣрою приходящимъ, и во ния святаго милости отъ Бога въ своихъ нуждахъ ищущимъ“? Нѣтъ! этого отъ нихъ не услышишь. Услышимъ только „кощунство и руганіе со смѣхомъ на благодать Св. Духа, какъ отъ невѣрныхъ“, (10-е послан. Мелетія патріарха Александрійскаго въ Кирилловой книгѣ). И говоримъ это не безъ основаній. Въ старобрядческихъ газетахъ и журналахъ мы только и видимъ „кощунство и руганіе со смѣхомъ на благодать Св. Духа, въ Церкви дѣйствующаго“, какъ на примѣръ, о мощахъ преподобнаго Серафима Саровскаго. А куда дѣвать правила святыхъ отцовъ о самочинномъ дѣйствіи

1) «Наватіаны и четыренадесятники, приѣмлюще, написующихъ свою ересь и проклинающе ю, и ину всяку ересь, немудрствующую яко же и соборная церковь, помазуемъ ихъ св. міромъ, а потомъ потщаливи мѣрскіе челоувѣцы поставляются въ санъ, въ немже бѣша, или пресвитери или діакони, или ино что“ (Константинопол. Соб. къ Мартирію еписк. Антиохійск. Кормч. гл. 37).

самозванныхъ епископовъ? Правила эти не привожу здѣсь не только по многочисленности ихъ, но и потому болѣе, что они общезвѣстны въ миссіонерской полемикѣ, и много разъ печатались въ миссіонерскихъ журналахъ.

Приведу только 4-е правило 2-го вселенск. Собора, о самочинномъ епископѣ Максимѣ, прозываемомъ Книникъ: „Ниже Максимъ былъ или есть епископъ, ниже поставленные имъ на какую бы то ни было степень клира: и содѣланное для него, и содѣланное имъ, все ничтожно“. Въ толкованіи сего правила говорится: „Сей Максимъ Книникъ скажется безстыднѣйшій, церковь Божию раздра и многа мятежа и молвы сію исполни; волкъ вмѣсто пастыря явлься, и вся грѣхи прощати готовъ согрѣшающимъ, единого ради еже не чествовати въ повелѣніихъ, рекше преступати заповѣди, яко же глаголетъ великій Богословецъ Григорій. Чуждъ убо сей Максимъ отъ епископства да будетъ, и вси отъ него поставленніи пресвитери, и діакони, и прочіи причетницы чужди священія“. За самочиннымъ епископомъ, отвлекающимъ людей отъ церкви, не только нельзя оставлять „сущаго сана“, но, по 1-му правилу Сардійскаго Собора, ему не должно имѣть и общенія даже наравнѣ съ мірянами“, а по 2-му правилу того же Собора, онъ не можетъ быть „даже и при кончинѣ своей удостоенъ общенія“. Въ толкованіи на это правило говорится: „Странно бо се и страшно есть, даже и при кончинѣ житія не сподобитися причащенія: во всѣхъ правилахъ не найдешь такого запрещенія ни на какіе грѣхи“. Не удивительно такое страшное запрещеніе, если обратить вниманіе на качество грѣха. Всѣ грѣхи кающіеся не могутъ превзойти Божія милосердія, но самовольно „дѣйствующихъ священная“ еще въ ветхомъ завѣтѣ живыхъ пожрала земля. Помоканонъ говоритъ: „все священнодѣйствіе снцевыхъ есть дѣло, горшее самыхъ нечестивыхъ бѣсовъ, они не только за свое дѣло примутъ великое и неисчетное томленіе, но и мечь иную примутъ за тѣхъ, коихъ они прельстили... будутъ виновны въ гибели ихъ“; ибо препровожденные ими въ загробную жизнь не возрождены божественною благодатію въ жизнь вѣчную, потому что безцерковное священство ихъ имѣетъ только внѣшнюю форму обряда священническаго, а духа благодати не имѣетъ. Объ этомъ Св. Василій Великій въ 1-мъ правилѣ говоритъ такъ: „Хотя начало отступленія произошло чрезъ расколъ (т. е. хотя бы и не чрезъ ереси), но отступившіе отъ церкви уже не имѣли на себѣ благодати Св. Духа; ибо оскудѣло преподаваніе благодати, потому что пресѣклось законное преемство. Ибо первые отступившіе получали посвященіе отъ отцевъ, и чрезъ возложеніе рукъ ихъ имѣли дарованіе духовное. Но отторженные, содѣлавшись

мірянами, не имѣли власти ни крестити ни рукополагати, и не могли преподати другимъ благодать Св. Духа, отъ которой сами отпали“ - Такимъ образомъ, будучи безжизненнымъ, священство отступниковъ не можетъ возрождать въ жизнь вѣчную, потому и таинства, ими совершаемыя, только омрачаютъ ихъ и служатъ имъ къ осужденію, какъ говоритъ 68 правило Карфагенск. Собора: „Въ церкви спасительно пріемлются всѣ таинства вѣчныя и животворящія, пребывающихъ же въ ереси подвергающія великому осужденію и казни. Что во истинѣ свѣтлѣе препровождало бы ихъ къ вѣчной жизни, то въ заблужденіи становится для нихъ омрачающимъ и осуждающимъ. Сего нѣкоторые избѣжали, познавъ прямой путь матери—Каеолической церкви“. Св. Іоаннъ Златоустъ говоритъ: „Еретики ни жертвы не приносятъ, ни тѣло Христово не пріемлютъ, потому что іереевъ благочинно посланныхъ не имѣютъ, да если бы и имѣли отъ насъ отбѣгшихъ, однако тайны безъ единенія церковнаго начтоже суть, ибо всѣмъ отлучившимся отъ единенія церковнаго Богъ пророкомъ рече: пошлю на васъ клятву, и проклену благословеніе ваше, и оклену е и разорю благословеніе ваше и не будетъ въ васъ, сирѣчь положу клятву на благословеніе ваше, имже тайна совершаема бываетъ¹⁾..... Того ради не возможно нигдѣ же тайнѣ совершатися, токмо во единости Церкви Божіи, ея же между сонмищи еретическими нѣсть; тогда и тайны ни единыя въ нихъ нѣсть, развѣ крещенія святаго, и то только егда приходитъ къ соединенію церкви»), аще ли же не пріидеть къ церкви, ничто имъ не полезно“. (Толков. Апостолъ въ зач. 149).

Въ другомъ мѣстѣ тотъ же Златоустъ говоритъ: „Великая прелесть у тѣхъ, кои, научившись отъ церкви тайнамъ, вдругъ перемѣнившись, вражду устрояютъ ей. Если съ еретиками, имущими противныя догматы, не должно смѣшиваться, тѣмъ болѣе съ тѣми не должно совокуплятися, кои въ догматахъ православны, а отдѣляются отъ церкви. Почему не должно съ ними соединяться? Потому что у нихъ любоначалія недугъ. Развѣ не знаете, что пострадали Корей, Дафанъ и Авиронъ и не одни они только пострадали, но и единомысленники ихъ. Что ты говоришь: У нихъ та же вѣра! Они православны! Если православны, то почему не съ нами? Вѣдь единъ Господь, едина вѣра, едино крещеніе. Если у нихъ хорошо, то наше

1) Благословеніе Божіе зависитъ не отъ сложенія перстовъ, а отъ единства церкви, въ единствѣ церковномъ на всякое сложеніе перстовъ во славу Божію сходитъ благословеніе Божіе, въ отдѣленіи же отъ церкви и двуперстное благословеніе подъ страшной клятвой.

2) Форма крещенія ихъ только въ церкви получаетъ благодатную силу, а до тѣхъ пребываетъ только безжизненнымъ обрядомъ, не имѣющимъ силы Св. Духа или благодати.

худо; аще же наша добрѣ, то онѣхъ злѣ. Младенцы, колеблемые всякимъ вѣтромъ! Ужели думаете довольно того только, чтобы называться православными? А рукоположенія исчезаютъ и погибаютъ? Какая польза православію, когда рукоположеніе утрачено? Какъ за вѣру, такъ и за рукоположеніе ратовати подобаетъ. Если все́мъ можно быть священниками, такъ пусть ужъ весь народъ священствуется. Тогда напрасно и жертвенникъ созданъ. Къ чему и полнота церковная. Разорайте все! Видите ли, каковы христіане?! Все исполнено тщеславія, любоначалія и прелести. Поэтому иныя и пословицу для смѣха въ поговорку пустили, говоря: Хорошо у нихъ желающимъ управлять подчиненными, а въ охотникахъ до любоначалія недостатка не будетъ. Какой смѣхъ! Какой стыдъ! (Ефес. нравоуч. 11). А что бы сказалъ св. І. Златоустъ, еслибы видѣлъ дѣянія нашихъ поповцевъ—самозванныхъ любителей „сущаго“ у нихъ „сана“, которые, давно почувавъ откуда-то по вѣтру объ утвержденіи за ними „сущаго сана“, постарались заполнить чуть не всю австрійщину самочинными архіереями и безграмотными попами? И сколько же набралось у нихъ такихъ охотниковъ до „сущихъ сановъ“?! Да и бѣглые попы, бѣжавшіе отъ запрещеній церковныхъ, также надѣются на тотъ же пирогъ...

Вспоминается давнишнее народное сказаніе „о скаріетекѣ Юдѣ“: какъ онъ черезъ петлю спѣшилъ въ адъ, чтобы не пропустить удобнаго случая попасть въ рай, расчитывая, что Христосъ, изводя прочихъ изъ ада, не оставитъ и его, да и ошибся въ расчетахъ; онъ забылъ, что въ рай входятъ не хитростью, а покаяніемъ. И любоначальныхъ „суще-санцевъ“ не раскаяніе двигаетъ къ соединенію съ церковію, а таже „Юдова“ уловка. Имъ не спасеніе нужно въ церкви, а любоначаліе. Безразсудная дерзость ихъ стремится къ противоположному подъ видомъ истины.

Пусть они услышатъ, что говоритъ Василій Великій: „Я не признаю епископовъ и не причислялъ бы къ іереямъ Христовымъ того, кто на подрывъ вѣры возведенъ въ предстоятели нечистыми руками“ (Дѣянія вселенск. Собор. том. 7, стр. 61), а первый поповщинскій епископъ Кириллъ именно и былъ возведенъ въ предстоятели для австрійцевъ отступникомъ отъ православной церкви митрополитомъ Амвросіемъ на подрывъ православной церкви. Въ заключеніи скажу словами Номоканона: „аще покаются (истинно) хотятъ и спастися радятъ, да престануть дѣйствовати священства святѣйшія дѣла, исповѣданіемъ и плачемъ Бога милостива дѣюще, нѣсть бо имъ иное что на покаяніе, аще не прежде престануть священнодѣйство-

вати". (О священницѣхъ). А потомъ, по правиламъ Святыхъ Отцовъ о донатистахъ, пусть присоединятся къ церкви, и только по принятіи ими отъ церкви законной іерархіи, мы рады будемъ признать ихъ братьями нашими, и возвеселимся о спасеніи Божиємъ, явленномъ на нихъ. „Аще же сего сотворити не восхоцуть, въ этомъ познается невѣріе ихъ“ (103 прав. Кареаген. Собор.).

Предоставляю мое мнѣніе на разсужденіе благочестивыхъ ревнителей о благѣ и чистотѣ Церкви. Мнѣ думается: „не добръ разумѣша отцы“ миссіонерскаго нижегородскаго собранія въ своемъ нерѣшительномъ постановленіи, что яко-бы только „нынѣ не благовременно“ поднимать вопросъ о принятіи поповцевъ въ „сущихъ санахъ“. Справедливо бы о семъ сказать рѣшительно, что не только „нынѣ не благовременно“, но и никогда не позволительно нарушать богодухновенныя правила святыхъ отцовъ, въ угоду любобачальникамъ. Можно ли утверждать за всякимъ самозванцемъ то, что ему не даровано и что имъ восхищено? Вѣдь нарушеніемъ такихъ основныхъ правилъ, какъ правила о хиротоніи, нарушается весь богоустановленный порядокъ Церкви, и подрывается въ самомъ основаніи наше довѣріе къ каноническимъ правиламъ. Тогда отъ Кормчей у насъ останется одинъ переплетъ. А между тѣмъ въ Кормчей говорится вотъ что: „Правила святыхъ славныхъ и всехвальныхъ Апостолъ, и святыхъ вселенскихъ великихъ семи соборовъ и помѣстныхъ девяти Церковъ Божія не меньше Евангелія почитаетъ“ (въ славянск. Кормч. предислов. къ прав. свв. Апостолъ). И дѣйствительно, св. отцы въ жизни, въ дѣяніяхъ и словахъ воплощали св. Евангеліе и церковь признаетъ, что они говорили, какъ посланники Божіи: „изволися Св. духу и намъ“ (Дѣян. зач. 36) по слову Христа: „Духъ Св. научитъ васъ всему“ (Іоан. 14, 26)

Въ Кормчей же, 1-е правило 7-го вселенскаго Собора говоритъ: „Святая правила облобызающе приѣмлемъ и держимъ: святыхъ Апостолъ и шести вселенскихъ Соборовъ, къ симъ же и помѣстныхъ, и еще же и святыхъ отецъ нашихъ (т. е. 7-го Собора), яко Единого Святаго Духа вдохновенна“.

Тамъ же въ 53 главѣ говорится: „Святіи вселенстіи Собори, и помѣстніи богоносныхъ отецъ послѣдствующе, законная правила изложиша Святѣй церкви на утвержденіе, яко стѣнами чудновидными оградиша вѣрныя, да хотящии своя похоти свершити зломысленніи, и непокоривіи крамольницы, не зѣло имъ удобъ будетъ, входить или

исходити“ ¹⁾. О нарушеніи же этихъ правилъ, въ той же главѣ вотъ что сказано:

„Мерзко и ненавистно Богу, еже челоуѣкогодія ради преступати законъ Его... Божественныхъ ради заповѣдей, даже и до смерти стояти подобаетъ; таковіи убо во истинну блаженни и треблаженни суть“.

Тамъ же въ предисловіи къ 71-й главѣ преподоби. Никона Черногорца говорится: „Единъ Духъ Святыи дѣйствова, въ помѣстныхъ же и вселенскихъ Соборѣхъ, и подобаетъ даже и до кончины вѣка христіаномъ божественная тѣ хранити правила, а не вымышлять извинительныхъ предлоговъ къ нарушенію ихъ, и всякій нарушитель, по тому же правилу и запрещенію приметь“. „Отъ божественныхъ бо и праведныхъ писаній, а не отъ инаго разума (составлены сіи правила), и не отъ несправеднаго писанія. Посему, кто вопреки сихъ мудрствуетъ, развращая (правила) по предести своего ума... не малу бѣду ради всѣхъ сихъ на себя привлечеть. Ибо правила сіи положены не кѣмъ-либо имѣющимъ плотское мудрованіе, но отъ Божественнаго Духа, Святыми Апостолами и Божественными Соборы и всѣми святыми Отцами... Святыи и поклоняемый Духъ вдохну и научи Святыми Соборы... (и мы имѣемъ эти правила) тверды и извѣстны къ душевному врачеванію и испълненію страстей, что и принято, и утверждено прежде насъ бывшими святыми и блаженными Отцами“ (Славявск. Кормчая въ 71 главѣ).

Священникъ-миссіонеръ *Дометій Холоповъ*.

(Продолженіе слѣдуетъ).

1) Здѣсь и говорится именно о самочинныхъ епископахъ, подобно Амвросію Вѣлкриничкому, самовольно переходящихъ на иныя епархіи.

ХРОНИКА.

Лѣтопись періодической духовной и свѣтской печати и новыхъ книгъ по вопросамъ вѣры и миссіи церкви.

Мусій изъ Каплицы. Очеркъ Н. Н. Оглоблина. („Русская Мысль“, сентябрь 1906 г.).

I.

Гуще и гуще надъ русскою землею стелются темныя тучи освободительнаго движенія. Трудно становится жить русскому человѣку. Особенно много заботъ и горя выпало на долю русскаго духовенства. Это не анекдотъ и не побасенка, что вѣрность своему долгу, своей вѣрѣ и своей исторіи часто разсматривается, какъ государственное преступленіе, какъ злодѣйское покушеніе на новые основные законы новаго государственнаго строя.

„Черносотенцами“ зовутъ всѣхъ, кто видитъ и понимаетъ извращенность и безчестность идейной и пролетарской, т. е. воровской и разбойничьей морали, кто стоитъ за право собственности, т. е. за основы единственно-извѣстной культуры, и не ищетъ въ помойной ямѣ скрижалей какого-то новаго завѣта.

Въ этомъ именно смыслѣ оппозиціонныя и революціонныя органы печати и политическія партіи и дѣйствуютъ на правительство. Они говорятъ властнымъ и деспотическимъ языкомъ и *требуютъ*, какъ бы *по праву*, разгрома и истребленія цѣлыхъ пластовъ русскаго населенія будто бы по силѣ и смыслу новаго законодательства. Такое толкованіе закона еще не вошло въ практику судебныхъ установленій, хотя уже нмѣются обвинительныя приговоры за проявленіе русскаго патріотизма и есть государственныя люди, которые беззащѣнно предлагаютъ русской церкви крайне сомнительный „подвигъ уступки“.

Иной разъ приходится не вѣрить глазамъ и ушамъ. Такъ новы,

необычны и,—зачѣмъ скрывать правду?—безсмысленны новыя „умныя“ рѣчи. То, что тайно свое худосочіе и свою безтолковость въ подпольѣ, высунуло свою узкую змѣевидную голову и выбираетъ мѣсто, гдѣ бы укусить и влить въ организмъ медленно убивающій ядъ. Самооборона вызываетъ злобу, раздраженіе и ненависть и взываетъ къ государственнымъ силамъ и средствамъ, чтобы обезоружить основные пласты населенія. Безуміе во всѣхъ формахъ и видахъ требуетъ господства и власти,—и, подѣ гипнозомъ мимолетныхъ впечатлѣній, принимаются опасныя и крайне неосторожныя рѣшенія. Въ слишкомъ скрытой игрѣ ставятся слишкомъ крупныя ставки и будущее покрывается новыми туманами.

„Освободительная“ пресса, часто даже подѣ покровомъ идейной беллетристики, предлагаетъ проекты радикальныхъ перемѣнъ въ общественномъ, гражданскомъ и церковномъ укладѣ, въ отиѣну будто бы безумной и неосмысленной традиціи.

Позволю себѣ обратить вниманіе на проектъ г. Н. Н. Оглоблина въ сентябрьской книжкѣ „Русской Мысли“. Это будто бы беллетристическій „очеркъ“, подѣ заглавіемъ „Мусій изъ Каплицы“. Но „очеркомъ“ этотъ трактатъ названъ по очевидному недоразумѣнію редакціи и автора. Читатели сами убѣдятся, что ничего беллетристическаго здѣсь нѣтъ, нѣтъ ни типовъ, ни дѣйствій, ни сюжета. Гдѣ нѣтъ фабулы, нѣтъ и беллетристики. Это тенденціозность въ формѣ разговоръ и описаній. Смѣшно говорить про словесную художественность тамъ, гдѣ авторъ пытается логически обосновать опредѣленную политическую программу въ самыхъ практическихъ и бытовыхъ ея пунктахъ.

Г. Оглоблинъ доказываетъ, что дѣло русской церкви и русскаго духовенства много выиграетъ, если духовенство всѣ свои бытовыя и приходскія отношенія, т. е. заключеніе браковъ и замѣщеніе приходовъ, дѣловыя сношенія съ епархіальною властью и консисторіями, размѣръ вознагражденія чиновникамъ и семинарской администраціи, а также нѣкоторые обрядовые и даже догматическіе вопросы, доверить „русскимъ людямъ Моисеева закона“, такъ сказать, уже по темпераменту и религіи приспособленныхъ къ исполненію именно этихъ церковно-общественныхъ функцій.

Проектъ, предлагаемый г. Н. Н. Оглоблинымъ и редакціею московскаго идейнаго журнала, слишкомъ поражаетъ своею новизною и оригинальностью. Но мы переживаемъ такой удивительно-идейный и оппозиціонный періодъ, что надо очень внимательно и осторожно относиться ко всякому безтолковому вздору, ко всякой очевидной глупости, такъ какъ вполне возможно, что въ ближайшемъ будущемъ она ляжетъ въ основу той или другой пролетарской морали и идейнаго законодательства.

Какими же средствами логики пользуется г. Оглоблинъ, чтобы доказать всё выгоды и удобства передачи бытовой и обрядовой стороны сельскаго и помѣстнаго православія въ вѣдѣніе еврейскихъ корчмарен и „гостинниковъ“, обслуживающихъ въ уѣздахъ интересы той или другой епархіи?

II.

Въ 1850—60 годахъ, до постройки кіево-брестской желѣзной дороги въ деревнѣ Каплицѣ, въ трехъ верстахъ отъ г. Василькова, дѣлами духовенства кіевской епархіи, Волыни и Подоли, будто бы негласно управлялъ „русскій человѣкъ Моисеева закона“, еврей Мусія, державшій корчму и постоянный дворъ въ означенномъ мѣстечкѣ. Формы и объемъ его епархіальной дѣятельности и компетентности, а также своеобразные оттѣнки въ его пониманіи православія, г. Оглоблинъ описываетъ въ полубеллетристической формѣ, т. е. проситъ ему вѣрить въ кредитъ, и вѣрить его покойному отцу, заслуженному протоіерею, „глубокому христіанину и правовѣрному славянофилу“, который когда-то сотрудничалъ въ „Днѣ“ Аксакова. По моему, это рекомендація очень солидная, имѣющая всё права на вниманіе и уваженіе. Но, грѣшный человѣкъ, въ основной мысли автора я вижу такъ же мало славянофильства, какъ и „глубокаго христіанства“.

Впрочемъ, пусть дѣло рѣшаютъ сами читатели.

Авторъ, повидимому, ученикъ кіевского духовнаго училища, съ теткой ѣдетъ на каникулы къ своему дядѣ въ Бачурино.

— Кони рвутся до Мусія,—передъ Каплицей заговорилъ кучеръ Мартіанъ.—Почуяли!.. Сейчасъ прибавятъ рыси, помнятъ, что у Мусія и овесъ гарный, и сѣно вкусное и вода солодкая... Развѣ же можно миновать Мусія? Какъ можно проѣхать мимо Мусія? За что обижать добраго человѣка?

— Правда,—согласилась тетка, — прекрасный онъ человѣкъ!.. И Моисей страшно разобидѣлся бы, если бы мы его миновали...

— Эге-жъ! И я такъ говорю,—продолжалъ Мартіанъ,—и что то за еврей!.. Другого такого нѣтъ по всей Украинѣ...

По словамъ Мартіана, имъ не нахвалятся „богословы изъ семинаріи“, т. е. воспитанники V и VI классовъ.

„Они мало не цѣлую ночь проболтали съ Мусіемъ, толкуя про невѣсть... По всей епархіи всѣхъ невѣсть онъ знаетъ и про всякую разскажетъ: и какая изъ себя лицомъ, и какой у нея нравъ, и сколько приданаго, и все чисто про родню... А какъ повели они рѣчи за приходы, какіе свободны, тутъ-то я и подивился на Мусія!.. Такъ

дobre знаетъ онъ все о приходахъ, будто онъ самъ сколько лѣтъ сидѣлъ на тѣхъ „парафіяхъ“ или былъ чиновникомъ въ консисторіи... Каждому богослову Мусій растолковалъ все чисто: и какую поповну за себя брать, и на какой приходъ проситься, и сколько грошей возьмутъ въ консисторію за ту „парафію“.

— Вотъ вамъ и еврей!.. Онъ такое знаетъ про самого митрополита, что диву даешься, будто онъ съ самимъ владыкою сколько разъ бесѣдовалъ... Эге-жь!.. Такъ и сдается,.. И каждого попа Мусій научить, что ему надо въ Кіевѣ сдѣлать: и до кого идти, и какъ съ кѣмъ говорить, и кому какого „хабара“ нести... Иному попу совѣтъ не дорога черезъ Каплицу, а долженъ ѣхать до Мусія, ибо Мусій все чисто знаетъ и каждому дастъ разумнѣйшій совѣтъ... Ей Богу!.. Вотъ вамъ и еврей!..

— Да, Мартыанъ,—перебила его тетка, — все это суцная правда! Въ самомъ дѣлѣ, лучше Моисея, кажется, никто столько не знаетъ епархіальныхъ новостей. Да и какъ ему не знать ихъ, когда чуть не всѣ батюшки изъ сосѣднихъ уѣздовъ, ѣдучи въ Кіевъ, обязательно побываютъ у Моисея и выложатъ ему всѣ свои новости, а на обратномъ пути расскажутъ ему все, что видѣли и слышали въ Кіевѣ!..

Мартіану удалось быть очевидцемъ удивительныхъ дипломатическихъ успѣховъ геніальнаго фактора. Былъ онъ какъ-то случайно у Мусія.

„У него тогда ночевала большая персона—какой-то протопопъ съ Подоліи. Пробирался онъ до Кіева—хотѣлъ проситься на какой-то приходъ въ самомъ городѣ. По дорогѣ посовѣтовали ему захватить до Мусія, чтобы разспросить про ту парафію. Такъ онъ и сдѣлалъ... Эге! И что же вы себѣ думаете? Гдѣ теперь этотъ протопопъ? Развѣ сидитъ въ Кіевѣ, на гарной парафіи?“

— Нѣтъ, Мартіанъ, — замѣтила тетка,—у насъ никого нѣтъ изъ подольскихъ протопоповъ!..

— Эге-жь!.. То и я говорю!..—перебилъ Мартіанъ.—Слушайте же, матушка, и не сбивайте мою рѣчь!.. Проговорилъ тотъ протопопъ съ Мусіемъ цѣлый вечеръ, а утромъ приказалъ себѣ запретъ лошадей и поѣхалъ себѣ обратно, снова до Подоліи, такъ и не видѣвши Кіева!.. Вотъ что! Вотъ вамъ и кіевская парафія!.. И то все сдѣлалъ Мусій, ибо онъ, какъ на ладони, выложилъ, что до того гарнаго прихода кіевскіе попы не подпустятъ чужого протопопа, и что на тотъ приходъ уже нацѣлился какой-то кіевскій протопопъ и непременно получатъ его скоро!..

— И что вы себѣ думаете? Вотъ что своими очами видѣлъ: вышелъ тотъ протопопъ съ Подоліи садиться на коней и три раза поѣздвался съ Мусіемъ!.. Эге-жь!.. Самъ протопопъ съ евреемъ трижды

поцѣловался, какъ на Велькъ-день!.. И говоритъ ему: „ну, Мусій! Тебѣ не въ заѣжемъ дворѣ сидѣть, а въ консисторіи, на креслѣ самого секретаря... Эге-жъ! Ей Богу! Такъ и сказалъ этими самими словами... Вотъ что было! Самъ видѣлъ и слышалъ!.. Вотъ вамъ и секретарь!..

„И Мартіянъ, а за нимъ и тетка весело расхохотались, представляя Мусія въ роли консисторскаго секретаря. Оба они, однако, охотно соглашались, что добрый и честный Мусій, отлично знакомый съ жизнью духовенства и сердечно къ нему расположенный, былъ бы тутъ на своемъ мѣстѣ.

III.

Пока это мнѣніе Мартіяна и тетки автора. Они думаютъ, что другого Мусія нѣтъ на Украинѣ. Это единственный бѣлый воронъ въ Приднѣпровьѣ. Но это простые, не идейные люди. Авторъ самъ смотритъ куда дальше. Онъ выдавливаетъ изъ Мусія весь идейный сокъ и создаетъ изъ него не только типъ епархіальнаго фактора, но и идеалъ организатора сельскаго духовенства по обычному шаблону: „пролетаріи всѣхъ странъ, соединяйтесь!“ Тонкая это паутина и много надо казуистики, чтобы плести хитрую сѣтку. Но г. Оглоблинъ мастеръ на дѣло классической Арахны.

„Мусій принадлежалъ къ числу настоящихъ „русскихъ людей Моисеева закона“, которыхъ такъ много (?) среди нашего еврейства, но которыхъ, къ сожалѣнію, почти не замѣчаетъ русское общество. Оставаясь вполнѣ правовѣрнымъ евреемъ, Мусій былъ въ тоже время русскимъ человѣкомъ до глубины души. Иначе онъ не могъ бы такъ сблизиться съ православнымъ духовенствомъ и быть своимъ, роднымъ (?) человѣкомъ въ этой средѣ, столь далекой отъ еврейства“.

Такихъ евреевъ русское общество, къ сожалѣнію, не замѣчаетъ, потому что ихъ нѣтъ или—есть, какъ увѣряетъ Мартіянъ, одинъ „на всей Украинѣ“, а значить, и въ Россіи вообще. Но *логику* г. *Оглоблина* русское общество, къ счастью, замѣтило, потому что шила въ мѣшкѣ не утаишь. По его словамъ, Мусій—общимъ голосомъ кievской епархіи, Подоліи и Волыни, — уже признанъ достойнымъ занимать кресло секретаря консисторіи. На этомъ идейность и логика г. Оглоблина, конечно, не остановится. Стоило ли мараться изъ-за такихъ пустяковъ? Почему бы Мусію, „оставаясь вполнѣ правовѣрнымъ евреемъ“, не занять кресло оберъ-прокурора Св. Синода, гдѣ онъ, „отлично ознакомленный съ жизнью духовенства и сердечно къ нему расположенный“, былъ бы, конечно, „на своемъ мѣстѣ“.

За послѣднее время идейная беллетристика увертлива и лукава:

говорить, повидимому, о мелкой сошкѣ, а мирится только на диктатурѣ. И ниже, по силѣ и энергіи рѣчи г. Оглоблина, мы увидимъ, что онъ собственно прочитъ Мусія на несравненно болѣе вліятельное церковно-административное мѣсто, чѣмъ должность секретаря консисторіи. Онъ, такъ сказать, вообще расширяетъ дорогу блистательной духовной карьеры для лицъ иного закона. И всѣхъ противниковъ своей вѣротерпимости онъ привлечетъ къ судебной отвѣтственности за нарушеніе основныхъ законовъ новой государственности. За воркованіемъ нѣжной голубицы слышенъ грядущій скрипъ и скрежетъ зубовъ.

И вотъ какъ г. Оглоблинъ доказываетъ права Мусія на званіе мѣстоблюстителя патриаршаго престола. Аргументація его такъ убѣдительна и блестяща, что я позволю себѣ довольно длинную выписку, чтобы читатели не заподозрили меня въ недостаткѣ серьезности и документальности.

„Популярность Мусія среди духовенства была громадная: тутъ онъ былъ вполнѣ своимъ желаннымъ, близкимъ человѣкомъ, да и самъ онъ чувствовалъ себя въ этой средѣ вполнѣ въ своей тарелкѣ, не смотря на свое еврейство. Его многочисленные друзья и пріятели изъ духовенства развѣ шутя позволяли себѣ иногда приставать къ Мусію, съ предложеніемъ „креститься“. Но онъ очень ловко парировалъ всякія шутки и отбивалъ охоту ставить вопросъ на серьезную почву. *Да никто и не чувствовалъ въ томъ никакой нужды:* православные друзья Мусія любили и уважали его, какъ хорошаго человѣка, и въ своемъ сближеніи съ этимъ симпатичнымъ евреемъ не видѣли ничего ненормальнаго, необычнаго. *Все это было въ порядкѣ вещей.*

„Сближеніе съ Мусіемъ начиналось какъ-то незамѣтно и съ каждымъ шагомъ росло, постепенно превращаясь въ близкія связи, и нерѣдко доходя до степени искренней дружбы. Разъ мальчика завезли въ Каплицу, по дорогѣ въ бурсу или въ семинарію, онъ уже навсегда крѣпко (?) западалъ въ громадной памяти Мусія и не могъ исчезнуть изъ круга его зоркой наблюдательности. Поѣздки дѣтей на каникулы черезъ Каплицу подогрѣвали воспоминанія Мусія о каждомъ изъ нихъ. Такъ онъ слѣдилъ за ходомъ ученія всѣхъ дѣтей изъ знакомыхъ семей, какъ дальше продолжалъ *неусыпно наблюдать за ихъ дѣятельностью въ роли священниковъ и т. д.*“ (т. е. епископовъ и митрополитовъ?).

Политика жестокая и, такъ сказать, всеобъемлющая! Только десять лѣтъ Мусій правилъ тремя епархіями и—вотъ чего достигъ! Можно думать, что еслибы своевременно не была построена кіево-брестская желѣзная дорога, всѣ „хабары“ поспли бы не въ конси-

сторію и дикастерію, а въ каплицкую корчму. Замѣтны черты такой всеуловляющей и всеудавляющей системы, такой густой и непроницаемой сѣти, изъ которой не ускользнетъ ни одинъ снѣтокъ духовнаго озера. Сохрани Богъ кому-либо попасть въ такую „громадную память“ такого неусыпнаго контролера за „дѣятельностью въ роли священниковъ и т. д.“

Но—слово принадлежитъ г. Оглоблину.

„Если дѣти, бывая въ Каплицѣ, только присматривались и привыкали къ Мусію, наблюдая близкія отношенія къ нему своихъ отцовъ, то юноши-семинаристы уже сами входили въ подобныя сношенія съ Мусіемъ, и молодые священники со временемъ превращались даже въ друзей его. Съ нимъ всегда было такъ легко и пріятно откровенничать относительно всѣхъ своихъ дѣлъ—и служебныхъ, и семейныхъ, и хозяйственныхъ. Всѣ знали, что Мусія не только интересуется все, до мельчайшихъ подробностей, въ жизни его знакомыхъ, но что отъ него всегда можно ждать и сердечнаго участія къ чужому горю, и искренней радости при счастливыхъ обстоятельствахъ, и разумнаго совѣта при случаѣ. Ему довѣрялись охотно и никогда онъ не обманывалъ оказываемаго довѣрія“.

Фактъ во всякомъ случаѣ знаменательный и любопытный. Корчмари водятся не только въ Каплицѣ. И не всѣ корчмари евреи. Думается мнѣ, что я не ошибаюсь. А если это такъ, то все дѣло приобрѣтаетъ своеобразный оттѣнокъ.

Православный харчевникъ, гдѣ-нибудь на бойкомъ раздорожьи, тоже много видитъ проѣзжихъ батюшекъ и матушекъ, бурсаковъ и семинаристовъ, знаетъ всѣ окрестныя кляузы и дрязги, знаетъ всѣхъ поповенъ-невѣстъ въ околоткѣ, доходность приходовъ и консисторскихъ дѣльцовъ. Думается, что и у него можетъ найтись „сердечное участіе къ чужому горю и искренняя радость при счастливыхъ обстоятельствахъ“. Повидимому, ему, какъ православному, отецъ духовный даже ближе, чѣмъ любому Мусію, который въ лучшемъ случаѣ дѣлаетъ это изъ гуманной вѣротерпимости, если не изъ другихъ, болѣе практическихъ соображеній. Отчего же ему никогда не приходитъ въ голову не только поставить себя на равную ногу съ батюшкой, но и взять надъ нимъ верхъ, стать его совѣтникомъ и юрисконсультomъ по дѣламъ епархіальной консисторіи и по дѣловому ярюкотворству? Почему онъ не мѣтитъ на кресло секретаря консисторіи? Можетъ быть, потому, что сдѣлать оброчную статью изъ брачной, мѣстнической и кляузнической волокиты мѣстнаго духовенства ему не по душѣ и не по совѣсти,—прямо претить, какъ слишкомъ мутный источникъ нечистой наживы?

И въ деревняхъ есть неумные кляузники, которые отлично

знають всѣ ходы въ консисторію и въ епархіальную канцелярію. Тамъ это, конечно, дѣлается не изъ „сердечнаго участія“. Это свой мірокъ и своя психологія. Можетъ быть, и грязи тамъ довольно, но есть и своя, порой неразумная, порой вполне законная, — ревность къ вѣрѣ, уваженіе къ обряду и чистотѣ нравовъ, своя жажда правды и свои идеалы. Тутъ не все можно объяснить корыстными или коммерческими интересами. Но вся дѣятельность Мусія легко сводится къ самому простому практическому расчету. Онъ устранилъ всѣхъ своихъ конкуррентовъ и сбиралъ обильныя сливки тамъ, гдѣ даже его единовѣрцы сидѣли при циковомъ интересѣ.

Онъ выигралъ свою игру и ему долго везло. Но чтобы стать на эту дорогу, нужна была своеобразная рѣшимость, сознание своего умственнаго превосходства въ дѣлахъ житейскихъ и приходскихъ, извѣстная доля неуваженія и даже презрѣнія къ духовенству, явная и нѣсколько наглая увѣренность, что любой Мусій насквозь понимаетъ всѣ рычаги церковной жизни и у протопопа изъ Подолія знанія, опытности и мозговъ въ головѣ много меньше, чѣмъ у расторопнаго фактора, который къ дѣламъ *своей* вѣры чужихъ не пускаетъ.

Не отзвуки ли это польско-шляхетскаго гонору? Шляхтичъ охотно лѣзъ въ карманъ къ жиду, но съ условіемъ права издѣваться и величаться надъ нимъ, пока фортуна окончательно не оставляла програвшаго пана. Еврей въ его глазахъ все же оставался на хлопской линіи. Но здѣсь не то. Въ хлопы идутъ попы, а Мусій играетъ роль пана или, по крайней мѣрѣ, полупанка. Если вникнуть въ дѣло, окажется, что пастырское и іерейское дѣло духовенству не по уму и нуженъ еврейскій „разумный совѣтъ“, чтобы какъ нибудь обходить всѣ Сциллы и Харибды, подстерегающія духовенство на каждомъ шагу. Такимъ образомъ, у г. Оглоблина дѣло принимаетъ комическій отбѣнокъ. Вѣдь отцы протопопы Мусію, конечно, платяты — не только за свои харчи и прокормъ лошадей. Его зажиточности не отрицаетъ и авторъ. Этимъ все дѣло и рѣшается. Зачѣмъ трижды лобызаться, какъ „въ Великъ день“? Зачѣмъ въ недобрый часъ поминать секретаря консисторіи? Зачѣмъ такъ рискованно поднимать каноническій и богословскій авторитетъ фактора, которому за все заплачено? Зачѣмъ оборотливость корчмаря одѣвать узорами пролетарской морали и первобытнаго протестантизма?

Но г. Оглоблинъ нашель, чего искалъ и что такъ на руку редакціи журнала „Русская Мысль“, и въ лагерѣ, равнодушномъ къ религіи, совершенно на свой ладъ сладкоглаголиво поетъ „аллилуйя“.

IV.

„Всѣмъ,—говорить Н. Н. Оглоблинъ,—чувствовалось очень легко и бодро подлѣ Мусія и всѣхъ привлекала милая личность этого добраго еврея, всегда веселаго, жизнерадостнаго, остроумнаго, съ нерѣдкими проблесками высокаго сарказма и глубокой ироніи. Около Мусія всегда стоялъ всеобщій гомерическій хохотъ. Рѣшительно со всякимъ онъ зналъ, о чемъ слѣдуетъ поговорить, каждого могъ заинтересовать своей бесѣдой, увлечь въ горячій споръ, въ которомъ нерѣдко бралъ верхъ надъ людьми, стоящими много выше его по развитости и образованію. Въ немъ при недюжинномъ умѣ было громадное знаніе жизни, накопленное его рѣдкою наблюдательностью.

„Со всѣми Мусій держался ровно и просто, будь то самый заслуженный протопопъ или захолустный сельскій „дякъ“ и „паламаръ“. Его любили не одни взрослые, къ нему тянулись и дѣти, для которыхъ у него всегда были наготовѣ и добродушная ласка, и задушевное слово, и большое умѣнье заинтересовать ихъ занимательными рассказами, веселыми прибаутками и шутками. Въ немъ чуялось золотое сердце, до котораго такъ чутки и падки дѣти...

„Немудрено, что у Мусія была такая масса друзей и пріятелей, но удивительно, что большинство ихъ принадлежало именно къ духовной средѣ. Еще удивительнѣе, что рѣдко кто былъ такъ свѣдущъ по части „епархіальной политики“, какъ еврей Мусій. Чего только и кого только онъ не зналъ по этой части!.. Всегда онъ былъ въ курсѣ, всѣхъ и всякаго рода епархіальныхъ дѣлъ, связей, отношеній. И всѣмъ въ этой области онъ горячо интересовался и все отлично понималъ не хуже заправскихъ клириковъ.

„Оттого послѣдніе, направляясь въ Кіевъ черезъ Каплицу, такъ стремились застать Мусія дома и побесѣдовать съ нимъ, зная, что онъ можетъ засыпать самыми свѣжими и нужными городскими новостями. Нельзя миновать его и на обратномъ пути—просто грѣшно не подѣлиться съ нимъ новымъ запасомъ кіевскихъ вѣстей, еще неизвѣстныхъ ему. Все собранное со всѣхъ сторонъ Мусій обязательно используетъ какъ нельзя лучше, все пустить въ полезный оборотъ, и кому нибудь поможетъ своими добрыми совѣтами, отличнымъ знаніемъ дѣла и пониманіемъ текущаго настроенія, умѣнемъ толково приноровиться къ требованіямъ мѣняющейся злобы дня.

„Приходилось на каждомъ шагу удивляться, какъ этотъ правовѣрный еврей могъ такъ легко ориентироваться въ чуждой ему церковной области и входить въ суть самыхъ сложныхъ вопросовъ епархіальной жизни. Онъ отлично понималъ всѣхъ главныхъ заправилъ послѣдней,

хотя лично съ ними не сталкивался и судилъ о нихъ по ихъ дѣятельности, да по отзывамъ знающихъ людей. Самъ большой знатокъ епархіальныхъ дѣлъ, человекъ умный и наблюдательный, Мусій рѣдко когда ошибался въ заглазныхъ сужденіяхъ о разныхъ духовныхъ дѣятеляхъ. Многолѣтняя практика его въ области епархіальной политики развила въ немъ удивительное чутье и рѣдкое пониманіе этой специальности, столь чуждой еврейству.

„Все это могло развиваться въ немъ только благодаря его исключительному интересу къ духовной средѣ, съ которою онъ волею-неволею (?) сблизился коротко и которая сама нисколько не чуждалась его. Но ни того, ни другого не произошло бы никогда, если бы Мусій не былъ кореннымъ, съ головы до пятъ, дѣйствительнымъ „русскимъ человекомъ Моисеева закона“.

Вотъ на этомъ-то самомъ мѣстѣ г. Оглоблинъ каждый разъ и спотыкается! Онъ *удивляется* своему Мусію и имѣетъ дѣйствительно много побужденій удивляться. Ну, и пусть это будетъ нѣчто исключительное, неповторяемое, unicum изъ еврейскихъ друзей православія. По логикѣ г. Оглоблина такъ именно и выходитъ. Но эта логика бьетъ его по карману: съ такою логикою „Русская Мысль“ ни въ какомъ случаѣ не напечатала бы его разсказа. На рынкѣ оппозиціонной печати оплачивается общая тенденція, а не анекдотъ или археологическая рѣдкость. Пролетарская идейность требуетъ самыхъ широкихъ обобщеній. Надо распространить выводъ на все еврейство и на все духовенство. И г. Оглоблинъ принесъ обязательную дань идейности. Мусій—не одинъ, Мусіевъ—много, таковъ каждый „русскій человекъ Моисеева закона“.

Оппозиціонныя редакціи прощаютъ автору и сотруднику самыя вопіющія противорѣчія, если только онъ по мѣрѣ силъ и усердія служитъ ниспроверженію существующаго строя, хотя бы въ формѣ замѣщенія секретаря консисторіи вольно-практикующимъ еврейскимъ факторомъ.

V.

Драма, изложенная въ „Очеркѣ“ г. Оглоблина, состоитъ изъ пяти актовъ. Въ первыхъ двухъ—сперва устами Мартіяна и тетки, потомъ самого автора, — готовится торжественный сценическій выходъ героя. Въ двухъ вторыхъ—герой геройствуетъ. Въ последнемъ—открывается киево-брестская желѣзная дорога и еврейско-православная идиллія тонетъ во мракѣ.

Но странно, что герой геройствуетъ недостаточно по-геройски, хотя г. Оглоблинъ надѣлилъ его очень сценическою внѣшностью.

„Держался онъ спокойно, съ достоинствомъ, безъ обычной еврейской суетливости и усиленной жестикуляціи. Частое пребываніе въ кругу духовныхъ особъ, привыкшихъ держаться чинно и сановито, отразилось на Мусіи въ лучшую сторону, — приучило его быть сдержаннымъ въ жестахъ и движеніяхъ.

„Но насколько была спокойна его фигура, настолько лицо Мусіи отличалось необыкновенною подвижностью и выразительностью, которымъ позавидовали бы и Шаляпинъ съ Олениной д'Адельгеймъ“.

Въ сценическомъ выступленіи Мусіи отмѣтимъ только три момента, выбросивъ все, что касается его дѣятельности, какъ корчмара и харчевника.

1. Мусій въ душѣ демократъ и пролетарій.

Отецъ автора хворалъ, но теперь поправился.

— Хвала Богу, что поправились, — говорилъ Мусій, совершивъ въ полголоса еврейскую благодарственную молитву. — Пошли имъ Богъ здоровья!.. Нужно беречь ихъ... До кого другого пойдетъ со своею нуждою бѣдный сельскій попъ, или какойнибудь „дакъ“ или „паламаръ“?! Развѣ до о. Петра? Или до о. Дмытро?.. Гдѣ тамъ! То очень великіе паны!.. До нихъ и достукаться нельзя... Они сидятъ себѣ такъ важно въ консисторіи, бороды свои расчесываютъ, бумаги свои переворачиваютъ, да сребрутъ себѣ перомъ — зыркь... зыркь... зыркь... Только отъ нихъ и слышно... А чтобы они потолковали отъ „широкаго“ сердца съ маленькимъ человѣкомъ, а ни-ни! Гдѣ тамъ! Сохрани Боже!..

Почтенная и достойная черта въ характерѣ бывшаго заслуженнаго о. протоіерея! Вполнѣ понятно и естественно, что сынъ гордится дошностью и отзывчивостью отца.

Впрочемъ, ниже мы увидимъ, что у г. Оглоблина были и практическія побужденія поднимать и усиливать авторитетъ своего отца, который по еврейскому вопросу высказывается въ духѣ политической платформы „Русской Мысли“.

2. По вопросу о второбрачій духовенства Мусій высказывается въ духѣ Теофана Прокоповича и Петра I, полигистора Татищева и вольтерьянца Радищева, оберъ-прокурора Мелиссино и министра духовныхъ дѣлъ князя А. Н. Голицына, В. В. Розанова и Максима Горькаго.

Овдовѣлъ молодой священникъ, о. Семенъ, дядя автора.

— Слышалъ, слышалъ, — говорилъ Мусій, — какая бѣда стряслась надъ Семеномъ Яковlichemъ... ай-ай-ай! Бѣдный мой Сеничка! И что онъ будетъ дѣлать?!.. Такой молодой... и пара дѣтокъ, и хозяйство... Какъ онъ управится безъ жены?!

— Да, Моисей, боимся мы за него...

— И что же у васъ за порядки? Ай-ай-ай!.. Молодой попъ овдовѣлъ и не можетъ второй разъ жениться!.. Ну, ежели старенькій попъ овдовѣтъ—Богъ съ нимъ! Пусть себѣ живетъ, какъ монахъ... А молодого-то что такъ мучить?! Гадко, очень гадко...

— Нельзя, Моисей, по церковнымъ правиламъ...

— А откуда, скажите вы мнѣ на милость, взялись эти правила? Развѣ они съ неба свалились?! Люди ихъ повыдумали, люди и отмѣнить ихъ должны...

— Святые отцы ихъ писали...

— Пхе! пусть-же святые отцы для себя и пишутъ!.. Можетъ быть, для святыхъ отцовъ жінки не нужны... А для поповъ, и еще молодыхъ... Какъ-же это возможно?!... Святые отцы! Эге!.. Немножко и мы знаемъ, какъ спасаются безъ женокъ святые отцы, вотъ хотя-бы лавряне, или михайловскіе, да и всѣ другіе“...

Когда кievскіе батюшки въ шутку хотѣли „окрестить“ Мусія, онъ умѣлъ давать имъ отпоръ. Матушка и ея племянникъ, авторъ „очерка“, были вѣротерпимѣе и святыхъ отцовъ изъ талмуда оставили въ покоѣ. Впрочемъ, эти рѣчи Мусія имѣютъ не только бытовое, но и историческое значеніе.

Кто знакомъ съ богословскими трудами В. В. Розанова, тотъ сразу-же замѣтитъ, что эти именно взгляды Мусія легли въ основу его стремительнаго богословствованія. Это, такъ сказать, его *summa totius theologiae*. Теперь, при эволюціи освободительнаго движенія, можно ждать, что именно эти взгляды „возобладаютъ“. Тогда В. В. Розановъ увѣнчается пышными лаврами. Но строгая справедливость требуетъ отмѣтить, что не онъ былъ творцомъ этихъ догматовъ, что онъ не первымъ вышелъ на „Новый Путь“. Мусій въ своей корчмѣ проповѣдовалъ эту новую правду отъ 1850 до 1860 года, въ свободное отъ корчемныхъ занятій время, когда г. Розанову было, повидимому, еще не до богословствованія. Вполнѣ возможно, что среди его многочисленныхъ корреспондентовъ, были бурсаки и семинаристы и изъ Кіевской епархіи. Такъ-же возможно, что они дѣлились съ нашимъ новымъ отцомъ церкви догматикою Мусія и это, быть можетъ, дало первый толчокъ протестантизму, мистицизму и атеизму такъ называемыхъ „философско-религиозныхъ собраний“.

3. Оказывается, что кромѣ пропаганды по тремъ епархіямъ іерейскаго многоженства, Мусій еще усердно занимался распространеніемъ завѣдомо ложныхъ слуховъ о неблагоповеденіи семинарскихъ властей и наставниковъ, возбуждая этимъ тревогу среди мѣстнаго духовнаго населенія.

Таково его сказаніе о мытарствахъ „Василя“, сына о. Ильи изъ

Балабановки. Василь, уже мечтавшій объ академіи, поѣхалъ съ дивчатами кататься по Днѣпру.

— Доѣхали они такъ до Чертороя, повернули уже назадъ, какъ видятъ—плыветъ уже навстрѣчу другая лодка, такая большая, мало не цѣлый „дубъ“... И вся полна народу: и барыни, и барышни, и кавалеры разные... А между ними сидятъ... Боже-жъ мой, Боже!.. мой бѣдняга Василь такъ и обомлѣлъ!.. Были тамъ,—слушайте-ко, матушка,—и Хверапонтъ съ Мелхиседекомъ, и „Карпетка“... развѣ не знаете? такъ семинаристы прозываютъ Павла Акимыча... Эге-жъ! ей Богу, такъ и было: сидятъ себѣ въ лодкѣ посередь жинокъ два еромонаха, и шутятъ съ ними, и пѣсни поютъ и вино пьютъ... Срамъ чистый!.. Тьфу!..

— Что тутъ дѣлать моему богослову Василю?.. Нужно было-бы ему или спрятаться за своихъ дивчатъ, или укрыться на дно лодки.. А онъ дурень такой!—еще всталъ на ноги, снялъ картузъ и низенько поклонился и инспектору своему, и „профессору“ Карпеткѣ... Хверапонтъ звѣрюгой посмотрѣлъ на Василя... Ну, а Карпетка, ничего, даже раскланялся съ своимъ ученикомъ, добрый человекъ!..

— Потому я говорю Василю: какъ это ты не догадался еще перепрыгнуть къ нимъ въ лодку, да подойти подъ благословеніе къ пьянымъ еромонахамъ?! Очень хорошо было-бы!.. въ самый разъ попалъ-бы...

— И что-же вы себѣ думаете?.. На другой день кличутъ Василя до ректора... И каже ему „Параська“: „ну што же! съ дѣвками гулялъ? Ну исключимъ, исключимъ“!.. А за что, скажите вы мнѣ на милость Божію? Развѣ за то, что богословъ видѣлъ, какъ монахи гуляютъ?! Должно быть, за то самое...

— Ну, пошло дѣло дальше... Извѣстно, хлопца исключили бы задаромъ, если бы о. Илья не досталъ 300 карбованцевъ... Отвезъ гроши до Ондрія Семеныча, а сей пьянчуга подѣлился съ кѣмъ нужно... Такъ вотъ и окупили богослова!.. Чисто разорили о. Илью... Навѣки не забудетъ Василь своего катанья съ дивчатами по Днѣпру.. и дѣтямъ, и внукамъ своимъ закажетъ, чтобы не подсматривали, какъ гуляютъ монахи... Эге!..“

Зналъ Мусій, чѣмъ позабавить своихъ дорогихъ гостей. Такъ сказать, *si non e vero, e ben trovato*...

VI.

Эпическая часть „очерка“ г. Оглоблина—гораздо слабѣ лирической. Трудно понять тѣ восторги, съ которыми предсказывали выступленіе героя авторъ, его тетка и кучеръ Мартіанъ. Мы ждали гораздо больше очарованія, мудрости и сарказма. Иронія, надо правду сказать, отнюдь не перваго сорта. Двери и крыльцо слишкомъ роскошны, а корчма—не велика. Немножко пролетарской морали, немножко розановскаго многоженства и обличительная нотка гражданской скорби—вотъ и все.

Мусій не кажется героемъ—ни въ созидательномъ, ни въ освободительномъ подвигѣ. Довольно лукавства, тонкая лесть гостямъ, легкая отыжка церковнаго либерализма—этого еще мало, чтобы съ пользою для трехъ епархій занять мѣсто секретаря консисторіи.

Впрочемъ, вопросъ о замѣщеніи бюрократическихъ и административныхъ должностей въ настоящее время входитъ въ совершенно новую фазу и дѣйствительно трудно предсказать, какая мораль и какая религія будетъ открывать дорогу къ должностямъ, вѣдающимъ мѣстное епархіальное управленіе. Можетъ быть, для нихъ нужно будетъ обладать свойствами и повадками именно Мусія.

Это дѣло будущаго. Будетъ ли героемъ административной опеки Мусій или нѣтъ,—пока вопросъ открытый. Но живой ли это человекъ, какъ герой беллетристическаго разсказа? Поддержалъ ли онъ своими рѣчами, поступками и дѣйствіями ту рекламу, которую выпустилъ передъ его выступленіемъ г. Оглоблинъ? Другими словами, полагается ли идейный беллетристъ только на свои художественныя способности или ищетъ иныхъ средствъ, чтобы поддержать свою платформу?

Оказывается, что г. Оглоблинъ беллетристомъ себя не чувствуетъ, въ пластическую выразительность своего художественнаго слова не вѣритъ и тщится доказать вѣрованія и убѣжденія «Русской Мысли», такъ сказать, нотаріальнымъ порядкомъ.

„Милый Мусій!—заключаетъ свой чувствительный „очеркъ“ русско-мысленскій ораторъ.—Почтенный „русскій человекъ Моисеева закона“, *одинъ изъ многихъ подобныхъ евреевъ...* Всегда буду вспоминать о тебѣ не только съ большимъ удовольствіемъ, но и съ глубокою благодарностью.

„Знакомство съ Мусіемъ (какъ и съ семьей одного еврея—киевского купца) имѣло для насъ большое воспитательное значеніе. Незамѣтно и постепенно, но прочно и основательно влилась въ насъ, дѣтей, сильная струя гуманнаго отношенія къ евреямъ. Она не позволила намъ проинкнуться тѣми нежелательными настроеніями относительно ихъ

то ироническими, то злобными, то индифферентными, какихъ всегда было такъ много вокругъ.

„Насъ всегда отрезвлялъ живой и наглядный примѣръ отца: если этотъ глубокій христіанинъ и правовѣрный славянофилъ (онъ сотрудничалъ въ „Дни“ Аксакова) относится симпатично къ Мусію, какъ и къ другимъ евреямъ, если онъ, заслуженный протоіерей, сближается съ ними, не смотря на всю разницу въ общественномъ положеніи, личной жизни, вѣрѣ, воззрѣніяхъ, если онъ и своимъ дѣтямъ указываетъ ту же прямую, чистую дорогу,—значить, такъ и должно быть!

„И мы, дѣти, присматриваясь къ Мусію и другимъ знакомымъ евреямъ, сближаясь съ ними, начинали, подобно отцу, любить ихъ и видѣть въ нихъ *равноправныхъ братьевъ—русскихъ людей Моисеева закона*“.

VII.

Честь и слава „Русской Мысли“! Въ область идейной беллетристики она первая вводитъ такіе приемы и формы логической доказательности, какихъ никогда и никакая логика не знала. Г. Оглоблину, если автобіографическія подробности въ его очеркѣ вѣрны, теперь никакъ не меньше 50 лѣтъ. Онъ былъ ученикомъ духовнаго училища, т. е. въ возрастѣ отъ 10 до 14 и больше лѣтъ, между 1850 и 1860 годомъ. Въ то время, онъ можетъ быть, и могъ обходиться съ такою логикою, а теперь...

Если ему не повѣрить, можно пожалуй обидѣть его отца, можетъ быть, дѣйствительно очень заслуженнаго протоіерея. Если ему повѣрить, значить обнаружить самое непростительное легковѣріе. За полу-вѣковое свое существованіе онъ узналъ только *два* хорошихъ еврейскихъ семьи, хотя повидимому, много вращался въ еврейскомъ обществѣ. Но я знаю много людей, которые знали десятки хорошихъ евреевъ и все же не пришли къ заключенію, что мѣста секретарей консисторіи должны быть замѣщаемы непременно исповѣдниками „закона Моисеева“.

Если „Русская Мысль“ для обоснованія такой политической платформы станетъ на такую скользкую статистическую почву, она даже на мѣста заслуженныхъ протоіереевъ будетъ рекомендовать только язычниковъ и атенстовъ, такъ какъ и въ этой средѣ всегда найдутся двѣ три почтенныя семьи.

Со стороны очень и очень замѣтно, что г. Н. Н. Оглоблинъ и редакція „Русской Мысли“ просто-на-просто „зарапортовались“ и своихъ

читателей считаютъ простодушными инфантами. Но тутъ есть одна сторона дѣла, которая имѣетъ дозу большей серьезности.

Это—„тенденція“. Съ чего она начинается и куда она ведетъ?

Тенденціи особенно подозрительны и опасны въ годы радикальныхъ реформъ.

Петръ I прекрасно понималъ, что свои реформы онъ не можетъ осуществить руками московскихъ людей. И онъ создалъ тенденцію ни сподъ какимъ видомъ не возводить на епископскія каедры великорусовъ. При немъ явились и потянулись вплоть до Екатерины II архіереи „черкасы“, люди латино-польскаго образованія. Тщетно греческій патріархъ умолялъ его смилостивиться и пожалѣть православіе. Тенденція была непреклонна. И только Екатерина—и то послѣ дѣла Арсенія Маціевича,—радикально перемѣнила свой взглядъ на „націю“ искателей іерархической власти. Вотъ мысль, которая нынѣ ищетъ выхода въ оппозиціонныхъ толстыхъ журналахъ.

Присматриваясь къ церковно-политической платформѣ „Русской Мысли“, можно замѣтить слѣды этой мысли. Конечно, мѣсто секретаря консисторіи только *ria desideria* всякихъ Мусіевъ. Фактически онъ былъ только факторомъ кіево-подольско-волинскаго округа, какъ бывали такіе же факторы и у польской шляхты. Это не такъ блестяще и громко. Но это все же своеобразный церковно-общественный институтъ.

Такимъ образомъ, если формулировать вопросъ, поставленный „Русскою Мыслью“ и г. Оглоблинымъ, по точнымъ фактическимъ даннымъ, представленнымъ въ проектѣ, онъ получаетъ такой видъ:

Слѣдуетъ-ли въ каноническомъ и обще-конституціонномъ порядкѣ въ каждый православный приходъ, въ качествѣ непремѣннаго члена причта, кромѣ священника, діакона и „паламаря“, включить и фактора, непремѣнно изъ «русскихъ людей Моисеева закона», какъ *in corpore* доказавшихъ свою племенную преданность православію?

Объ этомъ, конечно, стоитъ подумать.

Впрочемъ жизнь—рано или поздно, такъ или иначе—разрѣшитъ тотъ сложный политическій узелъ, такъ неожиданно запутавшійся въ какой-то гордіевъ клубокъ.

Н. Пустынникъ.

Миссіонерство, старообрядчество и секты.

Изъ миссіонерскихъ итоговъ за истекшій годъ.

Вступая настоящей книжкой въ 12 годъ изданія „Миссіонерскаго Обзорнія“, мы, по обычаю прежнихъ лѣтъ, обязаны предъ читателями бросить бѣглый „новогодній“ взглядъ на положеніе дѣлъ за истекшій годъ во внутренней миссіи нашей церкви и отмѣтить выдающіяся здѣсь событія, а также и на состояніе расколосектантства.

Нужно сознаться,—никогда мы не приступали къ исполненію этого своего долга новогодняго обозрѣвателя съ такою скорбью за это близкое прошлое и съ такою безнадежностью относительно будущаго.

Истекшій 1906 годъ былъ первымъ годомъ дѣйствія Высочайше утвержденныхъ законовъ 17 апрѣля 1905 г. объ укрѣпленіи началъ вѣротерпимости, 17 октября того же года о свободѣ совѣсти и 17 окт. 1906 г. объ устройствѣ церковныхъ общинъ и внутренней вообще жизни старообрядчества и сектантства.

Такимъ образомъ для внутренней нашей миссіи, какъ равно и церковно-бытовой жизни расколосектантства обозрѣваемый нами годъ былъ первою, а потому знаменательною переходною ступеню. Оба духовно-воинствующихъ лагеря должны были, въ силу созданныхъ вѣроисповѣдными законами условій,—переходить, такъ сказать, на новыя правовыя и бытовыя позиціи и на нихъ устроиться въ своихъ дальнѣйшихъ взаимоотношеніяхъ. Пока Церковь земная воинствуетъ за истину Христову, въ ней, по слову св. апостола Павла, „подобаетъ быти раздѣленіямъ (ересямъ), дабы явились искусныя“.

Какъ извѣстно, и ранѣе господствующая православная церковь должна была воинствовать, избличая неправду вѣры отпадшихъ отъ церковнаго единства и уклонившихся въ расколь и секты, а вмѣстѣ и ограждать вѣрныхъ чадъ своихъ отъ увлеченія „пагубными ересями“. Но теперь, когда „удерживающій“ отъялъ свою руку власти и закона, пресѣкающаго свободное, безнаказанное сѣяніе плевелъ ученія на

Христовой народной живъ,—когда дарована свобода открытыхъ религиозныхъ мнѣній и сомнѣній и оказательства,—это духовное воинствованіе должно усилиться, мечъ духовный, какъ единственное оружіе церкви, долженъ изощряться, „искусные“ миссіонеры преизобильно явиться, умножаться и готовиться для выступленія во всеоружіи силы и знанія.

Теперь спрашивается, что же за истекшій переходный годъ сдѣлано и предпринято для благоустроенія и усиленія миссіи, дабы она стояла на новой позиціи на высотѣ предъявляемыхъ новыми условіями выгоднаго положенія враговъ церкви къ ней тяжелыхъ требованій высокихъ и отвѣтственныхъ задачъ?

Мы не ошибаемся и совсѣмъ не стуцаемъ мрачныхъ красокъ, сказавъ, что ничего не сдѣлано положительнаго, созидательнаго для миссіи и ея дѣятелей, что бы обезпечивало успѣхъ ея дѣятельности въ новыхъ условіяхъ по пресѣченію пропаганды лжеученія, по вразумленію заблудшихъ и огражденію вѣрныхъ чадъ церкви.

Наоборотъ, въ истекшемъ году миссія православной церкви не только не возросла въ своихъ силахъ и энергіи дѣятельности, а скорѣе ослабѣла и регрессировала сравнительно съ тѣмъ далеко не блестящимъ положеніемъ, въ какомъ она и ранѣе всегда находилась. Нагляднымъ доказательствомъ этого прискорбнаго явленія можетъ служить то обстоятельство, что никогда ранѣе не производилось миссіонерами такъ мало полемическихъ собесѣдованій съ отпадшими и не была такъ скудна полемическая собесѣдовательная наша литература, обычно появлявшаяся на страницахъ епархіальныхъ органовъ. Полемика какъ бы замерла и сдана была въ архивъ. Но, будучи заброшена, она ничѣмъ однако не замѣнена. Нашлись миссіонеры, которые и на практикѣ и въ теоріи, въ печати успѣшили объявить эту прямую и главную задачу миссіонерства—полемику отжившею формою борьбы съ религіознымъ иномысліемъ, вреднымъ пережиткомъ. Образовался даже на почвѣ этого моднаго и вреднаго недоразумѣнія въ дѣлѣ миссіонерства новый типъ „миссіонеровъ—проповѣдниковъ“, которые круто свернули съ тернистаго тяжелаго полемическаго пути на болѣе легкую и спокойную дорогу простого проповѣдничества, которое свойственно каждому рядовому пастырю церкви.

Такая метаморфоза произошла, между прочимъ, съ извѣстнымъ многообѣщавшимъ противосектантскимъ полемистомъ Д. И. Боголюбовымъ, переименованнымъ высшею церковною властью изъ противораскольничьяго столичнаго миссіонера въ „проповѣдники“.

Другимъ нагляднымъ выраженіемъ упадка и ослабленія миссіонерства въ нашей церкви служатъ безпримѣрные ранѣе случаи ходатайствъ со стороны епархіальныхъ съѣздовъ духовенства о закрытіи мис-

сiонерскихъ должностей въ епархіяхъ, какъ уже якобы потерявшихъ свое назначеніе и несовмѣстимыхъ съ провозглашеніемъ нашей государственной властью принциповъ свободы совѣсти и изданіемъ новыхъ вѣроисповѣдныхъ законовъ, укрѣпляющихъ начала вѣротерпимости въ Россіи.

Дѣло миссіонерскаго огражденія отъ пагубныхъ ересей сыновъ церкви и обличенія религиозно заблуждающихся въ нѣкоторыхъ епархіяхъ фальшиво понято, какъ насиліе надъ свободою совѣсти, а потому миссіонерскія должности признаны излишними для теперешняго времени.

Въ укорененіи этого пагубнаго заблужденія, какъ равно и во всемъ вообще дѣлѣ ослабленія интереса въ миссіи заботъ объ успѣхахъ миссіонерства въ епархіяхъ, этотъ переходный періодъ имѣетъ огромное значеніе, разосланное по епархіямъ и опубликованное въ печати циркулярное письмо первенствующаго члена св. Синода, по поводу закона 17 апрѣля, гдѣ на протяженіи всего этого весьма обширнаго документа, исполненнаго всевозможныхъ указаній и наставленій „объ отношеніяхъ въ духѣ кротости мира и любви къ заблуждающимся“, ни единымъ словомъ или реченіемъ высшая власть не обмолвилась собственно о „миссіи“ или миссіонерствѣ. Эти слова отсутствовали. А потому естественно показалось, что отъ этихъ дѣятелей и миссіонеровъ—со всѣхъ лѣвыхъ позицій атакованныхъ, обруганныхъ, какъ будто бы уже отрекшавшихся нынѣ и сама центральная власть отъ миссіонеровъ, какъ отъ бесполезныхъ и непригодныхъ работниковъ въ россійскомъ вертоградѣ церковномъ, гдѣ теперь уже свободно могутъ расти, не будучи восторгаемы до суда Господня, и плевелы еретическихъ лжеученій куцно съ ишеницею православной истины. Въ этомъ де суть свободы совѣсти.

Не менѣе удручающее впечатлѣніе на дѣятелей и ревнителей миссіи произвелъ также извѣстный странный проектъ учебнаго комитета при Св. Синодѣ объ упраздненіи кафедры расколосектантства въ дух. семинаріяхъ. Печальную роль въ дѣлѣ ослабленія авторитета и значенія нашей миссіи играла и наша либеральная, не только свѣтская, но и духовная печать съ ея крайне нетерпимымъ и какимъ-то злораднымъ отношеніемъ къ миссіонерству и миссіонерамъ, какъ утѣснителямъ свободы совѣсти на Руси и поборникамъ законодательныхъ репрессій въ вѣроисповѣдной области.

Справедливость требуетъ однако замѣтить, что нашъ православный епископатъ оказался единственнымъ защитникомъ и охранителемъ интересовъ миссіи. Странныя и нелѣпыя постановленія съѣздовъ духовенства о закрытіи миссіонерскихъ должностей нигдѣ не были утверждены и духовенству было выясняемо, что созданныя новыми вѣроисповѣдными законами о свободахъ совѣсти, новыя условія жизни, да-

рованныя врагамъ церкви православной права свободы, повелительно требуютъ не ослабленія миссиі, не закрытія миссіонерскихъ должностей, а усиленія ея состава и напряженія всѣхъ силъ, такъ какъ церковь отнынѣ должна защищаться единственно своими духовными средствами и мѣрами убѣжденія изошрять свой мечъ, „еже есть слово Божіе“.

Ясно, что изложенное положеніе дѣла не могло благопріятно отразиться на успѣхѣхъ миссиі за истекшій переходный годъ на ея многострадальной жизнедѣятельности, на судьбѣ ея обездоленныхъ труженниковъ, что и выразилось въ систематическомъ бѣгствѣ миссіонеровъ на другія поприща служебной дѣятельности. Никогда еще не было такъ много свободныхъ миссіонерскихъ вакансій, какъ къ началу новаго 1907 г., и никогда еще съ такимъ трудомъ не замѣщались пустыющія долгое время миссіонерскія должности, какъ въ нынѣшнее время.

Такъ, оставилъ миссіонерскую службу ревностный и любимый не только православными, но и отпадшими за свое высокое христіанское терпѣніе и кротость, донской миссіонеръ Д. И. Граціанскій, извѣстный нашимъ читателямъ и своими прекрасными полемическими бесѣдами и статьями (въ „Миссіонерскомъ Обзорѣніи“¹⁾). Въ Орловской епархіи промѣнялъ кафедру миссіонерскихъ предметовъ и миссіонерскую должность на постъ епархіальнаго наблюдателя выдающійся педагогъ—расколовѣдъ и полемистъ А. И. Георгіевскій.

Тамбовскій миссіонеръ В. П. Базаряниновъ, заявившій себя въ миссіонерской литературѣ весьма цѣнными, философски вдумчивыми работами по сектовѣдѣнію и миссіонерству, перешелъ на должность завѣдующаго церковно-учительской школой. Екатеринбургскій миссіонеръ А. И. Обтеперанскій, одинъ изъ опытнѣйшихъ ученыхъ миссіонеровъ полемистовъ по расколу, перешелъ на должность помощника смотрителя духовнаго училища, какъ равно и почтенный кишиневскій миссіонеръ г. Сахаровъ. Свободными остаются также вакансіи епархіальныхъ миссіонеровъ въ Симбирскѣ, за смертью извѣстнаго миссіонера—расколовѣда М. І. Головкина, въ лицѣ котораго миссиа понесла тяжкую утрату,—въ Екатеринбургѣ, Ставрополѣ, Кишиневѣ, въ Твери и др.

1) Д. И. Граціанскій перешелъ на должность преподавателя новочеркасской семинаріи. Просилъ онъ кафедры исторіи и обличенія расколосектантства, гдѣ бы почтенный миссіонеръ могъ съ большою пользою для будущихъ пастырей приложить къ дѣлу свой миссіонерскій опытъ, но, къ сожалѣнію, этой кафедры не могъ получить, хоть она и была свободна: ее получилъ какой-то начинающій педагогъ. Д. И. занялъ другую кафедру въ той же семинаріи. Такъ у насъ заботятся о подборѣ для семинаріи подходящихъ педагоговъ!

И тѣмъ не менѣе, необходимо оговориться, главныя боевыя силы миссіи остались на своихъ постахъ также самоотверженно преданными миссіонерскому служенію, какъ подвигу. Эти дѣятели, идейно прикрѣпившись къ миссіи, не смотря на увеличеніе терній, терпѣливо несутъ пріятый ими крестъ ради спасенія брата отъ пути заблужденія.

Воистину это то малое стадо въ нашей великой церкви, къ которому такъ примѣнимъ вѣчно бодрящій и живодѣйственный глаголь божественнаго Мздовоздателя: „не бойся, дерзай, малое стадо!“¹⁾

1) По завѣту апостола, — надлежитъ знать трудящихся у насъ, мы къ свѣдѣнію нашихъ читателей съ любовью и почтеніемъ отмѣтимъ въ этой новогодней нашей поминкѣ и здравствующихъ нашихъ дѣятелей миссіи, которые могутъ помочь каждому искушаемому свободою пропаганды лжеученій и обремененному заботами объ успѣхѣхъ нынѣ всюду необходимаго дѣла миссіи. Въ рядахъ ученыхъ миссіонеровъ въ порядкѣ старшинства лѣтъ службы состоятъ:

1) О. прот. Н. П. Кутеповъ, донской миссіонеръ, извѣстный писатель по исторіи и обличенію сектантства и опытный полемистъ какъ съ расколомъ, такъ и сектами.

2) Прот. о. Іустинъ Ольшевскій, — полтавскій миссіонеръ, авторъ пераго, но рѣдкаго и нынѣ по своимъ достоинствамъ, обличенія штундизма.

3) Херсонскій миссіонеръ М. А. Кальневъ, не только старѣйшій, но опытнѣйшій дѣятель противосектантской миссіи.

4) Извѣстные столичныя миссіонеры-полемисты и писатели Н. И. Булгаковъ и Д. И. Боголюбовъ.

5) Свящ. о. Савва Потѣхинъ, Кіевскій противосектантскій миссіонеръ, одинаково блестящій и одушевленный какъ въ устномъ живомъ, такъ и литературномъ словѣ увѣщанія и обличенія.

6) И. Г. Айвазовъ, — Харьковскій талантливый миссіонеръ и извѣстный писатель.

7) Н. А. Бѣлогорскій, — Кіевскій противосектантскій миссіонеръ, основательный знатокъ и ревностный изслѣдователь Кіевского малеванства и штунды.

8) Свящ. Симеонъ Никольскій, — Ставропольскій противосектантскій опытнѣйшій миссіонеръ, пользующійся огромнымъ вліяніемъ на массу Изъ практиковъ миссіи и самородковъ нельзя не вспомнить сихъ:

9) Прот. о. К. Крючковъ, синодальный противораскольничій миссіонеръ, спраздновавшій 25-лѣтіе своего миссіонерскаго служенія и нынѣ ужъ утомленный почтенный труженикъ.

10) Свящ. о. Д. Александровъ, — Самарскій выдающійся противораскольничій миссіонеръ и писатель апологета.

11) Достоинѣйшій ученикъ о. Павла прусскаго. Свящ. о. І. І. Жаровъ, — Калужскій миссіонеръ.

12) Д. Ф. Кругловъ, — нижегородскій противораскольничій миссіонеръ талантливый самородокъ писатель и полемистъ.

13) И. П. Ламакинъ, — нижегородскій противораскольничій миссіонеръ, также изъ начетчиковъ и считается однимъ изъ опытнѣйшихъ полемистовъ.

14) Прот. о. Н. Фіалковскій, — Нижегородскій добрый ревностный и усердный миссіонеръ-писатель.

Это „малое стадо“, составляя крѣпкое, седмерицею искушенное ядро миссиі, разочарованное въ своемъ скорбномъ прошломъ, терпѣливо ждетъ отеческаго любовнаго призыва и вдохновенія ни откуда больше, какъ отъ предстоящаго всероссійскаго церковнаго собора.

Подготовка къ этому собору со стороны миссиі, въ лицѣ VI отдѣла предсоборнаго присутствія, составляла самое крупное и единственное отрядное событіе въ жизни миссиі за истекшіи годъ.

Во главѣ миссіонерскаго отдѣла былъ поставленъ архипастырь, извѣстный своею отеческою заботою объ успѣхахъ миссиі, горящій любовью къ этому святому дѣлу, высокопреосвященный Антоній Волынской.

Однако, отмѣчая въ нашемъ новогоднемъ обзорѣни упадокъ миссиі, ослабленіе энергіи ея дѣятельности, сокращеніе силъ, мы этимъ все не хотимъ подкрѣплять то тенденціозное и совершенно несправедливое заключеніе, которое дѣлаютъ о нашей миссиі въ расколосектантскомъ и нашемъ „обновленческомъ“ лагерѣ. Какъ извѣстно, тамъ утверждаютъ, что будто бы нынѣ, при существованіи свободы совѣсти и укрѣпленіи началъ вѣротерпимости, безъ охраны православія и господствующей церкви со стороны государственныхъ законовъ, безъ содѣйствія мощной руки правительственной власти, наша миссіа съ ея традиціонными способами и приѣмами борьбы съ религіозными лжеученіями уже не способна будто бы къ плодотворной дѣятельности на пользу православія,—что миссіа де убита новыми условіями религіознаго правоваго быта расколосектантства въ корнѣ и проч.

Заключеніе это сколько поспѣшно и незрѣло, столько же невѣрно и несправедливо. Миссіа наша не убита и даже не разбита, она почти и не пробовала своихъ силъ въ полемическомъ бою съ свободнымъ расколосектантствомъ, а только отгѣснена на задній планъ, затѣнена, заглушена и совсѣмъ не новыми вѣроисповѣдными законами о свободѣ совѣсти, а отсутствіемъ „благовниманія“, должныхъ заботъ и руководительнаго попеченія со стороны правящей церковной власти.

Миссію новое вѣроисповѣдное законодательство менѣе всего прочаго въ духовномъ вѣдомствѣ застало врасплохъ. Наглядное предостереженіе о грядущей свободѣ совѣсти она получила задолго до закона 17 апрѣля 1905 г. на Орловскомъ миссіонерскомъ съѣздѣ, въ знаменитомъ докладѣ М. А. Стаховича. Миссіа, въ лицѣ ея передо-

15) Архим. о. Мина,—изъ начетчиковъ, достойный ученикъ о. Павла Пруссаго.

16) Свящ. о. Е. Зубаревъ,—Костромской миссіонеръ, быв. секретарь о. Павла Пруссаго, воспріявшій духъ его миссіонерской ревности.

17) Слѣпецъ, Алексѣй Егор. Шапинъ и др

выхъ представителей, еще тогда засвидѣтельствовала, какъ равно и на всѣхъ предыдущихъ и послѣдующихъ миссіонерскихъ епархіальныхъ сѣздахъ и настойчиво проводила въ сознание приходскаго духовенства ту идею, что репрессивныя мѣры законодательнаго и правительственнаго огражденія церкви и вѣры православной не надежны и не соотвѣтственны,—что эти мѣры могутъ быть терпимы только лишь какъ временный палліативъ впредь до поднятія культурной просвѣтительной жизни православнаго народа, въ которомъ много младенческаго, навивнаго, а въ расколосектантской средѣ много изувѣрства и фанатической нетерпимости, въ огромномъ большинствѣ своемъ сектанты не способны къ воздѣйствію со стороны мѣръ духовнаго убѣжденія. Мѣры вѣшнія имѣли свой *raison d'être* и въ виду неподготовленности нашего пастырскаго миссіонерства и церковной неблагоустроенности приходской жизни и другихъ условій внутренней жизни церкви. Въ послѣднее десятилѣтіе миссія первая чрезъ свои сѣзды въ епархіяхъ проводила въ сознание духовенства господствующія нынѣ идеи благоустроенія прихода и свободы внутренней церковной жизни, какъ главнѣйшаго залого успѣшнаго дѣйствованія собственными своими средствами духовнаго убѣжденія.

Но послѣ смѣлыхъ сужденій Орловскаго сѣзда этотъ голосъ миссіи долженъ былъ смолкнуть, по причинамъ, отъ самой миссіи совершенно независящимъ. Въ послѣдніе годы миссіонерскіе сѣзды настолько вышли изъ моды, что даже и теперь, когда такъ необходимо объединеніе миссіонерскихъ силъ для выработки новыхъ способовъ и приемовъ для совмѣстной и единообразной работы, объ этихъ сѣздахъ ничего не слышно, ихъ нѣтъ. Въ то время, когда церковь, поставленная новыми государственными законами о свободѣ совѣсти лицомъ къ лицу для духовнаго единорства съ тѣми темъ расколосектантскихъ лжеученій, должна бы мобилизовать всѣ свои наличныя миссіонерскія силы, вывести изъ прежняго положенія пасынковъ духовнаго вѣдомства и поставить дѣятелей миссіи на должную высоту, какъ передовыхъ борцовъ въ дѣлѣ огражденія православной паствы отъ свободной нынѣ пропаганды религіозныхъ вѣроученій, правящая власть не проявила за этотъ переходный годъ ничего новаго и особо творческаго въ этомъ направленіи сравнительно съ прежнимъ и въ противовѣсъ необычайной напряженности устроительныхъ силъ расколосектантскаго лагеря.

Дѣянія VI отдѣла предсоборнаго присутствія печатались въ „Церк. Вѣд.“ и въ нашихъ изданіяхъ. Въ нихъ также ничего нѣтъ новаго и особеннаго, сравнительно съ тѣмъ, что высказывалось на миссіонерскихъ сѣздахъ и въ нашей литературѣ. Значеніе миссіонерскаго VI отд. этого чрезвычайнаго Церковнаго собранія заключа-

ется не въ новыхъ открытіяхъ, а въ столь необходимомъ напоми-
ніи настоящему церковному правительству о забытыхъ и затерянныхъ
вопросахъ миссіи, составляющихъ однако самую насущную злобу дня въ
современной жизни церкви, а также въ доведеніи до свѣдѣнія будущаго
собора церковнаго о подлинныхъ нуждахъ и запросахъ православнаго
миссіонерства. Безъ VI отд. на церковномъ Соборѣ миссія въ своихъ нуж-
дахъ могла бы быть и совсѣмъ не представлена, какъ дѣло, не стоющее
вниманія, терпящее всякія отлагательства. Исторія образования VI
отд. прямо поучительна для миссіонеровъ, какъ показатель многого
весьма существеннаго и важнаго въ бывшихъ и настоящихъ судь-
бахъ миссіи.

VI отд., повидимому, случайно выдѣленъ изъ общей массы намѣ-
ченныхъ къ разсмотрѣнію и разработкѣ предсоборнаго присутствія
въ отдѣльную группу, подъ флагомъ весьма неопредѣленнаго „вопроса
огражденія вѣры православной“. Въ первыхъ засѣданіяхъ отдѣла выяс-
нилось, что составъ его состоитъ только изъ 2 постоянныхъ чле-
новъ, — предсѣдателя архіеп. Антонія и профессора - расколѣвца
Н. И. Ивановскаго, и трехъ дѣлопроизводителей: чиновника особыхъ
порученій д. с. с. В. М. Скворцова, вице-директора канцеляріи оберъ-
прокурора Св. Синода с. с. В. И. Яцкевича и управляющаго канцеля-
ріей училищнаго Совѣта с. с. П. В. Гурьева. По всѣмъ другимъ
отдѣламъ были сдѣланы сводки мнѣній и отзывы епархіальныхъ
преосвященныхъ, разработаны программы предстоящихъ занятій
отдѣловъ присутствія. Для работъ VI отдѣла такихъ матеріаловъ не
оказалось. Такъ какъ указанный „ея личный“ составъ отдѣла нару-
шалъ даже классическое правило *tres faciunt consilium*, то преосвя-
щенный предсѣдатель въ первомъ же общемъ собраніи присутствія
заявилъ высокопреосвященному предсѣдателю присутствія о стран-
номъ положеніи VI отдѣла по невозможности безъ членовъ вести
какую бы то ни было работу, при чемъ ходатайствовалъ о перечи-
сленіи вашего покорнѣйшаго слуги, какъ специалиста по секторѣдѣ-
нію изъ дѣлопроизводителей въ члены присутствія по VI отдѣлу.
Нужно замѣтить, что, вѣроятно, въ угоду анти-бюрократическому
урагану того времени никто изъ чиновниковъ высшаго центрального
управленія, кромѣ оберъ-прокурора Св. Синода и его товарища, не былъ
включенъ въ составъ Высочайше утвержденныхъ членовъ, не были удо-
стоены этого званія даже начальники отдѣльныхъ частей централь-
наго управленія, какъ директора, управляющіе, юрисконсульты и др.,
хотя бы, казалось, они-то и могли дать самое полное освѣщеніе
нынѣшняго положенія разныхъ сторонъ разрабатываемыхъ вопросовъ
церковныхъ реформъ.

По ходатайству же преосвященнаго Антонія составъ VI отдѣла

стали постепенно пополняться новыми членами: сюда включены изъ духовныхъ свящ. единовѣрческой церкви о. С. Шлеевъ, протоіерей той-же церкви о. Касторскій, прот. Казанскаго собора о. Прозоровъ изъ свѣтскихъ В. М. Сквордовъ и мѣстный миссіонеръ Д. И. Боголюбовъ.

Въ первыхъ засѣданіяхъ отдѣла была намѣчена программа работъ, широко обнимавшихъ всѣ стороны миссіонерскаго дѣла и его современныхъ нуждъ.

По возбужденному нами ходатайству о вызовѣ для участія въ работахъ отдѣла представителей епархіальной миссіи, которые бы изъ своего опыта и позднѣйшихъ наблюденій освѣтили нынѣшнее положеніе миссіи и состояніе расколосектантства — съ разрѣшенія высокопреосвященнаго м. Антонія были вызваны противосектантскіе миссіонеры: херсонскій М. А. Кальневъ, харьковскій И. Е. Айвазовъ, и противораскольничій свящ. о. Д. Александровъ; позже, съ разрѣшенія предсѣдателя присутствія, вошли въ составъ VI отдѣла состоявшій тогда редакторомъ „Колокола“ В. Г. Сенатовъ, а также члены столичнаго братства церковнаго обновленія—свящ. о. М. П. Чельцовъ, бывшій редакторъ „Прав. Путеводителя“, и единовѣрческой свящ. о. П. Аксеновъ, б. редакторъ „Правды Православія“. Такимъ образомъ отдѣлъ укомплектовался и разросся въ своемъ составѣ.

Одушевляемые своимъ любвеобильнымъ и ревностнымъ предсѣдателемъ, члены VI отдѣла работали съ большою энергіей и преданностью на пользу миссіонерскаго дѣла.

Число засѣданій VI отд. имѣлъ болѣе всѣхъ другихъ.

Печатные матеріалы постановленій и докладовъ VI отд. составляютъ цѣнный вкладъ въ нашу миссіонерскую литературу, въ нихъ много полезнаго, руководящаго и бодрящаго найдутъ для себя и нынѣ миссіонеры и пастыри, освѣтятъ труды VI отдѣла и будущему собору путь къ возрожденію видимо замирающаго у насъ въ церкви миссіонерства *). Нельзя не пожалѣть, что у предсоборнаго присутствія не нашлось времени заслушать и обсудить миссіонерскія постановленія VI отдѣла въ общихъ собраніяхъ, между тѣмъ какъ среди этихъ постановленій нѣкоторыя имѣютъ неотложный характеръ и великую важность для духовнаго спасенія коснѣющихъ въ пагубныхъ заблу-

*) Съ прискорбіемъ мы вынуждены возразить здѣсь, между прочимъ, и противъ странной догадки и несправедливаго отношенія, проявившагося въ провинціальной печати къ VI отд., что будто бы за трудами членовъ VI отд. предсоборнаго присутствія не признавалось высшею властью серьезнаго значенія, а потому распорядительное бюро присутствія не признавало права на обычное для прочихъ членовъ вознагражденіе.

жденіяхъ и для охраны вѣрныхъ чадъ церкви отъ религіознаго растлѣнія.

Въ то время, когда и духовныя консисторіи и суды и даже бурлящія духовныя школы не угрожаютъ большими, чѣмъ прежде, нестроеніями или осложненіями, чѣмъ какія она пережила,—беспомощность и безсиліе православной миссіи, и страшно возрастающая сила пропаганды религіозныхъ лжеученій расколо-сектантства грозитъ явными бѣдствіями православію. И это дѣло требуетъ самаго серьезнаго вниманія къ себѣ со стороны правящей церковной власти.

Необходимо теперь же правящей церкви принять должныя мѣры, чтобы противопоставить широкому, ничѣмъ нынѣ не сдерживаемому разлитію тлетворныхъ расколо-сектантскихъ лжеученій и безбожныхъ вѣяній надежную силу церковнаго огражденія сихъ малыхъ отъ „пагубныхъ ересей“.

Есть не мало вопросовъ, разрѣшеніемъ которыхъ нельзя медлить въ ожиданіи, что ихъ рѣшить неизвѣстно когда соборъ, а необходимо такіе вопросы разрѣшить теперь же самому Св. Синоду. А главное—важно создать то бодрое настроеніе, внушить ту увѣренность въ высокомъ назначеніи и непреходящей важности миссіонерскаго дѣла въ это наше переходное время отъ стѣсненій къ полной свободѣ вѣры, призвать къ этому великому и тяжкому служенію въ церкви новыхъ достойныхъ и одушевленныхъ работниковъ. Это первая неотложная задача ближайшаго будущаго:

Нельзя закрывать глаза на происходящія въ нѣдрахъ расколо-сектантства чрезвычайныя событія и движенія. Развязанные отъ тяготѣвшихъ вѣковыхъ путей ограничительныхъ и карательныхъ законовъ, расколъ и секты нынѣ проявляютъ удивительную энергію и одушевленность въ устроительствѣ своей церковной жизни на новыхъ началахъ религіозной свободы. Въ теченіе одного истекшаго года и въ расколѣ и въ сектахъ успѣли сдѣлать такъ много, что еще такихъ нѣсколько лѣтъ напряженія ихъ работы и православный народъ скоро окажется со всѣхъ сторонъ въ такихъ сѣтяхъ систематической и открытой пропаганды лжеученій раскола и сектъ, какихъ еще не бывало въ исторіи жизни нашей церкви. И старообрядчество и сектантство въ теченіе года имѣло нѣсколько всероссійскихъ и помѣстныхъ сѣздовъ и соборовъ, гдѣ выработано и принято много важныхъ организаціонныхъ и руководительныхъ началъ относительно укрѣпленія своихъ церковныхъ и миссіонерскихъ дѣлъ. Старообрядцы-окружники въ Нижнемъ и Москвѣ собирались въ теченіе года нѣсколько разъ уже, а безпоповцы—собираются теперь на всероссійскій сѣздъ тоже въ Москвѣ для объединенія всѣхъ толковъ въ безпоповствѣ.

Предпринимаются постройки новыхъ храмовъ въ станицахъ и го-

родахъ, обновляются и передѣлываются старыя моленныя, которымъ дается видъ храмовъ, устроятся колокольни, вѣшаются колокола, устраиваются братства и школы, умножается число миссіонерскихъ дѣятелей. Оказательство раскола всюду свободное. Крестные ходы 6 января были совершены, какъ триумфальное шествіе старообрядчества.

Извѣстны случаи, что православные, возвращаясь съ своей іордани, останавливались у процессіи старообрядческой, превосходившей торжественностью,—выливали свою воду и черпали изъ старообрядческой.

Не менѣе дѣятельно и сектантство. Тамъ организованы въ своемъ родѣ боевыя миссіонерскія дружины.

Въ городахъ и селахъ южной Россіи нынѣ весьма нерѣдко появляются передовые сектантскіе проповѣдники-миссіонеры съ хорами пѣвчихъ. Нанимаютъ или чаще даромъ получаютъ общественныя залы и явочнымъ порядкомъ открываютъ рядъ религиозныхъ митинговъ, съ проповѣдями, молитвою и пѣніемъ своихъ пѣсногѣній. Объ этомъ публикуется въ газетахъ. Народу всегда бываетъ множество, такъ какъ явленіе это, прежде запретное, теперь плѣняетъ своею новизною. Нигдѣ не слышно, чтобы пастыри или миссіонеры въ этихъ случаяхъ съ своей стороны выступали на миссіонерское единоборство въ огражденіе своихъ православныхъ.

Вездѣ въ городахъ заведены молитвенные дома и хоры. Въ самой столицѣ сектантство процвѣтаетъ болѣе, чѣмъ гдѣ-либо.

Сектанты евангелики имѣли всероссійскій сѣздъ въ самой столицѣ. Сѣздъ продолжался съ 18—22 января. Всѣхъ представителей сѣхалось 56, здѣсь была представлена главная боевая сила секты и изъ всѣхъ угловъ Россіи, не исключая и далекой Сибири, Кавказа, Дона, Новороссіи, Малороссіи и сѣверныхъ трущобъ. Предсѣдательствовалъ нѣмецъ Каргель, представитель столичныхъ пашковцевъ—баптистовъ.

Видную роль играли извѣстные богачи помѣщики Молаевы,—а также южнорусскій старшій пресвитеръ баптистовъ Балихинъ. Были и представители отъ таврическихъ новомолоканскихъ общинъ, приѣмлющихъ водное крещеніе.

Но, разошедшись со сѣздомъ евангеликовъ по вопросу о крещеніи дѣтей (баптисты не признаютъ дѣтскаго крещенія) и включеніи ихъ въ число общинъ, новомолоканскіе делегаты оставили сѣздъ. Особенное вниманіе сѣздъ остановилъ на законѣ о пресвитерахъ и постановилъ ходатайствовать предъ правительствомъ о дозволеніи имъ имѣть пресвитеровъ безъ утвержденія, а на началахъ явочнаго порядка, однако, чтобы права даруемая закономъ пресвитерамъ, оставались за послѣдними на время, прохожденія ими своей службы. Сѣздъ обратилъ вниманіе на

организацію и средства миссії, предполагается учрежденіе миссіонерской семинаріи, по образцу Гамбургской.

Рѣшено поддержать и расширить періодическій печатный органъ евангеликовъ „Христианинъ“ и по возможности больше развитъ печатную сектантскую литературу.

Въ отношеніи литературы огромный успѣхъ сдѣлали и старообрядцы: въ теченіе года они создали мѣсячный журналъ „Старообрядецъ“ и еженедѣльную газету „Голосъ Старообрядца“, а въ этомъ году начала выходить три раза въ недѣлю газета „Слово Правды“.

Не останавливаясь подробно въ настоящемъ обзорѣ на состояніи расколосектантства и на происходящихъ въ немъ угрожающихъ православію событіяхъ, мы долгомъ считаемъ отмѣтить еще разъ, что враги церкви нашей, подъ шумъ политическихъ кимваловъ, строятъ прочно свои зданія, на новомъ фундаментѣ, а потому—*saveant pastores*.

Въ заключеніе считаемъ не лишнимъ остановить вниманіе читателей на дѣяніяхъ VI отд. предсоборнаго присутствія, которыя между прочимъ войдутъ въ издаваемую редакціей нашей книгу—особое приложеніе „Первый годъ религіозной свободы“. Здѣсь должно серьезно остановиться на сдѣланномъ миссіей первомъ шагѣ, если не къ примиренію, то къ установленію лучшихъ отношеній миссії нашей съ старообрядчествомъ вообще, и въ частности съ „австрійскимъ поповщинскимъ согласіемъ“. Съ этою цѣлью былъ поднятъ всесторонне и освѣщенъ цѣлый рядъ вопросовъ, между прочимъ, о чинопріемѣ австрійской іерархіи, о сношеніяхъ съ восточными патріархами по вопросу о снятіи клятвъ собора 1667 г., о посланіи къ старообрядцамъ и др. Между прочимъ предсѣдателемъ отдѣла сдѣлана и практическая попытка къ сближенію, въ видѣ переписки преосвященнаго предсѣдателя архіепископа Антонія съ главою австрійскаго священства старообрядческимъ архіепископомъ Іоанномъ Каргушинымъ. Эту любопытную переписку мы ниже и печатаемъ. Это приглашеніе наше застало главарей австрійскаго согласія въ періодъ ихъ хлопотъ и обольщенія успѣхомъ въ примиреніи съ противокружниками. Не наклеивайся у нихъ это событіе окончившееся пухомъ, можетъ быть уважаемый старообрядческій владыка отнесся бы иначе къ братскому призыву православной миссії. Во всякомъ случаѣ православная миссія слишкомъ достаточно показала свое миролюбіе и снисходительность къ заблудшимъ; но дорогимъ братьямъ-старообрядцамъ. Противленіе этому миру и единенію оказывается на сторонѣ старообрядцевъ, а не на нашей. Да будетъ сіе отвѣтомъ г.г. газетнымъ апологетамъ старообрядчества и обвинителямъ православной миссії. Satis.

В. Скворцовъ.

Столѣтіе молоканства въ Тавридѣ.

Въ сентябрѣ прошлаго года таврическіе молокане праздновали фальсифицированный столѣтній юбилей дарованія имъ правъ вѣротерпимости Императоромъ Александромъ I и въ 'память этого юбилея собираются строить особую молоканскую семинарію по примѣру заграничной баптистской. Въ настоящее время, молокане готовятъ къ празднованію новаго юбилея, а именно столѣтія своего поселенія въ Таврической губерніи. По этому поводу нельзя не посвятить таврическимъ молоканамъ нѣсколько строкъ. Молокане, какъ и духовборцы, въ 1842 г. были причислены къ самой вредной сектѣ, отвергающей богоучрежденность верховной власти и повиновеніе поставленнымъ ею начальствамъ.

Таковаго мнѣнія держится извѣстный знатокъ раскола и сектанства, профессоръ петербургской духовной академіи И. Ѳ. Нильскій и знатокъ таврическаго молоканства, преосвященный Гермогенъ, епископъ псковскій и порховскій, а прежде (до 1885 г.) таврическій и симферопольскій. Правда, таврическіе молокане всегда письменно старались указывать на свою вѣрнопопданность, но вышеприведенные знатоки расколоученія смотрятъ на дѣло иначе. Оставляя, впрочемъ, въ сторонѣ вопросъ о государственномъ вредѣ молоканства, мы остановимся лишь на исторіи появленія молоканъ въ Таврической губерніи въ связи съ ихъ нравственными прегрѣшеніями, имѣющими отношеніе къ окружающему русскому обществу. Молокане въ первый разъ появились въ Тамбовской губ. въ селѣ Горѣломъ въ 80-хъ годахъ XVIII столѣтія.

Вредность и опасность ихъ лжеученія заставили правительство переселить сектантовъ въ пустынные окраины, въ числѣ каковыхъ въ то время была и наша Таврида.

Въ 1818 году тамбовскіе молокане получили предложеніе переселиться въ Таврическую губернію на „молочныя воды“ къ духовборцамъ, уже ранѣе тамъ поселившимся. Въ 1823 г. молокане въ количествѣ 3000 человекъ переселились въ нынѣшній бердянскій уѣздъ, составлявшій тогда неразрывную территорію съ мелитопольскимъ, и основали селенія Нововасильевское, Новоспасское и Астраханку, причемъ отъ казны имъ было отведено 30,000 дес. надѣльной земли. Въ 1832 г. между молоканами разнесся слухъ, что въ 1836 г. наступитъ конецъ міра. И вотъ среди молоканъ мелитопольскаго уѣзда появился уже пророкъ, нѣкій Терентій Бѣлозеровъ, выдававшій себя за пророка Илію.

Чтобы убѣдить своихъ единовѣрцевъ въ присущей ему духовной силѣ, Бѣлозеровъ увѣрялъ ихъ, что вознесется на небо. Для этого онъ велѣлъ народу пасть ницъ, а самъ сталъ прыгать и махать руками. Но такъ какъ изъ этого прыганья и маханія ничего не вышло, то Терентій объявилъ молоканамъ, что Богъ только по ихъ грѣхамъ отнялъ у него чудодѣйственную силу. Въ 1836 г. среди молоканъ стали появляться лжехристы, каковую роль между таврическими молоканами принялъ на себя бѣдный выходецъ изъ Молдавіи Лукьянъ Петровъ. Но ожидаемая кончина міра не послѣдовала, и въ результатѣ среди молоканъ начались религиозно-общественныя распри, приведшія къ распаденію молоканства на три толка: донской, тамбовскій и владимірскій. Въ Таврической губерніи живутъ послѣдователи всѣхъ трехъ сектантскихъ толковъ. Стариннѣйшимъ считается въ Тавридѣ толкъ донской. Адепты его исповѣдуютъ символъ православной церкви, но въ IX членѣ опускаютъ слово „соборную“, потому что, по ихъ мнѣнію, слово это означаетъ, что вѣроученіе церкви основано на опредѣленіяхъ соборовъ, но соборы, по понятію молоканъ, исказили ученіе Христа. Донской толкъ признаетъ пять таинствъ: крещеніе, которое совершается черезъ троекратное погруженіе въ воду; причащеніе въ видѣ преломленія хлѣба; покаяніе, въ видѣ исповѣди своихъ прегрѣшеній передъ Богомъ; бракъ, который долженъ быть совершаемъ по ветхозавѣтному образцу брака Тови, и елеосвященіе. Молокане отвергаютъ таинства священства и миропомазанія, священное преданіе и ученіе отцовъ церкви и, признавая святость Божіей Матери и Апостоловъ, не признаютъ ихъ ходатаями передъ Богомъ. Отвергается ими также почитаніе Креста, святость мощей и иконъ и употребленіе крестнаго знаменія, но совершаются общія моленія въ честь Иисуса Христа.

Посты въ опредѣленные дни отвергаются. Тамбовскій и владимірскій толки пошли дальше, гораздо дальше въ своихъ рационалистическихъ воззрѣніяхъ. Такъ, по ихъ толкованію, для крещенія требуется вода не вещественная, но духовная, увѣровалъ—значитъ крестился; при причащеніи подразумѣвается не хлѣбъ вещественный, а „глаголь Божій“; для елеосвященія требуется не помазаніе освященнымъ елеемъ, но молитва вѣрующихъ и т. п. Подъ „чашей“ разумѣется, между прочимъ, та чаша, о которой молился Христосъ въ Геосиманскомъ саду. Тамбовцы послѣ „преломленія хлѣба“, всѣ, не исключая лицъ женскаго пола, цѣлуются другъ съ другомъ и называютъ это цѣлованіе „лобзаніемъ святымъ“, которое-де завѣщано апостолами, но владимірскіе и донскіе молокане не допускаютъ этого лобзанія при богослуженіи, а цѣлуются лишь при встрѣчѣ другъ съ другомъ.

Главное средоточіе молоканъ составляетъ нынѣ Бердянскій уѣздъ, гдѣ въ четырехъ селеніяхъ Новоспасовкѣ, Нововасильевкѣ, Астраханкѣ и Задунаевкѣ живетъ до 10000 душъ обоого пола. Между собою послѣдователи разныхъ толковъ живутъ очень враждебно, хотя часто въ семьѣ отецъ держится одного толка, жена другого, а дѣти третьяго. Преосвященный Гермогенъ даетъ слѣдующую неприглядную характеристику молоканъ: „питая сильную вражду къ православнымъ, молокане имѣютъ большую склонность къ пропагандѣ и пользуются всякимъ подходящимъ къ тому случаемъ. Они скрытны, хитры, лукавы, коварны, дѣйствуютъ корпоративно. Православные, живя у нихъ въ услуженіи, подъ ихъ вліяніемъ не только мало по-малу отвыкаютъ отъ исправленія правилъ и постановленій православной церкви, но и усваиваютъ лжеученіе, обычаи и правила сектантовъ“.

На рубежѣ 80-хъ годовъ прошлаго столѣтія среди молоканъ таврической губерніи явилась склонность къ переходу въ штундо-баптизмъ и на этой почвѣ образовалась новая секта, получившая именованіе новомолоканства.

Во главѣ этой секты сталъ извѣстный молоканскій дѣятель Захаровъ. Что такое этотъ Захаровъ, лучше всего свидѣтельствуетъ о немъ преосвященный Гермогенъ, который, сообщая въ своемъ трудѣ о диспутахъ Захарова съ покойнымъ архіепископомъ Гуріемъ таврическимъ, говоритъ дословно слѣдующее: „Этотъ же Захаровъ приходилъ ко мнѣ неоднократно, но о дѣлахъ вѣры говорилъ неохотно и надобно было постоянно наводить на религіозную бесѣду. Его рѣчь была всегда уклончива, суха, неискренна, страдала общими мѣстами. Его убѣжденія были для меня неудовимы, потому что онъ, слѣдуя общему обычаю сектантовъ, никогда не высказывалъ своихъ мыслей точно, ясно и открыто, а на мои слова не дѣлалъ никакихъ возраженій. Мнѣ думается, что ложныя убѣжденія, занесенныя въ его душу еще въ юношескомъ возрастѣ, такъ крѣпко засѣли въ ней, что онъ ни за что не желаетъ разстаться съ ними и если онъ посѣщаетъ меня по временамъ, то не для того, чтобы поискать истины, провѣрить вопросы своего религіознаго сознанія, а просто по любопытству или по тщеславію, чтобы похвалиться: „я съ архіереемъ знакомъ, бываю у него запросто, толкую съ нимъ“. Такимъ образомъ характеризуетъ вожака молоканъ епископъ Гермогенъ. Мы нарочно привели этотъ отзывъ о Захаровѣ, ибо въ данномъ случаѣ совершенно правильно можетъ быть примѣнима поговорка: „каковъ пастухъ, таково и стадо“.

Являясь характерными послѣдователями штундо-баптизма, новомолокане упорно и лукаво отвергаютъ принадлежность ихъ къ этой сектѣ, что совершенно не понятно послѣ манифеста 17 апрѣля.

Таково положеніе таврическаго молоканства наканунѣ столѣтія переселенія ихъ предковъ въ Тавриду.

Съ движеніемъ ново-молоканъ православію нельзя не считаться.

Православный тавричанинъ.

Насилія старообрядцевъ.

Высочайшій указъ 17 апрѣля 1905 г. о дарованіи старообрядцамъ религіозной свободы принятъ послѣдними не какъ даръ любвеобильнаго православнаго Монарха, а какъ право совершать грубыя насилія надъ единовѣрными Ему сынами православной церкви.

Приведемъ для примѣра выдержку изъ первой корреспонденціи, лежащей въ портфель редакціи,—нѣкоторые примѣры, имѣвшіе мѣсто только въ одномъ уѣздѣ.

Въ с. Городищѣ лѣтомъ прошлаго года присоединился къ православію сынъ богатаго купца Б. Когда новоприсоединенный возвратился къ отцу (въ ст. Т.), послѣдній встрѣтилъ его на улицѣ и при большой толпѣ православныхъ кричалъ: „ты перешелъ въ чортову вѣру!“ Въ домѣ отецъ началъ бить сына кулаками, снялъ съ него всю одежду, нарядилъ его въ лохмотья и грозилъ засадить въ тюрьму. Мать не отставала отъ отца. Но ни побои, ни издѣвательства не поколебали юношу: онъ терпѣливо все это переносилъ. Затѣмъ его возили версты за 200 къ разнымъ колдунамъ и колдуньямъ „отчитывать отъ порчи“, но и заклинанія вѣдьмъ не помогли. Тогда юношу заперли въ темную комнату, надѣясь этимъ путемъ вырвать у него отреченіе отъ православія. Ничего не помогало: и карцеръ не измѣнилъ убѣжденій юнаго исповѣдника. Пришлось выпустить на свободу. Б. пошелъ къ своему дядѣ, тоже богатому купцу старообрядцу. Но здѣсь онъ встрѣтилъ такой же пріемъ, и на его глазахъ сынъ дяди началъ бить тещу Б., которая будто бы такъ повліяла на своего зятя. Вскорѣ и дядя распорядился схватить Б. и запереть въ темную комнату. Только угрозы толпы разнести лавку дали возможность Б. чрезъ окно выскочить изъ заключенія. Теперъ Б., сынъ богатаго отца, остался совершенно безъ средствъ, такъ какъ отецъ объявилъ ему, что „не считаетъ своимъ сыномъ“, и не оказываетъ никакой помощи.

Въ томъ же селѣ Городищѣ проживала иногородняя семья, состоящая изъ мужа, жены и дочери Евдокіи. Всѣ они лѣтъ пять назадъ присоединились къ единовѣрью. Однажды отецъ отлучился изъ села. Воспользовавшись этимъ, мать, по настоянію своей

старухи-матери, грубой старообрядки, просватала Евдокію, 14—15 лѣтъ, за старообрядца С. Старообрядческій „благочинный“ К. Θ. совершилъ надъ Евдокіей „исправу“ и повѣнчалъ. Возвратившійся отецъ былъ возмущенъ такимъ поступкомъ К. Θ. и хотѣлъ привлечь его къ отвѣтственности. Но „благочинный“, на запросъ вол. правленія, отвѣтилъ, что никогда ни съ кѣмъ Евдокію онъ не вѣнчалъ. И только благодаря этому она была взята изъ дома С. и снова посѣщаетъ православную церковь.

Въ с. Орѣховѣ единовѣрка-сирота была просватана за православнаго. Назначенъ былъ день свадьбы. Узнавъ объ этомъ, бабушка невѣсты—старообрядка позвала въ день свадьбы внучку къ себѣ. Былъ уже вечеръ. Когда невѣста вошла въ домъ бабушки, она раздѣла ее, заперла все бѣлье въ сундукъ, а затѣмъ ушла изъ дома, заперла и его. Черезъ нѣсколько часовъ она возвращается съ толпой старообрядцевъ и насильно приказываетъ „невѣстѣ“ одѣться и ѣхать въ старообрядческую моленную. „Невѣста“ сопротивлялась, но ее вынесли изъ дома и увезли въ моленную. Тамъ при плачѣ, крикѣ и пинкахъ невѣста была „присоединена“ жесвященникомъ С. Т. и повѣнчана съ старообрядцемъ. Явившаяся на выручку „невѣсты“ толпа православныхъ была „разсѣяна“ градомъ камней, посыпавшихся изъ большой толпы старообрядцевъ.

Вотъ какъ поняли старообрядческіе „батюшки“ и ихъ пасомые „свободу“; они не отличаютъ ее отъ своеволія, произвола и насилія.

Н.

Переписка между высокопреосвященнымъ Антоніемъ, архіепископомъ Волынскимъ, предсѣдателемъ VI, отдѣла предсоборнаго присутствія, и старообрядческимъ именуемымъ архіепископомъ Іоанномъ Картушинымъ.

29 апрѣля.

Смиранный и грѣшный Антоній, (Божією милостію епископъ Волынской и Житомирской, старообрядческому владыкѣ Іоанну, чтимому своею паствою за богомольную жизнь и духъ смиренномудрія, — радостися.

Призванный духовною властью для обсужденія мѣръ къ восстановленію единства народа русскаго въ Христовой Церкви и вмѣстѣ съ нѣкими благоговѣйнѣйшими іереями единовѣрческихъ приходоу, а равно и съ мірянами, трудящимися въ духовномъ писательствѣ, получилъ я нѣкоторыя заявленія отъ старообрядцевъ, вашего священ-

ства держащихся, съ просьбою о приглашеніи ихъ духовныхъ пастырей и начетчиковъ для совмѣстнаго обсужденія сихъ дѣлъ.

Но и сверхъ того, всегда оплакивая наше печальное для Божественныхъ Апостоловъ и радостное для злочестивыхъ бѣсовъ раздѣленіе и призывая въ помощь своему убогому усердію молитвы святыхъ угодниковъ россійскихъ, утвердившихъ на родинѣ нашей правую вѣру, по влеченію собственнаго сердца, простираю руки къ вашей любви и прошу васъ и собратій вашихъ: отложивъ грѣховное ожесточеніе другъ ко другу и, помолившись Богу, сойдемся на бесѣду о дѣлахъ церковныхъ. Поминайте примѣръ святыхъ и пребожественныхъ отецъ, въ Кареагенѣ древле собравшихся. Они въ 80-мъ правилѣ своего святаго и любезнаго Христу Богу собора постановили составить посланіе къ раздѣлившимся съ церковными чадами донатистамъ, призывая ихъ къ единенію и нарицая ихъ заранѣе братьями.

Сии донатисты не бѣша еретицы, ни искажители Божественной вѣры, но весьма ревнуя о строгости церковныхъ правилъ, осудили Христову Церковь за благоснисхождение ея и въ великомъ множествѣ людей и епископовъ укусили въ грѣховномъ раздѣленіи. Посему, не укоряя ихъ, но уважая ихъ ревность, святые отцы сами спѣшати простирати имъ объятія любви и просятъ, обсудивъ посланіе ихъ, прислать къ нимъ представителей своихъ для бесѣды о Божественномъ законѣ и о соединеніи всѣхъ во единой святой, соборной и апостольской Церкви. Прошу и я, грѣшнѣйшій изъ всѣхъ, но вѣрующій евангельскимъ обѣтованіямъ, присылайте въ сѣверную столицу мужей отъ среды вашей, пріавшихъ рукоположеніе, и мірскихъ, четыре или пять человекъ, дабы обсудити вкупѣ съ моими собратіями, безъ огласки и шума, въ келліяхъ Ярославскаго подворья (Николаевская набережная, 39) пути Божественнаго Промысла для врачеванія нашихъ двухсотлѣтнихъ скорбей.

То священство, которое получили вы чрезъ Амвросія митрополита нашего, желалъ бы я, грѣшный, утвердить за вами чрезъ примиреніе со Вселенскою Церковью. Сіе желаніе есть мое и нѣкоторыхъ изъ собратій нашихъ, но всѣмъ еще не говорено о томъ, да и говорить боимся, ибо, хотя по моему личному разсмотрѣнію святыхъ каноновъ сіе не есть невозможно, но доколѣ отъ васъ равной любви не будетъ явлено, едвали глаголъ сей примется съ довѣріемъ отъ вселенскихъ патріарховъ и епископовъ россійскихъ. Видимъ мы изъ перваго правила святаго и небоявленнаго Василія, что онъ исповѣдуетъ возможность принимать въ сущемъ санѣ отдѣлившихся, хотя и утверждаетъ, что въ отдѣленіи уже престаеетъ священство и

всякое другое таинство, а сохраняется только его внѣшность, которая не ко очищенію, а ко омраченію отдѣляющихся бываетъ, якоже и Святіи Отцы, иже въ Кареагенѣ, 68-мъ правиломъ утвердила. Обаче вся сія по возстановленіи единства церковнаго паки восполняются спасительнымъ даромъ освящающей благодати даже и безъ новаго дѣйствія хиротоніи, если на сіе послѣдуетъ соизволеніе Церкви, руководящейся не суровостью прецщающаго закона, но снисхожденіемъ ради духовной множества людей пользы.

Въ такомъ упованіи азъ грѣшный утвердихся, и если усмотрится навстрѣчу грядущая ревность ваша о единеніи церковномъ, то сіи мысли буду со всякимъ дерзновеніемъ сообщать собратіямъ своимъ по епископству, дабы сотворить велию радость на небеси Сыну Человѣческому со Святыми Ангелы, дабы утѣшился Пастырь Добрый, и понинѣ невидимо ходящій по дебрямъ и горамъ, и заблудшихъ овецъ Своихъ ищущій. „Ему, возлюбившему насъ и омывшему насъ отъ грѣховъ нашихъ кровію Своею, и содѣлавшему насъ царями и священниками Богу и Отцу Своему, слава и держава во вѣки вѣковъ. Аминь“. Итакъ да будетъ милостивъ Господь и Богъ нашъ Ісусъ Христосъ и да вложитъ въ сердца ваши, о братія, слово взаимной любви и мира, да упразднится святотатственное раздѣленіе (103 правило Кареагенскаго Собора) и да прославится Святая Церковь во всемъ мірѣ. О семъ прошу и вашихъ къ Богу молитвъ.

Отвѣтъ воспроизводится съ ореографіей подлинника.

20 мая 1906 года.

Смиреннаго Іоанна Архіепископа Моск.-Старообрядческаго.

Многоученому и Любомудрому Антонію Епископу Волинскому и Житомирскому.

Отвѣтное посланіе.

Исполненное христіанской Любви Ваше посланіе къ моему смиренію съ простертіемъ Вашихъ рукъ и сердечнаго влеченія, я привѣтствую съ душевною благодарностію.

Предложеніе же Ваше о присылкѣ въ Сѣверную Столицу мужей изъ среды нашей, пріявшихъ рукоположеніе и мирскихъ, въ комиссію для обсужденія мѣръ къ возстановленію Единства русскаго христіанства, очинь важное, но къ сожаленію едва-ли осуществимое.

Не по грѣховному ожесточенію другъ къ другу, А по тѣмъ понятіемъ и убѣжденіемъ, каковыя въ теченіе 250 лѣтъ между нами и вами, въ самой духовной жизни Сложились.

Старообрядцы, напуганныя реформами Патріарха никона, ко всему новому относятся всегда съ большимъ недоуверіемъ. Поэтому намъ Служителямъ церкви, приходится при каждомъ новомъ вопросѣ опасаться неприятныхъ послѣдствій.

Вслѣдствіе сего прежде чѣмъ назначить нашихъ собесѣдниковъ въ комиссію необходимо, требуется съ нашей стороны высказать свой взглядъ по вопросу возстановленія Единства въ рускомъ христіанствѣ. Взглядъ Етотъ слѣдующій:

Единеніе весьма желательно; о семъ молитъ ежедневно и св. церковь: „о мирѣ всего міра и о совокупленіи всѣхъ“; во имя сего и отцы Кароагенскаго собора приглашали увлеченныхъ въ—раздоръ данатомъ. Но суть дѣла въ томъ, данатисты хотя и не такъ далеко отъ православія ушли какъ другія, однако же ушли; Старообрядцы же, оставшіеся въ до никоновской православной церкви нисколько отъ древняго православія не ушли, и по этому имъ нѣтъ нужды дѣлать уступки для единенія съ какою либо церковію отъ падшаго отъ древняго до никоновскаго православія.

По сему предпріятіе Ваше къ возстановленію Единства рускаго христіанства можетъ осуществиться только посредствомъ полнаго возвращенія Вашего къ до никоновскому православію, при отмѣнѣ всѣхъ новшествъ, и при отреченіи отъ тѣхъ порицаній и клятвъ, коковыми за двухъ вѣковой періодъ обоготилась господствующая въ росіи церковь.

Тогда, только тогда совершится величайшій важности событіе съ несомненно отрадными послѣдствіями, какъ въ духовномъ, такъ и въ гражданскомъ отношеніи, во первыхъ: упаваемъ исчезнетъ невѣріе во вторыхъ, всѣ рускія христіяни не имѣя чемъ упрекнуть, объединятся во Единой древне православной Христовой церкви. А поступивъ старообрядчество чѣмъ либо новообрядчеству, оно растворится въ разныя свободомыслія. Господствующая же церковь будетъ идти тѣмже путемъ, каковымъ шла до сего времени.

Изъ этого нашего изложенія Вамъ видно будетъ, на сколько нужны или не нужны наши Собесѣдники въ Вашей комиссіи. Желательно получить на сіе, Ваше заключеніе.

Да послѣшитъ Вамъ Господь Богъ возстановить древніе, до никоновское православіе, Съ неуклоннымъ исполненіемъ св. церковныхъ правилъ, Божіею милостію Смиранный Іоаннъ Архіепископъ Моск.-Старообрядческій.

Второе приглашеніе отъ Архіепископа Антонія.

23 мая 1906 г.

Сегодня имѣлъ честь получить посланіе ваше, достолюбезный владыко старообрядцевъ, и спѣшу отвѣтить вамъ, что желаніе ваше касательно снятія клятвъ съ древнерусскихъ обрядовъ въ нашей подкомиссіи также исповѣдуются, чему доказательствомъ являются напечатанные журналы ея засѣданій, что посылаю вамъ отдѣльно. Изъ этихъ журналовъ, отпечатанныхъ въ „Церковныхъ Вѣдомостяхъ“ № 17, вы увидите, что не ради угожденія старообрядцамъ, а по искреннему своему убѣжденію наша комиссія желаетъ сохранить внутри церкви древнерусскій чинъ не временно, а навсегда и при томъ съ нарочитыми епископами сего чина. Правда, тамъ старообрядцы названы раскольниками, но сіе слово допущено потому, что писали мы тогда для себя самихъ и не думали, что придется вамъ это посылать, какъ равно не обидимся и мы, узнавъ, что на своемъ собраніи вы насъ называли никоніанами.

Если же и по прочтеніи всего, напечатаннаго тамъ, останутся у васъ сомнѣнія, то для того и просимъ мы пожаловать васъ и вашихъ на разсужденіе, да при устѣхъ двою или тріехъ свидѣтелей станетъ всякъ глаголъ. Особенно было бы отрадно, еслибъ вы сами благоволили пожаловать въ Петроградъ, навѣстили бы свою паству, осиротѣвшую послѣ усопшаго владыки Виталія, да и съ нами побесѣдовали бы не для препирательства, а для отысканія пути къ блаженному единенію во Христѣ Ісусѣ, Господѣ нашемъ, Ему же слава и держава, честь, поклоненіе со Отцемъ и Св. Духомъ во вѣки вѣкомъ. Аминь.

Смиренный Антоній Архіепископъ Волынскій.

Отвѣта никакого не послѣдовало.

Изъ жизни инославія и изъ міра заграничнаго сектантства.

Христіанскія ассоціаціи въ Японіи.—Корреспонденція изъ Токіо.—Двухсотлѣтіе Датскаго Миссіонерскаго Общества.

Намъ пишутъ изъ Токіо, что въ Японіи молодые люди усиленно стягиваются въ христіанскія ассоціаціи. Въ этой области наиболѣе преобладающей является ассоціація въ духѣ православной вѣры, въ которой кружокъ японскихъ юношей православнаго вѣроисповѣданія поставляетъ своею главною задачею распространеніе православной вѣры среди японской молодежи.

Основанъ кружокъ въ 1900 году, а въ слѣдующемъ 1901 году онъ праздновалъ юбилейное торжество въ память 40-лѣтняго пребыванія его преосвященства епископа Николая въ Японіи. Такое первое, въ нашей молодой японской церкви, торжество сильно подѣйствовало, съ одной стороны, на японскую молодежь въ смыслъ сознанія каждымъ своего священнаго долга въ дѣлѣ распространенія вѣры между своими соотечественниками, а съ другой стороны дало возможность всѣмъ вѣрующимъ ознакомиться съ сущностью кружка и его дѣятельностью въ настоящемъ и будущемъ, что и должно послужить искрой постояннаго возрастанія кружка.

Въ настоящее время членовъ кружка числится около пятисотъ, а въ главныхъ провинціальныхъ городахъ, гдѣ есть православныя церкви, основаны отдѣленія кружка.

Такимъ образомъ, начато было въ Токіо и во всѣхъ провинціальныхъ городахъ правильное проповѣдничество молодежью кружка. Изъ христіанствъ, проповѣдуемыхъ въ Японіи, должно считать первымъ протестантство; оно, пользуясь въ своей дѣятельности, въ миссіонерскомъ и общественномъ отношеніи, матеріальными и нравственными средствами Западной Европы, имѣетъ большія удобства въ дѣлѣ распространенія своей вѣры. Число иностранныхъ миссіонеровъ доходитъ до трехсотъ и оны-то, находясь во всѣхъ городахъ Японіи, держатъ въ своихъ рукахъ цивилизацію и библію, усиленно занимаясь распространеніемъ своей вѣры.

Нечего бояться намъ, православные христіане, но надо обратить особое вниманіе на тотъ фактъ, что наше православное проповѣдничество, хотя организуется лишь однимъ русскимъ миссіонеромъ епископомъ Николаемъ, и кромѣ того, хотя и не имѣетъ никакихъ общественныхъ и другихъ удобствъ, а напротивъ, дѣйствуя среди

нѣкоторыхъ неловкихъ національныхъ отношеній, оно тѣмъ не менѣе, имѣетъ въ настоящее время около 30.000 вѣрующихъ православныхъ христіанъ.

Этимъ явно подтверждается слово, сказанное апостоломъ: „Немоцное Божье сильнѣе человѣковъ“ (Коринфян., 1, 25):

Сила и помощь Божья нашимъ православнымъ развѣ не служить доказательствомъ тому, что наше православіе должно быть нашей національной религіей, и было засвидѣтельствовано во время японско-русской войны, что и послужило для нашихъ православныхъ, какъ говорится въ писаніи, „огнемъ испытывающимъ“ (Коринф. 3—13), и японскіе православные христіане твердо устояли въ честной службѣ государю и отечеству, исполнили свой долгъ и твердо пребывали въ вѣрѣ.

Намъ надо собрать еще болѣе силъ на дѣло распространенія православія, въ особенности между японской молодежью, помятуя и о будущихъ поколѣніяхъ. Это послѣднее и есть прямая обязанность нашей православной молодежи.

Въ этомъ сознаніи и съ этой цѣлью и былъ основанъ нашъ кружокъ и къ этому направляется. Для осуществленія своего священнаго долга, кружокъ проситъ усиленныхъ молитвъ и помощи всѣхъ нашихъ единовѣрныхъ. Кружокъ теперь особенно нуждается въ членахъ, которые бы могли взять на себя трудъ участвовать въ чтеніи публичныхъ лекцій въ домѣ общественнаго собранія, и вообще могущихъ поддерживать основу нашей дѣятельности.

Съ вышеуказанной цѣлью и нуждаясь въ средствахъ для осуществленія своей задачи, кружокъ покорнѣйше проситъ всѣхъ сочувствующихъ быть членами нашего кружка.

Кружокъ православныхъ юношей преслѣдуетъ цѣль общими силами создать чисто-христіанское въ духѣ православной церкви направленіе въ мысли и поведеніи современной молодежи Японіи и тѣмъ содѣйствовать облагораживанію общественныхъ нравовъ, чтобы утверждалось царство Божіе и въ нашемъ отечествѣ Японіи.

Въ 3-е воскресенье каждаго мѣсяца члены кружка сходятся на собраніе въ залъ духовной семинаріи, гдѣ читаются лекціи преподавателями семинаріи, или самими членами кружка, а также обсуждаются различныя вопросы духовно-нравственнаго содержанія.

Кружкомъ издается журналъ „Сіменъ“, въ которомъ помѣщаются всѣ прочитанныя лекціи и статьи членовъ кружка. Номера этого журнала рассылаются всѣмъ членамъ кружка.

Для пользованія кружка ежедневно открытъ залъ духовной мисіи, куда могутъ собираться члены кружка для полезныхъ бесѣдъ.

При кружкѣ имѣется бібліотека духовныхъ и свѣтскихъ книгъ на японскомъ, русскомъ и англійскомъ языкахъ для пользованія членовъ его.

Одинъ разъ въ мѣсяцъ бываетъ чтеніе бібліи преподавателемъ и разясненіе задаваемыхъ членами кружка вопросовъ по біблии.

Члены кружка даютъ совѣты желающимъ принять православіе. Въ кружкѣ читаются также лекціи по разнымъ отраслямъ наукъ.

Въ кружкѣ устраиваются нѣсколько разъ въ годъ духовные и свѣтскіе концерты съ цѣлью музыкальнаго воспитанія членовъ кружка и прочихъ посѣтителей.

Преподается русскій языкъ. Желающіе ему обучаться должны лично обратиться къ кому-либо изъ членовъ кружка или къ его представителю.

Каждую пятницу кружокъ устраиваетъ публичную лекцію для учениковъ-китайцевъ, проживающихъ въ Японіи.

Кружокъ исполняетъ добросовѣстно всякія порученія отъ русскихъ путешественниковъ, прибывающихъ въ Японію, какъ-то въ наймѣ переводчика, путеводителя и въ пріисканіи гостинницъ и пр., и пр.

Кружокъ православныхъ юношей содержится исключительно на средства жертвователей. Каждый членъ кружка вноситъ пожертвованіе по своему желанію. Отъ постороннихъ лицъ пожертвованія также принимаются съ благодарностью.

Предсѣдателемъ кружка состоитъ Василій Ямада.

Подобныя христіанскія ассоціаціи существуютъ повсемѣстно: какъ въ Россіи, такъ и въ западно-европейскихъ государствахъ, а равно и въ Новомъ Свѣтѣ—Америкѣ, но разница только въ томъ, что подобные союзы отнюдь не являются приверженцами одного какого-либо вѣроисповѣданія, какъ въ данномъ случаѣ православнаго, ибо цѣль подобныхъ объединеній и есть устраненіе розни между лицами различныхъ религіозныхъ убѣжденій, которое и заставляетъ въ другомъ человѣкѣ уважать его свободу совѣсти, а уважая его убѣжденія, мы естественно становимся братомъ и другомъ иновѣрца и о какой-либо розни во взглядахъ не можетъ быть и рѣчи, вѣдь въ этомъ-то и заключается христіанскій идеалъ братства и любви.

Въ этой японской православной ассоціаціи важно то обстоятельство, что такой громаднѣйшей вѣрой наполнены сердца японскихъ юношей въ правоту именно православія, а не какой-либо другой религіи.

Говоря о христіанскихъ союзахъ, я имѣлъ въ виду т. н. „Маяки“, т. е. комитеты для оказанія содѣйствія молодымъ людямъ въ достиженіи нравственнаго и физическаго развитія.

Двухсотлѣтіе датскаго миссіонерскаго общества.

Ноября 29, 1705 года Зигенбалгъ и Плоттау были посланы изъ Даніи въ качествѣ первыхъ миссіонеровъ, которые начали свою дѣятельность въ Индіи въ Транквебарѣ (Tranquebar), который тогда былъ датскимъ владѣніемъ. Датчане, естественно, не могли оставить безъ вниманія 200-лѣтней годовщины этого важнаго историческаго событія, и въ связи съ празднествами по этому поводу была издана замѣчательная *Исторія Датскаго Миссіонерскаго Общества*, Авторъ, Rev. Дж. Т. Логструпъ (J. T. N. Lögstrup), способный и энергичный секретарь Общества, далъ въ своемъ трудѣ достойную лѣтопись и матеріалы о двухсотлѣтнихъ самоотверженныхъ миссіонерскихъ трудахъ, не скрывая тѣхъ превратностей и испытаній, которыя выпадали на долю миссіонеровъ. Книга, обнимающая почти 500 страницъ, издана весьма изящно, въ изобиліи снабжена иллюстраціями и выпущена по удивительно низкой цѣнѣ—два шиллинга (около 1 рубля). Если бы всѣ миссіонерскія общества могли широко распространять по-

добнаго рода книги, интересъ къ успѣхамъ Евангелія въ языческихъ странахъ быстро увеличился бы.

Миссія въ Транквебарѣ встрѣтила чрезвычайно много затрудненій. Два человека, которые отправились въ качествѣ пионеровъ и проложили путь для современныхъ миссій, вполнѣ отвѣчали своему назначенію, и, уповавъ на постоянную помощь Божію, были настойчивы въ своихъ стремленіяхъ и восторжествовали надъ всѣми препятствіями. Враждебность колониальныхъ европейцевъ, официальное преслѣдованіе, потеря денегъ,—ничто не могло поколебать ихъ мужества и въ непродолжительномъ времени ихъ настойчивая ревность принесла обильные плоды. Прежде всего миссіонеры выучились португальскому языку, чтобы они могли проповѣдывать Евангеліе прибрежнымъ рабамъ; затѣмъ съ большой трудностью они нашли учителя, который научилъ бы ихъ тамильскому языку, чтобы, изучивши его, они имѣли возможность обратиться къ туземцамъ съ благовѣстіемъ о спасеніи. Потомъ Зигенбалгъ принялся за переводъ Новаго Закона на тамильскій языкъ и окончилъ его въ 1711 году. Но еще гораздо раньше здѣсь было много прозелитовъ, и была основана церковь; все обѣщало свѣтлое будущее. Когда Зигенбалгъ посѣтилъ Европу въ 1714 году, онъ уговорился относительно открытія миссіонерскаго колледжа, который существуетъ до сего времени. Онъ былъ представленъ, когда посѣтилъ Британію, королю Георгу I и присутствовалъ на собраніи епископовъ, состоявшемся для разсмотрѣнія дѣла общества для распространенія Евангелія. Члены этого общества и другіе британскіе друзья поощряли его заняться переводомъ Ветхаго Завета на тамильскій языкъ, который онъ и закончилъ въ 1719 году. Дѣло въ Транквебарѣ шло чрезвычайно успѣшно и ранѣе конца столѣтія въ различныхъ миссіонерскихъ станціяхъ число обращенныхъ въ христіанство достигало 13,500 человекъ. Въ 1845 году датскія владѣнія въ Вестъ-Индіи были проданы Великобританіи. Миссіонерскій колледжъ сохранилъ свое право продолжать свое дѣло въ Транквебарѣ, но болѣе не интересовался туземцами. Онъ не просилъ Датское Миссіонерское Общество взять на себя дѣло, но передалъ строеніе и агентства Лейпцигскому обществу, а отъ послѣдняго Датское Миссіонерское Общество пыталось получить миссію обратно, но тщетно; и такимъ образомъ въ 1847 году Данія окончательно потеряла Транквебарскую миссію, которой владѣла издавна.

Въ 1721 году Гансъ Эgede отплылъ изъ Даніи проповѣдывать Евангеліе туземцамъ Гренландіи. Но еще въ 1708 году онъ началъ борьбу, которая тянулась 13 лѣтъ, направленію къ тому, чтобы заинтересовать своихъ соотечественниковъ въ обращеніи гренландцевъ, которые были въ это время язычниками и дикарями. Онъ рѣшился окончательно, съ поддержкой или безъ нея, послѣдовать призванію, къ которому, какъ онъ думалъ, направлялъ его Богъ—отправиться въ Гренландію. Онъ высадился въ Годхобѣ. Много препятствій испыталь Эgede до 1733 года, когда къ нему присоединился отрядъ „Моравскихъ братьевъ“ и дѣло его пошло чрезвычайно успѣшно. Колледжъ въ Копенгагенѣ приготовлялъ миссіонеровъ въ достаточномъ количествѣ, и до своей смерти, послѣдовавшей въ 1758 г., Эgede получилъ удовольствіе, узнавъ, что Гренландія скоро сдѣлается христіанской стра-

ной. Въ 1825 г. былъ крещенъ послѣдній язычникъ—Оскимасъ. Эгедъ достойно заслужилъ имя „апостола Гренландіи“.

Но Датское Миссіонерское Общество не было основано до 1821 года. Утромъ 13 февраля этого года Rev. Б.-ф. Ренне былъ приглашенъ къ одной старой женщинѣ въ Таарбекѣ (Таагбоек) для совершенія послѣднихъ обрядовъ. Когда онъ пришелъ и доставилъ ей религиозное утѣшеніе, она умоляла его возвратиться и проповѣдывать ей друзьямъ и сосѣдямъ. Онъ пошелъ и нашелъ цѣлую толпу. Ему пришлось совершать богослуженіе періодически, но не было подходящей комнаты. Ренне, между тѣмъ, было сообщено, что одна шотландская фирма, Гордонъ и Уоттъ, имѣетъ домъ, который охотно продастъ. Когда добрый пастырь переговорилъ съ принципалами фирмы, они безплатно, съ наилучшими пожеланіями, отдали ему домъ для религиозныхъ цѣлей. Въ домѣ было образовано въ Таарбекѣ 17 іюня 1821 года Датское Миссіонерское Общество. Число членовъ и энтузіазмъ, возбуждаемый новымъ обществомъ, быстро возрастали и скоро королевская фамилія оказала покровительство и финансовую поддержку операціямъ Общества. Будучи во всѣхъ отношеніяхъ порожденіемъ государственной церкви, Датское Миссіонерское Общество, слѣдовательно, можетъ быть, къ несчастію,—выразительно лютеранское по всѣмъ его симпатіямъ, агентамъ и стремленіямъ.

Люди, воспитанные въ Датскомъ Миссіонерскомъ колледжѣ, поступали на службу различныхъ обществъ, особенно „Моравскихъ братьевъ“, которые держали болѣе 50 датчанъ въ мѣстахъ своей миссіонерской дѣятельности. Но колледжъ подпалъ на время раціоналистическимъ вліяніямъ, и началъ препятствовать скорѣе, нежели помогать истинному миссіонерскому дѣлу. Впослѣдствіи многіе изъ агентовъ Датскаго Миссіонерскаго Общества воспитывались въ колледжѣ Соединенныхъ (или Моравскихъ) братьевъ, одинъ по крайней мѣрѣ въ Лондонѣ и нѣкоторые въ Базельскомъ миссіонерскомъ институтѣ. Когда обнаружилось, что за первую четверть послѣдняго столѣтія не было ни одного датскаго священника или миссіонера въ датскихъ владѣніяхъ на африканскомъ золотомъ берегу, Датское Миссіонерское Общество послало четверыхъ датчанъ на службу Базельскаго миссіонерскаго общества. Ужасный климатъ требовалъ многихъ жертвъ, но потери постоянно пополнялись и дѣло постепенно шло впередъ до 1850 года, когда Данія продала свои владѣнія на Золотомъ берегу Великобританіи, и связь Датскаго Миссіонерскаго Общества съ миссіонерскимъ дѣломъ въ этой странѣ прекратилась.

Въ 1864 году, однако, Датское Миссіонерское Общество получило свое собственное мѣсто для миссіонерской дѣятельности, ибо въ этомъ году оно приобрѣло отъ Лейпцигскаго общества миссіонерскую станцію—Бетани (Bethany), въ южномъ Аркотѣ въ Индіи, станцію, которая была основана германскимъ миссіонеромъ Охсомъ (Ochs), который продолжалъ быть руководителемъ дѣла. Эта мѣстность расположена въ Мадрасскомъ президентствѣ. Она ограничена племенами, говорящими по-тамилски и вообще извѣстна, какъ датская тамилская миссія. Дѣло быстро развивалось; датскіе миссіонеры основывали новыя станціи, и въ 1878 году миссіонерская дѣятельность была начата въ самомъ Мадрасѣ. Всѣхъ главныхъ станцій восемь, которыя руководятъ миссіонерскимъ дѣломъ въ станціяхъ, расположенныхъ въ дру-

гихъ мѣстахъ. Крещено было около 1850 туземцевъ а число членовъ въ настоящее время достигаетъ 1000 человекъ. Миссія имѣетъ 20 школъ съ болѣе чѣмъ 800 учениковъ, до 60 учителей и катехетовъ, 12 европейскихъ миссіонеровъ и два туземныхъ священника.

Въ 1892 году, когда нашлось достаточное количество миссіонеровъ и позволило состояніе финансовъ, Датское Миссіонерское Общество рѣшилось начать дѣло въ Китаѣ, и въ 1896 г. миссіонеры вступили на новое поле дѣятельности, — Лиотунгскій полуостровъ. Въ теченіе этихъ тревожныхъ годовъ миссіонеры вели свое дѣло съ значительнымъ успѣхомъ и испытали меньше затрудненій, нежели многіе предполагали. Войны, безъ сомнѣнія, значительно дезорганизовали дѣло, но имѣли и благопріятное вліяніе, и въ настоящее время медицинское искусство миссіонеровъ служить весьма цѣннымъ средствомъ для пріобрѣтенія народнаго довѣрія. Положеніе дѣла, предпринятаго китайской миссіей, производить ободряющее впечатлѣніе, и она надѣется на успѣшность своего дѣла въ будущемъ. Главныя станціи находятся въ Портъ-Артурѣ, Да-гу-санѣ, Сью-нангѣ, Фенгъ-хуангъ-тенгѣ и Ан-дунгѣ. Вслѣдствіе до конца 1904 года было крещено 124 человекъ; европейскихъ миссіонеровъ десять и четыре туземныхъ странствующихъ проповѣдника (евангелиста). Много туземцевъ находится на строгомъ нравственномъ испытаніи, а туземные христіане дѣлаютъ значительныя пожертвованія на нужды христіанской общины.

Датское Миссіонерское Общество имѣетъ большой доходъ, сравнительно, извлекаемый изъ наслѣдствъ. Оно поддерживается также почти 800 мѣстными союзами, которыхъ подписки, сборы и пожертвованія деньгами, трудомъ и натурою, даютъ возможность главному обществу расходовать для миссіонерскихъ цѣлей почти 9,500 фунтовъ стерлинговъ (около 95,000 руб.) ежегодно.

Органомъ Датскаго Миссіонерскаго Общества служитъ *Датскій Миссіонерскій Листокъ* (Dansk Missions Blad). Онъ началъ свое существованіе съ 200 подписчиковъ въ 1860 г.; въ настоящее время онъ расходится въ 6000 экземпляровъ. Въ прошломъ время отъ времени возникали затрудненія въ связи съ миссіонерской приготовительной школой. Теперь школа находится въ Копенгагенѣ, подъ управленіемъ Rev. К. Дж. Холта, и въ избыткѣ приготовляетъ студентовъ для нуждъ общества. Съ полной справедливостью можно сказать, что Датское Миссіонерское Общество вполне понимаетъ свое дѣло, хорошо снабжено всѣмъ необходимымъ и управляется опытными и безкорыстно преданными своему призванію людьми.

С. Батринскій.

„Вѣстникъ Миссонерскаго Обзорнія“.

Воззваніе отдѣла по внутренней миссіи при братствѣ свв. Сергія и Германа къ православнымъ пастырямъ и ко всѣмъ ревнителямъ православной вѣры въ Финляндіи (переводъ съ финскаго).

Богъ, Отецъ славы, Господа Іисуса Христа „поставилъ выше всѣхъ главою Церкви, которая есть тѣло Его, полнота Наполняющаго все во всемъ“ (Ефес. 1, 22—23).

„Мы многіе составляемъ одно тѣло во Христѣ, а порознь одинъ для другаго члены. И какъ по данной намъ благодати, имѣемъ различныя дарованія, то имѣешь-ли пророчество, пророчествуй по мѣрѣ вѣры; имѣешь-ли служеніе, пребывай въ служеніи; учитель-ли, въ ученіи; увѣщатель-ли, увѣщай; раздаватель-ли, раздавай въ простотѣ; начальникъ-ли, начальствуй съ усердіемъ; благотворитель-ли, благотвори съ радушіемъ“ (Рим. 12, 5—8).

Возлюбленные во Христѣ братья и сестры!

На послѣднемъ годичномъ собраніи Братства свв. Сергія и Германа (27 іюля 1906 г.) для завѣдыванія внутренней миссіей въ православныхъ приходахъ рѣшили открыть при Братствѣ особый отдѣлъ, въ который избраны священники г. Сердоболя и іеромонахъ Кипріанъ.

Но еще до учрежденія особаго Отдѣла по внутренней миссіи Братство въ прошлое лѣто экстренно посылало нѣсколько человекъ на дѣло этой миссіи. Ихъ доклады обнаружили, какъ „безводна и изсохша“ почва духовной нивы Православной Церкви въ Финляндіи, какъ она томится жаждой животворной воды — слова Божія, какъ жадно она стремится къ наученію и возрожденію въ духѣ своей Церкви.

Между значительною частью православнаго населенія Финляндіи еще царитъ глубокое невѣдѣніе основныхъ истинъ своей вѣры; суевѣріе еще сильно въ простомъ народѣ; часто вся его религіозная жизнь обнаруживается только въ мѣханическомъ выполненіи обрядовъ.

Болѣе молодое поколѣніе, учившееся въ школахъ, имѣетъ, правда, болѣе ясныя релігіозныя представленія, но не получая истиннаго релігіознаго воспитанія дома, при незначительности воздѣйствія церковной проповѣди и при неумѣннн самостоятельно проникаться истинами своей вѣры, оно или обнаруживаетъ холодность къ ней или же, подпавъ подъ вліяніе чуждыхъ релігіозныхъ вѣяній, пренебрегаетъ своею вѣрою. Доходитъ иногда и до того, что нѣкоторые изъ нихъ, мнящіе себя просвѣщенными, хотя истинное просвѣщеніе далеко отъ нихъ, будучи вовлечены въ круговоротъ современныхъ соціальныхъ и духовныхъ движеній, открыто высказываютъ презрѣніе къ своей вѣрѣ и кичатся этимъ, какъ показателемъ своей развитости. Нѣкоторые изъ нихъ уже поспѣшили отпасть отъ Христовой Церкви. Кромѣ того между нашимъ православнымъ населеніемъ за послѣднее время стали появляться различные проповѣдники, устроители чтеній и всевозможные агитаторы. Нѣкоторые изъ нихъ, дѣйствительно, работаютъ на пользу народу: одни раскрываютъ народу тѣ основы, на которыхъ зиждутся новыя, входящія въ законную силу, общественныя и политическія уставовленія; другіе распространяютъ полезныя хозяйственныя свѣдѣнія, иные борются за идею трезвости и т. д. Но многіе идутъ въ народъ съ исключительною цѣлью поколебать и разрушить въ немъ нашу святую вѣру. Едва-ли найдется въ Финляндіи такое релігіозное движеніе, которое не посылало-бы проповѣдниковъ уловлять въ свои сѣти исповѣдниковъ нашей вѣры. Даже многіе изъ представителей преобладающаго исповѣданія въ Финляндіи — лютеранскаго исповѣданія, начинаютъ сходить съ почвы прежнихъ мирныхъ и добрососѣдскихъ отношеній къ нашей Церкви. Ими издаваемая газета „Kotimaa“ уже нѣсколько разъ открыто побуждала приступить къ совращенію въ лютеранство часть Христовой Церкви и особенно прискорбно то обстоятельство, что во всѣхъ этихъ нападкахъ на православіе безпощадно смѣшиваютъ вѣру съ политикой и дѣлу пропаганды лютеранства придаютъ значеніе привлекательнаго патріотическаго подвига. Ко всему этому слѣдуетъ еще упомянуть о дѣятельности агитаторовъ крайнихъ направленій, соціаль-демократической партіи,—они съ фанатическою ревностью дерзновенно хулятъ даже святое имя Божіе.

Въ такихъ условіяхъ оказалась въ настоящее время наша Церковь въ Финляндіи.

Причины состоянія упадка нашей Церкви можно искать и находить въ тѣхъ историческихъ обстоятельствахъ и въ разныхъ неблагоприятныхъ условіяхъ, въ которыхъ долгое время жила и нынѣ еще живетъ наша Церковь въ Финляндіи. Но наша совѣсть должна свидѣтельствовать и о томъ, что и мы сами виноваты во всемъ этомъ,

а именно,—своею костью, безпечною и безразличнымъ отноше-
ніемъ къ религіозной жизни. Однако, не будемъ предаваться унынію
и безнадежности. Наша Церковь, святая истины и средства благо-
дати которой мы унаслѣдовали черезъ непрерывное преемство отъ
временъ апостольскихъ, которая за многовѣчное свое существованіе
не разъ „огнемъ опалялась“ и оставалась невредимою, которая и здѣсь
въ Финляндіи терпѣла многіе удары, на уничтоженіе которой безре-
зультатно напрягали свои силы сначала усердные слуги папы, а по-
томъ и лютеране,—и теперь не погибнетъ, а напротивъ, черезъ
испытаніе очистится и укрѣпится. Вѣруемъ же мы, что Церковь есть
живое тѣло Христово, и что если отдѣльныя части ея или отдѣль-
ные члены иногда и поражаются неудачами, то все-таки они не уми-
раютъ до тѣхъ поръ, пока пребываютъ въ тѣлѣ, но всегда имѣютъ
возможность исцѣлиться и укрѣпиться. Со смиреніемъ мы каемся въ
нашихъ слабостяхъ, исповѣдуемъ себя недужными, въ сонѣ безпеч-
ности погруженными членами Церкви, но въ тоже время непоколе-
бимо вѣримъ, что мы состоимъ членами тѣла Христова—святой Пра-
вославной Церкви, и вѣруемъ, что Церковь имѣетъ главою Гос-
пода Іисуса Христа. Мы вѣруемъ, что одна эта Церковь содержитъ
божественное откровеніе въ его первоначальной чистотѣ. Въ одной
этой Церкви намъ преподается черезъ святая таинства полнота бла-
годати Божіей. Въ ней одной мы призваны „къ небесному Іеруса-
лиму, къ торжествующему собору и церкви первенцевъ, къ духамъ
праведниковъ, достигшихъ совершенства“ (срав. Евр. XII, 22—24)
и призваны къ постоянному общенію съ ними черезъ молитву и лю-
бовь. Въ образѣ ихъ святой жизни и подвиговъ, и въ ихъ истиннымъ
благочестіемъ просвѣщенныхъ писаніяхъ мы имѣемъ руководство и
несомнѣнное свидѣтельство истинной Христовой жизни, не оскудѣваю-
щей въ Его „славной Церкви“, не имѣющей скверны и порока или
нѣчто отъ таковыхъ,—въ Церкви, однимъ словомъ, которую Онъ стя-
жалъ кровію Своею. Слѣдовательно, у насъ нѣтъ недостатка ни въ
чемъ ни на землѣ, ни на небесахъ для того, чтобы пробудиться и
вступить въ новую жизнь. Будемъ только считать переживаемое нами
время за ниспосланное Господомъ время испытанія и всѣ бѣды и не-
взгоды этого времени примемъ какъ гласъ, зовущій къ пробужденію.
И такъ воспрянемъ, возлюбленные во Христвѣ братія!

Вы, пастыри приходскіе и служители Господнихъ тайнъ! Отдѣль-
внутренней миссіи при Братствѣ свв. Сергія и Германа симъ просить
васъ: изслѣдуйте тщательно состояніе вашихъ пасомыхъ, обратите
вниманіе на духовные недостатки, нужды и угрожающія опасности въ
каждомъ уголкѣ вашего прихода. Ищите между вашими прихожанами
усердныхъ, познаніемъ истины и страхомъ Божиимъ просвѣщенныхъ

лицъ и возбудите въ нихъ ревность къ подвигу ради Царствія Божія. Соединяйте ихъ въ братскіе кружки для совмѣстнаго преуспѣнія во Христѣ и пусть они поднимутъ голосъ, призывающій къ пробужденію, пусть вступятъ въ борьбу съ грѣхомъ, ложью, невѣжествомъ и суевѣріемъ. Если на мѣстѣ не окажется лицъ, подходящихъ къ этой дѣятельности, то обращайтесь къ Отдѣлу по внутренней миссіи, чтобы онъ ихъ послалъ. Также поступайте и въ другихъ нуждахъ. О всѣхъ образовавшихся кружкахъ, а равно и объ отдѣльныхъ лицахъ, готовыхъ на святое дѣло духовнаго пробужденія, тоже сообщайте Отдѣлу, чтобы и онъ, со своей стороны, могъ направлять ихъ и содѣйствовать ихъ подвигу, требующему большихъ трудовъ и стойкости.

И вы, учителя и учительницы дѣтей народа, сѣя сѣмена просвѣщенія въ сердцахъ дѣтей и воспитывая ихъ во Христѣ, не ограничивайте предѣловъ своей дѣятельности только стѣнами школы, но и внѣ ихъ боритесь съ невѣжествомъ и грѣхомъ, распространяйте черезъ совѣты, наученіе и чтенія познаніе истины.

Всѣхъ истинныхъ ревнителей благочестія и любви къ ближнему также просимъ придти на помощь дѣлу внутренней миссіи. Поддерживайте ее всяческимъ содѣйствіемъ и добровольными пожертвованіями. Помогите въ устройствѣ библиотекъ, въ расходахъ по миссіонерскимъ поѣздкамъ и въ прочихъ нуждахъ этого святаго дѣла.

Разсылая это воззваніе нѣкоторымъ пастырямъ и ревнителямъ православной вѣры въ Финляндіи, Отдѣлъ обращается къ собратьямъ своимъ, пастырямъ Православной Церкви, и ко всѣмъ ревнителямъ православной вѣры и въ Россіи, надѣясь получить братскую поддержку и вообще участіе къ своимъ первымъ начинаніямъ. Корреспонденцію и пожертвованія просимъ направлять по слѣдующему адресу: Финляндія, гор. Сердоболь, Отдѣлу по внутренней миссіи при Братствѣ свв. Сергія и Германа.

Новый богословскій ежемѣсячникъ.

При Московской академіи открывается новый богословскій журналъ, подъ названіемъ „Христіанинъ“. Новостью въ этомъ издательствѣ является то, что издателемъ-редакторомъ будетъ епископъ ректоръ академіи преосвящ. Евдокимъ.

Въ Кіевѣ ранѣе началъ издавать журналъ „Вѣра и Народъ“ тоже ректоръ академіи епископъ Платонъ.

Задачи свои „Христіанинъ“ намѣчаетъ въ такомъ видѣ: журналъ ставитъ своею задачей совершенно безпристрастное, всестороннее, спокойное освѣщеніе всѣхъ явленій современной церковно-общественной

жизни, науки и литературы. „Мы считаемъ своею обязанностію предъ читателями отмѣчать и поддерживать все святое, справедливое, честное, искреннее, что предпринимается во благо Церкви и на спасеніе изстрадавшейся нашей дорогой Родины, хотя бы оно исходило изъ круговъ людей сравнительно съ нами иныхъ убѣжденій. Мы будемъ всюду собирать и эти блѣстки истины, падающіе, отъ хитона Спасителя, какъ собирали ихъ св. Отцы въ первохристіанское время на поляхъ даже языческой литературы, густо поросшей всякими сорными травами и бурьяномъ. Слово правды—вотъ нашъ девизъ. Поэтому мы будемъ всемѣрно избѣгать лжи, которой часто пятнаютъ себя не только уличныя изданія, но и изданія, выходящія изъ-подъ пера людей съ высшимъ образованіемъ и почетнымъ положеніемъ въ обществѣ. Намъ хотѣлось бы о всемъ говорить такъ, какъ говорилъ бы Самъ Христосъ Спаситель, если бы Онъ жилъ въ наше время, или какъ сказали бы св. Отцы и христіанскіе писатели золотой поры христіанства, державшіе говорить правду и земнымъ царямъ и имѣвшіе въ себѣ мужество безбоязненно умирать за эту правду“.

„Мы желаемъ привести всѣхъ къ подножію креста Христова и поборить сердца всѣхъ Христу. Мы желаемъ собрать всѣхъ въ спасительный корабль Христовъ, которому не страшны никакія житейскія бури и волны, потому что на немъ Кормчій—Самъ Христосъ Спаситель. Мы хотимъ всѣхъ возвести на гору Господню“...

Намѣренія не только благія, но и великія, хотя не слишкомъ-ли самоувѣренныя. Помогите Богъ редакціи, возглавляемой уважаемымъ преосвящ. ректоромъ, выполнить намѣченныя задачи.

Въ программу журнала входитъ 15 отд., объѣдающіе захватить широко и церковно-общественную и бытовую, и научную, и литературную, и даже миссіонерскую сторону жизни, такъ что недоумѣваешь, что же остается собственно для академическаго органа „Богослов-Вѣстника“, тѣмъ болѣе, что новый журналъ будетъ выходить ежемѣсячно книгами, въ объемѣ 12 печатныхъ листовъ каждая.

О дѣйствіяхъ сектантскихъ проповѣдниковъ — миссіонеровъ.

Въ г. Омскѣ происходили осенью истекшаго года многочисленныя собранія, въ которыхъ проповѣдывалось Н. В. Одиновымъ слово Божіе. Между прочимъ, для собраній тамъ былъ нанятъ театръ, который былъ переполненъ публикой.

Столичный проповѣдникъ пашковщины И. В. Каргель предпринималъ путешествіе по тюрьмамъ съ цѣлью „благовѣствованія“. Между прочимъ въ г. Саратовѣ для Ивана Веніаминовича была предо-

ставлена большая зала въ Город. Думѣ. Зала была переполнена публикой.

∞ Въ С.-Петербургѣ осенью гостили и посѣщали мѣстныя сектантскія общины: Дѣй Ивановичъ Мазаевъ изъ Ростова на-Дону, предсѣдатель „союза русскихъ баптистовъ“, Михаилъ Павловичъ Хорошиловъ, предсѣдатель союза „вѣрующихъ евангельскихъ христіанъ“ въ г. Харьковѣ и Василій Николаевичъ Ивановъ.

∞ **Пожертвованія въ пользу сектантской миссіи.** Года два тому назадъ бр. Фед. Никол. Таржановъ, умирая, завѣщаль СПБ. общинѣ болѣе 300 руб. „на дѣло Божіе“. Въ прошломъ сентябрѣ бр. Петръ Петр. Сибиревъ, умирая, завѣщаль въ кружку СПБ. общины на „дѣло благовѣстія“ 250 руб.

∞ **Русскіе сектанты на обученіи за-границей.** Въ Гамбургѣ въ настоящее время учатся въ семинаріи 7 молодыхъ людей, желающихъ посвятить свои силы сектантской миссіи среди православнаго населенія.

∞ Въ началѣ ноября 1906 г. въ Петербургѣ пріѣзжали два благовѣстника: Н. В. Одинцовъ и В. П. Степановъ и провели цѣлую недѣлю въ проповѣди. По случаю ихъ прибытія состоялись слѣдующія собранія. Воскресенье 5-го ноября 11 ч. утра молитвенное собраніе, а въ 5 ч. дня чтеніе Слова Божія. Больш. Просп. д. № 79 на Вас. Остр. Затѣмъ чтеніе Слова Божія по вечерамъ съ 8 час.: въ понедѣльникъ 6-го ноябр. Лиговка № 75. Вторникъ 7-го Б. Проспектъ № 79 Вас. Остр. Среда—Ломанскій переул. № 17. Выб. Стор. Четвергъ—Б. Проспектъ № 79 Вас. Остр. и въ субботу—Библейская бесѣда, мѣсто ея не указано.

∞ **Новое сектантское изданіе.** „Россійскій хр. студенческій Союзъ“ издалъ Катехизисъ—наставленіе въ вѣрѣ для баптистскаго юношества. Переводъ съ нѣмецкаго и изданіе В. Г. Павлова. Цѣна 20 к.

∞ **Странное заявленіе православнаго протоіерея.** На страницахъ „Брат. Листка“ столичныхъ сектантовъ мы нашли слѣдующее странное заявленіе какого-то протоіерея.

„Въ среду вечеромъ на текущей недѣлѣ у одного своего пріятеля изъ приложения къ „Христіанину“ я случайно узналъ, что у насъ назначена общая молитва на недѣлю съ 24—30 сентября, такъ пишетъ православный пастырь. Съ удовольствіемъ и съ благодарностью (?) и я принялъ участіе на послѣдніе три дня въ этой вашей молитвѣ за страждущую, терзаемую и раздираемую междуусобной войной Россію. Конечно, я не могу и не умѣю молиться такъ глубоко и настойчиво, какъ это бываетъ у васъ, но сколько могу и умѣю, помолюсь.

Протоіерей Н. монастыря“.

Очевидно батюшка — настоящій кадетъ, выбросившій за бортъ церковные каноны, которыми воспрещается совмѣстная молитва съ еретиками. Впрочемъ, намъ приходилось встрѣчать на петербургскихъ собраніяхъ пашковцевъ іереевъ, преклонявшихъ колѣна для совмѣстной молитвы съ сектантами.

∞ **Къ вопросу о діаконѣхъ.** Приводимъ заслуживающее вниманія одно изъ распоряженій преосвященнаго Серафима, епископа Орловскаго, касающееся діаконствъ въ сельскихъ приходахъ. Епископъ Серафимъ запрашивалъ духовенство Орловской епархіи: нужны ли штатные діаконы? Многіе отвѣтили на этотъ вопросъ такъ: „штатный діаконъ не нуженъ священнику, не дорогъ онъ приходу и служитъ лишь поводомъ къ неудовольствіямъ и судебнымъ дѣламъ; въ настоящее время самый желательный духовенству и прихожанамъ причтъ, состоящій изъ священника и діакон-псаломщика“. Находя такое рѣшеніе вопроса о штатныхъ діаконѣхъ пристрастнымъ и одностороннимъ, преосвященный замѣчаетъ, что „закрыть въ епархіи всѣ штатныя діаконскія вакансіи было бы не глубокомысленно“; требуется точно опредѣлить, въ какихъ селахъ необходимъ штатный діаконъ и въ какихъ діаконъ-псаломщикъ. „По идеѣ институтъ діаконскій полезный и необходимый. Діаконъ—помощникъ священника въ отправленіи богослуженія и придаетъ послѣднему полноту и торжественность; онъ долженъ помогать въ завѣдываніи церковнымъ имуществомъ, въ веденіи письмоводства, въ религіозно-просвѣтительномъ дѣлѣ и въ законоучительствѣ. Въ школахъ стараются завести воскресные курсы для взрослыхъ, бібліотеки и читальни, ведутся религіозно-нравственныя, историческія и бытовыя чтенія и бесѣды. Священникъ одинъ не можетъ справиться со всѣмъ этимъ. Діаконы должны учить пѣнію и составлять церковный хоръ. Но для всего этого необходимо, чтобы діаконъ, по своему образованію, педагогической подготовкѣ и нравственнымъ качествамъ соотвѣтствовалъ предъявляемымъ къ нему требованіямъ... Нужно меньше обращать вниманія на голосовыя средства штатнаго діакона и больше на умственныя и нравственныя качества“. Для лицъ, желающихъ занять штатную діаконскую вакансію, епископомъ Серафимомъ утверждены особыя правила. Лица эти должны быть или окончившими курсъ въ семинаріи, или заявившими себя педагогическою дѣятельностію, или прошедшими съ успѣхомъ и пользою псаломщицкую службу. Они подвергаются особому экзамену въ особой экзаменаціонной комиссіи. Совершенно иныя требованія предъявляются къ діаконѣмъ-псаломщикамъ. Отъ нихъ требуется, чтобы они торжественно отправляли богослуженіе и явственно произносили ектеніи. Если причтъ и прихожане пожелаютъ имѣть діакона на вакансіи псаломщика, то они должны чрезъ благочиннаго возбуж-

дать соотвѣтственныя представленія предъ епархіальнымъ начальствомъ. Представляемые должны удовлетворять слѣдующимъ требованіямъ: а) прослужить въ должности псаломщика болѣе года и имѣть отъ роду не менѣе 25 лѣтъ; б) отличаться трезвостію и нравственною жизнію; в) имѣть хорошей голосъ; отличаться внятнымъ чтеніемъ; умѣть преподавать пѣніе въ школахъ и обучать церковный хоръ. Діаконскій санъ желательно давать въ награду псаломщикамъ, прослужившимъ въ приходѣ болѣе 25 лѣтъ, уважаемымъ населеніемъ.

Письмо въ редакцію.

Милостивый Государь

г. Редакторъ!

Въ отвѣтной грамотѣ п. Константинопольскаго Анеима св. Синоду, безъ указанія ¹⁾, откуда взятой о. Александровымъ и напечатанной въ „Мисс. Об.“ (1906 г. № 11, стр. 647—8), есть свидѣтельство чрезвычайной важности относительно м. Амвросія, основателя особой раскольнической бѣлокриницкой іерархіи, именно, что „онъ былъ подъ запрещеніемъ священнодѣйствовать“. Какъ понимать это—былъ, т. е. когда былъ? Если въ моментъ бѣгства въ Бѣлую Криницу, то почему объ этомъ п. Анеимъ во всѣхъ трехъ грамотахъ къ Карловицкому м. Іосифу и въ грамотѣ къ самому Амвросію, написаннымъ прежде отвѣтной грамоты св. Синоду, не упоминаетъ объ этомъ запрещеніи, а говоритъ послѣ первой грамоты, въ коей выражено м. Амвросію запрещеніе (14 окт. 1846 г.), только объ этомъ, отъ 14 окт. 1846 г., запрещеніи? Возможно ли допустить, что если бы м. Амвросій былъ подъ запрещеніемъ въ моментъ бѣгства къ липованамъ, то п. Анеимъ не упомянулъ бы объ этомъ въ грамотахъ какъ къ м. Іосифу, такъ и къ самому Амвросію? Не лучше ли было бы упомянуть объ этомъ самомъ запрещеніи, вмѣсто требованія отъ м. Іосифа новаго запрещенія Амвросію, или, по крайней мѣрѣ, подтвердить старое запрещеніе?

Въ виду этого не слѣдуетъ ли понимать: „былъ подъ запрещеніемъ“, во первыхъ, просто какъ взглядъ п. Анеима на Амвросія за „его бѣгство“, притомъ взглядъ, выраженный вслѣдствіе требованія св. Синода? Во-вторыхъ, не былъ ли м. Амвросій подъ запрещеніемъ въ моментъ удаленія его изъ Боснійской епархіи, по доносу турецкихъ властей, послѣ чего, прибывъ въ Константинополь, онъ, быть можетъ, успѣлъ оправдаться и получилъ разрѣшеніе, и если

¹⁾ Между прочимъ при перепечаткѣ нѣкоторыхъ мѣстъ изъ моей брошюры въ свою о. клятвахъ и единовѣрїи о. Александровъ тоже не сдѣлалъ указаній (сличи мою и его брошюры).

былъ, то не это ли запрещеніе должно разумѣть въ отвѣтной грамотѣ п. Анеима св. Синоду?

На всѣ эти вопросы необходимо имѣть самые безпристрастные отвѣты и требуется самое безпристрастное изслѣдованіе по всему этому дѣлу.

Свящ. *Е. Зубаревъ.*

Старообрядческій „проповѣдникъ“.

(Кор. „Мисс. Обзор.“ изъ Нижегород. губер.).

Въ ноябрьской книжкѣ журнала „Старообрядецъ“ помѣщена статья подъ заглавіемъ: „Первая старообрядческая бесѣда“, подписанная псевдонимомъ: „Одинъ изъ бывшихъ на бесѣдѣ“. Кто же производилъ эту первую старообрядческую бесѣду? Никто иной, какъ „извѣстный старообрядческій проповѣдникъ В. Г. Усовъ“ (редакторъ-издатель журн. „Старообрядецъ“). Что же онъ „проповѣдовалъ“ въ с. Пурехѣ Нижегородской губ.? Во-первыхъ, что онъ, В. Г. Усовъ, производитъ первую старообрядческую бесѣду, слѣдовательно изъ словъ не кого-нибудь, а „просвѣщеннаго журналиста“, кстати сказать—не могущаго написать грамотно и одной строки и литературно излагать свои мысли, что всякій можетъ узрѣть изъ его плоскихъ „писаній“, представляющихъ, въ сущности, пустой наборъ громкихъ словъ,—ясно выходитъ, что онъ всѣ прежде бывшія старообрядческія бесѣды ни во что не вмѣняетъ. Оно и не дивно: этому „просвѣщенному журналисту“ не только показалась ничтожною даже извѣстная всей Россіи Хлудовская бібліотека въ Москвѣ (см. „Моск. Епарх. Вѣд.“ за 1906 г.), но онъ „съ ученымъ видомъ знатока“ берется даже разсуждать о Ренанѣ, о социализмѣ, анархизмѣ и прочихъ „важныхъ матеріяхъ“. Онъ такъ далеко и смѣло шагаетъ въ своемъ „ученомъ“ самомнѣніи, что утверждаетъ въ той же „первой“ бесѣдѣ, что пророкъ Іеремія жилъ „за нѣскольکو тысячелѣтій“, хотя, если считать даже до нашего времени,—это грубая ложь. Вообще „старообрядческій проповѣдникъ“ почти въ каждой строкѣ лжетъ съ чисто-босаяцкой наглостью и отчаяннымъ нахальствомъ. Напримѣръ, на стр. 1221, въ примѣчаніи редакціи, онъ смѣло называетъ патріарха Никона „главою синадріона падшихъ русскихъ епископовъ“. Повидимому, „старообрядческій проповѣдникъ“ не имѣетъ рѣшительно никакого понятія объ исторіи и о словѣ „синадріонъ“, которое въ переводѣ съ еврейскаго на русскій означаетъ „синаодъ“ (Духовный регламентъ, стр. 11). Но если св. синаодъ учреж-

день въ Россіи черезъ 40 лѣтъ послѣ смерти п. Никона (въ 1721 г.), то и неграмотному ясно, что п. Никонъ не могъ быть его главою, когда его еще и не существовало. Вы, г. Усовъ, хотя бы прикинули на свой аршинъ! Когда не существовалъ журн. „Старообрядецъ“, вѣдь не могли же вы именоваться „редакторомъ-издателемъ ежемѣсячнаго журнала „Старообрядецъ“. Далѣе „старообрядческій проповѣдникъ“ уже переходитъ всякія границы жи и безъ зазрѣнія совѣсти, съ апломбомъ заявляетъ: „Никонъ имѣлъ преступную связь съ парицей Натальей Кирилловной. Это показываетъ и самый ходъ дѣла. Царь Алексѣй былъ на войнѣ съ Литвою (1653 г.), которая продолжалась около двухъ лѣтъ, а все свое семейство ввѣрилъ попеченію Никона“. Какая вопіющая, наглая и безсовѣстная ложь! Наталья Кирилловна Нарышкина, 2-я супруга царя Алексѣя Михайловича, родилась въ 1651 г. (см. любой энциклопедич. словарь), слѣдовательно ей въ то время, когда Алексѣй Михайловичъ былъ на войнѣ съ Литвою, было всего два года, а „старообрядческій проповѣдникъ“ „утверждаетъ“, что п. Никонъ находился въ это время съ нею въ любовной связи. Не глупо ли?! Далѣе, по свидѣтельству „Исторіи русской церкви“ м. Макарія, „10 іюля 1658 г. Никонъ оставилъ патріаршую кафедру, удалившись въ Воскресенскій монастырь, и дѣятельность Никона... навсегда окончилась“ (т. XII, стр. 220). Слѣдовательно, въ моментъ разрыва дружескихъ отношеній Алексѣя Михайловича съ п. Никонѣмъ Натальѣ Кирилловнѣ было всего 7 лѣтъ. Далѣе, 12 декабря 1666 г. патріарха Никона соборнѣ низвергли и сослали въ Терапонтовъ Бѣлозерскій монастырь (Лѣтоп. церк. событій, еп. Арсенія, стр. 1661), а „къ 21 декабря 1666 г. Никонъ прибылъ съ своими спутниками въ Терапонтовъ монастырь (Ист. рус. церкви, м. Макарія, т. XII, стр. 747), гдѣ и находился безвыѣздно до своей смерти (въ 681 г.). Алексѣй же Михайловичъ вступилъ въ бракъ съ Натальей Кирилловной въ 1671 г. января 22 (см. любой энциклопедич. словарь), т. е. когда п. Никонъ былъ уже въ ссылкѣ цѣлыхъ 5 лѣтъ. Такимъ образомъ, возмутительная выходка г. Усова оказалась покушеніемъ съ совершенно негодными средствами, а онъ оказался наглымъ лжецомъ, забывая, что ложь есть ремесло дьявола (Прологъ, 30 января). Жаль только, что такіе лживые и безсовѣстные „проповѣдники“ гонятъ въ сѣти смертныя, т. е. въ адъ, тѣхъ темныхъ и простосердечныхъ людей, которые имъ довѣряются, потому что писаніе говоритъ: „Дѣлаяй сокровища языкомъ лживымъ суетная гонить въ сѣти смертныя“ (Притч. 21,4).

М. Е. М.

Архипастырская резолюція объ епархіальныхъ миссіонерахъ.

На постановленіи Кишиневскаго епархіальнаго сѣзда объ упраздненіи епархіальныхъ миссіонеровъ и ихъ помощниковъ на томъ основаніи, что каждый приходскій священникъ долженъ быть миссіонеромъ, преосвященный Кишиневскій Владимиръ положилъ слѣдующую резолюцію:

„Отраднo читать заявленіе оо. депутатовъ, что каждый приходскій священникъ долженъ быть первымъ миссіонеромъ. И если бы сознаніемъ этого долга было проникнуто все духовенство, и облекшись во всеоружіе Божіе, стало бы на стражѣ своей паствы, немолчнымъ учительствомъ просвѣщало и утверждало въ вѣрѣ и послушаніи церкви Христовой, отражало бы всякія лжеученія, тогда и вовсе не было бы нужды въ отдѣльныхъ миссіонерахъ. Но съ грустью я долженъ сказать, что церковное учительство среди большинства духовенства въ забвеніи, что иные тратятъ времени и труда больше на газетныя статьи, нежели на просвѣщеніе темной своей паствы словомъ христіанскаго ученія. Конечно, есть пастыри примѣрно учительные, но такихъ немного. Между тѣмъ, если когда, то особенно въ настоящее время, когда враги св. вѣры, церкви и отечества съ необычайной энергіей и смѣлостью сотнями тысячъ разбрасываемыхъ подпольныхъ прокламацій стараются вытравить изъ души народной вѣру святую, любовь и преданность Царю и отечеству, пастыри духовные должны бодро, скажемъ словами апостола, „встать, преодѣвъ чресла свои истиною и облекшись во броню праведности и обувъ ноги въ готовность благовѣствовать миръ“, проповѣдывать слово истины въ храмѣ и школѣ; должны, по примѣру Божественнаго Учителя, учить народъ всюду; въ домахъ, особенно при исполненіи христіанскихъ требъ, въ полѣ, виноградникѣ, пользуясь для своихъ бесѣдъ примѣрами изъ природы, къ которой такъ близко стоитъ сельская паства. А пока широкаго учительства я не вижу, сокращать число миссіонеровъ считаю преждевременнымъ“.

Распоряженіе епарх. начальства объ уклоняющихся въ расколъ.
Архангельская духовная консисторія слушала рапортъ одного изъ благочинныхъ епархіи съ донесеніемъ, что нынѣ нѣкоторые изъ прихожанъ, бывающихъ въ храмѣ на исповѣди и у св. причастія, молодыхъ людей обоого пола, по настоянію своихъ родителей-раскольниковъ, для вступленія въ бракъ, не желая вѣнчаться въ храмѣ, не смотря на убѣжденія причта, обращаются къ полицейской власти, въ

лицъ мѣстнаго урядника, гдѣ и записываютъ ихъ, какъ мужа и жену чрезъ старообрядческій бракъ. Донося о семъ, благочинный испрашиваетъ руководственныхъ указаній: 1) Слѣдуетъ ли такихъ прихожанъ вписывать въ духовныя росписи какъ мужа и жену и, въ случаѣ обращенія таковыхъ съ просьбою къ причту крестить ихъ дѣтей, какъ поступать? 2) Кто долженъ причту сообщать о сихъ бракахъ для соответственныхъ отмѣтокъ въ духовныхъ росписяхъ? и 3) Должно ли вписывать въ духовныя росписи прихожанъ, склонныхъ къ расколу, а если не должно, то какъ поступать въ такихъ случаяхъ; напримѣръ, въ семействѣ отецъ и дѣти ходятъ въ храмъ, а мать склонна къ расколу, или отецъ и мать склонны къ расколу, а дѣти нѣтъ? Законъ: Разъяснительное опредѣленіе Святѣйшаго Синода отъ 20 декабря 1905 года—8 января 1906 года, № 6676 („Церк. Вѣдомости“ № 4 отъ 28 января 1906 г.). Съ утвержденія его преосвященства приказали, принимая въ вниманіе: 1) Что лицъ, вписанныхъ въ полицейскія метрическія книги, какъ мужа и жену чрезъ старообрядческій бракъ, слѣдуетъ признавать старообрядцами и 2) что въ духовныя росписи, согласно разъяснительному опредѣленію Святѣйшаго Синода отъ 20 декабря 1905 года—8 января 1906 года, за № 6676, слѣдуетъ вносить только лицъ православнаго вѣроисповѣданія, консисторія опредѣляетъ разъяснить благочинному: а) что лицъ, вѣнчанныхъ по старообрядческому браку, въ духовныя росписи, какъ старообрядцевъ, а равно и рожденныхъ отъ такихъ браковъ дѣтей и не крещенныхъ въ православной церкви, не вносить; б) о бракахъ старообрядческихъ должны сообщать причтамъ тѣ лица, на обязанности коихъ лежитъ веденіе полицейскихъ метрическихъ книгъ, и в) склонныхъ къ старообрядчеству не должны признавать старообрядцами, а поэтому ихъ слѣдуетъ вносить въ росписи, какъ православныхъ.

О Т К Л И К И.

Праздные вопросы безпоповца.

Въ редакцію „Колокола“ читатели наши часто обращаются съ просьбой дать отвѣтъ на вопросы, какіе предлагаютъ имъ наши отступники-раскольники и сектанты. Въ цѣляхъ наибольшей популяризаціи полемическо - апологетическаго матеріала нашей противоотступнической миссіи, мы съ большой охотой, въ предѣлахъ, дозволяемыхъ размѣромъ газеты, освѣщали и будемъ освѣщать вопросы, имѣющіе обще-миссіонерскій интересъ. Поступаютъ въ нашу редакцію и такіе вопросы, на которые считаемъ долгомъ откликнуться не столько положительнымъ отвѣтомъ на отступническія вопрошенія (такъ какъ они празды и предлагаются православнымъ людямъ только для искушенія и соблазна), сколько указаніемъ метода къ обличенію въ такихъ случаяхъ расколо-сектантскихъ вопрошателей.

Въ нашей миссіонерской практикѣ нерѣдки были случаи, когда, благодаря искусственнымъ раскольничьимъ вопрошеніямъ, мы переходили изъ оборонительнаго положенія въ наступательное. Намъ, напр., безпоповцы указывали на то, что у насъ плохи архіереи и нукуда не годны священники. А мы спрашивали ихъ, а каковы у васъ архіереи и священники, хорошіе или плохіе? У нихъ совсѣмъ никакихъ нѣтъ... А тутъ и начало для обличенія безсвященнословнаго состоянія безпоповщины, какъ неспасительнаго. Или еще: насъ спрашивали безпоповцы—почему у васъ на проскомидіи употребляется 5 просфоръ? А у васъ, безпоповцевъ, на сколькихъ просфорахъ совершается проскомидія? отвѣчали мы. Да ни на сколькихъ—у нихъ совсѣмъ проскомидія не совершается, по неимѣнію священства.

Такого же рода и тѣ вопросы, которые предлагали нашему читателю г. С.—ну безпоповцы „Спасова“ толка, и съ которыми онъ обратился въ редакцію нашей газеты. Вотъ они: 1) „на какомъ основаніи въ православной церкви посвящаютъ во священники лицъ моложе 30 лѣтъ?“ Мы бы спросили „спасовцевъ,—а у васъ сколькихъ лѣтъ посвящаютъ во священники? Отвѣтъ съ ихъ стороны можетъ быть только такой, что у нихъ совсѣмъ

нѣтъ священства. Отсюда мы предложили бы имъ рѣшить прежде вопросъ, необходима-ли вообще въ церкви Христовой іерархія, и лишь по утвердительномъ съ ихъ стороны рѣшеніи этого вопроса (чего, разумѣется, достигнуть очень не легко), указали бы имъ на то, что православная церковь, при всей своей освѣдомленности въ каноническихъ правилахъ (11 пр. соб. Неокес. и 14 е 6-го вс. соб.) „смотрительно“, по обстоятельствамъ, посвящала въ пресвитерскій санъ и лицъ моложе 30 лѣтъ.

2-ой вопросъ: „почему можно узнать о существованіи антихриста?“ На этотъ вопросъ, указавъ всѣ признаки царствованія антихриста (вып. А. Озерскаго ч. I стр. 377—443), мы останавливались на слѣдующемъ: въ книгѣ Ефрема Сирина (1652 г.), въ словѣ 105 объ антихристѣ, на листѣ 303 об., пишется, что водни антихриста „послетъ Господь Илію еезвитянина и Еноха... яко да покажетъ благовѣрствіе роду человѣческому и проповѣсть съ дерзновеніемъ благоразуміе всѣмъ, да не вѣрують, ни владутся страха ради ложнаго; тѣмъ же вопіють рекуще, льстець есть, о человѣцы, никто же васъ вѣруй нечестивому; никто же отъ васъ послушай мучителя богопротивника; никто же отъ васъ бойся“... Обличители антихриста Илія и Енохъ, какъ учать святоотеческія писанія, явятся въ мірѣ не какъ-нибудь аллегорически, „возводне“, а самымъ своимъ существомъ, лично. Самъ первоучитель раскола протопопъ Аввакумъ писалъ, что „богословцы чувственно имъ глаголють быти“. Безпоповцы учать, что теперь уже царствуетъ антихристъ... Итакъ, предлагали мы затѣмъ старообрядцамъ, „пойдемте, братіе, къ Иліи и Еноху, — они „укажутъ намъ благовѣрствіе“, укажутъ, гдѣ и въ комъ нынѣ антихристъ. Да гдѣ они, Илія и Енохъ-то, спрашиваютъ насъ безпоповцы. Вы не знаете этого потому, что ихъ пока нѣтъ; нѣтъ, значитъ, еще и антихриста, отвѣчали мы.

И такіе наши методистскіе приемы при собесѣдованіяхъ съ безпоповцами, благодареніе Богу, приносили добрые плоды.

Н. Гринякинъ.

PS. Г. С--инъ еще спрашиваетъ насъ, — „не вреденъ-ли журналъ „Старообрядецъ“, сообщите“. Сообщаемъ: журналъ „Старообрядецъ“ заполняется старыми, уже заплесневѣвшими раскольничьими клеветами и хулами на православную церковь, разбавленными новымъ невѣжествомъ, наглою бранью на наши святыни и жидовскою политикой по части нашихъ государственныхъ нуждъ. Вреденъ онъ или нѣтъ съ такимъ содержаніемъ судите, г. С--инъ, сами.

Н. Г.

Еврейское миссіонерство въ Россіи.

(Изъ частной бесѣды).

— Возможно ли еврейское миссіонерство въ Россіи?—спросилъ меня одинъ православный христіанинъ, страшно смущенный тѣмъ, что, проходя по Торговой улицѣ въ Петербургѣ, онъ увидѣлъ на одномъ изъ частныхъ домовъ, рядомъ съ еврейской синагогой, вывѣску: „еврейская миссіонерская школа“... Признаться, это меня страшно смутило. Какъ это,—спрашивалъ я себя,—у насъ на св. Руси, возможно какое-то еврейское миссіонерство, т. е. распространеніе жидовства въ предѣлахъ христіанской державы?

Въ самомъ дѣлѣ, возможно ли у насъ такое миссіонерство, какъ еврейское?.. Допустимо ли оно и терпимо ли вообще среди православія, какъ господствующей въ странѣ религіи,—и тѣмъ болѣе теперь, когда мы уже исторически убѣдились въ томъ, что еврейство сильно своимъ нахальствомъ и настойчивостью? Оно давно не имѣетъ никакого стыда для того, чтобы сознаться въ своей лжи. Оно носить въ себѣ лишь одинъ инстинктъ варвара и ненавистника ко всему не іудейскому.

Для того, чтобы судить о еврейскомъ миссіонерствѣ среди не евреевъ, не нужно забывать, что въ еврействѣ нѣтъ ученія о равенствѣ всѣхъ людей передъ Богомъ. Евреи не знаютъ, что такое—„нѣтъ людей выше и ниже“... „что всѣ они одинаковы отъ природы“...

Семьдесятъ вѣковъ минуло съ тѣхъ поръ, какъ евреи начали пожирать другъ друга, принося въ жертву Ваалу дѣтей и братьевъ, и ихъ дикіе инстинкты въ этой кровожадности не только не ослабли теперь, но даже превзошли все ожидаемое отъ нихъ и они пожрали экономически почти весь міръ... И для того, чтобы спасти человѣчество отъ этого чудовищнаго Молоха XX вѣка, христіанство не можетъ примѣнять въ борьбѣ съ еврействомъ своей идеи мира и любви къ ближнему, такъ какъ звѣрьчеловѣкъ (еврей-талмудистъ) не понимаетъ этой идеи и страшится только одной физической силы и власти надъ нимъ.

„Богъ, говорятъ евреи, какъ безконечно-хищное чудовище міра, уничтожаетъ все во вселенной съ особеннымъ для себя наслажденіемъ, упиваясь его страданіями“... Отсюда и евреи приходятъ въ восторгъ, какъ поклонники Ваала, въ то время, когда имъ приходится терзать свою жертву (не еврея), упиваясь ея мученіями... „И намъ бы только хорошо пожить, да спокойно умереть, говорятъ евреи,—а тамъ хоть и весь адъ пляши надъ нами“... А потому и всякое милосердіе со стороны христіанина къ еврейству становится только смѣшнымъ для еврея...

Итакъ, какую же миссію евреи могутъ держать среди не

евреевъ, кромѣ пропаганды разврата, безчеловѣчности и человѣконенавистничества? Результатъ еврейскаго миссіонерства въ Европѣ у насъ теперь на лицо: вся свѣтская печать міра почти полностью поступила въ собственность евреевъ и ихъ порнографическія изданія ничего другого не стали предлагать міру, кромѣ бездушія вообще, равнодушія къ религіи и невѣрія въ Бога.

— Намъ пока и такъ хорошо,—отвѣтилъ мнѣ одинъ еврей-комиссіонеръ въ Петербургѣ, когда я предложилъ ему вопросъ о томъ, почему это онъ не хотѣлъ принять православія, а перешелъ сначала въ лютеранство? А потомъ и православіе примемъ, когда нужно будетъ,—добавилъ онъ.

— Но и тогда что?—спросилъ я.

— И тогда я все-таки буду евреемъ...

Отвѣтъ характерный и комментаріевъ не требуетъ.

Еврей, рожденный въ іудействѣ, никогда не можетъ быть искренно преданъ христіанству, хотя бы онъ и принялъ святую купель. Послѣдняя нисколько не обязываетъ его отступити отъ іудейства, тѣмъ болѣе, что всякій такой шагъ въ жизни еврея, какъ переходъ въ другую, христіанскую, религію, совершается изъ корыстной цѣли и объ этомъ знаетъ кагалъ, какъ контроль всего еврейства, и поощряетъ его (еврея) на сознательное преступленіе противъ вѣры предковъ своихъ съ тѣмъ клятвеннымъ завѣщеніемъ крещающагося еврея, что онъ будетъ только фарисеемъ въ религіи христіанской, т. е. внѣшнимъ исполнителемъ ея, а внутреннее его вѣчно будетъ предано вѣрѣ отцовъ своихъ. Это было доказано евреями, изгнанными изъ Испаніи за ихъ клятвопреступленіе: когда они явились въ Бордо (Франція), то вновь запустили пейсы, хотя и исповѣдывали католицизмъ въ теченіе 200 лѣтъ, т. е. въ нѣсколькихъ своихъ поколѣніяхъ... Тоже самое намъ случалось наблюдать и въ Россіи, гдѣ крещенные евреи, состоя десятки лѣтъ на государственной службѣ и дойдя до генеральскаго чина, всегда исполняли обрядъ еврейской молитвы у себя на дому подъ субботу, зажигая въ своей отдѣльной комнатѣ свѣчи и повязывая себѣ на лобъ „заповѣди“. А ихъ чиновная грудь украшена крестами...

Возмущаться такимъ клятвопреступленіемъ обязанъ всякій христіанинъ. Но еврей надъ этимъ только смѣется, такъ какъ у него священная клятва есть лишь одна,—данная кагалу,—быть вѣрнымъ религіи своихъ отцовъ,—а та, которую онъ далъ въ часъ принятія имъ христіанства, для него смѣшна и забавна, такъ какъ онъ смѣется надъ православіемъ и надъ христіанствомъ вообще.

Можно ли поэтому думать, чтобы еврей, принявшій христіанство, былъ вѣренъ его догматамъ? Этого не было, нѣтъ и не будетъ во вѣкъ. И напрасно было бы думать, что еврей, фарисействуя передъ вами, посмѣлъ бы измѣнить своей клятвѣ, данной имъ передъ кагаломъ, ибо онъ знаетъ, что нарушеніе такой клятвы влечетъ за собою вѣчную месть его роду и „тайную смерть“ ему самому; тайную потому, что его призываютъ исполнители кагала въ „тайное мѣсто“ и тамъ его убиваютъ... Такими фактами полна исторія еврейства. Это значитъ „палки въ колеса

вставлять“, какъ говорить кагалъ; мстящій клятвопреступнику своему.

— Намъ самимъ эти формы шею даютъ,—говорилъ мнѣ тотъ же еврей-комиссіонеръ въ Петербургѣ, о которомъ я упомянулъ выше,—но мы измѣнить имъ не можемъ, потому что на этомъ построена вся наша общественная (т. е. кагалъная) жизнь; этимъ путемъ мы пожираемъ все, что намъ можно и должно пожрать, хотя бы оно стоило миллионъ христіанскихъ жизней. И съ этой почвы жизни насъ не сдвинули многія тысячелѣтія, и не сдвинуть, конечно, никогда, т. е. до послѣдняго сына Израиля.

— Но вѣдь это все, что вы мнѣ сказали,—замѣтилъ я еврею,—есть вѣчная мечь; но за что и кому вы мстите?

— За вѣчное изгнаніе насъ, всѣмъ народамъ міра.

— Но вѣдь это жестоко?

— Таковъ законъ Моисея. Онъ жестокъ и неумолимъ. Возставшій противъ него Христосъ только еще болѣе укрѣпилъ насъ въ немъ, потому что мы теперь знаемъ, что противъ насъ еще поставлена значительная сила и мы съ ней должны бороться. И уже на половину ее сломили. А надломленное дерево долго не простоитъ. Его теперь качаетъ подъ легкимъ дуновеніемъ вѣтерка. Но что будетъ потомъ, когда настанетъ буря? Вамъ говорить объ этомъ нечего. Вы самъ хорошо понимаете, что первая же волна народной стихіи повалитъ это дерево въ прахъ...

— Если такъ, вы надломили уже древо христіанства, путивъ въ его жизнь ядъ порнографіи,—какъ то видно изъ вашихъ дѣйствій во всемъ мірѣ,—но зачѣмъ же еще вамъ понадобилась „школа миссіонерства“, и это въ самой столицѣ Россіи, въ Петербургѣ, подъ престоломъ государства?

— А зачѣмъ, чтобы поскорѣе покончить намъ съ ненавистнымъ врагомъ своимъ.

— То-есть съ христіанствомъ?

— Да... Мы уже во Франціи обезвѣрили власть. Комбъ нашъ миссіонеръ. Онъ уничтожилъ религію сверху. Въ Венгріи мы давно хозяйва своего дѣла. Тамъ христіане открыто переходятъ въ іудейство.

— Такъ вы того же добиваетесь и здѣсь?

— Добились уже. Наша власть надъ міромъ не за горами. Она стоитъ за вашими плечами... И вы не замѣтите, какъ она покоритъ ваше сердце.

— Но у насъ еще останется душа.

— Это звукъ пустой. Ваша душа есть миражъ. При первомъ же дуновеніи вѣтерка съ нашей стороны онъ незамѣтно разсѣется. Смѣлость города беретъ. А мы смѣлы и неумолимы... Таковъ законъ Моисея. Онъ суровъ, но нуженъ для насъ... Еще двѣ тысячи лѣтъ тому назадъ Аристотель говорилъ, что рабы всегда нужны будутъ государству, пока ткацкій станокъ самъ не будетъ работать и лодка сама не поплыветъ противъ теченія. И мы, зная этотъ законъ природы, строго соблюдаемъ его правила и не даемъ людямъ случая вырваться изъ нашего экономическаго рабства.

Еврей забылъ другой естественный законъ, также не менѣе суровый, чѣмъ законъ Моисея, это именно то, что самоуслаждение однихъ создаетъ протестъ другихъ, причемъ преступленіе внизу находится въ причинной связи съ легкомысленнымъ грѣхомъ наверху... Но людская природа неизмѣнна въ своей сущности и ея утонченіе и усовершенствованіе всецѣло зависитъ отъ плодовъ-собирабельнаго труда человѣчества, которое использовало тысячелѣтіе на освобожденіе избранныхъ, но съ помощію послѣднихъ должно въ болѣе короткій срокъ освободить угнетенныхъ. А что еврей дѣлаетъ? Закрѣпощая послѣднихъ, онъ создаетъ государству кадръ недовольныхъ людей настолько, что они готовы проклясть весь міръ за то, чтобы понять, какъ имъ можно освободить себя изъ языческаго рабства. Націоналисты-патріоты наши давно уже поняли космополитовъ-евреевъ въ отсутствіи ихъ патріотизма и нелюби къ собственному отечеству, въ которомъ имъ некого эксплуатировать, потому что тамъ всѣ эксплуататоры и имъ не съ кѣмъ вести племенной вражды, безъ которой еврей жить не можетъ, ибо это его стихія. А между тѣмъ самая пламенная и сознательная любовь къ родинѣ, какъ у насъ, напримеръ, русскихъ, не только не исключаетъ благожелательныхъ и братскихъ отношеній къ другимъ народамъ, но, напротивъ, еще развиваетъ ее вокругъ себя, какъ христіанскій благой принципъ, всецѣло признавая это стремленіе обезпечивающимъ пользою совмѣстной работы безъ потерь отъ взаимной борьбы.

Въ 1870 году Францію побѣдилъ нѣмецкій учитель... Побѣдилъ бы міръ зла и ненависти и русскій учитель, если бы онъ не былъ космополитъ и гнусный порнографистъ, не терпимый эксплуататоръ чувства православнаго человѣка, все еще доврчиваго до глубины души своей всякому доброненавистнику и во всякомъ его злонамѣренномъ дѣйствіи.

Рыцарей христіанской любви и Мининыхъ и Пожарскихъ въ Россіи въ наше время очень немного осталось, да и тѣ эпитируются блаженными, эпилептиками и даже сумасшедшими. А правда, выраженная ихъ устами, признается глупостью, не заслуживающей ничьего вниманія.

Такъ вотъ при какихъ условіяхъ движеніе общественной мысли ХХ вѣка побѣдоносно шествуетъ впередъ по пути растлѣнія нравовъ православныхъ людей.

Еврейское миссіонерство среди православныхъ чудовищное зло. Оно возвращаетъ насъ къ міросозерцанію Хеопса, которому для довершенія постройки своей пирамиды ничего не стоило отдавать собственную дочь „на прокатъ“ первому встрѣчному изъ его подданныхъ для того, чтобы тотъ доставилъ ему хотя одинъ камень на постройку его пирамиды (Геродотъ). И это дѣлаетъ евреи для цѣлей привлеченія къ себѣ расположенія вліятельныхъ лицъ (рассказъ Тургенева „Жидъ“).

При такомъ еврейскомъ миссіонерствѣ въ Россіи, возможна ли какая-либо борьба со зломъ нравственнаго растлѣнія русскаго народа? Укажите, читатель.

С. Глѣбовъ.

Въ преддверіи всероссійскаго церковнаго собора.

Періодическая печать о церковной реформѣ.

I.

Нѣсколько предварительныхъ словъ. — Какъ встрѣтила періодическая печать прогрессивная и консервативная вѣсть о церковной реформѣ. — Отправныя точки зрѣнія печати на реформу. — Привѣтствія либеральной печатью связи вопроса о церковной реформѣ съ освободительнымъ движеніемъ. — Кому либеральная печать приписываетъ заслугу возбужденія вопроса о реформѣ? — Перемѣна взгляда этой печати на реформу, а вмѣстѣ и отношенія къ ней. — До чего договаривалась либеральная печать. — Отношеніе къ реформѣ консерваторовъ. — Ихъ опасенія и недоумѣнія. — Основные принципы, съ какими либералы и консерваторы подходятъ къ дѣлу церковному.

На океанѣ русской періодической печати въ половинѣ марта 1905 года возникла и быстро высоко поднялась волна, воплощающая въ себѣ коллективную мысль общества о грядущемъ коренномъ преобразованіи всего строя нашей церковной жизни. Были моменты, когда волна эта доминировала надъ всѣми прочими, даже той, которая отражала въ себѣ роковую нашу войну съ Японіей. Мысль о коренной церковной реформѣ, о ея сущности и потребностяхъ, непрерывной волной докатилась по океану печати и до настоящихъ дней. Не пропадала, не исчезала эта волна даже и въ такіе исключительные моменты, какъ время предъ выборами въ Г. Думу, въ самые выборы и въ періодъ дѣятельности Думы.

Мысли, выраженные въ печати о церковной реформѣ, хотя бы и до извѣстной степени, отражаютъ въ себѣ отношеніе русскаго общества, по крайней мѣрѣ, многихъ слоевъ его къ дѣлу церковному. По одному этому мысли эти заслуживаютъ полнаго вниманія. Пусть онѣ неодинаково цѣнны, неодинаковаго достоинства. Пусть нѣкоторыя изъ нихъ слабы и даже лживы. Въ тѣхъ случаяхъ, когда необходимо знать мнѣніе по тому или другому предмету всего общества, а не отдѣльной его части или партіи, тогда и слабая, и даже ложная мысль можетъ имѣть свою цѣну.

Обиліе мнѣній и предположеній о церковной реформѣ такъ велико, что можетъ быть сравнено съ „моремъ великимъ и пространнымъ“. Поэтому, для того, чтобы съ надлежащею полнотою и обстоятельностью разобраться въ нихъ, потребовалось бы написать не журнальную статью, а нѣсколько обширныхъ томовъ. И мы вынуждены для настоящей статьи взять лишь нѣкоторые частные вопросы, да и по нимъ иногда ограничиваться однимъ лишь указаніемъ темъ или даже передачею только впечатлѣній.

Вопросомъ о церковной реформѣ печать дружно и усердно занялась немедленно же, какъ только возникъ этотъ вопросъ. И прогрессивный, и консервативный лагери ея, какъ бы спѣша другъ передъ другомъ, устанавливали свои отправныя точки зрѣнія на церковную реформу вообще.

Поводомъ къ обсужденію въ печати вопроса о преобразованіи русской православной церкви послужила извѣстная „записка“ 32-хъ столѣчныхъ священниковъ, появившаяся 17-го марта въ „Церковномъ Вѣстникѣ“ (№ 11-й). Интересъ къ вопросу сильно подогрѣли газетныя сообщенія о предпринятыхъ въ этомъ направленіи шагахъ высшихъ представителей церкви и С. Ю. Витте. Интересъ еще болѣе усилился чрезъ опубликованіе записокъ С. Ю. Витте („Слово“ отъ 28 марта) и митрополита Антонія (ibid.), извлечение изъ контръ-записки К. П. Побѣдоносцева (напр. „Русь“ отъ 27 марта). Не замедлили обнаружиться и самыя факты: всеподданнѣйшій докладъ св. Синода (выработанный на засѣданіяхъ 15, 18 и 22 марта) о созваніи собора епархіальныхъ епископовъ для учрежденія патриаршества и для обсужденія перемѣны въ церковномъ управленіи и Высочайшее соизволеніе на созваніе собора, послѣдовавшее 31 марта. Эти факты давали печати обильную пищу для разсужденій о дѣлѣ церковномъ.

Тотчасъ послѣ своего появленія „записка 32-хъ“ привлекла къ себѣ общее вниманіе; но сочувствіе самой запискѣ послѣдовало лишь со стороны печати либеральной и радикальной. Эта часть печати какъ бы во всемъ соглашалась съ запискою и ставила въ вину авторамъ ея только „направленіе ея по начальству“.

Газеты усмотрѣли въ „запискѣ“ прежде всего протестъ духовенства противъ гнета той же бюрократіи, на которую уже громко раздавались всеобщія жалобы и съ радостью поспѣшили констатировать, что духовенство не осталось чуждо „освободительному движенію“.

Такъ „Нов. Время“,—болѣе осторожное, чѣмъ другія газеты,—перепечатавъ на другой же день (18 марта) полностью „названную записку“, выразилось, что она дышетъ стремленіемъ къ свободѣ церковной, а затѣмъ въ слѣдующемъ № (19 марта) помѣстило жестокую статью противъ чиновниковъ въ духовномъ вѣдомствѣ; въ № отъ 20 марта

напечатало письмо еп. Антонина съ упоминаніемъ о пѣпяхъ, коими церковь прикована къ рукѣ центуріона. Это письмо епископа газета сопроводила тревожною статьей по поводу изытія вопроса о пересмотрѣ государственнаго положенія православной церкви изъ Особого Совѣщанія при комитетѣ министровъ и передачи его въ Св. Синодъ на обдумываніе одного министра; статья заканчивалась недвусмысленной цитатой о „думномъ дьякѣ, въ приказахъ посѣдѣломъ, добру и злу внимающемъ равнодушно“.

Оттяжкой въ разрѣшеніи дѣла церковной реформы печать особенно возмутилась. Она настойчиво требовала немедленнаго осуществленія реформы. „Новое Время“, въ № отъ 21-го марта, резюмируетъ протестъ „добраго сонма бѣлыхъ русскихъ священниковъ“ противъ униженія представителей церкви предъ чиновниками словомъ: „да не будетъ этого униженія!“ И само подписывается подъ этими словами; въ слѣдующемъ № (отъ 22 марта) газета подчеркиваетъ рѣшимость духовной іерархіи „мужествовать“ въ дѣлѣ достиженія независимости сужденій о дѣлахъ (отъ чиновниковъ) и, въ связи съ этимъ, сообщаетъ о единогласномъ рѣшеніи Синода о необходимости введенія патріаршества въ Россіи и о созывѣ всероссійскаго собора изъ высшихъ представителей церкви. — „Бирж. Вѣдомости“ въ № отъ 23 марта назвали „раскрѣпощеніе церкви отъ чиновно-бюрократическаго режима и охранно-государственныхъ обязанностей“ первымъ и вѣрнымъ шагомъ къ возвращенію ей истинной свободы духа; „злѣйшій врагъ, выразилась газета, не могъ бы завѣщать церкви горшаго наслѣдія, чѣмъ чиновничество, по существу противное и враждебное ея духу“... Картину самовластия и пренебреженія вице-мундара къ рясу изображаетъ въ „Русскомъ Словѣ“ свящ. Г. Петровъ (№ отъ 24 марта). „Слово“ въ № отъ того же числа сочло нужнымъ выразить надежду, что начавшееся въ духовенствѣ движеніе не замретъ, засохшій кумиръ падетъ не сегодня, такъ завтра, и находившаяся въ параличѣ церковь встанетъ со своего одра.—„Русь“ въ № отъ 25 марта приводитъ мнѣніе, что у насъ нѣтъ церкви, а есть министерство, чиновникъ, задавившій русскую жизнь, задавилъ и русскую церковь. „И какъ русская общественная жизнь, говоритъ газета, вдругъ почувствовала себя до невозможности стѣсненной въ томъ руслѣ, которое заботливо приготовила ей бюрократія, такъ и церковь вдругъ проснулась отъ двухсотлѣтней летаргіи, и первымъ ея жизненнымъ вздохомъ было слово, которое стало теперь лозунгомъ всей мыслящей Россіи...—свобода. Осуществленіе этого великаго слова необходимо церкви совершенно въ той же мѣрѣ, какъ и всей Россіи“. „Освобожденію церкви отъ гнета міра нельзя не сочувствовать“, заявилъ и „Силь Отчества“ въ № отъ того же 25 марта. Но наибольше

ярко подчеркнули связь вопроса о церковной реформѣ съ освободительнымъ движеніемъ „Русскія Вѣдомости“ (№ отъ 27 марта). „Не осталось ему (движенію), пишетъ газета, чуждымъ и православное духовенство... Современное мощное общественное теченіе вырвалось и въ эту доселѣ мертвенную область,—и чѣмъ скорѣе церковь освободится отъ давящаго ее бюрократическаго гнета, тѣмъ лучше и отраднѣе будетъ для всѣхъ истинныхъ сыновъ ея“.—Точно также и по взгляду Д. С. Мережковскаго (см. „Новости“ № 82-й отъ 30 марта), „освободительныя стремленія, высказанныя русскимъ духовенствомъ, составляютъ лишь отголосокъ общаго политическаго движенія, которымъ захвачено русское общество“.

Связь возникновенія вопроса о церковной реформѣ съ политическимъ движеніемъ въ обществѣ не отрицается и самимъ духовенствомъ. Такъ, напр. проф. петербургскаго университета, прот. М. И. Горчаковъ высказалъ: „изъ всѣхъ концовъ Россіи раздавались голоса призыва къ освобожденію, и эхо этого призыва проникало подъ своды огражденной отъ него бюрократіей церкви“ (см. „Новости“, № 87-й, отъ 5 апрѣля).

Въ „эхѣ призыва“, о которомъ говоритъ прот. Горчаковъ, инія изъ наиболѣе компетентныхъ въ вопросѣ лицъ и видятъ причину возникновенія вопроса о церковной реформѣ. Ѡ. Д. Самаринъ въ предсоборномъ присутствіи со всею рѣшительностью заявилъ: „ни для кого не тайна, что наше церковно-освободительное движеніе возродилось и ведется не на церковной почвѣ“ („Колоколь“, № 101-й). И по словамъ преосвящ. Волынскаго Антонія, „пресловутое освободительное движеніе“ не безучастно, не особнякомъ стоитъ отъ церкви, но „надвигается на церковь“ („Колоколь“, № 100-й).

Въ либеральныхъ газетахъ ярко высказывалась мысль, что если бы духовенство и самостоятельно дедумалось до мысли о необходимости церковной реформы, то у него не хватило бы смѣлости такъ рѣшительно высказать ее. Поэтому духовенство отнюдь не должно ставить себѣ въ какую-либо заслугу возбужденіе вопроса о церковной реформѣ, обѣщающей для церкви новое свободное положеніе въ государствѣ. Заслуга эта принадлежитъ исключительно либеральной печати. Духовенство лишь воспользовалось чужимъ трудомъ, чужими страданіями. „Не ударивъ палецъ о палецъ, говорятъ „Новости“ (№ 30-й отъ 28 марта), духовенство всѣмъ обязано интеллигенціи, испекшей, какъ оказывается, каштаны для тѣхъ, кто всегда относился къ ней съ ожесточеніемъ и ненавистью“. Впрочемъ въ той же статьѣ „Новостей“ высказывалось, что спеціально печеніемъ каштановъ для духовенства интеллигенція тоже не занималась, а они какъ то нечаянно для самой интеллигенціи испеклись сами собой. „Раскрѣ-

пощеніе“ духовенству интеллигенція доставила, по выраженію газеты, „мимоходомъ“.

Единодушныя привѣтствія либеральной и радикальной печати церковной реформѣ вытекали, однако, изъ безотносительной оцѣнки реформы „съ точки зрѣнія извѣстныхъ принциповъ“ общесоветительнаго характера. Когда же эта печать стала вдумываться въ послѣдствія реформы въ будущемъ, въ возможное усиленіе авторитета и значенія церкви при новомъ строѣ ея существованія, тутъ уже привѣтствія охладѣли, прекратилось ихъ единодушіе. Мало того въ прогрессивную печать, на той-же почвѣ свободы церкви отъ бюрократическаго гнета, стало закрадываться сомнѣніе, перешедшее затѣмъ въ отрицательное отношеніе сначала къ отдѣльнымъ, намѣчавшимся подробностямъ церковной реформы, а затѣмъ и ко всему дѣлу реформы церкви.

„Разсвѣтъ“ уже въ № отъ 26-го марта выраженную духовенствомъ готовность примкнуть къ возродившемуся бурному движенію называетъ фактомъ хотя и знаменательнымъ, но однако не вызывающимъ умиленія въ паствѣ, не обѣщающимъ творческаго обновленія.— „Новости“ въ №-рѣ отъ 27 марта проектированную реформу обозвали „реакціонной реформой“, означающей въ сущности, яко-бы „лишь возвратъ къ XVII в., жестокому, суровому и темному“. Предполагаемая реформа церкви, будто бы, таитъ въ себѣ великую духовную опасность и особенно для свободы совѣсти людей свободомыслящихъ и вообще невѣрующихъ. Существованіе такихъ людей неизбежно и терпимо во всемъ мірѣ и потому церковь, подчиненная государству, должна была считаться съ ними. Церковь же свободная, независимая отъ государства, утверждаетъ газета, всегда можетъ организовать систематическія религіозныя преслѣдованія всѣхъ, недостаточно, по ея мнѣнію, вѣрующихъ. И это для нея тѣмъ легче сдѣлать, что „у насъ вообще нельзя жить внѣ религіи. У насъ нѣтъ ни гражданскаго брака, ни гражданскихъ похоронъ. И нѣтъ сомнѣнія, увѣряетъ она, съ усиленіемъ власти господствующей православной церкви положеніе людей не религіозныхъ станетъ совершенно невыносимымъ“. Такъ разсуждала газета въ № отъ 27 марта. Черезъ день (29 марта) она прямо заявила, что нечего радоваться „раскрѣпощенію церкви“, что это „чужая радость“, что „надо оставить въ покоѣ этотъ чуждый намъ міръ: его радость—не наша радость, его горе—не наше горе, у насъ тамъ нѣтъ надеждъ и намъ тамъ нечего опасаться“... И все это потому, что церковь „всегда“—де являла себя охранительнымъ началомъ, а ея представители „всегда относились къ интеллигенціи и ея вождямъ съ высокоумѣрной, хотя и безсильной враждой“. Въ стремленіи церкви къ свободѣ „Новости“ усмотрѣли даже серьезную опасность для

самаго освободительнаго движенія, съ которымъ, нѣтъ надежды, чтобы духовенство слилось. Подъ влияніемъ этой опасности либераламъ стали сниться преудивительные сны. Такъ г. Новикову, бывшему бакинскому городскому головѣ, а еще раньше—попечителю Козловскихъ, Тамбовской г., церковныхъ школъ, приснилось, будто архи-бюрократъ гр. Витте, въ союзѣ съ митр. Антоніемъ и съ молчаливаго согласія К. П. Побѣдоносцева, рѣшили создать въ лицѣ патріарха могучую консервативную силу, на которую обопрется государство въ борьбѣ съ освободительнымъ движеніемъ. Этотъ свой поистинѣ удивительный сонъ г. Новиковъ разсказалъ въ „Сынѣ Отечества“ (см. „Мисс. Обзор.“, м. апр. въ ст. В. Скворцова).—Въ статьѣ „Свободная церковь въ несвободномъ государствѣ“ (№ 81-й отъ 30 марта) „Новости“ уже вполне откровенно высказали, что „русскаго человѣка можетъ прельстить неотдѣленіе церкви отъ государственной власти, а полное освобожденіе всякаго живущаго на русской землѣ отъ церкви и кошмара христіанскаго государства.

Итакъ, крайняя либеральная печать, начавъ съ единодушныхъ привѣтствій по адресу иниціаторовъ церковной реформы, скоро чрезъ какія-нибудь двѣ недѣли, на ряду съ ликующими возгласами при видѣ новой арены борьбы съ бюрократизмомъ, стала помѣщать такія статьи, въ которыхъ отрицались не только все дѣло церковной реформы, но и самая церковь.

Должны, однако, замѣтить, что эту точку зрѣнія „Новостей“ раздѣляла далеко не вся либеральная печать. Съ теченіемъ времени въ печати этой стало опять преобладающимъ желаніе быстрой и коренной реформы строя церковной жизни и иногда съ открытымъ выраженіемъ надежды сдѣлать церковь союзницею освободительнаго политическаго движенія“.

Иначе отнеслась къ дѣлу реформы церкви охранительная, консервативная печать. Она и въ тѣхъ статьяхъ, которыя въ принципѣ признавали необходимость и пользу церковной реформы, хотя и не во всемъ намѣчавшемся ея объемѣ, забила тревогу по поводу „скороспѣлости“ реформы, „реформы, какъ выразились „Моск. Вѣдомости“ (въ № отъ 24 марта), въ семь дней“. „Русское Дѣло“ въ особомъ прибавленіи къ № отъ 24 марта высказало: „чѣмъ желательнѣе церковная реформа, тѣмъ нежелательнѣе послѣднее, необдуманное ея осуществленіе въ настоящее именно столь смутное время“.—Послѣдность петербургскихъ реформаторовъ осудилъ и „День“ (московская газета), назвавъ при этомъ петербургское изобрѣтеніе „неканоничнымъ и неправославнымъ“ (№ отъ 27 марта).—„Феноменальная быстрота“, съ какою выступила на сцену церковная реформа, смутила и издателя „Гражданина“. А „газетный жаргонъ“ о церкви, какъ

1907.

Февраль.

XII.

МИССИОНЕРСКОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

ЖУРНАЛЪ ВНУТРЕННЕЙ МИССІИ.

№ 2

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типо-литографія Т-ва «СВѢТЪ» Невскій, 136.
1907.

Редакція „Миссіонерск. Обозр.“
Невскій, 153. Телеф. № 222—26.

Содержаніе февральской книжки

журнала „Миссіонерское Обозрѣніе“ за 1907 годъ.

Вѣчныя задачи пастырства и ихъ отношеніе къ культурнымъ теченіямъ послѣдняго времени. Іеромонахъ <i>Макарій</i>	171—182
Нормальная школьная система образовапія, какъ залогъ нашего истиннаго прогресса. Докторъ математики <i>П. А. Некрасовъ</i>	183—194
Къ вопросу о церковности, какъ дидактическомъ принципѣ. Свящ. <i>Николай Каменевъ</i>	195—198
Христіанское освѣщеніе жгучихъ соціальныхъ и государственныхъ вопросовъ нашей современности. <i>В. П. Базаряниновъ</i>	199—213
Къ вопросу о православіи арх. Михаила. <i>Николай Маковецкій</i>	214—239
Панфипская пропаганда въ Русской Карелии. Докладная записка іеромонаха <i>Кипріяна</i>	240—248
Къ исторіи секты бесѣдниковъ. Миссіонеръ свящ. <i>А. Урбанскій</i>	249—257
По слѣдамъ раскольничьихъ дѣятелей. <i>Н. Гринькинъ</i>	258—268
Лѣтопись печати: Возстановленіе истины. (Противъ замѣтки Ив. Болдинова на корреспонденцію „Въ пользу миссіи“). Миссіонеръ <i>Яковъ Глаголевъ</i>	269—276
Отвѣтъ журн. „Старообрядецъ“ на замѣтку начетчика миссіонера. („Старообрядецъ“ №12—1906 г.). <i>Д. Граціанскій</i>	276—278
Библиографія. Свящ. <i>П. Сильвестровъ</i> . Изложеніе ежедневныхъ евангельскихъ чтеній. Свящ. <i>А. Виноградовъ</i>	278
<i>Д. М. Березкинъ</i> . Во тьмѣ вѣковой. Повѣсть и три разсказа изъ быта хлыстовъ, скопцовъ и бѣгуновъ <i>П. Козицкій</i>	279—281
Протоіерей <i>Іоаннъ Чижевскій</i> . Изложеніе ученія святой Православной Каѳолической Восточной церкви о вѣрѣ Христовой, а также о поведеніи и обязанностяхъ ея чадъ. <i>С. А. В.</i>	282—285
Миссіонерство, старообрядчество и секты. Сектантскій съѣздъ въ столицѣ.—Дробленіе сектантства въ Закавказьѣ.—Усиленіе мистицизма и новая легенда.—Сознаніе необходимости распространенія въ народѣ религіозно-нравственнаго чтенія.—Выпады противорелигіознаго хулиганства.	286—291
Миссіонерскіе съѣзды представителей архангельской и финляндской епархіи и мѣры борьбы съ протестантствомъ и сектанствомъ	292—307
Вѣстникъ Миссіонерскаго Обозрѣнія. Объ узаконеніи расколосектантскихъ браковъ и о веденіи гражданскихъ книгъ старообрядцами	308—311
Уставъ приходскаго миссіонерскаго кружка по Псковской епархіи. Ремесленная школа для дѣтей духовенства. Какъ раскольничьи ругатели православія избѣгаютъ обличенія на бесѣдахъ. <i>К. Корезинъ</i> . Отвѣтъ о. Евфимію Зубареву. Свящ. <i>Димитрій Александровъ</i>	311—315
Отклики. Христосъ и „духъ времени“. <i>А. Корсунъ</i> . Православнымъ пастырямъ и народу о самодержавіи. <i>Архим. Сильвестръ</i>	316—328
Въ преддверіи всероссійскаго церковнаго собора. (Періодическая печать о церковной реформѣ). <i>И. Преображенскій</i>	7—24
Издательница <i>Ю. А. Сжворцова</i>	
Редакторъ <i>В. М. Сжворцовъ</i>	

Вѣчныя задачи пастырства и ихъ отношеніе къ культурнымъ теченіямъ послѣдняго времени.

I.

Если бы спросить нашихъ пастырей, какая задача пастырскаго служенія, то нѣкоторые скорѣе всего отвѣтили бы: содѣйствовать нравственному совершенствованію людей; а если бы указали и на первую цѣль пастырства—приводить людей къ спасенію, примирять людей съ Богомъ, то все же для насъ осуществленіе этой главной цѣли менѣе понятно и ясно, чѣмъ осуществленіе первой, непосредственно нами сознаваемой. Однако, когда мы цѣлью пастырства полагаемъ общее нравственное совершенствованіе и не отдѣляемъ специально религіознаго характера пастырскаго служенія, то нѣтъ у насъ основаній для кореннаго отличія этого служенія отъ служенія педагогическаго и другихъ, преслѣдующихъ цѣль нравственнаго возвышенія общества, такъ какъ естественныя условія нравственнаго воздѣйствія на людей во всѣхъ этихъ служеніяхъ совпадаютъ. Основаніе къ своему особому высшему положенію среди другихъ служеній пастырство имѣетъ въ характерѣ высшей, сверхъестественной благодатной жизни, къ которой оно возводитъ людей, поставляя ихъ выше границъ земнаго человѣческаго существованія. Насколько, во-первыхъ, истинно то, что небесная, божественная жизнь существуетъ внѣ и независимо отъ человѣка, во-вторыхъ, насколько истинно то, что каждый человѣкъ въ мѣру своихъ силъ можетъ сподобиться этой жизни (примѣромъ опытно чему являются святые люди), настолько пастырство является понятнымъ именно въ самой высокой основной своей идеѣ и цѣли—привести людей къ блаженству богообщенія, опытно достигаемаго еще въ земной жизни. Всякій человѣкъ, даже и такой, который нормально не имѣетъ религіознаго чувства вслѣдствіе отсутствія религіозныхъ упражненій

заглушилъ въ себѣ, все-таки имѣетъ въ душѣ нѣкоторое мистическое влеченіе, похожее на религіозное чувство: это-то основное въ человѣкѣ чувство отражается не только во всѣхъ формахъ религіи, но и въ поэзіи, какъ такомъ продуктѣ человѣческаго творчества, въ которомъ человѣкѣ влечется къ высшему, таинственному, сверхчувственному бытію, которое здѣсь опредѣляется чертами случайными и неопредѣленными, но все же мыслится, какъ нѣчто такое, что выше низшаго матеріальнаго міра и выше нашихъ условныхъ понятій о счастіи и добрѣ. Это-то мистическое влеченіе человѣческой души къ Богу, служащее залогомъ всякой религіозной жизни, тѣмъ крѣпче въ христіанствѣ, что идеаль жизни здѣсь уже сознанъ и опытомъ людей частію уже достигнутъ, по слову Спасителя, что вѣрующій въ Него будетъ пить воду живую, т. е. будетъ причастенъ благу богообщенія и будетъ удовлетворенъ.

Какъ посредники въ сообщеніи людямъ вотъ этого блага высшей религіозной жизни, состоящей въ дѣйствительной близости человѣка къ Богу, пастыри въ самомъ способѣ воспріятія своего служенія имѣютъ указаніе на мистическій, духовный характеръ своего служенія, на назначеніе свое быть вдохновителями другихъ въ религіозной жизни. Такъ какъ эту высшую религіозную жизнь пастыри передаютъ людямъ не механически, а чрезъ подвигъ свободнаго воплощенія этой жизни въ себѣ, чрезъ укрѣпляемое въ душѣ религіозное воодушевленіе, чрезъ собственные порывы религіознаго стремленія къ Богу, то и таинство священства, вводящее ихъ въ это служеніе, не виѣшнее символическое только дѣйствіе, дающее извѣстное полномочіе, но таинство надъ душою: въ немъ пастырю не только дается право священнодѣйствовать, но и образуется въ немъ душа священнодѣйствующая, обращенная къ міру вѣчному и горящая любовію къ ближнимъ.

Сила и власть совершать священнодѣйствія, данныя пастырю въ таинствѣ священства по порядку установленнаго Богомъ домостроительства спасенія человѣка, могутъ оставаться дѣйственными въ немъ и при отсутствіи высоты христіанскаго настроенія, хотя есть и указана въ каноническихъ правилахъ та степень упадка нравственнаго настроенія въ священнослужителѣ, при которой онъ лишается по суду Церкви своихъ іерархическихъ правъ. Въ этой данной власти совершать таинства заключается одна сторона таинства—объективная, но

сохраняетъ всю свою силу и сторона субъективная, которая даетъ начало пастырскому подвигу и указываетъ ему направленіе. Въ таинствѣ священства въ сердцѣ пастыря сходитъ огонь божественной ревности о спасеніи своемъ и своихъ ближнихъ, онъ получаетъ ощущеніе высшей религіозной жизни, опытное вкушеніе блага общенія съ Богомъ и вотъ эту-то сторону таинства, не въ равной мѣрѣ открывающуюся для всякаго, должно какъ воспринять свободнымъ стремленіемъ къ христіанской жизни и духовному возрожденію людей, такъ и поддерживать должно тѣмъ же свободными порывами религіознаго духа. Въ этой сторонѣ пастырство является хотя имѣющимъ общую основу, но и крайне индивидуальнымъ, сообразно идеально-самоотверженному настроенію cadaго человѣка и духовной работѣ cadaго надъ самимъ собою.

Такимъ образомъ существенную сторону таинства священства составляетъ усвоеніе чрезъ актъ молитвеннаго общенія съ Богомъ высшаго религіознаго настроенія, а съ нимъ уже и настроенія нравственнаго, такъ какъ и священство не есть только моральное, общественное служеніе, но есть прежде всего служеніе религіозное, служеніе для неба, а не для земли.

Указанный нами религіозный характеръ служенія пастырства должно имѣть въ виду каждому готовящемуся къ нему при обсужденіи мотивовъ, предрасполагающихъ къ его принятію, а всѣмъ пастырямъ для опредѣленія истиннаго его направленія и задачи. Имѣя въ виду кандидатовъ священства, мы сказали бы, что нравственныя побужденія, настраивающія тѣхъ или другихъ лицъ къ принятію священства и просвѣтительныя или даже религіозно-просвѣтительныя цѣли не могутъ однѣ образовать твердаго наклона къ пастырству, если въ чловѣкѣ самое основное чувство религіозное мертво и нѣтъ его живыхъ проявленій. Если бы желающій быть пастыремъ хотѣлъ облегчать внѣшнія страданія людей, если бы онъ хотѣлъ имъ сообщать умственное просвѣщеніе, даже религіозное, но болѣе теоретическое, если бы даже онъ стремился къ нравственному возвышенію людей, при слабости развитія религіознаго чувства и имъ непосредственно указываемаго смысла жизни, онъ можетъ не тяготѣть къ пастырству и, при идеальной своей настроенности, можетъ вступить на другіе пути нравственнаго общенія съ людьми и воздѣйствія на нихъ. Что неодо-

лимо влечетъ къ пастырству, это его спеціально таинственная сторона, и у кого душа приспособлена къ усвоенію ея, того влеченіе къ пастырству твердо и конечно уже правильно. Въ сознаніи человѣка религиозно-нравственной мысль о пастырствѣ связана съ чувствомъ глубокой привязанности къ религиозному идеалу жизни и на глубинѣ религиознаго настроенія зиждется глубина влеченія къ пастырству. Обычно у людей съ глубокой душою, воспитаніемъ, собственнымъ навыкомъ, а наиболѣе дѣйствиємъ благодати, Божіей образуется столь сильная привязанность къ церковной атмосферѣ жизни, что представить себя оторваннымъ отъ этой жизни они не могутъ. Съ этою жизнію они себя чувствуютъ внутренно слитыми и не отъ одной привычки, а потому, что ихъ захватила струя духовной благодатной жизни, и лишиться имъ этой жизни значить лишиться чего-то необходимаго, важнаго, свѣтлаго, отраднаго. Уйти изъ этой атмосферы для человѣка кажется какъ бы разорвать душу, потерять въ ней что-то крѣпко-сросшееся съ нею и ее поддерживающее. А такъ какъ удаленіе отъ пастырства и можетъ повести къ такому упадку религиознаго чувства въ человѣкѣ, то несомнѣнно правдиво и то ощущеніе, которое испытывается человѣкомъ религиозно-настроеннымъ, что удалиться отъ пастырства при предназначеніи къ нему по воспитанію и духовному образованію значить какъ бы дальше отойти отъ вѣры, отъ Бога, погрязть болѣе въ суетѣ и впасть въ мучительную неудовлетворенность. Что религиозное влеченіе есть основной стимулъ къ принятію пастырства, это выражено въ троекратномъ обращеніи Господа къ Апостолу Петру, когда, спрашивая Апостола о любви къ Нему, Онъ говорилъ ему послѣ того каждый разъ: «паси овцы моя». При религиозномъ влеченіи человѣка даже опасеніе недостатка своихъ силъ, неподготовленности не служитъ задерживающимъ основаніемъ къ принятію пастырства. Религиозность, вѣра при такомъ настроеніи влекутъ къ себѣ сильно и заставляютъ вѣрить въ достиженіе счастья, какъ состоянія внутренней гармоніи и какъ достиженія задачъ, положенныхъ въ жизни и главнымъ источникомъ этой вѣры служитъ надежда быть близкимъ къ Богу, приобщиться таинственной церковной жизни. Религиозное настроеніе окрыляетъ человѣка и онъ не смущается отсутствіемъ постоянной рѣшимости служить добру, отвергать себя ради ближнихъ, потому что эти настроенія малодушія, холодности не представляются ему вѣчнымъ настроеніемъ,

онъ надѣется на перемѣну ихъ и жизнь пастырская, таинственная жизнь духа, въ которой находится идеальный пастырь, представляются ему условіемъ, при которомъ можно въ душѣ дорогое не только сохранить, но и образовать. Эту надежду болѣе всего поддерживаетъ высокій благодатный таинственный характеръ пастырскаго служенія.

II.

Мы указали на таинственную сторону въ священствѣ, чтобы охарактеризовать пастырское служеніе въ полнотѣ и въ существенныхъ чертахъ, чтобы показать нормативное взаимоотношеніе всѣхъ сторонъ въ немъ, чтобы опредѣлить основной духъ пастырскаго служенія, оживляющій всѣ соединенныя съ нимъ роды дѣятельности. Путь этого служенія—это путь любви, создаваемой духомъ церковности, религіозности, который есть и единственно истинная, высокая, плодотворная атмосфера воспитанія души пастыря и самая дѣйствительная среда для воспитанія всѣхъ христіанскихъ душъ. Въ христіанскомъ настроеніи мы отводимъ первое мѣсто религіозному чувству, какъ исходящу внутренней духовной жизни человѣка, какъ средоточію всѣхъ возможныхъ дѣйствительно цѣнныхъ идеальныхъ стремленій человѣка, хотя мы знаемъ, что эта мысль настолько мало допускается въ сознаніи общества, что характеристика людей людьми церковными берется, какъ признакъ выраженія односторонности въ религіозно-нравственномъ развитіи человѣка, какъ недостатокъ энергичной нравственной дѣятельности, или даже въ такомъ направленіи жизни усматривается подмѣна истиннаго пути самовоспитанія формою жизни, образующей лицемѣрное, неискреннее настроеніе. Если имѣть въ виду характеристику религіозной жизни въ Словѣ Божіемъ, то здѣсь мы встрѣтимъ точное указаніе на всегдашнюю связь религіозности и любви. Считать любовь и вѣру началами разъединенными и особенно беспокоиться о томъ, чтобы человѣкъ, имѣя религіозность, не остался чуждъ любви, это значитъ принижать религіозное чувство, горделиво возвышать свою любовь предъ любовію, воспитываемою съ помощію благодати Божіей чрезъ религіозность, а если фактъ такого разъединенія встрѣчается, то въ такомъ случаѣ должно говорить не только о недостаткѣ настроенія любви, но и религіозности, и если бы позаботиться о возстановленіи истинной религіозности, то она дала бы истинные свои плоды.

Все то нравственно-доброе, что есть въ человѣческихъ нравственныхъ стремленіяхъ, все это входитъ въ религіозный идеалъ жизни и осуществляется на дѣлѣ. Вѣра христіанская есть религія любви, нравственнаго совершенствованія, не только возвѣщающая ученіе о любви и совершенствѣ, но научающая любви и совершенству. Ни на какой почвѣ не образуется такая глубокая и постоянная любовь, какъ на почвѣ живой вѣры, когда вѣра выступаетъ во всей силѣ ея вліянія на человѣка, когда она является не однимъ внѣшнимъ долгомъ и обязанностію, но живую потребностію души, истинною жизнію ея, а такую вѣра становится тогда, когда она дѣйствительно осуществляетъ тѣсное единеніе наше съ Богомъ и чрезъ Него такое же единеніе со всѣми ближними.

Любовь къ Богу и ближнимъ и при всякой ступени вѣры, есть душа вѣры, все, что другое дано въ вѣрѣ, есть тѣло, служащее обнаруженіемъ того, что дано въ душѣ или направлено, какъ возбуждающее средство къ вызову духовныхъ плодовъ чрезъ внѣшніе знаки. Если таково взаимоотношеніе вѣры и любви, то не другая основная стихія молитвы—какъ любовь, не другая цѣль ея, какъ именно стяжаніе любви, и если спросить, почему мы говоримъ, что въ молитвѣ нужно искать высшаго счастья человѣку, потому,—нужно сказать,—что въ молитвѣ приобрѣтается сила духовной любви человѣка къ Богу и ближнимъ. Для того и молиться постоянно заповѣдуются, чтобы постояннымъ сохранялось указанное чувство любви къ Богу и ближнимъ. Вся церковная жизнь организована для того, чтобы воспитать въ человѣкѣ это духовное чувство, и святые подвижники Божіи всякое религіозное упражненіе совершаютъ съ сознаниемъ его значенія для религіозной жизни, съ сознаниемъ его вліянія на душу, на подъемъ настроенія религіознаго и настроенія нравственнаго.

III.

Если на нѣсколько времени оторваться отъ теперешняго теченія событій, въ круговоротъ которыхъ подчасъ вовлекаются и пастыри, то предъ нами возстанетъ, какъ наиболѣе замѣтное, одно направленіе, которому отдавали люди свои силы и которое для многихъ казалось выше направленія, указуемаго церковно-христіанскимъ идеаломъ жизни, это такъ богато развитое въ литературѣ направленіе, призывающее

всѣхъ къ служенію людямъ, къ водворенію между ними счастья, любви.

Удивительно, что направленіе, какое переживается теперь, хотя совершенно чуждое Церкви, но стремится нерѣдко выступать подъ знаменемъ Церкви, тогда какъ это направленіе развивалось особо отъ Церкви и въ связь съ послѣднею не обнаруживало попытокъ вступить.

Если говорить объ основной причинѣ, раздѣлявшей эти видимо сродные идеалы—церковію возвѣщаемый и проводимый въ литературѣ, то конечно откроется, что не во имя любви здѣсь первый идеаль вступилъ въ противовѣсь второму, а во имя другихъ началъ. Мы полагаемъ, что не недостатокъ въ религіозномъ идеалѣ любви отвлекаетъ нѣкоторыхъ отъ этого идеала, а отсутствіе религіозной вѣры—у „литературной“ любви, а противное его самолюбію соотношеніе цѣлей его жизни личной и общеміровой, если выражаться языкомъ философскимъ, или точнѣе Божественной, при которомъ средоточіемъ любви человѣка, и всего человѣчества является Богъ, а любовь человѣка во всѣхъ ея проявленіяхъ отъ этого Высшаго Источника любви мыслится происходящею,—вотъ что неохотно воспринимается человѣкомъ падшимъ, имѣющимъ въ душѣ противорелигіозное влеченіе къ отъединенію отъ Бога. Самостную цѣль, возвышеніе своего „я“ человѣкъ преслѣдуетъ иногда, удовлетворяя и самымъ высокимъ своимъ идеальнымъ стремленіямъ, но въ религіозной жизни отъ человѣка требуется отказаться отъ этого несвойственного ему, какъ тварному бытію, направленія жизни, когда онъ себя одного считаетъ источникомъ бытія и дѣятельности. И въ силу этого нежелательнаго для человѣка направленія религіозной жизни онъ отъ нея отступаетъ, хотя, само собою разумѣется, и человѣкомъ это сознается, что чрезъ эту зависимость отъ Бога его жизнь сдѣлалась бы въ необъятное число разъ богаче, содержательнѣе, могучѣе. Самое понятіе любви въ послѣднемъ случаѣ берется недостаточно полно и широко и во всякомъ случаѣ несоотвѣтственно Евангельскому идеалу, отчего, имѣя любовь къ людямъ, несвободную отъ страстей и произрастающую еще на ихъ корнѣ, человѣкъ самоувѣренно преувеличиваетъ достоинство своего нравственнаго настроенія и не ищетъ любви болѣе возвышенной, данной въ христіанствѣ, какъ закона вѣчной жизни, а не устроенія только земного существованія. Какъ бы человѣку ни хотѣлось забыться, но служеніе идеѣ

временной не может не охлаждать идеальныхъ порывовъ, ибо даже идеальная жизнь, въ которой осуществляются даже законы любви, съ отрицаніемъ безсмертія духа человѣческаго, котораго залогъ онъ пріобрѣтаетъ въ единеніи съ Духомъ Безконечнымъ, предъ сознаниемъ челоѣка будетъ выступать при глубинѣ размысленій, какъ жизнь безцѣльная, сама себя не оправдывающая. Понятіе любви къ ближнимъ, чтобы быть твердымъ принципомъ нравственной жизни, предполагаетъ наличность дѣйствительнаго блага въ насъ самихъ, которымъ можетъ быть только благо вѣчное, которое есть та же любовь, но только не человѣческая, но Божественная, усваиваемая въ вѣрѣ Церкви. Идеаль религиозный, любовь Божественная должны лежать въ основѣ естественнаго идеала любви, чтобы придать этому идеалу твердость.

Мало можетъ успокаивать наше сознаніе безотчетная вѣра въ прогрессъ человѣческой жизни, которая внушаетъ намъ надѣяться, что другія позднѣйшія поколѣнія пріобрѣтутъ то, что мы теряемъ сами, т. е. жизнь.

Здѣсь, въ этомъ объективномъ началѣ, дается твердый базисъ для сохраненія должной нормы любви, для предупрежденія какихъ либо односторонностей въ ея проявленіи, для сообщенія ей всегдашняго нравственнаго характера. Если мнѣ предстоитъ нравственная необходимость для ближняго пожертвовать своею жизнію, но у меня появляется мысль, не лучше ли для меня сохранить свою жизнь, чтобы принести пользу многимъ, то при руководствѣ естественнымъ ученіемъ о любви я пожалуй сочту себя и правымъ, прикрываясь тоже повидимому высокимъ мотивомъ, но съ точки зрѣнія Евангельской я поступаю недостойно. Ни мыслю о необходимости продолженія жизни для меня, ни мыслю о необходимости ея для близкихъ я не могу оправдываться въ отсутствіи у меня самоотверженнаго желанія положить жизнь свою за ближняго. «Ибо кто погубитъ душу, тотъ въ животь вѣчный сохранить ю», и благо ближнихъ, «зерно пшеничное, если падеть и не умретъ, останется одно, а если умретъ, то сотворитъ плодъ многъ». Здѣсь для меня и открывается невозможность жертвовать нравственными принципами для внѣшняго матеріальнаго блага людей при религиозномъ идеалѣ жизни.

Если пока не думать объ объективныхъ основахъ нашего нравственнаго настроенія и имѣя естественныя формы его обнаруженія су-

дѣль о нихъ самихъ по себѣ, то здѣсь опять открывается, что хотя идея служенія ближнимъ есть наивысшая гуманитарная идея, достойная того, чтобы ею воодушевлялись сердца идеальныя, но она есть только идея, требующая сама для себя основы, чтобы перейти въ дѣйствительность. Предполагаемое этою идеею устроеніе жизни не осуществляется такъ скоро, какъ думаютъ, ибо человѣкъ не возвышается до соответствующаго этой идеѣ настроенія любви собственными своими силами. Хорошо, если въ насъ есть сознаніе обязанности любить ближнихъ, есть твердо поставленная цѣль дѣлать имъ добро, но самое чувство любви вѣдь въ насъ не всегда присутствуетъ и въ минуты помраченнаго настроенія намъ должно напрягаться принуждать себя къ любви при холодности, апатіи, нравственной утомленности. Отъ этихъ состояній уже душевнаго расслабленія, въ насъ не всегда будетъ то воодушевленіе подвигами любви, о какомъ говорятъ писатели, раскрывающіе этотъ идеаль сь своей естественной точки зрѣнія, и если намъ будетъ легко любить людей въ минуты духовнаго подъема, то въ минуты потери этой радости любви въ насъ не будетъ силы противостоять настроенію противоположному. Тогда нельзя найти просвѣта въ представленіи испытаннаго счастья любви, или испытанное счастье дѣлается неощутительнымъ при мучительномъ духовномъ разладѣ, а нужна именно опора, внѣ нашего личнаго настроенія лежащая, купина — вѣра въ Высшую Силу, оберегающую добро въ мірѣ и въ нашей душѣ.

Естественное чувство ослабленія силъ душевныхъ, собственныя душевныя страданія, когда они не озаряются свѣтлою, разумною, радостною идеей, могутъ также отнимать энергію у нашего чувства любви къ ближнимъ. Даже взятое, какъ оно есть въ людяхъ, идеальное чувство не есть прочно сложившееся чувство сь высокимъ дѣятельнымъ характеромъ: оно часто есть болѣе чувство эстетическое, чувство наслажденія любовію, насъ плѣняющее, а не самая дѣйствительная любовь.

Примѣровъ, когда люди, поставлявшіе цѣлю жизни любить ближнихъ и служить на ихъ пользу, отъ встрѣтившихся неудачъ теряли эту любовь, а сь ней увѣренность въ смыслѣ жизни, бываетъ не мало. Если бы идеаль любви былъ идеаль вполне твердый, то этихъ испытываемыхъ радочарованій въ осуществленіи его не было бы. При

своей пустотѣ высокія слова о любви не поднимуть нравственной энергіи въ человѣкѣ.

Религіозный же идеаль жизни, соединяясь съ идеальнымъ настроеніемъ, даетъ послѣдному прочную опору. Человѣкъ при религіозномъ міросозерцаніи остается всегда вѣрнымъ своей идеѣ, такъ какъ и при тяжелыхъ опытахъ жизни, ослабленіи идеальнаго настроенія въ самомъ себѣ или слабаго вліянія его на жизнь другихъ, приближеніе къ Богу, какъ цѣль жизни, остается у человѣка неизмѣнно прочнымъ. Черезъ религіозное настроеніе любовь къ людямъ возводится на степень любви благодатной, т. е. возгрѣваемой въ человѣкѣ Божественнымъ Духомъ, и дѣлается по глубинѣ и силѣ своей, не имѣющей въ своемъ развитіи границъ, какъ можно видѣть это изъ святоотеческой литературы.

Конечно, вліяніе вѣры на нравственную жизнь признается большинствомъ людей, но практически это вліяніе иногда сказывается слабо. Это происходитъ оттого, что вѣра находится у насъ часто на ступени теоретическаго воззрѣнія, а не обращается въ настроеніе сердца, не становится живымъ чувствомъ черезъ молитву, черезъ церковное самовоспитаніе. Живая церковная религіозная жизнь есть именно прежде всего живая молитва, приобрѣтенный навыкъ такой живоѣ молитвы.

Какъ жизнь въ Богѣ, молитва есть всепроникающее начало въ религіозной и нравственной дѣятельности человѣка по святоотеческому ученію. Въ область истиннаго религіознаго чувства входитъ какъ постоянное переживаніе душою чувствъ къ Богу, такъ и переживаніе чувствъ къ людямъ, при возгрѣваніи въ себѣ настроенія любви, смиренія, самоотреченія и друг. Въ постоянномъ возбужденіи въ себѣ этихъ чувствъ, при подавленіи въ себѣ чувствъ противоположныхъ, состоитъ воспитываемая посредствомъ всѣхъ церковныхъ установленій духовная жизнь, совершаемая съ столь великими бореніями, но дающая минуты высшаго, неизреченнаго блаженства и все болѣе насъ приближающая къ постоянному блаженству. Въ этомъ приобщеніи черезъ христіанскую борьбу къ истинному благу богообщенія дается человѣку возможность осуществлять нравственныя задачи съ удовлетвореніемъ. Полнаго удовлетворенія, всегдашняго, добродѣтель естественная не приноситъ, потому что въ ней хотя человѣкъ и возвы-

шается надъ уровнемъ жизни плотской, но къ Богу, какъ Источнику блаженства, не приближается.

Конечно, если кто, имѣя побужденія чистыя, искалъ бы именно вѣчныхъ основъ, на какія мы указали, то онъ бы ощутилъ ихъ присутствіе тамъ, гдѣ онѣ даны. Здѣсь, конечно, должно быть мѣсто вѣрѣ въ опытъ людей, уже воплотившихъ въ себѣ начала церковной жизни и осуществившихъ по силѣ этотъ вѣчный законъ единенія Творца съ Своими тварями, т. е. вѣра въ церковь.

IV.

Дѣлая изъ сказаннаго выводы для характеристики истиннаго направленія пастырства, его задачъ и цѣли, мы должны сказать, что за всѣми другими благами для самого пастыря лежитъ основное благо— раскрытая нами религиозная жизнь, имѣя которую, мы всегда будемъ способны воодушевляться пастырствомъ, всегда будемъ смотрѣть на него, какъ на служеніе, дающее человѣку высшее удовлетвореніе и счастье, хотя бы мы даже лично и не приняли его. Въ пастырствѣ, духъ котораго человѣкомъ постигнуть, разочароваться невозможно, а оказывающееся разочарованіе обнаруживаетъ лишь то, что блага религиозной жизни, насаждаемой чрезъ пастырство, человѣкъ разочаровающійся не испыталъ и, слѣдовательно, не можетъ судить съ точки зрѣнія своего субъективнаго настроенія о служеніи пастырскомъ. Согласно сказанному, въ истинномъ пастырѣ или по крайней мѣрѣ не имѣющемъ въ своемъ настроеніи ничего противнаго настроенію пастыря, ревность пастырскую существенно поддерживаетъ положительная цѣнность блага, изъ опыта ему извѣстная, добро вѣчное, которое, испытанное однажды, привлекаетъ къ себѣ душу навсегда и заставляетъ все забыть, чтобы овладѣть этимъ добромъ. Испытывая благо самъ, пастырь самымъ душевнымъ влеченіемъ понуждается къ сообщенію этого блага другимъ, такъ какъ чрезъ это привлеченіе другихъ къ религиозному счастью полнота его собственной духовной жизни усиливается, и живое пастырство мыслимъ мы поэтому только въ новой церковно-христіанской жизни, въ живомъ отношеніи лица,

имѣющаго это званіе къ церкви, всѣмъ ея учрежденіямъ, къ молитвѣ, таинствамъ, богослуженію.

Если обратиться къ нашей литературѣ, то въ произведеніяхъ пастырскихъ, особенно преосвященнаго Антонія, архіепископа волынскаго, раскрывается весьма осязательно, какая глубокая связь находится между нравственнымъ настроеніемъ пастыря и его собственно церковнымъ служеніемъ, какая истинная цѣль всѣхъ таинственныхъ установленій, руководящихъ насъ ко спасенію, какъ живая дѣятельность произрастаетъ на почвѣ религіознаго воодушевленія, развиваемаго въ церковности, какія отличительныя черты въ зависимости отъ этихъ своихъ основъ получаетъ любовь пастырская въ отличіе отъ всякой другой любви. Тѣ же мысли обнаруживаютъ предъ нами обликъ самыхъ высокихъ духовныхъ пастырей вселенскихъ и нашихъ русскихъ. Эти пастыри созданы духомъ Церкви, выросли въ атмосферѣ Церкви и до своего настроенія поднялись чрезъ великія свои нравственныя усилія и чрезъ благодатную помощь Божію, чрезъ тотъ путь жизни, какой указываетъ Церковію.

Иеромонахъ Макарій.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Нормальная школьная система образования, какъ залогъ нашего истиннаго прогресса.

Изъ записки П. А. Некрасова, председателя Родительскаго Комитета С.-Петербургской Введенской гимназіи.

«Духа не угашайте!» и «Да будетъ свѣтъ!»

Нормальная школьная система образования, воспитывающая въ учебныхъ заведеніяхъ человѣческую культуру, развивается судьбами исторіи при помощи трехъ существенныхъ взглядовъ: 1) научнаго педагогическаго взгляда, 2) взгляда нравственнымъ смысломъ семьи, какъ родовой ячейки государства и общества, и 3) взгляда центрального управленія всею совокупностью школъ.

Этимъ взглядамъ соотвѣтствуютъ корпоративныя силы педагогич., семьи и центра, правильное приложеніе которыхъ и бережетъ школьную зрѣющую культуру, носящую въ себѣ будущее. Разстройство школьнаго образования указываетъ на необходимость исправленія самыхъ условій отбора и приложенія этихъ же силъ и ихъ средствъ къ учебно-воспитательному дѣлу.

Вопросы эти занимали меня, какъ профессора одной изъ основныхъ научныхъ и педагогическихъ кафедръ, управлявшаго школьною культурою и участвовавшаго въ комиссіяхъ и совѣщаніяхъ, обсуждавшихъ, начиная съ 1899—1900 года, условія улучшенія средней школы.

По основному взгляду моему необходима правильная постановка этихъ вопросовъ не только въ кругу педагоговъ, но и въ кругу семействъ. Родители, а теперь и родительскіе комитеты призваны беречь среднюю школу въ интересахъ ихъ дѣтей. Средняя школа переживаетъ упадокъ и перестаетъ дѣйствовать нормальнымъ образомъ

на развитіе учениковъ. Необходимо не только педагогамъ, но и родителямъ учениковъ разобратъ прежде всего въ главныхъ причинахъ упадка школы и средствахъ устранить ихъ, а затѣмъ перейти къ исправленію и деталей.

Эти главныя причины я и буду трактовать здѣсь, чтобы выяснитъ коренныя мѣры исправленія. Эти главныя причины кроются въ самой организаціи силъ школьной системы. Эту организацію нужно имѣть въ виду на первомъ планѣ при выработкѣ и проведеніи въ жизнь неотложной реформы школьной системы народнаго образованія. Нужно реформою отобрать прежде всего силы.

Начну отъ высотъ и кровли педагогическаго и отъ центрального управленія.

§ 1. Удачное исправленіе общихъ и частныхъ пороковъ и болѣзней школьной системы находится въ рѣшительной зависимости отъ умѣнья центрального органа прислушиваться систематически къ голосамъ педагогическихъ силъ и къ возгласамъ семьи, приходящей въ прямое столкновение съ пороками дѣйствующей системы и ея примѣненій на мѣстахъ. Высшая повѣрка эта требуетъ постоянныхъ практическихъ совѣтовъ отборнаго педагогическаго корпоративнаго института, извѣстнаго подъ именемъ философскаго факультета или высшей нормальной школы (*école normale supérieure*) или главнаго педагогическаго института. Этотъ институтъ способенъ при направленіи учебно-воспитательныхъ системъ давать удачныя совѣты и имѣть внушительное профессиональное значеніе. Этотъ корпоративный консультантъ разрѣшаетъ коллизіи, происходящія въ школьной жизни, не столько формальнымъ судомъ, сколько научно-цѣлебнымъ совѣтомъ, спасительнымъ для воспитываемой культуры.

Но тутъ-то и начинается бѣда исторіи русской культуры: высшаго педагогическаго или философскаго факультета этого рода въ Россіи не существуетъ. Онъ когда-то былъ подъ именемъ Главнаго Педагогическаго Института, да исчезъ около полустолѣтія тому назадъ. Эта роковая ошибка культурной судьбы Россіи и была одного изъ главныхъ коренныхъ причинъ разстройства всей школьной системы и разстройства дѣятелей школы. Начальное и среднее образованіе находятся въ соотвѣтствіи съ высшенациональнымъ культурнымъ духомъ, который вслѣдствіе указанной исторической ошибки былъ разсѣянъ по

вѣтру, потерявъ свою высшую корпорацію и концентрацію. Изъ трехъ слязъ: 1) педагогичи, 2) центрального управленія школьною системою и 3) семьи, первая, являющаяся духовнымъ двигателемъ школы по пути къ нормальному ея состоянiю, постепенно регрессируется, разлагается, деморализуется самымъ фактомъ ея разсѣянiя и центробѣжности. Годъ отъ году шло это паденiе, замѣтное для наблюдательнаго глаза и для историко-статистическаго учета, но не замѣтное для профана или для ненаблюдательнаго историка.

Петербургскія и Московскія совѣщанiя, которыхъ я былъ участникомъ и свидѣтелемъ, дали, начиная съ 1899—1900 года, цѣлые томы профессорскихъ и учительскихъ сужденiй объ учушенiи средней и элементарной школы. Затѣмъ многіе педагоги—профессора и учителя подвели этому многотомному анализу синтезъ, строго опредѣливши наилучшіе циклы начального и средняго образованiя. Но всѣ эти выводы прямо или косвенно свидѣтельствуютъ объ одномъ: дѣло реформы школьной системы не можетъ пойти нормальнымъ путемъ, пока высшенациональный педагогическій духъ не будетъ изъ разсѣянiя собранъ въ факультетскую нормально-педагогическую или научно-философскую корпорацію.

Цѣльность этой корпораціи для улучшенiя средней и элементарной школы нужно опредѣлять тремя валютами: 1) по значенiю ея для правильной подготовки педагоговъ-профессоровъ и учителей средней школы и учительской семьварии, 2) по значенiю ея для академической разработки учебно-воспитательныхъ методовъ, постоянно движущихся впередъ, и 3) по значенiю ея въ роли ученаго консультанта-практика (учено-учебнаго комитета) при управленiи учебными заведенiями,—консультанта, помогающаго исправленiю дѣйствующихъ порочныхъ системъ не канцелярскими только, а цѣлительными научными методами разъясненiя недоразумѣнiй и улучшеннаго направленiя учительской практики.

Теперешній учено-учебный комитетъ собранъ отъ всѣхъ факультетскихъ вѣтровъ, кромѣ педагогическаго факультетскаго духа. Между тѣмъ человѣческая культура, зрѣющая въ школьной нивѣ, требуетъ особой педагогической спеціальности, поставленной не ниже и не хуже другихъ спеціальностей, представляемыхъ своими факультетами и высшими учебными заведенiями, какъ корпораціями для отбора идей

и профессионально дисциплинированныхъ людей. Педагогію не слѣдуетъ ставить какимъ-то приспѣшникомъ прочихъ факультетовъ, питающимся отбросами ихъ и не имѣющимъ своего факультетскаго убѣжища отбирающаго свои профессиональныя силы и идеи.

Историко - филологическій, физико - математическій, юридическій, богословскій и медицинскій факультеты и всѣ политехникумы, будучи компетентными въ своихъ собственныхъ нормальныхъ специальностяхъ, являются диллетантами въ специальной педагогической наукѣ и въ ея дидактическихъ искусствахъ. Высшее исправленіе ошибокъ и пороковъ педагогической техники и общая духовная гигиена школьной культуры регулируются своими собственными факультетскими принципами, вѣрными требованіямъ вѣчныхъ истинъ, природѣ зрѣющаго человѣка, текущему жизненному спросу и зрѣющему историческому будущему Россіи.

Всѣ прочіе факультеты и политехникумы культурно вывѣтриваются отъ гибели педагогическаго факультета; ибо всѣ высшія школы питаются ученичествомъ средней школы и общими нормами педагогической профессіи.

Есть „удешевленные“ проекты улучшенія учительской подготовки и учительской практики. Многія изъ проектируемыхъ системъ этого рода суть важныя, но лишь подсобныя необходимыя мѣры: онѣ будутъ хороши только тогда, когда онѣ будутъ имѣть надъ собою хорошо выстроенную профессиональную самостоятельную факультетскую кровлю.

Отобрать изъ разсѣяннаго народа, способныхъ составить талантливую факультетную педагогическую корпорацію, возможно, если захотѣтъ это сдѣлать и не пожалѣть средствъ. Въ этомъ отборѣ корпораціи и состоитъ первый краеугольный камень дѣйствительной реформы школьной системы. Валюта этой корпораціи учитывается не только въ отдаленномъ будущемъ, когда созрѣетъ культурный посѣвъ новыхъ учителей, но и немедленно. Немедленную прибыль настроенія дадутъ ближайшія консультаціи этого высшаго педагогическаго духа при вниманіи къ нему центрального правящаго органа. Можно быть увѣреннымъ, что явленіе научно-философскаго факультета въ этой центростремительной валютѣ оздоровитъ многихъ теперешнихъ ненормально подготовленныхъ, но большею частію преданныхъ дѣлу профессоровъ, учителей и учительницъ, которые потеряли лишь аккордъ, но спо-

собны вибрировать болѣе соотвѣтственно, какъ только почувствуютъ надъ собою толковаго профессиональнаго дирижера, поддерживаемаго центральнымъ органомъ, обществомъ и семьями, для которыхъ этотъ цѣлительный культурный регентъ столь желателѣнъ по существу дѣла.

Останется, конечно, дисгармонирующая часть профессоровъ и учителей, привыкшая либо къ ремесленной рутинѣ, либо къ превращенію кафедръ въ публицистическую и политическую трибуну: но время и наблюдение исправятъ и эти недостатки.

Совѣтъ министра народнаго просвѣщенія, какъ культурно-судебная инстанція, рѣшающая коллизіи между ненормальною педагогіей и семьями, воспитывающими дѣтей школьнаго возраста, долженъ также получить свою корпоративную свободу дѣйствія, необходимую для вѣрнаго третейскаго рѣшенія важнѣйшихъ культурныхъ споровъ между педагогическою камерою и родительскою камерою. Между тѣмъ этотъ совѣтъ корпоративно почти не дѣйствуетъ, почти не призывается къ изслѣдованію пороковъ школьной системы и къ культурному суду надъ ними, особому (*sui generis*), отличному отъ всѣхъ видовъ нынѣшняго формальнаго суда.

§ 2. Начерчу затѣмъ по содержанію наукъ тотъ типъ факультетскаго педагогическаго духа, который я считаю необходимымъ и цѣлесообразнымъ для возрожденія нормальной школьной системы образованія и о которомъ я многократно трактовалъ въ своихъ монографіяхъ, брошюрахъ и дскладахъ, всегда настаивая на томъ, что начальный и средній учебно-воспитательные циклы, служащіе для культивированія челоуѣка въ разныхъ возрастахъ и стадіяхъ развитія до „мужа совершенна“, выстраиваются подъ высшенаучнымъ цикломъ факультетской педагогической школы. Въ пониманіи наукъ этого высшаго цикла, я близко схожусь съ проф. Д. И. Менделѣевымъ.

Факультетскіе предметы высшаго нормальнаго педагогическаго института обвиняются слѣдующими кафедрами: 1) Богословіе съ исторіей церкви, религіи и сектъ, 2) Педагогика съ методикою начального и средняго цикловъ образованія, 3) Философія съ логикою и психологіей въ ихъ исторіи до нашей современности включительно, 4) Правовѣдѣніе, преимущественно философія права и русское право, 5) Высшая ариеметика, теорія вѣроятностей, политическая экономія, кадастръ, счетоводство и статистика, 6) Филологія иностранная, рус-

ская и славянская, 7) Классическая филологія и литература, 8) Литература общая и русская, 9) Исторія общая и всемірная съ исторіей художествъ, 10) Географія общая и русская, 11) Математика во всѣхъ ея важнѣйшихъ системахъ, теоріяхъ, построеніяхъ и методахъ изслѣдованія и исправленія, 12) Механика теоретическая и практическая, 13) Геодезія, картографія, астрономія и космографія, 14) Физика опытная и теоретическая и метеорологія, 15) Химія опытная и теоретическая, 16) Минералогія, геогнозія и геологія, 17) Ботаника съ анатоміей, физиологіей и географіей растений, 18) Зоологія съ физиологіей, бактеріологіей и гигиеной, 19) Технологія механическая и химическая, 20) Сельское хозяйство съ его важнѣйшими частями.

Духъ преподаванія этихъ факультетскихъ предметовъ тѣсно связанъ съ подборомъ вѣрной и даровитой корпораціи профессоровъ и ихъ ближайшихъ помощниковъ.

Общіе теоретическіе предметы этого факультета должны носить научно-философскій характеръ съ освѣщеніемъ ихъ происхожденія, назначенія и примѣненія. Это освѣщеніе должно имѣть въ виду соотвѣтственные образовательные предметы среднеучебныхъ заведеній и учительскихъ семинарій, преслѣдуя главную конечную цѣль педагогическаго факультета—выработку педагогическаго искусства и подготовку учителей средней школы и учительской семинарін.

Богословіе, право, естествовѣдѣніе и исторія должны преподаваться такъ, чтобы средняя и начальная школы получали учителей, способныхъ воспитывать челоуѣка, христіанина и гражданина и способныхъ стройно согласовать Законъ Божій и гражданское законовѣдѣніе вмѣстѣ съ элементарными понятіями строя исторической и жизненной культурной народной коопераціи или сложнаго причиннаго образованія явленій и дѣйствій, увеличивающихъ вѣрностью долгу и добросовѣстностью частное и общее народное благосостояніе.

Политическую экономію необходимо соединять съ высшею ариеметикой и теоріей вѣроятностей, чтобы отнять у экономическихъ наукъ, статистики и исторіи народной жизни ихъ теперешнюю безмѣрную лживость, разстраивающую вѣру въ дѣлахъ и правильность кооперативныхъ отношеній. Необходимо выяснить значеніе высшеариеметическихъ моральныхъ функцій, управляемыхъ присяжными коронно-

народными институтами и контрольными учреждениями, кои изслѣдуютъ въ каждомъ дѣйствіи на вѣру его честность и законѣрность и увеличиваютъ нравственные и матеріальные кредиты и обороты честныхъ коопераций. Необходимо научить учителей преподавать элементы высшей ариметики, теоріи вѣроятностей и счетоводства въ средней школѣ, принимая во вниманіе, что важнѣйшіе изъ этихъ законовъ мѣры, числа и вѣса должны входить въ циклъ общеобязательныхъ предметовъ всякой средней школы и имѣть отраженіе въ начальной школѣ въ миниатюрномъ объемѣ, соотвѣтствующемъ возрасту.

Изъ прикладныхъ наукъ въ факультетскій циклъ нормальной педагогической школы вводятся тѣ, кои могутъ входить въ среднія учебныя заведенія и учительскія семинаріи.

Основные пособія при каедрѣ педагогики суть: 1) гимназія и 2) учительская семинарія съ лабораторными условіями, обучающими народныхъ учителей преподаванію промышленныхъ и техническихъ искусствъ и культурныхъ ремеслъ. Проф. Д. И. Менделѣевъ рекомендуетъ имѣть при институтѣ (Училищѣ Наставниковъ) опытное поле въ нѣсколько сотъ десятинъ.

Всѣ учительскія школы и педагогическіе курсы считаются подсобными по отношенію къ ихъ кровлѣ, представляемой высшимъ нормальнымъ педагогическимъ институтомъ.

Каедрa педагогики научно изслѣдуетъ содержаніе и духовное вліяніе дисциплинъ и учебно-воспитательныхъ системъ и методовъ на учащихся всѣхъ ступеней школьнаго процесса, разсматривая: 1) начально-элементарное образованіе (младшій школьный возрастъ, обнимающій теперешнюю начальную школу и младшіе классы гимназій), 2) среднее образованіе (старшій возрастъ гимназій) и 3) высшее образованіе, изучаемое въ смыслѣ педагогическаго искусства и подготовки профессоровъ и въ смыслѣ основной регистраціи, коллективированія и классификаціи всѣхъ высшихъ наукъ и искусствъ, которыя соотвѣтствуютъ современнымъ знаніямъ и заслуживаютъ внесенія въ музеи института и въ энциклопедію педагогическаго факультета для проведенія въ жизнь и народное сознаніе посредствомъ школьной системы образованія.

Фребелевское воспитаніе, обнимающее дошкольное попеченіе семьи и общества о дѣтяхъ и имѣющее важное значеніе для послѣдующаго школьнаго образованія, также должно быть изслѣдуемо каедрою педагогики.

Учебно-воспитательныя общеобразовательныя системы каждаго цикла рисуются, какъ миниатюры, въ соотвѣтствіи съ общими требованіями всей великой культуры. Но спеціализація, развивающая индивидуальную трудоспособность и соотвѣтствующая раздѣленію труда въ дѣйствительной жизни, не должна исчезать въ общемъ и цѣломъ, которое является стволемъ для органическихъ и спеціальныхъ развѣтвленій.

Нормальная школьная система образованія должна сообразоваться въ каждомъ циклѣ съ возрастомъ, индивидуальностью и развитіемъ, поддерживая въ согласіи общую форму, существо и спеціализацію учебно-воспитательныхъ индукцій и дедукцій. Избѣгая ложныхъ схоластическихъ осложненій и ложныхъ упрощеній, нормальная школьная система образованія должна отстоять какъ дедукцію, которая развиваетъ здравую дисциплинированную самодѣятельность учениковъ, такъ и здравую индукцію, подчиняющую мысль и дѣйствіе общему руководству естественныхъ, гражданскихъ и высшенравственныхъ законовъ. Синтезъ и анализъ учебно-воспитательныхъ индукцій и дедукцій, вліяющихъ въ разумную мѣру на развитіе ученическихъ группъ, разработаны современною педагогіей и голосами русскихъ профессоровъ—педагоговъ и учителей глубоко, тонко и соотвѣтственно требованіямъ преуспѣвающихъ жизненныхъ кооперацій. Эта разработка своею наличностью показываетъ, что отобрать изъ разсѣянія людей, способныхъ составить талантливую корпорацію русскаго главнаго педагогическаго института, исполнѣ возможно.

Высказываясь за лучшую подготовку учителей и другихъ магистратуръ, за строгій отборъ учителей, священниковъ, офицеровъ, чиновной магистратуры, врачей, техниковъ и прочихъ лицъ отвѣтственной практики, проводимыхъ чрезъ нормальную школьную систему образованія, я хочу обратить вниманіе на извѣстное историческое засилье словесности и филологизма, какъ на коренной порокъ образованія, даваемого дѣйствующею русскою школьною системою.

Литературное образованіе необходимо, какъ цѣнное средство для письменнаго и словеснаго общенія и обмѣна и для изслѣдованія письменныхъ актовъ права и быта; ему необходимъ выходъ въ филологическій факультетъ; ему принадлежатъ кафедрныя и въ педагогическомъ факультетѣ. Но литературное образованіе крайне недостаточно: языкъ

съ его притворными, ложными и неправильно сгущенными алгебраическими символами и показаніями и низшей арифметикой часто служить политическому, судебному и научному обману и социальному бытовому поджигательству. Эти противогражданскія, противонаучныя и противообщественныя свойства засилій языка, опрокидывающихъ законъ, здравый порядокъ и иногда судьбу родовъ и народовъ, характеризованы народными пословицами о языкѣ и мнѣніями Тайлера, Ламберта, Лапласа, апостола Іакова и другихъ¹⁾). Между тѣмъ усвоенная у насъ преувеличенная оцѣнка образовательнаго значенія языка и слова привела именно къ засилію словесности въ исторіи, въ парламентѣ и въ школѣ, къ страшной гегемоніи литературнаго школьнаго образованія надъ болѣе строгимъ научнымъ образованіемъ, поруганнымъ, къ позору

*) Вотъ отзывъ объ учительскомъ словѣ ап. Іакова: „Братія мои! не многіе дѣлайтесь учителями, зная, что мы подвергнемся большому осужденію, ибо всѣ мы согрѣшаемъ. Кто не согрѣшаетъ въ словѣ, тотъ человѣкъ совершенный, могущій обуздывать все тѣло,

„Вотъ, мы влагаемъ удила въ ротъ конямъ, чтобы они повиновались намъ, и управляемъ всѣмъ тѣломъ ихъ; вотъ, и корабли, какъ ни велики они и какъ ни сильными вѣтрами носятся, небольшимъ рулемъ направляются, куда хочетъ кормчій; такъ и языкъ—небольшой членъ, но много дѣлаетъ. Посмотри, небольшой огонь какъ много вещества зажигаетъ; и языкъ—огонь, прикраса неправды. Языкъ въ такомъ положеніи находится между членами нашими, что оскверняетъ все тѣло и воспаляетъ кругъ жизни, будучи самъ воспаляемъ отъ геены; ибо всякое естество звѣрей и птицъ, пресмыкающихся и морскихъ животныхъ укрощается и укрощено естествомъ человѣческимъ, а языкъ укротить никто изъ людей не можетъ; это—неудержимое зло; онъ исполненъ смертоноснаго яда.

„Имъ благословляемъ Бога и Отца—и имъ проклинаяемъ человѣковъ, сотворенныхъ по подобію Божію; изъ тѣхъ же устъ исходитъ благословеніе и проклятіе. Не должно, братія мои, сему такъ быть. Течетъ ли изъ одного отверстія источникъ сладкая и горькая вода? Не можетъ, братія мои, смоковница приносить маслины, или виноградная лоза смоквы: также и одинъ источникъ не можетъ изливать соленую и сладкую воду.

„Мудръ ли и разуменъ кто изъ васъ? докажи это на самомъ дѣлѣ добрымъ поведеніемъ съ мудрою кротостью“.

Вспомнимъ еще сравнительную оцѣнку писателя и разбойника, данную баснописцемъ.

Отборъ нормальныхъ дисциплинъ, нормальная подготовка чиновниковъ, учителей, врачей и проч. вмѣстѣ съ испытаніемъ ихъ на дѣлѣ являются необходимымъ противовѣдіемъ противъ яда противокультурной словесной отравы и литературной гнили, болѣе опасной, чѣмъ грубое свверное слово пьянаго мужика.

нашей исторіи культуры, великими и малыми писателями земли русской. Тяжелыя неустройства жизни и культуры литература думаетъ вылѣчить смѣхомъ, заклинаніями, заговариваніемъ, прекрасными словесными лозунгами и рыданіями; но все это безъ реальной науки и дѣла еще недостаточно не только для истиннаго прогресса, но и для простаго спасенія семьи, отечества и государства отъ бѣдствій, нищеты и разложенія.

Литературное (популярное) образованіе знаній съ его неправильными и невѣрными по отношенію къ отечественному прогрессу экскурсіями и обманчивыми опытами, съ его фельетоннымъ изложеніемъ исторіи и искусства угнетаетъ въ средней и затѣмъ въ высшей школѣ болѣе строгое научное и нравственное образованіе, разлагаетъ истинно философскій духъ и методъ изслѣдованія и труда.

Школа стремится при этихъ ненормальныхъ условіяхъ акробатически перепрыгнуть отъ легкаго популярнаго образованія въ область методовъ исторіи, географіи, философіи, законовѣдѣнія, естествовѣдѣнія и отъ схоластической математики прямо къ конечнымъ цѣлямъ прогресса, предполагающаго дисциплинированный входъ; — перепрыгнуть прямо, т. е. минуя строгіе и дѣльные элементы современнаго научнаго и нравственнаго юношескаго образованія. Курсы и учебники часто представляютъ собою, по этой причинѣ, отверстіе источника, изъ котораго течетъ подслащенная горькая вода. Предметы начальнаго цикла раздуваются въ предметы средняго цикла, въ которомъ однако нужны уже высшіе элементы науки, а не начальныя. Отсюда въ средней школѣ пошли лжеестествознаніе, лжефилософская пропедевтика, лжезаконовѣдѣніе, лжеисторія и пр., при умолчаніи о высшихъ принципахъ философіи и точной науки предъ юношами, которыхъ начатки уже не могутъ развивать.

Средняя школа наша утратила подъ давленіемъ лжеклассицизма, лжеестествознанія и схоластики такой необходимѣйшій принципиальный элементъ юношескаго образованія, какъ высшая ариметика (теорія и опытъ причинныхъ формъ, нравственныхъ сочетаній и вѣроятностей) съ методологическими соотвѣтственными изслѣдованіями образованія явленій и дѣйствій, проникающими по существу въ исторію, право, здравое довѣріе и природу цѣнностей, данныхъ въ субъектѣ, личномъ поведеніи и трудѣ и дарахъ Божьяго міра, воздѣлываемаго

людьми. Ни юридическое, ни историческое, ни учительское, ни медицинское, ни хозяйственное и естественно-историческое, ни христианско-патриотическое, ни социально-государственное научное образование не может перепрыгнуть через высшую арифметику при нормальном взгляде на дело.

§ 3. Реформа школьной системы должна выяснить и усчитать мнение и взгляды не только педагоговъ, но и семействъ. Мнения о реформахъ родительскихъ комитетовъ могли бы быть выслушаны безъ проволочки (въ виду экстренности) по столько, по сколько эти голоса являются необходимымъ элементомъ образования нормальности школьной системы.

Пересмотрѣвъ выработанные проекты подготовки учителей и профессоровъ и проекты реформы средней и начальной школы, изданные въ трудахъ комиссій и совѣщаній и въ журналахъ и монографіяхъ, родительскіе комитеты могли бы, съ своей родительской точки зрѣнія, поддержать лучшіе изъ всѣхъ этихъ проектовъ. Эти взгляды родительскихъ комитетовъ нужно установить обменомъ ихъ мнѣній и представить въ центральное управленіе народнымъ просвѣщеніемъ для дальнѣйшаго движенія.

Жизненная точка зрѣнія родительской группы можетъ затрогивать всѣ стороны школы не столько по формѣ, сколько по существу учебно-воспитательныхъ индукцій и дедукцій, оцѣнивая значеніе ихъ для выхода дѣтей въ жизнь трудоспособными членами общества. Точка зрѣнія родителей должна настоять на плодотворныхъ образовательныхъ упражненіяхъ и экскурсіяхъ, предлагаемыхъ ученикамъ въ начально-элементарномъ циклѣ и въ среднемъ циклѣ, и указать возрастныя предѣлы для каждого цикла. Родительская группа, смотря на дело глазами семей, т. е. цѣлбно, нравственно-воспитательно и утилитарно, и заботясь о развитіи, исправленіи и счастливомъ выходѣ учениковъ, можетъ съ своей стороны настоять, чтобы система отбираемыхъ гг. педагогами школьныхъ дисциплинъ, удовлетворяя научному духу, въ тоже время была нарисована и предопредѣлена въ соответствіи съ выходами учениковъ по спросу жизненныхъ условій труда.

Улучшая всѣ виды общественно-государственной службы подготовкою высшеобразованныхъ и среднеобразованныхъ лицъ: учителей, священниковъ, судей, офицеровъ, врачей, техниковъ, художниковъ и

пр., школьная система должна избѣжать какъ недостатка образованныхъ лицъ въ разныхъ профессіяхъ, такъ и возникновенія излишковъ интеллигенціи или голоднаго интеллигентнаго пролетаріата. Поэтому высшее, среднее и всенародное образование должно находиться постоянно подъ историко-статистическимъ контрольнымъ учетомъ плодовъ школьной культуры и спроса жизни на эти плоды. Этотъ учетъ долженъ имѣть въ виду жизненное соотвѣтствіе между числомъ чиновниковъ и дѣятелей свободныхъ профессій и числомъ лицъ, пропитывающихъ себя и чиновниковъ съ семьями трудомъ добывающей и обрабатывающей промышленности.

Излишки того и другаго числа должны быть использованы для правильной культурной колонизаціи, покровительствуемой общественно-государственными силами.

Исторія культуры Россіи двинется впередъ, если реформа школьной системы образованія будетъ согласована не съ буквою только, а со всѣми здоровыми нормами семейной жизни, христіанской человѣчности и науки, награждающими человѣчество миромъ и прогрессомъ въ земномъ существованіи и наилучшею обороною отъ засилій зла. Здѣсь нужно вспомнить именно о прогрессѣ, обуславливаемомъ взаимодействіемъ средняго и высшаго образованія съ всенароднымъ образованіемъ и жизненнымъ трудомъ.

Высказываясь здѣсь за нормальную систему образованія, я имѣю въ виду то, что высшія права ея рѣшительно отстаиваются силою исторической Немезиды, преслѣдующей вырождающіяся и культурно отсталыя народности. Человѣческая культура, поэтому, должна интересовать насъ не менѣе, чѣмъ политика, устанавливающая форму и цѣли, но не дающая однако самаго существеннаго содержанія и питанія тѣлесно-одушевленными субъектамъ, такъ какъ содержаніе и питаніе дается реальною природою и культурою.

Примѣчаніе. Содержаніе настоящей статьи полнѣе можетъ быть уяснено при знакомствѣ съ моими болѣе подробными изслѣдованіями: 1) „Государство и Академія“, 2) „Философія и логика науки о массовыхъ проявленіяхъ человѣческой дѣятельности“, 3) „Къ обществу, родителямъ и педагогамъ. Основы общественныхъ и естественныхъ наукъ въ средней школѣ“, 4) „Московская философско-математическая школа и ея основатели“.

II. Некрасовъ.

Къ вопросу о церковности, какъ дидактическомъ принципѣ.

Имѣя свое міровозрѣніе на природу, характеризующее самобытную русскую культуру, русской народъ владѣетъ богатымъ языкомъ, со всѣми только ему свойственными оттѣнками въ выраженіи мысли и чувства. Онъ имѣетъ ту особенность, что пропикнуть духомъ народной вѣры въ Бога, какъ въ творествѣ чисто народномъ, въ народномъ эпосѣ, такъ въ чисто литературномъ, въ лицѣ національныхъ русскихъ поэтовъ и писателей, этихъ вдохновенныхъ выразителей народнаго духа.

Убѣждать въ дидактическомъ значеніи роднаго языка, конечно, не приходится. Это значило бы ломиться въ открытыя двери... Однако на практикѣ, въ школѣ, какъ учебный предметъ, родной языкъ воспитывающаго значенія для національнаго самосознанія почти не имѣетъ. Отчасти потому, что изучаютъ не родной языкъ, усваиваютъ не духъ своей рѣчи, а грамматическія упражненія со всѣми ухищреніями грамматическаго метода... А главнымъ-то образомъ родной языкъ утрачиваетъ въ школѣ свое дидактическое значеніе потому, что одни педагоги, по преимуществу свѣтскіе, избѣгаютъ въ немъ церковности, такъ очевидной въ народномъ творествѣ, по связи его съ народнымъ міровозрѣніемъ на природу; а другіе—духовнаго *въдомства*, церковность слишкомъ буквально понимаютъ и даже не хотятъ видѣть ее въ произведеніяхъ народнаго творчества, не говоря о національныхъ поэтахъ. Однимъ желательнo представлять народъ безрелигіознымъ, какимъ онъ никогда не былъ въ своемъ творествѣ, а другіе желали бы видѣть его святымъ... Средина между этими крайностями—церковность. Народъ церковенъ въ своемъ творествѣ относительно своего роднаго языка... Идеаленъ народъ въ этомъ отношеніи, когда онъ церковенъ. Возьмите народный эпосъ хоть изъ быта семейнаго. Какъ богата здѣсь

народная словесность, выразительна и мѣтка по мысли и чувству въ духѣ церковности. Здѣсь встрѣчаются поэтическія описанія народныхъ обычаевъ, выражающихъ непременно какую-либо нравственную идею, напр., въ пѣсняхъ свадебныхъ; здѣсь идеализація отношеній куда культурнѣе лакейской „галантерейности“ между молодежью, напр., въ пѣсняхъ хороводныхъ. А народныя пословицы!

Кромѣ того, не менѣе богатый матеріалъ для ознакомленія съ родною рѣчью въ школѣ могутъ дать наши поэты, заимствовавшіе или сюжетъ, или поэтическій вымыселъ изъ народно-церковной жизни, бытовой, исторической, какъ Пушкинъ, Лермонтовъ, особенно Никитинъ, А. Толстой, Хомяковъ, Майковъ и др., за исключеніемъ позднѣйшихъ—тенденціозныхъ.

Думать, что дѣти русскаго народа не поймутъ своихъ національныхъ поэтовъ, ошибочное мнѣніе. Пишущему эти строки приходилось не въ классѣ, а на чтеніяхъ въ школѣ, читать „Бориса Годунова“, „Демона“, „Боярина Оршу“, „Кулака“. Слушаютъ съ захватывающимъ вниманіемъ. А стихотворенія Хомякова и Майкова послѣ чтенія со свѣтовыми картинами предлагались, какъ десертъ...

И изъ этого обширнаго и готоваго матеріала мы не могли досихъ поръ создать для школы, для ознакомленія съ роднымъ языкомъ, нѣчто цѣльное русское-національное, дидактически расположить въ книжкахъ для класснаго и вѣккласснаго чтенія, чтобы школьникъ научился сказать русское слово, выразить свои мысли и чувства по-русски, умѣлъ пользоваться родною рѣчью, такъ близкою ему по своей природѣ.

Итакъ—матеріалъ есть. Нужно потрудиться только, нужно оказать разумное содѣйствіе учителямъ, состоящее въ дидактическомъ подборѣ отрывковъ, въ стихахъ и въ прозѣ, съ положительнымъ расчетомъ, чтобы отрывки были церковны по сюжету или по поэтическому вымыслу и сохраняли въ общемъ духъ родной рѣчи. Тогда не будетъ сѣтованій и упрековъ въ безсмысленномъ примѣненіи церковности для изученія или, лучше, ознакомленія съ родною рѣчью на самодѣльныхъ статьяхъ и всевозможныхъ передѣлкахъ благочестивыхъ рассказовъ, заимствованныхъ изъ Четьи—Минен, Троицкихъ листковъ, къ темпераменту дѣтей школьнаго возраста совсѣмъ неподходящихъ. Отъ родной рѣчи учащимся требуется живое впечатлѣніе! Художникомъ не всякій можетъ быть...

Излишняя самонадѣянность составителей книгъ для русской

школы въ данномъ случаѣ приводитъ къ тому печальному результату, что вышедшихъ изъ школы, окончившихъ курсъ, не составляетъ никакого труда заставить говорить и мыслить совсѣмъ не по-русски.

Одинъ умный и образованный еврей, конечно космополитъ, бесѣдая съ нами въ вагонѣ по поводу православія, что оно представляетъ несокрушимый оплотъ національнаго самосознанія, замѣтилъ: если позондировать настоящимъ образомъ вашу русскую школу, то ваши надежды окажутся довольно легкомысленными, хотя о церкви сказать того же не могу. И при этомъ сообщилъ такой случай.

Еврей торговецъ, живя вблизи русской деревни, посылалъ къ русскимъ деревенскимъ ребятамъ своего сына, снабжалъ его гостинцами, чтобы деревенскіе ребята поласковѣе принимали его въ свои игры, надѣясь, что такимъ путемъ его сынокъ выучится говорить по-русски. Что же оказалось? Подростокъ-еврей каждый день игралъ со своими новыми товарищами а говорить по-русски не научился.. Ему никакого труда не стоило, вмѣсто того, чтобы учиться самому, научить говорить русскихъ ребятъ по своему, по-еврейски. Каково? А если принять во вниманіе, что среди дѣтской школы немало космополитовъ—гуманистовъ, такъ называемыхъ, „развивателей“ русскаго народа, то нисколько не удивительно, что скоро въ своей деревнѣ мы услышимъ, положимъ, не еврейскій жаргонъ, а что еще хуже, русскую рѣчь въ еврейскомъ духѣ.. Обстоятельства и взгляды на школу тому благоприятствуютъ. Къ церковности, какъ національному дидактическому принципу, даже священники, хотя и пассивно, подъ вліяніемъ „освободительнаго“ движенія, чувствуютъ какую то удивительную неприязнь, стараясь лишить ее правъ на существованіе.

Изъ іереевъ Шлиссельбургскаго уѣзда о. П—скій въ своемъ отзывѣ о церковности, какъ дидактическомъ принципѣ, приводитъ изъ очерка Лѣскова „Мелочи архіерейской жизни“, по его мнѣнію, достаточно убѣдительный фактъ, что церковность плохая гарантія христіанской нравственности. Въ этомъ очеркѣ Ниль, архіепископъ ярославскій, передаетъ, какъ некрещенный инородецъ спасаетъ его отъ смерти во время страшной сибирской пурги, а крещеный и весьма усердный къ церкви бросаетъ спутника его, іеромонаха, на произволь судьбы.—У Лѣскова, извѣстнаго антицерковника, и не такіе еще рассказы есть. Но причемъ тутъ дидактическій принципъ школы?

По поводу моего выраженія: „Идеаленъ народъ, когда онъ церквенъ“ о. Л—въ въ своемъ отзывѣ о церковности пишетъ: „Не слѣдуетъ забывать, что кромѣ религіозной нравственности есть нравственность автономичная и есть много людей, отрицательно относящихся къ вопросамъ религіи, но съ сильно развитымъ (?) нравственнымъ чувствомъ, и наоборотъ, люди съ церковностью нерѣдко заставляютъ глубоко возмущаться наше нравственное чувство. Разборъ дѣла Коноваловой показалъ, что преступники передъ тѣмъ, какъ задушить свою беззащитную жертву, становились на молитву передъ иконою Святителя Николая Чудотворца.

Если мы будемъ разсуждать на основаніи данныхъ изъ хроники преступленій, то легко придти къ отрицанію Самого Бога...

Интересяѣ всѣхъ отозвался о церковности о. М—овъ. Онъ предположилъ, что мною возбужденъ вопросъ о церковности, какъ дидактическомъ принципѣ, среди священниковъ собратьевъ по уѣзду, по указанію „свыше“, и потому, вѣроятно, говорить: *О с м ѣ л и в а ю с ь* указать на основное и вѣковое заблужденіе нашихъ камеръ-юнкеровъ въ черныхъ рясахъ—видѣть одно лишь небо и забывать землю и яже на ней. Мы со своей церковностью о небесныхъ миндаляхъ остались въ сторонѣ отъ освободительнаго движенія. Въ настоящія историческія минуты, когда предстоитъ неотложная задача повысить культурный уровень крестьянъ, предостеречь ихъ отъ контр-движенія, удобно ли и стоитъ ли тратить время и силы на определеніе „церковности“?

Смѣемъ увѣрить, что опасенія, будто вопросъ о церковности возбужденъ нами подъ чьимъ-либо влияніемъ, совершенно напрасны. Оказанное пассивное противодѣйствіе безцѣльно и совсѣмъ не къ лицу о.о. іереямъ. Въ отзывѣ о. В—аго, благочестиваго и уже немолодого батюшки, читаемъ: „Къ великому прискорбію, мы должны сознаться, что современный священникъ не можетъ поддерживать церковности ни въ школѣ, ни въ народѣ. Обыкновенный типъ его щеголяетъ свѣтскими манерами, куритъ за столомъ, въ вагонѣ, на пароходѣ, пьетъ, играетъ въ карты, споритъ за ними и даже дерется...“

Вотъ если такъ дѣло обстоитъ, то дѣйствительно есть причины опасаться церковности. Но ужъ очень надо быть дальновиднымъ, чтобы видѣть подвохъ съ моей стороны, когда я возбуждаю вопросъ о церковности, какъ дидактическомъ принципѣ.

Священникъ *Николай Каменевъ.*

Христіанское освѣщеніе жгучихъ соціальныхъ и государственныхъ вопросовъ нашей современности.

(О смертной казни и объ отношеніи христіанства къ государству и къ общественно-политическимъ вопросамъ).

(Окончаніе 1).

Правые и лѣвые создаютъ изъ вопроса о казни вопросъ о нравственной догмѣ христіанской и ищутъ въ словахъ евангелій и посланій его прямого разрѣшенія.

Лѣвые говорятъ: жизнь человѣка неприкосновенна и священна—это догма христіанства, яснѣе всего выраженная въ 6-й заповѣди „не убій“.

Справа имъ прекрасно на это возражаютъ: нѣтъ, христіанство такой догмы не знаетъ. Земная тѣлесная жизнь человѣка и даже вообще человѣческая личность, съ точки зрѣнія христіанства, не представляетъ изъ себя абсолютной цѣнности. Цѣнна душа, и то даже не сама по себѣ, не безусловно, а лишь сколько въ ней подобія Божія, лишь поскольку она есть отблескъ Абсолютнаго. Убіиство души, т. е. посягательство на ея добродѣтель, считается религіей тягчайшимъ преступленіемъ. Убіицею въ этомъ смыслѣ называется дьяволъ. Это убійство воспрещается безусловно. Этого рода убійць только и велѣно бояться, бояться несравненно больше, чѣмъ убивающихъ тѣло. Имъ лучше-бы совсѣмъ не родиться на свѣтъ или потонуть съ жерновомъ на шеѣ въ пучинѣ морской. Тѣлесная-же жизнь—преходяща, и тѣлесная смерть—это лишь метаморфоза жизни и явленіе временное: она не уничтожаетъ ни личности, ни добра въ ней. Иногда, по писанію, даже похвально потерять свою физическую жизнь и вообще, при нуждѣ, ее надо принести въ жертву во имя добра и жизни нравственной. Такъ поступилъ и Христось, добровольно принявъ смерть крестную и назвавъ Петра, упрашивавшаго Его пожалѣть свою земную жизнь,—сатаню. Мысль объ абсолютной цѣнности физической личности, независимо отъ ея нравственной цѣнности, т. е. па-

1) См. «Мисс. Обзоръ» Янв. 1907 г.

правленія души, есть мысль языческая—матеріалистическая и человѣкопоклонническая съ наклономъ по ту сторону добра и зла. Самъ Богъ положилъ въ мірѣ физическій законъ смерти для всякаго существа, котораго коснулось извращеніе нормальнаго пути его. Иногда Онъ Самъ предаеть злодѣевъ чудесной смертной казни въ промышленіи о благѣ нравственномъ. А иногда Онъ повелѣвалъ исполнять тоже слугамъ Своей воли. Если бы всякое лишеніе жизни человѣка было преступно въ очахъ Божіихъ, то Онъ никогда, ни при какихъ обстоятельствахъ, ни для какого лица или народа не могъ-бы дать повелѣній о войнѣ или казни, какъ то сдѣлалъ Онъ для народа еврейскаго.

Указываютъ обыкновенно на отношеніе Христа къ поступку Петра, порывавшагося защищать Его мечемъ, на Его замѣчаніе „сынамъ громовымъ“, хотѣвшимъ низвести огонь на непринявшее ихъ селеніе, и на Его прощеніе грѣшницы, которую собирались побить камнями, и отсюда дѣлаютъ выводъ, что Христосъ безусловно противъ убійства какого-бы то ни было ¹⁾.

Но все это частные случаи, каждый изъ которыхъ имѣетъ свой особый смыслъ. И совершенно несправедливо обобщать ихъ въ принципъ.

Расправа, которую чуть не учинила самосудомъ толпа надъ блудницей, была противозаконна. Моисей, правда, повелѣлъ побивать блудницъ камнями. Но въ данное время этотъ законъ не дѣйствовалъ, ибо евреи были въ подчиненіи у римлянъ, которые лишили ихъ права смертной казни безъ приговора управлявшаго ими римскаго чиновника (Іоан. 18,31). Христа всегда старались уловить именно на этой коллизіи закона Моисеева и римскаго права. То-же было и въ данномъ случаѣ: хотѣли найти на Него обвиненіе или въ нарушеніи закона Моисея, или въ противленіи власти кесаря. Едва-ли поэтому данная толпа даже дѣйствовала по чувству искренняго нравственнаго негодованія на грѣхъ женщины. Всѣ они сами оказались такими-же грѣшниками. И вотъ Христосъ остановилъ этотъ самосудъ толпы, поступавшей не во имя добра и не по полномочію отъ дѣйствовавшаго закона, а въ лучшемъ случаѣ по неразумной ревности къ потерявшему силу

¹⁾ Ссылаются еще на Іоан. 19,11, гдѣ грѣхъ убійства Христа вмѣняется не только Іудѣ-предателю, но, хотя и въ меньшей степени, и судѣ—Пилату. Но судъ Пилата былъ незаконенъ, ибо осудилъ Невиннаго. За это, конечно, грѣхъ Пилату. Но откуда-же видно, что вообще всякое осужденіе на смерть (хоть и дѣйствительно виновнаго) есть грѣхъ? Напримѣръ, не видимъ, чтобы Писаніе осуждало Пилата за распятіе обонхъ разбойниковъ, а лишь за распятіе Христа.

закону Моисея. А въ виду наличности у руководителей толпы стремленія поставить Его такъ или иначе въ положеніе виновнаго, Онъ сдѣлалъ это такимъ способомъ, что совершенно отстранилъ отъ Себя оба возможныя обвиненія. Онъ не отвергъ явно закона Моисеева, но и не пошелъ противъ власти кесаря. Онъ воззвалъ не къ законамъ, а къ нравственному чувству толпы. „Кто безъ грѣха, брось первый камень“. И толпа стыдливо разошлась, оставивъ жертву. И это даже не значитъ, что, если бы нашелся кто безгрѣшный, то его и призвалъ-бы Господь совершить казнь, что казнь лишь потому не могла совершиться, что обвинители и судьи были сами грѣшны. Христосъ былъ безъ грѣха, но не бросилъ камня. Здѣсь нѣтъ (какъ утверждаютъ) отрицанія законной казни на томъ основаніи, что всѣ грѣшны, судьи иногда не меньше преступниковъ. Христосъ остановилъ самосудъ, расправу толпы, а Самъ нашелъ выходъ остаться неприступнымъ для обвиненія какъ со стороны ревнителей Моисеева закона, такъ и со стороны дѣйствительныхъ или мнимыхъ приверженцевъ кесаря. Больше изъ этого факта вытягивать не слѣдуетъ.

Сыновья Зеведеевы еще не понимали, какого они духа. Они еще не разумѣли, что царство Христово—не земное, а духовное и насаждается терпѣніемъ, скорбями, страданіемъ, а не карами и истребленіемъ непокорныхъ, что бываетъ въ царствѣ кесаря. Въ нихъ говорилъ еще ветхозавѣтный духъ (гдѣ соединено было мірское и духовное), а также возросшее на этой почвѣ чаяніе земнаго царства Христова, гдѣ они не прочь были занять первыя мѣста. Христосъ и указалъ имъ на совершенное отличіе Его царства „не отъ міра сего“ отъ царствъ мірскихъ, ибо царство Его должно стоять не на силѣ власти, какъ царства мірскія, а на силѣ креста и обаяніи подвига самопожертвованія, такъ что первый въ Его царствѣ долженъ быть не владыкой, судьей и карателемъ, а слугой, полагающимъ душу свою за слабѣйшихъ. Такимъ образомъ Христосъ говорилъ лишь о духѣ церкви и ея слугъ въ противоположность духу государства, но вовсе не перенося этого церковнаго строя и на государство и дѣятельность его слугъ. Иное дѣло духовное царство любви, и иное—земное царство силы и справедливости; есть разница въ способахъ осуществленія царства Христова и царства кесарева. Князь церкви—не князь государства. И если что можно извлекать изъ даннаго мѣста, то не мысль объ осужденіи наказаній или казней въ государствѣ, а воспрещеніе переносить духъ государства въ церковь, предупрежденіе церкви противъ обмірщенія.

Подобный-же смыслъ имѣеть и удержаніе Христомъ воин-

ственного пыла Петра при взятіи Христа въ саду геосиманскомъ. Прежде всего въ лицѣ Петра Господь удерживаетъ руку съ обнаженнымъ мечемъ не законнаго слуги государства, а напротивъ, частнаго человѣка, вздумавшаго сопротивляться съ оружіемъ въ рукахъ законнымъ слугамъ государства при исполненіи ими нравственно незаконнаго, но формально праваго распоряженія власти объ арестѣ для преданія суду Іисуса. Господь не позволилъ Своему ученику быть бунтовщикомъ противъ власти, хотя и злоупотреблявшей и совершавшей возмутительное дѣло подъ покровомъ закона. Онъ даже исцѣлилъ раба архіереева, которому Петръ отсѣкъ первымъ ударомъ ухо, чтобы отнять у власти право на законное обвиненіе Его и Своихъ учениковъ. И когда Онъ сказалъ: „обнажающій мечъ отъ меча и погибнетъ“, то не у власти Онъ отрицалъ право меча, не къ воинамъ и стражъ, законно вооруженной, обращалъ рѣчь, а говорилъ Петру, напоминая, что онъ, какъ и всякій, самовольно поднявшій мечъ, погибнетъ отъ меча (наказанія) закона и власти, на то существующей (взята власть въ объемъ правъ ея того времени, но нѣтъ узаконенія именно этого объема на вѣки). А затѣмъ, въ данномъ случаѣ, какъ и въ случаѣ съ сынами Зеведея, Христось далъ Петру урокъ истиннаго разумѣнія Своего дѣла и Своего царства, ибо тотъ плохо разумѣлъ и то, и другое. Христось пришелъ въ міръ съ яснымъ сознаниемъ неизбежности и необходимости запечатлѣть Свое дѣло Своею кровію. Объ этомъ Онъ много говорилъ апостоламъ. Но они плохо разумѣли Его. Его земное пребываніе съ ними они цѣнили выше всего. Они любили Его до слабости или вѣрнѣе—ихъ любовь къ Его личности, при непониманіи Его задачъ, Его духа, доходила до готовности отклонить Его отъ принятаго Имъ крестнаго пути. Этимъ особенно отличался именно Петръ, получившій однажды за то отъ Христа названіе сатаны. Христось имѣлъ въ своемъ распоряженіи легіоны воинствъ небесныхъ, а Петръ въ неразуміи думаетъ, что Онъ нуждается въ его физической защитѣ. Господь готовилъ его на такую-же смерть, какой имѣлъ пострадать Самъ, а онъ при первой опасности хватается за ножъ. И этотъ-же Петръ, готовый рубиться за Христа одинъ противъ десятерыхъ, былъ еще такъ малодушень, что, спасая себя, трижды отрекся отъ Христа.—Итакъ, Христось удержалъ мечъ Петра потому, что не апостольское дѣло прибѣгать къ нему для защиты вѣры, и потому, что Онъ не признавалъ дозволительнымъ противленіе власти физической силой.

Страшно слушать, когда противники смертной казни ссылаются для ея опроверженія на жизнь Христа, служащую вѣчнымъ

укоромъ Пилатамъ всѣхъ временъ. Неужели ошибки, хотя-бы и тяжчайшія, или злоупотребленія, хотя-бы и возмутительнѣйшія, могутъ ниспровергать самый принципъ? Такой логикой можно уничтожить все: суды ошибаются, судьи злоупотребляютъ,—ergo суда не должно быть? Власти иногда беззаконничаютъ,—ergo да здравствуетъ анархія? Иные христіане хуже язычниковъ,—ergo долой христіанство? Когда къ вопросу о смертной казни приплетаютъ распятіе Христа, я склоненъ видѣть здѣсь, если только не явную недобросовѣстность, то во всякомъ случаѣ или увлеченіе проповѣднической риторикой до забвенія мысли, или полное отсутствіе логики и способности стать выше отдѣльныхъ фактовъ при обсужденіи общаго принципа.

Тверже всего христіанскіе противники смертной казни стоятъ на изреченіи нагорной бесѣды Спасителя: „не убій“. Но эта ссылка сколь распространена, столь-же и неосновательна. Ветхозавѣтная заповѣдь „не убій“ къ смертной казни не относилась, Синайское десятословіе—религіозно-нравственный символъ вѣры, а не государственный кодексъ. Ни одна изъ 10 заповѣдей не имѣетъ характера гражданскихъ узаконеній. И „не убій“ у Моисея было лишь запрещеніемъ убійства по произволу и мести внѣ сферы государственныхъ отношеній. А что это такъ, неоспоримо уже потому, что тотъ-же Моисей, по откровенію свыше, опредѣленно узаконялъ смертную казнь за многія преступленія. Христось, съ Своей стороны, беретъ эту 6-ю заповѣдь, какъ ветхую, и только разъясняетъ ее, а не противопоставляетъ ей чего-то совершенно новаго. Такъ Онъ поступаетъ во всей нагорной бесѣдѣ. Беря ветхія заповѣди въ современномъ Ему фарисейскомъ ихъ пониманіи, Онъ очищаетъ ихъ, расширяетъ, углубляетъ, возвышаетъ, одухотворяетъ, а не отмѣняетъ, не создаетъ на ихъ мѣсто Своего, совершенно иного символа. „Не думайте, что Я пришелъ нарушить законъ или пророковъ; не нарушить пришелъ Я, но исполнить“. Законъ говорилъ: „не прелюбодѣйствуй“; и это понимали въ смыслѣ воспрещенія лишь плотскаго акта съ чужою женою. А Христось запрещаетъ даже и пожеланіе къ чужой женщинѣ. Законъ, воспрещая личную месть, устанавливалъ равное преступленію наказаніе по суду; но слова „око за око“ готовы были толковать не какъ ограниченіе злыхъ аппетитовъ мстителя, не какъ дозволеніе, а какъ напредѣнное обязательство. Христось-же призываетъ каждаго и совѣмъ прощать обидчика. „Люби ближняго твоего“, было сказано древнимъ; и подъ „ближнимъ“ разумѣли лишь единовѣрца и единоплеменника, присоединяя сюда обратный выводъ: „и ненавидь врага твоего“.

Христось повелѣваетъ простирать любовь на всѣхъ и даже на враговъ и обидчиковъ. Моисей воспретилъ преступать клятвы; и это понимали, какъ повелѣніе свято хранить одно лишь слово клятвенное („что прямо не воспрещено, то дозволено“). Господь велить во всякомъ „да“ и „нѣтъ“ быть столь-же вѣрными, какъ и въ клятвѣ предъ Богомъ. Такое-же положеніе Христось занялъ и въ отношеніи 6-й заповѣди. Мысль Его движется не такъ: „Моисей запретилъ лишь убійство безъ суда, а Я вамъ запрещаю его и по суду“, а такъ: „Моисей воспретилъ вамъ доводить злобу до убійства, а Я вамъ запрещаю ее, гдѣ-бы и въ чемъ-бы она ни проявлялась, хоть даже въ одномъ обидномъ напрасномъ словѣ“. Христось, какъ и Моисей, не имѣлъ въ виду въ данномъ случаѣ лишенія жизни, какъ одного изъ видовъ законнаго наказанія. И тотъ, и другой осуждаютъ вражду и поступки, отъ нея происходящія, при чемъ Моисей назвалъ лишь самое рѣзкое проявленіе вражды, а Христось провель; мысль Моисеевой заповѣди глубже, далѣе, до самыхъ мелкихъ ея (вражды) проявленій. Но казнь—не убійство, т. е. не дѣло вражды. Въ основѣ одинаковыхъ съ виду фактовъ могутъ лежать совершенно разныя цѣли и настроенія; и нравственная оцѣнка ихъ въ зависимости отъ этого должна быть различна. Иное дѣло, когда кто обругаетъ другого сумасшедшимъ, и иное,—когда врачъ произноситъ это сужденіе надъ душевно больнымъ. И въ томъ, и въ другомъ случаѣ внѣшность факта одинакова, но внутренность ихъ совершенно различна. Такъ и наружный фактъ лишенія жизни можетъ имѣть разные корни и въ зависимости отъ того различную нравственную оцѣнку. Когда онъ совершенъ по злему или своекорыстному чувству—это убійство, воспрещенное Христомъ вслѣдъ за Моисеемъ. Но уже когда я убиваю при самозащитѣ, я могу имѣть очень и очень мало дурного чувства противъ нападающаго. Поэтому къ такому убійству христіанство относится несравненно болѣе примирительно. Когда-же я, защищая другихъ, вынужденъ убить преступника, я дѣйствовалъ не по враждѣ къ нападающему, а по любви къ его жертвамъ. Какъ оцѣнить такой поступокъ? Это актъ любви. Организованная защита противъ враговъ внѣшнихъ—это война, а противъ враговъ внутреннихъ—кары закона, одна изъ которыхъ есть смертная казнь. Здѣсь оправданіе войны и казни. Судья и палачъ, равно какъ главнокомандующій и солдатъ, могутъ (и должны) вовсе не имѣть личной вражды противъ казнимаго злодѣя или убиваемаго на войнѣ врага. Имъ можетъ быть даже его жаль: таково должно быть идеальное христіанское настроеніе

судьи и палача, главнокомандующаго и солдата 1). Но они дѣйствуютъ по любви къ согражданамъ или по крайней мѣрѣ ради общаго блага и во имя справедливости (трансформированная любовь). Революціонеры требуютъ амністіи политическимъ убійцамъ на томъ основаніи, что они дѣйствовали не по личной злобѣ къ данной личности, а ради идеи, во имя своеобразно понимаемаго общаго блага. Но въ такомъ случаѣ какъ-же не оправдать преданіе казни по суду, т. е. по приговору не лица или партіи, а общественнаго учрежденія, во имя того, что считаетъ за общее благо не малая группа лицъ, а народъ?

Итакъ 6-я заповѣдь не имѣетъ безусловнаго смысла—„никогда ни по какимъ побужденіямъ, ни при какихъ обстоятельствахъ не лишай челоуѣка жизни“. Она сказана Моисеемъ и повторена и разъяснена Христомъ въ болѣе узкомъ и условномъ смыслѣ — «не убивай по враждѣ, произвольно, во имя своихъ цѣлей и взглядовъ». Вопросы о казни, какъ и о войнѣ, она не затрагиваетъ. Такое-же условное значеніе имѣютъ и большинство заповѣдей десятословія, такъ что 6-я заповѣдь въ этомъ отношеніи отнюдь не одинока. «Не сотвори себѣ кумира и всякаго подобія того, что на небѣ вверху, на землѣ внизу, что въ водахъ и подъ землей». Сектантъ беретъ эту заповѣдь по буквѣ, объявляетъ ее безусловной и на ея основаніи отвергаетъ иконы, какъ изображенія небеснаго и земнаго. Но духъ и смыслъ заповѣди болѣе глубоки и ограничены: не мѣняй единаго Бога—Духа на идоловъ. «День седьмой—день покоя Господу». Фарисейское пониманіе заповѣди черезчуръ буквально и безусловно. Истинный-же смыслъ заповѣди возвышеннѣе и уже: отдавай седьмой день не себѣ, а Богу. «Не украдь». Это не значитъ, что чужая собственность абсолютно неприкосновенна, а то, что она неприкосновенна для частнаго лица, дѣйствующаго по дурнымъ и личнымъ побужденіямъ; законъ-же можетъ измѣнить существующее понятіе собственности и справедливѣе и общеполезнѣе размежевать блага—личныя и общественныя. «Не прелюбодѣйствуй». Бракоборы (хлысты и др.) придаютъ этой заповѣди смыслъ безусловнаго воспрещенія всякаго плотскаго общенія половъ. На самомъ-же

1) Если церковныя правила налагаютъ эпитиміи за убійство на войнѣ и при самозащитѣ, то, думается, именно потому, что защищающемуся и войну крайне трудно возвыситься до такого безгрѣшнаго настроенія. Доля вражды фактически почти неизбѣжно примѣшивается къ настроенію того и другаго; и это требуетъ покаяннаго очищенія.

дѣлѣ 7-я заповѣдь требуетъ не посягать лишь на чужую жену или тебѣ непринадлежащую дѣвицу. Но при извѣстныхъ условіяхъ и чужая жена (вдовство, разводъ), и дѣвица (бракъ) могутъ стать твоими безъ нарушенія заповѣди. Есть одна только безусловная заповѣдь въ христіанствѣ: люби. Любовь—совокупность совершенства и исполненіе закона: въ ней корень всѣхъ другихъ добродѣтелей и основаніе всѣхъ другихъ заповѣдей (Римл. 13,9—10). И понимать ихъ надо, именно отпавляясь отъ этого корня. Тогда только можно уразумѣть ихъ подлинный смыслъ, ихъ истинный духъ. Иначе неминуемъ буквализмъ, кривотолки, казуистика, и безысходныя противорѣчія. Это получается съ толкователями заповѣди „не убій“, не желающими глядѣть въ ея корень и духъ, а схватывающими лишь совпавшую съ ихъ убѣжденіями букву или безцеремонно и насильственно привлекающими Христа и Его вѣчные глаголы жизни въ защитники своихъ партійныхъ интересовъ.

Итакъ, въ первоисточникахъ христіанства нигдѣ нѣтъ прямыхъ сужденій о смертной казни въ смыслѣ ея запрещенія: вопросъ о ней—въ сферѣ вѣчныхъ вопросовъ, которыми занимались Христосъ и апостолы. Что же слѣдуетъ отсюда? Только одно это: т. е. что казнь нигдѣ прямо и безусловно религіей не воспрещается, и слѣдовательно ея практика не можетъ быть признана, какъ то объявляютъ лѣвыя, прямо и несомнѣнно антихристіанской.

Но вѣрны-ли духу христіанства тѣ правые, которые отсюда дѣлаютъ выводъ (гораздо болѣе сильный), что смертная казнь освящена, узаконена христіанствомъ, какъ существенная и неотъемлемая черта государства и необходимый атрибутъ власти? Нѣтъ, это далеко не такъ. Христіанство признаетъ печальную неизбежность, при существованіи зла, борьбы съ нимъ силой принудительнаго закона и слѣдовательно дозволяетъ насильственный элементъ въ общественной организаціи, т. е. государство и власть. Ему, правда, предносится другой высшій идеаль организаціи безъ властнаго принужденія ¹⁾. Но пока не настали еще условія для полнаго осуществленія этого идеала, этого царства Божія, оно благословляетъ ту добрую сторону, какая есть въ государствѣ, принудительную власть ради того, что она силою удержи-

1) Осуществленію такого строя мѣшаетъ существованіе зла и злодѣевъ. Церковь есть преддверіе и начало такого царства Божія, имѣющаго въ вѣчности замѣнить государство.

ваетъ напоръ злыхъ. Но, освящая принципъ, христіанство сочувствуетъ-ли безъ разбора всякимъ проявленіямъ власти? Одобряетъ ли оно безумія Нерона, свирѣпости Грознаго? Утвердительный отвѣтъ былъ-бы уничтоженіемъ религіи Христа. Она, конечно, противъ бунта и возстанія на власть, хотя-бы то и злую, и это ради охраны принципа, ради избѣжанія золь анархїи и своеволія. Но она вовсе и не за всякое распоряженіе власти. Она противъ, когда эти распоряженія направлены не къ общему благу; противъ она и тогда, когда ради доброй цѣли власть узаконяетъ явно неподходящее, вредное, жестокое средство. Напр., есть суды—лучшее средство выяснить правду, наказать виновнаго и оправдать праваго. И вдругъ власть узаконяетъ дуэль, т. е. судъ случая и физической силы. Это безъ сомнѣнія, антирелигіозно. Еслибы во времена жестокости, варварства, мстительности, въ случаяхъ, когда суду трудно распутать дѣло и удовлетворить стороны, государство не нашло лучшаго средства удержать взаимобитвенныхъ отъ мстительной саморасправы и допустило дуэль—драку, все-же обставленную нѣкоторыми акцессуарами, дѣлающими ее выше, справедливѣе, гуманнѣе простой драки,—тогда, лишь въ такомъ случаѣ дуэль не была-бы осуждена религіей. Форма выраженія власти, принципиально признаваемой религіей, можетъ быть согласна или не согласна съ ея (религіи) духомъ въ зависимости отъ того, есть-ли она лучшей выходъ въ пользу добра при данномъ состояніи и силѣ зла, есть-ли она именно тотъ минимумъ насилія, какой необходимъ для защиты общественнаго блага отъ напора зла. Съ этой точки зрѣнія можно смѣло считать нехристіанскими для настоящаго времени пытки, клейменія, рванье ноздрей, сажанье на колъ, порку и т. д. Хотя, кто знаетъ, можетъ быть когда-либо это и было дѣломъ государственной необходимости и въ такомъ случаѣ было допустимо и съ точки зрѣнія христіанина. Такъ и смертная казнь. При жестокихъ нравахъ, когда жизнь человѣка цѣнится дешево, при невозможности иначе оградиться отъ опасныхъ преступниковъ, она можетъ быть и необходима. Если же общество проникается сознаниемъ, что кровь человѣка священна, если при этомъ власть имѣетъ возможность создать болѣе гуманные способы обезвредить преступника, тогда казнь должна быть осуждена религіей 1).

1) Вопроса о томъ, своевременна-ли отмена казни въ Россіи въ настоящую историческую минуту, мы касаться не будемъ. Мы разсуждаемъ лишь о принципѣ, устанавливаемъ точки зрѣнія и расчищаемъ дорогу для рѣшенія вопроса о казняхъ настоящаго времени. За необходимость

Какіе-же христіанскіе доводы приводятся справа въ пользу необходимости смертной казни?

Прежде всего защитники казни не прочь опереться на ветхій завѣтъ—на Моисеевы законы и особенно на слова Божіи Ною: „кто прольетъ кровь человѣческую, того кровь прольется рукою человѣка (Быт. 9,6). Рискованно опираться на такія доказательства. Точно заповѣди временъ Ноя или Моисея непременно имѣютъ обязательную силу на всѣ времена! А затѣмъ, слова Быт. 9,6 не содержатъ въ себѣ повелительнаго наклоненія. Они выражены въ формѣ будущаго. Почему-же надо видѣть въ нихъ именно предписаніе казни? Вѣдь ихъ можно понять еще и какъ простое предсказаніе того порядка жизни, какой установится, сдѣланное въ качествѣ предостереженія преступниковъ.

Переходя въ Новый Завѣтъ, прежде всего останавливаются на словахъ Спасителя къ ап. Петру, когда Господь удержалъ его отъ вооруженной защиты въ саду Геосиманскомъ: „всѣ, взявшіе мечъ, мечемъ погибнуть“ (Мф. 26,52). Въ этихъ словахъ видятъ подтвержденіе древней заповѣди Ною и узаконеніе обязательной смертной казни за убійство, принципъ: душу за душу и кровь за кровь. Но и въ этой фразѣ, какъ и въ Быт. 9,6, нѣтъ повелѣнія, ибо не сказано „да погибнуть“, а лишь „погибнуть“ 1). Христосъ въ данномъ случаѣ не далъ предписанія о казни, а лишь предупредилъ, предостерегъ Петра и всякаго, съ оружіемъ сопротивляющагося власти (Христа взяли пришли посланные властями), что онъ будетъ отвѣчать предъ носящими власть, въ права которыхъ по тогдашнему входило и право меча, право казни.

Ссылаются еще на отвѣтныя слова Христа на судѣ у Пилата. Когда Пилатъ пригрозилъ Господу: „не знаешь-ли, что я имѣю власть распять тебя и власть отпустить тебя“, Онъ отвѣтилъ: „ты не имѣлъ-бы надо Мною никакой власти, если-бы не было дано тебѣ свыше“ (Іоан. 19,11). Здѣсь хотятъ видѣть свидѣтельство со стороны Христа, что правители всѣхъ временъ и наро-

отмѣны казни говоритъ то негодованіе противъ нея, какое замѣчается въ извѣстныхъ слояхъ общества, и то обстоятельство, что современному правительству, кажется, не трудно создать какіе-нибудь крѣпкіе дома заключеній на окраинахъ государства, откуда-бы побѣгъ былъ невозможенъ. Но за сохраненіе ея то, что въ другихъ группахъ жизнь человѣка не цѣнится ни въ грошъ, и на улицѣ идетъ война, въ военное время едва-ли умѣстно отказаться отъ казни.

1) Иногда это мѣсто цитируютъ съ „да“. Но это уже недобросовѣстность, которая можетъ обмануть лишь незнакомыхъ съ текстомъ Евангелій.

довъ непремѣнно получаютъ свыше неотъемлемую „власть распять или отпустить“, т. е. право казни. Но такое обобщеніе есть во всякомъ случаѣ искусственное, вопреки всякой логикѣ, вытягиваніе общаго положенія изъ частной мысли и единичнаго факта. Въ Іоан. 19,11 буквально рѣчь идетъ лишь и Христъ и Пилатъ: Христось признаетъ право казни Себя Пилатомъ дарованнымъ тому свыше. И самое естественное пониманіе этого мѣста таково, что Господь указалъ гордому и властному римскому чиновнику на Свое богосыновство, отданное лишь по особому Божію попустительству во власть его—человѣка. Господь какъ бы сказалъ: „Ты, человѣкъ, хвалишься и грозисься Мнѣ, Сыну всеильнаго и безсмертнаго Бога, своею властью возвесть Меня на крестъ? Такая твоя власть человѣка надъ Богомъ, такое Мое ничтожество предъ тобою есть особое смотрѣніе Отца Моего. Объ этомъ тебѣ надо-бы размыслить и смиренно понять, что ты—орудіе въ рукахъ Божьяго промысленія“. Но допустимъ, пожалуй, и нѣсколько болѣе широкое объясненіе даннаго мѣста. Пусть Христось говорилъ не только объ исключительности и попустительствѣ 1) свыше власти Пилата надъ Собою, но вообще о принадлежавшихъ прокуратору Іудеи правахъ „распать или пустить“ ихъ объявилъ „дарованными свыше“ 2). Но и въ такомъ случаѣ, гдѣ-же тутъ мысль, что въ томъ-же объемѣ даруются свыше права властямъ и у всѣхъ временъ и народовъ? Развѣ всякое проявленіе власти одобрить религія и что могло быть освящено для одного времени, то не можетъ-ли быть осуждено для другого? Напримѣръ, русской православной власти даровано-ли свыше, принадлежитъ-ли (то, что принадлежало Пилату) право распинать на крестѣ за разбой? А вѣдь если признать слова Христа (Іоан. 19,11) сказанными для всѣхъ временъ и народовъ, то придется помириться съ распятіями, если ихъ введутъ въ русскіе законы. Или чрезъ Моисея было „дано свыше“ позволеніе убивать внѣ черты городовъ убѣжища даже и невольнаго убійцу, но неужели это позволительно и теперь?.. Итакъ, слова, Іоан, 19,11 содержатъ скорѣе всего мысль о попустительствѣ Промыслѣ крестной казни Христовой. Можно еще, пожалуй, найти въ нихъ признаніе

1) Попустительство—это далеко не то-же, что дозволеніе, и тѣмъ болѣе—освященіе.

2) Что значитъ въ такомъ случаѣ «даровано свыше»?.. Ну, а вытягиваніе жилъ и сдираніе кожи, ранѣ входившія въ законы, „даны были свыше?“ Обязательны они и теперь?..

Христомъ для того времени римскаго права о казни. Наконецъ, можно согласиться, когда въ нихъ видятъ утверженіе права вообще (принципъ власти). Но совершенно нелогично оправдывать ими на всѣ времена именно ту форму наказанія, о которой они сказаны (крестъ, казнь).

Есть ревностные защитники казни, которые ссылаются даже и на всѣ тѣ случаи изъ евангельской исторіи, когда Христосъ имѣлъ, по ихъ мнѣнію, поводъ высказаться противъ казни, но промолчалъ; этимъ Онъ будто-бы подтвердилъ Свое на нее согласіе. Христу донесли, что Пилатъ казнилъ нѣсколькихъ галилеянъ; и Онъ не сказалъ ни слова въ осужденіе поступку Пилата (Лк. 13 гл.). На крестѣ рядомъ съ распятымъ Христомъ умиралъ разбойникъ; утѣшая его обѣтованіемъ рая, Господь не сказалъ ему, что предавшіе его казни тѣмъ согрѣшили (Лк. 23, 41). Подобные-же случаи находятъ въ жизни Іоанна Предтечи и апостоловъ. Такъ, когда приходили къ Іоанну съ покаяніемъ воины, служба которыхъ связана съ войной и казнями, онъ имъ не повелѣлъ ее оставить, и лишь увѣщевалъ удерживаться отъ алчности (Лк. 3 гл.). Ап. Петръ не требовалъ отъ обратившагося сотника Корнилія сложенія своего военнаго званія (Дѣян. 10 гл.). Павелъ поступилъ такъ-же съ увѣровавшимъ тюремнымъ стражемъ (Дѣян. 16 гл.). Но всѣ эти доводы—одно недоразумѣніе. Они построены по ходячему правилу: молчаніе—знакъ согласія. Но такой путь доказательствъ (*argumentum e silentio*) въ логикѣ считается весьма слабымъ. Христосъ или апостолы могли промолчать о современныхъ имъ казняхъ и не по согласію на нихъ, а просто-на-просто потому, что вопросъ этотъ, какъ вопросъ государственный, былъ внѣ сферы тѣхъ основныхъ религіозно-нравственныхъ понятій, насадить которыя входило въ ихъ задачу. Христосъ промолчалъ не объ однѣхъ казняхъ, а обо всѣхъ современныхъ Ему соціальныхъ и государственныхъ вопросахъ (напр. Онъ не осудилъ рабовладѣнія, завоевательной политики Рима и т. д.). Но кто рѣшится утверждать на этомъ основаніи, что тогдашніе общественные и государственные порядки—идеальны и на всѣ времена должны служить образцомъ для копированія? Если что надо извлечь изъ всѣхъ этихъ умолчаній, такъ это то, что вопросы, о которыхъ Христосъ имѣлъ поводъ высказаться, но не высказался, очевидно не изъ принципиальныхъ вопросовъ христіанства. Здѣсь, конечно, можно и должно находить опроверженіе той крайности, въ которую впадаютъ въ вопросѣ о казни лѣвые: если бы казнь была прямо и безусловно противна религіи, и вопросъ о ней

былъ существеннымъ вопросомъ христіанства, то, конечно, законоположники религіи Новаго Завѣта высказались-бы о ней (отрицательно) при всѣхъ вышеназванныхъ поводахъ. Но дѣлать изъ приведенныхъ фактовъ большій выводъ вправо нѣтъ никакихъ логическихъ основаній.

Обосновываются еще защитники казни на Дѣян. 5 гл., гдѣ записано, какъ супруги Ананія и Сапфира „пали бездыханными“, обличенные ап. Петромъ въ хвастливомъ обманѣ (утаивъ часть цѣны проданнаго имѣнія, они отдали остальное въ руки апостоловъ въ пользу христіанской общины, выдавъ эту часть за полную выручку). Выставляютъ этотъ фактъ, какъ казнь ап. Петромъ лживой четы. Но онъ, этотъ фактъ, во всякомъ случаѣ не подходитъ къ вопросу о казни уже по тому одному, что онъ взятъ изъ сферы явленій совершенно другого порядка, чѣмъ тѣ, о которыхъ стоитъ вопросъ. Допустимъ, что Петръ маніемъ своей чудесной силы казнилъ обманщиковъ Св. Духа. Но какое-же отношеніе имѣеть это къ казни злодѣевъ человѣческой физической силой слугъ государства? Были-ль Ананія и Сапфира преступниками съ точки зрѣнія государственнаго закона?—Нѣтъ. Былъ-ли Петръ законнымъ владыкой, судьей или хоть палачемъ? Опять нѣтъ. А, вѣдь, согласиться съ правыми, такъ пожалуй можно изъ даннаго случая сдѣлать и совершенно лѣвый выводъ о правѣ на человѣкоубійство и для частныхъ, не уполномоченныхъ отъ государства лицъ. Нѣтъ, пусть, пожалуй, подражаетъ поступку Петра тотъ, кто имѣеть такую, какъ онъ, Божественную и чудную силу. Но для права убивать человѣка обыкновенной силой ме ча или висѣлицы здѣсь нѣтъ основаній. Но, кромѣ того, думается, прибѣгаютъ къ натяжкѣ, когда толкуютъ фактъ изъ Дѣяній 5 гл., какъ казнь Петромъ лжецовъ-супруговъ. Изъ повѣствованія книги Дѣяній вовсе не видно, чтобы Петръ былъ въ этой казни или судьей, произнесшимъ смертныя приговоры, или палачемъ, его исполнившимъ. И тѣмъ, и другимъ былъ Богъ. Петръ-же является лишь свидѣтелемъ и обличителемъ, а также пророкомъ и истолкователемъ суда Божія. Петръ укорилъ и обличилъ Ананію, но не произнесъ приговора: „умри за грѣхъ твой“. Въ повѣствованіи просто сказано: „Услышавъ сіи слова (обличенія), Ананія палъ бездыханенъ“. Сапфиръ, правда, кромѣ обличенія, Петръ еще сказалъ: „Вотъ входятъ въ двери погребавшіе мужа твоего, и тебя вынесутъ?“ И, вдругъ, повѣствуетъ далѣе Писаніе, она упала у ногъ его и испустила духъ“. Но и это можно разсматривать, лишь какъ предсказаніе, а не опредѣленіе, какъ только пророческое слово о судѣ Божіемъ, и къ вопросу о власти людей

на казнь другъ друга онъ не относится (вѣдь не все-же, что дѣлаетъ Богъ, вправѣ дѣлать и человѣкъ!). Впрочемъ данный фактъ можетъ имѣть свое мѣсто въ политикѣ противъ лѣвыхъ, противъ ихъ принципа о безусловной цѣнности (физической) жизни человѣческой: разъ самъ Богъ отнимаетъ у людей жизнь, можно-ли объявлять ее самоцѣнной, безусловно неприкосновенной? Но дать что-либо положительное въ пользу оправданія права властей казнить преступниковъ 5 гл. Дѣяній не можетъ.

Самое сильное доказательство въ пользу того, что право казни обязательно входитъ въ права власти, находятъ въ ученіи апостола о власти въ посланіи къ римлянамъ (13 гл.). Называя власть „Божьимъ установленіемъ“, апостоль выражается, что начальникъ, „Божій слуга“ и „отмститель въ наказаніе дѣлающему зло“, „не напрасно мечъ носить“. Надо сознаться, что это дѣйствительно самое сильное изъ всего, что говорится въ пользу казни отъ Писаній. Но думается, что и здѣсь далеко не обязательно тотъ крайній смыслъ, какой придается данному мѣсту. Апостоль пишетъ не о казни, а о власти, не о частности, а о принципѣ, Призывая всѣхъ къ повиновенію начальствующимъ и требуя отдачи имъ должнаго страха, чести, податей, онъ подкрѣпляетъ свои призывы объявленіемъ власти „Божьимъ установленіемъ“, а носителей ея „слугами Божьими“. Поясняя и доказывая послѣднюю мысль, онъ поставляетъ на видъ святую цѣль власти—помогать добру и силой пресѣкать зло, указывая какъ на знакъ этого права силы, на носимый властями мечъ. Такимъ образомъ, ап. Павелъ не имѣлъ нужды и повода обсуждать вопросъ о казни (т. е. объ одномъ изъ частныхъ правъ власти—лишать виновныхъ жизни). Онъ лишь утверждаетъ самый принципъ принудительной власти и наказанія, а на носимый начальниками мечъ ссылается только для иллюстраціи, какъ на символъ права власти на насиліе и наказаніе. Согласимся, что мечъ можно было взять за символъ карающей власти лишь въ томъ случаѣ, когда она дѣйствительно обладала правомъ меча, т. е. наказанія и въ видѣ казни (*jus gladii seu necis*). Но отъ того, что апостоль, утверждая идею власти и наказанія, бралъ ее въ современномъ ему видѣ, въ томъ символѣ, какимъ она тогда выражалась, еще далеко до освященія имъ и самой той частности въ правахъ тогдашней власти, той частной формы наказанія, которая дала происхожденіе символу, а равно до признанія вѣчными и неотъемлемыми и всѣхъ тѣхъ формъ и чертъ, въ какихъ проявлялась власть того времени. Только общій принципъ принудительной власти, а не частное ея право меча освятилъ на-

всегда (доколѣ существуютъ злые) апостолъ, возводя его къ первоосновѣ христіанства—любви (ст. 8—10). Мысль апостола останется въ силѣ и нерушимой и тогда, еслибы власть отказалась отъ меча (убійства) и олицетворилась въ болѣе мягкомъ символѣ, какъ не теряется она, на примѣръ, тогда, когда верховная власть существуетъ (Франція, Америка и пр.) въ видѣ палаты и президента, а не кесаря, въ каковой формѣ засталъ и беретъ ее апостолъ.

Итакъ, христіанство не даетъ прямого, безусловнаго отвѣта на вопросъ о смертной казни. И это потому, что вопросъ о ней, какъ и многіе другіе важнѣйшіе вопросы государства, внѣ сферы тѣхъ вѣчныхъ религіозно-нравственныхъ основъ, возвѣщеніе коихъ составляло служеніе Христа и апостоловъ. Но ученіе о казни, какъ и всѣ вопросы государства, должны быть освѣщаемы съ точки зрѣнія этихъ основныхъ началъ; не казуистику надо разводить на буквѣ Писаній, а истолковывать духъ религіи въ вопросахъ наказанія. Только такое освѣщеніе и истолкованіе нельзя уже съ абсолютной увѣренностью выдавать именно за мысль Христову и апостольскую ¹⁾: она—нашъ выводъ изъ данныхъ Христомъ и апостолами нравственныхъ основаній. Христіанство учить любви, но какъ дѣло (приспособленной къ грѣшнымъ условіямъ) любви оно понимаетъ и государство съ его властью въ пользу добрыхъ противъ злыхъ. Но вѣчныхъ и неизблемыхъ частныхъ формъ проявленія власти и лучшихъ видовъ наказаній оно не указываетъ. Ихъ надо расцѣпывать по мѣрѣ ихъ сообразности своимъ христіанскимъ цѣлямъ въ атмосферѣ данныхъ историческихъ условій. Къ христіанскому облагороженію уложенія о наказаніяхъ непременно надо стремиться. Членовредительство, пытки, порка въ уложеніи болѣе не существуютъ. Можетъ быть теперь настойтъ очередь отказаться и отъ казней. Но прежде надо создать другой, столь-же прочный, способъ обезопасить общество отъ оставляемаго въ живыхъ злодѣя. И ничто такъ не препятствуетъ отмѣнѣ у насъ казни, какъ современное развитіе злодѣйства и людоедства, въ видѣ безпощадно истребляемыхъ слѣва государственныхъ людей браунингами и бомбами, во имя осуществленія освободительныхъ принциповъ. Очень жаль злодѣя, но еще болѣе должно жалѣть невинныхъ жертвъ злодѣянія. Насаждать блага государственной свободы и культурнаго братства насиліемъ и злодѣяніями—нехристіанске дѣло.

В. П. Базаряниновъ.

¹⁾ Поэтому неумѣстны здѣсь „протесты“ во имя Христова (ни справа, ни слѣва): Христось по цѣлу о казняхъ не протестовалъ.

Къ вопросу о православіи арх. Михаила.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Бывшій профессоръ церковнаго права Спб. духовной академіи, архимандритъ Михаилъ сталъ извѣстенъ въ широкихъ слояхъ читающей публики черезъ посредство многочисленныхъ брошюръ и книжекъ, которыя онъ началъ усиленно выпускать въ декабрѣ 1905 года, въ самый острый періодъ разразившагося въ Россіи революціоннаго движенія (московское возстаніе), и съ тѣхъ поръ не перестаетъ своей печатной дѣятельностью, то въ видѣ „новыхъ книгъ“ подъ разными громкими названіями, то своимъ участіемъ въ органахъ періодической печати будировать общество людей вѣрующихъ или еще не потерявшихъ интереса къ вопросамъ религіи поддѣлкой и приспособленіемъ христіанскаго ученія къ вопросамъ, выдвинутымъ революціоннымъ движеніемъ.

То легкое отношеніе къ вѣрѣ, которое проявилъ въ своихъ брошюрахъ этотъ „православный“ архимандритъ—лицо монашесствующее, профессоръ православной духовной академіи, заставляло людей вѣрныхъ Христовой Истинѣ и живущихъ ею внутренно содрогаться и скорбять по поводу соблазна, безнаказанно творимаго этимъ архимандритомъ. Истина православія, „засвидѣтельствованная отъ Бога знаменіями и чудесами и различными силами и раздаяніемъ Духа Святого“ (Евр. II, 4)—подвергалась самому беззастѣнчивому поправанію.

Тяжело было видѣть, какъ противоцерковная и вредная по своему содержанію дѣятельность этого профессора не встрѣчала ни откуда никакого противодѣйствія, ни запрета. Широкой волной, въ видѣ потока печатныхъ словъ, разливались по Россіи мутныя воды произведеній арх. Михаила и разносили съ собою несомнѣнную духовную заразу.

Если бы еще жизнь нашей церкви помѣстной Россійской отличалась цвѣтущимъ здоровьемъ, то организмъ ея самъ бы почув-

ствоваль присутствіе вредныхъ для себя бациллъ въ произведеніяхъ арх. М., и началъ бы лихорадочную дѣятельность, направленную на удаленіе ихъ.

Но, къ глубокому огорченію, жизнь наша духовная находится въ состояніи крайняго оскудѣнія, упадка, расслабленія. Знаніе своей вѣры, твердое исповѣданіе ея и жизнь духовная, во всемъ согласная съ требованіями вѣры—сдѣлались рѣдкимъ явленіемъ, достояніемъ отдѣльныхъ лицъ, въ большинствѣ случаевъ пребывающихъ въ безвѣстности, въ „пустыняхъ“, въ глухихъ и уединенныхъ монастыряхъ или же странствующихъ по лицу обширной земли нашей.

Общее же состояніе „вѣрующихъ“—крайне печальное: „они изнурены и разсѣяны, какъ овцы, не имѣющія пастыря“ и легко „увлекаются всякимъ вѣтромъ ученія, по лукавству челоуковъ, по хитрому искусству обольщенія“ (Матѣ. IX, 36; Ефес. IV, 14).

Жизнь плотская и грѣховная заглушила добрыя сѣмена и начатки Духа.

Показателемъ такого состоянія внутренней жизни нашей церкви могутъ служить отчасти и наши православныя духовныя академіи. По своему назначенію онѣ должны бы были способствовать укрѣпленію и развитію православной вѣры, готовить для церкви людей, облеченныхъ во „всеоружіе“ духовныхъ силъ, подвижниковъ Православія.

Но какъ далека отъ этого дѣйствительность!

Читатель, незнакомый непосредственно съ жизнью духовныхъ академій, въ ихъ современномъ состояніи, даже не можетъ себѣ того представить. Но, если онъ остановится только на внѣшнихъ фактахъ и наиболѣе крупныхъ событіяхъ изъ этой жизни, то уже по нимъ увидитъ, какъ велико здѣсь „отступленіе“ отъ вышеуказанной цѣли.

Не будетъ преувеличеніемъ сказать, что православная академія (мы имѣемъ въ виду С.-Петербургскую) почти утратила свое Православіе. Иной духъ занялъ здѣсь господствующее положеніе, „ибо не мало вкралось сюда людей, издревле предназначенныхъ къ сему осужденію, нечестивыхъ, обращающихъ благодать Бога нашего въ поводъ къ распутству и отвергающихъ единого Владыки Бога и Господа нашего Иисуса Христа“ (Посл. ап. Іуды I, 4).

Какихъ подвижниковъ воспитала или пріютила у себя за послѣднее время Спб. дух. академія? Свящ. Г. Петрова? Или архимандрита Михаила?—Когда бы только ихъ однихъ!

Правда, и здѣсь есть еще „лучи“ свѣта, которыхъ не можетъ объять „академическая тьма“...

Но ихъ единичность и исключительность занимаемой ими позиціи дѣлаетъ еще болѣе ощутимой безпросвѣтность общаго состоянія.

Архимандриты Михаила находятъ себѣ въ такой средѣ благопріятную почву и глубоко пускаютъ корни...

Все это тѣмъ болѣе прискорбно, что дѣятельность подобныхъ „подвижниковъ“, какъ свящ. Г. Петровъ и арх. Михайль, протекаетъ на глазахъ у нашихъ архипастырей призванныхъ блюсти чистоту вѣры и „образецъ здраваго ученія“,—вѣдь въ этомъ и въ раздаяніи достойнымъ врученной имъ Благодати—самая высокая, отвѣтственная и важная часть ихъ служенія.

Арх. Михайль, по всей вѣроятности, и понынѣ продолжалъ бы спокойно свою социалистическую дѣятельность, укрываясь въ стѣнахъ православной академіи, если бы не былъ, по настоянію свѣтской власти, уволенъ изъ числа профессоровъ академіи опредѣленіемъ св. Синода.

Это увольненіе до нѣкоторой степени вскрыло нагноившуюся рану и послужило поводомъ для печатаемыхъ ниже двухъ открытыхъ запросовъ къ арх. Михайлу. Ими же обусловлено появленіе и настоящей статьи ¹⁾.

По поводу увольненія о. архимандрита Михаила.

(Открытое письмо группы студентовъ с.петербургской духовной академіи).

Фактъ увольненія о. архимандрита Михаила изъ состава профессоровъ нашей академіи вызвалъ къ себѣ, какъ и слѣдовало ожидать, различное отношеніе среди общества и студентовъ. Одни ратуютъ за него, какъ за человѣка, потерпѣвшаго-де насилие за открытое исповѣданіе „истиннаго“ христіанства. Другіе, наоборотъ, осуждаютъ уволеннаго о. архимандрита.

Студенты нашей академіи рѣшили послать открытый запросъ Святѣйшему Синоду о взглядѣ его на отношеніе православія къ политикѣ и въ частности о мотивахъ удаленія о. Михаила.

Мы же, придавая гораздо большую важность вопросу объ отношеніи о. архимандрита къ самому православію и имѣя свой опредѣленный взглядъ на это, рѣшили высказать его во всеуслышаніе.

Мотивы къ тому слѣдующіе. Книжки и брошюры о. Михаила,

¹⁾ Письма эти первоначально были напечатаны въ „С.П.Вѣдом“. и въ „Колоколѣ“. Здѣсь мы ихъ перепечатаваемъ, чтобы облегчить читателю ознакомленіе съ вопросомъ.

особенно какъ редактора „Свободы и Христіанства“, широко распространялись по Россіи. Его слушаютъ лично и заочно многочисленныя аудиторіи. Острыя темы популярныхъ богословско-публицистическихъ брошюръ его привлекаютъ къ себѣ публику, часто неспособную разобратъся самостоятельно въ принципиальныхъ вопросахъ христіанства. А его званіе профессора духовной академіи и монашескій клобукъ архимандрита православной церкви увеличивали авторитетъ его въ глазахъ довѣрчивыхъ читателей.

Въ виду этого, мы пришли къ сознанию необходимости высказать свое сужденіе о міровоззрѣніи и дѣятельности о. архимандрита.

Въ обществѣ (разумѣемъ интеллигенцію), наряду съ вѣрными, къ прискорбію, немногочисленными сынами православной восточной вселенской церкви, за послѣдніе годы наблюдаются три главныхъ теченія. Одни стали въ открытую вражду къ христіанству, другіе,—и такихъ большинство,—относятся къ нему тепло-хладно, и, наконецъ, третьи измышляютъ, всякій по своему, „новое“ христіанство.

Къ глубокому сожалѣнію, подобныя теченія,—за исключеніемъ пока еще открытой вражды,—существуютъ и среди не только студентовъ, но даже и профессоровъ нашихъ православныхъ академій.

Между прочимъ, среди представителей третьяго теченія за послѣдніе два года возникли попытки установить соглашеніе православія съ социализмомъ. Явился такъ называемый „христіанскій социализмъ“, перенятый съ Запада.

Однимъ изъ крайнихъ выразителей этого направленія и былъ о. архимандритъ Михаилъ.

Всѣ такого рода попытки, а слѣдовательно, и ихъ представителей мы считаемъ неправославными и тѣмъ болѣе опасными, что они прикрываются маской христіанскихъ словъ. А потому удаленіе о. архимандрита Михаила изъ православной академіи мы считаемъ явленіемъ положительнымъ, нормальнымъ.

Основаніемъ къ такому сужденію объ о. архимандритѣ служатъ личныя бесѣды съ нимъ и, главнымъ образомъ, его сочиненія. Но тутъ мы считаемъ нужнымъ заявить, что его книжки настолько неопредѣленны и туманны, по формѣ своего изложенія, что почерпнуть изъ нихъ точныя, неопровержимыя данныя для сужденія о его неправославіи представляется весьма затруднительнымъ,—хотя для внимательнаго православнаго читателя это достаточно ясно. Однако же, въ виду указанной неопредѣленности, а также въ виду того, что о. архимандритъ можетъ считать наше обвиненіе невѣрнымъ, мы обращаемся къ нему съ просьбой (думаемъ, что онъ удовлетворитъ насъ, вслѣдствіе важности дѣла) отвѣтить намъ печатно на слѣдующіе вопросы коротко и ясно, дабы устранить возможность всякихъ недоразумѣній:

1) Считаетъ ли себя о. Михаилъ принадлежащимъ къ православно-каеолической церкви, „единой, святой, соборной и апостольской“?

2) Если да, то считаетъ-ли онъ православное ученіе непогрѣшительнымъ и полнымъ выраженіемъ вселенской истины христіанства, а восточную церковь хранительницей этой истины?

3) Что считаетъ о. Михайлъ критеріемъ православнаго ученія? Признаетъ-ли онъ Боговдохновенность и подлинность Св. Писанія? Если не все, то какія мѣста онъ считаетъ таковыми?

4) Какъ относится о. архимандритъ Михайлъ къ вселенскимъ соборамъ и къ твореніямъ свв. отцовъ?

5) Вѣруетъ ли онъ въ Иисуса Христа, какъ Единороднаго Сына Божія, Искупителя рода человѣческаго?

и 6) Какъ онъ понимаетъ Царство Божіе?

Послѣдній вопросъ, насколько это можно уловить изъ неопредѣленныхъ рѣчей о. Михаила, рѣшается имъ въ смыслѣ устроенія Царства Божія на этой землѣ, чѣмъ и объясняется тѣсная связь о. архимандрита съ социализмомъ. Но съ тѣмъ или инымъ воззрѣніемъ на этотъ предметъ необходимо связаны вопросы о растрѣннн человѣческой природы, о смыслѣ искупленія, о безсмертіи, о воскресеніи мертвыхъ, о страшномъ судѣ, о Богочеловѣчествѣ Иисуса Христа, наконецъ и самой вѣрѣ въ Бога.

Несомнѣнно, на всѣ постановленные вопросы у о. Михаила, какъ проповѣдника-профессора, должны уже имѣться отвѣты. А св. апостоль Петръ говорить: „будьте всегда готовы всякому, требующему у васъ отчета о вашемъ упованіи, дать отвѣтъ съ кротостью и благоговѣніемъ“ (1 посл. III, 15).

Уполномоченные отъ группы:

Студ. IV к. Иванъ Ѳедченковъ.

Студ. III к. Викторъ Раевъ.

Студ. II к. Евгеній Лукинъ.

Студ. I курс. Николай Маковецкій.

Открытое письмо о. архимандриту Миханлу.

О. архимандритъ!

Открытымъ письмомъ на имя И. А. Ѳедченкова вы отлучили его отъ церкви, о чемъ сообщили для свѣдѣнія инспектору спб. академіи. Поводомъ къ такому „отлученію“, надо думать, послужило наше открытое письмо къ вамъ помѣщенное 16 дек. 1906 г. въ „С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ“ № 278 и въ „Колоколѣ“ № 270.

За послѣднее, впрочемъ, время въ академіи распространилось иное толкованіе вашего „отлученія“, а именно: будто бы вы даже и не читали нашего письма, а „отлучили“ И. А. Ѳедченкова за его рѣзкія рѣчи о васъ на студенческой сходкѣ.

Такъ это или иначе, но долгомъ своимъ считаю заявить, что я раздѣляю убѣжденія И. А. Ѳедченкова относительно васъ, а на сходкѣ студентовъ академической группы, бывшей 7 декабря 1906 года, я высказывался еще болѣе опредѣленно, чѣмъ И. А., о несомнѣстности проповѣдуемаго вами „христіанскаго социализма“ съ православіемъ и о вашемъ невѣрїи вообще.

Не найдете-ли поэтому нужнымъ отлучить и меня отъ церкви? Меня это не страшитъ, такъ какъ ваша принадлежность внутренняя и духовная къ Тѣлу церкви Христовой, послѣ нашего открытаго запроса въ вамъ, а также другихъ нѣкоторыхъ обстоятельство, сама находится подъ сомнѣніемъ и, до тѣхъ поръ пока вы не исповѣдуете печатно истины православія, я не могу признать дѣйствительнымъ или имѣющимъ внутреннюю силу такое „отлученіе“, не говоря уже о „каноническихъ“, формальныхъ къ тому препятствіяхъ (вы—не епископъ и не духовникъ нашъ), которыя вамъ, какъ профессору церковнаго права, должны быть хорошо извѣстны.

Итакъ, если вы—„пастырь добрый“, то успокойте наше сомнѣніе относительно вашей вѣры и принадлежности къ Восточной православной церкви, въ которой вы хотите, повидимому, пользоваться божественной властью.

Если же вы будете отмалчиваться, то мы вынуждены будемъ истолковать ваше молчаніе—невозможностью для васъ православнаго исповѣданія.

Студентъ I курса спб. духовной академіи.

Николай Маковецкій.

I.

„Иисусъ сказалъ: берегитесь, чтобы васъ не ввели въ заблужденіе, ибо многіе придуть подъ именемъ Моимъ, говоря, что это Я; и это время близко. Не ходите вслѣдъ ихъ“.

(Евангеліе отъ Луки гл. XXI, 8).

„Ибо если бы кто, пришедъ, началъ проповѣдывать другого Иисуса, котораго мы не проповѣдывали или если бы вы получили иного Духа, котораго не получили, или иное благовѣстіе, котораго не принимали,—то вы были бы очень снисходительны къ тому“.

(2 пос. Коринѣ. гл. XI, 4).

Архимандритъ Михаилъ, въ отвѣтъ на обращенную къ нему двукратную просьбу печатно исповѣдать истину Православія и заявить о своей принадлежности къ Восточной Православной Церкви, передалъ мнѣ 26-го января сего года собственноручно имъ изложенное и подписанное сообщеніе, представляющее собою, по его мнѣнію, „отвѣтъ“ на предложенные ему вопросы и долженствующее устранить подозрѣніе его въ отступленіи отъ православія.

„Отвѣтъ“ этотъ представляется въ высшей степени характер-

нымъ для арх. М., поэтому, несмотря на его довольно значительный объемъ, мы приводимъ его съ возможной полнотой, опуская лишь нѣсколько строкъ, не относящихся къ существу вопроса и не касающихся ни И. А. Өедченкова, ни меня.

Г. Маковецкому.

„Если вамъ такъ угодно получить отвѣтъ отъ меня, я отвѣчаю.

Письма вашего въ „Колоколъ“ и „Спб. Вѣд.“ не читалъ не только тогда, когда писалъ г. Өедченкову, но и до сихъ поръ его не видалъ.

Өедченкова я отъ церкви не отлучалъ. Считаю только себя въ правѣ и считаю (повѣрьте, что здѣсь я, проф. церков. права, авторитетнѣе васъ и невѣжественнаго „Колокола“) — запретить *до суда духовника*—каждому, встрѣтившемуся на моей священнической дорогѣ—причащеніе святыхъ таинъ, если считаю такое причащеніе кощунственнымъ.

Причина запрещенія—рѣчи, обвиняющія клеветнически священника въ его отсутствіе,—когда у Өедченкова были и мѣсто и случаи спросить меня или обвинять меня и при двухъ трехъ свидѣтеляхъ и передъ всей церковью.

Свою вѣру я исповѣдывалъ не разъ.

Я повторяю всегда и вездѣ, что вѣра въ Распятаго и Воскресшаго Бога—есть основа и опорный камень моего міровоззрѣнія.

Вы не согласны съ моими воззрѣніями по вопросу о земной задачѣ христіанства.

Здѣсь не мѣсто доказывать вамъ, что вашъ взглядъ есть отрицаніе Голгоѣи и дѣла Христова.

Вѣрую и исповѣдую, что человекъ, который не считаетъ всѣ формы общественнаго насилія и угнетенія такимъ тяжкимъ и „личнымъ грѣхомъ“, какъ свои индивидуальныя грѣхи и паденія,—не подходилъ еще къ Голгоѣѣ.

Тотъ, кто отрицаетъ борьбу съ грѣхомъ, кристаллизовавшимся въ злыхъ и позорныхъ учрежденіяхъ, тотъ или лицемеръ, лживо называющій имя Христа, или сладострастникъ типа Франциска Ассизскаго, для котораго Голгоѣа—не проповѣдь борьбы съ проказой міра, а форма опьяненія. Но, повторяю, объ этомъ не мѣсто писать здѣсь.

Господинъ Маковецкій желаетъ, чтобы я и его отлучилъ, какъ Өедченкова.

Заявляю: его рѣчи о томъ, что моя собственная принадлежность къ церкви, послѣ ихъ открытаго запроса, сомнительна и

пр., весь тонъ его письма, отлучающаго меня отъ церкви нас. только съ церковной точки зрѣнія непозволительны и некорректны, что я считаю въ его теперешнемъ явно возбужденномъ состояніи, всякія священническія мѣры воздѣйствія безцѣльными и бесполезными.

Тотъ фактъ, что студ. I курса, который можетъ быть знакомъ со мной только по моимъ книгамъ, не поддающимся перетолкованіямъ, поскольку онѣ касаются вопроса о вѣрѣ, говорилъ *о моемъ нестырніи вообще* (см. „Спб. Вѣд.“), нахожу очень оригинальнымъ.

Архим. Михаилъ.

Можете, если угодно, напечатать, но лично я не придаю факту значенія и считаю для себя обременительнымъ, кромѣ этого объясненія, еще обращаться въ редакцію съ просьбой о напечатаніи письма“.

Итакъ, надо быть довольнымъ, что арх. М., по крайней мѣрѣ, не возбраняетъ печатать его „отвѣтъ“, но нельзя не выразить недоумѣнія, что „православный“ архимандритъ не придаетъ значенія печатано выраженному и сдѣлавшемуся общеизвѣстнымъ сомнѣнію въ его „православіи“ и не спѣшитъ самъ, не боясь трудовъ и лишеній (энергій у арх. М. вообще болѣе чѣмъ достаточно), печатно же устранить отъ себя всякое подозрѣніе въ неправославномъ образѣ мыслей. Арх. М. не придаетъ факту значенія и тѣмъ доказываетъ свое равнодушіе къ истинѣ православной вѣры. Мы не знаемъ, дорожить ли вообще арх. М. православіемъ, знаемъ только, что не такъ относились къ нему и не такъ поступали подлинныя исповѣдники православія. Умѣстнымъ считаемъ привести здѣсь для иллюстраціи повѣствованіе о старцѣ Агаѣонѣ, знаменитомъ по своему смиренію и терпѣнію. Однажды братья монастыря, желая испытать эти его свойства, стали возводить на него всяческія ложныя обвиненія, называли его гордецомъ, злорѣчивымъ, блудникомъ, клеветникомъ и т. п. Но, все это старецъ переносилъ безъ всякаго заперательства. Наконецъ, кто-то назвалъ его „еретикомъ“. Старецъ, услышавъ это, сказалъ имъ: „хотя я обремененъ многими другими пороками, но отнюдь не еретикъ; чуждъ душѣ моей этотъ порокъ“, и затѣмъ добавилъ: „Подобаетъ намъ терпѣливо, со смиреніемъ переносить всѣ противности. Но обвиненія въ ереси я не могъ принять,—съ великимъ омерзѣніемъ къ нему отвергъ его: потому что ересь есть отчужденіе отъ Бога. Еретикъ отлучается отъ

*

Бога живаго и истиннаго и приобщается діаволу и ангеламъ его“¹⁾).

Для арх. же М. обвиненіе его въ отступленіи отъ православія—фактъ, не имѣющій значенія! Само по себѣ уже достаточно знаменательное отношеніе. Но обратимся къ самому письму.

Въ „отвѣтъ“ арх. М. можно усмотрѣть три части: 1-ая касается отлученія И. А. Ѳедченкова; 2-ая представляетъ собой собственно исповѣданіе вѣры арх. М. и, наконецъ, 3-я касается меня лично: „непозволительности и некорректности съ церковной точки зрѣнія (!) тона моего письма, отлучающаго арх. М. отъ церкви“, моего якобы „возбужденнаго состоянія, дѣлающаго безцѣльными и бесполезными всякія священническія мѣры воздѣйствія“ и „моего права трактовать о невѣріи арх. М. вообще“.

Остановимся пока на первой и послѣдней его частяхъ и постараемся вкратцѣ указать на заключающіяся въ нихъ неточности и несообразности, а затѣмъ перейдемъ ко второй и наиболѣе существенной части этого „отвѣта“, т. е. къ самому исповѣданію вѣры арх. М. и разберемъ отношеніе его къ православному ученію.

I. Хотя арх. М. и утверждаетъ, что онъ не отлучалъ Ѳедченкова отъ церкви, но лишь запретилъ ему *до суда духовника* причащеніе Святыхъ таинъ, однако въ дѣйствительности это не такъ. Въ открытомъ письмѣ его было сказано: „Мною во имя моей священнической власти, данной мнѣ Господомъ Иисусомъ Христомъ, лишень за оклеветаніе священника (меня) — причащенія Св. Таинъ и участія въ церковныхъ службахъ студ. Ѳедченковъ впредь до очищенія совѣсти покаяніемъ“. Запрещеніе принимать участіе въ церковныхъ службахъ есть отсѣченіе отъ общенія церковнаго, т. е. отлученіе. Если же это только эпитимія, то и она въ данномъ случаѣ могла бы быть наложена лишь духовникомъ или по суду епископа. На это уже указывалось арх. М. Теперь онъ хочетъ создать какую-то новую форму „предварительнаго запрещенія“, но если это не отлученіе и не эпитимія въ дѣйствительномъ смыслѣ, то это лишь простой „совѣтъ“. Тогда при чемъ же тутъ священническая власть и категорическое выраженіе „лишень“? Какъ видно, запутался арх. М. Недѣйствительность его „отлученія“, между прочимъ, подтверждена митрополитомъ, къ которому И. А. Ѳедченковъ обратился за разъясненіемъ настоящаго вопроса. Итакъ, если вообще надо бы считать арх. М. въ такихъ вопросахъ „авторитетнѣе и меня

¹⁾ Отечникъ, собр. соч. епископа Игнатія Брянчанинова, т. VI стр. 54.

и невѣжественнаго „Колокола“, то въ данномъ случаѣ онъ самъ совершенно подорвалъ свой авторитетъ и показалъ себя не знающимъ простыхъ вещей каноническаго права.

Далѣе, „причина запрещенія“, какъ пишетъ арх. М.—, рѣчи, обвиняющія клеветнически священника“. Но позволительно спросить, откуда арх. М-лу стало извѣстно содержаніе этихъ рѣчей? Отъ третьихъ лицъ? Увѣренъ-ли онъ въ точности ихъ передачи, чтобы имѣть основаніе, не побесѣдовавши лично съ А. И. Ѳедченковымъ, назвать его рѣчи „клеветническими“? Кромѣ того, клевета для своего состава требуетъ завѣдомой лжи, а это арх. М. никакъ не можетъ утверждать. Наконецъ, что побуждало арх. М-ла дѣйствовать съ такою поспѣшностью. Если онъ къ самому себѣ примѣняетъ евангельское правило (Евангеліе Мате. гл. XVIII, 15—17) и хотѣлъ бы быть предварительно изобличенъ „при двухъ—трехъ свидѣтеляхъ, а затѣмъ и передъ всею церковью“, то спрашивается, почему онъ не примѣнилъ того же порядка къ И. А., а безъ всякихъ запросовъ и вразумленій рѣшительнымъ актомъ власти „отлучил“ его отъ церкви.

„Впередъ не попадайся на моей священнической дорогѣ!“

Это болѣе похоже на волка лютаго, чѣмъ на пастыря добраго.

Арх. М. считаетъ для И. А. Ѳедченкова причащеніе Св. Таинъ—кощунственнымъ, но, бросая такое тяжкое обвиненіе, онъ ни чѣмъ его не доказываетъ. Допустимъ, напримѣръ, что я на сходкѣ заявилъ (что и въ дѣйствительности было), что считаю арх. М-ла человѣкомъ невѣрующимъ. Что-же отсюда слѣдовало бы для арх. М., коль скоро онъ такое утвержденіе считаетъ „клеветой“?

Не долженъ-ли онъ былъ бы прежде всего разубѣдить меня точнымъ исповѣданіемъ вѣры (православной) и уже затѣмъ, въ случаѣ моего упорства и злонамѣренности, принимать тѣ или другія мѣры рѣшительнаго воздѣйствія?

Думается, что долженъ-бы.

2. Перехожу къ третьей части письма.

Я, дѣйствительно, желалъ бы быть отлученнымъ, подобно И. А. Ѳедченкову, но только не отъ Церкви, а отъ арх. М-ла, т. е. не имѣть съ нимъ никакого духовнаго общенія до тѣхъ поръ, пока онъ со всею точностью и полнотою не исповѣдуетъ православной вѣры и тѣмъ не докажетъ своей принадлежности къ Восточной Православной Церкви, отлучить отъ которой теперь ни меня, ни И. А. Ѳедченкова онъ, при всемъ своемъ желаніи, не можетъ, на что и указывалось ему въ моемъ письмѣ.

Но арх. М. считаетъ мои рѣчи о сомнительной принадлежности его къ Восточ. Православ. Церкви, послѣ нашего открытаго запроса, какъ и „весь тонъ моего письма, отлучающаго его отъ церкви—непозволительными и некорректными съ церковной точки зрѣнія“, отсюда заключаетъ о моемъ „возбужденномъ состояніи“ и въ силу этого признаетъ „безполезными всякія священническія мѣры воздѣйствія на меня“.

Эта „непозволительность“ и „некорректность съ церковной точки зрѣнія“—выдуманы самимъ арх. М-омъ. Церковь Православная никогда не научала своихъ членовъ и не требовала отъ нихъ теплохладности къ вопросамъ вѣры, именуемой на языкѣ арх. М-ла „корректностью“.

Вѣдь всякое обличеніе съ „салонной точки зрѣнія“ можетъ показаться „некорректнымъ“, но эту свѣтскую щепетильность мы предоставляемъ арх. М-лу и думаемъ, что она не только неумѣстна, но даже преступна тамъ, гдѣ затронута истина вѣры. „Непозволительность“ также совершенно мнимая...

Допустимъ даже, что я въ открытомъ письмѣ заявилъ бы прямо, что считаю арх. М-ла—еретикомъ и до тѣхъ поръ, пока онъ не исповѣдуетъ печатно или передъ всею Церковью истины православія и не откажется отъ лжеученія „христіанскаго социализма“, я не желаю имѣть съ нимъ никакого общенія,—то и тогда такое мое заявленіе было бы совершенно позволительно съ церковной точки зрѣнія. Это не было бы въ тѣсномъ смыслѣ отлученіе, которое есть актъ власти духовной, но было бы отказомъ отъ общенія, на что имѣетъ право всякій мірянинъ, кто бы онъ ни былъ по своему положенію. Арх. М., быть можетъ, думаетъ, что его санъ архимандрита или званіе профессора церковнаго права создаетъ ему такую привилегію—стоять внѣ подозрѣній—напрасное самообольщеніе! Изъ исторіи Церкви ему должно быть извѣстно, что были еретики не только пресвитеры и епископы, но даже и патріархи ¹⁾. И никакая власть церковная не въ состояніи заставить слѣдовать еретическому ученію!

Такъ что арх. М. совершенно напрасно прячется здѣсь подъ крылышко „церковной точки зрѣнія“, которую онъ, прежде всего, не достаточно хорошо знаетъ, а затѣмъ и не придерживается ея послѣдовательно, а прыгаетъ отъ одной крайности къ другой. Когда ему нужно, онъ становится на церковную точку зрѣнія, а

¹⁾ Такъ, Несторій, Сергій и Пирръ—константинопольскіе патріархи; Евтихій—архимандритъ константинопольскаго монастыря; Аріій—александрійскій пресветерь; множество аріанскихъ епископовъ.

въ другихъ случаяхъ доходить до совершеннаго отрицанія церковности.

Заключеніе о моемъ „возбужденномъ состояніи“ также называется совершенно безпочвеннымъ. Этотъ заочный діагнозъ арх. М. можно разсматривать развѣ только какъ полемическій приемъ, свидѣтельствующій объ отсутствіи болѣе серьезныхъ аргументовъ. Вотъ ужъ что называется „легко валить съ больной головы на здоровую“. И это въ то время, когда самъ арх. М., какъ передавали изъ солидныхъ источниковъ, находится въ крайне нервномъ, болѣзненномъ состояніи.

Возбужденіе возбужденію—рознь и, если я не могу относиться равнодушно къ искаженію вѣры, то такое мое „возбужденіе“ еще нисколько не порочитъ моего отношенія къ вопросу. Но, допустимъ даже, что я былъ бы въ крайней степени возбужденія, близкой къ состоянію изступленія, но и тогда заключать о „безцѣльности и бесполезности *всякихъ* священническихъ мѣръ воздѣйствія на меня“—совершенно неосновательно. Именно въ такихъ-то случаяхъ и открывается мѣсто для *истинно* священническихъ мѣръ воздѣйствія, для духовнаго врачевства. Если бесполезно „отлученіе“, то полезно увѣщаніе, наконецъ, самое исповѣданіе арх. М-омъ вѣры, котораго отъ него добиваются, могло бы дать полное и желаемое успокоеніе.

Нѣтъ, этотъ новый изворотъ арх. М. совершенно не удаченъ!

Наконецъ, арх. М. находитъ „очень оригинальнымъ, что студентъ I курса, который, можетъ быть, знакомъ съ нимъ только по его книгамъ, не поддающимся перетолкованіямъ, поскольку онѣ касаются вопроса о вѣрѣ, говорилъ на сходкѣ о *нестрѣи* арх. М. вообще“.

Напрасно арх. М. думаетъ, что я могу быть знакомъ съ нимъ только по его книгамъ, которыя будто, какъ нѣкій чистый кристаллъ, „не поддаются перетолкованіямъ, поскольку онѣ касаются вопросовъ вѣры“. Прежде всего, этой чистоты, ясности о опредѣленности, которая не требовала бы перетолкованія, въ произведеніяхъ арх. М-ла вовсе не наблюдается, на что уже указывалось въ первомъ письмѣ. Эти „произведенія“ скорѣе напоминаютъ мутный горный потокъ, вырвавшійся изъ бездны, который пѣнится срамотою своею и обманчивой бѣлизной этой пѣны прикрываетъ муть текущей въ немъ воды. И чтобы произвести анализъ ея, требуется немалое искусство!

Для меня основаніемъ къ тому, чтобы судить о невѣрїи арх. М-ла, послужили не столько его сочиненія, съ которыми я больше

былъ знакомъ по заголовкамъ и разноцвѣтнымъ оберткамъ, сколько его возраженія и подлинныя слова („на этой недѣлѣ я—невѣрующій человѣкъ“), сказанныя имъ въ христіанскомъ содружествѣ учащейся молодежи во время преній на рефератѣ И. А. Ѳедченкова „Христіанство и земля“, бывшемъ 13 дек. 1905 года; затѣмъ, его переписка со мной во время тѣхъ же преній; и, наконецъ, его заявленіе, помѣщенное въ революціонной газетѣ „Товарищъ“ о своей принадлежности къ народно-соціалистической партіи.

Въ моихъ глазахъ это вполне достаточный матеріалъ, чтобы заключить о „невѣріи“ арх. М., безотносительно къ тому, на какомъ я самъ нахожусь курсѣ и насколько близко я знакомъ съ произведеніями арх. М-ла. Оригинальнаго тутъ совершенно ничего нѣтъ!

Такимъ образомъ, видно, насколько неосновательно все то, что сообщилъ арх. М. въ 1-ой и въ 3-ей частяхъ своего письма. Но, если такая неосновательность и легковѣсность еще терпима въ отношеніи вопросовъ второстепеннаго характера или личныхъ, то тамъ, гдѣ дѣло касается истинъ вѣры, она становится невыносимой.

II.

Перейдемъ теперь къ разсмотрѣнію второй и наиболѣе существенной для насъ части отвѣтнаго письма архимандрита М., къ его исповѣданію вѣры.

„Свою вѣру, пишетъ арх. М., я исповѣдывалъ не разъ. Я повторяю всегда и вездѣ, что вѣра въ Распятаго и Воскресшаго Бога,—есть основа и опорный камень моего міровоззрѣнія.

Вы не согласны съ моими воззрѣніями по вопросу о земной задачѣ христіанства.

Здѣсь не мѣсто доказывать вамъ, что вашъ взглядъ есть отрицаніе Голгоѣы и дѣла Христова.

Вѣрую и исповѣдую, что человѣкъ, который не считаетъ всѣ формы общественнаго насилія и угнетенія такимъ тяжкимъ и „личнымъ грѣхомъ“, какъ свои индивидуальныя грѣхи и паденія,—не подходилъ еще къ Голгоѣѣ.

Тотъ, кто отрицаетъ борьбу съ грѣхомъ, кристаллизовавшимся въ злыхъ и позорныхъ учрежденіяхъ, тотъ или лицемеръ, лживо называющій имя Христа, или сладострастникъ типа Франциска Ассизскаго, для котораго Голгоѣа—не проповѣдь борьбы съ порочною міра,—а форма опьяненія.

Но, повторяю, объ этомъ не мѣсто писать здѣсь“.

Удивительно уклончивый отвѣтъ!

Самому исповѣданію удѣлено всего лишь три строчки, а остальное представляет собою неумѣстныя, по признанію самого же арх. М., разсужденія о несостоятельности *нашего* взгляда на земную задачу христіанства. И такимъ разсужденіямъ къ чему-то предпосылается торжественная форма „вѣрую и исповѣдую“. Какъ будто дѣло въ нашихъ взглядахъ. Вѣдь арх. М. спрашиваютъ о *его* *вѣрѣ*. Онъ, отвѣтивъ по существу весьма кратко, объ остальномъ предоставляет заключать а *contrario*.

Сказавъ о томъ, что онъ „всегда и вездѣ повторяетъ о своей вѣрѣ въ Распятаго и Воскресшаго Бога“, арх. М. совершенно не опредѣляетъ отношенія такого своего исповѣданія къ православному ученію. О немъ онъ вовсе не упоминаетъ, а говоритъ все про „свою лишь вѣру“. Считаетъ ли самъ арх. М. такое исповѣданіе исповѣданіемъ истины Православія, остается неизвѣстнымъ; о своей же принадлежности къ Восточной Православной Церкви онъ и вовсе умалчиваетъ. Трудно предположить, чтобы архимандритъ Православной Церкви и вдобавокъ бывшій проф. православной духовной академіи не зналъ, въ чемъ состоитъ Православіе. Очень жаль, что арх. М. „не читалъ и не видалъ“, какъ онъ утверждаетъ, нашего перваго письма, помѣщенного въ № 270 „Колокола“ и въ № 278 „Спб. Вѣд.“, а то воспользовался бы хоть предложенными ему готовыми вопросами.

При всемъ нашемъ желаніи, мы не только не можемъ усмотрѣть въ настоящемъ „отвѣтъ“ арх. М. исповѣданія истины Православія, но считаемъ его „изложеніе“ явно недостаточнымъ, уклончивымъ и при всемъ томъ заключающимъ въ себѣ крупныя заблужденія противъ религіозной истины. Если ужъ такъ обременительно, быть можетъ, некогда, а то и омерзительно было арх. М. прочесть наши вопросы въ „Колоколъ“ № 270 отъ 16 дек. 1906 г. (съ тѣхъ поръ прошло 1½ мѣс.), то казалось бы проще всего арх. М., коль скоро онъ считаетъ себя православнымъ, отвѣтить такъ: „принадлежу къ Восточной Православной Церкви и исповѣдую Никео-Цареградскій символъ вѣры со всей полнотой церковнаго его пониманія“. Это было бы кратко, не обременительно и вполнѣ положительно. А своимъ отвѣтомъ арх. М. нисколько не устраняетъ возможности обвиненія его въ крупныхъ еретическихъ заблужденіяхъ, что должно быть ему хорошо извѣстно изъ исторіи вселенскихъ соборовъ и того мучительнаго процесса рожденія, которымъ произошла на свѣтъ и возсіяла православная истина вселенскаго христіанства.

Такъ, признаетъ ли арх. М. троичность лицъ Божества, вѣрить ли онъ въ Живоначальную, Единосущную и Нераздѣльную Троицу? — Неизвѣстно. Вѣрить ли онъ въ Богочеловѣка Иисуса Христа, Единороднаго Сына Божія, Единосущнаго Отцу, принявшаго на себя человѣческую плотъ, нашего ради спасенія, плотію распятаго, умершаго и воскресаемаго? — Неизвѣстно.

Извѣстно, что онъ вѣрить „въ Распятаго и Воскресаемаго Бога“. Но такое исповѣданіе, если даже и считать его относящимся къ Личности Иисуса Христа, ничего еще не говоритъ о Его Богочеловѣчествѣ, т. е. о неслитномъ, непреложномъ и нераздѣльномъ соединеніи въ одномъ Лицѣ Иисуса Христа двухъ естествъ Божескаго и человѣческаго. Затѣмъ, крайне неудачная форма выраженія своей краткостью можетъ дать серьезное основаніе думать, что здѣсь допускается возможность распятія и воскресенія отдѣльно взятой Божественной Упостаси въ Личности Иисуса Христа (если только о Немъ идетъ рѣчь). Божество Его на крестѣ не страдало, но и не оставляло человѣчества, а добровольно соизволяло на страданіе непреложно, нераздѣльно и неслитно соединенной съ нимъ человѣческой плоти. Божество Его также не воскресло, такъ какъ не умирало, но воскресло силою Божества самого же Иисуса Христа Тѣло Его, вкусившее смерти. Еще при жизни земной Христосъ сказалъ Самъ про Себя іудеямъ: „Разрушьте храмъ сей (Тѣло Мое) и Я въ три дня воздвигну его“ (Еванг. отъ Іоанна гл. II, 19).

Затѣмъ, изъ словъ арх. М. все таки нельзя понять, говоритъ ли онъ о Богочеловѣчѣ, Иисусѣ Христѣ, распятомъ при Понтійскомъ Пилатѣ, или о какомъ-либо другомъ Христѣ. Въ дальнѣйшемъ онъ нигдѣ не упоминаетъ имени Иисуса, — говоритъ о „Голгоетѣ“, о „дѣлѣ Христовомъ“, ... но Христосъ значитъ помазанникъ и въ этомъ смыслѣ Христосъ не одинъ, Иисусъ же Христосъ, Одинъ Единственный, Спаситель міра, Единородный Сынъ Божій.

Какъ видно отсюда, „вѣрить въ Распятаго и Воскресаемаго Бога“ — недостаточно: ибо такое исповѣданіе можетъ заключать въ себѣ опасную ересь, уже осужденную на вселенскихъ соборахъ ¹⁾.

Вотъ еслибы арх. М. принималъ святоотеческое исповѣданіе вѣры, тогда сама собою устранилась бы подобная возможность.

Затѣмъ, вѣрить ли арх. М. въ Духа Святого, отъ Отца исходящаго и равночестнаго Отцу и Сыну? — Также неизвѣстно. Вѣ-

¹⁾ Это исповѣданіе напоминаетъ ересь патрипассіанъ и антиринита-ривъ.

рять ли онъ въ Приснодѣву Марію, Матерь Божию?—Неизвѣстно Тоже надо сказать и о другихъ важнѣйшихъ вопросахъ христіанской вѣры: о Церкви апостольской, о ея таинствахъ, о воскресеніи мертвыхъ, о будущемъ судѣ и о вѣчномъ мздовоздаяніи,—обо всемъ этомъ хитроумно умолчалъ арх. М.

Онъ можетъ сказать, что умолчалъ за недостаткомъ мѣста и времени, такъ какъ для этого потребовалось бы написать цѣлый трактатъ.—Нѣтъ, если арх. М. не отступаетъ отъ православія, то ему достаточно было сказать, что я вѣрю такъ, какъ вѣритъ Православная Церковь, а ея православное исповѣданіе извѣстно, въ чемъ состоитъ. Если же онъ не принимаетъ Православія въ такой полнотѣ, то ему надо было оговорить только особенности „своей вѣры“.

Здѣсь мы считаемъ умѣстнымъ привести слова, приписываемыя Аванасію Великому: „Иже хочетъ спастися, прежде всѣхъ подобаеъ ему держати каеолическую вѣру, ея же аще кто *цѣлы и непорочны* не соблюдетъ, кромѣ всякаго недоумѣнія, вовѣки погибнетъ“. (Символь А. В.).

Поэтому допустимъ на минуту, что арх. М. исповѣдуетъ со всею точностью важнѣйшіе догматы православной вѣры, но расходится со святой соборной и апостольской Церковью въ пониманіи Царства Божія или, какъ онъ говоритъ, „земной задачи христіанства“,—этого было достаточно, чтобы считать его неправославнымъ.

Арх. М. пишетъ: „Здѣсь не мѣсто доказывать вамъ, что *вашъ взглядъ* (на земную задачу христіанства) есть отрицаніе Голгоемы и дѣла Христова“.

Никакого своего взгляда на этотъ предметъ мы не имѣемъ, а твердо держимся ученія Евангельскаго, апостольскаго и св. Отцевъ Православной Церкви. Какимъ такимъ образомъ это ученіе отрицаетъ „Голгоему“ и „дѣло Христова“, арх. М. совершенно не доказываетъ, да и не можетъ доказать такой нелѣпости. Если онъ находитъ, что не мѣсто было доказывать это въ его сообщеніи, то крайне желательно, чтобы онъ доказалъ это въ какомъ-либо другомъ мѣстѣ. Намъ это представляется ничѣмъ инымъ, какъ голословнымъ утвержденіемъ, сваливающимъ съ больной головы на здоровую.

„Языкомъ нашимъ пересилимъ; уста напи съ нами; кто намъ господинъ!“ (Пс. XI, 5). Вотъ источникъ и опора подобныхъ утверженій. Цѣль же ихъ та, чтобы вселить у невнимательнаго читателя совершенно ошибочное представленіе, будто бы самъ арх. М. не отрицаетъ Голгоемы и дѣла Христова. Онъ-то ихъ и

отрицаетъ, такъ какъ трактуетъ „Голгоѳу“ и „дѣло Христово“ совсѣмъ не такъ, какъ учатъ св. Отцы Церкви.

По его мнѣнію, „человѣкъ, не считающій всѣ формы общественнаго насилія и угнетенія такимъ тяжкимъ и „личнымъ грѣхомъ“, какъ свои индивидуальныя грѣхи и паденія,—не подходилъ еще къ Голгоѳѣ“.

Если почитать Евангеліе, творенія св. Отцевъ Церкви, житія святыхъ, то можно подумать, что къ категоріи такихъ лицъ арх. М. относитъ всѣхъ святыхъ и праведниковъ, отъ вѣка благоудившихъ Богу. Даже Самого Господа Іисуса Христа онъ долженъ считать „не подходившимъ къ Голгоѳѣ“, а такъ какъ намъ изъ Евангелія достовѣрно извѣстно, что Господь Іисусъ Христосъ былъ распятъ на Голгоѳѣ, то останется заключить, что арх. М. говоритъ о какой-то другой, совершенно не евангельской Голгоѳѣ, о „Голгоѳѣ“ — на изнанку, или съ другой стороны. Не есть ли эта „новая Голгоѳа“ — революція, которая готовитъ распятіе Тѣлу Христову—Церкви и проповѣдуетъ вмѣсто послушанія до смерти крестной—бунтъ и возстаніе. Не постигла бы только этихъ проповѣдниковъ и толпы совращеннаго ими народа та же участь, что и іудеевъ, возставшихъ ради земнаго преуспѣванія противъ римской власти.

Если о такой „новой Голгоѳѣ“ говоритъ арх. М., то нельзя не согласиться съ нимъ, что къ ней не подходилъ, да и не подойдетъ человѣкъ „покаяннаго образа мыслей“. Онъ постоянно видитъ бревно грѣховности въ своемъ глазу и потому не дерзаетъ до полнаго своего исцѣленія заниматься извлеченіемъ сучковъ изъ глаза брата своего. Не смѣетъ также онъ „непщевати вини о грѣсѣхъ“, сваливая все на порядки, на строй, на бюрократію, на „зло, кристаллизовавшееся въ злыхъ и позорныхъ учрежденіяхъ“, знаетъ, что не изъ учрежденій, а „изъ сердца человѣческаго исходятъ злыя помыслы, прелюбодѣянія, любодѣянія, убійства, кражи, лихоимство, злоба, коварство, непотребство, завистливое око, богохульство, гордость, безумство (Ев. Мар. VII, 21—22); знаетъ, что самъ кругомъ виноватъ, и вмѣстѣ съ благоразумнымъ евангельскимъ разбойникомъ сознаетъ, что если и страдаетъ въ жизни сей, то по заслугамъ. Другимъ же людямъ не мститъ за ихъ зло, но предоставляетъ то Судіи Праведному, Который сказалъ: „Мнѣ отмщеніе и Азъ воздамъ“ (Второзакон. 32, 35).

Злодѣи же, висѣвшій по лѣвую сторону Іисуса Христа, сначала надругавшись достаточно надъ распятымъ Господомъ, потомъ съ дерзостью требовалъ своего „освобожденія“ со креста, отказываясь въ противномъ случаѣ вѣрить въ Божественность

Господа. „Если ты Христосъ, спаси себя и насъ“, говорилъ Онъ (Еванг. Луки XXIII, 39).

Такъ вотъ къ Голгоѣ-то можно подходить съ разныхъ сторонъ: одни подходятъ съ лѣвой, требуютъ отъ Христа и христіанства „освобожденія“ отъ незаслуженныхъ якобы ими земныхъ злостраданій, отказываясь въ противномъ случаѣ вѣрить въ побѣдную силу христіанства; другіе подходятъ съ правой, безропотно несутъ заслуженный ими жизненный крестъ и вмѣстѣ съ благоразумнымъ разбойникомъ взываютъ: „Помяни насъ, Господи, егда приидеши во Царствіи Твоемъ“ (Ев. Луки XXIII, 42), думая больше о своей грѣховности, чѣмъ о чужой, и вовсе не придавая въ вопросѣ о грѣхѣ такого несоотвѣтствующаго значенія „формамъ общественнаго насилія и угнетенія“.

Въ Евангеліи отъ Луки (XIII, 1—5) разсказывается о „галилеянахъ, которыхъ кровь Пилатъ смѣшалъ съ жертвами ихъ“. Объ этомъ разсказали Иисусу Христу. Интересно, какъ же Онъ отнесся къ такой „формѣ общественнаго насилія и угнетенія“ со стороны Пилата?—„Если не покаетесь, всѣ также погибнете“ — вотъ отвѣтъ Господа. Но въ чемъ же каяться?—Въ несовершенствѣ формъ правленія или отсутствіи соціального благоустройства? Нѣтъ, именно въ своихъ индивидуальныхъ грѣхахъ и паденіяхъ, за которыя и постигаютъ человѣчество кары общаго неустройства и разложенія жизни. Иисусъ Христосъ научаеъ смотрѣть на эти „формы общественнаго насилія“ такъ же, какъ и на стихійныя бѣдствія (паденіе башни Силоамской, голодъ, эпидемическія заболѣванія, землетрясенія, войны), какъ на кару Божію и на средство, призывающее окаменѣлыя сердца людей къ покаянію и возвращенію на путь Истины. Тому же учили св. апостолы, отцы и учителя Церкви, мученики, подвижники...

По арх. же Михаилу выходитъ, что всѣ они еще не подходили къ Голгоѣ! Развѣ только расчесть на полное религиозное невѣжество читателя позволяетъ арх. М. спокойно высказывать такую нелѣпость! Или же онъ говоритъ о „новой Голгоѣ“, сооружаемой социализмомъ въ союзѣ съ революціей?—Къ этой „Голгоѣ“, дѣйствительно, не подходили еще ни самъ Господь Иисусъ Христосъ, ни Его настоящіе послѣдователи и ученики. Недалеко, должно быть, то время, когда ихъ подведутъ туда насильно социалисты, но только не въ качествѣ зрителей, а какъ „овецъ, обреченныхъ на закланіе“. Отношеніе арх. М. къ „Голгоѣ“ и къ „дѣлу Христову“ весьма близко къ тому, что было проявлено разбойникомъ, распятымъ по лѣвую

сторону Спасителя. Что это не есть мое голословное утверждение, будетъ видно изъ нижеслѣдующаго сопоставленія.

Разбойникъ говорилъ: „Если ты—Христось, спаси себя и насъ“ (Ев. Луки XXIII, 39). Какъ видно, условіемъ, при которомъ онъ готовъ былъ признать пригвожденнаго Іисуса за Христа, т. е. за Сына Божія, Мессію,—было освобожденіе отъ муки крестной, отъ креста, освобожденіе немедленное и общее для всѣхъ: „спаси себя и насъ“.

Теперь посмотримъ, что говорить арх. М.

„Если христіанство не побѣдило и „не побѣдитъ“, то Христось лежитъ мертвый... и не воскресъ“ — эти слова были написаны арх. Михаиломъ ко мнѣ лично во время преній на рефератъ И. А. Федченкова „Христіанство и земля“, бывшій 13 дек. 1905 г. по поводу и въ разъясненіе приведенныхъ къ-то словъ Мережковскаго, что „христіанство не удалось“.

Какъ изъ вышеприведенной фразы, такъ и другихъ его рѣчей, сказанныхъ тогда по поводу этого реферата, ясно было, что арх. М. понимаетъ „побѣду“ христіанства въ смыслѣ устроенія земной жизни, водворенія здѣсь, на этой землѣ земного рая, по своему содержанію близкаго къ какой-либо изъ социалистическихъ утопій. Но, такъ какъ до сихъ поръ христіанство еще не осуществило этой „земной задачи своей“, то, естественно, арх. М. не могъ признать его побѣдившимъ. Оставалась надежда, что оно еще побѣдитъ въ будущемъ, въ противномъ случаѣ арх. М. отказывался вѣрить въ воскресеніе Христова. Въ той же запискѣ арх. М. пишетъ мнѣ дальше: „Сказалъ онъ (Христось) разбойнику: „сегодня будешь со мной въ раю“... и вотъ умерли и нѣтъ рая. Обманулъ“. Ясно, о какомъ раѣ говоритъ арх. М. И если бы не надежда, что христіанство еще побѣдитъ въ будущемъ, т. е. дастъ еще этотъ вождельвный рай земной, то, очевидно, арх. М. совсѣмъ отказался бы отъ „христіанской вѣры“, а теперь онъ еще вѣритъ, что христіанство „устроить жизнь“. Съ этой-то надеждой и приступаетъ самъ арх. М. къ устроенію жизни по социалистическимъ рецептамъ, совершенно искусственно пристегивая къ нимъ, тамъ, гдѣ надо, нѣкоторые элементы христіанства.

Получается „христіанскій социализмъ“,—который такъ же далекъ отъ подлиннаго христіанства, какъ растворъ (1%) сулемы, подкрашенный красной краской отъ натурального винограднаго вина, хотя и то и другое имѣетъ несомнѣнно общіе химическіе элементы. Но если вино отъ истинной виноградной лозы (см. Ев. Іоанна гл. 15, 1)—есть источникъ жизни и безсмертія, то „сулема“ есть—гибельная отравка, лжеученіе, ересь, подкрашенная при

помощи хитраго искусства обольщенія „краской христіанскихъ словъ“.

Гдѣ же общее между этой „сулемой“ христіанскаго социализма и богохульными словами разбойника, распятаго по лѣвую сторону Спасителя?

Какъ въ томъ, такъ и въ другомъ случаѣ отрицается крестъ и требуется „освобожденіе“, общее для всѣхъ, не признается небесный рай, входъ въ который открытъ лишь крестоносцамъ.

„Если кто хочеть идти за Мною, отвергнись себя, возьми крестъ свой и слѣдуй за Мною; ибо кто хочеть душу свою сберечь, тотъ потеряетъ ее; а кто потеряетъ душу свою ради Меня, тотъ обрѣтетъ ее“ (Ев. Мате. XVI, 24—25).

„Гдѣ Я, тамъ и слуга Мой будетъ“, а потому, если кто хочеть царствовать со Христомъ, тотъ долженъ и страдать съ Нимъ на крестѣ, „распять плоть свою со страстями и похотями“ (Гал. V, 24) „Вѣрно слово: если мы съ Нимъ умерли, то съ Нимъ и живемъ; если терпимъ, то съ Нимъ и царствовать будемъ; если отречемся и Онъ отречется отъ насъ“. (2 Тим. II, 11,—12).

„Въ мірѣ будете имѣть скорбь, но мужайтесь: Я побѣдиль міръ“, говоритъ Христосъ (Ев. Іоан. XVI, 33). Апостоль Іаковъ пишетъ: „Дружба съ міромъ есть вражда противъ Бога. Итакъ, кто хочеть быть другомъ міру, тотъ становится врагомъ Богу“ (Посл. Іак. IV, 4).

Апостоль Павелъ училъ, что „многими скорбями надлежитъ намъ войти въ Царство Божіе“ (Дѣян. XIV, 22) и что „если мы въ этой только жизни надѣемся на Христа, то мы несчастяѣе всѣхъ человекъ“ (1 Коринѣ. XV, 19).

А арх. М. желаетъ, чтобы путь нашей земной жизни былъ устланъ мягкими коврами и розами безъ шиповъ.

Прошлое христіанства ему представляется пессимистически: „умерли и нѣтъ рая“.

Вся надежда на будущую побѣду христіанства, на „новое христіанство“, дѣятельно стремящееся устроить „рай земной“ въ этой жизни.

Если же кто убѣжденъ, что эта затѣя создать „Царство Божіе на землѣ“ находится въ совершенномъ соотвѣтствіи съ „Вавилонскимъ столпотвореніемъ“ и будетъ съ нимъ имѣть одинъ конецъ, тотъ, по опредѣленію арх. М., страдаетъ „практическимъ невѣріемъ“.

Какъ видно, у самого арх. М.—„практическая вѣра!“

И это все тѣмъ болѣе удивительно, что вѣдь арх. М. самъ „монахъ“. Принимая постриженіе въ великій ангельскій образъ

онъ безъ всякаго „угнетенія и насилія“ со стороны существующихъ „формъ“ совершенно добровольно обѣщался: „отшайваться отъ всякія неправды и опасно своего разума составленія и своей воли мудрованіе отрѣзати: смерти же память всегда въ умѣ своемъ имѣти, распята же себе быти мірови вмѣнати“¹⁾. И многое другое обѣщаль тогда арх. М., о чемъ онъ, видимо, ужь позабылъ. Осталось еще монашеское одѣяніе, которое перестало соотвѣтствовать своему духовному, аллегорическому значенію и служить лишь внѣшнимъ свидѣтельствомъ когда-то произнесенныхъ обѣтовъ. Соціалъ-демократія и монашество не могутъ ужиться рядомъ: что-нибудь одно должно вытѣснить другое!

Арх. М. пожелалъ сойти съ монашескаго креста (если только вначалѣ онъ восходилъ туда) и сталъ требовать того же и отъ Христа...

Онъ не можетъ признать въ Христѣ Распятомъ побѣдителя, а ждетъ какой-то „будущей побѣды“, очевидно въ связи съ побѣдой соціалъ-демократіи.

Тогда какъ Христось ясно говоритъ: „Я побѣдилъ міръ съ его прелестью и имущаго державу смерти упразднилъ“,—этой побѣды арх. М. или не понимаетъ или считаетъ ее маловажною. Ему нужно переустройство общественныхъ учрежденій на социалистическій ладъ! Между тѣмъ какъ ап. Павелъ болѣе 18-ти столѣтій тому назадъ, когда не было еще соціалъ-демократіи, а „злыхъ учрежденій“ было если не больше, то столько же, сколько и теперь, побѣдоносно восклицалъ: „Смерть! Гдѣ твое жало? Адъ! гдѣ твоя побѣда? Жало же смерти грѣхъ, а сила грѣха законъ. Благодареніе Богу, даровавшему *намъ побѣду* Господомъ нашимъ Иисусомъ Христомъ“ (1 Кор. гл. XV, 55, 56, 57),—арх. М. не признаетъ такой побѣды, а ждетъ и требуетъ „будущей“, безъ которой, по его мнѣнію, Христось умеръ и не воскресъ, а разбойника обманулъ.

Какъ только поворачивается языкъ у арх. М., если онъ вѣрующій человекъ, говоритъ такія вещи! Христось нигдѣ въ Евангеліи не обѣщаетъ даровать какую-либо „новую побѣду“ въ смыслѣ осуществленія своего царства „примѣтнымъ образомъ“, кромѣ той, которую Онъ уже даровалъ „внутри“ всѣмъ вѣрнымъ Своимъ послѣдователямъ и кромѣ Своего побѣдоноснаго и славнаго второго пришествія.

„Сія есть побѣда, побѣдившая міръ—вѣра наша“ (1 Іоан. V, 4).

¹⁾ Чинъ постриженія монаховъ.

Въ послѣднія же времена вѣра до крайности оскудѣетъ, такъ что „Сынъ Человѣческой, пришедъ, найдетъ ли вѣру на землѣ?“ (Ев. Луки гл. XVIII, 8). Очевидно, что число побѣдителей христіанъ будетъ въ то время до крайности не велико, а необходимость укрываться отъ озлобленнаго міра заставитъ какъ бы „искать“ ихъ.

Но „не бойся, малое стадо, ибо Отецъ благоволилъ дать вамъ Царство“ (Ев. Луки XII, 32). Входите только узкими вратами и не прельщайтесь широкой программой социалистическаго благоустройства! Она не дастъ вамъ ни мира, ни покоя, ни жизни вѣчной, и блаженной, безъ которой не можетъ быть и рай.

Христосъ „разрушилъ крестомъ Своимъ смерть и отвергъ разбойнику рай“, какъ поетъ Св. Церковь, и тѣмъ побѣдилъ міръ съ его грѣхомъ и злобой, а кто не принимаетъ такой побѣды, тотъ не есть вѣрующій христіанинъ. Онъ еще въ рабствѣ у грѣха и во власти сатаны, имущаго державу смерти.

Подобное іудейское пониманіе „побѣды“ христіанства и „Царства Божія“, какъ у арх. М., находится въ соотвѣтствіи съ мессіанскими чаяніями іудеевъ временъ Христа. Какъ тѣ, будучи привязаны къ землѣ и земнымъ интересамъ, ждали восстановления Царства Израиля понимая его въ смыслѣ земнаго могущества, и потому со всею злобою отвергли царство Христово, которое „не отъ міра сего“, такъ и новозавѣтный Израиль, т. е. масса христіанскаго народа, за исключеніемъ „малаго стада вѣрныхъ“, также, прельстившись въ послѣднее время идеей о земномъ преуспѣяніи и благоустройствѣ, и забывъ о небесномъ отечествѣ, откажется отъ духовнаго царства Христова и станетъ строить „Вавилонъ великій, мать блудницамъ и мерзостямъ земнымъ“ (Откр. Іоан. XVII, 5).

Христа, пришедшаго во Имя пославшаго Его Отца, еще разъ отвергнуть, а примутъ всемірнаго лжеца и обманщика, Антихриста, который придетъ во имя свое и будетъ выдавать себя за Бога, обольщая тѣмъ людей, ибо онъ „ложь есть и отецъ лжи“ и мастеръ всяческихъ поддѣлокъ. Онъ воспользуется земными пристрастіями человѣчества и, исказивъ предварительно подлинный смыслъ христіанства, но не выступая противъ него открыто и по существу, уловитъ обманутыхъ имъ христіанъ идеей всеобщаго благополучія, свободы, равенства и братства, ради большей усыпительности придавъ имъ общій заголовокъ „Царства Божія на землѣ“. Подсунувъ такимъ образомъ въ обольстительной мечтѣ „благоустроенную землю“, онъ отниметъ у нихъ небо

„Наше же жилище на небесахъ... ибо не имѣемъ здѣсь постоянного града, но ищемъ будущаго“ (Филип. III, 20; Евр. XIII, 14).

III.

Арх. М. измышляетъ какой-то новый видъ „грѣха, кристаллизовавшагося въ злыхъ и позорныхъ учрежденіяхъ“.

Ни Самъ Господь Іисусъ Христосъ, ни апостолы, ни учителя и отцы Церкви ничего не говорятъ о такомъ „грѣхѣ“, такъ что изобрѣтеніе его надо отнести всецѣло на отчетъ новаторской дѣятельности арх. М.

Грѣхъ, какъ и болѣзнь, есть явленіе личное, даже и тогда, когда онъ принимаетъ эпидемическій характеръ. Учрежденія не могутъ страдать проказой, не могутъ и грѣшить. Грѣшатъ люди, входящіе въ составъ учрежденія.

Интересную, затѣмъ, классификацію производитъ арх. М. среди людей, не признающихъ его изобрѣтенія и отрицающихъ борьбу съ этимъ „грѣхомъ, кристаллизовавшимся въ злыхъ и позорныхъ учрежденіяхъ“. По его мнѣнію, это—„или лицемѣры, лживо называющіе имя Христа, или сладострастники типа Франциска Ассизскаго, для которыхъ Голгоа—не проповѣдь борьбы съ проказой міра, а форма опьяненія“.

Крайне желательно было бы, чтобы арх. М. заявилъ, къ которой изъ этихъ двухъ категорій относятся апостолы, мученики, св. отцы и учителя Церкви, подвижники, отшельники, затворники и всѣ святые, чтимые Православною Церковью. Достоверно извѣстно, что никто изъ нихъ не велъ такой борьбы съ „грѣхомъ, кристаллизовавшимся въ злыхъ и позорныхъ учрежденіяхъ“, и другихъ не училъ тому. Апостоль Павелъ пишетъ: „Нѣсть наша брань къ крови и плоти, но къ началомъ и ко властямъ, къ міродержителямъ тьмы вѣка сего, къ духовомъ злобы поднебеснымъ“ (Ефес, VI 12).

Арх. М., какъ монахъ, долженъ бы знать, кто эти „міродержители тьмы вѣка сего“.

Святые же никогда не возставали противъ существующихъ установленій, но были „покорны всякому человѣческому началству для Господа: царю ли, какъ верховной власти, правителямъ ли, какъ отъ него посылаемымъ для наказанія преступниковъ и для поощренія дѣлающихъ доброе“, и помнили, что „то угодно Богу, если кто помышляя о Богѣ, переноситъ скорби, страдая несправедливо“ (1 Петра гл. II, 13, 14, 19). „Ибо что за похвала,

если вы терпите, когда васъ бьютъ за проступки? Но если, дѣлая добро и страдая, терпите, это угодно Богу“ (тамъ же ст. 20).

Если же и обличали когда сильныхъ міра сего, то за ихъ личную грѣховность, плоды которой могутъ сказываться и въ общественной дѣятельности, но отнюдь не за „формы“ и не за „учрежденія“. Итакъ, куда же отнести святыхъ: Антонія Великаго, Макарія Великаго, Симеона Нов. Бог., Григорія Паламу и др.? Кто они? „Лицемѣры или сладострастники“?

Францискъ Ассизскій, хотя и „святой“, но канонизованъ онъ только Западною Церковью (папою Григоріемъ IX въ XIII в.), а потому, дѣйствительно, нельзя быть увѣреннымъ, что его духовная жизнь была совершенно свободна отъ какихъ бы то ни было „болѣзненныхъ порожденій ложно направленной религіозности“.

Однако читатель, незнакомый съ Францискомъ Ассизскимъ, можетъ подумать, что это былъ односторонній мистикъ, проведеній свою жизнь лишь въ сладостныхъ созерцаціяхъ, поэтому справедливость требуетъ сказать, что усматривать во Францискѣ типъ такого „сладострастника“ было бы совершенно неосновательно.

Извѣстно, что Фр. Ассиз. былъ учредителемъ нищенскаго ордена. Усиленно проповѣдовалъ идею бѣдности и самъ, подражая Христу, проводилъ свою жизнь въ совершенной нищетѣ. Онъ создалъ въ западномъ монашествѣ новое направленіе, замѣнивъ монаха-отшельника, — апостоломъ-миссіонеромъ, который, отрекшись внутренно отъ міра, остается въ мірѣ, чтобы среди него призывать людей къ миру и покаянію.

Въ статьѣ проф. В. Герье (Энци. Слов. Бр. и Ефр. т. 36 стр. 523), откуда заимствованы эти свѣдѣнія, указываются слѣдующія руководящія идеи въ направленіи дѣятельности Франциска Асс.

„Не бѣгство изъ міра становится задачей аскета, а возвращеніе въ міръ для служенія человѣку“.

„Не созерцаніе идеальнаго божескаго царства въ небесной выси составляетъ призваніе монаха, а проповѣдь мира и любви для установленія и осуществленія Царства Божія на землѣ“. „Въ лицѣ Франциска, заключаетъ авторъ статьи, аскетическій идеаль среднихъ вѣковъ принимаетъ гуманитарный характеръ и протягиваетъ руку гуманизму новаго времени“.

Если въ такихъ типичныхъ чертахъ, далекихъ, на нашъ взглядъ, отъ идеала истиннаго монаха, есть какое-либо „сладострастіе“, то его въ значительно большей степени, чѣмъ Фр. Ассиз., не чуждъ самъ арх. М.

Въ жизнеописаніяхъ Фр. Ассиз. рассказывается, что ему при-

ходило въ жизни переживать состоянія религіознаго экстаза. Весьма вѣроятно, что въ нихъ вкрадывалось что-либо ложное, присущее вообще западнымъ мистикамъ, но объяснять эти явленія „сладострастіемъ“ было бы совершенно произвольно.

Скорѣе всего, что Фр. Ассиа. своимъ утрированнымъ „подражаніемъ нищетѣ Христовой“ (какъ будто вся суть въ нищетѣ!) впалъ въ своего рода „прелестъ“, подобную тому состоянію самообольщенія, въ которомъ находился другой „святой“ Западной Церкви, Тома Кемпійскій, авторъ извѣстной книги „Подражаніе Христу“.

Развѣ только предсмертныя слова Фр. Ассиа.: „Жить и умереть мнѣ одинаково сладко“ дали поводъ арх. М. создать изъ Фр. Ассиа. особый типъ „сладострастника“. Оставляемъ на его совѣсти такую характеристику.

Если же онъ этимъ хотѣлъ вообще задѣть „мистиковъ“, то остановился бы лучше для такого „типа“ на Симеонѣ Нов. Богословѣ и Григоріи Паламѣ. Затѣмъ, если подъ „проказой міра“ арх. М. разумѣетъ всеобщую грѣховность рода человѣческаго, растлѣніе грѣхомъ его природы, то отъ такой проказы нѣтъ другого исцѣленія, какъ только въ Церкви Христовой Восточной Православной черезъ таинства: крещенія, покаянія и причащенія.

Борьбой же съ учрежденіями „проказы“ не уничтожишь, а разнесешь эту заразу еще въ большей степени. Доказательство тому современное „освободительное движеніе“,—которое чѣмъ больше „освобождаетъ“, тѣмъ больше распространяетъ нравственную заразу. И если люди не покаются въ своихъ заблужденіяхъ, то скоро не станетъ чистаго воздуха, которымъ бы можно было дышать свободно: микробы всякихъ лжеученій и злодѣяній пропитали окружающую насъ атмосферу. Люди же, доведенные этой систематической отравой до состоянія крайняго расслабленія воли и мрачнаго отчаянія, съ какой-то упорной жадностью, подобно курильщикамъ опиума, вдыхаютъ въ себя этотъ зараженный воздухъ.

Наконецъ, что касается „формы опьяненія“, то если арх. М. разумѣетъ подъ этимъ состояніе услажденія благодатію Духа Святого и видитъ въ этомъ что-то отрицательное, то онъ приноситъ самую страшную хулу, такъ какъ „Духа благодати оскорбляетъ“ (Евр. X, 29).

Вспомните, что и про апостоловъ, послѣ сошествія на нихъ Духа Святого, „нѣкоторые, насмѣхаясь, говорили: они напились сладкаго вина“ (Дѣян. II, 13).

Быть можетъ и есть что-либо общее между этими состояніями, но отождествлять ихъ можетъ только „невѣжда въ вѣрѣ“ или человѣкъ, чуждый таинственной христіанской жизни, каковымъ бы и пришлось признать арх. М., если бы только можно было на время забыть еретическій характеръ его воззрѣній.

Въ разрывѣ этой таинственной связи съ тѣломъ Церкви Христовой заключается причина, почему арх. М. отступилъ отъ истины и обратился къ баснямъ христіанскаго социализма. Онъ или изначала былъ чуждъ таинъ христіанской жизни, или „вкусивши благаго глагола Божія и силъ будущаго вѣка“ (Евр. гл. VI, 5), отпалъ внутренно. Объ этомъ свидѣлствуютъ плоды его дѣятельности. Ибо „не можетъ дерево хорошее принести плоды худые, ни дерево худое принести плоды добрые“ (Ев. Мате. гл. VII, 18). „По плодамъ ихъ узнаете ихъ“ (Ев. Мате. гл. VII, 16).

Какой же выводъ изъ всего сказаннаго относительно второй части отвѣтнаго письма архимандрита Михаила?

„Его исповѣданіе вѣры“ ни въ какомъ случаѣ нельзя признать за православное исповѣданіе. Для этого оно слишкомъ неполно, но и при этой краткости заключаетъ въ себѣ такія выраженія, которыя даютъ положительное основаніе считать арх. Михаила уклонившимся отъ Православной вѣры.

Остается неизвѣстнымъ, насколько далеко ушелъ арх. М. въ исповѣданіи основныхъ положеній христіанскаго социализма.

Для насъ несомнѣнно, что это ученіе несовмѣстимо съ Православіемъ и представляетъ собою новую хитрую ересь или поддѣлку христіанства.

А апостолъ Павелъ пишетъ: „Если бы даже мы, или Ангелъ съ неба сталъ благовѣствовать вамъ не то, что мы благовѣствовали вамъ, да будетъ анаѣма“ (Посл. Гал. гл. I, 8).

Поэтому, коль скоро арх. Михаилъ не пожелаетъ отказаться отъ заблужденій христіанскаго социализма и исповѣдать символъ Православной вѣры, я открыто заявляю, что не желаю имѣть съ нимъ никакого общенія, какъ съ человѣкомъ, находящимся подъ анаѣмой Христовой Церкви. Аминь.

Николай Маковецкій.

Панфинская пропаганда въ Русской Карелии.

(Докладная записка миссіонера іероманаха Кипріана).

Съ измѣнившимися условіями государственной жизни въ коренной Россіи, у насъ, въ Финляндіи, замѣчается необыкновенное пробужденіе національныхъ стремленій въ сторону полнаго отъединенія отъ Россіи и всего русскаго. Эта бурная волна, такъ высоко подымавшая маленькую Финляндію съ ея новымъ либеральнымъ строемъ общественной жизни, въ глазахъ западныхъ народовъ не знаетъ своихъ предѣловъ. Свободно разгуливая по верхъ финляндскихъ горъ и холмовъ, она готова перелиться на русскія равнины, гдѣ живутъ, если не русскіе люди по своему роду и племени, то по духу, по своей любви къ Русскому Царю и русскому народу, по своей вѣрѣ и образованію вполне русскіе, наши родные люди. Это—западныя части губерній Архангельской и Олонецкой съ православно-карельскимъ населеніемъ, куда теперь и направляютъ свои стопы услужливыя финны. Чтобы судить о характерѣ этого движенія, о средствахъ и дѣлствіяхъ, къ которымъ оно направляется и о возможныхъ послѣдствіяхъ его для цѣлости Россіи и церкви православной, достаточно познакомиться съ тѣмъ обществомъ „Vienan Karjalaisten Liitto“ (союзъ бѣломорскихъ карель), которое заправляетъ всѣмъ движеніемъ, и съ печатнымъ органомъ его „Karjalaisten Rakinoita“ (Карельскіе Разговоры), появившимся уже въ количествѣ трехъ довольно солидныхъ, иллюстрированныхъ номеровъ.

Членами упомянутаго общества состоятъ разбогатѣвшіе здѣсь въ Финляндіи выходцы изъ Архангельской и Олонецкой Карелии. Это—денежная сила общества, а идейными руководителями его являются видные писатели и общественные дѣятели изъ мѣстной интеллигенціи и получившіе образованіе въ здѣшнемъ университетѣ и финскихъ школахъ дѣти разбогатѣвшихъ выходцевъ. Характерно отмѣтить, что на первомъ учредительномъ собраніи общества въ Таммерфорсѣ 3—4 августа н. ст., текущаго года предсѣдателемъ былъ избранъ извѣстный здѣсь общественный дѣятель, по ученой степени докторъ, О. А. Хайнари. Къ характеристикѣ этого дѣятеля нужно сказать, что онъ не раздѣляетъ финства и лютеранства и не можетъ представить себя финна не лютераниномъ. Этотъ Хайнари держалъ и вступительную рѣчь на собраніи и истолковалъ въ № 1 „Karjalaisten Rakinoita“ задачи общества. Отъ начала до конца его рѣчь

проникнута горькой жалобой на историческую судьбу, такъ безжалостно расторгшую кровную связь между родными братьями финнами и карелами и отдавшую одну часть ихъ, именно заграничныхъ карель, въ рабство чужой власти и чужой вѣрѣ. „Но у Творца много путей, говорилъ ораторъ, для единенія насильственно разведенныхъ братьевъ. Оттуда изъ Бѣломорской Карелии издавна выходили торговцы въ Финляндію и духовно объединялись здѣсь съ своими братьями. Эти выходцы, и по возвращеніи на родину, поддерживали свою связь съ финнами, они читали финскія книги, своихъ дѣтей учили финской грамотѣ, учреждали финскія общества пѣнія, открывали библіотеки финскихъ книгъ. Въ концѣ прошлаго года и въ началѣ текущаго въ Бѣломорской Карелии, по словамъ оратора, составлялись крестьянскіе приговоры, дышашіе жаждой свободы и народнаго (финскаго) образованія. Тамъ зародилась и программа будущихъ реформъ. Это—надѣленіе крестьянъ казенной землей и лѣсами на правахъ полной собственности, улучшение дорогъ и почты, введеніе финской грамоты по самой широкой программѣ, собственная финская газета, чиновники, разумѣющіе финскій языкъ, все богослуженіе по-фински. Общество бѣломорскихъ карель, осѣвшихъ въ Финляндіи и должно поддержать теперь эти національныя стремленія своихъ земляковъ. „Вы можете требовать сочувствія своимъ стремленіямъ отъ своей матери—Финляндіи, такъ говорилъ Хайнари, обращаясь къ бѣломорскимъ кареламъ, а въ сторону природныхъ финновъ добавилъ: „Мы, финны, образуемъ маленькій островокъ среди другихъ народовъ. Числомъ насъ въ княжествѣ нѣтъ и трехъ милліоновъ. Нельзя поэтому считать маловажной ту побѣду, когда мы соединимся съ бѣломорскими карелами—съ этимъ бодрымъ и даровитымъ племенемъ въ своихъ національныхъ стремленіяхъ. А если съ помощью бѣломорскихъ карель удастся намъ пробудить и Олонецкую Карелию, то какъ много будетъ значить эта добавочная въ 200.000 душъ сила для успѣховъ финской національной культуры“.

Въ духъ этой рѣчи Хайнари истолковалъ въ № 1 „Karjalainen Rakinoita“ и показаны задачи общества: 1) мы хотимъ, чтобы бѣломорскимъ кареламъ была выдѣлена необходимая часть казенной земли на правахъ частной собственности; 2) чтобы ихъ общинамъ былъ переданъ казенный лѣсъ; 3) чтобы имъ позволили молиться на родномъ языкѣ; 4) чтобы дано было имъ право открывать народныя и дѣтскія школы тоже на родномъ языкѣ.

Ставя такія требованія, общество бѣломорскихъ карель идетъ какъ будто навстрѣчу самостоятельнымъ стремленіямъ заграничныхъ русскихъ карель къ національному и культурному единенію съ Финляндіею, но нельзя скрывать и того, что самая идея общества и программа его дѣятельности пропагандировались здѣсь въ Финляндіи на частныхъ собраніяхъ, напр., въ Ваазѣ въ апрѣлѣ мѣсяцѣ 25 числа н. ст. текущаго года, и являються несомнѣнно отзвукомъ пропагаторской дѣятельности мѣстныхъ финновъ, проложившихъ минувшимъ лѣтомъ большую

дорогу въ Бѣломорскую Карелію. Напр., извѣстный здѣсь писатель Каламніусъ съ цѣлою компаніей путешествовалъ туда и въ газетѣ „Helsingin Sanomat“ (Гельсингфорскія Извѣстія) свои путевныя замѣтки предварилъ такимъ введеніемъ: „Когда Бѣломорская Карелія подниметъ свою усталую голову? Когда пробудится это финское племя, присвопамятный пѣвецъ прекрасной Калевалы? Когда оно освободитъ свою шею отъ жестокихъ когтей этихъ негодаевъ, русскихъ чиновниковъ, которые поработили это свободолюбивое племя и съ помощью русскихъ крестовъ и царскихъ портретовъ довели его до отчаяннаго положенія? Когда же, наконецъ, условія жизни сложатся такъ, чтобы и это брошенное на произволъ судьбы племя могло самостоятельно управлять собой и присоединиться къ тому освободительному движенію, которое разгуливаетъ теперь по Россіи и прекрасное имя коего революція—духовная революція, духовное освобожденіе отъ нагаекъ и висѣлицъ. Или печальное раствореніе въ великорусскомъ православномъ стадѣ и въ языкѣ, и въ міровоззрѣніи будетъ послѣдней судьбой этого народа“...

„Отнесемъ ли мы, финны-конституціоналисты, равнодушно и безучастно къ этому обрусенію нашихъ заграничныхъ братьевъ. Пусть-де перерождаются они въ русскихъ пресмыкающихся, пусть лижутъ православныя иконы и нагайки урядниковъ. Если не сами мы, то со стороны могутъ подумать, что мы хотимъ этого, такъ какъ сидимъ сложа руки и не смѣемъ ничего предпринять... У насъ, финновъ, условія жизни лучше, разумнѣе устроенъ общественный порядокъ, чѣмъ за границей у нашихъ братьевъ; нашъ нравственный долгъ облегчить, сколько возможно, тяжкую судьбу родного намъ племени... Впередъ, впередъ, какъ одинъ человѣкъ, будемъ охранять счастье заграничной Кареліи“.

Словно въ отвѣтъ на такое приглашеніе съ большимъ усердіемъ схватились образованные финны за идею общества и заняли къ немъ почти всѣ предсѣдательскія мѣста. Въ комитетъ общества вошли, напр., докторъ О. А. Хайнари, магистръ Базильеръ и писатель І. Хярьяненъ. Этотъ послѣдній—пѣвецъ въ духѣ всѣхъ свободъ—избранъ и редакторомъ «Karjalaisten Rakipoita». Въ разныя исполнительныя комиссіи, напр. по школьному вопросу, вошли люди, передѣлавшіе уже свои русскія фамиліи на финскія и перешедшіе въ лютеранство (Аванасевъ—Агава), а составленіе букваря для начальныхъ школъ поручено исключительно финской комиссіи (профессоръ Миккола, докторъ Хайнари, магистръ Базильеръ и учитель Пяяккененъ).

Въ союзъ съ такими дѣятелями общество обѣщаетъ быть очень вліятельнымъ и настойчивымъ въ достиженіи своихъ цѣлей. На собраніи въ Таммерфорсѣ Бѣломорскую Карелію уже подѣлили на пять учебныхъ округовъ, которые и переданы теперь мѣстнымъ дирекціямъ. Трое кандидатовъ на учительскія должности обучаются на Сердобольскихъ курсахъ при учительской семинаріи. Въ одномъ изъ приходоу Русской Кареліи дѣйствуетъ уже передвижная финская школа подъ руководствомъ учителя сомнительной репутаціи. Въ самой Ухтѣ нашлись интел-

лигентныя силы, готовыя поддержать общество. Учитель мѣстной церковно-приходской школы привѣтствовалъ общество въ день его открытія телеграммой съ обѣщаніемъ исполнить свой долгъ гражданина и человѣка предъ родиной (Финляндіей, гдѣ онъ обучался).

При такихъ симпатіяхъ къ своимъ начинаніямъ общество не оставляетъ въ сторонѣ и темную массу. Редакторъ журнала «Karjalaisten Rakinoita» взялъ на себя задачу подогрѣвать сочувствіе къ панфинскимъ стремленіямъ общества и среди простого народа. Въ № 3 своего журнала онъ обратился съ воззваніемъ къ населенію пограничныхъ приходо́въ (Куусамо, Суомусалми, Кугмоніеми, Нурмесъ, Пиелисъ-ярви, Иломанецъ, Корписелька, Суоярви и Салмисъ). Сначала авторъ воззванія завѣряетъ пограничное населеніе, что и дальше къ Бѣлому морю, вокругъ всей Ладogi и къ Онежскому озеру живетъ родное, единокровное имъ племя, съ давнихъ временъ вслѣдствіе разныхъ несчастій переселившееся изъ Финляндіи въ мѣста настоящаго своего обитанія и попавшее тамъ подъ иго чужого правительства, которое совсѣмъ разъединило ихъ съ своими братьями. Только одинъ языкъ не поддавался всеразрушающему русскому вліянію и до сихъ поръ остается единственной связью между братьями одного племени. Но и ему грозитъ серьезная опасность. Авторъ ужасно недоволенъ тѣмъ, что русская власть съ большой ревностью насаждаетъ свои школы въ Олонецкой Карелии и, сославшись на русскую революцію, старается завѣрить простодушныхъ читателей, что Россія велика и народъ русскій стоитъ на такой низкой степени благосостоянія, что улучшеній и реформъ совсѣмъ нельзя ожидать, особенно на окраинахъ. Что же дѣлать? (О всяческимъ сочувствіемъ огнесись къ стремленіямъ заграничныхъ карель. Переступайте черезъ порогъ, идите въ избу, такъ пишетъ авторъ воззванія, оказывайте матеріальную помощь своимъ братьямъ. Этимъ вы засвидѣтствуете предъ ними, что условія общественной жизни здѣсь въ Финляндіи такъ хороши, что мѣстные крестьяне не только сами богатѣютъ, но и другимъ помогаютъ. Давайте заграничнымъ братьямъ совѣты, какъ улучшить свою жизнь и благосостояніе. Внушайте имъ, чтобы они требовали отъ власти надѣльныхъ земель и лѣсовъ, но особенно помогайте имъ въ школьномъ дѣлѣ. Покажите имъ, что можно для двухъ—трехъ деревень основать одну школу, по очереди содержать учителя. На покрытие другихъ расходовъ можно пустить кружку въ пограничныхъ мѣстностяхъ. Но вдругъ русская власть будетъ противъ финской школы. Тогда нужно побуждать заграничныхъ братьевъ принимать учителей на домъ, какъ будто для обученія своихъ дѣтей. Такъ по очереди будутъ обучены дѣти въ каждомъ домѣ. А для дальнѣйшаго ихъ развитія нужно открывать бібліотеки и читальни, для чего жертвовать разныя газеты и книги или просить ихъ отъ просвѣдительныхъ обществъ. Содѣйствіе развитію финской грамоты въ заграничной Карелии самое важное дѣло пограничныхъ карель до извѣстнаго времени, такъ закан-

чиваетъ редакторъ свое воззваніе. Это воззваніе было перепечатано и въ газетѣ „Laatokka“ № 134.

Такъ опредѣлились задачи общества въ школьномъ вопросѣ.

Въ томъ же духѣ полнаго офиненія и даже съ революціонной окраской общество намѣрено воздѣйствовать на русскихъ карель и чрезъ свой журналъ „Karjalaisten Pakinoita“. Хотя въ программѣ журнала и значится рубрика мирнаго обновленія, покровительства добрымъ нравамъ и обычаямъ святой старожитности, но самый журналъ съ первыхъ своихъ страницъ облекся въ красную тогу современныхъ религіозныхъ зажигателей. Какъ теперь выясняется, главная цѣль журнала ослабить исконную преданность карель, финскихъ и заграничныхъ, русскому самодержавному Царю. Всѣ дѣянія революціонеровъ отмѣчаются въ нашемъ журналѣ, какъ геройскіе поступки и жертвы за народную свободу и благостояніе, а усилія законной власти подавить революцію именуются варварствомъ и тираніей. Вотъ примѣры. Въ первомъ пробномъ № красуется извѣстное Выборгское воззваніе бывшихъ членовъ Государственной Думы. Въ двухъ другихъ №№ съ настойчивостью утверждается слухъ объ отказѣ Царя отъ короны по слабости здоровья и невозможности справиться съ революціей. Въ одномъ изъ №№ помѣщается статья: «Исполинская борьба въ Россіи», гдѣ между прочимъ говорится, что современная революція въ Россіи—местъ русскаго народа за порабощеніе его свободы со стороны царской власти. Могучій русскій герой проснулся отъ своего долгаго сна. Онъ вооружился не для легкаго набѣга съ цѣлью грабежа, какой предпринимало однажды правительство въ Восточную Азію, а для завоеванія себѣ и своимъ дѣтямъ человѣческихъ правъ и лучшихъ условій жизни. Высшая власть это—мертвый глиняный богъ, поддерживаемый рабскими шпионами, безъ которыхъ онъ разрушился бы. Эта надтреснувшаяся негодная вещь и хламъ продолжаетъ издавать еще указы, объявляетъ свою волю своимъ шпионамъ, убиваетъ своихъ лучшихъ подданныхъ, даетъ толчки къ разбою и пролитію крови... Власть отвѣтственна за всѣ жестокости, которыя теперь производятся... Пусть она возьметъ на свои плечи жалобы дѣтей, оставшихся сиротами, слезы вдовъ, вздохи стариковъ, крики отчаянія молодежи. Она пустила растлить женъ, молодыхъ дѣвицъ, даже малыхъ дѣтей.

Но это не надолго. Чѣмъ больше безстыдство власти, тѣмъ ярче блеститъ корона борцовъ за свободу... Дума, на которую власть рассчитывала, какъ на свою покорную служанку, она-то и была душой и сердцемъ Россіи, она-то только и поняла требованія и нужды земли. Это былъ первый вздохъ пробудившейся Россіи. Другія страны восхищаются силой, вѣрой и самоотверженіемъ русскихъ, не только мужчинъ и женщинъ, но и малыхъ дѣтей. Они желаютъ имъ счастья и твердаго успѣха. Ихъ восхищаетъ эта безграничная и полная честность. И это не безъ причины: кто не восхищается и не поддерживаетъ революціи, тотъ одобряетъ и поддерживаетъ убійства невинныхъ людей, убійства братьевъ, тотъ содѣйствуетъ власти держать народъ во

тьмѣ и голодѣ, обманывать его, грабить и топтать въ грязь“ (№ 3). Въ унисонъ съ такими зажигательными статьями ведется и хроника журнала. Цѣликомъ, напр., перепечатываются протоколы кадетскаго съѣзда въ Гельсингфорсъ; изъ „Русскаго Слова“ корреспонденціи о революціи въ Вяткѣ; о звѣрскомъ усмиреніи народа въ Ставропольской губ., о бунтѣ въ Кронштадтѣ, о тайномъ застѣнкѣ въ Варшавѣ, гдѣ русскія власти истязали молодыхъ людей; изъ письма министра финансовъ Коковцова о денежномъ крахѣ Россіи; картины современной жизни въ русскихъ городахъ, гдѣ царитъ могильная тишина, власть имущіе прятались, на улицахъ казаки, вездѣ грабежи, убійства. Передаются извращенные рассказы о дѣйствіяхъ черносотенцевъ въ Курскѣ.

Приводится статистика уволенныхъ должностныхъ лицъ за участіе въ забастовкахъ, число казенныхъ и убитыхъ съ внушительнымъ заключеніемъ: „Вотъ какова у насъ власть. Своихъ людей отрѣшаетъ отъ должности, заключаетъ въ темницу, казнить и убиваетъ“. Сообщается о побѣгахъ изъ тюремъ; о безсиліи офицеровъ противодѣйствовать политическимъ митингамъ въ войскахъ; о заговорахъ на жизнь Царя, о покушеніи на премьера Столыпина, объ убійствѣ генераль майора Мина съ добавленіемъ: „Минъ палъ мертвымъ на мѣстѣ. Изъ толпы посылались крики: это хорошо“. Извѣстіе о смерти генерала Трепова сопровождается замѣчаніемъ—самый великій злодѣй русскаго народа. Ассигновка на расширеніе тюремъ (410.000 руб.) заключается сожалѣніемъ: „ни одной пенни на образованіе народа, ни одного клочка земли крестьянамъ“... Вотъ почти цѣликомъ хроника третьяго нумера „Karjalaisten Rakinoita“, ни звука о новѣйшихъ мѣропріятіяхъ къ улучшенію крестьянскаго быта, о законахъ вѣротерпимости и равноправія.

Какое же воздѣйствіе можетъ оказать на русскихъ карель такой журналъ, особенно если мы припомнимъ, что одинъ онъ только и будетъ читаться теперь въ заграничной Карелии, куда передадутъ его съ усиленной скоростью: проектируется нанять другого почтальона отъ Суомуссалми до Вуоккинеми, т. е. изъ Финляндіи въ Россію для скорѣйшаго почтоваго сообщенія. Имѣя это въ виду, можно думать, что революціонныя мечтанія новаго общества не останутся безплодными на дѣвственной карельской почвѣ. Журналъ вѣдь не только описываетъ, но и даетъ совѣты на случай разныхъ столкновеній съ законными властями. Онъ объявилъ походъ противъ стражниковъ въ Бѣломорской Карелии и пообѣщаль оглашать ихъ имена на своихъ столбцахъ, чтобы каждый могъ съ презрѣніемъ избѣжать ихъ. Хорошій совѣтъ преподанъ также на тотъ случай, если власти станутъ препятствовать замѣнѣ русскихъ фамилій финскими, или перемѣнѣ русскихъ окончаній „евъ“ и „овъ“ на финское. Въ такомъ случаѣ нужно въ обыкновенныхъ бумагахъ писаться по-фински, а въ дѣловыхъ, которыя попадутъ къ властямъ, съ «евъ» и «овъ»—по-русски (№ 3). Здѣсь слышится уже проповѣдь обмана, лжи и лицемѣрія, на которую сдались нѣкоторые изъ Бѣломорскихъ карель. Прежніе Архиповы пишутся уже

Архипайненъ и т. д. Многіе бѣломорцы шлютъ привѣтствія въ стихахъ и прозѣ новому журналу, привѣтствуютъ его какъ зарю новой жизни, возсіявшую изъ благодатной Финляндіи на мрачномъ карельскомъ небосклонѣ. Одинъ голосъ изъ Бѣломорской Кареліи пишетъ: „мы принижены и забыты, но не по своей волѣ, а по принужденію, насильственно, потому что мы подданные Царя и чиновниковъ. Мы знаемъ, что такое гнеть, слуги Царя, нагайки, тюрьма, плеть, и потому-то мы рвемся къ свободѣ, къ свободной жизни, какъ птица изъ клѣтки. Свобода, дорогой золотой даръ природы,—по тебѣ скучаетъ нашъ народъ, жаждетъ насладиться тобой. О, если бы получить намъ этотъ перлъ природы... Нѣтъ, теперь ты, бѣломорскій карель, стонешь еще подъ игомъ нищеты, ты подданный чужой власти... Вы, друзья наши въ Финляндіи, вы, ученые мужи, у васъ свобода и всякая благостыня, вы можете защитить угнетенныхъ, найти отверженныхъ, поддержать безнадежныхъ, къ вамъ обращается карельскій народъ. Подайте намъ руку помощи, поддержите насъ, руководите нами, заключите насъ въ свои сердца“... И неудивительно, если бѣломорскіе карелы съ такой готовностью ринулись въ эти финскія объятія. Всѣми своими интересами и духовными и матеріальными они связаны больше съ Финляндіей, чѣмъ съ Россіей. Здѣсь въ Финляндіи бѣломорскій карель и хлѣбъ добывается, и деньгу сколачиваетъ. Многіе изъ нихъ осѣли здѣсь и на постоянное жительство, обзавелись торговлей на финскихъ правахъ, поженились на лютеранкахъ и теперь отпадаютъ отъ православія. А погулявшіе здѣсь коробейники и рабочіе на лѣсопильныхъ заводахъ, если и возвращаются на родину, то приносятъ съ собой совершенно другое міровоззрѣніе, другіе понятія и вкусы, которые свободно передаются молодому поколѣнію при нашемъ общемъ нерадѣніи о судьбѣ ихъ.

Голоса, сочувствующіе панфинской идеѣ, раздаются не только изъ русской Кареліи, они слышались уже изъ Америки, гдѣ промышляетъ маленькая колонія финскихъ и русскихъ карель. Въ № 3 „Karjalaisten Rakinoita“ напечатаны протоколы одного изъ собраній, которое держали американскіе карелы въ Иллинойсѣ, услышавши о затѣяхъ своихъ земляковъ. Предсѣдатель уже съ новой фамиліей Кондратьевъ—Кеюнясь. 9 человекъ изъ американскихъ карель записались въ члены новаго общества, выписали шесть экземпляровъ „Karjalaisten Rakinoita“ и постановили поддерживать самую живую связь со всѣмъ движеніемъ.

Не такъ удачна пропаганда панфинства въ Олонецкой Кареліи, хотя журналъ „Karjalaisten Rakinoita“ съ первыхъ страницъ взялъ ее подъ свое покровительство. Въ № 3 помѣщено воззваніе къ олончанамъ на карельскомъ языкѣ съ повѣствованіемъ, что сдѣлано въ Бѣломорской Кареліи и съ приглашеніемъ послѣдовать ея примѣру. Но вмѣсто всякихъ отвѣтовъ, собраній и протоколовъ редакторъ журнала въ томъ же № помѣщаетъ только мнѣнія и пожеланія отдѣльныхъ лицъ, съ которыми онъ, живя на границѣ въ Олонецкой Кареліи въ д. Маншила, постоянно

сталкивается. Эти пожеланія воспроизводятъ проектированныя реформы для Бѣломорской Карелии съ однимъ отличіемъ—школы и богослуженіе на олонецкомъ жаргонѣ. Въ заключеніе редакторъ замѣчаетъ: и такъ думаютъ очень немногіе изъ олонецкихъ карель, ихъ народное (финское) самосознаніе совсѣмъ подавлено чужой властью. И въ другихъ статьяхъ того же журнала не скрывается, что олонецкіе карелы слишкомъ отстали отъ своихъ собратьевъ и совершенно обрусѣли.

Вотъ нѣсколько выдержекъ изъ путевыхъ замѣтокъ одного туриста въ Олонецкую Карелию (№ 3), характерныхъ и въ томъ отношеніи, что въ нихъ съ откровенностью отмѣчается, какъ могуче русское вліяніе на Олонецкой окраинѣ и совсѣмъ не растлѣвающее, какъ обычно думаютъ... Авторъ пишетъ: „31 августа вечеромъ я перевалился въ русскую (Олонецкую) Карелию. Первая деревня Кангасъ-ярви. Видъ строеній измѣнился. Дома построены по русскому образцу изъ круглыхъ бревенъ. Хлѣва и сараи прямо примыкаютъ къ хатѣ... Повсюду живутъ карелы вплоть до Онежскаго озера. Разговорный языкъ отъ границы Финляндіи по направленію къ Петрозаводску постепенно приближается къ русскому. Жители рослые и видные. Это—красивый и смѣлый народъ пустыни. Всѣ безъ исключенія годятся въ гвардію... Природное здоровье охраняется здѣсь во всей свѣжести, табуку потребляется мало. Всѣ глубоко религіозны. Съ удовольствіемъ сердечно бесѣдуютъ о Богѣ, съ пожеланіемъ благословенія и мира входятъ въ домъ. При началѣ всякаго дѣла слышится „съ Богомъ“... Если бы перемѣнить одежду, то, по моему мнѣнію, эти безграмотные жители въ нравственномъ отношеніи далеко позади себя оставили бы поверхностно образованныхъ городскихъ жителей... Правда, все здѣсь въ зачаточномъ состояніи... Для проповѣди евангелія широкое здѣсь попріще... Духъ Святый не сотворилъ еще изъ нихъ чадъ Божіихъ“... Затѣмъ, описавши роскошную флору Олонецкой равнины, авторъ заключаетъ: я мечтаю о проведеніи желѣзной дороги въ Петрозаводскъ отъ Сердоболя или Вяртсилья... Тогда осуществился бы союзъ съ Олоніей, о чемъ съ грустью говорится въ народныхъ пѣсняхъ... Кто бы ни построилъ эту дорогу, безразлично, но самая попытка и полезна и многообѣщающа. Если бы финская власть положила начало этому дѣлу, то это было бы знакомъ ея мудрости. При желаніи настоящей дѣятельности не на словахъ, а на дѣлѣ, финны непременно должны поспѣшить съ осуществленіемъ этой попытки... Всѣ національныя стремленія въ недалекомъ будущемъ станутъ бесполезными... Финны, открывайте Карелию для колонизаціи“,—такъ заканчиваетъ авторъ свой предательскій совѣтъ услужливымъ финнамъ, совѣтуя имъ дѣйствовать по пословицѣ: „куй желѣзо, пока горячо“. Авторъ не безъ причины говоритъ, что національныя стремленія въ недалекомъ будущемъ станутъ бесполезными (конечно намекъ на реакцію). И это въ унисонъ со всѣмъ направленіемъ журнала и самымъ возникновеніемъ общества Бѣломорскихъ карель. Въ журналѣ часто указывается, что нужно воспользоваться благо-

пріятнымъ моментомъ, пока великанъ борется съ своимъ центромъ и, повидимому, не заботится объ окраинахъ. Потомъ будетъ поздно и искусственно созданный мостъ на русскую Карелію можетъ оказаться безъ опоры.

Такъ представляется дѣло по тремъ первымъ №№ „Karjalainen Rakinoita“. Къ нимъ теперь нужно прибавить №№ рождественскій и январскій. Судя по этимъ №№, панфинское движеніе крѣпнетъ все болѣе и болѣе и пустило въ той и другой Кареліи сильные корни. Въ Ухту появился новый учитель В. Дорошеевъ и, вѣроятно, финская школа. Издательское общество „Otava“ пожертвовало 100 экземпляровъ „Joulukontti“ и 25 экз. „Joulupirtti“ для раздачи въ Бѣломорской Кареліи. Раздача листовъ поручена между прочимъ помощницѣ учителя въ Ухтинской церковно-приходской школѣ. Американскіе карелы собрали свыше 700 марокъ на финскія бібліотеки и дѣтскія школы въ Бѣломорской Кареліи. Въ Рождественскомъ № напечатанъ проектъ прошенія министру внутреннихъ дѣлъ отъ лица всѣхъ карель съ требованіемъ самыхъ коренныхъ реформъ примѣнительно къ порядкамъ Великаго княжества Финляндскаго и самаго тѣснаго единенія съ нимъ посредствомъ улучшенія существующихъ и проведенія новыхъ путей сообщенія. Все офиненіе русской Кареліи предлагается провести на счетъ русскихъ капиталовъ. Въ № январскомъ помѣщено обращеніе къ писарю Ухтинскаго волостного правленія въ самой злостной формѣ и съ требованіемъ не трогать общаго любимца-пропагатора Аванасьева-Анава. Въ томъ-же № объявлено имя правительственнаго шпіона въ с. Ухту, который будто-бы не зналъ, гдѣ главу приклонить и продать себя становому. 26-го января текущаго года состоялось въ Таммерфорсѣ годичное собраніе общества. Краткій отчетъ о собраніи (въ № 13 „Laattokka“) свидѣтельствуешь, что общество стало твердой ногой въ Олонецкой Кареліи. Народъ будетъ подкупленъ комиссіей по аграрному вопросу, въ которую вошелъ одинъ землевладѣлецъ изъ с. Ребола Олонецкой губ. съ новой финской фамиліей „Терхеневъ“ вмѣсто прежней Сергѣевъ. Члены этой комиссіи теперь невозбранно будутъ появляться въ разныхъ мѣстахъ русской Кареліи и касаться самыхъ настоятельныхъ нуждъ ея. Такія нашествія дѣлались и раньше. Въ Видлицкомъ приходѣ минувшимъ лѣтомъ за мѣсяць до охоты жили какіе-то финны. Держали они себя довольно странно, жили въ лѣсу, производили снимки и размѣряли мѣстность. Распространялись и прокламаціи въ духѣ зажигательныхъ воззваній „Karjalainen Rakinoita“. Ихъ подкидывали секретно и какъ-будто случайно заывали въ торговыхъ лавкахъ и т. д. Особенно сильный наплывъ этихъ лицъ въ русскую Карелію ожидается будущимъ лѣтомъ. Многіе изъ финской молодежи замышляютъ туда образовательныя экскурсіи. Финское литературное общество раздаетъ стипендіи желающимъ потрудиться въ собраніи остатковъ Калевалы, а общество бѣломорскихъ карель проектируетъ второе годичное собраніе устроить именно въ с. Ухтѣ.

Къ исторіи секты бесѣдниковъ.

(Продолженіе 1).

Сами бесѣдники говорятъ о себѣ, что у нихъ ни въ жизни, ни въ ученіи „нѣтъ ничего худого“ и что они лучше православные люди, являющіе собой среди мірской суеты образецъ воздержанія, подвижничества и, такъ сказать, истиннаго монашества въ міру.

Понятно, что вѣрить сектантамъ на слово было бы ошибочнымъ, и долгое время взоры всѣхъ, интересовавшихся бесѣдничествомъ и желавшихъ узнать о нихъ правду, были обращены на Аеонъ, гдѣ въ обители св. Благовѣщенія спасался старецъ схимонахъ о. Полихроній, 25 лѣтъ бывшій бесѣдникомъ. Отъ него, какъ лица, близко знавшаго ересеначальницу бесѣдниковъ Настасью Кузминшну и хорошо знакомаго съ ученіемъ бесѣдниковъ, и надѣялись ближе узнать доктрину интересующей насъ секты.

Весной 1905 г. о. Полихроній пріѣзжалъ въ Россію, а осенью того же года я видѣлъ его у себя. Это—глубокой благообразный старецъ высокаго роста, съ добрымъ, открытымъ лицомъ, не смотря на свои девяносто лѣтъ сохранившій здоровье и свѣтлый умъ и память. Человѣкъ онъ въ высшей степени набожный и благочестивую бесѣду очень любитъ.

Къ каждому случаю или изреченію св. Писанія у него всегда готовъ примѣръ изъ житія святыхъ, имѣется такъ же большой запасъ сказаній и апокрифическихъ. Надо сказать, что о бесѣдникахъ онъ говоритъ мало и неохотно, и, видимо, къ нимъ не благоволитъ. Жилъ онъ у меня три дня; за это время я почти не отходилъ отъ него, желая узнать о бесѣдникахъ возможно больше.

Въ виду того, что бесѣдничество у насъ секта новая и еще мало изслѣдованная, считаемъ не безъинтереснымъ для исторіи бесѣднической секты привести сказанное о. Полихроніемъ о бесѣдникахъ.

Двадцать пять лѣтъ я былъ бесѣдникомъ, говорилъ о. Полихроній, только мы были далеко не то, что ваши бесѣдники теперь. Мы были строго православны и смиренны. Пастырей церковныхъ мы любили, уважали и слушались, а не чуждались. На своихъ бесѣдкахъ мы желали ихъ послушать, у нихъ поучиться, а не ихъ учить, какъ это дѣлаютъ ваши бесѣдники теперь. Даже слабыхъ по жизни пастырей мы не гнушались и не осуждали, потому что смотрѣли не на жизнь ихъ, а на ученіе.

1) См. «Мисс. Обзор.» Янв. 1907 г.

Господь училъ изъ видимой природы познавать тайны духовной жизни: посмотрите напр., какъ колось пшеницы чѣмъ больше наливаются, тѣмъ больше преклоняется къ землѣ,—такъ и человѣкъ, чѣмъ болѣе духовно совершенствуется, тѣмъ болѣе смиряется, ибо благодать Божія имѣетъ своимъ плодомъ смиреніе.

Мы понимали такъ же, что если сѣмя хорошо, то хотя бы оно было брошено и скверной и нечистой рукой, но если упадетъ на хорошую землю, дастъ хорошей урожай: но если почва плоха, то и отъ самага хорошаго сѣмени, посѣяннаго самымъ чистымъ искуснымъ сѣятелемъ, нельзя ждать хорошаго урожая; то же и въ нравственной жизни,—примѣръ на лицо: Христосъ былъ воплощенная любовь и святость и проповѣдывалъ Онъ одну чистую истину,—такъ какъ „лестъ не обрѣтается во устѣхъ Его“,—а все же то и при Немъ спасались далеко не всѣ, какъ объ этомъ говоритъ и евангеліе Лук. 13, 22—24. Ваши бесѣдники объ этомъ забываютъ: они услаждаются своимъ показнымъ благочестіемъ, любятъ на себя, а потому горды и выше себя никого не знаютъ. Они чужды благодати Божіей и не стало въ нихъ ни страха Божія, ни трезвѣнія, ни разсужденія, ни умиленія, ни скромности, ни бдѣнія, ни истязанія помысловъ, ни чистоты, ни кротости.

Пере мѣна въ бесѣдникахъ особенно замѣтно сказала послѣ смерти ихъ руководителя Василя Никифоровича. Послѣ него во главѣ бесѣдниковъ осталось двѣ Насты: одна Настя—дѣвица въ селѣ Хорошенькомъ, другая Настя—вдовица Настасья Кузминишна въ селѣ Раковѣ. Каждой изъ нихъ хотѣлось быть старшей, и каждая утверждала, что главенство дяденька передалъ именно ей.

Произошелъ жаркій споръ, а потомъ и раздѣленіе; и учить онѣ стали разво. Тѣ, кто пошелъ за Настей изъ села Хорошенькаго, близки къ православію,—любятъ потолковать о божественномъ,—свящ. писаніе толкуютъ по православному, прибѣгаютъ къ преданію только для того, чтобы и изъ него, какъ и изъ св. Писанія, получить себѣ урокъ къ добродѣтели.

Послѣдователи же Настасьи Кузминишны, напротивъ, далеко ушли отъ православія, завели „духовное“ толкованіе свящ. Писанія,—вся нехитрая суть котораго заключается въ томъ, что все, что въ Евангеліи говорится о Господѣ Иисусѣ Христѣ, бесѣдники относятъ къ своей матушкѣ и дяденькамъ, въ томъ же направленіи они стараются вытолковать и все свящ. Писаніе.

Саму Настасью Кузминишну я знаю близко. Она была хоть малограмотная, но умная и смиренная женщина. Съ ней случилось то же, что съ св. апостолами Павломъ и Варнавою въ Листрѣ (Дѣян. 14, 11—15). Глупые и не по разуму „усердные люди“ ее почли за Бога, а она не сумѣла этому какъ надо воспротивиться. Впрочемъ и въ этомъ я ее меньше другихъ обвиняю. Думается мнѣ, что во всемъ виноваты ея ближайшіе помощники „дяденьки“—настоящіе вожаки бесѣдниковъ. Я достовѣрно знаю, что они самымъ безсовѣстнымъ образомъ обираютъ простодушныхъ бесѣдниковъ, и изъ десяти полученныхъ отъ нихъ рублей,

едва ли доставляютъ по назначенію и одинъ рубль. Настасья Кузминична объ этомъ, конечно, знала и многихъ изъ нихъ смѣняла, да толку изъ этого не было. И новые „дяденьки“—не стѣснялись въ средствахъ,—принимали краденое и обирали бесѣдниковъ не хуже своихъ предшественниковъ. Вотъ и о теперешнемъ дяденькѣ Дмитріи Семеновичѣ я слышалъ очень много нехорошаго. Но бесѣдники не обращаютъ на это вниманія и вся бѣда въ томъ, что они словно находятся подъ какимъ-то гипнозомъ:—кто изъ нихъ хоть одинъ разъ побывалъ на бесѣдкѣ, его непреодолимо тянетъ идти туда и въ другой разъ, и ничѣмъ его не разубѣдишь. А дяденьки свое дѣло знаютъ хорошо и рядовыхъ бесѣдниковъ держатъ въ большой строгости; нерѣдко налагаютъ на нихъ послушанія, — то есть проще,—заставляютъ ихъ бесплатно на себя работать и обираютъ страшно.

Разница въ ученіи Настенекъ въ началѣ состояла въ слѣдующемъ: Настенька изъ Хорошенькаго учила: „ищи прежде Бога и найдешь человѣка“, т. е. Богъ, видя твою любовь къ Нему, укажетъ тебѣ человѣка, который научитъ тебя пути ко спасенію.

А Настасья Кузминична учила: „Ищи человѣка и найдешь Бога“. Такимъ образомъ и сама то она вопреки ученію Христа, рекшаго: возлюби Господа Бога твоего всѣмъ сердцемъ твоимъ, и всею душею твоею, и всѣмъ разумѣніемъ твоимъ и всею крѣпостію твоею:—вотъ первая заповѣдь. Вторая же подобная ей:—возлюби ближняго твоего, какъ самого себя (Мрк. 12, 30—31),—переставила первую заповѣдь на мѣсто второй. А ея послѣдователи пошли еще дальше, они (напр. Дмитрій Петровъ), стали учить: какъ ты ни молись, „какъ ты ни постишь, а безъ человѣка на спасешься“, „на Христа-то ты гляди, а дяденьку помни“. А въ дальнѣйшемъ ученики его (напр. Кириллъ Зиновьевъ) толкуютъ это такъ: писано—„свѣта отъ свѣта, Бога истинна отъ Бога истинна“—или вѣруемъ въ „отцовъ свѣта“, которые получили свѣтъ отъ „отцовъ свѣта“. Они вѣрують въ „Господа Саваофа, живущаго въ сердцахъ“ ихъ.—Онъ святъ и они святы, Онъ воскресъ и они воскресли и „воспріяли даръ“. Только не всѣмъ это видно, потому что они живутъ „во образѣ сыновъ человеческихъ“. Но мы въ нихъ увѣровали и сердце наше исполнилось неизреченной радости. Такимъ образомъ послѣдователи Настасьи Кузминичны первоначальное ученіе своей наставницы истолковали ужъ въ хлыстовскомъ смыслѣ: „ищи человѣка и найдешь въ немъ Бога“,—Онъ (Богъ) здѣсь съ нами,—Его нужно только найти,—Онъ въ не—бесахъ“ и т. д.

Разницу въ ученіи послѣдователей Настенекъ лучше всего можно видѣть на примѣрахъ.

Вотъ, напр., бесѣдка въ селѣ Хорошенькомъ. Читаютъ: „Будите мудры яко змѣя и цѣли яко голубіе“ (Лук. 10, 3). Слѣдуетъ толкованіе: Свою мудрость змѣя показывается главнымъ образомъ въ трехъ случаяхъ: 1) когда змѣя нужно смѣнить кожу, она ищетъ тѣсное мѣсто и, проходя сквозь оное, снимаетъ старую кожу и остается въ новой. И намъ, братіе, нужно помнить, что

мы обязаны совлекаться ветхаго человѣка, что въ царствіе небесное мы должны идти „узкими вратами“ и, непрестанно обновляясь въ покаяніи, облекаться въ новаго человѣка по образу создавшаго его.

2) Змѣя не любитъ гласа, ни птицъ, ни людей, а потому одно ухо прижимаетъ къ землѣ, а другое затыкаетъ хвостомъ, какъ и писано: „Аспида глуха, затыкающая уши свои“.

— И намъ, братіе, нужно больше смиряться и преклоняться къ землѣ, памятуя слова Господа: „земля еси и въ землю отыдеши“, и, шествуя путемъ покаянія, необходимо „затыкать уши свои“—т. е. имѣть страхъ Божій и избѣгать соблазна „красными міра сего“.

3) Если нападаютъ на змѣю, она отдастъ все тѣло и защищаетъ только голову. И намъ, братіе, при нападеніи на насъ враговъ: плоти, міра, и особенно діавола, который по слову апостола: „яко левъ рыкая ходитъ, ищай гдѣ-бъ кого поглотити“, нужно беречь не тѣло, а душу свою и помнить слова Господа: „не убойтесь это убивающихъ тѣло, души же не могущихъ коснуться, убойтесь же имущаго власть по убіеніи воврещи въ геенну огненную“. (Лк. 12, 5).

„Будьте чисты и смиренны какъ голуби“. И чистота голубиная обнаруживается въ трехъ случаяхъ:

1) Голубь не завистливъ, на ворохъ зерна никогда не лазитъ, а собираетъ зернышко всегда внизу.

И мы, братіе, должны быть довольны даннымъ намъ отъ Бога жребіемъ, должны любить ближнихъ и избѣгать зависти, памятуя, что зависть—смертный грѣхъ.

2) Голубь кротокъ, и маленькія птички сидятъ съ нимъ, ходятъ около него и не боятся, потому что голубь никогда не дерется. И мы, братіе, должны избѣгать ссоръ, дракъ, несогласій и по заповѣди Господней не только должны уступать обидѣвшимъ, но и молиться за своихъ враговъ.

3) Голубь—чистъ и цѣломудренъ,—на падаль онъ не садится, червяковъ не ѣстъ. И намъ, братіе, нужно избѣгать всего того, что по слову Господа сквернитъ человѣка, напр. злые помыслы, убійства, прелюбодѣянія, любодѣянія, кражи, лжесвидѣтельства, хуленія (Мѣ. 15, 19). Нужно хранить чистоту души и тѣла, ибо только „Чистиі сердцемъ Бога узрять“.

И такъ, братіе, у змѣи и голубя намъ есть чему поучиться. По поводу прочитаннаго и сказаннаго чаще всего задаются вопросы, ведутся пренія; какъ напр., ты вотъ, братецъ, говоришь, у змѣя надо учиться, а что значитъ въ церкви читають: „ты іорданскія струи освятилъ еси и главы тамо гнѣздящихся сокрушилъ еси змievъ“ (послѣд. освящ. воды св. богоявленій). Какія это тамъ были главы змievъ?

Въ отвѣтъ дается такое объясненіе. Послѣ грѣхопаденія и изгнанія изъ рая, Адамъ позналъ Еву, жену свою, и она родила ему сына Каина; только Каинъ-то родился уродомъ—на груди у него было семь главъ змievъ, которые прообразовали собою семь смертныхъ грѣховъ. Ева хочеть Каина грудью кормить,

Каинъ грудь сосать, а змѣи-то ихъ кусать; со страху Ева захворала,—слегла въ постель; а Адамъ сталъ тужить и съ горя впалъ въ тоску. Тутъ-то вотъ и явился къ нему Люциферъ—князь ада и спросилъ: о чемъ ты, Адамъ, плачешь?

Адамъ отвѣчаетъ: — Какъ же мнѣ не плакать, когда моя красавица жена, у которой волосы какъ жемчугъ, страшно больна и первенецъ мой умираетъ...

— А что ты, говоритъ Люциферъ, мнѣ дашь, если я ее и сына твоего вылечу?

— За нихъ, говоритъ Адамъ, я готовъ отдать все что угодно.

Тутъ Люциферъ-то и говоритъ:—Давай сдѣлаемъ клятвенное съ кровью условіе, что „всѣ живые ¹⁾ будутъ твои, а мертвые мои“. Мертвые-то вѣдь тебѣ не нужны, а если ты на это согласишься, то и жена и сынъ твой нынѣ уже будутъ здоровы. На томъ и согласились.

Люциферъ принесъ изъ ада каменную дску, а Адаму велѣлъ заколотъ козла и выпустить кровь. А когда все было готово, Люциферъ сказалъ: ну, Адамъ; теперь опусти длань въ кровь и въ удостовѣреніе своей клятвы, что всѣ живые будутъ твои, а мертвые мои, растопыривъ пальцы, приложи длань къ каменной дскѣ.

И когда Адамъ это исполнилъ, Люциферъ сталъ брать съ груди Каина головы змѣевъ и приложилъ ихъ всѣ между пальцевъ на дску вмѣсто печатей; и дску ту для сохраненія отнесъ въ рѣку Іорданъ, гдѣ она была 5538 лѣтъ до самаго крещенія Господня.

Такимъ образомъ всѣ умершіе потомки Адама и стали подъ клятвою, даже праведники по смерти сходили во адъ. Свободить умершихъ потомковъ Адама отъ этой его клятвы и разрушить самую клятву могъ только Богъ. Вотъ почему, когда для спасенія людей явился на землю Сынъ Божій Господь Іисусъ Христосъ, то первымъ дѣломъ Онъ пришелъ креститься и крестился во Іорданѣ на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ хранилась клятвенная дска. Когда Господь крестился, „Іорданъ возвратился вспять“,—стало мелко и ту клятвенную дску стало видно. Господь сталъ на нее и повелъ по ней ногой и такимъ образомъ „сокрушилъ—стеръ главы змѣевъ въ водѣ“ и упразднилъ и самую клятву Адамову. Люциферъ тутъ же хватился и взялъ было ту дску во адъ, хотѣлъ былъ ее какъ нибудь поправить, но дска-то у него совсѣмъ разсыпалась, а вмѣстѣ съ тѣмъ и „клятва потребилась“, такъ что отъ клятвы Адамовой не осталось и слѣда.

Поэтому св. церковь и воспѣваетъ: „Преблагословенна его Богородице Дѣво, воплотившися изъ тебе адъ плѣнися, Адамъ воззвася, Ева свободися, клятва потребися, смерть умертвися и мы ожихомъ“.

Желая блеснуть предъ слушателями своими познаніями, и самъ наставникъ задаетъ имъ вопросы, какъ напр., почему на

¹⁾ Разумѣются потомки Адама.

овчей купели по возмущеніи ангеломъ воды, исцѣлялся только одинъ—первый, кто влѣзалъ въ купель, а не два или три?

И послѣ объясняетъ такъ: когда Адамъ умеръ, то сынъ его благочестивый Сиеъ, въ знакъ своей вѣры въ Пресвятую Троицу, посадилъ на его могилѣ три зерна,—еще самимъ Адамомъ взятыхъ изъ плодовъ древа познанія добра и зла. Отъ этихъ зеренъ произросло три древа: кипарисъ, пегъ и кедръ; и деревья эти перевились и срослись такъ, что верхъ-то у нихъ былъ одинъ: во образъ Единосущной Троицы. Много, много вѣковъ росло это дерево и только когда Соломонъ сталъ строить храмъ, дерево это срубили и послали ему во Иерусалимъ,—только къ стройкѣ-то оно споздало и безъ всякаго вниманія лежало около храма. Когда на освященіе храма пріѣзжала къ Соломону царица Савская, то случилось, что она какъ-то зацѣпилась за это дерево и упала и прокляла его, сказавъ:—о! треклятое дерево! Послѣ этого дерево отбросили въ сторону.

Когда іудеи строили другой храмъ, то это дерево хотѣли употребить на стройку,—но мастера на этотъ разъ его почему то забраковали, какъ писано: „не въ ряду сотвориша зиждущіи“, и бросили его въ овчую купель. Но оно было отъ Господа; Господь ежегодно посылалъ ангела обмывать отъ грязи это дерево и когда онъ его обмывалъ, то возмущалъ воду, и кто первый влѣзалъ послѣ этого въ купель, получалъ исцѣленіе. И вотъ, когда іудеи осудили Господа на распятіе, то въ ярости сказали: недостойнъ онъ хорошаго дерева,—вынуть ему дерево изъ купели, ибо оно будетъ потяжелѣе; такъ и сдѣлали, и устроили изъ этого дерева Господу Крестъ. Такимъ образомъ отъ какого дерева люди погибли, тѣмъ же деревомъ по благодати Божией и спаслись; вотъ почему мы и слышимъ—въ церкви поютъ: „древомъ, имъ же Адамъ исселенъ бысть изъ рая, онаго въ рай паки вселилъ еси“. Возмущеніе воды въ купели означало очищеніе и спасеніе крестомъ и прообразовало крещеніе, а такъ какъ истинное крещеніе только едино, то и исцѣленіе силою Креста Христова получалъ только одинъ—первый, входившій въ купель по возмущеніи воды.

Бываютъ на бесѣдкахъ и такіе вопросы: почему Духъ Святой на Иисуса Христа сошелъ въ видѣ голубинѣ, а на апостоловъ въ видѣ огненныхъ языковъ?

Отвѣтъ дается такой: На Господа Иисуса Христа Духъ Святой сошелъ въ видѣ голубя потому, что Господь былъ чуждъ грѣха, чистъ и святъ, а на св. апостоловъ тотъ же Духъ сошелъ въ видѣ огненныхъ языковъ потому, что нужно было попасть въ нихъ нечистоту грѣха.

А теперь для примѣра,—продолжалъ о. Полихроній,—я приведу вамъ нѣсколько особенно возмутительныхъ толкованій послѣдователей Настасьи Кузьминишны. Какъ я уже сказалъ, все у нихъ клонится къ тому, чтобы вытолковать свяц. Писаніе для приложенія къ своимъ вожакамъ. Такъ вотъ случилось мнѣ однажды проѣздомъ быть въ деревнѣ Сидоркѣ, гдѣ много бесѣдниковъ. По знакомству я и заѣхалъ ночевать къ бесѣднику. Дѣло

было въ праздникъ. Хозяинъ, зная, что я былъ бесѣдникомъ, говорить: „братецъ, пойдѣмъ на бесѣдку“. Я согласился,—пошли. А надо вамъ знать, бесѣдка эта происходила какъ разъ наканунѣ отправленія въ заключеніе мѣстнаго вожака бесѣдниковъ Якова Аванасъевича Шеина, коего, по своему обычаю, бесѣдники чли чуть не за Бога. Когда мы пришли, бесѣдка была въ полномъ разгарѣ. Ну, по обычаю, попѣли, а потомъ хозяинъ сталъ читать: „Вмалѣ и ктому не узрите Мене, и паки вмалѣ и узрите Мя... (Іоан. 16, 16). Прочелъ и спрашиваетъ: „Къ чему это, братцы, писано?“ А такъ какъ толковниковъ на этотъ разъ не нашлось, то самъ и поясняетъ: „Это, братцы, про нашего батюшку Якова Аванасъевича писано, „вмалѣ и не узрите Мене“...—пройдетъ всего лишь одна ночь и вы его ужъ не увидите, потому что завтра онъ пойдетъ страдать за вѣру. „И паки вмалѣ и узрите Мя...“—И опять пройдетъ двѣ недѣли, и вы его увидите...“ „Я, — говорить о. Полихроній, — возмущился такимъ толкованіемъ и сказалъ: „братцы, изъ вашего толкованія очевидно, что за „человѣкомъ“ Бога-то вы совсѣмъ уже не видите и Бога-то не боитесь.—Это врагъ смутилъ васъ, опомнитесь, вспомните Бога и покайтесь, пока еще не поздно, иначе погибнете...“ -- Услышавъ это, бесѣдники подняли такой крикъ и шумъ,—бѣда; я не договорилъ... не на шутку испугался и поспѣшилъ уйти въ сильномъ волненіи и всѣ они тутъ же разбѣжались. Впрочемъ, — съ глубокимъ вздохомъ продолжалъ о. Полихроній, — мнѣ приходилось слышать, какъ нѣкоторые люди искажаютъ свящ. Писаніе и устрашаютъ этого. Вотъ примѣръ. У сектантовъ случилась бѣда, — родила „сестрица“—дѣвица. Среди православныхъ говоръ; сектанты сильно смущены. И вотъ, чтобы ихъ ободрить, вожакъ собираетъ бесѣдку и читаетъ: „Кто насаждаетъ виноградъ и отъ плода его не ястъ? Или кто пасетъ стадо и отъ млека стада не ястъ? Въ Моисеевѣ бо законъ писано, да не заградиши устенъ вола молотяща. Еда о волѣхъ радить Богъ?“ (1 Коринѣ. 9, 7—9). Слѣдуетъ толкованіе: „да, братіе, насъ вотъ осуждаютъ, что сестрицы наши родятъ дѣтей, и все потому, что не понимаютъ писанія, а вотъ писано-то ясно: кто отъ плода винограда не ястъ? Кто отъ млека стада не ястъ? По писанію, „всякій долженъ пользоваться своими плодами“,—писано: „плоды трудовъ твоихъ съѣси“: — дочь твоя или сынъ твой — плодъ твой, — какъ и писано „плодъ чрева твоего“ — ну, „и пользуйся ими, какъ плодами твоими“ и „не заграждай устенъ вола“ — и не думай, что тутъ о быкахъ радить Богъ,—нѣтъ, не о скотѣ, а о тебѣ тутъ писано,—такъ ты и поступиай по писанію“, ибо паки другое писаніе глаголетъ: „всякъ первый отъ плодовъ своихъ да вкусить“. На „мірскихъ“ же намъ смотрѣтъ нечего, извѣстно вѣдь, что они „заблуждаются не вѣдуще ни писанія, ни силы Божіей“, и если что говорятъ, не смущайтесь, ибо писано: „рекутъ на васъ золь глаголь лжуще...“

Я спросилъ старца, не о Раковскихъ ли бесѣдникахъ онъ говорить? Если такъ, то и я, будучи въ с. Раковкѣ, отъ оче-

видцевъ слышалъ, что въ селѣ Раковкѣ всѣ дѣвицы бесѣдницы (кромѣ одной) родятъ дѣтей, и что единовѣрцы ихъ за это не только не осуждаютъ, напротивъ, при видѣ такого незаконно-рожденнаго ребенка, они еще говорятъ: „смотрите-ка, братцы, какой ангельчикъ, — сразу видно, что не отъ „мірскаго чело-вѣка“ рожденъ“. О. Полихроній сказалъ на это, „что бесѣдники впадаютъ въ плотской грѣхъ, и дѣвицы-бесѣдницы родятъ,—это я знаю;—одинъ бесѣдникъ при мнѣ, напримѣръ, каялся и просилъ братію: „помолитесь, я въ Давидово болото упалъ, да такъ, что и ногъ не видно“; очевидно отсюда, что они все же сознаютъ, что это грѣхъ, и скорбятъ объ этомъ; а чтобы они дошли уже до такой степени нравственнаго паденія, чтобы оправдывать такія вещи писаніемъ, тому мнѣ не хочется вѣрить, хотя, дѣйствительно, теперь у нихъ все по своему. Моя племянница, напр., передавала мнѣ такой случай. Пошла, говорить, я съ бесѣдницами жать пшеницу; пришли въ поле; предъ началомъ жнитва я и говорю: „Господи благослови“; тутъ подруги-бесѣдницы какъ закричатъ на меня: „что ты, говорятъ дура, съ ума, что ли, сошла: нужно всегда говорить: „Настасья Кузьминишна, благослови“. Въ другой разъ я и самъ былъ очевидцемъ подобнаго.

— А какъ бесѣдники относятся къ церкви православной и ея пастырямъ?—спросилъ я старца.

— Объ этомъ судите вы сами,—сказалъ онъ,—а я лишь расскажу вамъ два факта. Однажды при мнѣ въ одной компаніи случился добрый и толковый чело-вѣкъ, бывший въ Саровѣ на открытіи мощей преподобнаго о. Серафима. Насъ было много и всѣ мы очень живо интересовались этимъ событіемъ и потому и попросили его рассказать намъ о своихъ впечатлѣніяхъ и чудесахъ, бывшихъ отъ мощей преподобнаго, что тотъ очень охотно и исполнилъ. Разсказъ этотъ слышалъ и одинъ изъ бесѣдниковъ, и онъ ему, очевидно, крайне не нравился. Слушалъ это бесѣдникъ, слушалъ, наконецъ, не выдержалъ характера и говоритъ: „ну, это что за чудеса. Вотъ чудо такъ чудо,—когда Настасья Кузьминишна Богу молится, у нея лампадка сама зажигается“.—Что касается до отношенія бесѣдниковъ къ священникамъ, то объ этомъ очень краснорѣчиво можетъ говорить такой фактъ. Какъ-то однажды на Пасху пошелъ я на бесѣдку, тамъ случился и одинъ пріѣзжій бесѣдникъ торговецъ изъ пригорода Сергіевска. Разговоръ зашелъ о богослуженіи. Торговецъ этотъ обращается ко мнѣ и говоритъ:

— А что, братецъ, ты сегодня въ церкви былъ?

— Былъ,—говорю.

— Слышалъ, какъ попы поютъ „песъ вопіеть Владыцѣ“? Кто это песъ?

— Что ты,—говорю,—этого вовсе и нѣтъ, ты, очевидно, слышался. Пѣли на клиросѣ: „пѣснь принесемъ Владыцѣ“ (5 пѣснь канона Пасхи).

— Ну, вотъ,—говоритъ, — чать и у меня тоже уши есть: пѣли „песъ вопіеть Владыцѣ“; песъ—это попь“...

И какъ я его ни убѣждалъ, онъ и слушатели остались при своемъ мнѣніи.

— Такъ вотъ вамъ примѣры, какъ толкуютъ свящ. Писаніе послѣдователи Настасьи Кузьминишны, когда среди нихъ не бываетъ православныхъ. Вы миссіонеръ, остальное для васъ должно быть понятно, а потому говорить о бесѣдникахъ больше я не буду. Скажу только, что мнѣ ихъ страшно жаль.

Господь сказалъ апостоламъ, а въ лицѣ ихъ и всѣмъ истиннымъ Своимъ послѣдователямъ: „вы свѣтъ міра, вы соль земли“. Свѣтъ—это добрая дѣла, соль — ученіе. Для писанія соль — толкованіе, вотъ у вашихъ бесѣдниковъ этой соли-то и нѣтъ: она обуюла,—испортилась.

Сказавъ это, старецъ поникъ головою. Въ виду ясно выраженнаго старцемъ желанія — не говорить больше о бесѣдникахъ, прерывать его думы дальнѣйшими разспросами я не смѣлъ. А всѣ мои попытки заставить впослѣдствіи заговорить о нихъ самого старца не имѣли успѣха; старецъ или молчалъ, или пѣлъ свой любимый догматикъ 4-го гласа „Иже тебе ради“.

Миссіонеръ іерей *Алексѣй Урбанскій*.

(Продолженіе слѣдуетъ).

По слѣдамъ раскольничьихъ дѣятелей. 1)

Помимо симоніанства, Швецовъ, во многихъ мѣстахъ своего письма, указываетъ на грѣхи противооужниковъ и по другимъ каноническимъ правиламъ. Это обстоятельство опять таки вынуждаетъ насъ вспомнить документальную исторію происхожденія австрійскаго священства. Кто знакомъ съ этой исторіей, тотъ знаетъ, на какія противохристіанскія продѣлки пускались искатели архіерейства, иноки Павелъ и Алимпій, какъ они обманывали несчастнаго Амвросія, какъ они плутовали и сочиняли всевозможные подлоги для открытія архіерейской каѳедры въ Бѣлокриницкомъ монастырѣ, и какія затѣмы учинилъ канонопирательства купленный митрополитъ, дѣлаясь родоначальникомъ никогда небывалой не только въ церкви Христовой, но и въ ересяхъ и расколахъ іерархіи. Эта іерархія явилась плодомъ полной канонической анархіи какъ со стороны продавашагося митрополита, такъ и пріявшихъ его за своего первосвященителя.

Вспомнимъ хотя бы главное: Амвросій, не зазрѣвъ въ ереси ни православной восточной церкви, ни своего патріарха Анеима III, уходитъ отъ послѣдняго (перво-второго соб. прав. 13 и 15) къ анафематствованному Церковью обществу. Бѣглый попъ Іеронимъ, ни слова не понимавшій по гречески, исповѣдуетъ и „тщательно испытываетъ глубины сердца“ ни слова не понимавшаго по-русски митрополита и въ сущемъ санѣ „принимаетъ его отъ ереси“, чрезъ миропомозаніе (Карѣ. соб. пр. 6—7; 1 вс. соб. пр. 8, Кормч. л. 293 и др.). Амвросій „велегласно русскимъ языкомъ“ (т. е. русскими словами, написанными для него греческими буквами) прокликаетъ при этомъ православную церковь, какъ еретическую; служитъ затѣмы въ неосвященной церкви (ап. пр. 31, антїох. соб. 5 пр. VII всел. соб. пр. 7 и др.), поставляетъ себѣ преемника (Антїох. соб. пр. 23) изъ избранныхъ липованскою толпою (VII вс. соб. пр. 3, Лаод. 13) трехъ кандидатовъ бѣглаго дьячка Кипріана Тимофеева. И іерархія готова. Бѣглопоповская „церковь—вдова“²⁾ подыскала себѣ на содер-

1) „Миссіон. Обзор.“ 1907 г. № 1.

2) Бѣглопоповцы, перешедшіе въ бѣгломитрополитцы (австрійцы) уповаютъ, что ихъ „церковь“ безъ епископа была „вдовою“ (до принятія Амвросія); но эта вдова въ теченіе чуть не 200 лѣтъ рождала чадъ...

жаніе подходящаго бѣглаго сожителя изъ „еретиковъ 2 чина“: Павелъ и Алимпій „сосватать“—то „сосватали“ жениха для своей „церкви—вдовы“, но повѣнчать—то ихъ у нихъ не было ни догматическихъ, ни каноническихъ средствъ. Да и самое—то сведеніе жениха—вдовца (безъ епархіальнаго архіерея) со „вдовой“—невѣстой устроено прямо таки воровски. Митр. Амвросій былъ украденъ: Павелъ и Алимпій, торгуя его въ расколѣ, ни словомъ не обмолвились предъ нами о дѣйствительномъ своемъ раскольничьемъ упованіи и отношеніи къ нему православной церкви. Разрѣшеніе на устройство архіерейской каѳедры въ бѣлокриницкомъ монастырѣ у австрійскаго правительства было похищено, благодаря для показу взятому достоянію липованъ и подложнымъ векселямъ, выданнымъ будто бы монастырю на большія суммы разными лицами, въ томъ числѣ Павломъ и Алимпиемъ, безъ всякаго стыда объявившими себя заграничными уроженцами и подданными и внесшими якобы въ монастырь нѣсколько десятковъ тысячъ левовъ (для открытія каѳедры въ монастырѣ австрійское правительство требовало свѣдѣній о монастырскихъ средствахъ). „Отреченіе“ отъ мнимыхъ ересей православной церкви и исповѣданіе раскольничьихъ заблужденій у м. Амвросія предъ миропозаніемъ было уворовано, такъ какъ онъ, читая „чинъ отреченія“, безсознательно произносилъ русскія слова, начертанныя греческими буквами. Бѣглаго митрополита принимаетъ въ сущемъ санѣ бѣглый попъ. И т. д. и т. п. Вотъ откуда австрійская іерархія „пошла быти“.

Швецову, какъ бывшему секретарю Антонія Шутова и австрійскому „архіерею“, эта исторія должна быть хорошо извѣстна. Поэтому надо прямо удивляться его смѣлости, чтобы не сказать дерзости, когда онъ заговариваетъ о каноническихъ преступленіяхъ противокружниковъ. Въ каждомъ случаѣ упоминанія объ этомъ онъ запрашивается на обличеніе австрійскаго священства вообще. Напримѣръ: 1) Швецовъ извѣщаетъ, что первый австрійскій „архіерей“ въ Россіи Софроній „рукополагалъ священниковъ“ за „богатыя дароприношенія“, что „явно противорѣчитъ многимъ священнымъ правиламъ“ и „о чемъ обжаловано было въ бѣлокриницкую митрополию“. Митр. Кириллъ, поставляя епископомъ въ Москву другого Антонія (Гуслицкаго), когда эта каѳедра занята уже была Антоніемъ Шутовымъ, поступилъ „противно опредѣленію священныхъ правилъ“ и „притомъ впалъ, по словамъ Швецова, въ тяжкій грѣхъ симоніи“. И все же и Софронію и Кириллу это сошло съ рукъ благополучнѣйшимъ образомъ. Они не только не отлучены отъ церкви за это, не только не извержены изъ сановъ, но и не поколеблены даже по своему положенію въ австрійскомъ расколѣ. А между тѣмъ 29 ап. пр. гласитъ ясно: „аще кто епископъ или пресвитеръ деньгами сіе достоинство получить, да будетъ изверженъ и онъ и поставившій, и отъ общенія совсѣмъ да отсѣчется, яко Симонъ волхвъ мною Петромъ“. Зонара, въ толкованіи на это правило, пишетъ: „Здѣсь налагается двойное наказаніе по причинѣ чрезмѣрности зла и тяжести грѣховъ, потому что нѣтъ ничего

хуже того, какъ божественную благодать, какъ вещь продажную, добывать за деньги, какъ равно и того, кто продаетъ ее. Ибо при семъ продается даръ св. Духа, какъ нѣчто служебное. По свидѣтельству соборнаго посланія, писаннаго Тарасіемъ, святѣйшимъ патріархомъ константинопольскимъ, къ папѣ древняго Рима Адріану, гораздо извинительнѣе Македоній и прочіе духоборцы. „Ибо сіи пустословятъ, якобы святой Духъ есть твореніе и рабъ Бога и Отца, а тѣ, какъ мнится, дѣлаютъ Его своимъ рабомъ“. Продающій же что-нибудь продаетъ, какъ господинъ продаваемого, а покупающій, желая быть господиномъ покупаемого, цѣною сребра прибрѣтаетъ оное. Столь нетерпимы сіи грѣхи! И посему то получившіе священство чрезъ деньги, а равно преподавшіе оное такимъ образомъ, вмѣстѣ съ изверженіемъ изъ клира, совсѣмъ изгоняются и изъ церкви. А окружное посланіе Геннадія, святѣйшаго патріарха новаго Рима, предаетъ таковыхъ анаемъ“... (тоже и Вальсамонъ).

Почему же австрійскіе „архіереи“, какъ явствуетъ изъ письма Швецова, сквозь пальцы собственно посмотрѣли на преступленіе Софронія и Кирилла? Да причина тому простая: иначе имъ самимъ пришлось бы сложить съ себя свои омофоры, обратиться въ первобытное состояніе рядовыхъ мірянъ и быть затѣмъ отлученными отъ своей „церкви“: вѣдь корень ихъ купленной благодати—въ симоніанствѣ митр. Амвросія. Строгій судъ надъ симоніей былъ бы для нихъ судомъ надъ самими собой. А кто жъ самъ себѣ—лиходѣй!.

2) По письму Швецова, „бѣлокриницкія власти, убѣдившись въ *справедливости* жалобъ на Софронія (обвинявагося въ *симоніанствѣ*), рѣшились поставить въ Россію архіепископа Антонія, съ нареченіемъ владимірскаго и всея Россіи. А Софронію (симоніанину-то!) предписали подчиниться ему, какъ старѣйшему. Софроній, еще раньше прибытія архіепископа Антонія, рукоположилъ во епископа въ Вугурусланѣ Самарской губерніи нѣкоего Виталія. А по прибытіи архіепископа Антонія онъ отнесся къ его старѣйшему титулу съ завистью и рѣшился самъ опять превысить его. Онъ поѣхалъ къ еп. Виталію и здѣсь пригласилъ къ себѣ еще нѣкоего священноинюка Израиля, и сталъ убѣждать ихъ возстановить въ Россіи патріаршество. А два-де епископа могутъ поставить его. Они положили между собою жребій. Жребій палъ на Израиля, и они его, переименовавъ въ Іосифа, рукоположили патріархомъ, а сами Софроній и Виталій отъ новаго патріарха рукоположились митрополитами... По соборному же суду бѣлокриницкаго митрополита Кирилла въ 1856 году, дѣянія Софронія признаны *незаконными*. Ему строго предписали отказаться отъ учиненныхъ имъ въ гордости незаконныхъ титуловъ патріарха и митрополитовъ и жить въ подчиненіи у архіепископа съ званіемъ только епископа (симоніанина?); въ противномъ случаѣ онъ подвергнется *окончательному изверженію*“.

Исторія устроеннаго Софроніемъ патріаршества должна быть очень назидательной для австрійскаго священства. Дѣло въ томъ, что Софроній повторилъ только то, что десятью годами

раньше него продѣлалъ м. Амвросій Софроній, не зазрѣвъ своего „первосвятителя“ въ ереси, задумалъ образовать особую отъ него іерархію по мотивамъ совсѣмъ не религіознаго свойства. То же самое сдѣлалъ и Амвросій Софроній рукоположилъ Виталія во епископа одинъ и Амвросій—Кирилла тоже. Софроній—симоніанинъ и Амвросій такой же. Софронію предписано было отказаться отъ учиненной имъ іерархіи и возвратиться къ подчиненію своему архіепископу, такая же бумага послѣдовала отъ константинопольскаго патріарха и на имя Амвросія, и т. д. И что же? дѣйствія Софронія австрійскіе іерархи „признали незаконными“, влекущими „окончательное изверженіе изъ сана“, а таковыя же дѣйствія Амвросія, между тѣмъ, создали бѣлокриницкую іерархію и потому защищаются тѣмъ же Швецовымъ и его школой, какъ самыя что ни на есть законныя, отъ всякихъ „канонѳвъ“ и „святоподобій“ (кривотолкуемыхъ, разумѣется). Если бы Швецовъ не постѣснялся указать тѣ каноническія основанія „соборнаго суда бѣлокриницкаго митр. Кирилла въ 1856 году“, по которымъ „дѣянія Софронія признаны были незаконными“, влекущими на виновника „окончательное изверженіе“, то онъ, несомнѣнно, привелъ бы тѣ апостольскія и соборныя правила, которыя нарушилъ м. Амвросій, убѣгая отъ своего патріарха и создавая новую іерархію, и предъ судомъ которыхъ австрійщинѣ никогда не оправдаться 1).

Разница въ данномъ случаѣ между Софроніемъ и Амвросіемъ та лишь, что Софроній оказался все же порядочнѣе Амвросія: онъ, какъ и Швецовъ пишетъ, въ 1859 г. „пришелъ къ архіепископу Антонію и сталъ просить прощенія о своихъ незаконныхъ дерзновеніяхъ“, признавъ учиненное имъ яко не бывшее. Амвросій же, убѣжавъ отъ своего патріарха ради спокойствія, всецѣло продаваясь отступникамъ и обратившись за выговоренные въ условіи червонцы въ граммофонъ невѣжественныхъ въ христіанской вѣрѣ и церковной каноникѣ полуграммотныхъ мужиковъ, со спокойствіемъ запроданной совѣсти и нераскаянно попіралъ одинъ свящ. канонъ за другимъ, проклялъ незазрѣвную имъ въ ереси православную церковь, ни за что не хотѣлъ возвратиться съ повинной къ своему патріарху, и болѣе того, дошелъ уже до такого состоянія сожженной совѣсти, что полагалъ въ таковыхъ своихъ дѣйствіяхъ „увеличеніе славы Божіей“ 2).

Видно, у русскаго извозчика (Софроній въ мірѣ Степанъ Жировъ, занимавшійся извозомъ бѣглыхъ поповъ) больше обрѣлось церковной совѣстливости, чѣмъ у продажнаго греческаго митрополита! Австрійскіе грамотей, при такого рода сопоставленіяхъ и обличеніи дѣяній Амвросія отъ апостольскихъ и соборныхъ правилъ (напр. Ап. 34, 35; всел. соб. 15; Антиох. соб. 13,

1) См. напр., отвѣтъ Амвросія на письмо патріарха цареградскаго отъ 8 авг. 1847 г. въ «Матеріалахъ для исторіи бѣлокр. свящ.» стр. 236—238.

2) «Отвѣтъ на письмо патріарха Константинопольскаго». Матер. для исторіи бѣлокр. свящ. Субботина стр. 238.

16 и др.), повторяютъ обыкновенно избитую безсмыслицу, что эти каноническія правила къ Амвросію не приложимы, такъ какъ они-де положены для порядка внутри церкви (на случай, напр., дѣйствованія епископа въ чужой области, единоличнаго имъ рукоположенія въ епископскій санъ и т. п.), а Амвросій перешелъ не съ епархіи на епархію, а «изъ ереси въ православіе». Безсмыслица эта явно разсчитана на фокусъ предъ толпой. Нелѣпости ея очевидны и не на пользу самой австрійщинѣ. Обратимъ вниманіе на слѣдующее.

Бѣглопоповское общество, нося въ самомъ себѣ множество противоканоническихъ дикостей, въ продолженіе чуть не 200 лѣтъ не имѣло во всей вселенной ни одного единомысленнаго себѣ епископа и, почувствовавъ свою безблагодатность, задумало позаимствовать благодать у «еретика», который у него, этого безблагодатнаго общества, долженъ былъ предварительно очиститься отъ «еретической» скверны! Вотъ суть устройства австрійской „православной церкви“. Но такой „церкви“ истинное православіе не знало никогда отъ временъ апостольскихъ и не будетъ знать до послѣднихъ дней своего земного существованія. Это суевѣрно-механическое, безъ всякаго пониманія духа и смысла церковныхъ законовъ, австрійское устройство, съ наглою ложью, подлогами и обманомъ для „увеличенія славы Божіей“ и съ „изволенія Божія Промысла“¹⁾, есть какая-то *новая* церковь. И совершенно справедливо, что каноны истинно православной христіанской церкви апостольскіе, соборные и святоотеческіе писаны не для нея. Но тогда и для своихъ внутреннихъ распоряжковъ австрійщина должна бы создать свои новые каноны и ни въ коемъ случаѣ не пользоваться „уставомъ чужого монастыря“. А между тѣмъ кукольная бѣлокриницкая іерархія съ важнымъ видомъ обращается къ кормчей и разворачиваетъ книгу святыхъ правилъ православной церкви.

Если съ исторической точки зрѣнія взглянемъ на отступничество Амвросія, то уаримъ здѣсь переходъ не „отъ ереси въ православіе“, а лишь отъ „ничтожной пенсіи“ и ожиданія вакансіи“ на полуторатысячный годовой окладъ (плюсъ „домъ въ вѣчную собственность съ дворомъ и огородомъ“) и положеніе „верховнаго пастыря“ миллионной паствы. Вотъ свидѣтельства документовъ.

Въ прошеніи своемъ отъ 11 іюля 1846 г. на имя австрійскаго императора, Амвросій объясняетъ причины своего бѣгства отъ патріарха. „Прошеніе сіе, пишетъ Амвросій, я дерзнулъ самъ

¹⁾ Инокъ Павелъ, учредитель бѣлокриницкой іерархіи, повѣдавъ въ своемъ письмѣ отъ 16 окт 1844 г. все свое мошеничество съ подложными векселями, „завѣщательными актами“, завѣдомо ложными біографіями—своей и Алимпія, и прочимъ наглымъ обманомъ, при помощи котораго ему удалось обойти слѣдственную комиссію австрійской власти о средствахъ бѣлокриницкаго монастыря, отъ которой зависѣло „быть или не быть“ бѣлокриницкой каеодрѣ и амвросіевской іерархіи,—воскликаетъ: „во истину Божіимъ промысломъ сіе было. Богъ умудряетъ и младенцы“. («Ист. бѣл. іер.» Субботина I вып. стр. 155; ср. „Матер. для исторіи бѣл. іер.“ его же стр. 86—94).

лично на степень высочайшаго Императорскаго престола при- несть, не ожидая должнаго о мнѣ и моей непорочности до- ложенія, дабы за долгимъ изъясненіемъ не могло случиться со стороны греческой церкви какихъ-либо препятствій“. Если Амвросій „коваль желѣзо, пока горячо“, и надѣялся провести свое дѣло раньше „какихъ-либо препятствій со стороны греческой церкви“, то ясно, что онъ болѣе чѣмъ свободно могъ „наводить“ на эту церковь какія ему угодно „еретичества“, какъ довлѣющія причины измѣны ей и своей ставленной грамотѣ. И что же при всемъ томъ пишетъ по этому предмету Амвросій? Упомянувъ о „разныхъ перемѣнахъ въ патріархахъ въ то время“ (съ 1835 г. по 1841 г.) и о томъ, что „на его мѣсто (митрополита босанскаго) былъ опредѣленъ по желанію и ходатайству визиря Хусрефъ-паши босанскаго, другой митрополитъ, Игнатій“, Амвросій продолжаетъ: „Такія *противозаконныя смѣщенія* и новыя поставленія *епископовъ*, еще при жизни перваго, въ христіанскомъ законѣ жестоко запрещаются; однако въ греческой церкви уже происходитъ сего премножество... Я всѣ эти, даже и другія пре- многія *порочныя дѣла* греческой церкви во все время моего уда- ленія отъ своей епархіи съ жалостію и сердечною болѣзнью оплакивалъ; а къ тому и совершенно увѣрился, что *всѣ догматы и уставы греческой церкви* только у *реченныхъ старовѣрцевъ* въ своей первой чистотѣ и точности содержатся... И свободенъ бу- дучи, съ твердостью рѣшился принять избраніе реченнаго старо- вѣрческаго общества въ верховнаго пастыря, видя предъ собой самое явное божественное провидѣніе, которое меня предназна- чило, дабы лишенное до сихъ поръ священнаго архипастыря оное общество (числящееся кромѣ австрійскаго царства въ со- сѣднихъ державахъ до *трехъ милліоновъ*) руководить къ вѣчному блаженства пути“¹⁾.

При всемъ лукавствѣ „льстиваго“ грека, при всей безопас- ности отъ „препятствій со стороны греческой церкви“ и при всемъ невѣжествѣ австрійскаго правительства въ церковныхъ вопросахъ восточнаго православія и въ расколѣ, Амвросій все же не указалъ *никакой ереси* за греческою церковью, какъ при- чины своего бѣгства отъ патріарха. Допустимъ, въ этой церкви происходили, по волѣ иновѣрной власти, „противозаконныя смѣ- щенія епископовъ“, но это—*не ересь*. При этомъ „въ христіан- скомъ законѣ жестоко запрещается поставленіе другого епи- скопа при жизни перваго“, не отставленнаго отъ каедръ, въ одинъ и тотъ же градъ, что, напр., продѣлалъ бѣлокриницкій митр. Кириллъ, поставивъ на Москву двухъ епископовъ Анто- ніевъ Шутова и Гуслицкаго,—а не поставленіе архіерея на мѣсто уволеннаго за штатъ его предмѣстника. Амвросій это несом- нѣнно зналъ и писалъ въ данномъ случаѣ сознательно клевету на греческую церковь.

Равнымъ образомъ и „другія премногія *порочныя дѣла* гре- ческой церкви“ (какія это дѣла, Амвросій не указалъ) опять же

¹⁾ •Матеріалы для исторіи бѣлокр. свящ.». Субботина, стр. 140.

не ересь, и удаленіе изъ-за нихъ епископа отъ своего патріарха, до суда, какъ поступилъ Амвросій „жестоко запрещается“ каноническими правилами перво-второго собора (пр. 13—15). Наконецъ, коснувшись „догматовъ и уставовъ“, Амвросій говоритъ, что въ греческой церкви и „реченныхъ старовѣрцевъ“ они *одни и тѣ же*. Если же онъ и прибавилъ къ сему, что эти „догматы и уставы“ „въ своей первой чистотѣ и точности содержатся только у реченныхъ старовѣрцевъ“, то ясно, что разумѣль здѣсь не самое содержаніе „догматовъ и уставовъ“, а ихъ исполненіе; въ противномъ случаѣ „нечистоту“ и „неточность“ „догматовъ“ Амвросій отмѣтилъ бы уже какъ ересь, а этого онъ не дѣлаетъ. Что касается того, якобы Амвросій „совершенно *увѣрился*, что всѣ догматы и уставы греческой церкви только у реченныхъ старовѣрцевъ въ своей первой чистотѣ и точности содержатся“, то это пустыя слова: въ началѣ своихъ переговоровъ съ Павломъ и Алимпіемъ Амвросій „боялся и помыслить, чтобы отступить отъ своего патріарха и отъ своей греческой церкви... ибо вѣра ихъ (греческая) вкушъ съ великороссійскою надъ всѣми въ цѣломъ свѣтѣ вѣрами, какъ солнце надъ землей, благочестіемъ сіяетъ“ ¹⁾. Даже послѣ того, какъ раскольничьи „послы призвали къ себѣ его сына и *подробно* ему все рассказали о *догматъхъ* своей вѣры, и о *крестномъ знаменіи*, и о *табакъ ясно* протолковали, и онъ началъ по малу предлагать своему отцу къ воспріятію древнихъ *обрядовъ* благоволенія и, склонивъ его сердце ²⁾, митр. Амвросій сказалъ „посламъ“: „я вижу согласно, что въ старовѣрческой церкви, *то самое и въ греческой церкви*, кромѣ только крестнаго знаменія, а что брадобритіе, табакъ и прочее, то и греческая церковь не одобряетъ, но только не обуздываетъ; трисоставный крестъ почитаетъ и двучастный—все то же крестъ Христовъ, а не чей-либо другой“ ³⁾. „Противное возраженіе, которое написали ему послы на всѣ сіи легкомыслія, съ переводомъ греческимъ, ибо онъ мало умѣетъ говорить по-славянски“, нисколько не подѣйствовали на Амвросія по части „увѣренія“ его въ какомъ-либо „еретичествѣ“ греческой церкви; напротивъ, какъ видно изъ исторіи дальнѣйшихъ переговоровъ его съ „послами“, онъ самихъ „словъ“ заподозрѣвалъ въ „неправой вѣрѣ“ ⁴⁾. Но моленія бѣдствовавшего семейнаго сына, зарившагося на денежную часть „условія“, сдѣлали свое дѣло: Амвросій, не зная ровно ничего ни о существѣ раскола, ни о тѣхъ „священникахъ“ (бѣглыхъ), „которымъ долженъ былъ во *всемъ* вручить душевно и безъ *всякаго прекословія* исполнять все, что они будутъ предлагать необходимое въ присоединеніи церковномъ“ ⁵⁾, ни объ еретическомъ „бѣлокриницкомъ уставѣ“, подѣ которымъ

¹⁾ „Письмо въ Торжокъ“. „Переписка раскольниковъ дѣятелей“. Субботина вып. 1, стр. 67—68.

²⁾ По какимъ соображеніямъ Георгій „склонялъ сердце отца“, увидимъ ниже.

³⁾ Цитованное „Письмо въ Торжокъ“ стр. 69.

⁴⁾ Тамъ же, стр. 69.

⁵⁾ Тамъ же.

онъ тоже напередъ подписывался,—рѣшился на бѣгство отъ своего патріарха.

Насколько Амвросій „совершенно увѣрился въ чистотѣ и точности догматовъ и уставовъ у реченныхъ старовѣрцевъ“, можно видѣть хотя бы изъ того, что три мѣсяца спустя послѣ этой „совершенной увѣренности“, когда инокъ Павелъ сталъ предлагать ему „ради успокоенія народа“ подвергнуться для „присоединенія церковнаго“ второму чину принятія отъ ереси приходящихъ—миропомазанію съ сохраненіемъ сушаго сана, Амвросій сказалъ ему: „видно и ты, Павелъ, глупый“.

И такъ, ни въ прошеніи Амвросія австрійскому императору, ни въ переговорахъ его съ раскольничьими „послами“, нѣтъ ни слова, чтобы Амвросій, уходя въ расколъ, заподозрѣвалъ греческую церковь въ какомъ-либо еретичествѣ.

Почему и для чего Амвросій отступилъ отъ церкви, можно видѣть, помимо приведеннаго нами раньше „условія“ съ Павломъ и Алимпіемъ 15 апрѣля 1846 г., изъ отвѣта Амвросія на „письмо патріарха цареградскаго отъ 8 августа 1847 г.“. Здѣсь Амвросій пишетъ: „въ 1841 г., сентября 12, послѣ пятилѣтней моей паствы, смѣнили меня съ законной моей босанской епархіи... по клеветѣ турецкихъ начальниковъ босанскихъ. Поэтому и надѣялся я, что прибывшу мнѣ въ Константинополь, опредѣлить меня церковь и патріархъ въ другую епархію. Однако.. черезъ цѣлыхъ пять годовъ не показали ко мнѣ никакого знака человѣколюбія, но оставили меня только на *малой пенсїи* при патріархѣ, еще далѣе въ ожиданіи вакансіи. Самъ нынѣшній патріархъ Анеимъ третій, бывшій мнѣ нѣкогда агентомъ, зная все мое несчаствіе и страданіе... вступивъ на престолъ патріаршества, не обратилъ очей своихъ на меня, опредѣлить меня по крайней мѣрѣ въ меньшую нѣкую епархію, которыя тогда уже были вдовствующія, но поставилъ въ оныя епархіи своихъ любимцевъ, молодыхъ и вовсе не искусныхъ діаконовъ, а не меня или подобныхъ мнѣ страдалцевъ, которыхъ въ Царьградѣ есть довольно, и какъ и я, не имѣя никакой силы, или средства, терпятъ и страдаютъ до сихъ поръ. Однако мнѣ, по благости Божіей, явилась лучая изъ царства австрійскаго, которая посредствомъ всевысочайшаго указа подала позволеніе почти осиротѣвшему народу искать и привести себѣ архіерея изъ-за границы. Я принялъ такое извѣстіе за единственный промыслъ Божій и отважился прибыть въ Буковину во-первыхъ для моего спасенія и спокойствія, а во-вторыхъ, не пренебrecъ такое доброе дѣло для упасенія лишенныхъ пастыря овецъ... и послѣдуя примѣрамъ апостольскимъ, защищать ихъ и быть имъ во отца, въ пастыря и утѣшителя... Правила апостольскія и соборы я не отвергаю... Однако наводимыя на меня правила, какъ-то: апостольское 15 и 35 и 4 всел. соб. 13 на меня не восходятъ и меня осудить оныя никакъ не могутъ. Неправедно бо возженному свѣтильнику подъ спудомъ стояти, и я единожды сію религію принялъ, и уже вспять возвратиться отнюдь не желаю“¹⁾. Смыслъ

1) „Матеріалы для исторіи бѣл. свящ.“. Субботина, стр. 236 и 237.

Амвросіева объясненія довольно ясенъ: съ одной стороны—„малая пенсія въ ожиданіи вакансіи“ при патриархіи, и вслѣдствіе сего „несчастіе и страданіе“, а съ другой—золотая „лучая изъ царства австрійскаго“, что же касается канонѡвъ, то Амвросій „съ жалостью и сердечною болѣзнію оплакивалъ“ нарушеніе ихъ лишь другими, для себя же лично признавалъ исполненіе ихъ необязательнымъ, у него на эти каноны былъ свой самостоятельный взглядъ... Всего же наглѣе въ данномъ случаѣ то, что Амвросій самое циничное свое симоніанство прикрываетъ „примѣрами апостольскими“ и словами Христа Спасителя! На причины перехода Амвросія въ расколъ самый большой свѣтъ проливаетъ его сынъ Георгій, главный виновникъ отступничества своего отца.

Въ письмѣ къ сыну Сергія отъ 29 ноября 1864 г. Георгій, между прочимъ, писалъ: „прошу покорно ваше отца, г-на епископа, чтобы его боголюбивія спрашивалъ въ монастыря господина верховнаго митрополита Кирилла, что монастырь думаетъ для насъ, будетъ насъ за признательность и за службу моего покойнаго родителя давать пять сотъ червонца ежегодно, какъ и прежде, или нѣтъ. Ежели не будетъ, я буду сдѣлать процессъ противъ монастыря, али нѣтъ здѣсь въ Аустріе, но въ Петербургъ, и тамъ буду въ православну Синоду Великорусскою увѣдомить письменно всѣхъ липовански дѣлахъ, что они дѣлають... сколько архіепископа и епископа теперь имѣють по все Руссіи, которыхъ этихъ липовански архіепископи и епископи возвращають православный русскій народъ на свои ересь. Что думаетъ липованни народъ? Ежели я не хотѣлъ и ежили я не былъ, дабы они имѣли теперь это православію? Много и много крата мои покойный родитель меня бранилъ за это дѣло. Понеже *онъ не хотѣлъ пріити на липованску ересь*, ежели я не былъ добрый за липована; а теперь не хоцетъ ни спрашовать для насъ. Али я даю имъ мою твердо слово, и сказу имъ: ежели они не будутъ давать меня пятьсотъ червонца, я буду липованску священству въ Руссіи искоренить“¹⁾.

Въ посланіи къ Антонію и Московскому духовному Совѣту отъ 7 дек. 1864 г. Георгій повѣствуетъ: „Когда Павелъ и Алимпій... присли и въ Константинополь, по первыхъ со мною имѣли разговоръ, и вообщали меня свои благопріятныя желаніе и намѣреніе, за которыхъ они только далеко ходили. Во первыхъ мой покойный родитель не хотѣлъ ни слышать за етои дѣло, али я представилъ ему нашей *ползость* душевно и телѣсно, и горячкою желаніе одному народу, который желаеть послѣ толико вѣка имѣть свои священство... и даже я ему сказалъ, что ево имя безсмертный бы здѣлался исполняючи ето божественно дѣло, и отъ другой сторона и я съ моимъ семействомъ *счастливи бы были до конецъ нашего живота*. Мой слатки родитель послушавъ моихъ словахъ и рѣшилъся принять старовѣрскаго религію... и перемѣнилъ свою одеаду, и какъ простой человекъ имѣлъ на го-

¹⁾ •Переп. раск. дѣят. • Субб. вып. I стр. 232—233.

лову одно калпакъ болгарски... Въ Буковинѣ присли всѣхъ тамошнихъ старцы, прошили моего родителя, чтобы имъ рукоположилъ отъ своихъ народности духовенство одного воспріемника. Мой отецъ не хотѣлъ ихъ заразы послушати, но сказалъ имъ: я буду самъ исполнять ваше духовности потребности, и воспріемникъ не надомно ¹⁾. Тогда старики присли къ меня и меня упростили, и я прошили моего родителя, и мой родитель меня послушалъ и здѣлалъ имъ наслѣдника, одного музика изъ громада, который въ то время назывался Куприанъ, мужъ неучовный... неумни, но твердъ въ *суетврію* ²⁾.

Въ письмѣ Георгія къ Кириллу и Алимпію отъ 8 декабря 1864 года читаемъ: „Клятва и анафема на два паскудна особа — Кириллу и Алимпію. Понеже вы, какъ я увѣдомлень былъ, когда былъ въ Черновца, да вы безпрестанно ругаете вашего добродѣтеля, покойнаго господина митрополита Амвросія, моего родителя, а не хотите за его душу молиться ³⁾, и еще препятствуете, чтобы православныхъ христіанъ, послѣ смерть моего родителя дали намъ 500 червонца, ежегодная наша жалованья, которая общая содержаніе наши семейства была и за которая мой родитель освятить вамъ и очиститъ вамъ отъ оной оригиналнуи клятву, которую липовански народъ имѣлъ въ себѣ отъ старыхъ временъ. За это я самъ моимъ писаніемъ проклинаю васъ два слѣдующихъ словама, аки отъ сторона покойнаго моего родителя, господина Амвросія, и отъ сторона его тезоименителя святаго Амвросія. Во-первыхъ, проклинаю и анаематизую Кириллу, чтобы его душу, послѣ его смерть, взялъ сатана и велзевулъ и вынесли во дно адово, и чтобы никогда Божія лица не видалъ, и чтобы его тѣло нерастопленъ осталъ послѣ его издыханіе, и на смертный свой часъ крицалъ, какъ собака. Неумный, паскудный человѣкъ думаетъ поставлень митрополитомъ отъ Бога и безъ рукоположеніе! А нѣтъ, — отъ моего родителя, съ моимъ помощіемъ. И не хочетъ за насъ знать, паскудный, проклятый отъ всѣхъ седамъ (7) синода... еретикъ и богохулецъ... Теперь перевернимъ мою клятву и анаема на дерзновеннаго и лживаго Алимпія, который не вѣруеть ни на Бога, ни на святыхъ, ни на синоды, но самъ основаніе имѣеть на свою проклятую *ересь и суетвріе*. Его проклятѣ душа... тѣло же его вкупѣ со сміанскую его голову, будетъ остатъ на земли не растопленъ...“ ⁴⁾.

Приведенныя выдержки изъ писемъ Амвросія и его сына Ге-

¹⁾ Видимо Амвросій безъ всякаго знанія русскаго языка хотѣлъ самъ пасти и липованъ и «три милліона» раскольниковъ «въ сосѣднихъ державахъ»: доходъ, разумѣется, былъ бы большой, а главное — все это огромное стадо было бы въ полной отъ него одного зависимости.

²⁾ «Переп. раск. дѣят.» Суб. вып. I, стр. 235—236.

³⁾ Послѣ телеграммы Георгія, что его отецъ митр. Амвросій умеръ, бывъ напутствованъ греческимъ священникомъ, и будетъ погребенъ по греческому закону, Кириллъ сдѣлалъ распоряженіе не молиться за Амвросія. Только впослѣдствіи уже, по настоянію архидіакона Филарета, сдѣлано было особое распоряженіе о поминовеніи Амвросія. «Переп. раск. дѣят.» Суб. вып. I, стр. 238.

⁴⁾ Тамъ же, стр. 237—239.

оргія не оставляють никакого сомнѣнія на счетъ причинъ перехода Амвросія „въ липованку ересь“: звань „червонцевъ“, который мы слышимъ на всемъ протяженіи позорной исторіи отступничества Амвросія—отъ „условія“ 15 апр. 1846 г. до самой смерти Амвросіевой (30 окт. 1863 г.) и даже послѣ, всякаго „имѣющаго уши слышати“ непрекаемо убѣждаетъ, что не „отъ ереси въ православіе“ бѣжалъ Амвросій изъ Царь-Града...

Если же такъ, то всё „наводимыя“ на Амвросія каноническія правила должны быть дѣйственны въ отношеніи къ нему во всей своей полнотѣ; а въ этомъ случаѣ онъ, по переходѣ въ расколъ и принятіи отъ бѣглаго попа миропомазанія, „обнажилъ священства“ ¹⁾, сталъ міряниномъ (ап. пр. 29—30, I пр. Вас. Вел. 13—15 перв. втор. соб. Кормч. л. 293 и др.) и, дѣйствительно, ничего уже не могъ имѣть „на свою голову“ кромѣ какъ „одно калпакъ болгарски“. Посвященные имъ и отъ него поставленными въ разныя степени „священства“ суть міряне, а ихъ священнодѣйствія—кошунство.

По этому самому, Швецовъ, обличающій противоокружниковъ отъ каноническихъ правилъ и тѣмъ, стало быть, признающій дѣйственность послѣднихъ въ своей общинѣ, не „смиранный Арсеній епископъ“, а мірянинъ Онисимъ Васильевъ.

Н. Гринякинъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

¹⁾ Не говоримъ уже о томъ, что Амвросій до чинопріема въ расколъ (28 окт. 1846 г. былъ запрещенъ патріархомъ Аѳимомъ III грамотою отъ 14 окт. 1846 г.

ХРОНИКА.

Лѣтопись періодической духовной и свѣтской печати и новыхъ книги
по вопросамъ вѣры и миссiи церкви.

Возстановленіе истины.

(Противъ замѣтки Ив. Болдинова на корреспонденцію „Въ пользу миссiи“).

„Сама неправда себѣ“.

Прочитавъ въ апрѣльской книжкѣ „Миссіонерскаго Обзорѣнія“ за 1906 годъ замѣтку подъ заглавіемъ „По поводу корреспонденціи изъ Волчанска Харьковской губерніи „Въ пользу миссiи“ Якова Глаголева, я былъ крайне удивленъ, увидѣвъ подъ ней подпись помощника миссіонера Ивана Болдинова. Удивленіе мое произошло оттого, что этотъ самый Болдиновъ, называющій въ своей замѣткѣ мою корреспонденцію лживой, а меня клеветникомъ, письмомъ своимъ ко мнѣ, главнымъ образомъ, и расположилъ меня къ напечатанію корреспонденціи. Письмо его находится у меня въ цѣлости. Имъ-то я отчасти и надѣюсь защититься противъ его замѣтки. Въ корреспонденціи моей „Изъ Волчанска Харьковской губерніи. (Въ пользу миссiи)“, помѣщенной въ газетѣ „Колоколъ“ № 54 за 1906 годъ, я писалъ: „На пастырскомъ благотворительномъ съѣздѣ духовенства 4-го округа Воронежскаго у., духовенство этого округа сдѣлало постановленіе о необходимости устройства на ряду съ семинаріями нѣсколькихъ миссіонерскихъ школъ, изъ которыхъ окончившихъ курсъ епархіальное начальство могло бы опредѣлять на священническія мѣста въ села, зараженныя расколомъ или сектантствомъ, или же опредѣлять спеціальными миссіонерами. Нельзя не порадоваться этому постановленію. Желательно было, чтобы это постановленіе дало примѣръ и другимъ съѣздамъ дѣлать такія же постановленія. Въ настоящее время, когда объявлена свобода совѣсти, весьма нужны работники на миссіонерской нивѣ. Къ великому прискорбію всѣхъ ревнителей православія, ряды борцовъ за ис-

тину все болѣе и болѣе рѣдѣють. Многіе изъ талантливыхъ миссіонеровъ оставляють свою службу и замѣнить ихъ, къ сожалѣнію, очень трудно. Недавно, въ Воронежскомъ уѣздѣ имѣлъ мѣсто такой случай: въ с. Красный Логъ старообрядцами-безпоповцами былъ вызванъ извѣстный начетчикъ Пичугинъ. Приѣхавъ туда, онъ приглашаетъ православнаго священника. Священникъ отвѣтилъ ему, что съ нимъ онъ не въ силахъ бесѣдовать. Епархіальный же миссіонеръ въ это время былъ въ поѣздкѣ по епархіи. Пичугинъ, укрѣпивъ своихъ единовѣрцевъ въ заблужденіи,—уѣхалъ, а православные пали духомъ. Всего этого не было бы, если бы приходскій священникъ имѣлъ специальную миссіонерскую подготовку. Желательно было, чтобы на предстоящемъ помѣстномъ соборѣ Россійской церкви былъ возбужденъ вопросъ объ устройствѣ въ епархіяхъ, зараженныхъ старообрядчествомъ и сектантствомъ, миссіонерскихъ школъ. Вотъ все, что было мною написано въ моей корреспонденціи. Въ чемъ же Болдиновъ нашелъ тутъ ложь?

Въ томъ, что Пичугинъ, по сказанію моей корреспонденціи, былъ приглашенъ безпоповцами въ с. Красный Логъ для собесѣдованія съ православными, — тогда какъ, по увѣренію Болдинова, Пичугинъ и синодальный миссіонеръ о. Ксенофонтъ Крючковъ съ разрѣшенія высокопреосвященнаго приглашались одновременно священникомъ с. Краснаго Лога чрезъ телеграммы прибыть въ с. Красный Логъ для разсужденія о брошюрѣ Пичугина. Допустимъ, что Пичугинъ прибылъ въ с. Красный Логъ по телеграммѣ, какъ пишетъ Болдиновъ, только будто бы для бесѣды съ своими собратьями по вѣрѣ. Суть дѣла не въ томъ, какъ и кѣмъ вызывался Пичугинъ въ с. Красный Логъ, а въ томъ, что будучи вызываемъ, онъ прибылъ въ Кр. Логъ, и приглашалъ мѣстнаго священника на бесѣду; а Болдиновъ, не понявши дѣла, началъ ругать меня лжецомъ за то только, что въ моей корреспонденціи указанъ не тотъ способъ приглашенія Пичугина въ Красный Логъ. При томъ долженъ замѣтить,—когда я говорилъ въ своей корреспонденціи, что Пичугинъ былъ приглашенъ въ с. Красный Логъ безпоповцами, то говорилъ не безъ основанія. Послѣдняя бесѣда моего отца, окружнаго миссіонера, съ безпоповскими начетчиками с. Краснаго Лога Артеміемъ и Сокою, бывшаго въ декабрѣ мѣсяцѣ въ 1903 года въ домѣ іерея о. Іоанна Кузьмина, закончилось тѣмъ, что наставники, отказавшись въ то время отъ защиты своей вѣры, заявили, что они, безпоповцы, защитника себѣ найдутъ на сторонѣ и пригласятъ его для защиты. Послѣ этого безпоповцы поселка Бирюченскаго Воронежскаго уѣзда около двухъ лѣтъ говорили, что ихъ единовѣрцы села Краснаго Лога рѣшили вызвать въ с. Красный Логъ для бесѣды съ православными миссіонерами начетчика Пичугина, которому письмо уже послали и который обѣщался приѣхать.

Лжецомъ я являюсь, по Болдиновской замѣткѣ, главнымъ образомъ, за то, что упомянулъ объ отказѣ священника села Краснаго Лога бесѣдовать съ Пичугинымъ, тогда какъ, на самомъ дѣлѣ, какъ пишетъ Болдиновъ, Пичугинъ отказался отъ

Бесѣды со священникомъ и имъ, Болдиновымъ. Для выясненія истины я долженъ сказать, что относительно отказа священника отъ бесѣды съ Пичугинымъ я писалъ не на основаніи однихъ только слуховъ, а главнымъ образомъ, на основаніи письма Болдинова же, присланнаго мнѣ вскорѣ послѣ посѣщенія Пичугинымъ с. Краснаго Лога. Въ своемъ письмѣ ко мнѣ Болдиновъ, сообщая о пріѣздѣ Пичугина, въ Красный Логъ и о самомъ Пичугинѣ, писалъ: „бесѣды у насъ съ нимъ (Пичугинымъ) не было, потому что онъ просилъ бумагу отъ священника браннаго содержанія, но священникъ не далъ такой и Пичугинъ не согласился и не сталъ болѣе разговаривать, немного побылъ у раскольниковъ и уѣхалъ“...

Изъ этой точной выписки нѣсколько безграмотнаго мѣста письма Болдинова оказывается, что бесѣды у Болдинова и священника съ Пичугинымъ не было потому, что Пичугинъ, вѣроятно, просилъ (бумагою „браннаго содержанія“) священника заявить ему, Пичугину, о своемъ согласіи на бесѣду съ нимъ тоже бумагою, но священникъ не далъ такой бумаги и Пичугинъ не сталъ болѣе разговаривать.

Значить, солгалъ не я, когда сказалъ, что священникъ отказался отъ бесѣды съ Пичугинымъ, не давъ письменнаго согласія ни на свою, ни на Болдинову бесѣду съ Пичугинымъ, а солгалъ Болдиновъ въ своей замѣткѣ, сказавши, что будто бы Пичугинъ отказался вести бесѣду съ священникомъ и имъ, Болдиновымъ, потому что пріѣхалъ въ с. Кр. Логъ не для бесѣды съ православными, а для бесѣды только со старообрядцами. Если бы Пичугинъ пріѣхалъ въ с. Кр. Логъ только для бесѣды со старообрядцами, то онъ не просилъ бы бумагу отъ священника „браннаго содержанія“. Если же просилъ, то значить онъ пріѣзжалъ для бесѣды не со старообрядцами только, а съ православными и, главнымъ образомъ, со священникомъ или Болдиновымъ, такъ какъ бесѣды съ отцомъ Ксенофонтомъ, если вѣрить Болдинову, Пичугинъ не желалъ вести, почему и избралъ такое время для поѣздки въ с. Кр. Логъ, когда о. Ксенофонтъ уѣхалъ въ Екатеринбургъ.

Въ подтвержденіе справедливости того, что священникъ с. Кр. Лога отказался отъ бесѣды съ Пичугинымъ, приведу еще слѣдующее обстоятельство. Когда на пастырскомъ собраніи, о которомъ я сообщалъ въ своей корреспонденціи въ „Колоколъ“, окружной миссіонеръ, священникъ о. Ѳеоктистъ Глаголевъ, чтобы доказать необходимость устройства миссіонерскихъ школъ, указалъ на случай, имѣвшій мѣсто въ с. Кр. Логу, именно на отказъ священника отъ бесѣды съ раскольническимъ начетчикомъ Пичугинымъ, то свящ. с. Кр. Лога, бывшій на томъ же пастырскомъ собраніи, не сталъ опровергать достовѣрности этого факта, почему и пришлось ему получить тогда же отъ мѣстнаго о. благочиннаго указаніе, что въ такомъ случаѣ онъ, свящ. с. Кр. Лога, обязанъ былъ для бесѣды съ Пичугинымъ пригласить мѣстнаго окружнаго миссіонера. Это обстоятельство показываетъ, что если бы, дѣйствительно, было такъ, какъ пишетъ Болдиновъ

въ своей замѣткѣ, то священникъ с. Кр. Лога не преминулъ бы въ свое оправданіе сказать, что не онъ, а Пичугинъ отказался отъ бесѣды.

Кромѣ этого лжецомъ меня обозвалъ Болдиновъ за то еще, что въ моей корреспонденціи было сказано, что, послѣ посѣщенія Пичугинимъ с. Кр. Лога, раскольники укрѣпились въ своемъ заблужденіи, а православные пали духомъ. Болдиновъ пишетъ въ замѣткѣ: „Откуда же Глаголевъ вывелъ заключеніе, что раскольники укрѣпились въ своемъ заблужденіи, а православные пали духомъ?“ Думаю, что въ этомъ моемъ заключеніи тоже нѣтъ лжи. Изъ письма Болдинова видно, что Пичугинъ пріѣзжалъ въ село Кр. Логъ для бесѣды со священникомъ или съ кѣмъ либо изъ православныхъ, но, встрѣтя со стороны священника отказъ съ нимъ бесѣдовать, принужденъ былъ ограничиться бесѣдою только со своими одиновѣрцами для укрѣпленія послѣднихъ въ ихъ заблужденіи. Можно ли изъ этого сдѣлать другоѣ выводъ, а не тотъ, какой мной былъ сдѣланъ. Очень смѣшно было сказать, что, послѣ отказа православнаго священника бесѣдовать съ Пичугинимъ, православные укрѣпились, а раскольники пали духомъ. Впрочемъ, быть можетъ, вывода этого я бы и не сдѣлалъ, если бы, послѣ посѣщенія Пичугинимъ с. Кр. Лога, не пришлось мнѣ слышать отъ бирюченскихъ раскольниковъ, что теперь они ясно видятъ, что вѣра ихъ правая, такъ какъ Пичугинъ имъ это ясно доказалъ, а православные, слыша о пріѣздѣ въ Кр. Логъ Пичугина, съ недоумѣніемъ спрашивали, почему же съ нимъ никто изъ православныхъ не сталъ вести бесѣды, какъ нѣсколько разъ бесѣдовали въ прежнее время съ пріѣзжавшими въ Кр. Логъ старообрядческими начетчиками Худошинимъ и Черчимцевымъ? Думается мнѣ, что и черезъ этотъ выводъ я нисколько не заслужилъ названіе лжеца. Вотъ и все въ моей корреспонденціи, что послужило основаніемъ для Болдиновскихъ на меня похуленій.

Теперь перейду къ лживости Болдиновой замѣтки изъ послѣдующаго ея содержанія.

Болдиновъ пишетъ „не ясное ли дѣло, что Глаголевъ Яковъ задался цѣлію попать правду и наклеветать на нашего достойнаго и заслуженнаго батюшку, съ горячею любовію относящагося къ дѣлу миссіи, что доказываютъ пріобрѣтенныя имъ весьма цѣнныя книги противъ раскольниковъ и частыя домашнія бесѣды въ раскольниками, результатомъ чего является присоединеніе къ православной церкви раскольниковъ въ числѣ 14 человекъ“. Чѣмъ я попралъ правду и наклеветалъ на „достойнаго“ батюшку, Болдиновъ не указалъ, вѣроятно, онъ разумѣетъ и здѣсь все тотъ же отказъ „достойнаго батюшки“ отъ бесѣды съ Пичугинимъ, справедливость котораго я уже выше доказалъ письмомъ самого Болдинова и фактомъ, имѣвшимъ мѣсто на пастырскомъ собраніи въ с. Мосальскомъ Вор. у. Говоря въ своей корреспонденціи о необходимости миссіонерскихъ школъ и неподготовленности священниковъ къ веденію бесѣдъ съ раскольниками и указывая на случай отказа священника отъ бесѣды съ Пичу-

гинимъ, я, чтобы не огорчить этого священника, не называлъ его ни по имени, ни по фамиліи. Значить, не имѣлъ цѣли унижать „достойнаго“ и „заслуженнаго“ батюшку, а Болдиновъ, не знаю по какой причинѣ, задая цѣлью восхвалить своего „достойнаго“ батюшку, а другихъ батюшекъ своихъ—епархіальнаго и окружнаго миссіонеровъ очернить. Находя недостаточнымъ то, что себя и своего „достойнаго“ батюшку Болдиновъ выставилъ въ своей замѣткѣ такими знатоками раскола, что съ ними отзывается бесѣдовать такой лукавый расколоучитель, какъ Пичугинъ, онъ теперь указываетъ и на великую любовь „достойнаго“ его батюшки къ дѣлу миссіи, выразившуюся, между прочимъ, въ приобрѣтеніи имъ цѣнныхъ книгъ и въ веденіи имъ частыхъ домашнихъ бесѣдъ.

Но однѣ книги и веденіе домашнихъ бесѣдъ, хотя бы и частыхъ, если только Болдиновъ говоритъ объ этомъ справедливо, не есть еще доказательство непобѣдимости его „достойнаго“ батюшки 1).

Частныя домашнія бесѣды не могутъ всегда оставаться частными, онѣ непременно перейдутъ въ бесѣды публичныя. Если изъ частныхъ бесѣдъ раскольники начнутъ замѣчать выясненіе неправоты раскола, то, чтобы поддержать себя въ расколѣ, предлагаютъ частному собесѣднику побесѣдовать съ ихъ мѣстными начетчиками публично.

Отказаться отъ такихъ публичныхъ бесѣдъ съ ихъ начетчиками значить подорвать въ глазахъ народа не только свой авторитетъ, но и истинность православной церкви, такъ какъ, послѣ отказа, раскольники непременно должны придти къ убѣжденію, что правда не на сторонѣ православія, а на сторонѣ раскола, и прекратятъ частныя бесѣды. По словамъ Болдинова, священникъ велъ однѣ только домашнія бесѣды, но тогда какъ могъ онъ, никогда не выступая на публичныя бесѣды, приглашать Пичугина для публичнаго собесѣдованія?

Кромѣ того, Болдиновъ пишетъ, что въ результатъ частыхъ домашнихъ бесѣдъ священника является присоединеніе раскольниковъ къ православной церкви въ числѣ 14 человекъ. Какъ же это случилось, что эти присоединяющіеся къ православію, чтобы болѣе убѣдиться въ истинности православія, не предложили священнику бесѣдовать съ ихъ начетчиками публично? А такое предложеніе, можно сказать, всегда бываетъ со стороны колеблющихся старообрядцевъ. Если не предложили священнику этого, а рѣшились присоединиться, то значить они уже убѣдились въ истинности православія и, полагаю, не черезъ однѣ домашнія бесѣды, а черезъ слышаніе публичныхъ бесѣдъ, веденныхъ епархіальнымъ и окружнымъ миссіонерами.

1) Въ веденіи «достойнымъ» батюшкою домашнихъ бесѣдъ, именно частыхъ, можно, пожалуй, и усумниться, такъ какъ приходъ тотъ очень великъ, такъ великъ, что хорошо было бы со стороны этого батюшки вести эти домашнія бесѣды хотя и изрѣдка. Для пользы миссіи, чтобы возможно было вести домашнія бесѣды именно часто, давно бы слѣдовало быть тамъ двумъ священникамъ.

Вотъ и выходитъ: сѣютъ миссіонеры, иногда при участіи приходскихъ священниковъ, а пожинаютъ одни послѣдніе. „Больно было читать такую грязную и лживую замѣтку Глаголева, да еще подъ заглавіемъ: „Въ пользу миссіи“, продолжаетъ Болдиновъ. Какой, подумаешь, впечатлительный человѣкъ: ему больно читать ту мнимую грязь и ложь про его „достойнаго“ батюшку, которыми указывается, что батюшка, находясь въ приходѣ съ раскольническимъ населеніемъ, не въ силахъ вести полемику съ выписываемыми со стороны старообрядцевъ расколуучителями, и которыя, т. е. грязь и ложь, взяты изъ письма Болдинова же, и оправдываются другими обстоятельствами... Эта „грязь и ложь“ есть чистѣйшая истина, и именно „въ пользу миссіи“: безсиліе батюшекъ въ полемикѣ съ расколомъ говорить о необходимости устройства специальныхъ миссіонерскихъ школъ.

Школы эти необходимы особенно въ виду того, что при реформированіи семинарій и академій, программы по расколовѣдѣнію не расширяются, а сокращаются, а расколъ не унимается и пропаганда идетъ повсемѣстно.

Перейдемъ къ дальнѣйшему содержанію Болдиновой замѣтки. „Но, къ сожалѣнію, продолжаетъ Болдиновъ, это явленіе не первое. Въ „Воронежскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостяхъ“ за 1905 годъ № 13 окружной миссіонеръ свящ. Феоктистъ Глаголевъ въ своемъ отчетѣ дерзнулъ безъ зазрѣнія совѣсти напечатать, что онъ съ сыномъ своимъ, авторомъ вышеизложенной грязной замѣтки, велъ бесѣды съ раскольниками въ с. Красномъ Логѣ и по пяти часовъ къ ряду. На самомъ дѣлѣ о. Глаголевъ съ своимъ сыномъ ни разу у насъ бесѣды не вели, да и сынъ-то его Яковъ едва-ли и издали видѣлъ Красный Логъ“. Загрязнить одного меня своею, поистинѣ, лживою и грязною замѣткою оказалось для Болдинова недостаточнымъ; и онъ начинаетъ чернить и моего отца, окружнаго миссіонера, священника Феоктиста Глаголева. Для того, чтобы кто не подумалъ, что эту грязь Болдиновъ беретъ изъ своей головы или отъ отца лжи, онъ указалъ съ точностью годъ и № „Вор. Еп. Вѣд.“ (гдѣ мой отецъ будто бы напечаталъ такой лживый свой отчетъ), зная напередъ, что никто не станетъ провѣрять, дѣйствительно ли въ томъ № 13-мъ „Епар. Вѣд.“ напечатанъ отчетъ моего отца, а между тѣмъ отецъ мой, къ немалой радости Болдинова, прослыветъ большимъ лжецомъ. Прочитавши въ Болдиновой замѣткѣ такое обвиненіе на моего отца, я просмотрѣлъ весь № 13-й „Вор. Еп. Вѣд.“ за 1905 годъ и нигдѣ тамъ не нашелъ отчета окружнаго миссіонера, свящ. Феоктиста Глаголева. Есть, правда, тамъ отчетъ, но не окружнаго миссіонера, а Отчетъ Совѣта Воронежскаго Братства Святителей Митрофана и Тихона за 1904 годъ. Вѣроятно этотъ Братскій отчетъ Болдиновъ и разумѣетъ и называетъ его отчетомъ окружнаго мис. свящ. Ф. Глаголева. Но вѣдь этотъ отчетъ не мой отецъ печаталъ и ни я, ни мой отецъ съ достовѣрностью не знаемъ, откуда составитель отчета бралъ свѣдѣнія о миссіонерской дѣятельности моего отца и моей. Съ „зазрѣніемъ ли совѣсти“ Болдиновъ послѣ этого говорить, что отчетъ этотъ „безъ зазрѣнія совѣсти“ напечаталъ мой отецъ?

Что свѣдѣнія о миссіонерской дѣятельности моего отца, содержащаяся въ отчетѣ Совѣта Братства Святителей Митрофана и Тихона и отчетъ моего отца о своей миссіонерской дѣятельности не одно и то же, этого Болдиновъ, какъ помощникъ миссіонера, не могъ не знать! Въ Братскомъ отчетѣ о миссіонерской дѣятельности моего отца дѣйствительно пишется, но кратко, а потому не вполне вѣрно слѣдующее. „Чаще другихъ священниковъ (всего 17 разъ) и болѣе продолжительныя (по 5 часовъ) бесѣды съ безпоповцами и ихъ паставниками Артеміемъ, Фокою, Лазаремъ Николаевичемъ, Тимоѣемъ и Яковомъ Жуковымъ велъ при помощи старопечатныхъ книгъ священникъ Бирюченскаго поселка, Вор. у., Θεоктистъ Глаголевъ съ сыномъ своимъ Іаковомъ въ селахъ Воронежскаго уѣзда: Данковѣ, Красномъ Логу и хуторѣ Оболенскомъ“. Здѣсь неточность во 1-хъ въ томъ, что по Отчету бесѣды велись по 5 часовъ, то есть можно подуматъ, что всѣ 17 бесѣдъ продолжались по 5 часовъ, тогда какъ на самомъ дѣлѣ такими были только нѣкоторыя изъ нихъ, а остальные велись непродолжительно; во 2-хъ, будто бы бесѣды велись съ одними безпоповцами и ихъ наставниками Артеміемъ, Фокою, Лазаремъ Николаевичемъ, Тимоѣемъ и Яковомъ Жуковымъ, тогда какъ на самомъ дѣлѣ онѣ велись и съ бѣглоповцами и съ австрійцами. При этомъ къ безпоповцамъ принадлежатъ только Фока и Артемій, Лазарь же Николаевичъ—австрійскаго согласія, а Тимофей и Яковъ Жуковы—бѣглоповцы; въ 3-хъ, будто бы мой отецъ велъ бесѣды со мною въ с. Вор. у.: Данковѣ, Красномъ Логу и хуторѣ Оболенскомъ, тогда какъ на самомъ дѣлѣ бесѣды въ хуторѣ Оболенскомъ, с. Данковѣ и с. Красномъ Логу велъ одинъ только мой отецъ, а я бесѣдовалъ публично и частно только въ поселкѣ Бирюченскомъ (бесѣды въ теченіе того года, о которомъ идетъ рѣчь, мной проведено до 55-ти). Наконецъ въ отчетѣ не упомянуто и о томъ, что отецъ мой велъ бесѣды больше тоже въ поселкѣ Бирюченскомъ. Эти неточности о миссіонерской дѣятельности моего отца и моей показались для меня и для моего отца только невольной ошибкой того лица, которое составляло Братскій Отчетъ; а для Болдинова онѣ послужили нѣкоторымъ основаніемъ для оклеветанія моего отца въ напечатаніи имъ завѣдомо лживаго отчета и для „попранія“, какъ Болдиновъ выражается, истины, такъ какъ онъ, Болдиновъ, сталъ отрицать не только 5-часовую продолжительность бесѣдъ, но даже и самыя бесѣды, на которыхъ самъ лично присутствовалъ!

Затѣмъ Болдиновъ пишетъ: „Шесть лѣтъ тому назадъ епархіальной миссіонеръ Тихонъ Семеновичъ Рождественскій велъ бесѣды съ раскольниками; былъ и о. Глаголевъ и не разъ было вмѣшивался въ бесѣду, но Т. С. Рождественскій любезно просилъ его не принимать участія, дабы не портить бесѣду“. Сущая неправда! Кромѣ подыскиванія мѣстъ въ старопечатныхъ книгахъ, мой отецъ ни однимъ словомъ не вмѣшивался въ бесѣду. Въ подыскиваніи помогаль Рождественскому и самъ Болдиновъ. За это, думаю, кромѣ благодарности и нельзя было ничего ожидать отъ миссіонера Рождественскаго.

Въ заключеніе еще одна Болдиновская особенность: въ письмѣ ко мнѣ Болдиновъ писалъ, что онъ, по милости о. Михаила Граціанскаго, теперь не состоитъ уже его помощникомъ, а подъ своей замѣткой (послѣ письма) подписывался помощникомъ миссіонера. Неужели онъ и на себя говоритъ неправду? Пусть теперь читатели насъ разсудятъ.

Миссіонеръ *Яковъ Глаголевъ.*

Отвѣтъ журн. „Старообрядецъ“ на замѣтку начетчика миссіонера. („Старообрядецъ“ № 12 1906 г.).

По поводу моего сообщенія въ № 200 газеты „Колоколь“ І. Перетрухинъ, сынъ извѣстнаго въ старообрядчествѣ К. А. Перетрухина, помѣстилъ въ № 12 журнала „Старообрядецъ“ статейку: „Скромное“ хвастовство миссіонера¹⁾.

І. К. Перетрухинъ въ своей статейкѣ приписываетъ мнѣ скромность, смѣлость, потуги, хвастовство, робкій голосъ, невѣжество, лицо, напоминающее учениковъ изъ школы Игнатія Лойолы. Не взирая на нѣкоторую противорѣчивость характеристики, за комплименты благодарю, обиды, какъ христіанинъ, прощаю.

Мое сообщеніе І. К. называетъ хвастовствомъ. Считаю долгомъ сказать еще нѣсколько словъ о предметахъ нашей рѣчи—о старообрядческой австрійской общинѣ и о церкви православной.

Перетрухинъ-филс увѣряетъ, что отношеніе австрійскаго императора къ митрополиту Амвросію было „ничуть“ не таково, какъ, напр., отношеніе оберъ-прокурора къ православнымъ епископамъ. Онъ цитуетъ прот. Иванцова-Платонова: отъ оберъ-прокурора „зависитъ назначеніе, перемѣщеніе и увольненіе епископовъ“ и „измѣненіе самыхъ порядковъ церковной жизни“ и о м. Амвросіи пишетъ: „Императоромъ дозволено было жить²⁾ высокопреосвященному Амвросію въ предѣлахъ своего царства. И только“!

Это не совсѣмъ такъ. Вотъ документы. Рекурсъ: „Мы съ глубочайшимъ страхопочитаніемъ подписавшіеся... повергаемъ къ престолу вашего величества въ оригиналъ нашъ Уставъ, со всепокорнѣйшею просьбою, чтобы ваше величество благоволили всемилостивѣйше утвердить существованіе нашего монастыря и нашъ монастырскій уставъ, и разрѣшить намъ пріобрѣтеніе откуда бы то ни было... святителя нашего обряда и нашей націи... и такимъ образомъ изъ урожденныхъ мѣстныхъ жителей учредить духовенство, котораго преимущественною обязанностью будетъ—вѣчно молить Царя царствующихъ... да прославить Онъ вашего величества отеческое царствованіе“... Декретъ императора отъ 6 (18) сент. 1844 г.: „Всемилоствѣйше дозволяется привезти изъ заграницы одно лицо, именно архипастыря, или епископа съ тѣмъ, что онъ можетъ преподавать находящимся въ Бѣлой Криницѣ Липованскимъ инокамъ высшее посвященіе и имѣть еще по-

¹⁾ Замѣтка І. Перетрухина доставлена мнѣ вчера. Сожалѣю, что не успѣлъ отвѣтить „по свѣжимъ слѣдамъ“.

²⁾ Курсивъ нашъ.

ставить себѣ преемника, который также долженъ будетъ поставлять священниковъ, равно какъ избрать и посвятить преемника себѣ... А такъ какъ по правиламъ греко-восточнаго обряда высшее духовенство можетъ быть производимо только изъ монаховъ, то его величество всемилостивѣйше соизволяетъ дальнѣйшее существованіе издавна находящагося въ Бѣлой Криницѣ монастыря утвердить“. Декретъ отъ 3 (15) ноября 1846 г. № 34987: Амвросію — позволено „отправлять святительскія обязанности согласно высочайшему опредѣленію отъ 18 сент. 1844 г.“¹⁾ Согласно представленному княземъ Меттернихомъ докладу, утвержденному императоромъ 22 (10) февр. 1848 г., министръ внутреннихъ дѣлъ извѣстилъ м. Амвросія: „Его величество высочайшимъ рѣшеніемъ на вашу просьбу о возвращеніи въ Бѣлокриницкій монастырь... не изволилъ, но повелѣлъ увѣдомить васъ, что ваше возвращеніе въ Буковину не можетъ болѣе имѣть мѣста... Послѣ таковаго высочайшаго повелѣнія о вашей дальнѣйшей дѣятельности для липованъ въ Буковинѣ не можетъ быть и рѣчи (keine Rede mehr Sein)“. Указъ м. Амвросію, подписанный 26 (4) іюля 1848 г. министромъ внутреннихъ дѣлъ Добгольфомъ: „Сіе рѣшеніе съ строжайшимъ подтвержденіемъ дается вамъ, дабы вы отнюдь не имѣли никакого съ липованами союза, но по полученіи сего немедленно отправились въ назначенное вамъ мѣстопробываніе въ г. Цилли 2)“.

Справедливость упрека, сдѣланнаго мною г. Перетрухину въ № 200 „Колокола“, полагаю, очевидна.

Второе. Св. Киприанъ Кареагенскій говоритъ, что церковь не можетъ быть безъ (поясненіе: „православныхъ“) епископовъ. Были ли таковыя у старообрядцевъ съ 1666 г. по 1846 г.? Поищите, читатель, если вы интересуетесь старообрядчествомъ, прямого отвѣта на этотъ вопросъ въ статейкѣ Перетрухина. Таковаго отвѣта въ ней нѣтъ.

Онъ говоритъ: „въ 1667 году всѣ епископы уклонились въ ересь“, „наша церковь находилась въ теченіи ста восьмидесяти лѣтъ безъ еретическихъ епископовъ“. Другими словами: по признанію защитника старообрядческаго австрійскаго толка въ старообрядческой общинѣ 180 лѣтъ православныхъ епископовъ *не было*.

Свв. отцы учатъ, что церковь не можетъ быть безъ епископовъ: въ старообрядческой общинѣ епископовъ не было. Слѣдовательно, эта община 180 л. не была церковію. А такъ какъ, по ученію Спасителя, Его св. церковь вѣчна (Матѣ. 28,20), то ясно, что старообрядческая община вообще—по ученію Евангелія и свв. отецъ—не составляетъ церкви Христовой.

Оставляя въ сторонѣ сравнительное достоинство фізіономій моей и І. К.—ча Перетрухина, равно какъ и сомнѣ достовѣрныхъ свидѣтелей, могущихъ засвидѣтельствовать бывшее (они есть и у меня), провѣрьте теперь сами, читатель, на чьей сторонѣ истина въ моемъ разговорѣ съ Перетрухинымъ, на сторонѣ-ли старообрядчества, или православія.

Сдѣлаю нѣкоторыя замѣчанія по менѣе важнымъ пунктамъ.

Я привелъ въ № 200 „Колокола“ свой разговоръ съ П—нымъ по-

1) Исторія бѣлокр. свящ. Н. Субботина. 1895. стр. 143. 166—167. 270.

2) Вып. 2-я стр. 146. 155.

тому, что считалъ болѣе удобнымъ отвѣчать, прежде всего, за себя.

О причинѣ, побудившей о. протоіерея Н. Кутепова закрыть вторую бесѣду, сказалъ мнѣ онъ самъ—своими устами.

Кромѣ того, считаю нелишнимъ дать І. К.—чу нѣсколько совѣтовъ, которые будутъ полезны для него.

При цитаціи словъ лица, статья котораго разбирается, нужно быть точнымъ. Въ „Колоколѣ“ напечатано: „протекторатомъ“, вы цитуете: „протектаторствомъ“ да еще со знакомъ восклицанія въ скобкахъ. Выраженіе подобное такому: „институтъ миссіонеровъ, начетчиковъ“ и т. п. допустимо въ литературѣ (если не вѣрите, спросите знающихъ). Затрагиваніе личности собесѣдника—пріемъ, большей частію обнаруживающій безсиліе того, кто его практикуетъ.

Въ заключеніе повторю главную мысль моихъ замѣтокъ.

Св. Кипріянь, а также Ириней Лионскій, І. Златоустъ и др. утверждаютъ, что церковь Христова не можетъ быть безъ (православныхъ) епископовъ. І. Перетрухинъ утверждаетъ, что церковь была, а епископовъ (православныхъ) въ ней не было. Кто правъ: святые отцы, или старообрядческіе начетчики? Для всякаго, желающаго быть вѣрнымъ св. церкви, должно быть ясно, что св. отцы правы, а старообрядческіе начетчики лгутъ.

Отъ того, что защитники старообрядчества позволяютъ себѣ глумленія, насмѣшки, клевету по отношенію къ православнымъ миссіонерамъ, суть дѣла не измѣняется. Ложь не можетъ стать истиной.

Д. Граціанскій.

Священникъ П. Сильвестровъ. Изложеніе ежедневныхъ евангельскихъ чтеній. Части 1 и 2, 3, 4 и 5. 152+123, 202, 153+150 стр. Орель. 1900, 1901 и 1902 г. Ц. съ перес. 60 к.+50 к.+60 коп.

Три книжки „Изложенія евангельскихъ чтеній“ обнимаютъ собою отдѣлы дневныхъ (утреннихъ и литургійныхъ) евангелій цѣлаго года въ порядкѣ, начиная отъ недѣли св. отецъ передъ Рождествомъ Христовымъ.

Изложеніе ведется, какъ выражается самъ авторъ, „въ сердечно молитвенныхъ обращеніяхъ ко Господу съ нужными краткими объясненіями (изъ толковаго евангелія еп. Михаила) и въ концѣ ихъ съ молитвенными воззваніями ко Господу“. Тонъ и характеръ молитвенныхъ воздыханій вѣрующей души выдерживается во всѣхъ книжкахъ, и нужно сказать, что трудъ о. Сильвестрова не чуждъ „помазанности“—натянутости и искусственности не чувствуется въ немъ. Чтобы дать понятіе о разматриваемомъ изложеніи евангелія, приведемъ раскрытую наудачу страницу: каждая страница можетъ характеризовать всю книгу. „Суббота 33 нед. (Лук. зач. 88, гл. 18, 1—8).

„Прискорбно и тяжело будетъ то время, въ которое исполнится предсказаніе Твое, Господи, о кончинѣ Іерусалима и всего міра, а потому для перенесенія съ терпѣніемъ тѣхъ бѣдствій, которыя въ то время послѣдуютъ, Ты заповѣдалъ послѣдователямъ Своимъ всегда молиться для

того, чтобы во время тѣхъ бѣдствій не предаться унынію. Для побужденія къ такой молитвѣ, которая могла бы быть услышана и чрезъ которую Правосудный и Милосердный Богъ защитилъ-бы. Своихъ избранныхъ въ день суда и бѣдствій, Ты предложилъ имъ притчу о неправедномъ судѣ, который, Бога не боясь и не стыдясь людей, долго не оказывалъ защиты вдовѣ, приходившей къ нему и просившей его. Но такъ какъ вдова неотступною просьбою своею безпокоила его, то онъ сказалъ самъ себѣ: хотя я и Бога не боюсь и людей не стыжусь, но, чтобы вдова не приходила больше докучать мнѣ, защити ее“. Эту притчу Ты, Господи, далъ разумѣть слушателямъ, что праведнѣйшій Судья—Богъ услышитъ молитвы избранныхъ Своихъ, вопіющихъ къ нему день и ночь, и защититъ ихъ среди бѣдствій, послѣ испытанія вѣры ихъ, чрезъ искушенія и бѣдствія, если они будутъ постоянно и съ твердою надеждою на милосердіе молиться.

„Господи Милостивый, подаждь мнѣ благодать и силу молиться Тебѣ непрестанно и наставь меня Духомъ Твоимъ Святымъ, какъ и о чемъ долженъ я молиться; прими молитву мою и по великому благоутробію Твоему даждь мнѣ сердце чисто и духъ сокрушенъ; не отврати, Господи, лица Твоего отъ меня, но благоволи до послѣдняго издыханія моего приносить Тебѣ молитвою жертву правды. Сподоби меня, Господи, съ бодреннымъ сердцемъ и трезвенною мыслію прейти всю ночь настоящаго житія моего ожидающимъ свѣтлаго и явленнаго дне пришествія Твоего, Господи Иисусе Христе, Боже мой,—дня, въ который Ты, Судья всѣхъ, придешь со славою воздать каждому по дѣламъ его“. (1 ч. стр. 89—90). Мысли черпаются изъ евангелія, языкъ выражается словами церковныхъ молитвословій. Книжки о Сильвестрова могутъ служить назидательнымъ чтеніемъ для любителей духовныхъ бесѣдъ и душеспасительныхъ размышленій, давая матеріалъ на каждый день по руководству евангельскаго Слова Божія.

Свящ. А. Виноградовъ.

Д. М. Березкинъ. Во тѣмѣ вѣковой. Повѣсть и три разсказа изъ быта хлыстовъ, скопцовъ и бѣгуновъ. СПб. 1905 г. т. 8-й 244 стр. ц. 1 р. 50 к.

Религіозный укладъ жизни и быта хлыстовъ, скопцовъ и бѣгуновъ представляетъ много загадочнаго и таинственнаго, не поддающагося наблюденію сторонняго человѣка. О бытѣ хлыстовъ, скопцовъ и бѣгуновъ писали и прежде, пишутъ и теперь. Однако же, область эта настолько мало обслѣдована и настолько малоизвѣстна въ широкой публикѣ, что всякій новый трудъ, знакомящій съ бытомъ хлыстовъ, скопцовъ и бѣгуновъ, заслуживаютъ полнаго вниманія.

Какъ извѣстно, жизнь этихъ сектантовъ далеко не можетъ быть названа радостной. Сколько подъ часъ горя и слезъ, тяжелыхъ душевныхъ мукъ и потрясающихъ кровавыхъ драмъ таить въ себѣ она! Непроглядная, полуночная темень окутала тайники, пустыньки и скиты хлыстовъ и бѣгуновъ! Лучъ свѣта, проникшій въ послѣднее время и въ дебри раскола, повидимому еще не коснулся этихъ не-

счастливыхъ, гибнущихъ во тьмѣ сектантскихъ заблужденій! Поэтому, если отъ времени до времени и появляются въ нашей литературѣ описанія жизни и быта хлыстовъ, скопцовъ и бѣгуновъ, то они очень мрачны, не радостны и повидимому даже мало понятны для непосвященныхъ. Такъ какъ не только внутренняя, закулисная, но и внѣшне-обрядовая жизнь хлыстовъ, скопцовъ и бѣгуновъ—этихъ заблудившихся „во тьмѣ вѣковой“ людей „божійхъ“—мало доступна для наблюдений и изученія, то и изслѣдователей въ этой области, компетентность которыхъ стояла бы внѣ сомнѣній, не много,—и къ трудамъ ихъ нужно относиться съ должнымъ вниманіемъ. Д. И. Березкинъ, авторъ разсматриваемой нами книжки „Во тьмѣ вѣковой“, былъ поставленъ въ исключительно благопріятныя условія, при изученіи жизни и быта хлыстовъ, скопцовъ и бѣгуновъ: онъ въ качествѣ эксперта участвовалъ во многихъ судебныхъ процессахъ о сектантахъ. Благодаря этому обстоятельству ему представилась широкая возможность непосредственно наблюдать не внѣшне-обрядовую только, а и внутреннюю, закулисную, заботливо прячущуюся отъ посторонняго взора жизнь этихъ людей „божійхъ“. Плодомъ его наблюдений и является предлагаемый вниманію нашихъ читателей сборникъ рассказовъ „Во тьмѣ вѣковой“.

Въ этотъ сборникъ вошли: а) повѣсть изъ хлыстовско-скопческой жизни подъ заглавіемъ „Въ дебряхъ сектантства“ и б) три рассказа изъ быта сектантовъ-бѣгуновъ: „Въ Изосимовой пустынькѣ“, „На лѣсной полянѣ“ и „У странниковъ“.

Безспорно, наибольшій интересъ представляетъ повѣсть „Въ дебряхъ сектантовъ“ (1—156 стр.). Въ этой повѣсти авторъ обстоятельно знакомитъ читателей съ закулисною жизнью и бытомъ хлыстовскихъ кораблей, съ ролью и значеніемъ кормщиковъ или вожаковъ въ хлыстовскихъ корабляхъ, съ положеніемъ „богородицъ“, картинно рисуетъ хлыстовскія радѣнія—въ постепенномъ порядкѣ ихъ развитія и со всѣми ихъ препятствіями, показываетъ въ лицахъ и дѣйствіяхъ, какъ завершительную стадію развитія, постепенное перерожденіе хлыстовства въ скопчество и изображаетъ укладъ жизни и бытъ скопцовъ и значеніе и силу вліянія вожаковъ въ скопческихъ корабляхъ. Повѣсть Д. М. Березкина настолько интересна какъ по содержанію, такъ и по изложенію, что мы настойчиво рекомендуемъ прочесть ее всѣмъ, интересующимся бытомъ и жизнью нашего темнаго и изувѣрнаго сектантства. Нелишнимъ считаемъ замѣтить, что выведенныя авторомъ главныя дѣйствующія лица хлыстовскій кормщикъ Евдокимъ Харловъ, „богородица“ Катерина и скопческіе—пророкъ Ома Кувалдинъ и пророчица Неонила—настолько ярко очерчены, что предъ читателемъ встаютъ, какъ живые. Нѣкоторыя сцены изъ жизни хлыстовъ (ихъ радѣнія) и скопцовъ (оскопленіе Игната и Катерины)—полны истинной художественности, и картинности, и трагизма и изобличаютъ въ авторѣ ихъ крупную литературную величину. Авторъ, какъ большой любитель природы и знатокъ лѣснаго царства и его жизни, подарилъ читателямъ очень интересными описательными картинками изъ жизни лѣса.

Повѣсть „Въ дебряхъ сектантства“ иллюстрирована двумя картинками: одна изъ нихъ изображаетъ хлыста и хлыстовку въ ихъ

„радѣльныхъ уборахъ“, а другая представляетъ фотографическіе снимки—съ хлыстовскаго кормщика Евдокима Харлова и сектантскаго пророка Оомы Кувалдина.

Съ неменьшимъ интересомъ читаются и мелкіе рассказы, знакомящіе съ жизнью странниковъ или бѣгуновъ. Рассказъ „Въ Изосимовой пустынькѣ“ чрезвычайно ярко рисуетъ религиозный укладъ жизни странниковъ или бѣгуновъ, ихъ „улованіе“ и внѣшнюю обстановку, при которой приходится жить этимъ добровольнымъ пустынникамъ. Наставниками странниковъ обыкновенно бываютъ очень темныя и подозрительныя личности.

Въ Изосимовой пустынькѣ, какъ видно изъ рассказа, послѣ смерти основателя Изосимы наставникомъ и главаремъ общины является бѣглый солдатъ, ярославецъ Θεодоръ, юркій, ловкій и опытный застрѣльщикъ своего дѣла, претчаянный волокита, умѣвшій уловлять въ свои сѣти сытыхъ, красивыхъ молодыхъ и дѣвицъ. Начетчикомъ и замѣстителемъ наставника Θεодора былъ Макарь изъ бѣглыхъ каторжниковъ. Моленная, куда собирались обитатели пустыньки этой для молитвы, имѣло, по обычаю, немало клѣтей и комнатъ подъ „спудомъ“; между прочимъ въ такомъ „спудѣ“ помѣщается самъ наставникъ Θεодоръ. На случай никоніанскихъ гоненій изъ келій и спудовъ шли тайныя подземныя ходы, которые давали возможность обитателямъ улизнуть отъ преслѣдователей. Такія моленные, снимокъ съ которыхъ приложенъ къ настоящему рассказу, называются „бѣгунскими тайниками“. Въ тайникахъ съ хитроумными затворами, келейками и спудами уютно и тепло жилось „рабамъ божимъ“; добрыхотныя даянія отъ христіанцевъ текли щедро и обильно. Въ келіяхъ—зажженныя лампы, вороха старинныхъ „богодуховенныхъ“ книгъ, кадильницъ, лѣстовки, ладонъ, коврики—„подколѣнники“, и прочіе атрибуты наружнаго благочестія,—и тутъ же рядомъ—постели съ мягкими перинами, бутылки съ „наливками“, „снѣди“ и „сласти“. Обстановка эта какъ нельзя лучше располагаетъ этихъ мнимыхъ святыхъ, вѣчно толкующихъ о спасеніи, къ безпробудному пьянству и тайному разврату. Въ этой пустынькѣ не мало было и уголовныхъ дѣяній: растлѣній, вытравленій плода и т. д.—Интересующихся этими подробностями отсылаемъ къ самому рассказу.

Представляетъ большою интересъ приложенный къ рассказу снимокъ съ *бѣгунскаго паспорта*. Какъ въ немъ значится, этогъ „пашпортъ данъ изъ града Бога Вышняго, изъ Сионской полиціи, изъ Голговецкаго квартала“. Тьма непроглядная! Комментаріи—излишни.

Повѣсть и рассказы изъ быта хлыстовъ, скопцовъ и бѣгуновъ Д. М. Березкина, помимо специальныхъ цѣлей, преслѣдуютъ и общекультурныя задачи; съ этой точки зрѣнія они заслуживаютъ полнаго къ себѣ вниманія не только специалистовъ расколо-сектантства, но и всѣхъ, кому дороги религиозно-нравственный прогрессъ и просвѣщеніе нашей святой, но малокультурной Руси!

II. *Козицкій.*

Протоіерей Іоаннъ Чижевскій. Изложеніе ученія Святой Православной Каѳолической Восточной Церкви о вѣрѣ Христовой, а также о поведеніи и обязанностяхъ ея чадѣ. Харьковъ 1906 г. 192 стр. Ц. 1 р. 20 к.

Настоящая книга представляетъ собою—соотвѣтственно заглавію—въ первой части переложеніе Православнаго катихизиса (1—135), а во второй—изложеніе чиновъ и молитвъ, содержащихся въ требникѣ, на разные случаи частной и общественной жизни христіанской (136—192) съ предположеніемъ этой послѣдней части общихъ замѣчаній объ исторіи христіанства на Руси, о приходѣ, о составѣ православной семьи и обязанностяхъ ея членовъ (137—145). Перелагая катихизисъ преосвящ. Филарета, авторъ приводитъ тексты въ русскомъ переводѣ, а въ тонѣ и образѣ изложенія старается примѣниться къ пониманію простого народа; вставляетъ онъ иногда отъ себя нѣкоторыя практическія наставленія, подсказываемыя опытомъ священнической службы, изрѣдка пользуется цитатами изъ святоотеческихъ твореній и нравоучительными проповѣдями другихъ авторовъ. При изложеніи чинопослѣдованій на разные случаи—по большей части ограничивается приведеніемъ славянскаго текста молитвъ, въ нѣкоторыхъ лишь случаяхъ дополняя это изложеніе выдержками изъ прекрасныхъ бесѣдъ Амфитеатрова о материнскихъ заботахъ Церкви о христіанинѣ, а равно пользуется въ разсужденіяхъ общаго педагогическаго характера и нѣкоторыми другими авторами.

Выпуская настоящую книгу, авторъ льститъ себя надеждою, что его трудъ „благосклонно будетъ принятъ всѣмъ просвѣщеннымъ духовенствомъ и послужитъ пособіемъ при веденіи внѣбогослужебныхъ бесѣдъ, и для законоучителей школъ; желательно было бы (ему), чтобы эта книга сдѣлалась настольною книгою хотя для нѣкоторыхъ благочестивыхъ православныхъ христіанъ“.

Но едва-ли есть основанія для подобныхъ надеждъ. Думается, онѣ несбыточны. Чтобы послужитъ пособіемъ для внѣбогослужебныхъ бесѣдъ и для школьныхъ уроковъ—понятно, книга должна обладать прежде всего содержаніемъ болѣе широкимъ, въ отношеніи ли фактическомъ, или въ отношеніи углубленія въ предметъ и всесторонняго его освѣщенія, чѣмъ тотъ матеріалъ и тѣ учебныя руководства, которыя могутъ быть подъ руками (и дешево) у всѣхъ тѣхъ лицъ, кому предлагается это пособіе. Катихизисъ пр. Филарета—вотъ общеизвѣстное и общедоступное руководство, которое и авторъ полагаетъ въ основу своей книги. Но что-же прибавляетъ къ нему (при его передачѣ) нашъ авторъ въ изложеніи христіанскаго вѣроученія и нравоученія? Правда, онъ иногда дѣлаетъ краткія „приложенія“, практическіе выводы. Но эти приложенія по большей части сами собою очевидны и легко могутъ приходиться въ сознаніе священника при бесѣдѣ или урокѣ, такъ что для веденія бесѣдъ и законоучительства даютъ очень немного. Напр., при изложеніи ученія объ ангелахъ (въ 1-мъ членѣ символа) дается наставленіе о молитвѣ нашему хранителю, приводятся и самыя молитвы; въ отдѣлѣ о бракѣ говорится о необходимости благоговѣйнаго присутствованія при совершеніи таинства (даже съ подробностями до „безъ перчатокъ по крайней мѣрѣ на правой рукѣ“), о неумѣстности

при свадьбѣ нехристіанскихъ обычаевъ; при объясненіи таинства причащенія указывается, какъ слѣдуетъ по уставу церковному готовиться къ причащенію, какія и когда прочитывать и выслушивать молитвы, и проч. Какъ можно видѣть изъ приведенныхъ примѣровъ, подобныя приложения могутъ пригодиться не для священника, да и самимъ авторомъ они назначаются, какъ практическіе совѣты мірянамъ читателямъ. Дополняетъ авторъ катихизисъ Филарета введеніемъ—въ изложеніи 10-го члена символа, по поводу ученія о причащеніи—отдѣла о церковныхъ службахъ вообще и въ частности о литургіи. Но здѣсь мы встрѣчаемся съ описаніемъ богослуженія только внѣшнимъ, по главнымъ, замѣтнымъ для всѣхъ моментамъ, безъ всякой иногда попытки углубиться въ смыслъ его, даже и въ важнѣйшихъ частяхъ. Вотъ на примѣръ для образца изложеніе евхаристіи. „Діаконъ (или священникъ, если онъ служитъ безъ діакона) приглашаетъ вѣрующихъ приготовиться къ совершенію святого таинства причащенія: Станемъ добръ, станемъ со страхомъ, произносить онъ (съ благоговѣніемъ, внимательно), святое возношеніе (святую жертву) въ мирѣ (спокойствіи духа) приносить. На клиросѣ отвѣчаютъ: милость мира жертву хваленія. Приготовленіе къ совершенію таинства причащенія заканчивается возгласомъ священника: „горѣ имѣемъ сердца“, на это на клиросѣ и всѣ предстоющіе должны отвѣчать: и мамы ко Господу (то есть, имѣемъ сердца, устремленныя къ Господу). Послѣ сего начинается приготовленіе къ совершенію самаго таинства причащенія. Священникъ возглашаетъ „Благодаримъ Господа“. Въ отвѣтъ ему на клиросѣ поютъ: достойно и праведно есть поклоняться Отцу, и Сыну, и Святому Духу, Троицы единосущной и нераздѣльной, а священникъ въ алтарѣ читаетъ молитву и затѣмъ возглашаетъ: побѣдную пѣснь поюще, вопіюще, зывающе и глаголюще, а на клиросѣ возгласъ этотъ окачиваютъ: Святъ, Святъ, Святъ, Господь Саваоѣъ, исполнь небо и земля славы Твоя, Осанна въ вышнихъ, благословенъ Грядый во имя Господне, Осанна въ вышнихъ. Продолжая молитву и вспоминая въ ней Тайную вечерю, священникъ потомъ произноситъ: пріимите, ядите“... и проч. (58 стр.) и далѣе: „По окончаніи молитвы Господней и по возгласѣ священника съ преподаніемъ „мира всѣмъ“ діаконъ, стоя у Царскихъ дверей, произноситъ „вонмемъ“, а священникъ возглашаетъ Святая Святыхъ. На что на клиросѣ поютъ и всѣ вѣрующіе отвѣчаютъ: „Единъ Святъ, единъ Господь, Исусъ Христосъ въ славу Бога Отца. „Аминь“. Діаконъ входитъ въ алтарь и царскія двери закрываются завѣсой и священнослужителя, стоя у престола, причащаются сначала Тѣла, а потомъ Крови Христовыхъ“ (60 стр.). Умѣсто спросить: кому и зачѣмъ нужно такое описаніе богослуженія?

Не можетъ быть книга пособіемъ для бесѣдъ и во второй своей части. Она была бы для этого полезна лишь въ томъ случаѣ, еслибы чины трѣбника излагались въ ней съ выясненіемъ психологической связи содержанія молитвъ съ разными потребностями христіанина. Но этого нѣтъ. О. Чижевскій переписываетъ молитвы или главныя ихъ

части въ свою книгу, въ нѣкоторыхъ случаяхъ даже безъ слова не только поясняющаго, но и связующаго съ предшествующими рубриками (напр., молитва на благословеніе брашна мяса, сыра и яиць и въ другихъ случаяхъ); даетъ онъ и новый перечень тѣхъ чиновъ, которые не вошли въ его книгу, но находятся въ большомъ требникѣ. Если-же и дѣлаетъ объяснительныя дополненія, то очень немногія (напр. отъ Амфитеатрова) или незначительныя по содержанию. А вѣдь требникъ съ перечисленіемъ въ оглавленіи содержащихся въ немъ молитвъ на разныя потребности имѣется при каждой церкви и общее содержаніе этихъ „чиновъ“ при ихъ краткости уловимо сразу, и во всякомъ случаѣ доступно священнику.

Такимъ образомъ, какъ пособіе для веденія бесѣдъ и уроковъ Закона Божія, книга не пригодна. Посмотримъ, насколько она служитъ второй поставленной авторомъ цѣли—быть настольною для мірянъ. Конечно, въ книгѣ есть чему научиться простецу: излагаются катихизическія истины, указываются христіанскія обязанности, съ изложеніемъ истинъ вѣры, предлагаются и практическія наставленія (хотя и мелочныя),—даются и назиданія полезныя (хотя и немногочисленныя),—но этого еще мало, чтобы стать „настольною книгою“. Отъ „настольной книги“ для простеца-христіанина нужно требовать многого. Кромѣ полноты и правильности въ содержаніи нужно искать и разборчивости въ выборѣ матеріала, и ясности и строгой точности въ изложеніи; не излишне желаніе и того, чтобы рекомендуемая книжка и внѣшнимъ своимъ видомъ была пріятна для глазъ, — аккуратна въ изданіи. Къ сожалѣнію, этимъ требованіямъ разсматриваемая книга не удовлетворяетъ.

Объемъ содержанія книги опредѣляется, какъ уже сказано, катихизисомъ преосвящ. Филарета и малымъ требникомъ (съ нѣкоторыми дополненіями изъ большого). Въ объясненіе этого содержанія вводятся замѣчанія отъ автора. Въ этихъ-то замѣчаніяхъ можно встрѣчать вещи не вполне правильныя и умѣстныя. Напр., говоря о совершеніи проскомидіи и упоминая о поминовеніи живыхъ и умершихъ, авторъ въ примѣчаніи поясняетъ: „но именно тѣхъ, которые подали записки, или просфоры, съ написанными на оныхъ именами живыхъ или умершихъ“ (53 стр. 3 прим.). Здѣсь странная форма выраженія—по крайней мѣрѣ. Особенно это „и о“. Въ переводѣ херувимской пѣсни повторяется старая неточность: „съ торжествомъ на копьяхъ носятъ“ (вмѣсто сопровождаютъ съ копьями) — 57 стр. При описаніи возношеній Святыхъ Даровъ при возгласѣ „Твой отъ Твоихъ“... говорится, что священникъ слагаетъ крестообразно руки, полагая лѣвую на правую (59 стр.), а дѣлается это наоборотъ (см. и у Никольск. Объясн. Уст. изд. 6-е 445 стр., прим. 1). Все это мелочи, правда, но и онѣ—погрѣшности. Число этихъ погрѣшностей возрастетъ безъ мѣры, если мы станемъ читать и понимать книгу такъ, какъ въ ней написано, не стараясь угадать въ сказанныхъ словахъ иного смысла, чѣмъ тотъ, который непосредственно изъ нихъ слѣдуетъ. Въ самомъ дѣлѣ, изложеніе книги по мѣстамъ, особенно при описаніи богослуженія, ниже всякой критики. Напр., „по пропѣтіи половины этого пѣснопѣнія, священникъ держитъ на главѣ своей правою рукою дискосъ со Св.

Агницемъ, а въ лѣвой руки потиръ, молча переносятъ, выйдя сѣверными дверьми, черезъ Царскія двери съ жертвенника на престолъ“ (68 стр.). Или: „По благословеніи священника, по прочтеніи канона, а потомъ ирмосовъ, по прочтеніи тропаря „Скорый въ заступленіи“... діаконъ произноситъ эктенію, въ которой проситъ Господа Бога „благословить елей силою и дѣйствіемъ и наитіемъ Святаго Духа“ и о болящемъ рабѣ Божиемъ „о еже въ Бозѣ посѣщеніи его, о еже пріити на него благодати Св. Духа“ и по окончаніи эктеніи и возгласа священника, онъ же (діаконъ?) освящаетъ елей молитвою къ Господу и, по прочтеніи положенныхъ тропарей, читается первый Апостолъ и первое Евангеліе; потомъ краткая эктенія и, по прочтеніи священникомъ молитвы беретъ онъ (кто?) струченьцъ, и омочивъ оный въ елей, помазуетъ болящаго“ (79—80).

Быть можетъ тутъ мѣшаютъ ясности пониманія опечатки, но отъ этого читателю не легче. А опечатокъ въ книгѣ вообще-то такая масса, что та страничка въ концѣ, гдѣ перечислены „опечатки“, ничего не исправляетъ. Есть страницы, перечисленіе и исправленіе опечатокъ которыхъ потребовало-бы цѣльной страницы (напр. 180, 191). Разумѣется, много опечатокъ невинныхъ, которыя исправляются легко при чтеніи, но есть и такія, которыя могутъ исказить смыслъ и оставлять читателя—особенно простаца—въ заблужденіи. „Богъ обитаетъ въ не-преступномъ свѣтѣ“ (12 стр.). „Съ муромъ изыдемъ“ (61). „Не прехождахъ въ незлобіи сердца моего“ (184).

Вообще нужно сказать, что издана книга очень небрежно. Помимо опечатокъ, какъ возможно въ серьезной книгѣ о вѣрѣ и обязанностяхъ христіанскихъ допускать виньетки съ изображеніемъ амура со стрѣлой или бодающихся козликовъ (стр. 8, 160)? Бумага для изданія взята также не высокаго качества.

За всѣмъ тѣмъ книга „съ пересылкою и безъ оной“ стоитъ 1 р. 20 к.

С. А. В.

Миссіонерство, старообрядчество и секты.

Сектантскій съѣздъ въ столицѣ.—Дробленіе сектантства въ Закавказьѣ.—Усиленіе мистицизма и новая легенда.—Сознаніе необходимости распространенія въ народѣ религиозно-нравственнаго чтенія.—Выпады противорелигіознаго хулиганства.—Два миссіонерскіхъ съѣзда съвернаго края.—Борьба съ панфинской и протестантско-сектантской пропагандой среди православныхъ кареловъ Оловецкой, Финляндской и Архангельской епархій.

Въ то время, когда православная миссія по независящимъ отъ нея обстоятельствамъ слабѣетъ и въ силахъ и организациі, когда такъ много выбываетъ изъ ея рядовъ опытныхъ дѣятелей, враги церкви православной съ большою силою и энергіею „дѣлаютъ свое дѣло“. Нагляднымъ доказательствомъ такого именно положенія дѣлъ можетъ служить состоявшійся во второй половинѣ минувшаго января въ Петербургѣ всероссійскій сектантскій съѣздъ для рѣшенія вопросовъ организациі сектъ и способовъ ихъ пропаганды¹⁾.

1) На съѣздѣ участвовали слѣдующіе представители секты:

Отъ **С.-Петербургской губ.** С.-Петербургской общины И. В. Каргель, А. И. Ивановъ, В. И. Долгополовъ, А. Д. Богдановъ. Котельской общины: П. Д. Давидовъ, Б. Н. Смирновъ. Отъ **Псковской губ.** г. Пскова, И. А. Андреевъ, П. И. Ивановъ, И. П. Занде. Дер. Зелинъ, Г. Я. Яковлевъ. Отъ **Тверской губ.** Сошниковской общины, А. И. Марковъ, В. В. Васильевъ. Яколической общины, А. С. Семеновъ. Отъ **Рижской губ.** г. Риги, В. А. Осиповъ, В. И. Съдовъ, г. Риги предсѣдатель Латышск. союза И. Я. Инкесъ, А. К. Динбергъ. Отъ **Московской губ.** г. Москвы Н. Я. Яковлевъ. Отъ **Калужской губ.** Уколицкой общины М. Я. Холинъ, Б. М. Архипкинъ. Отъ **Владимірской губ.** Коровинской и др. общинъ П. Ф. Бумагинъ, Меленковской и др общинъ И. Д. Болотинъ. Отъ **Самарской губ.**, г. Самары, Я. Я. Винсъ, А. М. Зуйковъ. Отъ **Тамбовской губ.** Пановы-Кусты, А. А. Вокинъ. Липяговской общ. С. Е. Сегитовъ. Отъ **Воронежской губ.** Песковской общ. В. П. Степановъ. Отъ **Черниговской губ.** Котопской общ. П. Д. Бабинъ, А. Н. Хоменко, Е. И. Созанскій, Кобыжанской общ. Н. Е. Савченко. Отъ **Кіевской губ.**, г. Кіева, Д. А. Правовъровъ, Богуславской и др. общ. С. Т. Голиченко. Отъ **Херсонской губ.** Любомирской общ. И. А. Рибалка. Одесской 2-й общ. У. Ф. Гоцкій. Николаевской общ. К. П. Федоровъ. Николаевской нѣмец. общ. Ф. М. Брауеръ. Отъ **Харьковской губ.** г. Харькова (по особому приглашенію Спб. общины и предложенію Кіевского районнаго съѣзда) В. Н. Ивановъ. Отъ **Тифлисской губ.** Тифлис-

По открытіи собранія главою мѣстной общ. И. В. Каргелемъ краткимъ словомъ и молитвою къ Господу Богу „о ниспосланіи обильнаго благословенія на собравшійся съѣздъ и его задачи“, и по составленіи временно занявшимъ обязанности секретаря съѣзда И. П. Кушнеровымъ списка прибывшихъ депутатовъ, председателемъ Съѣзда единогласно избранъ И. В. Каргель, товарищ. предс. Д. И. Мазаевъ, секретарями для утреннихъ занятій И. П. Кушнеровъ и Х. И. Кравченко и вечернихъ—А. Д. Богдановъ и В. П. Степановъ.

На съѣздѣ подняты были вопросы о церковномъ единеніи всѣхъ родственныхъ въ ученіи вѣры сектъ, тѣмъ штундисты озабочены давнымъ-давно, но всѣ ихъ прежнія попытки прійти къ соглашенію по раздѣляющимъ сектантскія фракціи вопросамъ не имѣли успѣха.

Но, тѣмъ болѣе едва ли такая „комбинація“ возможна нынѣ, при существующей свободѣ вѣроисповѣдной. Послѣдняя неминуемо и логически должна повести къ дробленію нашего сектантства на новые толки и общины. Каждый обойденный „пресвитеръ-честолюбецъ“ (а сектантскій народъ гордый вообще,—главари ихъ особенно), не приминетъ завести свою секту и самостоятельную общину, а 50 человекъ сторонниковъ для легализаціи всегда найдутся.

Пастырямъ и православнымъ мірянамъ необходимо зорко присматриваться къ происходящему нынѣ въ нѣдрахъ сектантства и отмѣчать эти новыя явленія въ печати.

Изъ предметовъ, обсуждавшихся съѣздомъ, особенное вниманіе представителей съѣзда остановили на себѣ вопросы объ открытіи на югѣ Россіи штундо-баптистской семинаріи для подготовленія будущихъ „пресвитеровъ“, а главное, проповѣдниковъ-миссіонеровъ секты, объ устройствѣ нѣсколькихъ „проповѣдническихъ домовъ“, гдѣ бы каждый день въ извѣстные часы проносились для желающихъ проповѣди, конечно, въ духѣ вѣры сектантовъ. Главною особенностію послѣдняго проекта является то обстоятельство, что проповѣдниками въ означенныхъ домахъ будутъ заграничные нѣмцы, преподаватели баптистскихъ семинарій, испытанные уже ораторы.

Такимъ образомъ нашествіе на церковь русскую заграничныхъ вѣроучителей нашего народа, быть можетъ,—дѣло недалекаго будущаго: при дѣйствующемъ вѣроисповѣдномъ законодательствѣ все это можетъ легко осуществиться. Въ старину, когда

ской общ. В. Г. Павловъ. Отъ Таврической губ. Тамбовскаго толка Духовныхъ христіанъ (Астраханская община) А. Д. Колосовъ. Изъ колон. Тиге А. А. Реймеръ. Отъ Эстляндской губ. Кейгельской общ. А. К. Подишъ. Отъ Союза Русскихъ Баптистовъ. Предсѣд. союза Д. И. Мазаевъ. Товар. предсѣд. союза И. А. Голяевъ. Члены комитета союза, С. П. Степановъ. Г. Ив. Мазаевъ. Представители союза, В. В. Ивановъ, Ф. П. Баляхинъ, Г. А. Бойченко, И. К. Савельевъ, Л. Д. Пріймаченко. Отъ Всероссийскаго Евангельско-Хр-снаго комитета. П. Т. Захаровъ, Г. Захаровъ, А. М. Ячменевъ, В. Л. Жакъ, Я. Я. Горьмъ. Представители отъ Киевскаго Районнаго Съѣзда, И. П. Кушнеровъ, Х. И. Кравченко, В. О. Хоменко. Въ качествѣ гостей съ правомъ голоса: А. Н. Алексѣевъ, П. П. Буровъ, Ф. И. Матисъ, Ф. А. Арндтъ, Ф. М. Красть, С. А. Алексѣевъ, А. И. Ньюманъ, И. О. Сергѣевъ, З. Г. Черниковъ, П. Л. Загеръ и И. С. Прохановъ.

русское самосознаніе было чище, крѣпче и свѣтлѣе, правительство наше оберегало русскій народъ отъ вліянія „заморскихъ вѣръ“ запрещеніемъ иновѣрцамъ даже селиться среди русскаго населенія. Теперь власть въ силу закона безсильна не допустить просвѣщенія русскаго народа заважными проповѣдниками какихъ угодно дикихъ лжеученій, откуда бы они ни появились.

Наше предположеніе о дробленіи сектантства оправдывается уже и теперь въ нѣкоторыхъ мѣстахъ. Такъ, сообщаютъ изъ Закавказья, что тамъ идетъ дробленіе сектантскихъ группъ на новыя толки и фракціи. Недавно въ тифлисской губерніи изъ хлыстовъ выдѣлилась группа, усвоившая названіе „патигуевъ“. Среди баптистовъ тифлискаго уѣзда произошло раздѣленіе на „сухихъ“ и „мокрыхъ“, т. е. на принимающихъ водное крещеніе и не допускающихъ его.

Независимость дробленія и броженія среди существующаго уже сектантства, пастырямъ и миссіонерамъ нужно быть очень чуткими и бдительными къ духовному настроенію православныхъ массъ. Страшныя, потрясающія событія въ политической жизни Россіи должны неминуемо отразиться на психологич. народа и вызвать въ немъ мистическое настроеніе, которое можетъ принять уродливое, даже сектантское направленіе, если только пастыри пропустятъ это движеніе и не удовлетворятъ потребностямъ и запросамъ духа народа отъ лица церкви. Проповѣдники мистическихъ бредней о скорой кончинѣ вѣка въ 1932 г. уже выступаютъ и этимъ занимаются нынѣ не только простецы, но просвѣщенные люди. Въ Петербургѣ, напр., нѣкій полковникъ Бейнингенъ открылъ систематическія бесѣды и завелъ свою постоянную аудиторію, которую посѣщаютъ сотнями люди всякихъ положеній и слушаютъ сочиненную проповѣдниками легенду по всѣмъ правиламъ экзегетики апокалипсиса.

Тоже самое и въ народѣ теперь: начинаютъ появляться мистически настраивающія воображеніе темныхъ людей легенды. Такъ, напр., въ козьмодемьянскомъ уѣздѣ, по словамъ „Дн. Каз.“, среди темныхъ черемисъ уѣзда пропагандируется легенда, что будто бы антихристъ уже давно родился, въ настоящее время ему тридцать лѣтъ. По внѣшнему виду онъ кажется обыкновеннымъ человѣкомъ. Онъ образованіе получилъ въ академіи, обладаетъ даромъ слова и всякій, послушавшій его, дѣлается его послѣдователемъ. Всѣ его послѣдователи должны подписаться собственною кровью; подписавшіеся навсегда лишаются спасенія души. По Россіи онъ развѣзжаетъ въ видѣ студента и распространяетъ свое ученіе. Онъ обладаетъ огромнымъ состояніемъ, раздаетъ деньги, печатаетъ прокламаціи. Главный его противникъ—духовенство со своими проповѣдями, и онъ старается объ уничтоженіи духовенства, старается о конфискаціи монастырскихъ и церковныхъ земель. Его послѣдователей уже много и съ каждымъ днемъ еще прибавляется. Послѣ воцаренія въ Россіи антихристъ одно за другимъ покоритъ себѣ всѣ государства и земли, и будетъ на землѣ только одно царство антихриста.

Самымъ страшнымъ средствомъ распространенія религиозныхъ сектантскихъ и атеистическихъ лжеученій является нынѣ, при свободѣ печати, — наплывъ въ народъ безбожной литературы. Деревня запружена этимъ гнилымъ товаромъ. Съютъ плевелы полною рукою и скоро дасть всходы злое сѣмя. Еврейская рука и здѣсь владыка. Русскій же и здѣсь оказывается уменъ задвигъ умомъ. Славу Богу, во многихъ мѣстахъ начинаютъ понимать грозящія послѣдствія отъ духовнаго растлѣнія безбожною литературой народной и приходятъ къ сознанию неотложной необходимости организованной чисто миссионерской борьбы съ антицерковной и безбожной литературой. Организируются разныя церковныя комисси и учрежденія за издательство боевыхъ летучихъ листовъ, на безбожныя и разрушительныя идеи атеизма и социализма и утверждающія въ вѣрѣ и нравственности православной.

Такъ Московскій отдѣлъ распространенія духовно-нравственныхъ книгъ въ засѣданіи своемъ 17 января постановилъ, въ виду того религиозно-нравственнаго шатанія, какое замѣчается въ настоящее время не только въ интеллигентныхъ слояхъ общества, но и въ народѣ, вслѣдствіе громаднѣйшаго наплыва вредныхъ для религіи и нравственности книгъ и подобныхъ же учителей — сѣятелей зла, пожертвовать для распространенія въ народѣ отъ 50.000 до 60.000 экземпляровъ своихъ религиозно-нравственныхъ изданій (на 500—700 р.) черезъ архипастырей, преимущественно тѣхъ, которые заявили свое попеченіе подобною раздачей, на примѣръ, чрезъ преосвященнаго Никона, епископа Вологодскаго, преосвященнаго Паренія, епископа Подольскаго, преосвященнаго Серафима, епископа Орловскаго, и др., а также чрезъ епископовъ тѣхъ епархій, гдѣ населеніе пострадало отъ недорода. Одинъ изъ членовъ отдѣла, пожелавшій остаться неизвѣстнымъ, пожертвовалъ на это дѣло 300 рублей.

Отдѣлъ усердно приглашаетъ чрезъ „Моск. Вѣдом.“ желающихъ жертвовать духовно-нравственными книжками или деньгами на книжки для разсылки по разнымъ мѣстностямъ Отечества и съ полною готовностью принимаетъ на себя разсылку. Давно бы пора взятыя за сѣяніе на народной нивѣ адроваго ученія. Но, къ сожалѣнію, „намъ же спящимъ“ — враги Христа и Церкви, успѣли не только посѣять, но и возрастить много плевелъ на этой нивѣ!

Въ Екатеринбургѣ, какъ сообщалъ корреспондентъ „Колокола“, 16 января имѣла первое засѣданіе комиссія апологетической издательской дѣятельности. На засѣданіи постановлено:

1) рассмотреть всѣ имѣющіяся въ продажѣ брошюры апологетическаго содержанія и, выбравъ лучшія изъ нихъ, выписывать въ громадномъ количествѣ для церквей епархіи.

2) издать собственныя брошюры, — для чего и разослать темы извѣстнымъ своимъ литературными способностями священникамъ.

3) организовать епархіальную бібліотеку, — для чего собрать по 1 руб. съ церкви и штата денегъ.

4) организовать по всѣмъ городамъ епархіи и болѣе населен-

нымъ мѣстечкамъ подкомиссіи, которыя и просить преосвящ. утвердить и благословить на скорую дѣятельность.

Кромѣ того, комиссія просила преосвященнаго привлечь еще многихъ другихъ изъ духовенства въ свой составъ.

Не остается безучастнымъ къ этому дѣлу и военное духовенство, такъ на братскомъ собраніи военнаго духовенства въ С.-Петербургѣ въ концѣ минувшаго года между прочимъ былъ заслушанъ докладъ священ. церкви Главн. Штаба о. П. Левашева по вопросу о распространеніи въ войскахъ полезныхъ брошюръ. Въ докладѣ проводилась мысль о чрезвычайной важности учрежденія при управленіи протопресвитера военнаго духовенства особой издательской комиссіи, обязанность которой должна состоять въ томъ, чтобы внимательно слѣдить за всею той тенденціозной и вредной литературой, которая такъ щедро распространяется теперь, особенно въ народѣ и арміи.

О. протопресвитеръ А. И. Желобовскій призналъ полную основательность заявленія о. Левашева о пользѣ учрежденія комиссіи по изданію брошюръ для войскъ на современныя темы и предложилъ выдавать вознагражденія не меньше 50 руб. за составленіе брошюры. При этомъ о. протопресвитеръ рекомендовалъ старательно избѣгать обычныхъ недостатковъ нашихъ духовныхъ писателей для народа—мудрености, сухости изложения. Въ подобныхъ брошюрахъ нужны сердечность и умѣнье владѣть простымъ народнымъ языкомъ, но безъ вульгарности.

Привѣтствуя это благовременное начинаніе, наша газета „Колоколъ“ не могла удержаться отъ справедливаго по сему дѣлу замѣчанія такого рода. Кругъ дѣятельности предполагаемой комиссіи ограниченъ, повидимому, издательствомъ только однѣхъ брошюръ. Но это напрасно. Давно извѣстно, что не всякій грамотей-простецъ можетъ осмыслить и понять брошюру, хотя бы и въ печатный листъ, не говоря уже о большомъ объемѣ, но если дать малограмотному листокъ, въ 2—4 страницы, то навѣрняка можно сказать, что въ умѣ и сердцѣ простого человѣка больше останется отъ прочитанныхъ 2—4 страницъ, чѣмъ отъ объемистой брошюры, да къ тому же не такъ ужъ много бываетъ свободнаго времени у солдатика, особенно молодого. Объ издательской организаціи листковъ не пришлось бы комиссіи много хлопотать, она уже организована тѣмъ же докладчикомъ о. П. Левашевымъ подъ названіемъ „Правда и Знаніе“, просвѣтительные листки для народа и войскъ. Вышедшіе въ свѣтъ по сіе время 60 №№ этихъ листковъ объемомъ по 4 стр. заслуживаютъ полнаго одобренія какъ по содержанію, такъ и по простотѣ изложения. Не полезно ли было бы вмѣсто основанія особой издательской комиссіи поддержать это новое симпатичное предпріятіе не только распространеніемъ изданныхъ фирмой „Правда и Знаніе“ листковъ для войскъ, но и возложеніемъ на это издательство какъ критическихъ задачъ, такъ и составленія брошюръ, усиливъ составъ издателей новыми силами. Раздѣленіе силъ всегда ведетъ къ слабости и губить дѣло, а у насъ народно-издательскихъ силъ не такъ ужъ много. А предпріятіе почтеннаго о. Левашева,

тоже военного пастыря, въ высокой степени симпатичное и свое временное.

Плоды, отъ посвятанныхъ антицерковныхъ и безбожныхъ идей современной литературой уже начали проявляться и въ учащающихся всюду и въ частности столицѣ хулиганскихъ выходкахъ противъ церкви и духовенства. Не такъ давно, въ Петербургѣ во время всенощной въ храмѣ Покрова Пресвятой Богородицы, на Красносельской улицѣ, имѣлъ мѣсто такой случай. Въ церковь вошелъ какой-то неизвѣстный мужчина въ шапкѣ и на всѣ требованія окружающихъ снять не хотѣлъ. Пришлось прибѣгнуть къ содѣйствию церковнаго сторожа, который и вывелъ неизвѣстнаго на паперть. Лишь только сторожъ показался съ нарушителемъ порядка на паперти, какъ къ нимъ подбѣжали какіе-то два субъекта и вмѣстѣ съ выведеннымъ стали нещадно бить сторожа, причѣмъ какимъ-то острымъ орудіемъ нанесли ему нѣсколько тяжелыхъ ранъ, послѣ чего скрылись.

Въ Москвѣ въ день праздника Рождества Христова священникъ села Мытищъ, о. Смирновъ былъ приглашенъ для совершенія молебствія въ помѣщеніи для рабочихъ при Мытищенскомъ вагоностроительномъ заводѣ. Смирновъ направлялся по корридору къ выходу, одинъ изъ рабочихъ Н. Н. Дубовицкій набросился на пастыря, схватилъ его за горло и сталъ душить. Подскокившимъ рабочимъ удалось освободить отца Смирнова отъ смертельной опасности. Дубовицкій арестованъ, причѣмъ отказывается дать какія-либо объясненія своему поступку.

Не подлежитъ сомнѣнію, что этотъ насильникъ изъ новой озвѣрѣлой породы простыхъ людей, распропагандированныхъ сознательными атеистами и нигилистами. Что можетъ подавлять въ себѣ человѣкъ культурный, съ тѣмъ прямолинейный одичавшій простецъ не въ силахъ справиться. Въ результатъ насильническія дѣйствія разнузданнаго звѣря!

Но иногда не совсѣмъ могутъ справиться съ собою не только интеллигентно-культурный, но и сіятельный человѣкъ. Въ московскомъ военно-окружномъ судѣ разсматривалось дѣло о вольноопредѣляющемся гр. де-Шамборанѣ, обвинявшемся въ преступной агитаціи и богохуленіи. Дѣло слушалось при закрытыхъ дверяхъ. Судъ отвергъ обвиненіе въ агитаціи и, признавъ гр. де-Шамборана виновнымъ лишь въ употребленіи по неразумію оскорбительныхъ выраженій по адресу духовенства и въ богохульствѣ, приговорилъ его къ аресту на одинъ мѣсяць.

Въ с. Обуховѣ, Клинскаго уѣзда, во время выпивки по случаю учета сельскаго старосты, кр. Филатовъ произнесъ кощунства на св. иконы и вообще все религіозное. Выйдя затѣмъ во дворъ, онъ свалился въ колодезь глубиною до 7 сажень и убится до смерти. Случай этотъ произвелъ глубокое впечатлѣніе.

31 января изъ предѣловъ Петербургской губерніи былъ высланъ рабочій завода Розенкранца Козловъ за участіе въ разыгравшемся на-дняхъ въ церкви завода инцидентѣ. Во время молебна рабочіе запѣли марсельезу. За это администрація уволила 8 чел., изъ которыхъ полиціи пока удалось арестовать одного только Козлова.

Не узнаешь русскаго человѣка въ такихъ гнусныхъ проявленіяхъ.

Протоколы съѣзда представителей архангельской и финляндской епархій, состоявшагося въ с. Ухтѣ, Кемскаго уѣзда, [Архангельской губерніи отъ 10—13 декабря 1906 года.

Въ виду все яснѣе и яснѣе обнаруживающагося оживленія среди финновъ національныхъ стремленій, особенно въ виду совершенно открытаго ихъ похода на православную Карелию съ цѣлью ее офинить и совратить въ лютеранство (причемъ лютеранство справедливо признается однимъ изъ самыхъ могучихъ, если не единственнымъ средствомъ офиненія, а православіе—главнымъ тормазомъ къ нему), я счелъ полезнымъ обратиться за совѣтомъ и помощію къ преосвященнымъ сосѣднихъ епархій, также подверженныхъ нападенію финновъ,—Архангельскому и Олонецкому. При своемъ письмѣ я препроводилъ имъ составленную іеромонахомъ Кипріаномъ записку, составлявшую резюме прилагаемыхъ его двухъ докладовъ о панфинской и лютеранской пропагандѣ въ Бѣломорской Карелии. И въ Архангельскѣ, и въ Петрозаводскѣ мое письмо встрѣтило братскую готовность обсудить наше общее дѣло и общую опасность совмѣстно и, кто чѣмъ можетъ, придти на помощь другъ другу. Результатомъ этого рѣшенія и были два съѣзда представителей епархій Архангельской и Финляндской въ с. Ухту (Арханг. епарх.) съ 10 декабря прошлаго 1906 года и Олонецкой и Финляндской въ с. Видлицы (Олонецк. епарх.) съ 20 января этого года.

Такъ какъ судьба православія въ Карелии должна глубоко интересовать не только насъ, мѣстныхъ дѣятелей,—но и всѣхъ русскихъ людей, которымъ дорога цѣлость Россіи, которые не могутъ не понимать, что съ захватомъ Карелии аппетиты финства и лютеранства отнюдь не уменьшатся, а скорѣе еще болѣе возрастуть и направятся на всѣ народы и народцы, имѣющіе какое-нибудь родство съ финнами, я рѣшилъ отпечатать документы состоявшихся съѣздовъ. Въ частности изъ путевыхъ замѣтокъ іеромонаха Кипріана читатели могутъ составить себѣ хотя приблизительное понятіе о томъ, въ какихъ условіяхъ приходится дѣйствовать православнымъ въ этомъ краю и насколько подготовлена почва, какъ для нашей проповѣди, такъ и для посѣва плевель.

Въ заключеніе долженъ прибавить, что послѣднее время почти съ каждымъ днемъ приносить все новыя и новыя доказательства обострившейся лютеранской и финской опасности: былъ съездъ въ Таммерфорсъ, былъ съездъ въ Сердоболь. Собираются пасторы, проповѣдники, учителя. Говорятся огненные

рѣчи, призываются миссіонеры и просто агитаторы, собираются пожертвованія. Одни изъ ревнителей лютеранства выступаютъ открыто, понося православіе и сманивая народъ въ лютеранство; другіе же, наиболѣе ярые и наиболѣе опасные, „преображаются въ ангела свѣта“ и, утверждая, что пропаганда имъ претитъ, что они не хотятъ никого уговаривать отступать отъ своей вѣры, что они хотятъ говорить только о Христѣ, тѣмъ искуснѣе уловляютъ въ свои хитрыя сѣти. Намъ нужна экстренная помощь, отъ насъ требуется совсѣмъ особое напряженіе силъ. Врагъ не дремлетъ и, боясь пропустить благопріятное время, которое можетъ и не повториться, спѣшитъ опередить насъ. Напр., въ одномъ мѣстѣ своего доклада о. Кипріанъ упоминаетъ о желаніи, выраженномъ на одномъ изъ финскихъ сѣздовъ,—назначить на почтовый трактъ, ведущій въ Архангельскую Карелію, второго почталіона, чтобы, такимъ образомъ, возможно болѣе облегчить сношенія карель съ Финляндіей, ускорить туда доставку финскихъ газетъ и пр. Иначе-де карелы будутъ получать вѣсти чрезъ русскія руки. Теперь мы узнаемъ, что это желаніе уже осуществилось и на указанномъ трактѣ теперь ѣздитъ уже и второй почталіонъ. Такъ умные люди умѣютъ ковать желѣзо, пока горячо...

Архіепископъ Сергій.

1906 года 10 декабря депутаты отъ архангельской и финляндской епархій, явившіеся на сѣздѣ въ лицѣ нижеподписавшихся, по испрошеніи благословенія Божія (была отслужена литургія и соборне молебень), избрали предсѣдателемъ протоіерея Кемскаго собора Николая Кировича Дьякова. Постановили: а) пригласить къ участію въ работахъ сѣзда священника Ухтинскаго прихода Василя Изюмова, который и избранъ былъ дѣлопроизводителемъ; в) выслушать заявленія мѣстныхъ прихожанъ вслѣдствіе послѣдовавшей отъ нихъ о томъ просьбы.

По выслушаніи заявленій народа объ ихъ религіозныхъ нуждахъ, сѣздъ приступилъ къ заслушанію докладовъ и сообщеній депутатовъ финляндской епархіи о панфинской и протестантско-сектантской пропагандѣ, а равнымъ образомъ и о мѣрахъ, какія тамъ предпринимаются для борьбы съ указанною пропагандою между финско-карельскимъ населеніемъ. По заслушаніи прилагаемыхъ при этомъ докладовъ и по тщательномъ обсужденіи степени опасности надвигающейся пропаганды и средствъ къ ея предупрежденію и борьбѣ съ нею, постановили:

1. Въ карельскихъ приходахъ архангельской епархіи, гдѣ того требуютъ мѣстныя условія, желаніе прихожанъ и пастырская разумительность священника, сѣздъ признаетъ безусловно необходимымъ совершать богослуженіе и требы на карельско-финскомъ языкѣ, вводя его постепенно и настолько, насколько оно вызывается дѣйствитель-

ными духовными нуждами пасомыхъ и не оставляя въ то же время безъ удовлетворенія религиозныхъ потребностей лицъ, привыкшихъ къ богослуженію на славянскомъ языкѣ. При совершеніи богослуженія на мѣстномъ языкѣ пользоваться переводами комиссіи по переводу богослужебныхъ книгъ на финскій языкъ, издаваемыхъ по благословенію Святѣйшаго Синода, и проектами переводовъ частей богослуженій, издаваемыми на средства братства св. Сергія и Германа, но съ тѣмъ, чтобы совершители при совершеніи богослуженія примѣнялись къ мѣстнымъ говорамъ.

2. Для большаго духовнаго пастырскаго единенія въ карельскихъ приходахъ со своимъ епископомъ и въ виду громадной ползвы отъ непосредственнаго личнаго общенія епископа со своею паствою особенно въ настоящее тяжелое для мѣстной церкви время, желательно было бы, чтобы мѣстный епископъ возможно чаще входилъ въ такое общеніе, какъ съ мѣстными пастырями, такъ и пасомыми; но такъ какъ обширнѣйшая архангельская епархія и непреодолимая препятствія мѣстной природы дѣлаютъ иногда невозможнымъ такое общеніе цѣлыми десятками лѣтъ, съѣздъ считалъ бы въ высшей степени полезнымъ открытіе викариатства для мѣстнаго карельскаго и лапландскаго края, съ мѣстожительствомъ въ городѣ Кеми, Архангельской губерніи.

3. Въ виду настоятельныхъ нуждъ для карельскихъ приходовъ имѣть священно-церковнослужителей, которые могли бы удовлетворять религиознымъ потребностямъ православныхъ кареловъ, и отсутствія правоспособныхъ кандидатовъ на священно-церковнослужительскія должности, знаемыхъ съ языкомъ населенія и мѣстными условіями, съѣздъ считаетъ необходимымъ доставить возможность наиболѣе способнымъ, благовоспитаннымъ и религиозно настроеннымъ юношамъ-кареламъ получать подготовку для служенія церкви въ духовныхъ школахъ. Но такъ какъ пройти одиннадцатилѣтній курсъ нашей духовной школы представляется затруднительнымъ, было бы цѣлесообразно проводить этихъ юношей, прошедшихъ второклассную школу съ миссіонерскимъ курсомъ, прямо въ пятый классъ семинаріи на казенное содержаніе тѣмъ болѣе, что существуетъ распоряженіе Святѣйшаго Синода о приѣмѣ инородцевъ въ духовныя семинаріи безъ обязательнаго для нихъ изученія древнихъ языковъ. Представители финляндской епархія на съѣздѣ заявили, что проектированная мѣра подготовки для архангельской Карелии священно-церковнослужителей могла бы восполнять недостатокъ ихъ для финляндской Карелии.

4. Упомянутую второклассную школу съ миссіонерскимъ курсомъ по мнѣнію съѣзда, безусловно необходимо открыть въ селѣ Ухтѣ по слѣдующимъ соображеніямъ: 1) село Ухта наиболѣе населенное и

центральное среди других карельских селений, 2) туда направляются главные силы политической панфинской и протестантско-сектантской пропаганды, 3) здѣсь уже предполагалось въ 1894, 1895 и 1898 г.г. открыть второклассную школу съ миссіонерскимъ курсомъ для удовлетворенія вышеуказанныхъ нуждъ, для чего и было устроено съ помощью миссіонерскаго комитета зданіе, въ которомъ помѣщается въ настоящее время наиболѣе многолюдная въ Карелии одноклассная церковно-приходская школа и которое съ наименьшими затратами можетъ быть приспособлено для указанныхъ цѣлей, 4) Ухта окружена цѣлою сѣтью школъ и училищъ (изъ которыхъ нѣтъ ни одной съ курсомъ выше одноклассной) и поэтому недостатка въ учащихся на учительскомъ и миссіонерскомъ курсахъ не будетъ; въ настоящее время ищущіе дальнѣйшаго образованія карелы идутъ въ финскія лютеранскія школы и 5) для намѣченной тамъ школы есть и руководитель въ лицѣ мѣстнаго священника, уроженца карельскаго края, съ полнымъ семинарскимъ богословскимъ образованіемъ.

5. Въ силу тяжелаго положенія карельскихъ приходовъ и новыхъ запросовъ церковно-религіозной жизни, а равнымъ образомъ въ силу необеспеченности мѣстнаго духовенства, его крайней матеріальной бѣдности, зависящей отъ неблагоприятныхъ условій края, какъ то: отсутствія дорогъ, подвоза необходимыхъ жизненныхъ продуктовъ и необычайной дороговизны ихъ, съѣздъ проситъ епархіальное начальство ходатайствовать объ улучшеніи содержанія наличнаго духовенства, тѣмъ болѣе, что оно, несмотря на признанную закономъ особенность края, въ силу котораго всѣ состоящіе на государственной службѣ пользуются особыми правами и преимуществами, лишено возможности пользоваться ими. Эта мѣра, при ея осуществленіи, по мнѣнію съѣзда, несомнѣнно привлечетъ па служеніе въ карельскихъ приходахъ лучшія духовныя силы и въ будущемъ. Размѣръ казеннаго жалованія слѣдуетъ довести до нормы обезпеченія духовенства Прибалтійскаго края, а въ крайнемъ случаѣ до 900 руб. для священника и 400 руб. для псаломщика. Въмѣстѣ съ тѣмъ, съѣздъ выражаетъ горячее желаніе, чтобы карельскіе приходы не считались мѣстами наказанія священно-церковнослужителей за проступки противъ должности и благоведенія.

6. Для болѣе успѣшнаго пастырскаго воздѣйствія на прихожанъ, что теперъ не всегда возможно въ силу обширности приходовъ, крайней разбросанности и бездорожья, съѣздъ полагалъ бы необходимымъ, чтобы были пересмотрѣны границы существующихъ приходовъ и наиболѣе отдаленныя отъ церквей селенія были выдѣлены въ особыя самостоятельные приходы.

7. Такъ какъ политическое панфинское движеніе и протестантско-сектантская пропаганда въ карельскихъ приходахъ угрожаютъ быть

«Сильными, благодаря организаціи для этой цѣли мѣстныхъ союзовъ и кружковъ особенно среди подросткающаго поколѣнія, то съѣздъ признаетъ безусловно необходимымъ скорѣйшее учрежденіе въ каждомъ приходѣ приходскихъ братствъ. Организаціи этихъ братствъ съѣзду представляется въ такомъ видѣ: во главѣ каждого братства стоитъ мѣстный священникъ, какъ руководитель и организаторъ; онъ самъ неопустительно проповѣдуетъ слово Божіе какъ въ храмѣ, такъ особенно при требоисправленіяхъ и при всякомъ другомъ удобномъ случаѣ. Въ помощь себѣ священникъ избираетъ особенно религіозныхъ, преданныхъ церкви и достойныхъ довѣрія лицъ, какъ изъ учащихъ въ мѣстныхъ школахъ, такъ и изъ простыхъ начетчиковъ въ каждой деревнѣ. Эти лица подъ руководствомъ священника содѣйствуютъ ему въ наблюденіи за религіознымъ настроеніемъ въ деревнѣ и за всякой пропагандой. Въ праздничные дни, особенно во время распуты, эти лица, съ совѣта мѣстнаго священника, ведутъ молитвенныя собранія съ чтеніемъ слова Божія, пѣніемъ церковныхъ пѣнопѣній и религіозно-нравственными бесѣдами; матеріаломъ для послѣднихъ могутъ служить религіозно-нравственные листки и брошюры. Самыми удобными мѣстами для такихъ собраній являются часовни, устройство которыхъ съѣздъ признаетъ необходимымъ въ каждой деревнѣ прихода, особенно отдаленныхъ отъ приходскаго храма. Подъ руководствомъ священника тѣ-же лица, по мнѣнію съѣзда, будутъ оказывать ему помощь въ борьбѣ съ мѣстными пороками (грубое нарушеніе праздниковъ, постовъ и др. христіанскихъ обычаевъ, пьянство, сквернословіе и развратъ безразличное отношеніе къ церковному браку), что особенно унижаетъ достоинство православія съ раскольническимъ и протестантскимъ элементомъ населенія. Говоря о помощи сельскому священнику со стороны прихожанъ, съѣздъ имѣетъ въ виду помощниковъ ему изъ мужчинъ и женщинъ; по отзыву одного священника, одна женщина выучила грамотъ стариковъ своей деревни и является иногда при требоисправленіяхъ ближайшею ему помощницею.

Кромѣ того, съѣздъ рекомендуетъ использовать для религіозныхъ и просвѣтительныхъ дѣлей существующія здѣсь «Paiva Kesrat» (собранія для рукодѣлія); на этихъ собраніяхъ, вмѣсто пустыхъ сплетней, нужно вводить религіозно-нравственныя чтенія, собесѣдованія и пѣніе. Всѣ эти организаціи, дѣйствующія подъ руководствомъ приходскаго священника, пользуются помощью, поддержкою и совѣтомъ мѣстнаго миссіонера, для чего были бы полезны ежегодныя поѣздки миссіонера по всѣмъ деревнямъ по заранѣ объявленному чрезъ приходскаго священника маршруту. А для болѣе плодотворныхъ результатовъ отъ этихъ поѣздокъ, ему долженъ быть выданъ новый поход-

ный антиминъ, такъ какъ прежній вмѣстѣ съ походною церковью находится въ селѣ Олангѣ.

Въ виду того, что при новыхъ обязанностяхъ миссіонеръ большую часть времени долженъ будетъ посвятить Карелии, съѣздъ признаетъ необходимымъ для поморскихъ приходоу съ раскольническимъ населеніемъ учредить особаго ему помощника, который-бы дѣйствовалъ по его непосредственному указанію.

Представители Финляндской епархіи заявили пожеланіе о томъ, чтобы къ Кондоксому приходскому братству только въ цѣляхъ религіозно-нравственнаго воздѣйствія были причислены деревни Куйварви и Хіетозера, Улеаборгской губерніи (отъ церкви на 15 верстѣ), гдѣ имѣются люди, годные къ указанной цѣли, но нуждающіеся въ пастырскомъ руководствѣ.

8. Протестантская, а равно и политическая пропаганда между карелами широко пользуется печатными изданіями (религіозно-нравственнаго содержанія-брошюры, журналъ Karjalaisten Pakinoita и проч.), поэтому борьба съ нею тоже непременно должна вестись посредствомъ печатнаго слова; но такъ какъ для печатанія изданій на финскомъ языкѣ въ Архангельской епархіи нѣтъ средствъ и способоу, то съѣздъ считаетъ наиболѣе цѣлесообразнымъ прибѣгнуть къ помощи издательской дѣятельности Финляндскаго епархіальнаго братства Свв. Сергія и Германа. Для чего въ г. Кеми изъ мѣстныхъ священниковъ слѣдуетъ образовать, подобную существующей при братствѣ для Финляндіи, Издательскую Комиссію, которая, съ одной стороны, выписывала бы отъ братства на комиссіонныхъ началахъ потребныя по мѣстнымъ нуждамъ изданія и распространяла бы ихъ въ край черезъ священниковъ и друг. дѣятелей, а съ другой стороны, содѣйствовала бы издательской Комиссіи Братства доставкой потребнаго къ изданію матеріала; для этого Комиссія должна обратиться къ преподавателямъ духовной семинаріи и училища, священникамъ и др. лицамъ, изложить имъ религіозныя нужды края и запросы настоящаго времени, и просить ихъ составлять соотвѣтствующія общедоступныя статьи полемики-апологетическаго содержанія; поступающій такимъ образомъ матеріалъ Комиссія, по ознакомленіи съ нимъ, отправляетъ для напечатанія въ „Aamin Koitto“ (по адресу: Финляндія, Выборгская губ. гор. Сердоболь, протоіерею С. Скулову).

9. Идя на встрѣчу существующему среди кареловъ пограничныхъ съ Финляндіей приходоу желанію обучать дѣтей финскому языку и убѣдившись въ несомнѣнной пользѣ преподаванія его въ школахъ для болѣе сознательнаго усвоенія народомъ православнаго богослуженія и истинъ вѣры, и, наконецъ, признавая безусловно важнымъ и необходимымъ въ настоящее время для ослабленія въ карельскихъ

приходахъ пропаганды панфинства и протестантства, подготовляющихъ совершенно независимую отъ правительственныхъ школъ и съ устраненіемъ церковнаго вліянія особую систему обученія, исключительно съ преподаваніемъ на финскомъ языкѣ,—создать рядъ мѣръ, съѣздъ* полагаетъ неотложнымъ нынѣ же ввести въ церковныхъ школахъ карельскаго края обученіе финскому языку и возбудить соотвѣтствующее ходатайство объ устройствѣ въ отдаленныхъ деревняхъ и поселкахъ, не имѣющихъ постоянныхъ школъ и училищъ, передвижныхъ школъ съ отпускомъ казенныхъ средствъ на жалованье учащимъ и первоначальное приобрѣтеніе учебныхъ пособій.

10. Депутаты Финляндской епархіи входили бы между собою въ возможно частое общеніе для взаимной духовной поддержки, единенія силъ и братскаго совѣта, для этого необходимо, чтобы на съѣзды духовенства и мірянъ Финляндіи посылались бы представители Архангельской епархіи изъ дѣятелей среди карель, а на пастырскія собранія г. Архангельска, когда на нихъ возбуждаются вопросы, касающіеся карельской окраины епархіи, а на пастырскіе съѣзды карельскихъ приходовъ, если таковыя будутъ устраиваемы, были приглашаемы представители Финляндской епархіи.

11. Такъ какъ Братство свв. Сергія и Германа въ послѣднее время ставитъ своею цѣлью борьбу съ протестантскою пропагандой среди православныхъ кареловъ печатнымъ словомъ и подготовкою миссіонеровъ, то съѣздъ признаетъ полезнымъ, чтобы духовенство и міряне Архангельской Карелии вступали въ число членовъ названнаго Братства.

12. Представляя епархіальному начальству свои заключенія по вопросу о лютеранской пропагандѣ въ карельскихъ приходахъ и возможныхъ мѣрахъ для борьбы съ нею, съѣздъ считаетъ своимъ нравственнымъ долгомъ просить мѣстнаго архипастыря обратиться къ карельской паствѣ съ архипастырскимъ посланіемъ, которое несомнѣнно послужило бы ободреніемъ для духовенства въ предстоящихъ ему новыхъ задачахъ многотруднаго пастырскаго служенія и чрезвычайно подняло бы въ глазахъ пасомыхъ начинанія пастырей карельскихъ приходовъ, къ каковымъ начинаніямъ благоугодно будетъ его преосвященству призвать ихъ на основаніи заключеній съѣзда.

13. Постановили: протоколы съѣзда изготovitъ въ двухъ экземплярахъ для представленія архіепископу Финляндскому и епископу Архангельскому. Съѣздъ закончилъ свое дѣло благодарственнымъ Господу Богу молебствіемъ.

Предсѣдатель съѣзда, настоятель Кемскаго собора, протоіерей Никита Дьячковъ.

Члены съезда:

Законоучитель Сердобольской финской учительской семинарии, священникъ Сергій Солнцева.

Іеромонахъ Выборгскаго кафедральнаго собора Кипріяна.

Миссіонеръ священникъ Павелъ Преображенскій.

Камско-Александровскій уѣздный наблюдатель церковныхъ школъ священникъ Василій Мелетіевъ.

Дѣлопроизводитель священникъ Василій Изюмовъ.

13 декабря 1906 года. Село Ухта.

Журналъ засѣданій пастырско-миссіонерскаго съезда въ селеніи Видлицахъ, Олонецкой губерніи и уѣзда, Олонецкой епархіи, съ 20 по 24-е января 1907 года.

Собравшись въ домѣ священника селенія Видлицъ о. Іоанна Соколова 20-го января утромъ въ числѣ 4-хъ назначенныхъ представителей—іеромонаха Кипріяна и священника Александра Якубова отъ Финляндской епархіи и секретаря Олонецкой духовной консисторіи Петра Павловича Сребрянскаго и епархіальнаго миссіонера священника о. Дмитрія Островскаго отъ Олонецкой епархіи, а также шести священниковъ карельскихъ приходоу Олонецкой епархіи,—съездъ первымъ долгоу отправился въ мѣстный храмъ и совершилъ молебенъ Спасителю и преподобнымъ Сергію и Герману Валаамскимъ и Александру Свирскому. Затѣмъ въ домѣ священника, по пропѣтіи „Днесъ благодать Святаго Духа насъ собра“, произвели избраніе председателя съезда и дѣлопроизводителя. По разсужденіи общимъ совѣтомъ избрали председателемъ іеромонаха Кипріяна, а дѣлопроизводителемъ благочиннаго, священника о. Михаила Каргопольцева.

Открывъ первое засѣданіе, единодушно постановили послать телеграммы высокопреосвященнѣйшему Сергію, архіепископу Финляндскому и Выборгскому, и преосвященнѣйшему Мисаилу, епископу Олонецкому и Петрозаводскому, слѣдующаго содержания: первому:—„Открывая занятія въ Видлицахъ, съездъ въ составѣ 4-хъ назначенныхъ лицъ и 6-ти олонецкихъ священниковъ карельскихъ приходоу проситъ архипастырскаго благословенія“, а второму: „Начиная занятія, съездъ въ Видлицахъ проситъ архипастырскаго благословенія“. По обсужденіи постановили пригласить къ участію въ дѣлахъ съезда мѣстнаго о. діакона Пономарева и псаломщика Морошкина и достойнѣйшихъ изъ мѣстныхъ прихожанъ: церковнаго старосту Василія Георгіева Гаврилова, мѣстнаго торговца Петра Васильева Никитина

и служащаго при Видлицкомъ заводѣ Ивана Даміанова Макарьева, къ коимъ впослѣдствіи присоединился купецъ Ѳеодоръ Васильевъ Хозяиновъ, Салминскаго прихода, Финляндской епархіи.

Далѣе, намѣчая программу занятій, постановили: 1) выслушать доклады предсѣдателя съѣзда о панфинской и лютеранской пропагандѣ среди карельскаго населенія и протоколы съѣзда въ селѣ Ухтѣ Архангельской губерніи, и 2) назначить миссіонерское собесѣдованіе съ народомъ на слѣдующій день—въ воскресенье въ 5-ть часовъ вечера въ помѣщеніи волостнаго правленія, каковое собесѣдованіе на карельскомъ языкѣ поручить священнику о. Александру Якубову.

Въ началѣ вечерняго засѣданія того же 20-го числа получена была изъ С.-Петербурга на имя предсѣдателя съѣзда слѣдующая телеграмма: „Богъ да благословитъ труды съѣзда и да поможетъ всѣмъ намъ послужить ко благу святой Церкви. Архіепископъ Сергій“. По прочтеніи сей телеграммы всѣ присутствующіе на засѣданіи съѣзда пропѣли „ис—полла—эти—деспота“.

На этомъ засѣданіи всѣми присутствующими съ живымъ интересомъ выслушано было чтеніе о. предсѣдателя его докладовъ о панфинской и лютеранской пропагандѣ среди карельскаго населенія, путевыхъ впечатлѣній во время его поѣздки на Ухтинскій миссіонерскій съѣздъ и протоколовъ съѣзда, состоявшагося въ декабрѣ минувшаго 1906 года въ селѣ Ухтѣ, Архангельской губерніи. (Эти доклады путевыя впечатлѣнія и протоколы приведены выше).

Въ воскресенье 21-го января божественная литургія въ мѣстномъ храмѣ совершена была соборне участвующими на съѣздѣ священниками. За литургіей епархіальный миссіонеръ о. Дмитрій Островскій произнесъ поученіе, выяснивъ въ немъ цѣль съѣзда, при чемъ выразилъ предостереженіе въ виду надвигающейся протестантской пропаганды и наставленіе твердо стоять въ православной вѣрѣ. По окончаніи литургіи совершенъ былъ молебенъ Спасителю, преподобнымъ Сергію и Герману Валаамскимъ и Александру Свирскому, завершившійся многолѣтнемъ Государю Императору, всему царствующему Дому, Святейшему Синоду, преосвященнѣйшимъ архіепископу Финляндскому Сергію, епископу Олонецкому и Петрозаводскому Мисаилу и всѣмъ православнымъ христіанамъ.

Вечеромъ въ помѣщеніи волостнаго правленія въ бесѣдѣ съ народомъ на карельскомъ языкѣ священникъ о. Александръ Якубовъ познакомилъ народъ съ исторіею православія среди карель, о гоненіяхъ на православныхъ карель въ Финляндіи во времена шведскаго владычества по введеніи реформаціи, о переселеніяхъ вслѣдствіе воздвигавшихся гоненій предковъ нынѣшнихъ русскихъ карель въ Россію и

« современных стремленій финновъ, къ обращенію православныхъ карель въ лютеранство и подчиненію ихъ своей власти. На предлагшіеся затѣмъ вопросы народъ единодушно отвѣчалъ готовностью крѣпко стоять въ своей православной вѣрѣ и не поддаваться вліянію пропаганды; причемъ слушатели заявляли, чтобы богослуженіе у нихъ въ приходѣ совершалось по прежнему, т. е. на церковно-славянскомъ языкѣ.

По обсужденіи и опредѣленіи размѣровъ надвигающейся опасности отъ панфинской и лютеранской пропаганды и мѣръ къ ея предупрежденію и пресѣченію, съѣздъ единодушно постановилъ слѣдующее:

1) По вопросу о миссіонерскомъ значеніи богослужебнаго языка въ карельскихъ приходахъ съѣздъ принципиально высказывается за сохраненіе церковно-славянскаго языка въ церковномъ богослуженіи и при совершеніи требъ во всѣхъ приходахъ Олонецкой епархіи съ карельскимъ населеніемъ. Но въ виду того, что населеніе сѣверныхъ приходовъ—Ребольскаго, Кимасъ-озерскаго, Гимольскаго и частью Туломозерскаго, живя близъ самой границы съ Финляндіей и состоя въ постоянныхъ сношеніяхъ съ финнами, успѣло уже настолько офинниться, что карельское нарѣчіе его мало отличается отъ финскаго языка, что въ свою очередь открываетъ непосредственный доступъ финляндской лютеранской пропагандѣ посредствомъ устнаго и даже печатнаго слова среди населенія названныхъ приходовъ,—съѣздъ находилъ бы полезнымъ допустить совершеніе богослуженія общаго и частнаго въ этихъ приходахъ и на финскомъ языкѣ по переводамъ, издашнымъ на средства Св. Синода финляндскою переводческою коммиссіею. Введеніе же очереди совершенія богослуженія на церковно-славянскомъ и финскомъ языкахъ поручается благоусмотрѣнію и пастырской разсудительности мѣстныхъ священниковъ и желанію самихъ прихожанъ.

2) Изыскивая мѣры къ сознательному усвоенію ученія православной церкви и смысла церковнаго богослуженія карельскимъ населеніемъ тѣхъ приходовъ, въ которыхъ славянское богослуженіе не понятно для населенія, съѣздъ находитъ необходимымъ допустить теперь же церковную и вѣвбогослужебную проповѣдь, чтеніе при богослуженіи евангелія, символа вѣры и молитвъ на карельскомъ нарѣчій по имѣющимся въ печати изданіямъ, тѣмъ болѣе, что эту мѣру можетъ примѣнить на практикѣ теперь же духовенство, знакомое съ этимъ нарѣчіемъ.

3) Въ видахъ осуществленія мѣръ, указанныхъ въ первомъ и второмъ пунктахъ, съѣздъ находитъ желательнымъ, чтобы въ тѣ приходы епархіи, въ которыхъ необходимо ввести въ пастырскую духовно-просвѣтительную практику финскій языкъ и карельское нарѣчіе,

*

впредь назначались священно-церковно-служители изъ наличнаго состава, знающіе уже практически карельское нарѣчіе. Таковыхъ помѣющимся свѣдѣніямъ уже есть въ епархіи 25—30 человекъ.

4) Такъ какъ для успѣха пастырской дѣятельности въ карельскихъ приходахъ отъ священно-церковно-служителей требуются особыя способности къ дѣятельности миссіонерской, между тѣмъ крайняя необеспеченность священно-церковно-служителей сихъ приходовъ въ матеріальномъ отношеніи, бѣдность населенія, нареканіе на поборы ставить многія претенвенія благовѣствованію Христову, то сѣздъ находитъ крайне необходимымъ увеличить казенное содержаніе въ этихъ приходахъ до нормы, введенной въ приходахъ Прибалтійскаго края или въ крайнемъ случаѣ до 900 рублей священнику и 400 рублей псаломщику. Таковая мѣра, по мнѣнію сѣзда, привлечетъ въ эти приходы наиболѣе достойныхъ дѣятелей, изъ коихъ наилучшія силы должны быть назначаемы въ Ребольскій и Кямась-озерскій приходы, Повѣнецкаго уѣзда, Туломозерскій и Ведлозерскій приходы, Олонецкаго уѣзда.

5) Учредить должность Синодальнаго противолютеранскаго карельскаго миссіонера для объединенной Финляндской-Олонецкой Карелии, который долженъ быть и походнымъ священникомъ. Въ содержаніе по новоучреждаемой должности обратить отпускаемыя нынѣ финляндскому миссіонеру суммы, а на расходы по поѣздкамъ исходатайствовать ежегодную добавочную ассигновку въ 600 рублей.

6) Для усиленія миссіонерской дѣятельности, особенно въ пограничныхъ съ Финляндіей приходахъ, въ которыхъ латинско-лютеранская пропаганда угрожаетъ въ первую очередь свить себѣ гнѣздо, необходимо въ помощь священникамъ дать особыхъ катихизаторовъ. Для подготовки таковыхъ дѣятелей слѣдовало бы преобразовать Селецкую второклассную школу введеніемъ въ ея программу преподаванія финско-карельскаго языка и дополнительнаго миссіонерскаго курса съ практическими катихизическими собесѣдованіями на карельскомъ и финско-карельскомъ языкѣ. Организацию и ближайшее завѣдываніе таковыми курсами поручить карельскому миссіонеру. Окончившіе курсъ такой школы по достиженіи каноническаго возраста, служебной миссіонерской практики и богословской начитанности могли бы быть допускаемы въ богословскіе классы духовной семинаріи для полученія богословскаго образованія и поступленія на священно-церковно-служительскія должности. По заявленію депутатовъ Финляндской епархіи, въ такихъ лицахъ належитъ большая нужда и въ Финляндской епархіи.

7) Для изысканія средствъ на содержаніе собственно катихизаторовъ и нужды внутренней миссіи сѣздъ пришелъ къ заключенію: а) про-

сить объ уступкѣ одного изъ церковныхъ сборовъ на миссіонерское общество (въ недѣлю православія) въ Финляндской и Олонецкой епархіяхъ въ пользу миссіонерской противопротестантской карельской миссіи; б) учредить во всѣхъ приходахъ и монастырскихъ церквахъ Финляндской и Олонецкой епархій кружки для сбора добротныхъ пожертвованій въ пользу карельской миссіи; в) сосредоточить эти средства въ консисторіяхъ Финляндской и Олонецкой.

8) Съѣздъ выработалъ слѣдующія основныя правила для руководства катихизаторамъ въ ихъ дѣятельности: а) катихизаторы подъ ближайшимъ руководствомъ и наблюденіемъ пастырей приходскихъ церквей ведутъ въ разныхъ деревняхъ прихода вѣручительныя собесѣдованія съ народомъ; б) устраиваютъ спѣвки церковнаго пѣнія съ попутнымъ изъясненіемъ смысла пѣснопѣвій и значенія церковныхъ обрядовъ съ тою цѣлю, чтобы народъ постепенно достигъ пониманія церковно-богослужебнаго славянскаго языка; в) учреждаютъ православно-церковныя кружки ревнителей религіозно-нравственнаго просвѣщенія, особенно изъ среды сельской молодежи; г) по воскреснымъ и праздничнымъ днямъ руководятъ молитвенными собраніями въ часовняхъ; д) стараются христіанизировать уцѣлѣвшіе въ народѣ обычаи, имѣющіе по происхожденію своему церковный характеръ, но поврежденные вслѣдствіе невѣжества народа введеніемъ разныхъ суевѣрій; е) ведутъ борьбу съ разными пороками, какъ-то: пьянствомъ, плясками, развратомъ, сквернословіемъ, умыканіемъ дѣвицъ и прочими; ж) способствуютъ распространенію въ народѣ брошюръ и листовъ церковнаго и патріотическаго содержанія, а гдѣ можно—устраиваютъ чтенія съ туманными картинами. Катихизаторы состоятъ подъ непосредственнымъ пастырски-отеческимъ попеченіемъ миссіонера объединенной Карелии.

9) Съѣздъ рекомендуетъ духовенству Олонецкой епархіи ввести въ своихъ приходахъ тѣ мѣры къ поднятію религіозно-нравственнаго просвѣщенія пасомыхъ, какія въ практикѣ сельскаго духовенства Финляндской епархіи оказались особенно полезными, именно: проповѣданія не только въ храмѣ Божиѣмъ, но и въ домахъ при совершеніи разныхъ требъ, объѣзды всѣхъ мѣстностей прихода для катихизическихъ собесѣдованій и повѣрки успѣховъ грамотности и познанія истинъ Святой церкви среди населенія, введенія для юношества обоюго пола особыхъ катихизическихъ курсовъ, производимыхъ въ церквахъ; во всѣхъ приходскихъ школахъ шире пользоваться правомъ законоучительства и наблюденія за нимъ.

10) Съѣздъ указываетъ духовенству Финляндской и Олонецкой епархій на необходимость строго соблюдать всѣ обряды православной церкви въ примѣръ своимъ пасомымъ и съ особеннымъ дерзновеніемъ

проповѣдывать о единой, святой, соборной и апостольской церкви Христовой.

11) Съѣздъ просить епархіальное начальство Олонецкой епархіи воспретить, особенно въ карельскихъ приходахъ, развозку и продажу образовъ крайне неискуснаго (владимірскаго) письма и принять мѣры къ распространенію въ сихъ приходахъ иконъ изъ склада братства преподобнаго Александра Свирскаго.

12) Въ виду того, что лютеранская пропаганда посредствомъ смѣшанныхъ браковъ проникаетъ въ русскую Карелію изъ Финляндской, съѣздъ счелъ необходимымъ просить архіепископа Финляндскаго возбудить дѣло о воспрещеніи смѣшанныхъ браковъ въ Финляндской епархіи.

13) Для всесторонняго оживленія церковно-приходской жизни съѣздъ находитъ весьма полезнымъ введеніе по всѣмъ карельскимъ приходамъ правилъ о приходскихъ собраніяхъ и совѣтахъ, которымъ съѣздъ рекомендовалъ бы между прочимъ привлекать порочныхъ членовъ прихода, какъ-то: умыкателей и т. п., въ приходскія собранія для обличенія и наложенія на нихъ дисциплинарныхъ взысканій, напр., лишеніе права кумовства на опредѣленное время.

14) Съѣздъ высказался за безусловную необходимость для отраженія лютеранской пропаганды построить рядъ церквей въ мѣстностяхъ карельской Олоны, граничащихъ съ Финляндіей, при этомъ на первой очереди изыскать средства для постройки церквей въ деревнѣ Колать-сельгѣ, Туломозерскаго прихода, гдѣ лютеранская пропаганда уже ведется, въ деревнѣ Лувозерской, Кимасъ-озерскаго прихода и въ деревнѣ Лужмѣ, Ребольскаго прихода.

15) Столь же необходимою мѣрою съѣздъ призналъ устройство новыхъ самостоятельныхъ приходовъ въ деревняхъ Лувозерѣ, Кимасъ-озерскаго прихода, Кинелахтѣ, Горскаго прихода, и Колать-сельгѣ, Туломозерскаго прихода, съ присоединеніемъ къ послѣднему деревни Кяняжи, Салминскаго прихода, до открытія Колатсельгскаго прихода просить Финляндское и Олонецкое епархіальное начальство войти въ соглашеніе о предоставленіи живущему въ Колать-сельгѣ священнику права совершенія всѣхъ требъ въ деревнѣ Кяняжи, пользуясь и доходами за это требоисправленіе.

16) Для усиленія миссіонерской дѣятельности преобразовать Сяндемскую мужскую пустынь въ женскую обитель съ миссіонерскими задачами на подобіе женскихъ обителей въ Холмской Руси.

17) Въ видахъ объединенія Финляндскихъ и Олонецкихъ русскихъ карель подъ ближайшимъ архипастырскимъ воздѣйствіемъ, съѣздъ находитъ цѣлесообразнымъ: а) присоединить Салминскій приходъ, Финляндской епархіи, къ Олонецкой епархіи, б) учредить викаріатство

съ наименованіемъ викарія Олонецкой епархіи епископомъ Карельскимъ и Салминскимъ съ мѣстожительствомъ въ Андрусовскомъ монастырѣ и содержаніемъ отъ монастырей Валаамскаго, Коневскаго и Александро-Свирскаго. Объяснительную записку по этому пункту поручить составить финляндскимъ депутатамъ.

18) Въ противовѣсъ лютеранской пропагандѣ въ Финляндской, Архангельской и Олонецкой Карелии съѣздъ счелъ цѣлесообразнымъ учредить въ Карелии православное братство съ задачами миссіонерско-просвѣтительными и благотворительными, которыя выражаются: 1) въ утвержденіи православной вѣры и борьбѣ съ лютеранской пропагандой въ Карелии посредствомъ изданія братскаго печатнаго органа и брошюръ апологетико-полемическаго и патріотическаго содержанія на русскомъ и карельскомъ языкахъ, устройства библиотекъ, чтеній, изысканія и доставленія средствъ на содержаніе катихизаторовъ; 2) въ оказаніи матеріальной помощи бѣднѣйшимъ церквамъ, причтамъ и православнымъ карелямъ и устройствѣ разныхъ благотворительныхъ учреждений, какъ-то: домовъ трудолюбія, приютовъ, богадѣленъ, яслей. Составленіе устава этого братства и приведеніе его въ дѣйствіе предоставить о. іеромонаху Кипріану, предсѣдателю съѣзда.

19) Съѣздъ находитъ весьма полезнымъ для противосектантскаго миссіонерскаго дѣла: а) созывъ ближайшаго совѣщанія представителей Финляндской и Олонецкой епархій въ приходы Ребольскій и Туломозерскій; б) возможно частое повтореніе такихъ совѣщаній и съѣздовъ; в) участіе представителей Олонецкой епархіи на разныхъ пастырскихъ и миссіонерскихъ собраніяхъ Финляндской епархіи и наоборотъ.

20) Въ видахъ предупрежденія и пресѣченія надвигающейся изъ Финляндіи и Архангельской Карелии лютеранской пропаганды съѣздъ постановилъ просить губернскую земскую комиссію по выработкѣ плана всеобщаго обученія въ Олонецкой губерніи направить свой планъ такимъ образомъ, чтобы церковно-приходскія школы приходились въ мѣстностяхъ, граничащихъ съ Финляндіей. Съ этою цѣлію съѣздъ проситъ произвести въ планѣ слѣдующія измѣненія: а) въ Видлицкомъ приходѣ деревню Кавгозеро, какъ пунктъ, назначенный подъ земскую школу, уступить подъ церковно-приходскую школу, б) въ Туломозерскомъ приходѣ деревню Сона уступить также подъ церковно-приходскую школу, а деревню Хижезеро—подъ школу грамоты; в) въ деревнѣ Конецъ-островъ, Ребольскаго прихода, школу грамоты преобразовать въ церковно-приходскую школу; г) въ остающихся же открытыми для лютеранской пропаганды промежуточныхъ пунктахъ ввести типъ передвижныхъ школъ, составленіе докладной записки объ организаціи каковыхъ поручить члену съѣзда священнику о. А. Якубову.

Въ тѣхъ же миссіонерскихъ цѣляхъ просить дирекцію народныхъ училищъ содѣйствовать улучшенію преподаванія церковно-славянскаго языка въ завѣдуемыхъ ею училищахъ, а учащимъ въ этихъ школахъ предложить теперь же принять мѣры къ поднятію православно-церковнаго воспитанія, въ особенности посредствомъ пріученія учащихся неуклонно посѣщать храмъ Божій и принимать личное участіе въ совершеніи богослуженія посредствомъ чтенія и пѣнія.

Съѣздъ ходатайствуетъ предъ дирекціей народныхъ училищъ, въ цѣляхъ воспрепятствованія поступленію въ составъ учащихся въ народныхъ школахъ лицъ противоцерковнаго направленія, на конхъ (лицъ) слышатся жалобы приходскихъ собраній и совѣтовъ, опредѣлять на учительскія должности рекомендуемыхъ совѣтами и собраніями кандидатовъ и кандидатокъ.

21) Съѣздъ высказался за необходимость устройства библіотекъ при всѣхъ приходскихъ школахъ, а при передвижныхъ школахъ—передвижныхъ библіотекъ. Въ библіотекахъ министерскихъ и земскихъ школъ съѣздъ просить увеличить отдѣлъ съ книгами духовнаго содержанія, а для лучшаго практическаго ознакомленія съ церковно-славянскимъ языкомъ—пріобрѣтать въ школьныя библіотеки въ достаточномъ количествѣ экземпляровъ учебный октоихъ, сборникъ церковныхъ пѣснопѣній, изданный Крестовоздвиженскимъ братствомъ, службъ страстной и свѣтлой седмицы.

22) Имѣя въ виду, что въ февралѣ сего 1907 года въ селеніи Видлицяхъ назначенъ съѣздъ учителей министерскихъ и земскихъ школъ въ карельскихъ приходахъ, съѣздъ выразилъ желаніе, чтобы Олонецкое епархіальное начальство приняло съ своей стороны мѣры къ назначенію на этотъ съѣздъ о. епархіальнаго или уѣзднаго наблюдателя церковно-приходскихъ школъ Олонецкой епархіи, а также учителей ближайшихъ къ селенію Видлицы церковно-приходскихъ и школъ грамоты. При этомъ съѣздъ желаетъ, чтобы на предположенное собраніе учителей прибылъ изъ Финляндіи ознакомленный съ ланфинской и лютеранской пропагандой о. іеромонахъ Кипріанъ въ цѣляхъ ознакомленія съѣзда съ размѣрами надвигающейся со стороны Финляндіи опасности.

23) Въ цѣляхъ согласованія постановленій Видлицкаго съѣзда съ постановленіями съѣзда въ Ухтѣ съѣздъ выражаетъ желаніе, чтобы копію съ постановленій Видлицкаго съѣзда архіепископъ Финляндскій, какъ инициаторъ съѣздовъ, благоволилъ препроводить къ епископу Архангельскому и Холмогорскому съ соответствующими замѣчаніями.

24) Признавая великое значеніе съѣздовъ, подобныхъ въ селеніяхъ Видлицы и Ухтѣ, съѣздъ постановилъ благодарить архіепископа Фин-

ляндскаго высокопреосвященнѣйшаго Сергія и епископа Олонѣцкаго и Петрозаводскаго преосвященнѣйшаго Мисаила.

Съѣздъ закончился благодарственнымъ Господу Богу молебствіемъ.

Предсѣдатель съѣзда Выборгскаго кафедральнаго собора іеромонахъ Жипріанъ.

Члены:

Олонѣцкій епархіальный миссіонеръ, священникъ Дмитрій Островскій.

Секретарь Олонѣцкой духовной консисторіи, надворный совѣтникъ Петръ Сребрянскій.

Иломанской Ильинской церкви свящ. Александръ Якубовъ.

Видлицкой Георгіевской церкви свящ. Іоаннъ Соколовъ.

Туломозерской Николаевской церкви свящ. Василій Остроумовъ.

Ведлозерской Николаевской церкви священникъ Михаилъ Морошкинъ.

Тулокской Николаевской церкви священникъ Николай Митропольскій.

Видлицкой Георгіевской церкви діаконъ Викторъ Пономаревъ.

Псаломщикъ Матей Морошкинъ.

Видлицкой церкви прихожанинъ Петръ Васильевъ Никитинъ.

Сальминской церкви прихожанинъ Федоръ Васильевъ Хозяиновъ.

Кромѣ подписавшихся, на съѣздѣ принимали участіе священникъ Горскаго прихода Николай Лебедевъ, Видлицкій церковный староста Василій Гавриловъ и служащій Видлицкаго завода, прихожанинъ Кяп-леселгской церкви, Иванъ Макаревъ, но, за отсутствіемъ въ день подписи, журнала не подписали.

Дѣлопроизводитель съѣзда, благочинный, священникъ Ильинскаго прихода Михаилъ Каргопольцевъ.

Видлицы. 24-го января 1907 года.

„Вѣстникъ Миссіонерскаго Обозрѣнія“.

Объ узаконеніи расколосектантскихъ браковъ и о веденіи гражданскихъ книгъ старообрядцами.

ВЫСОЧАЙШІЯ ПОВЕЛѢНІЯ.

I.

Объ утвержденіи временныхъ правилъ для узаконенія браковъ, заключенныхъ по обрядамъ инославныхъ и иновѣрныхъ исповѣданій лицами, числившимися православными до изданія Высочайшаго Указа 17-го апрѣля 1905 года, и происшедшаго отъ сихъ браковъ потомства. Совѣтъ министровъ полагалъ:

На основаніи статьи 87 Основныхъ Государственныхъ Законовъ (свод. закон. т. I ч. 1, изд. 1906 года), въ дополненіе и измѣненіе подлежащихъ узаконеній, постановить:

1) Браки лицъ, числившихся до изданія Высочайшаго Указа 17-го апрѣля 1905 года („Собр. узак.“, ст. 526) православными, но принадлежавшихъ къ инославному или, при соблюденіи условій пункта 3 означеннаго Указа, къ иновѣрному исповѣданію, совершенные до 17-го апрѣля 1905 года по правиламъ и обрядамъ того инославнаго или иновѣрнаго исповѣданія, къ которому вступившіе въ бракъ въ дѣйствительности принадлежали, считаются дѣйствительными со дня ихъ совершенія, и происшедшія отъ таковыхъ браковъ дѣти—законными отъ рожденія.

2) Доказательствомъ совершенія указанныхъ въ статьѣ 1 браковъ, а равно законности происшедшихъ отъ таковыхъ браковъ дѣтей, служить записи, внесенныя въ подлежащія метрическія книги того инославнаго или иновѣрнаго исповѣданія, къ которому принадлежали вступившіе въ бракъ, либо родители ребенка. При отсутствіи записей, событіе брака устанавливается судомъ въ порядкѣ охранительнаго судопроизводства.

3) Имущественныя права, пріобрѣтенныя третьими лицами, въ виду признававшейся до изданія настоящаго узаконенія недѣйствительности указанныхъ въ статьѣ 1 браковъ, остаются въ силѣ.

4) Къ открывшимся до изданія настоящаго закона наслѣдствамъ, если родственники, призванные къ онимъ, въ силу признававшейся доселѣ недѣйствительности указанныхъ въ статьѣ 1 браковъ, еще не

приняли наслѣдства или не подали въ судъ просьбы объ утвержденіи ихъ въ правахъ наслѣдованія, допускаются лица, пріобрѣвшія на основаніи сего закона права законныхъ наслѣдниковъ.

5) Въ случаяхъ, предусмотрѣнныхъ въ статьѣ 2 настоящаго узаконенія, ходатайствовать въ порядкѣ охранительнаго судопроизводства о соотвѣтственномъ пополненіи метрической книги могутъ не только заинтересованныя въ томъ лица, но также прокурорскій надзоръ, если съ пополненіемъ метрическихъ книгъ сопряженъ интересъ государства.

6) Право домогаться пополненія метрической книги не прекращается никакою давностью.

7) Означенныя въ ст. 5 сего узаконенія просьбы частныхъ лицъ или предложенія прокурора подаются въ окружный судъ по мѣсту совершенія брака или рожденія ребенка, а если послѣднихъ нѣсколько, то по мѣсту рожденія кого-либо изъ нихъ по выбору просителей; въ случаѣ же неизвѣстности, гдѣ именно произошло событіе, которое должно быть удостовѣрено,—по мѣсту жительства просителей.

8) При просьбѣ частнаго лица или предложеніи прокурора должны быть представлены доказательства, подтверждающія совершеніе брака по правиламъ и обрядамъ того инославнаго или иновѣрнаго исповѣданія, въ которому супруги во время заключенія брака принадлежали, и происхожденіе дѣтей отъ такого брака.

9) Въ доказательство ходатайства просителя допускаются всякаго рода документы, но отъ суда зависитъ, смотря по обстоятельствамъ дѣла, допускать показанія свидѣтелей въ качествѣ самостоятельнаго доказательства или лишь въ дополненіе къ письменнымъ доказательствамъ.

10) Къ дѣламъ о пополненіи метрической книги примѣняются статьи 1338, 1341 и 1342 устава гражданскаго судопроизводства (св. зак., т. XVI, ч. 1, изд. 1892 года и продол. 1902 года).

11) О днѣ, назначенномъ къ слушанію дѣла, участвующія лица увѣдомляются повѣстками.

12) Определенія о пополненіи метрической книги постановляются не иначе, какъ по выслушаніи заключенія прокурора.

13) Кромѣ участвующихъ въ дѣлѣ лицъ, частныя жалобы и просьбы объ отмѣнѣ определенія по дѣламъ о пополненіи метрическихъ книгъ могутъ быть приносимы и прокуроромъ по дѣламъ, имъ возбуждаемымъ.

14) Исполненіе определенія суда о пополненіи метрической книги приостанавливается до истеченія срока на принесеніе частной или кассационной жалобы, а если она подана, до разрѣшенія оной.

15) По вступленіи определенія въ законную силу (ст. 14) просителю выдается копія съ сего определенія съ надписью, что она выдана на предметъ внесенія въ метрическую книгу.

16) Лица, права коихъ нарушаются удовлетвореніемъ ходатайства о пополненіи метрической книги, могутъ, въ предѣлахъ, допускаемыхъ закономъ, оспаривать состоявшееся въ охранительномъ порядкѣ определеніе принесеніемъ въ установленный срокъ частной жалобы или предъявленіемъ иска въ подлежащемъ судѣ.

17) Дѣйствіе настоящаго узаконенія распространяется и на губерніи варшавскаго судебного округа, съ тѣмъ, что пополненіе метрическихъ книгъ актами, въ оныя не внесенными, совершается въ этихъ

мѣстностяхъ въ частномъ (охранительномъ) порядкѣ, съ принятіемъ, притомъ, въ соображеніе правилъ статей 1647—1652 устава гражданского судопроизводства (свод. закон., т. XVI ч. I, изд. 1892 года).

Государь Императоръ, 31-го января 1907 года, положеніе сіе Высочайше утвердить соизволилъ.

О семъ министр юстиціи, 7-го февраля 1907 года, предложилъ Правительствующему Сенату для распубликованія.

II.

О предоставленіи послѣдователямъ старообрядческихъ согласій, не признающихъ духовныхъ лицъ, возлагать веденіе своихъ книгъ гражданского состоянія на особыхъ старостъ. Совѣтъ министровъ предлагалъ:

Въ измѣненіе и дополненіе подлежащихъ узаконеній, на основаніи статьи 87 Основныхъ Государственныхъ Законовъ (свод. закон. т. I, ч. 1, изд. 1906 года) постановить:

Въ старообрядческихъ общинахъ безповскихъ согласій веденіе книгъ, удостоверяющихъ акты гражданского состоянія, можетъ быть возлагаемо на особыхъ, избираемыхъ общими собраніями общинъ, старостъ, подчиняющихся, въ отношеніи порядка веденія книгъ и отвѣтственности за правильность ихъ, постановленіямъ, изложеннымъ въ статьяхъ 38, 40 — 58 отдѣла I Высочайшаго Указа 17 октября 1906 года.

Государь Императоръ, 31-го января 1907 года, положеніе сіе Высочайше утвердить соизволилъ.

О семъ министр юстиціи, 7 февраля 1907 года предложилъ Правительствующему Сенату для распубликованія.

∞ **Проектъ просвѣтительныхъ курсовъ для духовенства.** Въ „Пензенскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостяхъ“ напечатана программа проекта, которымъ рекомендуется духовенству въ разныхъ пунктахъ епархіи организовать просвѣтительные курсы, для руководства которыми, по мнѣнію проекта, необходимо приглашать ораторовъ изъ профессоровъ духовныхъ академій, университетовъ и др. Цѣль курсовъ: пробудить самосознаніе духовенства и вывести его мышленіе изъ инертнаго состоянія. Курсы должны дать толчокъ мысли духовенства, привести его къ болѣе или менѣе опредѣленнымъ запросамъ, указать лучшія сочиненія, на которыхъ воспитывается чувство и формируется самосознаніе и здоровое цѣльное міросозерцаніе; все же дальнѣйшее культурное развитіе его должно пріобрѣтаться уже личными усиліями духовенства чрезъ взаимообщеніе на пастырскихъ собраніяхъ и помощью библиотекъ. Настоящее время неотступно требуетъ отъ духовенства, чтобы оно неотложно и серьезно занималось на благоточиническихъ, окружныхъ и епархіальныхъ съѣздахъ детальной разработкой вопроса объ изысканіи постоянныхъ средствъ на организацію, заведеніе и поддержаніе болѣе или менѣе солидныхъ благоточиническихъ и окружныхъ библиотекъ. Безъ этихъ библиотекъ духовенство останется въ роли слѣпыхъ вождей народа и вынуждено будетъ по прежнему шествовать впереди мертвыхъ, но не впереди и во главѣ живыхъ.

Никакой реформы оно не будетъ въ состояніи провести въ жизнь, если не будетъ знать тѣхъ началъ, на которыхъ создается эта жизнь, и тѣхъ формъ, въ которыя она выливается.

Нельзя не привѣтствовать такое доброе пожеланіе пензенскаго духовенства, признававшаго необходимость саморазвитія по нынѣшнимъ лукавымъ временамъ. Дай Богъ, чтобы это святое начинаніе поскорѣ вышло изъ проекта въ дѣйствительность не въ одной епархіи, но и въ другихъ и чтобы, упаси Боже, курсы не превращались въ „товарищескіе“ митинги.

Богословскія чтенія въ г. Полтавѣ. Въ г. Полтавѣ уже начали функционировать богословскія чтенія съ благословенія мѣстнаго епархіальнаго преосвященнаго епископа Іоанна.

Открытіе чтеній состоялось 14 января. Первымъ лекторомъ выступилъ викарный преосвященный епископъ Θεодосій на тему: „отношенія церкви къ семьѣ“.

2-е богословское чтеніе состоялось въ воскресенье, 28 января, на тему „Ренанъ“ и его „Жизнь Іисуса“. Лекторомъ выступилъ ректоръ семинаріи, архимандритъ Варлаамъ. Онъ указалъ, что Ренанъ является однимъ изъ божковъ современной молодежи, взгляды котораго, приняты на вѣру, безъ глубокаго критическаго анализа оказываютъ на общество самое пагубное вліяніе. Своими настроеніями наша общественная жизнь обязана отчасти и Ренану, а потому показать въ истинномъ свѣтѣ этого „босяка“ и разобрать его „ученіе“ въ настоящее время является вполне умѣстнымъ. Лекція распадалась на двѣ части, въ первой было изложено ученіе Ренана, во второй — критическій его разборъ. Выслушана она была многочисленнымъ собраніемъ съ полнымъ вниманіемъ.

На слѣдующемъ чтеніи, предполагаемомъ въ февралѣ мѣсяцѣ, лекторомъ выступаетъ протоіерей о. Іустинъ Ольшевскій на тему: „въ вѣрѣ-ли вы?“ (2 Кор. XIII, 5) къ вопросу о переоцѣнкѣ духовныхъ цѣнностей у интеллигенціи. Свой трудъ авторъ посвятилъ блаженной памяти богомудраго наставника духовной жизни, Вышинскаго затворника, приснопамятнаго владыки Θεофана. Этотъ трудъ предпринять съ благословенія почившаго владыки Иларіона, который на первой редакціи положилъ такую надпись: „Трудъ предпринять обширный, направленіе и цѣль мудрецовъ указаны точно; опроверженіе здравое, церковное. Дай Богъ, чтобы читающіе, хотя и немногіе, пришли въ познаніе истины“.

Уставъ ¹⁾ приходскаго миссіонерскаго кружка по Псковской епархіи.

1. Приходскій миссіонерскій кружокъ имѣетъ цѣлью возгрѣвать и возбуждать въ народѣ ревность къ православной вѣрѣ и содѣйствовать вразумленію заблудшихъ и соединенію ихъ съ православной Церковью. Основа дѣятельности кружка для этой цѣли въ словахъ св. ап. Павла, который умоляетъ „блуждающихъ вразумлять, малодушныхъ утѣшать, слабыхъ поддерживать и быть долготерпѣливымъ ко всѣмъ“ (1 Фесс. 5, 14).

¹⁾ Уставъ этотъ 9 января 1907 г. утвержденъ епархіальнымъ преосвященнымъ. „Псков. Еп. Вѣд.“ 1907 г. № 3.

2. Каждый приходскій кружокъ дѣйствителенъ по утвержденіи его преосвященнымъ по докладу епархіальнаго миссіонера.

3. Находится онъ подъ непосредственнымъ руководствомъ и наблюденіемъ мѣстнаго священника.

4. Количественный составъ членовъ кружка не опредѣляется, а выборъ участниковъ его предоставляется приходскому священнику, какъ пастырю, знающему своихъ овецъ (Іоан. 10, 3). Причемъ члены кружка могутъ быть только православные, могутъ быть обоюго пола и грамотные.

5. Желательно, чтобы въ составѣ кружка были члены причта, староста церкви (если онъ грамотный) и учащіе церковныхъ и земскихъ школъ.

6. Члены кружка имѣютъ заботу, кромѣ утвержденія въ вѣрѣ православныхъ, о предупрежденіи возможности уклоненія колеблющихся въ православіи лицъ отъ св. Церкви въ расколъ и сектантство. Для этой цѣли они посѣщаютъ дома колеблющихся и братски увѣщаютъ ихъ, особенно-же больныхъ въ смѣшанныхъ семьяхъ, коихъ обычно больше стараются возвращать лжеучители.

7. Члены кружка, входя въ частныя откровенныя бесѣды со старообрядцами, располагаютъ ихъ къ Православной Церкви, доказывая истину православія при помощи имѣющихся въ ихъ распоряженіи данныхъ имъ пособій, — показываютъ примѣръ имъ собственною жизнью, неуклоннымъ посѣщеніемъ службъ церковныхъ и пр.

8. Члены кружка всегда присутствуютъ на публичныхъ миссіонерскихъ бесѣдахъ и стараются и православныхъ и старообрядцевъ располагать посѣщать эти бесѣды.

9. Члены кружка, какъ знакомые съ состояніемъ старообрядчества въ приходѣ, съ такими или иными проявленіями его, дѣлятся своими наблюденіями съ мѣстнымъ священникомъ.

10. Общія собранія членовъ кружка подъ предсѣдательствомъ приходскаго священника для сужденія о дѣятельности членовъ и разрѣшенія недоумѣнныхъ вопросовъ практики устраиваются по возможности — хотя одинъ разъ въ мѣсяцъ и записываются подробно въ особые дневники, общія свѣдѣнія изъ которыхъ руководитель кружка по полугодіямъ сообщаетъ епархіальному миссіонеру для помѣщенія о дѣятельности кружковъ въ миссіонерскихъ отчетахъ, представляемыхъ на усмотрѣніе преосвященнаго.

11. Объ особой ревностной дѣятельности на пользу миссіи членовъ кружка чрезъ епархіальнаго миссіонера доносится епархіальному начальству и даже испрашивается архипастьерское благословеніе таковымъ.

12. Имена членовъ кружка заносятся въ церковныя памятники „о здравіи“ — при жизни ихъ и „за упокой“ — въ случаѣ смерти ихъ и поминаются при богослуженіяхъ въ церкви.

Ремесленная школа для дѣтей духовенства.

Въ Симбирской епархіи проектируется симпатичное нововведеніе: Стремясь облегчить участь дѣтей-неудачниковъ, не прошедшихъ школы по малоуспѣшности, духовенство Симбирской епархіи предпо-

лагають устроить ремесленную столярно-иконостасную школу. Курсъ обученія разсчитанъ такъ, чтобы желающіе получили его въ объемѣ, установленномъ для ищущихъ псаломщической должности. Въ теченіе 3 лѣтъ преподаются: Законъ Божій, русскій языкъ, ариметика, географія, русская гражданская исторія, чистописаніе, церковный уставъ и пѣніе. Кромѣ того, преподается: черченіе примѣнительно къ иконостасному мастерству и иконописное, чеканное и столярное ремесла. Должно пожелать духовенству Симбирской епархіи полнаго успѣха въ осуществленіи его проекта, такъ какъ тяжелое положеніе дѣтей несчастныхъ изгнанниковъ изъ духовной школы несомнѣнно требуетъ отъ духовенства, чтобы оно пришло къ нимъ на помощь.

Какъ раскольничьи ругатели православія избѣгаютъ обличенія на бесѣдахъ.

(Корреспонденція изъ села Городца Нижегород. губ.).

Австрійскіе вояжеры десятки лѣтъ добиваются монополіи своего заблужденія среди городецкаго старобрядчества. Начиная съ 1873 года они непрестанно нападаютъ на Городецъ. Вначалѣ работаль здѣсь О. Швецовъ, стараясь распространить свой товаръ — бѣлокриницкое священство. Не смотря на всѣ неудачи своей попытки, Швецовъ лично не переставалъ посѣщать Городецъ до 1896—7 года, привозя съ собою всегда подмастерьевъ, то Д. Смирнова, то И. Иголкина, то Старкова, то Усова. Съ 1896—7 годовъ рьяно взялся за это дѣло И. Усовъ, и чаще, настоятельнѣе и нахальнѣе Швецова сталъ нападать на Городецъ. А за послѣднее время подвизались надъ этимъ „освободители“ братья Мельниковы—Ф. Мельниковъ (умиравшій въ Брянскѣ) и В. Мельниковъ (бѣгавшій за границу отъ солдатчины), Зеленковъ, Хромовъ, В. Усовъ и наконецъ Осипъ Перетрухинъ, это уже, какъ говорятъ, самая квинтъ-эссенція раскольничьяго нахальства и пустословія. 17 декабря 1906 г. въ Городецѣ была бесѣда православнаго миссіонера И. П. Ломакіна, съ Перетрухинымъ, въ Никольскомъ соборѣ. Городчане собрались въ большомъ количествѣ.

Мы имѣли несчастіе быть очевидцами всѣхъ говоруновъ и ругателей церкви православной и ея архипастырей и пастырей и св. таинъ въ теченіе почти 30 лѣтъ.

Въ 5 часовъ вечера послѣ молитвы св. Духу православный миссіонеръ открылъ бесѣду краткою рѣчью, въ которой вычиталь въ основаніе предмета бесѣды тексты. Евангелія отъ Матвея 16 гл. 18 ст. о церкви и ея неодолимости, и 1 посл. къ Коринф. 12 г. 12 ст. объ ея устройствѣ, затѣмъ толкованіе блаж. Феодорита на 12—12 1 посл. Кор., и Благов. Θεοφιλ. Ев. Лк. зач. 107, о вѣчности и неизмѣнности церкви. Послѣ этого миссіонеръ предложилъ собесѣднику приблизительно слѣдующій вопросъ: Можетъ ли случиться съ церковію, созданной Господомъ, то, чтобы она лишилась всѣхъ православныхъ епископовъ и наконецъ стала состоять изъ однихъ мірянъ съ перешедшими отъ нихъ священниками, какъ это было у старообрядцевъ въ теченіе около 200 лѣтъ?

Перетрухинъ на предложенный вопросъ отвѣчалъ по Усовскому

„либретто“: „Церковь Хр. временно безъ епископа“, со своими частію софизмами. Онъ говорилъ, что Христось епископовъ къ церкви не приковалъ, ибо Христось насилія надъ совѣстью не творилъ; епископы должны, по ученію Христа, имѣть свободную волю,—Онъ зажегъ свѣтъ сердца, а свѣтитъ имъ (епископамъ) или не свѣтитъ—это опять-таки зависитъ отъ ихъ добродѣтели, что и было съ апостолами. Они были епископами при Христѣ и пали всѣ невѣріемъ въ воскресеніе Христа, а церковь осталась церковію, какъ и наша, въ теченіе 180 лѣтъ.

Неосновательность софистическихъ выводовъ усовской книжки и невѣрность объясненія раскольничьимъ собесѣдникомъ писанія миссіонеромъ были обстоятельно показаны и объяснены а равнымъ образомъ указано на то, что собесѣдникъ уклонился отъ отвѣта на вопросъ. За позднимъ временемъ продолженіе бесѣды отложено до другого дня.

18 декабря былъ повторенъ миссіонерами вопросъ о церкви, ея составѣ и устройствѣ.

Перетрухинъ опять началъ читать Усовское «либретто»; читалъ съ прибаутками безъ перерыва болѣе 5-и часовъ; „я вамъ насыплю, говорить, цѣлые куля“; нынѣ время не то, чтобы намъ зажимать ротъ, такъ какъ казенное православіе, послѣ 17 апрѣля, представляетъ изъ себя одинъ нуль, мы же, старообрядцы, имѣемъ законное право, если насъ даже 50 человекъ, открывать приходы, а вы что?—Ничего. Церковь наша есть Христова церковь; слово же «старообрядцы» принадлежитъ только намъ и тѣмъ, которые подчиняются старообрядческому епископу Иннокентію, а неподчиняющіеся ему здѣшніе Бугровскіе бѣглопоповцы есть «сущіе еретики», а безпоповцы даже хуже жидовъ, и они не имѣютъ никакого права называться старообрядцами“.

Всѣ присутствовавшіе на бесѣдѣ старообрядцы (неавстрійскіе) съ умиленіемъ и особымъ уваженіемъ слушавшіе перетрухинскія ругательства на прав. церковь и одобрительно отзывавшіеся о кощунствахъ Перетрухина, когда услышали отъ начетчика, что одни изъ нихъ—„сущіе еретики“, а другіе—„хуже жидовъ“, вслухъ вознегодовали и выразили протестъ противъ пустословія начетчика и вычитыванія имъ неподходящаго матеріала (разныхъ Голубинскихъ, Пругавиныхъ, Никольскихъ и друг.).

Выслушать разборъ всего не къ дѣлу начитаннаго въ теченіе 5 часовъ Перетрухинъ, не смотря на просьбу миссіонера, И. П. Ломакина, на третій день никакъ не соглашался¹⁾. Посланному съ письмомъ сказали, что Перетрухинъ торопится въ нѣсколько губерній, въ Московскую, Рязанскую и въ Иркутскую и вызывается туда письмами и телеграммами, будто бы въ одинъ день получено три телеграммы. Мы лично справлялись, гдѣ слѣдуетъ, на счетъ телеграммъ; оказалось, что Перетрухинъ и его присные нагло лгали: никакой телеграммы и даже письма ни ему и ни хозяину его квартиры за дни бесѣды не было.

Отмѣчая характеръ пропаганды австрійщины за послѣднее время, нужно сказать, что у современныхъ проповѣдниковъ купленнаго свя-

1) Онъ понималъ, что начиталъ много чепухи, къ вопросу совсѣмъ не относящейся, и зналъ, что будетъ во всей лжи маобличенъ, и уклонился.

щенства Усова, Мельниковыхъ и Перетрухина ясна одна наглость и кощунство надъ всякимъ вѣрованіемъ. У прежнихъ же, какъ то Швецова и Иголкина, этого не было; то люди строки и древней книги, фанатики, но не кощунники; ихъ можно было слушать и бесѣдовать съ ними было легко, такъ какъ они хотя и заблуждались, но вѣровали, съ современными же наемными анархистами и безбожниками вести бесѣду, въ всякому вѣрующему человѣку до глубины души противно. Все то плоды указа 17 апрѣля 1905 г. и „идейной“ вѣротерпимости...

К. Корзинъ.

Отвѣтъ о. Евфимію Зубареву.

Въ январьской кн. „Мисс. Обзор.“ помѣщено письмо миссіонера о. Зубарева, въ которомъ почтенный о. миссіонеръ сѣтуетъ на то, что въ приложеніи къ статьѣ моей „Къ вопросу о Бѣлокриницкой или австрійской іерархіи“ (№ 11—1906 г.)— помѣщена отвѣтная грамота Константинопольскаго патр. Анѣима Св. Синоду—безъ указанія, откуда послѣдняя взята, что дало возможность о. Зубареву поставить мнѣ это въ вину. Долгомъ почитаю отвѣтить о. Зубареву, а равно и читателямъ „Мисс. Обзор.“, что произошло это не по моей винѣ, а по винѣ редакціи, которая почему-то даты не напечатала. А у меня указано было такъ: „Дѣло Св. Синода по II отдѣленію секретной экспедиціи, № 16 сдаточной описи стола, № 2650—Архивной описи. Началось 10 марта 1847 г., кончено 30 декабря 1847. На сорока трехъ листахъ“.

Помѣщая *пока* только въ такомъ видѣ свой отвѣтъ, заявляю, что, при первомъ случаѣ, на вопросы, волнующіе о. Зубарева, а равно и на запросъ ко мнѣ старообрядцевъ по поводу грамоты п. Анѣима, а также и на статьи по сему вопросу „Старообрядца“,—я постараюсь отвѣтить чрезъ то-же „Мисс. Обзорѣніе“—особой статьѣй. Отцу-же Зубареву, какъ собрату по миссіи, совѣтоваль-бы: прежде чѣмъ обвинять въ чемъ-либо кого-либо, обратиться письмомъ за разъясненіями—лично; вѣдь адресъ мой ему знакомъ.

Священникъ *Дим. Александровъ.*

Самара
21 февраля.

О Т К Л И К И.

Христось и „духъ времени“.

«Умъ человѣческой способенъ набросить облако даже и на самыя свѣтоносныя истины». Роланъ.

Мы переживаемъ такое время, когда говорить о Христѣ и Его завѣтахъ Евангельскихъ стало несообразнымъ съ „духомъ времени“. Прислушиваясь къ вопросамъ, которые будто бы „диктуетъ сама жизнь“, современное человѣчество перешло границы разума. Примѣромъ тому служатъ позднѣйшія событія въ Россіи, — ея „современная“, такъ сказать, жизнь. Самыя простѣйшія житейскія понятія теперь утратили свое настоящее значеніе. А высокія истины жизни и нравственности, начала которыхъ покоятся на Евангеліи, подмѣнены фальшивою моралью, схваченною на лету у случайныхъ ея „знатоковъ“. Съ одной стороны мы видимъ полное отрицаніе, съ другой—извращеніе основныхъ Евангельскихъ понятій. Дѣйствуя въ угоду „духу времени“ или, — что то же, — „современности“, „образованное“ общество наше не прочь воспользоваться будто бы отъ Евангелія тѣмъ, что отвергается—Евангелиемъ. Въ угоду низменнымъ социально-экономическимъ теоріямъ, Евангеліе примѣняется тамъ, гдѣ оно не примѣнимо. Приноровленіе Евангелія къ „духу времени“ достигаетъ теперь грандіозныхъ размѣровъ въ тѣхъ случаяхъ, когда наши неумѣренныя прогрессисты стараются оправдать свои беззаконныя дѣянія. Только въ тѣхъ случаяхъ имъ и нуженъ бываетъ Христось, отрицаемый безусловно въ другихъ обстоятельствахъ. Таковъ духъ времени!

Попробуйте заговорить теперь о подлинномъ Христѣ и настоящемъ Евангеліи, васъ и слушать не захотятъ, такъ какъ подобныя рѣчи, по нынѣшнимъ понятіямъ, суть признаки застоя, отсталости, ретроградство. Нагляднымъ становится, что Евангеліе и „современность“ двѣ діаметральныя противоположности, двѣ параллельныя геометрическія линіи, которыя какъ бы ни были продолжены, не сойдутся никогда. Христось не по „духу времени“, а между тѣмъ мы видимъ, что Его хотятъ приноровить къ этому духу, прикрыть Имъ лукавство и беззаконія.

I.

Христось, явившись въ міръ, не проповѣдывалъ ненависти, не возставалъ противъ закона, не предписывалъ убійства даже и самыхъ ярыхъ враговъ челоуѣчества. Напротивъ, онъ обличалъ малѣйшую тѣнь ненависти къ врагамъ, проскальзывавшую во взаимныхъ отношеніяхъ евреевъ, благодаря „преданіямъ старцевъ“ и закону Моисееву, и говорилъ, что Онъ не пришелъ нарушить законъ или пророковъ.

„Не нарушить пришелъ Я, но исполнить“ (Ев. Матѳ. V, 17).

Вотъ слова Христа, которыя необходимо бы твердо закрѣпить въ своей памяти тѣмъ проповѣдникамъ и учителямъ новой правды, которые, выступая въ міръ со своими идеями, прежде всего дерзкою рукою касаются религіи и нарушаютъ ея вѣковѣчные законы. Если они склонны признать Христа величайшимъ Разумомъ, геніемъ, то неужели сами они выше Его, дѣлая го, что запрещено Христомъ? Исполняя законъ и усовершая его безъ порицанія, Онъ проповѣдывалъ возрастаніе челоуѣка на началахъ любви.

И это было въ то время, когда ненависть вошла въ плоть и кровь людей, послѣ тысячелѣтняго гнета деспотизма и варварства, когда невольны руки народа брались за оружіе, чтобы отомстить врагамъ поработителямъ, виновникамъ ихъ бѣдствій. По духу нашего времени надлежало бы на ненависть отвѣтить ненавистью же. Это былъ бы по нынѣшнимъ понятіямъ стонъ людскаго правосудія, вынужденный протестъ слабого противъ сильнаго и неизбежный размахъ собравшаго послѣднія силы усталого вѣковаго мученика. Такъ по нашимъ взглядамъ представлялось бы освободительное движеніе того времени. Но Христось вмѣсто ненависти проповѣдуетъ покорность, вмѣсто возстанія—самоусовершенствованіе. Христось показалъ, что жизнь улучшается любовью, а не ненавистью, добромъ, а не злобу. Уже тотъ фактъ, что Онъ, никому не сдѣлавъ зла, претерпѣлъ крестную смерть, говоритъ о томъ, чему училъ Спаситель.

Рѣчь Христа дышала кротостію и любовію, чего нѣтъ въ словахъ нашихъ „освободителей“. Ненависть, одна ненависть въ ихъ рѣчахъ ко всему, что противно имъ и что, допустимъ, несправедливо. Христось, проповѣдуя истинную жизнь, говорилъ спокойно и просто. А наши ораторы, проповѣдуя безжизненные теоріи, стараются произвести впечатлѣніе на своихъ слушателей то трагизмомъ голоса, то жестикуляціей, то наиболѣе вычурными сильными выраженіями.

Въ духъ нашего времени ораторы въ Думѣ съ высоты своей трибуны, обличая дѣйствительныя и воображаемыя неправды, кричали трагически и угрожающе правительству: „уйдите“! Во времена Христовы люди были не лучше нынѣшнихъ, но раскройте Евангеліе и поищите, кричалъ ли Христось кому-либо не только изъ правителей, но и вообще, когда обличилъ неправды: „уйдите“?

Въ духъ нашего времени—убійства. Врагамъ народа, а такими

врагами являются всѣ, кто не сочувствуетъ „освободителямъ“, готовится смерть съ помощью бомбы, браунинга. Въ орудіяхъ и средствахъ къ уничтоженію у насъ нѣтъ недостатка. Были смертоносныя орудія и двѣ тысячи лѣтъ тому назадъ, правда не такія усовершенствованныя, однако Христось ясно сказалъ: „Всѣ взявшіе мечъ мечемъ погибнуть“ (Ев. Матѣ. XXVI, 52).

Христось не бросилъ ни одной бомбы, и вообще во все время проповѣди Своей не ваялъ въ руки оружія ни въ защиту себя, ни въ защиту другихъ. И когда ап. Петръ, защищая Его отъ воиновъ, одному изъ нихъ отрѣзалъ ухо, Онъ сказалъ, что „взявшій мечъ мечемъ погибнетъ“.

Уже изъ этого видно, какъ далеко Христось отъ проповѣдниковъ современнаго „освобожденія“.

Съ поразительною ясностью сбываются слова Христовы о томъ, что взявшіе мечъ погибнуть отъ меча. Всѣ поднявшіе руку на убійство пали. Имѣющій глаза пусть видитъ. Всѣ знаютъ о тяжелой участи Гапона, погибшаго какъ бы въ отмщеніе за то, что онъ послужилъ причиною смерти многихъ, увлеченныхъ имъ на ложный путь. Онъ стоялъ во главѣ „освободительнаго движенія“, но сами же „освободители“ отвернулись отъ него и погибъ онъ ужасно.

„Освободители“, желая оправдать себя, говорятъ, что Христось былъ социалистомъ. Кажется, нѣтъ большей хулы, большего невѣжества! Самъ „не имѣя гдѣ главы поклонить“, Христось не возмущался богатствомъ другихъ и никогда не говорилъ, что богатство и собственность вообще, какъ теперь говорятъ, есть зло. Богатство тогда зло, когда человѣкъ, обладающій имъ, не дѣлаетъ добра людямъ, не помогаетъ отъ избытка своего тѣмъ, кто такъ или иначе нуждается и вообще если человѣкъ богатый не слѣдуетъ любви христіанской. Ученики Христа не всѣ были изъ бѣдныхъ, но если они оставляли богатство, то для того, чтобы всецѣло служить Христу. Въ притчѣ о несчастномъ богачѣ и о богатомъ и Лазарѣ, Христось изобразилъ такихъ богачей, которые служили богатству, какъ кумиру, не знали любви Евангельской. Христось цѣнитъ только добровольное отреченіе отъ богатства; Онъ и вообще не заставляетъ никого дѣлать что либо противъ силы, не навязываетъ насильно Своего ученія никому.

Евангеліе повѣствуетъ намъ, что Закхей мытарь отдалъ не все свое имѣніе нищимъ, а лишь половину его, и Христось не заставилъ его отдать все имѣніе, но призвалъ на него благословеніе и за это доброе дѣло. Законъ Христось насилія не проповѣдуетъ, какъ то дѣлаютъ наши „освободители“. Проповѣдуютъ насиліе, принужденіе по отношенію къ другимъ, въ то же время, что самое главное, вопія противъ насилія по отношенію къ нимъ. Не ясно ли, какъ далеко духъ нашего времени отъ духа Христовыхъ завѣтовъ.

Могъ ли Христось, проповѣдникъ смиренія и любви, проповѣдывать насиліе, хотя бы и для общаго блага, какъ учить социализмъ?

II.

Духъ времени діаметрально противоположенъ духу Христову. Съ христіанствомъ проповѣдь социализма и коммунизма, современныхъ модныхъ ученій, несовмѣстима. „Христіанство, говорить справедливо проф. С. Булгаковъ, потому уже не можетъ раздѣлать... идеала гедонистическаго социализма, что онъ совсѣмъ для него не идеаль, а лишь одинъ изъ вариантовъ первоначальнаго искушенія—соблазнъ поклониться тому, кто камни превратитъ въ хлѣбы. Главное же, христіанству совсѣмъ не соотвѣтствуетъ вѣра въ достижимость безмятежнаго благополучія на землѣ такими внѣшними и, въ сущности, незамысловатыми средствами, какъ механическій социализмъ. Человѣчество никогда не успокоится и не устроится окончательно на землѣ, и каждая пора будетъ имѣть достаточно и своихъ заботъ, и своихъ страданій, а послѣднія времена, даже больше, чѣмъ первыя. Атеистическій социализмъ, ваятый со стороны своего человѣкобожескаго идеала, содержитъ въ себѣ начало безусловно антихристіанское, создаетъ плѣнъ для души,—обманчиво вводитъ въ искушеніе, лукаво предлагая поклониться за хлѣбы“¹⁾.

Справедливо сказано. Социализмъ, враждебный въ общемъ христіанству, несмотря на то, что его проповѣдники считаютъ социалистомъ Самаго Христа, не возродитъ человѣчества. Если въ сердца людей не могла проникнуть по ихъ грубости и очерствѣлости проповѣдь любви и покорности христіанской, то неужели обогородить ихъ эгоистическая проповѣдь социализма, ратующая за насиліе, якобы во имя блага другихъ, тамъ, гдѣ Евангеліе предписываетъ любовь! Благо ближняго не виждется на эгоизмъ и насиліи, ибо ничто, кромѣ любви, не облагораживаетъ душу, а съ обновленіемъ души только и можетъ обновиться жизнь человѣческая. Какъ же мы будемъ обновлять жизнь, не перевоспитаемъ души, не подготовимъ себя для лучшей обновленной жизни? Или мы думаемъ, что съ обновленіемъ жизни, которое сдѣлается по заранѣ намѣченной нами программѣ, независимо отъ насъ обновимся и мы сами безъ всякаго усилія съ нашей стороны? Едва ли!

Насъ увлекаетъ коммуна, при которой—все общее, не исключая и женъ, и при этомъ каждый сытъ, доволенъ. Личное благо здѣсь на первомъ планѣ, такъ какъ по идеѣ коммуны всякій обезпеченъ. Вещь не дурная для лѣнтяевъ, не желающихъ трудиться, но жаждущихъ жить беззаботно на счетъ бсгатства другихъ, отнятаго во имя коммунистическихъ благъ. Но будетъ ли полезна коммуна для всего человѣчества, объ этомъ не подумали адепты коммунизма. Свою утопію они хотять оправдать свидѣтельствомъ книги Дѣяній Апостольскихъ о томъ, что у первыхъ христіанъ было все общее. Но не надо упускать изъ виду того, что первая христіанская община имѣла „одно сердце и одну

¹⁾ „Неотложная задача“ проф. Булгакова стр. 354.

душу“, и составила не насильно, а добровольно и члены ея, будучи соединены узами любви, чужды были эгоизма. Этого не имѣть коммуна, которая не считается, прежде всего, съ доброй волею человѣческой и, какъ составленная насильно, не будетъ никогда имѣть „одной души“ и неизбежно распадется, что мы видѣли на многихъ примѣрахъ (напр. толстовскія общины) и у первыхъ христіанъ, когда единоклюбіе стало оскудѣвать, общины не стало. Первая община недолго существовала и въ первые дни своего бытія она имѣла уже недостойныхъ членовъ, какъ напр. Ананію и Сапфиру, утаившихъ часть своего имѣнія. И если такъ случилось на зарѣ Церкви Христовой, то кто поручится за то, что подобный фактъ, тогда единичный, теперь при коммунахъ не станетъ частымъ и обычнымъ явленіемъ?

Кромѣ того, первая христіанская община утверждалась на началахъ Евангельскихъ, коммуна же имѣетъ въ своей основѣ разнузданность человѣческую и животныя инстинкты. Насколько нравственна была первая христіанская община, настолько мерзка коммуна. Первые христіане, владѣя общимъ имуществомъ, не касались семьи. Семья была священною и недѣлимою. По завѣту Христа, семья оставалась неприкосновенною и какъ мужъ, въ истинномъ христіанскомъ бракѣ, не имѣлъ болѣе одной жены одновременно, такъ и жена не имѣла сразу многихъ мужей, но только одного.

Для коммуны же святости семьи не существуетъ. И семья также точно должна дѣлиться, какъ и прочее имущество, на равныхъ началахъ общаго владѣнія.

Христось, явивъ Собою образецъ цѣломудрія, заповѣдалъ его и всѣмъ послѣдователямъ Своимъ.

Припомнимъ завѣтъ Христовъ о цѣломудрії.

— „Вы слышали, что сказано древнимъ: не прелюбодѣйствуйте (Исх. XX, 14). А Я говорю вамъ, что всякій, кто смотритъ на женщину съ вождѣніемъ, уже прелюбодѣйствовалъ съ нею въ сердцѣ своемъ“ (Ев. Матѳея V, 27—28).

Христіанскими-ли послѣ этого будутъ общія семьи? Дозволительны ли христіанскимъ закономъ правила коммуны о семьяхъ? Духъ времени разлагающій, безнравственный, допустилъ такое разложеніе семьи и поруганіе заповѣди Христовой. Не говоримъ уже о томъ, что общеніе женъ органически противно общимъ законамъ, человѣческой психологіи и нравственности.

По требованію и этихъ законовъ супружества „каждый долженъ имѣть свою жену и каждая своего мужа“ (1 Кор. VII, 2). Бракъ долженъ быть не временный, какъ учитъ социализмъ, но на всю жизнь и нерасторжимый (кромѣ „словесе любодѣйна“). Бракъ, заключенный на время, любви не имѣетъ въ своей основѣ. Можно ли вѣрить той любви, которая заключается на время? „Бракъ у всѣхъ да будетъ честенъ и ложе непорочно, блудниковъ же и прелюбодѣевъ судитъ Богъ“—говоритъ Ап. Павелъ (Евр. XIII, 4). Христось осудилъ не только нечистую, незаконную связь, но и одинъ только нечистый взглядъ, брошенный мужчиною на женщину. Соціализмъ же своею проповѣдью „свободной любви“,

оскорбляя супружескую и семейную честь, поругаетъ таинство и чувство нравственнаго долга топчетъ въ грязь.

Такъ далекъ, недосягаемо далекъ, Христось и Его Св. Евангеліе отъ „духа времени“. Губительный „духъ“ этотъ, ругаясь надъ священными человѣческими чувствами, набрасываетъ темное облако на самыя свѣтоносныя истины.

Соціализмъ съ коммуною и „освободительнымъ“ движеніемъ— это—исчадія лукавыхъ дней, плоды духа времени, осужденнаго Христомъ. Одинъ благомыслящій писатель говоритъ: „нѣтъ болѣе сильнаго и страшнаго врага у соціализма, какъ религія и храмы, почему онъ и начинается прежде всего съ ихъ разрушенія, ибо для того, чтобы войти въ человѣка, онъ долженъ убить въ немъ вѣру въ святую истину“ ¹⁾. И это понятно: Свѣтъ и тьма общаго ничего не имѣютъ.

Пусть бушуетъ буря невѣрія, пусть соціализмъ грозитъ христіанству, истинно вѣрующіе братья наши не поддадутся лукавому духу времени!

Г. Н. Корсунъ.

Православному духовенству и православнымъ русскимъ людямъ.

Что такое „самодержавіе и неограниченность“ русскаго православнаго Царя по существу своему? (Богословско-юридическая справка).

Во всякомъ вопросѣ, а тѣмъ болѣе такой высокой важности и животрепещущемъ, какъ поставленный, и давно уже обсуждаемомъ на разные лады во всей нашей печати, къ сожалѣнію лишь безъ достаточной ясности и опредѣленности, въ переживаемое нами время не бесполезно, думается намъ, выслушать всякое лишнее мнѣніе, всякій лишній голосъ въ общемъ ихъ хорѣ, какъ попытку внести нѣчто новое въ уясненіе существа дѣла и болѣе глубоко и всесторонне обслѣдовать вопросъ.

Мы готовимъ болѣе обширную статью по вопросу о взаимныхъ отношеніяхъ православной Русской церкви и государства, создавшихся послѣ актовъ 17 октября 1905 г. и 5 октября 1906 г., и о томъ, каковы должны быть эти отношенія. Пока же мы представляемъ вкратцѣ самый главный выводъ, квинтъ-эссенцію нашей статьи: нашъ взглядъ и опредѣленіе самодержавной неограниченной власти Русскаго православнаго Царя съ

¹⁾ М. Елижній. «Къ обновленію», газ. „Россія“ 1906 г. № 233-й за 9 сентября.

внутренней ея стороны и сущности, въ связи съ терминами „самодержавный и неограниченный“, характеризующими все существо этой власти.

По нашему мнѣнію вопросъ этотъ до сихъ поръ не рѣшенъ: одна—двѣ попыткѣ его рѣшенія и объясненія терминовъ „самодержавіе и неограниченность“ мало удовлетворительны.

Въ минувшемъ году, когда съ изданіемъ манифеста 17 октября 1905 г. почти всё отъ мала до велика буквально „заголосили“, что у насъ введена конституція, что Монархъ призналъ самъ себя ограниченнымъ и проч. и проч., почтеннѣйшій профессоръ В. О. Ключевскій первый далъ въ печати научное объясненіе существа русской самодержавной власти и опредѣленіе терминовъ „самодержавіе и неограниченность“, перепечатанное затѣмъ едва ли не во всѣхъ газетахъ и многихъ журналахъ. Путемъ разныхъ историческихъ справокъ профессоръ Ключевскій пришелъ къ заключенію, что самодержавіе и неограниченность русскаго Государя всегда понимались у насъ только лишь въ смыслѣ неограниченности, независимости Его ни отъ какой другой внѣшней верховной власти, въ томъ смыслѣ, „что русскіе цари не состояли и не состоятъ въ ленныхъ или вассальныхъ отношеніяхъ“ къ другому какому-либо Государю, т. е. самодержавіе русскихъ Государей, говоритъ В. О. Ключевскій, по существу представляетъ собою тоже самое, что и власть всѣхъ независимыхъ западно-европейскихъ государей. И всѣ они въ этомъ смыслѣ могутъ быть названы также „самодержцами“. И этимъ, т. е. внѣшней стороною, по толкованію проф. Ключевскаго, исчерпывается все понятіе „самодержавія и неограниченности“. Внутренняя государственная власть русскаго царя, слѣдовательно, могла бы ограничиваться, какъ этому и положено, будто бы, начало манифестомъ 17 октября 1905 г. Мы рѣшительно не можемъ принять это мнѣніе В. О. Ключевскаго и признать правильнымъ и исчерпывающимъ его объясненіе „самодержавія и неограниченности“, потому что въ дѣйствительности опредѣленіемъ профессора Ключевскаго не исчерпывается все существо и понятіе „русскаго“ самодержавія и неограниченности. Мы признаемъ объясненіе проф. Ключевскаго рѣшающимъ только одну половину дѣла и половину при томъ менѣе важную, нежели другая, оставленная безъ вниманія г. К—скимъ, внутренняя сторона дѣла и существо „русскаго самодержавія и неограниченности“, и въ этой лишь половинѣ—внѣшней—принимаемъ объясненіе почтеннаго профессора. Сколько намъ помнится, это объясненіе не встрѣтило нигдѣ никакой критики и возраженій и принималось всюду, какъ безусловно авторитетное, тѣмъ болѣе, что дѣйствительно оно соотвѣтствовало настроенію большинства той по истинѣ критической и неопредѣленной минуты нашей политической жизни.

Съ тѣхъ поръ, если не ошибаемся, не было совсѣмъ сколько нибудь серьезныхъ попытокъ опредѣлить по существу „самодержавіе и неограниченность“ власти русскаго Царя и доказать неустрашимость этихъ терминовъ и съ изданіемъ манифеста 17

октября и затѣмъ законовъ о Думѣ. И только недавно, въ одномъ изъ №№ „Болокола“ (отъ 21 января) появилась статья г. Айвазова, касающаяся нашего вопроса. Г. Айвазовъ идетъ уже далѣе проф. Ключевскаго: путемъ разныхъ экскурсій въ область законодательства, юридической науки, съ историко-національной и церковной точекъ зрѣнія г. Айвазовъ *констатируетъ фактъ*, что самодержавная верховная власть Русскаго монарха въ государствѣ и съ изданіемъ Высочайшихъ актовъ 17 октября 1905 г., 20 февраля 1906 г. (о Думѣ) и 23 апрѣля 1906 г. (новыхъ основныхъ законовъ) осталась по существу своему тою же, какъ и прежде, т. е. неограниченною; пропускъ термина „неограниченный“ въ новыхъ основныхъ законахъ 23 апрѣля 1906 г. не означаетъ собою какое-либо ограниченіе верховной самодержавной власти, потому что понятіе самодержавія включаетъ въ себя и понятіе неограниченности; оба эти понятія равнозначущія, и послѣднее раньше прибавлялось къ первому лишь для большей ясности; теперь нѣтъ никакой нужды вновь вносить его въ основные законы.

Статья г. Айвазова имѣетъ цѣнность въ интересующемъ насъ вопросѣ, хотя и не во всемъ мы съ нимъ согласны; но г. Айвазовъ имено *только* констатируетъ фактъ, что такъ, де, было раньше, такъ остается и теперь. Но почему именно такъ было и такъ должно быть, ближайшаго опредѣленія самодержавной власти съ внутренней стороны, по содержанію мы въ статьѣ г. Айвазова не находимъ.

Ссылаясь на историко-національную и церковную точки зрѣнія, г. Айвазовъ говоритъ, что власть нашего Монарха поставлена въ зависимость только отъ Бога, и самъ Монархъ не можетъ поставить свою власть въ зависимость отъ чьей-либо другой воли, кромѣ Божіей; этою высшею волею Монархъ только и ограничивается и передъ Богомъ только и даетъ отчетъ въ своей власти. Это совершенно вѣрно. Но почему же русскій Монархъ, давая во власти отчетъ только Богу и ограничиваясь только волею Божіею, не можетъ въ то же время дѣлать съ кѣмъ-либо, ограничивать свою власть, не теряя своего самодержавія, почему такое ограниченіе несовмѣстимо съ отвѣтственностью предъ Богомъ Царя, почему, съ другой стороны, Государственная Дума, пока она дѣйствуетъ, не только не уничтожаетъ, но и нисколько не ограничиваетъ самодержавія царя, въ чемъ существенный, отличительный признакъ самодержавія съ внутренней его стороны и содержанія, кромѣ указаннаго проф. Ключевскимъ внѣшняго признака, на всѣ эти вопросы г. Айвазовъ отвѣта не даетъ ¹⁾.

Чтобы дать полное, ясное и вѣрное опредѣленіе „Русскаго самодержавія“ по существу, необходимо при рѣшеніи этого вопроса остановиться внимательно и отправляться отъ той простой,

¹⁾ Въ такомъ же неясномъ, недосказанномъ духѣ написана статья профессора-протоіерея А. Клитина въ журналѣ „Церковь и Народъ“: „Христіанство и самодержавіе“. (№ 7, 1907 г.).

повидимому, мысли, что и во вселенскихъ церковныхъ канонахъ (Карфаг. соб. прав. 104), и у насъ въ Богослужебномъ чинѣ цари называются *благочестивѣйшими самодержцами*. Наши монархи часто называются *православными* царями, потому что виѣсть съ русскимъ народомъ исповѣдуютъ православную вѣру и, что особенно важно, начала православія полагаютъ въ основу не только своей личной духовной жизни, но и государственной. Государственную жизнь, отношенія государства къ церкви они строятъ и ведутъ по принципамъ православія, и только по нимъ, а не по какимъ-либо другимъ. Православная же церковь, по существу своему истинная и непогрѣшимая, основываясь на точномъ смыслѣ слова Божія, ясно указываетъ истинныя духовныя основы государственной власти и жизни и истинныя отношенія государства къ Церкви и Церкви къ государству.

Принципы православія въ отношеніи къ государству, какъ учрежденію земному, и относительно взаимныхъ отношеній между Церковью и государствомъ въ главныхъ чертахъ суть слѣдующіе: 1) почитаніе Царя (1 Петр. 2, 17). 2) Покорность всякому законному человѣческому учрежденію или начальству для Господа: царю и поставленнымъ отъ него правителямъ (1 Петр. 2, 13, 14). 3) Божественное происхождение и установленіе законныхъ властей, причемъ противленіе имъ считается противленіемъ самому Богу. 4) Повиновеніе власти не за страхъ, а за совѣсть. 5) Уплата податей и вообще исполненіе всѣхъ государственныхъ обязанностей (Римл. гл. XIII). 6) Приношеніе Богу молитвъ за Царя и за всѣ подчиненныя ему власти (Тим. 2, 1—3). Наконецъ, взаимныя отношенія Церкви и Государства на всѣ времена установлены простыми, но великими, глубокомысленными словами Спасителя, вызвавшими удивленіе и молчаніе даже у жестоковѣрныхъ фарисеевъ и книжниковъ: *„воздадите Кесареву кесареви, а Божію Богови“*. Этими Божественными словами, обязательными не только для отдѣльныхъ лицъ—членовъ Церкви или государства, но и для самой церковной и государственной власти, устанавливается съ одной стороны полная раздѣльность сферъ церковной и государственной, а съ другой—ихъ взаимное признаніе и воздаяніе должнаго другъ другу, причемъ Церковь занимаетъ основное, первенствующее положеніе: церковная власть отдаетъ должное и повинуетъ государственной власти въ гражданскомъ отношеніи наравнѣ со всѣми подданными, государственная власть—Монархъ и государственныя учрежденія—дѣлаетъ тоже въ религіозномъ отношеніи, признавая ученіе православной церкви за истину и основу своей жизни.

Эти принципы государственности по ученію Православной Церкви и лежатъ въ основѣ нашей государственной жизни и взаимныхъ отношеній Государства и Церкви въ Россіи. Въ эти только принципы наше Государство и вѣруетъ, ихъ только и считаетъ истинными, полагаетъ въ основу своей жизни и проводить въ жизнь, и потому называется „государствомъ православнымъ“, „Русью православною, святою“, а Цари благочестивѣйши-

ми. Всѣ учрежденія, чрезъ которыя дѣйствуетъ нашъ Монархъ, въ основѣ своей жизни и дѣятельности имѣютъ и исповѣдуютъ именно эти принципы ¹⁾. Принципы православія, какъ и вообще религіи, могутъ (и прибавимъ должны) исповѣдывать не только монархъ и граждане, но и государственныя и общественныя учрежденія, поскольку, конечно, они къ послѣднимъ относятся.

Другія исповѣданія и секты въ Россіи, а равно и социально-философскія системы проповѣдуютъ иные принципы государственной жизни и взаимныхъ отношеній Церкви и Государства, но ихъ наше Государство и Монархъ не исповѣдуютъ и не проводятъ въ жизнь. Такъ, если бы мы захотѣли охарактеризовать взаимное отношеніе Церкви и Государства по ученію римско-католической церкви, то намъ пришлось бы перифразировать вышеприведенныя слова Спасителя такъ: „Божіе Богови, а Кесарево—папѣ“, потому что римско-католическая церковь „практически“ на самомъ дѣлѣ въ такомъ перифразѣ исповѣдуетъ отношеніе между ею — церковью и государствомъ. Если ей не всегда удавалось и удается осуществить этотъ принципъ въ жизни, то она все же не переставала и не перестаетъ стремиться къ нему, какъ своему идеалу. Но ни нашъ Монархъ, ни наши государственныя учрежденія такого принципа не исповѣдуютъ, не признаютъ, въ жизнь его не проводятъ и проводить не позволяютъ.

Равнымъ образомъ, нѣкоторыя секты совершенно не признаютъ отношеній между церковью и государствомъ, отрицаютъ богоустановленность власти и даже самую власть, повиновеніе ей, уплату податей, воинскую повинность, молитвы за властей т. е. все то, что исповѣдуетъ Православная церковь и наше государство, и такимъ образомъ, перифразируютъ вѣчныя слова Спасителя такъ: „Божіе Богови, а Кесареви—ничего“. У тѣхъ, кто хлопочетъ о такъ называемомъ отдѣленіи церкви отъ государства, т. д. о безрелигіозной государственности, изъ словъ Спасителя получается: „Кесарево кесареви“, но съ ограниченіемъ, „а Богу—ничего“. Наконецъ, у крайнихъ партій, исповѣдующихъ атеистическіе социально-коммунистическіе принципы и имѣющихъ идеаломъ демократическую республику, совершенно отрицаются приведенныя слова Спасителя: „Ни Богу, ни Кесарю ничего не должно воздавать“,—говорятъ они.

Наше государство эти принципы не только не признаетъ, но и отрицаетъ, и проведеніе ихъ въ жизнь считаетъ уголовнымъ преступленіемъ.

Такимъ образомъ совершенно ясно, что наше государство и Монархъ исповѣдуютъ и проводятъ въ государственную жизнь и во взаимныя отношенія государства и церкви только лишь тѣ принципы, которые провозглашаетъ Православная Церковь, и никакіе другіе. Дарованная же свобода совѣсти всѣмъ исповѣда-

¹⁾ Проводникомъ ихъ въ государственную жизнь теперь непосредственно является оберъ-прокуроръ св. Синода—представитель Государя и Церкви во всѣхъ высшихъ государственныхъ учрежденіяхъ; а затѣмъ, съ осуществленіемъ церковной реформы,—патріархъ и оберъ-прокуроръ-же.

ніямъ и сектамъ все равно на практикѣ никогда не можетъ получить полного своего осуществленія безъ того, чтобы не вылиться въ гражданское преступленіе, а если бы и получила, то государство наше, какъ православное, погигло, исчезло бы и даже распалось бы на части ¹⁾.

Напрасно думаютъ, что у насъ раньше, до актовъ 17-го октября и 5-го октября юридическими, принудительными мѣрами охранялась Церковь сама по себѣ, какъ Божественное, духовное учрежденіе; не церковь сама по себѣ охранялась этими мѣрами, а правовой, юридическій строй, или лучше сказать, порядокъ, основанный на принципахъ православія. Не навязывая никому православія, какъ религіи, отнюдь не обращая для того, напримеръ, поляковъ въ православіе ²⁾, государство наше безусловно вправѣ требовать отъ всѣхъ подданныхъ Россійской имперіи всѣхъ исповѣданій и національностей признанія и одинаково обязательнаго для всѣхъ ихъ подчиненія отправлениямъ и укладу государственной жизни и взаимныхъ отношеній церкви и государства, основанныхъ на принципахъ православія, исповѣдуемаго и признаннаго за истину царемъ и русскимъ народомъ вотъ уже около 1000 лѣтъ, — государство вправѣ этого требовать отъ всѣхъ и обязано неуклонно охранять такой порядокъ. Въ свою очередь и церковь наша стояла и стоитъ за данную, существующую форму правленія и государственнаго устройства не саму по себѣ, а потому, что эта форма исповѣдуетъ православіе, принимаетъ за духовныя основы своей жизни и взаимныхъ отношеній съ церковью принципы православія, и потому съ другой стороны, что самодержавіе въ частности, исповѣдуя православіе и будучи единою властію, заключая въ себѣ всю ея полноту безъ какого-либо ограниченія, только и способно проводить и всегда поддерживать въ государственной жизни единство, неизмѣняемость и нерушимость принциповъ православія.

Теперь, послѣ всего нами сказаннаго и имѣя въ виду разсужденія В. О. Ключевскаго и И. Е. Айвазова, мы легко можемъ сдѣлать выводъ, съ попыткой дать по возможности полное, ясное, исчерпывающее и въ тоже время краткое опредѣленіе верховной, самодержавной и неограниченной власти Русскаго православнаго Царя по ея существу. Согласно сказанному нами, „Самодержавіе Русскаго православнаго Царя должно пониматься не только какъ „вѣдшая“ независимость, неограниченность ни отъ какой другой верховной власти, но и какъ внутренняя неограниченность той православной идеи, тѣхъ принциповъ православнаго христіанства, носителемъ, воплостителемъ и проводникомъ которыхъ на практикѣ въ государственную жизнь является Русскій православный Царь, никакою другою религіозною или соціально-философскою системою и принципами“.

¹⁾ Объ этомъ подробнѣе см. въ нашей брошюрѣ: „Современные искатели полной свободы совѣсти предъ судомъ Церкви и государства“. Харьковъ. 1903 г.

²⁾ О чемъ говорить и что выводить, напримеръ, священникъ К. Агеевъ изъ нашей брошюры: „Гдѣ истинная интеллигенція“ въ своемъ отзывѣ на послѣднюю („Церковный Вѣстникъ“, № 7, 1905 г.).

Всякая такая попытка, отъ кого бы она не исходила -- отъ частныхъ лицъ или отъ учреждений, ввести другіе принципы въ государственную жизнь Россіи и въ ея отношенія къ Церкви будетъ каждый разъ пресѣкаема и устраняема Верховною Самодержавною неограниченною въ этомъ смыслѣ властію, которая дастъ ей энергичный отпоръ и всегда неуклонно будетъ проводить въ государственную жизнь исповѣдуемые ею принципы святого православія, единственно на вѣрность которымъ русскіе православные Самодержцы присягаютъ и клянутся и при вступленіи на престолъ и при св. помазаніи на царство. Само собою разумѣется, что поскольку отдѣльныя частныя положенія другихъ исповѣданій или соціально-философскихъ системъ не противорѣчатъ принципамъ православія, они найдутъ примѣненіе свое въ государственной общественной жизни Россіи. Но въ своихъ исходныхъ началахъ, основныхъ принципахъ, эти исповѣданія, секты и системы никогда не займутъ или не должны занять мѣста св. Православія. Кто бы ни захотѣлъ быть проводниками ихъ въ жизнь государства, отдѣльныя лица или учреждения государственныя и общественныя, имъ никогда тѣмъ не удастся ограничить Самодержавной власти Царя, единаго носителя и проводника въ государственную жизнь началъ православія, пока онъ таковымъ является, и подмѣнить эти начала другими ¹⁾; самодержавная власть всегда внесетъ здѣсь поправку.

Все современное революціонное движеніе наше и направлено къ ограниченію Самодержавія именно въ этомъ смыслѣ, къ созданію новыхъ „самостоятельныхъ“ государственныхъ учреждений, съ „учредительными“ функціями и другими основами, къ замѣнѣ въ нихъ принциповъ православія основами социализма, не имѣющаго ничего общаго не только съ православіемъ, но и съ христіанствомъ вообще. Понятно также отсюда непреодолимое желаніе революціонизма добиться отмены „основныхъ законовъ“, гдѣ самодержавіе ставитъ себя въ связь съ православіемъ. Нужно сказать, что законы эти опубликованы были въ то время, когда готово было поколебаться существо самодержавной власти, понимаемой въ указанномъ нами смыслѣ, и когда даже грозила опасность единству и нераздѣльности Россіи.

Своимъ опредѣленіемъ Самодержавія мы, думается, доказываемъ, что самодержавная власть была и есть, дѣйствительно, воистину неограниченная.

Своимъ опредѣленіемъ самодержавной власти мы даемъ, думается намъ, достаточный отвѣтъ и на извѣстное пресловутое обращеніе „Христіанскаго братства борьбы“ къ русскимъ іерархамъ по поводу неограниченности самодержавія Русскаго Царя.

Затѣмъ изъ нашей статьи можно сдѣлать еще слѣдующіе два

1) Раньше у насъ были на этотъ счетъ нѣкоторыя опасенія и сомнѣнія. Но теперь, съ опубликованіемъ „предположеній г. оберъ-прокурора св. синода“, внесенныхъ въ Совѣтъ министровъ, они разсѣялись и мы успокоились.

вывода по отношенію къ сужденіямъ г. Айвазова: 1) Терминъ „неограниченный“ не только не лишній въ опредѣленіи самодержавной власти, не только не представляетъ собою при терминѣ „самодержавный“ набора однозначныхъ словъ, какъ то утверждаетъ г. Айвазовъ, но онъ былъ бы прямо необходимъ и теперь въ основныхъ законахъ именно для ближайшаго объясненія понятія „самодержавіе“ и для устраненія всякихъ возможныхъ придирокъ къ словамъ и кривотолкованію. Ничего тутъ ни безцѣльнаго, ни преступнаго, вопреки заключенію г. Айвазова, нѣтъ. Напротивъ, можно лишь пожалѣть о пропускѣ въ новыхъ основныхъ законахъ термина „неограниченный“, который опредѣляетъ самодержавіе именно какъ „неограниченность“ носителя принциповъ православія въ государствѣ Русскаго Царя никакими другими принципами по нашему объясненію. 2) Въ дарованіи съ высоты престола русскимъ подданнымъ новыхъ учреждений съ выборнымъ характеромъ — Государственной Думы и Государственнаго Совѣта нѣтъ не только уничтоженія самодержавія, но даже и никакого, вопреки утверженію г. Айвазова, и самоограниченія Монарха, какъ этого самоограниченія не было и нѣтъ при старыхъ государственныхъ учрежденіяхъ: правительствующемъ Сенатѣ и Государственномъ Совѣтѣ, ибо Монархъ только дѣйствуетъ чрезъ всѣ эти учрежденія, проявляетъ свою самодержавную неограниченную власть. И сами эти учрежденія дѣйствуютъ по началамъ, даннымъ имъ Самодержцемъ, а не по самостоятельнымъ, и появивъ ихъ еще хоть десятки, самодержавная власть Русскаго царя православнаго въ изъясненномъ нами смыслѣ ни на югу не будетъ ограничена, пока существуютъ основные законы Россійской имперіи и пока эти учрежденія носятъ въ себѣ данныя имъ Монархомъ принципы государственности по ученію православія. Ограниченіе самодержавія Русскаго царя можетъ наступить лишь тогда, когда рядомъ съ самодержавнымъ Царемъ или за Нимъ станетъ учрежденіе, съ другими, чуждыми православію и самостоятельными принципами. Такимъ учрежденіемъ съ иными принципами и хотѣла именно быть первая наша Дума, во-время распушенная, которой самодержавною властію Царя не было дано превратиться въ „учредительное собраніе“. А до тѣхъ поръ сотни Думъ и Совѣтовъ не могутъ нисколько ограничить неограниченнаго самодержавія русскаго Царя. Этимъ вмѣстѣ съ тѣмъ указывается и предѣлъ, до котораго въ Россіи могутъ свободно плодиться и развиваться учрежденія съ выборнымъ отъ народа элементомъ—учрежденія безъ ограниченія самодержавія.

Мы сказали свое сильное слово по важнѣйшему вопросу нашего времени и дали опредѣленіе самодержавія по существу. Насколько удачна наша попытка, судить не намъ, но нами руководило искреннее желаніе сказать и отстоять нѣчто важное, священное, дорогое, жизненно-необходимое для Россіи и русскаго челоуѣка въ настоящій серьезный моментъ ихъ жизни ко благу ихъ, всѣмъ желанному и искомому.

Архимандритъ Сильвестръ, настоятель Херсонискаго св. Владиміра монастыря.

„новой области либеральных завоеваній“, очень расколодиль „мечтанія“ князя Мещерскаго о возрожденіи церкви. Князь писалъ (въ № 21-мъ): „На сцену реформъ выступила православная церковь. И газеты затараторили во всю, и какія газеты? — даже такія, которыхъ церковь интересуеть менѣ шведо-норвежскаго и мароккесскаго вопросовъ, и по тону, съ которымъ онѣ затараторили, нельзя было не догадываться, что вопросъ о церкви входитъ въ ту-же область, какъ соборъ, конституція: въ область либеральныхъ завоеваній и призванъ что-то у кого-то отобрать въ пользу общественной свободы. Признаюсь, грѣшный человекъ, этотъ газетный жаргонъ о церкви очень расколодиль мои мечтанія о возрожденіи нашей церкви“... „Соборъ нуженъ, продолжаетъ князь, но ранѣ собора нужнѣе гораздо болѣе, во имя Божіе и любви къ русскому народу, добросовѣстное изученіе въ самыхъ мельчайшихъ подробностяхъ быта всѣхъ и всего, что составляетъ церковь, дабы соборъ не могъ быть ареною преній между слѣпымъ и зрячимъ, между глухимъ и слышащимъ“.

Охранительная печать указывала именно на то, что реформы въ православной церкви усиленно домогаются тѣ интеллигенты, „которые, не могутъ даже отличить православія отъ евангелизма“ и за восстановление каноническаго строя ратуютъ тѣ, которые каноновъ церкви не только не знаютъ, но и знать не хотятъ (См. ст. Н. Гринякина: „Благовѣсть или набать“ въ апр. кн. „Мисс. Обзор.“). Профес. Спб. дух. академіи Н. Никольскій въ „Нов. Времени“ (№ 10.439, отъ 28 марта) въ ст.: „Почему 32?“ жестоко критикуя вообще всю „записку 32-хъ“, между прочимъ, выразилъ свое смущеніе и тѣмъ обстоятельствомъ, „что вопросъ о реформѣ русскаго церковнаго управленія выплылъ неожиданно въ періодъ общей смуты и вѣшнихъ затрудненій... Мы, говоритъ профессоръ, полагаемъ, что для церкви, которую врата адавы не одолѣютъ, нѣтъ надобности пользоваться затрудненіями государства для полученія своего самоуправленія. Если бы вопросъ обсуждался въ болѣе спокойное время, тогда для всѣхъ было бы яснѣе, что поднятое дѣло о реформѣ есть дѣйствительно вопросъ о пользѣ церковной, а не тенденціи кружка лицъ, хотя бы и изъ бѣлага духовенства“. По мнѣнію проф. Никольскаго, „и весь тотъ строй церковнаго самоуправленія, который начертанъ въ „запискѣ 32-хъ“, въ русской жизни никогда не примѣнялся“. — Смущены были неожиданностію возникновенія вопроса о коренномъ преобразованіи строя помѣстной русской церкви и другія изъ православнаго интеллигентнаго общества лица. „Нежданно, негаданно, — писалъ напр. А. Кирѣевъ въ „Нов. Вр.“ (отъ 5 апр. № 10447), — очутились мы предъ новымъ грознымъ „вопросомъ“! Какъ громъ изъ безоблачнаго неба пронеслась надъ Россією вѣсть о коренномъ преобразованіи

всего строя нашей церкви“... Церковная реформа, которую онъ признаетъ „необходимою“, требуетъ усугубленной осторожности: „она затрагиваетъ такія сложныя отрасли духовной жизни нашего народа, которыя требуютъ вниманія... Избави насъ, Богъ, отъ какихъ-либо скороспѣлыхъ рѣшеній! Церковь, вѣдь, та область, въ которой вопросы религиозные сталкиваются съ житейскими; они должны быть разрѣшаемы въ полномъ согласіи“.

Г-нъ Кирѣевъ свою боязнь скороспѣлаго рѣшенія вопроса о церковной реформѣ выразилъ въ „Нов. Вр.“ (въ № отъ 5 апрѣля), слѣдовательно уже послѣ того, какъ стало извѣстно Высочайшее повелѣніе Св. Синоду о созывѣ помѣстнаго собора всероссійской церкви тогда лишь, когда наступитъ для того „благопріятное время“. Опасеніе и боязнь немедленнаго разрѣшенія вопроса о реформѣ, на чемъ такъ настаивали и чего такъ добивались либеральствующіе, консерваторы выражали и послѣ Высочайшей резолюціи. Успокоеніе на этотъ счетъ наступило не скоро.—Въ дѣлахъ церковныхъ всякая быстрота и спѣхъ только вредятъ дѣлу, заявилъ и „Свѣтъ“ (въ № отъ 4 апрѣля).

Вопросъ, какъ высказалъ В. Скворцовъ (въ своихъ *Скрижаляхъ* въ апрѣл. кн. „Мисс. Обзор.“), „слишкомъ сложный и деликатный, касающійся самыхъ нѣжныхъ струнъ сердца каждаго сына церкви и народной вѣры. Здѣсь нужно блюсти въ сужденіяхъ и дѣйствіяхъ благоговѣйство и крайнюю осмотрительность. Исторія церковныхъ расколовъ и схизмъ даетъ на это слишкомъ поучительныя предостереженія“.

Я. Кирѣевскій въ „Нов. Вр.“ (№ 10.451-й отъ 9 апрѣля) писалъ: „Изъ всѣхъ нашихъ реформъ, намѣченныхъ историческимъ развитіемъ страны и обстоятельствами времени, реформа церковная всего глубже и непосредственно затрагиваетъ жизнь народныхъ массъ, тѣхъ десятковъ милліоновъ православнаго населенія Россіи, которыхъ высшіе, самые жизненные интересы нераздѣльно связаны съ церковью. Поэтому столь великое и важное дѣло необходимо хорошенько обдумать и дѣлать его, не горячася“.

Всей душой за необходимость церковной реформы стоитъ проф. моск. дух. академіи В. Мышцынъ; его статьи въ „Бог. Вѣстникъ“, по справедливости, можно назвать особенно либеральными въ духовной журналистикѣ, но и онъ говоритъ: „ни въ какомъ случаѣ не слѣдуетъ спѣшить съ созывомъ церковнаго собора... Необходима предварительная, детальная разработка предполагаемыхъ реформъ, какъ среди самаго духовенства, такъ и среди ученыхъ корпорацій“ (Апрѣл. кн. „Б. Вѣстника“ въ статьѣ: „По поводу записки о необходимости переменъ въ русскомъ церковномъ управленіи“). Въ „Вечернемъ Голосѣ“ (отъ 17 апр. 1906 г.) А. Аристовъ передаетъ мысль, высказанную

ему проф. В. О. Ключевскимъ. По мнѣнію этого выдающагося ученаго, „созывъ собора теперь не является своевременнымъ“, такъ какъ нынѣ надъ духовною жизнью возобладала политическая. Нынѣ не въ однихъ только „мірянахъ“ „гражданинъ“ и „политикъ“ вытѣснили христіанина.

Значительную часть консерваторовъ возстановило, если не противъ реформы, то противъ инициаторовъ ея то именно обстоятельство, что либеральная печать это дѣло прिवѣтствовала, какъ отголосокъ общаго политическаго движенія. Со стороны „Моск. Вѣдомостей“, „Гражданина“, „Заря“, „Дня“ и др. раздались по адресу митр. Антонія, С. Ю. Витте, 32-хъ петербургскихъ священниковъ очень нелестныя и рѣзкія рѣчи. Л. Тихомировъ, стоящій безусловно за патріаршество и за соборы, въ письмѣ къ еп. Балахнинскому Исидору, хотя и частномъ, но опубликованномъ преосвященнымъ, рѣшительно высказалъ: „пусть (церковную реформу) устройтъ не Витте, не митр. Антоній со штабомъ, а соборъ... Политикановъ мы желаемъ отстранить отъ святого мѣста“ (см. „Русск. Вѣд.“ № 92-й, отъ 5 апрѣля) ¹⁾. Присоединяясь къ голосамъ противъ петербургскихъ инициаторовъ церковной реформы, „Русскій Листокъ“ (въ № отъ 3 апрѣля) высказалъ, между прочимъ, что „вышіе представители Петербургскаго духовенства поставили себѣ парусъ и двинулись впередъ съ попутными административными вліяніями, что С. Ю. Витте послѣ благоустроенія министерства путей сообщенія и русскихъ финансовъ занялся благоустроеніемъ нашихъ душъ“.

Въ видахъ охлажденія сочувствія къ скороспѣлымъ, непродуманнымъ проектамъ церковной реформы, охранительная печать старалась выяснить, *почему* наши „либеральныя, радикальныя и агитаторскія газеты рукоплещутъ реформѣ высшаго церковнаго управленія“. „Заря“ (въ № отъ 31 марта) утверждаетъ, что съ осуществленіемъ предположенной реформы газеты эти надѣются имѣть больше вліянія на церковь, и вліянія, конечно, въ желаемомъ ими направленіи. „Неужели, спрашиваетъ газета, нашимъ либераламъ, а также разнымъ радикаламъ, агитаторамъ и набатчикамъ въ самомъ дѣлѣ желательно дѣйствительное благо церкви, усиленіе вліянія ея на общество и народъ? Слишкомъ уже наивно было бы повѣрить этому... Цѣль церкви, ея призваніе, можно сказать, діаметрально противоположны стремленіямъ и задачамъ“, ставимымъ этими либералами и радикалами. Поэтому, въ душѣ „они безконечно были бы рады, если

1) Л. Тихомировъ въ вышеупомянутомъ письмѣ рѣзко указываетъ другую причину: «политиканы только оттого и примазались къ дѣлу церковной реформы, что оно неизбежно».

бы церковь совѣмъ перестала жить и голосъ ея умолкъ навсегда“¹⁾.— Близкое къ этому объясненіе даетъ преподаватель Рижской духовной семинаріи В. Щукинъ, въ „Рижскомъ Вѣстникѣ“ (№ 77-й отъ 9 апрѣля). „О потерѣ церковью своей власти и подчиненіи ея свѣтской власти болѣе всего печалуются тѣ, кому не по вкусу у насъ союзъ государственной власти съ властію церковною. Несомнѣнно, что этотъ союзъ даетъ въ результатѣ колоссальную власть, небывалую во всемъ мірѣ. Болѣе всего тяготу этой власти чувствуетъ на себѣ, конечно, не кто иной, какъ наше высшее сословіе, наша свободолюбивая интеллигенція. Прекрасно понимая, что главная опора русской государственной власти въ союзѣ и поддержкѣ церковной власти, русская интеллигенція всегда стремилась и стремится расшатать и разорвать этотъ союзъ. Отсюда уже само собою понятно, что упрекая церковь въ уступчивости государственной власти и ратуя за освобожденіе ея отъ этой послѣдней, большая часть интеллигенціи прикровенно ратуетъ собственно за ослабленіе государственной власти и за собственное самовластительство. Сама же русская церковь никогда не боялась и ничего не имѣла противъ подчиненія государственной власти въ дѣлахъ, не касающихся чистоты вѣры и совершенства нравственной жизни. Она первая всегда, вездѣ и во всемъ охотно и любовно сама воздастъ и пригласитъ другихъ „воздавать кесарево кесарю“.

Тѣ же и подобныя приведеннымъ сейчасъ изъ „Зари“ и „Рижск. Вѣстника“ мысли высказывала охранительная печать гораздо позже. Такъ, „X.-Варш. Вѣстникъ“ въ № 20-мъ отъ 15 мая напечаталъ статью (нѣкоего А.), въ которой авторъ, между прочимъ, предлагаетъ посмотреть: „кто болѣе всего интересовался проектируемымъ преобразованиемъ въ церкви русской? Тѣ, кто давно уже все порвалъ съ церковью и вѣрою; кто болѣе всего разжигалъ агитацію среди учащейся молодежи противъ обязательнаго посѣщенія церкви, противъ всякой принудительности въ дѣлѣ религіознаго воспитанія, а въ сущности кто клонить все дѣло къ совершенному изгнанію закона Божія и религіознаго обученія и воспитанія изъ школы... Всѣ эти прямо еврейскія, жидовствующія и либеральствующія въ духѣ атеизма, испроверженія существующаго строя газеты и газетки, сегодня возникающія, завтра закрывающіяся и опять возрождающіяся подъ новою кличкою, имъ же нѣсть числа. Одно это горячее сочувствіе со сто-

¹⁾ Эта мысль „Зари“ вытекаетъ, напр., и изъ слѣдующихъ словъ архіеп. Волынскаго Антонія: „пресловутое освободительное движеніе (а извѣстно, кто его вдохновители и дѣятели) ненавидитъ церковь больше всего на свѣтѣ“ („Колоколъ“, № 100-й).

роны извѣстныхъ невѣровъ къ реформѣ церковной, продолжаетъ газета, заставляло чуждаться и сторониться или, по крайней мѣрѣ, недоумѣвать многихъ истинныхъ ревнителей блага и мира церковнаго... А тутъ и среди самого духовенства выдвинулись такіе защитники предпринятаго переворота, которые еще болѣе увеличили смущеніе, какъ извѣстные всѣмъ своими крайне сомнительными качествами и поведеніемъ, что всѣ они воочію доказали обращеніемъ за поддержаніемъ своихъ мыслей и дѣятельности къ органамъ печати, занимающимся специально подрывомъ корней нашего государственнаго и церковнаго дуба.—„Церковь прикована къ рукѣ центуріона!“ „Освободить ее!“ восклицаютъ защитники переворота въ 24 часа. Но согласитесь же, что кто свободенъ въ духѣ такъ, какъ Павелъ, или какъ первенствующіе христіане, гонимые и мучимые, тотъ если бы и былъ прикованъ дѣйствительно къ рукѣ центуріона, и тогда ничего не потерпѣлъ бы для своей свободы. Иное дѣло,—кто самъ добровольно, по извѣстнымъ ему соображеніямъ, прикуетъ себя. Таковой, если бы и не было центуріона, самъ изобрѣтетъ его и все-таки прикуетъ себя къ его рукѣ. Отнюдь не защищая *statum quo* нашего церковнаго управленія, мы, говоритъ авторъ цитуемой статьи, не вѣримъ и не хотимъ вѣрить, что бы гдѣ-либо и когда-либо существующій строй *церковнаго* управленія могъ полагать препятствіе истинно пастырской вытекающей изъ духа Христова дѣятельности и проявленію духа жизни во всѣхъ тѣхъ (безъ исключенія) видахъ, которые восторгаютъ и умиляютъ сердца наши въ древнихъ христіанскихъ вселенскихъ и російскихъ пастыряхъ и учителяхъ церковныхъ“.

Теперь весьма легко выяснитъ и формулировать основные принципы либераловъ и консерваторовъ, съ какими тѣ и другіе подходятъ къ дѣлу церковному.

Реформа церкви нужна постольку, поскольку она можетъ содѣйствовать общему политическому перевороту—таковъ принципъ либераловъ.

Реформа церкви необходима сама по себѣ, но она опасна, потому что можетъ оказаться силою, содѣйствующею нежелательному и опасному политическому перевороту,—таковъ принципъ консерваторовъ.

II.

Къ вопросу о церковной реформѣ.

Общій мотивъ церковной реформы, выставяемый періодической печатью.—Настойчивость указаній на „параличъ Русской церкви со временъ Петра Великаго.“—Цѣнность этого мотива съ точки зрѣнія догматической, исторической и современной дѣйствительности.—Что говоритъ статистика о состояніи церкви за послѣднія 25 лѣтъ.—Культура и церковь.—Перспектива существованія Русской церкви при новомъ политическомъ строѣ государства.

И свѣтская и духовная, и прогрессивная и консервативная печать въ тѣхъ случаяхъ, когда высказывается за необходимость кореннаго преобразованія въ строѣ церковной жизни, специально говорить, а иногда только мимоходомъ указываетъ на современное состояніе церкви, при чемъ представляетъ это состояніе въ болѣе или менѣе мрачныхъ краскахъ.

Рѣчи о печальномъ состояніи отечественной нашей церкви, о полномъ упадкѣ ея жизни и дѣятельности начались въ нашей печати тотчасъ же по возникновеніи вопроса о церковной реформѣ (въ половинѣ марта 1905 года). Конечно, рѣчи о такомъ состояніи церкви слышались и раньше, но онѣ были рѣдки и не такъ громки и настойчивы, а главное—раздавались не въ такой обширной и разнообразной по своему составу аудиторіи, какую имѣетъ нынѣшняя періодическая печать и въ особенности повседневная (газеты). Со времени же возникновенія вопроса о церковной реформѣ печать со всего рѣшительностію, на всѣ лады и съ необычайною настойчивостію принялись высказывать и доказывать, что жизнь нашей церкви является „пришибленною, придавленною“ (Такъ, напр., высказался о состояніи церкви Я. Кирѣевскій въ „Нов. Вр.“, отъ 9 апр. 1905 г., № 10. 451). Отъ свѣтской печати въ этомъ отношеніи не отставала печать духовная. Напр. въ журналѣ „Церк. Вѣстникъ“ (№ 17-го отъ 28 апр. 1905 г.), въ статьѣ извѣстнаго писателя преимущественно по церковнымъ и догматическимъ вопросамъ Н. Аксакова, церковь наша представляется „ослабленною въ своемъ воздѣйствіи на низшіе консервативные слои народа и оторванною отъ высшихъ, культурныхъ слоевъ, поработленною, прикованною, по выраженію поэта-богослова, „къ подножію суетной земной власти“, которая, поэтому, „не только не возжигала вѣру въ сердцахъ человѣческихъ, но и содѣйствовала ея охлажденію, если даже и не угасала ее“.

Развитіе или краткое повтореніе приведенныхъ мыслей о состояніи церкви встрѣчается во множествѣ газетныхъ и журнальныхъ статей

и, повторимъ, какъ прогрессивный, такъ и консервативной печати. Выраженіе Достоевскаго, что „церковь Русская со времени Петра Великаго въ параличѣ“ и въ той и въ другой печати повторяется много разъ и притомъ какъ аксіома, какъ непреложная истина. Фразѣ этой толки о церковной реформѣ создали популярность, можно сказать, необычайную. Но мы, однако, рѣшаемся утверждать, что фраза эта, совершенно неприемлемая съ догматической точки зрѣнія, не можетъ быть оправдана ни съ точки зрѣнія исторической, ни съ точки зрѣнія современной дѣйствительности.

Мысль о томъ, что церковь съ ея дивными благодатными силами можетъ власть въ какое-то параличное состояніе, т. е. перестать „возжигать вѣру въ сердцахъ человѣческихъ“, перестать дѣлать изъ чадъ своихъ совершенныхъ христіанъ, готовить человѣскія души къ достойному наслѣдію Царствія Божія,—ибо какъ же все это могла бы она это дѣлать, пораженная параличемъ? эта мысль находится въ непримиримомъ противорѣчьи съ обѣтованіемъ Основателя церкви о неодолимости ея даже „вратами ада“.

Не выдерживаетъ критики фраза Достоевскаго о параличѣ Русской церкви и съ точки зрѣнія исторической. Въ солидной статьѣ проф. Москов. дух. академіи Н. Каптерева („Богосл. Вѣстникъ“ апр. 1905 г.) проводится та мысль, что въ положеніи Русской Церкви со времени Петра Великаго, собственно говоря, ничего особеннаго не произошло, такъ какъ и до Петра Великаго церковь наша находилась въ полномъ подчиненіи свѣтской власти, свѣтскимъ лицамъ¹⁾. Это мнѣніе, замѣтимъ здѣсь, далеко не единичное и его держатся не одни ученые, но и писатели—публицисты. Для примѣра укажемъ еще на проф. Моск. университета г. Суворова. И этотъ профессоръ находитъ, что „при русскихъ патріархахъ церковію управляли бояре и боярскія дѣти“ („Колоколъ“, № 80-й). По мнѣнію писателя-публициста М. Меньшикова, Петръ Великій потому и уничтожилъ патріаршество, что учрежденіе это, какъ и вся воспитанная въ историческомъ рабствѣ Россія, пугала великаго преобразователя своимъ „внутреннимъ параличемъ“. „Онъ уничтожилъ патріаршество, говоритъ г. Меньшиковъ, вовсе не потому, что боялся оппозиціи, а можетъ быть потому, что не встрѣтилъ ея. Рискавъ быть четвертованнымъ, Яковъ Долгорукій какъ-то разорвалъ несправедливый указъ царскій и привелъ этимъ грознаго царя въ восхищеніе. Такую оппозицію Петръ любилъ, въ такой нуждался, какъ въ смѣлой, честной критикѣ, въ бодромъ

1) Содержаніе этой статьи Каптерева, какъ особенно выдающейся, подробно передано было въ ж. „Мисс. Обзор.“ за май и въ ж. „Странникъ“ за іюнь 1905 года.

контроль, регулирующемъ всю страну“ (Нов. Вр., № 10, 459, отъ 7 апр. 1905 г.).

Далеко не одиноко преподаватель Рижской дух. сем. В. Щукинъ съ слѣдующимъ его мнѣніемъ, изложеннымъ въ статьѣ: „Мнимыя грѣхи православной Русской церкви“ (см. Рижскій Вѣстникъ“, № 77-й отъ 9 апр. 1905 г.): „Въ отвращеніи и отпаденіи отъ нашей церкви русской интеллигенціи виновата отнюдь не церковь, а растлѣвающее вліяніе западнаго атеизма, раціонализма, индифферентизма и т. п. Это вліяніе обильно хлынуло въ Россію съ прорубленіемъ знаменитаго „окна въ Европу“... Интеллигенція наша, исподоволь калѣчившаяся умственно и нравственно раціонализмомъ, позитивизмомъ, пессимизмомъ, марксизмомъ, нищенствомъ, демонизмомъ и т. д., хочеть сразу излѣчиться отъ своихъ болѣзней благотѣльнымъ вліяніемъ церкви, заранѣе предопредѣляя это вліяніе. Она упрекаетъ православную церковь за то, что та не идетъ спасать ее своимъ православіемъ, но такимъ православіемъ, которое было бы вполне удобопріемлемо скептическимъ умомъ и избалованнымъ воображеніемъ интеллигенціи“.

„Интеллигенціи нашей, продолжаетъ г. Щукинъ, нужно такое православіе, предъ которымъ поблѣднѣли бы и марксизмъ, и нищенство, и, словомъ, все модное и пикантное въ области мысли и искусства. Православіе безъ идеи личнаго Бога, вѣчной жизни и личнаго усовершенствованія, безъ аскетизма, монашества, поповства и т. п.—вотъ отрицательные контуры желательнаго для нашей интеллигенціи православія. Но пусть фабрикують для интеллигенціи такое православіе г. Розановъ и компанія. Не можетъ истинное православіе спасать другихъ собственной гибелью, отреченіемъ отъ коренныхъ своихъ основъ и самого себя. Не оно, говоритъ Щукинъ, погубило душу интеллигенціи, не ему и спасти ее, пока интеллигенція не откажется отъ своей гордой и безумной притязательности... Если въ жизни православной русской церкви и прежде и теперь замѣчались и замѣчаются темныя и отрицательныя стороны, то въ этомъ вина не всей вообще церкви, а отдѣльныхъ недостойныхъ элементовъ ея. Нужно отъ самой церкви строго отличать эти недостойные элементы, которые „исходятъ отъ нея, но не суть ея“. Эти элементы могутъ принадлежать и къ паствѣ, и къ пастырству. Творя зло, они дѣйствуютъ не силою церкви и не во имя ея полномочій, поэтому и вина ихъ—не вина всей церкви“.

Итакъ, и съ приведенной точки зрѣнія существующіе въ русской церковной жизни недостатки и темныя стороны совсѣмъ не говорятъ о параличѣ, въ которомъ, якобы, лежитъ наша церковь со временъ Петра Великаго.

Красивая литературная фраза Достоевскаго о параличѣ р. церкви, неприемлемая съ догматической стороны, не имѣющая историческаго смысла, не оправдывается и современнымъ состояніемъ церкви, если разсматривать это состояніе безъ предубѣжденія, судить о немъ объективно. На этой точкѣ стоимъ мы и, нужно добавить, почти одинокими.

Мы утверждаемъ, что состояніе русской церкви, поскольку оно выражается вовнѣ, и въ послѣднее время совсѣмъ не параличное, а живое и дѣйственное. По сравненію же съ состояніемъ ея за 60-ые, точнѣе вторую половину 60-хъ и 70-ые годы прошлаго вѣка, его, не обинуясь, можно назвать цвѣтущимъ. Если, однако, многое можно представить въ возраженіе на это положеніе и въ возраженіе неопровержимое, то это, если не можетъ быть вполне объяснено съ точки зрѣнія, на которой стоитъ, напр., г. Шукинъ, будетъ доказывать лишь то, что на обильную вчера ниву Христову нынѣ по мѣстамъ неожиданно выпалъ губительный градъ. Но согласитесь, было бы совершенно несправедливо въ гибели жатвы отъ неожиданнаго градобитія винить почву, сѣмена, „дѣлателей“, порицать сложное и трудное дѣло тѣхъ, которые къ нынѣшнему дню уже подготовили было богатую жатву. Экстренное бѣдственное явленіе никакъ нельзя принимать за обычное положеніе вещей. Мы знаемъ также, что заболѣваютъ организмы крѣпкіе, цвѣтущіе и притомъ такъ неожиданно, что вчера и предполагать было нельзя, чтобы такой организмъ нынѣ оказался въ болѣзненномъ состояніи.

Итакъ, мы утверждаемъ, что состояніе нашей отечественной церкви до послѣдняго времени было никакъ не параличное, а по сравненію съ 60-ми и 70-ми годами прошлаго вѣка даже цвѣтущее. Не будемъ въ доказательство этого нашего положенія указывать, напр., на такія явленія, что не вчера, а даже нынѣ однѣ келіи Феодосія Печерскаго, Сергія Радонежскаго, Серафима Саровскаго и др. подвижниковъ вѣры и благочестія, возсіявшихъ на тверди православной русской церкви, неослабно продолжаютъ вызывать народный благоговѣйный энтузіазмъ, что предъ раками угодниковъ Божіихъ еще не меркнутъ лампы, что по прежнему еще раздается „шумъ доброгласныхъ колоколовъ“ (выраженіе преп. Максима Грека), которому, по мнѣнію одного нѣмецкаго пастора (Кассель), Россія даже и величіемъ своимъ обязана больше, чѣмъ мечу (см. „Странникъ“ 1901 г., м. Май, стр. 885), не будемъ, повторяемъ, указывать на эти и подобные факты и явленія, такъ какъ тогда мы обратились бы къ способу доказательствъ, такъ называемому нумераціонному, не имѣющему достаточной силы убѣдительности. Его обыкновенно ослабляютъ указаніемъ на рядъ фактовъ и явленій, доказывающихъ противоположное. Свое положеніе мы утверждаемъ на дан-

ныхъ, противъ которыхъ спорить невозможно. Такія данныя намъ представляетъ статистика¹⁾). Цифры, статистическія данныя признаются серьезными учеными людьми настолько краснорѣчивыми и убѣдательными, что въ этомъ отношеніи онѣ превосходятъ самыя подробныя описанія тѣхъ или другихъ явленій. И нельзя не пожалѣть, что судьи современнаго состоянія церкви забываютъ про эти данныя, не хотятъ послушать, что сказалъ бы имъ объ этомъ состояніи краснорѣчивый языкъ цифръ.

Конечно, намъ могутъ прежде всего сдѣлать такое возраженіе: у насъ-де не имѣется точныхъ статистическихъ данныхъ, чтобы оперировать надъ ними для выясненія современнаго состоянія церкви. И надо сознаться, что такое возраженіе было бы вполне справедливо. Точныхъ, идеально совершенныхъ статистическихъ данныхъ для этой цѣли у насъ, дѣйствительно, нѣтъ. Но объ этомъ, если и надо пожалѣть, то не особенно много. За отсутствіемъ точныхъ данныхъ есть приблизительныя и настолько соотвѣтствующія дѣйствительности, что ими при надобности пользуются всѣ ученые.

Извѣстный статистикъ Моро-де Жоннесъ большую цѣну придаетъ и лишь приблизительнымъ числамъ. Для общихъ выводовъ и заключеній такія числа вполне достаточны.

Противъ статистики вообще иногда слышится и такое возраженіе. Статистика-де такой предметъ, что при помощи ея можно доказать, что угодно,—что на цифрахъ, точно на клавишахъ, можно разыграть всевозможныя мелодіи. Но все это если дѣйствительно и можно продѣлать, то лишь при злоупотребленіи статистикою, а намъ и надобности нѣтъ никакой злоупотреблять ею.

Наконецъ, могутъ выразить сомнѣніе: умѣемъ-ли лично мы читать цифры? Обстоятельства иногда вынуждаютъ на похвалу себя самаго. Въ такомъ поистинѣ щекотливомъ положеніи и мы находимся сейчасъ, высказывая слѣдующее. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ мы издали книгу подъ заглавіемъ: „*Отечественная церковь по статистическимъ даннымъ съ 1840—41 по 1890—91 года*“. Судя по лестнымъ отзывамъ, которыхъ удостоилась книга со стороны солидныхъ журналовъ и въ частности отъ лица проф. А. Гусева, умѣнье читать цифры за нами признано.

Въ нѣсколькихъ №№-хъ „Церк. Вѣдомостей“ (за 1905-й и 1906-й годы) напечатана изготовленная нами статистическая справка специально для соображеній по вопросу о церковной реформѣ.

¹⁾ Такія данныя имѣются въ ежегодныхъ всеподданнѣйшихъ оберъ-прокурорскихъ отчетахъ по вѣдомству православнаго исповѣданія (отчеты эти стали печататься съ 1836 года).

Заглавіе справки: „*Что говорятъ цифры о состояніи церкви въ царствованіе Императоровъ: Николая I, Александра II, Александра III и въ настоящее царствованіе по 1903-й годъ*“¹⁾. Изъ этой справки мы и возьмемъ нѣсколько наиболѣе краснорѣчивыхъ цифръ.

Итакъ, что же говорятъ цифры въ вычисленіяхъ и абсолютныхъ и относительныхъ о состояніи нашей церкви за послѣднее время, точнѣе—за послѣдніа два царствованія? А именно то, что внѣшнее состояніе церкви (а оно, вѣдь, есть выраженіе внутренняго ея состоянія) за это время, по сравненію съ состояніемъ ея за время царствованія Императора Александра II, должно быть названо очень отраднымъ. Ризы церкви, какъ можно назвать внѣшнее ея состояніе, стали несравненно богаче и пышнѣе, чѣмъ были прежде. Поэтому продолжать повторять фразу Ө. М. Достоевскаго о „параличъ церкви“ можно только, закрывая глаза на дѣйствительность или взирая на призракъ.

Не имѣя никакой возможности приводить здѣсь много статистическихъ данныхъ въ подтвержденіе нашихъ словъ, ограничимся лишь указаніемъ на тѣ, которыя выражаютъ степень благочестиваго усердія чадъ православной русской церкви къ храмамъ Божиимъ, къ нуждамъ церкви, доказываютъ ихъ христіанское настроеніе. Свое усердіе къ церкви Божіей, свое христіанское настроеніе православный русскій народъ выражаетъ, между прочимъ, въ приношеніяхъ на церкви, на разныя церковныя благотворительныя и религіозно-просвѣтительныя учрежденія. Изъ этихъ приношеній составляются, такъ называемыя, *мѣстныя епархіальныя средства*.

За отсутствіемъ данныхъ для подсчета и сравненія этихъ средствъ въ первый и послѣдній годъ царствованія Императора Николая Павловича (статистическія свѣдѣнія, какъ уже примѣчено было, начали публиковаться съ 1836 года, а не съ 1825-го), мы въ своей статистической справкѣ вычислили, насколько средства эти увеличивались за послѣдующія царствованія и узнали, что за 26 лѣтъ царствованія Александра II они увеличились на 11.087,493 руб., за 13 лѣтъ царствованія Александра III на 10.150, 685 руб. и за 8 лѣтъ настоящаго царствованія на 14. 687, 369 руб.—въ среднемъ выводѣ за годъ увеличеніе мѣстныхъ епархіальныхъ средствъ при Александрѣ II равнялось 426.442 руб., при Александрѣ III—780.822 руб., т. е. послѣднее превосходило первое *едва не вдвое*, — въ настоящее царст-

1) Справка эта удостоилась вниманія печати. Журналь «Странникъ» находитъ ее «прекрасною» и составленною «умѣлой рукою» (м. январь с. г.

вованіе увеличеніе равняется 1. 835, 921 руб., т. е. превосходитъ ежегодное увеличеніе за предшествовавшее царствованіе *болѣе*, чѣмъ вдвое.

Въ 1855 году изъ *общей* суммы пожертвованій въ мѣстныя епархіальныя средства на *каждаго православнаго жителя* въ Имперіи приходилось около 12 ¹/₂ коп.; въ 1881 году, т. е. чрезъ 26 лѣтъ, каждымъ православнымъ жителемъ въ составъ этихъ средствъ пожертвовано около 26 ¹/₂ к.; въ 1894 году, т. е. чрезъ 13 только лѣтъ, — около 36 коп., а въ 1902 году, т. е. чрезъ 8 лѣтъ, уже около 48¹/₂ коп. Такимъ образомъ, жертва *каждаго* отдѣльнаго члена православно-русской паствы на церковь и ея учрежденія за 26 лѣтъ царствованія Александра II возросла на 14 к., за 13 лѣтъ царствованія Александра III на 10 коп., а за 8 только лѣтъ настоящаго царствованія (по 1903-й годъ) на 12 коп.

Произведя соотвѣтственныя вычисленія, найдемъ, что въ среднемъ каждый отдѣльный членъ православной паствы жертву свою въ пользу церкви за первое царствованіе увеличивалъ *ежегодно* на ¹/₂ коп. съ небольшимъ, за второе царствованіе почти на цѣлую копѣйку, а въ нынѣшнее увеличиваетъ уже на 1 ¹/₂ коп.—Скажемъ еще и такъ: православная паства, исчислявшаяся въ 1855 году (съ округленіемъ въ тысячахъ) въ 49.100.000 душъ, къ 1903 году возросла до 86.260.000 душъ. Слѣдовательно, далеко не увеличилась и вдвое; жертва же ея съ 6.062.500 р. въ 1855 году возросла почти до 42.000.000 въ 1902 году, т. е. увеличилась въ 7 разъ.

Выше сказано, что каждый отдѣльный членъ православной Русской паствы, увеличивавшій (запомнимъ, *ежегодно*) за время царствованія Александра II жертву свою въ церковь Божію на ¹/₂ коп., за время царствованія Александра III сталъ увеличивать ее почти на цѣлую копейку, или почти вдвое противъ прежняго.

Вотъ эта-то копейка, какъ писали мы въ № 12 „Церк. Вѣд.“ за 1906 г., и дала прежде и болѣе, чѣмъ что-либо другое, возможность увеличить за краткое царствованіе Александра Александровича въ значительной степени число иноческихъ обителей, иноковъ, инокинь и готовившихся къ поступленію въ иночество, умножать число церквей, возстановлять упраздненныя или приписныя, строить новыя церкви и часовни, имѣть въ большомъ количествѣ пастырей церкви и вообще служителей алтаря, покрыть всю Имперію довольно густою сѣтью церковныхъ школъ для народа, снабдить ихъ учебниками и учебными принадлежностями ¹⁾, распространить среди воз-

1) Церк.-пр. школы возстановлены, какъ извѣстно, въ 1884 году. Въ 1894 году, т. е. чрезъ 10 лѣтъ, жертва на нихъ отъ народа простиралась

растнаго и подрастающаго поколѣнія многіе милліоны книгъ и брошюръ религіозно-нравственнаго, патріотическаго и историческаго содержанія и, сверхъ сего, такіе же милліоны отдѣльных листовъ,—умножить число питомцевъ духовной школы и питомицъ въ училищахъ для дочерей духовенства. Словомъ, внѣшнее состояніе русской церкви за время царствованія Императора Александра III, по сравненію съ состояніемъ ея въ предшествоющее царствованіе, должно считать несравненно лучшимъ, даже цвѣтущимъ. И такимъ оно недавно открыто и рѣшительно признавалось людьми просвѣщенными и изъ свѣтскаго общества. Укажемъ, для примѣра, на Ф. Э. Ромера (нынѣ покойнаго). — Статистическія данныя за настоящее царствованіе, по крайней мѣрѣ, по 1903-й годъ, неопровержимо свидѣтельствуютъ, что цвѣтущимъ состояніе церкви оставалось, можно сказать, и къ нынѣшнему дню.

Въ исчисленныя нами мѣстныя епархіальныя средства не вошли еще суммы (за отсутствіемъ свѣдѣній о нихъ), собранныя на различныя религіозно-просвѣтительныя, благотворительныя и миссіонерскія учрежденія многочисленными братствами, обществами и комитетами, начавшими особенно размножаться со времени того же царствованія Императора Александра III. Едва ли ошибемся, если скажемъ, что изъ описанія живой и плодотворной дѣятельности однихъ только этихъ братствъ, обществъ и комитетовъ составила бы блестящая страница въ лѣтописяхъ нашей церкви за послѣднія два царствованія. И эту страницу могла начертать только здоровая, а не параличная рука. Страница эта открыта, и нельзя не жалѣть, что ее такъ немногіе читаютъ.

Обратимъ вниманіе еще и на то, что религіозно-просвѣтительныя и благотворительныя учрежденія существуютъ не въ одномъ синодальномъ, но и въ другихъ вѣдомствахъ и что есть цѣлое вѣдомство—Императорское Человѣколюбивое, которое въ дѣятельности своей осуществляетъ по преимуществу тѣ-же нравственныя задачи, что и св. церковь. И эти учрежденія, и это вѣдомство, а также Красный Крестъ существуютъ и поддерживаются главнымъ образомъ благочестивымъ усердіемъ русскаго народа, религіозно-нравственнымъ его чувствомъ, воспитываемымъ въ немъ церковію, ея служителями.

Кстати, краткое слово объ этихъ служителяхъ церкви, о нашемъ духовенствѣ. Въ послѣднее время вошло, если позволительно такъ

до 2 1/2 мил., а въ 1902 году, т. е. только чрезъ 8 лѣтъ, она превышала уже 6 1/2 мил. Такъ полюбилъ русскій народъ эту школу и такую обильную жертву несетъ на ея поддержаніе и развитіе!

выразиться, въ моду жестоко порицать его жизнь и дѣятельность. Даже и историческую-то его роль стараются выставить позорною, пагубною для духовнаго развитія народа. Но что достойно сколько удивленія, столько же и сожалѣнія, это то, что изъ среды самаго духовенства раздаются голоса въ унисонъ съ голосами невѣрующей, безцерковной и антицерковной интеллигенціи.

Не имѣя въ виду распространяться здѣсь въ защиту современнаго православнаго духовенства и его дѣятельности (а сказать можно было бы и много, и основательно), мы укажемъ лишь вотъ на какое обстоятельство, которое, въ нѣкоторой мѣрѣ, должно бы удерживать наше духовенство отъ самооплеванія. Пересмотрите духовные журналы и епархіальныя вѣдомости за послѣдніе годы, и вы тамъ найдете множество некрологовъ и описаній юбилейныхъ празднествъ, въ честь лицъ священнаго сана. Прямо удивляться надо и благоговѣть предъ подвигами, предъ славною, многоплодною дѣятельностію цѣлаго сонма подвижниковъ долга и призванія изъ среди духовенства. Неужели эти некрологи, эти описанія заслугъ юбиляровъ сплошная ложь ради случая? Не мнимъ. По нашему убѣжденію, «сущую правду сказалъ К. П. Побѣдоносцевъ на юбилейныхъ торжествахъ въ Кіевѣ по случаю 900-лѣтія крещенія Руси, когда остановилъ вниманіе на дѣятельности духовенства. Онъ сказалъ: „слово суда, готовое сорваться съ устъ нашихъ для нѣкоторыхъ недостойныхъ служителей церкви, должно умолкнуть предъ величіемъ подвига, совершаемаго многими“.

Иные изъ неотвергающихъ развитія церковной жизни въ нашемъ отечествѣ и за послѣднее время утверждаютъ, что это развитіе имѣетъ источникомъ своимъ не церковь и совершилось не ея силами, а зависѣло отъ общаго культурнаго развитія страны. Подъ вліяніемъ успѣховъ культуры свѣтской совершался прогрессъ и въ области церковной. Но такое мнѣніе намъ представляется ошибочнымъ. Намъ думается, что развитіе церковной жизни и особенно въ послѣдніе время совершалось не подъ вліяніемъ общей свѣтской культуры и при ея содѣйствіи, а скорѣе наперекоръ этой культурѣ, преодолевая ея противодѣйствіе. Быстро и широко развилось, напр., церк.-приход. школьное дѣло. А каково было и остается настроеніе по отношенію къ этому дѣлу адептовъ современной культуры, видно изъ заявленій о томъ, что для современной интеллигенціи одно названіе церковно-приходская школа „хуже ножа остраго“ (см. „Тул. Е. Вѣд.“ за 1899 г. № 9-й) и что нужно иногда мужество, особое присутствіе духа, чтобы на земскихъ собраніяхъ только выговорить: *церковно-приходская школа*.—(читаемъ излишнимъ подробно доказывать, насколько современная культура, господствующая

ція у насъ понятія и идеи враждебны церкви и препятствуютъ успѣхамъ ея миссіи.

Быть можетъ, болѣе, чѣмъ слѣдовало бы, остановились мы на объясненіи состоянія нашей церкви въ послѣднее время; но намъ хотѣлось не быть голословными въ утверженіи, что выставлять пресловутый „параличъ церкви“, какъ мотивъ къ церковной реформѣ, можно только по недоразумѣнію, или въ состояніи гипноза, въ который такъ многихъ привела и продолжаетъ приводить непріемлемая, какъ уже говорено было выше съ догматической точки зрѣнія, не имѣющая историческаго смысла и не оправдываемая, какъ сейчасъ старались это показать, дѣйствительнымъ положеніемъ вещей красивая литературная фраза Достоевскаго. Для церковной реформы есть другіе мотивы, достаточно ее оправдывающіе, а о „параличѣ“ надо забыть. Освободившись изъ-подъ гипноза фразы Достоевскаго, ратующій за необходимость церковной реформы, быть можетъ, признаетъ нужнымъ и полезнымъ сосредоточить свое вниманіе не на томъ только, что тормозило и тормозитъ развитіе у насъ церковной жизни, но и на томъ, что содѣйствовало ея несомнѣнному процвѣтанію, и это послѣднее сочтеть долгомъ отстаивать.

Отечеству нашему предстоитъ существовать при новыхъ политическихъ условіяхъ. Новый политическій строй государства неминуемо отразится на положеніи православной церкви, и, дай Богъ, чтобы онъ отразился благотворно. Надѣясь на это, не должно, однако, закрывать глаза и на тѣ опасности, которыя могутъ угрожать церкви при новомъ политическомъ строѣ государства. Лучше напередъ представлять себѣ эти опасности и при выработкѣ проекта церковной реформы намѣтить, что необходимо, къ ихъ предотвращенію.

Какъ извѣстно, либеральная печать съ особеннымъ удовольствіемъ привѣтствуетъ связь вопроса о церковной реформѣ съ современными конституціонными стремленіями. Консервативная печать предостерегаетъ—и, надо сказать, предусмотрительно и съ достаточнымъ основаніемъ—отъ увлеченій перспективою этой связи. Она, между прочимъ, указываетъ, какою дорогою цѣною приходится расплачиваться за эти увлеченія православной церкви въ конституціонныхъ государствахъ. Какъ на особо яркій примѣръ указывается на Румынію. Въ этомъ королевствѣ конституціонный образъ правленія введенъ въ 1866 году. Въ одной изъ основныхъ статей конституціи со всею опредѣленностію сказано: „*Православная восточная религія, господствующая въ Румынскомъ государствѣ*“... По конституціи полагается и представительство церковныхъ интересовъ въ сенатѣ.

Но каково же фактическое положеніе въ Румыніи православной церкви, юридически признаваемой тамъ „господствующей“? оказы-

вається, що эта, по закону, господствующая и, слѣдовательно, имѣющая особое преимущественное предъ другими исповѣданіями право на покровительство со стороны государства церковь, совершенно не ограждена, не пользуется „свободой“ отъ грубыхъ посягательствъ на ея честь и достоинство.

О положеніи православной церкви въ Румыніи спеціально говорить А. Басаргинъ въ „М. Вѣд.“ (№ 98-й отъ 9 апр.) въ статьѣ: „Конституція и Церковь“, основанной на докторской диссертации бывшего ректора моск. д. академіи, а нынѣ архіепископа Псковскаго Арсенія: „*Изслѣдованія и монографіи по исторіи Молдавской церкви*“ (СПБ. 1904 г.). У Басаргина приводится, между прочимъ, слѣдующая выдержка изъ Румынскаго синодальнаго органа. „Область вліянія церкви религиозно-нравственная... Надъ хулителями всего священнаго церковь нынѣ не имѣетъ никакой власти. Все, что она можетъ сдѣлать, это—исключить ихъ изъ числа своихъ членовъ... Но каковъ практическій результатъ такого отлученія?... Это даетъ поводъ отлученному еще разъ поглумиться надъ представителями церкви и ея ученіемъ... Къ великому прискорбію, говоритъ официальный органъ, наша національная церковь, вмѣсто того, чтобы, какъ подобаетъ по существу и по законамъ, найти себѣ поддержку и защиту со стороны правительственной власти, всегда испытывала тяжелую руку ея и стѣсненіе своихъ древнихъ правъ. Такъ, религиозное обученіе до самаго послѣдняго времени ввѣрялось правительствомъ такимъ лицамъ, которыя могли знать все, кромѣ религіи... Избраніе епископа зависитъ не столько отъ синода или, по крайней мѣрѣ, митрополита, сколько отъ той или иной *правительственной партіи*.“

„Что не было поругано нашею совершенно вольною прессой—спрашивается далѣе въ томъ же органѣ—начиная съ нашего любимого короля? Имѣемъ, благодареніе Богу, достойныхъ архіереевъ: всѣ они были оклеветаны; священники—осмѣяны, церковныя пѣснопѣнія и молитвы—поруганы. Кто это сдѣлалъ?—Писаки, которымъ нечего терять.. И это дѣлается среди дня. Правительство ихъ знаетъ, общественные дѣятели ведутъ съ ними знакомство и читаютъ ихъ произведенія, не предпринимая противъ нихъ никакихъ мѣръ, потому что они нужны имъ самимъ, какъ орудія проведенія ихъ партійныхъ взглядовъ... Сознывая такое свое положеніе, продажныя писаки конкурируютъ другъ съ другомъ въ порнографіяхъ и богохульствахъ“...

Картина, дѣйствительно, „смущающая“. Указавъ на нее, А. Басаргинъ замѣчаетъ, что „тутъ, въ такомъ отношеніи конституціоналистовъ именно къ *православной* церкви, есть своего рода психологія, —сатанинская психологія. На протестантизмъ, напр., съ такимъ

жесточеніемъ и яростью въ конституціонныхъ государствахъ не нападаютъ. Почему? Да потому, что протестантизмъ приспособился къ требованіямъ „свободныхъ“ формъ жизни и „эмансипированнаго“ міросозерцанія. Но православіе, стойкое въ своихъ преданіяхъ, не склонное ни на іоту поступаться чѣмъ-либо изъ организма истины, которою живетъ, въ угоду либерализму и въ цѣляхъ житейскаго приспособленія,—о, это совсѣмъ другое дѣло! Отношеніе къ нему со стороны враговъ—всегда адски злобно и непримиримо“.

По словамъ г. Басаргина, всего печальнѣе то, что „служители церкви православной, болѣющие отъ ея позора и униженія, ничѣмъ не могутъ, при констудіонномъ режимѣ, ей помочь“. Это положеніе онъ поясняетъ слѣдующимъ конкретнымъ примѣромъ, заимствованнымъ изъ той же книги преосвящ. Арсенія.

Въ 1899 году, въ одномъ весьма распространенномъ юмористическомъ журналѣ появился возмутительно грубый пасквиль на представителей румынской церкви, проникнутый кощунственнымъ отношеніемъ къ самымъ святымъ предметамъ православной вѣры, хуленіями на Христа Господа.

Къ епископу Сильвестру, представителю церковныхъ интересовъ въ Сенатѣ, равно какъ и къ другимъ іерархамъ Румынской церкви, стали приходять отъ горожанъ и народа депутаціи, которыя просили преосвященныхъ защитить святую вѣру отъ хулы и поруганія.

Епископъ Сильвестръ (въ засѣданіи 13 января 1900 г.) обратился по этому поводу къ сенаторамъ съ горячею рѣчью, какъ бы сосредоточивъ въ самомъ себѣ всю скорбь сыновъ поруганной церкви Румынской. Основываясь на конституціонныхъ же законахъ, преосвященный указывалъ представителямъ страны на ихъ долгъ принять мѣры противъ появленія памфлетовъ и кощунствъ, направленныхъ къ униженію святой вѣры и ея представителей, которая составляетъ великую внутреннюю мощь народа и ослабленіе которой грозитъ его національному существованію.

Но какіе же результаты пламеннаго протеста почтеннаго іерарха? Ровно никакихъ. Сенаторы и министры, выслушавъ съ большимъ вниманіемъ рѣчь епископа, наговорили, въ отвѣтъ ему, много хорошихъ *словъ, дѣлу* ничуть не помогли. Такъ министръ вн. дѣлъ прямо-таки посовѣтовалъ оставить дѣло безъ всякихъ послѣдствій, обратившись лишь съ просьбою къ редактору журнала впредь не допускать подобныхъ пасквилей на церковь, какъ приносящихъ вредъ обществу. Привлеченіе же къ суду, по мнѣнію сего министра, дало бы редакціи журнала лишь поводъ къ еще худшимъ клеветамъ и инсинуаціямъ... а министръ юстиціи, все по тому же мотиву—опа-

севию худшихъ клеветъ и инсинуаций, далъ совѣтъ... предоставить пасквилянта суду общественнаго презрѣнія и своей собственной совѣсти...

По поводу приведеннаго примѣра изъ современной жизни Румынской православной церкви преосвященный Арсеній совершенно справедливо замѣчаетъ въ своей книгѣ: „Подобными витіеватыми фразами отдѣлывались министры отъ настоятельныхъ требованій представителей церкви. Въмѣсто наказанія по законамъ—совѣтуютъ обращаться съ просьбами къ хулителямъ церкви, вымаливая у нихъ молчаніе; угрожаютъ еще большимъ скандальнымъ разоблаченіемъ; предоставляютъ ихъ суду собственной совѣсти, которая у такихъ личностей... едва ли даже и есть“... А г. Басаргинъ къ этому, съ своей стороны, прибавляетъ, что „инного (отношенія къ протесту представителя церкви) и ожидать было нельзя отъ угодливыхъ прислужниковъ всевластнаго парламентарскаго большинства, съ которымъ имъ волею-неволею, по мотивамъ сохраненія своихъ окладовъ, приходится считаться“.

Мы прочитали лишь одну „микроскопическую страничку изъ скорбной лѣтописи православія въ конституціонныхъ государствахъ, и притомъ именно въ такихъ, въ которыхъ оно считается религіей господствующей“. Но и этой странички достаточно, чтобы понять, почему такъ многіе тревожатся за судьбу у насъ православія въ новыхъ внѣшнихъ условіяхъ его существованія, почему настоящій моментъ въ исторіи православной русской церкви считается не только великимъ и рѣшительнымъ, но могущимъ явиться роковымъ для ея будущей судьбы, почему чада православной церкви должны теперь съ особеннымъ усердіемъ, съ особенною теплотою просить Господа, чтобы самъ Онъ утвердилъ церковь Свою.

Лекція ~~сво~~ для ~~стафет~~. ~~судимет~~ — 107

1907.

Мартъ.

XII.

Молодые УМ

МИССИОНЕРСКОЕ ОБОЗРЕНИЕ.

ЖУРНАЛЬ ВНУТРЕННЕЙ МИССИИ.

№ 3

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типо-литографія Т-ва «СВѢТЪ» Невскій, 136.
1907.

Редакція „Миссіонерск. Обозр.
Невскій, 153. Телеф. № 222—2

Содержаніе мартовской книжки

журнала „Миссіонерское Обозрѣніе“ за 1907 годъ.

Капитанъ-пасторъ и русскіе сектанты. Свящ. <i>Стефановичъ</i>	329—349
Книга евангелія, какъ орудіе украинскаго политиканства. Д-ръ <i>Е. Дюковъ</i>	350—363
Выборъ предмета для миссіонерскихъ собесѣдованій. Миссіонеръ свящ. <i>С. Потъхлинъ</i>	364—370
Къ истории секты бесѣдниковъ. Миссіон. свящ. <i>А. Урбанскій</i>	371—382
Панфинская пропаганда въ Русской Карелии. Миссіонера Иеромонаха <i>Кипріяна</i>	383—397
Изъ путевыхъ впечатлѣній миссіонера	397—424
Образчикъ пресвитеріанскаго писательства. <i>А. А.</i>	425—429
Недоразумѣніе по поводу чинопріема изъ австрійскаго раскола. Свящ. <i>Д. Холоповъ</i>	430—434
Изъ воспоминаній о поволжскихъ старообрядцахъ. <i>С. Гильбовъ</i>	435—439
Религіозная бесѣда либерально-вѣрующаго съ искренно-вѣрующимъ. I. О Церкви Христовой. Діаконъ <i>І. Смоленскій</i>	440—445
Лѣтопись періодической духовной и свѣтской печати и новыя книги по вопросамъ вѣры и миссіи церкви. Обзоръ духовной журналистики за январь. Свящ. <i>А. Виноградовъ</i>	446—457
Библіографія. <i>Л. П. Новиковъ</i> . Метрики. (Пособіе къ веденію метрическихъ книгъ) діаконъ <i>І. Смоленскій</i>	457
Дневникъ священнослужителя. <i>П. П.</i>	458
Книги и брошюры, поступившія въ редакцію	459
Миссіонерство, старообрядчество и секты. Пропагаторская дѣятельность сектантовъ: штундистовъ и молоканъ.—Открытие старообрядческихъ общинъ.—О преподаваніи старообрядческаго и сектантскаго закона Божія.—Новыя слободы пропаганды католицизма: „дополнительное богослуженіе“, „католическіе отвѣты“. У Вольскихъ старообрядцевъ.	460—467
Вѣстникъ Миссіонерскаго Обозрѣнія. Новый законъ вѣроисповѣднаго законодательства—Къ вопросу о переходѣ въ нехристіанское исповѣданіе.—Недопустимость культа безрелигіознаго класса людей.—Воззваніе къ православнымъ жителямъ г. Житомира.—Проектъ Анастасіевскаго братства.—Призывъ шюковъ къ духовно-просвѣтительной дѣятельности.—Открытое письмо епархіальнаго миссіонера къ духовенству Омской епархіи.—Старый раскольничій вздоръ.—Запасные священники.	468—461
Отклики. Инородческія женщины и отступничество отъ православія. <i>С. Гильбовъ</i>	482—484
Пастырями. Стихотвореніе. <i>Ф. П--ва</i>	484—485
„Слово Правды“ на службѣ у раскольничьей лжи. <i>Н. Гринякинъ</i>	486—488
Со скрижалей сердца. У свѣжей могилы К. П. Побѣдоносцева. <i>В. Скворцовъ</i>	489—498
Въ преддверіи всероссійскаго церковнаго собора. <i>П. Преображенскій</i>	25—30

Издательница *Ю. А. Скворцова*.

Редакторъ *В. М. Скворцовъ*.

Капитанъ-пасторъ и русскіе сектанты.

I.

Въ мартѣ прошлаго года я получилъ некрологъ своего двоюроднаго брата. На первой страницѣ этого некролога, написаннаго на нѣмецкомъ языкѣ директоромъ нѣмецкой восточной миссіи пасторомъ I. Лепсіусомъ, помѣщенъ портретъ моего кузена въ военной болгарской формѣ съ двумя крестами и тремя медалями на груди. Подъ портретомъ надпись: „Капитанъ (въ отставкѣ) пасторъ Стефановичъ † 27 декабря 1905“. Необычное и оригинальное сочетаніе! Капитанъ и пасторъ! Что общаго? Какъ могъ капитанъ превратиться въ пастора нѣмецкой евангелической церкви?

Объ этомъ превращеніи мнѣ хочется написать на основаніи имѣющагося у меня матеріала правдивую исторію, которая, надѣюсь, прольетъ свѣтъ на нѣкоторыя общія ненормальныя явленія современной общественной и религіозной жизни и мысли.

Я расскажу о душевной драмѣ Андрея Ивановича Стефановича, которая разыгралась на религіозной почвѣ. Въ жизни каждаго чело-вѣка совершаются душевные перевороты, кризисы по разнымъ причинамъ и поводамъ,—политическимъ, моральнымъ, любовнымъ и т. д. Это зависитъ отъ интересовъ личности, подвергающейся кризису. Кто думаетъ о Богѣ, у того кризисъ произойдетъ на религіозной почвѣ; кто думаетъ о морали, у того совершается нравственный переворотъ; кто увлекается политикою, тотъ можетъ вразумиться, подобно Достоевскому, въ тюремномъ заключеніи; кто подчиняется вліянію страсти, и тотъ можетъ ожидать много душевнаго перелома. Различными путями мы идемъ къ уразумѣнію смысла жизни.

Кризисъ является спутникомъ развитія, эволюціи. Чѣмъ глубже вырастаютъ корни старой жизни, тѣмъ труднѣе перейти къ началамъ

новой жизни, тѣмъ больше должно совершиться критической душевной ломки. При нормальномъ воспитаніи переоцѣнка всѣхъ цѣнностей производится въ юношескомъ возрастѣ, когда человѣкъ рѣшаетъ трудный вопросъ, чему посвятить свою жизнь. У моего кузена религиозный кризисъ наступилъ поздно, когда ему было около 24 лѣтъ.

Но прежде чѣмъ говорить о внутренней жизни моего кузена, сообщу краткія свѣдѣнія изъ его біографіи. А. И. Стефановичъ—сынъ православнаго священника Одесскаго уѣзда. Родился въ 1860 г. Учился въ одесской гимназіи до третьяго класса и въ духовномъ училищѣ; со втораго класса семинаріи поступилъ въ одесское юнкерское пѣхотное училище, которое окончилъ по второму разряду, и, кажется, въ 1881 г. поступилъ въ чинѣ подпрапорщика въ 56 Житомирскій пѣхотный полкъ. Недовольство полковымъ командиромъ побудило его проситься на службу въ болгарскую армію, куда приглашались въ то время русскіе офицеры. Въ Болгаріи А. И. дослужился до чина капитана и одно время состоялъ прокуроромъ военнаго суда. Въ 1885 году онъ перемѣнилъ вѣроисповѣданіе, принявъ евангелическую вѣру. Послѣ этого онъ подвергся разнаго рода преслѣдованіямъ начальства подъ вліяніемъ митрополита тырновскаго Климента, извѣстнаго министра-президента въ революціонномъ правительствѣ 9 августа 1886 г. Когда русскихъ офицеровъ вызывали въ Россію, А. И. отказался пріѣхать на родину и принялъ болгарское подданство. Моему дядѣ было поставлено на видъ, что его сынъ перемѣнилъ вѣру. Кажется, въ 1899 году А. И. вышелъ въ отставку, такъ какъ онъ никакъ не могъ получить слѣдующаго военнаго чина, по проискамъ извѣстной партіи и вопреки желанію князя Фердинанда, какъ говорили при Софійскомъ дворѣ. Послѣ этого А. И. отправился въ Швейцарію, изучилъ нѣмецкій языкъ, прослушалъ нѣкоторые курсы богословія въ одномъ изъ нѣмецкихъ университетовъ, выдержалъ пасторскій экзамень, былъ посвященъ въ пастора въ предмѣстіи Берлина, Лихтенраде, и получилъ назначеніе на мѣсто начальника евангелической миссіи въ столицѣ Болгаріи, Софіи. Въ званіи начальника софійской евангелической миссіи онъ и умеръ. Въ послѣдніе два года ему пришлось жить въ Берлинѣ и заниматься тамъ устроеніемъ семинаріи для русскихъ штундистовъ, которыхъ онъ жалѣлъ, какъ разсѣянныхъ овецъ дома новаго Израиля, не имѣющихъ пастыря. Онъ совершилъ нѣ-

сколько «миссіонерскихъ» поѣздокъ по Россіи для изученія русскаго сектантства. Плодомъ этихъ поѣздокъ было нѣсколько брошюръ на нѣмецкомъ языкѣ «Христофилоса», въ которыхъ изображаются недостатки религіозной жизни русскихъ, а также, главнымъ образомъ, говорится о своеобразныхъ исканіяхъ евангельской истины среди сектантовъ. Умеръ А. И. во время миссіонерскаго путешествія, на пути изъ Россіи въ Болгарію, въ Бухарестѣ. Послѣдній долгъ христіанской любви ему оказали «вѣрующіе братья», живущіе въ Бухарестѣ, во главѣ съ пасторами Циммерманомъ, Бернеемъ, Шмайссеромъ и др.

Внутреннюю жизнь А. И. Стефановича я изображаю на основаніи его писемъ ко мнѣ. Одни изъ этихъ писемъ адресованы мнѣ за 10 лѣтъ до смерти А. И. съ полемическою цѣлью, когда я убѣждалъ своего кузена вернуться въ лоно православной церкви. Эта полемика кончилась тѣмъ, что мы много спорили, но ничего не достигли. За годъ до смерти А. И. я возобновилъ переписку съ нимъ, желая знать его мнѣніе относительно того, что происходитъ въ Россіи. Отвѣчая на одно мое письмо, онъ, между прочимъ, въ заключеніе сообщалъ слѣдующее: «Съ большимъ трудомъ я дописываю это письмо. Полтора мѣсяца тому назадъ отъ непомѣрной умственной работы у меня случились судороги сердца и я чуть не умеръ. Но Господу было угодно сохранить еще мою жизнь,—на долго-ли,—не знаю, но знаю, что при второмъ ударѣ, который можетъ случиться каждый день, меня уже не будетъ въ живыхъ на этой землѣ. Съ радостью жду дня, когда оставлю этотъ міръ, дабы переселиться въ лучшій, чтобы вѣчно пребывать тамъ со Христомъ». Черезъ годъ онъ скончался.

Въ письмѣ съ приведенными словами А. И. писалъ о томъ, что меня интересовало. По поводу происходившихъ въ Россіи событій онъ говорилъ: «Въ вашу политическую весну мнѣ очень мало вѣрится, ибо на мой взглядъ дѣло все начато съ другого конца,— съ хвоста, а не съ головы (Ев. Іоан. 8,36). То, о чемъ мечтаетъ русская интеллигенція, я уже пережилъ въ Болгаріи. Тамъ дѣйствительно свобода совѣсти, т. е. лучше сказать, свобода безсовѣстности, свобода печати, или лучше сказать, свобода печатнаго ругательства. Тамъ.. дѣйствительно, свобода, но для соціаль-демократіи, которая, какъ трупный смрадъ, завладѣваетъ всѣмъ, нахально врывается всюду, какъ египетскія лягушки, засѣдаетъ вездѣ, нахальствуетъ, развращаетъ все

и вся. То же самое будетъ и у васъ, если духовенство не сдѣлается оплотомъ вѣры въ Іисуса Христа. Последнія волненія въ Питерѣ и участіе въ нихъ свящ. Гапона и др. ясно показываетъ, что даже и служители алтаря не гарантированы отъ этой язвы. А противъ нея есть только единственное средство: Христость, исповѣданіе Христа. Самыя блестящія реформы ничего не помогутъ, если сначала не реформируется церковь. Въ Германіи проповѣдь Христа единственное средство противъ язвы социализма. И здѣсь только евангельское вліяніе церкви остановило развитіе социаль-демократіи. Но здѣсь церковь реформирована и потому сильна. Въ Болгаріи же церковь мертва, и социализмъ даже не считается съ нею, Знаешь-ли, что остановило ходъ его развитія тамъ? Несчастливая горсточка протестантовъ, да одинъ чудный священникъ, который своею проповѣдью остановилъ ходъ язвы. Я боюсь, что къ язвѣ сектантства, съ объявленіемъ свободы въ Россіи, присоединится еще язва социализма, а церковь... Дай Богъ ей выдвинуть святыхъ борцовъ за истину». Видно, что А. И. раздѣлялъ мнѣніе Л. Н. Толстого относительно возрожденія Россіи. Только медленный, но глубокой процессъ евангельскаго развитія, по его мнѣнію, можетъ обновить людей, какъ вездѣ, такъ и въ Россіи. Относительно своего «обращенія ко Христу» А. И. писалъ слѣдующее: «Перекочевавши въ Болгарію, я попалъ тамъ въ кругъ офицеровъ, которые прожигали жизнь. Не будучи отъ роду пьяницей, въ средѣ новыхъ товарищей я началъ втягиваться въ пьянство, участвуя въ частыхъ попойкахъ, которыя за неизмѣнимъ развлеченій устраивались очень часто. Будучи всегда изящно одѣтымъ, выложеннымъ, умѣя вести себя въ высшемъ обществѣ не въ примѣръ мужиковатымъ офицерамъ изъ болгаръ, я былъ всегда радушно принятъ въ лучшихъ софійскихъ домахъ, и въ особенности тамъ, гдѣ флиртъ былъ главнымъ занятіемъ жизни. Стыдно вспоминать это глупое время. Удивительно, что въ то время я особенно былъ преданъ чтенію. Романовъ я никогда не читалъ, должно быть потому, что самъ дѣлалъ ихъ. Любимымъ моимъ чтеніемъ были Шопенгауеръ и Гартманъ. Иногда цѣлыя страницы ихъ я заучивалъ наизусть. Ко всему, что носило даже признакъ христіанства, у меня была страшная ненависть. Я ненавидѣлъ болгаръ и любилъ турокъ, и это потому, что первые были христіане, а вторые нехристі.

заводимую въ моемъ присутствіи рѣчь о христіанствѣ я считалъ просто личнымъ оскорбленіемъ. Гдѣ только можно было, я высмѣивалъ христіанство и устранялся отъ всякаго исполненія христіанскихъ обязанностей: на общественныхъ молебствіяхъ никогда не подходилъ ко кресту, и если бывало окропленіе войскъ св. водою, при этомъ магометане и евреи выходили изъ строя въ сторону, вмѣстѣ съ нимъ выходилъ и я. Духовенство было предметомъ моихъ постоянныхъ насмѣшекъ. Въ Болгаріи есть обычай, чтобы приходскій священникъ каждое первое число мѣсяца обходилъ всѣ дома своего прихода со святою водою. Квартиры офицеровъ обходилъ гарнизонный священникъ. Обыкновенно, когда онъ являлся ко мнѣ, я, чтобы сдѣлать его по смѣшищемъ народа, напавалъ его коньякомъ до такой степени, что онъ едва двигался по улицѣ. Все это дѣлалось преднамѣренно, чтобы осмѣять религію. Ненависть ко всѣмъ душила меня. Въ особенности ненавидѣлъ я женщинъ. Для меня составляло величайшее удовольствіе увлекать ихъ не ради флирта, но, чтобы, «побѣдивши» какую либо, послѣ надругаться надъ нею. Когда она уже думала, что я у ея ногъ,—тутъ же гдѣ-нибудь на балу я заводилъ самымъ открытымъ образомъ новый романъ, нисколько не смущаясь тѣмъ, что осмѣянная жертва рвала на себѣ волосы и рыдала съ горя. Я наслаждался такимъ горемъ.

Всего, что я дѣлалъ до моего обращенія, описать тебѣ не могу. Это была ужасная, сходявшая въ бездну грѣховную, жизнь—безъ Бога, безъ вѣры. Во мнѣ сидѣлъ какой-то демонъ, толкавшій меня на самоубійство. Покоя въ душѣ не было. Былъ-ли я свободенъ отъ мысли о Богѣ, о страшномъ судѣ? Чистосердечно говоря, нѣтъ. Мысль о Немъ меня никогда не покидала. Воспоминаніе о Его гнѣвѣ противъ нечестія душило меня иногда цѣлыя ночи. Я хочу положительно сказать, что невѣрующій человекъ лжетъ, если говоритъ, что его никогда не посѣщаетъ мысль о Богѣ. Напротивъ, чѣмъ сильнѣе и сознательнѣе невѣріе, тѣмъ мысль о Богѣ, о вѣчномъ наказаніи неотвязчивѣе. Это я самъ на себѣ испыталъ».

Изображенное душевное состояніе моего кузена можетъ показаться страннымъ и непонятнымъ. Онъ не забываетъ Бога и въ то-же время не желаетъ подчиняться Его святой волѣ, живетъ такъ, что лишается душевнаго покоя. Онъ вѣруетъ въ бытіе Бога, но причисляетъ себя

къ невѣрующимъ, потому что нарушаетъ божественные законы жизни. Его умъ признаетъ Бога, а воля отрицаетъ Его. Мой кузень какъ-бы вель борьбу съ Богомъ, когда смѣялся надъ христіанствомъ, надъ заповѣдями челоувѣколюбія и всѣмъ святымъ. Онъ желалъ показать своимъ поведеніемъ безсиліе Бога. «Что сдѣлаетъ мнѣ Богъ, если я буду пьянствовать, развратничать, обманывать и вообще попирать божескіе законы»,—такъ разсуждаютъ практическіе невѣры. Я знаю семинаристовъ и гимназистовъ, которые ѣли до св. причастія колбасу для того, чтобы доказать себѣ и другимъ, что Богъ не въ состояніи покарать ихъ за нарушеніе заповѣдей церкви. Подобный опытъ производилъ и мой кузень, только, конечно, въ болѣе широкихъ размѣрахъ и соотвѣтственно своему возрасту. Да нужно сказать, что практическая борьба съ волею Бога ведется весьма многими,—всѣми пьяницами, картежниками, развратниками, лжецами и вообще негодяями всякаго сорта. И если многіе безнравственные люди не чувствуютъ скорби, душевнаго гнета отъ своихъ беззаконій, то это свидѣтельствуеетъ о ихъ нравственной смерти, о ихъ равнодушіи къ добру и злу и къ Самому Богу. Мой кузень палъ нравственно, но онъ еще не умеръ для царствія Божія. «Воспоминаніе о гнѣвѣ Бога противъ нечестія душило» его, какъ онъ писалъ мнѣ, и это спасло его отъ физическаго и нравственнаго самоубійства. Онъ обратился ко Христу и началъ новую жизнь, хотя и вступивъ на кривой путь инославія.

Объ этомъ обращеніи онъ писалъ мнѣ такъ:

«Канунъ новаго (1884) года я провелъ на шумномъ балу въ Софійскомъ военномъ клубѣ. На Новый годъ, часовъ около 10 утра, вышелъ я бродить по улицамъ. Неожиданно вниманіе мое было обращено на пѣніе въ одномъ изъ домовъ какой-то боковой улицы. Пѣніе было какое-то особенное, не болгарское. Я пошелъ на звуки и остановился у дома, гдѣ пѣли. У прохожаго болгарина я узналъ, что это былъ молитвенный домъ болгаръ-евангеликовъ и что всякій желающій можетъ войти туда, но мнѣ прохожій совѣтовалъ не итти туда, ибо «евангелики—настоящіе дьяволы, разъ кто къ нимъ зайдетъ, такъ они втянутъ его въ свои книги, и ужъ не отписаться. А тебѣ, офицеру,—сказалъ мнѣ наставительно болгаринъ,—и подавно не слѣдуетъ туда ходить, чтобы не нагорѣло отъ несчастья». Однако я не послушался заботливаго болгарина и вошелъ въ молельню. Это была большая ко-

мната, биткомъ набитая народомъ. Меня проводили впередъ до самой кафедры. Я занялъ мѣсто. Мнѣ подали книгу гимновъ. Пропѣли какой то стихъ, и на кафедрѣ появился проповѣдникъ. Проповѣдь его была на текстъ: «сказалъ безумный въ сердцѣ своемъ: нѣтъ Бога». Проповѣдь была чудная. На меня она произвела неотразимое впечатлѣніе и, такъ сказать, какъ огромнымъ молотомъ, сразу разбила всѣхъ моихъ сердечныхъ идоловъ, показавши мнѣ ясно все безуміе моего невѣрія.

Проповѣдникъ былъ нѣкто докторъ медицины И. Мантычевъ. Я вернулся домой совершенно разбитый врѣзавшейся въ мою память проповѣдью. Весь день до вечера я пробродилъ изъ угла въ уголокъ моей комнаты. Я чувствовалъ, что теряю почву изъ-подъ ногъ. Богъ, въ котораго я не вѣровалъ, давилъ меня. Я взялъ свѣжій, только что принесенный съ почты томикъ «афоризмовъ» Шопенгауера и старался развлечься чтеніемъ, но ничто не помогало. Совѣсть, съ которою я раньше очень рѣдко считался, теперь заговорила громовымъ голосомъ. Предо мною начали возставать грѣхъ за грѣхомъ. Appetitъ и сонъ оставили меня. Всю ночь я не спалъ. На другой день то-же, на третій—то-же. Помню, на третій день какая-то служанка принесла мнѣ записку, въ которой было приглашеніе на свиданіе. Записку я изорвалъ и сказалъ служанкѣ: „передай своей хозяйкѣ, что она дура“. У меня было полное вѣнское изданіе Библии на русскомъ языкѣ, и я, какъ никогда раньше, сѣлъ читать ее. Всю недѣлю до воскресенія просидѣлъ я дома, сказавшись больнымъ. Чтеніе Библии меня окончательно разстроило. Бытіе, Исходъ, Левитъ, Числь и Второзаконіе я перечиталъ нѣсколько разъ. Проклятія звучали въ моей душѣ и не было никакого утѣшенія.

Въ ближайшій воскресный день я отправился опять слушать проповѣдь. Предметъ ея въ этотъ разъ былъ: «Богъ-любовь». Мнѣ ясно стало въ этотъ разъ, что всякому грѣшнику есть доступъ къ Богу во Христвѣ. Я вышелъ послѣ богослуженія уже другимъ человекомъ, твердо рѣшивъ отдать свою жизнь Господу. Вотъ уже 21 годъ прошель съ тѣхъ поръ, и я ни одной минуты не сомнѣвался въ любви Божьей ко мнѣ, самому отчаянному изъ грѣшниковъ.

Понятно, послѣ моего обращенія начались гоненія противъ меня прежде всего со стороны моихъ товарищей и начальства, потомъ со стороны духовенства. Балы и оргіи я бросилъ. Это вызвало рядъ

маскѣшекъ со стороны бальныхъ знакомыхъ. Къ счастью я нашелъ защитника въ лицѣ тогдашняго военнаго министра въ Болгаріи, князя Кантакузена, который сумѣлъ обуздать полковое начальство, а также и товарищей.

Митрополитомъ въ Софіи тогда былъ знаменитый Климентъ. Онъ былъ причиной тому, что я вышелъ изъ православной церкви, какъ ни тяжело мнѣ это было. Дѣло было такъ. Черезъ нѣсколько недѣль послѣ Новаго года получаю я приказъ полковаго командира явиться въ митрополичій домъ. Въ 10 ч. утра я былъ тамъ. Митрополитъ принималъ меня весьма любезно. По обыкновенію я подошелъ подъ благословеніе. Онъ пригласилъ меня сѣсть; и у насъ начался разговоръ. Слово за словомъ онъ перешелъ на то, что ему передали, что, дескать, я посѣщаю мѣстное протестантское собраніе, что мнѣ, какъ офицеру, это неприлично. „Что вы тамъ интереснаго для себя находите“? — спросилъ онъ. — Для меня интересна проповѣдь: — «Ахъ, полноте, ничего интереснаго въ этихъ проповѣдяхъ, нѣтъ только одна болтовня», — возразилъ Климентъ. — Какъ, болтовня? Напротивъ, я тамъ въ первый разъ въ жизни услышалъ, что Богъ любить и принимаетъ грѣшника. — «Неужели вы, интеллигентный человекъ, вѣруете въ какого-то Бога?» — спросилъ митрополитъ. Признаться, вопросъ этотъ меня страшно поразилъ, и я только вытаращилъ глаза и не зналъ, что отвѣчать владыкѣ. — «Вѣровать въ Бога — это удѣлъ простецовъ и глупыхъ. А намъ съ вами, людямъ интеллигентнымъ, такая вѣра совершенно не нужна. Право, совѣтую вамъ ради вашего-же спокойствія и успѣха по службѣ, бросьте вы евангеликовъ и никакого Бога вамъ не нужно», — закончилъ Климентъ ¹⁾. Я ушелъ отъ него пораженный. Вѣры моей онъ не поколебалъ, но услышать такія слова изъ устъ православнаго іерарха мнѣ было поразительно,

Мѣсяца черезъ полтора послѣ этого Климентъ пишетъ черезъ военнаго министра въ полкъ отношеніе съ предложеніемъ выспросить меня, готовъ-ли я прекратить мои посѣщенія богослуженій евангеликовъ, и если нѣтъ, то просить мое начальство. вычеркнуть меня изъ

¹⁾ Климентъ (въ мѣрѣ Василій Друмевъ) учился въ одесской духовной семинаріи и кievской духовной академіи. Въ Болгаріи онъ оставилъ по себѣ память, какъ политиканъ, желавшій спасать свой народъ не проповѣдью о Христѣ, а игрою въ политику.

числа православныхъ. Для меня это было неожиданностью. Я отправился къ военному министру за совѣтомъ. Князь Кантакузенъ принималъ меня, по обыкновенію, очень хорошо. Я передалъ ему свой разговоръ съ Климентомъ. Военный министръ страшно возмутился и сказалъ мнѣ: „Знаете что?.. Нисколько не смущайтесь вашимъ поступкомъ. Бросьте православіе и вамъ будетъ легче. Ваше довѣріе къ православію подорвано, какъ и мое. Но только у меня нѣтъ вашей рѣшительности. Идите къ полковому командиру и скажите ему, чтобы онъ въ ближайшемъ приказѣ сдѣлалъ перемѣну въ вашемъ послужномъ списокѣ относительно вѣроисповѣданія, показавъ васъ евангеликомъ вмѣсто православнаго. Я отправился къ командиру полка. Въ тотъ-же день перемѣна была сдѣлана. Не могу сказать тебѣ, сдѣлалъ-ли я это съ полнымъ убѣжденіемъ. Несомнѣнно, мой поступокъ былъ вынужденнымъ и малообдуманымъ. Если-бы я былъ поставленъ нынѣ въ положеніе тогдашнее, я никогда бы не рѣшился на это. Впослѣдствіи я часто мучился. Я старался настраивать себя противъ православія. Годы проходили въ этомъ настраиваніи. Нужно было пройти путемъ жизни въ разныхъ сектахъ, пока, наконецъ, сдѣлалось для меня яснымъ, что то, что Богъ очистилъ, ты не можешь почитать нечистымъ (Дѣян. X, 15). Это былъ трудный путь, но, слава Богу, изъ него я вынесъ драгоцѣнный опытъ.

Въ сектахъ нѣтъ той блестящей христіанской жизни, на какую со стороны ихъ заявляется такая огромная претензія. Среди нихъ случан истиннаго благочестія рѣдки. Всякій толкъ и секты надѣваются на своихъ приверженцевъ намордникъ, такъ что если у нихъ и есть истина, то во всякомъ случаѣ въ намордникѣ. И тамъ свое папство, стѣсненіе свободы, свое законничество. И чѣмъ ниже стоитъ секта по образованію, тѣмъ папство въ ней нахальнѣе...

Не хочу, впрочемъ, сказать, что среди сектантовъ нѣтъ дѣтей Божіихъ, чудныхъ, хорошихъ людей, нравственно возрожденныхъ въ новую жизнь. Но, къ сожалѣнію, они остаются въ тѣни, а выдвигаются вожаки, мужичье, стремящееся въ папы. Шестъ лѣтъ я изучаю специально русскую сектантскую жизнь. Довелось мнѣ увидѣть тамъ то, о чемъ и не снилось».

Что сказать объ изложенной исповѣди моего кузена? Правъ-ли

онъ или виновать, оставивши православную церковь, въ которой родился и воспитался? Великое огорченіе доставилъ мой кузень своимъ родителямъ тѣмъ, что измѣнилъ своей вѣрѣ. Разказывали, что К. П. Побѣдоносцевъ на одной бумагѣ поставилъ вопросительный знакъ: молъ, какъ это сынъ православнаго священника да перешель въ протестантство. Архіепископъ Херсонскій и Одесскій Никаноръ просилъ у моего дяди дать объясненіе горестнаго для нашей православной іерархіи случая перехода сына русскаго православнаго священника въ протестантство. Когда я разказывалъ нѣкоторымъ лицамъ нашей іерархіи о принятіи моимъ кузеномъ протестантства, они удивлялись только тому, что онъ не перешель въ римско-католическую церковь, такъ какъ, собственно говоря, протестантской церкви не существуетъ въ дѣйствительности. Она существуетъ только въ книгахъ и въ воображеніи нѣкоторыхъ слабо мыслящихъ протестантовъ. Серьезные протестантскіе богословы сознали, что Лютеръ своимъ отступничествомъ отъ римскаго католицизма сдѣлалъ христіанскую религію игрушкою въ рукахъ разныхъ государей, которые стали держаться принципа: *cujus regio, ejus religio*, и принесли христіанству, несомнѣнно, больше вреда, чѣмъ папы. Когда въ одномъ собраніи пасторовъ въ Берлинѣ была заведена рѣчь о тяжеломъ положеніи евангельской церкви въ Германіи благодаря властолюбивымъ стремленіямъ Вильгельма II,—одинъ пасторъ замѣтилъ: „Да, намъ вужень папа, иначе мы безсильны!“ — „Кого-же избрать?“ — спросили его хоромъ. „Да хотя-бы меня“, — отвѣтилъ умный пасторъ. Мой кузень подобно этимъ пасторамъ сознавалъ, что правильная церковная организація имѣеть громадное значеніе для созиданія царства Божія на землѣ. По поводу учрежденія у насъ патриаршества онъ писалъ мнѣ: „Ты правъ въ томъ, что въ патриаршествѣ есть опасность. Во всякомъ случаѣ гораздо меньше, чѣмъ въ томъ положеніи церкви, въ какомъ она находится нынѣ, — въ порабощеніи у свѣтской власти. Кромѣ того времена уже не тѣ, чтобы у насъ могъ народиться папизмъ... Само папство еще не опасно, но папство съ іезуитствомъ, папство со свѣтской политикой, какъ нынѣ римское, папство со своимъ целибатствомъ и прочей папской грязью, папство безъ Духа Божія, папство со своими ученіями, — все это очень опасно, но я не думаю, чтобы русское патриар-

шество могло такъ низко когда-либо пасть. Если хочешь,—папство въ лучшемъ смыслѣ даже нужно для церкви. Даже въ такомъ видѣ, какъ оно нынѣ существуетъ, несомнѣнно, оно имѣетъ и свои хорошія стороны. Его добрые плоды можно видѣть среди нѣмцевъ. Но, кажется, времена для соизданія новыхъ папствъ (кромѣ сектантскихъ) уже безвозвратно прошли“.

Видно, что мой кузенъ любилъ Христову истину и сознавалъ, что только хорошо организованная церковь, но безъ всякихъ тайныхъ орденовъ, можетъ вести народы по пути спасенія.

Онъ преклонялся предъ ораторскимъ талантомъ и вообще предъ всѣмъ нравственнымъ образомъ знаменитаго представителя христіанскаго социализма въ германскомъ рейхстагѣ, пастора Ад. Штеккера. Когда по прїѣздѣ въ Берлинъ я спросилъ своего кузена, какого-бы церковнаго оратора мнѣ послушать здѣсь, онъ сталъ расхваливать Штеккера: „Это лучший, сердечный проповѣдникъ евангелія въ Берлинѣ“, и повелъ меня въ „Missions-Haus“ Штеккера. Мой кузенъ хвалилъ и Бебеля, вождя германской социаль-демократіи, считая его вѣрующимъ человѣкомъ. По крайней мѣрѣ такое впечатлѣніе произвелъ на него Бебель своей бесѣдой о тяжеломъ состояніи Россіи въ религіозномъ отношеніи. Но все это не мѣшало моему кузену писать мнѣ слѣдующее: „Прочитываю извѣстія изъ Россіи и меня поражаетъ и страшно тревожитъ то обстоятельство, что все освободительное движеніе принимаетъ мрачный социаль-демократическій характеръ. Горе нашему несчастному народу, если герои и защитники брюшныхъ и подбрюшныхъ интересовъ восторжествуютъ. Эта несчастная грязь никогда не въ состояніи дать добра народу. Нужно видѣть эту мерзость здѣсь (въ Германіи), гдѣ она еще все-таки хоть немного вылощена; воображаю, что будетъ у насъ, гдѣ нѣтъ ни лоску, ни дисциплины. Нѣтъ, ради Бога, лучше старое, чѣмъ эта новая грязь, эта горланящая вѣчно социаль-демократія, гноящая народы. Я не вижу другого спасенія, какъ только во всеобщемъ пробужденіи церкви. Позавчера прочиталъ отрывокъ статьи митрополита Антонія въ переводѣ на нѣмецкій языкъ. Вотъ такъ пусть заговорятъ всѣ духовные; пусть укажутъ опасность путей, которыми идетъ народъ, и тогда, если даже и не послушаютъ ихъ, то все-таки они избавятъ свою душу. Не рево-

люція, но духовное возрожденіе спасетъ нашъ народъ, и не реформація совѣтъ, но изнутри, среди духовныхъ, которые, взыскавши пути Господни, укажутъ ихъ другихъ“.

Мой кузень преклонялся предъ реформаторской дѣятельностью Лютера, хотя сознавалъ и допущенныя имъ ошибки, которыя привели церковь къ порабощенію ея государствомъ. „Я глубоко убѣжденъ (писалъ мой кузень), что евангеліе возродитъ нашъ народъ. Ему теперь дается ходъ. Но еще глубже я вѣрю, что не нѣмецкому Лютеру надлежитъ спасать народъ. Реформа наша не должна произойти по образцу той или другой христіанской церкви, потому что это была-бы просто комедія съ переодѣваніемъ, религиозный маскарадъ или глупый баптизмъ, въ которомъ мозгляки перекрещиваютъ такихъ-же мозгляковъ, увѣряя ихъ, что этимъ путемъ они получаютъ Св. Духа. Въ сущности-же они получаютъ діавольскаго духа и притомъ порядочную дозу. Нѣтъ, этого я не желаю своему народу. Но все-таки я вѣрю, что безъ своего Лютера народу нашему не найти истиннаго пути. Ты самъ хорошо знаешь психологіи толпы. Если она сама начнетъ сбрасывать идоловъ,—она только найдетъ новыхъ. Не желательно, чтобы она начала сама дѣлать это. Толпа—это опасный звѣрь, который, расходившись, можетъ надѣлать много зла. Но совершенно другое будетъ, если толпа пойдетъ за рясою. Я говорю—за рясою, потому что такая толпа, какъ у насъ, содержащая въ себѣ много средневѣковаго, не можетъ пойти за другими. Толстой можетъ снимать звѣзды съ неба, какой-нибудь глупый баптистъ можетъ распинаться отъ напора самосвятости, доказывая, что только его перекрещиваніе есть истинная вѣра, истинная церковь, но толпа за ними не пойдетъ, а пойдутъ только экзальтированныя души, единицы, но это еще не народъ. Народъ пойдетъ за рясою и то только въ томъ случаѣ, если эта ряса укажетъ ему живого и присносущаго Спасителя“.

Читать такія письма кузена для меня было утѣшительно. Онъ не потерялъ вѣры въ наше духовенство. Сынъ православнаго русскаго священника, хотя и отступилъ отъ православія, сознавалъ, что оно нужно его народу и надѣялся, что наше духовенство способно возродиться для лучшаго будущаго. Меня, потерявшаго на нѣкоторое время вѣру въ то, что нашъ клиръ можетъ измѣнить

гибельный курсъ русскаго корабля по свѣту евангельскаго маяка, меня, тогда разочарованнаго клирика,—мой кузень считалъ нужнымъ утѣшать и убѣждать въ такихъ выраженіяхъ: „Никто не имѣеть права и не можетъ безнаказанно лишать свою землю и свой народъ соли. Скажу тебѣ болѣе: если-бы я былъ увѣренъ, что мой возвратъ въ православіе не возбуждалъ бы никогда никакого подозрѣнія въ заднихъ мысляхъ,—я рѣшился бы на него сейчасъ-же, чтобы въ любви Христа проповѣдывать Его своему народу, и если нужно до смерти, и до смерти отъ побіенія камнями“.

О такихъ желаніяхъ моего кузена я рассказалъ одному мудрому нашему святителю. И онъ высказалъ свое мнѣніе, что мой кузень не могъ-бы уже быть искренно православнымъ, не въ состояніи былъ-бы вѣровать по нашему въ Божію Матерь, иконы, мощи и т. д. Объ этомъ я сообщилъ своему кузену. И онъ на это отвѣтилъ мнѣ: „Твой архіерей правъ: дѣйствительно, я не могу искренно почитать иконы, Дѣву Марію, святыхъ и пр. Скажу болѣе: мнѣ лучше чувствуется въ реформатскомъ храмѣ, чѣмъ въ лютеранскомъ (хотя онъ и наслаждался живописью въ „Missions-Haus'ъ Штеккера), потому что въ первомъ нѣтъ никакихъ изображеній и литургическихъ формъ, что собственно меня всегда коробитъ въ лютеранствѣ. Лютеръ все это оставилъ въ церкви ради слабыхъ душъ. Но между тѣмъ, что существуетъ въ лютеранствѣ и въ православіи, есть огромная разница. Твой архіерей правъ,—я никогда не могу вѣровать въ православіе въ такомъ видѣ, какъ оно есть нынѣ, но я вѣрую въ то будущее православіе, которое, очистившись отъ языческихъ пережитковъ среднихъ вѣковъ, будетъ чтить Спасителя въ духѣ и истинѣ, но только не въ божественномъ духѣ, а въ евангельскомъ. А что это будетъ, въ томъ я нисколько не сомнѣваюсь. Католичество сказало уже свое слово въ лютеранствѣ и реформатствѣ. Теперь очередь за православіемъ. Не напрасно же Господь додержалъ его до сего дня. Твой архіерей правъ, если онъ не вѣритъ въ мою искренность касательно православія. Если-бы я возвратился въ православіе, то понятно въ любви я многое могъ-бы перенести. Развѣ Спаситель нашъ не дѣлалъ то-же въ іудействѣ, гдѣ не все шло по маслу. Но отречься и назвать ересью то, въ чемъ я глубоко убѣжденъ, что оно не есть ересь, это выше моихъ силъ“.

Такъ писалъ мнѣ кузень о своемъ отношеніи къ православію при-

близятельно за 8 мѣсяцевъ до смерти. Но не такъ онъ относился къ православію тогда, когда находился еще въ періодѣ сектантскаго шатанія и раздраженія, вызваннаго грубой безтактностью болгарскаго православнаго митрополита Климента, а также недостойнымъ поведеніемъ нѣкоторыхъ нашихъ клириковъ, пьянствовавшихъ на глазахъ иновѣрцевъ, игравшихъ въ карты и со смѣхомъ, безъ стыда называвшихъ себя „духовными полиціимейстерами“. Сильно еще въ послѣднее время онъ возмущался поведеніемъ нашихъ миссіонеровъ. По требованію одного изъ нихъ одесской полиціей даже былъ произведенъ обыскъ въ квартирѣ родителей моего кузена послѣ отбытія его въ Болгарію. Узнавши объ этомъ, онъ написалъ одесскому градоначальнику Шувалову письмо, въ которомъ просилъ у него суда для возстановленія добраго имени „капитана болгарской арміи“. Но Шуваловъ уклонился отъ этого суда. Этотъ самый миссіонеръ, узнавъ, что мой кузень готовъ перейти въ православіе и что одинъ архіерей не одобряетъ этого, жалѣлъ, что моего кузена отговорили отъ перехода въ православіе. Архіепископъ Іустинъ однажды хорошо сказалъ одному еврею, желавшему оправославиться: „лучше быть честнымъ евреемъ, чѣмъ безчестнымъ православнымъ“.

Въ 19 вѣкѣ, какъ видно изъ отчетовъ оберъ-прокуроровъ, у насъ много обращали вниманія на количественную сторону православія, оставляя безъ должнаго вниманія качественную, отчего страдало православіе, распространялось сектантство и рождалось недовольство православіемъ у такихъ натуръ, какою Богъ надѣлилъ моего кузена. Будучи студентомъ 2 курса Кіевской духовной академіи, въ 1895 году я задался цѣлью вернуть своего кузена въ лоно православія. У меня завязалась съ нимъ такая усердная переписка, что наши отдѣльные письма доходили до 10 и болѣе почтовыхъ листовъ. Много было потрачено чернилъ, бумаги, труда, времени, но мы другъ друга не убѣдили. Для характеристики этого періода сектантскаго броженія въ душѣ моего брата приведу нѣсколько выдержекъ изъ 30 почтовыхъ листовъ его писемъ.

„Я не изъ тѣхъ, которые блуждаютъ въ поискахъ за истиной; я нашелъ ее въ Св. Писаніи, гдѣ она изложена такъ ясно, что ее понимаетъ даже и дитя малое. Впрочемъ, я всегда охотно читаю все, касающееся вѣры, хотя нахожу, что это дѣло человѣческое, часто

тенденціозное, узкое, и ужь никоимъ образомъ не можетъ быть поставлено наравнѣ со словомъ Предвѣчнаго Бога; особенно узки и крайне тенденціозны „творенія“ богослововъ православной и католической секты“. Спрашивается, съ какой точки зрѣнія? Конечно, — „библіолатрін“, какъ говоритъ въ такихъ случаяхъ Л. Н. Толстой.

„Ты съ какимъ-то чувствомъ сожалѣнія (говоритъ кузень въ другомъ мѣстѣ) придешь мнѣ, что напрасно я поспѣшилъ перемѣной, отдавъ предпочтеніе чему-то другому, но не православію. Напрасно ты взваливаешь на меня это обвиненіе. Вѣру я не перемѣнилъ, а просто-на-просто увѣровалъ въ Иисуса такъ, какъ тому учить то самое „православное“ евангеліе, которое и у васъ по церквамъ читается. впрочемъ, на языкѣ неудобовразумительномъ. А евангеліе — основа всякой христіанской церкви, и если я придерживаюсь ученію евангелія, то какой-же я отступникъ? Прежде я относился къ вѣрѣ индифферентно, т. е. точь-въ-точь такъ, какъ относится къ ней вся ваша интеллигенція: обрядно, формально, а часто про вѣру заставляли меня вспоминать власти „предержація“. Но Господь Богъ былъ милостивъ ко мнѣ, грѣшному, Иисусъ нашель меня и я увѣровалъ въ Него; увѣровалъ искренно, живо и дѣйствительно. Въ результатъ отъ этой вѣры получились самыя поразительныя плоды. Довольно, если я скажу тебѣ, что не узнаю самого себя противъ прежняго. Во первыхъ, съ тѣхъ поръ какъ увѣровалъ, я пересталъ бояться смерти, передъ которой прежде ужасно трепеталъ... Не забывай, что это весьма важный вопросъ. Страхъ передъ смертію есть самый вѣрный знакъ, что чловѣкъ не въ ладахъ съ Богомъ... Во вторыхъ, увѣровавъ, я возненавидѣлъ грѣхъ и посвятилъ свою жизнь Господу. Въ третьихъ, увѣровавъ, я узналъ и научился смотрѣть на вѣру въ Истиннаго Бога, какъ на нѣчто дѣйствительное, существенное, внутреннее, а не наружное, обрядное, формальное и безжизненное... Однимъ словомъ... я живу такъ, какъ бы вижу всегда предъ глазами распятаго Спасителя. Странно, что прежде, несмотря на то, что я и крестъ носилъ на груди и крестился, о Спасителѣ мнѣ ничего и въ голову не приходило. Сравнивая настоящую свою жизнь съ прежней, когда я жилъ безъ вѣры и надежды на спасеніе, нахожу, что былъ похожъ на чловѣка, живущаго въ домѣ, гдѣ все, что только можно купить за деньги, находится въ изобиліи, однако всѣ окна этого дома закрыты

и шторы спущены, такъ что человѣкъ пребываетъ въ полной темнотѣ и невѣдѣніи. Тоже самое было и со мной, пока Христосъ, Свѣтъ міра, не пришелъ и не просвѣтилъ души моей...

Ты говоришь, что христіанство уразумѣть весьма трудно. Я этого не нахожу (хотя уразумѣлъ только въ 25 лѣтъ?). Впрочемъ, смотря по тому, какъ хочешь ты уразумѣть его: только умомъ—очень трудно, а сердцемъ и умомъ—очень легко.. Къ православной церкви отношусь, какъ и ко всякой другой. Мое-же мнѣніе объ этой церкви таково: православіе умерло, и только Духъ Святой можетъ вдохнуть въ него жизнь. Кромѣ того въ немъ осталась только одна пустая обрядность(?), въ настоящее время ровно ничего не значащая, и какъ мертвая(?) церковь, она отсѣчена Богомъ. Кромѣ того въ ея вѣроученіе вошла масса заблужденій (?) „историческимъ путемъ“ и по преемству отъ язычества. Доказательствами ея мертвенности служатъ слѣдующія обстоятельства: 1) огульное (?) отпаденіе ея членовъ и примыканіе къ евангельскому ученію; 2) безсиліе церкви въ дѣлѣ проповѣди, вслѣдствіе чего ея члены соблюдаютъ только внѣшнюю обрядность, въ практической же жизни они (члены) хуже (?) всякаго язычника и считаютъ своимъ долгомъ ровно ничего не знать о христіанствѣ. По словамъ вашего архіепа. Никанора, „такое безобразіе можетъ быть только въ православіи“ (это не мои слова, а слова самого Никанора, ради Бога не сердись); 3) притѣснительныя мѣры противъ духовныхъ евангельскихъ христіанъ въ Россіи доказываютъ, что православіе не имѣетъ ничего общаго съ истиннымъ христіанствомъ. Начальникъ коего былъ кротокъ и смиренъ. Православіе, вообще, показываетъ признаки полного разложенія(?) и если еще крѣпится такъ, то только благодаря союзу со штыками(?). Его послѣдователи остаются вѣрными „страха ради іудейска“. Если только когда-нибудь въ Россіи дадутъ свободу совѣсти, — могу съ полнѣйшей увѣренностью сказать тебѣ, что въ продолженіе одного десятка лѣтъ у васъ, кромѣ носящихъ рясу, не останется ни одного православнаго. Господь же крѣпко накажетъ ваше духовенство, на обязанности котораго лежитъ обуздать власть имущихъ и которое, вмѣсто того, чрезъ оберъ-прокурора Св. Синода, издаетъ самые дикіе (?) законы противъ штундистовъ.. Я давно развязался съ православіемъ, о чемъ ни мало не сожалью. Сожалью только о томъ, что не сдѣлалъ этого раньше. Кромѣ того, можетъ быть, даже очень скоро брошу

службу и пойду проповѣдывать истину Божию. Понятно, я никогда не поступлю по твоему совѣту; изъ любви къ родителямъ, воспитавшимъ меня, я никогда не возвращусь въ православіе, уже потому, что любовь моего Спасителя гораздо для меня дороже, а ты знаешь, кто любить отца или мать больше Бога, недостойнъ Его“...

Если сравнить приведенныя выдержки изъ писемъ моего кузена ко мнѣ за десять лѣтъ до смерти съ тѣмъ, что онъ писалъ приблизительно за годъ до своей кончины, то мы замѣтимъ громадную разницу въ его сужденіяхъ о христіанствѣ вообще и въ частности о православіи. Не даромъ онъ прошелъ „тяжелую школу опыта“ въ сектахъ. Въ нихъ Богъ далъ ему силы очиститься отъ той скверны высокомерія и клеветы на православную церковь, которая выше приведены, религиозной, сектантской нетерпимости, которая такъ естественна у новообращенныхъ. За годъ до смерти мой кузенъ возмущался уже не «православной сектой», а сектантскимъ папизмомъ. «Всякій толкъ (писалъ онъ) и секта надѣваются на своихъ приверженцевъ намордникъ... И тамъ свое папство, стѣсненіе свободы, свое законничество. И чѣмъ ниже стоитъ секта по образованію, тѣмъ папство въ ней нахальнѣе. Напримѣръ, возьмемъ хоть секту баптистовъ гамбургскаго толка, однимъ изъ заправиль коей является молоканинъ Θ . Балихинъ, а другимъ тоже молоканинъ, побывавшій въ такъ называемомъ гамбургскомъ «баптистскомъ университетѣ» (!!), прочитавшій подъ руководствомъ тамошнихъ «профессоровъ», пары недоучекъ-нѣмцевъ, тщѣдушныхъ сектантскихъ теологовъ, провалившихся еще на первомъ абитуриентномъ экзаменѣ,—это знаменитый баптистскій папа Василій Павловъ. Не дай Богъ никому столкнуться съ этими господами. Горькое чувство получается послѣ знакомства съ ними! А то, что называется христіанствомъ, любовью во Христѣ, у нихъ и подъ микроскопомъ не увидишь. Не среди нихъ ли ты думаешь учреждать евангельскіе союзы? Чтобы пройти всю тяжелую школу опыта, Господь провелъ меня черезъ эти секты. Это не значитъ, что я одновременно принадлежалъ къ разнымъ сектамъ. Нѣтъ, но мнѣ довелось изучить ихъ одну за другой и, слава Богу, остаться свободнымъ отъ ихъ грязи“.

Не мало помогло моему кузену освободиться отъ сектантскихъ идо-

ловъ нѣмецкая богословская наука, съ которой онъ имѣлъ возможность познакомиться въ Боннскомъ и Берлинскомъ университетахъ, а также болѣе всего пребываніе въ средѣ нѣмецкихъ вѣрующихъ пасторовъ, послѣдователей позитивной теологіи. Особенно благотворное воздѣйствіе оказывалъ на моего кузена умный и дѣльный пасторъ, докторъ теологіи, Лепсіусъ, передъ которымъ онъ благоговѣлъ. Вотъ что писалъ мнѣ кузень о своей жизни среди нѣмецкихъ пасторовъ: «Тебѣ желательно знать, какъ я живу. Живу помаленьку. Полтора года тому назадъ я благополучно покончилъ съ моими богословскими экзаменами и рукоположенъ, какъ тебѣ уже извѣстно, въ пастора. Теперь учительствую въ одной богословской семинаріи ¹⁾. Отъ времени до времени совершаю проповѣдническія поѣздки по Германіи (во время которыхъ, между прочимъ, собирались жертвы на семинарію). Такъ провожу жизнь. Болгарію я почти бросилъ. Она страшно опротивѣла мнѣ. А здѣсь среди умныхъ пасторовъ, моихъ коллегъ, изъ которыхъ каждый занять наукой, я чувствую себя совершенно какъ дома. Между ними у меня огромное знакомство. Представь себѣ, раньше я просто не зналъ этой церкви, и то благодаря тому, что вышедшій изъ этой церкви баптизмъ, способный все забросать грязью, успѣлъ посѣять въ душѣ моей страшное предубѣжденіе къ церкви. Жизнь этой церкви очень интересна, въ особенности въ послѣднее время. Нѣсколько десятилѣтій тому назадъ въ церкви появилось сильное движеніе противъ т. н. *moderne Theologie*, этого рационалистическаго пережитка, обработаннаго Ритчлемъ. Къ сожалѣнію, ритчліанское богословіе заняло почти всѣ кафедры въ университетахъ. Тогда появляется сначала въ малыхъ универси-

¹⁾ Разумѣется семинарія для русскихъ штундистовъ, открытая благодаря трудамъ моего брата на жертвы «вѣрующихъ» нѣмцевъ. Первый наборъ русскихъ штундистовъ въ эту семинарію оказался неудачнымъ. Они больше заботились о тѣлесной пищѣ и объ одеждѣ, чѣмъ объ образованіи, а кромѣ того занимались какими-то сплетнями среди баптистовъ. Поэтому пасторъ Лепсіусъ однажды сказалъ имъ: «heraus!» и они перекочевали къ баптистамъ, живущимъ въ Штеглицѣ. Замѣчательно, что наши штундисты соблазнялись куреніемъ табаку и вѣдой пасторовъ на велосипедахъ. Не лучше-ли, говорили мнѣ въ Германіи, открыть семинарію для штундистовъ, мнимыхъ „рационалистовъ“, въ Россіи при помощи некурящихъ табаку священниковъ.

тетахъ (Greiswald, Erlangen, Tübingen) т. н. positive Richtung, и вотъ понемногу оно начинаетъ вытѣснять moderne Theologie изъ университетовъ и изъ церкви. Теперь борьба перешла на открытое поле: на публичныхъ лекціяхъ, на конференціяхъ вездѣ идетъ отчаянная борьба противъ „худосочнаго“ ритчліанства. Въ особенности идетъ усиленная работа на почвѣ Ветхаго Завѣта, гдѣ, какъ тебѣ извѣстно, теорія Велльгаузена внесла не мало тьмы на основаніи толкованія именъ Elohim и Iabe (Иегова) и ихъ употребленія въ разныхъ отрывкахъ Ветхаго Завѣта. Теорію эту разбилъ д-ръ Лепсіусъ, одинъ изъ молодыхъ позитивныхъ теологовъ... Я познакомлю тебя съ здѣшними знаменитостями обоихъ лагерей, такъ какъ у меня есть друзья въ обоихъ“.

Сектантскій бѣсъ самовосхваленія и огульнаго осужденія православной церкви былъ изгнанъ изъ моего брата благодаря благотворному вліянію нѣмецкой позитивной теологіи и прекрасному состоянію пастората евангельской церкви въ Германіи. Нѣмецкіе пасторы не даютъ такихъ обѣтовъ самоотреченія, какіе требуются отъ нашихъ монаховъ, но это не мѣшаетъ имъ оказывать больше нравственнаго вліянія на нѣмецкое общество, чѣмъ то можно сказать о русскомъ монашествѣ и вообще духовенствѣ. У нѣмецкихъ пасторовъ есть свои недостатки, но они не бросаются въ глаза, на нихъ не указываютъ пальцемъ, какъ это бываетъ въ Россіи съ нашимъ духовенствомъ. Желательно было-бы видѣть у насъ такой составъ клира, который-бы не выталкивалъ своимъ поведеніемъ пасомыхъ изъ церкви, а напротивъ, привлекалъ въ нее всѣхъ оскорбленныхъ и обиженныхъ, ушедшихъ въ сектантство. Недавно одинъ студентъ изъ моихъ учениковъ передавалъ мнѣ такой же діалогъ изъ своей бесѣды съ однимъ деревенскимъ батюшкой, каковой былъ у моего кузена съ митр. Климентомъ.

Итакъ, правъ или виноватъ мой кузень, измѣнившій православію, вѣрѣ отцовъ? Да, виноватъ. Онъ самъ сознавалъ это и каился подъ конецъ жизни. У него даже было желаніе исправить ошибку горячности, явившейся результатомъ бесѣды съ невѣрующимъ болгарскимъ митрополитомъ Климентомъ, когда выражалъ желаніе возвратиться въ лоно православія. Но все что мѣшало ему сдѣлать это. Можетъ быть, если-бы онъ дожидъ до учрежденія у насъ патріаршества, то, пожалуй, его

возвращеніе въ домъ отчій совершилось бы. Православіе, какъ государственная, казенная вѣра, для прочихъ не является привлекательнымъ. Православіе принимали евреи, желавшіе поступать въ гимназіи и университеты, раскольники и штундисты, прибытка ради. Соедините правящее православіе въ Россіи съ православіемъ народнымъ, и оно возрастетъ качественно и количественно. И христіанское знаніе, и сердечная вѣра, и евангельская жизнь будутъ процвѣтать при свободномъ дѣйствіи религіознаго творческаго духа нашего даровитаго во всемъ народа. А досель въ русской православной церкви больше дѣйствовали, можно сказать, канцеляріи, начиная съ оберъ-прокурорской и кончая дьячковской, заботящейся, напр., о составленіи исповѣдныхъ росписей ради грошей и „крашанокъ“, которыми надѣляютъ псаломщиковъ, когда они ходятъ по селу съ росписями. Не имѣемъ мы ни своей богословской науки, ни твердаго нравственнаго уклада православной жизни. Почти вся наша богословская наука состоитъ изъ компилацій, изъ пережевыванія разныхъ схоластическихъ умствованій, разрушающихъ сердечную вѣру¹⁾. Еще Теофанъ Прокоповичъ писалъ о необходимости жизненной науки кievскимъ профессорамъ: „Не думайте, что наше разумное сужденіе ограничивается стѣнами коллегіи; знайте, что ваша дѣятельность необходима на болѣе обширномъ поприщѣ; поэтому нужно не идти только по дорогѣ, протоптанной другими учеными, но слѣдовать самостоятельнымъ научнымъ воззрѣніямъ, которыя, рождая солидную ученость, образуютъ знатоковъ, а не торгашей науки“.

Что сказано о церковной мысли, то-же должно сказать о церковномъ пастырствѣ. Люди ищутъ въ церкви не „законной власти“, а отцовъ, любящихъ грѣшниковъ и умѣющихъ всехъ вмѣстить въ своемъ сердцѣ. Митрополитъ Климентъ не сумѣлъ понять моего кузена и не далъ ему мѣста въ своемъ холодномъ сердцѣ. Я писалъ своему кузену въ утѣшеніе, что отдѣльные архіереи, священники, міряне могутъ погрѣшать, но этимъ не разрушается православіе. Православіе, при содѣйствіи Св. Духа,

¹⁾ Въ Кіевской духовной академіи, гдѣ я учился, были исключенія, но мало. Когда я разесортирую имѣющійся у меня матеріалъ Кіевской богословской науки, тогда можно будетъ видѣть, что у меня есть основанія писать о схоластическомъ пустословіи, которымъ еще Теофанъ Прокоповичъ возмущался въ Кіевѣ.

хранится въ чистотѣ святыми людьми церкви, какового бы званія они ни были. И мой кузенъ понялъ это, но поздно, когда онъ воспитался уже въ привычкахъ другого вѣроисповѣданія.

Хотя мой кузенъ окончательно не воссоединился съ нашей церковью, черезъ отреченіе отъ „люторства“, но морально онъ былъ въ союзѣ со святыми людьми православія и жилъ его идеалами. Митрополитъ московскій Филаретъ гдѣ-то высказалъ мысль, что инославные христіане часто въ простотѣ души вѣруютъ такъ, какъ и мы, православные. Въ одной изъ бесѣдъ, въ день моего пребыванія въ Берлинѣ, кузенъ отерылъ слезы, что онъ съ наслажденіемъ поступилъ-бы въ какой нибудь русскій православный монастырь, чтобы тамъ молиться, учить и учиться боговѣдѣнію. Его желаніе не осуществилось. Господь призвалъ его на Свой судъ. Онъ узнаетъ тамъ то, чего наше око не видѣло и ухо не слышало (1 Кор. II, 9). Хотѣлось бы вѣрить, что Богъ проститъ ему грѣхъ отреченія, ибо хотя онъ и былъ виноватъ предъ церковью, но заслуживаетъ снисхожденія и свободный отъ ожесточенія въ концѣ жизни, онъ навѣрно раскаялся въ смертномъ часѣ.

Свящ. Стефановичъ.

(Окончаніе слѣдуетъ).

Книга Евангелія, какъ орудіе „українскаго“ политиканства.

(По поводу изданія Евангелія отъ Матѳея на малорусскомъ языкѣ).

Объ изданіи Евангелія на малорусскомъ языкѣ такъ называемые «українці» хлопотали давно, но ихъ желанія не находили для себя удовлетворенія со стороны предрержащихъ властей. Въ послѣднемъ 1906 году всяческаго „освобожденія“ этотъ вопросъ, очевидно, также освободился изъ-подъ запрета и получилъ удовлетворительное разрѣшеніе, такъ что въ настоящее время уже отпечатанъ и выпущенъ въ свѣтъ: „Господа Нашего Іисуса Христа Святе Евангеліе від Матѳея украинскою мовою“.

При всемъ желаніи вѣрить нашимъ либеральнымъ «українцямъ», что они хотятъ имѣть переводъ Евангелія для цѣлей воспитанія и просвѣщенія «малыхъ сихъ» малорусскаго края Россіи свѣтомъ Христава ученія, а не для цѣлей «политики», для достиженія желаннаго „самостійнаго“ существованія «Україны» и „освобожденія“ ея отъ «москальскаго захвату и деспотизму», т. е. для цѣлей воспитанія руссофобства и украинскаго сепаратизма, — вѣра эта не находитъ поддержки при наличности вышеназваннаго малорусскаго перевода Евангелія отъ Матѳея.

Этотъ переводъ «українскою мовою» представляетъ собою весьма плохой литературный лубокъ, дѣлая который, лубочный мазилка-переводчикъ явно болѣе помышлялъ о яркости „українскаго“ колорита картины изъ характерныхъ малорусскихъ, или на манеръ малорусскихъ, словъ и изъ особливаго «українскаго» правописанія, чѣмъ о доброкачественности перевода: его легкости, ясности, и въ то же время правильности, т. е. вѣрности передачи съ славянскаго подлинника,

тутъ же пропечатаннаго рядомъ, хотя переводъ несомнѣнно дѣлался не съ этого славянскаго текста, а съ русскаго, „москальскаго“ перевода славянскаго подлинника.

Въ виду этого мы и смѣемъ думать, что выпускомъ въ обращеніе Евангелія на «українской мовѣ» наши „українцы“ интересовались и еще для кое-чего, кромѣ одного и единственнаго, будто бы, стремленія утолить книжкой украинскаго Евангелія неутолимый духовный голодъ „темнаго“ малорусскаго народа. Это „кое-что“ и есть, по нашему, та особаго рода политическая тенденція либерала-українца, о которой сказано выше.

Простой, безыскусственный языкъ повѣствованія о Христѣ евангелиста Маттея очень доступенъ передачѣ его правильно и чисто на малорусскую рѣчь, но здѣсь же и первое горе политикующаго „українца-переводчика“. Горе это въ томъ, что такой переводъ правильной и чистой малорусской рѣчью можетъ быть столько же ясенъ и понятенъ для читателя „москаля“, сколько нынѣ ясенъ и понятенъ имѣющійся „москальскій“ переводъ, т. е. русскій переводъ Евангелія, для «читача» малоросса. Такой „несомостійности“ ни за что не можетъ допускать политиканящій „українець“, лѣзущій изъ кожи, чтобы увѣрить Полтавскихъ, Черниговскихъ и иныхъ малорусскихъ простаковъ, будто ихъ «Україна» не только не имѣетъ въ русскомъ государствѣ ничего роднаго съ „Москвіщиною“ по историческому прошлому, но что это двѣ совсѣмъ чужія другъ другу по духу и языку, и крайне злонепріятельскія вообще между собою народности Россіи¹⁾. Эта именно тенденція явно сидѣла гвоздемъ въ головѣ у «українскаго» переводчика Евангелія, который, стараясь поярче отгнѣнить колоритность своей «мовы» отъ «москальской», мало обращалъ вниманія, что его мало-

1) Отсюда должно быть понятнымъ, почему наши либеральные «українцы» Полтавщины, Кіевщины, Черниговщины вступаютъ въ выборные «блоки» съ разрушителями русской государственности: съ евреями, съ поляками и другими иновѣрцами—противъ „москальв“, и на бывшемъ съвадѣ иновродцевъ въ Россіи причислили себя также къ „инородцамъ“ Россіи. По той же причинѣ, чтобы малороссу это его національное имя не говорило о „росскомъ“ происхожденіи, слова: «малороссъ», „мало-россія“—упраяднены ими въ малорусскомъ лексиконѣ и замѣнены словами: «українець», „Україна“. По этой же, конечно, причинѣ и на обложкѣ Евангелія пропечатано, что переводъ сдѣланъ не на „малорусскій“ языкъ, а на «українскую» мову...

русскій переводъ выходитъ весьма плохимъ вообще, и съ важными недостатками въ частности. Въ немъ, во 1-хъ, изобиліе чужезычныхъ словъ. Въ немъ, во 2-хъ, не мало вычурныхъ, прямо выдуманныхъ словъ и выраженій. Въ немъ, въ 3-хъ, много вульгарныхъ малорусскихъ словъ, которыя хотя и рѣзко подчеркиваютъ «українскую мову», но на данный случай, т. е. для евангельской повѣсти о Христѣ, чуждомъ всякой себялюбивой политики челоуѣковъ, совсѣмъ неумѣстны. Въ немъ, въ 4-хъ, масса переводныхъ вольностей, говорящихъ то о небрежномъ отношеніи къ переводимому тексту, то о непродуманности смысла словъ подлинника при передачѣ его на иную рѣчь... Наконецъ, пятый недостатокъ перевода— своеобразное «українское» правописаніе, говорящее прямо о той политической тенденціи либеральничающаго «українца», о которой уже сказано.

Считаемъ обязательнымъ для себя представить пояснительныя сему примѣчанія и доказательства.

Сначала о чистотѣ малорусской рѣчи въ «українскомъ» переводѣ.

Малорусская рѣчь, въ силу историческаго соприкосновенія малороссовъ съ своими сосѣдями-поляками, татарами, турками и проч., естественно должна была «заразиться» и испортиться цѣлымъ рядомъ словъ и выраженій изъ «мовъ» той или иной чужевѣрной народности, но изъ этого ничуть не слѣдуетъ, чтобы «передовымъ» представителямъ своей народности, толкующимъ о всяческихъ «освобожденіяхъ», позволительно было относиться безразлично къ чистотѣ своего родного языка или «мовы» и не обращать никакого вниманія на народныя и иноязычныя вставки и наслоенія. Вполнѣ законно желаніе, чтобы слова и обороты рѣчи, говорящія объ ихъ инородности, избѣгались въ родной рѣчи и выбрасывались изъ нея, какъ сорная трава, глушащая и портящая жизнь и красоту любимаго нами или нужнаго намъ растенія. На данный же случай, т. е. по отношенію къ Евангелію на малорусскомъ языкѣ, положеніе это тѣмъ болѣе должно быть обязательно для переводчика, разъ въ малорусскомъ языкѣ имѣются замѣняющія слова, равнозначущія по смыслу и значенію чужезычнымъ и въ то же время принятыя и обще-употребительныя. Вотъ почему можно считать недостаткомъ переводнаго малорусскаго текста изобиліе въ немъ такихъ ненужныхъ чужезычныхъ словъ, по пре-

ямушеству изъ польской рѣчи, каковы: «завжде» (XXVI, 11) вмѣсто малорусскаго: повсегда, завсегда;—досыть (X, 25) вмѣсто малорусскаго: «доволь»; въ другомъ мѣстѣ (VI, 34) это слово такъ и переведено; «але» (X, 20; XVI, 22, 27; XXVI, 5) вмѣсто простого: «а»;—«рахунокъ»; стязася съ нимъ о «словеси» XXV, 19) переведено «зводыть рахунки з ными», тогда какъ ближе къ тексту и чище по рѣчи переводить: «требуетъ у нихъ отвита» (отчета) или: «почавъ зъ ными считаться»;—«шелягъ» для перевода славян. слова „кодрантъ“ (V, 26); чисто по малорусски будетъ не „шелягъ“, а „шагъ“ (грошъ), а еще лучше можетъ быть отгѣнена мелкость монетки кодранта словами: „полушка“, „денежка“;—„раптомъ“ для перевода славянскаго «абіе» (XXI, 19); „абіе“ по малорусски будетъ: заразъ, сразу; въ другихъ мѣстахъ абіе такъ и переведено;—„годына“ для перевода слова «часъ»; „отъ того часа“ (XVII, 18) и по малорусски правильно будетъ переводить: „отъ того часу“; въ другихъ мѣстахъ «часъ» и переведено словомъ „часъ“;—„спильныкы“ для перевода славян. слова: „общницы“ (XXIII, 30), сообщники; по малорусски правильно переводить: «общныкы», слово же «спильныкы» (а также «спилка» и т. п.) у насъ въ Россіи книжное слово, употребляемое только малорусской интеллигенціей, начитавшейся галиційской литературы и воображающей, что эта полупольская галиційская рѣчь и есть чистая и настоящая „українска мова“;—«будынокъ» («храмина» въ славян. текстѣ, VII, 24) «збудована» («основана» въ славян. текстѣ, VII, 25),—для нихъ въ малорусской рѣчи вполнѣ подходящи слова: «постройка», «храмына», «построена», «основана»; «будынокъ» это большой, роскошный панскій домъ, дворецъ, въ текстѣ же Евангелія говорится о «храминѣ» вообще, т. е. о домѣ, зданіи, строеніи вообще;—«руина» (въ славян. текстѣ «разрушеніе», VII, 27); подходящимъ малорусскимъ словомъ для «разрушенія» будетъ «разруха», а не слово «руина», означающее результатъ разрушенія—«развалины»;—«скарбъ» для перевода славян. «сокровища» (VI, 19, 20, 21; XIII, 44); «сокровища» и по малорусски вѣрнѣе перевести: «сокровыща»; польское «скарбъ» есть «сокровище» въ болѣе узкомъ и спеціальному значеніи: когда то у малороссійскихъ казаковъ «скарбомъ» называлась попольски денежная «казна», а теперь, если это слово употребляется въ

малорусской рѣчи, то въ ироническомъ смыслѣ, насмѣшливо надъ «сокровищами», состоящими изъ такъ называемой «рухляди»; въ Евангельскомъ же текстѣ говорится ни о деньгахъ, ни о рухляди, а просто о сокровищахъ вообще;—«орудувавъ», для перевода славян. «дѣла въ нихъ» (XXV, 16); по-малорусски проще перевести «обертався зъ ними» (деньгами для получения прибыли) и т. д. Всѣ эти: завжде, але, досыть, рахунокъ, шелягъ, спильныкы, будынокъ, рунна и т. д., кромѣ своего иноязычія, неумѣстны въ малорусскомъ переводѣ Евангелія еще потому, что они хотя и встрѣчаются въ малорусской рѣчи, но не вездѣ въ Малороссіи, а только въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ, сосѣднихъ съ польщицзой, и являются, такъ сказать, „локализмами“, а не общеходячими словами, принятыми и понятными для малороссовъ всѣхъ мѣстностей; для текста же Евангелія, какъ книги всеобщей, необходимо подбирать и слова понятныя читателямъ во всѣхъ вообще углахъ малороссійской Украины, такъ какъ въ противномъ случаѣ для изъясненія словъ чужезычныхъ и разныхъ „локализмовъ“ потребно еще приложеніе къ переводу Евангелія специальныхъ словотолкователей, изъясняющихъ читателю малороссу, что „се левъ“, а не собака“.

Другой рядъ словъ и выраженій, портящихъ и малорусскій переводъ и „украинскую мову“ вообще,—вычурно выдуманная слова и выраженія въ родѣ слѣдующихъ: «осанна въ высокостяхъ»,—что будто бы значить: осанна въ вышнихъ (XXI, 9); это „осанна въ высокостяхъ“ по прелестной своей бессмысленности ни мало не уступаетъ бурсацко-„гуморыстычному“ переводу: «оксана у вышняхъ»;—крывдное свидѣннѣя (XXVII, 59) и «крыве свидѣтво» (XV, 19)—этими двумя способами переведено славян. слово «лже-свидѣтельство» и нужно думать, не безъ просвѣщеннаго участія здѣсь «украинскаго» профессора и воспитателя сыновей «Пана Халявскаго» *dominus'a* Галушкинскаго: «мерці» (VIII, 22),—это должно значить «мертвецы» въ славян. текстѣ;—«зголоднѣвъ» (XII, 1—3) невозможное слово для славянскаго «взалка»; если допустить такое «украинское» словосочиненіе, тогда малороссу позволительно будетъ говорить также: «забігнѣвъ», «змерзвѣвъ» вмѣсто «забігъ», «замерзъ» и т. п.; «присутный» это должно значить «стоящій здѣсь», т. е. присутствующій; «будівля» (XXIV, 1), въ славянск. текстѣ

«зданія церковныя»: еще кое-какъ можно было бы прилѣпить это новое «українское» слово на польскій манеръ для обозначенія слова: стройка, строительство; здѣсь же рѣчь идетъ о построенныхъ уже зданіяхъ, такъ что по-малорусски проще и понятнѣе переводить славянское слово «зданія» словомъ «постройки» (церковныя); «струждені» (XI, 28),—это для перевода «труждающійся»; «струждені», если бы только можно было гдѣ услышать подобное слово у малороссовъ, можетъ означать «уничтоженные трудомъ» что-ли, а ничуть не «труждающіеся»; труждающіеся по малорусски «трудоуныки». Всѣ эти заковыристыя выраженія и слова вымудрованы очевидно для пущей колоритности «українской мовы», но мѣсто ихъ въ юмористическомъ листкѣ, а не въ Евангельскомъ текстѣ.

Третьяго рода порча малорусскаго перевода зависитъ отъ неумѣстной для Евангелія «вульгаризаціи» его текста... Если въ балаганной декораціи и базарномъ лубкѣ извинительны и рука маляра и яркая колоритность синьки, сурика и зелени, то для приличной живописи подобное «художество» принято называть профанаціей святаго дѣла, святаго искусства. Поэтому же, насколько для «українской» повѣсти, комедіи или разсказа «изъ народнаго быта» позволительна ходячая вульгарная рѣчь базара повседневной малорусской жизни, настолько она неумѣтна для Евангельской книги, благоговѣнно почитаемой „православными христіанами“ Украйны, какъ «священное писаніе», и написанной къ тому же высоко вдохновеннымъ и величаво поэтическимъ и художественнымъ языкомъ даже въ славянскомъ переводѣ. Въ Евангельскомъ текстѣ поэтому и довольно скромныя слова съ базара житейской суеты и мірской жизни, употребленныя безъ нужды и напрасно рѣжутъ какъ-то ухо и мутятъ внутреннее религіозно настроенное чувство. А что къ этому чувству нужно относиться и бережно и осмотрительно, на это достаточно вразумительный отвѣтъ даетъ намъ исторія перевода же Евангелія въ Греціи, гдѣ народу былъ предложенъ переводъ Евангелія съ древне-греческаго, апостольскаго языка на ходячую вульгарную «греческую мову» современности. Печальная участь этого перевода и яростное негодованіе народное должны быть извѣстны и памятны переводчикамъ и другихъ странъ, кромѣ Греціи.

Что касается малорусскаго перевода, то избѣгать допущенныхъ

въ немъ вульгарныхъ выраженій и словъ тѣмъ легче, что малорусская рѣчь не имѣетъ недостатка въ нужныхъ замѣняющихъ словахъ, соотвѣтствующихъ къ тому же ближе смыслу и значенію словъ славянскаго подлинника. Такъ не умѣстное, по нашему, въ Евангеліи слово „пань“ (X, 24; XXV, 18, 19, 21) для перевода славянскаго „Господь“ (господинъ) имѣетъ болѣе приличныя и ближе къ подлиннику подходящія слова: „господынъ“, „хозяинъ“; — слово „рабъ“ (VIII, 9) переведено словомъ „наймытъ“, тогда какъ гораздо умѣстнѣе переводить „рабъ“ словомъ же „рабъ“ или „слуга“; послѣднее слово употребляетъ и самъ переводчикъ въ другомъ мѣстѣ (X, 24), а затѣмъ слово „наймытъ“ и по смыслу не тождественно съ древнимъ „рабомъ“, котораго не „нанимали“, а покупали или брали захватомъ. — Потомъ слово „батько“ (VIII, 21; X, 21; XXIII, 30, 32) для перевода слова „отець“; малорусская рѣчь очень хорошо знаетъ и у себя слово „отець“ и у переводчика оно имѣется въ другихъ мѣстахъ.. Неумѣстныя затѣмъ вульгарности: „пань-отче“ (XXI, 30) для перевода „Господинъ“; — „шелягъ“ (V, 26) для слова „кодрантъ“; объ этомъ „шелягъ“ говорилось уже и по другому поводу, а также и о томъ, что вмѣсто него гораздо чаще и проще сказать „полушка“ или „денежка“; — „шматкѣвъ“ (XIV, 20) для перевода слова „оубрухъ“ (хлѣба) или кускѣвъ (хлѣба); приличнѣе и правильнѣе переводить и по малорусски „кусковъ“, ибо хлѣбъ „кусають“, а не „шматують“, „рвутъ въ шматя“ (въ клочья — по русски), какъ напр., „рвутъ въ шматки“, сосѣдскія злыя собаки малорусскую „святку“ или широкіе „штаны“; — „кодло гадюче“ для перевода „порожденія ехиднины“ (XII, 34; XXIII, 33); „кодло“ это гнѣздо, семья, а не собственно „порожденіе“, по малорусски „выродкы“; „ехидна“ тоже, хотя и змѣя, но не злая „гадюка“, а особая разновидность, извѣстная своею коварностью, „ехидствомъ“, — такъ что выраженіе „кодло гадюче“ не точно соотвѣтствуетъ и смыслу славянскаго „порожденія ехиднины“; правильнѣе по малорусски будетъ здѣсь переводъ: „выродкы ехиднови“; — „відкрывъ недолиткамъ“ (XI, 25) для перевода славянскаго „открылъ младенцамъ“; славянскій „младенець“ и по малорусски будетъ „младенець“, а „недолиткы“ и „цидлиткы“ — это возрастъ далеко постарше „младенческаго“; — „мову сю“, — это для перевода: „словеса сія“ (VII, 28;

XIX, 1); здѣсь „мова“ совсѣмъ не подходитъ, потому что „мова“ болѣе равнозначить со словами: «языкъ», «нарѣчіе» (русскій «языкъ», славянское «нарѣчіе», украинская «мова»), въ текстѣ же говорится, что Спаситель окончилъ «словеса сія», т. е. обычное свое «поученіе» или «проповѣдь»,— слѣдовательно правильнѣе и проще, держась смысла текста, говорить и по малорусски: «слова си»;—«хата» (XIII, 36; II, 11), «господя» (XII, 29) для перевода слова «домъ»; въ текстѣ о «домѣ» говорится въ смыслѣ «жилища» вообще; такъ что такой «домъ» въ славянскомъ подлинникѣ и по-малорусски будетъ «домъ»; «хата» же и «господя» не идутъ здѣсь и къ смыслу этихъ самыхъ словъ. По малорусскому переводу, Спаситель зашелъ въ «хату», родился въ «хатѣ», но хата это особаго рода «домъ» только нашихъ малороссовъ, во времена же Спасителя у древнихъ евреевъ были особаго рода дома, вовсе не похожіе на наши малороссійскія хаты; что же касается «господи» или по-русски—гостинной, то господя есть только одно изъ помѣщеній въ «домѣ», въ текстѣ же говорится объ разграбленіи имущества дома вообще, а не одной только древне-еврейской гостинной;—«скарбъ» для перевода «сокровища» (VI, 19, 20, 21; XIII, 44); о неумѣстности этого слова говорилось и по другому поводу;—«свѣту твою» для перевода словъ «ризу твою» (V, 40); евангельскіе евреи носили «хитоны», «хламиды» въ родѣ нашихъ «рясь» («ризь»), но о малорусскихъ свѣткахъ, кобенякахъ и чумаркахъ и т. п. въ Евангелии не упоминается; подъ «ризами» въ славянскомъ текстѣ разумѣется вообще верхняя одежда, такъ что правильнѣе и проще будетъ переводъ и по-малорусски тоже: «верхнюю одежду твою»... Изъ приведенныхъ примѣровъ ясно, что вульгаризація Евангельскаго текста малороссійскими свѣтками, скарбами, шматками и т. п. нисколько не вызывалась цѣлями точнаго и простаго перевода; а просто всѣ эти слова взяты для лубочной декораціи текста Евангелія въ одѣяніи «українской мовы».

Четвертый недостатокъ перевода обусловливается вольностью въ обхожденіи съ Евангельскимъ подлинникомъ... «Плодь» переводится во многихъ мѣстахъ словомъ «овощъ» (XII, 33; XIII, 8; XXI, 34), въ другихъ мѣстахъ правильно «плодь» (III, 8); разница между «овощомъ» и «плодомъ» хорошо извѣстна и маленькому хохлику;—«вождь» переведено словомъ «воевода» (II, 6); «всѣ-

вода», во 1-хъ, слово «москальское», по-малорусски надо говорить «воювода», а во 2-хъ, воевода значитъ воинскій предводитель, «вождь» же въ текстѣ имѣетъ смыслъ просто «вожака» или, какъ переводить въ другомъ мѣстѣ самъ переводчикъ, — «поводыря» (XV, 14); «корабль» вездѣ переведено словомъ «човенъ» (VIII, 23; IV, 22), «човенъ» это небольшая рѣчная лодочка, которая въ виду утлости ея называется у малороссовъ «душегубкой»; въ човнѣ едва умѣщаются два человѣка, въ Евангельскомъ же «кораблѣ» умѣщались Спаситель и 12 учениковъ Его, и при томъ не только умѣщались, но и «ходили» въ немъ и проч.; ясно, что рѣчь можетъ идти о большой морской лодкѣ, превышающей «човенъ» въ 5 разъ, такъ какъ она могла противостоять упоминаемымъ въ Евангельскомъ повѣствованіи большимъ морскимъ волнамъ. Очевидно, «човенъ» тоже попалъ въ переводъ для яркости «украинскаго» лубка.

«При свѣтѣ (рцйте), X, 27) переведено «при свѣтлі»; при свѣтѣ (рцйте) очевидно значитъ при свѣтѣ дня, т. е. вообще «открыто», «явно», «свѣтло» же есть искусственный свѣтъ отъ свѣчи, лампы и т. п., такъ что «при свѣтлі» значитъ «при освѣщеніи», а не «при свѣтѣ».

«Отъ конецъ земли (приде), XII, 42) переведено: «з далекихъ краивъ».

«Судъ (возвѣститъ) переведено словомъ «правду» (XII, 18); если уже переводить по смыслу, то вѣрнѣе сказать: «правосудіе».

«Младенцамъ (открыль), XI, 25) переведено: «недолиткамъ»; о невѣрности такого перевода говорилось уже и по другому поводу.

«Труждающіися и обремененніи (приидите), XI, 28) переведено совсѣмъ несоотвѣтствующими и невозможными словами: «стружденіи и знеможеніи». т. е. уничтоженные трудомъ и изнеможеніемъ.

«Домъ» переводится то «хата» (XIII, 36; XI, 11), то «господя» (XII, 9; X, 12, 13, 14), то кое-гдѣ подобающимъ словомъ «домъ» (XIII, 1); о «хатѣ» и «господи» говорилось уже по другому поводу.

Печется (VI, 28), лѣкійся (VI, 27), пецытеса (VI, 25, 31) переведено словами: «побываться», «сидкуваться», «журыться»; все

это излишнія вычурныя варіаціи для слова, которое во всѣхъ трехъ мѣстахъ проще переводить малорусскимъ: «клопотаться».

«Господи́нь» точно также переводится разноцвѣтно, то какъ «пань» (X, 24, 25; XXV, 21), то «пань-отче» (XXI, 30), то «хазяинъ» (X, 25): безъ фокусовъ же и ближе къ подлиннику переводить вездѣ и по малорусски словомъ «господи́нь».

«Злословитъ» (XV, 4) переведено: «зневажае», т. е. не уважаетъ, что совсѣмъ не то, что «злословіе».

«Дерзай» (IX, 22), «дерзайте» (XIV, 27), т. е. будь смѣлѣе, будьте смѣлѣе или по малорусски: «смились», «будьте смилити», — переведено: «крѣпись» (т. е. крѣпись, держись) и «заспокійтесь» (т. е. успокойтесь!).

«Смятени и отвержени» (IX, 36), т. е. смятенные и отверженные, переведено совершенно вѣлпо: «зморені и разсыпані», т. е. утомленные и разсыпанные.

«Милосердова» (X, 36) переведено: «змылосердывся», т. е. смиловался, смилосердился, тогда какъ по смыслу текста слово значить «жалѣть», «жалкувавъ».

«Приемлетъ» (VII, 8), получаетъ, переведено «добувае», т. е. добываетъ.

«Восприемлютъ» (VI, 5), т. е. получаютъ, переведено: «мають», т. е. имѣють.

«Лукавий» (XII, 35) переведено: «злый».

«Возлюбленный» («сей есть сынъ мой возлюбленный», XII, 17; XII, 18; XVII, 5), т. е. любимый, излюбленный, переведено словомъ: «улюбленный» т. е. влюбленный. Этотъ «улюбленный» или влюбленный Христось «українскаго» Евангелія—нѣчто сверхъ-ренановское и ересподобное и вмѣстѣ со всѣмъ остальнымъ прочимъ ясно говорящее, что переводчики «українскаго» Евангелія изрядные „невѣгласы“ въ малоросійскомъ языкѣ и потому сотворили не то, что собственно было нужно: вмѣсто правильнаго, приличнаго и понятнаго перевода насочиняли столько „українской“ отсебятины и ерунды, что испортили всю красоту и величіе языка подлиннаго Матвея, а переводъ его Евангелія сдѣлали негоднымъ для просвѣщенія народа, хотя бы этотъ переводъ уже,—накъ сообщаютъ газеты, и разошелся въ трехъ изданіяхъ. Не пользы ждать отъ такого перевода, а одного смущенія и

соблазна для христіанской и религіозно настроенной души малоросса. Пользу могут выгадать только одни политиканствующие „українцы“, которые давно мечтають объ Евангеліи на „українской мовѣ“, чтобы приспособить его орудіемъ воспитанія малороссовъ въ духѣ сепаратизма, разьединенія общей семьи русскаго народа черезъ насажденіе разноязычія, разномыслія и разнопониманія. Этой не евангельской цѣли разрушенія единой братской по Христу русской семьи изъ велико и малороссовъ и можетъ служить теперь священная для тѣхъ и другихъ книга о Христѣ, передѣланная на „українскую мову“. Это разрушеніе будетъ производиться, конечно, не содержаніемъ Евангельской книжки, какъ бы плохо она ни была переведена „українской мовой“, но тѣмъ, что она напечатана по сочиненной „українцами“ особой фонетикѣ, особливому звукопроизношенію и словоначертанію, приводящимъ къ разноязычію, а слѣдовательно и къ разномыслію, разнопониманію или непониманію другъ друга братьями одной русской семьи. Въ стремленіи своемъ „освободить“ Украину, т. е. Малороссію, отъ обще-русской жизни и культуры путемъ сочиненія „самостійнаго“ „українскаго“ языка и особой отъ обще-русской „українской“ грамоты, наши украинцы захотѣли здѣсь пододбаться англичанамъ, выдѣлившимъ себя особой фонетикой своей рѣчи отъ общей имъ западно-европейской семьи романскаго міра. Какъ англичане букву *a*, произносимую всѣми европейцами, какъ *a*, произносятъ, какъ *e*, а букву *e*, какъ *u* (*i*), а букву *i*, какъ *ay* и т. п., такъ точно и наши „українцы“: букву *u* русской азбуки требуютъ произносить какъ *u*, букву *e* какъ *э*, букву же *э* обратно, какъ *e*¹, букву *и* упразднить и пишутъ ее черезъ *i*, *з* изгоняють совсѣмъ²), *e* мягкое іотированное, для котораго въ русской азбукѣ есть особое *і* (*e* съ двумя точками) тоже не признають и изображаютъ звукъ, этой буквѣ соот-

¹) Вмѣстѣ съ тѣмъ эту букву *Э* они не желаютъ писать естественно а переворачиваютъ ее спиной справа налѣво и кромѣ того, какъ говорится, вверхъ ногами, а головой внизъ, т. е. пишутъ такъ: Е,—такъ что, собственно говоря эта буква въ украинскомъ начертаніи не похожа ни на Е, ни на Э русской азбуки, а есть новосочиненная буква (см. въ перевод. текстѣ : Егилеть (II, 13), свое (XXII, 5), своему (XXII, 2), моему (XXII, 44) воевода (II, 6), гадаете (XXIII, 44).

²) А когда безъ него получается безсмыслица, напр., въ серединѣ сложныхъ словъ въ родѣ русскихъ съ—вѣль, подѣвхаль, тутъ одни украинцы опять признають *з*, другіе же упорствуютъ по прежнему, и изгоняя *з*, ставятъ на его мѣстѣ „апострофъ“, т. е. пишутъ, напр., с'вѣль, под'вхаль. Однимъ словомъ: „хочь гірше, абы ынше“...

вѣтствующій, сложеніемъ двухъ буквъ: *ѡо* или *ѡо*, такъ что вмѣсто *сею* пишутъ *сьою* (XVI, 22), вмѣсто „*сѣмого*“ пишутъ *сьомого* (XXII, 26), вмѣсто *нѣму—ньому* (XXIII, 18, 22), вмѣсто *ѣю* пишутъ *ѡю* (XVII, 23; XXVII, 43) и т. д. Подобное правописаніе и указанное переименованіе буквѣ произношеніе не имѣетъ никакого иного смысла, кромѣ, какъ говорится въ малорусской же поговоркѣ: „хочъ гирше, абы инше“, а своими „сього“, „ѡюго“ и т. п. очевидно тянетъ „українскую самостійную“ грамоту отъ Гоголя вспять къ давно прошедшимъ временамъ зачаточнаго образованія русскаго языка и русскаго правописанія, — но желаніе политиканствующихъ украинцевъ добиться своей цѣли и показать всему міру, что „у украинцівъ все ынаше ніжъ у москалівъ“, такъ велико и непреодолимо, что они совсѣмъ не замѣчаютъ, какъ своей „самостійной“ грамотой выворачиваютъ шиворотъ-навыворотъ въ русской головѣ присущій ей здравый смыслъ и какъ сами они изъ воображаемыхъ передовиковъ и либераловъ превратились въ настоящихъ задоятовъ и помраченцевъ, заграждающихъ меньшему своему брату малороссу доступъ къ обще-русской наукѣ, просвѣщенію и культурѣ...

И вотъ теперь мы имѣемъ Евангеліе, напечатанное такимъ „хочъ гиршимъ, абы иншимъ“ украинскимъ „волапюкомъ“. Чтобы это Евангеліе могъ читать даже хорошо грамотный и ученый малороссъ, ему нужно свачала выучиться переименованному произношенію извѣстной ему обще-русской азбуки и наново нужно приспособляться и осваивать свои глаза съ инымъ заковыристымъ правописаніемъ родной рѣчи, — и все это чего ради? Ради того лишь, что „українскимъ политичнымъ діячамъ“ захотѣлось, чтобы малороссъ переигралъ быть „россомъ“ и передѣлался въ такого же, какъ они сами, „самостійнаго“ внѣ своей исторіи и своего происхожденія человѣка и „линородца“ въ своей родной землѣ — Россіи.

Въ концѣ концовъ, не входя въ обсужденіе вопроса, насколько на самомъ дѣлѣ нуженъ или не нуженъ въ Россіи переводъ Евангелія на малорусскую рѣчь, мы полагаемъ, что разъ такой переводъ затѣянтъ, то онъ долженъ быть выполненъ настолько безукоризненно, насколько того требуетъ священное содержаніе и святое значеніе самой книги Евангелія. Изъ вышенезложеннаго ясно, что выпущенный въ свѣтъ переводъ Евангелія „українскою мовою“ требуетъ тщательной передѣлки и поправокъ стилистическихъ и переводныхъ. Кромѣ того, это изданіе не

только должно быть правильно и близко къ славянскому подлиннику, какъ переводъ, но оно должно быть удовлетворительно и какъ литературное произведеніе, должно передать въ вѣрномъ освѣщеніи извѣстную историческую эпоху и извѣстную общественно-бытовую жизнь своего времени, безъ чего это произведеніе будетъ не переводомъ, но сочиненіемъ. Переводчики „украинскаго“ Евангелія, ослѣпленные своей тенденціей, небрегли указанной истиной, и потому древле-еврейская эпоха времени Христа въ ея „украинской“ отдѣлкѣ изъ малорусскихъ „хатъ“ и „свытобъ“, „пановъ“ и „наймытовъ“, „панъ-отцевъ“ и „пидлитковъ“, „човнивъ“ и „скарбивъ“, „шматкивъ“ и „шелягивъ“ и т. д. вышла въ переводѣ столько же вѣрно, сколько вѣрно выходила она и у нѣкотораго анекдотическаго польскаго ксендза, который, повѣствуя о брагѣ въ Канѣ галилейской, говорилъ своимъ прихожанамъ, что Спаситель, Матерь Божія и всѣ гости разговаривали тамъ на польскомъ языкѣ, что «чудесное» вино, которое тамъ пили, было «вино венгерское», а гости танцовали «краковяка» и «мазура».

Затѣмъ, разумѣется, совершенно непозволительно, чтобы Евангельская книга Христова ученія о братскомъ единеніи въ мирѣ и любви кощунственно профанировалась цѣлями «украинскаго» политиканства, печатающаго свою «украинскую» литературу на особомъ «украинскомъ» воляпюкѣ, измышленномъ для разъединенія единаго по Христу и по исторіи русскаго народа на двѣ якобы чуждыхъ и чужихъ другъ другу народности: «украинцевъ» и «москалей». Помянутое выше извращеніе на англійскій манеръ обще-русской азбуки и общепринятыхъ у великомало- и бѣло-русскаго народа фонетики и правописанія не должно имѣть мѣста въ обще-русской святынѣ — Евангельской книгѣ, которую въ теперешнемъ «украинскомъ» изданіи не могутъ правильно читать и разумѣть безъ приложенія особаго толковаго словаря звуковъ и выраженій не только великороссы и бѣлороссы, но и сами малороссы, обученные по всеми принятому обще-русскому букварю, а не букварю «украинскихъ» политическихъ задоятовъ и умопомраченцевъ. Слѣдовательно, малорусское Евангеліе должно печататься по такой грамотѣ, чтобы буква и такъ читалась, какъ и, буква же и такъ и читалась какъ и, буква е какъ е, э какъ э, и т. д. Разумѣется, совершенно не нуженъ и возвратъ къ уродливому архаическому писанію йому вмѣсто ому, нъого вмѣсто него и т. д. Два родныхъ брата: «хохолъ» (или

«українець» по наименованію лже-либеральныхъ украинскихъ «діячівъ») и «москаль» да остаются по прежнему двумя родными братьями, обязанными забывать нанесенныя другъ другу историческія обиды и помнить совместно и по-братски искреннія и объединявшія ихъ историческія лихія невзгоды и пріятныя радости! Да единятся они единомыслиемъ, единорѣчіемъ и единой грамотой въ мирѣ и любви по завѣту Христова Евангелія, а не идутъ вспять, къ одичалому состоянію взаимнаго духовнаго непониманія и безмысленной брато-ненавистнической и противогосударственной розни, къ которой увлекають «малыхъ оихъ» политиканствующіе «українцы», прикрывающіе нынѣ себя, какъ воля овецъей шкурой, священной одинаково для «хохла» и «москаля» книгой Евангелія на «українской мовѣ».

И только тогда, въ единеніи, воскреснетъ единый русскій народъ, и расточатся враги его, и побѣгутъ отъ лица его ненавидящіе его и завидующіе его возможному могуществу и благоденствію! Мы не будемъ говорить уже, какъ наши якобы либеральные и передовые «українцы» страшно непослѣдовательны съ своей политикой «самостійности», т. е. отдѣленія малоросса отъ великоросса, когда въ своихъ «прокламаціяхъ» и «пропаганціяхъ» постоянно поучають, что «сила въ единеніи».

Не лишнимъ будетъ замѣтить еще, что въ напечатанномъ «українскою мовою» Евангельскомъ текстѣ не достають съ виду пустяка, но на самомъ дѣлѣ болѣе важнаго, чѣмъ извращенная «українская» фонетика, а именно удареній на словахъ, что необходимо для правильнаго выговора малорусскихъ словъ не только великороссамъ, но и самимъ малороссамъ.

Д-ръ Е. Дюковъ.

Выборъ предмета для миссіонерскихъ собесѣдованій.

Прямая цѣль миссіонерскихъ собесѣдованій—религіозное учительство народа—опредѣляетъ и предметъ этихъ собесѣдованій. Все, что относится къ вѣрѣ, къ религіи, и что, конечно, возбуждаетъ отрицаніе, сомнѣніе или недоумѣніе, все это и можетъ быть предметомъ собесѣдованій. Кругъ или область этихъ предметовъ чрезвычайно обширенъ и миссіонеръ не можетъ никогда сказать себѣ, что ему не о чемъ говорить съ народомъ.

Даже тамъ и тогда, гдѣ уже долгое время ведутся миссіонерскія бесѣды съ народомъ, миссіонеръ не можетъ сказать себѣ: всѣ вопросы исчерпаны, нѣтъ уже предмета для бесѣды! Область вѣры—это не область теоретическихъ умозаключеній. Догматы, по своему внѣшнему выраженію, правда, похожи на научныя теоремы. Но вѣрующіе въ Бога и бесѣдующіе между собою о тайнахъ Божіихъ, открытыхъ Богомъ для людей, не могутъ окончить свою бесѣду словами: „мы остаемся при своихъ убѣжденіяхъ!“ и разойтись. „Убѣжденіе“ въ томъ или иномъ догматѣ требуетъ отъ него соотвѣтствующихъ и не безразличныхъ для инаковѣрующихъ религіозныхъ поступковъ. Останусь-ли я, напр., при убѣжденіи, что свѣтъ есть истечение свѣтоноснаго эфира изъ солнца, или перейду къ убѣженію, что свѣтъ есть волны или колебанія этого эфира, и мое, и моего противника отношеніе къ свѣту, какъ дѣйствительности, не измѣнится. День для насъ одинаково останется днемъ, а ночь—ночью. Не то въ области догматики. Признаю я вѣрою дѣйственность крещенія дѣтей,—и я крещу дѣтей. Измѣню я это свое убѣженіе и соглашусь съ сектантскимъ воззрѣніемъ на крещеніе дѣтей,—и для меня таинство крещенія дѣтей должно казаться бессмысленнымъ и кощунственнымъ обрядомъ. Какъ же можно миссіонеру, этому проповѣднику истины межъ отвергающими ее, сказать себѣ:—

„все уже сказано, все переговорено! каждый де остается при своемъ убѣжденіи“?! Вѣдь эти убѣжденія—вопросъ спасенія или гибели души христіанской! Пусть тысячу разъ сектантъ слышитъ не только отъ другихъ, но даже и отъ меня, доказательства необходимости крестить дѣтей и все остается при своемъ убѣжденіи въ ненужности для дѣтей этого таинства. Я въ тысячу первый разъ долженъ повторять свои доказательства.

И не должно бояться, что этой настойчивостью можно придти какъ разъ къ противоположнымъ результатамъ, надоѣсть своимъ собесѣдникамъ. Жизнь быстро идетъ впередъ: мѣняется время, мѣняются настроенія. То, что сегодня кажется непріемлемымъ, завтра будетъ принято, какъ неотразимый доводъ, какъ самое убѣдительное доказательство. Сколько разъ въ одномъ и томъ же мѣстѣ ведешь бесѣду, напр., объ иконопочитаіи, и нѣтъ тебѣ успѣха! Кажется, уже и предметъ исчерпанъ и слушатели потеряли всякій интересъ. Но иконоборчество все же не сломлено и, зная, что въ немъ таится вся сила сектантства, опять и опять заводишь рѣчь объ иконахъ... Смотри, Богъ-ли тебя посѣтилъ какою-либо особою мыслью, облекъ-ли ты старыя мысли въ удачный и яркій образъ, или на собесѣдниковъ твоихъ нашло новое настроеніе, но только замѣчаешь, что ненависть ихъ къ иконамъ смягчается, что умъ ихъ дѣлается болѣе способнымъ различать икону отъ идола, и слова ихъ объ иконахъ теряютъ свой похульный характеръ...

Даже въ приходѣхъ, гдѣ часто ведутся миссіонерскія собесѣдованія, гдѣ, повидимому, обо всемъ „говорено—переговорено“, не можетъ быть затрудненія, о чемъ бесѣдовать съ сектантами. Соберите только православный народъ, да пригласите хотя одного, двухъ сектантовъ и спросите: о чемъ, братцы, побесѣдуемъ сегодня? Если и произойдетъ маленькая заминка, которую вы сами должны загладить хоть воспоминаніемъ о прежнихъ бесѣдахъ, то черезъ пять, десять минутъ васъ засыплютъ вопросами, самыми острыми, самыми жизненными. Не забудьте, что вы представитель свѣта среди тѣхъ, кто, волею Божіею, такъ долго жилъ, да и теперь еще живетъ, во тьмѣ и сѣни смертной. Какъ вѣтви деревьевъ тянутся къ свѣту, такъ къ вамъ потянутся души человѣческія, если только вы явитесь къ нимъ въ обращеніи съ лаской, съ привѣтомъ.

Не о томъ нужно думать, какъ бы найти предметъ для бесѣды, а о томъ, какъ бы самымъ лучшимъ и полезнымъ образомъ использовать то время, которое вы можете посвятить на

миссіонерскія собесѣдованія съ народомъ въ томъ, или иномъ приходѣ. Только съ этой именно стороны и можно поставить себѣ вопросъ о выборѣ предмета для собесѣдованій.

Конечно, самое естественное и простое разрѣшеніе этого вопроса—это спросить у самихъ слушателей: о чемъ имъ желательно побесѣдовать? Но это простое рѣшеніе вопроса не всегда бываетъ самымъ правильнымъ. Дѣло въ томъ, что способность сказать сразу все, что тебя особенно мучить, умѣнье формулировать задушевныя думы, не всякому дано. Какъ часто случается, что придеть челоувѣкъ поговорить по завѣтному своему дѣлу. Говорить часъ, говорить другой, и все о постороннихъ, неважныхъ предметахъ. А о томъ, зачѣмъ пришелъ, рѣшится заговорить, когда уже и бесѣдъ конецъ; и уходитъ челоувѣкъ, съ чѣмъ пришелъ... Тоже бываетъ и на миссіонерскихъ бесѣдахъ. Долго ждуть въ приходѣ миссіонера. Много накопилось вопросовъ, по которымъ миссіонеръ долженъ дать „острастку“ сектантамъ. Тутъ и объясненіе службы церковной, и объясненіе текста Писанія и многое другое, на чего зазирають сектанты, что, будто, лишнее въ православіи, а что, будто, и недостаетъ ему. Пріѣхалъ миссіонеръ.—Надолго, батюшка?—Да нѣтъ, дня на два. Вотъ сегодня, да завтра побесѣдуемъ, а тамъ въ Шаулиху надо!—Ахъ, ты, Господи, а мы, думали, у насъ побудете!—Ну, Господи благослови! о чемъ сегодня побесѣдовать желаете?—Молчатъ слушатели. Весь запасъ вопросовъ пропалъ и заводится часто рѣчь о томъ, что пришло въ голову первому словоохотливому слушателю, но что мало относится къ тому, что на потребу.

Выборъ предмета для миссіонерскаго собесѣдованія миссіонеру лучше всего оставлять за собою. Въ этомъ случаѣ предварительные опросы приходскаго священника, псаломщика и ревнителѣй православія изъ прихожанъ—тамъ, гдѣ эти ревнители есть и знакомы съ миссіонеромъ,—могутъ сослужить миссіонеру добрую службу въ выборѣ предмета для собесѣдованія. Въ приходѣ злободневные вопросы не таятся въ тиши и подпольѣ и скоро дѣлаются общимъ достояніемъ. Тамъ, гдѣ приходскій священникъ слѣдитъ за настроеніемъ своего прихода, и особенно тамъ, гдѣ есть кружокъ ревнителѣй православія, тамъ миссіонеръ можетъ идти на бесѣду, напередъ прекрасно освѣдомленный о томъ, чего ожидаютъ отъ него слушатели. Тамъ можно миссіонеру прямо предложить имъ вопросъ: о чемъ желали бы они побесѣдовать? Предварительная освѣдомленность миссіонера подскажетъ ему предложить какъ разъ интересующій въ данное время слушате-

лей вопросъ въ случаѣ, если бы они отвѣтили молчаніемъ, или поможетъ ему быстро направить бесѣду на этотъ вопросъ въ случаѣ, если бы кто сталъ говорить по предмету неинтересному или маловажному.

Въ другомъ положеніи бываетъ миссіонеръ, когда онъ является въ приходѣ, гдѣ еще не бывало миссіонерскихъ собесѣдованій, гдѣ живое миссіонерское, въ вопросахъ и отвѣтахъ, собесѣдовательное учительство предлагается слушателямъ впервые. Если миссіонеръ является въ приходѣ на короткое время, на одну, двѣ, и самое большее, три бесѣды, ему необходимо избрать такой предметъ бесѣды, который бы, кромѣ своей злободневности, кромѣ интереса случайнаго, былъ еще интересенъ по своей важности въ дѣлѣ защиты православія или обличенія сектанства. Въ приходѣ, напр., въ данное время самый злободневный вопросъ: можетъ-ли священникъ во время службы покрывать свою голову. Приходскій священникъ, доселѣ служившій съ непокрытою главою, взысканъ вниманіемъ начальства и предъ крестомъ Божиимъ покрылъ свою главу скуфьей. Пастырелюбивое сердце православныхъ прихожанъ готово вмѣстѣ съ удостоеннымъ награды пастыремъ радоваться „сугубой чести“, которую воздать епископъ достойно труждающемуся пресвитеру, согласно наставленію св. Апостола Павла Тимоѳею. Но сектанты живо возмутятъ эту радость и она часто въ печаль бываетъ. Вмѣстѣ съ полученіемъ батюшкой скуфьи, въ приходѣ начинаются усиленные разговоры на текстъ св. Апостола Павла: „всякій мужъ, молящійся или пророчествующій съ покрытою головою, постыжаетъ свою голову... Мужъ не долженъ покрывать свою голову, потому что онъ есть образъ и слава Божія“ (1 Кор. 11, 4.7).

Что же дѣлать миссіонеру, если онъ прибудетъ въ приходѣ на одну только бесѣду? Самый злободневный вопросъ въ приходѣ въ данное время — это покровеніе священникомъ головы своей во время священнослуженія. Неужели такой маловажный вопросъ сдѣлать предметомъ своей единственной бесѣды? Конечно, нѣтъ! Если бы миссіонеръ взялъ единственной темой своей единственной бесѣды въ приходѣ вопросъ о покровеніи головы священникомъ, если бы онъ даже связалъ ее, — а это непременно должно бы произойти, — съ вопросами и о рощеніи волосъ, о длинныхъ одеждахъ и т. п. внѣшнихъ отличіяхъ священника, то и тогда отъ бесѣды миссіонера не останется того впечатлѣнія, которое всякая миссіонерская бесѣда непременно должна произвести — впечатлѣнія христіанскаго ученія вѣры. Какъ ни важенъ вопросъ

о внѣшности священника, какое смущеніе ни производятъ сектанты своими нападками на противорѣчіе, повидимому, этой внѣшности указаніямъ Слова Божія, но все же самый вопросъ — на вопросъ вѣры и сѣуживать все миссіонерское учительство до такихъ вопросовъ нельзя.

Эти вопросы могутъ, и должны, конечно, входить только какъ случайный и частный элементъ въ содержаніе миссіонерскихъ бесѣдъ, если миссіонеръ по времени не можетъ разсчитывать, что числомъ своихъ бесѣдъ онъ исчерпаетъ всѣ главные и существенные вопросы вѣры. Дѣлать ихъ самостоятельнымъ предметомъ отдѣльныхъ бесѣдъ можно только въ такомъ случаѣ, если главные и существенные вопросы вѣры уже изъяснены народу, или если миссіонеръ располагаетъ временемъ заняться этимъ разъясненіемъ.

Итакъ, если миссіонеръ не можетъ посвятить на свои миссіонерскія бесѣды въ приходѣ столько времени, чтобы, по возможности, изъяснить народу всю систему христіанскаго вѣроученія, онъ въ выборѣ предмета для бесѣды долженъ руководиться важностью предмета въ дѣлѣ нашего спасенія. Не слѣдуетъ, конечно, брать предметомъ бесѣды такіе догматы, которые или по своей высотѣ и непостижимости не вкладываются въ сознаніе простаго необразованнаго народа, напр. догматъ о триничности Лицъ въ Богѣ, объ исхожденіи св. Духа и т. п., или не оспариваются сектантами. Если время позволяетъ миссіонеру, въ его вѣроучительныхъ цѣляхъ весьма полезно преподавать народу краткое катехизическое ученіе и о сихъ спасательныхъ догматахъ, но дѣлать ихъ предметомъ собесѣдованія не слѣдуетъ. Миссіонеръ долженъ посвятить свое время и сосредоточить силы на выясненіе догматовъ вѣры, пререкаемыхъ сектантами.

И здѣсь, въ выборѣ предпочтительной темы для бесѣды нужно руководствоваться съ одной стороны, такъ сказать, содержательностью догмата и значеніемъ правильнаго усвоенія его для цѣлей нашего спасенія, съ другой стороны — силою или степенью того ожесточеннаго отрицанія, которое возбуждаетъ по отношенію къ себѣ тотъ или другой догматъ со стороны сектантовъ.

Христіанину, конечно, невозможно утверждать, что одинъ догматъ внутренно содержательнѣе] другого, или что одинъ догматъ въ дѣлѣ нашего спасенія болѣе важенъ, другой — важенъ менѣе. Къ догматамъ нельзя примѣнять сравнительнаго критерія обыкновеннаго человѣческаго мышленія. И мы, когда говоримъ о сравнительной содержательности или важности различныхъ

догматовъ христіанскаго вѣроученія, то только въ отношеніи дидактическомъ, апологетическомъ и полемическомъ, а не по существу. По существу, конечно, всѣ догматы вѣдъ всяческой человѣческой оцѣнки и нельзя сказать, что одинъ догматъ, напр. о Церкви, болѣе спасителенъ, чѣмъ догматъ о благодати или объ иконопочитаніи. Всѣ догматы входятъ одинъ въ другой и тѣсно связаны между собою. Въ полемическихъ бесѣдахъ миссіонеровъ съ сектантами проскальзываютъ иногда мысли и замѣчанія, что нѣкоторые догматы сравнительно неважны. На нѣкоторыхъ изъ бывшихъ у насъ миссіонерскихъ съѣздахъ даже довольно рѣдко былъ поставленъ вопросъ объ этомъ, напр. о догматѣ иконопочитанія. Но развивать предъ слушателями мысль о томъ, что есть въ православномъ ученіи догматы неважные, которыми бы можно придавать меньшее сравнительно съ другими догматами значеніе, было бы грѣхомъ противъ нашего православнаго догматическаго вѣроученія.

Тотъ или иной догматъ можетъ быть неважнымъ для спасенія только въ томъ случаѣ, если самая мысль о предметѣ догмата отсутствуетъ въ сознаніи христіанина. Есть много христіанъ, безсознательно спасающихся. Можно смѣло сказать, что вся ихъ догматика состоитъ въ одной лишь мысли о Богѣ милосердномъ и спасающемъ. Легенда, рассказанная Л. Толстымъ, о трехъ странникахъ и ихъ молитвѣ: „Трое васъ, трое насъ, помилуй насъ!“—представляетъ въ этой молитвѣ недалекую отъ истины формулировку догматическаго сознанія весьма многихъ изъ простыхъ, спасающихся, какъ кто-то прекрасно сказалъ, „подъ епитрахилью священника“ христіанъ. Это отсутствіе въ религіозномъ сознаніи правильно сформулированныхъ догматовъ не лишаетъ христіанина надежды на спасеніе. Блаженіи нищія духомъ, яко тѣхъ есть царствіе небесное. Но въ тотъ самый моментъ, когда мысль христіанина начинаетъ спрашивать самое себя о спасеніи, когда она ищетъ отвѣта на вопросы догматическаго характера, для христіанина дѣлается обязательнымъ и спасительнымъ идти въ своемъ догматическомъ мышленіи по пути Церкви. Всякое уклоненіе его отъ этого пути грозитъ ему еретичествомъ и сектантствомъ. Въ развитіи нашего русскаго сектантства многіе далеко небезосновательно усматриваютъ проснувшуюся религіозную мысль русскаго простолюдина и вина пастырей Церкви здѣсь та, что они не направили во время и умѣло эту мысль въ русло церковной истины.

Миссіонеры своими бесѣдами должны исправить это зло укло-

ненія въ сторону отъ церковной истины тамъ, гдѣ оно уже произошло, и предупредить его тамъ, гдѣ оно еще ожидается. Нужно быть чуткимъ къ назрѣвающимъ вопросамъ религіозной мысли народа. Исторія Церкви представляетъ въ этомъ случаѣ такое многообильное прошлое, что, изучивъ эту исторію, миссіонеръ можетъ смѣло быть увѣренъ, что никакое явленіе въ религіозной жизни не поразитъ его своею новизною, никакой вопросъ—своей неожиданностью. Новѣйшія еретическія мысли и сектантскія дѣйствія удивительно повторяютъ то, что уже было, и не разъ, въ древнѣйшей исторіи Церкви. Руководства по исторіи и обличенію русскаго сектантства представляютъ, кромѣ того, достаточно полный сводъ и разборъ всѣхъ вопросовъ, которые выставляетъ въ настоящее время религіозная мысль русскаго народа, какъ вопросы, требующіе со стороны церковныхъ учителей отвѣта.

Всѣ эти вопросы вѣры открыто выставляются народомъ тамъ, гдѣ уже появилось и окрѣпло раціоналистическое сектантство. Но и тамъ, гдѣ его еще нѣтъ, миссіонерскія бесѣды по всѣмъ вопросамъ дадутъ величайшее удовлетвореніе религіозной пытливости народа. Мысль уже пробудилась и ищетъ отвѣта на свои недоумѣнія, смутно сознаваемая, но тѣмъ не менѣе тревожная, мучительная...

Мисс. свящ. С. Потъхинъ.

(Окончаніе слѣдуетъ).

Въ исторіи секты бесѣдниковъ.

III.

„Ничто же покровено есть, еже не открытается, и тайно, еже не уразумѣется“.

Тайственная завѣса, прикрывающая культъ и ученіе бесѣдниковъ, мало-по-малу поднимается.

Основнымъ заблужденіемъ бесѣдниковъ является отрицаніе Богочеловѣка Христа Единороднаго и Единосушнаго Сына Божія и обоготвореніе своихъ лжеучителей. Къ этому обоготворенію ихъ приводитъ ложное понятіе о Богѣ.

Въ силу того, что громадное большинство бесѣдниковъ полу-грамотны или безграмотны и совершенно невѣжественны въ писаніи, ученіе о Богѣ у нихъ крайне смутно и сбивчиво,—не только не православное, но, какъ увидимъ, и не христіанское. Изъ христіанства бесѣдники заимствовали только имена. Боги они зовутъ Троицей и признаютъ Его Духомъ, но не въ христіанскомъ смыслѣ, не Живымъ и Личнымъ Высочайшимъ Существомъ съ безпредѣльными совершенствами ума, сердца и воли, Коему, по своему духовно-нравственному развитію, долженъ подобиться и созданный „по образу и по подобію Божію“ человѣкъ, а представляютъ Его чѣмъ то матеріальнымъ, нѣкоторой матеріальной сущностью на подобіе воздуха, разлитаго повсюду. Бесѣдники учатъ, что Богъ пребываетъ только въ человѣкѣ и съ человѣкомъ¹⁾. Этотъ-то „богъ-духъ“—по ихъ вѣрованію, и вселяется въ тѣхъ изъ нихъ, которые сами, чрезъ свою богоугодную жизнь, „восходятъ къ нему духомъ“. Вселяется въ той или другой степени сообразно степени духовнаго совершенства и восприимлемости каждаго. Вотъ почему и мнимая „божественность“ ихъ наставниковъ проявляется въ нихъ не одинаково,—по мѣрѣ „восхожденія отъ силы въ силу“:—то „апостола“, то „пророка“, то „архангела“, то „богородицы“, при чемъ, по выраженію одного изъ бесѣдниковъ, „и мужикъ можетъ быть богородицей“,—то „Христа“ и наконецъ „бога-саваоа“. Впрочемъ надо сказать, что эти степени „божественности“ наставниковъ въ сознаніи бесѣдниковъ раздѣляются какъ то смутно,—то онѣ соединяются въ одномъ лицѣ по нѣскольку, то измѣняются въ немъ по мѣрѣ восхожденія „въ мѣру возраста совершенна“. Дядя Митя Каменскій, напр., одновременно и великомученикъ Димитрій, и

„апостоль-евангелистъ“ и „царь царей“, а своего сосѣда я засталъ еще въ степени „апостола“, это тогда, когда онъ посѣялъ бесѣдничество въ селѣ Тимашевѣ, потомъ въ чинѣ „пророка Іліи“, а теперь онъ уже въ степени „четвертой вѣпостаси“ обрѣтается—какъ „христосъ“ и «сынъ божій»—и въ тоже время нѣчто отдѣльное отъ Троицы ¹⁾. Не такъ давно онъ говорилъ одному крестьянину: „теперь я дошелъ до дѣла,—великой благодати сподобился, такъ что на меня, кто съ вѣрой,—какъ на икону молиться можетъ, на иконахъ-то вѣдь такіе же, какъ я, люди писаны“. А какъ-то вдохновившись и мнѣ лично говорилъ: „ты, батюшка, меня слушай, потому что я говорю не свое, а только то, что открываетъ мнѣ отецъ мой“. И на мой вопросъ: кто его отецъ? отвѣтилъ: „Богъ“. Эти степени божественности проходила и сама Настасья Кузминишна. Такъ, сначала она была только „прозорливою“, потомъ въ степени „апостола“, находящагося подъ особымъ озареніемъ и вдохновеніемъ свыше, въ это время про себя она говорила такъ: „на меня находитъ вдохновеніе, я сама даже и не замѣчаю, какъ изъ меня слова выходятъ“, далѣе въ степени „богородицы“, при чемъ для подтвержденія этой истины бесѣдники къ ней относили (Мѣ. 12, 49, 50) и 1-й стихъ 12 главы Апокалипсиса: „жена, облеченная въ солнце, подъ ногами ея луна, надъ главою ея вѣнецъ изъ 12 звѣздъ“, по ихъ ученію, и есть Настасья Кузминишна; и наконецъ она стала „богомъ-господомъ“, богомъ „человѣкомъ“,—и это ученіе для слабыхъ такъ же подтверждалось словами писанія: „всякъ духъ, иже не исповѣдуетъ Христа во плоти пришедша, отъ Бога нѣсть,—и сей есть антихристовъ“. Стихъ этотъ бесѣдники всегда толкуютъ такъ: „нужно признавать Христа теперь видимо съ нами во плоти пребывающаго и этого христосъ во плоти и есть „богъ-господь-Настасья Кузминишна“, и кто сему не вѣритъ,—тотъ антихристъ“.

И всякій человѣкъ, по ученію бесѣдниковъ, можетъ быть богомъ,—только это очень трудно. Чтобы дойти до этого, необходимо нужно пропоститься подрядъ сорокъ дней, а потому сподобляются этой чести далеко не всѣ.

Евангельскаго Христа Единаго (Сына Божія, по ученію бесѣдниковъ, не было,—не было и рождества Христова по плоти въ Виелеемѣ Д. П.—въ на бесѣдкахъ по этому поводу не одинъ разъ говорилъ мнѣ: „ты, батюшка, книжникъ, все по буквѣ твердишь одно: Христосъ по плоти тогда то родился,—а зачѣмъ же въ церкви то поютъ „Христосъ рождается“?—не родился, а теперь рождается,—развѣ добрыхъ то людей мало? а до Виелеема и Іерусалима намъ нѣтъ никакого дѣла,—намъ надо, чтобъ въ душѣ Христосъ то родился,—какъ писано:—Симеонъ приметъ

¹⁾ Мой сосѣдъ с. Ермакова крестьянинъ Д. П., „Христосъ“ бесѣдниковъ, по этому поводу имѣлъ со мною такой разговоръ:—Д. П. „Гдѣ нѣтъ человѣка, тамъ нѣтъ и Бога“. (Я) и въ храмѣ? Д. П. „Да и въ храмѣ, если тебя нѣтъ, народу нѣтъ и Бога нѣтъ“. Я это ученіе не православное. Св. церковь учитъ, что Богъ вседѣущъ, а храмъ Божій есть мѣсто особаго благодатнаго присутствія Божія, гдѣ на св. престолѣ во св. тайнахъ Господь всегда почитааетъ „тѣлеснѣ“. Д. П. „Это ты, батюшка, зря говоришь, не бойсь безъ тебя-то Богъ никого не причаститъ“.

Христа и говорить „нынѣ отпускаеши“—и умерь. Въдъ это все духовно понимать то надо,—потому что все Писаніе писано духомъ и для духа; взявъ Христа на руки—значить, позналъ Его, принялъ Его добрую жизнь,—вотъ въ него и вселился духъ Христовъ, онъ и умерь для грѣха, а ожилъ духомъ; а что Христось былъ младенець, такъ это все равно,—въ кого хотъ и младенець Христось вселится,—тогъ ужъ ученикъ“.

~~Сынъ Божій, по ученію бесѣдниковъ, раждается отъ Отца.—раждается всею въ душѣ вѣрующаго, а не такъ какъ сказано въ Евангеліи.~~ Рожденіе это совершается непремѣнно при участіи святаго человѣка—это де видно и изъ евангелія, конечно если будешь понимать его какъ надо;—тамъ сказано: Авраамъ родиль Исаака, Исаакъ родиль Іакова и пр.; по ученію бесѣдниковъ, это значить Авраамъ научиль Исаака своей жизни, показаль ему, какъ нужно жить, чтобы быть „истиннымъ Христомъ“,—ну и былъ ему „какъ отецъ“, потому что родиль его для новой духовной жизни. А что тутъ рѣчь идетъ не о плотскомъ, а о духовномъ рожденіи, такъ это опять таки видно изъ писанія: „рожденное отъ плоти,—плоть есть“, а плоть что?—плоть—дьяволъ,—слѣдовательно о ней намъ и говорить то даже не приходится, только „рожденное отъ духа—духъ есть“. Очевидно здѣсь говорится о духовномъ рожденіи.

Родить „духомъ“ можетъ только человѣкъ „духовный“—„святой“. Такой духовный человѣкъ (каковымъ можетъ быть только бесѣдникъ) духовно раждаетъ другого, когда сообщаетъ ему истинное, т. е. бесѣдническое, ученіе и руководить его въ „новой“ жизни, своими совѣтами и указаніями помогая ему оставить прежнія худыя привычки и укрѣпить волю въ добрѣ. Во имя Троицы человѣкъ долженъ родиться три раза:—первый разъ плотью отъ отца, другой разъ „водою“—отъ попа и третій „духомъ“—отъ апостола,—и эти два послѣднихъ рожденія для спасенія существенно необходимы, ибо сказано:—„аще кто не родится водою и духомъ, не можетъ внити въ царство Божіе“.

Духовное рожденіе отъ апостола Д. П.—въ поясняль мнѣ такимъ образомъ:—Возьми ты, батюшка, напр., руку,—руку человѣкъ получилъ отъ отца,—только отецъ руку-то далъ, а что ей дѣлать-то, не научиль,—а въдъ рукой-то и убить можно, и худое дѣло сдѣлать, а духовный-то отецъ научиль меня: какъ сложить ее для совершенія крестнаго знаменія, какъ креститься надо,—объяснилъ мнѣ, что это значить и проч. и выходитъ, что на доброе-то дѣло руку-то я получилъ отъ отца духовнаго. Поэтому рожденный духомъ долженъ слѣдовать за апостоломъ, какъ апостоль за Христомъ; это единственный, хотя и тяжелый путь, который ведетъ къ достиженію „мѣры возраста совершенна“.

Не было и Ирода, гнавшаго Христа и избившаго 14000 младенцевъ. По толкованію бесѣдниковъ, подъ Иродомъ нужно разумѣть добраго человѣка, познавшаго живого бога Христа, воспріявшаго его добрую жизнь и оставшаго грѣхи,—младенцы—это грѣхи; избить младенцевъ значить оставить грѣхи,—какъ и въ писаніи сказано: „блаженъ, иже избіетъ младенцы твоя о“

камень“; поэтому объ Иродѣ и разсуждать-то можно только тому, кто самъ уже „избилъ младенцевъ, а намъ-то еще грѣшно.

Не было ни брака въ Канѣ Галилейской, ни чуда претворенія воды въ вино, а если въ Евангеліи объ этомъ и сказано, то очевидно, что это духовно понимать надо потому, что „нашъ Богъ не пьяница“. „Вино есть—кровь сатаны“,—и нашъ Богъ ни самъ его не пилъ, и другимъ пить не велѣлъ; а если и сказалъ, что Христось претворилъ ~~воду въ вино~~, такъ это значитъ,—что онъ ~~ихъ тамъ обвинилъ— вино— виновать~~,—„обвиноватилъ“, доказалъ виновность пирующихъ, чего они прежде не понимали,—и были просты, какъ вода“.

Равнымъ образомъ ~~не было и никакихъ другихъ чудесъ~~. Если же въ евангеліи и говорится, что Христось исцѣлялъ больныхъ, прокаженныхъ, расслабленныхъ, воскрещалъ мертвыхъ и т. д.—то, по толкованію бесѣдниковъ, это значитъ, что онъ обращалъ, привлекалъ къ себѣ невѣрующихъ жидовъ, и теперь всѣ невѣрующіе дяденькамъ и матушкѣ Маріи и не признающіе ихъ за „живыхъ боговъ“ духовно больны и расслаблены, прокажены и слѣпы,—и теперь „дяденьки“ творятъ такія же и даже большія чудеса, когда распространяютъ „истинное“ ученіе,—они-то ужъ поистинѣ чудотворцы. Къ лику „чудотворцевъ“ принадлежить и мой сосѣдъ Д. П.—въ, который за успѣшную пропаганду бесѣдничества получилъ „даръ исцѣленій“,—и теперь „мажетъ масломъ недужныя“. Не было такъ же ни преображенія, ни страданій, ни воскресенія, ни вознесенія Господня,—ибо это, по ученію бесѣдниковъ, не болѣе, какъ аллегорія, показывающая путь духовнаго совершенства человѣка. „Эхъ, батюшка, что ты тамъ толкуешь о преображеніи, не разъ въ бесѣдахъ со мною говорилъ мнѣ Д. П.—въ,—оставь худыя привычки, начни новую жизнь,—вотъ и самъ преобразишься, или тамъ читаешь: „Распятаго же за ны при Понтійствѣмъ Пилатѣ и страдавша и погребенна“,—онъ гдѣ Пилатъ-то?—умеръ? А до умершихъ, до покойниковъ намъ пѣтъ никакого дѣла;—пусть съ ними „мертвые“ возятся, а ты какъ начнешь новую-то жизнь, такъ тутъ ужъ безъ страданія нельзя:—попытай-ка, начни ка жить по нашему-то, не бойсь и ты страдать-то будешь, даромъ что попъ“. Скажи-ка мнѣ, что это значитъ, въ Евангеліи вотъ писано:—Христа распяли, а ризу его вратъ не стали, о ней метали жребій; ты подумай-ка, какъ же это такъ, Христа не жалѣли, а одежду его жаль стало?—Тутъ не о томъ распятіи на крестѣ, какъ вы думаете, и не объ одеждѣ рѣчь идетъ, а о гоненіяхъ, какія Онъ отъ жидовъ терпѣлъ, да о жизни Его доброй,—одежда это жизнь Его;—Его за жизнь гнали, а какъ разсмотрѣли—жизнь то хорошая, ну и жаль стало“. Такое своеобразное толкованіе бесѣдниками евангелія объясняется тѣмъ, что, отвергшись Христа Единороднаго Сына Божія, бесѣдники признаютъ только „духъ Христовъ“, еще со временъ ветхаго завѣта преестественно переходящій отъ одного ихъ учителя къ другому: „какъ въ кого вселится „духъ то Христовъ“,—говорятъ бесѣдники—такъ тотъ и становится „Богъ и человѣкъ“. Сообразно съ этимъ и въ еван-

геліи они видятъ не дѣйствительную исторію земной жизни Сына Божія, воплотившагося для спасенія людей, а только сплошную аллегорію, гдѣ подъ разными образами и загадками показанъ путь духовной жизни и совершенства каждаго человѣка. Путь этотъ имѣетъ четыре стадіи развитія, а именно: преображеніе, страданіе, воскресеніе и вознесеніе.

Жизнь духовная начинается съ „преображенія“, потому что прежде всего каждому вступающему въ путь новой духовной жизни необходимо „преобразить“ „нечистое и скверное житіе“, т. е. нужно измѣнить прежнюю худую жизнь, оставить дурныя привычки, перестать пить вино, курить табакъ, ѣсть мясо и пр. главное же необходимо вступить въ общество „людей Божіихъ—бесѣдниковъ“.

Такъ только такое „преображеніе“ свершилось, наступаетъ вторая стадія—„страданіе“, по-бесѣднически: „кресты“, т. е. напасти, бѣды, которыя отовсюду сыплются на преобразившагося, о чемъ въ кантахъ бесѣдниковъ поется такъ:

Бѣды отъ разбойниковъ,
Бѣды и отъ сродничковъ,
Бѣды отъ сосѣдъ-друзей,
Бѣды и отъ всѣхъ людей,
Бѣды отъ родителей
Бѣды отъ гонителей...

Главное же зло отъ „гонителей“. Гонители-евреи это православные, преслѣдующіе бесѣдниковъ своими насмѣшками и особенно—книжники и фарисеи, т. е. попы и архіереи. По мѣрѣ духовнаго совершенствованія каждаго „страданіе“ все усиливается и заканчивается обычно „распятіемъ“ или „пригвожденіемъ ко кресту“. Моего сосѣда Д. П—ва, напр. „распяла“ жена, рассказавъ о его ученіи и подавъ на него жалобу за притѣсненіе. За такимъ „распятіемъ“—слѣдуетъ уже „воскресеніе“. Воскресеніе нужно понимать духовно, говорилъ мнѣ бесѣдникъ Д. Θ—новъ, какъ поется въ церкви: „Воскресеніе Христово видѣвше, поклонимся Господу Іисусу“. Видишь,—только „видѣвше“ нужно кланяться-то, а если не увидишь воскресенія, то нечего и кланяться; какъ и въ евангеліи сказано: „всѣ ученики воскресли, а Θома не воскресъ, только уже послѣ, какъ увидѣлъ воскресшаго Христа—воскресъ. Христось-то вѣдь воскресъ не плотію, а „единомысленно“. Это значить, что съ „распятіемъ“ юканчиваются „испытанія“,—человѣкъ совершенно „очищается отъ скверны“, оправдывается, становится „сосудомъ совершеннымъ“ и переходитъ къ „новой“, совершенной и уже безстрастной жизни „внѣ закона“, „по духу благодати“, такъ какъ онъ уже „оправданъ“,—то ему какъ „праведнику законъ не лежитъ“. Это состояніе выше на землѣ, состояніе „апостольское“, составляющее предметъ стремленій всѣхъ бесѣдниковъ, но путь къ нему долгъ и тернистъ и доходитъ до него далеко не всякій,—вотъ почему на пасху на привѣтъ православныхъ „Христось воскресъ!“—своимъ близкимъ бесѣдники отвѣчаютъ:—„Нѣтъ, пока еще не

воскресъ“. Мнѣ лично одна бесѣдница говорила: „эхъ, батюшка, кому не охота воскреснуть, только намъ-то до этого еще далеко“.

„Вознесеніе“ пріурочивается къ смерти, имъ оканчивается земное поприще бесѣдниковъ, послѣ чего пречистая душа его „возносится въ нѣдра отчи“.

Достигши „воскресенія“, бесѣдникъ становится „святымъ“, „апостоломъ“, „христомъ“, такъ какъ съ этого времени въ него окончательно вселится „духъ христовъ“ и въ такой мѣрѣ, что съ той поры такой человѣкъ самъ по себѣ уже не живетъ, а „живетъ въ немъ христосъ“, почему такихъ людей бесѣдники и зовутъ „христами“.

Такой человѣкъ въ глазахъ другихъ пользуется большимъ авторитетомъ и получаетъ отъ „главныхъ апостоловъ христовыхъ“—наи́стниковъ „матушки Маріи“ благословеніе и право въ извѣстной мѣстности руководить бесѣдниками,—при чемъ всѣ его духовныя дѣти, т. е. вѣрующіе бесѣдники, принявъ его за наставника, должны „отвергнуться“, всецѣло предать себя его водительству и безъ него уже „не могутъ творити ничесоже“; и зависимости эта такъ велика, что безъ благословенія мѣстнаго наставника или наставницы нельзя, напр., утромъ подоить корову и отогнать ее въ стадо; о покупкахъ и удовлетвореніи нужды по дому и говорить нечего, наши заправилы завѣдуютъ всѣмъ хозяйствомъ своихъ общинъ, нерѣдко лично покупая для „братій“ все необходимое, какъ-то одежду, обувь и проч., такъ что простой бесѣдникъ не имѣетъ своей воли, его воля и „спасеніе“ находятся въ безусловной зависимости отъ „духовнаго отца“, „дяденьки“. Но и этотъ мѣстный апостоль той или другой бесѣднической общины въ свою очередь находится въ такой же зависимости отъ другихъ старшихъ села Тимашева—„христосъ“ С. О. Т—нъ, напр., находится въ безусловной зависимости отъ моего сосѣда-христа Д. П—ва, къ коему за совѣтомъ и указаніемъ частенько ходитъ пѣшкомъ, не смущаясь 120 верстнымъ расстояніемъ, а самъ Д. П—въ ходитъ на поклонъ къ дядѣ Митѣ Каменскому. Высшую степень святости послѣ „матушки Маріи“ насколько извѣстно имѣютъ теперь четыре „апостола“ евангелиста—„дяденьки“: Димитрій Каменскій, Николай, Козьма и Игнатій. Эти послѣдніе имѣютъ отъ тетушки значительно большія противъ мѣстныхъ „апостоловъ“ полномочія и отличаются отъ нихъ тѣмъ, что они „всеобщіе старцы“ и имѣютъ власть „рѣшить и вязать“, самое же главное и существенное преимущество этихъ дяденекъ заключается въ томъ, что безъ нихъ спастись никому никакъ нельзя, потому что они и только одни они „имѣютъ дерзновеніе быть ходатаями за вѣрныхъ и доносить ихъ молитвы до Бога“,—вотъ почему всѣ безъ исключенія бесѣдники всегда и вездѣ, и утромъ и вечеромъ, и предъ ѣдой и предъ работой, и дома, и въ храмѣ и взрослые и дѣти молятся такъ: „святые отцы Димитріе, Николае, Козмо и Игнатіе, молитте Бога о насъ“. На собраніяхъ въ честь ихъ поютъ тропари Димитрію Каменскому—тропарь великомученика Димитрія,—Николаю,—тропарь святителя Николая, а въ честь матушки Маріи

кондакъ такого содержанія: „Во искушеніи и скорби къ твоему храму притекающе, приѣмлемъ честное дарованіе отъ божественной твоей живущей благодати, о мати Маріе! присно бо точиши исцѣленіе“.

На бесѣдахъ по этому поводу намъ приводилось обращать вниманіе бесѣдниковъ на слова Господа: „Наступитъ время, когда будутъ говорить:—вотъ здѣсь Христось,—вонъ тамъ Христось,—не имите вѣры“. И вотъ какъ бесѣдникъ Д. П.—въ толкуетъ ихъ: „это правда сказано, что будетъ время, когда явится много ложныхъ христовъ и ложныхъ пророковъ, но вѣдь намъ вельно „по плодамъ унавать ихъ“: кто куритъ табакъ, пьетъ вино, ѣстъ мясо и пр., тотъ ложный Христось,—и разумѣется, что бы онъ ни говорилъ, ему вѣрить нельзя. А вы посмотрите на дяденьку, вы знаете, какой я былъ пьяница, трубоккуръ, мерзкій, одно слово: „одинъ живущій грѣха“, а какъ пожилъ у дяденьки Мити-то, да посмотрѣлъ на его дѣла-то и т. д.,—при этомъ всегда въ самыхъ увлекательныхъ чертахъ описывается добрая жизнь дяденекъ и подвиги матушки Маріи и въ заключеніе слушатели приглашаются безъ всякаго сомнѣнія слѣдовать за ними, какъ за „Христами истинными“.

Разъ не было Богочеловѣка Христа, о которомъ повѣствуетъ Евангеліе, то ясно, что, по ученію бесѣдниковъ, не было и искупленія,—слѣдовательно, нѣтъ для нихъ и евангелія, какъ радостной вѣсти о Спасителѣ и совершенномъ Имъ спасеніи. И дѣйствительно бесѣдники признаютъ только живое евангеліе, т. е. „живые глаголы“ „живого бога“, напр. „дяди Мити“, въ которомъ „живетъ духъ святой и вся троица“,—а писанное евангеліе—это только „бумага да сажа“. И спасается человѣкъ, по ученію бесѣдниковъ, не благодатію Божіею, туне христіанину въ таинствахъ св. церкви подаваемою ради крестныхъ заслугъ Спасителя, а своими добрыми дѣлами, при чемъ спасеніе это достигается не вдругъ, а „накопляется“ постепенно по мѣрѣ того какъ человѣкъ, оставляя одну за другою свои дурныя привычки, преуспѣваетъ въ доброй жизни и добродѣтели, пока наконецъ совершенно не очиститъ себя отъ „скверны“.

Таково вкратцѣ ученіе бесѣдниковъ о Богѣ, Христѣ Сынѣ Божіемъ и о спасеніи... Изъ него ясно, что у бесѣдниковъ нѣтъ, да и не можетъ быть правильнаго понятія ни о церкви Христовой, далѣе, ни о ея спасительныхъ таинствахъ. Дѣйствительно, хотя бесѣдники часто ходятъ въ храмъ и приступаютъ къ таинствамъ св. церкви, но дѣлаютъ это не потому, что вѣруютъ въ церковь и спасительность ея таинствъ, а по соображеніямъ, ничего общаго съ вѣрою не имѣющимъ. Дѣлается это частію для того, чтобы скрыть свою принадлежность къ сектѣ, частію же для привлеченія къ себѣ новыхъ братій, дабы „быть всѣмъ вся“. Почитаютъ же „дяденьки“ св. православную церковь за церковь ветхозавѣтную и другихъ учатъ тому же: „къ таинствамъ православной церкви надо относиться такъ же, какъ апостолы относились къ обрядамъ ветхозавѣтной церкви. Апостолы знали,

что уже „прейде сѣнь законная, благодати пришедши“,—однако и въ храмъ ходили, и жертвы приносили и другіе обряды соблюдали. По примѣру апостоловъ и бесѣдникамъ де нужно ходить въ храмъ, потому что она училище наше, но не слѣдуетъ смѣшивать его съ „церковью апостольской“,—каковою могутъ быть только собранія („бесѣдки“) бесѣдниковъ, на которыхъ „уста къ устамъ“ можно послушать самихъ апостоловъ и кромѣ того на нихъ присутствуетъ самъ Богъ и озаряетъ собравшихся, а у православныхъ въ церкви-то апостоль только читаютъ, да и то не для нихъ, а все для невѣрныхъ, тамъ слышишь то къ евреямъ, то къ римлянамъ... (подъ которыми бесѣдники и разумѣютъ православныхъ), а намъ-то (бесѣдникамъ), какъ „истиннымъ христіанамъ“, и послушать нечего.

Слѣдуетъ бесѣдникамъ соблюдать и посты, праздники и вообще исполнять предписанія закона, но все это обязательно постолуке, поскольку во всемъ этомъ прообразуется „живой богъ“,—т. е. поскольку все это напоминаетъ „дяденекъ“ и „матушку Марію“. И надо сказать, что при этомъ бесѣдники вездѣ и во всемъ видятъ аллегорію и даютъ самый широкій просторъ своему толкованію. На бесѣдкахъ у нихъ намъ, напр., приводилось слышать такія вещи:—„христосъ“ задаетъ вопросъ: „а скажите, братцы, что значитъ „разъ и азъ“?“—Всѣ молчатъ; начинается объясненіе: „разъ“—означаетъ дорогу къ царю земному, потому что разъ, два, три—четыре такъ считаютъ, а царь земной все дѣлаетъ со счетомъ, со счетомъ деньги дѣлаетъ, —безъ счету ни денегъ не даетъ, ни принимаетъ, даже солдатъ безъ счета въ строй не ставитъ,—а „азъ“—это дорога къ царю небесному:—азъ, буки, вѣди, глаголь, добро, есть, живете, земля.. такъ называются буквы: азъ значитъ я, буки—быль, вѣди—видѣль, глаголь—говорю, добро—добрые люди, „богъ во плоти“, есть—существуетъ, живете—живетъ, земля—съ нами на землѣ.. Это и есть дорога къ царю небесному.

Въ силу чрезъчуръ ужъ свободнаго обращенія съ священнымъ писаніемъ грамотныхъ бесѣдники недолюбливаютъ; мой сосѣдъ, напр., если увидитъ у кого изъ бесѣдниковъ книгу, всегда говоритъ одно: „брось ты эту сажу, вѣдь это мертвая буква, а ты слушай и вторь „живому слову“ „живого бога“, тогда и у тебя самого „изъ чрева потекутъ рѣки воды живой“, или ты не знаешь, что „письмя убиваетъ“, а „духъ животворитъ“. Самъ онъ хвастается тѣмъ, что „книги вѣсть не учився“. Намъ думается, что тутъ преслѣдуются двѣ цѣли: во 1-хъ можно похвастаться явнымъ дѣйствіемъ Св. Духа: „книги вѣсть не учився, яко же и Христосъ“; во 2-хъ, и то, что неграмотныхъ слушать легче, и въ заблужденіи своемъ они бываютъ упорнѣе, потому что у нихъ меньше возможности провѣрить свое ученіе словомъ Божиимъ. Вотъ, напримѣръ, какъ бесѣдники доказываютъ правоту своего ученія и законность и даже необходимость своихъ тайныхъ сборищъ: „Вы осуждаете насъ за то, что мы тайно собираемся на бесѣдку потому, что не понимаемъ писанія, говорятъ они право-

славнымъ.—Ну скажи, напр., хоть ты,—обращается бесѣдникъ къ жому нибудь обыкновенно неграмотному,—ты въ церкви бываешь?

— Бываю.

— Слышалъ, тамъ за обѣдней поютъ: Иже херувимы, тайно-образающе?

— Слышалъ!

— Къ чему это?

— Не знаю.

— Вотъ то-то же и есть, что не знаешь, а не знаешь, такъ чего и разсуждать. Это къ тому и сказано, что нужно собираться тайно.

Не вѣря ни въ одно изъ таинствъ св. церкви, бесѣдники и водительство въ дѣлѣ спасенія со стороны Богомъ поставленныхъ пастырей церкви считаютъ прямо вреднымъ: „попы и архіереи, говоритъ онъ, не спасаютъ потому, что они сами грѣшники“. Прощеніе грѣховъ, по ученію бесѣдниковъ, можно получить только отъ „дяденекъ“, а попы грѣшники,—имъ хоть кайся, хоть не кайся, все равно.

А одинъ Березовскій бесѣдникъ зашелъ еще дальше: „только тѣ, кто ничего не понимаетъ, поучаетъ онъ, идутъ къ попамъ каяться; словно и не слышатъ, какъ попы сами же на стояніи читаютъ, когда Іуда предалъ Христа, то пошелъ къ первосвященникамъ и раскаялся,—а вѣдь это къ тому сказано, что только Іудамъ и нужно у поповъ каяться. Вотъ если у „дяденки“ исповѣдуешься, то все равно, что на небѣ былъ; ни одного грѣха не останется“. Не нужно и молить церкви, потому что спастись можно тодько „молитвами святыхъ отцовъ“, т. е. дяденекъ и матушки Маріи, поэтому „матушку“ бесѣдники всегда на помощь призываютъ, и крѣпко вѣря въ скорую чудесную ея помощь, настоятельно совѣтуютъ дѣлать то же и другимъ, кого желаютъ привлечь къ себѣ. У одного сапожника въ селѣ Раковкѣ испортилась швейная машина, долго онъ съ ней возился, желая ее испразить, но дѣло на ладъ не шло. Увидѣлъ это бесѣдникъ, долго соблазнявшій его пойти въ ихъ секту, и, желая наглядно показать ему всемогущую помощь матушки, говоритъ: „ты только съ вѣрой призови на помощь матушку Марію и машина твоя сама собою исправится. А у поповъ-то, говорятъ они, вездѣ и во всемъ обманъ, за службой-то и то обманываютъ. Не такъ давно Д. П.—въ говорилъ православнымъ:

— Вы въ церкви были?

— Были.

— Слышали, попы пѣли: „Благослови, душе моя, Господа?“

— Слышали.

— А догадались, что попы васъ обманываютъ?

— Нѣтъ.

— Эхъ, горе! Гдѣ у васъ голова-то? Вѣдь обманъ-то явный. Развѣ душа можетъ Господа-то *благословлять*? Или еще поютъ: „на горахъ стануть воды“. А развѣ въ церкви горы-то есть?

Не нужно ни святой воды, ни просфоръ, такъ какъ и то и

другое можно получать отъ „дяденекъ“, а поповскими просфорами только лошадей кормить.

Не нужно ни св. книгъ, ни церковныхъ пѣснопѣній, ибо все спасеніе въ „кантахъ“, потому что въ нихъ „духъ“.

Въ началѣ нынѣшняго года былъ такой случай. Въ Ермаковѣ умеръ бесѣдникъ А. Ш—овъ. Почти вся семья Ш—выхъ состоитъ изъ бесѣдниковъ. Руководствуясь ученіемъ, что все спасеніе въ кантахъ, они двѣ ночи, пока умершій былъ въ домѣ, вмѣсто чтенія надъ нимъ псалтири, пѣли канты, а о приглашеніи причта отслужить панихиду не было, да и не могло быть и рѣчи, потому что у насъ въ Самарской губерніи бесѣдники учатъ о безпольности поминовенія въ церкви, потому что тамъ „поминанія читаютъ епископы, священники и діаконы „сѣдатели овецъ“,—„подобные псамъ враги“; не въ примѣръ будетъ больше пользы, если прочтетъ келейница въ кельѣ“.

Спасеніе каждаго бесѣдника всецѣло зависитъ отъ исполненія слѣдующихъ заповѣдей.

1) Вѣрь въ божественность „дяденекъ“ и „матушки Маріи“—и всегда призывай ихъ на помощь.

2) Неопустительно ходи на бесѣдку и вѣрь въ ея необходимость и спасительность.

3) Храни тайну истинной (бесѣднической) вѣры, ибо писано: „тайно образующе“.

4) Дѣлай то, что тебѣ „духовный отецъ“ прикажетъ.

5) Надѣйся на молитвы „святыхъ Божіихъ человекъ“, т. е. „дяденекъ“,—и спасешься.

Въ обыденной жизни бесѣдники любятъ показать себя людьми благочестивыми, набожными. Основнымъ правиломъ жизни каждаго бесѣдника долженъ быть девизъ:—„Оставь прежнія худыя привычки и постепенно начинай новую жизнь“. „Начинай съ мелочей: прежде всего научись въ мелочахъ быть аккуратнымъ, тогда и самъ поймешь, отъ какого множества грѣховъ спасеть тебя эта аккуратность. Вотъ примѣръ. Мужикъ пріѣхалъ съ поля, измаялся, усталъ, лошадь путемъ не убралъ, сбрую бросилъ зря. Повидному, тутъ грѣха нѣтъ, а вникни да разбери. Встанетъ утромъ-то, хватъ—дугу скотина загадила: бранить скотину. А тамъ глядь, свиньи сбрую попортили: бранить свиней. Выѣхать хотѣлось бы пораньше, а тутъ: нѣтъ то того, то другого; и искать не знаетъ гдѣ, забылъ, куда вчера бросилъ. Начнетъ злиться, скверно ругаться на домашнихъ, на работника, на всѣхъ, кто попадетъ подъ руку. Вонъ сколько грѣха-то. А ты убери все къ мѣсту, грѣха-то и не будетъ. Такъ бываетъ всегда и во всемъ“. И надо сказать, всѣ бесѣдники очень аккуратны. Въ большинствѣ случаевъ бесѣдники трудолюбивы, трезвы, табаку не курятъ, мяса не ѣдятъ, почитая все это за скверну. Живутъ скромно: одѣваются чисто, опрятно, предпочтительно въ темный цвѣтъ. Ходить бесѣдникъ долженъ опустя голову и смотрѣть предъ собою. При встрѣчѣ своимъ долженъ отвѣчать низкими поклонами и привѣтствовать пожеланіемъ мира, на привѣтъ же пра-

вославныхъ можетъ снять шапку, но отнюдь не долженъ подавать руки. При входѣ и выходѣ, садясь и вставая, вездѣ и всегда бесѣдникъ долженъ ограждать себя крестнымъ знаменіемъ.

Крестимся мы для того, говоритъ мнѣ Д. П—въ, чтобы мертвые воскресли. Видя мое недоумѣніе, пояснилъ: „При крещеніи ты сколько печатей-то приложишь, а вѣдь ни одна не уцѣлѣла: глаза завидушіе, руки загребушія, ноги на пирь, уста служатъ бѣсу. А мы желаемъ, чтобы уста славили Бога, ноги—вели въ храмъ и на бесѣдку, гдѣ можно „Божіе слово“ послушать, руки—начинали бы добрую жизнь: очи—зрѣли Господа“. Креститься бесѣдникъ долженъ истово, кланяться ниако.

Кушаютъ бесѣдники два раза въ день, потому что только предъ обѣдомъ и ужиномъ молитва положена; а въ среду и пяттокъ-по одному разу, но за то ужъ такъ основательно, что послѣ обѣда „вернуться не могутъ“. Предъ обѣдомъ у нихъ есть своя молитва: „Во имя Божіе, благослови, Господи, и помяни матушку Марію, Димитрія, Николая, Козьму, Игнатія, Матрону и всѣхъ насъ равнымъ образомъ“.

Приведемъ вкратцѣ тѣ правила, которыя необходимо долженъ исполнить каждый бесѣдникъ въ обыденной жизни:

- 1) Не пей вина: оно кровь сатаны.
 - 2) Не ѣшь мяса: неизвѣстно еще, гдѣ сами послѣ смерти будемъ.
 - 3) Не кури табакъ: онъ скверна; покуривъ, грѣхъ идти на бесѣдку.
 - 4) Не говори „я“: я на двѣ ада, мы троица.
 - 5) Не ходи на бесѣдку, на заваленку: ты не собака.
 - 6) Не грызи подсолнуховъ: это все равно ѣда, а ты учишь воздержанію, чтобы быть истиннымъ христіаниномъ и сохранить всѣ 7 печатей.
 - 7) Не говори „Богъ помощь“—не заставляй Бога работать. Онъ за насъ не работникъ.
 - 8) При встрѣчѣ не подавай руку и не говори „здравствуй“ 1): этимъ избѣжишь общенія съ жидами и язычниками.
 - 9) Чаше ходи въ храмъ Божій, но не ходи на богомолье по святымъ мѣстамъ.
 - 10) Крестись при началѣ и концѣ cadaго дѣла.
 - 11) Не клади ногу на ногу, чтобы дьяволъ на нее не вскочилъ.
- Заповѣди Христа о любви къ ближнему бесѣдники понимаютъ узко, разумѣя подъ ближнимъ исключительно однихъ бесѣдниковъ, а православныхъ, хотя бы даже и ближайшихъ родственниковъ, каковы напр. отецъ, мать и т. п., считаютъ не только чуждыми себѣ, но и врагами (жидами христогонителями), которымъ можно безнаказанно учинить всякую мерзость, ибо, по

1) „Христось руки не подавалъ и здравствуй не говорилъ. Онъ говорилъ: „Миръ вамъ“. Обычай говорить „здравствуй“ и подавать руку выдумалъ дьяволъ; какъ только руку-то подашь да здравствуй скажешь, дьяволъ то на руку сядетъ и давай плясать да радоваться“.

ученію бесѣдниковъ, тутъ грѣха нѣтъ. Православное духовенство— это книжники, фарисеи, архіереи — злодѣи, враги, гонители и распинатели Христа. Бесѣдники говорятъ:

„Православные усердно молятся: тоже дѣлали и фарисеи. Православные часто читаютъ писаніе: тоже дѣлали и книжники. Какъ евреи не признавали Христа за Бога и унижали Его, говоря: „въ тебѣ бѣсъ“, такъ и православные унижаютъ Христа и не вѣрують въ него, когда унижаютъ Его „истинныхъ“ послѣдователей, не признаютъ, что онъ самъ въ нихъ пребываетъ, и не считаютъ ихъ за „людей Божіихъ“, за „живыхъ боговъ“, а вѣрують въ какого-то невидимаго Христа и невидимую Богородицу. Евреи распяли Христа: и православные дѣлаютъ тоже, когда гонять Его истинныхъ послѣдователей, т. е. ихъ, бесѣдниковъ. И во всемъ прочемъ православные подобятся книжникамъ и фарисеямъ; а все отъ того, что они, подобно имъ, погрязли въ мертвой буквѣ: хотя и „читаютъ“ „законъ и пророки“, но не могутъ усвоить себѣ духа. А кто Духа Святаго не имать, сей нѣсть Еговъ“.

Православныхъ пастырей, не стѣсняясь, въ лицо бесѣдники называютъ отцами „брюховными“, за глаза же, хотя бы и въ присутствіи православныхъ,— „антихристами“, „дьяволами“.

При этомъ не опускаютъ ни одного случая похвастаться своей собственной „святой“ „высокой“, „духовной“ жизнью и превосходствомъ своихъ обожествленныхъ „дяденекъ“ и „матушекъ“.

Миссіонеръ священникъ Алексій Урбанскій.

Панфинская пропаганда въ Русской Карелии.

(Докладная записка миссіонера іеромонаха Кипріяна).

Протестантская пропаганда въ Карелии.

Протестантская пропаганда въ Карелии идетъ рука объ руку съ финскимъ національнымъ движеніемъ. Это особенно замѣтно въ нашей финской Карелии, гдѣ съ объявленіемъ вѣроисповѣдной свободы патриоты лютеране стали налегать на православныхъ за то, что они якобы исповѣдуютъ русскую вѣру и потому не могутъ быть настоящими финскими гражданами. Этотъ взглядъ выразился у насъ въ пѣломъ рядѣ разныхъ оскорбленій и насмѣшекъ надъ православной вѣрой и въ печати и въ общественной жизни. Газеты совѣтовали православнымъ финнамъ бросить русскую не національную вѣру, землевладѣльцы гнали съ своихъ земель бѣдныхъ православныхъ торпарей, православнымъ прислугамъ отказывали въ мѣстахъ, грозили закрыть финскія школы для православныхъ дѣтей, видные доктора—лютеране за свой бракъ съ православной половиной лишались репутаціи и доходовъ, православные учителя не находили мѣстъ и пр. и пр. Заодно съ лютеранами-націоналистами на этомъ поприщѣ стали подвизаться у насъ и пасторы. Отъ имени редакціи пасторской газеты „Kotimaan“ однажды заявлялось, что миссія въ Карелии высока и благородна не только какъ подвигъ вѣры, но и какъ патриотическій долгъ предъ родиной (№ 88).

Того же слѣдуетъ ожидать и въ русской Карелии, если финскіе націоналисты-лютеране завладѣютъ симпатіями православнаго населенія. Политическое панфинское движеніе, насколько выяснился предъ нами его характеръ, угрожаетъ серьезною опасностью православнымъ кареламъ и въ недалекомъ будущемъ ввергнетъ карельскіе приходы въ такой же огонь искушеній, въ какомъ сгораетъ теперь православная Холмская Русь, подчиненная иновѣрной Польшѣ. Не сладко живетъ нашимъ православнымъ и въ финской Карелии подъ властью иновѣрнаго правительства, что же будетъ, если мечты просвѣтителей осуществятся и если они добьются культурнаго и политическаго соединенія русской Карелии съ Финляндіей. Вѣстники грядущихъ искушеній уже на лицо. Въ докладѣ о панфинской пропагандѣ мы гово-

рили, что идейными руководителями общества Бѣломорскихъ карель являются образованные финны-лютеране и изъ нихъ особенно видный дѣятель О. А. Хайнари, который вообще не отдѣляетъ вѣры отъ національности и не можетъ представить себѣ финна не лютераниномъ. Послушнымъ слугой Хайнари заявилъ себя и вдохновитель журнала „Karjalaisten Rakinoita“ Аванасьевь-Агава, теперь порвавшій уже и номинальныя связи съ православной церковью и недавно перешедшій въ лютеранство. А редакторъ журнала, писатель И. Хяркениенъ, хотя и числится еще православнымъ, но по своимъ религиознымъ убѣжденіямъ не принадлежитъ и къ лютеранской церкви. Изъ другихъ сотрудниковъ журнала опредѣленіе всѣхъ высказался противъ православія писатель Каламиусъ, поставившій на одну доску православныя иконы и нагайки урядниковъ.

Вдохновляемое такими руководителями, общество собирается покрыть русскую Карелию цѣлой сѣтью школъ до народнаго университета включительно въ противовѣсъ русской церковно-приходской школѣ и съ устраненіемъ всякаго церковнаго вліянія. Одному священнику уже отъказано въ законоучительствѣ, когда онъ, испытывая почву просвѣтителей, предложилъ свои услуги потрудиться въ будущихъ финскихъ школахъ. Ему отвѣтили: мы найдемъ законоучителей по духу своему. Опытъ показываетъ, какихъ законоучителей можно ждать изъ рукъ просвѣтителей. Въ одномъ приходѣ (Вуоккиніеми), неизвѣстно съ чьего разрѣшенія, дѣйствуетъ уже передвижная школа и учителемъ назначенъ какой-то недоучка-алкоголикъ, вѣроятно, за безцѣнокъ продавшій себя обществу.

Другимъ средствомъ противоцерковной дѣятельности въ рукахъ просвѣтителей является начатый ими походъ противъ священниковъ карельскихъ приходовъ. И въ газетахъ финскихъ, и въ частномъ разговорѣ стало общимъ мѣстомъ указывать не только на нетрезвость и недоученость мѣстныхъ священниковъ, но и на такіе проступки, за которые, по канонамъ, и мірянинъ отлучается отъ церкви. Не въ качествѣ доноса, а простой иллюстраціи, позволю себѣ указать самый легкій примѣръ изъ путевыхъ записокъ одного туриста въ Бѣломорскую Карелию. „Вотъ какой случай произошелъ съ псаломщикомъ Красильниковымъ, пишетъ туристъ. Онъ служилъ въ маленькомъ бѣдномъ приходѣ Латво-ярви. Женился на карелкѣ и скоро обзавелся большою семьей. Это побудило бѣднаго псаломщика, несмотря на слабость къ вину—что составляетъ впрочемъ обычное явленіе въ средѣ священно-церковно-служителей Бѣломорской Карелии—стремиться къ высшимъ должностямъ. Какъ-то случайно вмѣсто діаконства, онъ получилъ мѣсто священника, и на радости попалъ въ кабакъ, гдѣ до того охмѣлѣлъ, что схватился за вихры съ пьяной полиціей. Послѣдствія сначала

были горьки для новопосвященнаго іерея, но потомъ онъ получилъ мѣсто въ одномъ карельскомъ приходѣ (Laatokka № 96). Просвѣтителю широко пользуются такими разсказами съ цѣлью подорвать довѣріе простого народа къ своимъ пастырямъ и забрать его въ свои руки. И то, и другое средство противоцерковной дѣятельности просвѣтителей, расшатывая народную вѣру, являются сугубо опасными именно въ виду лютеранскаго похода въ Карелию, который стоитъ въ непосредственной связи съ пробужденіемъ національных стремленій въ Финляндіи и гонится по пятамъ за политической пропагандой. Со стороны лютеранъ намъ грозитъ бѣда общая. Фанатики не раздѣляютъ Карелии финской и русской, вся Карелия сливается для нихъ въ одно невоздѣланное поле для насажденія лютеранства и они появятся всюду, гдѣ только языкъ не будетъ помѣхой (Kotimaa № 50). Частныя лица и разныя протестантскія общества мобилизуютъ свои силы и готовы вторгнуться въ наше православное стадо. Это движеніе развивается въ связи съ общимъ повышеніемъ барометра религіозной жизни въ Финляндіи, особенно послѣ объявленія вѣроисповѣдной свободы. Повторяющіяся и теперь отпаденія нашихъ православныхъ въ лютеранство только подливаютъ масла въ огонь и придаютъ начинаніямъ пропагаторовъ увѣренность и стойкость. Особенно ревнуютъ о славѣ лютеранства финны, принадлежащія къ евангелическому направленію. Эта фракція самая фанатичная въ лютеранствѣ и, не проповѣдуя почти никакой догматики, неотразимо вліяетъ на чувство своимъ мистицизмомъ и страстнымъ воодушевленіемъ. Въ рукахъ этой партіи сосредоточены и главныя нити Pastorской газеты „Kotimaa“ и подъ ея руководствомъ развивается планъ начавшейся пропаганды. Сначала въ „Kotimaa“ появлялись страстныя воззванія съ цѣлью воздѣйствовать на лютеранское общество и обратить его религіозный интересъ на сидящую во тьмѣ и снѣи смертной Карелию. Въ одномъ изъ этихъ воззваній подъ страннымъ заглавіемъ „Евангеліе братьямъ русскимъ“ (кареламъ) читаемъ: „Зачѣмъ братья русскіе странствуютъ еще въ странѣ смерти, когда мы сотни лѣтъ уже наслаждаемся благодатнымъ свѣтомъ Евангелія? Зачѣмъ они служатъ еще безчувственнымъ языческимъ богамъ, когда мы разослали проповѣдниковъ Евангелія Иисуса до Африки? Почему свидѣтели объ Иисусѣ изъ финновъ терпятъ гоненія и трудятся въ далекихъ чужихъ странахъ и ни одинъ изъ нихъ не попытается исполнить заповѣдь Иисуса о спасеніи безсмертныхъ душъ нашихъ братьевъ русскихъ? Почему? Не есть ли это безсиліе, любезные братья, дѣло діавола, разрушить царство котораго приходилъ самъ Иисусъ? Время ли защищаться тѣмъ, что миссія въ Россіи по политическимъ условіямъ невозможна? Какъ поступалъ ап. Павелъ, когда носители власти тѣснили его? Онъ готовъ былъ на все за Иисуса.

Малоцѣннымъ казалось для него пожертвовать и свою жизнь изъ любви къ Иисусу. Не открыта ли дорога туда (въ Россію) и теперь, въ наши дни? Почему евангельское поприще все еще остается въ тѣхъ предѣлахъ, гдѣ осѣли шведы сотни лѣтъ тому назадъ? Братья, этотъ грѣхъ нерадѣнія вопіетъ противъ насъ и благословенія (Божія) на нашихъ дѣлахъ не будетъ до тѣхъ поръ, пока, по нашей винѣ, наши братья будутъ стонать (вздыхать) предъ идолами. Развѣ они (русскіе) не нуждаются въ помощи? Всякій, конечно, знаетъ объ этой нуждѣ. Я въ прошломъ году имѣлъ случай слышать и видѣть, каково духовное состояніе пограничныхъ карелъ. Мракъ, тьма, смерть. Для поясненія расскажу одинъ наглядный примѣръ. Это примѣръ не случайный, а общее явленіе. Я былъ съ проводникомъ, человѣкомъ преклонныхъ лѣтъ, на кладбищѣ большого, напоминающаго маленькій городокъ села Тулемаярви. Суевѣрно, подавленный ужасомъ, вель себя на кладбищѣ старикъ. Не было въ немъ торжественно-пріятной надежды, которая обычно отражается въ глазахъ христіанъ на кладбищѣ, а только языческой страхъ. Я спросилъ его: думали ли вы о томъ, куда пойдетъ ваша душа и вашъ духъ, когда тѣло скроется здѣсь въ землѣ? Колебаясь, онъ отвѣтилъ: мы не знаемъ этого; попы знаютъ мы платимъ имъ.

Это за два километра отъ границы. Что же въ мѣстахъ по Волгѣ и Оби? Нѣтъ, братья и сестры, этого не должно быть больше. Что же дѣлать? Молите „Господина жатвы“, чтобы онъ ускорилъ насъ на дѣло.— Не поговорить ли уже и не попѣть ли объ Иисусѣ съ Библией и книгой стиховъ въ рукахъ будущимъ лѣтомъ въ тѣхъ мѣстахъ пограничной Карелии, гдѣ языкъ не будетъ помѣхой.

Нельзя ли подумать и объ основаніи общества для этой миссіи или хотя только денежнаго фонда. Поставимъ, по крайней мѣрѣ, для будущаго на своихъ столахъ кружки съ надписью: Евангеліе братьямъ русскимъ. Не правда ли, тамъ (въ Россіи) виноградникъ Божій для финскихъ дѣятелей. Пріятное дѣло, великая работа.

Будемъ ли мы стоять праздными на площади, когда въ ухахъ нашихъ призывъ Божій: идите и вы. Пусть любовь къ Иисусу подвинетъ насъ на это дѣло. Пойдемъ и понесемъ Иисуса братьямъ русскимъ“. („Kotimaa“ № 50).

Подготовивши такими воззваніями почву среди ревнителей лютеранства, сама редакція газеты Kotimaa стала потомъ во главѣ пропаганды и начала дѣйствовать на общество съ другой стороны: стали печататься воззванія изъ Карелии, обращенныя къ лютеранскому обществу съ просьбой о помощи. „Приди въ Македонію и помоги намъ“ (Дѣян. 16, 9).

„Изъ Карелии пришла просьба, чтобы и тамъ начались духовныя

собрания и пробужденіе народа отъ грѣховнаго сна и невѣдѣнія. Эта часть страны во многихъ отношеніяхъ находится еще на ступени дѣтства. Въ другихъ мѣстностяхъ несравненно больше духовнаго возбужденія, бываютъ миссіонерскіе и евангелическіе праздники и вообще различными средствами ведется пробудительная работа. Но восточная Финляндія оставлена какъ бы въ сторонѣ, особенно пограничныя мѣстности, гдѣ господствуетъ большой мракъ въ духовномъ отношеніи.

Такъ будетъ и дальше, если новые работники не появятся въ виноградникѣ Божіемъ. Онъ зоветъ еще праздныхъ работниковъ на дѣло. Какъ много такихъ, которые могли бы отправиться и рѣчью и пѣніемъ свидѣтельствовать о той великой милости, которую они сами получили. Много такихъ, въ сердцахъ которыхъ слышится слово распятаго Христа: Это Я сдѣлалъ ради тебя. Что ты сдѣлалъ для Меня?

Подумайте о тѣхъ, братья и сестры, за которыхъ умеръ Иисусъ, но которые не сдѣлались еще общниками этой радостной вѣсти. Много такихъ въ любомъ мѣстѣ страны нашей, но въ другихъ мѣстахъ все-таки былъ случай слышать слово Божіе. Въ Карелии изъ-за дальности переквей и разрѣженности населенія, а также изъ-за малаго количества духовныхъ силъ не часто представляются такіе случаи. Дѣйствительно, тамъ сухая земля, требующая воды.

Нѣтъ ли въ христіанскомъ обществѣ молодежи такихъ, которые были бы готовы отправиться въ это лѣто на дѣло внутренней миссии, куда только Господь захочетъ послать. Вѣроятно, много какъ въ упомянутомъ обществѣ, такъ въ кругу народныхъ учителей и другихъ гражданъ такихъ, которые чувствуютъ въ своемъ сердцѣ призваніе отправиться съ проповѣдью о Господѣ Иисусѣ, но которые все-таки стоятъ праздными... Теперь кричатъ, зываютъ къ нимъ: идите и вы въ мой виноградникъ. Пусть каждый станетъ предъ Господомъ и спроситъ: Что хочешь отъ меня? Дѣйствительно, получимъ отвѣтъ, если спросимъ отъ твердаго сердца. Если же изъ этого не родится убѣжденности въ томъ, что Господь хочетъ меня послать, то нужно ждать, пока не появится эта убѣжденность. Но тѣхъ, которые чувствуютъ уже въ себѣ Божіе призваніе, побуждаемъ объявить объ этомъ редакціи „Kotima“, которая поспѣшитъ потомъ на это дѣло, когда обстоятельства дадутъ поводъ (№ 53).

Не довольствуясь воззваніями, редакція стала печатать передовыя статьи, съ выясненіемъ условій миссіонерскаго подвига въ Карелии подъ общимъ заглавіемъ „Миссія въ Карелии“. „И услышалъ я голосъ Господа, говорящаго: кого Мнѣ послать, и кто пойдетъ для Насъ?“ (Пр. Исаія, 6, 8).

Такъ и теперь „Господинъ жатвы“ нуждается въ миссіонерахъ, которыхъ бы Онъ могъ послать въ Карелию,—въ страну, гдѣ такъ мало

«слышится благая вѣсть евангельская. Разстоянія тамъ большія и дороги неудобныя, церкви рѣдки и священники не успѣваютъ и не могутъ проповѣдывать и духовно возбуждать народъ въ потребной мѣрѣ и степени. Особенно теперь, когда Господь, по Своей милости, открылъ дверь вѣры всѣмъ людямъ, нужны миссіонеры больше, чѣмъ прежде. Тамъ, гдѣ по вѣрѣ въ Иисуса и ревности о спасеніи душъ, начинаютъ проявляться признаки духовнаго возбужденія, тамъ Господь благословитъ трудъ и произведетъ обновленіе. Мертвыя сердца оживутъ подъ дѣйствіемъ Божіей благодати и откликнутся на призывъ Иисуса: Придите ко Мнѣ, всѣ труждающіеся и обремененные, и Я успокою васъ (Матѣ. II, 28). Духовная жизнь вообще во всей восточной Финляндіи въ упадкѣ, народъ спитъ глубокимъ сномъ грѣховнымъ, не заботится о спасеніи души. Правда, тамъ и здѣсь началось уже духовное пробужденіе, счастливо пришли „времена прохлады предъ лицомъ Господнимъ“, мило стало раздаваться въ нашей пустынѣ жужжаніе майскихъ ичель, предвѣщая наступленіе духовной весны и здѣсь, въ этойсиѣдаемой смертнымъ хладомъ землѣ. Не полагаются уже болѣе на чистоту своего ученія, не дерзаютъ быть сынами вѣры Авраама только по имени, но стараются воистину прилѣпиться къ Иисусу, своему Спасителю, Который одинъ только можетъ духовно пробудить наши мертвыя души.

О, какъ много требующихъ помощи въ странѣ карель. Тысячи душъ тамъ вдыхаютъ и печалуются о лучшемъ; онѣ стремятся, но не знаютъ куда. Онѣ просятъ себѣ общественныхъ правъ и за нашей границей. Въ этомъ проявляется ихъ тоска по свободѣ. О, если бы теперь миссіонеры густой толпой отправились туда къ пробудившимся кареламъ, чтобы призвать ихъ въ драгоценную свободу—въ свободу чадъ Божіихъ. О, если бы проповѣдники Евангелія пошли туда и провозгласили, что въ грѣхѣ самая большая и опасная бѣда для людей, что діаволъ самый ужасный врагъ народа, а беззаконіе—безчестіе народовъ (Прит. Сол. 14, 34). Къ этому дѣлу обязываетъ насъ прямая заповѣдь Иисуса: „Вы примете силу, когда сойдетъ на васъ Духъ Святой, и будете мнѣ свидѣтелями въ Іерусалимѣ и во всей Іудеѣ и Самаріи и даже до края земли“ (Дѣян. 1, 8). Намъ, финнамъ, надлежитъ исполнить эту заповѣдь прежде всего по отношенію къ своей странѣ. Это вполне естественно, что мы ищемъ спасенія души прежде всего тѣхъ людей, которые близки намъ, и дѣло проповѣди расширяемъ по мѣрѣ данныхъ отъ Бога силъ и въ зависимости отъ случая. Въ нашей странѣ уже давно открылась миссія для язычниковъ, цѣль которой проповѣдывать Евангеліе язычникамъ, живущимъ въ отдаленныхъ земляхъ. Это дѣло „Господинъ жатвы“ изобильно благословилъ и финскій народъ благодарить Бога за то, что Онъ сподобилъ его быть участникомъ въ этомъ святомъ дѣлѣ.

Но теперь Господь показалъ намъ новое драгоценное поприще дѣятельности въ средѣ нашего народа. Карелы вѣрены намъ; мы ихъ ближніе. Какой другой народъ обязанъ послать къ нимъ евангелистовъ, какъ не мы,—ихъ родное племя. Слишкомъ долго было заброшено это дѣло; почти ничего не дѣлали мы внутри нашей границы; довольствовались только вадохами, взирая на темноту карель. Теперь „Блюститель народовъ“ даетъ случай начать дѣло; свобода вѣры объявлена уже въ странѣ нашей великой восточной сосѣдки и среди ея народностей практикуется уже свобода вѣры. Одна молодая дѣвица, удостоившаяся благодати отъ Господа, пришла разъ въ школу, въ которой всѣ были чужды Спасителю. Сначала она подумала, что не можетъ начать здѣсь, среди такого множества людей, свою проповѣдь о Христѣ. Но какой-то тайный голосъ прошепталъ ей, что здѣсь-то она и должна свидѣтельствовать о Христѣ, такъ какъ нѣтъ другихъ дѣятелей.

Подобно этой дѣвицѣ и мы можемъ подумать, что у насъ не хватитъ силъ для Карелии, что у насъ п безъ нея много миссіонерскаго дѣла какъ въ своей странѣ, такъ и среди язычниковъ. Но прислушайся, любезный другъ, не шепчетъ-ли и тебѣ какой-либо голосъ, что въ Карелии мѣсто для твоей дѣятельности, что, кромѣ финновъ, другіе не могутъ проповѣдывать тамъ Евангеліе. Что ты сказалъ-бы, если бы пришли сюда проповѣдники изъ Швеціи и, сначала изучивши финскій языкъ, потомъ отправились къ нашему племени въ Карелию проповѣдывать на худомъ (ломаномъ) языкѣ возвышенное ученіе жизни. Вѣроятно, это тебя постыдило-бы—не такъ-ли?

Да, воистину будетъ стыдно намъ, если другіе, а не мы—финны, отправимся съ проповѣдью въ Карелию. Если такъ, если миссія тамъ въ Карелии нашъ святой долгъ, то съ рѣшительностью при Божьей помощи поспѣшимъ на это дѣло. Это—воля Божія, въ этомъ мы увѣрены. Кто другой, какъ не мы, обязаны дѣлать это? Прежде всего начнемъ молиться, чтобы Господь приготовилъ насъ къ этому дѣлу и ниспослалъ намъ силу Святаго Духа. Вѣдь только уже послѣ того, какъ горящій уголь съ алтаря Господня коснулся устъ пророга Исаи, онъ сказалъ съ готовностью: „вотъ я, пошли меня“. О, другъ, если-бы горящій уголь святого долга согрѣлъ и тебя и воодушевилъ на проповѣдь въ Карелии. Это—благородное дѣло для каждаго члена финскаго Сіона, который чувствуетъ призваніе къ этому. Оно (дѣло) не такъ трудно, какъ дѣло Исаи, который долженъ былъ идти къ своему народу съ грозной вѣстью о судѣ, и за уклоненіе отъ истины поразить скорбью сердца своихъ соотечественниковъ. Мы же пойдемъ къ своимъ сосѣдямъ съ благою (радостной) вѣстью Евангелія, понесемъ имъ вѣчныя блага, будемъ раздавать хлѣбъ жизни алчущимъ. Не будемъ бояться никакихъ препятствій, не будемъ обращать вни-

манія на презрѣніе, которое возбудитъ противъ насъ врагъ съ великой дерзостью. Господь Іисусъ очиститъ нашъ путь отъ всякихъ препятствій, если мы съ вѣрою пойдѣмъ впередъ.

Теперь еще разъ хотѣлъ-бы съ настойчивостью указать на то, чтобы мы не забывали тѣхъ мѣстъ въ нашей странѣ, которыя остались позади другихъ. Во время пробужденія при Езекии служеніе идоломъ было уничтожено сначала въ Іерусалимѣ, а потомъ и окрестъ его (2 Парал. 30,14; 31,1). Такъ и у насъ пробудительная работа началась въ отдѣльныхъ духовныхъ центрахъ страны, въ нѣкоторыхъ большихъ городахъ, но теперь она (работа) должна быть перенесена въ окрестности ихъ. Сѣверная Карелия все еще остается за чертой этого движенія, не можемъ мы забросить и ее.

Дай Богъ, чтобы работниковъ хватило и для Карелии. Кто-же скажетъ: „вотъ я, пошли меня“? Одинъ изъ нихъ можетъ самъ отправиться, другой заняться сборомъ денегъ для этой цѣли. Многіе вѣдь имѣютъ досугъ лѣтомъ и могли-бы употребить это время для отбыванія своей повинности въ евангельской Господней дружинѣ въ Карелии“ (№ 68).

Эти воззванія и статьи „Kotimaa“ не прошли безплодными для нашихъ приходоѡ. Тамъ и здѣсь стали появляться протестантскіе миссіонеры и фанатики-сектанты, постепенно приближаясь къ границѣ. За ними послѣдовала и „Kotimaa“. Теперь съ увѣренностью можно сказать, что всѣ нити задуманной пропаганды изъ Гельсингфорса постепенно переходятъ въ нашъ карельскій Сердоболь. Еще въ августѣ мѣсяцѣ редакція „Kotimaa“ помѣстила такую замѣтку: „Миссія въ Карелию въ настоящее время стала дорогой для многихъ учениковъ Господа и молитвы возносятся къ Господину жатвы, чтобы Онъ послалъ и туда работниковъ,—жатва Господня есть и тамъ, въ этой бѣдной Карелии, гдѣ много лѣтъ царитъ непроглядный мракъ. Такъ какъ теперь нашлись уже люди, желающіе отправиться съ проповѣдью въ Карелию, то мы дерзаемъ обратиться и къ тѣмъ, которые могли-бы пожертвовать что-либо на это дѣло. Кому принадлежитъ эта нива, какъ не намъ, финнамъ, братьямъ карель по крови какъ по сю, такъ и по ту сторону границы. Привяжемъ ихъ къ себѣ драгоцѣнными узамъ вѣры, только тогда мы будемъ въ силахъ облагодѣлать ихъ и воздѣйствовать на нихъ. Это дѣло должно быть дорого намъ не только какъ дѣло вѣры, но и какъ патріотическій подвигъ, о которомъ намъ не слѣдуетъ забывать... Убѣждаемъ посылать деньги и книги въ контору редакціи „Kotimaa“ (№ 88).

Въ слѣдующемъ мѣсяцѣ сентябрѣ редакція дала намъ новые реальные факты своихъ пропагаторскихъ начинаній въ Карелии. Въ № 138 „Kotimaa“ помѣщено извѣстіе, что въ Сердоболѣ при

мѣстномъ евангелическомъ обществѣ 27 сентября на общемъ собраніи комитета общества рѣшено открыть при немъ миссіонерскій денежный фондъ для проповѣдническихъ цѣлей въ Карелии. Друзья, желающіе поддержать миссію въ Карелии, пусть прежде всего молятся, чтобы Господинъ жатвы Самъ приготовилъ, призвалъ и отправилъ на это дѣло такихъ лицъ, которые съ вѣрой, мудростью и силой Духа могли бы послужить Ему въ Карелии и повѣдать кареламъ о благодати и жизни, даруемой Иисусомъ Христомъ чрезъ слово Божіе и возрожденіе отъ Духа Святаго. Желающіе поддержать это дѣло и съ матеріальной стороны благоволятъ направлять свои пожертвованія по адресу: Сердоболь, Евангелическое общество.

Во главѣ этого предпріятія изъ сердобольской интеллигенціи стоитъ преподаватель мѣстной учительской семинаріи Бокстремъ, ярый фанатикъ изъ евангеликовъ. Съ объявленіемъ вѣронеповѣдной свободы онъ не разъ выступалъ въ карельскихъ киркахъ съ своими зажигательными проповѣдями и теперь свои уроки по всеобщей исторіи превратилъ въ лекціи по Закону Божію съ постоянными нападками на почитаніе Богородицы и культъ папы. (Финскіе богословы и ученые вообще не различаютъ православія и католичества; то и другое извѣстно здѣсь подъ общимъ именемъ католичества или еще хуже того, подъ именемъ русской вѣры). Бокстремъ состоитъ между прочимъ редакторомъ „Педагогическихъ Извѣстій“, которыя теперь принимаютъ узко евангелическую прозелитскую окраску. И со страницъ этого листка начали раздаваться уже призывы къ миссіонерскому подвигу въ Карелии; на дняхъ появилось зажигательное воззваніе подъ общимъ заглавіемъ: „Миссія въ Карелии“ (Karjalan lähetys), перепечатанное потомъ въ популярныхъ изданіяхъ для народа, напр., въ листкѣ „Христіанскій Рабочій“. Свое воззваніе Бокстремъ ставитъ въ связи съ новооткрытымъ миссіонерскимъ фондомъ при сердобольскомъ евангелическомъ обществѣ и задачи карельской миссіи опредѣляетъ такъ: „прежде всего намъ слѣдуетъ распространять среди карель священное Писаніе, свидѣтельствовать объ Иисусѣ Христѣ и проповѣдывать Его Евангеліе, не противодѣйствуя въ то же время никакой церкви, а просто служа спасенію и блаженству душъ чрезъ живое слово Божіе“. Но это одна только личина, не препятствующая автору воззванія чрезъ нѣсколько строкъ благодарить Бога за то, что онъ родился и воспитался въ нѣдрахъ лютеранской церкви. „Я понимаю, пишетъ онъ, какъ велики и дороги преимущества чадъ лютеранской церкви, за которыя намъ слѣдуетъ благодарить Бога и обращать ихъ на благо финскаго лютеранскаго народа съ большей энергіей“... („Христіанскій Рабочій“ № 23, перепечатка изъ „Педагогическихъ Извѣстій“).

Въ связи съ пропагаторскими начинаніями евангеликовъ идутъ приготовленія къ миссіонерскому походу въ Карелію и въ пастырской средѣ съ перенесеніемъ центра дѣятельности въ тотъ-же карельскій Сердоболь. Частныя собранія пасторовъ въ Гельсингфорсѣ и Або, гдѣ, между прочимъ присутствовалъ профессоръ церковной исторіи докторъ Hulberg, прибывшій въ Россію изъ Америки въ качествѣ эксперта объединеннаго миссіонерскаго комитета для изученія русскаго народа въ цѣляхъ пропаганды („Kotimaa“, № 115), затронули и нашихъ карельскихъ пасторовъ. Въ № 125 „Kotimaa“ одинъ радѣтель писалъ: „Читая о собраніи пасторовъ въ Або, въ моемъ сердцѣ пробудилось желаніе, чтобы такіе-же сѣзды устраивались возможно чаще въ разныхъ мѣстахъ Финляндіи. Такъ какъ поле дѣятельности въ Кареліи не воздѣлано, то хотѣлось-бы устроить такой сѣздъ въ Кареліи... мѣстомъ сѣзда могъ-бы съ большимъ удобствомъ послужить Сердоболь... Дай Богъ, чтобы духовное пробужденіе началось и здѣсь въ невоздѣланной Кареліи... Этотъ призывъ нашелъ живой откликъ и въ средѣ мірянъ. Въ № 129 „Kotimaa“ одинъ „другъ церкви“ изъ среды мірянъ заявилъ, что на предполагаемый сѣздъ необходимо пригласить и мірянъ, потому что здѣсь въ Кареліи, пишетъ „другъ церкви“, „мы нуждаемся въ общемъ пробужденіи и благодатномъ вѣяніи Св. Духа... Дай Богъ, чтобы это собраніе послужило залогомъ вѣчнаго благословенія и пробужденія во всей обширной Кареліи“. Время для сѣзда назначается декабрь или январь. Отзвуки этихъ приготовленій слышны уже и въ пограничныхъ съ Бѣломорской Кареліей лютеранскихъ приходахъ. На пути въ Ухту мнѣ случайно пришлось встрѣтиться съ сыномъ старшаго пастора (provasti) въ Кугмоніемі на границѣ съ Аволаксомъ. Молодой человекъ съ восторгомъ повѣствовалъ мнѣ о миссіонерскихъ начинаніяхъ „Kotimaa“ и о будущихъ подвигахъ протестантскихъ миссіонеровъ въ сѣверной части Финляндіи и сосѣдней Русской Кареліи. Недавно „Kotimaa“ опубликовала и путевыя замѣтки одного миссіонера, который минувшимъ лѣтомъ ходилъ съ проповѣдью Евангелія въ районѣ юго-восточной границы Финляндіи и Россіи. Проповѣдникъ самыми мрачными красками изображаетъ религіозно-нравственное состояніе карель, ихъ страсть къ наживѣ, жадность и суевѣрность, нарушеніе праздничнаго покоя, сквернословіе, страсть къ вину и пр. „Святѣлю суевѣрій, пишетъ проповѣдникъ, показываются иногда здѣсь и тамъ. Но рѣдко заходятъ туда дѣятели на нивѣ Господней. Причина, вѣроятно, въ томъ, что трудно работать на этой нивѣ... Союзамъ и обществамъ, труждающимся на миссіонерскомъ поприщѣ, слѣдовало бы подумать о Русской Кареліи и послать туда проповѣдниковъ. Недостаточно только въ церкви или на желѣзно-дорожныхъ станціяхъ

держатъ собранія, нужно идти въ самыя отдаленныя отъ церкви деревни. Правда, всякая работа требуетъ матеріальныхъ средствъ, но вѣдь обогащеніе и не цѣль христіанскихъ союзовъ; ихъ задача дѣлать Божье дѣло, на что Господь дастъ и средствъ“ (№ 128).

Теперь руководители карельской миссіи пользуются всякимъ случаемъ, чтобы только достать средства на свое предпріятіе и возбудить къ нему сочувствіе во всѣхъ классахъ общества. Какъ широко теперь поставлено это дѣло и съ какимъ интересомъ стали относиться къ карельской миссіи въ лютеранскихъ кругахъ,—объ этомъ говорить уже тотъ фактъ, что въ теченіе января н. ст. рѣдкій номеръ Kotimaa выходилъ безъ сенсаціонныхъ извѣстій по этому вопросу. Мы приведемъ болѣе характерныя корреспонденціи. Kotimaa № 5, 1907 г. „Карельская миссія“. Въ Таммерфорсѣ 29-го числа минувшаго мѣсяца происходило общее собраніе разныхъ кружковъ свободоцерковниковъ (миссіонерскаго, ревнителѣй финскаго языка, организаторскаго и др.). Предметомъ обсуждения между прочимъ былъ вопросъ: слѣдуетъ-ли развивать миссіонерское дѣло среди финскихъ народовъ? „Финскій Еженедѣльникъ“ рассказываетъ объ этомъ собраніи слѣдующее.

Вопросъ поставилъ проповѣдникъ Меллеръ, сославшись на то, что миссіонерское дѣло уже давно является предметомъ его сердечныхъ желаній и молитвъ. Проповѣдники, ходившіе съ проповѣдью по Финляндіи, знаютъ, какъ мало здѣсь (въ Финляндіи) истинныхъ (живыхъ) христіанъ, какъ много здѣсь миссіонерской работы! Если опять обратимся къ Карелии, Россійской и Финляндской, то какой господствующій мракъ увидимъ тамъ, какое форменное язычество! Пожалуй, китайцы и японцы находятся не въ худшемъ положеніи. Въ продолженіе столѣтій ничего не было сдѣлано для благосостоянія пограничной Карелии. Ни одно общество тамъ не дѣйствовало, не смотря на то, что они—карелы—наше родное племя. Въ Ингерманландіи и вообще въ Россіи живетъ болѣе милліона финновъ. Въ Скандинавіи, Швеціи, Норвегіи и Россіи по берегу Ледовитаго океана можно встрѣтить много тысячъ финновъ, лишенныхъ евангельскаго воздѣйствія. Во имя Божіе необходимо теперь поспѣшить на дѣло. Помощь придетъ со всѣхъ сторонъ, лишь-бы только начать самое дѣло. По мнѣнію проповѣдника Салменсаари, нужно-бы развивать эту миссію, не сообразуясь съ географическими границами финскаго народа, нѣкоторыя племена коего пребываютъ еще въ полномъ язычествѣ, какъ напр., финны, живущіе въ Россіи, черемисы, вогулы, вотяки, остяки, зыряне. Правда, они насильно крещены въ христіанскую вѣру, но не знаютъ еще ничего о Богѣ. Во время церковныхъ праздниковъ одни приносятъ жертвы идоламъ, другіе скрываются въ глухихъ лѣсахъ съ той-же цѣлью. Если не помочь имъ въ скоромъ времени, то эти племена быстро

вырутъ отъ вина, вырождаются или сдѣлаются русскими. Проповѣдникъ Саариненъ выразилъ свое удовольствіе по поводу возникновенія этого вопроса. Пограничная Карелія полна язычества. Зовъ македонянина слышенъ изъ Кареліи: приходи, помоги намъ.

Дѣвица Ренфорсъ замѣтила, что нужно лично побывать въ Карелии, чтобы видѣть, какая духовная бѣдность и мракъ господствуютъ тамъ. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ былъ большой голодъ въ этихъ пограничныхъ мѣстностяхъ. Изъ-за границы прислались деньги, раздавать кои пришлось и ей. Она молилась о судьбѣ этого народа. У нихъ нѣтъ никакихъ знаній ни о Богѣ, ни о другихъ вещахъ. Съ ними нужно говорить, какъ съ 4-лѣтнимъ ребенкомъ. Однажды она спросила одного старика, что онъ дѣлаетъ, когда совѣсть его не спокойна. Старикъ отвѣтилъ: „возлагаю свѣчу предъ иконой Бога“. Нужно поспѣшить на дѣло для блага Кареліи. Она-же предложила собравшимся пожертвовать сколько-нибудь на Карельскую миссію. Проповѣдникъ Салменсаари замѣтилъ еще, что никакая миссія долгое время не будетъ имѣть успѣха, если она не сдѣлается народной и не протѣснится прямо въ народъ. Потомъ проповѣдникъ Саариненъ прочелъ письмо о миссіи въ Карелии, какъ намѣреваются начать ее изъ Выборга. Участники собранія въ Таммерфорсъ считаютъ свое начало счастливымъ. Счастливо пусть будетъ и продолженіе его! Въ заключеніе была избрана коммиссія для ближайшей организаціи миссіи среди финскихъ племенъ; въ нее вошли Меллеръ, Салменсаари, Ренфорсъ, Вейсмаа, Саариненъ и Пюльвяненъ.

То-же замышляется и въ Выборгѣ среди свободоцерковниковъ изъ финновъ и шведовъ. „Kotimaа“ № 8. „Миссія свободоцерковниковъ въ Карелии“.—„Уже давно многіе изъ свободоцерковниковъ въ Финляндіи, знакомые съ условіями жизни въ Карелии, болѣютъ душой объ ея нуждахъ. Они желаютъ и молятся, чтобы благой евангельскій свѣтъ возсіялъ въ разныхъ мѣстахъ обширной Карелии, какъ финской, такъ и русской. Нѣкоторые, не щадя себя, уже цѣлые годы несли тамъ миссіонерскій подвигъ. Другіе жертвовали своимъ лѣтнимъ отдыхомъ и свободой, чтобы только потрудиться на евангельскомъ поприщѣ среди темнаго и бѣднаго, но простодушнаго и сердечнаго народа карельскаго. Но усилія этихъ немногихъ людей только яснѣе, чѣмъ прежде, дали почувствовать, какъ обширна тамъ жатва и какъ мало жателей. Чтобы, хотя отчасти, помочь этой великой нуждѣ, выборгскіе свободоцерковники изъ финновъ на приходскомъ собраніи декабря 23-го дня 1906 г. рѣшили учредить „свободоцерковную карельскую миссію“ и избрали для организаціи этого дѣла коммиссію, въ которую вошли: проповѣдникъ Саариненъ (предсѣдатель), учительница Рикстремъ (секретарь), учительница Путкинень (казначей), члены: камериръ Кальстремъ, госпожа Тууга и важникъ Торвелайненъ. Какъ

открытие „свободоцерковной карельской миссии“, такъ и избранная коммиссія единодушно одобрены и свободоцерковниками изъ шведовъ на приходскомъ собраніи въ Выборгъ 27 дек. 1906 г. Открытіе этой коммисіи нашло живой откликъ и на собраніи ревнителей финскаго языка въ Таммерфорсѣ. Я хотѣлъ-бы вамъ, друзья всей страны, напомнить то только, что эта недавно основанная миссія прежде всего нуждается въ усердной молитвѣ каждаго изъ васъ. А желающіе и матеріально поддержать это дѣло, благоволятъ направлять свои пожертвованія по адресу: учительница Путкиненъ, Выборгъ. До сего времени поступило: отъ выборгскаго швейнаго общества молодыхъ людей—40 мр., сборъ въ Таммерфорсѣ далъ 35 мр. 60 пен.

Отъ комитета „свободоцерковной карельской миссии“ М. Саариненъ. Наконецъ, въ самыхъ послѣднихъ №№ „Kotimaa“ сообщается о новыхъ источникахъ доходовъ на карельскую миссію и о пропагандѣ этой затѣи во многихъ городахъ Финляндіи („Kotimaa“ № 16). „2-го и 3-го числа текущаго мѣсяца (февраля) въ Таммерфорсѣ въ лютеранскомъ молитвенномъ домѣ давались вечера въ пользу карельской миссии. На первомъ вечерѣ говорилъ пасторъ Эрбумъ и писатель Брофельдъ. Вечеръ закончился молитвой пастора Хюютианена. На вечерѣ 3-го числа говорили пасторъ Тамминенъ и Энквисть, а также писатель Брофельдъ, который проповѣдовалъ о карельской миссии и въ старой церкви за богослуженіемъ. Учитель Карль Айріо изъ Таммерфорса пропагандировалъ идею карельской миссии въ городахъ: Бьорнеборгъ, Раумо, Николайштадтъ, Улеоборгъ, Брагестады, Ювяскюля и др Средства, собранныя на этихъ вечерахъ, хранятся въ конторѣ „Kotimaa“, тамъ-же съ благодарностью принимаются и пожертвованія на это дѣло. Братъ Айріо минувшимъ лѣтомъ и осенью путешествовалъ по приходамъ Карелии, знакомясь съ бытомъ и проповѣдуя евангеліе въ домахъ и селахъ. Онъ намѣренъ снова отправиться туда къ нашимъ единоплеменникамъ кареламъ. Пошлите часть и тѣмъ, которымъ ничего не было приготовлено“ (Неем. 8, 10).

Пропагандерскія начинанія лютеранъ, не столь опасныя при другихъ условіяхъ, въ наше время становятся особенно грозными въ виду нѣкоторой расшатанности нашихъ карельскихъ приходовъ, представляющихъ во многихъ отношеніяхъ весьма удобную почву для прозелитизма. Религиозно-нравственное и бытовое состояніе русско-карельскихъ приходовъ, по отзывамъ нѣкоторыхъ старожиловъ, таково, что въ случаѣ появленія пастора, напр., въ Ухтѣ половина села отпала-бы отъ церкви. По этой причинѣ и секта „ушковайзеть“ нашла для себя хорошей пріютъ въ Ухтѣ. Въ № 16 „Архангельскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостей“ за текущій годъ читаемъ: „религиозное состояніе Ухты до появленія въ ней секты „ушковайзеть“

безусловно заставляло желать лучшаго: отсутствіе школъ—проводниковъ свѣта и знанія, совершеніе богослуженія—этой связи между прихожанами и храмомъ—на непонятномъ для карела славянскомъ языкѣ; неимѣніе главнаго свѣточа на пути правильнаго пониманія ученія православной церкви—живой проповѣди... наконецъ, не совсѣмъ добрая жизнь руководителей религіозной жизни прихода въ 50-хъ, 60-хъ и 70-хъ г. г. минувшаго столѣтія—все это воспитывало въ прихожанахъ чувство религіознаго индифферентизма, граничащаго иногда съ грубымъ отрицаніемъ и хулою на обрядовую сторону вѣры. Картина нравственной жизни прихода до времени появленія въ немъ секты представляетъ также много недочетовъ“. Такъ было въ минувшемъ столѣтіи, но и теперь положеніе дѣла не измѣнилось. По словамъ одного туриста, въ русской Карелии только мужчины, имѣющіе дѣла съ Финляндіей, мало-мальски развиты; что касается женщинъ, то всевозможныя сплетни, отборная ругань, приправленная грязными словами, среди нихъ—обычное явленіе (Laatokka № 96). То же самое повторяется и въ письмѣ нѣкоего Архипаини изъ Бѣломорской Карелии. „Простой народъ стоитъ здѣсь на довольно низкой степени образованія. Старое поколѣніе совсѣмъ не умѣетъ читать; не много въ лучшихъ условіяхъ находится и молодое поколѣніе. За послѣднее время, правда, во всѣхъ общинахъ открыты были школы. Но такъ какъ обученіе въ нихъ ведется на чужомъ языкѣ, то они не много даютъ юношамъ въ отношеніи умственнаго развитія. Въ церквахъ также всѣ службы совершаются исключительно на русскомъ языкѣ и народъ почти совсѣмъ не понимаетъ ихъ. А священники въ большинствѣ случаевъ такъ плохо владѣютъ мѣстнымъ нарѣчіемъ, что прибѣгаютъ къ толмачу даже въ пустынныхъ дѣлахъ. Можно догадаться поэтому, какъ велики тѣ познанія, которыя получаетъ простой народъ при этихъ условіяхъ отъ пастырей церкви. Правда, къ намъ пріѣзжаетъ однажды въ годъ походный священникъ и совершаетъ богослуженіе на родномъ языкѣ; но и этой помощью могутъ воспользоваться только сельскіе жители, потому что въ отдаленныхъ деревняхъ не объявляется заранѣе о пріѣздѣ походнаго священника. Имѣются также у насъ и нѣкоторыя духовныя книги на карельскомъ нарѣчій, отпечатанныя русскимъ шрифтомъ, но это нарѣчіе совсѣмъ не подходитъ къ книжному языку восточныхъ семи общинъ и удобно только для разговорнаго языка западныхъ четырехъ (общинъ); а произношеніе нашего нарѣчія никоимъ образомъ нельзя изобразить русскимъ шрифтомъ“ (Aamun-Koitto, № 5).

Здѣсь несомнѣнно разгадка того впечатлѣнія, какое производитъ на русскихъ карель панфинское движеніе, и главная причина тѣхъ надеждъ, съ которыми подготавливается лютеранскій походъ въ Каре-

лю, стоявшій намъ уже сотни отпадшихъ отъ церкви душъ и угрожающій страшными потрясеніями искони православной Русской Карелии.

Изъ путевыхъ впечатлѣній въ село Ухту, Архангельской губ., Кемскаго уѣзда, 12—18 декабря 1906 г., на съѣздъ представителей миссіонерскаго дѣла Архангельской и Финляндской епархій.

Вотъ и день нашего отъѣзда въ далекую Ухту, столицу Бѣломорской Карелии. Вдвоемъ съ о. Сергіемъ Солнцевымъ, законоучителемъ мѣстной финской семинаріи, суждено было намъ раздѣлить этотъ дальній путь. Новость самаго дѣла, не имѣющаго для себя прецедента въ примѣрѣ другихъ епархій, серьезность задачи, вызвавшей нашъ исключительный съѣздъ, и то вниманіе, съ коимъ встрѣчено было это благое начинаніе нашего архіепископа, архангельскимъ епархіальнымъ начальствомъ, воодушевляли насъ до крайней степени и гнали прочь всякіе страхи предъ неизвѣстностью и трудностью дальняго пути, о которомъ мы не читались и слышали такъ много непріятнаго. Садясь въ вагонъ, мы чувствовали себя даже героями дня, въ виду того вниманія, съ коимъ отнеслись къ нашей поѣздкѣ нѣкоторыя финскія газеты, здѣшняя интеллигенція, особенно учителя семинаріи, и одинъ изъ руководителей общества бѣломорскихъ карель Аванасевъ—Анава, вопрошавшій насъ нарочитымъ письмомъ о времени съѣзда въ Ухту и пообѣщавшій лично прибыть туда. Истинныя цѣли нашей поѣздки были, конечно, скрыты отъ этихъ случайныхъ друзей, которые иначе не постѣснились бы по своему отрекомендовать насъ болѣе крайнимъ финскимъ, національнымъ и религіознымъ партіямъ, если-бы узнали, что мы ѣдемъ разрушать начатый ими панфинскій и лютеранскій походъ въ Русскую Карелию... Не зная ничего определеннаго, даже стражъ этой Карелии—журналъ Karjalaisten Rakinoita—помѣстилъ только одно гадательное извѣстіе, что цѣль нашей поѣздки—вопросъ о присоединеніи Бѣломорской Карелии къ финляндской епархіи...

Незамѣтно для себя прокатили до г. Юэнсуу. Была суббота и время всеобщаго бдѣнія, но батюшки не случилось въ городѣ,—онъ ревизовалъ школы вѣреннаго ему благочинія,—и потому, минуя церковь, прямо съ вокзала, мы отправились подъ его гостепріимный кровъ, съ тѣмъ, чтобы на слѣдующій день съ пѣтухами тронуться въ путь-дорогу. Въ домѣ священника насъ уже ждали и своимъ ласковымъ привѣтомъ старались сдѣлать для насъ незамѣтнымъ отсутствіе предупредительнаго хозяина. Явился и псаломщикъ, привѣтствовавшій насъ еще на вокзалѣ. Но не утѣшительны были наши разговоры. Побывать

въ Іозисуу въ домѣ священника значить соприкоснуться со всѣми духовными болѣзнями и испытаніями, которыя за послѣднее время больше, чѣмъ въ другихъ мѣстахъ, выпали на долю этого разбросаннаго на многіе десятки верстъ и гонимаго лютеранами православнаго прихода. Матушка, со слезами на глазахъ, рассказывала намъ о новыхъ проявленіяхъ лютеранскаго фанатизма. Одинъ докторъ лютеранинъ принуждаетъ свою жену — православную перейти въ лютеранство, надѣясь, что поднимется его кліентура, за послѣднее время замѣтно упавшая будто бы изъ-за православія супруги. Мѣстный пасторъ не относится уже съ прежней любезностью къ православному священнику и въ своихъ проповѣдяхъ началъ по временамъ дѣлать недвусмысленныя вылазки противъ православія. Особенно нападаютъ на православныхъ недавніе отступники огь церкви, надѣющіеся такимъ способомъ заслужить благоволеніе лютеранскаго общества. Ревность этихъ отщепенцевъ граничитъ съ безуміемъ. Одна учительница, на вопросъ присоединявшаго ее къ лютеранству пастора о томъ, какъ она исповѣдуетъ тайну Пресвятой Троицы и учили ли ее въ православной церкви этой тайнѣ, торжественно отреклась и сказала „нѣтъ“. Другая особа изъ богатой семьи, тоже отступившая отъ церкви, теперь ведетъ агитацію противъ единственнаго въ приходѣ кружка въ деревнѣ Утру, открывшагося минувшимъ лѣтомъ по инициативѣ двухъ нашихъ миссіонеровъ и поставившаго себя цѣлью поддерживать православныхъ противъ лютеранской пропаганды, изучать свою вѣру и взаимно назидаться благочестивой бесѣдой и молитвой. Этотъ подкопъ не удастся пока и, по словамъ матушки, наше маленькое общество, въ составъ котораго входятъ преимущественно олончане, выходцы изъ села Репола, гдѣ проектируется, между прочимъ, созвать другой миссіонерскій съѣздъ, твердо стоитъ и по мѣрѣ силъ развиваетъ свою дѣятельность. При немъ образовалось уже, такъ называемое „определасеуга“—швейное общество—для женщинъ, которыя собираются разъ или два въ недѣлю и шьютъ разныя вещи для раздачи или продажи ихъ по невысокимъ цѣнамъ людямъ немущимъ и обездоленнымъ, особенно изъ школьничковъ. Мѣстный батюшка старательно поддерживаетъ этотъ кружокъ ревнителей православной вѣры и непремѣнно является на его молитвенныя собранія, которыя бывають однажды въ мѣсяцъ. Здѣсь обычно служится молебенъ, предлагается поученіе и какое-либо назидательное чтеніе, которое всегда заканчивается простой задѣшевной бесѣдой пастыря съ своими пасомыми. Обществу предстоитъ трудная задача; въ томъ же районѣ дѣйствуютъ три финскія школы, въ двухъ изъ нихъ учитель и учительница изъ отступничковъ. Первый еще на мѣстѣ своего прежняго служенія въ Тайбальскомъ приходѣ прославился тѣмъ, что на время молитвы выгонялъ изъ школы православныхъ дѣтей, не смотря ни на какую погоду и

на то, что ихъ было большинство... Грустью повѣяло на меня отъ этихъ воспоминаній и разсказовъ. Хотѣлось разговоръ направить въ другую сторону. Я спросилъ псаломщика, бываетъ ли здѣсь какая-либо служба, когда батюшка, какъ, напримѣръ, теперь, находится въ отсутствіи. Къ великой радости пришлось узнать, что служба продолжается неопустительно и народу въ церковь сходится не мало. Обычно въ такихъ случаяхъ псаломщикъ вычитываетъ всѣ часы и поетъ обѣдницу въ положенное время. Нѣтъ только проповѣди, къ чему прихожане здѣсь приучены. Я посвѣтовалъ псаломщику читать готовые брошюры изданія Братства свв. Сергія и Германа или подходящія проповѣди изъ Aamun-Koitto. Какъ жаль, что мы не имѣли возможности помолиться съ этимъ буруеваемымъ стадомъ, не попали даже и въ д. Утру на молитвенное собраніе, хотя она лежала километрахъ въ двухъ отъ нашего пути и гдѣ насъ съ ранняго утра ждали.

Въ три дня намъ нужно было проскакать почти 500 верстъ до деревни Куйваярви, гдѣ моему компаніону предстояла ревизія постоянной дѣтской школы и гдѣ мы собирались праздновать Николинъ день. Но задержки и разныя непредвидѣнные обстоятельства начались съ первыхъ шаговъ нашего плаванія по снѣжнымъ холмамъ и равнинамъ суровой Финляндіи. Изъ Юэнсуу, вмѣсто пѣтуховъ, выѣхали почти на разсвѣтъ, заручившись предварительно маршрутомъ со словъ торговцевъ, изъ приходовъ, пограничныхъ съ Бѣломорской Кареліей, находившихся въ Юэнсуу по случаю ярмарки. Началась однообразная почтовая дорога, съ приличными красными верстовыми столбами, съ обычными чрезъ каждыя 20 верстъ станціями, и знакомыми всѣмъ приключеніями, въ родѣ недостатка лошадей, неудобныхъ саней, сопливыхъ ямщиковъ и пр. Но и этихъ небольшихъ удобствъ хватило намъ только на полпути; съ Кугмоніеми началось путешествіе на протяжныхъ въ собственномъ смыслѣ протяжное. Часа три ждали мы лошадей на этой послѣдней станціи. Но роптать много не пришлось, судьба столкнула насъ съ сыномъ мѣстнаго пастора, который и занималъ насъ во все время томительнаго ожиданія.

Это юноша лѣтъ 17-ти, съ самыми благочестивыми въ лютеранскомъ смыслѣ намѣреніями и стремленіями. Какъ сынъ пастора, онъ готовится уже на богословскій факультетъ и, какъ всѣ пасторы, возмущается противъ социаль-демократической пропаганды, которая не падаетъ ни въры, ни особенно лютеранскаго духовенства, съ его завидными богатствами. Изъ разговора выяснилось, что юноша, конечно, подъ воздѣйствіемъ отца, слѣдитъ и за пропагаторскими начинаніями Kotimaa, о чемъ и повѣдалъ намъ, съ наивнымъ желаніемъ порадовать насъ. Знаетъ онъ кое-что о лютеранскихъ миссіонерахъ въ этомъ районѣ на границѣ съ Бѣломорской Кареліей и освѣдомленъ не только о православномъ Аконлаксѣ (Вабей губѣ)—первое карельское село на

русской сторонѣ, въ 60-ти верстахъ отъ Кугмоніеми, но и о настроеніи народа, о религіозно-нравственномъ его состояніи, которое представляется ему въ духѣ мрачныхъ описаній Kotimaа. Одна бѣда — это узость кругозора будущаго проповѣдника, свойственная всѣмъ здѣшнимъ пасторамъ. Онъ плохо разбирался въ разныхъ направленіяхъ здѣшняго лютеранства и, самъ принадлежа къ евангеликамъ, не читалъ самыхъ типичнѣйшихъ для этого направленія сочиненій. Конечно, это зависитъ отъ руководителей, а самъ по себѣ юноша съ большимъ интересомъ разспрашивалъ насъ о монашествѣ и даже завидовалъ, что монахи имѣютъ возможность такъ часто оставаться наединѣ съ Богомъ. Пользуясь этимъ настроеніемъ молодого человѣка, мы метнули нѣсколько стрѣлъ въ лютеранскую отвлеченную вѣру и огласили его православнымъ ученіемъ о добрыхъ дѣлахъ. Онъ со всѣми доводами соглашался, но, разумѣется, только до порога своего дома...

Наконецъ, и Кугмоніеми, съ пріятнымъ молодымъ лютераниномъ, осталось позади насъ. Темная, снѣжная ночь приняла насъ въ свои объятія и скоро, подъ звуки шумящаго лѣса, легкаго скрипа полозьевъ и нѣжнаго бряцанія колокольчика, мы стали спускаться въ царство Морфея. Совсѣмъ отчаявшись въ надеждѣ добраться въ Куйваярви къ Николину дню, мы спѣшили теперь въ Аконлакскъ къ обѣднѣ, но и здѣсь ошиблись въ расчетахъ. Ночью насъ не повезли по первобытнымъ дорогамъ и почти въ виду Аконлакса, за 25 верстъ отъ него, пришлось намъ ждать разсвѣта. Но вотъ мы и въ Аконлакскъ—первое село Бѣломорской Карелии и почти на самой границѣ съ Финляндіей. Было уже 12 часовъ дня (6 дек.), когда стали выростать предъ нами, словно изъ земли, скучившіеся вокругъ церкви крестьянскіе домики и постройки. Они занимали почти все поле зрѣнія и какъ будто хотѣли прикрыть собой низенькую убогую церковку отъ любопытнаго глаза. Я такъ и не различилъ ее среди крестьянскихъ домовъ; отъ которыхъ съ перваго взгляда запахло Русью и повѣяло русскимъ духомъ. Скученность и принятая у насъ форма постройки (и жилье и службы подъ одну связь), праздничное оживленіе на улицахъ,—толпы подростковъ и дѣтей,—такъ обычно это для Россіи и такъ странно въ Финляндіи, съ ея помѣщичьимъ землевладѣніемъ и разбросанностью селеній... Пріѣхали словно въ другой міръ послѣ трехдневнаго путешествія по лютеранской Финляндіи: и церковь православная и люди—наши братья по вѣрѣ, — такъ пріятно было видѣть ихъ. Скоро подошелъ батюшка и началъ свой простой разговоръ о житьѣ-батюшкѣ на этой далекой окраинѣ.

Кондокскій приходъ съ церковью въ Аконлакскъ открытъ лѣтъ десять тому назадъ и нашъ новый знакомый батюшка, человѣкъ лѣтъ 35-ти, русскій изъ Вологодской губерніи, первый трудится на этой пуховно истощенной нивѣ. До послѣдняго времени здѣсь держатся

раскольники изъ секты бѣгуновъ. Во всемъ приходѣ, раскинутомъ на многіе десятки верстъ, изъ полуторатысячнаго населенія ихъ насчитывается до трехсотъ душъ. Къ православнымъ раскольники относятся дружелюбно, но въ церковь не ходятъ и батюшку не принимаютъ. Старики обычно уходятъ въ скиты, расположенные въ рощахъ, на берегахъ озеръ и рѣкъ. Тамъ они живутъ въ отдѣльныхъ кельяхъ и занимаются только молитвеннымъ правиломъ; содержаніе доставляется въ скиты ихъ единовѣрцами изъ деревень. Но и въ деревняхъ иногда встрѣчаются, такъ называемые, осѣдлые бѣгуны даже въ православныхъ семьяхъ, съ коими они не сообщаются ни въ молитвѣ, ни въ пищѣ. Имѣются и отдѣльныя потайныя комнаты, въ которыхъ эти бѣгуны собираются на молитву и отбываютъ свою повинность мнимаго бѣгства изъ міра. Въ скитахъ царитъ самая строгая дисциплина. Всѣхъ неопитовъ принимаютъ чрезъ крещеніе, которое всегда и зимой совершается въ озерѣ или рѣкѣ. Крещенію предшествуетъ испытаніе въ теченіе 6-ти недѣль; за всякій грѣхъ омірщенія полагается строгая епитимія. Покинувшіе скитъ обратно принимаются чрезъ продолжительный испускъ и покаяніе предъ братіей.

Это сосѣдство съ раскольниками замѣтно вліяетъ и на православныхъ, изъ которыхъ многіе и сами раньше принадлежали къ сектѣ бѣгуновъ. Православные обычаи и посты здѣсь хранятся твердо, даже чаепитіе считается слабостью, а кофе грѣхомъ, рѣдко кто употребляетъ и табакъ. Но наряду съ этимъ уживаются и грубыя суевѣрія, особенно при заключеніи брака. Вѣнчаніе, напр., считается дѣломъ второстепеннымъ, а главное—головной женскій нарядъ или покрывало, которое возлагается на невѣсту пожилыми свахами. Если это покрывало одѣто, то бракъ и безъ вѣнчанія совершился, женихъ и невѣста могутъ жить вмѣстѣ. Этотъ обычай особенно часто практиковался до времени открытія прихода и батюшкѣ частенько приходилось вѣнчать почти семейныхъ супруговъ.

Просвѣтительную работу въ приходѣ ведетъ миссіонерская церковно-приходская школа, открытая вмѣстѣ съ приходомъ (1894 г.), „дабы, какъ выразился тогдашній епископъ Никаноръ, нынѣ архіепископъ Варшавскій, причтъ не бездѣйствовалъ въ такомъ захолустномъ мѣстѣ и не впалъ—бы въ апатію, не получая нравственнаго удовлетворенія отъ своей дѣятельности среди полураскольничьяго населенія новооткрытаго прихода“. Но миссіонерской въ собственномъ смыслѣ эта школа никогда не была. Лѣтъ шесть существовала она, какъ школа грамоты, помѣщаясь въ убогой квартирѣ псаломщика, который состоялъ въ ней и учителемъ, и только въ 1890 г. школа была переименована въ церковно-приходскую и переведена въ собственное помѣщеніе. Въ скоромъ времени будетъ открыта министер-

ская школа въ 20-ти верстахъ отъ села. Въ церковно-приходской школѣ обученіе ведется на русскомъ языкѣ и, нужно отдать честь, съ большимъ усилѣхомъ. Я имѣлъ случай испытать одного школьника, пробывшаго въ школѣ всего три года. Онъ прекрасно объяснялся со мной по-русски и проявилъ большія познанія въ законѣ Божіемъ. Молитвы читалъ не механически, каждое слово могъ перевести на карельскій языкъ и изложить своими словами содержаніе молитвы. Жаль, что по случаю праздника намъ не пришлось познакомиться съ постановкой школьнаго дѣла, но воспитаніе въ школѣ, по словамъ батюшки, идетъ въ строго православномъ духѣ. Учитель изъ мѣстныхъ карель пріучаетъ дѣтей къ церковному пѣнію. По праздникамъ въ церкви поютъ иногда человекъ до тридцати и больше. Народъ высоко цѣнитъ это и относится къ русской школѣ хорошо; съ охотой и дѣти идутъ въ школу. Несомнѣнно школа повліяла и на раскольниковъ. Батюшка, вспоминая первые шаги своего служенія здѣсь, говорилъ: „время было лѣтнее, когда я прибылъ сюда, всѣ были на работѣ и, кромѣ псаломщика, никто не встрѣтилъ меня. Ознакомившись съ церковью и не видя прихожанъ, я сильно взволновался... Вотъ наступило воскресенье. Я отправился въ церковь. Богомольцевъ было около десятка. Послѣ службы иду домой: на улицѣ ни души, хотя дома на пути биткомъ были набиты людьми. Послѣ я узналъ, что народъ собирался посмотреть на меня, но только не въ церкви, а изъ-за угла... Теперь народъ уже не прячется отъ меня. Даже малыя дѣти и тѣ всегда съ радостью бѣгутъ ко мнѣ. И церковь за богослуженіемъ, кромѣ осенняго времени, не пустуетъ... Все это сдѣлала школа. Тѣмъ же вліяніемъ школы объясняется и то обстоятельство, что число говѣющихъ въ нашемъ приходѣ ежегодно увеличивается: въ первый годъ моего служенія исповѣдалось только 86 душъ, а теперь 300, и храмъ Божій въ великіе праздники и посты особенно на первой и седьмой недѣлѣ великаго поста обильно наполняется богомольцами“. Это воодушевляетъ батюшку: въ заботахъ о большемъ пастырскомъ воздѣйствіи на приходъ онъ желалъ-бы раздѣлить его на два, а для борьбы съ остатками раскола основать монастырь, и лучше всего женскій. Теперь при обширности прихода пастырское воздѣйствіе ограничивается только требоисправленіями и проповѣдью въ церкви иногда на карельскомъ языкѣ, которымъ батюшка еще не въ совершенствѣ владѣетъ. Впрочемъ народъ здѣсь больше любитъ славянское богослуженіе, особенно старики, какъ и отправляется оно до сего дня. То-же отношеніе и къ проповѣди; батюшка хотѣлъ-бы объяснить народу символъ вѣры по-карельски, но боится, какъ-бы не подать повода къ соблазну. Финскую рѣчь, особенно книжную, здѣсь не всѣ поймутъ, хотя молодежь, побы-

вавшая съ сумками въ Финляндіи, говорить уже хорошимъ финскимъ языкомъ и читаетъ финскія газеты и книги.

Со стороны лютеранской пропаганды приходъ пока безобасенъ и батюшка не особенно боится нашествія миссіонеровъ, возлагая всѣ упованія на привязанность народа къ церкви. Но панфинское движеніе уже заявило о себѣ. Село Аконлакскъ клиномъ врѣзалось въ Финляндію и служитъ пробѣдной дорогой изъ одного финскаго прихода въ другой. Жизненной связи съ Олоніей, къ которой примыкаетъ эта часть Кондокскаго прихода, почти не чувствуется,—зимой туда нѣтъ и дороги. Всѣ сношенія ведутся чрезъ Финляндію, откуда получается и все потребное для жизни. Туда же крестьяне уходятъ и на заработокъ, особенно молодежь. Эти люди уже другого типа, они читаютъ теперь Karjalaisten Pakinoita и по указаніямъ изъ Финляндіи поддерживали на прошлыхъ выборахъ въ Думу кадетскій блокъ. Но плохо еще разбираются они въ задачахъ карельскаго общества и желаютъ пока одного—земли и дорогъ. О новыхъ мѣропріятіяхъ и земельныхъ реформахъ эти люди почти ничего не знаютъ. Это могъ-бы разъяснить имъ волостной писарь, который собственно и управляетъ волостью, вслѣдствіе неграмотности и полного незнакомства съ русскими законами мѣстныхъ старшинъ, понимающихъ по-русски пять-шесть словъ, но онъ предпочитаетъ ждать указаній сверху, которыя не всегда во время поспѣваютъ, а между тѣмъ друзья изъ Финляндіи не медлятъ кому нужно втереть въ глаза очки и чрезъ своихъ агентовъ представить народу все въ извращенномъ смыслѣ, какъ это и дѣлается въ журналѣ Karjalaisten Pakinoita, и въ газетѣ Kaikuja Kajaanista, которые довольно распространены здѣсь среди читающей публики. Karjalaisten Pakinoita раздается даже даромъ просвѣтителями. Мнѣ пришлось столкнуться съ представителями этого новаго типа. Съ горькой жалобой говорили они о томъ, что Россія совсѣмъ забыла ихъ и, повидимому, никто изъ русскихъ не думаетъ о судьбѣ этой окраины, съ коей взимаются только налоги, а взамѣнъ не дается ни школъ, ни дорогъ. На первое время они желали бы только богослуженія на финскомъ языкѣ и обученія этому языку въ школахъ, хотя въ качествѣ предмета преподаванія. „Не отказываемся мы отъ русской школы, говорили наши собесѣдники, такъ какъ связаны съ Россіей и законами и воинской повинностью; безъ знакомства съ русскимъ языкомъ нашимъ дѣтямъ служба была-бы каторгой; но нельзя отказывать намъ и въ желаніи обучаться финскому языку, когда мы всѣми жизненными интересами связаны съ Финляндіей“. Это, быть можетъ, и справедливо съ точки зрѣнія торговцевъ; но какъ согласить ихъ слова съ желаніями народа? Для этого нужно было-бы пожить въ Аконлакскѣ мѣсяца два, а мы и

двухъ часовъ не провели тамъ, желая засвѣтло добраться до Куйварви.

Итакъ, опять въ Финляндію. Предстояль перегонъ всего на 15 верстъ. Думали проѣхать почти даромъ и не условились съ ямщиками о цѣнѣ. Но ошиблись и въ томъ и въ другомъ. Кажется, не только вражда, но и природа отдѣлила Финляндію отъ Россіи. Почти на всемъ перегонѣ не было живого слѣда и только вѣхи обозначали когда-то бывшую дорогу. Лошади совсѣмъ тонули въ снѣгу и боялись ступать впередъ безъ провожатаго. Это удовольствіе стоило намъ около шести часовъ самой утомительной ѣзды и обошлось въ 15 марокъ.

Въ Куйварви добрались часовъ въ семь вечера, когда народъ ложился уже спать. Подѣхали къ какому-то большому дому, который при слабомъ свѣтѣ луны казался не особенно красивымъ съ маленькими отверстіями для оконъ и низкими входными дверями. На порогъ встрѣтила насъ старуха съ пучкомъ лучины въ рукахъ, чего уже никакъ нельзя было ожидать, судя по величинѣ дома. Это бывшая раскольница, какъ объяснилъ мнѣ мой товарищъ, да и теперь, кажется, втайнѣ исповѣдуетъ бѣгунство, по замѣчанію одного изъ ямщиковъ, которому наша новая знакомая во время болѣзни совѣтовала удалиться въ скиты. Мѣсто это очень удобно для процвѣтанія раскола. Если зимой сюда трудно попасть, то лѣтомъ и совсѣмъ невозможно. Черезъ большія болота обычно пробираются по перекладинамъ, а въ лѣсахъ по узенькимъ тропинкамъ. И дѣйствительно, до открытія здѣсь финской православной дѣтской школы лѣтъ 12 тому назадъ населеніе почти сплошь принадлежало къ сектѣ бѣгуновъ.

По словамъ моего спутника, о. Сергія Солнцева, которому выпало счастье открыть въ этомъ темномъ углу упомянутую школу, домъ, у котораго мы остановились, игралъ въ судьбахъ мѣстнаго раскола большую роль. Сюда собирались бѣгуны на молитву, здѣсь жили самые вліятельные начетчики и руководители темной толпы, отсюда же блеснулъ и первый лучъ христіанскаго просвѣщенія и православія. Въ этомъ домѣ одно время помѣщалась и школа и здѣсь батюшка велъ бесѣды съ народомъ. Удивительно, какъ народъ принялъ его въ первый разъ. Собрались въ избу, стали у задней стѣны, смотреть, что будетъ дѣлать священникъ. Тотъ надѣлъ ризу и началъ пѣть молебенъ; раскольники понемногу освоились съ новымъ положеніемъ, пододвинулись впередъ и, кто посмѣлѣе, стали оцупывать ризу священника. Молебенъ, какъ видно, произвелъ на присутствующихъ хорошее впечатлѣніе. Одна старуха выступила изъ толпы и сказала: „братія, давно мы не просили прощенія другъ у друга, сдѣлаемъ это теперь“. Толпа въ знакъ согласія заколыхалась, всѣ по очереди съ

земными поклонами просили прощенія сначала у священника, а потомъ другъ у друга. На первый разъ дѣло этимъ только и ограничилось. Ко кресту послѣ молебна пожилые почти не подходили, старухи, подносявшія внучать, сами закрывали ротъ, хотя освященную за молебномъ воду разобрали всю. На другой день народъ сдѣлался смѣлѣе, начали заговаривать со священникомъ и испытывать его въ богословскихъ тонкостяхъ; спрашивали, напр., какая молитва дѣйственнѣе „Отче нашъ“ или „Вѣрую“, хотя правильно никто почти не могъ прочитать ни той, ни другой. Нужно было научить народъ молиться и вотъ батюшка изустно преподаетъ большимъ и малымъ „молитву Господню“ сначала по-славянски, а потомъ по-фински.

Такъ были брошены первыя сѣмена христіанскаго просвѣщенія въ этомъ темномъ мѣстѣ. Дальнѣйшая судьба ихъ поручена была школѣ, которую и долженъ былъ ревизовать теперь ея основатель, о. Сергій. Съ первыхъ шаговъ школа была встрѣчена народомъ сочувственно. Желающихъ учиться даже изъ взрослыхъ было такъ много, что учитель, до сего времени остающійся на одномъ мѣстѣ, принужденъ былъ взрослыхъ выдѣлать въ особую группу и учить ихъ по вечерамъ. На свои средства учитель окончившихъ курсъ отправлялъ въ сосѣднее село Аконлаксъ для принятія св. таинъ. Такъ незамѣтно прежніе бѣгуны приводились въ общеніе съ церковью. Теперь изъ молодыхъ никто уже не принадлежитъ къ сектѣ, а чрезъ нихъ и старики бросили свой толкъ и спокойно доживаютъ свои дни на людяхъ.

Школа помѣщается теперь въ особой избѣ, которая арендуется нашей консисторіей у одного крестьянина и ни своимъ внѣшнимъ видомъ, ни внутреннимъ убранствомъ не соотвѣтствуетъ той великой задачѣ, которая стоитъ передъ ней въ этомъ темномъ углу. Это—полусгнившее зданіе, въ которомъ съ трудомъ спасаются дѣти зимой отъ мороза, а лѣтомъ отъ дождя. Маленькая въ два окна избушка служить вмѣстѣ и жильемъ для большой семьи учителя—самъ онъ съ прислугой девятый. Въ школѣ всего двѣ парты, сдвинутыя спинками одна къ другой, такъ что ученики смотрятъ не на учителя, а другъ на друга. Ни картинъ, относящихся къ урокамъ закона Божія, ни географическихъ картъ, кромѣ карты Финляндіи, на которой отъ времени ничего не разобрать, нѣтъ на стѣнахъ. Для книгъ не имѣется ни шкафа, ни полокъ; онѣ валяются на полатахъ вмѣстѣ съ домашнимъ скарбомъ и отъ времени совсѣмъ истрепались.

Нашъ пріѣздъ привлекъ въ школу и старыхъ и малыхъ, находилась здѣсь и прошедшая школу молодежь. Занятія открылись обычной молитвой, причемъ дѣти (всѣхъ ихъ въ школѣ 15 человекъ) толково спѣли символъ вѣры, по субботамъ поется еще „Благослови, душе моя, Господа“. Дѣтей мы спрашивали по всѣмъ предметамъ. Осо-

бенное вниманіе было обращено на заповѣдь Божій. Старшее отдѣленіе довольно отчетливо представляетъ священную исторію въ связи съ катехизисомъ и церковной практикой. Дѣтямъ, какъ видно, преподаются не сухіе историческіе факты, а живыя событія и теперь благоговѣнно воспоминаемы нашей церковью. Такая постановка дѣла въ значительной степени облегчается религіозно-бытовымъ укладомъ семейной жизни, что замѣтно здѣсь на каждомъ шагу, но видно, что и учитель стоитъ въ этомъ отношеніи на высотѣ своего призванія и способствуетъ развитію въ ребятахъ хорошихъ навыковъ и добрыхъ привычекъ. Мнѣ пришлось слышать, какъ сознательно и проникновенно одна изъ бывшихъ его ученицъ при таинствѣ крещенія читала символъ вѣры и отвѣчала на положенные въ чинопослѣдованіи таинства вопросы. Молитвы въ среднемъ и низшемъ отдѣленіи изучаются на двухъ языкахъ, финскомъ и русскомъ. Дѣти одинаково хорошо читали ихъ на обоихъ языкахъ. Маленькія ошибки при чтеніи на славянскомъ языкѣ зависятъ, по моему мнѣнію, отъ того, что самъ учитель плохо объясняется по-русски, хотя и служилъ въ солдатахъ. Не особенно хорошее впечатлѣніе произвели уроки финскаго и русскаго языковъ. При чтеніи дѣти не останавливались на знакахъ препинанія и съ трудомъ передавали прочитанное. Русское чтеніе не далеко отстало отъ финскаго. Дѣти читаютъ быстро и легко понимаютъ, хотя можно было-бы ждать и большаго при пяти урокахъ въ недѣлю. Это зависитъ, вѣроятно, отъ нѣкоторыхъ техническихъ недостатковъ преподаванія, такъ какъ учитель все время живетъ въ глуши и ничего не знаетъ о новыхъ педагогическихъ методахъ. Не дурно прошелъ и славянскій языкъ. При одномъ урокѣ въ недѣлю дѣти выучиваются читать и понимать славянскую рѣчь. Но особенно слабыми оказались ученики въ ариметикѣ. Со скобками почти не умѣютъ обращаться. Одинъ ученикъ изъ старшаго отдѣленія не могъ ориентироваться въ дѣленіи многозначнаго числа на двузначное.

Школа въ Куиваярви при всей своей тѣснотѣ (больше 15-ти чело-вѣкъ въ ней не помѣстятся) обслуживаетъ интересы и Русской Карелии, откуда часто отдають дѣтей, уже прошедшихъ русскую школу для обученія финской грамотѣ. За послѣднее время наплывъ дѣтей съ русской стороны все болѣе и болѣе увеличивается. Одинъ изъ этихъ школьниковъ произвелъ на меня прекрасное впечатлѣніе. Его съ трудомъ можно было отличить отъ русскаго ученика. Рѣчь его и правильна и разумна, знанія отчетливы и основательны.

Ревизія школы закончилась молебнымъ пѣніемъ вѣчерней службы, которую предполагалось отправить въ мѣстной часовѣй, по случаю Николина дня. Парты были вытащены и изба скоро наполнилась народомъ. Пѣли дѣти и бывшіе школьники старательно, но не

особенно стройно: самъ учитель—плохой пѣвецъ и не можетъ пѣть съ хоромъ. Въ свое время о. Сергій сказалъ приличное случаю слово, а я по отпустѣ привѣтствовалъ дѣтей отъ имени владыки и роздалъ имъ подарки къ празднику. Съ необыкновеннымъ оживленіемъ ребята покинули школу, унося съ собой неизгладимыя воспоминанія объ этомъ рѣдкомъ торжествѣ. Только однажды въ годъ для требосправленій заглядываетъ сюда походный священникъ, а такихъ гостей въ школахъ не было цѣлыхъ десять лѣтъ.

Передъ самымъ отъѣздомъ изъ Куйваарви удалось засвѣтло осмотрѣть одинъ домъ, предложенный его хозяиномъ въ аренду подъ школу. Домъ еще строится, довольно просторный и свѣтлый. Было-бы очень хорошо, если-бы удалось перевести школу въ это новое помѣщеніе. Тогда не пришлось-бы отказывать желающимъ учиться. Хорошо-бы открыть при новой школѣ и маленькій интернатъ для дальнихъ учениковъ, которымъ теперь приходится ютится въ многолюдныхъ крестьянскихъ семьяхъ съ платой по 3 и 4 рубля въ мѣсяцъ. А самое лучшее было-бы устроить въ этой деревнѣ *церковь-школу*, которая сыграла-бы здѣсь большую роль. Часовня тѣсна и ветха, а въ Аконлакскъ при описанныхъ выше дорогахъ не скоро доберешься. Да и приходъ чужой не такъ привлекаетъ сердца финскихъ карель...

Вотъ и опять русская граница и знакомое намъ село Аконлакскъ. 9-ть часовъ вечера, деревня давно уже погрузилось въ глубокій сонъ. Ъдемъ на станцію—одну дверь открыли, тамъ старикъ творить правило, какъ потомъ узнали, изъ раскольниковъ, чрезъ другую вошли въ чистую горницу для пріѣзжающихъ. Содержатель земской станціи богатый купецъ А. принялъ насъ ласково, словно затѣмъ, чтобы не такъ обиденъ показался намъ его отказъ въ лошадяхъ. Оказывается здѣсь таковы порядки, если нѣтъ открытаго листа за подписью губернатора, то поѣзжай, на чемъ хочешь. Не дѣлается исключенія и для путешествующихъ по казеннымъ дѣламъ, къ коимъ я съ правилами мѣстнаго земскаго движенія въ рукахъ старался себя причислить. Пришлось обратиться къ прежнимъ ящикамъ, которые теперь дали волю своимъ аппетитамъ и взяли, сколько хотѣли (по 15 рублей съ лошади за 120 верстъ). Началась самая утомительная часть пути. По ночамъ не спимъ, сѣверный день, пять—шесть часовъ, проходитъ незамѣтно, сорока верстъ не пройдешь, а уже стемнѣло. Чрезъ каждые 20 верстъ двухъ—трехчасовыя остановки. Я все-таки не терялъ надежды получить земскихъ лошадей и, добравшись до перваго волостного правленія, заявился къ писарю. Вхожу въ присутствіе. Большая изба со скамейками по стѣнамъ и столомъ въ углу, гдѣ печка. Въ присутствіи находились старшина, писарь и человекъ пять—шесть крестьянъ. Всѣ они сочувственно отнеслись къ нашему поло-

женію, но вопросъ оказался выше компетенціи даже писаря. Старшина только улыбался подобострастно, не зная русскаго языка, на которомъ я счелъ нужнымъ говорить съ писаремъ... Съ Контокки—первая станція отъ Аюонлакса—на наше счастье погода измѣнилась, потянулъ вѣтерокъ съ сѣвера и начало подмораживать. Лошади пошли веселѣй и къ часу ночи дотащили насъ до какого-то однодворка Пянаярви, гдѣ предполагался двухчасовой отдыхъ. Входимъ въ избу. Вездѣ спящіе люди. На полу рядкомъ запасные солдаты, пробирающіеся въ Вуоккиніеми (Вокнаволоки) на провѣрку. Здѣсь-же дѣти и женщины. Намъ свободнаго мѣста уже не оказалось. Я съ трудомъ пристроился на узкой скамейкѣ, а мой товарищъ залѣзъ чуть не подъ печку. Сонъ однако взялъ свое и скоро мы засвистали въ унисонъ съ сладко спящими сосѣдями. Въ половинѣ третьяго были уже на ногахъ и чрезъ $\frac{1}{4}$ часа въ саняхъ. Но не пришлось жалѣть ни сна, ни покоя,—предъ нами во всей красѣ развернулось сѣверное сіяніе. Впервые я созерцалъ это не разгаданное учеными грандіозное явленіе. Изъ темной бездны какъ будто лились свѣтящіяся волны, вспыхивая сначала мелкой рябью и разливаясь потомъ въ движущуюся серебристую поверхность. Красные снопы свѣта съ разнообразными отливами и тѣнями взвивались иногда надъ нашими головами. По временамъ видѣлась на сѣверѣ только одна свѣтлая полоска, чтобы опять чрезъ нѣсколько мгновеній вспыхнуть и заиграть всѣми цвѣтами радуги. Удивительно, какъ Господь утѣшаетъ обитателей сѣвера, погруженныхъ на нѣсколько мѣсяцевъ въ холодъ и мракъ!

Къ 6-ти часамъ утра добрались до села Вуоккиніеми, за 50-ти верстъ отъ Ухты и остановились въ домѣ купца Ремсуева, знакомаго мнѣ по журналу „Karjalaisten Rakinoita“. Хозяева-мужчины торгуютъ въ Финляндіи, дома старуха мать и жены сыновей. Одна изъ нихъ шведка-лютеранка. Домъ отстроены на богатую ногу. Въ углахъ хорошія, цѣнные иконы. Насъ занимала дочь-дѣвица лѣтъ за 25, почему-то считавшая нужнымъ говорить на мѣстномъ карельскомъ жаргонѣ, хотя, какъ жившая одно время въ Финляндіи, хорошо объясняется и на чисто финскомъ языкѣ. Я съ трудомъ понималъ этотъ жаргонъ, необыкновенно быстрый по темпу и неясный по произношенію. А приходъ между прочимъ граничить съ Финляндіей, и черезъ Суомуссалми (Suomussalmi) соединяется съ Кааянской желѣзной дорогой. Во время чаепитія пришли привѣтствовать о. Сергія двое изъ бывшихъ его прихожанъ въ Вазаской губерніи. Они долгое время занимались торговлей въ Финляндіи и теперь одинъ изъ нихъ проводитъ благочестивую жизнь въ родномъ селѣ, а другой намѣренъ вышелъ въ конкурсъ (банкротство), чтобы только избѣжать выборовъ въ волостные старшины. Трогательна была встрѣча этихъ людей со своимъ.

бывшимъ пастыремъ. При входѣ въ комнату они творили крестное знаменіе и принимали отъ насъ благословеніе. Разговоръ коснулся школьнаго вопроса и богослуженія. По ихъ сознанію, въ мѣстной церковно-приходской школѣ необходимо было бы обучать финскому языку. Это не только подняло бы школу въ глазахъ народа, но и доставило бы ему большую духовную и матеріальную поддержку: всѣми своими интересами приходъ связанъ съ Финляндіей, и туда влекутъ его передовые люди изъ народа. Хорошо бы и богослуженіе отправлять на финскомъ языкѣ; теперь все по-русски, даже и проповѣдь, хотя батюшка владѣетъ карельскимъ языкомъ и читаетъ по-фински. Вспомнили они, какъ епископъ Никаноръ при обозрѣніи епархіи побуждалъ мѣстнаго священника отправлять службы и требы по-карельски или по-фински, теперь все это забыто. Наши новые знакомые оказались освѣдомленными и въ дѣйствіяхъ карельскаго общества, они читали и „Karjalaisten Rakinoita“. Просвѣтительныя задачи общества, несомнѣнно, нравятся имъ и финскія школы, затѣваемые просвѣтителями, найдутъ, по ихъ словамъ, большую поддержку со стороны народа. Но народъ противъ всякаго сепаратизма и горой стоитъ за царя. „Karjalaisten Rakinoita“ не одобряли и наши собесѣдники, именно потому, что тамъ „haukkuvat tsaaria“ (ругаютъ царя), а мужички во время большой забастовки не позволили агитировать въ приходѣ пришельцамъ изъ Ухты..

Часть дорогого времени мы хотѣли посвятить на знакомство со школой и потому, напившись чаю, отправились съ визитомъ къ священнику. Это тотъ самый о. Стефанъ Красильниковъ, судьбой котораго не такъ давно занимались финскія газеты „Suometar“ и „Laatokka“, а теперь „Karjalaisten Rakinoita“. По газетамъ, этотъ батюшка по ошибкѣ архіерея попалъ во священники. Мѣсто будто бы обѣщалось его однофамильцу, кончившему курсъ семинаріи; случилось въ то же время о. Стефану, тогда псаломщику въ бѣдномъ приходѣ и вдобавокъ много-семейному, заявиться къ архіерею съ прошеніемъ на діаконскую вакансію. Архіерей, полагая, что это и есть семинаристъ Красильниковъ, возвелъ его въ санъ іерея. Новый іерей на радости подвыпилъ и схватился за вихры въ кабакѣ съ полиціей. Дѣло дошло до архіерея и здѣсь, удивившись тому, что супруга священника—карелка не понимаетъ по-русски, архіерей открылъ ошибку. Послѣдовалъ строгій судъ и заточеніе въ монастырь, затѣмъ просьбы и жалобы на безысходную бѣдность. Теперь о. Стефанъ получилъ одинъ изъ лучшихъ карельскихъ приходоѡ. Такъ представляется дѣло въ финскихъ газетахъ. Слухи объ этомъ дошли уже до батюшки и онъ собирается разоблачить эту гнусную сплетню. Дѣйствительно, состоя псаломщикомъ въ этомъ селѣ, о. Стефанъ хлопоталъ о священническомъ мѣстѣ

въ одномъ изъ карельскихъ приходовъ. Но архіерея до самаго посвященія лично не встрѣчалъ и, находясь въ Архангельскѣ, оставилъ одно прошеніе въ канцеляріи епископа. Скоро послѣдовалъ вызовъ чрезъ благочиннаго и Красильниковъ былъ посвященъ, во священника въ село Шуэзеро, а оттуда нѣдавно переведенъ на мѣсто своего теперешняго служенія. На новомъ мѣстѣ батюшка еще не устроился; церковный домъ въ общемъ приличный, но совершенно пустой, два стула и столъ, а въ кабинетѣ рядомъ съ маленькой иконой (кажется, единственной во всемъ домѣ) присосѣдились счеты.

Въ сторонкѣ отъ жилья пріютилась убогая церковь, совсѣмъ не подходящая для такого многолюднаго и богатаго прихода. Крестьяне и сами сознаютъ это и охотно построили бы новую церковь, но нѣтъ инициаторовъ. Теперь батюшка задумываетъ открыть приходское попечительство, и съ его помощью надѣется оживить приходъ. Я поинтересовался настроеніемъ въ приходѣ и отношеніемъ народа къ славянскому богослуженію. Правда, народъ не понимаетъ въ большинствѣ случаевъ славянской рѣчи, говорилъ батюшка, но въ церковь ходитъ усердно и любитъ продолжительную службу. Да и мѣстный языкъ не финскій языкъ, такъ что и финская служба будетъ непонятна особенно для женщинъ и дѣтей, не имѣющихъ никакого отношенія къ Финляндіи. Также и существующіе переводы на карельскій языкъ не полезны для прихожанъ. Я получилъ отъ благочиннаго нѣсколько экземпляровъ Евангелія отъ Маттея на карельскомъ языкѣ, для распространенія въ народѣ, но не рѣшаюсь раздавать ихъ — такъ непонятенъ для мѣстныхъ жителей избранный для перевода карельскій жаргонъ. Если бы дружно поработать въ русскихъ школахъ, продолжалъ батюшка, то черезъ десять лѣтъ вы не услышали бы здѣсь карельской рѣчи. Настоящая церковно-приходская школа не отвѣчаетъ своей цѣли и послѣ пятилѣтняго обученія выпускаетъ дѣтей безъ основательнаго знанія русскаго языка. Я не зналъ, какъ приступить къ своимъ урокамъ по закону Божию, такъ слабы оказались дѣти въ русской грамотѣ.

Но вотъ мы и въ самой школѣ. Зданіе большое, просторное, свѣтлое. Стѣнные карты, разныя картины, рисунки, тексты, таблицы—все въ образцовомъ видѣ. Въ школѣ 50 душъ обоего пола на одну учительницу, и притомъ не особенно опытную. Желających учиться всегда больше нормы. Учительница—молодая вдова одного священника изъ карельскаго прихода. Образование получила въ епархіальномъ училищѣ. Намъ пріятно было прослушать урокъ русскаго языка, что и было предложено. Дѣти раздѣлены на три группы, но и въ пять лѣтъ плохо успѣваютъ въ русской грамотѣ. Въ первой группѣ съ трудомъ читаютъ коротенькія фразы и отдѣльныя слова съ какими-то звуковыми

добавленіями въ паузахъ сверхъ текста, такъ что все чтеніе производитъ впечатлѣніе древне-русскаго хомового напѣва. Въ средней группѣ тотъ-же странный акцентъ и стремленіе за одинъ духъ прочесть всю фразу, отъ чего отдѣльныя слова пропадаютъ, окончанія не договариваются и знаки препинанія не соблюдаются. Немного глаже и сознательнѣе чтеніе въ третьей группѣ, хотя акцентъ остается прежній. Все это, вѣроятно, оттого, что учительница *плохо знаетъ мѣстный карельскій языкъ* и совсѣмъ какъ-будто незнакома съ новыми методами обученія въ инородческихъ школахъ. Напр., заставляетъ дѣтей переводить отдѣльныя слова на карельскій языкъ и часто не замѣчаетъ ошибокъ (слово: растеть дѣти передали—*kaivaa*—капаеть и учительница согласилась съ этимъ, но была обличена батюшкой). Это не укрывается и отъ крестьянъ, которые вообще недовольны преподаваніемъ въ школѣ, а на свѣжаго человѣка удручающе дѣйствуетъ и полное отсутствіе дисциплины въ классѣ. На урокъ я чувствовалъ себя, какъ въ ульѣ, и не зналъ, кто отвѣчаетъ. Учительница, какъ видно, безпомощна установить какой-либо порядокъ въ классѣ и стыдливо предпочитаетъ не замѣчать дѣтскихъ шалостей. Урокъ закончился общимъ пѣніемъ „Достойно есть“; пѣли дружно, но не особенно складно. На это раньше не обращалось серьезнаго вниманія, псаломщикъ не допускалъ дѣтей даже на клиросъ; теперь батюшка хочетъ заняться и этимъ дѣломъ и дѣтскіе голоса уже раздаются въ церкви.

На обратномъ пути изъ школы батюшка повѣдалъ мнѣ, что въ современномъ благоустроенномъ видѣ школа существуетъ только съ 1898 г., раньше съ 70-хъ дѣйствовала одноклассная школа для дѣвочекъ, за неимѣніемъ зданія временно помѣщавшаяся то въ трапезѣ церковной, то въ домѣ псаломщика. Теперь настоятельная нужда въ другой церковно-приходской школѣ, такъ какъ желающихъ учиться очень много. Въ приходѣ дѣйствуетъ еще министерская школа. Въ этомъ приходѣ начала осуществлять свои планы и панфинская пропаганда. Съ ноября открыта *нелегальная* школа Карельскаго общества съ преподаваніемъ только на финскомъ языкѣ и съ устраненіемъ всякаго церковнаго вліянія. Объ этомъ повѣдали намъ на обратномъ пути изъ Ухты наши прежніе знакомые. Эта школа открыта, кажется, въ деревнѣ Поньга-губи, гдѣ проектировалось устроить и церковно-приходскую школу, но финны насъ предупредили. Крестьяне сочувственно относятся къ новой школѣ, финскій языкъ для нихъ нуженъ, а въ нашихъ школахъ его не преподають. Неужели и здѣсь, упорствуя въ исключеніи финскаго языка изъ русскихъ школъ, мы отдадимъ православныхъ, любящихъ Царя и Россію карель нелегальной финской школѣ, а вмѣстѣ съ нею и враждебному Россіи и церкви нашей

панфинскому лютеранскому обществу? Школа въ Поньга-губи, впрочемъ, поставлена пока не особенно хорошо. Учитель недоучка изъ мѣстныхъ уроженцевъ, одно время служившій приказчикомъ въ Петербургѣ и уволенный за пьянство. Теперь онъ за бездѣнокъ продалъ себя новому обществу и конечно будетъ дѣйствовать по его камертону.

Было уже 11 часовъ дня, когда мы распрощались съ пріютившими насъ Ремсуевыми; словно провожая насъ навѣки, наши новые знакомые наперерывъ спѣшили выразить намъ свои любезности, нѣкоторые проронили даже слезу. Вотъ мы и опять на свободѣ; дорога до слѣдующей станціи Ювя-лахти на протяженіи 30-ти верстъ идетъ чрезъ живописныя озера, окаймленные гористыми берегами съ хорошимъ строевымъ лѣсомъ. Жилья кругомъ не видно, только при спускѣ къ одному озеру встрѣтился простой деревянный крестъ. Это уже второй случай въ нашей поѣздкѣ. Въ газетѣ „Laatokka“ мнѣ пришлось прочесть замѣтку, что эти кресты служатъ предметомъ разныхъ суевѣрныхъ дѣйствій при началѣ, напр., рыбной ловли. Каждый рыбакъ будто-бы считаетъ своимъ долгомъ взять камень со дна озера и положить къ подножію креста, иначе нельзя надѣяться на хорошій уловъ. На дѣлѣ оказалось совсѣмъ не то. По словамъ ямщика, старожила здѣшнихъ мѣстъ, эти кресты ставятся при спускахъ къ озерамъ для того, чтобы отправляющійся за черту своего прихода или селенія вспомнилъ о Богѣ, а груда камней у подножія крестовъ свалена просто для укрѣпленія ихъ. Такіе же кресты ставятся иногда на перекресткахъ дорогъ опять съ цѣлю напомнить о молитвѣ. Къ нимъ собираютъ скотъ предъ выгономъ въ поле и здѣсь-же служатся молебны во время засухи и по случаю другихъ несчастій.

Въ Ювя-лахти добрались часовъ въ пять вечера (9-го числа) при разыгравшемся уже сѣверномъ сіяніи. Село раскинулось на высокихъ горахъ, спуски съ которыхъ иногда угрожали намъ паденіемъ. Миновали часовню и церковь. Бѣдная церковь, второй годъ не имѣетъ она своего священника. Это полусамостоятельный приходъ, какъ нѣкоторые изъ нашихъ финскихъ приходоѡвъ. Изъ причта на лицо одинъ псаломщикъ; требы и по временамъ службы отправляетъ священникъ изъ Ухты. Въ селѣ дѣйствуетъ министерская школа подъ руководствомъ молодого учителя, который на станціи счелъ нужнымъ представиться намъ и, интересуясь сѣздомъ, присоединился къ нашему каравану въ Ухту.

Въ 7-мъ часу вечера двинулись въ эту столицу Бѣломорской Карелии. Какъ пріятно, послѣдній 15-тиверстный перевалъ на долгомъ и утомительномъ пути. Дорога—проселокъ, но мѣстамъ она до того суживалась, что сучья лѣзли въ глаза и уши и какъ-будто хотѣли за-

держатъ и безъ того медленный ходъ нашихъ усталыхъ лошадей. Но это теперь не замѣчалось. Сѣверное сіяніе стояло предъ нами во всей своей красѣ и было на этотъ разъ особенно великолѣпно. Тысячи разноцвѣтныхъ линий, матовыя волны и пятна на темно-голубомъ небѣ располагались въ трехъ-ярусныя дуги. Одно время цѣлая треть горизонта была разукрашена сталактитовымъ навѣсомъ, преломлявшимся всѣми цвѣтами радуги. Но вотъ и Ухта прямо на берегу большого озера Куйто. Раскинулось оно на широкой площади и не даромъ называется въ финскихъ газетахъ столицей Карелии, которой суждено сыграть большую роль въ будущихъ судьбахъ этой окраины.

Еще до поѣздки въ Ухту я вычиталъ, что по численности населенія это самое большое карельское село и самое открытое мѣсто для всякихъ пропагандъ. Въ селѣ насчитывается болѣе 2,000 населенія обоюга пола. Это все—карелы, поставленные территориально въ самое близкое прикосновеніе съ Финляндіей и имѣющіе постоянное сообщеніе съ ней, какъ мѣстомъ отхожихъ промысловъ. Эта близость съ Финляндіей извѣстнымъ образомъ уже отразилась на мѣстномъ населеніи. Въ одномъ отчетѣ о положеніи Ухтинской церковно-приходской школы такъ изображается это вліяніе. „Проживая 10—11 мѣсяцевъ въ году въ предѣлахъ Финляндіи, не видя и не слыша православнаго богослуженія, присутствуя вмѣсто того за богослуженіемъ въ киркахъ и слыша тамъ мощные звуки церковнаго органа, воодушевленное пѣніе гимновъ и живую сильную проповѣдь на понятномъ языкѣ и, кромѣ того, подкрѣпляя всѣ эти впечатлѣнія картинами благоустройства мѣстной жизни и, наконецъ, встрѣчая нерѣдко шутки „надъ русской вѣрой“, яко-бы „отсталой“, „запутанной“ и „неправильно истолкованной въ деталяхъ авторитетами церкви“, обитатель бѣдной, заброшенной Карелии легко поддавался вліянію своихъ сильныхъ просвѣщеніемъ сосѣдей. Въ наиболѣе сильной степени вліяніе культуры Финляндіи сказалось на самомъ важномъ проявленіи духовной жизни ухтянъ,—на ихъ религіозномъ міросозерцаніи: религіозный индифферентизмъ у нѣкоторыхъ и нарушеніе обрядовыхъ требованій православной вѣры у большинства, повлекшее сначала къ уклоненію отъ нѣкоторыхъ установленныхъ православной церкви, а потомъ и къ совершенному отрицанію ихъ (разумѣемъ, посты, возжиганіе свѣчей, лампадокъ, молебны, панихиды, большинство праздничныхъ дней и нѣкоторыя таинства и т. п.), создали среди мѣстнаго населенія рационалистическую секту „ушковайзеть“. Кромѣ религіи, вліяніе Финляндіи сказалось и на другихъ сторонахъ жизни ухтянъ. Это вліяніе можно прослѣдить во всемъ: въ покроѣ одежды, устройствѣ жилищъ, въ разговорной рѣчи, запертенной финскими оборотами, являющимися въ данномъ случаѣ признакомъ „хорошаго тона“, въ сказкахъ, въ пѣсняхъ, ходячихъ разсказахъ, въ

пользованіи финскими изданіями, въ видѣ газетъ и т. п. Вліяніе Финляндіи отразилось также на сравнительномъ улучшеніи матеріальнаго быта жителей с. Ухты въ зависимости отъ способовъ земледѣлія и рыболовства, воспринятыхъ у финновъ. Подъ вліяніемъ Финляндіи ухтяне усвоили и правильный взглядъ на значеніе просвѣщенія. Немнѣя возможности въ прежнее время научиться грамотѣ у себя дома, ухтинская молодежь поступала въ финскія школы, отличающіяся благоустройствомъ и въ которыя, надо замѣтить, карелы принимаются наравнѣ съ мѣстными учениками. Заслуживаетъ вниманія и слѣдующее явленіе. Если кому-либо изъ ухтянъ въ школьные годы по какой-нибудь причинѣ не удалось быть въ школѣ, то они уже въ 20 — 30 и болѣе лѣтъ выучивались финской грамотѣ самоучкою. Такимъ образомъ ни возрастъ, ни необходимость зарабатывать средства къ существованію не охлаждали у крестьянъ стремленія къ грамотности. И вотъ теперь среди ухтянъ почти нѣтъ мужчинъ, незнакомаго съ финской грамотой. Между тѣмъ только съ 70-хъ годовъ минувшаго столѣтія въ средѣ почти уже грамотной по-фински, стали открываться русскія правительственныя школы, не отвѣчающія ни численностью, ни направленіемъ боевому положенію этой окраины.

Теперь въ селѣ дѣйствуютъ школы министерская и церковно-приходская съ 1897 г. Въ послѣдней намъ отведено было и помѣщеніе на время съѣзда. Это прекрасное, благоустроенное совнѣ зданіе, предназначавшееся, кажется, полѣ второклассную школу. Но мы сначала пойдемъ къ учителю, о которомъ съ такимъ уваженіемъ говорятъ теперь образованные финны и съ которымъ я отчасти былъ уже знакомъ по журналу „Karjalaisten Rakinoita“. Проѣздомъ чрезъ Аюонлакскъ и Вуоккиниemi мнѣ и на дѣлѣ пришлось узнать, что нашъ новый знакомый открыто заявилъ о своихъ симпатіяхъ къ стремленіямъ Карельскаго общества. Это — лѣтъ 40, довольно интеллигентный и умный съ виду человекъ. По окончаніи курса въ учительской Сердобольской семинаріи, онъ одно время помышлялъ о духовной карьерѣ и готовился въ духовную семинарію, съ мѣсяцъ жилъ у преосвященнаго Антонія (нынѣ митрополита) на Митрофановскомъ подворьѣ для изученія русскаго языка. Права на учителя въ русской школѣ онъ получилъ въ одной учительской семинаріи Новгородской губерніи. Но по-русски говорить не свободно и съ ошибками. Въ Ухтѣ онъ учительствуетъ года четыре. Въ настоящее время помощницей ему состоитъ его сестра, прошедшая сердобольскіе учительскіе курсы, а церковному дѣлу учить супруга учителя, кончившая курсъ въ Сердобольской учительской семинаріи и постоянно проливающая слезу при воспоминаніи о своей родинѣ Финляндіи. Какъ я потомъ замѣтилъ, эти лица составляютъ своего рода культурный центръ

въ Ухтѣ и давно вошли въ полное довѣріе, какъ народа, такъ и мѣстнаго священника. Всѣ они встрѣтили насъ съ большой радостью и скоро въ ихъ кругу можно было чувствовать себя, какъ дома.

Въ разговорѣ съ учителемъ коснулись карельскаго союза и журнала „Karjalaisten Pakinoita“. Онъ не считалъ нужнымъ скрывать свое сочувствіе просвѣтительнымъ стремленіямъ общества, но не одобрялъ и революціонныхъ статей журнала. Этотъ отдѣлъ журнала находится въ рукахъ Аванасьева—Авану, торговца въ Финляндіи изъ Бѣломорской Карелии, путемъ самообразованія разившаго свой писательскій талантъ, прошедшаго большую школу разныхъ и социальныхъ и религіозныхъ увлеченій и теперь кончившаго отпаденіемъ отъ православія въ лютеранство. Въ Ухтѣ Авану является только на время агитаціонной борьбы,—такъ, онъ сыгралъ большую роль на прошлыхъ выборахъ въ Государственную Думу и теперь ожидается туда для той-же цѣли. Часть крестьянъ уже перешла на сторону Авану. Ихъ подкупаютъ обѣщанія просвѣтителей, особенно финскія школы, задуманныя по самой широкой программѣ.

Изъ словъ учителя видно, что финны предполагаютъ устроить здѣсь цѣлую систему школъ, начиная съ передвижныхъ дѣтскихъ, продолжая народными и кончая народнымъ университетомъ. Крестьяне составляютъ уже приговоры и готовы дать не только помѣщеніе для дѣтскихъ школъ, но и содержаніе учителямъ. Успѣшно ведется и сборъ пожертвованій на поддержку конституціонной партіи; образованъ цѣлый штатъ агентовъ, которые и агитируютъ въ народѣ. Эта партія стоитъ въ оппозиціи къ церкви и не желаетъ принимать въ свои школы законоучителя мѣстнаго священника, не смотря на то, что послѣдній предлагаетъ свои услуги. „Мы-де найдемъ себѣ законоучителя по нашему духу“. Будутъ-ли эти школы переданы министерству,—неизвѣстно. Но судя по общему настроенію и примѣру въ Поньга-губи, едва ли этого можно ожидать. Просвѣтители желаютъ быть полными хозяевами въ своемъ пропагаторскомъ дѣлѣ и, конечно, не примутъ въ свою компанію русскихъ дѣятелей, да еще „правительственныхъ“. Всѣ культурныя силы рѣшено заимствовать на первое время изъ Финляндіи. Учитель между прочимъ поставляетъ кандидатовъ на учительскія должности и отправляетъ ихъ для подготовки въ Сердоболь.

Являясь агентомъ Карельскаго общества въ просвѣтительномъ дѣлѣ, учитель хочетъ стоять на легальной почвѣ и какъ будто отрицается отъ политики. Въ періодъ забастовокъ учителю, по собственному его признанію, только на одномъ митингѣ и пришлось быть, причемъ онъ отказался отъ предсѣдательства и секретарства, да и на митингъ пошелъ только потому, что онъ былъ разрѣшенъ мѣстной властью и стороной было слышно, что агитаторы собираются изгонять

изъ края русскихъ людей, чему вообще онъ не сочувствуетъ. На томъ-же митингѣ присутствовалъ и мѣстный священникъ. Но дѣло не обошлось мирно. Учитель показалъ намъ интересные документы—доносъ на него мѣстнаго писаря съ обличеніемъ въ противоправительственной агитаціи и отвѣтъ, подтвержденный присягой. Въ доносѣ говорилось, что учитель въ минувшій новый годъ устроилъ противоправительственную манифестацію, а его супруга шила красные флаги, съ коими гуляли школьники по селу. Кромѣ того въ доносѣ супруга учителя названа неправославной, а вліяніе ея—вреднымъ для жителей. На самомъ-же дѣлѣ, какъ показалъ поцъ присягой учитель, онъ совершенно случайно встрѣтилъ шествіе съ красными флагами и сначала принялъ его за крестный ходъ, такъ какъ флаги были похожи на церковныя хоругви. Но когда дѣло выяснилось, онъ остановилъ шествіе и разъяснилъ школьникамъ значеніе краснаго флага, послѣ чего ребята мирно разошлись по домамъ. Что касается его супруги, то она православная по вѣрѣ и, можно полагать, хорошая православная. Я не могу забыть такого случая. Въ школѣ намъ пришлось спѣваться къ финской службѣ. Здѣсь бѣгала и трехлѣтняя дѣвочка учителя. Заслышавъ церковныя напѣвы, она остановилась, сложила ручку для крестнаго знаменія, задвигала ей по плечамъ и по лбу, какъ обычно дѣлаютъ дѣти, и стала кланяться въ ножки. Значить, этотъ ребенокъ и дома приученъ молиться, и часто бываетъ въ церкви, различаетъ уже церковныя напѣвы и знаетъ, что нужно дѣлать, когда поютъ церковное. Все это вліяніе хорошей матери. Одно время супруга учителя организовала среди женщинъ и швейное общество въ цѣляхъ религіозно-нравственнаго воздѣйствія на эту темную массу населенія, но почему-то общество не привилось здѣсь...

Былъ уже поздній часъ ночи, когда кончилось это первое наше знакомство съ учителемъ. Нужно было подумать и объ отдыхѣ, тѣмъ болѣе, что на утро предстояло встать ровно въ 7 часовъ. Здѣсь, не смотря на скученность населенія при церкви, всенощная совершается съ утра подрядъ съ обѣдней.

Въ общемъ храмъ, какъ и въ любомъ русскомъ селѣ, деревянный, среднихъ размѣровъ и изрядно уже закоптѣвшій, хотя освященъ и не такъ давно (кажется, въ 1883 году). По стѣнамъ много иконъ суздальской кисти. Въ иконостасѣ иконы поражаютъ своими размѣрами, вѣроятно, рассчитаны на то, чтобы „видно“ было. Не долго пришлось стоять въ пустой церкви. Къ половинѣ всенощной народу собралось уже полъ-церкви, а клиросъ, на которомъ мы стояли сначала вдвоемъ съ псаломщикомъ, скоро окружили школьники, такъ что „Хвалите имя Господне“ пѣли полнымъ хоромъ. Нужно отдать честь псаломщику. Нигдѣ въ нашихъ сельскихъ церквахъ съ такой полно-

той не отправляется бдѣніе. Канонъ вычитывался на 8 съ катавасіей послѣ каждой пѣсни, стихиры на хвалитѣхъ полностью. Если къ этому присоединить образцовое, внятное и разумное чтеніе, и въ общемъ монастырскій характеръ пѣнія—псаломщикъ, говорятъ, большой знатокъ знаменнаго напѣва, отъ котораго не отставали и школьники, безошибочно выговаривая сложные слова рождественской катавасіи, то отъ этой службы всякій молящійся, особенно понимающій по-славянски, можетъ получить большое духовное наслажденіе.

Къ началу обѣдни церковь была уже полна народомъ. Это бываетъ не всегда, какъ объяснилъ мнѣ о. настоятель. Народъ давно ждетъ сѣзда и потому въ такомъ множествѣ собрался привѣтствовать гостей. Насъ было пять человекъ. Съ архангельской стороны трое: прот. Кемскаго собора Н. Дьячковъ, уѣздный наблюдатель священникъ В. Мелетіевъ и миссіонеръ свящ. П. Преображенскій, и двое съ нашей стороны свящ. Солнцевъ и я. Двое изъ архангельскихъ депутатовъ—протоіерей и миссіонеръ были старыми служаками въ этомъ краѣ. Протоіерей лѣтъ семь служилъ здѣсь миссіонеромъ и извѣздилъ вдоль и поперекъ всю Бѣломорскую Карелию, а нынѣшній миссіонеръ раньше былъ священникомъ въ Ухтѣ и игралъ большую роль въ судьбахъ этого края: до сего времени имя его съ благоговѣніемъ произносится далеко за предѣлами ухтинскаго прихода. Послѣ литургіи служили соборнѣ молебень ап. Петру и Павлу, во имя которыхъ освященъ и самый храмъ. Все отправлялось на славянскомъ языкѣ, за исключеніемъ проповѣди настоятеля—свящ. Изюмова на полуфинскомъ языкѣ съ неправильнымъ выговоромъ и маленькаго привѣтствія предъ молебномъ отъ лица сѣзда о. Сергія Солнцева на финскомъ языкѣ, не характернаго ни для сѣзда, ни для прихожанъ. Послѣ литургіи кто-то изъ прихожанъ доложилъ о. миссіонеру, что они желали бы заявить сѣзду о своихъ религіозныхъ нуждахъ и даже присутствовать на засѣданіяхъ сѣзда. Последнее было отклонено, а для заявленной назначено общее собраніе въ школѣ по удару колокола въ 4 часа вечера.

Собравшись предварительно въ домѣ священника, потолковали о порядкѣ занятій, поговорили о предсѣдателѣ, и больше для формы избрали на эту должность настоятеля Кемскаго собора о. протоіерея Николая Дьячкова, такъ какъ съ перваго шага было замѣтно, что мы будемъ работать единодушно и по-братски. Мнѣ, въ частности, было предоставлено познакомить сѣздъ съ панфинской и лютеранской пропагандой, къ чему отцы были почти не подготовлены.

Въ 4 часа по колоколу собрались въ школу. Народу набилось полные классы и корридоры. Были здѣсь и агенты просвѣтителей, чиновники лѣснаго вѣдомства, учителя министерскихъ школъ, волостной

писарь, но особенно много женщинъ. Собраніе открылось пѣніемъ тропаря „Днесь благодать“ по-славянски и „Царю Небесный“ по-фински. Къ славянскому и финскому пѣнію пристали голоса и изъ народа. () протоіерей разъяснилъ народу цѣль настоящаго собранія, но опять съ умолчаніемъ о грозящей опасности, вызвавшей нашъ съѣздъ, хотя архангельская консисторія и препроводила къ нему копію съ нашей докладной записки.

Первымъ обсуждался вопросъ о богослужебномъ языкѣ. Народъ съ удивительнымъ единодушіемъ заявилъ, что ему нужно богослуженіе на родномъ языкѣ (Aidinkielellä). Но не все одно и тоже понимали подъ роднымъ языкомъ. Нѣкоторые разумѣли мѣстное карельское нарѣчіе, близко стоящее къ финскому языку, а другіе и большинство желали книжнаго финскаго языка или какъ въ Сердоболѣ. Финскій языкъ защищалъ и учитель съ супругой, причемъ послѣдняя сказала прекрасную рѣчь о значеніи финскихъ говоровъ, объединяемыхъ въ одномъ литературномъ языкѣ, понятномъ для всякаго карела. Желая болѣе точно опредѣлить, что самъ народъ понимаетъ подъ роднымъ языкомъ, мы читали отрывки изъ Aamun Koitto (православный журналъ на финскомъ языкѣ), главы изъ Евангелія на карельскомъ и финскомъ языкахъ. Народъ отвѣтилъ, что онъ одинаково хорошо понимаетъ все прочитанное, но ему пріятнѣе финскій языкъ. Это заявили даже женщины, не имѣющія съ Финляндіей никакихъ сношеній. Изъ нихъ многіе говорили со мной и по-русски. Церковно-славянскую службу защищалъ только одинъ волостной писарь изъ политическихъ видовъ. „Мы живемъ въ Россіи,—говорилъ онъ,—управляемся русскими законами и подданные русскаго царя,—нельзя заниматься намъ финноманствомъ“ (?). Только однажды онъ указалъ, что и другіе въ приходѣ желаютъ славянской службы, но никто даже изъ русскихъ учителей не поддержалъ его. Съ своей стороны я разъяснилъ народу, что стремленіе его понимать свою вѣру и молиться на родномъ языкѣ очень похвально и что богослуженіе на какомъ угодно языкѣ не вноситъ раздѣленія въ Русское государство, гдѣ многіе инородцы молятся каждый на родномъ языкѣ, но все-таки въ данный моментъ намъ не удовлетворить вполнѣ желаніе народа; теперь можно стправить только литургію по-фински, а изъ другихъ частей богослуженія очень незначительная часть переведена на финскій языкъ,—такой всеобщей, напр., какую мы слышали здѣсь сегодня, намъ теперь не отправить по-фински. Заключеніе народа осталось неизмѣннымъ.

Вторымъ прошелъ вопросъ о финскомъ языкѣ въ школахъ. Учитель и съ нимъ многіе крестьяне высказали желаніе, чтобы въ школахъ былъ введенъ финскій языкъ въ качествѣ предмета преподаванія и чтобы хотя законъ Божій, какъ самый важный предметъ, препода-

вался на общепонятномъ для всѣхъ языкѣ. Кто-то изъ крестьянъ замѣтилъ, что это предохранило бы народъ отъ раскола и сектъ, которые угрожаютъ мѣстному приходу. О. наблюдатель церковно-приходскихъ школъ разъяснилъ народу, что въ младшемъ отдѣленіи законъ Божій и особенно молитвы и теперь преподаются на понятномъ (карельскомъ) языкѣ. Совершенно въ особую группу по этому вопросу выдѣлились агенты просвѣтителей. Они требовали полной финской школы и старались очернить мѣстное школьное начальство, запрещающее будто-бы дѣтямъ говорить по-карельски въ школахъ. О. наблюдатель опровергъ это указаніемъ на примѣръ Ухтинской школы, въ которой учитель и учительница изъ карель, а я и лично слышалъ, какъ они ведутъ объясненія въ школѣ по-карельски. Въ общемъ народъ призналъ необходимымъ ввести въ школы финскій языкъ, какъ одинъ изъ предметовъ преподаванія. Въ связи съ этимъ возникъ вопросъ, какъ найти подходящихъ для этого дѣла людей, особенно на священно-церковно-служительскія должности. Учитель высказалъ пожеланіе, чтобы изъ мѣстныхъ карель достойнымъ лицамъ не отказывали въ этихъ должностяхъ, и желающіе изъ карель получили бы возможность воспитываться въ духовныхъ школахъ. Вопросъ этотъ не вызвалъ большихъ разсужденій послѣ разъясненія о. протоіерея о томъ, что съѣздить имѣетъ въ виду заняться и этимъ важнымъ дѣломъ. Вопросовъ больше не возникало и пѣніемъ „Достойно есть“ (по-славянски) закончилось наше общее собраніе съ народомъ. Но и въ слѣдующіе дни народъ не оставлялъ насъ своимъ вниманіемъ. У дома священника, въ которомъ мы засѣдали, постоянно можно было видѣть любопытствующихъ. Молодежь подъ руководствомъ учителя однажды устроила намъ кантату. Долго мучились надъ какимъ-то вопросомъ, вдругъ за дверями въ прихожей раздается пѣніе. Человѣкъ 15 подростковъ и дѣвицъ распѣвали карельскія и русскія пѣсни. Пѣли минутъ 20 и значительно облегчили намъ трудъ.

Во вторникъ, 12 декабря, по почину архангельскихъ депутатовъ, была назначена служба на финскомъ языкѣ. Народъ встрѣтилъ это съ необыкновеннымъ сочувствіемъ. Не смотря на будній день, церковь была полна молящихся. И за славянской службой никто изъ народа не нарушалъ церковнаго благочинія, — ни разговорами, ни хожденіемъ, но за финской службой всѣ превратились въ слухъ. Служилъ о. Сергій Солицевъ, а мы составили хоръ и пѣли четко, хотя и не всегда гладко. Учитель прочелъ апостолъ, выдержавши предварительно большой искусь подъ моимъ руководствомъ, а вмѣсто запричастнаго, о. миссіонеръ провнесъ приличествующее случаю поученіе о христіанской жизни и поведеніи. Проповѣдь говорилась на полурусскомъ и полукарельскомъ языкѣ, едва ли понятномъ для всѣхъ ухтинцевъ.

Ихъ языкъ чище и ближе къ финскому. Послѣ литургіи народъ долго толпился у церкви и каждого изъ насъ счелъ долгомъ поблагодарить за духовное утѣшеніе. Нѣкоторые признавались, что „слова молитвы на родномъ языкѣ лились въ ихъ сердца какъ бы изъ устъ Самого Бога“.

Въ перерывы между занятіями совсѣмъ не тянуло къ отдыху. Хотѣлось разспросить мѣстнаго священника о религіозномъ состояніи прихода. Къ счастью, онъ сдался на мое любопытство и повѣдалъ мнѣ о новыхъ проявленіяхъ религіознаго фанатизма среди мѣстныхъ сектантовъ—лестадіапъ (ушковайзеть—мѣстное названіе, значитъ „вѣрующіе“). Эта секта занесена сюда изъ Финляндіи еще въ 70-хъ годахъ минувшаго столѣтія и является особенно опасной въ томъ отношеніи, что сектанты не отдѣляются официально отъ церкви, бываютъ за богослуженіемъ и причащаются св. таинъ. Такихъ скрытыхъ сектантовъ въ приходѣ не мало. вмѣстѣ съ явными они ведутъ сильную пропаганду среди православныхъ, особенно послѣ объявленія вѣроисповѣдной свободы. Въ общемъ, исповѣдуя ученіе, похожее на наше пашковство, руководители секты на массу дѣйствуютъ разказами о своихъ видѣніяхъ и откровеніяхъ, а иногда и ложными чудесами. „Однажды, — говорилъ батюшка, —нѣкто А. П—евъ, въ патетическомъ мѣстѣ своей проповѣди, изрекъ многочисленной толпѣ, внимавшей его бреднямъ: „Я вѣрую, что сейчасъ полечу на небо“. Взялъ два вѣника, имѣвшихъ замѣнить, вѣроятно, крылья, поднялся на крышу своего довольно высокаго дома, но въ силу закона тяготѣнія, полетѣлъ не на небо, а на землю“. Особенно не нравятся сектантамъ иконопочитаніе. При всякой встрѣчѣ съ православными, они заводятъ объ этомъ рѣчь, а дома въ углу, вмѣсто божницы, вѣшаютъ ружья, трубки и кисеты съ табакомъ. Какъ и всѣ сектанты, ушковайзеть до крайности кичливы своей мнимой святостью: они всѣмъ и каждому твердятъ, что только они несомнѣнные наслѣдники неба и считаютъ православную церковь гнѣздомъ всякой грѣховности и нечистоты. Но подъ личиною благочестія они обнаруживаютъ всякаго рода пороки—жестокость, пьянство, только не дома, а въ отлучкахъ, сутяжничество, надувательство во всѣхъ его видахъ. „Я зналъ, —говорилъ батюшка, —нѣкоего Т. М., который лѣтъ 10 истязалъ свою невинную жену. При этомъ случилось такъ: въ одной рукѣ извергъ-мужъ держалъ библію и, читая ее, „вѣровалъ“, а другой рукой билъ жену. Послѣ одного изъ истязаній, невинная жертва сектантскаго фанатизма стала „кончаться“ и, гордящійся святостью, мужъ-тиранъ напутствовалъ свою жену въ иной міръ лишь дикими ругательствами“.

Кромѣ сектантовъ, не мало въ приходѣ и колдуновъ, которые, пользуясь невѣжествомъ народа, до сего времени сохранили надъ

нимъ свою силу и во многихъ дѣлахъ имѣютъ вѣсь больше священника. Изъ нихъ одни заговариваютъ раны, лѣчатъ они отъ разныхъ болѣзней, другіе опыты въ случаѣ какой-либо кражи или пропажи. Сами колдуны не отказываются отъ церковныхъ таинствъ. Какъ разъ предъ самымъ сѣздомъ, батюшка причащалъ одного изъ нихъ. Колдунъ, пожилой старикъ, почувствовалъ скорбь душевную и даже раскаяніе въ своихъ дѣйствіяхъ; слышно, что онъ собирается и пособороваться.

Въ общемъ, приходъ не можетъ похвалиться полнымъ благосостояніемъ. Много въ немъ людей индифферентныхъ, особенно изъ побывавшихъ въ Финляндіи и приравнявшихся къ финско-лютеранской культурѣ. Въ разговорѣ кто-то замѣтилъ, что если-бы поселился здѣсь лютеранскій пасторъ, то безъ всякой пропаганды сотни душъ отпали бы отъ церкви,—такъ слабы многіе изъ ухтинскихъ прихожанъ въ православіи.

Заглянулъ я однажды и въ школу. Учитель велъ урокъ ариеметикѣ. Какъ ученикъ сердобольской семинаріи, онъ руководствуется методами, принятыми въ Финляндіи. Въ классѣ настроеніе бодрое, дѣти веселыя, отвѣчаютъ бойко и разумно. Къ переводу на карельскій языкъ учитель почти не прибѣгаетъ,—такъ хорошо ребята понимаютъ по-русски. Въ младшемъ отдѣленіи занимается сестра учителя, прошедшая сердобольскіе учительскіе курсы (годичные). Русскому языку обучалась мѣсяца три въ г. Кеми и не въ совершенствѣ преуспѣла; часто смѣшиваетъ роды мужескій и женскій (въ финскомъ языкѣ только одинъ родъ), говоритъ „нельзя посмотрѣть“ и т. п. Былъ урокъ чтенія; дѣти правильно читали отдѣльныя фразы по-русски и передавали прочитанное, при помощи наводящихъ вопросовъ, иногда съ переводомъ на карельское нарѣчіе. Въ одной изъ классныхъ комнатъ пріютился шкафъ съ школьной библіотекой. Книги содержатся въ порядкѣ и, повидимому, усердно читаются—изрядно позасалены. До послѣдняго времени библіотека пополняется, но какими книгами? Недавно получены сочиненія Андреева и Каутскаго (даже въ красной обложкѣ). Не знаю, кто разсылаетъ эти книги по церковно-приходскимъ школамъ, но только и въ Вуоккиніеми мнѣ пришлось слышать о такомъ же подаркѣ и, удивительно, это на глазахъ священника и о. наблюдателя...

Къ полдню 13-го начерно мы уже кончили свои дѣла и рассчитывали вечеръ провести въ дружеской бесѣдѣ, пока заготовлялись бѣловые протоколы, съ намѣреніемъ тотчасъ же разѣхаться по домамъ. Но и этотъ вечеръ пришлось отдать народу. Совершенно по-русскому обычаю, въ складчину, мѣстные крестьяне вздумали чествовать насъ карельскимъ ужиномъ. Ужинъ былъ приготовленъ въ школѣ человѣкъ

на тридцать. Съ нами угощались только представители, а въ другую смѣну остальная публика. Были здѣсь и сектанты „ушковайзеть“, которые вообще не отдѣляются официально отъ церкви и православнаго общества. Говорятъ, что даже сектантка-пророчица служила намъ. Можетъ быть, этимъ людямъ только и не хватало богослуженія на родномъ языкѣ, чтобы сохраниться въ нѣдрахъ православной церкви. Были здѣсь и агенты просвѣтителей. Одинъ изъ нихъ получилъ образованіе въ коммерческой финской школѣ и въ Ухту прибылъ по случаю призыва. Онъ не скрываетъ своихъ панфинскихъ взглядовъ и безъ труда разбирается въ политическихъ партіяхъ. Изъ нихъ никто за ужиномъ не ораторствовалъ. Одинъ учитель предъ началомъ ужина сказалъ небольшое привѣтствіе и извинился за бѣдное, скромное угощеніе. Но мы дали волю своимъ языкамъ и повѣдали почти всѣ протоколы собравшимся, не зная еще, какая судьба постигнетъ ихъ. Вспоминалось здѣсь и имя нашего архіепископа, какъ инициатора съѣзда, и епископа мѣстной церкви, такъ любовно позаботившагося объ этой карельской окраинѣ. За ужиномъ слѣдовали чай, пѣніе и безконечныя разговоры.

Меня сильно тянуло къ мужичкамъ и ребятамъ-школьникамъ, которые толпились здѣсь въ качествѣ зрителей. Почти всѣ они оказались грамотными по-фински; нѣкоторые понимали и по-русски. Съ большой любовью здѣсь же принялись они читать братокія изданія, которыя я роздалъ имъ на память. А одинъ мальчикъ только въ минувшемъ году кончившій церковно-приходскую школу, заявилъ мнѣ о своемъ желаніи поступить въ духовное училище. Оказывается, что о немъ уже ходатайствовали въ прошломъ году, но почему-то начальство отклонило просьбу. Мальчикъ изъ хорошей семьи и часто прислуживаетъ въ алтарѣ. О. наблюдатель пообѣщалъ взять его подъ свое покровительство и провести въ духовное училище.

Съ 6 до 11 вечера находились въ кругу гостепріимныхъ ухтинцевъ, которые только съ нашимъ прощальнымъ колокольчикомъ стали расходиться по домамъ, напутствовавши насъ еще разъ всякими благожеланіями и благодарностью.

Обратный путь по прежней дорогѣ; тѣ-же виды и старыя знакомые, но уже другія чувства: хотѣлось съ надеждой и радостью смотреть въ будущее этого края, обуреваемого нынѣ всякими пропагандами,—вѣдь и здѣсь есть запросы духа, вѣдь и здѣсь народъ хочетъ спастись, лишь бы только мы вели его на тучныя пажити всѣми зависящими отъ насъ средствами.

Вотъ уже и Финляндія. На станціи Нурмесъ насъ ждало цѣлое событіе. Одинъ православный купецъ, переселенецъ изъ села Репола. Оловецкой губерніи, попросилъ кого-либо изъ насъ причастить его

большую жену. Пошелъ о. Сергій и, вернувшись, рассказалъ мнѣ о житьѣ-бытьѣ этихъ заброшенныхъ сюда судьбой православныхъ овецъ. Кстати случился здѣсь и самъ купецъ. Въ Нурмесѣ всего четыре семьи православныхъ, среди двухтысячнаго лютеранскаго населенія. Всѣ они вышли изъ Олонецкой Карелии и навсегда устроились здѣсь, безъ перехода, впрочемъ, въ финское гражданство. Они лишены всякаго руководства и назиданія. Походный священникъ прѣзжаетъ сюда однажды въ годъ и не всегда застаётъ православныхъ дома. Нашъ знакомый купецъ съ семьей обычно уѣзжаетъ на родину въ великомъ посту для того, чтобы поговѣть и отдохнуть душой въ православной средѣ. Съ большой радостью набросился онъ на Братскія изданія, случайно захваченныя мной изъ дома, и откупилъ большую часть изъ нихъ.

Года три или четыре тому назадъ, всѣ православные обитатели Нурмеса согласились устроить часовню и собрали 1,000 марокъ. Финскими властями было отведено уже мѣсто подъ часовню, правда, не слишкомъ удобное, за чертой селенія, но они надѣются выхлопотать другое мѣсто въ центрѣ селенія, лишь бы только епархіальное начальство посодѣйствовало этому. Нужда въ часовнѣ здѣсь большая. Въ Нурмесѣ сходятся коробейники изъ Олонецкой и Бѣломорской Карелии и иногда проживаютъ здѣсь или въ окрестностяхъ по цѣлымъ мѣсяцамъ. Съ купцомъ я объяснялся на русскомъ языкѣ, коимъ онъ владѣетъ въ совершенствѣ, равно какъ и его земляки. Пожелавши ему твердо держаться православной вѣры среди лютеранскаго общества, мы помчались дальше, теперь уже на почтовыхъ и съ большими удобствами. 17-го вечеромъ были уже въ Юэнсуу, откуда мы и начали свое свыше 500-верстное путешествіе на лошадахъ.

Опять гостепріимный домъ священника, но тѣ-же печальные рассказы о дѣйствіяхъ лютеранъ и нашей лютеранствующей интеллигенціи. Батюшка только что вернулся изъ поѣздки по школьной ревизіи и, какъ мы, былъ очень занимателенъ. Разговоръ коснулся учителей народныхъ школъ. Многіе изъ нихъ уже отпали отъ церкви, а оставшіеся вѣрными, въ большинствѣ случаевъ, только номинально считаются православными. Во многихъ приходяхъ эти учителя стоятъ во главѣ политической и соціалъ-демократической агитаціи. Прикрываясь именемъ православныхъ, они находятъ открытый доступъ въ православную среду и потому вліяніе ихъ вреднѣе явныхъ отступниковъ. Уроки закона Божія эти учителя ведутъ прямо въ протестантскомъ духѣ и почему-то предпочитаютъ довольствоваться только малымъ катихизисомъ, который съ полнымъ правомъ можетъ быть символической книгой всякаго другого исповѣданія и всякой секты — такъ мало въ немъ особенностей православной вѣры (этотъ катихизисъ, кажется, самостоятельно финской композиціи). Имѣется на фин-

скомъ языкѣ и катихизисъ митр. Филарета, но его учителя почему-то избѣгаютъ. У батюшки созрѣлъ уже и планъ борьбы съ этой теплохладностью учителей, въ видѣ тайнаго оглашенія ихъ. Это, по его словамъ, могъ бы сдѣлать мой спутникъ,—законоучитель семинаріи, откуда выходятъ и наши православные учителя, самымъ простымъ, но едва-ли достижимымъ способомъ—именно приглашать къ себѣ въ Сердоболь колеблющихся учителей: челоуѣка по два, по три и здѣсь въ домашней бесѣдѣ вести ихъ оглашеніе.

Но самое главное, какъ здѣсь было замѣчено, въ томъ, что наши священники совсѣмъ стоятъ въ сторонѣ отъ народныхъ школъ и не пользуются своимъ правомъ наблюденія за преподаваніемъ въ нихъ закона Божія. Въ одномъ приходѣ, напр., при двухкомплектномъ причтѣ ни одинъ изъ священниковъ не явился на публичный экзаменъ, хотя учительница лютеранка и извѣщала ихъ о времени экзамена. Предъ собравшейся публикой, въ большинствѣ православной, она являла свое искусство, а наши дѣти простояли въ углу. Что-то дальше будетъ? Съ этимъ вопросомъ на другой день, 18 декабря, я вернулся домой, благословляя судьбу за это поучительное путешествіе въ страну карель.

Образчикъ пресвитеріанскаго писательства.

За послѣднее время бѣлое духовенство до крайности встревожено. Съ нервнымъ напряженіемъ смотритъ оно на ближайшее будущее и боязливо спрашиваетъ себя: „А что если и послѣ церковнаго собора вся полнота духовной власти останется у черной іерархіи?! Что если мы и теперь не сумѣемъ использовать случай къ усиленію нашего престижа и намъ не удастся возсѣсть одесную „князей церкви—епископовъ“?! Пресвитеры церкви будутъ по прежнему „рабами“ епископовъ и жизнь церкви не обновится живою пресвитерскою (или „пресвитеріанскою“) струей.

Появились уже разные журналы „пресвитеріанскаго“ направленія: „Звонарь“, „Вѣкъ“ и т. п. Идутъ разсужденія о возможности женатыхъ архіереевъ, о второбрачій вдовыхъ священнослужителей и т. д. Съ другой стороны тревожатся и ревнители православія за будущность Церкви, опасаясь, что разсужденія о семейныхъ епископахъ и т. п. суть лишь цвѣточки, что съ усиленіемъ пресвитеріанства церковная жизнь омрачится облаками всевозможныхъ сумбуровъ, исходящихъ изъ устъ либеральнаго бѣлаго духовенства. Нельзя оставить безъ вниманія любопытный образецъ пресвитеріанской ахинеи, помещенный—увы!—въ такомъ крупномъ и солидномъ академическомъ журналѣ, какъ „Христ. Чтеніе“... Что дѣлать, знаменіе времени!.. Предъ нами ноябрьская книжка „Христ. Чтенія“ (1906 года) со статьей протоіерея Ф. И. Яковскаго: „О преобразованіи русской православной Церкви“. Статья поставлена самою первою; видимо, редакція рекомендуетъ ее особенному вниманію читателей.

Авторъ оказывается ревностнымъ защитникомъ пресвитеріанства и—хватаетъ черезъ край! Статья начинается осужденіемъ „предсоборныхъ“ комиссій, которыя, по мнѣнію автора, влоняютъ дѣло исключительно къ реставраціи древнихъ церковныхъ формъ, вмѣсто того, чтобы заниматься реформою и обновленіемъ церковной жизни. Насколько справедливъ почтенный авторъ въ отзывѣ о вышеозначенныхъ комиссіяхъ, объ этомъ говорить не будемъ. Замѣтимъ лишь слѣдующее. Порвать связь съ духомъ древле-церковныхъ каноническихъ нормъ и вмѣсто сего водрузить пресвитеріанщину дѣло не трудное, но что дѣлать, если впослѣдствіи жизнь и практика выяснятъ нелѣпость проектируемыхъ пресвитеріанами реформъ?! Каково тогда будетъ возвращаться къ отвергнутому православно-каноническому строю?!

„Въ предсоборныхъ комиссіяхъ, пишетъ далѣе авторъ, замѣчается у нѣкоторыхъ членовъ такое желаніе и стараніе, чтобы предстоящій соборъ былъ въ силахъ удовлетворить, по возможности, всѣхъ не только православныхъ, но сектантовъ и раскольниковъ. Такой взглядъ, кажется, противорѣчитъ ученію и примѣру І. Христа и апостоловъ, которые не о томъ заботились, чтобы всѣмъ угодить, а о томъ, чтобы сообщать одну истину, и только истину; а слѣдовать ей или нѣтъ предоставили свободѣ слушателей“.

Итакъ, по мнѣнію автора, соборъ не долженъ обращать серьезнаго вниманія ни на православныхъ, ни на сектантовъ и раскольниковъ; онъ долженъ возвѣщать одну „истину“ (пресвитеріанскую) и, говоря проще, все свое необъятно великое дѣло клонить къ одной цѣли—возвышенію пресвитеріанства.

Далѣе авторъ, вооружившись трудами проф. А. П. Лебедева, Скабалонорича и другихъ, рассуждаетъ о причинахъ упадка Византійской имперіи и приходитъ къ любопытному и очень неожиданному выводу,—Византійское государство пало отъ... союза съ Церковью. Почтенный с. протоіерей указываетъ факты подчиненнаго отношенія византійской Церкви къ гражданскому правительству и усматриваетъ въ нихъ главную причину паденія Византійской имперіи. На это скажемъ слѣдующее. Отдѣльные факты сами по себѣ еще ничего не доказываютъ, тѣмъ болѣе, что и самъ авторъ сознается, что иногда предстоятели византійской церкви отлучали императоровъ отъ церковнаго общенія, такъ что отлученные императоры подвергались опасности „лишиться престола“ (624 стр.). Очевидно, здѣсь уже очень далеко до подчиненія византійской церкви государству!.. Затѣмъ, любой школьникъ перечислитъ вамъ, о. протоіерей, причины паденія Византійской имперіи, заключавшіяся въ ея географическихъ, политическихъ и т. п. условіяхъ, но никто, тѣмъ болѣе ревнитель православія, не отважится сказать, что все зло Византіи произошло отъ ея союза съ Церковью источникомъ добра, не можетъ древо добро плоды злы творить. Если авторъ имѣетъ въ виду собственно факты ненормальныхъ взаимоотношеній между церковью и государствомъ въ Византіи, то, опять повторяемъ, отдѣльные факты ничего не доказываютъ; наконецъ, все возвышенное, доброе, свѣтлое и небесное, при усвоеніи его людьми, своеобразно преломляется, отражается и иногда искажается въ земныхъ формахъ. Слѣдуетъ ли отсюда, что надобно уничтожить всякую связь между земнымъ и небеснымъ?! Надобно не уничтожать, а усовершенствовать эту связь въ видахъ наиболѣе усиленнаго воздѣйствія лучей небеснаго свѣта на нашу земную жизнь...

Но зачѣмъ, однако, понадобилось автору толковать про упадокъ Византіи? А потому, думаемъ, что „умыселъ другой тутъ былъ“. Ав-

торъ хочетъ провести параллель между Византіею и Россіею. Онъ пишетъ:

„Единеніе Церкви и государства привело Византійскую имперію къ гибели. Исторія русской православной Церкви подтверждаетъ ту же истину, что единеніе Церкви съ государствомъ приноситъ только вредъ вмѣсто пользы. Въ Россію христіанство перешло изъ Византіи тоже въ формѣ подчиненія Церкви государству. Но въ началѣ, въ силу историческихъ обстоятельствъ, правительство и власти духовныя всѣ силы употребляли къ тому, чтобы интересъ Церкви и государства не сталкивались; и это до нѣкоторой степени удавалось... Но въ концѣ концовъ духовенство, послѣ цѣлаго ряда насилій со стороны правительства сдѣлалось послушнымъ орудіемъ въ рукахъ свѣтскихъ властей. Петръ Великій пошелъ еще дальше, онъ принялъ рѣшительныя мѣры противъ вліянія духовенства, совершенно подчинивъ церковное управленіе свѣтской власти“.

Въ этихъ разсужденіяхъ автора нельзя отрицать присутствіе нѣкоторой доли правды. Совершенно справедливо, что съ эпохи Петра I-го русская Церковь попала какъ бы въ зависимость отъ гражданской власти, но авторъ намѣренно или ненамѣренно допускаетъ ошибку, утверждая, что Русь приняла христіанство отъ грековъ въ формѣ подчиненія церкви государству. Неужели авторъ забылъ назначенія епископовъ князю Владиміру, просвѣтителю Руси, касательно примѣненія военно-полевыхъ судовъ (говоря современнымъ языкомъ), по отношенію къ участвовавшимъ тогда разбоямъ и грабежамъ?! Развѣ онъ забылъ, какъ преп. Ѳеодосій Печерскій осудилъ княжеское пиршество, какъ въ теченіе цѣлыхъ вѣковъ русская Церковь смягчала грубые нравы въ полуязыческой Руси, какъ поднѣе преп. Сергій Радонежскій увѣщаль князей къ братолюбію, какъ святиТЕЛЬ Филиппъ обличалъ Ивана Грознаго, какія отношенія были между царями и патріархами (патріархъ Никонъ и Алексѣй Михайловичъ)?! Потомъ будущій всероссійскій соборъ для того и готовится, чтобы поставить дѣло церковное на самостоятельный путь. Однако о. протоіерей все-таки беспокоится и боится, какъ бы не вернуться къ до-Петровскимъ отношеніямъ Церкви и государства. Но хотя бы и пришлось „вернуться“ (конечно, елико возможно) къ патріаршему періоду, то что тутъ опаснаго?!

Вѣдь до-Петровская эпоха, за немногими исключеніями, не подлежитъ упреку нѣ поработенія Церкви государствомъ?! Ларчикъ открывается довольно просто. Почтенный о. протоіерей хлопочетъ не столько объ освобожденіи Церкви отъ правительственной опеки, сколько о томъ, чтобы послѣ собора пресвитеріанскія мечты бѣлаго духовенства осуществились на практикѣ и, еще можно, процвѣли яко кривъ... Разумѣется, при возвращеніи къ до-Петровскому церковному строю (еслибы

это сбылось), пресвитеріанскимъ чаяніямъ осуществиться будетъ не легко. Вотъ гдѣ разгадка и того явленія, что пресвитеріанская печать, во время оно распинавшаяся за то, чтобы христіанство проникло культуру, какъ закваска—тѣсто (о. о. Свѣтловъ и Петровъ), начинаетъ за послѣднее время толковать про полное отдѣленіе Церкви отъ государства.

Въ дальнѣйшихъ словахъ своей статьи о. протоіерей высказываетъ много дѣльныхъ мыслей касательно желательнаго уменьшенія канцелярщины въ нашемъ духовномъ вѣдомствѣ, восписуетъ даже похвалу русскимъ архипастырямъ-монахамъ и т. п. Однако и тутъ мы слышимъ довольно странные глаголы. Само собою понятно, авторъ находитъ возможнымъ ставить въ архіереи женатыхъ священнослужителей, но это еще цвѣточки. Онъ довольно отчетливо проводитъ странную мысль, что во епископы можно ставить прямо изъ мірянъ, притомъ „съ небольшимъ образованіемъ“.

„При избраніи въ епископы, пишетъ онъ, слѣдуетъ обращать главное вниманіе на благочестіе избираемаго; богословское же образованіе требовалось бы настолько, чтобы избираемый зналъ догматы Церкви православной, знакомъ былъ съ библіей и святоотеческими твореніями. Но требовать отъ избираемаго обширныхъ богословскихъ познаній, по нашему мнѣнію, лишне, тѣмъ болѣе, что по отзывамъ нѣкоторыхъ нашихъ архипастырей, наша богословская наука стоитъ не особенно высоко,—все заимствуемъ у нѣмцевъ. Въ древне-христіанской церкви епископы избирались, а послѣ назначались императорами прямо не только изъ мірянъ, но изъ язычниковъ,—такъ Нектарій Константинопольскій, св. Тарасій, Фотій, Амвросій Медиоланскій и мн. другіе. Свв. Спиридонъ Тримифунтскій, Николай Чудотворецъ, Петръ и Александръ Александрійскіе были всѣ люди малообразованные, а между тѣмъ эти святители Божіи явились столпами церкви. Поэтому не противно будетъ духу церковному, когда и теперь православные христіане станутъ избирать епископовъ не только изъ духовныхъ лицъ, но и изъ мірянъ, не только богословски высокообразованныхъ, но и людей съ небольшимъ образованіемъ, главное—чистота вѣры и глубокое благочестіе“.

Раньше о. протоіерей, какъ мы видѣли, очень опасался, какъ бы вмѣсто реформы не вернуться къ старинѣ, а теперь, наоборотъ, отстаиваетъ древнѣйшій обычай поставленія во епископы прямо изъ мірянъ, да еще съ небольшимъ образованіемъ. Онъ указываетъ на не особенно солидную постановку нашей богословской науки и отсюда дѣлаетъ выводъ, что епископы могутъ обойтись и безъ богословскаго образованія. Хороша ли такая логика, предоставляемъ судить читателю. О. протоіерей говоритъ, что въ древности епископы поставлялись и изъ язычниковъ; но вѣдь не допускаетъ же онъ мысли (надѣмся), чтобы теперь поставить архіереемъ кого-либо изъ татаръ, знакомыхъ съ ученіемъ

православной Церкви. Въ древности епископами поставляли и простых, не ученых, но благочестивыхъ мирянъ, каковыя ставленники впоследствии дѣлались столпами Церкви (Николай Чудотворецъ); но, тогда жизнь далеко не отличалась такою сложностью, какою она отличается въ наше время, и къ епископамъ не могли быть предъявляемы тѣ требованія, какія предъявляются теперь. Дажѣ, одна простая начитанность въ библіи и святоотеческихъ творенійхъ (безъ богословскаго образованія), будетъ весьма ненадежной гарантіей отъ возможности такимъ епископамъ впасть въ неправомысліе. Въ расколѣ много начетчиковъ, но что-же въ результатѣ? — „Что ни мужикъ, то вѣра, что ни баба, то—толкъ“. Наконецъ, могутъ ли эти проектируемые авторомъ епископы—начетчики изъ простецовъ имѣть серьезный авторитетъ и дать солидный отвѣтъ въ бесѣдахъ съ начетчиками изъ раскольничковъ и сектантовъ, коими паче могутъ ли дать отвѣтъ объ „упованіи“ вопрошающимъ изъ нашей маловѣрующей интеллигенціи?!

Впрочемъ, о. протоіерей предусмотрителенъ. Епископовъ, по его мысли, можно ставить изъ начетчиковъ-простецовъ, но для проповѣдничества у нихъ должны быть особые ассистенты или помощники изъ богословски образованныхъ... протоіереевъ.

„Еслибы епископъ, пишетъ авторъ, по дряхлости или по другимъ причинамъ не могъ объѣзжать своей епархіи, то для помощи въ дѣлѣ вѣроученія онъ долженъ имѣть дидаскала—вѣроучителя, который, получивши высшее образованіе на богословскомъ факультетѣ, могъ бы объѣзжать приходы и дополнять своими поученіями поученія приходскихъ священниковъ... Поэтому у каждаго епископа долженъ быть и дидаскалъ, облеченный саномъ протоіерея“.

Но что же тогда получится въ результатѣ? Ученый дидаскалъ протоіерей, конечно, будетъ имѣть въ епархіи большій вѣсъ и авторитетъ, нежели епископъ изъ простецовъ; будетъ сильно вліять и вoadѣйствовать на архіерея, даже управлять имъ (если архипастыръ окажется очень мягкимъ и слабохарактернымъ, а дидаскалъ хитрымъ и изворотливымъ). Любопытно, что авторъ, допуская отсутствіе богословскаго образованія у епископа, требуетъ, чтобы „ассистирующій“ при немъ дидаскалъ протоіерей былъ богословски образованъ (очевидно въ видахъ наибольшаго вліянія на епископа и епархію).

Почтенный о. протоіерей вообще выхватываетъ изъ церковной исторіи отдѣльные факты, по своему (пресвитерскому) вкусу, склеиваетъ ихъ въ особую мозаику и предлагаетъ ее въ качествѣ зеркала для исправленія недочетовъ современной церковной жизни. Едва ли такому труду можно порадоваться.

А. А.

Недоразумѣніе по поводу чинопріема изъ австрійскаго раскола.

Въ № 9 журн. „Старообрядецъ“ мы находимъ повтореніе раскольнической мерзости, дерзкое и омерзительное кощунство на св. мощи преподобнаго Серафима Саровскаго чудотворца *). Вотъ вамъ и фактъ! Вотъ вамъ и „соединенцы въ сущихъ санахъ“! Не удивительно услышать такія кощунства отъ жида, отъ татарина, которымъ христіанское писаніе неизвѣстно, но чѣмъ объяснить подобныя раскольническія выходки, послѣ того, какъ по поводу открытія св. мощей Серафима Саровскаго не мало было писано въ православныхъ журналахъ свидѣтельствъ древней церкви и приводимы были примѣры отъ св. мощей до—никоновскаго времени, что святые почиваютъ въ различныхъ видахъ, и что мощи не по нетлѣнію только признаются, но по чудесамъ *). Такъ о мощахъ преподобнаго Нила Стол-

*) Чудеса же Богъ творить въ крайнихъ нуждахъ нашихъ, по сильной вѣрѣ и по усиленной молитвѣ съ постомъ.

Не творить же Богъ чудеса за невѣрствіе, или за легкомысленное празднолобство, и особенно не бываетъ чудесъ для лукавыхъ искусителей.

Часто удостоиваетъ Богъ Своихъ чудесъ людей, живущихъ по волѣ Божіей и просящихъ только того, что согласно съ волею Божіей.

Иногда Богъ удерживаетъ чудеса, испытывая нашу вѣру и усердіе и научая насъ терпѣнію въ молитвѣ и безропотномъ перенесеніи скорбей, чтобы насъ содѣлать способными къ достиженію царства небеснаго.

Иныхъ же въ самомъ началѣ безъ всякаго подвига чудесами Богъ привлекаетъ къ Себѣ. Особенно даются силы Божіи смиреннымъ и любвеобильнымъ, тѣ могутъ и сами для другихъ испрашивать у Бога покое.

Чудеса, получаемыя отъ св. мощей, суть не только исцѣленія тѣлесныхъ болѣзней, но и тѣ, кои исцѣляютъ души наши отъ страстей и очищаютъ отъ грѣховъ, потому что отъ этихъ-то золъ приходятъ и бѣды на наши тѣла.

Иногда исцѣленная тѣлесная болѣзнь снова возвращается къ тому

бенскаго говорится, что, при открытіи ихъ оказалось,—„гробъ и тѣло его святое землѣ предадеса, а мощи его (т. е. кости) святыхъ цѣлы всѣ“ (акты экспедиціи Т. IV, стр. 156. 207). О московскихъ святителяхъ говорится: „Іону цѣла суща обрѣтоша. Фотія же цѣла суща не всего, а Кипріяна всего истлѣвша, едины мощи“ (собраніе русск. лѣтопис. Т. VI, стр. 195). У святителей Гурія и Варсонофія Казанскихъ чудотворцевъ:—„у одного предано тлѣнію пята ноги, а у другого—уста“. У св. мощей какаѣ-нибудь часть да предается тлѣнію во исполненіе неложнаго Божественнаго повелѣнія: „земля еси и въ землю пойдеши“. Указано было многократно и на кости пророка Елисея, и св. Николая чудотворца. Глѣбъ Боголюбскій, во Владимірѣ, почиваетъ нетлѣнно, какъ живой, имѣеть гибкость. Церковь, какъ до-Никоновская, такъ и послѣ Никона одинаково мощи всѣхъ святыхъ почитаетъ не по виду ихъ, а по чудесамъ. Нѣкоторые мощи древніе имѣли одну только персть, какъ наприм. братьевъ Маккавеевъ (во времена еще Іоанна Златоуста). Такъ же имѣются одни только кости равноапостальнаго князя Владиміра, а преподобнаго Антонія Печерскаго мощи никогда и не открывались, но почитается онъ по чудесамъ. Отъ истинныхъ христіанъ мы не боимся раскольническаго слышимъ о всѣхъ таковыхъ святыхъ мощахъ, а вотъ что: „Сія кости, персть видится и земля, но обаче бѣсомъ суть страшна, и слѣпыхъ просвѣщаютъ, и прокаженныхъ, и расслабленныхъ и всякія болѣзни уврачуютъ“ (препод. Іосифъ Волоцкій въ „Провѣдителяхъ“ Каз. изд. сл. 7, стр. 311).

„Во истину чудо преславно, яко кости наги источаютъ исцѣленія“ (Митропол. Даниилъ приложен. стр. 9). „Чудо преславно во истину: кости голы сухи на всякія недуги и болѣзни исцѣленія точать, и бѣсовъ прогоняютъ“ (Зиновій Отенскій. Истины показаніе. Казан. изд. стр. 426). О мощахъ священно-мученика Поликарпа епископа Смирнскаго въ чет. минеи говорится: „Его кости—сокровище драгоценнѣе дорогихъ камней, и чище золота“. Св. Іоаннъ Златоустъ пишетъ: „не говори мнѣ о прахѣ, не представляй тѣла и истлѣвшихъ отъ времени костей ихъ, но открой очи вѣры и посмотри на присущую имъ силу Божию, на облекшую ихъ благодать Духа, на

же человѣку, по слову Господа: „болѣе не грѣши, да не горше ти что будетъ“.

Извѣстенъ и такой случай: Апостоль Павелъ, исцѣляя другихъ, не исцѣлилъ своего ученика Тимоея, но велѣлъ стомаха ради и частыхъ недуговъ употреблять вино съ водою.

окружающую ихъ славу небснаго свѣта; не такіе лучи падаютъ на землю съ солнечнаго круга, какое сіяніе и блескъ исходитъ изъ этихъ тѣлъ, ослѣпляя даже взоры діавола; бѣсы, при видѣ (св. мощей) ихъ, отскакиваютъ прочь и обращаются въ бѣгство (какъ разбойники отъ царскаго оружія); ибо они смотрятъ не на смертную природу ихъ, но на неизреченное величіе Христа, дѣйствующаго въ нихъ“ (Творен. Златоуста т. 2, стр. 662).

Тотъ же св. отецъ въ словѣ на перенесеніе св. мощей братьевъ Маккавеевъ (находящихся въ ковчегѣ костей и праха) говоритъ такъ: „Гробъ съ останками святыхъ, есть кивотъ, но гораздо лучшій кивота Давидова: въ немъ заключаются не скрижали каменные, но скрижали духовныя, благодать цвѣтущая, даръ блистающій, и кости, не уступающія по своему блеску лучамъ солнечнымъ или лучше, испускающіе блистательнѣйшее сіяніе. Ибо, взирая на солнечные лучи, бѣсы ничего не терпятъ, а блеска, исходящаго отсюда, они не выносятъ, но ослѣпляются, обращаются въ бѣгство, и удаляются на великое разстояніе. Такова сила самаго праха святыхъ: она не внутри только мощей заключается, но и дальше простирается, прогоняетъ нечистыя силы, а приступающихъ съ вѣрою освящаетъ съ великимъ избыткомъ. Какъ вода, наполняющая источники, не удерживается въ нѣдрахъ ихъ, но выступаетъ и разливается, такъ точно и благодать Духа, обитающая въ святыхъ и присущая костямъ ихъ, переходитъ и на другихъ, слѣдующихъ за ними съ вѣрою, переходитъ отъ души на тѣло, отъ тѣла на одежду, отъ одежды на обувь, отъ обуви на самыя тѣни. Посему не только тѣла апостоловъ творили чудеса, но и платки ихъ и полотенца *), и не только платки и полотенца, но и тѣнь Петра дѣйствовала сильнѣе живыхъ людей **), и милоть Іліина низвела сугубую благодать на Елисея. Ибо не только тѣло Елисея, но и одежда его была исполнена благодати. И отъ Елисея уже умершаго не отступила благодать, но самая смерть была разрушена имъ, когда другой мертвецъ былъ поверженъ въ гробъ пророка. Тоже было и теперь: когда переносимы были мощи, то поднялись со всѣхъ сторонъ бѣсовскія смятенія, вопли, и рыданія, такъ какъ свѣтъ, исходящій отъ костей, опалялъ полчище враждебныхъ силъ“ (Твор. Златоуст. Т. 2, на разн. случ. стр. 244). „Подлинно (говоритъ Златоустъ) тѣла святыхъ ограждаютъ у насъ городъ тверже всякой адамантовой и несокрушимой стѣны,

*) Дѣян. 19, 12.

**) Дѣян. 5, 15.

и подобно высокимъ скаламъ, расположеннымъ со всѣхъ сторонъ, не только отражаютъ нападенія чувственныхъ враговъ, но козни невидимыхъ бѣсовъ и все коварство діавола испровергаютъ и разрушаютъ съ такою легкостію, съ какою сильный мужъ испровергаетъ и бросаетъ внизъ игрушки дѣтей. И не только противъ козней людей и противъ коварства бѣсовъ полезно намъ это сокровище, возлюбленіи, но если бы прогнѣвался на насъ и общій нашъ Владыка за множество грѣховъ, то, предложивъ въ защиту себя эти тѣла, мы скоро можемъ преклонить его на милость къ городу. Если совершившіе великіе подвиги при праотцахъ нашихъ, предлагая въ защиту имена святыхъ мужей: Авраама, Исаака и Іакова, получали нѣкоторое утѣшеніе, то много болѣе мы, предлагая въ защиту не имена только, но и самыя тѣла подвизавшихся, въ состояніи будемъ преклонить Бога на милость, снисхожденіе и благоволеніе“ (твор. Златоуст. Том. 2 стр. 742).

„Можетъ, по истинѣ можетъ приходящій сюда съ вѣрою получить великія блага, потому что не только тѣла, но и самыя гробницы святыхъ исполнены духовной благодати. И такъ, убѣждаю всѣхъ васъ, находится ли кто въ уныніи или въ болѣзняхъ, или скорбяхъ, или въ какомъ либо другомъ житейскомъ несчастіи, или въ глубинѣ грѣховъ, пусть съ вѣрою приходитъ сюда, и онъ избавится отъ всего этого, и возвратится съ великою радостію, получивъ облегченіе совѣсти отъ одного созерцанія: или лучше—не однимъ только находящимся въ несчастіяхъ необходимо приходитъ сюда, но хотя бы кто находился въ радости, въ славѣ, во власти, или имѣлъ великое дерзновеніе предъ Богомъ, и тотъ пусть не пренебрегаетъ этою пользою. Для всѣхъ это сокровище полезно, это прибѣжище благопотребно,—для падшихъ, чтобы имъ избавиться отъ искушеній, для благоденствующихъ, чтобы блага ихъ остались прочными, для недужныхъ, чтобы имъ возвратить себѣ здоровье, и для здоровыхъ, чтобы имъ не впасть въ болѣзнь. Помолимся о всемъ этомъ, будемъ предпочитать пребываніе у св. мощей всякой радости и всякому удовольствію, чтобы мы возмогли и тамъ (на небѣ) сдѣлаться сожителями и сообщниками этимъ святымъ, молитвами самихъ святыхъ, благодатію и человеколюбіемъ Господа нашего Іисуса Христа“ (Твор. Злат. Т. 2, стр. 695). „Святые и по смерти дѣйствуютъ какъ живые, исцѣляютъ больныхъ, изгоняютъ бѣсовъ и силою Господа отражаютъ всякое лукавое вліяніе ихъ мучительнаго владычества. Ибо святымъ мощамъ всегда присуща чудодѣйственная благодать Святаго Духа“ (Твор. Ефрема Сирина том. 2, стр. 49). Что послѣ этого можно сказать о дерзкихъ глумленіяхъ въ безбожномъ „Старо-

обрядѣ"? Много разъ приходилось читать, какъ на востокѣ даже нѣкоторыя магометане—турки чтутъ православную святыню за исцѣленія, полученныя отъ нея прибѣгающими съ вѣрою. Отъ раскольниковъ же мы слышимъ только „кощунство и руганіе со смѣхомъ на благодать Св. Духа“, хуже чѣмъ отъ невѣрныхъ. „Благовременноныѣ“ поэтому сказать: „касаяся смолѣ очернится“, а соединяющійся съ раскольниковомъ осквернится!

Ради святости Православной Христовой Церкви и основныхъ руководственныхъ для Святой Церкви свято-отеческихъ канонѣвъ, мы категорически заявляемъ, что ни подъ какимъ видомъ, новоявленное австрійско—Амвросіевское самочинное и законопреступное священство пріемлемымъ Святою Церковію быть не можетъ, въ полной увѣренности, что съ нами будутъ солидарны всѣ архипастыри, бѣлое и монашествующее духовенство, а тѣмъ болѣе миссіонеры—борцы за истину Святой Православной Христовой Церкви.

Свящ. Д. Холоповъ.

Изъ воспоминаній о приволжскихъ старообрядцахъ.

Въ 60-хъ годахъ XIX столѣтія, когда мнѣ впервые пришлось близко ознакомиться съ нѣкоторыми группами нашихъ приволжскихъ старообрядцевъ нижегородской, казанской, симбирской, костромской, ярославской и владимірской губерній, циклъ „древняго благочестія“, не былъ такъ крѣпко замкнутъ, какъ то стало замѣтно потомъ, когда къ нему почти не оказалось никакого доступа для православныхъ людей. Въ то время въ Казани былъ крупный „старообрядческій тузъ“, купецъ Романовъ. Имя этого туза было хорошо извѣстно даже высочайшимъ особамъ. Въ своихъ роскошныхъ палаткахъ, на берегу рѣки Волги въ семи верстахъ отъ города Казани, гдѣ находились тогда всѣ пристани волжскаго пароходства, когда они прїѣзжали сюда, онъ не пропускалъ случая устраивать подобающіе приемы для лицъ царствующаго дома, во время обозрѣнія страны. Такъ напримѣръ въ 1864 году Романовъ принималъ въ своей палаткѣ на берегу Волги наслѣдника цесаревича Николая Александровича, во время его прїѣзда въ Казань, въ 1866 году — Наслѣдника Цесаревича Александра Александровича съ августѣйшей супругою Марією Феодоровною. И въ оба эти прїѣзда высочайшихъ особъ въ Казань, я, находясь подлѣ палатки Романова, видѣлъ, какъ августѣйшіе гости сѣрдечно пожимали руку представителя казанскаго старообрядчества и милостиво принимали отъ него роскошное угощеніе и драгоценные подарки въ видѣ — иконъ-складней...

Личность Романова была въ высшей степени симпатична. Это былъ старичекъ семидесяти лѣтъ, небольшого роста, убѣленный сѣдинами, съ умнымъ выраженіемъ лица, — слегка румянаго и моложаваго, — вѣчно бодрый и словоохотливый, всегда прївѣтливый и добродушный, отзывчивый ко всякому людскому горю и помогавшій всѣмъ, чѣмъ могъ, не только своимъ единовѣрцамъ, но и православнымъ и даже татарамъ, нерѣдко обращавшимся къ нему за помощію.

Ведя крупную торговлю „крупчаткою“, единственною въ то время по своимъ качествамъ на всю Россію, Романовъ обладалъ десятками милліоновъ состоянія и считался по всему приволжскому краю первѣйшимъ старообрядческимъ богачемъ. У него была единственная въ 60-хъ годахъ на всю Россію паровая о 200 поставахъ крупчаточная мельница въ адмиралтейской

слободѣ города Казани на берегу рѣки Казанки, свое пароходство по Волгѣ и большая флотилія парусныхъ и другихъ судовъ, въ огромномъ количествѣ развозившихъ по всему приволжскому краю продукты его „мучнаго производства“. Это былъ въ своемъ родѣ „крупчаточный король“ на Волгѣ. Его имя гремѣло тогда на всю Россію. Въ самыхъ отдаленныхъ уголкахъ страны на всѣхъ „хлѣбныхъ рынкахъ“ можно было наблюдать на мѣшкахъ „крупчатки“ клеймо „фирмы Романова“...

Нечего и говорить, что все казанское старообрядчество, централизуясь вокругъ этого „крупчаточнаго короля“, держало знамя „древняго благочестія“ очень высоко и гордилось своей могучей силою передъ православнымъ духовенствомъ, не опасаясь никакого „давленія“ со стороны власти. Романовъ же въ широкой мѣрѣ практиковалъ „покровительственную“ систему, т. е. пособлялъ деньгами всякому новому прозелиту, „пріобщившемуся древняго благочестія“, и къ нему шло много бѣдныхъ людей только затѣмъ, чтобы „на братскихъ средствахъ“ пожить въ свое удовольствіе, обзавестись подходящею торговлею, и, наживши деньги, просуществовать потомъ безбѣдно. Конечно, при такомъ порядкѣ „старообрядческаго роста“, здѣсь не обходилось и безъ своеобразныхъ злоупотребленій. Такъ напримѣръ, прозелить, при „посвященіи“ (чинопріемѣ) взявъ, въ видѣ единовременнаго пособія „на всякія домашнія потребности, достаточную „мзду“, уже никогда не появлялся „въ своемъ приходѣ“... деньги здѣсь платили новообращеннымъ старообрядцамъ довольно крупныя. Я зналъ въ Казани такихъ лицъ, которыя получали за свое „прічастіе“ къ старообрядчеству по десяти и болѣе тысячъ рублей разомъ. Дѣлалось-же это посредствомъ болѣею частью смѣшанныхъ между православными и старообрядцами браковъ. Такъ напримѣръ „крупчаточникъ Романовъ“ выдалъ свою единственную дочь, какъ наслѣдницу огромнаго состоянія, за купца Журавлева, челоѣвка съ европейскимъ образованіемъ, но „пріавшимъ“ старообрядчество ради того, чтобы унаслѣдовать милліоны Романова.

Къ православной же церкви поволжское старообрядчество относилось тогда съ нескрываемою ненавистью. Меня страшно поражало тогда во всѣхъ старообрядцахъ чувство ихъ брезгливаго отношенія ко всѣмъ православнымъ людямъ, послѣ того, какъ они прикоснутся къ ихъ домашнимъ вещамъ вообще и въ особенности къ столовой посудѣ; эту послѣднюю „старобрѣ“ или быстро уничтожали или-же отдавали даромъ православнымъ христіанамъ. Это дѣлалось и съ той посудой, изъ которой пили чай даже высочайшія особы въ палаткѣ Романова...

У меня долгое время сохранялась одна тонкая, художественной работы, фарфоровая позолоченная чашка, изъ которой наслѣдникъ цесаревичъ Николай Александровичъ въ 1864 году пилъ приготовленный для него чай въ палаткѣ Романова; эта чашка погибла у меня во время пожара въ 1898 году, бывшемъ въ Новой Деревнѣ, въ Петербургѣ...

Замѣчательно, что у всѣхъ „людей старой вѣры“ повсюду

сохранялся одинъ и тотъ же обычай во всемъ ихъ домашнемъ быту: они постоянно были хлѣбосолы, вѣчно гостепріимны, ласковы, слегка угрюмы, но обходительны; носили длинные суконные черные сюртуки, красныя рубахи-косоворотки, „сапоги бураками“, спніе штаны и непременно черную, суконную фуражку особаго покроя, по которой, да и по длинному черному сюртуку тоже, какъ жида въ лапсердакъ, всегда можно было узнать старообрядца. Какъ у богатыхъ, такъ и у бѣдныхъ людей всегда ѣли и пили „изъ деревянной посуды“ (чашекъ и ложекъ) и каждый изъ нихъ изъ своей собственной чашки и ложки, которыя потомъ онъ, послѣ обѣда, самъ долженъ былъ вымывать и вытирать и класть на опредѣленное мѣсто въ „посудникъ“ или прямо таки на открытой полкѣ въ столовой комнатѣ или же въ кухнѣ, смотря по достатку дома.

Чистота старообрядческой крови поддерживалась браками только съ „единовѣрными“.

Антихристовой „заразы“ старообрядцы боялись какъ огня. Среди именитаго купечества города Казани я зналъ одного фанатика-старообрядца, богатаго мѣстнаго торговца, имѣвшаго въ городѣ три желѣзныхъ лавки и одну „шорныхъ товаровъ“, обладавшаго при томъ собственнымъ домомъ на Владимирской улицѣ, Григорія Карпова. Это былъ человекъ уже очень старый, вполне умудренный „древнимъ благочестіемъ“; изъ-за „благочестія“ сей мужъ воспрещалъ своимъ домашнимъ—женѣ и своей сестрѣ когда либо появляться на улицахъ города „среди нехристей“, опасаясь, чтобы „онѣ не заразились какимъ-нибудь антихристомъ“ и тѣмъ самымъ принесли въ его домъ „большую нечисть“. Разрѣшалось этимъ „женамъ“ гулять только въ своемъ дворѣ и во фруктовомъ саду, обнесенныхъ со всѣхъ сторонъ высокими и крѣпкимъ заборомъ, похожимъ на монастырскую стѣну, изъ-за которой уже совсѣмъ не видно было никакого внѣшняго міра Божія. Самъ онъ ежедневно въ 12 ч. утра выѣзжалъ въ свои лавки затѣмъ только, чтобы помолиться тамъ своимъ „древнимъ иконамъ“ съ вѣчно теплящимися передъ ними лампадами и посидѣть нѣсколько минутъ подлѣ каждой изъ лавокъ на видномъ мѣстѣ, чтобы „показать себя и посмотреть на другихъ“... Ѣздилъ Карповъ по своимъ лавкамъ обыкновенной на собственной бѣлой лошади, шагомъ, въ древнемъ экипажѣ, длинномъ на подобіе турецкаго дивана, обшитаго кожей и напоминающаго „похоронныя дроги“. На козлахъ у него, вмѣсто кучера, всегда сидѣлъ грязный, негроподобный мальчикъ изъ его „шорной мастерской“, вѣчно босой, даже въ холодные дни осени, и никогда не мывшійся послѣ занятій въ мастерской съ „варомъ“ и съ черными рожами... Даже мѣстные старообрядцы, „свои люди“, и тѣ смѣялись надъ Карповымъ совершенно открыто. Но онъ ничего этого знать не хотѣлъ, говоря, что „быть босымъ вовсе не позоръ, потому что и самъ Господь нашъ Иисусъ Христосъ никогда не носилъ никакой обуви“.

Другой примѣръ въ селѣ Исадахъ, Нижегородской губерніи,

въ 1846 году, когда на рѣкѣ Волгѣ только что появился первый пароходъ „Волга“ „общества по Волгѣ“, учрежденнаго въ 1843 году, исадскіе старообрядцы вышли къ нему, пароходу, на встрѣчу съ крестнымъ ходомъ и служили на берегу Волги „торжественный“ Господу Богу молебень о ниспосланіи имъ благодати для того, чтобы уничтожить „адскаго змія“, пыхтящаго и шипящаго „невидимой силою по водамъ нашей кормилицы—рѣки“...

Въ самомъ-же Нижнемъ Новгородѣ, однажды во время крестнаго хода по улицамъ города, мнѣ лично пришлось наблюдать такую дикую выходку противъ православнаго духовенства мѣстныхъ фанатиковъ-старообрядцевъ. Проходя по нижнему базару, мимо дома Бугрова, мѣстнаго старообрядческаго попа, крестный ходъ подвергся со стороны этого дома неистовому обкидыванію аловонной грязью.. Оказалось, что старообрядцы, обыкновенно, во время православныхъ крестныхъ ходовъ по улицамъ Нижняго-Новгорода постоянно прятались во дворы своихъ домовъ и оттуда, изъ-за заборовъ лишь поглядывали на проходившее мимо нихъ православное духовенство, опасаясь „запачкаться никоніанствомъ“... Посылалъ я разъ знаменитые въ своемъ родѣ Семеновскіе старообрядческіе скиты Нижегородской губ. въ гор. Семеновѣ. Я былъ пораженъ здѣсь тѣмъ, что всѣ мѣстныя женщины оказались въ траурѣ, т. е. въ черныхъ костюмахъ до платка на головѣ включительно. Оказалось, что это все „полумонахини“, проживавшія въ семеновскихъ скитахъ до тѣхъ поръ, пока имъ не найдется какого-либо жениха изъ старообрядцевъ. А женихи эти находились такъ. Зная, что городъ Семеновъ сплошь кишитъ „дѣвицами-черничками“, нижегородскіе (да и вообще приволжскіе) старообрядцы каждую осень наѣзжали сюда для выбора себѣ подходящихъ невѣстъ изъ „скитянокъ“... Тутъ-же совершались и браки старообрядческими попами...

— Что это вы всѣ въ траурныхъ платкахъ здѣсь ходите? спросилъ я одну изъ семеновскихъ „черничекъ“.

Она сначала на меня покосилась: какъ это, молъ, у нихъ, въ городѣ Семеновѣ, оказался такой невѣжда, который не знаетъ ихъ мѣстнаго обычая... А потомъ уже грубо, черезъ зубы—въ-рогую понявъ, что я „не изъ ихнихъ“—отвѣтила мнѣ:

— Да потому, что мы гонимые...

— Кто-же это васъ „гонить“? спросилъ я.

— Нехристи ваши—никоніанцы!.. злобно отвѣтила она.

— За что-же это они „гонять“ васъ?..

— А за то, что мы въ Бога вѣруемъ... а вы.. антихристы...

Женщина эта не перемонилась со мною въ словахъ потому, что она сразу поняла, что я „не изъ ихъ числа“, и сознавала хорошо, что я ей не посмѣю ничего грубо отвѣтить, такъ какъ тутъ за нее все и никто за меня (здѣсь изъ православныхъ—только и была одна городская администрація, да еще наше скромное духовенство, какъ-то случайно ужившееся тутъ „съ сонмомъ старообрядцевъ“).

Нужно замѣтить, что въ 60-хъ годахъ самый доступъ къ семеновскимъ старообрядческимъ скитамъ былъ для насъ, православныхъ, сопряженъ съ большими затрудненіями. До города Семенова нужно было ѣхать отъ Нижняго-Новгорода глухими лѣсами, сплоть покрывавшими всю дорогу; небольшія же деревеньки, попадавшіяся на пути, были населены однимъ старообрядцами. Приобрѣсти что-нибудь изъ продовольствія среди фанатиковъ „древляго благочестія“ намъ было совершенно невозможно... На православнаго человѣка тутъ смотрѣли, какъ на своего врага, сыщика, пришедшаго сюда для того, чтобы „обслѣдовать“ старообрядческое „поведеніе“ въ отношеніи государственной власти... Оно и дѣйствительно въ то время „старообрядческое поведеніе въ отношеніи государственной власти“ было не совсѣмъ-то благонадежно... Многіе изъ людей „древляго благочестія“ находились „въ неблаговидной связи“ съ разными социалистами и давали послѣднимъ возможность укрываться отъ административнаго преслѣдованія въ семеновскихъ скитахъ... Такъ напримѣръ, нѣкоторые участники въ дѣлѣ убійства Иванова въ земледѣльческой академіи въ Москвѣ, были задержаны тогда по дорогѣ въ городъ Семеновъ...

Въ Петербургѣ социалисты открыли рядъ лекцій о старообрядцахъ, желая привлечь ихъ, какъ недовольныхъ своимъ положеніемъ въ государствѣ, на свою страну. Лекціи эти (въ 1877 и 78 годахъ) читались на Пескахъ, въ домѣ Николаева, на Кавалергардской улицѣ, гдѣ находилась тогда „конспиративная квартира“ социалистовъ, и привлекали сюда мѣстныхъ и московскихъ старообрядцевъ. Дѣло это объясняется тѣмъ, что социалистамъ кромѣ пропаганды своихъ идей необходимы были деньги „ревнителѣй старины“ для собственнаго своего благополучія...

Но лекціи эти, однако, принесли старообрядцамъ относительную пользу. Шефъ жандармовъ, ген.-адъют. Мезенцевъ, узнавъ о лекціяхъ, доложилъ государю о нѣкоторыхъ старообрядческихъ вуждахъ, и тотъ сдѣлалъ кое-какія послабленія для „ревнителѣй старины“...

Но что въ этомъ случаѣ было всего главнѣе для старообрядцевъ, такъ это признаніе въ нихъ ген. Мезенцевымъ самыхъ добропорядочныхъ въ Россіи людей; Мезенцевъ избралъ изъ нихъ нѣсколько человѣкъ для „государственной службы“ въ охранномъ отдѣленіи...

С. Глѣбовъ.

Религіозна бесѣда либерально-вѣрующаго съ искренно-вѣрующимъ.

Два друга Василій К. и Иванъ Д. съ дѣтства и до 25-лѣтняго возраста прожили по сосѣдству въ одномъ большомъ селѣ Н—мъ В—ской губ., имѣя совершенно одинаковыя убѣжденія и взгляды на жизнь, а также будучи одинаковаго религіознаго настроенія, особенно сильно развившагося въ нихъ по окончаніи мѣстной двухклассной школы, въ которой они хорошо ознакомились съ священною исторіей и отчасти со св. Библіей. Бывало, сойдутся они побесѣдовать о вѣрѣ и во всемъ-то у нихъ получалось полное согласіе. Но вотъ пришло время, что Василій К. отправился на заработки въ фабричный городъ И—во и, ознакомившись тамъ съ своими земляками—давнишними фабричными жителями, мало-по-малу сталъ терять свою религіозность и сталъ сливаться во взглядахъ съ новыми товарищами, давно уже израсходовавшими тѣ запасы душевной красоты, которые когда-то посѣяны были въ нихъ скромной сельской жизнью въ кругу набожныхъ крестьянъ.

Черезъ двѣнадцать лѣтъ, весь разбитый нравственно и физически, но лишь съ запасомъ какой-то новой либеральной вѣры, Василій К. возвратился на жительство опять въ свое село и первымъ долгомъ постарался повидать своего стараго друга, который за это время еще больше углубился въ духовную жизнь: вошелъ въ близкое общеніе съ мѣстнымъ церковнымъ причтомъ, помогая послѣднему въ чтеніи и пѣніи на клиросѣ, а по временамъ навѣщалъ своего приходскаго батюшку и разспрашивалъ его о тѣхъ мѣстахъ свящ. Писанія, какія казались ему непонятными. Такъ вотъ эти-то два друга, бывшіе раньше полными единомышленниками, теперь при первой же встрѣчѣ, послѣ обычныхъ привѣтствій и разспросовъ, вскорѣ перешли въ религіозный споръ и увидали, какая между ними легла пропасть разномыслія за время долой разлуки. Однако, во имя старой дружбы и изъ желанія одинъ другаго „образумить“, они не захотѣли сразу же порвать взаимныя отношенія; но, сознавая, что „на-скоро“ и безъ порядка спорные разговоры ни къ чему не приведутъ, старые друзья уговорились на

счетъ плана для своихъ бесѣдъ о вѣрѣ отъ Слова Божія и рѣшили выполнять его, строго держась того предмета, который будетъ стоять на очереди. Эти то бесѣды либерально-вѣрующаго съ искренно-вѣрующимъ мы и намѣрены воспроизвести здѣсь въ безыскусственномъ описаніи.

Воспроизводить разговоры мы начнемъ съ бесѣды о Церкви Христовой, а затѣмъ постепенно будемъ знакомить читателей съ бесѣдами о всѣхъ другихъ предметахъ религіозной жизни православнаго христианина.

Бесѣда 1-я.

О церкви Христовой.

Либерально-вѣрующій. Здравствуй, друже, вотъ я исполнилъ свое обѣщаніе—пришелъ къ тебѣ побесѣдовать, надѣюсь, что и ты не откажешь слѣдующій разъ посѣтить мою хату.

Искренно-вѣрующій. Прошу пожаловать, очень радъ твоему посѣщенію и конечно въ долгу не останусь, приду, когда назначишь время.

Либерально вѣрующій. Такъ какъ прошлый разъ мы уговорились начать бесѣду о Церкви Христовой, то, чтобы не терять времени попусту, позволю мнѣ прямо высказать свой взглядъ на этотъ предметъ, а потомъ ужъ я послушаю тебя и увидимъ: чьи доводы сильнѣе.

Прежде всего я долженъ тебѣ сознаться, что теперь я гляжу на все не по указкѣ церковниковъ, а по собственному кругозору, который развился во мнѣ за время житія въ городѣ, среди людей сознательныхъ и шире смотрящихъ на вещи собственными глазами.

Искр.-вѣр. Буду слушать съ полнымъ терпѣніемъ твои, какъ думаю, новыя для меня разсужденія, но предварительно хотѣлось бы замѣтить тебѣ, что напрасно ты осуждаешь вѣрующихъ, какъ ты выражаешься, „по указкѣ церковниковъ“, вѣдь, разсуждая такъ, можно дойти до того, что и св. апостолы по указкѣ „наставляющаго ихъ на всякую истину Духа Утѣшителя“ проповѣдывали вѣру Христову.

Либер.-вѣр. Ну, не обижайся, я такъ это сказалъ, для краснаго словца; признаюсь, вѣдь, бывало, въ городѣ-то, мы только и щеголяли другъ передъ другомъ этими „красными словцами“, а о дѣлѣ-то говорить зачастую забывали. Но я теперь перехожу къ дѣлу. Чтобы высказать свой взглядъ на церковь Христову, я не буду тебѣ передавать его своими словами, а прочитаю прямо изъ евангелія: „Истинно также говорю вамъ, что если двое изъ васъ согласятся на землѣ просить о всякомъ дѣлѣ, то чего бы ни попросили, будетъ имъ отъ Отца Моего небеснаго; ибо гдѣ двое или трое собраны во имя Мое,

тамъ Я посреди ихъ“ (Мѣ. 18, 19--20), и далѣе: „И сами, какъ живые камни, устройте изъ себя домъ духовный, священство святое. чтобы приносить духовныя жертвы, благопріятныя Богу“ (Петр. 2,5), Вотъ изъ этихъ-то мѣстъ Писанія я и заключаю, что Церковь составляетъ не изъ однихъ священниковъ въ блестящихъ парчевыхъ ризахъ, во главѣ съ архіереемъ, надѣвшимъ на свою голову дорогую митру, а только двое-трое вѣрующихъ, собравшихся во имя Христово, уже и составляютъ Церковь и эти вѣрующіе своею душевною сплоченностью устрояютъ изъ себя домъ, да не такой какъ православные храмы съ златоглавыми вершинами, а духовный домъ, и при томъ они же сами изъ себя представляютъ и священство святое, приносящее духовныя жертвы Богу.

Искр.-стр. Я никакъ не предполагалъ, что „широкій“ взглядъ на вещи заключается въ томъ только, что выхватить изъ евангелія безъ всякой связи два-три стиха и на основаніи ихъ не только построить свой „широкій“ взглядъ, но за одинъ почеркъ и осудить всѣхъ, кто попадетъ подъ статью. Теперь послушай мое „указочное“ объясненіе тѣхъ мѣстъ Писанія, на которыхъ ты основываешь свое упованіе. Прежде всего мнѣ хотѣлось бы спросить: почему ты не прочелъ двумя стихами выше въ 18 главѣ евангелія Матѳея, именно 17 и 18? А вѣдь тамъ вотъ что говорится: „Если же не послушаетъ ихъ, скажи церкви; а если же и церковь не послушаетъ, то да будетъ онъ тебѣ, какъ язычникъ и мытарь. Истинно говорю вамъ: что вы свяжете на землѣ, то будетъ связано на небѣ“. Не ясно ли, что не изъ двоихъ или троихъ состоитъ и церковь, когда читаемъ, что двое увѣщателей согрѣшившаго брата отсылаются съ заявленіемъ безуспѣшности обличенія къ церкви, имѣющей и такихъ лицъ, которымъ дана власть вязать и разрѣшать на землѣ, а что эти лица не изъ простыхъ вѣрующихъ мірянъ состоятъ, объ этомъ свидѣлствуется въ 16 глав. ст. 18—19 того же евангелія отъ Матѳея: „и я говорю тебѣ: ты Петръ, и на семь камней Я создамъ церковь Мою и врата ада не одождѣютъ ея; и дамъ тебѣ ключи Царства Небеснаго; и что свяжешь на землѣ, то будетъ связано на небесахъ; и что разрѣшишь на землѣ, то будетъ разрѣшено на небесахъ“, эти слова, сказанныя апостолу Петру, относятся ко всѣмъ другимъ апостоламъ, какъ равно и ихъ преемникамъ. Итакъ, если прочтешь съ 15-го до 21-го стиха евангелія отъ Матѳея, а также примешь во вниманіе только что приведенныя мною объясненія, то ясно увидишь, что указанный тобою 18 ст. той же главы говоритъ о такихъ двоихъ или троихъ сошедшихся во Имя Христово, которые въ то же время пребываютъ въ единствѣ съ истинною Церковью Христовою, но не отдѣлившіеся отъ нея. Собирающіеся же недостойно, не по волѣ Господней, хотя, повидимому,

«собираются и во имя Господне услышать: „что вы зовете Меня: Господи! Господи! и не дѣлаете того, что Я говорю?“ (Лук. 6,46, сравни Мѡ. 7,21—23).

Либер.-стр. Все это пожалуй и такъ, но тогда выходитъ, что ап. Петръ противорѣчилъ евангелію, когда говорилъ: „И сами, какъ живые камни, устройте изъ себя домъ духовный“...

Искр.-стр. Нѣтъ, мой другъ, св. апостолы, писавшіе по Богодуховенію (2 Тим. 3,16), не могли противорѣчить, а вотъ мы, грѣшные люди, да еще мнящіе себя „шире смотрящими“ на вещи, чѣмъ сама Церковь, основанная на апостольскомъ ученіи, если не будемъ руководствоваться Ея указаніями, то можемъ не только противорѣчить, но и исказить свящ. Писаніе. Въ самомъ дѣлѣ, развѣ хоть однимъ словомъ обмолвился ап. Петръ въ приведенномъ тобою стихѣ изъ его посланія о томъ, что для состава церкви не нужно никого, кромѣ двухъ-трехъ мірянъ? По моему разумѣнію, слова ап. Петра значать, чтобы мы, принадлежа къ Церкви Христовой, не успокаивали себя одною принадлежностью и не складывали бы рукъ для дѣла собственнаго спасенія, но усердно работали бы надъ собою, изгоняя изъ сердца своего злые помыслы, и на ихъ мѣсто вселяли бы любовь къ Богу и ближнимъ, вотъ эта-то работа и будетъ называться устройствомъ въ самихъ себѣ дома духовнаго, въ этой личной работѣ надъ собою мы будемъ и священниками и, если хочешь, то и царями надъ своими страстями; подавляя ихъ въ себѣ, мы тѣмъ будемъ приносить духовную жертву Богу.

Либер.-стр. Признаюсь, что мнѣ нравятся твои объясненія, но все-таки я еще не могу отказаться отъ того мнѣнія, что ты суживаешь взглядъ на церковь, изгоняя возможность устройства ея и среди собравшихся нѣсколькихъ вѣрующихъ? Тѣмъ болѣе, если вспомнить, что Богъ вездѣприсущъ (Пс. 138,7—12).

Искр. стр. Нѣтъ, я нисколько не суживаю, а лишь яснѣ освѣщаю вопросъ о составѣ Церкви, но вижу, что тебѣ тяжело сразу согласиться съ моими доводами, поэтому я вынужденъ еще яснѣ высказаться. Представимъ себѣ, что одновременно собрались въ одномъ мѣстѣ православные для сужденія о томъ, какъ вразумлять заблуждающихся еретиковъ, а въ другомъ—еретики для сужденія о томъ, какъ противиться всѣмъ заботамъ православныхъ. Что же ты думаешь, ужели и съ тѣми и съ другими Христосъ и Его всемогущая помощь? Нѣтъ, это невозможно. Во имя Христова сходятся тѣ, которые съ Нимъ собираютъ, но не тѣ, которые расточаютъ. Возьмемъ еще и другое сравненіе. Вотъ мы находимся въ храмѣ Божиѣмъ. Если изъ стѣны этого храма выпадетъ камень или два и болѣе: эти камни имѣютъ-ли какое значеніе? Простой кирпичъ и больше ничего, а между

тѣмъ въ общей-то массѣ составляютъ *Храмъ Божій*, или домъ молитвы. Такъ-то вотъ и каждый изъ насъ—въ единеніи съ церковнымъ обществомъ, взявшимъ начало отъ апостоловъ, основаннымъ на краеугольномъ камнѣ Иисусъ Христъ, святъ и самъ, а отдѣлился отъ Церкви и—ты тотъ же язычникъ, мертвый членъ, преткнувшійся о краеугольный камень, не покоряясь слову св. Церкви.

Что же касается указанія твоего на вездѣ—присутствіе Божіе, то конечно, я согласенъ съ этимъ, что дѣйствительно Богъ вездѣ присутствуетъ: но на иныя собранія Онъ смотритъ съ любовью, а на другія—съ гнѣвомъ и яростью (Пс. 2,5). Бываютъ такія собранія, которыя, хотя и призываютъ имя Божіе и даже возносятъ молитвы къ Всевышнему, но какъ говоритъ Писаніе: *кто отвращаетъ свое ухо отъ слушанія закона, тою и молитва мерзость* (Прит. 28, 9). О такихъ собраніяхъ вотъ что говорится въ откровеніи: „и вотъ Я сдѣлаю, что изъ сатанинскаго сборища, изъ тѣхъ, которые говорятъ себѣ, что они іудеи, но не суть таковы, а лгутъ—вотъ Я сдѣлаю то, что они придутъ и поклонятся предъ ногами твоими и познаютъ, что Я возлюбилъ тебя“ (Откр. 3, 9). Поразмысли-ка, друже, надъ этими словами, да и то имѣй въ виду, что они обращены не къ представителю 2-хъ или 3-хъ-чинной церкви, а къ ангелу, т. е. епископу цѣлой Филадельфійской церкви и, стало быть, направлены, именно, противъ основателей самочиннаго сборища. Кстати добавлю, нужно помнить и то обстоятельство, что въ одномъ собраніи было десять дѣвъ, но изъ нихъ оказались пять неразумныхъ, хотя эти неразумныя одинаково ожидали жениха въ полночи, но не одинаково были для встрѣчи подготовлены, и что же получили въ отвѣтъ на просьбу открыть двери? (Мѣ. 25, 12).

Затѣмъ, вспомни исторію семи сыновъ іудейскаго первосвященника Скевы, они тоже призывали Имя Господне, стараясь подражать апостоламъ, хотѣли изгонять бѣсовъ, но однако ихъ одолѣлъ діаволь. (Дѣян. 19, 13—16). Стало быть, одной вѣры во Христа недостаточно для того, чтобы извѣстное общество сдѣлалось Церковью и жилищемъ. Божіимъ, для этого необходимо еще каждой Церкви быть основанной на краеугольномъ камнѣ, который есть Христосъ и Его Божественныя повелѣнія.

Либер. евр. Скажу тебѣ откровенно, что ты болѣе меня свѣдущъ въ Писаніи и потому затрудняюсь теперь же высказать свой взглядъ на твои, довольно обоснованные доводы, но тѣмъ не менѣе имѣю и еще нѣчто возразить; а именно, не только апостольское писаніе говорило противъ необходимости въ Церкви особой іерархіи, но можно читать тоже и въ откровеніи Іоанна Богослова, происхождение котораго я признаю прямо таки божественнымъ, гдѣ вотъ что говорится:

„И содѣлалъ насъ царями и священниками Богу нашему; и мы будемъ царствовать на землѣ“ (Откр. 5, 10).

Искр. вѣр. Объ іерархіи послѣ будетъ у насъ разговоръ, а что касается до существа приведеннаго тобою текста, то я долженъ вотъ что сказать: священниками и царями въ полномъ смыслѣ всѣ быть не можемъ; это ясно, какъ день Божій; но каждый самъ надъ собою, или какъ я раньше сказалъ надъ своими страстями, не только можемъ, но и должны быть, хотя это далеко не многимъ удастся, ибо не всѣ бываемъ „епископами“ или „священниками“ сердца своего, и въ тоже время, искажая слова Писанія, многіе не чуждаются самочиннаго присвоенія священства надъ другими.

Либер. вѣр. Приношу сердечную благодарность за добрую бесѣду, я очень радъ, что вижу въ тебѣ по прежнему стараго друга, сердечно относящагося къ своему товарищу дѣтства, не взирая на пріобрѣтенное имъ за время разлуки другое противное тебѣ возрѣніе на религіозную жизнь. Признаюсь, такого задушевнаго отношенія я не испытывалъ со времени первой разлуки съ тобою. Правда, ты далеко еще не разубѣдилъ меня въ моихъ широкихъ взглядахъ на вещи, ибо у меня такой громадный запасъ возраженій, что и въ десятокъ—другой бесѣдъ о всемъ намъ не переговорить, но будемъ терпѣливы и послѣдовательны, живы будемъ—со временемъ побесѣдуемъ обо всемъ, а теперь позволю съ тобою распрощаться, и для слѣдующей бесѣды, которая, какъ мнѣ помнится, должна быть у насъ о Церковномъ учительствѣ, надѣюсь видѣть тебя въ моей хатѣ на этихъ дняхъ.

Діаконъ І. Смолинъ.

ХРОНИКА.

Лѣтопись періодической духовной и свѣтской печати и новыя книги: по вопросамъ вѣры и миссіи церкви.

Богословская журналистика за январь: „О молитвѣ“ („Труды Киев. Д. Акад.“)
„Христіанская любовь, какъ основа благополучія“ („Правосл. Собесѣдн.“)
„Зачѣмъ намъ нуженъ патріархъ?“ (Богослов. Вѣсти.“). „Каноническія
опредѣленія брака“ (Ibid). „Духовенство и партійность въ политикѣ“
(„Труды Киев. Д. Акад.“). „Женщина, что ты плачешь?“ („Прав. Собес.“).

Богословскіе журналы за первый мѣсяцъ текущаго года дали не мало статей, съ содержаніемъ которыхъ считаемъ не лишнимъ познакомить читателей „М. О.“ Прежде всего отмѣтимъ тѣ статьи, въ которыхъ раскрывается христіанское ученіе по вопросамъ, всегда интересующимъ вѣрующаго человѣка, и имѣющія миссіонерскій характеръ въ широкомъ смыслѣ этого слова. Такова статья проф. В. З. Завитневича въ Трудахъ Киевск. Дух. Акад. „О молитвѣ. Изъ системы философско-богословскихъ воззрѣній А. С. Хомякова“. Авторъ знакомитъ насъ съ воззрѣніями этого извѣстнаго философа-богослова и тѣмъ даетъ вполне согласное съ церковнымъ ученіемъ выясненіе съ точки зрѣнія разума христіанской молитвы.

Молитва—по Хомякову—это высокое проявленіе живого, органическаго единства между нашимъ Спасителемъ и Его избранными. Она есть какъ-бы кровь, обращающаяся въ тѣлѣ Церкви. Молитвы каждаго члена церкви о всѣхъ и всѣхъ о каждомъ есть проявленіе духа любви, дыханіе Духа Божія. Какъ-бы ни считалъ себя недостойнымъ отдѣльный человѣкъ—и его молитва необходима въ церкви. Если рука скажетъ, что ей не нужна кровь остальнаго тѣла, и она своей крови ему не дастъ, рука отсохнетъ. Молитва истинная есть истинная любовь, и должна она быть въ духѣ любви, а не пользы, въ духѣ сыновней свободы, а не закона наемническаго, просящаго платы. Всякій спрашивающій: „какая польза въ молитвѣ?“ признаетъ себя рабомъ. Отсюда—гдѣ нѣтъ любви, тамъ не можетъ быть и истинно христіанской молитвы. Истинный мотивъ христіанской молитвы заключается въ потребности любви проявиться, и поэтому, какъ истинная христіанская любовь одинаково простирается на живыхъ и мертвыхъ, друзей и враговъ, святыхъ и грѣшниковъ, такъ и въ общеніи истинно-христіанской молитвы находятся живые и мертвые, друзья и враги, святые и грѣшники, словомъ, всѣ члены одинаго церковнаго организма. Но наши молитвы имѣютъ характеръ не только призыванія, прославленія, величанія и благодаренія, а и просьбы. Истинный смыслъ просительной молитвы состоитъ не въ томъ, чтобы склонить волю Божію къ изліянію

благодѣяній, а въ томъ, чтобы сдѣлать волю просящаго достойною этихъ благодѣяній, которая безконечная любовь Божія всегда готова даровать въ достаточной полнотѣ. Исполненіе просьбы, такимъ образомъ, является какъ-бы ея естественнымъ логическимъ слѣдствіемъ. Такого характера не теряетъ наша молитва и тогда, когда мы просимъ о какихъ-то перемѣнахъ или явленіяхъ въ мірѣ внѣ насъ лежащемъ, напр., объ избавленіи отъ огня, мора, голода и пр. И въ этихъ случаяхъ любовь, вѣра и надежда—эти три важнѣйшихъ момента въ состояніи религиозно-настроенной христіанской души, найдя соотвѣтствующее выраженіе въ пламенной молитвѣ, приводятъ волю человѣка въ гармонію съ законами воли Божественной.

Какъ свободный голосъ любви, молитва должна быть свободна. Ея свобода состоитъ въ соотвѣтствіи формы живому движенію души. Форма молитвеннаго проявленія души многообразна. Самою естественною, самою выразительною, а потому самою пѣлесообразною формою является слово—произносимое или сопровождаемое пѣніемъ.

Но не въ одномъ только словѣ можетъ выражаться молитва. Трудъ на пользу ближняго, вызванный безкорыстной любовью къ нему, тоже есть молитва. Молитва можетъ выражаться также и въ различныхъ тѣлодвиженіяхъ, каковы крестное знаменіе, всзведеніе очей къ небу, паденіе на землю и др. Молитвенное настроеніе души можетъ выражаться и посредствомъ изображенія предмета вѣры, надежды и любви на иконѣ.

Если ты, говоритъ Хомяковъ, не можешь выразить своей любви къ Богу словомъ, а выражаешь ее изображеніемъ видимымъ, т. е. иконою, осудить ли тебя церковь? Нѣтъ, но осудить осуждающаго тебя, ибо онъ осуждаетъ твою любовь. Знаемъ, что и безъ иконы можно спастись и спасались, и если любовь твоя не требуетъ иконы, спасешься и безъ иконы; если же любовь брата твоего требуетъ иконы, ты, осуждая любовь брата, самъ себя осуждаешь, и если ты, будучи христіаниномъ, не смѣешь слушать безъ благоговѣнія молитву или духовную пѣснь, сложенную братомъ твоимъ, какъ смѣешь ты смотрѣть безъ благоговѣнія на икону, созданную его любовью, а не художествомъ? Самъ Господь, знающій тайну сердець, благоволилъ не разъ прославить молитву или псаломъ: запретишь ли Ему прославить икону или гробы святыхъ? Посему можешь и безъ иконы спастись, но не долженъ ты отвергать иконы. Вообще, церковь принимаетъ всякій обрядъ, если онъ служитъ внѣшнимъ выраженіемъ внутренняго стремленія души къ Богу. Обряды могутъ быть разнообразны. Будучи созданы духомъ свободнаго творчества, они могутъ измѣняться, но не иначе, какъ по суду церкви. Церковь при этомъ должна строго наблюдать, чтобы эти измѣненія и нововведенія не ввели въ соблазнъ другія церковныя общины; напротивъ, въ случаѣ возможности такого соблазна, она должна отступаться отъ своего мнѣнія и покоряться ихъ мнѣнію, дабы то, что въ одномъ невинно и даже похвально, не показалось виновнымъ другому и дабы братъ не ввелъ брата въ грѣхъ сомнѣнія и раздора. Единствомъ обрядовъ церковныхъ долженъ дорожить всякій христіанинъ, ибо въ немъ проявляется, даже для непросвѣщеннаго, единство духа и ученія; для просвѣщеннаго же находится источникъ радости живой и христіанской. Вообще же, пока обряды не измѣнены

церковью, они обязательны для ея членовъ, ибо въ нихъ соблюденіи радость святого единства, христіанской любви; а любовь есть вѣнецъ и слава церкви.

Свобода молитвы отъ формализма нисколько не исключаетъ возможности однообразія формы при разнообразіи ея видовъ. Общественное богослуженіе безъ существованія однообразной, вполне законченной, формы невозможно. Собраніе въ одномъ мѣстѣ многихъ лицъ, произносящихъ про себя свои собственные молитвы, не есть общественное богослуженіе. Общественное богослуженіе есть актъ молитвеннаго единенія многихъ душъ, выражающихъ свое внутреннее единство въ единой внѣшней формѣ.

Съ другой стороны, вполне законченная, такъ сказать, классическая форма молитвы и пѣнопѣній нисколько не стѣсняетъ свободы религиознаго движенія души. Церковныя молитвы и пѣнопѣнія, какъ плодъ любви и вдохновенія лучшихъ ея сыновъ, выражаютъ въ себѣ голосъ всей церкви, и поэтому въ нихъ каждый ея членъ находитъ то, чего жаждетъ, но что не всегда умѣетъ выразить его душа. Общественное богослуженіе своими готовыми классическими молитвами и пѣнопѣніями не только не стѣсняетъ свободы молящагося, но, напротивъ, выводитъ его изъ состоянія личной ограниченности, потому что затрогиваетъ, выражаясь образно, такія струны души, которыя, будучи предоставлены самимъ себѣ, быть можетъ, никогда не прозвучали бы. Общественное богослуженіе, такимъ образомъ, служить, такъ сказать, восполненіемъ той духовной неполноты, какою страдаетъ всякая отдѣльная личность въ своемъ одиночествѣ.

На ряду съ раскрытіемъ христіанскаго взгляда на молитву поставимъ статью Царевскаго въ „Правосл. Собесѣдникѣ“ „Христіанская любовь къ людямъ, какъ основа жизненнаго благополучія“. Не новыя домысли и какія либо открытія въ этой области обѣщаетъ и даетъ авторъ, но живо и картинно раскрываетъ смыслъ и значеніе въ жизни любви, любви христіанской, которая есть душа всего высокаго и совершеннѣйшаго въ мірѣ, высшая святыня сердца, верховная добродѣтель человѣка, основа и источникъ человѣческаго счастья. Любовь всегда присуща человѣку, она глубоко заложена въ природу человѣческую; она стара, какъ само человѣчество; но значеніе любви однако не всегда и всѣми понималось одинаково: идея любви раскрывалась въ человѣчествѣ постепенно.

Наконецъ въ христіанствѣ любовь объявлена не только великою и коренною добродѣтелью, но совмѣщеніемъ всѣхъ добродѣтелей, основой, цѣлью и завершеніемъ нравственной жизни. Усовершенствовавъ человѣка, досозидая въ христіанинѣ его христіанскія качества, любовь приближаетъ насъ къ цѣли нашего земного существованія, облегчаетъ достиженіе счастья, устроеніе Царства Божія на землѣ. На любви и только на ней зиждется благо жизни какъ общественной, такъ и частной. Любовь есть основной и, можно сказать, единственный цементъ, способный связать разрозненное, примирить несходное и объединить все разнообразіе взглядовъ и настроеній, характеровъ и темпераментовъ людскихъ въ одно дружное общество, въ одно нравственно цѣлое, въ одну духовную семью. Любовь даетъ обществу силу — мощную, несокрушимую, она именно обезпечиваетъ каждому

счастіе благоденствейнаго житія, со всіми удобствами, какія не мыслимы въ одиночномъ существованіи человѣка и какія только можетъ предоставить ему общество, государство. Всячески желательно и нужно, чтобы каждый человѣкъ былъ другомъ всѣхъ людей и любилъ бы всѣхъ, кого онъ знаетъ, видитъ, встрѣчаетъ. Да въ этомъ и нѣтъ ничего невозможнаго: для этого только нужно постепенно воспитать въ себѣ взгляды на человѣка, какъ существо — какъ бы оно ни было иногда слабо и преступно — существо все-таки священное и богоподобное, достойное состраданія, уваженія, любви. А потому, не только не убей человѣка, не укради у него, не оскорби его, не пожелай зла ему и т. д., а всячески помоги ему, поддержи его, исполни быть можетъ крайне недостаточную долю его счастья жизненнаго. Вотъ, на примѣръ, такъ называемые отбросы общества: несчастный босякъ, или безпріютный калѣка, или большой пропойца и т. п.; мало такого человѣка обути, одѣть, накормить, полечить, — гораздо важнѣе и нужнѣе того подойти къ нему съ братскимъ участіемъ, обогрѣть его любовью. Онъ вѣдь душой изстрадался больше, чѣмъ тѣломъ. Онъ озлобился на жизнь и на людей. Деньгами и подачками его не вернешь и уже не приручишь къ людямъ. Дай ему снова почувствовать силу и власть любви, удѣли ему частичку твоего сердца, съ душой подойди, братски отнесись къ нему. Вѣдь не только люди, а міръ весь пуще всего нуждается въ любви. Оказывай же ее всѣмъ людямъ, насколько возможно и гдѣ возможно, и всѣ, непременно всѣ станутъ друзьями твоими, и союзъ любви связуетъ, осчастливитъ, объединитъ всякаго съ обществомъ, въ которомъ судилъ кому Богъ жить.

Не менѣе ощутительно и очевидно благодатное вѣяніе любви въ созиданіи личнаго счастья человѣческаго, въ устроеніи частнаго благополучія каждой отдѣльной личности. Чистая, святая любовь вноситъ съ собою въ душу христіанина безцѣнное сокровище покоя, довольства, того мира, что обѣщала Господь вѣрнымъ ученикамъ Своимъ.

Мирно и спокойно, во славу Бога и на радость, счастье ближнихъ, течетъ жизнь такого человѣка. Гармонія любви сказывается во всемъ его существѣ и существованіи, во всемъ его настроеніи и поведеніи.

Въ приведенномъ изложеніи содержанія статьи г. Царевскаго раскрывается принципиальная сторона ученія о любви. Въ продолженіи своей статьи авторъ обѣщаетъ обратить вниманіе на нашу жизнь, на дѣйствительность, какъ она отвѣчаетъ этимъ идеаламъ, что представляетъ въ отношеніи любви христіанской.

* * *

Выдвигаемые современной жизнью вопросы церковно-общественной жизни не остаются безъ отвѣтовъ со стороны ученыхъ богослововъ нашей церкви. Таковъ, напр., вопросъ объ ожидаемомъ возрожденіи патриаршества въ Россіи. Проф. Лебедевъ посвятилъ этому вопросу въ „Богословскомъ Вѣстникѣ“ статью „Зачѣмъ бы намъ нуженъ патриархъ“?

Идя путемъ историческимъ, авторъ прежде всего отмѣчаетъ, что историкъ православной церкви ставится въ затрудненіе при изслѣдованіи и изображеніи поступательнаго развитія церковной исторіи вслѣдствіе того, что въ православныхъ церквахъ нѣтъ одного связующаго центра. Историкъ приходится заниматься описаніемъ отдѣльныхъ церквей. Такъ было доселѣ, но весьма нежелательно, чтобы также было и въ будущемъ. Исторія нашей русской церкви подсказываетъ

благопріятный исходъ. Было время, когда русская церковь силою обстоятельствъ ставилась въ центрѣ всѣхъ православныхъ церквей и результатомъ такого выступленія россійской церкви явилось (какъ необходимый постулатъ) учрежденіе у насъ патріаршества. На значеніе патріаршества въ нашей литературѣ существуютъ діаметрально противоположные взгляды.

Преклоняясь предъ авторитетомъ проф. Голубинскаго, авторъ признаетъ несомнѣнно важное значеніе за этимъ институтомъ. Достаточно обратить вниманіе на дѣятельность патр. Никона, и сопоставить ее съ дѣятельностью духовныхъ авторитетовъ иного періода, чтобы высказать значеніе патріаршества. Изъ ученыхъ изслѣдованій Голубинскаго видно, что Никонъ былъ рѣшительнымъ и неустрашимымъ реформаторомъ. А такимъ онъ былъ потому, что сидѣлъ на патріаршемъ тронѣ, который почти уравнивался съ престоломъ царскимъ. Никто не могъ сказать ему „не смѣй“: онъ былъ патріархомъ и имѣлъ власть дѣлать въ церкви, что ему угодно. Мы знаемъ, что Никонъ во благо употребилъ свою патріаршую власть. Не будь онъ патріархомъ, Никонъ не сдѣлалъ бы того, что онъ сдѣлалъ. Это дѣло осталось бы на долю послѣдующимъ поколѣніямъ, а мы не знаемъ: сумѣли ли бы они справиться съ труднѣйшей реформаторской работой. И что замѣчательно, сдѣланное имъ сдѣлано въ какія-нибудь шесть лѣтъ его патріаршества. А что было бы, если бы онъ патріаршествовалъ до своей смерти (1681 г.)? Никонъ остается единственнымъ явленіемъ въ нашей церковной исторіи: ни до временъ патріаршескаго періода, ни послѣ этого періода не встрѣчаемъ въ этой исторіи лица, равнаго съ Никономъ по осуществленію нужнѣйшихъ церковныхъ реформъ. И это единичное явленіе есть плодъ патріаршаго періода: едва ли можно сомнѣваться въ томъ, что патріаршій ореолъ воодушевлялъ и окрылялъ Никона въ его предпріятіяхъ. Впослѣдствіи могъ бы равняться по силѣ ума и характера съ Никономъ, и даже превзойти его въ обнаруженіи ума и энергій, развѣ одинъ человекъ: митрополитъ Филаретъ Дроздовъ, но онъ не могъ быть патріархомъ и онъ ничего не сдѣлалъ, что равняло бы и роднило его съ Никономъ: Филаретъ былъ провинціальнымъ архіереемъ, лишеннымъ даже потомъ синодальнаго членства, за неумѣнье гоняться за переменнымъ временемъ, почитаемымъ всей Россіею и даже Востокомъ, полузабытый петербургской церковной камарильей.

Въ укоръ патріаршему періоду говорятъ нерѣдко, что онъ убилъ соборное начало въ русской церкви. Не вѣрно это. Соборный голосъ совсѣмъ-таки не замолкалъ въ охуляемый періодъ патріаршій.

Во всякомъ случаѣ было очень полезно для развитія нашей церкви, если бы патріаршій періодъ XVII вѣка, съ его многими достоинствами, сомкнулся въ началѣ XX-го вѣка въ одно цѣлое съ возродившимся патріаршествомъ въ нашемъ отечествѣ; разорвавшаяся преемственная цѣпь сомкнулась бы, на благо церкви, какъ на благо, а не во вредъ ея дѣйствовалъ институтъ патріаршій въ теченіе столѣтъ его еще не зрѣлой жизни.

Приведенная тирада ясно говоритъ, въ какую сторону клонятся симпатіи автора. И дѣйствительно, весь его трактатъ направленъ къ тому, чтобы показать, что въ учрежденіи патріаршества и въ возста-

новленіи его въ настоящее время — прогрессъ въ исторіи русской и вообще православной церкви. Лишь церковь, возглавляемая однимъ святителемъ и управляемая имъ при посредствѣ собора—идеала церкви и залогъ ея развитія. Напротивъ, для историка, изучающаго періодъ церковной жизни послѣ-патріаршей получается впечатлѣніе, „что онъ попалъ въ трясину или стоитъ на краю страшной пропасти. И это чувство такъ естественно: за патріаршимъ періодомъ наступило какое-то безъидейное время, почти хаотическое состояніе. И неудивительно: такъ всегда бываетъ, когда домъ остается безъ хозяина, хозяинъ или глава русской церкви былъ поглощенъ холоднымъ ко всему чисто-русскому все нивелирующимъ Петербургомъ“. Изъ-за страха передъ патріархомъ „по волѣ Петра I, петербургскій Святѣйшій Правительствующій Синодъ поглотилъ святѣйшаго патріарха московскаго, не усвоивъ ни его „свѣтлости“, ни его авторитета, ни его правъ“. Петръ успѣшно довелъ до конца свое дѣло; церковь пошла на пристяжкѣ, прикрѣпленная къ государственному ядру, непримѣтная и забитая. И никто въ нерусскомъ Петербургѣ не сказалъ Петру, что безъ „главы“ не подобаетъ быть церкви—акефальною. Въ понятіи церковь — какъ говорятъ факты древней исторіи — всегда мыслится глава ея, представитель, и пока церковь останется церковью въ точномъ смыслѣ слова, она не можетъ быть акефальною.

Такимъ образомъ, окончательный выводъ разсужденій автора совпадаетъ съ результатомъ работъ по этому вопросу въ предсоборной комиссіи. И свою статью авторъ заканчиваетъ словами архіепископа Антонія Храповицкаго, сказанными въ предсоборномъ присутствіи.

„Въ ноши нашей возсіяла утренняя звѣзда надежды. Наше собраніе вселяетъ въ насъ свѣтлую надежду, что скоро „нощи прешедшей возсіяетъ день“ и обновится чрезъ обновленіе церковнаго строя весь нашъ народный бытъ... Исполнился Божій глаголь: „поражу пастыря и разыдуются овцы“; но я уповаю, что съ возрожденіемъ церковнаго строя опять умножится вѣра, окрѣпнетъ надежда и процвѣтетъ любовь на Руси. И да возсіяетъ снова надъ землею нашею церковная Божественная слава и да исполнится наша молитва: да пріидеть царствіе Твое“.

Не менѣе животрепещущимъ вопросомъ нашего времени вызвано и изслѣдованіе Громогласова въ „Богословск. Вѣстн.“ „Каноническія опредѣленія брака и значеніе ихъ при изслѣдованіи вопроса о формѣ христіанскаго бракозаключенія“. Авторъ напечаталъ только начало своего научно-спеціального труда, а потому давать какія-либо сужденія по содержанію изслѣдованія—преждевременно. Отмѣтимъ въ настоящее время лишь то, въ чемъ полагаетъ авторъ смыслъ своей работы и какой путь намѣчаетъ себѣ. Происхожденіе и смѣна бракозаключительныхъ формъ существенно обусловливается соотвѣтствующими понятіями о бракѣ, поэтому въ этихъ понятіяхъ и нужно искать первоначальныхъ идейныхъ основъ, способныхъ пролить свѣтъ на происхожденіе и смыслъ поддерживаемыхъ обычаемъ и охраняемыхъ положительнымъ правомъ подробностей бракозаключительнаго ритуала.

Отсюда должно начинаться изученіе того историческаго процесса, результатъ котораго мы имѣемъ передъ собою въ сложномъ циклѣ законодательныхъ предписаній о бракѣ, опредѣляющихъ юридическій

моментъ и способъ его установленія. Здѣсь же, и только здѣсь, заключается единственно надежный критерій для уясненія того, что въ этихъ предписаніяхъ должно имѣть безусловно обязательное значеніе при данномъ пониманіи брака и въ чемъ нужно видѣть лишь случайныя историческія наслоенія, не обусловленныя существомъ дѣла. Для православнаго канониста, при настоящемъ состояніи его науки, подобнаго рода вопросы нельзя не признать стоящими на очереди, и для разрѣшенія ихъ нѣтъ другого пути кромѣ только-что указаннаго.

* *

Въ обозрѣваемыхъ журналахъ находимъ мы и статьи публицистическаго характера, трактующія съ церковной точки зрѣнія злободневные вопросы. Сюда прежде всего относится статья Завитневича въ „Трудахъ К. Д. акад.“ „Духовенство и партійность въ политикѣ“. Въ виду ея не малаго интереса, позволимъ себѣ подробно изложить ея содержаніе.

Каждый пастырь церкви, будучи членомъ церковной іерархіи, есть вмѣстѣ съ тѣмъ и гражданинъ того государства, въ которомъ онъ живетъ. Пользуясь всѣми благами, которыя обуславливаются жизнію въ государствѣ, онъ обязанъ нести и всѣ обязанности, которыя возлагаетъ на него государство, за исключеніемъ, конечно, тѣхъ, которыя не допускаются существомъ его служенія, какъ, напримѣръ, пролітіе крови на войнѣ. Нельзя въ частности указать основанія, во имя котораго можно было бы отрицать право участія духовенства въ политической жизни страны, а слѣдовательно и право имѣть свои политическія убѣжденія. Не можетъ духовенство раздѣлять только тѣхъ политическихъ воззрѣній, которыя открыто проповѣдуетъ принципъ насилія надъ властью,—не можетъ въ виду прямого требованія церкви, чтобы всякая душа властямъ предрержащимъ повиновалась. Но это требованіе обязательно и для всякаго вообще христіанина, признающаго авторитетъ церкви и усвоившаго духъ ученія Христова, принципиально отрицающаго всякое насиліе. А затѣмъ духовенство можетъ мириться со всякимъ государственнымъ строемъ, если онъ не представляетъ препятствій свободному проявленію силъ церкви, а слѣдовательно можетъ раздѣлять взгляды любой политической программы.

Подобно государству, церковь есть общественная организація, но построенная на другомъ началѣ, чѣмъ то, на которомъ строится государство. Государство строится на формально юридической основѣ, которая и пронизываетъ всю его организацію отъ начала до конца. Опредѣляя права человѣка, возлагая на него обязанности, словомъ, обставляя его внѣшними предписаніями, государство слѣдитъ лишь за исполненіемъ этихъ предписаній, предоставляя личность въ намѣченныхъ рамкахъ полной ея свободѣ.

Дѣятельность церкви начинается тамъ, гдѣ государство предоставляетъ личность ея собственному произволу. Главный предметъ попеченія церкви не внѣшняя жизнь человѣка, а внутренній міръ его души, центральнымъ показателемъ котораго является совѣсть. Проникая въ этотъ внутренній міръ, церковь беретъ подъ свое попеченіе человѣческую совѣсть, которую воспитываетъ согласно съ тѣмъ высшимъ нравственнымъ идеаломъ, въ осуществленіи котораго она видитъ истинный смыслъ своего бытія. Компетенція священника, какъ пастыря церкви, не можетъ выходить за границы области, отведенныя для его

дѣятельности церковью. Какъ только онъ свою дѣятельность изъ сферы церковной переноситъ въ сферу государственную, предоставленная ему церковью полномочія оставляютъ его, и его компетенція въ этой области ничѣмъ не отличается отъ компетенціи всѣхъ остальныхъ гражданъ. Въ собраніи политическа зрѣлыхъ людей никто не станетъ прислушиваться къ голосу священника потому только, что онъ священникъ; для приобрѣтенія авторитетнаго вліянія въ этой области требуется нѣчто другое. Но если бы то же собраніе задумало дѣло, противорѣчащее началамъ христіанской нравственности, священникъ можетъ и обязанъ возвысить свой голосъ, и собраніе, если оно состоитъ изъ вѣрныхъ сыновъ церкви, обязано считаться съ его голосомъ, потому что онъ говоритъ не отъ себя, а отъ имени церкви, авторитетъ которой въ этой области не можетъ быть оспариваемъ. Такъ устанавливается роль священника въ отношеніи къ политическимъ партіямъ.

Всякая партія уже по тому одному, что она партія, что она представляетъ группу людей, сплотившихся съ цѣлью борьбы съ другими такими же людьми, уже по одному этому она не можетъ встрѣтить сочувствія со стороны церкви, которая не можетъ благословить своихъ служителей на вступленіе въ ея ряды.

Не ясно ли, что духу церкви, а слѣдовательно и дѣятельности ея служителей противна не политика сама по себѣ, а отрицательная сторона политики, какою въ данномъ случаѣ является партійность. Политическая дѣятельность не можетъ входить въ прямую задачу церкви, такъ же, какъ не входить въ ея задачу дѣятельность въ области науки, искусства, литературы, ремесла и т. д. И въ этомъ смыслѣ церковь несомнѣнно „выше и внѣ политики“. Кто составилъ себѣ ясное представленіе о вышеуказанныхъ границахъ сферъ, въ которыхъ дѣйствуютъ церковь и государство, у того и сомнѣнія на этотъ счетъ не можетъ быть. Тѣмъ не менѣе Церковь благословляетъ политическую, какъ и всякую другую дѣятельность настолько, насколько онѣ служатъ благу человѣка. Но разъ человѣческая дѣятельность принимаетъ направленіе, враждебное тому высшему благу, въ осуществленіи котораго Церковь видитъ смыслъ своего бытія, она не можетъ благословить такой дѣятельности, такъ какъ это равнялось бы самоубійству.

Вотъ та единственно вѣрная точка зрѣнія, которой должна держаться Церковь въ своемъ отношеніи къ политикѣ вообще и къ политическимъ партіямъ въ частности.

Вообще же разъ навсегда нужно признать, что духовенство, какъ организованная нравственная сила, проявляя свою дѣятельность въ законно отведенной ему Церковью области, гораздо больше окажетъ услугъ государству, чѣмъ если оно выйдетъ изъ своей законной сферы и бросится въ политиканство, которое раздробитъ его силы въ партійной борьбѣ и степенъ вліянія его сведетъ на полное нѣтъ. Едва ли можно серьезно оспаривать то, что сумма зла, отъ котораго страдаетъ современное намъ русское общество, зависитъ не столько отъ разногласія въ мысляхъ, сколько отъ развращенности воли, воспитаніе которой въ духъ христіанской любви есть прямая и священная обязанность пастырей Церкви. Прямая задача Церкви въ отношеніи къ

государству состоитъ именно въ нравственномъ воспитаніи личности, и если бы Церковь выполнила эту свою задачу съ успѣхомъ, она ослабила бы борьбу страстей, ослѣпляющихъ сознание и развращающихъ волю, очистила бы совѣсть, смягчила бы слишкомъ сгущенную теперь нравственную атмосферу и тѣмъ создала бы условія, при которыхъ рѣшеніе политическихъ и социальна-экономическихъ вопросовъ значительно облегчилось бы.

Нельзя скрывать того, что современная жизнь выдвинула немало частныхъ практическихъ вопросовъ, для рѣшенія которыхъ недостаточно имѣть лишь христіанскій законъ въ сердцѣ, а необходимо обладать извѣстною степенью формальнаго развитія и нѣкоторымъ положительнымъ знаніемъ. Не владѣя ни этимъ развитіемъ, ни этимъ знаніемъ, наша деревенская паства, по установившейся привычкѣ, обыкновенно за рѣшеніемъ такихъ вопросовъ обращается къ своимъ пастырямъ. И мы не думаемъ, чтобы кто-нибудь призналъ дѣяніе пастыря Церкви преступнымъ, если бы онъ подѣлился съ пастой по этимъ вопросамъ своими личными убѣжденіями, не выдавая ихъ за непререкаемую истину и не увлекая паству въ партійную борьбу. Мы думаемъ, что государство скорѣе выиграетъ, чѣмъ проиграетъ, отъ того, что народъ услышитъ рѣшеніе такихъ вопросовъ изъ устъ чловѣка съ совѣстью христіанскаго пастыря, чѣмъ изъ той подпольной литературы, которая въ наши дни въ изобиліи распространяется разными темными дѣятелями какъ красной, такъ и черной сотни.

Патр. Гермогенъ въ свое время былъ однимъ изъ самыхъ крупныхъ общественныхъ дѣятелей. Поставленный, сообразно съ духомъ своего времени, начальнымъ чловѣкомъ въ государствѣ, онъ, съ одной стороны, въ роли предсѣдателя Боярской Думы, даетъ направленіе дѣламъ политическимъ, съ другой стороны, какъ „первопрестольникъ апостольской Церкви, прямо яко самъ пастырь душу свою за вѣру крестьянскую полагающій“, побуждаетъ всѣхъ „за православную крестьянскую вѣру и за свои души стати за одинъ“. Но рѣшающее дѣйствіе на окончательный исходъ смуты имѣла его послѣдняя дѣятельность. Мысль, что въ интересахъ спасенія православной христіанской вѣры необходимо всѣмъ стать за одинъ, поддержанная Троицко-Сергіевой Лаврой, произвела въ странѣ могущественное дѣйствіе. Она прежде всего породила сознание, что русскіе люди потому не могутъ стать за одно, т. е. потому не могутъ освободиться отъ партійной розни, что вся Россія „отъ великихъ, благородныхъ, отъ премудрыхъ и до простыхъ, отъ главы до ногу, вси неиспѣльными струпамъ обязашася и Содома и Гомора и безчисленныхъ исполнишася“. А это сознание, въ свою очередь, породило мысль о необходимости очищенія совѣсти посредствомъ поста, молитвы и покаянія, что и выразилось въ рядѣ видѣній. И вотъ, по совѣту всей земли Московскаго государства, рѣшено было очистить совѣсть покаяніемъ: во всѣхъ городахъ, всѣмъ православнымъ народомъ приговорили поститься, отъ пици и питья воздерживаться три дня даже съ грудными младенцами. И дѣйствительно, по приговору, по доброй волѣ, русскіе люди постились: три дня—въ понедѣльникъ, вторникъ и среду ничего не ѣли, не пили, въ четвергъ и пятницу сухо ѣли. Очищеніе посредствомъ покаянія совѣстей сдѣлало возможнымъ ихъ примиреніе, ихъ взаимное

единеніе; единство совѣстей повлекло за собою единеніе въ мысляхъ и чувствахъ, что, въ свою очередь, породило единство въ направленіи воли. Съ восстановленіемъ же внутренняго единства прежняя внѣшняя рознь прекратилась, утраченная государствомъ сила возвратилась къ нему и оно было спасено.

Вотъ та естественная сфера, дѣйствуя въ которой Церковь и на челѣ ея духовенство, не вдаваясь въ политиканство, можетъ оказать великую услугу государству. Но для этого не только сами пастыря Церкви не должны дробить своихъ силъ, рассыпаясь по взаимно-враждующимъ партіямъ, но, напротивъ, они должны весь христіанскій міръ соединить воедино, памятуя, что сама Церковь Христова есть единство человѣческихъ душъ, человѣческихъ совѣстей, объединенныхъ закономъ любви.

На злобу дня написана статья и въ „Православномъ Собесѣдникѣ“ „Женщина, что ты плачешь?“—Публичное чтеніе еп. Алексія. Положеніе женщины въ мірѣ—по словамъ автора—неразрывно связано съ положеніемъ въ немъ Иисуса Христа: если Христосъ торжествуетъ, будетъ торжествовать съ Нимъ и женщина и приметъ широкое участіе въ обновленіи человѣчества. Если Христовъ и Его Евангеліе будутъ удалены изъ жизни людей, то вмѣстѣ съ этимъ будетъ подавлена и женщина: поставленная лицомъ къ лицу съ эгоистомъ мужчиной, она немедленно подпадетъ подъ его иго, которое будетъ столь суровымъ и жестокимъ, какъ никогда. Свободная любовь и свобода брака, а съ другой стороны и разводъ, коими хотятъ сыны вѣка замѣнить христіанскій церковный бракъ, грозятъ несчастіемъ и потоками слезъ прежде всего женщины.

Въ заключеніе укажемъ нѣсколько статей въ богословскихъ журналахъ, навѣянныхъ, такъ сказать, свѣтской литературой.

Родниковъ въ статьѣ „Литературная тактика современнаго социализма въ отношеніи къ религіи“ („Труды К. Ак.“), классифицируя новодившія книжный рынокъ социалистическія брошюры, подмѣчаетъ въ нихъ слѣдующее постепенно слагающееся отношеніе къ религіи. Въ первой по времени группѣ брошюръ социализмъ стремится проводить свои начала подъ прикрытіемъ религіи и христіанства, маскируясь, хотя и не всегда удачно, церковнымъ авторитетомъ. (Авторъ отличаетъ эти попытки отъ т. н. христіанскаго социализма, стремящагося построить свою систему на началахъ христіанства или по крайней мѣрѣ примирить социалистическія и христіанскія начала).

Въ этихъ брошюрахъ Моисею и Самому Христу навязываются ученія и слова, совершенно чуждыя имъ по духу. Другая категория социалистическихъ брошюръ—открыто атеистическаго характера. Въ нѣкоторыхъ изъ нихъ религія еще остается, какъ опасный врагъ, и ей отводится незначительное мѣсто въ жизни человѣческой; но постепенно социализмъ оставляетъ терпимость по отношенію къ религіи и начинаетъ выступать съ характеромъ активно-враждебнымъ религіи, стремясь подрывать основы послѣдней.

Правда, здѣсь мы встречаемся со старыми въ философіи и уже

похороенными наукою теоріями о происхожденіи религіи изъ страха предъ непонятными явленіями жизни, — съ деталями Спенсероваго анимизма и Шлейермахера-Фейербаховаго ученія о религіозномъ чувствѣ зависимости отъ природы, но тѣмъ не менѣе — явленіе характерное. Наблюденія автора любопытны. Она лишній разъ приглашаютъ къ бодрствованію тѣхъ, кому ввѣрено для храненія слово истины!

Основательную работу въ области выясненія правды, искаженной свѣтской литературой, представляетъ статья Флоринскаго въ „Богосл. Вѣстн.“ „Антоній романа и Антоній преданія“. Авторъ разбираетъ поэму Флобера „Искушенія св. Антонія“, два перевода коей на русскій языкъ вышли въ самое послѣднее время. Критическому разбору содержанія „Искушенія“, авторъ предпосылаетъ характеристику самого Флобера, какъ писателя, и его философскаго міровоззрѣнія, что весьма важно для уясненія и самаго трактуемаго произведенія. Отдавая должную дань мастерству и эрудиціи Флобера, г. Флоринскій приходитъ къ слѣдующимъ выводамъ.

По своему общему характеру искушенія въ Поэмѣ и искушенія въ Житіяхъ болѣе или менѣе совпадаютъ, но эмоціи тамъ и тутъ совершенно расходятся. Мы рѣшительно не видимъ во Флоберовскомъ пустынникѣ основныхъ элементовъ христіанства. Въ немъ нѣтъ бодрости, ясности, радости, — нѣтъ непосредственнаго знанія искупленности, нѣтъ мира и легкости — черты несомнѣнно имѣющіяся у Антонія подлиннаго. Однимъ словомъ, въ немъ не чувствуется ни малѣйшей святости, а есть неподвижность, сто-пудовая тяжесть, подавленность духа, чувство покинутости Богомъ. Подлинный Антоній не падаетъ не потому, чтобы на него не дѣйствовало искушеніе, а потому, что онъ знаетъ цѣнности безконечно-большія, переживаетъ неизмѣримо болѣе высокое; въ сознаніи его нѣтъ мѣста для Діавола, потому что оно занято Богомъ.

Но не таковъ Антоній Флоберовскій. Онъ — безчувственъ и не падаетъ потому, что столь же мало реагируетъ на голосъ діавола, какъ мало знаетъ любовь къ Богу.

Ни одного мѣста не видимъ мы въ Поэмѣ, гдѣ бы Антоній подлинно проявилъ вѣру въ Бога, ни одного мѣста, проникнутаго религіознымъ паѳосомъ, пронизаннаго трепетомъ любви къ Безусловно-Святому. Мы не видимъ, чѣмъ отличается Флоберовскій Антоній отъ атеистическаго буддиста, тогда какъ въ каждомъ словѣ Житія видимъ это отличіе для Антонія историческаго. Если откинуть внѣшнюю историческую обстановку, то поэма Флобера, по справедливости, могла бы быть названа скорѣе: „Искушенія Сакія-Муни злымъ духомъ Мароу“, нежели „Искушеніе Святаго Антонія“.

Г. Февралевъ началъ очеркъ (въ Труд. Кіев. Ак.). „Русскій дореформенный бытъ и христіанскіе идеалы“. Очеркъ имѣетъ своимъ предметомъ характеристику и оцѣнку того строя русской жизни, который подвергся крушенію въ „эпоху великихъ реформъ“. Характеристика дѣлается на основаніи данныхъ, заключающихся въ художественной литературѣ, а оцѣнка — съ точки зрѣнія христіанскаго нравственнаго идеала. Мотивъ къ предпринятому труду указывается авторомъ въ вопросѣ: жалѣть-ли о томъ, что „доброе время“ дальше и дальше отходитъ отъ насъ?

Беречь-ли, оживлять-ли остатки стариннаго патриархальнаго строя, тѣмъ болѣе, что этотъ старинный бытъ сложился подъ сильнымъ воздѣйствіемъ Церкви. Вопросъ этотъ, можно сказать,—открытъ. Онъ рѣшается въ нашей литературѣ и во взглядахъ общества двояко.

Начавъ изслѣдованіе этого вопроса, авторъ въ первой главѣ изображаетъ семейный бытъ дореформеннаго времени. Здѣсь на основаніи Аксакова, Гоголя, Лѣскова, Кохановской онъ рисуетъ умижительную картину благодатной жизни нашихъ дѣдовъ, жизни, проникнутой духомъ мира, незлобія, любви,—полной библейской святости. Въ добрыхъ патриархальныхъ данныхъ,—заканчиваетъ онъ свое описаніе,—Библия опредѣляла характеръ супружескихъ отношеній, давала разумныя основы воспитательному дѣлу,—развивала въ обитателяхъ истинно-христіанскую настроенность духа и награждала ихъ миромъ, согласіемъ и веселіемъ сердца.

„Это была самая благопріятная среда для нравственнаго развитія человѣческой личности, нравственная свобода которой не стѣснялась никакимъ суровымъ режимомъ. Можно быть увѣреннымъ, что тамъ,—на востокѣ, въ скромномъ назаретскомъ семействѣ, и въ тѣхъ семьяхъ, изъ которыхъ вышли славные учителя Церкви,—текла такая же простая, любовная жизнь. И мы не ошибемся, если эти добрыя патриархальныя семейства назовемъ, вслѣдъ за апостоломъ, малыми домашними церквями. Вопросъ только въ томъ, можно ли подобныя семьи, такъ тепло и живо обрисованныя Кохановской, считать типичными семьями „добраго стараго времени“?“

Во вступительной части очерка этотъ вопросъ предрѣшается авторомъ отрицательно.

Л. П. Новиковъ. Метрики. (Пособіе къ правильному веденію метрическихъ книгъ). СПб. 1907 г. I-XII+292 стр. Цѣна 2 р. 50 к. Давно извѣстно, что дѣло веденія метрическихъ книгъ у насъ поставлено далеко не идеально, а между тѣмъ это дѣло на столько важно, что почти нѣтъ учрежденія, которому не приходилось бы сталкиваться съ вопросомъ о метрикахъ, и многимъ приходится убѣждаться въ множествѣ недочетовъ и запутанностей, тяжело отзывающихся на тѣхъ, кому нужны метрическіе акты семейнаго положенія.

До сего времени, пособиями и указаніями къ веденію книгъ служили очень немногіе и къ тому же далеко не полныя руководства, какъ то „Правила и формы церковнаго письменоводства“ (прилож. къ журн. „Пастыр. Собесѣд.“), „Права и обязанности благочин. приходскихъ церквей“ (приложеніе къ тому же журналу), „Руководства для лицъ, составляющихъ гражданскіе акты, алфавитные указатели дѣйствующихъ и руководственныхъ каноническихъ постановленій“ и друг. тому подобныя. Но всѣ эти пособия давали лишь отрывочныя свѣдѣнія по данному вопросу.

Чтобы придти на помощь лицамъ, причастнымъ къ дѣлу составленія столь важныхъ документовъ, какъ метрика, составитель обяза-

ченной въ заголовкѣ книги и задался цѣлью собрать воедино всѣ разбросанныя по разнымъ руководствамъ свѣдѣнія, относящіяся къ вопросу о метрикахъ и, нужно признать, составитель выполнилъ свою задачу основательно. Доказательствомъ этого можетъ служить уже одно то, что Л. Новиковъ при составленіи своего труда пользовался 60 различными руководствами, такъ или иначе соприкасающимися къ дѣлу о метрикахъ. Книга „Метрики“ предназначена въ руководство не однимъ православнымъ клирикамъ, завѣдующимъ веденіемъ метрику, но и инославнымъ старообрядцамъ, сектантамъ, евреямъ, караймамъ и магометанамъ.

Къ второстепеннымъ недостаткамъ книги „Метрики“ можно отнести то, что она, изобилуя псевозможными выписками изъ законоположеній, не приводитъ всѣхъ формъ, такъ напр. не видно формы записи присоединеній къ св. Церкви въ метрич. книгахъ, и не такъ обстоятельно сдѣлано объясненіе акта записи въ формѣ метрической книги, какъ это сдѣлано въ „правилахъ и формахъ церковнаго писмоводства“. Очевидно эта послѣдняя книга составителемъ была упущена изъ виду.

Отсутствуетъ въ книгѣ и предметный алфавитный указатель содержанія книги, при помощи коего значительно бы сократилось время по отысканію необходимой справки. Въ общемъ же книга „Метрики“, составленная Л. П. Новиковымъ подъ редакціей Н. А. Каллистова, весьма благовременна и полезна для всѣхъ лицъ, сопричастныхъ къ дѣлу веденія метрическихъ книгъ, а потому новому изданію можно пожелать широкаго распространенія, составителю же ея желаемъ при второмъ изданіи удешевить стоимость книги въ цѣляхъ ея большей доступности, такъ какъ цѣна въ 2 р. 50 к. для книги въ 300 стр. довольно высока.

Діаконъ І. Смолинъ.

Дневникъ священнослужителя. Тула 1906 г. Подъ такимъ заглавіемъ вышелъ (въ двухъ частяхъ) „Сборникъ поученій преосвящ. Лаврентія, еп. Тульскаго“ (хотя преосвященный авторъ почему-то не обозначилъ своего имени на книгахъ, принадлежащихъ его перу). Сборникъ этотъ вполне оправдываетъ названіе „Дневника“. Въ немъ имѣются поученія рѣшительно на всѣ дни года. Характерная черта поученій преосв. Лаврентія—ихъ краткость (одна, двѣ, много три страницы) и рѣдкая простота изложенія, согрѣтая религиознымъ чувствомъ. Затѣмъ, всѣ поученія составляютъ сокращенный пересказъ житій святыхъ, сопровождаемый нравственнымъ назиданіемъ. Несомнѣннымъ достоинствомъ поученій должно счесть и то, что назиданіе преподается въ нихъ безъ всякой, такъ сказать, навязчивости; оно чаще всего и не составляетъ въ поученіяхъ отдѣльной или заключительной части, а органически сливается съ самымъ пересказомъ житія.

„Дневникъ священнослужителя“ можетъ послужить прекраснымъ пособіемъ для сельскаго пастыря при исполненіи имъ перваго его пастырскаго долга—наученія пасомыхъ вѣрѣ и благочестію. Можно съ увѣренностію сказать, что, прочитавъ рѣдкое по простотѣ изложенію

поученіе епископа Лаврентія, любой священникъ передастъ его въ церкви наизустъ. А вѣдь живая рѣчь по силѣ впечатлѣнія ея на слушателей несравнима съ чтеніемъ по книгѣ или тетрадкѣ. Съ этой стороны „Дневникъ священнослужителя“ по справедливости можетъ быть названъ *азбукою изустныхъ поученій*.

Желаемъ „Дневнику“ самаго широкаго распространенія. Онъ и для мірянъ явится поистинѣ душеспасительнымъ чтеніемъ. Обращаемъ вниманіе и на то, что „Дневникъ“ изданъ *„въ пользу Тульской епархіальной библиотеки“*. Цѣна его—1 р. 50 к. за выпускъ.

И. П.

Книги и брошюры поступившія въ редакцію.

И. Преображенскій. Статистическая справка для соображеній по вопросу о церковной реформѣ. Спб. 1907 г.

Свящ. Мих. Аполосовъ. Реформа церковной жизни нашего отечества по поводу предстоящаго помѣстнаго собора Россійской церкви. Воронежъ. 1906 г.

В. Д. Самаринъ. Какія школы намъ нужны для приготовленія духовенства? Москва. 1906 г.

Протоіерей Іоаннъ Чижевскій. Изложеніе ученія Св. Православной католической восточной церкви о вѣрѣ Христовой, а также о поведеніи и обязанностяхъ ея чадъ. Харьковъ. 1906 г. Ц. 1 р. 20 к.

Изд. А. А. Навроцкаго. Посохъ. Собраніе пѣсногѣній.

Г. Бутми. Обличительныя рѣчи. „Шулеръ“. Спб. 1906 г. Ц. 5 к.

Проф. прот. П. Свѣтловъ. „Что читать по богословію“. (Систематическій указатель апологетической литературы). Кіевъ. 1907 г.

Е. А. Воронова. Къ тихой пристани. Сборникъ повѣстей, размышленій и біографическихъ очерковъ. Спб. 1906 г. Ц. 80 к.

О мирной борьбѣ съ социализмомъ. Путевыя воспоминанія Владиміра Саблера. Спб. 1907 г.

А. Соболевскій. Москва и первый самозванецъ. Спб. 1906 г.

В. В. Лермантовъ. Какъ на свѣтѣ жить, чтобъ бѣду избыть, а добра нажить. Спб. 1907 г. Ц. 25 к.

Свящ. Н. Антоновъ. Постѣдній моментъ реформы преподаванія закона Божія. Спб. 1906 г.

Его-же. Возрожденіе церковно-приходской жизни въ Россіи. Спб. 1906 г.

Его-же. Къ лучшему будущему (къ вопросу о реформѣ духовной школы).

Его-же. Евангеліе въ церкви. Спб. 1903 г.

Левъ Семеновъ. Диктаторъ. Политическая фантазія. Москва. 1907 г. Ц. 10 коп.

О сельской общинѣ. Докладъ члена правленія Тамбовскаго союза Русскихъ людей. А. Григорова.

Миссіонерство, старообрядчество и секты.

Пропагаторская дѣятельность сектантовъ, штундистовъ и молоканъ.—Открытие старообрядческихъ общинъ.—О преподаваніи старообрядческаго и сектантскаго. Закона Божія.—Новые способы пропаганды католицизма «дополнительное богослуженіе», «католическіе отвѣты».—У волынскихъ старообрядцевъ.

Казалось бы, настоящее время для православной церкви, въ отношеніи внутренняго миссіонерствованія должно было считаться самымъ, такъ сказать, „боевымъ“ и страднымъ временемъ, но что же вмѣсто этого мы наблюдаемъ? А то, что во многихъ мѣстахъ Россіи внутренняя миссія сократила свои дѣйствія, а въ иныхъ, за отсутствіемъ кандидатовъ на миссіонерскія вакансіи и совсѣмъ бездѣйствуетъ миссія епархіальная, но не бездѣйствуетъ и еще болѣе усиливаетъ свою дѣятельность врагъ церкви православной въ лицѣ сектантовъ разныхъ толковъ и расколо-старообрядцевъ всевозможныхъ упованій. Вотъ въ чемъ между прочимъ проявляется лихорадочная дѣятельность враговъ православной церкви.

Самое старинное гнѣздо штундизма—кіевская община, наименовавъ себя „общиною евангелическихъ христіанъ“, начала, послѣ указа о вѣротерпимости открыто совершать свое богослуженіе, но уже не довольствуется своими доморощенными проповѣдниками—пропагандистами и съ цѣлью широкаго привлеченія новыхъ членовъ въ свою общину пригласила въ началѣ нынѣшняго года извѣстнаго „проповѣдника“ баптизма, воспитанника гамбургской семинаріи В. Г. Павлова, на первое собесѣдованіе коего собралась очень многочисленная аудиторія, хотя нужно замѣтить, что среди слушателей едва ли много лицъ, серьезно затронутыхъ проповѣдью баптизма; но большинство—это любопытные, привлеченные новизной дѣла и радушіемъ устроителей собранія, открывающихъ свои двери для всѣхъ.

Не дремлютъ и кавказскіе молокане. По сообщенію тифлискихъ газетъ, въ самомъ скоромъ будущемъ предстоитъ общемо-локанскій съѣздъ, мысль о которомъ энергично осуществляется молоканскимъ дѣятелемъ Кудиновымъ. На съѣздѣ предполагается не удовольствоваться одними религіозными вопросами, но чтобы прославиться на „весь міръ“ молокане намѣрены выставить на

обсужденіе вопросъ о разоруженіи въ современныхъ государствахъ. Резолюція съѣзда будетъ препровождена на Гаагскую конференцію.

Старообрядческія общины растутъ и множатся, съ лихорадочною поспѣшностью легализируясь по закону 17 окт. 1906 г. Такъ въ Москвѣ, кромѣ ранѣе открытыхъ общинъ еще зарегистрированы при храмахъ Рогожскаго кладбища и при храмѣ Покрова Пр. Богородицы, что въ большомъ Вокзальномъ переулкѣ во владѣніи Рогожскаго богадѣленнаго дома. Вблизи Екатеринослава въ с. Ольховаткѣ также легализована старообрядческая община. Въ Оренбургѣ легализована челябинская старообрядческая община, приѣмлющая бѣлокриницкое священство. Районъ церковной дѣятельности для общины опредѣленъ—городами Челябинскъ и Троицкъ съ уѣздами.

Петербургское старообрядческое общество при Громовскомъ кладбищѣ, недовольное своимъ дѣйствующимъ уставомъ, на состоявшемся недавно общемъ собраніи старообрядцевъ постановило: ходатайствовать въ надлежащихъ сферахъ объ измѣненіи нынѣ дѣйствующаго устава общества въ смыслъ расширенія правъ старообрядческихъ общинъ—открывать въ центральныхъ частяхъ двухъ столицъ церкви, молельни и общеобразовательныя школы для первоначальнаго обученія. Избрана особая комиссія для проведенія въ жизнь этого новаго параграфа устава, состоящая изъ 15 лицъ, наиболѣе популярныхъ среди старообрядцевъ.

Но это ходатайство старообрядцевъ совершенно лишнее,—новые законы вѣроисповѣдныя и безъ того предусматриваютъ образовательныя и религіозно-воспитательныя интересы старообрядчества и сектантства. Такъ, въ измѣненіе пункта 9 отдѣла II Высочайше утвержденного, 17-го апрѣля 1905 г., положенія комитета министровъ постановлено: преподаваніе Закона Божія дѣтямъ старообрядцевъ и сектантовъ какъ въ школахъ, учрежденныхъ и содержимыхъ на средства старообрядцевъ и сектантовъ, такъ и въ общихъ учебныхъ заведеніяхъ, можетъ быть поручаемо духовнымъ лицамъ, настоятелямъ и наставникамъ, назначеннымъ изъ лицъ, обладающихъ образовательнымъ цензомъ народныхъ училищъ. Въ теченіе первыхъ пяти лѣтъ со времени обнародованія настоящаго узаконенія, къ преподаванію Закона Божія дѣтямъ старообрядцевъ и сектантовъ допускаются и лица, не обладающія упомянутымъ цензомъ.

Если сектанты и старообрядцы главныя силы свои сосредоточиваютъ на внутреннемъ устроеніи своей церковной жизни, развивая пропаганду своего ученія только пока спорадически, набѣгами, урывками, то могучій католицизмъ сразу же по полученіи вѣроисповѣдной свободы, сталъ въ положеніе не только „державное“, но и дерзкое въ отношеніи пропаганды и свращенія православныхъ. При этомъ пускаются въ мисіонерское дѣло новые способы и мѣры. На одинъ изъ таковыхъ необходимо обратить вниманіе духовенству западныхъ епархій, а именно на пропаганду католичества посредствомъ допущенія русскаго языка въ „добавочномъ“ богослуженіи римско-католической

церкви. Вотъ подлинный переводъ циркуляра, съ которымъ обрѣталась римская курія къ римско-католическимъ епископамъ въ Россіи.

Постановленіе святѣйшаго престола. № 19.702.

Illustrissime et reverendissime Domine!

Имѣя во всѣ времена въ виду душевныя блага и заботливо охраняя достойныя уваженія преданія, святѣйшій престоль принялъ за обыкновеніе разрѣшать, чтобы въ такъ называемомъ добавочномъ богослуженіи (а именно въ проповѣди обученія катехизису, вопросахъ при святомъ крещеніи и вѣнчаніи, а также въ другихъ таинствахъ) каждый народъ пользовался роднымъ своимъ языкомъ. Среди польскаго народа такое примѣненіе польскаго языка издревле старательно поддерживалось и сама римская курія стала на защиту этого древняго обычая въ отвѣтъ конгрегаціи св. обрядовъ отъ 11 іюля 1877 года.

„Нынѣ, когда, въ виду измѣнившихся религіозныхъ отношеній въ руссійскомъ государствѣ, каждому предоставлена возможность присоединиться къ католической вѣрѣ, легко предвидѣть, что нѣкоторые изъ русскихъ съ Божьей помощью примутъ католицизмъ, для устраненія всякихъ сомнѣній и недопущенія могущихъ при этомъ возникнуть затрудненій его святѣйшество считаетъ справедливымъ поставить на видъ нижеслѣдующее:

„Упомянутый выше документъ конгрегаціи св. обрядовъ является единственно отвѣтомъ на специально предложенные вопросы. Спрашивалось именно:

1) Можно ли въ т. н. добавочномъ богослуженіи замѣнить употребляемый съ незапамятныхъ временъ польскій языкъ языкомъ русскимъ помимо власти святѣйшаго престола?

2) Разрѣшилъ ли бы святѣйшій престоль подобную замѣну и можно ли допустить, что онъ такую разрѣшаетъ.

На оба эти вопроса св. конгрегація отвѣтила отрицательно.

Въ сущности, если вышеприведенный отвѣтъ и тогда не запрещалъ русскимъ католикамъ (если-бы таковые существовали тогда) употреблять свой языкъ въ такъ называемомъ добавочномъ богослуженіи, то тѣмъ паче нельзя допустить существующимъ подобное воспрещеніе нынѣ, когда русскіе могутъ исповѣдывать католическую вѣру.

„Отсюда слѣдуетъ, что св. престоль вовсе не запрещаетъ русскимъ воспріемникамъ при св. крещеніи и новобрачнымъ во время вѣнчанія на предложенные вопросы отвѣчать на русскомъ языкѣ (*russica lingua*). Что-же касается проповѣдей, обученія катехизису, молитвъ и церковнаго пѣнія, то въ этихъ случаяхъ должно примѣнять языкъ, являющійся языкомъ большинства жителей прихода, для коихъ данная церковь предназначена. Въ случаѣ же, если бы оказалось, что значительная, хотя и меньшая часть вѣрующихъ употребляетъ другой языкъ, то слѣдуетъ заботиться о томъ, чтобы и они могли пользоваться преподаваніемъ катехизиса и проповѣдями на своемъ языкѣ, а по мѣрѣ надобности молитвами и церковнымъ пѣніемъ. Если-бы въ единичныхъ случаяхъ возникали по этому поводу сомнѣнія и затрудненія, то для устраненія таковыхъ слѣдуетъ обращаться къ св. престолу.

„Рѣшеніе это, которое св. отцу благоугодно было постановить ради развитія вѣры и для блага подчиненныхъ россійскому скипетру народовъ, я съ радостью по приказанію св. отца сообщаю твоему достоинству для старательнаго примѣненія таковаго, по мѣрѣ надобности, въ твоей епархіи“.

„При этомъ пользуюсь случаемъ, чтобы выразить тебѣ мое уваженіе и благожеланіе и остаюсь искренно тебѣ преданнымъ кардиналь Мерри дель Валь.“

На Киевскомъ епархіальномъ пастырскомъ собраніи, происшедшемъ 16 февраля, сообщалось, что въ костелахъ бердичевского уѣзда были случаи проповѣди на рускомъ языкѣ. Значить, вышеприведенное постановленіе римской куріи уже стало примѣняться. Какая требуется зоркость отъ православнаго духовенства въ охранѣ со всѣхъ сторонъ своихъ паствъ, дабы не попали онѣ въ разставляемыя сѣти католицизма и штундизма. Но есть-ли въ духовенствѣ сознаніе налегающей со всѣхъ сторонъ на православіе быстрой пропаганды тлетворныхъ религіозныхъ ученій.

Ловкая и дѣятельная католическая миссія, помимо этого, ухватилась за другое не менѣе важное и вліятельное орудіе пропаганды—это распространеніе въ населеніи, гдѣ смѣшанно живутъ католики и православные, а особенно бывшіе униаты, народно-религіозной литературы, въ видѣ листовъ и брошюръ, раздаваемыхъ щедрою рукою. Такъ, по всему Сѣверо-Западному краю среди простого народа распространяются листки подъ заглавіемъ „Католическіе отвѣты“. Составленные просто, безъ литературныхъ претензій, но съ чувствомъ, съ большимъ умѣньемъ подойти къ настроенію простолюдина, эти листки въ рукахъ католическаго духовенства естественно являются могущественнымъ орудіемъ колонизаціи края. Такихъ брошюръ пушено уже въ народъ болѣе десятка. Нѣкоторыя изъ нихъ вышли вторымъ изданіемъ.

Что это за литература, какого рода „просвѣщеніе“ сѣетъ она въ нашемъ народѣ, объ этомъ могутъ свидѣтельствовать сообщаемыя виленскимъ корреспондентомъ „Нов. Врем.“ слѣдующія выдержки изъ случайно попавшихъ ему двухъ „Католическихъ отвѣтовъ“ № 2 (второе изданіе) и № 12.

Листокъ № 2 заключаетъ разсужденіе на тему: „Правда ли, что папу выдумали католики?“ Доказывая по-своему божественность папства, листокъ говоритъ между прочимъ: „Если ты католикъ, благодари отъ души Бога, что ты имѣешь такихъ духовныхъ наставниковъ (какъ нынѣшніе ксендзы). Если же ты „православный“, вотъ тебѣ случай убѣдиться, что многіе твои батюшки тебѣ и твоимъ братьямъ по вѣрѣ пускаютъ пылъ въ глаза и обманомъ препятствуютъ вамъ подчиниться папѣ, удерживая въ слѣпомъ повиновеніи въ дѣлахъ вѣры царскимъ закономъ вмѣсто Евангелія. Но въ такомъ случаѣ твоя вѣра уже не „православіе“, а скорѣе „царославіе“... „Многіе православные батюшки предпо-

читаютъ пастырскому жезлу св. Петра кнутъ царскихъ чиновниковъ, получая за это жалаванье и ордена“... Листокъ № 12 ставитъ другой вопросъ: „Кто обманомъ и насиліемъ распространяетъ свою вѣру?“ Отвѣтъ дается, конечно, такой: православные; католики же совершенно чужды обмана и насилій... Всѣ факты о насиліяхъ католиковъ—выдумки православныхъ батюшекъ. „На многихъ православныхъ батюшекъ,—пишется въ листкѣ,—пришла, кажется, бѣда. Ихъ покидаютъ сотнями собственные ихъ прихожане и уходятъ въ католическую вѣру. Что станетъ съ батюшками, если переходъ въ католичество будетъ побольше? Чѣмъ прокормить тогда себя, свою жену—попадью и ребятишекъ? Ну, прямо бѣда!“... „Читая отчаянные клики батюшекъ, думаешь, что кричатъ не христіанскіе священники, а скорѣе какіе-то еврей“..

„Мы знаемъ, говорится въ заключеніи листка, что наша вѣра права... Поэтому насъ огорчаетъ то, что столько хорошихъ людей, нашихъ братьевъ и сосѣдовъ не принадлежитъ къ истинной церкви; и мы горячо желаемъ того, чтобы всѣ православные вмѣстѣ со всѣми священниками и епископами приняли католическую вѣру, то есть церковную унию съ римскимъ папою“...

Въ такомъ духѣ составлены „Католическіе отвѣты“, печатающіеся, какъ значитъ на листкахъ, „съ разрѣшенія духовной цензуры“ и при томъ на русскомъ языкѣ. Послѣднее обстоятельство очень характерно, если взять во вниманіе систематическое пренебреженіе поляками всего русскаго въ краѣ... Поляки не выносятъ присяги на русскомъ языкѣ въ судѣ, вывѣски съ русскими буквами на дверяхъ магазина, и вдругъ такая „братская“ симпатія къ русскому языку!... Просто глазамъ своимъ не вѣришь!...

Корреспондентъ сѣтуетъ, что возмутительныя инсинуаціи по адресу православія и его представителей, распространяемая гласно, публично, „съ разрѣшенія духовной цензуры“ католической, остаются непровергнутыми. Если бы кому-нибудь и пришла охота опровергнуть съ догматической и исторической точекъ зрѣнія „католическіе отвѣты“ и сказать слово за православіе, то нѣтъ органа, гдѣ можно было бы помѣстить такую литературу. Корреспондентъ „Нов. Врем.“ справедливо сѣтуетъ на бездѣйствіе и безпомощность нашей православной церкви и общества, при этомъ указываетъ, что свѣтскія газеты такой литературы не принимаютъ. Казенныя епархіальныя вѣдомости въ краѣ по прежнему носятъ доктринерски-сухой и канцелярски-возвышенный характеръ. Но есть у насъ клерикальный органъ, именуемый „Колоколъ“, открытый специально для обслуживанія интересовъ церкви и вѣрующей паствы, для борьбы съ религіозными противоправославными теченіями, но синодальный официальный тихоходъ „Церков. Вѣдом.“—возревалъ успѣху ежедневной газеты и опубликовалъ, что-де „Колоколъ“ „обязательной подпискѣ“ не подлежить, что въ пониманіи захолустныхъ сферъ равносильно—подпискѣ вообще не подлежить,—видно зловредный органъ, и газета лишена возможности широко развивать свою апологетическую дѣя-

тельность, а сами чиновничьи „Церк. Вѣдом.“ на все смотреть изъ „столичнаго окна“.

Чувствуется приближающаяся церковная гроза, которая заставитъ спящихъ проснуться и вострепетать тѣмъ „страхомъ“, который есть начало забытой нашимъ пастварствомъ премудрости Божіей.

У Волынскихъ старообрядцевъ.

На границѣ Житомирскаго и Новоградволинскаго уѣздовъ, недалеко отъ шоссеиной дороги расположилось довольно обширное старообрядческое селеніе „Должикъ“. Жители его не принадлежатъ къ коренному населенію края и подобно прочимъ волынскимъ старообрядцамъ являются выходцами изъ сѣверныхъ великорусскихъ губерній. Переселившись на Волынь около ста лѣтъ назадъ, старообрядцы однако не смѣшались съ кореннымъ населеніемъ и, не смотря на протекшее столѣтіе, сохранили свой великорусскій обликъ, языкъ, нравы и дорогую для нихъ церковную старину. Были-ли въ продолженіе этого времени какія-либо попытки со стороны Православной Волынской Церкви къ обращенію переселенцевъ-старообрядцевъ — сказать трудно. Вѣрнѣе всего — нѣтъ, такъ какъ мѣстная церковь была и безъ того отягчена борьбою съ воинствующимъ католицизмомъ, а пришельцы слишкомъ недоувѣрчиво и подозрительно относились къ мѣстнымъ жителямъ малороссамъ. Лишь въ самое послѣднее время старообрядцы начали знакомиться съ православной церковью и въ отдѣльности переходить въ православіе. Такіе прозелиты оказались и въ Должикѣ, гдѣ въ свое время перешло въ православіе нѣсколько лицъ. Правильная миссія среди старообрядцевъ д. Должика началась около 2¹/₂ лѣтъ назадъ, когда ревнующій о присоединеніи къ церкви мѣстныхъ старообрядцевъ Волынской архипастырь, владыка Антоній, поручилъ вновь назначенному епархіальному миссіонеру, Н. И. Абрамову, заняться миссіей не только среди сектантовъ, какъ было раньше, но и старообрядцевъ. Исполняя инструкцію владыки, миссіонеръ не разъ посѣтилъ Должикъ для бесѣдъ съ старообрядцами; для болѣе-же успѣшнаго дѣла миссіи въ Должикѣ, по инициативѣ миссіонера и при энергичномъ содѣйствіи священника сосѣдняго съ Должиномъ мѣстечка Пулина, о. Савватія Базилевича, на средства епарх. уч. совѣта была открыта миссіонерская церковно-приходская школа. Для того, чтобы означенная школа успѣшнѣе достигала своей миссіонерской цѣли, въ нее вызванъ былъ изъ Пензенской губерніи учитель, единовѣрецъ, знающій хорошо старообрядцевъ и умѣ-

ющій вести съ ними миссіонерскія бесѣды. Съ всеильной помощью Господа дѣло миссіи въ Должикѣ пошло быстро. Не прошло года, какъ присоединился къ церкви рядъ семействъ, причемъ воссоединившимся и желающими воссоединиться старообрядцами было подано ходатайство о построеніи въ Должикѣ православнаго храма. По порученію владыки Антонія епархіальный миссіонеръ ѣздилъ въ Петербургъ и лично представилъ въ Св. Синодѣ ходатайство старообрядцевъ. Милость Божія и здѣсь содѣйствовала святому дѣлу. По представленію оберъ-прокурора Св. Синода Государю Императору благоудно было отпустить изъ Своихъ личныхъ средствъ три тысячи рублей на построеніе едино-вѣрческаго храма въ Должикѣ, а лѣсъ былъ отпущенъ изъ казны. Что касается строителя, то таковымъ былъ назначенъ синодальный миссіонеръ, протоіерей Ксенофонтъ Крючковъ, — который и прибылъ въ Житомиръ вмѣстѣ съ своимъ подрядчикомъ 14-го сего января. На 16-е назначена была закладка храма, о чемъ жители Должика были предупреждены телеграммой. Къ назначенному времени о. синодальный миссіонеръ и волынской епархіальный миссіонеръ прибыли въ Должикъ, гдѣ въ ожиданіи ихъ народъ наполнилъ помѣщеніе школы. Поздоровавшись съ народомъ и поздравивъ всѣхъ съ начатіемъ великаго дѣла, Н. И. Абрамовъ сказалъ слѣдующую рѣчь:

„Слава и благодареніе Господу и Спасу нашему, Іесу Христу! Настало, наконецъ, время, котораго всѣ мы ожидали съ великимъ нетерпѣніемъ; и, быть можетъ, близокъ часъ, когда въ нашемъ пустынномъ и глухомъ селеніи среди людей, прежде не вѣдавшихъ свѣта Христовой истины, возсіяетъ святой храмъ Господень. Долго жили вы внѣ церкви Христовой, долго блуждали во тьмѣ, оторванные отъ своей Великой Матери, безъ всякой надежды на спасеніе, ибо, по ученію Большого катехизиса, „иже не пребываютъ въ сей соборнѣй церкви, тѣхъ Христосъ не спасаетъ и Духа святаго сицевые не имутъ“ (л. 122-й).

Да и какъ могли вы надѣяться на спасеніе, если, удалившись отъ общенія съ церковью, вы не были причастниками святыхъ божественныхъ таинствъ, тѣхъ таинствъ, о которыхъ въ Большомъ катехизисѣ сказано: „невѣдый и небрегій о нихъ, сей погибнетъ“ (л. 353).

Правда, у васъ было таинство крещенія, которое совершали надъ вами ваши старики, но, по ученію книги о вѣрѣ, „безъ миропомазанія крещеніе—тайна несовершенна есть“ (л. 245).

Вѣрно и то, что вы ходили на духъ къ вашимъ уставщикамъ и калялись предъ ними во грѣхахъ своихъ, но исповѣдь предъ мірянами-уставщиками не помогала вашему спасенію, такъ какъ, по ученію Малаго катехизиса, „разрѣшити кающагося никто же можетъ, тоію

православный священник“ (л. 36). „Не священницы-же, говорится въ Номоканонѣ, приѣмлющіе вѣкиихъ помышленія и связующіе и рѣшающіе, да знаютъ, яко не по правиламъ сіе творять, и ни во что-же есть“ (л. 730 об.).

Что-же сказать объ остальныхъ тайнахъ св. православной церкви? Вы не имѣли на себѣ святого миропомазанія, а по ученію Св. Симеона Солунскаго, „не помазавшіеся мвромъ ниже Богу, ниже ангеломъ знаемы и не печатствовани и не знаменани Христу“ (гл. 73).

Вы не вкушали Святыхъ Тѣла и Крови Христовыхъ, а по словамъ Св. Кирилла Александрійскаго, „иже Церкви Божіи и причастія Св. Христовыхъ тайнъ, удаляютъ себе, врази Божіи бывають и бѣсомъ друзи“ (Соборн. л. 118). Болѣе того: удаливъ себя отъ причастія Св. Тайнъ Господнихъ, вы не могли даже и христіанами называться, ибо, по ученію преп. Іосифа Володкаго, „не можно есть христіанину именоваться, аще не будетъ крещенъ, или не причащается Христовыхъ тайнъ“ („Просвѣтитель“ сл. 11-е).

Вы не имѣли у себя въ обществѣ законно-поставленныхъ пастырей и дерзновенно устраивали свои самочинныя богослуженія, правило же 6-е Гангрскаго собора гласитъ: „Иже кромѣ соборныя церкви о себѣ собирается и, нерадя о церкви, церковная хочетъ творити, не сущу съ нимъ пресвитеру, по воли епископли, да будетъ проклятъ“ (Кормч. л. 58).

На что-же надѣялись вы? Чѣмъ думали достигнуть спасенія? Хорошею жизнью? Но блаженный Августинъ говоритъ: „Всякій отдѣлившійся отъ общенія съ церковью, хотя-бы жизнь его была достойна похвалы, за то одно беззаконіе, что отторгся отъ единенія со Христомъ, не можетъ имѣть жизни, но гнѣвъ Божій пребываетъ на немъ“. Жертвами и молитвами? Но Св. Кипріанъ пишетъ: „Какія жертвы думаютъ приносить питающіе ненависть къ священникамъ? Ужели они думаютъ быть со Христомъ, собираясь внѣ церкви Христовой? Сіи люди, хотя-бы предали себя смерти за исповѣданіе имени Христова, грѣхъ ихъ не омоется и самою кровью“.

Но, благодареніе Создателю! Одни изъ васъ уже пришли въ единеніе съ св. соборной церковью и сдѣлались причастниками небесныхъ благъ, другіе, хотя пока и не возсоединились съ церковью, но возымѣли твердое намѣреніе сдѣлать это по устроеніи храма. Пойдемте-же на избранное нами отнынѣ святое мѣсто и воздадимъ наши молитвы Небесному Владыкѣ, да будетъ лице Его обращено на будущій храмъ святыи, его-же создадимъ имени Его“.

Послѣ словъ миссіонера всѣ присутствующіе по возгласу о. Ксенофонта „съ миромъ изыдемъ“ отравились на мѣсто, избранное для

построенія храма. Впереди шли съ учителемъ, П. И. Осокинымъ, ученики школы. Мальчики несли иконы и пѣли церковныя пѣснопѣнія. Прийдя на мѣсто, о. протоіерей совершилъ чинъ на водруженіе креста, послѣ чего совершена была закладка. Первый рядъ камней положилъ о. синодальный миссіонеръ, второй—священникъ о. Савватій Базилевичъ, третій—епарх. миссіонеръ Н. И. Абрамовъ, четвертый—учитель-миссіонеръ, П. И. Осокинъ, затѣмъ клали камни единовѣрцы въ порядкѣ того, какъ принимали православіе.

Затѣмъ о. протоіерей обратился къ народу съ простымъ задушевымъ словомъ, въ которомъ, поздравивъ слушателей съ закладкой храма, выяснилъ то громадное значеніе, какое имѣетъ храмъ для христіанъ, въ заключеніе же просилъ никогда не забывать въ молитвахъ людей, которые потрудились въ дѣлѣ обращенія мѣстныхъ старообрядцевъ.

Торжество закончилось возглашеніемъ многолѣтія благочестивѣйшему Государю Императору и всему царствующему дому, всероссійскому Св. Синоду, волынскому архипастырю, владыкѣ Антонію и всѣмъ присутствовавшимъ.

Н.

Вѣстникъ „Миссіонерскаго Обзорнія“.

Новый пересмотръ вѣроисповѣднаго законодательства. Къ вопросу о переходѣ въ нехристіанское исповѣданіе. Недопустимость культа безрелигіознаго класса людей.

Именнымъ Высочайшимъ Указомъ 17-го апрѣля и Манифестомъ 17-го октября 1905 года провозглашены начала вѣротерпимости и свободы совѣсти въ Россіи. Для осуществленія этихъ началъ и проведенія ихъ въ жизнь министерство внутреннихъ дѣлъ признало необходимымъ пересмотрѣть все дѣйствующее отечественное законодательство по дѣламъ вѣры и опредѣлить, какимъ измѣненіямъ и дополненію оно должно быть подвергнуто въ цѣляхъ приведенія его въ полное соотвѣтствіе съ дарованными Монаршею волею милостями. Чтобы выполнить эту задачу въ возможно полномъ объемѣ, министерство внутреннихъ дѣлъ (по департаменту духовныхъ дѣлъ иностранныхъ исповѣданій) вмѣнило себѣ въ обязанность, прежде всего, выяснить, какъ понимается свобода совѣсти въ наукѣ и въ западныхъ законодательствахъ, а затѣмъ уже, установивъ въ точности это понятіе и элементы, изъ которыхъ оно складывается, приступило къ разработкѣ соотвѣтственныхъ законопроектовъ. Первоначально въ министерствѣ возникла мысль вылить всю предпринятую законодательную работу въ одинъ общій законопроектъ, но на практикѣ это оказалось затруднительнымъ, такъ какъ область свободы совѣсти обнимаетъ рядъ самыхъ разнообразныхъ правоотношеній, и измѣненія, вытекающія ея проведеніемъ въ жизнь, хотя и вытекаютъ изъ одного общаго начала, но касаются совершенно самостоятельныхъ отдѣловъ дѣйствующаго законодательства. Поэтому было признано предпочтительнымъ изложить всѣ предположенія, касающіяся свободы совѣсти, въ семи отдѣльныхъ законопроектахъ, которые, будучи проникнуты общей идеей, приурочены каждый къ особой области законодательства.

При разработкѣ перваго изъ этихъ законопроектовъ—объ измѣненіи законоположеній, касающихся перехода изъ одного исповѣданія въ другое,—министерство встрѣтилось съ двумя принципиальными вопросами: 1) слѣдуетъ ли, для осуществленія свободы совѣсти, предоставить каждому только право свободнаго

перехода изъ одного вѣроисповѣданія въ другое, или же также и право не принадлежать ни къ какой религіи и выходить изъ той, въ которой онъ числится, безъ причисленія къ другой, и 2) возможно ли вообще считать допустимыми переходы изъ христіанства въ нехристіанскія ученія? При обсужденіи этихъ вопросовъ было принято на видъ, что хотя необходимость полной свободы религіозныхъ убѣжденій считается обыкновенно положеніемъ, не требующимъ доказательствъ, но коль скоро, однако, вопросъ этотъ переходитъ съ чисто отвлеченной почвы на практическую, то положеніе его совершенно мѣняется и рѣшеніе его нерѣдко сводится къ признанію невозможности или, по крайней мѣрѣ, несвоевременности осуществленія въ нашей жизни логически общепринятаго начала. Такимъ образомъ, хотя въ области вѣры принужденіе не должно быть допускомо, и насильственное удержаніе кого-либо въ томъ или иномъ вѣроисповѣданіи не можетъ почитаться желательнымъ, но съ другой стороны не слѣдуетъ забывать, что полная религіозная свобода въ томъ объемѣ, въ какомъ она выступаетъ въ теоретическихъ домогательствахъ ея защитниковъ, мыслима только при полнѣйшемъ индифферентизмѣ государства къ религіи. А такъ какъ государство тамъ, гдѣ оно не отдѣлено совершенно отъ церкви, не можетъ относиться безразлично къ религіознымъ потребностямъ и возрѣніямъ своихъ подданныхъ, то проектомъ и устанавливается принципъ, что провозглашенныя нынѣ начала свободы совѣсти должны выразиться исключительно въ предоставленіи всѣмъ подданнымъ Россійской Имперіи возможности свободно исповѣдывать избираемое ими вѣроученіе и переходить изъ одной вѣры въ другую, но отнюдь не можетъ влечь за собою разрѣшенія образованія класса людей вѣроисповѣданныхъ, то-есть вышедшихъ изъ какого-либо вѣроисповѣданія и не присоединившихся ни къ какому иному.

Обращаясь затѣмъ къ вопросу о томъ, насколько, вообще, въ христіанскомъ государствѣ, каковымъ представляется Россійская Имперія, допустима и осуществима свобода переходовъ изъ христіанской религіи въ нехристіанство и язычество,—проектъ, руководствуясь, съ одной стороны, ранѣе выраженными по сему предмету въ Указѣ 17-го апрѣля 1905 года Высочайшими предначертаніями, а съ другой—пользуясь выработанной въ наукѣ теоріею христіанскаго государства, высказывается за то, что государство можетъ допустить молчаливый уходъ изъ христіанства и не подвергать наказанію ни христіанина, открыто исповѣдующаго нехристіанскую религію, ни то иновѣрное духовное лицо, которое будетъ отправлять для него требы,—но что государство не можетъ и не должно допустить торжественнаго приѣма христіанъ въ нехристіанское вѣроученіе. Въ виду сего, проектъ высказывается за недопустимость нынѣ же оффиціальнаго признанія юридической силы за отпаденіями въ не-христіанство.

Проводя такой взглядъ въ отношеніи возможныхъ въ будущемъ случаевъ перехода изъ христіанства, вообще, въ нехри-

стіанскія ученія, Министерство въ своемъ проектѣ, вмѣстѣ съ тѣмъ, оговариваетъ, въ полномъ соотвѣтствіи съ п. 3 Высочайшаго Указа 17-го апрѣля 1905 года, порядокъ возвращенія въ ту нехристіанскую вѣру, къ которой, до присоединенія къ христіанству, принадлежали сами возвращающіеся или ихъ предки. Указывая на то, что закономъ 17-го апрѣля 1905 года предусмотрено свобода такого возвращенія лишь изъ православія, министерство, въ виду возникновенія на практикѣ цѣлаго ряда недоразумѣній изъ-за вопроса о примѣнимости сего закона въ лицамъ, числившимся принадлежащими къ инославному исповѣданію и пожелавшимъ вернуться въ иновѣріе, высказалось въ проектѣ за то, чтобы возвращеніе, при означенныхъ выше случаяхъ, изъ инославія въ нехристіанство не только не было воспрещаемо, но и признавалось закономъ. Такимъ образомъ, каждому нехристіанину, переходящему въ христіанство, предполагается предоставить право и въ будущемъ возвращаться въ нехристіанскія религіи, причемъ правило это проектируется распространить и на тѣхъ лицъ, которыя хотя и родились въ христіанской религіи, но предки коихъ принадлежали къ иновѣрію.

Устанавливая, наконецъ, въ видѣ общаго правила, что переходъ изъ одного вѣроученія въ другое предоставляется свободному усмотрѣнію каждаго обладающаго достаточно созрѣвшимъ самосознаніемъ лица и не требуетъ для своего осуществленія особаго разрѣшенія, законопроектъ высказывается за то, чтобы административная власть, отъ которой нынѣ зависитъ дать разрѣшеніе на переходъ даннаго лица изъ одной религіи въ другую или отказать въ таковомъ, въ будущемъ была лишена этого права.

Приступивъ затѣмъ къ изслѣдованію дѣйствующаго отечественнаго законодательства, относящагося вообще къ свободѣ перехода изъ одного исповѣданія въ другое, законопроектъ, для болѣе точнаго выясненія сихъ послѣднихъ, расчленяетъ вопросъ о переходахъ изъ одного исповѣданія въ другое на слѣдующіе отдѣлы: 1) о переходѣ изъ христіанства въ нехристіанство и язычество, 2) о переходѣ изъ одной христіанской религіи въ другую, христіанскую же, и изъ одной нехристіанской въ другую нехристіанскую или языческую, 3) о переходѣ изъ нехристіанской религіи въ христіанскую и 4) о возрастѣ, по достиженіи котораго каждому можетъ быть предоставлено право выхода изъ религіи и избраніе таковой.

Въ соотвѣтствіи съ изложеннымъ, въ конечныхъ выводахъ законопроекта предположено, въ измѣненіе и дополненіе подлежащихъ узаконеній, дѣйствующихъ какъ въ Имперіи, такъ и въ Царствѣ Польскомъ, постановить: а) каждому, достигшему совершеннолѣтія, лицу предоставляется переходить, безъ разрѣшенія административной власти, изъ одной христіанской религіи или христіанскаго вѣроученія въ другое, а изъ нехристіанства и язычества въ христіанство и во всякое другое нехристіанское или языческое вѣроученіе, б) христіане, достигшіе 21 года, желающіе быть причисленными къ тому нехристіанскому исповѣданію,

къ которому, до принятія христіанства, принадлежали сами они, или ихъ родители, или дѣдъ, или бабка, подлежатъ исключенію изъ числа христіанъ, в) съ перемѣною, въ установленномъ законѣмъ порядкѣ, вѣры, прекращаются всѣ права и обязанности отпадающаго къ покидаемой имъ церкви, а равно и права и обязанности сей послѣдней въ отношеніи отпавшаго.

Затѣмъ, въ цѣляхъ предоставленія свободы переходовъ изъ одного исповѣданія въ другое, по законопроекту предусмотрена и отмѣна цѣлаго ряда подлежащихъ статей закона, какъ явно уже устарѣвшихъ и лишенныхъ практическаго значенія. Въ серіи этого рода мѣръ проектомъ преднамѣчается:

1) Отмѣна положеннаго въ законѣ для нѣкоторыхъ случаевъ церемоніала и публичности при окрещеніи новообращаемыхъ въ христіанство. 2) Отмѣна закона объ отобраніи отъ присоединяющагося къ православію старообрядца подписки о пребываніи въ православіи. 3) Отмѣна существовавшихъ до сего времени устарѣлыхъ правилъ, опредѣляющихъ порядокъ принятія въ инославныя христіанскія исповѣданія и евреевъ, находящихся въ военной службѣ. 4) Отмѣна всѣхъ тѣхъ законоположеній, которыя, во-первыхъ, устанавливаютъ льготы и награды для лицъ, переходящихъ изъ нехристіанства въ христіанство или способствующихъ такому переходу, и во-вторыхъ, которыя, хотя бы косвеннымъ образомъ устанавливаютъ принудительную принадлежность кого-либо къ христіанству. Къ первымъ принадлежатъ, между прочимъ, нѣкоторыя статьи устава о прямыхъ налогахъ, согласно коимъ по принятіи Св. Крещенія, евреи и калмыки получаютъ денежное пособіе изъ казны, а сибирскіе инородцы пользуются льготами по отбыванію податей, — а также статьи учр. орд., ставящія обладаніе и полученіе орденовъ Св. Екатерины и Св. Анны въ связь съ трудами по обращенію въ православіе инновѣрцевъ.

Что касается законоположеній, косвеннымъ образомъ устанавливающихъ принудительную принадлежность кого-либо къ христіанству, то къ числу ихъ въ проектѣ отнесена ст. 78 уголовного уложенія, налагающая взысканіе за погребеніе христіанина безъ христіанскаго обряда, если для исполненія этого обряда приглашеніе духовнаго лица подлежащаго вѣроисповѣданія не представляло особаго затрудненія. Статья эта признана подлежащей отмѣнѣ, какъ принуждающая подѣ угрозой наказанія, къ совершенію обрядностей вѣры.

Воззваніе къ православнымъ жителямъ г. Житомира.

Согласно заявленію нѣкоторыхъ добрыхъ христіанъ, посѣщающихъ нашъ соборъ, при Владиміро-Васильевскомъ братствѣ учреждается отдѣленіе, имѣющее нарочитое попеченіе о каѳедральномъ храмѣ Волины. Общія положенія сего братства, разработанныя мною съ участіемъ соборныхъ священниковъ и нѣкоторыхъ другихъ духовныхъ и мірянъ, предлагаются здѣсь читателямъ „Волинской Жизни“, а лицъ, имѣющихъ усердіе вступить въ это братство, просимъ пожаловать по-

молиться Богу въ пятницу, 16 февраля въ 5 ч. 30 м. часовъ вечера въ Анастасіевскую подсоборную церковь, а затѣмъ по окончаніи молебствія въ 7 ч. 15 м. собраться въ залѣ духовныхъ чтеній, что на Вильской улицѣ, рядомъ съ единовѣрческимъ соборомъ.

Архіепископъ *Антоній*.

Проектъ Анастасіевскаго братства при житомирскомъ кафедральномъ соборѣ.

При Владиміро-Васильевскомъ братствѣ учреждается отдѣленіе подъ названіемъ „Анастасіевскаго“, состоящее при житомирскомъ кафедральномъ соборѣ и имѣющее цѣлью содѣйствовать благодѣшю соборнаго храма и богослуженія въ немъ, а также и процвѣтанію духовной жизни соборнаго прихода. Частице вѣдѣнію этого братства подлежатъ:

1) Забота о чистотѣ храма и о томъ, чтобы въ немъ не было холодно и сыро;

2) Забота о ремонтѣ храма и благоуукрашенія его. При семъ забота эта можетъ выражаться: а) въ даваніи и собираніи пожертвованій, б) въ личномъ трудѣ—руководѣльномъ, техническомъ и даже черномъ и в) въ контролѣ и завѣдываніи работами.

3) Такъ какъ соборный причтъ не имѣетъ квартиръ, а соборъ имѣетъ различныя арендныя статьи, подлежащія ликвидаціи для построенія въ счетъ ихъ причтовыхъ домовъ, то братчики могли-бы оказать содѣйствіе и въ семъ дѣлѣ.

4) Братство должно избирать повѣренныхъ для контроля доходовъ, расходовъ и имущества собора, не исключая и ризницы.

5) Такъ какъ раннія обѣды можно-бы исполнять цѣніемъ любителей или же общимъ цѣніемъ, то братство можетъ и о семъ приложить свое попеченіе.

6) Хорошо-бы при соборѣ устроить церковно-приходскую школу съ именемъ „Анастасіевской“.

7) Весьма важно озаботиться приличнымъ размѣщеніемъ сельскихъ богомольцевъ, приходящихъ три раза въ годъ на соборные праздники, именно, доставленіемъ имъ ночлега, а по возможности, назидательнаго чтенія въ промежутки между службами.

8) Необходимо оказать покровительство обращающимся въ православіе иновѣрцамъ чрезъ принятіе званія крестнаго отца, доставленіе имъ заработка и т. д.

Братство состоитъ изъ лицъ обоого пола православнаго вѣроисповѣданія, какъ прихожанъ собора, такъ и иноприходскихъ, причемъ одни участвуютъ пожертвованіемъ по 5 р. въ годъ, или соотвѣствующими по цѣнности приношеніями, а другіе—сверхъ того и личнымъ трудомъ, который можетъ замѣнять собою пожертвованіе въ томъ случаѣ, если цѣнность его по количеству рабочихъ часовъ, или по значенію его для собора будетъ признана не меньшею, чѣмъ пятирублевый взносъ. Лица, внесшія 50 р. одновременно, именуются пожизненными членами братства.

Такъ какъ хранительницами раки св. Анастасіи и попечительницами о ея чистотѣ являются монахини Зимненскаго владимірволинскаго монастыря, то ревнующія о славѣ св. мученицы женщины и дѣ-

вумки могутъ принять участіе въ подвигѣ сихъ монахинь, объединившись въ общество „Анастасіевскихъ сестеръ“ и принявъ на себя известные подвиги благочестія, которые опредѣляются впослѣдствіи частіе, но, во всякомъ случаѣ, должны включать слѣдующее: 1) еженощное посѣщеніе божественной службы въ какомъ-либо храмѣ, 2) еженедѣльное присутствіе на молебнѣ св. Анастасіи, бываемомъ на вечернѣ по пятницамъ, 3) соблюденіе постовъ св. православной церкви и 4) не менѣе, чѣмъ двукратное говніе въ годъ.

Имя общаго духовнаго руководителя, Анастасіевскія сестры вообще подвизаются въ православномъ благочестіи, совмѣщая его со своимъ мірскимъ званіемъ.

Участники всѣхъ отдѣльныхъ отраслей братской дѣятельности составляютъ небольшіе совѣты, предсѣдатели коихъ объединяются въ главный совѣтъ, въ которомъ предсѣдательствуетъ архіепископъ, а непременными членами являются предсѣдатель Васильевскаго братства, каедральный протоіерей, ключарь, соборные священники и соборный, староста, предсѣдательствующій въ комитетѣ о благолѣпіи храма.

Частичная разработка этого проекта предоставляется самому братству и подлежитъ утвержденію архіерея.

О постановкѣ преподаванія Закона Божія въ средней школѣ.

13-го сего февраля, с. года въ залѣ Братства Святителя Стефана, происходило засѣданіе комиссіи о.о. законоучителей среднихъ учебныхъ заведеній г. Перми для рассмотрѣнія и детальнаго ознакомленія съ содержаніемъ докладной записки, поданной на имя г. попечителя оренбургскаго учебнаго округа священникомъ Прокопьевымъ и сопровождающей на благоусмотрѣніе его преосвященства. Познакомивъ собравшихся о.о. законоучителей съ содержаніемъ докладной записки свящ. Прокопьева, о. предсѣдатель предложилъ имъ высказать свои соображенія, по поводу основной мысли названной записки, — о необходимости созыва въ самомъ ближайшемъ времени епархіальнаго съѣзда о.о. законоучителей мужскихъ и женскихъ среднихъ учебныхъ заведеній министерства народнаго просвѣщенія, для обсужденія вопроса о наилучшей постановкѣ преподаванія Закона Божія и выбора делегатовъ на окружной съѣздъ о.о. законоучителей въ одинъ изъ городовъ оренбургскаго округа.

Собраніе съ величайшимъ прискорбіемъ и сожалѣніемъ констатируетъ фактъ существующаго среди нѣкоторой части современнаго такъ называемаго интеллигентнаго общества дѣйствительно страннаго взгляда на Законъ Божій, какъ на предметъ столь неважный, что его можно игнорировать и даже поставить его на ряду съ необязательными предметами школьнаго курса, напр., съ чистописаніемъ, рисованіемъ, музыкой, танцами и т. п., взгляда тѣмъ болѣе печальнаго, что онъ раздѣляется даже нѣкоторыми изъ лицъ, принадлежащихъ къ педагогическому персоналу, которыя нерѣдко обнаруживаютъ полный религиозный индифферентизмъ и потому, по большей части, относятся совершенно безразлично къ дѣлу религиозно-нравственнаго образованія и воспитанія дѣтей въ школѣ. Въ лучшемъ же случаѣ школьные пе-

дагоги придерживаются, такъ сказать, принципа невмѣшательства, возлагая дѣло религіозно-нравственнаго вліянія и воздѣйствія на дѣтей на плечи того же законоучителя, оставивъ, такимъ образомъ, послѣдняго совершенно одинокимъ въ святомъ и великомъ дѣлѣ духовнаго просвѣщенія подрастающаго поколѣнія.

Въ виду такого ненормальнаго отношенія къ предмету Закона Божія, комиссія единодушно признаетъ необходимымъ принять соотвѣтствующія и рѣшительныя мѣры къ тому, чтобы вывести столь важный предметъ религіознаго воспитанія дѣтей изъ современнаго, крайне печальнаго, положенія и поднять его школьное значеніе на подобающую высоту. Вмѣстѣ съ тѣмъ, члены комиссія единогласно признаютъ безусловно необходимымъ обязательное изученіе Закона Божія въ школахъ всѣхъ типовъ и рѣшительно настаиваютъ на энергичной защитѣ преподаванія этого важнѣйшаго предмета, какъ незыблемой основы религіозно-нравственнаго воспитанія дѣтей. Точно также комиссія положительно настаиваетъ на обязательномъ посѣщеніи учащимися церковныхъ богослуженій, благоговѣйномъ совершеніи въ стѣнахъ учебныхъ заведеній общихъ утреннихъ молитвъ и исполненіи христіанскаго долга говѣнія въ св. четырехдесятницу. Съ цѣлю же основательнаго и детальнаго разсмотрѣнія вопроса о наилучшей постановкѣ Закона Божія въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ, въ виду предъявляемыхъ современнымъ обществомъ различныхъ требованій къ этому предмету, по большей части, отрицательнаго характера и свойства, комиссія находитъ вполне цѣлесообразнымъ, желательнымъ и полезнымъ созывъ сѣзда о.о. законоучителей въ г. Уфѣ или другомъ мѣстѣ, но не ранѣе 15 іюня.

Послѣ этого заслушана была докладная записка священника Каѳедральнаго собора Михаила Рыжкова.

Докладная записка эта принята къ свѣдѣнію, причѣмъ комиссія вполне согласилась съ мнѣніемъ о. Рыжкова о допущеніи къ участію въ предполагаемомъ сѣздѣ, кромѣ законоучителей среднихъ учебныхъ заведеній, также законоучителей начальныхъ школъ и прочихъ свѣтскихъ учебныхъ заведеній, и постановила почтительнѣйше просить его преосвященство сдѣлать соотвѣтствующее распоряженіе благочиннымъ епархіи объ избраніи делегатовъ на предполагаемый епархіальный сѣздъ.

Вслѣдъ за тѣмъ заслушанъ докладъ законоучителя Алексіевскаго реальнаго училища, священника Вл. Цвѣтова, по поводу записки свящ. Прокопьева, поданной г. попечителю округа.

Вполнѣ присоединяясь въ общемъ къ высказанному о. Цвѣтовымъ взгляду на ненормальное отношеніе современнаго такъ называемаго интеллигентнаго общества къ вопросамъ религіи и нравственности христіанской, и, въ частности, къ предмету Закона Божія, комиссія однако же находитъ, что въ нѣкоторыхъ деталяхъ названнаго доклада авторъ слишкомъ сгущаетъ краски и иногда довольно рѣзко отзывается о дѣятельности о.о. законоучителей, хотя въ то же время она не рѣшается отрицать и того факта, что дѣйствительно встрѣчаются такіе о.о. законоучители, которые слишкомъ формально и сухо относятся къ порученному имъ педагогическому дѣлу. Что касается высказаннаго авторомъ довѣда пожеланія, чтобы законоучитель пред-

варительно подготовлялся къ своей педагогической дѣятельности въ особыхъ институтахъ или на спеціальныхъ курсахъ, и что только такой будто бы законоучитель можетъ считаться истиннымъ воспитателемъ дѣтей, то съ этимъ мнѣніемъ о. Цвѣтова комиссія совершенно не можетъ согласиться, такъ какъ нерѣдко приходится встрѣчать даже такихъ законоучителей, которые, хотя и не получили спеціального высшаго богословскаго образованія, но на практикѣ обнаруживаютъ недюжинныя способности и педагогическій тактъ, весьма благотворно влияя на религіозно-нравственное развитіе и воспитаніе дѣтей. Здѣсь очень важное значеніе имѣетъ искреннее, сердечное отношеніе пастыря-законоучителя къ дѣтямъ, его глубокая религіозная настроенность и примѣрная, высоко-нравственная жизнь. Только тотъ законоучитель будетъ признанъ истиннымъ воспитателемъ и насадителемъ религіозно-нравственныхъ принциповъ въ сердцахъ дѣтей, который сѣмъ будетъ приобрести со стороны послѣднихъ полное къ себѣ довѣріе и любовь. Поэтому, если законоучитель хочетъ быть воспитателемъ и желаетъ, чтобы между нимъ и его питомцами установились вполне искреннія, нормальныя отношенія отца къ дѣтямъ, онъ обязательно долженъ отрѣшиться отъ обычныхъ пріемовъ учителя и не столько заботиться о сообщеніи однихъ только знаній, сколько о развитіи души и сердца. Нравственныя начала, посѣяанныя въ душѣ ученика опытною рукою законоучителя, хотя и не получившаго спеціальной подготовки на богословскихъ курсахъ, накладываютъ отпечатокъ въ сердцахъ питомца на всю его жизнь и дѣятельность.

Съ своей стороны, комиссія находитъ нужнымъ дополнить программу вопросовъ, перечисленныхъ въ докладной запискѣ свящ. Прокопьева, слѣдующими пунктами: а) признать обязательное участіе, наравнѣ съ о.о. законоучителями, всѣхъ преподавателей и воспитателей учебныхъ заведеній въ дѣлѣ религіозно-нравственнаго просвѣщенія дѣтей; б) ходатайствовать предъ Учебнымъ Комитетомъ при Св. Синодѣ и Ученымъ Комитетомъ Министерства Народнаго Просвѣщенія, чтобы они безъ промедленія давали печатные отзывы о новыхъ книгахъ и журналахъ въ особомъ „Библиографическомъ Листкѣ“, который долженъ обязательно выписываться во всѣ учебныя заведенія; в) ввести церковное пѣніе, какъ обязательный предметъ обученія, въ росписаніе ежедневныхъ уроковъ, а также организовать общее церковное пѣніе при богослуженіи, и г) въ виду деморализующаго вліянія на учащихся всякаго рода увеселеній и особенно спектаклей, устраиваемыхъ подъ праздники и воскресные дни, возбудить вопросъ о воспрещеніи на будущее время устройства таковыхъ спектаклей и увеселеній подъ праздники.

Призывъ иноковъ къ духовно-просвѣтительной дѣятельности.

Въ переживаемую теперь нашей дорогой родиной тяжелую годину враги православія и русской народности, вылезшіе изъ темныхъ угловъ, съ высокоподнятой головою, въ самыхъ широкихъ размѣрахъ совершаютъ преступное дѣло разрушенія Православной Церкви и русскаго государства какъ по всему обширному лицу Россіи, такъ въ частности и въ нашей Минской губерніи. Здѣсь, съ

одной стороны, поляки, путемъ лжи, обмана, издѣвательства надъ православіемъ, а нерѣдко и насилія, стараются уловить въ свои хитро разставленныя сѣти темнаго и безпомощнаго въ своихъ духовныхъ запросахъ православнаго русскаго крестьянина. Съ другой стороны, исконные враги Господа Иисуса Христа и Его Св. Креста, евреи, въ своихъ посягательствахъ на „святая святыхъ“ русскаго народа дѣйствующіе неуловимо, а потому еще болѣе опасные, всѣми способами стремятся къ тому, чтобы съ корнемъ вырвать изъ души русскаго, особенно же учащейся русской молодежи, святое наслѣдіе отцовъ, Православную вѣру и беззавѣтную любовь къ Родинѣ, заглушить въ немъ всё привитыя св. Евангеліемъ моральныя основы, заполняя въ этихъ цѣляхъ книжныя рынки порнографической литературой и сочиненіями атеистовъ и революціонеровъ.

Въ години тяжелыхъ испытаній въ прошломъ нашъ русскій народъ изъ своей же среды выдвигалъ богатырей религіознаго духа и горячей любви къ Родинѣ, которые и спасали православную Россію. Особенно же такимъ оплотомъ являлись святые обители,—эти свѣточы Христовой Церкви, которые зажглись на Руси при св. князѣ Владимірѣ. Между ними яркой звѣздой горитъ Троице-Сергіева Лавра. Въ настоящее время вся вѣрующая православная Россія съ упованіемъ смотритъ на многочисленныя обители и отъ нихъ ждетъ прежде всего спасенія среди раздирающей многострадальную Родину междоусобицы. Раньше всѣхъ на народныя мольбы откликнулась Почаевская Лавра и съ небесной помощью Богоматери и чудотворца Іова уже сплотила для борьбы съ врагомъ Православія и русской народности Волянъ и Подолію и забросила сѣмя религіозно - нравственнаго объединенія и въ другія области.

Въ нашей Минской губерніи русское населеніе, вынужденное вести тяжелую, а подчасъ и непосильную для него борьбу съ врагами его вѣры и народности—поляками и евреями, нравственнаго руководства и поддержки ждетъ прежде всего отъ васъ, какъ отъ тѣхъ, кто добровольно отказался отъ міра и взялъ на себя иго Христово, иго самоотверженнаго служенія ближнимъ. И вотъ Минское Православное Народное Братство во имя св. Животворящаго Креста Господня, открытое 2-го февраля с. г. подъ непосредственнымъ вѣдѣніемъ владыки въ цѣляхъ защиты интересовъ Православной Церкви и русской народности въ предѣлахъ губерніи, — обращается къ вамъ съ братскимъ призывомъ: станьте въ ряды братства подъ священное знамя Святого Креста! Оживите въ своемъ сознаніи святые образы великихъ народныхъ борцовъ за вѣру и народность—Пересвѣта и Осляби, келаря Авраамія и архимандрита Діонисія! Вдохновите себя высокимъ примѣромъ самоотверженныхъ иноковъ Почаевской Лавры и, высоко поднявъ священный символъ Христіанской побѣды—Животворящій Крестъ, подойдите къ православному русскому народу, протяните ему руку помощи въ борьбѣ съ врагами, своимъ примѣромъ поддержите и возгрѣйте теплящійся въ немъ свѣточъ вѣры Христовой, а также придите къ нуждающимся и съ матеріальною помощью (МѠ. XXV, 40, 45)! Приложите всё усилія, чтобы благолѣпнымъ благоговѣйнымъ служеніемъ въ храмѣ вы вливали цѣлительный бальзамъ въ душу страждущаго, уносили его съ грѣшной земли въ святое

небо, въ міръ чистыхъ христіанскихъ настроеній, не забывая, что и предки наши были привлечены ко Христу дивнымъ неземнымъ служеніемъ греческой Церкви!

Братство вѣрить, что его призывъ, рожденный горячей преданностью Православной вѣрѣ и искренней любовью къ родному русскому народу, найдетъ доступъ къ вашимъ сердцамъ, что вы, иноки—воины Христовы, живо откликнетесь на братскій зовъ и, мобилизовавъ всѣ лучшія, подготовленные къ дѣятельной работѣ силы св. обители, тѣсно сплоченными рядами, со св. Крестомъ въ рукахъ и сердцемъ бодро выступите на духовную брань, дабы ниспровергнуть всѣ козни осаждающихъ православно-русскій народъ темныхъ силъ, памятуя, что во всей Россіи вообще и въ особенности въ томъ уголкѣ Минской епархіи, гдѣ пріютилась ваша обитель, жатвы много, а самоотверженныхъ дѣателей мало. Полагая жизнь за „други своя“, привлекайте и другихъ къ работѣ на нивѣ Христовой, такъ какъ вѣчный позоръ, презрѣніе потомства и грозный судъ нелицепріятнаго Судіи ждутъ тѣхъ, кто среди тяжелыхъ испытаній настоящаго времени, подобно Пилату, умоетъ руки.

Совѣтъ Минскаго Православнаго Народнаго Братства.

Открытое письмо епархіальнаго миссіонера къ духовенству Омской епархіи.

Всечестные отцы и братья!

Движеніемъ собственнаго сердца и волею начальства, прибылъ я къ вамъ, только что выпущенный изъ стѣнъ высшей духовной школы, „для служенія Богу живому и истинному“ (Евр. IX, 14).

Вотъ она — чарующая, заманчивая въ своей перспективѣ — дѣйствительность!.. Вотъ оно живое, самое высокое и самое святое дѣло!..

Съ чувствомъ смущенія, невольно закрадывающагося въ душу, предъ новизной великаго въ своемъ значеніи дѣла, съ сознаниемъ недостаточности единоличныхъ усилій для вразумленія колеблющихся и возвращенія въ лоно св. Церкви заблудшихъ, вступаю я на берегъ самостоятельной, церковно-общественной дѣятельности...

И кто изъ васъ, досточтимые отцы и братья, (вспомните!) не испытывалъ этого святого волненія? Кто не переживалъ всѣмъ своимъ существомъ сознанія высоты, важности и отвѣтственности возлагаемаго на себя дѣла учительства?!.. Не такъ ли бьется отъ волненія грудь молодой птицы, впервые пробующей въ глубинѣ небесной лазури легкость и крѣпость своихъ упругихъ крыльевъ?..

Воскрешая въ вашей памяти неизгладимыя въ душѣ каждого сознательно живущаго человѣка минуты, я, прежде чѣмъ начать великое „дѣло служенія“ (Еф. IV, 12), земно кланяюсь всему вашему соборному лику и прошу именемъ живого Бога прійти ко мнѣ на помощь съ своими святыми молитвами, мудрыми совѣтами и живыми примѣрами служенія меньшему брату. Кланяюсь, прошу, умоляю васъ, отцы и братья, помогите мнѣ немощному, юнѣйшему вашему сотруднику и соработнику на нивѣ Божіей...

Помогите святыми молитвами!..

Вашей непрестанной молитвой да будетъ горячее, проникнутое живою, дѣятельною вѣрою прошеніе у Бога: дабы среди насъ не было младенцевъ, колеблющихся и увлекающихся всякимъ вѣтромъ ученія, по лукавству чловѣковъ, по хитрому искусству обольщенія, а чтобы, напротивъ, при дѣйствіи въ свою мѣру каждаго члена, могли мы возвратить заблудшихъ въ Того, Который есть глава—Христось.

Помогите совѣтами и наставленіями!

Знаю очень хорошо, что подъ скромной, нерѣдко запуганной внѣшностью простого „сельскаго батюшки“ можно иногда встрѣтить богатый опытъ религіозно-нравственной жизни, глубокое, вооруженное тонкимъ психологическимъ анализомъ, знаніе самыхъ сокровенныхъ тайниковъ чловѣческаго сердца. Откровенное товарищеское письмо такого батюшки, содержащее въ себѣ его всестороннее, непосредственное, многолѣтнее наблюденіе за религіозно-нравственной жизнью зараженнаго расколомъ или сектантствомъ прихода, надѣюсь, дастъ цѣнный матеріалъ для только что зарождающейся на нашихъ глазахъ науки расколо-сектоведѣнія. Въ практическомъ отношеніи это письмо можетъ послужить незамѣнимымъ ключемъ къ отысканію новыхъ болѣе цѣлесообразныхъ методовъ борьбы съ расколомъ и сектантствомъ, такъ гордо поднявшими за самое послѣднее время свои головы надъ ободоленнымъ положеніемъ Христовой Церкви.

Помогите примѣрами, образцами дѣятельной христіанской любви и правды!

Истовымъ, вразумительнымъ чтеніемъ св. Писанія воспитывайте въ простомъ народѣ благоговѣйный страхъ къ Слову Божію, сознаніе чловѣческой немощи постигнуть глубину премудрости и благости Божественной. Благоговѣйнымъ, вдумчиво-сосредоточеннымъ совершеніемъ св. таинствъ и богослужбныхъ требъ раскройте предъ духовнымъ окомъ своихъ пасомыхъ внутреннюю, органически-неразрывную связь невидимой, таинственной и видимой, осязательной стороны православія. Украшайте богослужбныя и внѣбогослужбныя собранія вѣрующихъ живымъ отеческимъ словомъ проповѣди, стройнымъ, трогательнымъ въ своей простотѣ церковнымъ пѣніемъ. Возгрѣвайте въ себѣ и въ своихъ пасомыхъ духъ христіанской благотворительности, памятуя день страшнаго суда Божія. «Потому узнають всѣ, что вы Мои ученики, если будете имѣть любовь между собою» (Іоан. XIII, 35). А христіанская любовь по самой природѣ своей не можетъ быть недѣятельной: «любовь есть исполненіе закона» (Рим. XIII, 10 ср. 1 Кор. XIII, 4—8). Достигая любви, ревнуя о дарахъ духовныхъ, мы исполнимъ, каждый по мѣрѣ силъ своихъ, великую заповѣдь Пастыреначальника: «Такъ да свѣтитъ свѣтъ вашъ предъ людьми, чтобы они видѣли добрыя дѣла и прославляли Отца вашего Небеснаго» (Мат. V, 16).

Помните, что всякая жизнѣятельность нуждается въ соотвѣтствующей энергіи, всякая потребность требуетъ для себя пищи. Полевныя лиліи цвѣтутъ и благоухаютъ до тѣхъ поръ, пока согрѣваетъ солнце и питаетъ земная влага. Потухли солнечные лучи, изсякла въ корняхъ влага и нѣтъ цвѣтка; стоитъ лишь печальная тѣнь его! Подуетъ изъ степи вѣтеръ, развѣетъ мертвые лепестки к тамъ, гдѣ нѣкогда цвѣла жизнь, воцарится смерть!

Враги наши—домашніе наши, и именно тѣ изъ насъ, надъ головами которыхъ виситъ грозное прещеніе Пророка: «прокляты всякъ, творящій дѣло Божіе съ небреженіемъ!»

Это-то обстоятельство и побуждаетъ насъ, по примѣру великаго апостола языковъ, просить и умолять васъ, досточтимые отцы и братья, о взаимопомощи въ дѣлѣ благовѣствованія св. евангелія. „Ей, молимъ васъ, присные сотрудники наши и всѣхъ, имена коихъ написаны въ книгѣ жизни, помогите подвизающимся въ благовѣствованіи вмѣстѣ съ нами (Филип. IV, 3)! Молитесь, братіе, о насъ, чтобы Богъ отверзъ двери въ сердца спасаемыхъ для слова, дабы намъ съ дерзновеніемъ возвѣщать, какъ должно, тайну благовѣствованія Христа“ (Еф. VI, 18—20; Кол. IV, 3—4).

Возстаните, идемъ! твердо памятуя, что „Богъ не есть Богъ неурядства, но мира. Такъ бываетъ во всѣхъ церквахъ у святыхъ“ (1 Кор. XIV, 33).

Омскій епарх. миссіонеръ Кипріанъ Пономаренко.

Старый раскольничій вздоръ.

(О мнимомъ подлогѣ при учрежденіи единовѣрія).

Въ концѣ 1905 г. с.-петербургскій единовѣрческій священникъ Сем. Шлеевъ издалъ брошюру: „Къ вопросу: какой епископъ нуженъ единовѣрцію?“. Въ этой брошюрѣ авторъ, касаясь, между прочимъ, официальной организаціи существующаго единовѣрія, проводитъ мысль, будто бы 27 октября 1800 г. утверждено только одно подлинное прошеніе московскихъ старообрядцевъ, а мнѣнія московскаго митрополита Платона, „оказавшіяся“ также утвержденными въ тотъ же день, „появились“ лишь „впослѣдствіи“. Правда, и раньше со стороны раскола распускались превратные слухи относительно акта 27 октября 1800 года. Такъ,—по „Запискѣ о свободѣ русскихъ обрядовыхъ толковъ“, составленной въ 1864 г., и московскому подпольному изданію 1881 г.—„Историческимъ изслѣдованіямъ, служащимъ къ оправданію старообрядцевъ“, ч. I—В. М. К(арловича)—27 октября 1800 г. Высочайше утверждены „по недоразумѣнію“ два параллельныхъ акта, касающихся одного и того же предмета (учрежденія единовѣрія) и противорѣчащихъ другъ другу, т. е. и прошеніе московскихъ старообрядцевъ, и представленіе митрополита Платона. Но, очевидно, священникъ Сем. Шлеевъ идетъ дальше раскольническихъ писаній, съ открытою безцеремонностію обвиняя власть въ „подлогѣ“.

Справедливо ли такое страшное обвиненіе? Отрицательнымъ отвѣтомъ на этотъ вопросъ служитъ помѣщенная въ № 44 „Церковныхъ Вѣдомостей“ за текущій годъ статья Е. Е. Лебедева, подъ заглавіемъ: „Къ исторіи акта 27 октября 1800 г. по дѣлу единовѣрія“. На основаніи архивныхъ документовъ, изданныхъ по случаю столѣтняго юбилея существованія единовѣрія, г. Лебедевъ даетъ правдивую исторію акта 27 октября 1800 г., излагая обстоятельства, непосредственно предшествовавшія и сопутствовавшія появленію послѣдняго. Съ твердостью устанавливается фактъ, что на разсмотрѣніе императора Павла подлинное прошеніе московскихъ старообрядцевъ отъ 12 ноября 1799 г. восходило одновременно со всѣми относящимися

къ нему документами, въ числѣ которыхъ были и замѣчанія митрополита Платона на пункты упомянутаго прошенія. Императорская резолюція „Быть по сему“ несомнѣнно относилась не столько къ прошенію, на которомъ была начертана, сколько ко всей совокупности доклада и преимущественно къ мнѣніямъ митрополита Платона. Въ статьѣ г. Лебедева интересно выясняется и то, что именно могло послужить поводомъ къ распространенію упомянутыхъ раскольничьихъ слуховъ, являющихся, при свѣтѣ документальныхъ данныхъ, совершенно вздорными.

Подобные приемы—говорить въ заключеніе г. Лебедевъ,—если отзываться даже сдержанно, прямо неприличны для современнаго столичнаго единовѣрческаго священника, который обучался въ высшемъ духовно-учебномъ заведеніи и тѣмъ самымъ призванъ воспитать въ себѣ хрическое объективно-научное отношеніе къ фактамъ и свидѣтельствамъ актовъ, а также уваженіе къ достоинству православной церкви“.

И. Ц.

Запасные священники.

Орловскимъ епархіальнымъ начальствомъ выработаны слѣдующія положенія о такъ называемыхъ запасныхъ священникахъ: 1) въ каждомъ благочинническомъ округѣ состоитъ одинъ такъ называемый „запасный священникъ“, назначаемый на такую должность изъ діаконовъ, достойныхъ того по своей службѣ и поведенію и выслужившихъ право на пенсію; 2) какъ заштатный, запасный священникъ приписывается по документамъ къ какой-либо церкви своего округа, по своему выбору; 3) служба запаснаго священника есть служба частная, не штатная и потому не соединенная съ правомъ на священническую пенсію; 4) запасный священникъ состоитъ въ ближайшемъ завѣдываніи мѣстнаго благочиннаго; 5) проживать запасный священникъ долженъ въ предѣлахъ своего благочинническаго округа, причемъ мѣстожительство его всегда должно быть извѣстно благочинному и причтамъ; 6) обязанность запаснаго священника состоитъ въ слѣдующемъ: служить въ томъ приходѣ, гдѣ священническое мѣсто почему-либо (смерть, перемѣщеніе) вакантно; 7) въ вознагражденіе запасный священникъ получаетъ:

а) 100 рублей въ годъ отъ церквей округа.

Примѣчаніе. Деньги эти, по раскладкѣ ихъ на церкви самимъ благочинническимъ съездомъ, получаютъ отъ церквей благочиннымъ при его полугодичныхъ обзорахъ церквей въ году и тогда же, за истекшее полугодіе, по расчету времени дѣйствительной службы запаснаго священника, вручаются подъ расписку сему послѣднему.

б) Половину всѣхъ доходовъ, кромѣ казеннаго, гдѣ оно есть, жалованья, отъ празднаго священническаго мѣста.

в) Бесплатную отъ заинтересованной приходской общины подводку и бесплатное отъ ней же помѣщеніе.

Примѣчаніе. Служба запаснаго священника въ другихъ случаяхъ, напримѣръ, за больного священника, предоставляется усмотрѣнію его, по соглашенію его въ томъ съ заинтересованнымъ лицомъ.

О Т К Л И К И.

Иностранческія женщины и отступничество отъ православія.

Французы говорятъ—*cherchez la femme*,—т. е. „ищи женщину“ во всѣхъ человѣческихъ бѣдахъ житейскихъ...

При объявленной въ Россіи „свободѣ совѣсти“, въ настоящее время на русскомъ западѣ идетъ усиленное отпаденіе русскихъ православныхъ людей въ католичество. И огромное большинство (990/0) этого отпаденія обязано тому, что русскіе люди женятся на католичкахъ. А эти послѣднія вступаютъ въ бракъ съ православными людьми только при непремѣнномъ условіи перехода ихъ въ католичество.

Подобнаго рода прельщеніе русскихъ мужчинъ католическими женщинами идетъ у насъ очень давно. Русская исторія прекрасно помнитъ фактъ брака вел. князя Константина Павловича на полькѣ въ 20-хъ г.г. XIX столѣтія. Правда, великій князь фактически не переходилъ въ католицизмъ, но внутренне онъ былъ однако на сторонѣ религіи своей жены—фанатички.

По примѣру вел. кн. Константина Павловича въ 30-хъ годахъ минувшаго столѣтія поступали и многіе офицеры русской гвардіи, стоявшіе въ Польшѣ,—поступаютъ они такъ-же и теперь...

Въ этихъ „политическихъ бракахъ“ минувшаго столѣтія польскіе политики видѣли для своей отчизны нѣкоторое „громоотводство“ въ томъ отношеніи, что польская женщина, какъ патриотка своего отечества, воспитанная въ политическомъ отношеніи выше, чѣмъ русскіе гвардейскіе офицеры, воспитанные „на космополитизмъ“ французскими гувернерами и нѣмецкими гувернантками, возьметъ верхъ надъ своимъ мужемъ и приготовитъ изъ него человѣка, (вполнѣ) способнаго идти по ея указкѣ тогда, когда то будетъ нужно...

Разсчитъ этотъ у поляковъ былъ вѣренъ и польскія женщины умышленно приносили себя въ жертву своему отечеству, выходя за русскихъ офицеровъ замужь...

Этой-же „политической особенности“ поляковъ отдалъ себя въ жертву и графъ Муравьевъ въ 1864 году, когда ему была

подведена одна „польская Юдифь“ для того, чтобы онъ помилованъ относился къ повстанцамъ 1863 года и исходатайствовалъ передъ Александромъ II-мъ „производство“ всея неграмотной польской шляхты въ русское дворянство... И эта политическая нелѣпость со стороны Россіи дала намъ тогда совершенно ни на что не пригодную, 400-тысячную армию польскихъ дворянъ—изъ холоповъ панскихъ,—чтобы они, видите-ли, не бунтовали противъ Россіи... Но когда это искусственное дворянство заняло теперь въ Россіи все, что есть выгоднаго на государственныхъ постахъ, то оно создало намъ уже не польскую, а русскую революцію.

Съ цѣлю обезвѣрить русскихъ людей или сдѣлать ихъ безразличными къ религіи, по примѣру полякъ, и еврейскія женщины стали навязывать себя въ жены нашихъ бюрократамъ для того, чтобы они, при своемъ вліяніи въ государствѣ, оказали евреямъ въ Россіи всевозможныя выгоды, давали бы имъ лучшіе посты въ нашемъ отечествѣ и проводили бы въ жизнь страны такіе законы, которые совершенно закалили бы русскій народъ въ еврейскихъ рукахъ. Если-же еврейки при бракахъ съ православными людьми переходятъ въ лютеранство или въ православіе, то эта мѣра съ ихъ стороны исходитъ изъ того-же іезуитскаго принципа—„цѣль оправдываетъ средства“.

Но еврейка и въ православіи остается вѣрною своему іудейскому закону: она еще фанатичнѣе евреевъ талмудистовъ. Примѣровъ подобнаго рода у насъ накопилось за многіе десятки лѣтъ, какъ идетъ завоеваніе ивродческой женщиною русскихъ мужей, безчисленное множество и они одинъ другого поучительнѣе для насъ, русскихъ православныхъ людей...

Русская женщина, наоборотъ, сама становится поклонницею той религіи, къ культу которой принадлежитъ ея мужъ... Понявъ эту слабость русской женщины, евреи и поляки теперь охотно стали жениться на этихъ „безразличныхъ“, если у нихъ есть капиталъ, вполне рассчитывая на то, что ихъ дѣти будутъ поляками и евреями...

Оно и дѣйствительно такъ. Эти метисы вездѣ безразличны къ христіанской религіи. И православіе на ихъ языкѣ появляется, какъ оскорбительное для нихъ слово. Къ восточной-же христіанской церкви они прямо таки питаютъ отвращеніе. Это мы знаемъ по многимъ примѣрамъ, находящимся у насъ на виду въ Петербургѣ. Всѣ дѣти этихъ смѣшанныхъ браковъ, если не прямо атеисты, то поклонники западной церкви или-же іудаизма. А между тѣмъ они всѣ зарегистрированы православными, такъ какъ еврейка, вышедшая за русскаго бюрократа или только за титулованнаго аристократа, приняла православіе...

Но больше всего насъ поражаютъ браки православныхъ крестьянъ на „языческихъ женщинахъ“.

Свидѣтелями одного изъ такихъ браковъ намъ пришлось быть въ минувшемъ году,—въ Новой деревнѣ (въ С.-Петербургѣ), гдѣ какой-то Пафъ (фамилія), именующій себя „нѣмцемъ“, выдалъ свою дочь за мѣстнаго крестьянина... Свадьба была от-

празднована въ тотъ же день, когда умерла мать невѣсты, и брачный пиръ происходилъ вокругъ трупы покойницы... Какое впечатлѣніе долженъ былъ вынести православный человѣкъ, молодой мужъ жены-язычницы, видѣвшій весь этотъ кощунственный пиръ подлѣ трупы матери его жены?.. Само отвратительное впечатлѣніе!..

Какимъ православнымъ человѣкомъ можетъ быть этотъ русскій крестьянинъ, женатый на язычницѣ?.. Какому нравственному порядку жизни будутъ обучены его дѣти дочерью язычника?.. И что ожидаетъ въ будущемъ этихъ дѣтей мужика, когда они, считаясь православными, получаютъ свое воспитаніе отъ матери-язычницы?..

Вотъ какое зло вноситъ въ жизнь русскаго общества инородческая женщина, ставшая женою православнаго человѣка. Вотъ гдѣ гибель всего русскаго святаго.

С. Гльбовъ.

П а с т ы р я м ъ.

Не съ обличеньемъ, не съ укоромъ,
Нѣтъ, лишь съ мольбой обращены
Народа страждущаго взоры
Къ вамъ, пастыри родной страны.

Пусть ваша доля—трудъ, печали,
И часто горькая нужда,
Вы все-жь обѣтъ предъ Богомъ дали
Оберегать свои стада.

Смотрите-же: въ овечьей шкурѣ,
Во всѣ проникнувъ уголки,
Во тьмѣ, подъ ревъ и хохотъ бури,
Къ стадамъ прокралися волки.

Мяутся всеу ваши дѣти,
Забывъ велѣнія Творца,
И не одна во вражьей сѣти
Уже запуталась овца.

Доколѣ-жь будетъ скрытъ подъ спудомъ,
Бездѣйствовать духовный мечъ?
Зачѣмъ не слышится повсюду
Ложь обличающая рѣчь?

Зачѣмъ забыты всѣ завѣты
 Священной русской старины?
 Гдѣ древнимъ мужествомъ одѣты
 Святители родной страны?

Давно, защиты не имѣя,
 На помощь въ тягостной борьбѣ
 Народъ, страдая и бѣднѣя,
 Зоветъ васъ, пастыри, къ себѣ.

Ужъ третій годъ великой чашей
 Онь непрестанно горе пьеть
 И съ нетерпѣньемъ рѣчи вашей
 И утѣшенья кротко ждетъ.

Идите-же! сквозь мракъ порока
 И лжи, какъ свѣтлая заря,
 Явитесь съ ревностью пророка,
 О высшей правдѣ говоря!

Вѣщайте истины завѣты,
 Пусть вдохновенный вашъ глаголь
 Лучемъ немеркнущаго свѣта
 Блеснетъ среди всеобщихъ золъ!

Но, если и тогда вся жатва
 Въ слезахъ потонетъ и въ крови,
 Не отягчить предъ Богомъ клятва
 Исполнившихъ завѣтъ любви,

И въ день кончины міра судный,
 Въ неотвратимый грозный часъ
 Владыка възыщетъ Правосудный
 За гибель стадъ своихъ не съ васъ.

Ф. П—въ.

„Слово Правды“ на службѣ у раскольничьей лжи.

Писаки изъ старообрядческой газеты „Слово Правды“ съ изумительною настойчивостью, на перебой другъ передъ другомъ стараются доказать грамотнымъ людямъ, что подь ихъ „правдой“ пора разумѣть голую ложь. Каждый изъ нихъ рвется поскорѣй „отрыгнуть“ свое „слово правды“, т. е. наговорить кучу злобныхъ нелѣпостей по адресу православной церкви; и рвется съ такою стремительностью, что подумаешь, опасается, какъ бы съ минуты на минуту не „заткнули его фонтанъ“ и не помѣшали ему разрѣшиться отъ бремени своего невѣжества. Это впрочемъ и понятно. Злоба къ церкви съ давнихъ поръ гноилась въ раскольничьей душѣ; нарывъ съ теченіемъ времени все увеличивался и увеличивался, съ тѣмъ вмѣстѣ усиливалось и нравственное страданіе отщепенца. 17-го апр. 1905 г. („свобода исповѣданій“) нарывъ этотъ былъ разрѣзанъ, 17-го окт. того же года къ нему приложенъ былъ пластырь („свобода слова и печати“) и потянулась всякая гадость... Злоба, естественно, несомѣстима со спокойнымъ разсужденіемъ о ненавистномъ предметѣ,—ложь и клевета тутъ неизбѣжные спутники. Съ психологической стороны, все это, разумѣется, въ порядкѣ вещей.

Но все же писарямъ „старообрядческой“ газеты такъ и хочется посовѣтовать: господа, да не торопитесь вы лгать-то и не всѣ разомъ—успѣете, потерпимъ, вѣдь никуда не уйдемъ. Обратимъ вниманіе, на примѣръ, на передовую „Слова Правды“, въ № 19, за 4 марта, «Предъ Великимъ постомъ». Въ статьѣ пишется:

„Никоновскія реформы, раздѣлившія русскую церковь на двѣ части, начались въ 1653 году, предъ наступленіемъ Великаго поста. Никонъ въ этомъ году издалъ распоряженіе, извѣстное подь названіемъ «Память». Оно вводило въ русскую церковь два новшества: одно въ крестномъ знаменіи, другое—въ великопостной молитвѣ св. Еврема Сирина.

Основанное на завѣдомой лжи, сдѣланное безъ совѣта и согласія духовенства и народа, никоновское распоряженіе вызвало справедливый, энергичный протестъ со стороны нѣкоторыхъ болѣе другихъ свѣдущихъ въ писаніи іереевъ во главѣ съ епископомъ Павломъ Коломенскимъ“.

Любопытно бы знать, что авторъ разумѣлъ подь „завѣдомой ложью“, на которой якобы основывалась „Память“ патріарха Никона. По всей видимости онъ только слышалъ это выраженіе и повторилъ его безъ всякаго разумѣнія. Завѣдомая ложь та, которую именно какъ ложь напередъ вѣдаетъ утверждающій ее. Никонова же „Память“ основывалась на наставленіяхъ восточ-

ныхъ святителей и указаніяхъ книгъ древнихъ, греческихъ и русскихъ харатейныхъ, которыя Никонъ почиталъ не за ложь, а за истину. А вотъ авторъ, утверждая, что „никоновское распоряженіе вызвало энергичный протестъ со стороны нѣкоторыхъ, болѣе другихъ *свѣдущихъ въ писаніи* іереевъ во главѣ съ *епископомъ Павломъ Коломенскимъ*“, падо думать, „лжетъ“ дѣйствительно „завѣдомо“, ибо о „большемъ свѣдѣніи въ писаніи“ противниковъ „Памяти“ они говоритъ безъ всякихъ основаній и только потому, что ему пріятно сказать это; а о томъ, якобы въ числѣ „энергичныхъ“ противниковъ этой „Памяти“ былъ и епископъ Павель Коломенскій, просто-на-просто сочинилъ. Въ числѣ протестовавшихъ противъ „Памяти“ п. Никона 1653 г., о перстосложеніи и поклонахъ, Павла Коломенскаго вовсе не было. И въ 1654 г. епископъ Павель, подписывая опредѣленіе московскаго собора о необходимости книжнаго обрядоваго исправленія по греческимъ и старымъ русскимъ книгамъ, сдѣлалъ послѣ подписи оговорку только о поклонахъ. Въ „Памяти“ же 1653 г. увидѣли „еретическую зиму“ только Аввакумъ и подобные ему невѣжды въ писаніи, у которыхъ „сердце озябло и ноги задрожали“ отъ инога перстосложенія и числа поклоновъ и которые однако ничуть не дрогнули проповѣдывать явныя ереси—„свѣчъ несѣякому Троицу на три существа“, рядкомъ со святою Троицею сажать Иисуса Христа на „четвертый престолъ“ и т. п. Еретическихъ ученій Аввакума, Лазаря и др.“, „болѣе свѣдущихъ въ писаніи іереевъ“, которые протестовали противъ никоновской „Памяти“, надѣмся, не раздѣляеть и „Слово Правды“... Далѣе въ газетѣ пишется:

„Мы,—разсказываетъ протопопъ Аввакумъ,—задумались, сошедшеся между собою; видимъ, яко зима хоцетъ быти“.

Протопопъ Аввакумъ и его товарищи не ошиблись. Съ этого времени дѣйствительно наступила въ русской церкви суровая зима со всѣми ея ужасными послѣдствіями.

Съ никоновскихъ реформъ началось вымораживаніе изъ народа, изъ вѣрующей души его духа жизни церковной, духа Христовой свободы, сознанія церковнаго, правды Божіей и всего того, что составляетъ самую сущность разумнаго вѣрующаго существа, какъ образа и подобія Божьяго.

Приведенная тирада даетъ полное право автору ея на мѣсто въ любой клѣткѣ музея рѣдкостей—съ надписью „подмалевапный протопопъ Аввакумъ“ или „ископаемое 17-го вѣка въ модной оправѣ“. Въ самомъ дѣлѣ—послѣдніе два абзаца статьи по своей модной фразистости достойны помѣщенія въ самой „прогрессивной“ жидовской газетѣ. Авторъ несомнѣнно не соединяетъ съ модными фразами никакой опредѣленной мысли. Это модно тѣмъ болѣе. Но какъ вы только вспомните, что „вымораживаніе изъ народа, изъ вѣрующей души его духа жизни церковной, духа Христовой свободы, сознанія церковнаго, правды Божіей и всего того, что составляетъ самую сущность разумнаго вѣрующаго существа, какъ образа и подобія Божія“,—авторъ усматриваетъ въ томъ, что въ православной церкви не тѣ персты складываются для крестнаго знаменія и не столько поклоновъ

земныхъ кладется при чтеніи молитвы Еврема Сирина,—предъ вами встаетъ Аввакумъ во весь свой ростъ. Ужели же модничающее на фразахъ „Слово Правды“ настолько по существу убого и тупо, что идею „живого тѣла“ церковнаго, „духа церковной жизни, духа Христовой свободы, правды Божіей и самую сущность разумнаго вѣрующаго существа, какъ образа и подобія Божія“ полагаетъ въ перстахъ да поклонахъ?! Надо думать, что такъ. Не даромъ же болѣе другихъ свѣдущій въ писаніи Аввакумъ изъ-за перстовъ готовъ былъ, „что Илья пророкъ сперва Никона собаку разсѣчь на четверо, а потомъ и никоніанъ“... Вотъ какого „живого тѣла“, „духа Христовой свободы“ и „самой сущности разумнаго вѣрующаго существа, какъ образа и подобія Божія“ возжелала, видимо, прогрессивно-раскольничья газета!

Правда, нѣсколько ниже авторъ говоритъ, что „расколъ русской церкви произошелъ не изъ-за обрядовыхъ только реформъ, но изъ-за болѣе существенныхъ и глубокихъ причинъ, которыя и до настоящаго времени еще не уничтожены“.

Но помимо уже того, что это исторически невѣрно (расколъ произошелъ именно изъ-за обрядовыхъ исправленій другія причины къ церковному раздору раскольники стали подыскивать послѣ), куда авторъ дѣнетъ начальныя слова своей статьи, что „раздѣленіе русской церкви на двѣ части началось въ 1653 г.“, когда Никонъ издалъ „Память“, введившую два новшества: одно въ крестномъ знаменіи, другое въ великопостной молитвѣ св. Ефрема Сирина“, т. е. изъ за обрядовъ? „Солга неправда себѣ“. Въ полуграмотномъ „Словѣ Правды“ авторы, видимо, не стѣсняются противорѣчіями и самимъ себѣ, рассчитывая на довѣріе читателей. Въ таковомъ же расчетѣ, думаемъ, цитуемая передовица раскольничьей „Правды“ сообщаетъ и о томъ, что будто бы „епископъ Павелъ Коломенскій и протопопъ Аввакумъ, первые заявившіе протестъ противъ никоновской „Памяти“, были сожжены“.

Удивительно,—съ какою совѣстью люди могутъ утверждать «завѣдомую ложь»! Ужели автору и редакціи неизвѣстно, что Аввакумъ „сожженъ“ не за „протестъ противъ никоновской „Памяти“ (Никонъ задолго до того времени самъ уже былъ въ ссылкѣ), что послѣ этого протеста его прочли даже въ царскіе духовники и что казненъ онъ былъ „за оскорбленіе царскаго величества“ въ письмѣ къ сыну Алексѣя Михайловича царю Федору? Потомъ о епископѣ Павлѣ Коломенскомъ. Откуда авторъ взялъ, что онъ былъ первымъ, заявившимъ протестъ противъ никоновской „Памяти“ и что онъ былъ „сожженъ“? Источникъ этихъ свѣдѣній, должно быть, въ томъ, что у автора „совѣсть сожжена“. А больше имъ неоткуда взяться!

Насколько послѣ этого нужно имѣть автору наглости, чтобы, какъ то онъ дѣлаетъ, призывать православную церковь къ „раскаянію въ своихъ вѣковыхъ преступленіяхъ“, и въ „попраніи завѣтовъ Христовыхъ“, пусть судятъ читатели и поразмыслить самъ „подмалеванный Аввакумъ“.

Н. Гринякинъ.

Со скрижалей сердца.

У свѣжей могилы Константина Петровича Побѣдоносцева.

Первая въ этомъ году наши „Скрижали“ мы долгомъ совѣсти и признательнаго чувства обязываемся посвятить памяти того, кого будущій историкъ несомнѣнно назоветъ первенцемъ нашей современности, гордостью и красой нашего отечества. 10 марта въ Бозѣ опочилъ смертью праведника всѣмъ на Руси отъ грамотнаго простолюдина до сановника, отъ низшаго клирика до іерарха—извѣстный *Константинъ Петровичъ Побѣдоносцевъ*, бывшій въ теченіе 25 лѣтъ оберъ-прокуроромъ Св. Синода, просвѣщеннѣйшимъ наставникомъ трехъ цесаревичей, мудрымъ совѣтникомъ и твердою опорой трехъ императоровъ, просвѣщеннѣйшимъ въ Россіи человѣкомъ, который съ удивительною чуткостью и неутомимостью слѣдилъ за всѣмъ выдающимся въ наукѣ и литературѣ, не только въ Россіи, но и за границей.

Не было, кажется, въ просвѣщенномъ Западѣ и Америкѣ ученаго, богослова и философа, который бы не зналъ Побѣдоносцева и не считалъ бы своимъ долгомъ преподнести просвѣщенному русскому сановнику свои произведенія, а посѣщая Россію не представиться К. П. Побѣдоносцеву.

Одинъ просвѣщенный американецъ, объѣхавшій всю Сибирь и Россію, изумленный ея исполнскими размѣрами, безконечными непонятными иностранцу контрастами, самобытностью, писалъ, что изъ всего имъ видѣннаго на безконечномъ пространствѣ Россіи, которая не страна и государство, а цѣлый міръ,—ничто такъ глубоко не запечатлѣлось, такъ не поразило своею многогранностью таланта, глубиною и силою ума, опыта и знаній, какъ оберъ-прокуроръ Св. Синода К. П. Побѣдоносцевъ, бесѣда съ которымъ дала этому иностранцу ключъ къ пониманію

Россіи, во всѣхъ ея мудреныхъ загадкахъ и непостижимыхъ контрастахъ.

Обширная разносторонняя дѣятельность почившаго К. П. Побѣдоносцева нѣсколько послѣднихъ десятилѣтій наполняла не только церковную, но и государственную и культурную жизнь Россіи.

Если сравнивать К. П. Побѣдоносцева съ величайшими людьми Европы, то нашъ великій старецъ ближе всего можетъ съ честью стать и по талантливости, и по государственному уму, и по просвѣщенности, и наконецъ по религіозности политической и частной жизни, по чистотѣ и честности съ Гладстономъ.

Для нашего духовнаго сословія Константинъ Петровичъ особенно дорогъ, какъ его гордость и краса, ибо почившій великій церковно-государственный дѣятель былъ „плоть отъ плоти нашей“; онъ ввукъ достойнаго служителя алтаря, священника Московской губерніи, Звенигородскаго у., а потому духовное сословіе Константинъ Петровичъ близко зналъ и любилъ со всѣми его достоинствами и недостатками. Послѣ графа Сперанскаго, бывшаго рязанскаго поповича, не было другого среди множества даровитыхъ и высокопоставленныхъ сыновъ духовнаго сословія,— какъ почившій Константинъ Петровичъ.

Типиченъ и характеренъ былъ этотъ великій старецъ во всемъ, начиная съ вѣшняго своего облика: высокій, худощавый, осунувшійся и нѣсколько согбенный подъ бременемъ исполинскаго труда и лѣтъ, съ сосредоточеннымъ, всегда скромнымъ, спокойнымъ и безстрастнымъ выраженіемъ тихихъ глазъ и добраго лица, улыбка котораго дарила всегда величайшую пріятность.

Проведши около 40 лѣтъ близъ трона и двора, бывъ долгое время первымъ всесильнымъ государственнымъ человѣкомъ, личнымъ другомъ и самымъ довѣреннымъ совѣтникомъ у могущественнаго царя, Александра III, Константинъ Петровичъ никогда ни на минуту не изображалъ изъ себя ни царедворца, ни грознаго недоступнаго сановника—бюрократа. Онъ былъ урожденный, что называется, и воплощенный профессоръ самаго лучшаго типа, какой зваецъ высшая чистая наука.

Доступность его, простота, участливость, вниманіе, и отзывчивость, ко всѣмъ всегда одинаковая, была прямо „не отъ міра сего“. Особенно поражала и плѣняла въ К. П. его прямота характера и добросердечіе. Видя васъ, и говоря съ вами, онъ никогда не скрывалъ и не оставлялъ за пазухой „камушка“, а всегда говорилъ все открыто, прямо, начистоту.

Если вы его сослуживецъ, какого бы ранга вы ни были, и если у него что-либо имѣлось противъ или за васъ, что нужно вамъ знать, то всякій зналъ и былъ увѣренъ, что К. П. или скажетъ при свиданіи личномъ или сообщитъ записочкою (и непременно въ старомъ конвертѣ). Если ничего этого не слышите и не получаете отъ него, то, значить, живите и служите покойно, — вы чисты и правы и высокій начальникъ ничего противъ васъ не имѣетъ.

Органически не вынося ни похвалы себѣ, ни угодничества и лести, К. П. не любилъ и самъ хвалить ни людей, ни тѣмъ паче книгъ, но отсутствіе критики и указаній отрицательныхъ являлось лучшею похвалою изъ его устъ.

На ряду съ глубокою преданностью къ нему и почитаніемъ со стороны немногихъ близко соприкасавшихся съ почившимъ и знавшихъ Константина Петровича подлиннаго, настоящаго, имя его, какъ многихъ непонятыхъ современниками великихъ людей, — окружено было фанатическою ненавистью множества со-всѣмъ не знавшихъ этого великаго человѣка.

Причиной этого печальнаго недоразумѣнія общественной среды во многомъ зависитъ отъ того, что К. П. не любилъ себя вы-являть и рисовать въ подлинномъ своемъ свѣтѣ и видѣ и свою индивидуальность не выдвигалъ, а держалъ всегда и вездѣ на второмъ планѣ.

* *
*

Такъ, напр., въ писательствѣ, К. П. большинство своихъ произведеній, особенно въ первое время, выпускалъ въ ничтожномъ количествѣ и не для продажи, никогда не рекламировалъ ихъ.

Въ области государственной дѣятельности онъ никогда не выступалъ съ личной инициативой, а бралъ на себя болѣе сложную, отвѣтственную, но менѣе видную задачу — править издали потоками историческихъ событій.

Тоже и въ области церковной дѣятельности, — всѣ знали, что сила, начало и конецъ всему Конст. Петровичъ, а между тѣмъ на передовой, показной и парадной позиціи его никто не видѣлъ и мало кто зналъ лично.

Тоже самое и въ области науки, — онъ и самъ себѣ составилъ имя автора классическаго по достоинствамъ курса гражданскаго права чрезъ черновую детальную, сложную аналитическую работу надъ полнымъ сводомъ законовъ. Этотъ путь указывалъ и другимъ начинающимъ ученымъ.

Отличительною чертою К. П. былъ глубокой аналитическій

умъ,—онъ былъ во всемъ—и въ наукѣ, и въ дѣятельности—болѣе несравненный критикъ, чѣмъ творецъ, его мысль разлагаетъ, а не собираетъ.

Но въ то же время, когда ему давалось что для обработки разрозненное, онъ умѣлъ создать образцовое цѣлое изъ разрозненныхъ клочковъ.

Замѣчательный діалектикъ, объективный, безпристрастный, онъ былъ великій мастеръ отвлеченнаго мышленія.

По мѣткому сравненію одного критика сочиненій К. П. Побѣдоносцева, Б. Н. Никольскаго, посвятившаго въ 1894 г. цѣлый доклад *) въ Русск. Собраніи оцѣнкѣ личности и дѣятельности великаго русскаго человѣка, К. П. пользовался своею діалектикою такъ же, какъ въ нашихъ лѣсныхъ дебряхъ охотники выходятъ съ рогатиной на медвѣдя. Каждая мысль К. П. составляетъ надежное орудіе, направленное на какое-нибудь современное разрушительное ученіе,—онъ своею діалектикою владѣетъ, поражая врага, какъ смертоноснымъ заостреннымъ наконечникомъ, Его отдѣльныя мысли не были прицѣплены ни къ какой системѣ, ни къ какому идеалу. Какъ рогатину охотника, ихъ можно укрѣпить во всякихъ дебряхъ родной земли и затѣмъ спокойно слѣдить, какъ въ борьбѣ сама съ собой изнемогаетъ на этомъ остріѣ разрушительная мысль „въ борьбѣ съ нашимъ тысячелѣтнимъ культурнымъ прошлымъ“.

Паскаль, Достоевскій и Побѣдоносцевъ имѣютъ нѣкоторое родственное сходство въ томъ, что отрицаютъ, затравливаютъ, загоняютъ читателя въ крайнія бездны отчаянія.

Достоевскій—кошмарами психологическаго анализа, Паскаль—художественными образами грозящаго намъ небытія, Побѣдоносцевъ—неодолимою діалектикою безстрастнаго глубокаго ума.

* * *

Въ многогранномъ талантѣ почившаго К. П. нельзя не отмѣтить и еще одной крупной и, можно сказать, основной черты его характера и вообще склада его міровоззрѣнія,—это любовь и приверженность къ оконченной и устойчивой формѣ, касалась ли послѣдняя литературнаго стиля, или религіозныхъ обрядовъ или политическихъ идеаловъ и формъ жизни. Какъ высоко одаренный сынъ своего народа, который въ своей массѣ глубоко приверженъ въ обрядности и устойчивымъ формамъ и традиціямъ старины святой, почившій К. П. является въ этомъ отношеніи

*) Откуда мы и черпаемъ полною рукою налагаемая здѣсь въ этомъ нашемъ наброскѣ характерныя черты духовнаго облика незабвеннаго почившаго великаго русскаго человѣка.

однимъ изъ величайшихъ представителей этой народной духовной стихіи, которая одна творила исторію великой Россіи, которая оживотворила эти формы, своею созидательною любовью. Между тѣмъ какъ этой формой вездѣ пренебрегало и измѣняло ей наше русское интеллигентное и полунинтеллигентное общество, составляя полубразованное средостѣіе между народомъ и его гѣніями.

Но приснопамятный, великій сынъ своей отчизны, въ своей приверженности къ историческимъ формамъ, къ самобытной старинѣ, отнюдь не былъ ни бездушнымъ буквоѣдомъ, ни тупымъ формалистомъ. Онъ любовно дорожилъ формою, ибо въ томъ, что мы искренно, глубоко и сильно любимъ, мы не желаемъ никакихъ перемѣнъ, и наоборотъ нельзя беззавѣтно любить то, что мы стремимся измѣнять.

Какъ объективный историкъ съ безстрастіемъ лѣтописца, подобно Пушкинскому Пимену, К. П. Побѣдоносцевъ любовно рисуетъ всѣ формы нашей государственной старины, не скрывая и отрицательныхъ и не боится этихъ послѣднихъ явленій именно въ силу все той-же любви, которая страха не имать, все переносить, всему вѣру емлетъ. Нѣтъ, почившій не былъ, въ томъ пошломъ обычномъ смыслѣ, въ какомъ это понимали и обвиняли К. П. тупые умы, ни формопоклонникомъ, ни буквоѣдомъ; онъ, какъ никто, удивительно тонко понималъ и чувствовалъ мистическія основы и духа и жизни необъемлемая, неисчерпаемая никакою формою.

Эта черта характера особенно явственно вырисовывается въ произведеніяхъ К. П. и особенно въ кн. „Праздники Господни“ и въ „Московскомъ Сборникѣ“. Послѣдній по своему духу и характеру примыкаетъ къ такимъ произведеніямъ коллективнаго народнаго гѣнія, какъ древнерусскіе изборники—Измарагды, Златоусты, Пчелы.

Эту его книгу такъ хотѣлось-бы видѣть напечатанной церковно-славянскимъ шрифтомъ на страницахъ бумаги крупнаго формата.

Если-бы Петръ Великій случайно прочелъ „Московскій Сборникъ“, то въ немъ ничто не поразило-бы новизною, тогда какъ каждая мелочь нашей общественной жизни показалась бы ему чѣмъ-то зѣло удивительнымъ и новымъ.

Нѣтъ, онъ не формопоклонникъ, не буквоѣръ.

Онъ прекрасно понимаетъ и чувствуетъ мистическія основы, необъемлемая и неисчерпаемая никакою формою. Но зато, когда дѣло переходитъ къ области мыслей формальныхъ, то онъ даетъ полный ходъ своей гнѣвной диалектикѣ, неотразимо доказывая, что современные политическіе обновленцы старыхъ, исторически сложившихся формъ своими разрушительными усиліями лишаютъ людей прочныхъ основъ и выводятъ ихъ въ пустыню, гдѣ тысяча дорогъ на выборъ и ни одной достойной.

* * *

Въ связи съ этой любовью къ формѣ стоитъ и такъ называемый консерватизмъ К. П. Побѣдоносцева, котораго упрекають въ пессимизмъ, посредствомъ очень искуснаго софистическаго приѣма: „кто любитъ форму—не хочетъ переменъ, кто не хочетъ переменъ—считаетъ ихъ хуже того, что есть; кто считаетъ, что нѣтъ переменъ, кромѣ переменъ къ худшему, конечно пессимистъ, слѣдовательно пессимизмъ и консерватизмъ неразрывно связаны и Побѣдоносцевъ пессимистъ“. Этотъ софизмъ держится весь тѣмъ, что въ немъ умалчивается о главномъ—любви, которая неразрывно связана съ жалостью и всегда бережетъ то, на что направлена. Тысячелѣтнія культурныя формы не можетъ любовь пожертвовать безъ жалости и безъ боли даже тамъ, гдѣ согласна идти на измѣненіе.

Враги Побѣдоносцева могутъ не видѣть одухотворяющей всего мысль и дѣятельность любви, но кто понялъ эту разгадку, тому легко обобщить въ одинъ образъ и положительную и отрицательную стороны великой дѣятельности Побѣдоносцева.

* * *

Бываютъ эпохи народныхъ бѣдствій, смуть, колебаній и шатаній. Единство взглядовъ теряется, умы отрываются отъ вѣковой почвы и бессильно, какъ падающіе листья, кружатся по волѣ ничтожнѣйшихъ повѣтрій. Въ такія эпохи необходимо не созидать, не предпринимать, не воздвигать крестовые походы и не будить дремлющія силы.

Въ такія эпохи безумны преобразованія, опасны нововведенія. Не въ пору весенняго разлива перескакивать плотину.

Въ такую пору важно устоять смущенному государству, важно „не потерпѣть какого-либо невознаградимаго ущерба“, нужно, чтобы какой-нибудь Атласъ принялъ на свои плечи всю тяжесть сводовъ разсыпающейся храмины и удержалъ ее, пока другіе укрѣпляютъ подпорки и спасаютъ сокровища, выводятъ наружу старыхъ, малыхъ и убогихъ. Тутъ нужна доходящая до самоотверженія до презрѣнія къ любви и ненависти народная любовь, къ этой древней храминѣ,—ко всѣмъ, хранящимся подъ ея сводами воспоминаваніямъ, и нуженъ для этой любви опытный руководитель зодчій, который указалъ-бы, гдѣ главная тяжесть, гдѣ самая сильная опора, куда направить рабочихъ, куда и какую поставить подпорку, кому и куда вести дѣтей, кому распорядиться съ матеріалами.

И если находятся одновременно двѣ такія силы—цѣлостъ поколебавшагося государственнаго зданія спасена.

Въ древнемъ Римѣ, въ годину народныхъ бѣдствій, войнъ и смуть собранный въ торжественное засѣданіе сенатъ по совершеніи ауспцій приостанавливалъ дѣйствіе всѣхъ властей, отмѣнялъ всѣ вольности народныя и словами „*caveant consules*“ (пусть консулы позаботятся, чтобы государство ни въ чемъ не понесло ущерба) предлагалъ консуламъ, приостанавливая всѣ начатія мѣры, всѣ задуманные законы, улучшенія и преобразованія, передать полноту государственной власти диктатору,

который желѣзными скобами своихъ велѣній, удержалъ-бы для новой цѣлости колеблющуюся громаду римской государственности.

И всѣ новшества приостанавливались и Римъ спасался.

Въ умственномъ складѣ характеризуемаго нами писателя мы встрѣчаемъ неподобный образъ прямолинейнаго, твердаго, цѣльнаго, уравновѣшеннаго и неспѣсиво величаваго русскаго мужества, трудолюбиваго, вѣрнаго родной старинѣ, полагающагося не на свои слова, а на опытъ и на незыблемомъ подножіи минувшихъ столѣтій спокойно пренебрегавшаго шумихой, суетой и тревогами неустойчивой современности.

Какъ государственный дѣятель, К. П. принадлежалъ къ числу тѣхъ прозорливыхъ и стойкихъ древне-классическихъ, какъ бы ни ужасна и ни опасна была окружающая дѣйствительность, они не спѣшаютъ, не колеблются, не отступаютъ.

Въ тишинѣ мирной государственной жизни такіе дѣятели не замѣтны и не слышны; нужны важныя событія, трудныя времена, чтобы обнаружить ихъ во весь ихъ ростъ.

Такъ невидимыя во время затишья подводныя скалы неизблемо выступаютъ изъ хаоса беспорядочно возмущающихся и пресмыкающихся во злѣ, сосредоточивая около себя всю ярость водъ и бури, и вновь скрываются подъ поверхностью моря, когда буря минуетъ.

Объ ихъ острые выступы разбиваются враждебныя громады, къ ихъ подножію бросаютъ якоря и свои суда и флоты окрестныхъ водъ.

Какъ ни безвѣстна, ни второстепенна или незамѣтна по первому взгляду ихъ роль, однако въ тяжкіе моменты такіе именно люди и собираютъ около себя исторію.

Эти люди дѣлаютъ вершины родной земли и такихъ людей, умѣющихъ сохранять то, что имъ довѣрено, такихъ Римъ выбиралъ себѣ въ диктаторы.

Римскій народъ, въ эпоху смуть и бѣдствій, поручалъ какому нибудь оторванному отъ сельскаго плуга Цинцинату „заботиться, чтобы государство не потерпѣло въ чемъ нибудь ущерба“. Таковъ былъ древній Катонъ,—первый прозаикъ и прокураторъ Рима, желѣзный блюститель совѣта и доблестей старины, неговорчивый противникъ легкомысленныхъ эллинскихъ новшествъ, ветеранъ пуническихъ войнъ и умѣлый сельскій хозяинъ, историкъ и политикъ, центръ сената и гроза вольномыслія, ненавистнаго всему прогрессивному Риму и неизмѣнно выбираемый народомъ на всѣ должности, на какія бы ни выступилъ кандидатомъ, наиболѣе ненавидимый дѣятель и самый безупречный изъ народа своей эпохи.

Таковыми людьми стоялъ Римъ, еще не помышляющій о всемірномъ могуществѣ, но уже непобѣдимый военными силами всего міра.

Не ими онъ росъ, не ими онъ жилъ, но ими держался, какъ костями живой организмъ. Отъ такихъ прибрежныхъ скалъ и разливалось когда-то всемірное Римское море.

Такимъ именно классическимъ гражданиномъ К. П. обнаружилъ себя, какъ совѣтникъ при началѣ царствованія Александра III и нынѣ царствующаго Государя. Но, къ сожалѣнію, старческихъ силъ не хватило на борьбу съ разразившимся освободительнымъ ураганомъ. Можетъ быть, и помѣрился бы старій, испытанный ветеранъ и государствовѣдъ съ легковѣсными освободителями, но интрига ловко выбила его изъ государственной колеи и К. П. заперся со своими думами, глубокими и скорбными, въ клѣтѣ сердца своего и тамъ, какъ прорицатель, прозрѣвалъ грядущія бѣды. „Будетъ великое кровопусканіе“, обычно повторялъ почившій. Но Господь сотворилъ милость Своему вѣрному рабу, не давъ зрѣть конца того кроваваго пожарища, какой долженъ очистить Русь святую отъ павшихся на ея лицѣ великихъ мерзостей.

Миръ праху почившаго великаго русскаго человѣка, а душѣ блаженное упокоеніе въ святыхъ обителяхъ Отца Небеснаго!

В. Скворцовъ.

К. П. Побѣдоносцевъ о парламентаризмѣ.

К. П. Побѣдоносцевъ былъ всецѣло русскій человѣкъ. И этого ему никогда не могли простить его интеллигентные враги. Когда послѣ „эпохи великихъ реформъ“ настала „эпоха мирнаго развитія“ въ царствованіе Александра III и когда, по словамъ покойнаго Н. Х. Бунге, правительство приняло на себя инициативу: 1) „удовлетворить народному чувству, по которому Россія должна принадлежать русскимъ; 2) упорядочить и укрѣпить внутренній строй управленія и 3) развить духовныя и матеріальныя силы народа“, то К. П. Побѣдоносцевъ несомнѣнно былъ вдохновителемъ и вѣрнымъ стражемъ этой національной политики. Онъ глубоко былъ убѣжденъ, что Россія должна жить и управляться на основаніи своихъ историческихъ народныхъ началъ, на основаніи своего народнаго міровоззрѣнія, народной вѣры. Государственная власть тогда только дѣйствуетъ плодотворно и на благо народа, когда она принимаетъ народное направленіе, а не впадаетъ въ раздвоеніе съ народнымъ міросозерцаніемъ. Гдѣ нарушается эта гармонія, тамъ власть подтачиваетъ сама себя. „Какъ бы ни была громаднa власть государственная, говоритъ онъ, она утверждается не на чемъ иномъ, какъ на единствѣ духовнаго самосознанія между народомъ и правительствомъ, на вѣрѣ народной: власть подкапывается съ той минуты, какъ начинается раздвоеніе этого, на вѣрѣ основаннаго сознанія“. Въ это раздвоеніе влекли Россію многія враждебныя силы, но онъ всегда старался возвратить ее къ ея народнымъ историческимъ принципамъ: самодержавію и русской народности. По этому своему національному русскому направленію и проникновенію въ народ-

ную душу и въ народное вѣрованіе К. П. напоминаетъ намъ великаго нашего писателя Ф. М. Достоевскаго: оба были всецѣло русскіе люди и оба были великіе аналитики своей эпохи.

Для обоихъ истинною было то, во что вѣровалъ и чѣмъ жилъ русскій народъ, созидая свое государство. Чуждыя начала и чуждое міросозерцаніе для обоихъ были ложью. Оба они подвергли эту ложь безошадному анализу и обнажили ея вопіющія противорѣчія, потому что оба обладали глубокимъ проникновеніемъ въ истину вещей и человѣческаго сердца. Въ „Московскомъ Сборникѣ“ и „Вопросахъ Жизни“ К. П. Побѣдоносцева мы видимъ проникновенный діагнозъ важнѣйшихъ болѣзней современной культуры, отъ которыхъ авторъ хотѣлъ предохранить свое отечество. Здѣсь подвергнуты безошадной критикѣ всѣ современныя ходячія воззрѣнія, къ сожалѣнію, столь неудержимо увлекшія наше общество и уже принесшія теперь свои плачевные результаты. Съ ясновидѣніемъ пророка предостерегалъ онъ насъ отъ современныхъ заблужденій и съ глубокою сердечною болью указывалъ на „великую ложь нашего времени“, которую, не смотря на его предостереженіе, мы теперь столь болѣзненно переживаемъ.

Теперь злону дня представляетъ для насъ та парламентарная система, которая надвигается и грозитъ совершенно сдвинуть наше отечество съ его исторической основы и произвести окончательное крушеніе. Въ „Московскомъ Сборникѣ“ К. П. даетъ намъ яркій „образъ этой великой современной политической лжи“. Вотъ маленькій отрывокъ объ этой злобѣ дня: „По теоріи парламентаризма, говоритъ онъ, должно господствовать разумное большинство; на практикѣ господствуютъ пять-шесть предводителей партій; они, смѣняясь, овладѣваютъ властью. По теоріи убѣжденіе утверждается ясными доводами во время парламентскихъ дебатовъ; на практикѣ оно не зависитъ нисколько отъ дебатовъ, но направляется волею предводителей и соображеніями личнаго интереса. По теоріи народныя представители имѣютъ въ виду единственно народное благо; на практикѣ они, подъ предлогомъ народнаго блага, и на счетъ его, имѣютъ въ виду преимущественно личное благо свое и друзей своихъ. По теоріи—они должны быть изъ лучшихъ излюбленныхъ гражданъ; на практикѣ—это наиболѣе честолюбивые и нахальные граждане. По теоріи—избиратель подаетъ голосъ за своего кандидата потому, что знаетъ его и довѣряетъ ему; на практикѣ—избиратель даетъ голосъ за человѣка, котораго по большей части совсѣмъ не знаетъ, но о которомъ натвержено ему рѣчами и криками заинтересованной партіи.

По теоріи—дѣлами въ парламентѣ управляютъ, двигаютъ опытный разумъ и безкорыстное чувство; на практикѣ—главныя движущія силы здѣсь рѣшительная воля, эгоизмъ и краснорѣчіе. Вотъ каково въ сущности это учрежденіе, выставленное цѣлью и вѣнцомъ государственнаго устройства. Больно и горько думать, что въ землѣ русской были и есть люди, мечтающіе о водвореніи этой лжи у насъ...

„Но уже и тамъ, гдѣ она издавна дѣйствуетъ, — ослабѣваетъ вѣра въ нее; еще славить ее либеральная интеллигенція, но народъ стонетъ подъ гнетомъ этой машины и распознаетъ въ ней скрытую ложь. Едва ли дождемся мы, — но дѣти наши и внуки несомнѣнно дождутся сверженія этого идола, которому современный разумъ продолжаетъ еще въ самообольщеніи поклоняться“. Таково было его убѣжденіе. И если мы теперь видимъ, что даже младшіе его современники поклоняются этому идолу, и если мы видимъ, что поклоненіе этому идолу покупается цѣною глубокихъ страданій родины и кровью невинныхъ людей, то значитъ ли это, что К. П. былъ не правъ? Зablужденіе не опровергаетъ истины, если даже оно совершенно искренно. Есть дорогіе обманы и любезныя сердцу иллюзіи. Будущее покажетъ, на пескѣ или на твердомъ фундаментѣ хотятъ построить зиждущіе градъ свой.

(„Колоколь“).

Надо поспѣшить.

Въ одной изъ московскихъ газетъ напечатано, что, въ церкви Симеона Столпника, на Поварской, состоялось заупокойное богослуженіе по К. П. Побѣдоносцевѣ. На этой улицѣ находилось родовое владѣніе покойнаго, проданное только нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ. Въ домѣ сохранились помѣщенія, въ которыхъ провелъ юность К. П. Оригинальна комната, гдѣ помѣщался К. П. Это сводчатое помѣщеніе со старинной широкой мебелью; въ углу — древній кіотъ съ полустертыми иконами. Комната до послѣдняго времени сохранила тотъ прежній видъ, который она имѣла во время пребыванія въ ней К. П. Побѣдоносцева.

Итакъ, домъ, гдѣ въ младенчествѣ и отрочествѣ „возростае и укрѣпляется духомъ“ вѣры и любви къ церкви и родинѣ только что скончавшійся великій русскій старецъ и знаменитый церковный дѣятель К. П. Побѣдоносцевъ, — только что проданъ. Какая жалость. Но въ немъ до послѣдняго времени сохраняла свой прежній видъ комнатка, гдѣ жилъ и воспитывался К. П. Какая трогательная забота о колыбели духа и свидѣтель дѣтскихъ думъ!

А теперь что съ этой комнаткой, которая должна быть «исторической» цѣнностью для грядущихъ память почившаго? Пока, можетъ быть, еще и не поздно, — надо поспѣшить и домъ и комнатку обратить въ „рукотворный памятникъ“ любви и почитанья со стороны тѣхъ, кто умѣетъ цѣнить то великое безспорное и непреходящее, что сдѣлано К. П. Побѣдоносцевымъ для церкви и народа, а это, конечно, церковная школа. Въ этомъ родовомъ домѣ должна быть образцовая школа имени К. П. Побѣдоносцева, а комнатку слѣдуетъ сохранить „въ неприкосновенности“.

III.

Періодическая печать о церковной реформѣ.

Идеаль высшаго церковнаго управленія: соборность. — Вопросъ о возстановленіи патріаршества. — Мнѣнія защитниковъ и противниковъ идеи патріаршества. — Типъ патріарха. — Сужденія печати объ оберъ-прокуратурѣ въ Св. Синодѣ.

Періодическая печать духовная и свѣтская, прогрессивная и консервативная, съ самаго начала возникновенія общаго вопроса о церковной реформѣ (съ половины марта минувшаго 1905 г.) посвятила множество статей выясненію идеаловъ высшаго управленія въ православной Русской церкви. На первыхъ же порахъ рѣчи о высшемъ церковномъ управленіи составляли, можно сказать, преимущественное содержаніе статей періодической печати по вопросу о церковной реформѣ. Положительно немислимая вещь въ журнальной статьѣ передать подробно и съ желаемою обстоятельностью все то, что высказано ею по этому предмету. По необходимости приходится остановить вниманіе далеко не на всѣхъ статьяхъ, трактующихъ о высшемъ церковномъ въ государствѣ нашемъ управленіи, да изъ этихъ статей чаще всего брать лишь главныя мысли или только темы ихъ, а иногда ограничиваться однимъ только указаніемъ на статьи, упоминаніемъ о нихъ. Но и при такомъ отношеніи къ дѣлу представляется возможнымъ предложить вниманію читателей не мало интереснаго, дѣльнаго и поучительнаго 1).

Говоря вообще, періодическая наша печать не имѣетъ двухъ идеаловъ относительно высшаго управленія русскою церковью. Онъ у нея одинъ и сущность его въ искони присущемъ церковной жизни началѣ соборности, состоящей, по словамъ, напримѣръ, московскаго митрополита Владиміра, „во взаимодействіи и живомъ общеніи всѣхъ членовъ церковнаго организма“. (Изъ его отзыва по вопросу о церковной реформѣ. См. „Церк. Вѣд.“, № 37 за с. г., стр. 2565). За удержаніе начала соборности въ высшемъ церковномъ управленіи, какъ и во всемъ вообще внутреннемъ строѣ церковнаго управленія, можно сказать,

1) Для читателей духовныхъ журналовъ интереснѣе узнать, какъ судить о предметѣ печать свѣтская. Поэтому въ настоящей статьѣ мы имѣемъ въ виду ознакомить читателей „Мисс. Обзор.“ съ сужденіями по вопросу печати, главнымъ образомъ, свѣтской и притомъ газетной, которая по обширности своего распространенія преимущественно овладѣваетъ вниманіемъ общества.

вся наша печать, всѣхъ лагерей. Дебатировались и дебатируются только вопросы о томъ: при соблюденіи начала соборности въ высшемъ церковномъ управленіи должно ли быть восстановлено патріаршество и если должно, то каковъ долженъ быть типъ патріарха, и затѣмъ, составлялъ и составляетъ ли пользу для развитія церковной жизни синодальный оберъ-прокуроръ, желательно ли оставленіе его должности при новомъ устройствѣ церковнаго управленія и съ какимъ объемомъ функцій.

Прежде нежели передавать сужденія періодической печати объ идеалахъ высшаго церковнаго управленія въ нашемъ отечествѣ, находимъ необходимымъ объяснить, что органы этой печати нельзя точно подраздѣлить на такіе, которые все время высказывались бы только за восстановленіе у насъ патріаршества и такіе, которые этому восстановленію значенія для упорядоченія и развитія церковной жизни не придаютъ и въ оберъ-прокуратурѣ при св. синодѣ какой-либо помѣхи для успѣховъ церковной жизни не видятъ, — напротивъ, даже считаютъ ее полезною въ этомъ отношеніи. Очень часто въ одномъ и томъ же органѣ, особенно по началу, помѣщались статьи за и противъ того или другого идеала высшаго церковнаго у насъ управленія. Придется отмѣтить и групповую, такъ сказать, непослѣдовательность газетъ въ сужденіяхъ объ этомъ идеалѣ, или полную переměну зрѣній на предметъ со стороны цѣлаго лагеря печати.

Передавая сужденія періодической печати объ идеалахъ высшаго управленія русскою церковью, постараемся сохранить объективность по отношенію къ этимъ сужденіямъ. Пусть каждый, вслушиваясь въ голоса печати, самостоятельно и непосредственно наблюдаетъ за развитіемъ въ ней идеи восстановленія патріаршества и за теченіемъ оппозиціонныхъ этой идеѣ мыслей.

Не имѣя никакой возможности охватить въ одной статьѣ матеріалъ во всей его полнотѣ, предлагаемъ вниманію читателей преимущественно то, что высказала по предмету печать въ первые мѣсяцы по возникновеніи вопроса о реформѣ. И за это время она успѣла высказать многое, заслуживающее, къ тому же, тѣмъ большаго вниманія, что тогда она, устанавливая отправныя точки зрѣнія на предметъ, особенно горячо и усердно его обсуждала ¹⁾.

Появившаяся въ № 11 „Церковнаго Вѣстника“ (отъ 17 марта

1) Тема настоящей статьи, не смотря на всю ея широту, составляетъ все-таки часть общаго вопроса о церковной реформѣ, сужденія по которому печати намъ уже переданы. По причинѣ такой тѣсной органической связи темъ намъ неизбежно придется повторить кое-что изъ того, что вошло въ первую нашу статью.

1905 г.) извѣстная „записка“ 32 столичныхъ священниковъ, требуя кореннаго преобразованія всего строя церковной жизни на началахъ соборности, высказала, между прочимъ, что соборность эта, корнями углубляясь въ самостоятельную, широко развитую жизнь приходовъ, вверху должна увѣнчиваться повременными соборами всей русской церкви, предсѣдательствуемыми архіепископомъ царствующаго града, который, ради соборной чести, долженъ носить наименованіе всероссійскаго патріарха.

Тѣ органы печати, которые привѣтствовали вѣсть о церковной реформѣ вообще, послѣшили привѣтствовать въ частности и идею возстановленія патріаршества. И вотъ, эта идея сразу же становится неистощимою темою періодической печати. Въ первыя же двѣ недѣли (т. е. по апрѣль мѣсяць) она буквально не сходила съ газетныхъ столбцовъ. Бывали дни, когда статьи о ней можно было встрѣтить въ 3, 4 и 5 газетахъ. Конечно, церковно-общественная мысль о возстановленіи у насъ патріаршества не могла долгое время оставаться въ такой необыкновенной степени напряженія даже и по однимъ только психологическимъ законамъ; тѣмъ не менѣе, съ большими или меньшими перерывами, мысль эта вопросомъ о возстановленіи патріаршества занималась и занимается вплоть до настоящаго времени (пишемъ это въ концѣ декабря 1906 года).

Какъ только поднятъ былъ „запискою“ 32 священниковъ вопросъ о возстановленіи на Руси патріаршества, услужливые репортеры не преминули сообщить и имя яко бы предрѣшеннаго патріарха. Нѣкоторыя газеты въ честь его воспѣли даже дифирамбы.

Перепечатавъ на другой день, т. е. 18 числа, „записку 32-хъ“, „Н. Вр.“ сопроводило ее лишь краткою сочувственною замѣткой; на слѣдующій же затѣмъ день газета эта помѣстила статью: „Чиновники въ духовномъ вѣдомствѣ“, въ которой старалась выяснить всемогущество оберъ-прокуратуры въ св. синодѣ, обезличивающее представителей въ немъ церкви, и отсюда необходимость, ради достоинства этихъ представителей, предоставленія имъ независимости и свободы въ сужденіяхъ и дѣйствіяхъ, имѣть во главѣ церкви лицо съ особымъ авторитетомъ по его положенію, т. е. патріарха. При этомъ газета призываетъ нисколько не бояться перспективы соперничества авторитета патріаршаго царскому. Такого соперничества, по убѣжденію ея, по нынѣшнимъ временамъ, быть не можетъ. Вотъ ея на этотъ счетъ разсужденія:

„Прежде всего повалимъ одно старое „пугало“, указывая на опасность котораго едва-ли оберъ-прокуроры и не получили свою исключительную власть. Это—угроза повтореніемъ исторіи Никона. Но ужъ если Никонъ, единственное въ нашей исторіи лицо по силѣ энергіи.

по страстности и властолюбію, не могъ удержаться противъ „тишайшаго“ Алексѣя Михайловича, притомъ до суевѣрности набожнаго,—то, значить, въ самыхъ элементахъ духовной іерархіи нисколько не содержится началъ, могущихъ сопротивляться громадѣ царскаго авторитета. Исторія Никона показываетъ обратное тому, что изъ нея выводять: невозможность, а при невозможности полную безопасность такого „соперничества“. Власти, особенно чрезмѣрной, духовенство уже никогда не получить. Просто — не та цивилизація, не тотъ фазисъ исторіи. Но мы всё и цѣлый русскій народъ хотѣли бы духовенству, во всякомъ случаѣ независимости, свободы и достоинства. Къ авторитету его не пустять, но и въ темницѣ незачѣмъ держать“.

Одинаковый съ „Новымъ Временемъ“ взглядъ на значеніе чиновниковъ въ высшемъ церковномъ управленіи высказалъ въ газетѣ „Русск. Трудъ“ (№ 9) епископъ новомиргородскій Димитрій. Этотъ представитель высшей іерархіи состояніе церкви „подъ владычествомъ чиновниковъ и бюрократовъ“ опредѣляетъ какъ глубоко „темничное“, и выходъ изъ этого состоянія, по его мнѣнію, безъ кореннаго измѣненія всего строя церковной жизни и сверху и снизу невозможенъ.— „Варш. Дневникъ“ православную церковь въ нынѣшнемъ ея положеніи называетъ „господствующею“ прислужницею чиновничества (№ 86 отъ 27 марта). Противъ насилія бюрократизма въ церкви, противъ оберъ-прокуратуры въ св. синодѣ въ сильныхъ выраженіяхъ высказался г. Симбирскій въ № 76 газеты „Русь“ (отъ 25 марта), при чемъ высказался онъ не отъ себя, а отъ лица, бесѣдовавшаго съ нимъ одного изъ представителей высшаго духовенства.

— „Чиновникъ,—говорило это лицо, задавилъ русскую церковь... Одинъ человекъ могъ съ гордостью говорить, можетъ быть, не одинъ десятокъ лѣтъ: Русская церковь—это я. И мы, сонмъ русскаго православнаго духовенства, духовные отцы русскаго народа, на дѣлѣ должны были покорно склонять головы предъ волей одного чиновника и говорить: „да, русская православная церковь—это онъ...“

Въ той же газетѣ „Русь“ (№ 78) публицистъ Демчинскій высказалъ свое убѣжденіе, что для освобожденія церкви отъ „плѣненія чиновничьяго“, необходимъ соборный строй церковнаго управленія и въ частности патріархъ.—„Бирж. Вѣд.“ (въ № 8,735, отъ 23 марта) заявили, что „съ извѣщеніемъ о патріаршествѣ онѣ соединяють мечту о прекращеніи безмолвія клира въ дѣлѣ избранія епископа, безмолвія народа, мечту объ обновленіи высшей духовной власти. Въ № 74 (отъ 23 марта) газета „Русь“, выразивъ сочувствіе идеѣ возстановленія у насъ патріаршества, высказалась лишь противъ избранія его одними епископами, т. е. представителями чернаго духовенства, съ устраненіемъ духовенства бѣлаго (см. № 74 отъ 23 марта).

Замѣтимъ здѣсь же, что по вопросу о способѣ избранія патриарха въ печати какъ свѣтской, такъ и духовной, помѣщено было много статей и въ большинствѣ изъ нихъ говорится о необходимости участія въ избраніи патриарха не только блага духовенства, но и мірянъ. Не имѣя возможности, за недостаткомъ мѣста, особо привести сужденія печати по вопросу о порядкѣ избранія патриарха, мы при случаѣ, такъ сказать, попутно передадимъ нѣкоторыя изъ этихъ сужденій.

Г. Шараповъ въ своемъ „Русскомъ Дѣлѣ“ (№№ 4—9), какъ гражданскій мыслитель, цѣни въ церкви, главнымъ образомъ, ея организационную силу для „русской народной жизни“, высказываетъ убѣжденіе, что если бы была восстановлена у насъ старо-русская автономная церковь, начиная съ нормальнаго прихода и кончая верховнымъ соборомъ, съ патриархомъ во главѣ, то такая церковь „сразу же измѣнила бы настоящія шатанія и смуту“ въ государствѣ. Возстановленіе патриаршества, по мнѣнію г. Шарапова, должно начаться у насъ немедленно. „Раньше всякаго земскаго собора или иного созыва какихъ бы то ни было представителей, говорилъ онъ (въ мартѣ 1905 г.), долженъ быть собранъ въ Москвѣ помѣстный „соборъ іерарховъ русской церкви“, чтобы возстановить ея древнее автономное устройство и избрать патриарха, главу автокефальной русской церкви. Это дѣло Государя, дѣло одного Его слова, одного почерка пера. Остальное сдѣлаетъ сама церковь“. Въ томъ же „Русск. Дѣлѣ“ (№ 7) мелькнула даже мысль объ учрежденіи трехъ патриаршихъ престоловъ—въ Кіевѣ, Москвѣ и Петербургѣ.

Въ № 75 (отъ 24 марта) газеты „Русь“ Н. Симбирскій выясняетъ необходимость возстановленія у насъ патриаршества съ особой стороны, со стороны параллельнаго разсмотрѣнія правового положенія православія и старообрядчества въ Россіи. Положеніе послѣдняго въ настоящее время въ этомъ отношеніи стало почти вполнѣ автономнымъ.

„Въ силу этого,—говоритъ г. Симбирскій,—можно предположить даже и ту опасность, что старообрядчество, и безъ того пользующееся симпатіями простого народа, прибрѣтетъ громадное, подавляющее количество приверженцевъ среди народа. И въ результатѣ церковь старообрядческая можетъ стать церковью „народной“, православная же останется лишь церковью „правительственной“. Чтобы устранить эту опасность, необходимо вернуть православной, господствующей въ Имперіи церкви ея старыя начала, разрушенныя желѣзной десницей Петра Великаго“.

Серьезная мысль г. Симбирскаго о необходимости возстановленія патриаршества въ цѣляхъ уравниенія правового положенія православной церкви съ старообрядчествомъ, намѣревающимся, будто бы, учредить у себя патриаршество, высказывалась и духовною печатью. По мнѣнію, напримѣръ, г. Скворцова въ „Мисс. Обзор.“ (№ 5 за 1905 г.), „старо-

обрядческій патріархъ въ народномъ представленіи затмѣитъ своимъ авторитетомъ нашъ,—доселѣ непонятный и чуждый народному сознанію,—св. синодъ, отождествляемый съ сенатомъ, что создастъ расколу еще болѣе удобную почву для борьбы съ православіемъ“.

Заслуживаетъ быть особо отмѣченною статья „Нов. Вр.“ отъ 25 марта (№№ 10,436): „Къ преобразованію духовнаго вѣдомства“. Статья эта, привѣтствуя стремленіе духовенства къ свободѣ, въ то же время ставитъ и маякъ для всего дѣла церковной реформы, настойчиво рекомендуя духовенству не упускать этого маяка изъ виду при своемъ стремленіи къ свободѣ.

„Какъ свѣтское общество, такъ и свѣтская печать,—говорится въ статьѣ,—можетъ отнести только съ радостью къ возвращенію духовенству нашему независимости положенія, свободы голоса и развязности силъ. За весь XIX вѣкъ не было двухъ мнѣній касательно крайней неудачи церковныхъ преобразованій Петра Великаго 1), которыя сломили послѣдній еще оставшійся независимымъ (такъ ли?) голосъ въ странѣ около всемогущей и въ сущности сдѣлавшейся совершенно безконтрольною и „непогрѣшимой“ бюрократіи. Духовенство должно напрячь всѣ свои силы, чтобы до конца довести дѣло церковной реформы и въ особенности, чтобы Россія сразу же увидѣла, что эта реформа служитъ „ей всей“, т. е. всей Россіи, а не клонится къ выгодамъ „одного духовнаго сословія“. Поползновенія къ духовной аристократичности сразу же встрѣтили бы себѣ самый жестокій отпоръ...“

„Все—для народа, требуетъ газета, ничего—для сословія, все—для церкви, ничего или очень немного—для іерархіи... Какъ можно дальше отъ сходства съ Никономъ—вотъ маякъ всего дѣла; подальше даже и отъ подражанія Филарету московскому...“ Таковъ маякъ, который либералы изъ лагеря защищающихъ каноны церкви поставили для дѣла преобразованія духовнаго вѣдомства еще въ самомъ началѣ толковъ объ этомъ преобразованіи. Въ противномъ случаѣ, грозятъ они, вся Русь повернется фронтомъ противъ возстановленія патріаршаго сана и, кто знаетъ, можетъ быть вторично и уже навсегда рушить его.

1) Говоритъ это такъ рѣшительно, однако, едва ли можно. Иные не только люди науки, но и публицисты въ ежедневныхъ органахъ печати высказываются на счетъ этихъ преобразованій въ иномъ смыслѣ. Такъ, напр., почти одновременно съ „Нов. Вр.“ въ газетѣ „Кіевское Слово“ (№№ 6, 194 отъ 29 марта) было напечатано: „Только благодаря освобожденію церкви отъ единовластія патріарховъ оказались возможными тѣ улучшенія, благодаря коимъ церковь XVIII и XIX вв. даже съ внѣшней стороны такъ рѣзко отличается отъ предшествовавшаго темнаго времени, создавшаго расколъ и религіозное буквоѣдство“.

1907.

Апрѣль.

XII.

МИССИОНЕРСКОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

ЖУРНАЛЬ ВНУТРЕННЕЙ МИССИИ.

№ 4

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типо-литографія Т-ва «СВѢТЪ» Невскій, 136.
1907.

Редакція „Миссіонерск. Обозр.“
Невскій, 153. Телеф. № 222—26.

Содержаніе апрѣльской книжки

ЖУРНАЛА „Миссіонерское Обозрѣніе“ за 1907 годъ.

Религіозно-философское міросозерцаніе К. П. Побѣдоносцева. Свящ. <i>Н. Антоновъ</i>	449—508
Одностороннее понятіе о вѣротерпимости. Д. <i>Граціанскій</i>	509—512
Проектъ программы нравственнаго богословія. Свящ. <i>Никифоръ Дашкевичъ</i>	513—521
Выборъ предмета для миссіонерскихъ собесѣдованій. Миссіонеръ свящ. <i>С. Потъхинъ</i>	522—536
Новая программа по исторіи и обличенію русскаго раскола. <i>С. И. Ц.</i>	537—546
По слѣдамъ раскольничьихъ дѣятелъ. Расколъ начинаеться жидовѣть. <i>Н. Гримякинъ</i>	547—559
Годось пастырь по вопросу о томъ, есть ли нужда въ спеціальныхъ миссіонерахъ. Священникъ <i>Лавровъ</i>	560—566
Религіозный бытъ, преданія и пѣсни хлыстовъ Казанской губерніи. <i>Ал. Урбанскій</i>	567—583
Религіозная бесѣда либерально-вѣрующаго съ искренно-вѣрующимъ. О правахъ церковнаго учительства. Діаконъ <i>І. Смолинъ</i>	584—588
Лѣтопись періодической печати и новыя книги. Неправда „Правды Православія“ и „Глагола Временъ“ объ особомъ единовѣрческомъ епископѣ и—австрійцинѣ. Свящ. <i>П. Злотниковъ</i>	589—601
Городъ безъ храма. <i>Н. Мазуренко</i>	601—604
Протоіерей <i>Іуст. Ольшевскій</i> . „Мѣсто идже лежа Господь“ (Изъ палестинскихъ бесѣдъ въ Полтавскомъ Кафедральномъ Соборѣ). <i>І. С.</i>	604
<i>Павелъ Аникіевъ</i> . Мистика преп. Симеона новаго богослова	605
<i>П. В. Безобразовъ</i> . Преступленіе противъ демократизма.	606—607
Миссіонерство, старообрядчество и секты. Застой миссіонерскаго дѣланія въ центрѣ Россіи и возрождающійся интересъ къ миссіи въ далекой Сибири.—Колоссальный успѣхъ бесѣдъ.—Причина начавшагося религіознаго разброда. Современное состояніе пропаганды религіозныхъ лжеученій въ Россіи. Церковь и школы.	608—631
Вѣстникъ Миссіонерскаго Обозрѣнія. Министерскій законопроектъ о порядкѣ сооруженія, устройства и починки богослужебныхъ и молитвенныхъ зданій.—Возобновленіе пастырскихъ собраній въ г. Тифлисѣ. <i>П. Городисевъ</i> —О средствахъ борьбы противъ раскола.—Епархіальный съѣздъ пермско-тобольской старобрядческой бѣлокриницкой митрополіи.	632—647
Отлики. Иисусъ Христосъ и социальный вопросъ. <i>С. Попеско</i>	648—656
Въ преддверіи всероссійскаго церковнаго собора. <i>И. Преображенскій</i>	31—48

Издательница *Ю. А. Скворцова*.

Редакторъ *В. М. Скворцовъ*.

Религіозно-філософское міросозерцаніе К. П. Побѣдоносцева.

I.

Въ лицѣ скончавшагося 10-го марта К. П. Побѣдоносцева, въ теченіе 25 лѣтъ бывшаго оберъ-прокуроромъ св. Синода, сошелъ съ исторической арены такой дѣятель, о которомъ долго и страстно можно разсуждать, и спорить,—кто и что въ немъ болѣе потеряло—Церковь или Государство и гдѣ онъ оставилъ болѣе замѣтный слѣдъ: въ политической жизни или въ церковно-религіозномъ укладѣ страны? Правда, мнѣнія по существу—по вопросу о томъ, насколько практически полезенъ былъ этотъ слѣдъ, разошлись по его смерти еще болѣе, чѣмъ расходились при его жизни; одни считаютъ плодотворными всѣ его дѣла, другіе вредными, одни благословляютъ его память, другіе глумятся и проклинаятъ, но все таки съ формальной стороны и тѣ и другіе сходятся и объединяются въ положеніи, что личность К. П. и ея историческое значеніе сложились изъ двухъ стихій, изъ двухъ сторонъ государственной и религіозной.

Первая стихія—государственная—будетъ разгадана и оцѣнена по достоинству не нашимъ поколѣніемъ: польза и вредъ «самодержавія», идею котораго защищалъ Побѣдоносцевъ, будутъ разгаданы только тогда, когда наше государство и общество окончательно познакомятся съ прелестями парламентаризма. Вторая же стихія его личности—церковно-религіозная—можетъ теперь же подлежать оцѣнкѣ. И какъ жаль, что только могила заставитъ литературу и общество погрузиться въ изученіе его религіознаго міросозерцанія. Въ этомъ отношеніи К. П. постигла участь другихъ свѣтскихъ русскихъ мыслителей, съ идеями которыхъ общество стало знакомиться только послѣ ихъ смерти (напр. Вл. Соловьева, Хомякова). Какъ писатель, какъ рели-

гіозный мыслитель, К. П. Побѣдоносцевъ выходитъ изъ ряда тѣхъ «сановитыхъ» «звѣздоносцевъ», о душѣ и настроеніяхъ которыхъ простые смертные могутъ знать только по наслышкѣ, и становится въ рядъ свѣтильниковъ религіозной мысли, свѣтильниковъ правды изъ русской интеллигенціи, которые всю свою внутреннюю жизнь, вздохи и муки передали на судъ общества, вызывая здѣсь отзвукъ, создавая настроеніе и даже «религіозную школу». Разнохарактерна и неравноцѣнна эта галерея религіозныхъ мыслителей. Вотъ уже умершіе, но полные еще жизни — Хомяковъ, Кирѣевскій, Чичеринъ, Вл. Соловьевъ, кн. С. Трубецкой, Гиляровъ-Платоновъ, Козловъ, Достоевскій... Вотъ наши современники — Аксаковъ, Аф. В. Васильевъ, Ив. А. Карышевъ, А. А. Кирѣевъ, Н. Н. Неплюевъ, А. А. Папковъ, С. Ф. Шараповъ и др.

Всѣмъ знакомы имена! Большинство изъ нихъ считаются оригинальными, самобытными творческими умами. Какъ бы мы ни смотрѣли на ихъ религіозныя убѣжденія, соглашались или не соглашались съ ними, но уже одно то обстоятельство, что они обсуждаютъ безсмертные вопросы вѣры и Церкви, что религіозная струя есть достояніе не только ихъ внутренняго міра, но бурно прорывается наружу, это одно должно говорить о томъ, что свѣтъ вѣры и источники религіи еще не изсякли въ русской народной жизни, и что Церковь и духовенство дѣлаютъ свое дѣло.

Какое же мѣсто займетъ въ этой галереѣ бывшихъ и нынѣшнихъ мыслителей К. П. Побѣдоносцевъ, — такой вопросъ необходимо выяснитъ въ видахъ всесторонняго освѣщенія его міросозерцанія, но дать на него отвѣтъ можно, только познакомившись съ положительными взглядами скончавшагося мыслителя, которые мы устанавливаемъ на основаніи его слѣдующихъ сочиненій: «Московский Сборникъ», «Основная конституція человѣческаго рода» Ле-Пле, «Исторія дѣтской души», «О подражаніи Христу» Фомы Кемпійскаго, «Побѣда, побѣдившая міръ», «Праздники Господни», «Новая школа», «Христіанскія начала семейной жизни» Тирша, «Всеобщая подача голосовъ, значеніе ея и послѣдствія» Г. Пренса, «Ученые и учитель», «Вопросы жизни», «Вѣчная память».

Всѣ сочиненія К. П. Побѣдоносцева можно раздѣлить на двѣ группы — оригинальныя и переводныя, но между тѣми и другими есть

полная внутренняя связь и взаимоотношеніе: одни дополняются и поясняются другими. Даже по стилю переводныя сочиненія подходят къ оригинальнымъ. Очевидно К. П. Побѣдоносцевъ только въ силу конгеніальности съ тѣмъ или другимъ авторомъ давалъ его сочиненію свое имя, какъ переводчика. Такимъ образомъ и переводныя его сочиненія могутъ служить источникомъ для выясненія его религіознаго міросозерцанія.

Всякій, кто знакомъ съ сочиненіями К. П. П., или кто познакомится съ ними, пойметъ, что имѣетъ дѣло дѣйствительно не съ случайнымъ публицистомъ-популяризаторомъ, а съ оригинальнымъ философомъ-мыслителемъ. О философскомъ складѣ ума К. П. П. свидѣтельствуеетъ прежде всего стиль его сочиненій, правда, краткій, ясный, точный, но, во всякомъ случаѣ, полный «понятій», а не представленій, какъ это замѣтно у другихъ публицистовъ, и афористичный, а потому трудный для усвоенія. Если не каждый періодъ, то каждая страница его сочиненій является результатомъ долгаго обдумыванія и изученія источниковъ, а потому, чтобы понять эти страницы, надо имѣть представленіе о скрытыхъ предпосылкахъ, словно скрытыхъ ходахъ, послѣ которыхъ авторъ ведетъ уже по ясной и гладкой дорогѣ.

Что въ лицѣ скончавшагося К. П. П. мы потеряли оригинальнаго философа-мыслителя, говоритъ еще то обстоятельство, что въ его книгахъ находятся отвѣты на всѣ тѣ пункты, которые обычно можно встрѣтить почти у каждаго религіознаго философа, и въ томъ числѣ у перечисленныхъ ранѣе нами религіозныхъ мыслителей, напр. вопросъ о цѣли и смыслѣ жизни, о происхожденіи міра, о злѣ, о существѣ религіи, о свободѣ совѣсти, о Церкви и Государствѣ, объ условіяхъ культурнаго прогресса.

Познакомиться съ отвѣтами К. П. П. на эти вопросы, это значитъ не только выяснить міросозерцаніе автора, но и подготовить почву для сравненія его съ другими религіозными мыслителями.

II.

Начнемъ съ перваго изъ этихъ вопросовъ—съ вопроса о *цѣли жизни*, частью потому, что самъ по себѣ это самый роковой и жизненный вопросъ изъ категорій такъ называемыхъ философскихъ «про-

клятыхъ» вопросовъ, частью потому, что нигдѣ такъ ярко не выразился складъ мышленія К. П. Побѣдоносцева, какъ въ этомъ именно пунктѣ.

Въ то время, какъ другіе религіозные писатели даютъ отвѣты на эти вопросы послѣ предварительныхъ разсужденій то историческаго, то метафизическаго или даже естественно-научнаго характера, К. П. рѣшаетъ его простымъ констатированіемъ факта жизни — „бытія“. Человѣкъ существуетъ, слѣдовательно жизнь представляетъ положительную реальную цѣнность. Жизнь — благо сама по себѣ и въ самой себѣ заключаетъ источникъ и свое содержаніе. Жизнь не наука и не философія, она живетъ сама по себѣ живымъ организмомъ. Ни наука, ни философія не господствуютъ надъ жизнью, какъ нѣчто внѣшнее, онѣ черпаютъ свое содержаніе изъ жизни, собирая, разлагая и обобщая явленія жизни, но странно было бы думать, что онѣ могутъ обнять жизнь со всѣмъ ея безконечнымъ разнообразіемъ, дать ей содержаніе, создать для нея новую конструкцію. Въ примѣненіи къ жизни, всякое положеніе науки и философіи имѣетъ значеніе «вѣроятнаго» предположенія, гипотеза, которую необходимо всякій разъ провѣрять здравымъ смысломъ и искуснымъ разумомъ, по тѣмъ явленіямъ и фактамъ, къ которымъ требуется приложить ее, иное примѣненіе общаго начала было бы насиліемъ и ложью въ жизни ¹⁾).

Жизнь, составляя сцѣпленіе событій, связанныхъ между собою логическою связью причины и дѣйствія, въ тоже время есть таинство души ²⁾).

Здравый смыслъ, пластика жизни, наблюденіе надъ фактами жизни, — вотъ его критерій для провѣрки тѣхъ или другихъ научно-жизненныхъ міросозерцаній, и дѣйствительно, мы видимъ, что этотъ принципъ искусно и съ успѣхомъ примѣняется всюду нашимъ мыслителемъ. Говоритъ ли онъ о несостоятельности матеріалистическаго міросозерцанія, о необходимости религіозно-нравственнаго воспитанія въ семьѣ и школѣ, о неотдѣлимости государства отъ церкви, о необходимости твердой власти для общественнаго благосостоянія, о невозможности свободы совѣсти, онъ доказываетъ свои мысли „жизненностью“ этихъ явленій.

1) Москов. Сбор. М. 1896 г. 102 стр. Ср. 111 стр.

2) Вѣчная пам. М. 1899. 105 стр.

Въ другомъ мѣстѣ К. П. П. вдохновеннымъ мистическимъ взглядомъ окружаетъ цѣнность жизни, говоря о многочисленныхъ фактахъ самоубійствъ. „Когда у насъ бывало что-либо подобное, когда цѣнилась такъ дешево душа человѣческая, и когда бывало такое общественное равнодушіе къ судьбѣ живой души, по образу Божію созданной, кровію Христовой искупленной?“¹⁾

Такъ какъ психозъ самоубійствъ представляетъ отрицательную инстанцію въ раздѣляемой нашимъ писателемъ теоріи самоцѣнности жизни, опытно и фактически отрицающей прелесть и смыслъ существованія, то очевидно въ виду этого, К. П. П. останавливается на немъ подробнѣе, входя въ разсмотрѣніе причинъ самоубійствъ. Онъ ставитъ вопросъ, отчего происходитъ это явленіе, и даетъ, между прочимъ, такой отвѣтъ: „Оттого, что жизнь наша стала до невѣроятности уродлива, безумна и жива; оттого, что исчезъ всякій порядокъ, пропала всякая послѣдовательность въ нашемъ развитіи; оттого, что разслабла посреди насъ *всякая дисциплина мысли* ²⁾, чувства и нравственности.

Простыя потребности духовной и тѣлесной природы уступили мѣсто множеству искусственныхъ потребностей, и простыя ощущенія замѣнились сложными, искусственными, обольщающими и раздражающими душу ³⁾“.

Но въ чемъ состоитъ цѣль жизни? Какія условія благосостоянія и счастья, по ученію К. П. Побѣдоносцева?

III.

Исторія человѣческой мысли представляетъ удивительно разнообразныя отвѣты на этотъ вопросъ... Различіе мнѣній признается и нашимъ мыслителемъ, но онъ не входитъ въ разсмотрѣніе этихъ мнѣній, представляя свой положительный отвѣтъ.

Опредѣленіе счастья и его условій К. П. Побѣдоносцевъ выводитъ опять, не мудрствуя лукаво, не вдаваясь въ метафизическія представленія, эмпирическимъ путемъ констатированія природы человѣка, характеризуя его, какъ «удовлетвореніе потребностямъ природы», и

1) Моск. Сбор. 96 стр.

2) Курсивъ нашъ.

3) „Москов. Сбор. 96—97 стр.

именно двумъ существеннымъ потребностямъ — хлѣба насущнаго и нравственнаго закона.

«Прежде всего представляется самая необходимая потребность — хлѣбъ насущный, т. е. совокупность насущныхъ средствъ къ жизни».

Но „одного“ изобилія въ насущномъ хлѣбѣ недостаточно человѣческому обществу для благоденствія... Общество погибаетъ равнымъ образомъ и отъ недостатка въ насущномъ хлѣбѣ, и отъ нарушенія закона нравственнаго ¹⁾. Обѣ эти существенныя потребности въ одинаковой степени важны. Общества начинаютъ страдать, какъ скоро они не находятъ удовлетворенія какъ той, такъ и другой потребности. Нѣкоторые народы не умѣютъ согласить удивительныя новѣйшія изобрѣтенія съ преданіемъ нравственнаго закона ²⁾.

Эпоха 60 — 70-хъ годовъ, безмолвнымъ свидѣтелемъ которой былъ К. П. П., представляла и заманчивую, но оказавшуюся печальною картину стремленія общественныхъ и правительственныхъ группъ къ удовлетворенію первой потребности при забвеніи второй. Не въ это ли время, знаменитое и памятное не только своими общественными реформами, но и своими яркими и бурными матеріалистическими теченіями въ философіи и наукѣ, сложились и окрѣпли въ сознаніи К. П. впечатлѣнія, давшія основанія для слѣдующей характеристики такого односторонняго развитія одной потребности человѣка въ ущербъ другой. «Духъ этого вѣка развиваетъ до болѣзненныхъ и преемственныхъ контрастовъ интеллектуальныя неравенства, создаваемая въ зародышѣ самую природу; умножая профессіи, доставляющія наиболѣе развитымъ богатство и преобладающее значеніе въ обществѣ, онъ вмѣстѣ съ тѣмъ развиваетъ въ нихъ гордость, даже пороки и заблужденія. Подъ такимъ вліяніемъ счастливы забываютъ или нарушаютъ нравственный законъ, повелѣвающій имъ способствовать по мѣрѣ силъ и возможности благоденствію лицъ, менѣе щедро одаренныхъ природой» ³⁾. «Существенною причиною, порождающею бѣдствія, служитъ забвеніе основныхъ началъ общественнаго строя, т. е. нарушеніе закона десяти заповѣдей, вызванное злоупотребленіемъ благъ, порожденныхъ и умноженныхъ развитіемъ новыхъ силъ

1) Основ. Конст. чел. рода М., 1897 г. 27 стр.

2) Тамъ же стр. 68—69.

3) Тамъ же стр. 71.

и порядковъ. Богатые развратились, предавшись чувственности; ученые, вмѣсто того, чтобы въ изученіи физическаго міра почерпать новыя побужденія въ покорности верховному закону, поддались гордости и возмущились противъ Бога; наконецъ сильные, ослѣпленные духомъ самовластиа, употребили власть свою на притѣсненіе слабыхъ, коихъ должны были защищать. Когда эти три вида нравственнаго упадка являются преобладающими въ средѣ общества, прежде процвѣтавшаго, послѣдствіемъ оказываются всегда одни и тѣ же безпорядки. Дѣйствія злоупотребленій мало-по-малу распространяются на цѣлую націю; народъ утрачиваетъ чувство почтенія и благожелательности—свойства прежняго благосостоянія; презрѣніе и ненависть къ существующимъ учреждениямъ порождаютъ неустойчивость и раздоръ—всегдашніе признаки бѣдственнаго состоянія»¹⁾.

Понятно теперь, почему десятилѣтіе спустя и государственная дѣятельность К. П. Побѣдоносцева была направлена къ внѣдренію въ общественномъ сознаніи началъ „нравственнаго закона“ и къ созданію условій проведенія ихъ въ жизнь, въ числѣ которыхъ на первомъ мѣстѣ справедливо поставляется Церковь и духовенство. „Кто, жившій въ деревнѣ, не знаетъ, что на первомъ мѣстѣ духовная нужда и что первая нужда овецъ—въ пастырѣ, а добрыхъ пастырей вѣдь вокругъ насъ мало“²⁾. Удалось ли К. П. создать эти условія, шель ли онъ по правильному направленію—этогъ пунктъ выходитъ изъ рамокъ нашей статьи,—но что онъ понималъ значеніе своего времени, не подлежитъ никакому сомнѣнію. „Направляя же свою государственную и церковную дѣятельность на практическую организацію борьбы вѣры и Церкви съ матеріалистическимъ духомъ времени, К. П., очевидно, исполнялъ ту же работу, которую въ области идейной исполняли Вл. С. Соловьевъ („Критикой Отвлеченныхъ Началъ“), Б. Н. Чичеринъ („Наука и Религія“), а впослѣдствіи и другіе религіозные писатели...

IV.

Послѣ признанія цѣнности жизни, мыслителю можетъ представляться вопросъ *о первопричинѣ жизни, бытія*. К. П. П. не укло-

¹⁾ Тамъ же стр. 109.

²⁾ Вѣчная пам. 10 стр.

няется отъ отвѣта на этотъ вопросъ, причѣмъ его отвѣтъ опредѣляется не столько положительными разсужденіями, сколько критическими замѣчаніями на теоріи другихъ лицъ, напр. на теоріи дарвинизма и эволюціонизма. И эти критическія замѣчанія заимствуются не столько изъ данныхъ естественно-положительнаго значенія, сколько опять таки изъ области требованій здраваго разума и человѣческой природы. Такъ напр.: „Софисты-философы, говорилъ Побѣдоносцевъ, стали раскапывать вопросы, которые новѣйшая наука объявляетъ недоступными для рѣшенія; стали донскиваться въ таинства смерти, и увидѣли въ немъ одну мечту и выдумку; стали углубляться въ происхожденіе человѣчества и у колыбели его признали, вмѣсто библейскаго Адама, изъ земли созданнаго, какое-то невѣдомое существо, медленно выдѣляющееся изъ животной жизни, вырождающееся сперва въ обезьяну, потомъ въ человѣка. И вотъ, поставивши этого человѣка и у начала его, и у исхода, въ сплошную среду животной жизни, унизивъ его до предѣловъ гнѣнія, они стали привѣтствовать его величіе: „Какъ ты великъ, человѣкъ, въ атеизмъ и въ матеріализмъ, и въ свободѣ самочинной, ничему не покоряющейся нравственности“. Но посреди этого страннаго величія человѣкъ этотъ оказался подавленъ грустью. Онъ утратилъ Бога, но сохранилъ потребность религіи. Такъ ощутительна эта потребность, что возможна, мы видимъ, религія даже безъ Бога; таковъ буддизмъ—религія, одушевляющая миллионы послѣдователей. И въ самомъ дѣлѣ, *хотя бы и правда было,—что первый человекъ выродился изъ среды животной,—что мнѣ въ томъ?* ¹⁾). Въ книгѣ Бытія указана еще грубѣ матерія, изъ которой созданъ человѣкъ, грязь и прахъ, персть земная. Какая бы ни была то матерія,—развѣ въ ней, развѣ въ оболочкѣ—весь человѣкъ. Онъ пріялъ отъ Создателя своего живую душу, то дыханіе жизни религіозной и нравственной, отъ котораго не можетъ, когда бы и хотѣлъ, отдѣлаться. Вотъ, что не допустить его никогда отдѣлаться отъ христіанской религіи“ ²⁾). „Непонятно, какъ можетъ здравый смыслъ повѣрить въ вѣчность матеріи, отвергая начальную ея причину, и повѣрить тому, что движеніе само по себѣ,—движеніе чего бы то ни было, однимъ теченіемъ—хотя бы и вѣковѣчнаго

1) Курсивъ нашъ.

2) М. С. стр. 8.

времени—способно произвести все, что угодно представить себѣ любому воображенію“¹⁾. Въ виду такого происхожденія чловѣка, К. П. П. въ другомъ мѣстѣ говоритъ, что „центръ вселенной не въ чловѣкѣ, а вѣтъ его и безконечно выше и чловѣка, и земли, и цѣлой вселенной“²⁾.

Такъ какъ вопросъ о положеніи и природѣ чловѣка въ ряду другихъ явленій природы имѣетъ не только метафизическое, но и жизненное значеніе, то въ сочиненіяхъ К. П. П. неоднократно обращается вниманіе на это обстоятельство³⁾. Связь чловѣка съ другими существами налагаетъ на него извѣстныя обязанности по отношенію къ этимъ существамъ. Отсюда, жизнь, по представленію К. П. П., есть не столько сознаніе правъ, сколько исполненіе обязанностей—религіозныхъ, семейныхъ, общественныхъ и государственныхъ. Здѣсь лежитъ основаніе того соціального принципа въ жизни и морали, настойчиво проповѣдуемаго К. П., который противопоставляется индивидуальному, составляющему краеугольный принципъ такихъ религіозныхъ мыслителей, какъ В. В. Розановъ, Д. С. Мережковский. Въ противовѣсъ индивидуализму К. П. выдвигаетъ положеніе: „*Соціальный миръ служитъ тѣриломъ благополучія*“⁴⁾. При свѣтѣ этого принципа обрисовывается вполнѣ взглядъ К. П. на успѣхъ современной культуры и на благоденствіе чловѣческаго общества, носящаго индивидуалистическій характеръ. Исчисляя различныя изобрѣтенія, искусства и прикладныя знанія, которыми гордится XIX вѣкъ, К. П. задаетъ вопросъ: „Что прибыло отъ этихъ искусствъ и знаній“—характеру и достоинству рода чловѣческаго, стало ли отъ этого лучше?⁵⁾ „Жизнь на каждомъ шагу обличаетъ насъ слѣдами неправды, вмѣсто той правды, которую мы обѣщали внести въ нее: явленіями эгоизма, корыстолюбія, насилія, — вмѣсто любви и мира; язвами бѣдности и оскуднѣнія, вмѣсто богатства и умноженія силы; жалобами и воплями недовольства—вмѣсто того довольства, которое мы пророчили“⁶⁾.

1) Тамъ же 177 стр.

2) Тамъ же 100 стр.

3) Моск. Сб. 97—98 стр.

4) Основ. Конст. 15 стр.

5) Моск. Сб. 288 стр.

6) Моск. Сб. 112 стр.

И помимо этой тирады „Московского Сборника“, все содержаніе книги „Основн. конст. человѣч. рода“ говоритъ за то, что, по взгляду К. П. П., счастья не прибыло, а убыло въ общей массѣ человѣческаго общества, потому что эти знанія, искусства и изобрѣтенія, доставляли счастье однимъ, быть можетъ, многимъ лицамъ въ ущербъ остальнымъ массамъ.

Въ виду такихъ противорѣчій жизни и культуры, общій обликъ міросозерцанія унылый, полный пессимизма, какъ объ этомъ справедливо отмѣтилъ въ своей яркой статьѣ (единственной статьѣ о Побѣдоносцевѣ послѣ статьи Б. В. Никольскаго)—В. В. Розановъ. Но вѣдь не меньшимъ пессимизмомъ и проклятіемъ культуры дышатъ сочиненія Д. С. Мережковского и др., слѣдовательно, имѣется основаніе для пессимизма, и вопросъ только въ средствахъ освобожденія отъ него.

Пессимизмъ, разочарованіе въ культурѣ, быть можетъ презрѣніе къ ней, подъ перомъ Побѣдоносцева пріобрѣтаютъ тѣмъ большую остроту и боль, что метафизика его противъ „зла и страданій“. Въ то время, какъ Д. С. Мережковскій принимаетъ зло, а В. В. Розановъ—„страданіе и смерть“, какъ нѣкоторую имманентную, необходимую силу міра и даже составной элементъ существа Божія, К. П. П. не мирится со зломъ. „Зло и страданіе“ не составляютъ удѣла и замысла Божества въ отношеніи къ міру и человѣку и цѣли человѣческой жизни. Въ отличіе отъ нихъ К. П. Побѣдоносцевъ говоритъ: „Нѣтъ такого рокового закона, который обрекалъ бы людей на страданіе и препятствовалъ бы ихъ благосостоянію“. Не зло и страданіе, напротивъ счастье и благосостояніе—вотъ цѣль человѣческой жизни. „У всѣхъ народовъ общая цѣль дѣятельности — достиженіе благосостоянія“. „Всѣ человѣческія общества стремятся къ счастью“. „Вся жизнь человѣческая — исканіе счастья. Неутоимая жажда счастья вселяется въ человѣка съ той минуты, когда онъ начинаетъ себя чувствовать, и не истощается, не умираетъ до послѣдняго издыханія“.

Свящ. Н. Антоновъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Одностороннее понятіе о вѣротерпимости.

Баптисты недовольны 90-й статьей новаго Уложенія, касающейся публичной пропаганды со стороны лицъ инославныхъ, — и мнѣніемъ Комитета Министровъ, согласно которому право публичной проповѣди принадлежитъ только православной Церкви.

Каково понятіе баптистовъ о вѣротерпимости?

Во избѣжаніе пристрастія при отвѣтѣ на этотъ вопросъ считаю небезынтереснымъ привести факты и потомъ уже сдѣлать выводъ, на который они даютъ право.

Я былъ однажды на баптистскомъ собраніи и по окончаніи его вознамѣрился уѣхать. При выходѣ меня догналъ нѣкто изъ баптистовъ и сказалъ: «можетъ быть, вы пожелаете спросить что-либо у братьевъ? — они вамъ объяснятъ»; я отвѣтилъ, что «очень желаю», и вернулся. Въ баптистской моленной было довольно народа. Я изложилъ ученіе Писанія о томъ, что мы сами себѣ не судьи (1 Кор. 4, 5), и спросилъ: почему баптисты отвергаютъ это ученіе, говоря сами о себѣ «я—святъ»?.. Тогда сектанты мнѣ заявили: «здѣсь (въ моленной) бесѣдовать *нельзя*, хозяинъ не велитъ, пожалуйста на частную квартиру». На частной квартирѣ съ нѣкоторыми изъ нихъ я продолжилъ бесѣду.

Другой разъ въ иномъ мѣстѣ я попросилъ слова послѣ собранія въ баптистской моленной. Одни говорили «можно», другіе — «нельзя».

Когда я напомнилъ, что въ православныхъ храмахъ послѣ богослуженія тѣмъ же баптистамъ — при бесѣдахъ — неоднократно разрешалось свободное слово, мнѣ позволили. Я сталъ говорить. Баптисты *заставили* свою молодежь *выйти*.

Оговариваюсь: съ юридической стороны — я признаю за баптистами право разрешать и не разрешать свободу слова въ ихъ средѣ.

Въ то время, когда спущенныя на волю и забѣжавшія слишкомъ далеко «свободы» замутили нѣсколько атмосферу Руси, баптисты сочли благовременнымъ посѣтить городъ, въ коемъ я живу (посѣтители прибыли изъ сосѣдняго города), и открыли въ публичномъ зданіи чтенія и собранія. Публика, присутствовавшая на нихъ, состояла изъ православныхъ.

Разъ ораторъ-баптистъ читалъ и пояснялъ баптистскую брошюру «Путь ко спасенію»; онъ замѣтилъ: нѣкоторые напрасно считаютъ спасительными милостыню, хожденіе по святымъ мѣстамъ... По окончаніи чтенія я попросилъ его объяснить со мной. Онъ заявилъ, что ему разрѣшено читать, но *не разрѣшено* собесѣдовать со мной и, опираясь на послѣднее, уклонился отъ бесѣды.

Вторично баптисты устроили публичное собраніе. Среди публики были три мѣстныхъ миссіонера. По окончаніи собранія миссіонеры предложили баптистамъ побесѣдовать. Они гордо и презрительно заявили, что они пріѣхали «читать народу слово Божіе, а не бесѣдовать съ миссіонерами». Замѣчательно, что на объявленіяхъ о чтеніяхъ и собраніяхъ, вывѣшиваемыхъ баптистами, стояло: «пренія *не допускаются*».

Мнѣ довелось какъ то видѣть записную книжку баптиста: на ея первомъ и послѣднемъ листахъ были написаны рецепты, какъ лечить лошадей въ нѣкоторыхъ случаяхъ, а въ срединѣ излагалось баптистское ученіе. Въ сборникахъ баптистскихъ пѣсней заголовкомъ гласить: «Избранныя стихотворенія нѣкоторыхъ русскихъ писателей» и таковыя помѣщены въ началѣ, а потомъ идутъ богослужебныя пѣсни баптистовъ. Вообще, заявленія баптистовъ большею частію надлежитъ уразумѣвать не съ казовой, а съ дѣйствительной стороны.

Такъ, что означаетъ на языкѣ баптиста, «читать слово Божіе»? Я былъ на баптистскихъ чтеніяхъ не разъ. На нихъ настойчиво внушалось: «вѣрь, что ты святъ и будешь святъ»,—мысль, которую можно найти въ баптизмѣ, но никакъ не въ словѣ Божіемъ. Что значитъ «пренія не допускаются»? Выходило: «я могу говорить православнымъ, ибо мнѣ разрѣшила полиція, а ты оправдываться отъ обвиненій не можешь, ибо тебѣ не разрѣшено это полиціей». Что означаетъ сѣтованіе баптистовъ на то, что присутствіе не—баптистовъ

на ихъ собраніяхъ можетъ быть понято, какъ публичная пропаганда? Не что иное, какъ недовольство ихъ тѣмъ, что при существующемъ законѣ имъ нельзя устраивать публичныхъ собраній съ цѣлью демонстрацій и пропаганды среди православнаго населенія.

Въ С.-Петербургѣ издается баптистскій журналъ, т. н. «Христіанинъ». Онъ упрекаетъ православныхъ въ неразуміи, довѣріи сплетнямъ, клеветѣ и требуетъ свободы печати. Съ другой стороны: можно ли при свободѣ слова свободно взять какое либо положеніе журнала и обсудить его? О, нѣтъ! Это воспрещается: на первой страницѣ послѣднихъ №№ журнала стоятъ: «братъ выдержки отнынѣ и навсегда изъ журнала и изъ издаваемыхъ редакціей брошюръ запрещается». Это значитъ: мнѣ необходимо свободно печатать, хотя бы и по твоему адресу, а тебѣ свободно брать и обсуждать мою печать не разрѣшается.

Изъ изложенныхъ фактовъ слѣдуетъ тотъ выводъ, что по мнѣнію баптистовъ во имя вѣротерпимости имъ необходимо предоставить права публичной пропаганды, а *audiatur et altera pars* при этомъ отнюдь не допускается!

Понятіе о вѣротерпимости—одностороннее, не говоря большаго. Оно напоминаетъ разсужденіе одного дикаря, считавшаго добромъ, когда онъ беретъ, и зломъ, когда у него берутъ.

Правда, свобода вѣроисповѣданія психологически включаетъ въ себя требованіе свободы пропаганды. Къ послѣдней естественно стремится каждая община въ силу потребности роста. Такимъ образомъ, при свободѣ вѣроисповѣданія могутъ публично соприкасаться люди разныхъ воззрѣній. Какъ тутъ быть?

Положимъ, у васъ — семья. Мы убѣждены разнo. Я хочу въ вашей семьѣ пропагандировать, вы — въ моей. Если вы пропагандируете въ моей паствѣ, а отъ меня требуете молчанія и отъ разговора со мной уклоняетесь, это — нечестно и есть нравственное зло, худшее воровства. Хотите пропагандировать, поговорите съ уполномоченнымъ семьи. Подобно сему и въ пропагандѣ взглядовъ разныхъ общинъ. Пусть ихъ представители пропагандируютъ содержимыя ими упованія, публично собесѣдуя. Будетъ и согласно съ вѣротерпимостью, и съ тре-

бованіемъ пропаганды, и главное—честно. Это допускается современнымъ гражданскимъ законодательствомъ.

Отрицательныя теоріи не прочно, но сравнительно быстро распространяются въ грѣховномъ человѣческомъ мірѣ и сектанты—политическіе и религіозныя—обычно не соблюдаютъ того, чего требуютъ отъ другихъ. Сознаніе этихъ истинъ и отсутствіе религіознаго индиферентизма въ современномъ русскомъ правительствѣ служатъ причинами того, что нашъ законъ не допускаетъ господства надъ православными для раскольниковъ и сектантовъ, ничѣмъ не стѣсняемыхъ въ ихъ сферѣ.

Повторяю, нельзя съ юридической стороны ничего имѣть противъ гражданскихъ средствъ самообороны, употребляемыхъ баптистами. Въ высшей степени странно только то, что баптисты, видимо, не допускаютъ такихъ же правъ по отношенію къ другимъ.

Впрочемъ, св. православная Церковь по обѣтованію, данному ей самимъ Господомъ (Матѣ. 16, 18), каково бы ни было ея правовое положеніе въ государствѣ, никогда не утратитъ своего внутренняго духовнаго первенства среди искусственно возникающихъ и смѣняющихся, устрояемыхъ человѣками религіозныхъ общинъ.

Д. Граціанскій.

Проектъ программы нравственнаго богословія.

Прочиталъ я въ «Церковныхъ Вѣдомостяхъ» мнѣніе высокопреосвященнаго Антонія Волинскаго о необходимости передѣлки нынѣшнихъ системъ православно - догматическаго и нравственнаго богословія и поразился мнѣнію, которое глубоко справедливо и вѣрно.

По крайней мѣрѣ занимаясь послѣднимъ для себя, дѣлая сводки текстовъ Библии въ этомъ направленіи (системъ нравственнаго богословія у меня не было) и припоминая пройденное въ данномъ отношеніи въ семинаріи (учебникъ Солярскаго), я пришелъ къ выводу, что наши системы послѣдняго неудовлетворительны какъ по систематизаціи матеріала православно-христіанскаго нравоученія, такъ и по методу его изложенія.

Обыкновенно распредѣляютъ христіанскій нравоучительный матеріалъ такимъ образомъ.

Одни богословы, принявъ за основу всего христіанскаго ученія заповѣдь о любви къ Богу, къ себѣ и ближнимъ, все ученіе христіанское подводятъ, какъ положительный законъ, подъ эти заповѣди... Другіе же, выходя въ изложеніи своемъ изъ доказательствъ отъ противнаго, стараются изложить христіанское ученіе отрицательнымъ путемъ, показывая, чего христіанинъ для спасенія своего не долженъ дѣлать... Правые, излагая положительныя заповѣди закона Божія, отрицаютъ ихъ отрицательными сторонами христіанскаго житія, какъ бы подкрѣпляя тѣмъ положительное ученіе.

Методъ изложенія нравоученія при этомъ бываетъ самый сухой и безжизненный: перечисляются добродѣтели или уклоненія отъ нихъ, какъ лекарства въ какой либо фармакологіи, безъ должнаго воздѣйствія на всѣ стороны человѣческой души, готовой съ теплой, вѣрой и любовію воспріять великія Христовы истины. И по выучкѣ

такого богословія, въ душѣ остается пустота и неопредѣленность, неудовлетворенность...

Мнѣ кажется, прежде всего, что въ систематизаціи такого матеріала, какъ христіанское нравоученіе, долженъ быть соблюденъ особенно строгій порядокъ, для яснаго пониманія и усвоенія христіанскаго нравоученія каждымъ и для дачи точнаго отвѣта со стороны его всякому, вопрошающему о нашемъ упованіи.

Христіанское нравоученіе, должно быть систематизировано слѣдующимъ образомъ (вкратцѣ).

Прежде всего, въ основѣ христіанскаго нравоученія должна быть положена заповѣдь о духовномъ совершенствованіи, какъ стремленіи къ Богоуподобленію и постоянномъ пребываніи въ Богѣ и съ Богомъ.

Совершенство, опять, должно быть разсматриваемо, какъ осуществленіе заповѣди о любви къ Богу и ближнимъ ¹⁾, съ одной стороны, и съ другой—осуществленіе заповѣди о непорочности или святости духовной.

Первая заповѣдь, составляющая 1-ю часть христіанскаго православногo нравоученія, должна излагать обязанности о любви къ Богу и людямъ, выражаемой непосредственнымъ личнымъ отношеніемъ каждаго къ Богу, безотносительно къ виѣшнему проявленію сего отношенія (духомъ и истиною), а также и проявленіемъ сего отношенія вовнѣ—въ быту церковно-гражданскомъ, государственномъ и международномъ (международное право, политика, войны:—отдѣлъ, неразработанный нашими богословіями). Частіеѣ она выражается въ слѣдующихъ обязанностяхъ христіанина,

1) Любить Бога стремленіемъ къ Нему и желаніемъ сердца своего съ отреченіемъ отъ всего, отвлекающаго насъ отъ Бога.

2) Искать единенія съ Нимъ, и здѣсь на землѣ, путемъ Богообщенія мысленнаго и житейскаго, въ умномъ созерцаніи Его существа и дѣлъ, и въ молитвѣ частной и церковной, и въ изученіи закона Божія.

3) Памятовать всегда о Богѣ, при устремленіи мыслей, чувствъ, пожеланій и т. п. на что-либо и при совершеніи дѣлъ, чувствуя себя

1) А любовь въ сердцѣ чeлoвѣка бываетъ нераздѣльна съ прочими высокими чувствами, какъ разъяснено въ I Кор. 13 гл.

всегда и вездѣ въ присутствіи Божиємъ, а не рассуждая, что Богъ гдѣ-то далеко отъ насъ и высоко...

4) Благоговѣть передъ Нимъ и Его святымъ именемъ, святя Его во всемъ;

5) Носить въ сердцѣ страхъ Божій, боясь прогнѣвить Бога мыслью, чувствомъ или поступкомъ;

6) Смиряться предъ Нимъ, ставя Бога выше всего земного, своего и человѣческаго;

7) Преклоняться передъ Божиимъ промысломъ, передъ Его святой волей, какъ волей благой и совершеннѣйшей;

8) Питать въ себѣ желаніе Божія владычества или царствія надъ нами;

9) Ходить передъ Богомъ, какъ всевѣдущимъ Царемъ, исполняя только Его волю;

10) Творить добро, а не зло;

11) Трудиться и умственно и тѣлесно только во славу Божию; особенно славя Его молитвенными бдѣніями;

12) Блюсти себя въ трезвости, чистотѣ и всякой безпреткновенности въ мысли, словѣ и дѣлѣ;

13) Освящать себя благодатію священнодѣйствій и таинствъ церковныхъ и исповѣдать Бога предъ людьми, не стыдяся сего и не бояся ни злорѣчія людскаго, ни бѣдъ;

14) На Бога одного надѣяться во всемъ и вѣрить Его обѣтованіямъ грядущимъ, вѣрнымъ, какъ вѣрны были обѣтованія прошедшія, исполнившіяся;

15) Каяться предъ Богомъ въ своихъ слабостяхъ и паденіяхъ, вновь мужественно идя къ Богу и горнему обитанію.

16) Стремиться и въ любви къ людямъ быть настолько боголюбивымъ, какъ боголюбивъ былъ самъ Христосъ Богъ, и челоѣколюбивымъ столько же, какъ и Онъ, истинный челоѣколюбецъ. Словомъ, любовь къ Богу должна быть искренняя, а не лицемѣрна. Искренностью возвышается и освящается и внѣшнее Богопочтеніе. На искренности этой и вѣрности Богу создалось и зиждется все наше Богослуженіе церковное и всякое добродѣланіе въ быту частномъ, домашнемъ и государственномъ...

Заповѣдь слѣдующая—о любви къ ближнимъ разработана въ на-

шихъ богословіяхъ болѣе или менѣе обстоятельно и основательно. Одно здѣсь только нужно сказать, что отдѣлъ о международной жизни, о внутренней и внѣшней политикѣ государствъ, о международномъ правѣ и т. п. слабъ. Должно особенно разработать этотъ отдѣлъ, въ виду общаго интереса предметами этого рода и массы политическихъ лжеученій социалистическаго характера (борьба за существованіе и поправленіе интересовъ тѣхъ или другихъ лицъ для достиженія цѣли) и анархическихъ ученій.

Примѣчаніе. Предъ изложеніемъ заповѣди о любви къ ближнимъ, иные богословы вводятъ отдѣлъ о любви къ себѣ... Кажется, этотъ отдѣлъ—лишній, такъ какъ осуществленіе заповѣдей христіанскаго совершенства есть не что иное, какъ выраженіе любви къ себѣ: только изъ любви къ живому и вѣчному Богообщенію вытекаетъ желаніе и необходимость совершенствованія каждаго... Особенно же говорить о любви къ себѣ незачѣмъ. Если и можетъ быть здѣсь какое ученіе, то развѣ ученіе о ходѣ нравственнаго совершенствованія, о развитіи его и поступленіи впередъ, начиная съ первыхъ шаговъ возрожденія христіанскаго — крещенія... Словомъ, здѣсь должна быть изложена исторія или показаніе постепеннаго роста всего существа христіанина въ мѣру возраста Христова...

Все же это должно составлять 1-ю часть православнаго христіанскаго правоученія, какъ указаніе сокровища, какое христіанинъ долженъ имѣть, приобрѣсть и усвоить для своего спасенія.

Вторая же часть должна трактовать о способѣ храненія этого сокровища.

Она должна говорить о непорочности или святости духовной, на основаніи словъ Господа: «Непороченъ будь предъ Господомъ Богомъ твоимъ» (Втор. 18, 13); «будьте мудры, какъ змѣи и просты (по славянски «цѣли»), какъ голуби» (Мѣ. 10, 16). Короче, эта часть должна говорить о духовномъ бодрствованіи, какъ постоянномъ и неослабномъ, неуклонномъ наблюденіи надъ собой и другими, дабы не потерять чего-либо изъ добродѣтелей христіанскихъ и чрезъ то не лишиться спасенія.

Заповѣдь о бодрствованіи имѣетъ существенное значеніе въ виду препятствій и опасностей, создаваемыхъ діаволомъ и слугами его на пути нашего спасенія. Какъ такая, эта заповѣдь имѣетъ такое же

положительное значеніе и такое же многозначительное содержаніе, какъ и заповѣдь о любви... Къ сожалѣнію, она въ нашей наукѣ почти не разработана...

Тутъ, кромѣ первоначальнаго указанія на значеніе этой заповѣди, какъ стоянія въ пріобрѣтенныхъ добродѣтеляхъ—вѣры, любви и пр., что указано въ 1-й части, должно быть указано на тѣ главныя препятствія, какія испытываетъ каждый, совершая свое спасеніе и на способы одолѣнія ихъ. Препятствія же эти, какъ указываетъ ихъ Христосъ Господь въ притчѣ о сѣятелѣ и др., слѣдующія:

1) Непринятіе въ душу слова Божія совершенное, т. е. невѣріе (сѣмя при пути), или поверхностное воспринятіе слова Господня о спасеніи: какъ бы мимоходомъ, отчего оно потаптывается людьми заурядными и похищается чрезъ діавола, главнымъ образомъ чрезъ лжеученія и лжеучителей (притча о плеведахъ).

Слѣдовательно, говоря о бодрствованіи въ охраненіи воспринятаго христіанскаго ученія, должно тутъ сказать о самоуглубленіи, самоиспытаніи, провѣркѣ своего внутренняго состоянія и своей вѣры, насколько она, какъ сѣмя правды Божіей, глубока въ насъ.

Тутъ же должны быть раскрыты обязанности: 1) непременно твердо знать свое исповѣданіе вѣры; 2) пребывать въ немъ всегда, зная его источники и содержаніе; 3) беречь свою святыню отъ поруганія людьми и лжеучителями; 4) имѣть понятіе о лжеученіяхъ и лжеучителяхъ, достоинствѣ ихъ по умственнымъ и нравственнымъ качествамъ въ смыслѣ и цѣли ихъ проповѣди, знать главное въ ихъ проповѣди о Богѣ, вѣрѣ и жизни, церковности и государственности, и посему избѣгать лжеученій и лжеучителей, какъ людей, опасныхъ и вредныхъ для спасенія.

2) Черствость или окаменѣніе души, необлагодатствованной въ должной мѣрѣ росой св. Духа въ Его освящающихъ воздѣйствіяхъ на нее, отчего, подъ вліяніемъ небрежности или непостоянства нашего въ исканіи и принятіи освѣжающей благодати, закаменѣлости сердца нашего, слово Божіе, хотя и вырастаетъ въ насъ въ злакъ спасенія, но не даетъ колоса и плода и погибаетъ.

Тутъ должно быть сказано о разрыхленіи каменстаго или сухого сердца нашего путемъ настойчиваго и упорнаго труда, труда до юта, дабы сѣмя могло имѣть глубокой корень въ немъ и влагу по-

стоянную, а не поверхностную, легко высыхающую, отчего и сѣмя, при испытаніи, проростя въ знакъ, легко высыхаетъ...

3) Прелесть міра въ видѣ многообразныхъ благъ земныхъ и мірскихъ соблазновъ, какъ терніе, обростающихъ душу и сѣмя Божіей правды въ немъ, и губящихъ, чаще всего, человѣка...

Тутъ должно быть преподаано ученіе о трезвости христіанской, какъ во взглядѣ на мірскія блага, ихъ непостоянство и относительное значеніе, такъ и на отношеніе къ нимъ въ смыслѣ желанія, искавія, приобрѣтенія, оцѣнки ихъ, любленія, пользованія и услажденія ими...

Разсматривая обыкновенный, мірской, житейскій взглядъ на богатство, роскошь въ домостроительствѣ, въ домашнемъ обиходѣ и хозяйствѣ, въ обстановкѣ дома, въ характерѣ жизни домашнихъ, ихъ пищу, питія, одежду, привычкахъ, времяпровожденіи, трудѣ, отдыхѣ, развлеченіи, услужденіяхъ, плотоугодіи и т. п.; равно указывая на установившіяся понятія о славѣ, тщеславіи, положеніи въ обществѣ и по службѣ, въ отношеніи, подъ видомъ благожеланія къ обществу, къ общественной жизни и т. д., должно показать истинныя христіанскія понятія о сихъ предметахъ и установить слѣдующее по симъ понятіямъ отношеніе къ нимъ, узаконивъ должный взглядъ на нихъ, на желаніе ихъ, характеръ и путь ихъ приобрѣтенія, показавъ и должный образъ христіанскаго распоряженія приобрѣтенныхъ благочестивымъ путемъ и богатства, и славы, и почестей, и положеній людскихъ, и пр...

Должно предостеречь и отъ взгляда на благополучіе земное, какъ на нѣчто прочное, такъ какъ оно легко разруσιμο и разрушается, повергая нетвердыхъ въ вѣрѣ въ погибель.

Главное вниманіе должно быть обращено здѣсь на разрѣшеніе и должное урегулированіе вопроса о плотской любви, вокругъ которой и раньше и нынѣ вертится мысль людская, давая далекое отъ христіанства и многообразное до безконечной противности рѣшеніе сего вопроса и въ философскихъ трактатахъ (Толстой и др.), и въ беллетристическихъ сочиненіяхъ и даже въ религіозныхъ ученіяхъ (лжеучители разнаго рода). Нельзя служить Богу и Мамонѣ одновременно.

4) Нетерпѣливое отношеніе къ бѣдствіямъ земнымъ, повергающее

слабыя души въ скорбь, уныніе, отчаяніе въ отношеніи спасенія, въ нелюбленіе даже его, въ ропоть на Бога и т. д. вплоть до измѣны Богу, преданія міру и его соблазнительной жизни, медленнаго или быстрого самоубійства...

Тутъ, разсматривая обычные взгляды на жизненные горести, ихъ будто бы самостоятельное происхожденіе, непреодолимость, вѣчность по характеру самой кратковременной т. е. только земной жизни, должно показать ихъ дѣйствительное, относительное значеніе, ихъ краткость и т. п.

Какъ руководственное начало въ дѣлѣ борьбы съ ними, должно указать на заповѣдь терпѣнія, какъ трезваго или правильнаго отношенія къ бѣдствіямъ. Типичныя бѣдствія: скорбь объ отсутствіи или потерѣ благъ земныхъ; тягота воздержанія, сомнѣнія или самоотреченія; тягота закона Божія; скорбь о грѣховности, мученія совѣсти; скука и тоска отъ неудовлетворенности жизнью и ея данными; лишенія и недостатки жизненные, имущественныя, по положенію въ жизни и обществѣ и т. д.; болѣзни и немощи; неприятели семейныя, отъ сродниковъ и отъ друзей и отъ враговъ; преслѣдованія людей, наказанія и т. п.; общественныя бѣдствія, потеря близкихъ и пр...

Обычное отношеніе къ нимъ: раздраженіе въ бѣдахъ, ропоть на Бога, отступленіе отъ Бога тайное или явное, злоба противъ людей, гнѣвъ и мстительность; скорбь о благополучіи ближняго, зложелательство, злорадство; уныніе, сомнѣнія и колебанія въ добродѣтели, вѣчное нытье, отчаяніе, пассивное отношеніе къ бѣдствіямъ, преданіе себя року или судьбѣ, безразличная и равнодушная жизнь, медленное или скорое самоубійство.

Въ противность сему должно установить правильный взглядъ на предметы людскихъ страданій, ихъ происхожденіе и т. п., и установить обязанности терпѣнія: предупрежденіе бѣдствій (легкомысліе въ отношеніи ихъ бываетъ пагубно для слабыхъ и неосновательно самонадѣянныхъ), христіанское принятіе ихъ въ случаѣ посѣщенія, самоотреченіе и мужество въ перенесеніи ихъ, полная самособранность души для этого; кротость, смиреніе и послушаніе волѣ Божіей; полная преданность Богу, упованіе, вѣра и надежда на Него; радость о Господѣ, моленіе Ему и прославленіе Его; миръ душевный и христіанская кончина въ вѣрности Богу до конца.

5) Небрежность и нерадѣніе о спасеніи въ смыслѣ безразличія или легкомыслія при нравственныхъ погрѣшеніяхъ и паденіяхъ, рождающая ложное самооправданіе и т. п.

Тутъ должно показать правильный взглядъ на успѣхъ человѣчскій и дѣйствительное его значеніе, указавъ необходимость покаянія, возстанія и исправленія.

6) Нераскаянность и упорство въ самооправданіи или въ ложномъ пониманіи закона Божія, происходящемъ отъ неправильнаго отношенія къ своему духовному состоянію въ зависимости отъ того или иного полюбленнаго отношенія къ благамъ или горестямъ земнымъ...

Какъ добрый земледѣлецъ очищаетъ свое поле отъ сорныхъ и дурныхъ травъ, такъ и добрый христіанинъ долженъ очищать душу свою: мысль, сердце и волю отъ всякой скверны, дабы не погубить себя, не впасть въ искушеніе, въ прельщеніе, лжеучительство и т. д. При этомъ должно быть указано ученіе слова Божія о мздовоздаяніи праведникамъ и грѣшникамъ какъ на землѣ, такъ и на небѣ.

Такова должна быть система христіанскаго правоученія, ясная и удобопонятная.

Въ заключеніе должно быть сказано о необходимости выполненія нравственнаго закона Божія во всей его полнотѣ, потому что всѣ заповѣди равно важны и значительны и нарушеніе одной изъ нихъ можетъ повести къ нарушенію и всего закона Божія, какъ единаго, цѣльнаго и стройнаго зданія христіанской нравственности и совершенства. Нельзя отговариваться отъ исполненія этого закона почему бы то ни было, такъ какъ мы имѣемъ къ тому всѣ основанія: искупленіе насъ Господомъ, полное освященіе благодатію св. Духа и безконечное милосердіе Божіе къ истинному боголюбцу и грѣшнику кающемуся, сильно желающему вѣчной жизни...

Что касается метода изложенія истинъ христіанскаго наученія, то онъ долженъ быть таковъ.

Сначала должно быть выставлено извѣстное положеніе, раскрытіе котораго, гдѣ возможно, должно идти языкомъ св. отцовъ, какъ дѣлаетъ это Гладковъ въ своемъ объясненіи четвероевангелія, изданномъ въ истекшемъ году, ибо никто такъ ясно и могущественно не раскрываетъ св. истинъ, какъ св. отцы.

Подтверждается мысль или развитіе ея дальнѣйшимъ текстомъ св. писанія, что способствуетъ его усвоенію...

Далѣе должно быть подтвержденіе высказаннаго примѣромъ изъ жизни св. угодниковъ Божіихъ, какъ наглядный примѣръ лучшаго осуществленія той или другой добродѣтели христіанской. Это будетъ должнымъ поминаніемъ и св. Божіихъ и ихъ прекраснаго жительства, по слову апостола.

Гдѣ то мнѣ приходилось читать такую фразу: кто хочетъ быть великимъ полководцемъ, долженъ изучать походы великихъ полководцевъ. Тоже должно сказать и о наученіи благочестію: лучшая наука ему — въ примѣрѣ Господа, св. апостоловъ и св. Божіихъ.

За примѣромъ св. Божіихъ должно, какъ выводъ сказаннаго или его заключеніе, идти постановленіе и устава церковнаго и св. отцевъ о томъ или иномъ предметѣ (напр. молитвѣ, говѣніи, постѣ, пищѣ въ извѣстное время и т. д.) для проведенія въ жизнь добрыхъ христіанскихъ обыкновеній...

Вообще же христіанское правоученіе должно быть изложено и вестись такимъ образомъ, чтобъ чело­вѣкъ привлекался къ добродѣтели красотой и добротой ея. Красота же добродѣтели — въ высочайшихъ образцахъ ея. Отдѣльное чтеніе житій святыхъ не можетъ имѣть такого дѣйствія, какъ образъ жизни ихъ или случая изъ ихъ жизни, приведенный ктати въ наукѣ христіанскаго правоученія...

Составленное такимъ образомъ нравственное богословіе, какъ наука благочестія христіанскаго, было бы великимъ приоб­рѣтеніемъ для христіанъ, для Церкви, учащихся и учащихъ, особенно же для проповѣдниковъ.

Правда, составленіе его требуетъ великаго труда. Но если невозможенъ намъ такой трудъ единоличный, то зато возможенъ трудъ товарищескій, въ видѣ работъ по каждому вопросу христіанскаго правоученія специалистовъ-профессоровъ духовныхъ академій и семинарій и др. лицъ.

Ихъ трудъ могъ бы быть потомъ рассмотрѣнъ и упорядоченъ въ цѣляхъ стройности, единства и т. п. тремя-четырьмя другими специалистами и изданъ, какъ совокупная работа многихъ во славу Божію и въ честь ихъ-же...

Священникъ *Никифоръ Дашкевичъ*.

Выборъ предмета для миссіонерскихъ собесѣдованій ¹⁾).

На какіе вопросы предпочтительно слѣдуетъ обратить вниманіе миссіонеру, если у него нѣтъ возможности отвѣтить на всѣ? Такъ какъ миссіонеръ не можетъ отрѣшиться отъ главной своей задачи бороться съ сектантствомъ, а сектантство есть не что иное, какъ отдѣленіе, отсѣченіе отъ Церкви, то мысль, которую долженъ провести и утвердить въ сознаніи своихъ слушателей миссіонеръ, должна быть о томъ, что „внѣ Церкви нѣтъ спасенія“. Мы не настаиваемъ на безусловной категорической истинности этого утвержденія. Кромѣ видимыхъ богооткровенныхъ для всего рода человѣческаго путей спасенія въ Церкви Христовой, есть еще и невидимые, которыми Богъ спасаетъ вѣрующихъ въ Него. Святоотеческое выраженіе „внѣ Церкви нѣтъ спасенія“, можетъ быть, и не указываетъ того, что для язычниковъ, не вѣдавшихъ и не слышавшихъ объ Искупителѣ міра, или для раскольниковъ, и сектантовъ, живущихъ внѣ Церкви и не имѣющихъ возможности узнать истинную вѣру, хранимую въ Церкви Христовой, уже нѣтъ никакой надежды на спасеніе. „Обителѣй у Отца Небеснаго много“ и среди этихъ обителѣй, можетъ быть, найдется мѣсто для язычниковъ, раскольниковъ и сектантовъ, не принадлежащихъ къ Церкви по невѣдѣнію. „Какъ вѣровать въ Того, о Комъ не слыхали, какъ слышать безъ проповѣдующаго“ (Римл. 10, 15)?..

Но если съ безусловной категоричностью нельзя примѣнить положеніе: „внѣ Церкви нѣтъ спасенія“ къ людямъ, не знающимъ и не слышащимъ объ истинной Церкви Христовой, то къ нашимъ русскимъ сектантамъ можно примѣнить это положеніе во всемъ его грозномъ значеніи. Наше сектантство, — я разумѣю, конечно раціоналистическую штунду со всѣми ея толками, — не пережило еще второго поколѣнія. Большинство его послѣдователей не родилось въ сектантствѣ, а само отпало отъ Церкви, въ которой выросло и было воспитано. Грѣхъ отпаденія отъ Церкви русскіе сектанты не могутъ перенести на предковъ и

1) См. „Мисс. Обзор.“, мартъ 1907 г.

себя считать невмѣняемыми. Да и рожденные и воспитанные въ сектантствѣ молодые его послѣдователи не могутъ считать себя не знающими и не слышащими о Церкви Христовой. Сравнительно съ милліонами окружающихъ ихъ сыновъ Церкви сектантовъ слишкомъ немного, чтобы они могли изолировать свою религіозную жизнь такъ, чтобы не вѣдать объ истинѣ Церкви. Кромѣ того сектантство находится въ періодъ развитія и броженія, а это самага равнодушнаго изъ сектантовъ дѣлаетъ пропагандистомъ и по неволѣ даже наталкиваетъ на борьбу, а отсюда и на знакомство съ православной истиной. Можетъ-ли сказать одинъ изъ русскихъ сектантовъ, что онъ не вѣруетъ въ Церковь потому, что не слышалъ о ней, а не слышалъ потому, что не было проповѣдующаго?.. Миссіонеръ, поэтому, съ полнымъ нравственнымъ правомъ долженъ выставить положеніе, которое для многихъ кажется жестокимъ, фанатичнымъ, именно, что „внѣ Церкви нѣтъ спасенія“, и сдѣлать это положеніе предметомъ своей бесѣды...

То, что „внѣ Церкви нѣтъ спасенія“, выясняется или миссіонерскою бесѣдою объ образованіи, насажденіи и распространеніи Церкви, какъ это излагается въ книгѣ Дѣяній Апостоловъ, гдѣ фактами присоединеній къ Церкви указывается, что спасающіеся въ вѣрѣ во Иисуса Христа,—спасались, присоединяясь или *прилагаясь* къ единой Церкви Христовой. Такъ спасались и отдѣльныя лица и цѣлыя группы людей. Въ присоединеніяхъ вѣрующихъ къ Церкви открывался для нихъ путь ко спасенію, при томъ единственный путь. На вопросъ тѣхъ, до кого дошло слово проповѣди о Христѣ: что намъ дѣлать?—Апостолы давали единственный отвѣтъ: покайтесь и креститесь! А креститься и значило присоединиться къ Церкви Христовой. Такъ присоединилось въ первый день жизни Церкви, въ день сошествія Св. Духа—душъ около трехъ тысячъ (Дѣян. 2, 41). Такъ, очевидно, присоединялись и тѣ, о которыхъ говорится въ Дѣяніяхъ, что „Господь ежедневно прилагалъ спасаемыхъ къ Церкви“ (2, 47), самаряне (8, 12), евнухъ еѳіоплянинъ (8, 38), Симонъ волхвъ (8, 13), Савль, ставшій апостоломъ Павломъ (9, 18), сотникъ Корнилій и весь домъ его (10, 48). На всемъ протяженіи Апостольской исторіи видно, что спасеніе можно было найти только въ Церкви, присоединяясь къ ней чрезъ крещеніе. Кто зналъ о Христѣ и не присоединялся къ Церкви чрезъ крещеніе, тотъ, не смотря на свою вѣру во Христа, не могъ получить спасенія. Напр., въ Финикии, Кипрѣ и Антіохіи распространилась чрезъ проповѣдь вѣра во Иисуса Христа. „Великое число“ тамошнихъ жителей, „увѣровавъ,

обратилось ко Господу (11, 21)“, но чтобы народъ „приложился ко Господу“, нужно было крещеніе и для сего Апостолы посылаютъ въ Антиохію Апостола Варнаву (11, 22. 24). Аполлосъ „мужъ краснорѣчивый и свѣдущій въ Писаніяхъ, могъ даже „учить о Господѣ правильно, зная только крещеніе Іоанново“, но только отъ принявшихъ его въ церковное общеніе Акиллы и Прискиллы узнать точно путь Господень, или путь спасенія (18, 24—26). Такъ точно принявшимъ Іоанново крещеніе ефесянамъ необходимо было принять для спасенія крещеніе во имя Господа Іисуса (19, 1—5). Нѣтъ ни одного указанія во всей апостольской исторіи, чтобы вѣрующему во Христа можно было получить спасеніе единолично или внѣ общенія съ Церковію Христовой.

Тѣмъ болѣе невозможно спасеніе для тѣхъ, кого отлучаетъ отъ Церкви видимый судъ Бя или собственное отпаденіе, впредь, конечно, до полного ихъ покаянія. Такъ былъ отлученъ отъ Церкви Симонъ волхвъ (8, 20—23). Такъ былъ отлученъ коринѣскій кровосмѣсникъ (1 Кор. 5, 5). Такъ были отлучены Именей и Александръ (1 Тим. 20). Хотя этимъ отлученіемъ отъ Церкви церковная власть старалась довести ихъ до покаянія и исправленія, но въ состояніи отлученія отъ Церкви они отлучались и отъ Христа. Въ этомъ состояніи они находились подъ властью сатаны и могли вновь получить надежду на спасеніе только въ случаѣ принятія ихъ въ Церковь.

Таково приблизительно и въ схемѣ историческое обоснованіе мысли, что внѣ Церкви нѣтъ спасенія. Такая постановка бесѣды вызоветъ со стороны сектантовъ цѣлый рядъ вопросовъ и возраженій и матеріала будетъ болѣе чѣмъ достаточно для одной бесѣды. Сектанты всѣ свои возраженія будутъ сводить къ тому что они присоединились къ истинной Церкви, отпавъ отъ православія и принявъ „евангельское ученіе, что Церковь тамъ, гдѣ два или три собраны во имя Христа“... Миссіонеръ долженъ продолжать оставаться на исторической почвѣ разсужденій и доказывать недавнее время появленія сектантства и случайныя причины его появленія, такъ, чтобы у слушателей утвердилось убѣжденіе, что принадлежность къ изначальной и непрерывно существующей Церкви есть „приложеніе ко Господу“, есть условіе спасенія, а спасеніе единоличное или въ общеніи съ самочиннымъ обществомъ, не имѣющимъ и начальнаго апостольскаго происхожденія, не есть спасеніе христіанское, спасеніе по евангелію.

Положеніе, что „внѣ Церкви нѣтъ спасенія“ на почвѣ библейскаго новозавѣтнаго текста можно развивать и иначе и сл.

большею пользою, смотря по слушателямъ. Если между сектантами нѣтъ сколько-нибудь образованныхъ, способныхъ вести бесѣду, оставаясь на исторической почвѣ, если большинство слушателей состоитъ изъ простыхъ, болѣе воздыхающихъ, чѣмъ разсуждающихъ, лицъ, особенно, если между слушателями есть много женщинъ, то бесѣдъ о томъ, что внѣ Церкви нѣтъ спасенія, весьма полезно дать постановку другую. Нужно предложить народу разъясненіе тѣхъ образовъ, которыми наглядно выясняется въ Св. Писаніи тѣсное единеніе вѣрующихъ во Христа со Христомъ и между собою. Это образы: виноградной лозы съ ея вѣтвями (Іоан. 15, 1—6), главы тѣла съ его членами (1 Кор. 12, 12—30), мужа и жены въ ихъ брачномъ союзѣ (Еф. 5, 22—32) и зданія или храма съ краеугольнымъ камнемъ основанія и вѣнцомъ-Христомъ (1 Петр. 2, 4—8)... Христіане могутъ имѣть надежду спасенія только въ Церкви, которая и представляетъ собою тѣсное единеніе христіанъ со Христомъ и между собою. Такъ и вѣтви могутъ зеленѣть и приносить плодъ, только будучи на лозѣ. Такъ рука и нога могутъ быть живыми членами только въ тѣлѣ, имѣющемъ живую голову. Такъ и жена можетъ считать себя и быть на самомъ дѣлѣ законною женою только въ брачномъ союзѣ съ мужемъ. Такъ, наконецъ, камни зданія могутъ служить зданію и украшать его только тогда, когда они укрѣплены на основаніи и увѣнчаны вѣнцомъ. Иначе, при отдѣленіи отъ Церкви, христіанинъ будетъ какъ отломанная отъ лозы, засыхающая вѣтвь, какъ разлагающійся отрѣзанный отъ тѣла членъ его, какъ любодѣйная жена, какъ отколовшійся отъ зданія камень. Нѣтъ имъ пользы, нѣтъ имъ спасенія!..

При такой постановкѣ бесѣды сектанты будутъ возражать, что они не отъ Христа отпали. Но миссіонеръ настойчивымъ вопросомъ: „а отчего же вы отпали“? и неуклоннымъ возвращеніемъ къ образамъ Церкви внѣдрить въ концѣ концовъ мысль, что сектантство, какъ отпаденіе отъ церкви, есть отпаденіе и отъ Христа и потеря спасенія. И такая постановка бесѣды дастъ обильнѣйшій матеріалъ для собесѣдованія на много часовъ.

Наконецъ, для одной бесѣды, которую можетъ предложить миссіонеръ народу, съ большимъ удобствомъ можно дать и еще иную постановку, все на ту же тему: внѣ Церкви нѣтъ спасенія. Сектанты въ основу своего ученія полагаютъ вѣру въ спасеніе благодатію. „Благодатію вы спасены чрезъ вѣру, и сіе не отъ васъ, Божій даръ, не отъ дѣлъ, чтобы никто не хвалился“ (Еф. 2, 8, 9). Миссіонеръ со всею рѣзкостью долженъ утвердить въ сознаніи слушателей это ученіе о спасающей благодати и рас-

крыть, какъ мы, православные христіане, воспринимаемъ эту благодать, Божій даръ, въ таинствахъ Церкви. Благодать насъ рождаетъ свыше, отъ воды и Духа, въ таинствѣ крещенія, благодать запечатлѣваетъ всѣ наши чувства, мысли и дѣла, какъ христіанскія, въ таинствѣ миропомазанія, благодать даетъ намъ нетлѣнную пищу для вѣчной жизни въ Богѣ въ таинствѣ причащенія, благодать разрѣшаетъ содѣваемые въ сей временной жизни грѣхи наши въ таинствѣ покаянія, благодать соединяетъ мужа и жену въ одну плоть по образу союза Христа съ Церковью въ таинствѣ брака, благодать подаетъ врачеваніе и душевное успокоеніе въ тѣлесныхъ недугахъ—въ таинствѣ елеосвященія, благодать, наконецъ, поставляетъ избранниковъ Церкви въ священнослужители Церкви—въ таинствѣ священства. Нигдѣ, кромѣ установленной Христомъ Церкви, этой благодати нѣтъ. Кто отвергаетъ эту спасающую Церковь, лишается и Ея благодати. Кто не креститъ и не миропомазуетъ дѣтей, кто не исповѣдуется, не причащается, кто не брачится въ Господѣ и не елеопомазуется, тотъ и не получаетъ дара благодати Божіей, не спасается. Сектанты, въ возраженіе, скажутъ, что у нихъ есть тайны, или что таинства нужно принимать духовнымъ, а не внѣшнимъ образомъ. Задача миссіонера обличить ихъ заблужденіе и выяснить, что безъ спасающей благодати, подаваемой въ Церкви, нѣтъ для христіанъ спасенія.

Какую бы изъ вышеуказанныхъ постановокъ бесѣды на тему: внѣ Церкви нѣтъ спасенія, ни взять, все равно. Дѣло, конечно, не въ постановкѣ, а въ діалектическомъ искусствѣ миссіонера. Важно, чтобы ему удалось убѣдить слушателей, что внѣ Церкви не можетъ быть спасенія и что сектантство, какъ отдѣленіе отъ Церкви, несетъ съ собою для христіанина не спасеніе, а гибель.

Мы остановились такъ долго на этой темѣ для бесѣды миссіонера именно потому, что большинство миссіонеровъ, а также руководства по обличенію сектантства, обходятъ эту тему, какъ отдѣльный предметъ для бесѣды. Вѣроятно полагаютъ, что ее или трудно развить для полемической бесѣды, и она мало доставитъ матеріала для отдѣльной бесѣды, или что другіе предметы бесѣдъ, напр. о Церкви, Преданіи и т. д., достигая той же цѣли, т. е., доказывая, что превратное пониманіе истинъ вѣры противорѣчитъ слову Божію, тѣмъ самымъ вселяютъ въ слушателей мысль, что отступленіе отъ церковнаго ученія есть отступленіе и отъ евангелія и слѣдовательно потеря спасенія.

Мы предпочитаемъ ставить предъ слушателями положеніе, что внѣ Церкви нѣтъ спасенія, прямо и дѣлать ее отдѣльнымъ

предметомъ бесѣды, особенно, если эта бесѣда единственная. На ряду съ этой бесѣдой, по важности, можно поставить и другую: о причинахъ уклоненія сектантовъ отъ Церкви. Эта бесѣда не столь учительна по содержанію, какъ первая, но по животрепещущему интересу для слушателей она даже превосходитъ первую. Тамъ, гдѣ сектантство только что появилось, гдѣ мысль ушедшихъ въ секту, или же колеблющихся еще христіанъ не столько формулируетъ новое еще для нихъ ученіе сектантской вѣры, сколько занята размышленіемъ о томъ, что заставляеть ихъ уклониться въ сектантство, тамъ бесѣда о причинахъ отступленія сектантовъ отъ Церкви должна быть предпочтительнѣе предъ бесѣдами о всѣхъ другихъ предметахъ.

Что въ православіи, въ православномъ ученіи и жизни можетъ оттолкнуть христіанъ отъ православной церкви Христовой? Указавъ кратко слушателямъ на спасающую насъ церковь Христову, нужно поставить этотъ вопросъ со всею рѣзкостью. И чего только не наговорятъ сектанты въ отвѣтъ на этотъ вопросъ: „и насъ отлучило Слово Божіе; и не поклоняйтесь идоламъ; и мы не желаемъ вторично на себѣ распинать Христа; и отступите отъ дѣлающихъ беззаконіе и не приобщайтесь дѣламъ тьмы; и за чѣмъ у васъ священники плату берутъ, и на что они носятъ длинные волосы и длинную одежду и т. д. и т. д.“. Чѣмъ больше выскажутся сектанты и чѣмъ они выскажутъ всѣ свои заявленія рѣзче и опредѣленнѣе, тѣмъ лучше. Миссіонеръ все это долженъ выслушать и даже помочь имъ высказаться. Задача миссіонера въ этой бесѣдѣ разъяснить слушателямъ, что ни одна изъ этихъ выставляемыхъ ими причинъ не можетъ быть „благословною виною“ отступленія отъ церкви, что Слово Божіе нигдѣ, ни однимъ намекомъ, не указываетъ, что могутъ быть какія-либо причины отступленія отъ церкви. Иконы—не идолы, а св. изображенія, поставляемыя въ храмахъ, по повелѣнію Божію (кивотъ, херувимы); крестъ и крестное знаменіе суть образы Голгофскаго креста Спасителя; общеніе церковное не есть общеніе въ грѣхахъ грѣшныхъ членовъ церкви, а общеніе въ вѣрѣ и молитвѣ; церковь, какъ и Христось, не однихъ праведниковъ, а и грѣшныхъ призываетъ къ покаянію и спасенію; священники берутъ плату по Господню установленію, какъ награду за трудъ свой, а не плату за благодать, одежды длинныя они носятъ, какъ установленную форму, въ отличіе отъ мірянъ, а не въ подражаніе книжникамъ еврейскимъ и т. д. Самыя злоупотребленія, если они даже и дѣйствительно происходятъ въ церкви, не дають никакого права и основанія христіанамъ от-

ступать отъ нея. Напримѣръ оскверненіе ветхозавѣтнаго храма идолами, куплей и продажей развѣ давало основаніе ветхозавѣтнымъ людямъ оставлять самый храмъ? Распространеніе въ народѣ еврейскомъ пороковъ и преступленій развѣ давало ветхозавѣтному еврею отречься отъ народа своего? Преступность, корыстолюбіе и хищенія ветхозавѣтнаго священства развѣ могли побудить кого-либо, подобно Корею, Даану и Авирону, поднять мятежъ противъ законнаго священства? Не то-ли и въ Новомъ Завѣтѣ, даже въ апостольское время? Миссіонеръ можетъ, указывая одно за другимъ всѣ посланія апостольскія, раскрыть предъ слушателями страшную картину грѣховности человѣческой, проникшей въ среду христіанъ даже этого чистаго сердцемъ младенческаго вѣка христіанства и спросить, что-же оставалось дѣлать христіанамъ: бороться съ грѣхомъ или оставить совершенно церковь Христову? Грѣховныя боренія апостола Павла, съ такою горестью и силою изображенныя имъ въ посланіи къ Римлянамъ въ 7-ой главѣ, и указаніе на апостола Петра, впавшаго въ малодушіе и страха предъ іудействующими, что произвело въ церкви соблазнъ (Гал. 2, 11—15), должны заставить слушателей придти къ убѣжденію, что христіанинъ долженъ чуждаться грѣха, но не отвращаться отъ грѣшника...

Всѣ разъясненія миссіонера, на основаніи Слова Божія, о томъ, что ни одна изъ выставляемыхъ сектантами причинъ ихъ уклоненія отъ церкви не можетъ быть „благословною“, оправданною св. писаніемъ, должны состоять изъ указанія подходящихъ текстовъ писанія и объясненія ихъ. Въ подробное развитіе и выясненіе выставляемыхъ сектантами возраженій вдаваться нельзя, ибо весьма часто каждое изъ этихъ возраженій настолько серьезно и обширно, что оно можетъ составить предметъ отдѣльной и даже не одной бесѣды. Миссіонеръ долженъ помнить цѣль своей бесѣды—выяснить, что ни одна изъ указываемыхъ сектантами причинъ уклоненія отъ церкви не можетъ быть оправданной. Если онъ остановится на подробномъ выясненіи какой-либо одной причины, то весьма возможно, что на разсмотрѣніе остальныхъ у него не хватитъ уже ни времени, ни силъ, и слушатели бесѣды не найдутъ въ ней полнаго удовлетворенія... Лучше кратко и сильно, отъ слова Божія отвѣтить по возможности на всѣ запросы ума, чѣмъ на одинъ запросъ отвѣтить подробно, а на остальные умолчать.

Но бываетъ, и весьма часто, что на вопросъ миссіонера о причинахъ отпаденія сектантовъ отъ православной церкви, сектанты указываютъ не многія причины, а какую-либо одну. Чаще

всего отвѣчаютъ: „а въ писаніи что сказано? какая совмѣстность храма Божія съ идолами?“ Миссіонеръ отмѣчаетъ выставляемую сектантами причину или поводъ уклоненія сектантовъ отъ церкви, именно предполагаемое въ церкви идолопоклонство, и спрашиваетъ: а еще что? Можетъ быть въ православномъ ученіи вы находите еще какія либо заблужденія, или въ православной жизни васъ отталкиваютъ еще какіе-либо недостатки?.. Но сектанты молчатъ и на повторные вопросы и увѣщанія миссіонера высказаться обо всемъ, что ихъ смущаетъ и высказаться откровенно, они отвѣчаютъ: „насъ въ церкви смущаетъ только одно, поклоненіе иконамъ: удалите изъ церкви иконы и мы снова будемъ ходить въ церковь!“

При такомъ оборотѣ бесѣды миссіонеръ, конечно, долженъ вести рѣчь объ иконопочитаніи. Бесѣда эта одна изъ самыхъ важныхъ въ миссіонерскомъ вѣропроповѣдничествѣ. Сектанты всю силу своего отрицанія вкладываютъ въ эту бесѣду и миссіонеръ даже не долженъ выступать на поприщѣ проповѣди прежде, чѣмъ онъ всецѣло выяснитъ себѣ смыслъ и значеніе въ христіанствѣ этого пункта и прежде чѣмъ основательно не познакомится съ различными руководствами по обличенію сектантскихъ заблужденій относительно ученія объ этомъ православной вѣры.

Мы въ дальнѣйшемъ нашемъ трудѣ по методикѣ миссіонерскихъ собесѣдованій съ сектантствомъ подробно остановимся на діалектической разработкѣ этого предмета бесѣды съ сектантами. Теперь же скажемъ, что если миссіонеръ въ своей единственной бесѣдѣ съ сектантами, какую онъ можетъ въ данное время предложить въ приходѣ, встрѣтитъ заявленіе сектантовъ, что ихъ только церковное иконопочитаніе удаляетъ отъ церкви и что не будь иконъ, они оставались бы вѣрными православію, онъ долженъ предложить бесѣду объ иконопочитаніи, на столько разработанную въ подробностяхъ, чтобы, послѣ бесѣды, у слушателей не оставалось въ умѣ и сердцѣ никакого недоумѣнія, никакого смущенія относительно этого предмета. Это не значитъ, что своей бесѣдой миссіонеръ непременно долженъ убѣдить сектантовъ оставить свое заблужденіе относительно св. иконъ и вновь начать почитать ихъ. Возращеніе сектантовъ въ церковь— дѣло благодати Божіей. Кромѣ того, сколько бы сектанты ни представляли иконопочитаніе, какъ единственную причину ихъ отпаденія отъ церкви, несомнѣнно были еще и другія причины, скрытыя ими отъ миссіонера. Но разъ они заявили, какъ причину отступленія своего отъ церкви, иконопочитаніе, миссіонеръ

долженъ вызвать у нихъ всѣ возраженія, какія только они могутъ сдѣлать противъ церковнаго иконопочитанія. Онъ долженъ навести ихъ на эти возраженія, подсказать ихъ, чтобы ему можно было здѣсь, на мѣстѣ и сейчасъ, въ эту торжественную минуту защиты церковной истины, оправдать ее отъ всевозможныхъ обвиненій... Всѣ возраженія сразу не могутъ быть формулируемы малообразованными сектантами, не могутъ даже приведены быть въ память свою, не то, что быть высказанными. Многія возраженія не приходили еще въ голову сектантамъ, но они несомнѣнно придутъ послѣ, подъ влияніемъ ли чтенія св. писанія, или собственнаго размышленія, или, наконецъ, сектантской литературы. Миссіонеръ долженъ напередъ въ своей бесѣдѣ все раскрыть, все разъяснить.

И если-бы сектанты, при развитіи бесѣды объ иконопочитаніи, стали переводить ее на другой предметъ, если бы даже они стали, видя, что бесѣда миссіонера производитъ сильное на слушателей впечатлѣніе, указывать на другія, кромѣ иконопочитанія, причины отпаденія ихъ отъ Церкви, миссіонеръ долженъ настаивать на продолженіи начатой бесѣды объ иконопочитаніи. Онъ долженъ напомнить слушателямъ, что онъ напередъ спрашивалъ о другихъ причинахъ отпаденія отъ Церкви и что сектанты указали на одно иконопочитаніе. Слушатели должны понять хитрость сектантскихъ собесѣдниковъ, отвлекающихъ миссіонера отъ предмета бесѣды, въ виду вынаруживающейся ихъ неправоты и истинности православія. Только тогда, когда предметъ бесѣды, иконопочитаніе, будетъ въ конецъ исчерпанъ, только тогда миссіонеръ можетъ перейти къ разъясненію возраженій сектантскихъ по другимъ предметамъ, хотя бы и было очевидно для миссіонера, что эти возраженія ихъ—плодъ хитрости, желающей утомить, смутить и раздражить миссіонера, а не исканіе истины.

Мы до сихъ поръ говорили о выборѣ предмета для миссіонерскихъ собесѣдованій на случай, когда миссіонеръ можетъ предложить въ приходѣ только одну бесѣду, особенно въ такомъ приходѣ, гдѣ сектантство появилось или обнаружилось недавно и миссіонерскихъ бесѣдъ въ приходѣ еще не было. Какъ это ни странно, но въ такомъ положеніи миссіонеръ бываетъ не рѣдко. И до сихъ поръ, не смотря на давнее существованіе миссіи, относительно миссіонеровъ не утвердился еще въ приходскомъ духовенствѣ взглядъ, какъ на вѣропроповѣдниковъ, предлагающихъ свое учительство тамъ, гдѣ оно болѣе всего нужно. Ихъ считаютъ лицами, завѣдующими миссіей, какъ миссіонерскимъ столомъ въ консисторіи. А такъ какъ появленіе сектантства въ

приходѣ многіе изъ приходскихъ священниковъ склонны относить къ числу своихъ прегрѣшеній, а слѣдовательно всячески и до послѣдней возможности скрывать его отъ епархіальнаго начальства, то и миссіонеръ узнаетъ о немъ оффиціально спустя долгое время послѣ того, какъ оно появилось. Но миссіонеръ обнаруживаетъ въ дѣлѣ часто досадную и сверхдолжную ревность. Росписаніе своихъ поѣздокъ онъ составляетъ для себя напередъ, сообразуясь съ оффиціальными требованіями—побывать тамъ-то и тамъ-то, но по дорогѣ онъ не утерпитъ завернуть и туда, гдѣ, по слухамъ, сектантство уже начало сѣять плевелы своихъ заблужденій. Миссіонеръ заѣзжаетъ, конечно, только „по дорогѣ“: нельзя же ему вмѣшиваться безъ приглашенія въ приходское дѣло священника. Но подъ вoadѣйствіемъ сердечный бесѣды его, священникъ мѣняетъ свой взглядъ на него, какъ на „начальство“, и рассказываетъ ему про свою приходскую бѣду. У миссіонера рѣдко бываетъ въ распоряженіи много времени. Его ждутъ въ другихъ приходахъ назначенныя уже напередъ бесѣды, о которыхъ оповѣщенъ народъ и онъ можетъ предложить священнику провести съ его сектантами не больше одной бесѣды. Поздно, чуть не за полночь, ведетъ онъ ее и хорошо еще, если у него хватаетъ времени отдохнуть до утра послѣ утомительной бесѣды. А то бываетъ и такъ, что силъ не хватаетъ отвѣдать радушно предложенной гостепрїимнымъ и благодарнымъ хозяиномъ трапезы, а уже лошади ждутъ, чтобы ночью дорогою доставить тебя къ поѣзду, или въ слѣдующій приходъ.

Но когда миссіонеръ можетъ побыть въ приходѣ дня два-три, онъ можетъ предложить не одну, а двѣ-три бесѣды. Тогда миссіонеръ можетъ побесѣдовать и о причинахъ отпаденіи отъ Церкви и въ частности, объ иконопочитаніи, и о томъ, что внѣ Церкви нѣтъ спасенія и еще о предметахъ вѣры, о которыхъ онъ найдеть нужнымъ, изъ обширной системы полемическаго и апологетическаго богословія.

Намъ остается перейти къ случаю, когда миссіонеръ можетъ посвятить много времени одному приходу, когда ему незачѣмъ выбирать изъ цѣлой системы православной противосектантской апологіи предметы, разъяснить которые онъ считаетъ необходимымъ предпочтительно предъ другими, когда его заноситъ въ приходъ судьба не случайно и не на короткое время, а для продолжительной планомѣрной работы. Миссіонеръ въ такомъ случаѣ ставитъ себѣ цѣль въ своихъ миссіонерскихъ бесѣдахъ предложить и раскрыть предъ слушателями всю систему православной апологетики. Тогда такая тема бесѣды, какъ „внѣ Церкви

нѣтъ спасенія“, естественно отодвигается на конецъ системы. Миссіонеру гораздо удобнѣе, чтобы эту мысль слушатели восприняли не прямо раскрытой и такъ сказать навязанной миссіонеромъ. Несравненно лучше будетъ, если слушатели сами придутъ къ этой мысли, какъ къ выводу изъ цѣлаго ряда бесѣдъ по всѣмъ вопросамъ христіанской вѣры. Миссіонеру придется тогда только формулировать сложившуюся уже въ сознаніи слушателей мысль, что внѣ Церкви нѣтъ спасенія. Равнымъ образомъ тема другой бесѣды о причинахъ отпаденія сектантовъ отъ Церкви можетъ предвдаться всю систему только въ случаѣ, если сектантство въ приходѣ еще не сложилось и не укрѣдилось, если оно появилось недавно, когда еще живо чувствуется сектантами недавняя связь съ Церковью и тѣ муки души, которыя для нихъ окончились отпаденіемъ отъ Церкви.

Когда миссіонеръ пріѣзжаетъ въ приходъ, гдѣ сектантство уже существуетъ давно и, какъ это часто бываетъ, гдѣ уже велись бесѣды другими прежними миссіонерами, а онъ намѣренъ предложить цѣлый рядъ бесѣдъ, раскрыть всю систему противосектантской апологетики, миссіонеръ по неволѣ задумывается надъ вопросомъ, съ чего начать свою систему бесѣдъ, какой предметъ избрать въ системѣ для бесѣды первымъ? Какъ затѣмъ расположить и остальные предметы бесѣдъ, чтобы исчерпать по возможности все, безъ повтореній и упущеній, о чемъ необходимо побесѣдовать съ сектантами.

Въ такомъ положеніи бываетъ и приходскій священникъ, который признаетъ необходимымъ и сочтетъ себя въ силахъ предложить во внѣбогослужебныхъ собесѣдованіяхъ по частямъ всю систему православной противосектантской апологетики.

Мы сами лично не придаемъ большого методическаго значенія вопросу, съ какого предмета начинать миссіонеру предлагаемая имъ бесѣды православной противосектантской апологетики. Съ чего бы ни начать, лишь бы дѣло начать хорошо и довести его до конца. Но въ виду того, что и руководства по обличенію рационалистическаго сектапства, и многіе изъ самыхъ видныхъ миссіонеровъ придаютъ особое значеніе выбору предмета для начальной миссіонерской бесѣды, мы посвятимъ этому нѣсколько своихъ замѣчаній.

Если вопросъ о предметѣ начальной бесѣды кажется важнымъ, то вотъ почему. Миссіонерскія бесѣды, предлагаемая въ связи, въ системѣ, имѣютъ цѣль обличить сектантскія заблужденія и разъяснить истину православной вѣры. Здѣсь для миссіонера не то только имѣетъ значеніе, чтобы ничего изъ суще-

ственно важнаго не опустить, но и чтобы облегчить свою задачу каждой предъидущей бесѣдой для бесѣды послѣдующей, чтобы, по мѣрѣ приближенія къ цѣли и къ концу, самыя труды миссіонера становились все легче и легче. Но все затрудненіе миссіонера состоитъ въ томъ, что весь его апологетическій и полемическій аппаратъ можетъ состоять изъ текстовъ Св. Писанія. Все, что не опирается на текстъ Писанія, все это сектанты не желаютъ слушать, заявляя, что миссіонеръ говоритъ „отъ своей головы“, а то даже и „отъ собственнаго чрева“. О, если бы можно было обратиться въ бесѣдѣ къ доказательствамъ Св. Преданія! Тогда бы ни одно изъ возраженій сектантовъ относительно отступленій Церкви православной отъ христіанскаго ученія не имѣло бы никакой силы. Тогда бы самое сектантство не было бы возможно, или лучше — оно не имѣло бы права претендовать на возстановленіе чистаго апостольскаго христіанства. Стоило бы только доказать, что Св. Преданіе есть такая же часть Божественнаго Откровенія, какъ и Св. Писаніе, и вся задача дальнѣйшаго труда миссіонера сводилась бы уже не къ защитѣ православнаго ученія, а къ раскрытію его на основаніи Св. Писанія и Св. Преданія безъ всякаго опасенія, что въ православномъ ученіи сектанты могутъ найти хотя бы одинъ пунктъ, не обоснованный если не на текстъ Св. Писанія, то на Св. Преданіи.

Вотъ что заставляеть весьма многихъ миссіонеровъ открывать свои бесѣды съ вопроса о Св. Преданіи. Если бы предъ миссіонеромъ были люди образованные, или теоретики, то надежда миссіонера убѣдить слушателей въ необходимости обращаться къ Св. Преданію наряду съ Св. Писаніемъ могла бы осуществиться. Но дѣло въ томъ, что предъ миссіонеромъ, по большей части, люди необразованные, для которыхъ принятія положенія нисколько необязательны при дальнѣйшихъ разсужденіяхъ. При томъ, это люди не теоріи, а жизни. Они не удовлетворяются ссылкою на Преданіе, которое извѣстно образованнымъ да духовнымъ только лицамъ. Они требуютъ документа наличнаго и предъ глазами. Изъ такихъ письменныхъ документовъ они признали пока за подлинно божественный одну лишь Библію. Все остальное, все Преданіе, всю исторію и всю философію они отвергають, какъ недоступное имъ, неизвѣстное.

И вотъ происходитъ, что на бесѣдѣ о Св. Преданіи миссіонеру удается, на основаніи одного Св. Писанія, доказать, что Св. Преданіе нужно въ Церкви, что оно есть часть божественнаго Откровенія и источникъ христіанскаго вѣроученія. Доказать это

діалектически не такъ ужъ трудно. Миссіонеру удается часто вынудить сектантовъ даже къ открытому признанію, что принимать Св. Преданіе христіанамъ необходимо. Миссіонеръ радуется такому успѣху своему и къ слѣдующей бесѣдѣ своей приготовляетъ несокрушимыя, подробныя и ясныя уже доказательства истинности православнаго ученія изъ Св. Преданія; изъ творенія св. отцовъ Церкви, изъ постановленій соборовъ и проч. Но при первой же попыткѣ сдѣлать это миссіонеръ прерывается возгласами сектантовъ: „это изъ Преданія! Преданія мы не признаемъ! Покажите намъ, гдѣ объ этомъ написано въ Евангеліи, въ Библии!..“ Миссіонеръ вспоминаетъ имъ, что они еще вчера признали открыто, что Св. Преданіе въ Церкви необходимо. Сектанты упорно заявляютъ требованіе, чтобы миссіонеръ приводилъ доказательства изъ одного Св. Писанія. — „Но почему же вы не хотите выслушать доказательства Св. Преданія? Вѣдь вы еще вчера?..“ — „Намъ достаточно одного Слова Божія... Мы не принимаемъ преданія старцевъ!..“ — „Но почему? Вѣдь въ Св. Писаніи сказано про необходимость Преданія...“ И повторяется, какъ въ сказкѣ про бѣлаго бычка.

Вести бесѣду о Св. Преданіи очень важно и необходимо, но вести ее нужно не для того, чтобы затѣмъ можно было въ дальнѣйшихъ бесѣдахъ пользоваться доводами изъ Св. Преданія, — этого все равно сектанты не допустятъ, — а для того, чтобы оправдать существованіе Св. Преданія въ православной Церкви Христовой.

Какъ вести бесѣду о Св. Преданіи, объ этомъ мы скажемъ въ дальнѣйшемъ нашемъ трудѣ. Теперь же замѣтимъ, что въ виду недостижимости той цѣли, съ которой обыкновенно начинаютъ миссіонеры свои апологегическія противосектантскія бесѣды бесѣдою о Св. Преданіи, этого дѣлать не слѣдуетъ. Бесѣда о Св. Преданіи, не смотря на свой важный характеръ и содержаніе, относится все же больше къ христіанскому богословію, чѣмъ къ христіанской практикѣ. Она разсматриваетъ предметъ вѣры не столь жизненный, какъ другіе предметы православной апологетики. Она по своему содержанію не можетъ тронуть, увлечь слушателей, сдѣлать сильное впечатлѣніе спасительности православнаго ученія. А этого нужно больше всего желать отъ первой бесѣды миссіонера.

Миссіонеру, кромѣ того, нѣтъ никакой необходимости слѣдовать научному плану въ расположеніи предметовъ своихъ бесѣдъ. Это въ ученыхъ трудахъ необходимо указать на источники и пособія предлагаемаго публикѣ сочиненія. Св. Преданіе

есть конечно источникъ нашей вѣры, но его божественность есть въ тоже время и предметъ вѣры, и Св. Преданіе столько-же нуждается въ оправданіи предъ сектантами со стороны миссіонера, сколько и другіе предметы вѣры.

Если располагать предметы миссіонерскихъ собесѣдованій въ извѣстномъ порядкѣ или системѣ, то начинать нужно прямо съ того главнаго, которое отрицаетъ сектанство. Это главное есть Церковь Христова. Всѣ остальные предметы миссіонерскихъ собесѣдованій суть только частныя стороны ученія о жизни церковной. И сектантамъ, и православнымъ слушателямъ нужно выяснитъ этотъ главный предметъ нашихъ съ сектантами недоуразумѣній. Сектанты и отступили отъ Церкви Христовой потому, что не знали ея. Ихъ принадлежность къ Церкви православной до сектанства была безсознательная.

Бесѣда о Церкви Христовой по содержанію своему всегда бываетъ чрезвычайно жизненной. Вѣдь Церковь—это жизнь христіанъ со Христомъ и во Христѣ. Бесѣда эта обыкновенно производитъ и сильное впечатлѣніе. Сектантамъ дѣлается ясно то сокровище, которое они потеряли, а у православныхъ укрѣпляется ихъ вѣрность своей Матери Церкви. Бесѣда эта, наконецъ, возбуждаетъ интересъ и къ слѣдующимъ бесѣдамъ, какъ дальнѣйшему раскрытію и выясненію жизни во Христѣ.

Число бесѣдъ, которыя можетъ провести миссіонеръ въ приходѣ, опредѣляетъ и число отдѣльныхъ предметовъ этихъ бесѣдъ. Одну бесѣду о Церкви можно раздробить на четыре приблизительно бесѣды, по числу частныхъ понятій, входящихъ въ понятіе Церкви. Такъ точно можно раздробить на отдѣльные предметы и другіе изъ главныхъ предметовъ миссіонерскихъ собесѣдованій. И наоборотъ, нѣсколько отдѣльныхъ предметовъ можно свести въ одну бесѣду. Во сколько бесѣдъ можетъ улеяться вся система православной противосектантской апологетики, поэтому, невозможно сказать. Все это зависитъ отъ времени и искусства миссіонера. Имѣя въ виду предложить методическую разработку предметовъ православной противосектантской апологетики, мы, поэтому, раздѣлимъ эту методику не на столько частей, сколько можно предложить отдѣльныхъ бесѣдъ, а на столько частей, сколько представляется намъ главныхъ и отдѣльныхъ предметовъ самой противосектантской апологетики, подъ которые легко подойдутъ, и въ нихъ получать свое разрѣшеніе, всѣ частныя вопросы и недоумѣнія, выставяемые сектантами.

Такими предметами православной противосектантской апологетики мы считаемъ слѣдующіе:

- 1) Церковь Христова въ ея существѣ и признакахъ: единствѣ, святости, соборности и апостоличности;
- 2) Благодать спасенія: невидимыя ея дѣйствія и внѣшнее выраженіе;
- 3) Священство Церкви Христовой: даръ и права священниковъ, ихъ личные недостатки, питаніе отъ алтаря и внѣшній видъ или одѣяніе ихъ;
- 4) Таинство крещенія: крещеніе отъ воды и св. Духа, крещеніе младенцевъ и миропомазаніе;
- 5) Таинство причащенія;
- 6) Таинства покаянія, елеосвященія и брака;
- 7) Почитаніе святыхъ и ангеловъ;
- 8) Молитвы за умершихъ;
- 9) Почитаніе св. креста и крестное знаменіе;
- 10) Почитаніе св. иконъ;
- 11) Храмъ: необходимость и значеніе его;
- 12) Праздники и воскресный день;
- 13) Посты и другія благочестивыя упражненія;
- 14) Св. Писаніе и Св. Преданіе.

Остальные предметы, которые часто бываютъ предметами миссіонерскихъ собесѣдованій и на которые указываютъ руководства по обличенію сектантства, напр., о вѣрѣ и дѣлахъ, объ оправданіи и освященіи, о поклоненіи Богу въ духѣ и истинѣ и т. п., въ существенной своей части будутъ разсмотрѣны въ бесѣдахъ объ указанныхъ нами предметахъ. Предлагать же разработку этихъ вопросовъ, какъ отдѣльныхъ самостоятельныхъ частей апологетики, мы считаемъ излишнимъ. Выдвигаютъ эти вопросы скорѣе схоластическія требованія системы, чѣмъ практическія требованія жизни миссіонерской.

Священникъ-миссіонеръ С. Потѣхинъ.

Новая программа по исторіи и обличенію русскаго раскола.

Странное явленіе можно наблюдать въ настоящее время. Достаточно было государственному кораблю принять новый курсъ, какъ во всѣхъ областяхъ жизни нашего отечества стали находить недостатки. Стали все перестраивать на новый ладъ. До момента объявленія переустройства жизни государства, все шло какъ будто и хорошо. Но достаточно было наступить этому моменту, все и вездѣ оказалось никуда не годнымъ. И низины и верхи общества закопошились, относительно спокойная жизнь общества заволновалась и началось великое переустройство.

Коснулось послѣднее и жизни духовной школы. Никто, конечно, не станетъ отрицать, что эта жизнь страдаетъ многими недостатками и требуетъ ихъ исправленія и устраненія, но, думаемъ, никто не рѣшится утверждать, что весь укладъ жизни духовной школы у насъ никуда не годенъ. Между тѣмъ, на дѣлѣ оказывается, что мы по широкой русской натурѣ ломаемъ все сплеча,—даже то, живучесть и пригодность чего нами не испытана, ломаемъ потому, что „пришелъ такой стихъ“.

Мы не думаемъ говорить о томъ, съ какой поспѣшностью производится ломка обветшалыхъ нормъ школы, съ какой стремительностью создаются „новыя начала“, насколько онѣ будутъ прочны и жизнеспособны и т. д. Въ настоящей замѣткѣ мы имѣемъ въ виду нашу среднюю школу главнымъ образомъ въ скромной части семинарской науки по расколо-сектантству.

Недавно учебнымъ комитетомъ при Св. Синодѣ изданы „новыя“ программы по разнымъ предметамъ семинарскаго курса. Между ними находимъ также программу по исторіи и обличенію старообрядчества и сектантства. Послѣдняя обращаетъ на себя вниманіе потому, что жизнь расколо-сектантства за послѣдній годъ обозначилась крупнѣйшими узаконеніями. Какъ извѣстно, закономъ 17 апрѣля 1905 г. утверждены были въ Россіи неизбѣлемыя основы религіозной свободы и вѣротерпимости. Что же касается закона 17 октября 1906 г. о старообрядцахъ и секантахъ, то онъ является цѣлымъ событіемъ, „установившимъ крутой поворотный пунктъ не только въ исторіи церковной жизни старообрядцевъ и сектантовъ, но и въ нашихъ отношеніяхъ къ диссидентамъ“. Дѣйствительно, эти отношенія измѣняются весьма существенно. Православіе и иновѣріе, по новымъ законамъ, находятся теперь въ одинаковыхъ условіяхъ: если недавно законъ былъ на сторонѣ православія, то въ настоящее время онъ оди-

наково опекаетъ и иновѣріе. Борьба съ послѣднимъ возможна только на научной, богословской почвѣ. Казалось бы, что въ виду новаго выгоднаго положенія, занятаго расколо-сектантствомъ, мы, съ своей стороны, поставимъ этотъ предметъ въ духовной школѣ на подобающую высоту и дадимъ возможность будущимъ пастырямъ-миссіонерамъ явиться на борьбу съ иномысліемъ во всеоружіи богословской науки. Между тѣмъ, при обсужденіи вопроса объ измѣненіи программъ семинарскаго курса, не только проглядѣли новыя благоприятныя для расколо-сектантства условія, не только не увеличили числа уроковъ по этому предмету, но, какъ слышно, хотѣли было даже сдѣлать уступку „радѣтелямъ“ духовной школы и совершенно вычеркнуть изъ семинарскаго курса науку о расколѣ и сектахъ.

„Но преобразование,—скажетъ читатель,—сдѣлано, кафедра по расколо-сектантству оставлена, новая программа написана, чего еще недостаетъ?“ Чтобы хорошо осмотрѣться, что сдѣлано и чего еще недостаетъ, сравнимъ старую и „новую“ программы по расколо-сектантству.

Старая программа озаглавляется такъ: „Программа ученія о русскомъ расколѣ, извѣстномъ подъ именемъ старообрядчества, и о мѣстныхъ въ епархіяхъ рационалистическихъ и мистическихъ сектахъ“. Новая—много короче: „Программа по исторіи и обличенію старообрядчества и сектантства“. Почему такое заглавіе дается „новой“ программѣ, отгадать не трудно. Очевидно, слово „расколъ“ не подходитъ къ „новому курсу“ жизни общества и, пожалуй, къ новымъ узаконеніямъ о расколо-сектантствѣ, гдѣ это слово вычеркнуто. Но какъ же быть наукѣ? И она, подобно людямъ, должна подлаживаться подъ „новый курсъ“ и законы? Какъ же быть съ ученіемъ отцовъ церкви, съ церковными канонами? Думается, что наука всегда должна быть вѣрной сама себѣ. Извѣстно, что глаголемые старообрядцы не любятъ слово „раскольникъ“. Но что же дѣлать? Не мы ихъ такъ назвали, а церковь въ лицѣ своихъ представителей—св. отцовъ. Если въ послѣднихъ узаконеніяхъ о расколо-сектантствѣ и не встрѣчается названія „раскольникъ“, то этому такъ и быть слѣдуетъ (и раньше такъ бывало), ибо узаконенія составлялись людьми свѣтскими, мало знакомыми съ ученіемъ отцовъ церкви, но какъ быть наукѣ о расколѣ и сектахъ? Снимая научно съ нашихъ старообрядцевъ утвердившееся за ними наименованіе, чѣмъ мы оправдаемъ себя? Уклоненіе называть ихъ собственнымъ именемъ не будетъ-ли понято ими такъ же, какъ извѣстное обращеніе волинскаго архіепископа Антонія къ Іоанну Картушину? Наука, опирающаяся въ своихъ опредѣленіяхъ на правила соборныя и свято-отеческія, не въ правѣ поступать своими терминами. Пусть раскольники въ законѣ называются старообрядцами, а въ наукѣ остаются тѣмъ, чѣмъ были. Въ виду сказаннаго, заглавіе, придуманное для „новой“ программы по наукѣ о расколо-сектантствѣ, представляется неудачнымъ.

Послѣ заглавія въ „новой“ программѣ подъ рубрикой *введеніе* требуется дать понятіе о наукѣ, ея предметъ и раздѣленіи. Въ

старой программѣ такой рубрики нѣтъ, но она подразумевается и, нужно полагать, каждый преподаватель, приступая къ изложению исторіи раскола, опредѣлялъ, что это за наука, а предметъ и раздѣленіе послѣдней выяснялись сами собой при прохожденіи курса. Послѣ заглавія, введенеіе „новой“ программы представляетъ вторую новинку.

Затѣмъ, въ „новой“ программѣ подъ заголовкомъ „происхожденіе старообрядчества“ отхваченъ въ четырнадцати строкахъ періодъ съ поры возникновенія раскола до большого Московскаго Собора включительно. Non multa, sed multum. Что преслѣдовалось такой краткостью и для кого понадобился такой лаконизмъ, трудно отгадать. Но что такая программа для обслѣдованія первыхъ шаговъ раскола вредна, это ясно само собой. И преподаватель, и ученики окажутся въ безвыходномъ положеніи. Первый, сдавленный рамками программы, не въ состояніи будетъ отчетливо нарисовать чрезвычайно сложное явленіе въ исторіи русской церкви, вторые не смогутъ поэтому достаточно уяснить себѣ начало раскола. Можно возразить на это, что преподаватель не долженъ стѣсняться программой, а вести дѣло такъ, чтобы усвоеніе предмета достигало своей цѣли, но тогда самъ собой напрашивается вопросъ: для чего же составляются программы?

Чтобы видѣть, какъ неумѣло обрисованъ въ „новой“ программѣ начальный періодъ исторіи раскола, достаточно сказать, что о немъ въ старой программѣ трактуется на пространствѣ четырехъ съ лишнимъ страницъ. И, дѣйствительно, впечатлѣніе получается цѣльное. Какъ на художественно исполненной картинѣ зрителю отчетливо представляется каждая частности, такъ и въ старой программѣ детально отмежеванныя ясными штрихами причины и условія происхожденія и развитія раскола, открываютъ предъ мысленнымъ окомъ читателя характерныя и интересныя страницы жизни нашихъ раскольниковъ. Прагматизмъ въ исторіи—самое главное, но въ „новой“ программѣ въ разсматриваемомъ нами отдѣлѣ на него нѣтъ даже намека. Программный вопросъ о происхожденіи старообрядчества представляетъ ни больше, ни меньше, какъ неумѣлую выпись нѣкоторыхъ рубрикъ изъ старой программы. Но въ то время, какъ послѣдняя глубоко продумана и отлично выполнена, первая обслѣдована поверхностно и написана спѣшно.

Но пусть читатель не подумаетъ, что въ разсматриваемомъ отдѣлѣ новой программы ничего уже нѣтъ новаго. Есть. Это — „эсхатологическія чаянія, существовавшія на Руси“. Сказать правду, трудно рѣшить, для чего понадобилась эта рубрика въ рѣшеніи вопроса о происхожденіи старообрядчества. Эсхатологія, какъ ученіе о послѣднихъ временахъ, о конечной судьбѣ міра и человѣка, съ давнихъ поръ занимала религиозную мысль людей. Еврейство, язычество, христіанство особенно въ средніе вѣка (Summa Theologiae Тома Аквината) не мало занималось эсхатологическими вопросами. Объяснять происхожденіе раскола „эсхатологич. чаяніями, существовавшими на Руси“, т. е. присущими

всему православному русскому обществу, нельзя, ибо у раскольниковъ своя эсхатологія, вытекавшая изъ ихъ своеобразнаго ученія, какъ у адвентистовъ и другихъ сектантовъ,—своя.

Второй отдѣлъ „новой“ программы, соответствующій второй главѣ программы старой, озаглавляется такъ: „Старообрядчество въ первое время своего существованія до конца 17 в.“ И въ этомъ отдѣлѣ много недочетовъ. Когда въ старой программѣ говорится о расколѣ въ первое время его существованія, то, какъ и слѣдовало ожидать, выясняется, кто сьорганизовываетъ новое общество, кто его спланируетъ, кто имъ руководить. Такими организаторами были расколоучители: Аввакумъ, Феодоръ и др. Они писали посланія, распространяли свои сочиненія, подавали челобитныя. Все это такъ послѣдовательно, такъ ясно, что измѣнять этотъ отдѣлъ никакъ не слѣдовало. Между тѣмъ новая программа, обрисовывая расколъ на первыхъ порахъ его существованія, интересуется „взглядомъ старообрядцевъ на переживаемое ими время“ и тѣшитъ ихъ „надеждами на побѣду“. Думается, что „взглядъ старообрядцевъ на переживаемое ими время“ всегда интересовалъ раскольниковъ и вопросъ этотъ съ успѣхомъ могъ бы быть помѣщенъ на любой страницѣ программы по расколу.

Бросается, далѣе, въ глаза въ означенномъ отдѣлѣ вопросъ подъ заглавіемъ: „Выдѣленіе безпоповщины“, безъ указанія, изъ чего выдѣлилась безпоповщина. И почему говорится въ данномъ мѣстѣ о выдѣленіи безпоповщины (если разумѣть отдѣленіе безпоповцевъ отъ православной церкви), а о поповщинѣ умалчивается? Правда, „выдѣленіе безпоповщины“ стоитъ послѣ рубрики „споры по вопросу о старыхъ и новыхъ попахъ“. Выходитъ, такимъ образомъ, что въ означенныхъ спорахъ нужно трактовать о поповцахъ. Но трактать о попахъ—это уже практическая причина раздѣленія раскольниковъ. А гдѣ же причины теоретическія, территоріальныя? Старая программа куда лучше выясняетъ распадѣніе раскола на секты, что можно видѣть изъ слѣдующихъ ея вопросовъ: „Безпоповщинскія и поповщинскія мнѣнія въ сочиненіяхъ первыхъ расколоучителей. Образование безпоповщинскихъ и поповщинскихъ общинъ въ расколѣ. Окончательное раздѣленіе раскола на безпоповщину и поповщину съ прекращеніемъ священниковъ дониконовскаго поставленія“. Что можетъ быть яснѣе этихъ вопросовъ, какъ вопросовъ программы?

Подъ послѣдней рубрикой второй главы „новой“ программы значится „возникновеніе вопроса о бракѣ“. Почему „новая“ программа такъ спѣшно подымаетъ означенный вопросъ, рѣшительно нельзя понять. Но что подымается онъ не на мѣстѣ, видно изъ того, что четырьмя строками ниже значится рубрика „о возможности брачной жизни“.

Подъ цифрой три въ „новой“ программѣ идетъ рѣчь о безпоповщинѣ: „Безпоповщина, какъ болѣе послѣдовательное выраженіе основныхъ началъ старообрядчества“. Думается, что ставить такъ вопросъ нельзя, потому что въ такомъ видѣ онъ за-

темняетъ дѣло и затемняетъ сильно. Въ самомъ дѣлѣ, старообрядчество, какъ приверженность къ старымъ обрядамъ, болѣе послѣдовательно въ поповщинѣ, ибо послѣдняя во всей полнотѣ сохранила тотъ укладъ жизни, который былъ до п. Никона. „Устроивши іерархію“, она осталась вѣрной церковной традиціи и ни на шагъ не отступаетъ отъ старины. Безпоповщина, напротивъ, менѣе послѣдовательна въ выраженіи основныхъ началъ старообрядчества, ибо полноты церковно-религіозной жизни не имѣетъ и страдаетъ крупными новообразованиями. Нужно думать, что „новая“ программа вышеозначеннымъ заглавіемъ хочетъ указать на общія начала безпоповщины, т. е. на ученіе объ антихристѣ, какъ это сказано въ старой программѣ. Но тогда зачѣмъ огорять городить?

Далѣе идетъ рѣчь о раздѣленіи въ безпоповщинѣ по разнымъ вопросамъ. Дѣлить безпоповщину и безъ этого подѣлившуюся на сотни толковъ, не лишне-ли? вмѣсто безплоднаго дѣленія не лучше-ли было „новой“ программѣ заняться историческимъ очеркомъ существующихъ безпоповщинскихъ толковъ и попутно выяснитъ дробившіе безпоповщину вопросы, какъ это и дѣлается въ старой программѣ.

Въ изложеніи свѣдѣній о безпоповщинскихъ толкахъ соблюдается безъ всякой надобности лаконизмъ самой высокой пробы. Нѣтъ ничего хуже, если вопросы программы представляютъ собой извѣстное „нѣчто обо всемъ“. Именно въ этомъ смыслѣ намѣчены историческія свѣдѣнія о безпоповщинскихъ толкахъ. Программа совершенно игнорируетъ тѣхъ, для кого она пишется т. е. учащихся. Хочется при этомъ добавить, что если бы она писалась даже для профессоровъ, то все таки должна быть болѣе подробной. Лаконизмъ въ этомъ мѣстѣ программы доходитъ до того, что о великихъ раскольническихъ толкахъ даже не упоминается. Исторія безпоповщинскихъ толковъ въ старой программѣ обнимаетъ собой двѣ съ половиною страницы, въ „новой“ же программѣ эта исторія втиснута въ тридцать строкъ.

Указаніемъ на безпримѣрный лаконизмъ, встрѣчающійся въ „новой“ программѣ не въ первый разъ, можно было бы окончить рѣчь съ отдѣломъ о безпоповщинѣ. Но этого не позволяетъ сдѣлать послѣдній вопросъ отдѣла „Общая приближительная численность безпоповцевъ и мѣста наибольшей распространенности отдѣльныхъ безпоповщинскихъ толковъ“. Заслуживаетъ всякаго вниманія собственно первая половина вопроса. Во-первыхъ, какъ это установить численность безпоповцевъ, хотя бы и приближительную? Допустимъ, есть и статистика. Просмотрятъ цифры, подсчитаютъ. Во-вторыхъ, зачѣмъ эти статистическія свѣдѣнія понадобились историку, зачѣмъ ему нужна приближительная численность безпоповцевъ? Трудно придумать отвѣтъ на поставленный вопросъ. Когда въ старой программѣ говорится: „сравнительная численность безпоповщинскихъ толковъ“, то это понятно. Сравнительная численность толка весьма важна; она указываетъ историку относительную живучесть этого толка, его вліяніе на окружающее населеніе, его значеніе для другихъ

болѣе мелкихъ толковъ и т. д., но общая *приблизительная* численность безпоповцевъ... нужна только, какъ вопросъ въ „новой“ программѣ.

Четвертая глава *намѣчаетъ* вопросы о поповщинѣ. Слово „намѣчаетъ“ мы подчеркиваемъ потому, что эта часть „новой“ программы совершенно не разработана. Канцелярскій способъ извлеченія изъ старой программы примѣненъ въ этой части въ самомъ широкомъ смыслѣ. Понадергано нѣсколько заглавій, въ концѣ которыхъ значится полюбившееся „новой“ программѣ слово „выдѣленіе“: выдѣленіе діаконовщины, выдѣленіе перемазовщины, выдѣленіе лужковщины, а настоящаго-то дѣленія поповщины на лицо нѣтъ, оно таинственно куда-то запрятано.

Чтобы узнать, что поповщина дѣлится на бѣглопоповство и на толкъ пріемлющихъ австрійское священство, необходимо осилить четыре рубрики и только въ концѣ ихъ говорится объ „учрежденіи священства австрійскаго“. Отдѣленіе только безпоповщины отмѣчались раньше въ „новой“ программѣ курсивомъ, по отношенію къ австрійскому священству и это доброе правило игнорировано. Австрійскій толкъ такъ и затерялся-бы среди рубрикъ, если-бы якоремъ спасенія не явились двѣ пары изъ русскаго алфавита аа и бб.

Если выбирать изъ програмныхъ вопросовъ по расколу такіе, которые требуютъ въ настоящее время особеннаго вниманія къ себѣ и строгаго обслѣдованія, то необходимо остановиться именно на поповщинѣ и въ частности на австрійскомъ толкѣ. И не потому только этотъ вопросъ долженъ быть разсмотрѣнъ обстоятельно, что раскольники австрійскаго священства представляютъ грозную силу по своей внѣшней и внутренней организаціи, которую нерѣдко ставятъ въ примѣръ православной церкви. Къ такому вниманію побуждаетъ также казовая сторона церковно-религіозной жизни этого толка. Для простецовъ ее трудно отличить отъ этой же стороны въ православіи. И въ этомъ нужно полагать всю опасность австрійщины для чады православной церкви и предупреждать ее. Откуда же начинать это предупрежденіе, какъ не со школьной скамьи? Ну, а извѣстные законы 17 апр. 1905 и 17 окт. 1906 г. могутъ быть вопросами программы? А событія, послѣдовавшія послѣ этихъ законовъ въ средѣ австрійскаго священства? А примиреніе окружниковъ съ неокружниками? Если старая программа нашла необходимымъ въ исторіи австрійскаго толка остановиться на дѣятельности Савватія (Левшина), не упомянуть объ Іоаннѣ (Картушинѣ), который въ сравненіи съ Савватіемъ—гигантъ, прямо—грѣхъ непростительный. Между тѣмъ, ничего подобнаго въ „новой“ программѣ мы не находимъ. Все пропущено и все потонуло въ непростительномъ лаконизмѣ, кромѣ непродуманности „новой“ программы и канцелярскаго способа ея составленія.

„Гражданскія и духовныя мѣры противъ старообрядчества“, (отношенія церковнаго и гражданскаго правительства къ расколу) значатся въ пятой главѣ „новой“ программы. Чтобы имѣть понятіе, какъ составлена новая программа по расколу, достаточно

отослать читателя къ старой. Довольно одного бѣглаго взгляда на программы, чтобы полученное впечатлѣніе подсказало, которая изъ двухъ настоящая, составленная, какъ слѣдуетъ, программа. Но такъ какъ подобный опытъ, за отсутствіемъ программъ, не всякій можетъ произвести, то необходимо сказать, что всѣ мѣры церковнаго правительства противъ раскола до 1883 г. въ „новой“ программѣ заключены въ слѣдующихъ рубрикахъ: „Полемика этого (Петровскаго) періода. Миссіи. Книги о старообрядчествѣ“. Не правда-ли, кратко? Кажется, короче и быть не можетъ. Чтобы читатель имѣлъ хоть какое-нибудь представленіе, какія залежи скрываются подъ означенной строкой, необходимо замѣтить, что здѣсь подразумѣвается: мѣры противъ раскола, изысканныя соборами 1667 и 1681 гг. миссіонерская дѣятельность синода, дѣятельность св. Димитрія Ростовскаго, Питиріяма епископа Нижегородскаго, Неофита, Никифора Астраханскаго, прот. Журавлева, митроп. Филарета и митроп. Григорія; здѣсь нужно разумѣть полемическія книги: Розыскъ, Пращицу, Обличеніе неправды раскольнической, Увѣщаніе, Историческое извѣстіе... Бесѣды глаголемому старообрядцу, Истинно-древнюю Христову церковь и многое другое, о чемъ довольно подробно говорится въ старой программѣ; здѣсь нужно поразумѣвать, добавимъ отъ себя, и ту великую пользу для всѣхъ интересующихся расколомъ, какую принесетъ столь отчетливо составленная программа.

Единоувѣрцы съ „Правдой православія“ во главѣ пока только добиваются самостоятельнаго епископа, чтобы образовать *ecclesiam in ecclesia*, а новая программа уже забѣгаетъ впередъ на этомъ пути, отводя единоувѣрцію на своихъ немногочисленныхъ страницахъ особую „самостоятельную“ главу подъ заглавіемъ: „Присоединенія старообрядцевъ къ церкви съ правомъ содержать старыя книги и обряды“. Разсказываютъ случай изъ школьной жизни маленькихъ шалуновъ. Чтобы потратить больше времени и сдѣлать меньше работы, школьники на урокъ чистописанія отнесли свои чернильницы въ послѣднюю комнату школьнаго зданія, чтобы бѣгать туда обмакивать перья.

„Самостоятельная“ глава объ единоувѣрціи напоминаетъ намъ эту послѣднюю комнату, куда бѣгали мальчуганы. Для какой цѣли и въ какомъ смыслѣ нужно говорить о единоувѣрціи въ отдѣльной главѣ? И менѣе всего это можно дѣлать при томъ объемѣ „новой“ программы, въ которой она заключена. Программа, какъ это очевидно, сокращается до минимума. И въ этой сокращенной программѣ, игнорировавшей много существенныхъ вопросовъ, не извѣстно по какой причинѣ, отводится особое мѣсто единоувѣрцію. Трактатъ о послѣднемъ прекраснo вмѣщался въ предѣлахъ исторіи поповщинскихъ толковъ и выдѣлять его не слѣдовало.

Обращаемся теперь къ „новой“ программѣ разбора старообрядческаго ученія или, по старому, обличенія раскола. И эта вторая часть программы страдаетъ такими же крупными недостатками, какъ и первая. Прежде всего, программа разбора старо-

обрядческаго ученія лишена перваго качества всякой систематической работы—плановѣрности.

Чтобы въ этомъ убѣдиться, сравнимъ конспективно построение старой и „новой“ программы. Въ первой, послѣ введенія, налагаются предварительныя понятія, за которыми слѣдуетъ разсмотрѣніе общихъ всѣмъ раскольникамъ мнѣній и, наконецъ, разбирается ученіе безпоповцевъ и поповцевъ. Плановѣрность такого построения обличенія раскола находится въ строгомъ соотвѣтствіи съ его исторіей. Введеніе обличенія раскола соотвѣтствуетъ въ программѣ по исторіи происхожденію его, предварительныя понятія—первымъ проявленіемъ раскола, разсмотрѣніе общихъ всѣмъ раскольникамъ мнѣній—общей жизни раскола до раздѣленія на секты, обличеніе ученія безпоповцевъ—исторіи безпоповщинскихъ толковъ, и, наконецъ, обличеніе ученія поповцевъ—исторіи поповщины. Изъ сказаннаго видно, что старая программа по обличенію раскола распланирована въ высшей степени стройно. Учебный матерьяль, сообщенный слушателямъ по этой программѣ, воспринимается въ строгой послѣдовательности и усваивается въ соотвѣтствіи съ историческими данными по расколу, усвоенными раньше. Это—великое преимущество старой программы.

Въ новой программѣ ни этого преимущества, ни какихъ-либо другихъ найти нельзя. Начать съ того, что намѣчая источники для знакомства съ ученіемъ раскола и для критическаго разбора этого ученія, программа не называетъ по имени ни тѣхъ, ни другихъ. Характеръ вопросовъ программы въ данномъ мѣстѣ какой-то вывѣсочный. Учиться по такой программѣ немислимо. Пояснимъ это примѣромъ. Допустимъ, кто-нибудь пожелалъ бы послужить православной церкви въ качествѣ миссіонера и задался бы цѣлью проштудировать ученіе раскола по новой семинарской программѣ по этому предмету. И вотъ онъ находится въ послѣдней такой вопросъ объ источникахъ вѣроученія: „Поповщинскія и безпоповщинскія сочиненія XVIII вѣка по внѣшней полемикѣ и внутренней“. Что изъ этихъ сочиненій ему выбрать? Вы, читатель, что выберете? Или еще вопросъ въ этомъ же родѣ: „Новѣйшія сочиненія австрійскаго старообрядчества“. На какомъ изъ этихъ сочиненій остановится тотъ, кто желалъ-бы узнать, какъ учатъ раскольники? Штудировать-ли ему Карловича, или читать Швецова и Механикова? А, можетъ быть по толковѣе будетъ Усовъ съ Мельниковымъ? И такъ далѣе, все въ этомъ родѣ. Ни одно сочиненіе не названо ни для знакомства съ ученіемъ раскола, ни для его опроверженія. Такимъ образомъ, желающему полемизировать съ раскольниками не дается никакого орудія. Когда обучаютъ военному искусству, то прежде всего будущаго воина знакомятъ съ орудіемъ, его частями, способомъ обращенія и пр. Въ духовной борьбѣ по „новой“ программѣ этого не требуется. Но какъ это далеко отъ горькой дѣйствительности! Ужъ если кто, такъ это наши раскольники больше всего требуютъ показать дѣло „на строкѣ“. Но гдѣ взять эту строкую, если даже книги не называются?

Далѣе, по новой программѣ слѣдуетъ вопросъ подъ заглавіемъ „Безпоповщинское ученіе о церкви“. Приемъ написанія десяти строкъ подъ этимъ заглавіемъ—прежній. Изъ старой программы взяты самыя общія рубрики и дѣло готово. Нечего говорить, что въ такомъ видѣ разборъ безпоповщинскаго ученія представленъ поверхностно. Такой кардинальный въ безпоповствѣ вопросъ, какъ объ антихриствѣ, и въ старой программѣ могъ-бы быть кое-чѣмъ восполненъ, здѣсь вмѣщенъ въ двѣ строки. Или такой жгучій вопросъ, какъ о тайнѣ крещенія и причащенія, совсѣмъ не выдѣленъ. Впечатлѣніе отъ неопредѣленности вопросовъ этого отдѣла получается крайне тяжелое. Чувствуется безпомощность программы, какъ руководства. Вопросы понижены, а что подъ ними слѣдуетъ разумѣть, Богъ вѣсть. Программа—иероглифична. Трудно рѣшить, какъ справятся съ нею преподаватели семинаріи, въ особенности ученики, но не трудно предсказать, что изученіе науки по такому руководству грозитъ послѣдней полнымъ проваломъ.

„Поповщинское ученіе о церкви“ обследовано новой программой тоже не важно. Если съ безпоповцами полемика не легка, то тѣмъ болѣе нужно сказать это о поповщинѣ. Послѣдняя, какъ извѣстно, выдвигаетъ теперь въ борьбѣ съ православіемъ и новыхъ борцовъ, и новыя приемы. Что же мы противопоставляемъ поповщинѣ въ десяти строкахъ „новой“ программы? Общія заголовки безцвѣтные и запутанные. Сначала идетъ рѣчь о бѣглопоповцахъ, потомъ объ австрійцахъ, потомъ опять о тѣхъ и другихъ. Что вынесутъ слушатели отъ такихъ переходовъ отъ предмета къ предмету? Будутъ ли эти передвиженія способствовать точному уясненію ученія двухъ различныхъ толковъ? Не лучше ли было бы сказать сначала о томъ, что общаго имѣютъ эти толки, а затѣмъ выяснить частности ученія каждаго изъ нихъ? Изъ „новой“ программы совершенно не видно, что сущность всѣхъ доказательствъ бѣглопоповцевъ направлена къ тому, что церковь можетъ существовать *безъ епископа*, а австрійцевъ,— что она можетъ быть безъ него *временно*. Подробное обоснованіе этихъ двухъ пунктовъ поповцами, не менѣе подробное опроверженіе этого обоснованія, указаніе на приемы, къ какимъ прибѣгаютъ въ настоящее время раскольники,—все это должно быть предметомъ точныхъ программныхъ вопросовъ.

Обследовавъ ученіе безпоповцевъ и поповцевъ, „новая“ программа переходитъ, наконецъ, къ общему ученію тѣхъ и другихъ. Переносъ такую послѣдовательность „новой“ программы на почву исторіи, можно было бы придти къ выводу, что расколъ въ русской церкви произвели своимъ ученіемъ сначала безпоповцы, а потомъ поповцы и только впоследствии они сошлись въ нѣкоторыхъ пунктахъ. Такое впечатлѣніе получается отъ того, что въ „новой“ программѣ, какъ замѣчено выше, нѣтъ плановѣрности. Этимъ объясняется, далѣе, и то, почему объ обрядѣ въ его отличіе отъ догмата приходится говорить послѣ изложенія ученія раскольниковъ, между тѣмъ объ обрядовомъ направленіи въ религіозной жизни нашихъ предковъ та же программа въ исторіи раскола трактуеть въ первыхъ строкахъ. А какъ

кстати было бы отдѣлить мѣсто вопросу о догматѣ и обрядѣ среди предварительныхъ понятій и положеній, что сдѣлано старой программой и что совсѣмъ пропущено новой. *Старообрядчество, обрядовѣріе* такъ и подсказываетъ выдвинуть этотъ вопросъ, какъ его зная, на первый планъ.

Первымъ въ ученіи старообрядцевъ разсматривается вопросъ о перстосложеніи. „Новая“ программа сама признаетъ „важность (этого) вопроса въ полемикѣ съ старообрядцами“. Но подчеркнувши такое значеніе двуперстія, она ограничилась шестистрочнымъ обслѣдованіемъ его, намѣтивъ, по обыкновенію, самыя общія заглавія, иначе сказать, предоставивъ изучать этотъ вопросъ въ какой угодно формѣ, вообще, и ни слова не упомянувши, на что должно быть обращено вниманіе, въ частности. Какъ важенъ такой недосмотръ въ программѣ, ясно всякому, кто имѣлъ случай бесѣдовать съ нашими раскольниками. Вопросъ этотъ, дѣйствительно, важенъ не только по своему значенію въ расколѣ, какъ символъ принадлежности къ нему и средство пропаганды, но и по сложной суммировкѣ доказательствъ, приводимыхъ въ его защиту, и не менѣе сложной номенклатурѣ данныхъ для ихъ опроверженія. Въ старой программѣ, построенной фундаментально, вопросъ о перстосложеніи прекрасно обслѣдованъ,—хотя прибавить къ нему кое-что было-бы не лишнимъ.

Въ заключеніе не лишнимъ будетъ принять во вниманіе слѣдующее. Школьная программа это—руководство и для преподавателя, и для учениковъ. Въ ней долженъ быть отчетливо, точно обозначенъ предметъ ихъ занятій. Это первое требованіе, которое предъявляется всякой программѣ, по какому бы то ни было предмету. Если принять во вниманіе, что наука о расколѣ по своему характеру является въ семинарскомъ курсѣ наукой прикладной, означенное требованіе предъявляется къ программѣ по этому предмету еще въ болѣе строгомъ смыслѣ. Не только необходимо, чтобы предметъ занятій по расколу былъ точно обозначенъ, но необходимо еще, чтобы онъ соотвѣтствовалъ дѣйствительности, чтобы учащіеся были подготовлены къ тому, что ихъ ожидаетъ за порогомъ школы.

Съ этой точки зрѣнія, „новая“ программа не удовлетворяетъ своему назначенію. Программные вопросы — слишкомъ общи и разобратъ въ нихъ трудно. Скажутъ, что такой характеръ вопросовъ даетъ мѣсто личной инициативѣ преподавателя. Отвѣчаемъ, опытный преподаватель разберется и при старой, отлично составленной программѣ. Но есть преподаватели начинающіе. Каково ихъ положеніе? Подъ общими и вывѣсочными вопросами они будутъ ходить, какъ въ потемкахъ. Ломаютъ старое зданіе тогда, когда оно приходитъ въ ветхость. Неизвѣстно, чѣмъ обветшала сравнительно недавно составленная программа по расколу, но ясно, что, вмѣсто стараго дома, намъ преподносятъ новый курятникъ.

С. I. П.

По слѣдамъ раскольничьихъ дѣятелей 1).

Подробно разбираться въ хаосъ противоканоничностей австрійскаго священства, представленномъ въ письмѣ Швецова, нѣтъ надобности. Будучи мірянами, по суду церковныхъ канонѣвъ, австрійскіе іерархи „отъ сохи“, относятся, какъ извѣстно, къ этимъ канонамъ не съ большимъ уваженіемъ, чѣмъ къ распоряженіямъ сельскаго старосты, хотя разговора о канонахъ у нихъ очень много. Для примѣра вспомнимъ хотя бы слѣдующее: 1) Митр. Кирилль поставляетъ на Московскую кафедру двухъ епископѣвъ Антоніевъ (Шутова и Гуслицкаго). Антоніи эти не признаютъ другъ друга за законныхъ архіереевъ и „принимаютъ къ себѣ запрещенныхъ отъ своихъ епископѣвъ за разныя вины священниковъ и разрѣшаютъ ихъ на священнодѣйствіе“. 2) Послѣ Боташанскаго собора („съ площадною бранью“), въ ноябрѣ 1866 г. митр. Кирилль „шлетъ“ „епископамъ“ (бывшимъ на соборѣ) „запрещеніе, чтобы они не могли въ Яссахъ освящать церкви“. „Епископы“ признали „запрещеніе недѣйствительнымъ, на главу пославшаго возвращающимся“, и „церковь въ Яссахъ освятили“. Митр. Кирилль написалъ послѣ этого заграничнымъ іерархамъ и московскому архіепископу Антонію запрещеніе отъ священнодѣйствій. „Конечно таковыхъ запрещеній его соборъ не призналъ правильными, и отъ 9 декабря того же 1866 г. онымъ запрещеннымъ отъ митр. Кирилла іерархамъ дозволилъ священнодѣйствовать“, „Потомъ соборъ, обсуждая дѣйствія митр. Кирилла, призналъ его достойнымъ изверженія“, хотя и послѣ того запрещенные Кирилломъ епископы, „ничтоже сумняся за совѣсть“, „являются за службы церковныя“ въ митрополичьемъ монастырѣ...

3) Всего любопытнѣе въ данномъ случаѣ взглядъ московскаго „архіеп.“ Антонія на силу и значеніе церковныхъ канонѣвъ. „Соборъ призналъ митр. Кирилла достойнымъ изверженія. Написано было даже и самое постановленіе отъ собора по изверженію митр. Кирилла“. Надо думать, у собора были же какія-

1) См. „Мисс. Обзор.“ Мартъ 1907 г.

нибудь на это каноническія основанія. „Но московскій архіепископъ Антоній, предсѣдатель собора, на это не согласился“: „онъ, видите-ли, не имѣлъ, по швецовскому письму, надежды на то, чтобы австрійское правительство допустило избрать и рукоположить имъ другого митрополита на мѣсто изверженнаго. И посему-де митр. Кириллъ и по изверженіи будетъ святительская дѣйствовать и имъ (австрійскимъ окружникамъ) волей и неволей придется имѣть общеніе съ изверженнымъ и отъ него поставленными“¹⁾.

Обращаемъ нарочитое вниманіе нашихъ читателей на это классическое въ своемъ родѣ мѣсто изъ письма перваго, можно сказать, апологета австрійскаго священства, о Швецова, особенно въ виду того, что онъ былъ секретаремъ Антонія Шутова и надо думать, хорошо зналъ настроеніе своего „владыки“. Оказывается, въ австрійщинѣ, даже когда она не нуждалась насчетъ окормленія священствомъ въ еретической власти (въ 1866 г.), воля австрійскаго правительства все же была сильнѣе и дѣйственнѣе, чѣмъ церковные каноны. Изъ приведеннаго мѣста швецовскаго письма не понять этого нельзя. Почему „архіепископъ“ Московскій Антоній „не согласился на изверженіе митр. Кирилла“, достойнаго изверженія“ по законамъ церковнымъ? Почему онъ, вопреки канонамъ, находилъ необходимымъ „имѣть общеніе съ изверженнымъ, или отъ него поставленными“? Да потому, что считался онъ не съ канонами церковными, а съ предполагаемой волей австрійскаго правительства... Далѣе, почему онъ думалъ, что „митр. Кириллъ и по изверженіи будетъ святительская дѣйствовать“? Да потому, что зналъ, что и Кириллъ, какъ и онъ, былъ не настолько высокаго мнѣнія о канонахъ, чтобы изъ-за нихъ отказываться отъ выгоднаго положенія... Достойно вниманія при этомъ то обстоятельство, что такое „предпріятіе“ „архіепископа“ Антонія въ продолженіе „полуторагодового собора“ Швецовъ называетъ „благимъ“.

Отъ души совѣтовали бы мнѣ вспомнить этотъ „соборъ“ и „предпріятія“ на немъ московско-австрійскаго „первосвятителя“ строчиламъ расколо-окружнической газеты „Слово Правды“, которые съ захлебываніемъ доказываютъ, что „ихъ церковь никогда не была въ связи съ *государствомъ*, а тѣмъ болѣе въ *подчиненіи* у него“, что они „250 лѣтъ боролись за *свободную* церковь и отстаивали ее“ (№ 23 с. г. за 18 марта, ст. „Чего мы ждемъ отъ Государственной Думы“). Если тутъ разумѣется русское

1) „Миссионер. Обзор.“ за 1906 г. № 9. Письмо Швецова, стр. 321.

государство, православное, то, быть можетъ, это и правда, а если австрійское, католическое, то, какъ явствуетъ изъ сказаннаго, это — совершенная ложь: въ послѣднемъ случаѣ ихъ церковь, въ своей внутренней жизни, была настолько *свободна*, что и каноны считала за ничто предъ изволеніемъ австрійскихъ чиновниковъ. А вѣдь, по словамъ самого же Швецова, „всѣ установленія и *всѣ каноны* церкви направлены къ тому, чтобы въ наивозможной для челоуѣчества полнотѣ служить союзу со Христомъ осуществленіемъ на практикѣ вѣры и любви, и чтобы въ таковой же полнотѣ и чистотѣ усвоить благодать и истину“ („Истинность старообрядчествующей іерархіи“ изд. 1885 г., стр. 213 — 214). О. Швецову, должно быть, много извѣстно „предпріятій“ раскольничьихъ „святителей“, подобныхъ сообщенному имъ въ письмѣ. Не даромъ онъ въ своей „Истинности“ пишетъ, что „старообрядчество предавалось въ своей жизни вожденію инстинктовъ, безразсудительности и безотчетности самому себѣ“ (стр. 191).

Помимо росписи „съ приложеніемъ руки“ въ каноническомъ анархизмѣ австрійщины, письмо Швецова представляетъ миссіонерскій интересъ и съ другихъ сторонъ. Отмѣтимъ мѣста, бросившія намъ въ глаза.

1) По сообщенію Швецова, посламъ московскаго собора 1863 г. по обсужденію незаконныхъ дѣйствій митр. Кирилла и изверженію Софронія, было поручено представить разсужденія собора Кириллу, а въ случаѣ его несогласія съ ними, идти къ митр. Амвросію. Кириллъ не далъ посламъ окончательнаго отвѣта, и „они пошли къ митр. Амвросію, и чрезъ посредство сына его Георгія, *болѣе Амвросія понимавшаго русскій языкъ*, объяснили ему всѣ дѣла церковныя и соборное о нихъ сужденіе“.

Какъ извѣстно, іеромонахъ Іеронимъ, „исповѣдавшій“ митрополита Амвросія и „тщательно испытавшій глубины сердца его“, при чинопріемѣ его въ расколъ, ни слова не зналъ по гречески, а митр. Амвросій совершенно не понималъ русскаго языка. Комизмъ такой „исповѣди“ и „испытанія глубинъ сердца“ очевиденъ. На это обстоятельство и обращали вниманіе православные миссіонеры, въ бесѣдахъ съ австрійцами о чинопріемѣ бѣлаго митрополита бѣглымъ попомъ. Защитники австрійщины, особенно болѣе наглый и лживый изъ нихъ Ив. Усовъ (нынѣ лжеепископъ Иннокентій), усиливались доказывать, и устно и письменно, что Амвросій, при переходѣ въ расколъ, владѣлъ русскимъ языкомъ чуть не какъ поэтъ Пушкинъ. Теперь, съ 1846 г. (года бѣгства и чинопріема въ расколъ митр. Амвросія) до 1863 г. про-

шло 27 лѣтъ общенія Амвросія съ русскими раскольниками. И что же? По свидѣтельству Шведова, Амвросій въ 1863 г. менѣе понималъ русскій языкъ, чѣмъ сынъ его Георгій. А насколько хорошо владѣлъ русскимъ языкомъ Георгій въ 60-хъ годахъ, можно судить какъ изъ раньше приведенныхъ выдержекъ изъ его писемъ, такъ и изъ слѣдующихъ. Въ письмѣ на имя митр. Кирилла отъ 28 февраля 1861 г. Георгій между прочимъ писалъ: „Господинъ митрополить спрасуваетъ васъ: ежели его высокопр. идетъ въ Триесту за живить, скодить ли вамъ, или нѣтъ? Это прошимо, по полученіи нашего письма, писете намъ вашу мнѣнію и мысленію. Мы думаемъ, да за васъ все равно, или господинъ живеть въ Цылли, или въ Триесту“ и т. д. 1). Въ письмѣ отъ 25 апрѣля 1862 г.: „получили мы отъ высокаго министерію декретъ, въ котораго пишеть, какъ господинъ митр. имѣеть еще два лѣта живить здѣсь въ Цилли, а въ этомъ время министерію будетъ старатся за одинъ другое мѣсто, а за Вуковина ничего не пишеть, за то мы рѣсилися здѣсь, въ Цылли, навсегда остатся, и купили одинъ домъ за 3050 дукатовъ австріискаго золота, можно ли за этеи 3050 дукатовъ поискать отъ наше православныхъ христіанамъ одинъ общей помосць изванредныи, сирецъ отъ московскіи купцовъ“ 2). Въ письмѣ отъ 5 іюля 1862 г.: „Прошимо васъ, другій путь не посылаете къ намъ таки голи машеники, фанатики и дураки людей. Кажется, да наши православныи старообрядцы не знаютъ, что то есть честолюбія, и за то не хоцеть по крайней мѣрѣ ни спрасовать за господина митрополита. Господинъ митрополить есть премного сердитый, что вы посылаете къ нему скверныи люди, неуцевный скота спрасовать, жели онъ крещенъ со три погруженіе, или нѣтъ; это дѣло есть за васъ срамотно, и это покажутъ вашу невѣрность и неблагодарность страма вашего драгоцѣннаго благодѣтеля“ 3)...

Если такъ владѣлъ русскимъ языкомъ Георгій (въ 1863 г.), чрезъ посредство котораго, какъ *болѣе отца понимавшаго русскій языкъ*, посламъ московскаго собора поручено было „объяснить всѣ цѣли церковныя и соборное о нихъ сужденіе“, то какъ же въ это время зналъ русскій языкъ самъ митр. Амвросій? Видимо, такъ, что съ нимъ бесполезно было и говорить порусски. Спрашивается, теперь, какъ же онъ, митрополить Амвро-

1) „Переписка раск. дѣятелей“ изд. Субботина, вып. I, стр. 201.

2) Тамъ же, стр. 216.

3) Тамъ же, письмо къ митр. Кириллу, стр. 220.

сій, насколько хорошо понималъ и говорилъ по-русски въ 1846 г., т. е. раньше своего 27-лѣтняго „пасенія“ русскихъ людей и обращенія съ ними? На какомъ языкѣ „исповѣдывалъ“ его Іеронимъ, совершенно незнакомый съ греческою рѣчью, и при томъ „тщательно испытывавшій всѣ глубины амвросіева сердца“? Вѣдь эта „исповѣди и испытаніе глубинъ сердца Амвросіева“ составляли не два-три слова, которыя „нужды ради“ можно бы поугайски затвердить или Іерониму по-гречески, или Амвросію по-русски. Въ „свидѣтельствѣ духовника Амвросія (т. е. Іеронима) отъ 28 окт. 1846 г.“¹⁾ пишется, что Іеронимъ „приступилъ къ исповѣди его высокопреосвященства, по правиламъ святыхъ Апостолъ и богоносныхъ отецъ, представивъ ему съ великою важностью высокій его чинъ и о паствѣ неотложную его должность, даже и самую его будущую смерть, судъ, муку грѣшнымъ и воздаяніе праведнымъ, и испыталъ тщательно глубину сердца его, обрѣлъ его во всемъ по желанію нашему достойна. И его высокопреосвященства съ сокрушеннымъ сердцемъ и въ страхъ Божіи истинно исповѣдалъ всю сущность православныя христіанскія вѣры и проклятіе ересей и что онъ истинно въ три погруженія крещень“... Вонъ сколько разговора было у Іеронима, ни слова не понимавшаго по-гречески, съ его высокопреосвященствомъ, ни слова не знавшимъ по-русски?!. Какого-нибудь иностраннаго языка, обоюдо извѣстнаго, они не знали. Быть можетъ, они объяснялись на птичьемъ языкѣ, не знаемъ; по человѣческому же разумѣнію остается предположить, что при „исповѣди“ и „испытаніи глубинъ сердца“, Іеронимъ и Амвросій были другъ для друга въ положеніи „неуцевнаго скота“... Предполагать другое нѣтъ никакой возможности.

2) Швецовъ пишетъ бѣглопоповцу: „Мы васъ, бѣглопоповцевъ, признаемъ своею о Христѣ братією, недоброразсудно только усомнившееся о митр. Амвросіи на основаніи разглашенныхъ недоброжелателями о немъ клеветъ, аки бы онъ былъ обливанецъ и запрещенный“.

Ужели между австрійскими окружниками и бѣглопоповцами только въ томъ и различіе? Для паствы „Смиреннаго Арсенія, епископа уральскаго“, какъ равно и для историковъ раскола и православныхъ миссіонеровъ, это едва ли не будетъ новостью!

¹⁾ „Свидѣтельство“ писано инокомъ Павломъ, изолгавшимся „для превеличенія славы Божіей“ въ разныхъ подлогахъ, до послѣдней крайности. Но съ какою совѣстью подписывалъ это свидѣтельство Іеронимъ?

См. „свидѣтельство духовника Амвросія“ въ „Матеріалахъ для исторіи бѣлокр. свящ.“ Субботина, стр. 181—182.

Самъ вѣдь Швецовъ въ своей „Истинности“ говоритъ, что бѣглопоповцы „заражены духомъ безпоповства“ и утверждаютъ, что „нынѣ времена антихристовы“, „что истинно православныя святительскія каѳедры не должны быть учреждаемы съ соизволенія нечестивыхъ правительствъ: папскаго, нѣмецкаго и турецкаго“ (стр. 179), (а бѣлокриницкая каѳедра именно и „учреждена съ соизволенія“ таковыхъ „правительствъ“!). Какъ „зараженные духомъ безпоповства“, бѣглопоповцы, какъ и неокружники, проповѣдуютъ, что „имя Іисусъ есть имя послѣдняго антихриста, крестъ четверо-конечный—мерзость заустѣнія, треперстіе—печать антихристова; просфора съ печатью сего креста—змѣино блеваніе“ и т. п. („Истинность“ стр. 189). Ужели это Швецову—„братія во Христвѣ“? Если такъ, то ему слѣдовало бы тогда предъ всѣми „старообрядцами“ отречься отъ „окружного посланія“ и исповѣдывать, что благодать священства онъ заполучилъ отъ антихриста. Очевидно, „Смиренный Арсеній“ не соразмѣрилъ своего пропагандистскаго приема съ существомъ бѣглопоповскаго упованія и отличіемъ отъ него окружническаго ученія, если только онъ не намѣревался быть бѣглопоповскимъ папою...

3) Наконецъ, объ ереси „бѣлокриницкаго устава“—о подлѣтнемъ рожденіи Сына Божія, и теперь еще защищаемой Швецовымъ. Въ свое время австрійскій же попъ В. Механиковъ печатно привелъ противъ этой ереси цѣлый облакъ вѣскихъ обличеній. Обличенія эти ни Швецовымъ, ни его партіей во всеуслышаніе не опровергнуты. „Смиренный Арсеній“ теперь заявляетъ только, что послѣ „особой комиссіи“ въ ноябрѣ 1900 г. по разсмотрѣнію его швецовской защиты ереси „бѣлокриницкаго устава“ („комиссіи“, оправдавшей Швецова), вызванный „свещ. Вас. Механиковъ, уподобившій „о. Арсенія“ 18-ти еретикамъ „иадревле церковью осужденнымъ“, „при личномъ объясненіи пришелъ къ общему (со Швецовымъ) согласію по исповѣданію вѣры“. Но вѣдь если неизвѣстно опроверженіе механиковскихъ завиненій Швецова въ 18 ересяхъ, то, исходя изъ такого заявленія „смиреннаго Арсенія“, остается только думать, что и „комиссія“ и „свещ. В. Механиковъ“ уклонились въ швецовское еретичество. Еретичество же это для мало-мальски хоть свѣдущаго въ богословіи и Св. Писаніи ясно: по Слову Божію и „символу православной вѣры“, Сынъ Божій единосущенъ, собезначаленъ Отцу и нераздѣленъ съ Нимъ, „рожденъ онъ прежде всѣхъ вѣкъ“ и „Имъ вся быша“. А по „бѣлокриницкому уставу“ и Швецову, Онъ рожденъ вмѣстѣ съ вѣками („въ первомъ изреченіи Божіемъ: „да будутъ вѣцы“). Вѣкъ, время,—понятіе и обо-

значеніе бытія тварнаго. Сынъ Божій какъ „безначальный“ (Златоустъ), и единосущный и нераздѣльный со Отцомъ, былъ раньше „вѣка“, времени, какъ и всякихъ другихъ твореній, которая „Имъ быша“. Сказать—„Богъ въ *первомъ* изреченіи да будутъ вѣцы нетлѣнно Сына Божія роди“,—значитъ отрицать единосущную и нераздѣльную Троицу: слова—„въ *первомъ* изреченіи“ (принимать ли „первое“ какъ обозначеніе времени, или порядка, послѣдовательности) заставляютъ думать, что Богъ былъ раньше этого „перваго изреченія“ (иначе некому было и „изрекать“), и если только съ нимъ вмѣстѣ родилъ „Сына“, то, стало быть, раньше былъ безъ Сына и не былъ Отцомъ (Онъ сталъ Отцомъ, когда явился только Сынъ); слѣдовательно, вѣра православная въ единосущную, безначальную и нераздѣльную Троицу для Швецова неудобоприемлема?..

Новыя нелѣпости, которыми Швецовъ восполняетъ прежнія по защитѣ ереси „бѣлокриницкаго устава“, наносятъ только лишній срамъ на „старобрядческаго епископа“. „Смиранный Арсеній“ совершенно запутался въ нихъ и несетъ что-зря, лишь бы что-нибудь сказать. Ну, думаль-ли что-нибудь австрійскій богословъ, когда писалъ, напр., слѣдующее:

„Второму бытію *прежде* сотворенія неба и земли, гдѣ положимъ начало? Конечно, тамъ уже нѣтъ предѣловъ, и *то бытіе имѣетъ себѣ начало* не отъянуду, какъ только отъ предвѣчнаго рожденія Сына Божія“. Выходитъ, что „второе бытіе, прежде сотворенія неба и земли, имѣетъ себѣ *начало* отъ предвѣчнаго рожденія Сына Божія. Значитъ, во-первыхъ, самъ Швецовъ исповѣдуетъ будто бы, что рожденіе Сына Божія было предвѣчнымъ, предъ „вѣками“, раньше „вѣковъ“, а не съ „вѣками“ вмѣстѣ (какъ говорится въ „бѣлокриницкомъ уставѣ“); во-вторыхъ, что составляло содержаніе второго бытія, до сотворенія неба и земли, получившаго *начало* „отъ рожденія Сына Божія? По Библии, тогда никого и ничего не было, кромѣ Бога. Ужели и Богъ получилъ *начало* бытія „отъ рожденія Сына Божія“, т. е. Отецъ произошелъ отъ Сына, рожденнаго неизвѣстно кѣмъ? По-истинѣ новое богословіе въ новоявленной іерархіи! Далѣе, Швецовъ пишетъ: „Слова символа: рожденнаго отъ Отца *прежде всѣхъ вѣкъ* не то показываютъ, что Сынъ—Слово Божіе—когда-то *существовалъ безъ бытія, или вѣка*: но только, что *прежде* Его рожденія еще не было никакого *вѣка* или *времени*. А *бытіе* тоже, что и *вѣкъ*... Итакъ, не ясно-ли, что *отъ Бога вѣкъ не отдѣляется*, но *начало* имать отъ Него Самого Бога, и конечно чрезъ Его единородное слово, по „реченному Іоанномъ—имъ же вся быша“. „Ясно-то,

ясно“, но совсѣмъ другое: „ясно“, кажется, что Швецовъ позаимствовалъ эти разсужденія изъ своего рода философін „безсознательнаго“. Прошу обратить вниманіе на слѣдующее: Если „бытіе тоже, что и вѣкъ“ и „вѣкъ отъ Бога не отдѣляется“, то, во-первыхъ, существовалъ-ли, имѣлъ-ли *бытіе* Богъ, до „изреченія, да будутъ вѣцы“? Выходить — нѣтъ: Богъ былъ безъ *вѣка*, т. е. *бытія*! Во-вторыхъ, зачѣмъ Богу понадобилось „изрекать, да будутъ вѣцы“, если эти „вѣцы“ были всегда „неотдѣлимы“ отъ Него и значить сосуществовали Ему? Въ третьихъ, если „бытіе, вѣкъ и время“—синонимы, то Богъ существуетъ во времени, т. е. въ одной изъ формъ тварнаго бытія, что явно атеистично. Въ четвертыхъ, если „Сынъ Божій рожденъ съ первымъ изреченіемъ „да будутъ вѣцы“, и *вѣкъ имѣетъ начало*, то второе Лицо Св. Троицы, Сынъ Божій, не собезначаленъ Отцу, но явился *послѣ* по волѣ Его. Въ пятыхъ, если Сынъ Божій— „Слово“—рожденъ только въ „первомъ Божіемъ изреченіи—да будутъ вѣцы“, то, спрашивается, какъ Богъ, не имѣющій еще „Слова“, могъ „изрекать“ (*безсловесно* „изрекать“ могли только Іеронимъ и Амвросій на „исповѣди“, не понимая другъ друга!), Въ шестыхъ, если „изреченіе Божіе, въ которомъ рожденъ Сынъ“, названо „первымъ“, то гдѣ *второе* такое же изреченіе, разъ за тѣмъ „Словомъ“ уже „вся быша“? Въ седьмыхъ, зачѣмъ тогда св. отцы въ никейскомъ символѣ сказали о Сынѣ Божіемъ, что Онъ рожденъ „прежде *всѣхъ* (во всякихъ смыслахъ понимаемыхъ) вѣкъ“.

Указывать на другія самопротиворѣчія швецовскаго богословія и противности его Слову Божію и ученію вселенской Церкви, послѣ приведенныхъ, считаемъ лишнимъ. Швецовъ, по вопросу объ еретичествѣ „бѣлокриницкаго устава“, „извинился“ въ письмѣ предъ адресатомъ,—что „въ письмѣ много богословствовать неумѣстно“... А любопытно было бы выслушать отъ него отвѣты хотя на поставленные нами вопросы о подлѣтномъ рожденіи Сына Божія. Не дерзая самъ обратиться съ этими вопросами къ высокой персонѣ „его преосвященства, смиреннаго Арсенія, епископа уральскаго“, я усерднѣйше просилъ бы оо. и гг. „окружниковъ“ предложить ихъ, для моего посрамленія, своему „владыкѣ“. А я—съ полною готовностью выслушать обличенія со стороны перваго богослова австрійскаго священства.

Пока же сдѣлаемъ заключеніе, что швецовское письмо, въ придачу ко всѣмъ раннѣйшимъ основаніямъ нашимъ, убѣждаетъ насъ лишь въ томъ, что австрійское священство не только противоканоническое, христіанской церкви во-вѣкъ невѣдомое, исто-

рически-подложное, но и, поскольку оно признаетъ „бѣлокри-
ницкій уставъ“ согласнымъ своему упованію, еретическое.

Расколъ начинается жидовѣть.

Оригинальное явленіе представляетъ собой издающаяся въ Москвѣ, подъ знаменемъ австрійско-окружническаго „старообряд-
чества“, безграмотно развязаная газетка, кощунственно именуемая
„Словомъ Правды“. „Старообрядческаго“ въ ней нѣтъ собственно
ничего. Христіанско-церковнаго—тоже. Зато жидовско-„освободи-
тельнаго“ прайднословія хотъ отбавляй. И дни великаго поста и
17 земныхъ поклоновъ при молитвѣ св. Ефрема Сирина съ про-
шеніемъ объ избавленіи отъ „духа прайднословія“, не въ состо-
яніи обуздать въ ея доморощенныхъ „публицистахъ“ „прелести“
бумагомазанія. Съ усердіемъ, достойнымъ лучшей участи, лають
они безъ конца подъ жидовскій вѣтеръ „освободительства“ и на
русское государство и на православную русскую церковь. И вѣ-
рятъ, надо полагать, эти темные люди, что жидовскій вѣтеръ
пригонитъ имъ цѣлыя облака манны небесной. Смотрите, гг.
праздно-„словы“, не ошибитесь. Правда, жидъ Рувимка, въ корчмѣ
своей матери, много способствовалъ устроенію „истинно-
христовой“ австрійской „церкви“, но то были не тѣ времена: те-
перь свои „хлопоты“ о „свободахъ“ жида не уступать вамъ да-
ромъ. Будетъ время, и вы, быть можетъ, вынуждены будете об-
дирать ризы съ дорогихъ древнихъ св. иконъ, чтобы золотить
ими еврейскія синагоги. „Идѣже рекутъ миръ и утвержденіе,
внезапу губительство найдеть“... Не даромъ всѣ христіанскіе на-
роды всегда боялись израильскаго племени и гнали его отъ себя,
какъ прокаженнаго, какъ заразу, а гдѣ въ томъ не успѣвали
(нынѣшняя Франція), тамъ жидами изгонялся крестъ Христовъ
и предавались поруганію христіанскія святыни. И будьте при
томъ увѣрены, что въ вашемъ „старообрядческомъ“ „Словѣ“
„бросаніе пыли въ глаза“, въ видѣ всякихъ „принциповъ“, „кон-
кретныхъ нормъ законодательства“ и т. п. модныхъ иностран-
ныхъ словъ и понятій, ни въ комъ ничего кромѣ омерзѣнія не
пробудитъ. Какъ „образованные“ люди, сами вы должны понять,
что амфибія производитъ въ человѣкѣ чувство гадливости. Пи-
шите вы по „старому“, какъ люди дониконовской Руси, пишите
по „Кирилловой“ и по „изборникамъ“, ссылайтесь на Аввакума,
Лазаря и т. п.,—повѣрьте, вы бы больше выиграли: не только пра-
вославные; но и инославные, и иновѣрцы почли вы въ васъ

стойкость за свое упованіе и возъмѣли бы къ вамъ невольное уваженіе. А теперь, читая ваше „стояніе“ въ сущности за сугубую аллилуію и двуперстіе, какъ „душу церкви и вѣчный смыслъ ея существованія“ и ваши ссылки по этому поводу на разные „принципы“ новой формациі,—не знаешь, за кого васъ принять: не то жидъ съ „лестовкой“ въ рукахъ предъ „семипоклоннымъ началомъ“ въ „моленной“, не то „старообрядецъ“ съ шишкой на лбу и въ полосатой накидкѣ въ жидовской синагогѣ... Право, такое получается впечатлѣніе отъ вашего „Слова Правды“! Въ качествѣ иллюстраціи къ сказанному приведемъ небольшія выдержки изъ статьи, помѣщенной въ № 23, за 18 марта с. г., подъ заголовкомъ—„Чего мы ждемъ отъ Государственной Думы“.

„17 апр. 1905 года, пишется въ статьѣ, занялась на Руси заря религіозной свободы, торжественно была объявлена вѣротерпимость... Жизнь не остановилась и не пошла назадъ: 17 октября 1905 г. верховною властью былъ уже признанъ принципъ свободы совѣсти. Но этотъ всеобъемлющій (?) принципъ, какъ и всѣ „свободы“, возвѣщенные манифестомъ 17 окт., до сихъ поръ не реализованъ (?), остается только на бумагѣ, остается, такъ сказать, мертвой буквой. Оживленія этой мертвой буквы, проведенія въ жизнь принципа свободы совѣсти, воплощенія его въ ясныя и конкретныя нормы законодательства мы можемъ ждать только отъ народныхъ представителей... Изъ признанія принципа свободы совѣсти съ логической неизбежностью вытекаетъ отдѣленіе церкви отъ государства. Это значитъ, созданіе такого положенія, чтобы государство освободилось отъ опеки духовенства, и чтобы и церковь сбросила съ себя тяжелую лапу государства, освободилась изъ „плѣна Вавилонскаго“. Въ настоящее время церковь и государство, особенно у насъ въ Россіи, тѣсно спаяны между собою... Государство признаетъ „православную“ церковь господствующею и оказываетъ ей всякое покровительство. Но за все это поставило церковь въ положеніе служанки... превратило ее въ одно изъ колесъ бездушнѣйшей правительственной машины... и вынуло у церкви самую ея душу, лишило ее вѣчнаго смысла ея существованія, и на нашихъ глазахъ она терпитъ позорное банкротство, она потеряла свѣтъ и тепло, она алчетъ и жаждетъ, и нѣтъ ей помогающаго“...

Каково? Вотъ-те „старообрядческое“ „Слово“. Что твоя „Рѣчь“. Разница въ данномъ случаѣ между „старообрядческимъ“ „Словомъ“ и жидовскою „Рѣчью“ только та, что подобныя разсужденія въ послѣдней имѣютъ свою логику, а въ первомъ совершенно безсмысленны. Для „Рѣчи“ вождедѣнно отдѣленіе церкви

отъ государства (какъ въ ожиговѣлой Франціи) и „созданіе такого положенія, чтобы“ „съ логической неизбѣжностью вытекали“ безбожныя власти на св. Руси, и чтобы пейсатый жидъ „взялъ вѣнецъ и бармы Мономаха“, къ „чести для насъ, для всей Россіи“.. А для „старообрядскаго“ „Слово Правды“ это, по меньшей мѣрѣ, дико. Оно тутъ или не вѣдаетъ „старога“ или отреклось отъ него. Въ самомъ дѣлѣ. Развѣ святая „старожитность“ допускала отдѣленіе церкви отъ государства на Руси? Развѣ „Слову Правды“ неизвѣстно, что и въ дониконовское время „благочестивые юсудари въ земскихъ и государственныхъ дѣлахъ безъ совѣта патриарховъ, митрополитовъ, архіепископовъ и епископовъ ничего важнаго не приговаривали“, и съ другой стороны—сами предсѣдательствовали и на *церковныхъ* соборахъ? Нужно только пожалѣть, что нынѣ наши свѣтскія власти много обезцерковнѣли, а духовныя—значительно обмірщились; но дѣло тутъ не въ принципѣ „тѣснаго спаянія“ церкви и государства, и въ людяхъ; самъ же по себѣ „принципъ“ этотъ, не говоря уже о томъ, что онъ освященъ русской стариной, глубоко коренится въ духѣ русскаго народа и является основной чертой духовнаго облика святой Руси. Минувшая исторія Россіи непрерываемо свидѣтельствуетъ, что въ немъ спасительная опора нашего государства. „Русскій народъ, подвергаясь „судебъ ударамъ“, до послѣдней капли крови „стоялъ“ и готовъ „стоять за Царя и отечество“, потому что неразрывно съ ними была и „вѣра православная“, самая душа его, его святое святыхъ. Безрелигіозное государство не будетъ для него отечествомъ, равнодушная къ его вѣрѣ власть перестанетъ для него быть священной; и „крѣпкое стояніе“ за то и другую станетъ для него „преданьемъ старины глубокой“. Ясно, почему такъ желательно жидамъ и другимъ врагамъ Россіи отдѣленіе церкви отъ государства. Не менѣе ясно и то, что „старообрядческая“ газета по недомыслию лишь позоритъ себя солидарностью съ жидовскими вождѣльями. Въ недомыслии своемъ здѣсь она четко расписывается такимъ образомъ. „Отдѣленіе церкви отъ государства, гласитъ газета, для старообрядцевъ важно потому, что теперь государство, въ составъ котораго „православныхъ“ входитъ только половина (и безграмотно, такъ какъ неизвѣстно, куда же дѣлась другая половина „православныхъ“; и статистически не вѣрно), а остальные—старообрядцы и иновѣрцы, отпускаетъ солидные казенные кредиты на содержаніе господствующей церкви. Напримѣръ, на нынѣшній годъ по государственной росписи доходовъ и расходовъ ассигновано на синодъ (т. е. на все „вѣдомство православнаго исповѣданія“, точнѣе) только изъ

казны, не говоря о другихъ источникахъ (до которыхъ старообрядцамъ и иновѣрцамъ нѣтъ ровно никакого дѣла) 29.000.000-рублей. А вѣдь казенныя деньги собираются не съ „православныхъ“ только, а со всего населенія, и съ насъ, и съ католиковъ и съ магометанъ и т. д.“

Разбирать по существу „принципъ“ политико-экономистовъ „старообрядческой газеты“, по коему всякій гражданинъ въ правѣ якобы не платить на тѣ статьи расходовъ по государственной росписи, какія ему не по праву,—все равно, что писать научно-историческую критику на „Еруслана Лазаревича“... Раскольничьимъ „публицистамъ“ должно бы быть извѣстнымъ, что у насъ сотни тысячъ сектантовъ считаютъ противнымъ своей совѣсти военную службу и вообще военное дѣло. Ужели и они въ правѣ не платить, помимо вѣдомства свят. синода, на содержаніе вѣдомствъ морского и военнаго? А на эти два послѣднія вѣдомства идетъ казенныхъ денегъ въ 25 разъ больше, чѣмъ на духовное вѣдомство (503 мил.). Затѣмъ, и среди раскольничьихъ толковъ много такихъ, которые признаютъ всякія наши власти духовныя и гражданскія за антихристово установленіе и запрещаютъ своимъ единовѣрцамъ платить всякія подати. Ужели и съ этимъ надо считаться министерству финансовъ? Наконецъ, платить на содержаніе еврейскихъ раввиновъ, мусульманскихъ муллъ, католическихъ ксендзовъ и протестантскихъ пасторовъ, быть можетъ, не по душѣ и православному населенію, хозяину Россіи. Но всѣ такія настроенія усчитывать въ государственной росписи доходовъ и расходовъ нельзя. „Слову Правды“, выходящему, видимо, изъ темной головы, „важно отдѣленіе церкви отъ государства потому, что на синодъ отпускается казенныхъ 29 милліоновъ“. Но, подѣливъ 29 милліоновъ этого расхода на 150 милліоновъ населенія Россіи, получимъ налогъ 19 $\frac{1}{3}$ коп. съ человѣка. Вотъ въ виду какого расхода, оказывается, „важенъ“ роковой вопросъ отечества для писакъ раскольничьей „правды“. Участь Россіи ихъ, видимо, не страшитъ и открытое богохульство, поруганіе вѣры Христовой и поношеніе креста Господня, которыя не замедлятъ огласить грады и веси св. Руси, съ отдѣленіемъ церкви отъ государства, ихъ тоже не смущаетъ. Главное—19 копѣекъ цѣны будутъ у „старообрядца“. Невольно вспоминаются библейскія аналогіи:—Иуда предалъ Христа за 30 сребренниковъ (24 рубля). Исавъ—свое первородство за чечевичную похлебку. 24 рубля больше 19 коп., за округленіемъ, въ 126 разъ и приличная похлебка въ хорошей харчевнѣ стоитъ дороже 19 коп. Заключение—какъ дешево хо-

тять продать отечество жидовскіе прихвостни „старообрядческой“ газеты, предоставляемъ сдѣлать самому читателю...

Наконецъ, два слова о „старообрядческой церкви“. „Наша церковь, пишется въ „Словѣ Правды“, собственно, никогда не была въ связи съ государствомъ, а тѣмъ болѣе въ подчиненіи у него. Мы 250 лѣтъ боролись за *свободную* церковь и отстаивали ее“. Важно, подумаешь, дѣло сдѣлали. За 250 лѣтъ расколъ разбился на 250 толковъ, изъ которыхъ каждый прокликаетъ всѣ остальные съ жестокими анаемами и всюду былъ по всѣмъ своимъ частямъ „въ подчиненіи“ у грязныхъ кулаковъ разной величины—отъ невѣжественныхъ въ св. писаніи и канонахъ столичныхъ миллионеровъ „по старой вѣрѣ“ до безграмотныхъ деревенскихъ воротилъ включительно. Не даромъ о. Швецовъ, именуемый епископомъ уральскимъ (окружническаго раскола), въ своей „Истинности старообрядчествующей іерархіи“ (стр. 191) безсумнительно заявляетъ, что „старообрядчество въ своей жизни руководилось безразсудительностью, само не давая себѣ отчета“.

Такой „свободной церкви“ раскольники могутъ пожелать только своему заклятому врагу, какъ-то они и дѣлаютъ, а пока что и 19 копѣекъ—въ карманѣ и „премудрые догматы“—двуперстія, сугубой аллилуіи и посолони пребудутъ нерушимыми...

Ужели такъ-каки и не будетъ конца раскольничьей темнотѣ? Ужели новыя „свободы“ еще болѣе изуродуютъ „безразсудительное“ „старообрядчество“? Есть опасеніе... Но будемъ молить Отца свѣтовъ, чтобы и въ вѣковую тьму „безотчетнаго“ раскола проникъ наконецъ лучъ христіанскаго свѣта.

Н. Гринякинъ.

Голосъ пастыря по вопросу о томъ, есть ли нужда въ спеціальныхъ миссіонерахъ?

Присутствуя на двухъ миссіонерскихъ собраніяхъ пастыремъ тамбовской епархіи, я вынесъ то впечатлѣніе, что многіе священники сомнѣваются въ необходимости миссіонеровъ-спеціалистовъ. Нѣкоторые даже обращались ко мнѣ съ вопросомъ: „скажете по правдѣ: нужны ли намъ миссіонеры“? Живя вотъ уже 10 лѣтъ въ одномъ изъ самыхъ главныхъ пунктовъ раскола, имѣя постоянное общеніе съ православными, поповцами и безпоповцами, я и рѣшаюсь дать отвѣтъ на поставленный вопросъ. Буду говорить и дѣлать выводы не изъ теоретическихъ разсужденій, а практическихъ.

Посмотримъ и посудимъ о томъ, что сама жизнь предъявляетъ къ намъ, пастырямъ и чего требуетъ отъ насъ. Перехожу къ фактамъ.

Вчера, послѣ 4—5 час. работы въ школѣ, я шелъ въ квартиру. Около воротъ меня подождалъ крестьянинъ. Обращаясь ко мнѣ, онъ сказалъ; „батюшка, дай ты мнѣ, пожалуйста, какую-нибудь книжку, чтобы я могъ поспорить съ старообрядцами. Я „краю“ голицы у В. В.; онъ меня замучилъ; все приносить какія-то книжки и читаетъ мнѣ, а я, самъ ты знаешь, малограмотенъ; кое-что знаю, а спорить съ нимъ не могу. Вотъ я и пришелъ къ тебѣ за книжкой“. Сталъ я искать среди своихъ книжекъ, но, увы... наша литература по расколу слишкомъ бѣдна. Сочиненія арх. Павла, написанныя на славянскомъ языкѣ, отжили свое время. Подросшее поколѣніе даже изъ старообрядцевъ охотнѣе читаетъ книжки на русскомъ языкѣ. Вотъ здѣсь-то и камень претыканія. Гдѣ у насъ брошюры, листки для простого народа? Намъ никогда не приходилось видѣть отдѣльныхъ листовъ съ краткимъ описаніемъ появленія раскола, его дѣленія, исправленія книгъ, отысканія митр. Амвросія и его поселенія въ Австріи, и пр. и пр. Сколько простыхъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ очень интересныхъ и нужныхъ свѣдѣній для простого народа, а ихъ то и негдѣ взять...

Правда, на благочинническихъ и епархіальныхъ миссіонерскихъ сѣздахъ мы дѣлали постановленія объ изданіи всякихъ брошюръ, но видимыхъ результатовъ пока нѣтъ...

Пришлось дать, что было подъ руками.

Другой фактъ. Ко мнѣ приходитъ въ домъ кр. Т., страшно разстрѣнный. Онъ проситъ меня идти въ его домъ, рассказывая

слѣдующее; „мы шли изъ Пичаева съ базара съ Ст. К.; дорогой разговорились о „вѣрѣ“; онъ сталъ дерзко говорить о православіи; я съ нимъ не сговорю; пойдемъ со мной; ты побесѣдуешь, а я послушаю“. Беремъ книги и идемъ. Бесѣды, однако, не состоялись. Жена спорившаго старообрядца заперла отъ насъ двери. Подобныя столкновения православныхъ съ старообрядцами въ вопросахъ „вѣры“—постоянны. О чемъ это говорить? Ясно, что расколъ нашъ не дремлетъ. Не только своимъ роднымъ изъ православныхъ и односельчанамъ вообще, но даже православнымъ изъ другихъ селъ старообрядцы стараются „вдолбить“, что дуперстіе, старинныя иконы и вообще вся ихъ „вѣра“ лучше православія. И нѣкоторые изъ православныхъ сосѣднихъ селъ обращались ко мнѣ съ своими сомнѣніями.

Теперь о сектантствѣ. Я не имѣю въ дер. Вас—нѣ сектантовъ, но они живутъ недалеко отъ насъ. Мои прихожане и вообще торговцы села В—ны часто бываютъ въ с. Бондаряхъ по своимъ дѣламъ. Встрѣчаются они съ молоканами Шачи, Митрополья, Чернавки и Коровина. Одинъ изъ православныхъ дер. Вас—ны мнѣ говорилъ: „я хорошо знаю Θεодора Зах—ча (наст. с. Митрополья) и Тимоѳея Θεод—ча (наст. с. Чер—ки), люди хорошіе; я на нихъ работаю „сапогъ“; платятъ исправно и разговариваютъ куда какъ ласково: да и на счетъ вѣры „рѣзко натолкованы“. Второй разъ устанъ мой прихожанинъ Ж. говорилъ: „мы ѣхали изъ Бондарей и останавливались въ Шачѣ; напоили лошадей и попили чай у Андрея Ник—ча (наст. дер. Шачи); онъ намъ читалъ 6 гл. отъ Іоанна о причащеніи; только на ихъ руку, я полагаю, тамъ мало“. Про того же Андрея Н—ча мнѣ рассказывали, что онъ каждый базаръ бываетъ въ селѣ Н. Зачѣмъ, говорю я,—торговать? „Нѣтъ, онъ торговлей не занимается, а такъ себѣ“. Въ дѣйствительности, б. м., далеко не „такъ себѣ“. Тамъ въ трактирѣ, б. м., онъ ведетъ рѣчи противъ православной Церкви. Вѣдь, не даромъ же про это село идетъ молва, что оно будто все разстроено въ религіозномъ отношеніи. Тамъ какой-то квасникъ занимается пропагандой; тоже дѣлаетъ отставной писарь и пр. Рѣчи ведутся открыто, въ базарные дни. Вотъ какъ работаютъ сектанты, окружающіе насъ. Этого мало. Одинъ изъ настоятелей (Θеодоръ Зах., или Тимоѳей Θεод. — вѣрно не знаю) имѣлъ желаніе бросить свои плевелы среди старообрядцевъ. Прослышавъ, что у безпоповцевъ нѣтъ священства, онъ, вѣроятно, думалъ, что между ними не такъ трудно посѣять сѣмена молоканства. Въ одинъ изъ базарныхъ дней, по дорогѣ въ с. Пичаево, онъ доѣхалъ въ дер. Вас—ну, но случайно попалъ къ настоятелю не безпоповцевъ, а поповцевъ, Никитѣ В. П—ву; объ этомъ мнѣ рассказывалъ самъ Н. В.; молоканскій настоятель пробылъ у него до глубокой ночи и все время провелъ въ бесѣдѣ по религіознымъ вопросамъ. Прощаясь съ Н. Вас., онъ будто сказалъ: „я вижу, что у васъ съ православными вѣра одна, и разницы нѣтъ“.

И такъ, расколо-сектантство работало, теперь работаетъ, а въ будущемъ, надо полагать, удвоить или утроить, а, можетъ быть и удесятерить свою дѣятельность

Что же намъ, пастырямъ, дѣлать? Слагать ли свое оружіе, или смѣло и бодро идти на встрѣчу врагу?

Думаю, что не прятаться надо, а въ надеждѣ на помощь Божию выступить во всеоружіи на брань съ врагами св. Церкви. Лучшимъ средствомъ для этого должно признать бесѣды. На первомъ мѣстѣ, несомнѣнно, стоятъ домашнія бесѣды; ихъ пастырь ведетъ въ домахъ прихожанъ, въ своемъ домѣ, на улицѣ, базарѣ и пр., вообще при всякомъ удобномъ случаѣ. Какъ случайныя, бесѣды эти не могутъ вестись по опредѣленной программѣ, обдуманной заранее. Но и онѣ могутъ принести пользу. Бываетъ такъ: встрѣтишь знакомаго старообрядца и начнешь съ нимъ разговоръ. Слово—за слово и незамѣтно для себя перейдешь на религиозные вопросы. Смотришь, къ одному подошли 2—3, а тамъ уже образовалась и цѣлая толпа. Говоримъ безъ книгъ, но и здѣсь иногда нѣсколько словъ могутъ запасть въ сердце слушателей.

Наряду съ этими бесѣдами пастырь долженъ вести публичныя. Лучшимъ мѣстомъ для нихъ можетъ быть школа. Пастырь объявляетъ въ храмѣ о предстоящей бесѣдѣ и предметѣ ея. Прекраснымъ матеріаломъ для бесѣдъ можетъ быть догматическое богословіе еп. Сильвестра. Хорошо было бы на эти бесѣды приглашать сосѣднихъ священниковъ. Свой священникъ открываетъ и ведетъ бесѣду, а посторонніе—являются слушателями. Съ разрѣшенія хозяина могутъ говорить и другіе священники. Приглашать сосѣднихъ священниковъ хорошо тѣмъ, что они, какъ люди образованные, могутъ помочь своему собрату при встрѣтившейся нуждѣ. Должно, впрочемъ, замѣтить, что говорить предъ людьми мало развитыми можно гораздо свободнѣе, чѣмъ предъ образованными слушателями... Если имѣть въ виду братскія отношенія, то все будетъ хорошо. Устроивъ бесѣду въ одномъ селѣ, въ слѣдующій разъ тотъ же составъ пастырей можетъ провести въ другомъ. Цѣль этихъ бесѣдъ та, чтобы научить православныхъ прихожанъ тому, чему учить ихъ св. Церковь. Это разъ. Второе. Бесѣды эти носятъ характеръ семейности, близости пастырей къ пасомымъ. Въ этомъ ихъ великое преимущество предъ церковными поученіями. Всякое почти слово, произнесенное съ церковной кафедрой, носитъ на себѣ характеръ поученій. Возражать въ храмѣ у насъ не принято, да и неудобно. Здѣсь не то. На бесѣдѣ можно предоставить право дѣлать возраженія, хотя и съ оговоркой, чтобы дѣлались они въ предѣлахъ указаннаго предмета. И вотъ, быть можетъ, кто-либо изъ прихожанъ здѣсь повѣдаетъ мучившее его сомнѣніе, или недоумѣніе. Получивъ удовлетвореніе на свой вопросъ, онъ уже не пойдетъ искать отвѣта на него у непризванныхъ учителей. Дѣлать эти бесѣды еженедѣльными нѣтъ нужды; это можетъ ослабить охоту у слушателей, да и для пастыря не всегда можетъ оказаться свободное время. Выступать же на эти бесѣды слѣдуетъ съ подготовкой. Священникъ прислушивается къ голосу своихъ пасомыхъ, слѣдитъ за ихъ религиознымъ настроеніемъ. И вотъ, при всякомъ выдающемся случаѣ онъ непременно открываетъ бесѣду. Такимъ

особеннымъ случаемъ можетъ быть, наприм., усиленное стремленіе раскольниковъ или сектантовъ совратить кого-либо изъ православныхъ. Но нѣтъ сомнѣнія, что и помимо этихъ случаевъ время отъ времени должны открываться публичныя бесѣды.

И такъ, каждый пастырь, если и не волеѣ, то неволеѣ¹⁾ долженъ вести и домашнія и частныя публичныя бесѣды. Если онъ будетъ такъ поступать, то многихъ изъ прихожанъ научить истинамъ, которыя исповѣдуетъ Православная Церковь, укрѣпить въ нихъ вѣру и преданность ей, а нѣкоторыхъ охранить отъ уклоненія за ограду св. Церкви. Изъ вышеуказанныхъ бесѣдъ, какъ причины, могутъ вытекать другія, которыя я назову „генеральными“. Употребляя это выраженіе, я отнюдь не преувеличиваю существа дѣла. Мнѣ не приходилось быть на военныхъ сраженіяхъ, но быть зрителемъ „словесныхъ преній“ случалось нѣсколько разъ, и должно сказать, что здѣсь на карту ставится слишкомъ многое. Впрочемъ, объ этомъ я еще буду имѣть случай поговорить. Теперь же остановлюсь на мысли, что „генеральныя бесѣды“ вытекаютъ изъ домашнихъ и частныхъ—публичныхъ. Мнѣ не разъ приходилось вести тѣ и другія. Откроешь бесѣду, проведешь ее и предложишь слушателямъ сдѣлать возраженіе или высказать свои мысли. Кто-либо скажетъ, ему разъяснишь; тогда другіе говорятъ: „ты то толкуешь вотъ такъ, да мы не можемъ сговорить съ тобой; если бы вотъ вызвать нашего защитника, онъ съ тобой бы поговорилъ; онъ тебѣ показалъ бы, чья вѣра истинная“. На это я говорю: у васъ есть настоятель такой же, какъ и я; пусть онъ защищаетъ ваше „упованіе“. Мнѣ отвѣчаютъ: „нашъ настоятель малограмотенъ; мы сами больше его знаемъ, а вотъ желаешь, мы вытребуемъ своего защитника, тогда потолкуемъ“. Я говорю: выписывайте; если я съ нимъ не сговорю, то пріѣдетъ настоящей миссіонеръ; онъ и будетъ бесѣдовать, а мы послушаемъ. Результатомъ такихъ разсужденій у насъ и явились двѣ „генеральныя“ бесѣды. Одна въ 1904 г., а другая въ 1906 г. Первую велъ еп. мис. о. В. Стеженскій съ Перетрухиными, а вторую съ Воракинымъ. Вотъ для такихъ-то бесѣдъ, бесѣдъ особенныхъ, необыкновенныхъ, и необходимы миссіонеръ-спеціалисты.

Положимъ, есть люди, по мысли которыхъ каждый приходскій пастырь долженъ идти до такого совершенства, чтобы быть въ силахъ „дать отчетъ объ упованіи“ любому пріѣзжему начетчику; къ числу ихъ принадлежитъ и Мих. Пв. Тр—въ. На 1554 стр. „Еп. Вѣдомостей“ т. г. онъ говоритъ: „въ село В. пріѣхали два начетчика... Пріѣхали они, да и стали приглашать православныхъ батюшекъ побесѣдовать. Посудили—порядили батюшки межъ собою, да и рѣшили послать преосвященному Иннокентію телеграмму, чтобы пожаловалъ для отвѣта еп. миссіонеръ“. Да, такой случай былъ въ д. Вас—нѣ. Я съ о. Р—мъ давали телеграмму о пріѣздѣ миссіонера. По мысли Мих. Пв. Т—ва мы

1) Сектанты и раскольники не оставляютъ въ покоѣ православныхъ.

должны были бы сами „дать отчетъ объ упованіи“, говоря иначе, выступить на бесѣду съ г. Воракинымъ. Но справедливо ли это мнѣніе? Нѣтъ, оно ошибочно. Подобное мнѣніе выведено, вѣроятно, изъ однихъ только теоретическихъ соображеній. По нашему же глубокому убѣжденію ни я, ни о. Р.—ій безъ крайней нужды не должны были выступать въ бесѣду съ г. Воракинымъ. Да и ни одинъ приходскій пастырь не долженъ брать на себя столь великой отвѣтственности. Вѣдь на эти бесѣды съѣзжаются изъ разныхъ мѣстъ какъ православные, такъ и старообрядцы. Въ с. Поимъ, наприм., пріѣзжали безпоповцы за 300 и 500 верстъ. Всего слушателей собиралось до 2,000 человекъ. Всѣ стояли по 5—10 часовъ безъ перерыва, слушая каждое слово съ затаеннымъ дыханіемъ; питаюсь духовно, даже забывали о тѣлесной пищи. Да и на наши бесѣды не мало съѣзжалось православныхъ и старообрядцевъ изъ сосѣднихъ сель. Ясно, что такія бесѣды требуютъ слишкомъ многого отъ тѣхъ, кто ихъ ведетъ. Не дай Богъ уронить православіе въ глазахъ столь многочисленной публики. Вѣдь это будетъ великій позоръ. Для того же села, гдѣ ведется бесѣда, рискъ особенный. Весь многолѣтній трудъ пастыря въ борьбѣ съ расколъ, всѣ его успѣхи и надежды на близкіе плоды своихъ трудовъ могутъ разлетѣться, какъ дымъ, въ день-два... А православные жители... имъ старообрядцы не дадутъ прохода. Вотъ какія послѣдствія могутъ быть отъ „генеральной“ бесѣды. Зачѣмъ же пастырю рисковать?!

По нашему глубокому убѣжденію и каждый миссіонеръ-спеціалистъ долженъ приступать къ веденію такихъ бесѣдъ съ великой осторожностью. И такъ, приходскій пастырь на подобныя бесѣды не долженъ выступать, да онъ и не можетъ. Не можетъ потому, что у него нѣтъ оружія.

Вѣдь, всѣмъ извѣстно, что расколъ держится на буквѣ. Если современные главари раскола во многомъ и отступили отъ своихъ дѣдовъ и прадѣдовъ, но все же они на бесѣды привозятъ съ собой великое множество книгъ. Ведя бесѣду, начетчикъ дѣлаетъ ссылки на книгу Маргаритъ, Толк. Апостоль, сочин. блж. Иеронима, Викентія Лиринаскаго, Филарета, Макарія, Каптерева, Бороздина, Князькова, Иванцова—Платонова и пр. и пр.; я уже не говорю о книгѣ „Вѣры“, „Бол. Катих.“, Кирилловой и др., каковыя почти вездѣ есть при церквахъ, окруженныхъ раскольническимъ населеніемъ. Спрашивается: гдѣ возьметъ приходскій пастырь время, чтобы изучить весь этотъ обширный матеріалъ? Гдѣ онъ возьметъ средства, чтобы пріобрѣсть всѣ эти книги? Вѣдь, на нихъ надо десятки сотенъ рублей! Не даромъ же и нашъ миссіонеръ возитъ съ собой сундукъ и два мѣшка книгъ. Что за охота была бы возиться со всѣмъ этимъ багажемъ, если бы онъ былъ излишнимъ? И такъ, приходскій пастырь не можетъ выступать въ публичныя бесѣды со всякимъ пріѣзжимъ раскольническимъ или сектантскимъ начетчикомъ. Думается намъ, что Мих. Ив. никогда не видалъ подобныхъ бесѣдъ; иначе онъ не сдѣлалъ бы своихъ выводовъ и не сталъ бы вышучивать („посудили-порядили“) приходскихъ пастырей. Генеральныя бе-

сѣды—дѣло слишкомъ великое и серьезное; ихъ надо видѣть, чтобы судить.

Сектантство, надо думать, еще не выставило своихъ борцовъ, но, вѣдь, оно еще молодо, а расколъ уже успѣлъ состарѣться и выдвинуть изъ своей среды видныхъ защитниковъ. Нѣтъ сомнѣнiя, что и сектантство предъявить своихъ борцовъ, сладить съ которыми потребуется отъ миссіонеровъ-спеціалистовъ много усилiй. Надо думать, что и сектанты не будутъ ограничиваться одной библiей. Я слышалъ, что Тим. Феод. и теперь въ частныхъ бесѣдахъ приводитъ толкованiе еп. Теофана и другихъ.

Приходскiй пастырь выполнить свой долгъ передъ Богомъ и совѣстью, если самъ будетъ стоять по своему развитiю, начитанности и вообще знанiю дѣла выше окружающихъ его отступниковъ православiя, включая въ ихъ число и главныхъ руководителей. Достигнувъ этого, онъ будетъ чувствовать себя покойно и всегда будетъ готовъ „дать отвѣтъ о своемъ упованiи“ всякому, вопрошающему его изъ своихъ односельчанъ. Еще больше будетъ ему чести, если онъ путемъ домашнихъ и частныхъ (школьныхъ) бесѣдъ научить своихъ прихожанъ истинамъ Св. Церкви, а нѣкоторыхъ изъ нихъ подготовить къ борьбѣ съ отступниками православiя. Дѣло-же веденiя особенныхъ, исключительныхъ бесѣдъ—обязанность еп. миссіонеровъ. Итакъ, миссіонеры необходимы, но они необходимы и какъ проповѣдники.

Итакъ, существованiе миссіонеровъ-спеціалистовъ необходимо. Если же они нужны, то должно дорожить ими. Но что мы видимъ? Миссіонеры изъ нашей епархiи бѣгутъ. Послѣднее извѣстiе („Еп. Вѣд.“) гласитъ, что В. П. Баз—въ оставилъ нашу епархiю. Теперь остаются два, но, можетъ быть, и эти уйдутъ... Что тогда дѣлать ¹⁾? Теперь, открывая домашнюю или публичную бесѣду въ школѣ, я не страшусь: я знаю, что у меня за плечами есть другая сила, лучшая меня, а тогда что? Что мы будемъ дѣлать, если въ дер. Вас. явится Мельниковъ, въ Шаморгу—Пичугинъ въ г. Спасскъ или Текино—Глуховъ? Кого мы противопоставимъ этимъ извѣстнымъ говорунамъ?

Попросимъ мис—ра изъ Воронежа или Саратова, но явится ли онъ къ намъ? Если же бесѣда не состоится, то для православныхъ будетъ великiй ударъ...

Если миссіонеръ оставляетъ свое служенiе потому, что взялся за него случайно, или по нерасположенiю къ нему, тогда, конечно, нечего тужить объ его уходѣ. Вѣдь рассказывали же про одного нашего миссіонера, который 6—8 мѣсяцевъ готовился къ бесѣдамъ, а потомъ, приготовившись, ушелъ на свѣтскую службу. Но наряду съ такими печальными случаями есть и другiе, которые показываютъ, что огонь ревности у миссіонеровъ, ушедшихъ изъ нашей епархiи, сильнымъ пламенемъ горитъ и доселѣ. Оставивъ одно мѣсто, они съ честью работаютъ на другомъ.

1) Въ нѣкоторыхъ епархiяхъ мисс. вакансиi бываютъ свободны по 5 и болѣе лѣтъ.

Отсюда ясно, что есть и иныя причины, заставляющія миссіонеровъ бѣжать изъ Там—ой епархіи. Говорить обо всѣхъ причинахъ мы, конечно, не въ силахъ, но намъ хотѣлось бы въ настоящій разъ сказать нѣсколько словъ объ ихъ матеріальномъ обезпеченіи. Быть можетъ, недостаточность его служить одной изъ главныхъ причинъ ухода отъ насъ миссіонеровъ 1). Если это такъ, то духовенству епархіи слѣдовало бы обратить на это серьезное вниманіе. Мнѣ страннымъ нѣсколько казалось, что на миссіонерскихъ сѣздахъ (январь и сент. 1906 г.) много говорилось о средствахъ борьбы съ расколомъ и сектантствомъ, много предлагалось разныхъ мѣръ, но все онѣ оказывались тѣсно связанными съ матеріальными издержками, а когда рѣчь шла о денежныхъ средствахъ, то получалось то впечатлѣніе, что ихъ нѣтъ и негдѣ взять. Но правда ли это? Духовенству епархіи понадобилось женское епархіальное училище—отыскались сотни тысячъ. Захотѣли устроить свѣчной заводъ—деньги нашлись. Сочли нужнымъ положить жалованье епарх. архитектору—источникъ отыскался. Ужели же, въ самомъ дѣлѣ, нѣтъ возможности изыскать средства на нужды нашей миссіи? Почему тѣ же 1,500 р., бывшее 2) жалованье еп. архитектора, не обратиться на миссіонерское дѣло? А богатѣйшія обители тамбовской епархіи! Вѣдь, существенной задачей монастырей на протяженіи всей христіанской исторіи считалась ихъ миссіонерская, просвѣтительная дѣятельность. Ужели наши обители ежегодно не могутъ жертвовать достаточную часть изъ своихъ средствъ на миссіонерскія нужды тамбовской епархіи?!

И такъ, отыскать средства на миссіонерскіе курсы, изданіе брошюръ, листовъ, бесѣдъ и пр. и можно, и должно. Пусть и миссіонеры получаютъ усиленное жалованье, если считаютъ настоящее недостаточнымъ, но пусть они и работаютъ на избранномъ пути; работаютъ не 6—8 мѣс., а десятки лѣтъ. Пусть они вездѣ и всюду являются первыми борцами за дѣло Св. Церкви. Вѣдь прискорбно и то, въ самомъ дѣлѣ, что въ Елатомскомъ уѣздѣ не былъ ни одинъ противъ - сектантскій миссіонеръ цѣлыхъ 15 лѣтъ!

И такъ, пусть миссіонеры сами работаютъ на нивѣ Христовой со всею ревностью, а за собой ведутъ и все духовенство нашей епархіи. Общими силами работать будетъ легче, и падвинувшаяся грозная туча на св. православную Церковь съ сѣвера и юга, востока и запада—ужь не будетъ такъ страшна!

Священникъ *Лавровъ*.

1) По сообщенію „Тамб. Голоса“ епарх. сѣздъ рѣшилъ прекратить выдачу жалованья еп. архитектору.

2) Неопредѣленность служебнаго положенія съ юридической точки зрѣнія—тоже не послѣдняя причина ухода миссіонеровъ на другія поприща.

Религіозный бытъ, преданія и пѣсни хлыстовъ Казанской губерніи.

I.

Время появленія хлыстовства въ Казанской губерніи точно неизвѣстно, — извѣстно только, что въ 40-хъ годахъ прошлаго столѣтія въ нѣкоторыхъ селеніяхъ Чистопольскаго, Лаишевскаго и Спасскаго уѣздовъ хлысты уже были и при томъ въ количествѣ несравненно большемъ, чѣмъ теперь, и о нихъ тогда не разъ возникали судебныя дѣла. Есть преданіе, что хлыстовство занесено сюда изъ Воткинскаго завода, Вятской губерніи. По этому преданію, первыми сектантами были нѣкто Яковъ Григорьевъ Мурышевъ и Игнатій Григорьевъ. Про нихъ держался упорный слухъ, что, распространяя секту, они дѣлали фальшивыя монеты; въ свое время и о нихъ было судебное дѣло, — но чѣмъ оно кончилось неизвѣстно.

Сами же хлысты, судя по ихъ „божымъ словамъ“ (божьиими словами хлысты называютъ свои религіозныя легенды о томъ или другомъ хлыстовскомъ „христѣ“ или „богородицѣ“), время появленія хлыстовства въ Казанскомъ краѣ относятъ къ глубокой древности, и на основаніи своихъ преданій крѣпко вѣрятъ, что нѣкоторые изъ ихъ „христовъ“, напр. Китай Лукьяновичъ и „богородицъ“ — напр. „Владимірская“, и „Казанская“ Аграфена Китаевна, жили въ Казани чуть ли не во времена самого Ивана Тимофеевича, т. е. въ концѣ XVII и началѣ XVIII столѣтія.

Такъ на основаніи преданія Нерукотворенный Образъ Спасителя, что въ военной часовнѣ у Качанскаго Кремля, хлысты считаютъ за своего „христа“ Китая (Тита) Лукояновича, и увѣряютъ, что и часовня эта построена на мѣстѣ его казни. Преданіе гласитъ, что „вскорѣ послѣ вознесенія Сласа (Ивана Тимофеевича), Китай Лукояновичъ *развозилъ по Волгѣ вѣру*; за это его поймали и привели на судъ въ Казань; здѣсь его архіереи-злодѣи осудили на смерть и у крѣпости на мосточкѣ сожгли, а пепель смели и снесли въ Черное озеро. При этомъ случилось чудо:

Черное озеро, до того времени бывшее сквернымъ и нечистымъ (чернымъ) болотомъ,—какъ только бросили въ него пепель Китая Лукояновича, очистилось и просохло; и тутъ же по немъ выросли деревья и кустарники; и съ тѣхъ поръ и донинѣ оно служитъ пріятнымъ мѣстомъ для отдыха и прогулокъ казанцевъ. А самъ Китай Лукояновичъ, какъ говоритъ божіе слово (оно будетъ приведено ниже), въ награду за свои страданія еще раньше *батюшкой* обращенъ въ „икону старообразную“, дабы было на что

„Помолиться и „божію роду“,—
И міру-народу“.

А было-де это въ самомъ началѣ XVII столѣтія.

Одновременно съ нимъ пострадала и прославилась и „богородица“ Казанская. По преданію, она была дочерью Китая Лукояновича и звали ее Аграфеной Китаевной. Легенда гласитъ, что когда Китая Лукояновича мучили, Аграфена Китаевна смотрѣла на казнь съ часовни Ивановскаго монастыря. Съ смертельной тоски она рвалась и металась, и упала съ часовни-то. Тутъ ее поймали, узнали и сожгли, а потомъ вскорѣ же и она *батюшкой* была прославлена и явилась въ образъ *Казанской Божьей Матери*.

Нѣсколько позже ихъ пострадала и прославилась „богородица“ Владимірская. Время ея жизни хлыстами такъ же относится къ началу XVIII столѣтія. Божьимъ ихъ словомъ о *Владимірской богородицѣ* время смерти ея опредѣляется довольно точно,— оно приурочено ко времени, когда „въ Казани Владимірскій соборъ строился“, и при томъ такъ, что „соборъ-то былъ готовъ, только лѣса-то съ него еще были не убраны“. А извѣстно, что означенный соборъ построенъ въ 1718 году.

Число казанскихъ хлыстовъ опредѣляется въ 500—600 душъ обоюга пола. Живутъ они въ трехъ вышепоименованныхъ уѣздахъ губерніи и имѣютъ тѣсную связь между собою.

Связь эта выражается въ томъ, что хлысты помогаютъ одинъ другому и въ назначенное время ѣздить другъ къ другу на радѣнія. На радѣнія хлысты ѣздятъ за цѣлыя сотни верстъ, напр. въ с. Баланду на радѣніе собираются хлысты не только изъ Киремети, Кушникова, Булдыря и другихъ селеній Чистопольскаго уѣзда, но и изъ Лаишевскаго и Спасскаго уѣздовъ и даже изъ Воткинскаго и Ижевскаго заводовъ Вятской губерніи,—изъ Сергіевска—Самарской губерніи, а порой и изъ Москвы. Связь съ Москвою у казанскихъ хлыстовъ особенно замѣтна. Думается

даже, что въ Москвѣ именно находятся главари хлыстовства и главное управление всѣми хлыстами. Оттуда посылаются агитаторы, оттуда получаютъ инструкціи, туда вербуются молоденькія исключительно красавицы хлыстовки, будущія „богородицы“, — туда и теперь еще хлыстами усердно посылается традиціонное ежегодное подаваніе для *сударя-батюшки*, и при томъ довольно значительное—отъ трехъ до пяти рублей съ каждаго; тамъ же, по упорному слуху, проживаетъ „живой Богъ“, на Пескахъ въ домѣ А. Г. До лицезрѣнія *живого Бога* допускаются, разумѣется, только избранные, прочимъ же *батюшка*, въ ознаменованіе своего благоволенія, посылаетъ ежегодный гостинецъ по 20—25 коп. на каждаго.

Подобно всѣмъ хлыстамъ, казанскіе хлысты отъ православныхъ отличаются приподнятымъ религіознымъ настроеніемъ, каковое нерѣдко выражается у нихъ во вздохахъ и всхлипываніяхъ при церковномъ богослуженіи, а порой и во временномъ наложеніи на себя подвига юродства (подобные примѣры въ с. Мансуровѣ были не рѣдкостью) въ лицемѣрномъ показномъ благочестіи и наложеніи на себя особыхъ подвиговъ воздержанія въ пищѣ и прочемъ.

Хлысты проповѣдуютъ строжайшее воздержаніе отъ мяса, водки и вина, почитая ихъ за скверну. Что же касается до куренія табаку, употребленія чая, кофе и картофеля, то они подтергаются еще большому запрещенію. Вотъ что объ этомъ говорить хлыстовское „божіе слово“:

„Здравствовалъ батюшка,
Ликовался Сынъ Божій,
Гость богатый, Царь Небесный,
Судья милосердный, возлюбленный, милостивый.
На матушкѣ сырой землѣ,
Въ Каменной Москвѣ,
Въ Московскомъ царствѣ,
Въ Іерусалимѣ своемъ небесномъ
Изволилъ батюшка,
Послѣ Своего Успенья
И Святаго Вознесенья
Изволилъ батюшка,
Съ неба на землю скатиться,
И гостемъ богатымъ объявиться
И сталъ батюшка
Набирать къ себѣ полки вѣрныхъ праведныхъ:
Молодцевъ неженемыхъ
И дѣвицъ незамужнихъ,
Мужчинъ и бабухъ.

И сталъ онъ, батюшка
 Учене правое имъ воздавать
 А грѣхъ, бездѣлье заповѣдовать.
 А въ ту-де пору-время
 „Ненавидящій“—по землѣ ходилъ,—
 И нельзя-де ему было
 Подойти къ палатушкѣ,
 Гдѣ батюшка съ вѣрными былъ:
 — „Гдѣ батюшка миловался съ праведными-то,—
 На тридцать верстъ земля была святая“.
 Тогда-де „ненавистникъ“ пошелъ
 И нашель „нечестивую“ бабу,—
 И надергалъ у нея шерсти,—
 И обвертѣлъ ей свои ноги.
 Тутъ и образовались у него
 На ногахъ-то валенки,
 Въ нихъ-то онъ-де и подошелъ къ палатушкѣ,—
 И выслушалъ, что батюшка глаголовалъ:
 Учене правое воздавалъ,
 А грѣхъ, бездѣлье заповѣдывалъ.
 А какъ только услышалъ онъ это,—
 Кинулся отъ палатушки,—
 Выбѣгъ на выгонъ, и на дорогѣ-то
 И стряхнулъ онъ свои „валенки“,
 А мѣръ-народъ, поутру пошли и поѣхали,
 И тѣ валенки увидѣли и дивились:
 „Глядитко-сь, куда какое дѣло!“
 Съ тѣхъ валенокъ они манерь сняли
 И съ тѣхъ поръ и валять себѣ сапоги стали.
 А ненавидящій-то полетѣлъ въ то время
 Къ самому „Іерарху“ въ преисподнюю,
 И говоритъ ему—князю бѣсовскому:
 „Князь, ты ничего-де не знаешь?
 — „Нѣтъ-де, не знаю“.
 — „А вѣдь опять Богъ-то на землю скатился
 П гостемъ богатымъ объявился“.
 А сатана-то и спросилъ его:
 — А что онъ дѣлаеть?
 „Ненавидящій“ ему отвѣчаетъ:
 „Онъ де набираеть полки молодець и дѣвиць,—
 „Мужчинъ и бабухъ, и учене правое имъ воздаеть,
 А грѣхъ бездѣлье заповѣдуетъ“.
 „Что же мы-то, князь, теперъ дѣлать будемъ?
 А сатана-то отвѣчаетъ: „Надо посѣять чай и кофе,
 Табакъ и картофель“.
 — А гдѣ же сѣмена-то взять?
 А вотъ гдѣ:
 Въ первое де времячко, когда Сынъ Божій
 Еще въ Іерусалимѣ ликовался,
 И также собиралъ къ себѣ полки праведныхъ

Молодцовъ и дѣвиць,
 Мужчинъ и бабухъ
 Къ нему-де на Христову-апостольску бесѣдушку,
 Шли молодець съ дѣвицей,
 Да они де дорогой-то блудъ и сотворили,
 И ихъ де за это Богъ-то
 Живыми въ преисподнюю и спустилъ;—
 — Такъ вотъ у нихъ-то теперь и растутъ де
 Тѣ злыя сѣмена;
 И послалъ де сатана
 Двухъ самыхъ злющихъ изъ дьяволовъ,
 И велѣлъ имъ принести тѣ злыя сѣмена,
 И они де въ преисподню спустились,
 И цѣлыхъ три де дня палились,
 И тамъ нашли тоже молодца и дѣвицу.
 И у нихъ нашли тѣ злыя сѣмена.
 „У молодца-то на низу
 Растутъ табакъ и картофель,
 А у дѣвицы-то на низу
 Чай и кофе...“
 И они де ненавистники,
 У нихъ тѣ злыя сѣмена взяли,
 Изъ преисподней вынесли и на землѣ посѣяли,
 И о томъ де сатанѣ сказали.
 А сатана-то и говоритъ:
 — „Теперь де и молодые-то будутъ
 Курить табакъ, пить чай и кофе,
 И ѣсть картофель,
 Будутъ наши:
 А старые-то
 Ихъ будутъ осуждать
 И намъ же угождать.
 Такъ де и сойдутъ всѣ къ намъ“.
 А батюшка сударь,—сынъ-то Божій,
 Узналъ духомъ-ти своимъ святымъ,
 Что ненавистники
 На землю тѣ злыя сѣмена посѣяли,
 Изволилъ, батюшка, проглаголовать
 Своимъ вѣрнымъ праведнымъ:
 „Послушайте-ка вы „вѣрны“, „праведны“,
 Кто изъ моихъ „божихъ людей“
 Будетъ курить табакъ,—
 Пить чай и кофе
 И ѣсть картофель“,—
 То какъ бы онъ ни молился,
 Какъ бы онъ ни постился,—
 Хотя бы какъ свѣча теплился,—
 А быть ему въ *отпадной силѣ*“.
 И на томъ у батюшки
 Судъ Божій исполнился.

II.

Въ громадномъ большинствѣ случаевъ хлысты носятъ свою особую одежду: мужчины—бѣлая холщевая или коленкоровая рубаха, шаровары и лапти или туфли, а женщины бѣлая же рубаха, синіе сарафаны, съ широкими мышками, бѣленькіе платочки и красненькіе поясочки. Необходимость такой одежды у хлыстовъ основывается и защищается „божьими словами“ и „откровеніями“.

Вотъ Божіе слово объ этомъ:

„Здравствовалъ батюшка
Ликовался Сынъ Божій,
Царь Небесный, гость богатый,
Судья Милосердный, избранный, милостивый,
Въ Московскомъ царствѣ,
Въ Іерусалимѣ Своемъ небесномъ.
А и приходилъ де къ нему
Ѳаддей Ивановичъ,
Спасу образу помолился,
Подаянье на Христовъ престолъ положилъ.
Батюшка подаяніе принялъ
Милость сотворилъ,
Прощенье учинилъ;—
Зритъ, сударь, и глаголовать:
Ѳаддей!
Кладу я на васъ, на „божьихъ людей“,
Три заповѣди:
Первую заповѣдь на васъ кладу:
„Надѣньте вы бѣленькія рубашечки,
И отъ верху до конца не марайте ихъ“,
Вторую заповѣдь на васъ кладу:
„Не дѣлайте вы грѣхъ,—
Не наводите меня—бога на гнѣвъ“;
А третью-то заповѣдь кладу:
„Придете вы на Христову бесѣдушку,—
Не кладите вы ноги на ногу;
Сопротивникъ де нашъ,
Непріятель же вашъ
Вскочитъ вамъ на ногу
Съ ноги-то на колѣночку,
Съ колѣночки-то на грудь.
Съ груди-то на носъ“,
„Да, Ѳаддей!
Долго вы его на носу-то проносите,
Пока у меня у бога милости не упросите“.

И на томъ у батюшки
Судь божій исполнился.

* *
*

А вотъ одно и изъ откровеній. Въ деревнѣ Бурнашевѣ, Чистопольскаго уѣзда, хлысть О. А.—въ не разъ говорилъ православнымъ, что въ истинности хлыстовства его убѣдила сама Матушка Пресвятая Богородица. „Лежу это я ночью,—разсказывалъ Осипъ Алексѣевъ,—вдругъ потолокъ надо мной поднялся, и вижу, —идеть Она Матушка ко мнѣ по воздуху,—на Ней бѣленькая рубашечка, синенькій сарафанчикъ, красенькій поясочекъ, бѣленькій платочекъ;—такъ вѣдь и намъ ходить-то надо,—поучаетъ онъ и продолжаетъ: — подошла это Она ко мнѣ и говоритъ: „Осинька! помолись ты за мѣръ-то православный, — *вѣдь вашей молитвой мѣръ-то только и держится.*

Внѣшній видъ большинства хлыстовъ изуренный.

Всякое веселье, хотя бы самого невиннаго свойства, хлысты почитаютъ за страшный грѣхъ, а потому они всячески избѣгаютъ народныхъ игрищъ, развлеченій и т. п., не говоря уже о томъ, что въ силу своихъ вѣрованій хлысты никогда не ходятъ на крестины, свадебные пиры: уклоняются отъ воспріемничества и никогда не присутствуютъ при бракосочетаніи.

Имъ не только заповѣдано ходить на бракъ и принимать какое-либо участіе въ брачномъ пирѣ, но, подъ угрозой столѣтнихъ адскихъ мукъ за каждыя видѣннаго на бракъ, запрѣщается даже и посмотреть на пирующихъ. Вотъ что объ этомъ говорится въ ихъ „божьемъ словѣ“:

„Здравствовалъ батюшка,
Ликовался Сынъ Божій,
Гость богатый, Царь небесный,
Судья милосердный,
Въ московскомъ царствѣ,
Во святомъ своемъ Римѣ Іерусалимѣ,
Въ дому божіемъ Давидовомъ,
Съ своими вѣрными и праведными.
Изволилъ батюшка покатыть,
Съ вѣрными въ путь дороженьку
И катилъ онъ батюшка
Селомъ мимо приходской церкви,
Сравнялся съ церковью,
И шапочку не скинулъ,
А на церковь плюнулъ
И покатылъ дальше.
Катить селомъ.

А въ одномъ домѣ свадьба была
 Батюшка съ пречистой головушк
 Шапочку скинулъ,—
 Повернулся къ воротамъ, гдѣ свадьба была,
 Поклонился и крестное знаменіе сотворилъ,—
 И покотилъ въ домъ, гдѣ назначена бесѣдушка.
 А тутъ де и подошли къ нему вѣрны праведны
 И стали батюшку спрашивать:
 Сударь батюшка! „Судишь ты судъ въ притчу,
 Разсуди въ чувствіе“.
 Вотъ катили де мы мимо церкви,
 А вы де и шапочку не скинули
 И на церковь плюнули.
 А шли де мимо домика, гдѣ свадьба была,
 Вы и шапочку съ пречистой головушки скинули
 И перекрестились.
 А батюшка праведнымъ проглаголовалъ:
 Вы де развѣ этого не знаете“?
 — „Нѣтъ де, не знаемъ“.
 — Ну, такъ я вамъ скажу, слушайте:
 „Шель де я мимо церкви
 А въ церкви-то мѣръ-народъ,
 А ненавистникамъ де
 И нельзя туда попастьъ-то,—
 Они всѣ на оградѣ-то и сидятъ
 Это я на нихъ де и плюнулъ.
 А когда мы шли мимо дома, гдѣ свадьба была,
 Я скинулъ шапочку и перекрестился потому,
 Что въ избѣ-то пиръ шель,
 А у воротъ сидѣли ангелы пирующихъ,—
 Такъ я де ангеламъ и поклонился“.
 Изволивъ батюшка проглаголовать:
 „Кто изъ моихъ „божіихъ людей“
 Пойдетъ на свадьбу
 Или только въ ворота, въ дырочку—
 Поглядитъ на свадебное дѣло
 Тое де я душу,—
 За каждыя челоуѣва,—сколько пируетъ на свадьбѣ,
 На сто лѣтъ въ муку сошлю.
 И на томъ у батюшки.
 Судъ божіи исполнился.

III.

Отличаясь отъ православныхъ умѣренностью, воздержаніемъ
 и трезвостью, хлысты не знаютъ цѣны и мѣры своему показному
 благочестію и очень любятъ похвастаться имъ предъ другими, а
 потому къ православнымъ относятся чаще *высока*, старательно

отдѣляютъ себя отъ нихъ; себя почитаютъ за „людей божіихъ“, *избранныхъ, вѣрныхъ, праведныхъ*,—въ коихъ *Самъ Господь Богъ пребываетъ*, а православныхъ не болѣе какъ за *свининское стадо*. Вотъ что поется объ этомъ въ ихъ пѣсняхъ:

„Дай намъ Господа, дай Иисуса,
Сынъ Божій, помилуй насъ.
Какъ бы зналъ я про то вѣдалъ,—
Я про батюшкино про усненіе,
Про его святое вознесеніе,
Я бы съ батюшкой насидѣлся,
Я бы съ батюшкой наговорился,
Я бы наплакался съ нимъ и навопился.
А на томъ ему свѣту спасибо,
Что онъ вывелъ-то насъ кормилецъ,—
Онъ изъ темную насъ изъ лѣса
Онъ изъ черной насъ изъ грязи,
Изъ свининскаго насъ изъ стада,
Онъ поставилъ же насъ, наша надеждинька,
На дороженьку, на прямую
На Христовую, столбовую,
Ужъ вы стойте, мои други,
Ужъ вы стойте, не шатайтесь,
Въ умъ-разумъ не мѣшайтесь.

* * *

Вышедши изъ „темнаго лѣса“, „черной грязи“ и „свининскаго стада“, и ставши на „прямую“, „Христовую“, „столбовую“ дороженьку,—хлысты считаютъ себя прямо святыми, находящимися въ особой близости и подъ особой защитой Господа Бога, Который, пребывая въ нихъ и „бесѣдушки съ ними бесѣдуетъ“, „распремудрые глаголы имъ глаголетъ“, — „отъ грѣха и отъ бездѣлья заповѣдуетъ“.

Вотъ что поютъ объ этомъ хлысты на своихъ радѣніяхъ:

„Дай намъ, Господи,
Иисусъ сударь Христосъ
Дай намъ Сына сударь Божій,
Помилуй, сударь, насъ.
Дураки вы, дураки,
Деревенски мужики,
Еще бьютъ васъ дураковъ,
И бранятъ васъ дураковъ,
Еще эти дураки—ровно съ медомъ бураки.
Какъ во этихъ дуракахъ
Самъ Господь Богъ пребываетъ,
Сударь батюшка родной,—

Гость богатый, дорогой.
 Покатилъ нашъ государь
 Во Верхову сторону,
 Во верхову лугову,
 Въ славный городъ Кострому,
 Онъ во Старую деревню,
 Во Кріушево село,
 Во Кріушево село,
 Во Давидовъ Божій домъ,
 Гдѣ нашъ батюшка
 Бесѣдушки бесѣдуетъ,—
 Распремудрые глаголы
 Свѣтъ глаголетъ
 Отъ грѣха онъ отъ бездѣля,
 Заповѣдуетъ,
 Съ нами сынъ-то сударь Божій,
 Помилуй, сударь, насъ.

IV.

Свою принадлежность къ хлыстовской сектѣ казанскіе хлысты тщательно скрываютъ,— почему они очень всегда лицемѣрны. Въ селѣ Масловкѣ, Спасскаго уѣзда, напр. былъ такой случай: хлыстъ П. Θ—въ, за свою принадлежность къ сектѣ, былъ священникомъ лишенъ св. Причащенія,—что ему очень не нравилось, главнымъ образомъ, потому, что подрывало его авторитетъ въ глазахъ православныхъ и обнаруживало всю ложь его показного благочестія. Поэтому онъ всячески старался такъ или иначе провести ссвятенника: но связавшій его священникъ хорошо зналъ, съ кѣмъ имѣеть дѣло, а потому всѣ уловки П. Θ—ва не достигали цѣли.

Случилось, что этотъ священникъ перешелъ въ другой приходъ, а въ Масловку былъ опредѣленъ старичекъ добрѣйшей души. Тутъ-то П. Θ—въ ожилъ;—онъ пришелъ къ новому священнику и, разыгрывая предъ нимъ роль угнетенной невинности, рыдая, рассказывалъ о своемъ несчастіи,—о томъ, что злые люди, по зависти и злобѣ оклеветали его предъ прежнимъ священникомъ въ принадлежности къ гнусной сектѣ хлыстовъ, а тотъ, повѣривъ этой клеветѣ, лишилъ св. Причащенія, что его, П. Θ—ва, страшно мучить. Указывая далѣе на свою особую любовь къ храму Божію, который онъ всегда усердно посѣщаетъ, П. Θ—въ просилъ батюшку пріобщить его св. Таинъ и, въ доказательство искренности своего православія, просилъ батюшку разрѣшить ему кое-что сдѣлать для приходскаго храма. Въ это время была

неотложная нужда исправить полъ въ церкви, батюшка и указалъ на нее П. Θ—ву. Тотъ былъ очень радъ и просилъ батюшку немедленно же приступить къ работѣ, клятвенно обѣщая уплатить ему всѣ расходы. Зная П. Θ. за человѣка богатаго, батюшка въ простотѣ сердца ему повѣрилъ,—купилъ цементъ, нанялъ рабочихъ. Полъ былъ исправленъ и П. Θ—въ св. Таинъ приобщенъ. Только про свои клятвенныя обѣщанія П. Θ—въ совершенно забылъ и отъ уплаты денегъ за ремонтъ церковнаго пола наотрѣзъ отказался. Случаевъ подобнаго лицемѣрія среди хлыстовъ не мало, хотя слѣдуетъ сказать, что въ дѣлѣ собственно пожертвованій на храмъ Божій они порой бываютъ очень щедры, особенно предъ смертью. И это, не смотря на все стараніе вожаковъ хлыстовства воспрепятствовать этому и во всей прелести и убѣдительности представить крайнюю дѣйственность и спасительность жертвъ,—„подаванія“ „живому богу“. Въ силу этого, чуть не на каждомъ шагу повторяющагося ученія о необходимости и спасительности этого „подаванія“, у хлыстовъ существуетъ традиціонный обычай ежегодно отправлять таковое въ Москву. Отправляется это подаваніе живому Богу черезъ особо избранныхъ отъ хлыстовъ довѣренныхъ людей „послащихъ“. Нѣкоторые особо вліятельные изъ нихъ вошли въ преданіе,—изъ таковыхъ извѣстны четверо: Елантовскій (изъ села Елантова, Чистопольскаго уѣзда), Иванъ Алексѣевичъ, Сибирскій Родіонъ Давидовичъ, Верховскій и Московскій—послѣдній разноситъ дары ужъ отъ сударя-батюшки.

Спасительность подаванія „живому Богу“, по ученію хлыстовъ, такъ велика, что достаточно было „татаринушкѣ“ дать 3 коп. живому богу, чтобы спасти и себя, и отца и мать, и „весь свой родъ и подродъ“, всю свою деревню „Ромашкино“. Вотъ что объ этомъ говорятъ ихъ божье слово:

„Здравствовалъ батюшка,
Ликовался сынъ Божій,
Избранный, возлюбленный, милостивый,
На матушкѣ сырой землѣ,
Въ каменной Москвѣ,
Въ Московскомъ царствѣ,
И въ Иерусалимѣ своемъ небесномъ.
А въ ту де пору время,
Направился къ батюшкѣ
Елантовскій „послащій“ Иванъ Алексѣевичъ.
Когда послащій надумалъ идти,—
То праведны-то и снеслись къ нему.
Съ подаваніемъ для батюшки Сына Божія.

А когда послащій отправлялся въ путь,—
 То ему де всегда приходилось заходить
 Въ татарскую деревню „Ромашкино“,—
 И приставалъ онъ всегда у одного татаринушки.
 Разъ татаринушка-то и спросилъ послащаго:
 Иванъ! Далеко ли ты ходишь?
 А Алексѣвичъ-то ему де и говорить:
 Эхъ, татаринушка, татаринушка! Кабы ты зналъ
 Про такое дѣло, куда я хожу, то...
 А татаринушка-то и привязался къ нему,—
 Скажи де скажи, куда ты ходишь?
 И сколько послащій не отбивался,
 А все-таки отъ татаринушки не отвязался,
 И принужденъ былъ высказать:
 Хожу я де въ московское царство, къ „живому Богу“.
 — Ахъ, Иванъ, сколько разъ ты ко мнѣ ходишь,
 И ни разу про такое дѣло не сказывалъ.
 А Иванъ-то прибавилъ:
 Да, татаринушка, я хожу
 И „живому Богу“—подаваніе ношу...
 Тутъ татаринушка и сказалъ:
 — Эхъ, Иванъ, вотъ моя три копѣйка, —
 Возьми, пожалуйста,—давай его „Живому Богу“.
 Давай де,—отвѣтилъ Алексѣвичъ,
 Взялъ деньги и пошелъ въ Московское царство.
 Пришелъ онъ во Іерусалимъ Господній
 Спасу образу помолился,—
 Государю-батюшкѣ поклонился,—
 Подаваніе на Христовъ престолъ положилъ.
 А батюшка-то взялъ подаваніе
 Въ свои пречисты рученьки,
 Да и высыпалъ его на престолъ,
 А татаринушкина гривенка-то
 И откатилась въ сторону.
 Батюшка-то и сказалъ:
 —Иванъ, чья это гривенка-то?
 А послащій-то говорить:
 — Батюшка, не знаю я твоего суда Божьяго.
 А батюшка-то спросилъ:
 „Иванъ, когда ты сюда шелъ ко мнѣ,—
 Такъ на пути не далъ ли кто тебѣ гривенки-то
 Тутъ Иванъ-то и вспомнилъ и сказалъ:
 — Да, батюшка, вѣрно,—
 Когда я къ тебѣ сюда хожу,
 То ночевать всегда захожу
 Къ одному татаринушкѣ.
 Такъ это вотъ онъ послалъ,
 Чтобы ты, батюшка, избавилъ его
 И простилъ въ своихъ...
 А батюшка-то и сказалъ послащему:

Ну, Иванъ, Богъ проститъ татаринушку.
 Да Богъ проститъ его отца и мать,
 Да Богъ проститъ и весь его родъ и подродъ,
 Да Богъ проститъ и все Ромашкино“.
 И на томъ у батюшки
 Судъ Божій исполнился.

V.

Главари хлыстовъ усердно учатъ, что при такой спасительности подаянія живому богу, оно особенно не нравится „ненавидящему“, „сопротивнику“ (такъ хлысты зовутъ злыхъ духовъ) и онъ всѣми мѣрами старается не допустить этого подаянія до сударя-батюшки,—для чего вооружаетъ противъ „послащихъ“ — силы природы,—какъ то: производитъ дождь, громъ, молнію и т. п. А когда и это не дѣйствуетъ, то прибѣгаетъ къ искушенію. Все это, по своему, конечно, поэтизируется и въ божіемъ словѣ представляется такъ:

Здравствовалъ батюшка,
 Ликовался Сынъ Божій
 Царь небесный, судья милосердный,
 Въ Каменной Москвѣ.
 Въ своемъ Божіемъ дому Давидовомъ,
 А въ ту де пору времячко
 Отрядили праведны
 Къ нему молодца съ подаяніемъ.
 Ёдетъ себѣ молодець
 И подѣхалъ къ одному селу.
 И поднялись де вдругъ: громъ, молнія, дождь и вѣтеръ.
 Молодецъ ёдетъ.
 А какъ поровнялся онъ съ церковью,—
 Услыхалъ съ лѣвой стороны голоса:
 „Молодецъ! Дамъ тебѣ я сто рублей,—
 Скажи: „Эка ненастье“!
 А дьячекъ услышалъ это и говорить:
 Дай де мнѣ сто рублей,
 Я скажу „эка ненастье“.
 А голосъ-то говорить:
 „Дьячекъ—пустой пучекъ,—
 Ты и такъ давно нашъ“.
 И такъ де три раза было.
 Молодецъ промолчалъ и проѣхалъ ужъ мимо,—
 Только смотреть: за нимъ
 Ёжитъ мальчишка и кричить:
 „Дяденька! Посади меня“.
 Молодецъ остановился, посадилъ...

Прошло немного времени,—
 Мальчишка говорить: „Дяденька,—
 Я озябъ, посади меня за пазуху...“
 Молодецъ посадилъ.
 Еще немного погода, мальчишка говорить:
 „Дяденька! Посади меня въ ротъ...“
 Тотъ видитъ дѣло не ладно,
 Взялъ де съ лошади-то его и сбросилъ.
 А его тутъ же громомъ и убило.
 Пришелъ молодецъ къ батюшкѣ.
 Спасу образу помолился,—
 Сударю батюшкѣ поклонился,
 Подаянье на Христовъ престолъ положилъ.
 Батюшка подаянье принялъ,
 Милость явилъ, прощенье учинилъ.
 Зритъ сударь и глаголовать:
 „Шель де ты, молодецъ,
 Ко мнѣ путемъ-дороженькой,
 Не видалъ ли чего?
 Не слыхалъ ли чего?
 — Нѣтъ де, батюшка,
 Не видалъ и не слыхалъ.—
 Только въѣхалъ я въ одно село,
 Поднялась вдругъ *погодушка*:
 Страшный громъ, вѣтеръ, дождь и молнія,
 А какъ поровнялся я съ церковью,
 Услыхалъ я съ лѣвой стороны голось:
 „Молодецъ! Дамъ тебѣ я сто рублей,—
 Скажи: „Эка ненастье“.
 А батюшка-то и проглаголовалъ:
 „Ну, молъ, ладно, ты не сказалъ...
 И кто де изъ моихъ „божихъ людей“
 Скажетъ: „Эка ненастье“
 Тое де я душу загоноу туда,
 Куда воронъ костей не носилъ;—
 И прощу ее тогда,
 Когда мухи сквозь реберъ налетаются“.
 И на томъ у батюшки
 Судъ Божій исполнился.

* * *

Слово „ненастье“, по ученію хлыстовъ, говорить нельзя, это почему-то имъ заповѣдано,—нужно говорить „погодушка“. И заповѣдъ эту хлысты блюдутъ такъ крѣпко, что того, кто въ непогодь скажетъ „эка ненастье“, въ домъ къ себѣ ужъ ни за что не впускаютъ, кто бы то ни былъ, безъ разницы, даже если бы то былъ и знакомый хлыстъ, коему грозить серьезная опасность, напр. замерзнуть. По этому поводу приведу очень типичное и по своему очень интересное „божіе слово“:

Здравствовала батюшка,
 Ликовался Сынъ Божій,
Иванъ Тимофеевичъ,
 Въ Московскомъ царствѣ,
 Въ Іерусалимѣ Господнемъ,
 Изволилъ батюшка прикатить
 Въ приходскую церковь къ вечернѣ.
 Отстоялъ де вечерню,
 И міръ-то народъ выходитъ ужъ сталъ.
 А батюшка-то выкатилъ изъ церкви
 Лишь вмѣстѣ съ попами.
 Глядитъ онъ съ паперти-то
 И видитъ:—вечерняя заря погорѣла,
 И сталъ онъ, батюшка, спрашивать попа:
 „Къ чему де это вечерняя заря погорѣла?“
 (Попа-то звали Кономъ).
 А попъ-то и говоритъ:
 „Это, Иванъ Тимофеевичъ,
 Предвѣщаетъ де „ненастье“.
 Тутъ батюшка взялъ попа за волосы,
 Да обвелъ вокругъ себя три раза,
 И на каждомъ поворотѣ проглаголовалъ:
 „Былъ ты попъ Конъ,
 Будь теперь конъ“.
 — И по батюшкину слову,
 Попъ-то тутъ же конемъ сдѣлался.
 Потомъ вышелъ изъ церкви діаконъ,—
 Тутъ Иванъ Тимофеевичъ спросилъ и діакона:
 „Къ чему де это заря погорѣла?“
 А діаконъ-то говоритъ:
 „Это хоть что къ „ненастью“.
 Тутъ Иванъ Тимофеевичъ
 Схватилъ діакона за косы,
 Обвелъ его вокругъ себя три раза,
 И при каждомъ обводѣ говорилъ ему:
 „Былъ ты діаконъ,
 Такъ будь теперь конъ“.
 И діаконъ тутъ же конемъ сдѣлался,
 Послѣ нихъ вышелъ изъ церкви дьячекъ.
 Иванъ Тимофеевичъ спросилъ и его:
 „Къ чему де это заря погорѣла?“
 А дьячекъ-то и говоритъ:
 „А Богъ де знаетъ, Иванъ Тимофеевичъ“.
 Тутъ батюшка и проглаголовалъ дьячку-то:
 „Вотъ, дьячекъ, дамъ тебѣ я пару лошадей,—
 Ты на нихъ три года ѣзди,
 Ни пой ты ихъ, ни корми,
 Только какъ будешь запрягать,
 То каждую лошадь три раза
 Дугой по мордѣ съѣзди,—

Онѣ де и съ этого сыты будутъ;
 А когда три года исполнится,
 Приведи ты ихъ ко мнѣ“.
 А вмѣсто попа-то съ дьякономъ,
 Батюшка на ихъ мѣсто тутъ же
 Послалъ двухъ ангеловъ въ ихъ образѣ.
 Какъ прошли три года,
 Дьячокъ тѣхъ лошадей, попа-то съ дьякономъ,
 Провелъ, какъ приказано, къ батюшкѣ.
 Тутъ батюшка Иванъ Тимофеевичъ
 Подошелъ къ первому коню,
 Взялъ его за гриву,
 Обвелъ вокругъ себя три раза,
 И при каждомъ поворотѣ приговаривалъ:
 „Былъ ты конь,
 Будь теперь попъ Конь“.
 Подошелъ и къ другому коню,
 Взялъ за гриву и такъ же обвелъ
 Вокругъ себя три раза и приговаривалъ:
 „Былъ ты конь,
 Такъ будь теперь дьяконъ“.
 И по батюшкиному слову
 Тѣ лошади—попъ съ дьякономъ
 Опять попомъ и дьякономъ сдѣлалися.
 А съ тѣхъ де поръ
 И зовутъ поповъ
 „Породой лошадиною“,
 И на томъ у батюшки
 Судъ Божій исполнился.

* * *

При посредствѣ такихъ „божійхъ словъ“, хлысты укрѣпляются въ вѣрѣ и фанатизируются. Постоянно слушая отъ своихъ наставниковъ повѣствованія о „всемогуществѣ батюшки, его чудесахъ и строгихъ казняхъ послушниковъ, хлысты всѣми мѣрами стараются исполнять заповѣди батюшки и въ жизни своей быть дѣйствительно „вѣрными“, „праведными“, „людьми божіими“. И надо сказать, что въ мѣстахъ глухихъ, удаленныхъ отъ храма и вліянія и наблюденія священника, хлысты за свое показное благочестіе нерѣдко пользуются со стороны темнаго православнаго люда большимъ уваженіемъ. А видя расположеніе къ себѣ православныхъ, хлысты не прочь и отъ пропаганды, а потому нерѣдко, что въ такихъ мѣстахъ свою принадлежность къ другой оутрѣ хлысты уже не скрываютъ, напротивъ совершенно от-

крыто даже похваляются этой своей вѣрой. Такъ въ деревнѣ Новыхъ Нохратахъ ¹⁾ хлысты говорятъ православнымъ:

Если бы нашу вѣру узнали
Купцы и дворяне,
То на, мѣ-то на нее и поглядѣть бы не дали,
Такъ хороша она.

Надо при этомъ оговориться, что въ *хлыстовствѣ* собственно ни одинъ хлыстъ никогда и ни за что не признается, потому что они считаютъ себя *старовѣрами*, какъ ихъ во многихъ мѣстахъ зовутъ и православные, и самое названіе хлыстъ очень не любить. *Хлыстъ* тотъ, кто безъ толку языкомъ *хлыщеть*, обычно говорятъ они.

Сущность своего ученія хлысты отъ непосвященныхъ ревниво оберегаютъ, какъ величайшую тайну.

Не смотря, однако, на всѣ старанія хлыстовъ скрыть свое ученіе, не смотря на все ихъ лицемѣріе, къ коему они ради этого прибѣгаютъ,—все же теперь уже достаточно извѣстно, что уклонившись съ прямого пути истины, хлысты зашли въ такія дебри человѣческаго заблужденія, что дальше этого, кажется, и идти уже некуда.

Свящ. *Ал. Урбанскій.*

(Продолженіе слѣдуетъ).

¹⁾ Деревушка лежитъ въ глухой мѣстности, отъ приходского храма въ 9 верстахъ. Населеніе темное, въ школѣ грамоты до самого послѣдняго времени учителемъ былъ мѣстный крестьянинъ, окончившій *мѣстную же школу*. Нужно ли говорить, что при такомъ просвѣщеніи далеко не уйдешь?

Религіозна бесѣда либерально-вѣрующаго съ искренно-вѣрующимъ.

II.

О правахъ церковнаго учительства.

Искренно-вѣрующій: Миръ дому твоему, старинный друже! Вотъ я явился къ тебѣ съ привѣтствіемъ мира, дабы и ты также съ миромъ безъ задора и постепенно частями выкладывалъ свои широкія познанія изъ „громадныхъ запасовъ возраженій“, какъ ты самъ заявилъ прошлый разъ на прощанье. Теперь у насъ на очереди бесѣда о правахъ церковнаго учительства; выскажи же свое мнѣніе на этотъ счетъ, я терпѣливо послушаю и можетъ быть, Богъ дастъ, что либо скажу къ освѣщенію этого вопроса въ той надеждѣ, что и ты, какъ чело-вѣкъ по собственному твоему признанію, широко смотрящій на вещи, не откажешь продумать мои соображенія.

Либерально-вѣрующій. Приношу сердечную благодарность за посѣщеніе, и особенно за пожеланіе мира. Я отъ души сознаю, что миръ въ всякомъ дѣлѣ полезенъ и необходимъ, особенно при бесѣдѣ о такихъ важныхъ вопросахъ, какъ религіозные, потому что при мирной бесѣдѣ безъ острыхъ споровъ, глубже западаетъ въ душу сознаніе: на чьей сторонѣ истина. Не буду многословить и возраженія свои буду высказывать только словами священнаго Писанія. Вотъ что говорится въ евангеліи. „А вы не называйтесь учителями, ибо одинъ Учитель—Христосъ, всѣ же вы братья“ (Мѡ. 23, 8). Видишь, какое запрещеніе высказалъ Самъ Господь всякому, кто присваиваетъ себѣ званіе учителя, запрещаетъ Богъ называться равно и отцомъ и наставникомъ, какъ это видно изъ дальнѣйшихъ словъ евангелія. Изъ этого я и заключаю, что въ дѣлахъ вѣры и спасенія душъ не должно быть никакихъ земныхъ учителей.

Искр.-вѣр. Признаюсь, что высказанный сейчасъ тобою взглядъ дѣйствительно широкъ и большой просторъ даетъ каждому для работы надъ самимъ собой въ дѣлѣ спасенія, но вотъ что меня смущаетъ:

какъ это всякій человѣкъ, безъ наставленія, самъ собою дойдетъ до сознанія того, что на небѣ и вездѣ есть Богъ—Творецъ міра, что для спасенія погибающаго рода человѣческаго безъ малаго двѣ тысячи лѣтъ тому назадъ Богъ посылалъ Сына Своего единороднаго, что этотъ Сынъ пострадалъ и воскресъ и обѣщаль воскресить во второе Свое пришествіе всѣхъ и отъ всѣхъ вѣковъ умершихъ: однихъ—вѣрующихъ въ Сына Божія для жизни вѣчной, а другихъ, не вѣрующихъ, на вѣчное осужденіе. Мнѣ кажется, трудно самому собою дойти до всего этого, и мое сомнѣніе подтверждается тѣмъ, что во всѣ времена христіанства не было такого случая, чтобы какой-либо языческой народъ самъ собою, безъ посторонняго внушенія и наученія дошелъ до вѣры въ распятаго и воскресшаго Иисуса Христа. Вспомни хоть самаго добраго, благочестиваго и богобоязненнаго язычника, сотника Корнилія. Чтобы наставить его въ истинной вѣрѣ, Богъ особымъ Своимъ промысломъ послалъ апостола Петра и только послѣ того, какъ ап. Петръ отверзъ уста свои и выяснилъ исторію пришествія на землю Иисуса Христа ради спасенія рода человѣческаго, сошелъ св. Духъ на всѣхъ слушавшихъ слово, и апостоль велѣлъ всѣмъ креститься (Дѣян. 10, 1—48). По моему разумѣнію, въ приведенныхъ тобою словахъ евангелія Господь запрещаетъ только самозванное присвоеніе себѣ званія учителя, но вовсе не говоритъ того, что въ Церкви не должно быть особо поставленныхъ учителей. Чтобы не утруждать тебя дальнѣйшими собственными соображеніями, я вычитаю тебѣ нѣсколько мѣстъ священнаго Писанія, которыя ясно свидѣлствуютъ, что безъ учителей церковныхъ самъ собою не научишься и не получишь спасенія души; вычитаю Писаніе безъ всякаго объясненія, самъ возрастъ имѣешь и самъ можешь обсудить, такъ или не такъ ты мыслишь объ учительствѣ церковномъ, ссылаясь на одинъ текстъ Писанія. Такъ послушай же внимательно: *Итакъ идите, научите всѣ народы, крестя ихъ во имя Отца, и Сына, и Святаго Духа* (Мѡ. 28, 19). *Онъ (Иисусъ Христосъ) поставилъ однихъ апостолами, другихъ пророками, иныхъ евангелистами, иныхъ пастырями и учителями* (Ефес. 4, П). *И иныхъ Богъ поставилъ въ Церкви, во первыхъ, апостолами, во вторыхъ—пророками, въ третьихъ—учителями. Всѣ ли апостолы? Всѣ ли пророки? Всѣ ли учителя?* (1 Кор. 12, 28—29). *Я поставленъ проповѣдникомъ, и апостоломъ и учителемъ язычниковъ* (2 Тим. 1, П). *Имѣешь ли служеніе, пребывай въ служеніи; учитель ли,—въ ученіи* (Рим. 12, 7). Наконецъ вотъ что говоритъ ап. Павелъ: *Но какъ призывать Того, въ Кого не увѣровали? Какъ вѣровать въ Того, о Комъ не слышали? Какъ слышать безъ проповѣдующаго?* (Рим. 10, 14).

Либер.-втр. Долженъ сознаться, что ты всестороннѣ меня изучилъ Писаніе и этимъ ставишь меня въ тупикъ. Самъ чувствую, что какъ будто какая свинцовая оболочка съ моихъ духовныхъ очей понемногу спадаетъ, но все же не могу признать себя побѣжденнымъ, пока не выскажу и другія мѣста слова Божія, служащія опорой усвоеннаго мною въ городѣ взгляда на учительство. Вотъ что говорится въ посланіи къ евреямъ: *И не будетъ учить каждый ближняго своего, говоря: познай Господа. Потому что всь, отъ малаго до большаго, будутъ знать Меня* (Пер. 3, 31—34; Евр. 8 11), да и въ евангеліи читаемъ: *У пророка написано: и будутъ всь научены Богомъ. Всякій слышавшій Отца и научившійся, приходитъ ко Мнѣ* (Іоан. 6, 45). Отвѣть мнѣ на эти мѣста кратко и если можно только словами Писанія.

Искр.-втр. Изволь, согласенъ съ тобою и постараюсь отвѣтить какъ можно кратко. Пророчество объ упраздненіи человѣческаго учительства исполнится тогда только, когда исполнится непосредственно предшествующее ему пророчество того-же Іереміа, а именно: *Вотъ завѣтъ, который завѣщанъ дому Израилеву послѣ тѣхъ дней, говоритъ Господь: вложу законы Мои въ мысли ихъ; и напишу ихъ въ сердцахъ ихъ; и буду ихъ Богомъ, а они будутъ Моимъ народомъ* (Пер. 31, 31—34). А о времени, когда исполнится это пророчество, вотъ что читаемъ въ Откровеніи Іоанна Богослова: *И увидѣлъ я новое небо и новую землю; ибо прежняя земля миновала и моря уже нѣтъ. И Я, Іоаннъ, увидѣлъ святыи городъ Іерусалимъ, новыи, сходящій отъ Бога съ неба, приотворенный какъ невѣста, украшенная для мужа своего. И услышалъ я громкій голосъ съ неба, говорящій; се, скинія Бога съ челоуѣками, и Онъ будетъ обитать съ ними; они будутъ Его народомъ, и Самъ Богъ съ ними будетъ Богомъ ихъ* (Откр. 21, 1—3). Замѣчаешь ли, что изъ приведенныхъ словъ Откровенія видно, что только въ священномъ городѣ, новомъ, небесномъ Іерусалимѣ, т. е. по окончаніи сего міра, не нужны будутъ для насъ учителя? А теперь, въ земной жизни, когда по словамъ апостола, рядомъ съ закономъ Божиимъ, написаннымъ въ мысляхъ и сердцахъ нашихъ, существуетъ еще и инъ законъ,—противувоющъ закону ума моего, и плѣняющъ меня закономъ грѣховнымъ (Рим. 7, 22—23), мы не обойдемся безъ проповѣдниковъ Божественныхъ истинъ. Признаешь ли послѣ этого, что благодатное наученіе не исключаетъ челоуѣческаго посредства?

Либер.-втр. Да, теперь я вижу, что былъ въ нѣкоторомъ заблужденіи, не различая въ данномъ вопросѣ несовершенства временной жизни челоуѣческой, полной соблазновъ и искушеній, отъ вѣчной

блаженной жизни. Время хотя уже и глубоко поздно, но мнѣ жаль отпустить тебя, пока не выслушаю твой отвѣтъ на послѣднее мое возраженіе, т. е. еще на слѣдующія мѣста свящ. Писанія: „*Такъ что вы не имѣете недостатка ни въ какомъ дарованіи, ожидая явленія Господа нашего Иисуса Христа* (1 Кор. 1,7). Дальше: „*Впрочемъ, помазаніе, которос вы получили отъ Него, въ васъ пребываетъ, и вы не имѣете нужды, чтобы кто училъ васъ: но какъ самое сіе помазаніе учитъ васъ всему и оно истинно и неложно,—то, чему оно научило васъ, въ томъ пребывайте* (1 Иоан. 2, 27).

Искр.-вѣр. Своего собственнаго взгляда на эти слова Писанія я не имѣю, но вотъ какъ объясняютъ законно-поставленные учителя Церкви Христовой. Въ приведенныхъ тобою мѣстахъ, по ихъ словамъ, говорится объ особыхъ дарахъ духовныхъ, которые ради особенныхъ цѣлей божественныхъ подаваемы были христіанамъ апостольскаго вѣка. Затѣмъ подъ „помазаніемъ“ разумѣется обрученіе Духа Св., т. е. полнота даровъ Св. Духа, которые подаются вѣрующимъ въ таинствахъ и, въ частности, въ таинствѣ миропомазанія (2 Кор. 21—22), а не человѣческой „даръ премудрости“, который не можетъ безъ всякихъ благодатныхъ средствъ и всякаго человѣка научить къ познанію вѣроучительныхъ истинъ, но еще иногда бываетъ и такъ по словамъ евангелія: „*что высоко у людей, то мерзость передъ Богомъ*“ (Лук. 16, 15), да наконецъ развѣ мало знаменитыхъ „мудрецовъ“ вѣка сего, которые въ корнѣ подрываютъ религію христіанскую; я все это говорю къ тому, что если бы въ приведенныхъ тобою текстахъ Писанія разумѣть помазаніе, преподаваемое каждому въ отдѣльности, то выходило бы, что оно уже научило всѣхъ одинаково, и потому уже нѣтъ различія между дѣтьми и отцами. Правда, что въ наше время многія дѣти считаютъ себя даже умнѣе отцовъ, но только не съ того конца, т. е. не съ религіознаго, ихъ превозношеніе—то, какъ мнѣ думается и есть „мерзость передъ Богомъ“. Но если будемъ разумѣть Духа, обитающаго во всей цѣлости въ Церкви, то понятно, что Онъ, уча всю Церковь, по отношенію къ отдѣльнымъ членамъ ея разнообразить Свои дары, раздѣляя дѣйствія и служенія, какъ и говорится въ Писаніи: Дары различны, но Духъ одинъ и тотъ же. И служенія различны, а Господь одинъ и тотъ же; иному вѣра тѣмъ же Духомъ; иному чудотворенія, иному пророчества, иному различеніе духовъ, иному разные языки, иному истолкованіе языковъ. Все же сіе производитъ одинъ и тотъ же Духъ, раздѣляя каждому особо, какъ Ему угодно.

Либер. вѣр. Вижу, что ты время нашей разлуки съ большею пользою провелъ въ своемъ родномъ селѣ, чѣмъ я въ городѣ. Спасибо

великое тебѣ за сегодняшнюю бесѣду! Слѣдующій разъ не откажи принять меня къ себѣ и побесѣдовать о Преданіи,—по этому вопросу у меня много возраженій и все отъ Писанія, а теперь на прощанье мнѣ очень хотѣлось бы выслушать отъ тебя кратенькое заключеніе нашей бесѣды о церковномъ учительствѣ, т. е. какъ оно должно представляться въ общихъ чертахъ съ православно-христіанской точки зрѣнія.

Искр.-вѣр. Съ удовольствіемъ выскажу объ этомъ такъ, какъ слѣдуетъ изъ совокупности православнаго ученія: 1) Иисусъ Христосъ преподавалъ вѣрующимъ Божественное ученіе Свое, необходимое для нашего спасенія.

2) Для распространенія Своего ученія Онъ благоволилъ избрать особыхъ лицъ—апостоловъ.

3) Апостолы для той же цѣли поставляли епископовъ, которымъ предоставляли право рукополагать пресвитеровъ, заповѣдуя имъ въ то же время проповѣдывать Слово Божіе.

4) Въ силу этого, послѣ апостоловъ, право церковнаго учительства, по преемству, перешло къ епископамъ и пресвитерамъ.

5) Источникомъ церковнаго учительства служить священное Писаніе и священное Преданіе, а руководствомъ—голосъ Церкви, выраженный въ твореніяхъ св. Отцевъ и учителей Церкви, и въ опредѣленіяхъ вселенскихъ и помѣстныхъ соборовъ.

6) Учительство, не руководствуемое голосомъ Церкви, есть самозванное, могущее производить разныя ереси, какихъ въ наши времена столько развелось, что и счету нѣтъ.

Вотъ все главное, что можно сказать тебѣ въ заключеніе нашей бесѣды.

Діаконъ Іоаннъ Смолинъ.

ХРОНИКА.

Лѣтопись періодической духовной и свѣтской печати и новыя книги по вопросамъ вѣры и миссіи церкви.

Неправда „Правды Православія“ и „Глагола Временъ“ обо особомъ единовѣрческомъ епископѣ и австрійщинѣ.

Долго молчали мы, получая „Правду Православія“... Скрѣпя сердце молчали, хотя и горько и больно бывало каждый разъ читать журналъ, названіе котораго не оправдывалось ни содержаніемъ, ни духомъ, ни цѣлью этого журнала. Журналъ слѣдовало бы назвать издателю его не „Правда Православія“, а „На правду православія“... Теперь вѣдь свобода совѣсти и слова!

Не изъ кого-либо, а изъ просвѣщенныхъ іерарховъ, полномочныхъ носителей благодати Св. Духа, будетъ состоять предстоящій Всероссійскій Соборъ. Нелѣпныя идеи „Правды Православія“ и „Глагола Времени“ получаютъ тогда свою должную оцѣнку: Христосъ стоитъ на стражѣ Своей Церкви и не допуститъ ихъ осуществленія. Господь не попуститъ, чтобы Соборъ послужилъ раздѣленію на ся царства Божія на землѣ. И соборъ, надѣмаясь, отвергнетъ нелѣпую мысль объ особой единовѣрческой іерархіи!..

Но... духъ уби бодрѣ, плоть же немощна!..

Терпѣніе наше переполнилось! Приходится отозваться и сказать сильное слово въ защиту терзаемой истины, поносимой матери нашей--Церкви Православной.

Прямо не вѣрится, чтобы іерейская рука могла писать то, что мы читаемъ въ названныхъ единовѣрческихъ изданіяхъ. Такъ можетъ писать только „Савль“, а не „Шавель“. Чего только нѣтъ хотя бы въ „Глаголѣ Временъ“? Ругань, шипящая злоба, непримиримая ненависть къ православной церкви, прямой призывъ къ церковному бунту, ложь, клевета и т. п.

О. Симеону Шлееву, спрятавшемуся за спину какого-то Вас. Пав.

Медвѣцкаго, милъ австрійскій расколъ. Ему ненавистна *православная* іерархія, его идеаль раскольникъ Іустинъ (онъ же Іоаннъ) Картушинъ? Кто же его, о. Шлеева, удерживаетъ въ ненавистномъ православіи, которое онъ такъ старательно отдѣляетъ отъ „старо-православія“ (читай—раскола)? Зачѣмъ онъ лицемѣритъ, оставаясь съ нами? Пусть лобызаетъ десницу Ивана Усова и Онисима Швецова! Во всякомъ случаѣ онъ будетъ гораздо симпатичнѣе въ качествѣ честнаго, открытаго *отступника*, нежели въ некрасивой роли скрытаго предателя (если только онъ не страдаетъ тѣмъ, что называется *idée fixe*)...

Ново-единовѣрцы, называя православную церковь не иначе, какъ только „Великороссійской“, ругаютъ почившихъ православныхъ архипастырей бездушными мучителями-эпикурейцами, современныхъ—ехидными лицемѣрами іезуитами; ругателей же православія величаютъ именемъ страдальцевъ, противораскольничьихъ дѣятелей чествуютъ именемъ наемниковъ... Идите же, оо. новоединовѣрцы, туда, *чи* вы въ дѣйствительности, и не смущайте стада Христова въ овчей кожѣ православнаго пресвитера!..

Вотъ выдержки изъ „Глагола Временъ“ (№ 12):

Духъ его (старообрядчества,—читай раскола) есть нѣчто не поддающееся ни уменьшенію, ни сокращенію отъ вѣкового пресса, ни даже гоненію всѣми мѣрами, изобрѣтавшимися „намѣстниками“ Христа. Дальше: „отцы“, наши подлинные отцы съ мягкими, холеными руками. въ великолѣпныхъ одеждахъ изъ шелка.. бархата.. ласкающихъ взоры цвѣтовъ малиновыхъ, пунсовыхъ, синихъ, бѣлыхъ.. шумящихъ и даже надушенныхъ.. Дорогіе каменья.. золото.. блистали съ головы до ногъ.. И эти холеныя руки, мягкія и нѣжныя, не знавшія грубаго мускульнаго труда, подписывали приговоры не милости или кротости, не привѣта и защиты, не утирали слезъ, струившихся по тысячамъ ланитъ и палимыхъ огнемъ своей скорби и муки даже до смерти, а.. спокойно, просто—рѣшали однимъ взмахомъ пера смерть, ту медленную безконечную смерть, которая была отъ нихъ единственной наградой за силу духа.. „Въ тайги въ тюрьмы“ шептали тонкія бѣдныя уста и улыбались... „Опомнятся, спасутъ свои души, говорили кроткія сердца великолѣпныхъ отцовъ и предстателей, и несчастные полунагіе, голодные, оторванные отъ родныхъ, друзей, всего человечества.. шли.. шли и гибли..

И тѣже шелковыя одежды—голубыя, лиловыя, синія, малиновыя.. Тѣже мягкія холеныя руки.. Тѣже драгоценныя каменья.. золото.. Не тѣ приемы. Иные, утонченныя, невидимыя...—Запечатать алтарь и изгнать служителя его, тихо, безъ злобы, произносятъ тонкія губы, и старыя только улыбки на безжизненныхъ лицахъ.. Вѣрныя овцы тѣснымъ кольцомъ окружали пастыря своего, грудью отстаивали храмъ свой.. Но пастырь взять. Бѣгутъ овцы и гибнуть въ пучинѣ человѣческаго моря.. А впереди безконечная дорога, усѣянная страхомъ за каждый грядущій день..

— За что? За вѣрность вѣрѣ отцовъ своихъ? За любовь, которую такъ топтали въ старомъ вѣкѣ и хотите топтать въ новомъ вѣкѣ?. Послѣдняя борьба. Мягкія холеныя руки протянуты.. Ловятъ...—Окружимъ себя

своими друзьями, по одному, по два разставимъ ихъ возлѣ каждаго малаго стада.. Мы опутаемъ ихъ издали, безъ шума, не показывая на свѣтъ своихъ цѣлей. И каждый день влетаетъ новую нить въ тенета для ловли кроткихъ, еще любящихъ овецъ.. То здѣсь, то тамъ, подъ маской истиннаго исповѣданія старой вѣры—вступаютъ въ ряды пастырей посланники отцовъ новаго вѣка.. И какъ вѣрные слуги прелестей земли ради, они входятъ съ опущенными долу взорами, сложивъ руки на груди, вадыхаютъ и молятся, дабы всѣ видѣли ихъ и слышали.. А отцы? Не имѣя силы духа, чтобы свѣтити міру добрымъ примѣромъ и любовью, они надѣваютъ яркія одежды и красотою ихъ покрываютъ ту ужасающую пустоту, что заполняетъ ихъ не умѣющія страдать сердца.. А наемники дѣлаютъ порученное имъ дѣло.. (Стр. 1—3)..

Нужно сбросить съ себя аначительную долю мягкости, которая проглядываетъ въ столѣтнемъ характерѣ исканія епископа.. если же и на этотъ разъ единовѣрцамъ не дадутъ епископа, они сами себѣ его достанутъ (черезъ расколь?), нужно сплотиться (Стр. 5).. епископа у нихъ (единовѣрцевъ) нѣтъ, православные управляютъ, а приходоу имъ (единовѣрческимъ священникамъ, не считающимъ православіе ересью) нечего бояться—митрополитъ давно старается всякую силу прихожанъ сломать, а храмы отдать въ руки своимъ людямъ. А священники древней вѣры не могутъ ходить въ другіе храмы даже на самыя торжественныя службы. А то.. сегодня протестантъ, завтра иновѣрецъ, а черезъ недѣлю единовѣрецъ. Главное деньги“ (Стр. 6).. А вотъ когда единовѣрцы,будутъ имѣть своего природнаго епископа, для котораго старая вѣра родная вѣра, вѣра отцовъ, что этихъ господъ.. Ихъ и не было бы.. всѣ прочіе подтянулись бы, когда бы на глазахъ у нихъ былъ примѣръ настоящей жизни.. А наши архіереи.. Созерцатели.. астрономы.. (Такъ и кажется, что о. Симеонъ себя здѣсь изображаетъ: небойсь, не пошелъ человекъ въ глухую деревушку „страдать“ съ единовѣрцами на какихъ либо 300—500 рублей, да мерануть и мокнуть изъ-за идеи, а забрался въ многотысячный С.-Петербургскій Николаевскій приходъ, да и вздумалъ спасать единовѣрце изъ богатыхъ чертоговъ!)

Честный и открытый врагъ безопасности скрытаго подъ личиноу лицемѣрнаго друга!..

Не о преуспѣяніи единовѣрія о. Шлеевъ печется, а объ отторженіи его отъ православія, именуемаго имъ великороссійствомъ, новоправославіемъ, а значить и ересью. (Вѣдь если то, за что шли въ тайги, въ тюрьмы, уходили въ сѣверные лѣса, въ чужіе края, т. е. расколь-староправославіе, то православіе—новоправославіе, что тоже—ересь!)

Православные іерархи, по о. Шлееву, только и думаютъ, какъ бы подставить ногу единовѣрцію..

Какая неправда!

Мы лично знали покойныхъ преосвященныхъ: митрополитовъ Леонтія и Сергія, архіепископа Алексія; знаемъ нынѣ здравствующихъ—митрополитовъ Антонія и Флавіана, архіепископовъ—Арсенія, Макарія, Агаѳангела, епископовъ—Серафима, Іоакима.. Всѣ они были и есть строгіе блюстители церковности и охранители единовѣрія.

Какъ, напр., внимателенъ былъ къ единовѣрїю покойный митрополитъ Сергій? Какъ популяренъ между единовѣрцами Томскій архіепископъ Макарій, и именно за сво отеческую любовь къ единовѣрцамъ, никогда не отдѣляемыхъ имъ въ своихъ отчихъ попеченїяхъ отъ православныхъ! Какъ строго преслѣдовалъ малѣйшую попытку исказити единовѣрїе преосвященный Арсеній въ свою бытность архіепископомъ Рижскимъ? Какъ строго относится къ чистотѣ обрядовъ единовѣрїя нынѣшній епископъ Полоцкїй Серафимъ! О вниманїи къ единовѣрїю со стороны епископа Питирима свидѣтельствуетъ самъ же Шлеевскій „Глаголь“...

Что же вы хотите, о. Симеонъ! Вамъ все мало! Нѣтъ, молъ, отцы-іерархи, анаематствуйте патріарха Никона, Соборъ 1667 года, само православїе, слезно просите вступить съ вами въ общенїе (то бишь, принять васъ, и насъ за вами) Іоанна Картушина... Вотъ тогда!..

Повторяемъ, цѣль о. Шлеева, какъ то понятно, вовсе не польза Церкви вообще и единовѣрїя въ частности. Отецъ Симеонъ знаетъ, что многіе и многіе православные и нынѣ крестятся двуперстно и т. д. Онъ на это и бьетъ. Дадуть-де подъ видомъ благочестїя намъ епископовъ... Свобода совѣсти и несомнѣнная отмѣна на предстоящемъ Соборѣ не особенно удачнаго пункта единовѣрїя, запрещающаго православнымъ перечисляться въ единовѣрцы и (хотя на практикѣ это нигдѣ не исполняется) даже причащаться у единовѣрческаго іерея, кромѣ смертной опасности,—сдѣлаютъ то, что въ самое короткое время поль-Россїи объявится единовѣрческою... Тогда епископовъ-де мы умножимъ, хотя бы то даже цѣною раскола... А тутъ независимые отъ ненавистнаго намъ „новоправославнаго“ патріарха и его синода, мы вступимъ въ общенїе съ австрїйщиною и въ итогѣ, „никонїанству“ останется только молить о присоединенїи и его ко „Св. Церкви“... и забвенїи прошлаго...

Мы знаемъ даже лицо, которому о. Шлеевъ высказалъ свои надежды поль-Россїи видѣль единовѣрческою!..

Конечно, могутъ найтись между современными іерархами люди и не соотвѣтствующїе единовѣрїю. Но, во-первыхъ, гдѣ же нѣтъ исключенїя? Во-вторыхъ,—какому единовѣрїю? Шлеевско-Морошкинскому? (См. „Глаголь“ № 13, стр. 16, письма, I). Да, я и не епископъ, а простой единовѣрческїй же священникъ, а такое единовѣрїе, не обвиняясь, называю или расколомъ, или вродѣ этого и всею душею не сочувствую ему. А я, о. Симеонъ, *природный столбовой поморецъ* по происхожденїю, строгїй блюститель чистоты единовѣрческихъ обрядовъ. Это можетъ засвидѣтельствовать моя паства. И вездѣ, гдѣ ни служилъ я въ единовѣрческихъ церквахъ,—я отличался этимъ качествомъ.

Что такое истинное единовѣріе, объ этомъ мы скажемъ ниже, а пока по этому поводу приведу отвѣтъ, данный мнѣ простой безхитростной женщиной. Желая испытать, какъ тверда она въ качествѣ недавно присоединенной, я спросилъ ее: „что жъ ты не была у исповѣди?“—„А я была въ православной церкви“.—„Почему жъ не въ своей, единовѣрческой?“—„А развѣ не все равно?“—„Какъ можно!“ пошутилъ я.—„А! если хорошо у васъ, то и въ православной церкви хорошо; если же тамъ худо, то и ты никуда не годишься“,—отрѣзала мнѣ испытываемая. Я продолжалъ: „А почему же это такъ?“—„Да потому, что вы взялись отъ православныхъ. Если бы не было православія,—не было бы и васъ“. Т. е., другими словами, намъ сказали и доказали, что единовѣріе спасительно только потому, что получаетъ благодать отъ православныхъ іерарховъ, и дотогѣ, пока сохраняетъ съ ними единство. (Если бы единовѣріе было не тоже, что и православіе, то что пользы отъ обрядовъ? они—рубашка! Тогда я, лично, если бы не былъ православнымъ, то остался бы поморцемъ, сталъ бы никудышникомъ, атеистомъ, чѣмъ хотите, но только не единовѣрцемъ).

Если „новоправославіе“, выражаясь языкомъ Шлеева, не спасительно, то и единовѣріе—расколъ, подобный австрійщинѣ и никуда не годится. Если же единовѣріе—истина, то спасителенъ и его источникъ, православіе: зачѣмъ тогда какая-то еще одна православная, автономная церковь, кромѣ существующей, въ составъ которой входятъ и единовѣрцы? Зачѣмъ тогда двѣ, независимыя одна отъ другой, православныя іерархіи? Иль уже пойдемъ до конца, будемъ добиваться и единовѣрческаго патріарха съ единовѣрческимъ синодомъ при немъ?

Отъ искаженія не сохранять единовѣріе сто особыхъ іерархіи! Знаемъ мы этихъ природныхъ единовѣрцевъ! Вотъ о Петербургѣ, Москвѣ и можно то сказать, что единовѣріе держится здѣсь преимущественно деньгой. Тамъ въ единовѣрїи царитъ принципъ—„моему нраву не препятствуй“, а съ другой стороны—гдѣ только запахло болѣе постнымъ духомъ, *природные* единовѣрцы первые же превращаются въ сибаритовъ, которымъ крайне неудобно подняться къ заутренѣ, напр. (даромъ, что *вчера* только поднимались молотить хлѣбъ часовъ въ 12!), „да и народу де это неудобно“... *Природные* единовѣрцы первые въ этомъ случаѣ разыгрываютъ и роль *передовыхъ* людей, а не какихъ-либо *раскольниковъ*, ни уха, ни рыла, конечно, не понимая—въ чемъ именно состоитъ и содержится *православіе*...

О. Шлеевъ и его сознательные и безсознательные пособники слишкомъ идеализируютъ и будущихъ, особыхъ единовѣрческихъ епископовъ. Это, видите ли, полнѣйшая противоположность нынѣшнему „новоправославному“ епископству, общему „къ несчастью“ для всей

Церкви. Какъ существующіе епископы исполнены всякихъ исключительно отрицательныхъ качествъ (кромѣ дорогихъ одеждъ и золотыхъ шапокъ, представляющихъ цѣнность положительную), такъ тѣ, природные единовѣрцы, для которыхъ „старая родная вѣра отцовъ“— сумма однихъ только плюсовъ (въ томъ числѣ, конечно, и шапокъ и одежекъ).

Смѣемъ однако и опять увѣрить о. Шлеева и его компанію, что люди вездѣ и всегда только люди, даже если они единовѣрческіе епископы.

Единовѣрческія каѳедры замѣстятся могутъ, по духу, Картушинными, Швецовыми, Усовыми и т. д. Шлевскіе единовѣрцы вѣдь „пожелаютъ, чтобы имъ дано было право избирать епископовъ, какъ они избираютъ себѣ и прочихъ членовъ клира“ („Глаголь“ № 12, стр. 5) и съ другимъ духомъ епископа къ себѣ не примутъ...

А дальше? А дальше „тотъ валъ“, который „раздѣляетъ Православную Церковь съ послѣдователями австрійскаго священства, обратится и не въ ровенникъ даже, а въ гладкое чистое поле и разрозненное общеніе соединится: всѣ епископы единовѣрцы-природные будутъ торжественно приняты въ лоно „древле-православной церкви“, яко еретицы 3-го чина... И... возрадуется духъ о. Симеона и духъ г. Д. Морокина, которые и теперь не находятъ ничего лучшаго какъ „уйти цѣлыми приходами къ старообрядческимъ архіереямъ“ („Глаголь“ № 13, стр. 16, Письма, I), и умиляются тѣмъ, что „послѣ 17 апрѣля“ единовѣрцы „не только молятся, но и ставятъ свѣчи“ въ раскольничьихъ церквахъ, но и „дѣлаютъ приношенія“. И „не только молятся, но и берутъ у старообрядческихъ священниковъ благословеніе“ (№ 12, стр. 11).

А до тѣхъ поръ отцы новоявленные іерархи, для которыхъ „надмевающее“ знаніе—будетъ лишъ излишній балластъ (№ 13, стр. 4), позаймутся разработкой и охраной величайшихъ догматовъ христіанства въ родѣ, напр... семипоклоннаго начала, лѣстовокъ, подручниковъ и т. п.

Ну, право же, разсудокъ отказывается вѣрить, чтобы люди богословски образованные, проникнутые духомъ истиннаго единовѣрія (впрочемъ тогда особый единовѣрческій епископатъ явился бы лишъ безвредной бессмыслицей) смогли бы даже, не только захотѣли когда-либо, заковывать въ неподвижныя обрядовыя формы сущность христіанской вѣры и придавать этимъ формамъ непререкаемое значеніе; согласились бы видѣть только въ этихъ формахъ животворящій духъ Христовъ, идеалы христіанской жизни и нравственности.

Епископы безъ „надмевающего“ знанія, отъ орала, притомъ отце-Симеоновскаго духа, только такъ и могутъ повести дѣло. Духъ зо-

зидающей любви будетъ понять или очень и очень узко, а свои принципы они будутъ проводить съ азартомъ фанатиковъ-невѣждъ, облеченныхъ полнотою іерархическихъ полномочій. Они и не смогутъ понять духа времени, тѣмъ болѣе считаться съ нимъ подобно зміи при голубиной цѣлости. Они будутъ жить полторы тысячи лѣтъ назадъ, не будучи въ состояніи подняться до пониманія аксіомы,—что вѣчна одна истина, а формы измѣнчивы, того—что полезное вчера никуда не годится завтра.

Что изъ этого выйдетъ,—предоставляемъ судить читателю. По нашему, итогъ получится куда мрачнѣе, чѣмъ какой рисуетъ „Глаголь“ (№ 13) въ ст. „Пока конечно...“ Единовѣрцы тоже люди, въ состояніи оцѣпенѣнія не останутся и они: законы жизни и жизненности неумолимо и беспощадно двинуть впередъ и ихъ.

Но епископовъ отмѣченнаго типа съ послѣдствіями, такъ скажемъ, и хочется о Симеону и г. Морокину, попутно...

Главная конечная цѣль ревнителей учрежденія особаго единовѣрческаго епископа—другая.

Да, вполнѣ и мы согласны, „старообрядчество“ не только не сломлено и по сіе время (живучесть, впрочемъ, не доказательство еще животворности, несторіанство, монофизитство, лютеранство существуютъ гораздо болѣе времени, а съ подавляюще-побѣднымъ движеніемъ и жизненностью латинства—куда ему и тягаться!), но духъ ненависти къ православію, борьбы съ нимъ, желанія опрокинуть вѣковѣчное зданіе Церкви, стать на ея мѣсто самому—еще ярче загорѣлся въ немъ въ послѣднее время. И о. Шлеевъ, какъ ни странно это, типичный въ своемъ родѣ выразитель этой ненависти и борьбы, ихъ кузнечный мѣхъ. „Схватимся“, говоритъ особенно гордо поднявшій голову расколъ, „еще чья возьметъ!“—„Чья еще возьметъ“, рассуждаетъ и о. Шлеевъ, „кто еще побѣдитъ:—Церковь ли или врата адовы?..“ Церковь ли потопить въ себѣ расколы и ереси, дастъ имъ жизнь, одухотворить ихъ, или—они согнутъ Церковь въ дугу, заставятъ ее склониться передъ собою и безжизненно застыть?

И о. новоединовѣрцы, съ рвеніемъ достойнымъ лучшей участи, стали, какъ въ былое время поморскіе Гамалиилы, на сторону вратъ адовыхъ, подъ кожу овцы выступить противъ Церкви, оскаливъ зубы, готовы броситься на нее каждую минуту, чтобы терзать.

Вотъ, вотъ она, эта цѣль новоединовѣрцевъ съ особымъ епископомъ прикрытая мнимой ревностью о пользѣ единовѣрія!

„Для блага“, видите ли, „Православной Церкви... нужно, по ихъ мнѣнію, признать дѣйствительною австрійскую іерархію на основаніи каноническихъ правилъ и выработать условіе для передачи послѣдователямъ этого священства дѣла единовѣрческаго, его цѣлей и задачъ.

Какъ ясно и краснорѣчиво. И „тогда вопросъ объ особой іерархіи для единовѣрцевъ самъ собою рѣшится (еще бы! разъ ихъ передвинуть въ австрійщину!) и институтъ миссіонеровъ для работы надъ остальнымъ дѣломъ обращенія раскольниковъ къ Православной Церкви (читай—къ австрійскому расколу) на правилахъ единовѣрія „явится къ услугамъ ея уже въ готовомъ видѣ“ (стр. 6).

Братья издатели и вдохновители „Глагола Времени“! Да вы слышите ли, что говорите? Опомнитесь же и вслушайтесь въ свои же слова! Вѣдь вы другими словами хотите взять единовѣріе, а за нимъ и все православіе, на веревочку и вести подъ исправу гг. Картушинныхъ, Усовыхъ, Швецовыхъ и т. п. Вѣдь отдать, по вашему передать, единовѣріе въ жертву австрійскому молоху—то же, что сдѣлать это просто съ православною Церковью! Вы зря, отъ вѣтра главы брякнули, что „единовѣріе не есть расколъ, не есть и православіе“: ваше единовѣріе—расколъ, а настоящее единовѣріе—православіе, только православіе! Религія обрядовъ—разнаго цвѣта рубашки у дѣтей одной матери, —не больше! Напрасно вы говорите, что и задача единовѣрія въ „примирительной дѣятельности на пользу единенія *двухъ отдѣлившихся другъ отъ друга* вѣтвей русской Церкви—раскола и господствующей церкви“ („Глаголъ“ № 13, стр. 3—4). Задача единовѣрія не примирить воображаемую вами *равноправность* (подумаешь!), а исцѣлить отсѣченное церковнымъ судомъ, привести это отсѣченное и приложить къ церковному, единому только, тѣлу, удомъ котораго, а не чѣмъ-то отдѣльнымъ, отличнымъ отъ него и является единовѣріе, и исцѣлить чрезъ приложеніе надлежащаго пластыря въ видѣ дарованія излюбленныхъ отсѣченными обычаявъ... Вы, господа, просто бредите, воображая расколъ вѣтвью русской церкви, да еще равноправною господствующей церкви, то и другое только поссорившимися частями. Что вы, отцы и братья! перекреститесь! Расколъ—расколъ и есть, а Церковь—Церковь, судія, котораго расколъ во прахъ долженъ молить о принятіи въ свое лоно, если дорожить спасеніемъ!..

Ревность не по разуму, отцы и братія! Только и кричите: давайте намъ особыхъ епископовъ, не то... мы въ расколъ уйдемъ! Ну, и развѣ можно послѣ этого только дать вамъ этихъ епископовъ и за это только?! Людямъ настолько *не твердимъ* въ православіи?.. Болѣе чѣмъ рискованно!..

Хотя бы потактичнѣе-то вы были! Подумаешь, — австрійская іерархія во вретнщѣ и пеплѣ стоитъ передъ будущимъ Соборомъ и молить о пріемѣ и признаніи. Вотъ этого бы и дожидаться прежде! А вы безтактно и полѣзли къ г. Картушину цѣловаться и напрашиваться. Голубчикъ-де! мы признаемъ тебя!.. Вамъ и отрѣзали: что-жъ! оставьте ереси!.. тогда мы васъ примемъ...

Право, таковъ смыслъ отвѣтовъ Картушина архіепископу Антонію!

Но вы, видимо, не уцѣломудрились и этимъ. Вамъ, очевидно, страшно хочется, чтобы Картушинъ и Ко признали васъ, во что бы то ни стало!..

Любопытно только, отцы: на основаніи какихъ это правилъ вы установите особый единовѣрческій епископатъ? и именно—черезъ признаніе дѣйствительною австрійской іерархіи, потопивши въ ней единовѣрческое дѣло, его цѣли и задачи? Не на основаніи ли 8 правила I Вселенскаго Собора? равняете ихъ даже съ догматами! Укажите, какъ это въ Витебскѣ, напр., быть намъ: состоя въ каноническомъ вѣдѣніи преосвященнаго Н., епископа, архіепископа, митрополита единовѣрческихъ церквей, какъ *мѣстнаго* православнаго епископа,—обратиться спиною къ *православному* же и *мѣстному* же епископу Серафиму? Нельзя такъ? Ну, тогда остается или признавать обоихъ, *мѣстныхъ православныхъ* епископа, или... каноны по боку, если этого намъ хочется и выгодно для австрійскаго раскола...

Учрежденіе единовѣрческаго или единовѣрческихъ епископовъ — полнѣйшее нарушеніе *нынѣ* дѣйствующихъ канонѡвъ! Если Соборъ произведетъ въ нихъ нѣкоторую передѣлку (на что, по нашему имѣетъ полное право,)—тогда рѣчь будетъ особая. Да и то единовѣрческіе епископы будутъ ядомъ для Церкви.

Ужъ не требовать ли намъ, повторяемъ, послѣдовательно развивая положеніе, чтобы эти отцы-епископы были независимы и отъ „ново-православнаго“ патріарха, подчинялись своему „старо-православному“, единовѣрческо-австрійскому? Почему же для вящей полноты не требовать ужъ и особаго патріарха?! и въ „силу приспособленія къ обстоятельствамъ“: единовѣріе, скажемъ, тогда еще болѣе разцвѣтетъ!..

Для блага *Православной Церкви* надо, видите ли, признать австрійскую іерархію на основаніи, видите ли, каноническихъ правилъ! Какихъ это, аввы? Укажите эти правила! Никакихъ канонѡвъ, подъ которые подходили бы австрійскіе пастыри актеры,—нѣтъ, да и быть не можетъ по самому существу дѣла. Исправлять испорченное, но что-жъ исправишь тамъ, гдѣ *ничего* нѣтъ! Ну, укажите, отцы и братія, хоть одну ересь, хоть одинъ расколъ, хоть что-нибудь подходящее къ австрійщинѣ на всемъ протяженіи двухъ тысячъ лѣтъ церковной исторіи! Одинока она! Всѣ ересеначальники и расколочальники получали хиротонію или еще въ православіи, или отъ такихъ еретиковъ-епископовъ, которые въ моментъ поставленія ими другихъ отъ Церкви еще не были отлучены Соборомъ,

еще не осуждены и не лишены своихъ іерархическихъ полномочій. Начальники ересей и расколовъ отторгали въ слѣдъ себя и мірянъ такихъ, которые до отлученія отъ Церкви ихъ общины были освящены всѣми таинствами отъ православныхъ священнослужителей. Въ каждой отколовшейся отъ Православной Церкви общинѣ, такимъ образомъ, не было разстоянія между православнымъ и еретическимъ или раскольничьимъ, одно здѣсь *непосредственно* мѣняло другое и *вышнее* преемство, связь съ апостолами не прерывалась ни общиною, ни ея клиромъ.

Совсѣмъ не то въ австрійщинѣ. Здѣсь община, канонически отлученная отъ Церкви, потерявшая епископскую степень священства, пробывавшаяся 180 лѣтъ пресвитерами „отъ ереси“ приходящими, короче—*ничего* не имѣвшая кромѣ крещенія (нельзя же признать таинства дѣйствія лицъ, которыя перекрещивали въ облаченія, перемазывали масломъ, которыя прокляли своихъ законныхъ епископовъ, или осуждены или извержены и приняты затѣмъ мірянами или такими же „іерархами“, какъ и сами они... такая, говоримъ община *къ себѣ принимаетъ* епископа-еретика, по ея разумѣнію. Этотъ плодитъ потомство, такихъ же „еретиковъ“, какъ самъ. Вѣдь выпрямить его было некому! А такъ какъ еретикъ-епископъ не общину къ себѣ принялъ, а самъ былъ принятъ общиною, то онъ только и могъ стать тѣмъ, чѣмъ была сама община. Иль никакое отступленіе отъ Церкви не уничтожаетъ дара священства, полученнаго въ Православной Церкви, даже перекрещиваніе или обрѣзаніе?

Другое было дѣло, если бы Амвросій, провозгласивъ своего патріарха и сущихъ съ нимъ епископовъ еретиками, завершилъ свое отдѣленіе отъ Греческой церкви формальнымъ оказательствомъ этого отдѣленія и прежде *чрезъ миропомазаніе* *принялъ къ себѣ* стадо, лишенное этого таинства и еще слѣдовательно не совершенное, вычислилъ и исправилъ это стадо, пожелавшее ему слѣдовать и затѣмъ достойныхъ изъ него, по его мнѣнію, возвелъ бы на церковныя степени! Тогда и самъ Амвросій и его іерархія вполне подходили бы подъ тѣ церковныя правила, которыя, снисходя къ еретикамъ и раскольникамъ, въ извѣстныхъ случаяхъ разрѣшаютъ принимать хиротонисанныхъ или въ ихъ сущемъ санѣ. Или если бы то, что сдѣлалъ Амвросій, сдѣлалъ бы Павелъ Коломенскій,—было совсѣмъ не то, что теперь вышло у австрійцевъ. Аналогія съ іерархією донатистовъ была бы полнѣйшая!..

Но не Амвросій, повторяемъ, принялъ къ себѣ стадо, а стадо, нуждавшееся въ утвержденіи своего христіанства, приняло Амвросія!..

Вотъ оо. и бр., прежде чѣмъ говорить о признаніи австрійской іерархін,—вы и покажите изъ церковной исторіи примѣръ, когда

Церковь приняла бы кого-либо въ сущемъ санѣ въ случаѣ вполне *аналогичномъ австрійщинъ*.

Все, что вы ни указывали до сихъ поръ, не то, что іерархія-амвросіевна!

Ну что, если бы какой-либо епископъ,—по ошибкѣ ли, обманутый ли, рукоположенъ въ какую-либо церковную степень природнаго лютеранина, штундиста, молоканина, иль—поморца-еодосіяннина?! Что бы вы сказали? Конечно вмѣнили бы совершившееся, яко не бывшее! И у Амвросія вышло таже самое!..

Примите во вниманіе: признавъ австрійскую іерархію, вы логически должны признать въ сущей силѣ и дѣйствія Іеронима съ его предшественниками, попа Миханла Калмыка, дѣйствія нынѣшнихъ бѣглопоповцевъ, словомъ—всѣ безобразія въ прошломъ и настоящемъ раскола... Это безусловно неизбѣжно для того, чтобы узаконить потомство Амвросія.

Позвольте заступиться ужъ въ такомъ случаѣ и за своихъ бывшихъ единовѣрцевъ. Пригласите тогда къ соединенію и поморцевъ, примите ихъ, какъ равноправныхъ и поставьте для нихъ и изъ нихъ, безъ всякихъ священнодѣйствій надъ ними предварительно, епископовъ, пресвитеровъ и діаконовъ (зачѣмъ же тогда меня предварительно миропомазывали, да еще совершали передъ тѣмъ надо мною чинопріемъ отъ раскола?) и въ силу справедливости передайте и имъ частичку единовѣрскаго дѣла, его цѣлей и задачъ. На какомъ же основаніи нѣжность къ одной только австрійщинѣ? Чѣмъ же дѣйствія Андрея и Симеона Діонисіевичей хуже безобразій людей, проклявшихъ рукоположившихъ ихъ епископовъ и оплевавшихъ священнодѣйствія Св. Церкви?

Знаменитые поморскіе лжеучители были развѣ только логичнѣе въ своихъ дѣйствіяхъ: „не имѣемъ-де рукоположенныхъ православными іерархами людей и, не дерзая восхищать недарованное, предпочитаемъ оставаться безъ таинствъ лучше, нежели окормляться рукоположенными отъ еретиковъ“, говорили они, „если же всероссійскіе іерархи возвратятся къ старожитности, оставятъ новшества, ереси попросту, мы первые-де сами къ нимъ придемъ...“ Принимать же къ себѣ іерарховъ въ сущемъ санѣ, вручать имъ жезлы они не дерзали, не признавая за собою на то, какъ міряне, а не епископы, права.

Если бы и теперь нашелся кто-либо изъ православной іерархіи, кто пожелалъ бы перейти къ поморцамъ,—послѣдніе, признавая его еретикомъ перваго чина, крестили бы и поставили въ рядъ съ собою, не только ни во что вмѣнили бы его „еретическую“ хиротонію, но и наставничество у себя вручили бы ему лишь развѣ по довольномъ испытаніи.

Ни теперь, ни прежде поморцамъ и въ голову не приходило восполнять „Церковь“ отъ ереси.

Австрійцы и ихъ защитники изъ нашей подлинно, лжебратія (вѣрнѣе—тайные австрійцы же) ересію вздумали Церкви спасать. Но отъ вѣрка того не было, чтобы Церковь *для своего блага* принимала еретиковъ и раскольниковъ, особенно ихъ іерархію въ сущемъ санѣ. Церковь всегда и во всѣ времена довлѣетъ сама себѣ согласно неложному обѣщанію своего основателя. Для блага еретиковъ и раскольниковъ, *молвившихъ* о приѣмѣ, она *снисходила* къ нимъ, диктовала при этомъ имъ условія, а не выслушивала ихъ, принимала въ свое лоно и одѣвала благодатію Св. Духа, включала ихъ въ себя, а не соединялась съ ними, какъ съ равными себѣ...

Такъ-то о.о. и братія, новоединовѣрные. Оставьте-ка вы свои *днѣствительныя* заботы о преуспѣянніи австрійскаго раскола и *мнимыя* о единовѣрїи! Оставьте свою злобу и ненависть ко всему, что носитъ имя и печать православія, свой грубо-ругательный тонъ по адресу его архипастырей; сущій тонъ Хама отцегугателя!.. Оставьте и клевету на покойнаго о. архимандрита Павла, мнѣнія и сужденія котораго о волнующемъ васъ вопросѣ намъ хорошо извѣстны: *никогда* приснопамятный о. Павелъ не говорилъ о необходимости признанія австрійской іерархіи, да еще *для блага Православной Церкви*, онъ отвергъ эту іерархію, когда еще быть раскольниковъ поморцемъ, и тѣмъ менѣе въ ней видѣлъ спасеніе единовѣрїя. Почившій авва ужасался одной мысли и объ учрежденіи особаго единовѣрческаго епископства, онъ говоритъ, что, если бы это случилось,—тогда онъ немедленно выйдетъ изъ состава единовѣрїя... Затѣя ваша бессмысленна и вредна для Церкви Христовой!..

Есть доля правды въ томъ, что единовѣрїе разрознено.

Но виноваты въ томъ не архипастыри наши, а въ большинствѣ случаевъ сами же единовѣрческіе батюшки.

Чуть оставилъ человекъ соху и надѣлъ рясу и—пошелъ изображать передовой элементъ, надсаживаться, доказывая, что онъ не что либо-а либо что, не какой либо „раскольникъ“, а человекъ не зря поставленный на свѣщницѣ, понимаетъ, что православіе и единовѣрїе—одно.. Въ итогѣ, смотришь и выходишь у такихъ отцовъ неизвѣстно что: не то православіе, какъ привыкли выражаться, не то единовѣрїе, не то еще что!.. Посѣдѣвши въ такихъ подвигахъ, отецъ съ гордымъ смиреніемъ говоритъ, поглаживая бороду, что онъ не даромъ прожилъ жизнь—потрудился, *сблизилъ* единовѣрїе съ православіемъ. Профессоръ Ивановскій одно время даже умилялся душою, что въ Сарапулѣ на такое „сближеніе“ убито... ровно тридцать лѣтъ!

Да! помочь единовѣрїю, искоренить это зло необходимо для пользы

Св. Церкви. Но особые епископы вовсе не нужны для этого, есть средство и гораздо безопаснѣе, и гораздо проще. Оно на глазахъ у насъ въ лицѣ особаго протопресвитера военнаго духовенства. Почему бы не установить должности особаго протопресвитера или главнаго священника (дѣло не въ названіи) и для управленія единовѣрческими церквами Имперіи, а по епархіямъ помощниковъ его единовѣрческихъ епархіальныхъ благочинныхъ? Рукополагаться каждый единовѣрческой священнослужитель, назначаемый на свою должность протопресвитеромъ, будетъ у того епископа, въ области котораго находится данная церковь, его имя будетъ возносить, гдѣ это прилично, за службой, имъ и судиться согласно церковнымъ законамъ, имъ будетъ (по представленію протопресвитера) возводиться, напр., въ протоіерей и т. п.

Право, во всѣхъ отношеніяхъ это лучше особаго епископата. И дешевле, и безопаснѣе, и удобоисполнимѣе, и не требуетъ введенія въ Церковь австрійскаго суррогата... и даже нужды единовѣрія удовлетворить еще лучше.

Хотѣлось бы и еще много, много сказать... ну хоть о томъ, какъ набиралъ о. Симеонъ Шлеевъ полномочія отъ 30 слишкомъ епархій и какая цѣна этимъ полномочіямъ... Но—объ этомъ въ другой разъ...

Витебской Благовѣщенской единовѣрческой церкви священникъ

Петръ Злотниковъ.

Городъ безъ храма.

Такъ озаглавлена превосходная книжка англичанина Генри Дрюммонда, переводъ которой на русскій языкъ мнѣ пришлось на дняхъ редактировать. Впрочемъ переводъ ея, кажется, уже былъ сдѣланъ ранѣе.

Авторъ замѣчательно сильно и талантливо разъясняетъ истинное значеніе видѣнія апостола Іоанна (Откр. 21, 2—22, а также 22, 3—4—5) и вмѣстѣ съ тѣмъ вполне убѣдительно доказываетъ, какъ понималъ самъ апостоль все то, что созерцалъ въ небѣ на островѣ Патмосѣ.

Даже люди, признающіе единственнымъ, величайшимъ божествомъ безусловную, глубокую справедливость, при строгомъ слѣдованіи и примѣненіи всѣхъ началъ которой воцарится царствіе небесное на землѣ, внимательно прочтя сказанную книжку, вынуждены будутъ признать все высказанное г. Дрюммондомъ вполне согласнымъ съ основными требованіями справедливости.

Конечно, строгимъ католикамъ и православнымъ можетъ не понравиться самая манера и тонъ Генри Дрюммонда и даже они могутъ

разойтись съ нимъ по нѣкоторымъ вопросамъ, но тѣмъ не менѣе едва ли они найдутъ возможнымъ отрицать, что въ главныхъ основаніяхъ, въ главныхъ чертахъ воззрѣнія Генри Дрюммонда безусловно согласны съ истинной сущностью христіанскаго ученія и наконецъ съ тѣмъ, что онъ вполне правильно опредѣляетъ, что именно разумѣлъ апостоль Іоаннъ словами Откровенія 21, 2—22 и 22, 3—4—5.

Чтобы ознакомить читателей съ этой замѣчательной книжкой, находимъ самымъ удобнымъ привести здѣсь выдержки самыхъ яркихъ, лучшихъ мѣстъ изъ нея.

„Христіанство представляетъ собою или все, или ровно ничего. Всего человѣка и всѣ его отдѣльные тайники, оно стремится заполнить и охватить! Ты долженъ быть не только музыкальнымъ, но представлять самъ собою полную гармонію, и каждое отдѣльное дѣйствіе должно представлять собою вполне созвучный аккордъ. Выдѣли прочь дѣятельность и поступки христіанства и оно станетъ какъ бы несуществующимъ. Отними отъ него земныя, матеріальныя отношенія, твое положеніе къ ближнимъ, твою домашнюю жизнь, твою открытую общественную дѣятельность, твой характеръ и ты перерѣжешь ему жизненную, кровеносную артерію...“

Затѣмъ далѣе: „Человѣкъ, желающій найти свое мѣсто въ высокомъ небѣ Іоанна, каковы бы ни были его вѣра и благочестіе, долженъ быть прежде всего вполне человѣкомъ. Христосъ сказалъ, что онъ пришелъ для того, чтобы мы въ немъ обрѣли жизнь и полное удовлетвореніе, т. е. богатѣйшую и полнѣйшую жизнь. А слѣдовательно, подъ этимъ нельзя подразумѣвать что, либо заключающееся въ грезахъ и мечтаніяхъ! Христіанину надлежитъ жить и даже тѣмъ больше жить „внѣшней жизнью“, чѣмъ сильнѣе въ немъ жизнь внутренняя, духовная! Онъ долженъ сознавать вполне, что онъ есть христіанинъ для дѣйствительныхъ, практическихъ цѣлей жизни!“

Какъ далеки такія воззрѣнія отъ сухихъ, безжизненныхъ теорій Льва Толстого о непротивленіи злу! Какъ мало это имѣетъ общаго съ отвратительной скопческой боязнью любви, высказанной Толстымъ въ его „Крейцеровой Сонатѣ!“

Въ томъ мѣстѣ, гдѣ Дрюммондъ поясняетъ, какимъ былъ тотъ городъ, въ созерцаніе котораго былъ погруженъ апостоль Іоаннъ, онъ говоритъ: „Когда христіане настолько современемъ поумнѣютъ, что сознаютъ великую, возложенную на нихъ отвѣтственность и сдѣлаютъ ее своей жизненной задачей, тогда только очевиднымъ станетъ наступленіе царствія Божья на землѣ. И во что же вѣруетъ и надѣется христіанство, стремящееся къ распространенію и утвержденію своей вѣры въ мірѣ, какъ не на возникновеніе и процвѣтаніе такаго города, котораго бы въ дѣйствительности былъ Божиимъ родомъ? Никто не ста-

нетъ отрицать осуществленіе христіанскихъ началъ въ церковной жизни, но вмѣстѣ съ тѣмъ ясно и то, что недостаетъ еще осуществленія христіанскихъ началъ въ жизни и отношеніяхъ всѣхъ гражданъ. Если бы только гдѣ либо существовалъ хотя единый, едипственный городъ, граждане котораго, начиная отъ высшаго и до низшаго, жили и относились другъ къ другу въ духѣ Христа; городъ, въ которомъ христіанство выступило бы изъ храма на улицы, гдѣ бы каждый домъ, каждая фабрика были бы проникнуты сущностью христіанскаго духа, всѣ учрежденія и вѣдомства руководимы только христіанскимъ духомъ—тогда такой, хотя единственный городъ, послужилъ бы ручательствомъ возрожденія всего міра въ истинно-христіанскомъ духѣ“.

Словомъ, Генри Дрюмондъ доказываетъ что то, что видѣлъ апостоль Іоаннъ, было будущностью всѣхъ городовъ. Это былъ разсвѣтъ новаго соціального строя, возрожденное человѣчество, усовершенствованное, обновленное общество, полное преобразование всѣхъ городовъ въ города Божьи. Дрюмондъ доказываетъ, что стѣны такого города созидаются медленно, но такъ же вѣрно, какъ то, что есть Богъ на свѣтѣ, и вмѣстѣ съ тѣмъ утверждаетъ, что созиданіе такихъ городовъ всегда подвигается впередъ, потому что силы тѣхъ, кто строить, значительное силь тѣхъ, кто этому препятствуетъ. Вотъ въ силу этого „никогда не заходитъ солнце надъ городомъ безъ того, чтобы хотя одинъ камень не былъ положенъ въ постройку невидимаго города. Вѣра въ его возникновеніе обезпечиваетъ его неизбѣжное окончательное сооруженіе. Жить ради этого—въ этомъ заключается самая суть христіанства“.

Работу живую, дѣятельную, энергичную. всестороннее живое участіе къ ближнимъ, неустанную дѣятельность на пользу общую, на благо ближнихъ Дрюмондъ признаетъ единственнымъ путемъ въ царствіе небесное. На вопросъ—какъ начать такую жизнь, такое истинное служеніе Богу, Дрюмондъ отвѣчаетъ: „Такъ, какъ самъ Христосъ начиналъ. Сначала Онъ оглядѣлъ городъ; потомъ горько печалился о немъ, претерпѣлъ смерть ради этого города“.

Дрюмондъ говоритъ совершенно основательно, что плохъ тотъ воспитатель и тотъ работникъ для обновленія города, который, прежде чѣмъ приступить къ дѣлу обновленія всего города, не умѣлъ предварительно устроить и все наладить надлежащимъ образомъ въ своемъ собственномъ домѣ. Лучшее средство учить и исправлять другихъ, это воздѣйствовать на нихъ собственнымъ хорошимъ примѣромъ.

По поводу нѣкоторыхъ доводовъ Ренана, къ которому авторъ относится съ большимъ уваженіемъ, Дрюмондъ говоритъ:

„Но даже такая рѣчь остается гласомъ вопіющаго въ пустынѣ и

церковное суевѣріе продолжаетъ господствовать по прежнему. Какъ и прежде, почти всѣ христіане полагаютъ, что религія заключается въ хожденіи въ храмъ, въ исправномъ его посѣщеніи и всякія внѣшнія обрядности богослуженія, внѣшнее чиноположеніе духовенства и всякаго рода правила и порядки предпочитаютъ животворному Евангелію, завѣщенному намъ Сыномъ человѣчества“.

Свою прекрасную книжку Дрюммондъ заключаетъ слѣдующимъ:

„Только тогда мы научаемся познавать Бога, когда творимъ волю Его. Для этого нѣтъ иного пути, нѣтъ иного способа и только такимъ образомъ мы можемъ уподобиться Богу, только такимъ образомъ Его сущность можетъ перейти къ намъ и проникнуть насъ. Только дѣянія твои творятъ твой образъ и твою сущность. Дѣлаешь ты доброе, будешь добрымъ; поступаешь ты справедливо и любвеобильно, будешь справедливымъ и любвеобильнымъ; дѣлаешь ты то, что благоугодно Богу, тогда ты уподобишься Богу. Если же ты всего этого не дѣлаешь, тогда для тебя нѣтъ неба, ибо только въ этомъ заключается небо“.

Все это безусловно вѣрно и заслуживаетъ полного сочувствія не только людей, исповѣдывающихъ ту или другую религію, но и для людей, поклоняющихся и преклоняющихся только предъ правдой, справедливостью и знаніемъ.

Н. Мазуренко.

Протоіерей Іуст. Ольшевскій. „*Мѣсто идѣже лежа Господь*“ (Изъ Палестинскихъ бесѣдъ въ Полтавскомъ кафедральномъ соборѣ). Полтава. 1907 г. изд. Импер. Палест. Общества.

Почтенный авторъ настоящей брошюры, давно извѣстный среди миссіонерствующей братіи своимъ прекраснымъ трудомъ по обличенію сектантства, два раза посѣтилъ Святую Землю и подѣлился своими впечатлѣніями съ жителями г. Полтавы въ бесѣдахъ въ кафедральномъ соборѣ. Плодомъ этихъ бесѣдъ и появилась настоящая интересная брошюра. Оригинальна брошюра въ томъ отношеніи, что всѣ Святые мѣста Палестины лекторомъ объяснены самымъ нагляднѣйшимъ образомъ, а именно, топографія Іерусалима описана примѣнительно по мѣстоположенію Полтавы, какъ мѣстность, которая въ своихъ главныхъ частяхъ весьма напоминаетъ г. Іерусалимъ въ нынѣшнемъ его видѣ. Для большей наглядности приложены схематическіе планы г. Іерусалима и г. Полтавы.

Такая постановка объясненія весьма понятна для всякаго полтавца,

но брошюра можетъ быть прочтена съ большимъ интересомъ не только полтавскимъ жителемъ, но и всѣми другими.

I. С.

Павель Аникіевъ. Мистика преп. Симеона Новаго Богослова. Спб. 1906. Цѣна 15 к. У стр. 134. (Отд. оттиски изъ журнала „Церк. Голосъ“).

Настоящая книга является несомнѣнно плодомъ усердной и продолжительной работы автора, достаточно знакомаго съ литературою даннаго предмета. Правда, она невелика по размѣрамъ и эта краткость изложенія можетъ быть является причиной нѣкоторой неясности отдѣльныхъ мѣстъ и неполноты, но это все-же не затемняетъ общаго теченія мысли и выполненія задуманной авторомъ задачи. Она распадается на 5 частей слѣд. содержанія: 1) мистическое раскрытіе сущности царства Божія, 2) психологія мистическаго воспріятія, 3) мистическія основы познанія и жизни, 4) путь къ зрѣнію свѣта и 5) мистика и христіанство.

По ученію преп. Симеона, сущность царства Божія заключается въ Богообщеніи. Богъ входитъ въ сердце вѣрующаго человѣка и обитаетъ тамъ; человѣкъ воспринимаетъ въ себя всего Бога, носитъ Его въ душѣ своей, дѣлается Богоносцемъ. Останавливаясь на этой мысли, авторъ говоритъ: основную форму жизни человѣческаго духа въ нѣдрахъ царства Божія можно опредѣлить, охарактеризовать, какъ таинственное или мистическое воспріятіе, и, вотъ, на выясненіе природы мистическаго воспріятія по твореніямъ преп. Симеона и направлень весь настоящій его трудъ.

Касаясь вообще опредѣленій мистическаго воспріятія такими авторитетами, какъ профессоръ Введенскій, Поповъ, затѣмъ Вл. С. Соловьевъ и др., авторъ даетъ самъ такое его опредѣленіе: „мистическое воспріятіе, или религіозное ощущеніе есть съ одной точки зрѣнія—основа, ядро, корень, а съ другой—завершеніе, вѣнецъ религіозной вѣры; такъ какъ „человѣкъ относится къ Божеству, связанъ съ Нимъ существенно и всецѣло“, то мистическое воспріятіе раскроется, какъ всецѣлое, живое, непосредственное, и прежде всего внутреннее единеніе человѣческаго духа съ Богомъ, которое, „сообразно троякому интересу нашего существованія“, проявляется въ трехъ моментахъ—мистическое познаніе дѣйствій Всемогущаго; исполненное радости благоговѣйное преклоненіе предъ совершенствами возвышеннаго и дѣятельная любовь, восходящая къ Подателю благъ, Высшему Благу, и неуспыному живому Провидѣнію“.

Затѣмъ, во второй главѣ, авторъ выясняетъ это воспріятіе такими словами преп. Симеона: „человѣкъ смертный сознательно носить въ себѣ, какъ свѣтъ, Бога, создавшаго всяческая, и самого сего человѣка, который носить Его, — носить *внутрь* себя, какъ сокровище невыразимое, неизглаголанное, — какъ Свѣтъ такой, который выше всякаго свѣта“. При возсіяніи этого свѣта въ душѣ тотчасъ исчезаетъ всякій нечистый помыселъ, очищаются очи сердца и зрятъ Бога... Так. обр., въ мистическомъ воспріятіи объектомъ является самъ Богъ и потому само то воспріятіе есть „постепенный, внутренней прогрессирующій процессъ тѣснаго, но не исключающаго сознательности, благоговѣйнаго единенія человѣческаго духа съ Богомъ, постепенно охватывающее всего человѣка“.

Въ послѣдующихъ главахъ разрѣшается проблема прогресса вообще (нѣсколько туманно, впрочемъ), говорится о самовоспитаніи мистика, указываются даже правила „гигіены“ (!) мистика...

Преклоняясь всецѣло предъ умствованиями преп. Симеона, этого *классика* православной мистики, отмѣчая глубокую оригинальность и возвышенность его сужденій, авторъ заканчиваетъ свой трудъ такими словами: „если въ наше время, вообще маловѣрное и смутное, мало-по-малу начинаютъ оживляться религиозные интересы, и люди, по крайней мѣрѣ нѣкоторые, начинаютъ серьезно стремиться „обновить христіанство“, т. е. оживить въ себѣ и въ другихъ христіанственность, то можно успѣшно достигнуть этого лишь на основахъ мистическихъ: нужно прежде всего и главнымъ образомъ стремиться къ тѣсному, живому и опытному единенію съ Богомъ и помнить, что цѣль эта можетъ быть достигнута лишь однимъ путемъ — путемъ самоотверженнаго слѣдованія заповѣдямъ Христа Спасителя. Хотите видѣть расцвѣтъ церковной жизни — лепите возвышенные, благоухающіе своей истинно евангельской красотой идеалы православной мистики, которые есть сокровенный родникъ кристально чистой „живой воды Христовой“, напоющей всѣхъ, живущихъ въ таинственныхъ нѣдрахъ Царства Божія, и дѣлающей въ нихъ „источникомъ воды, которая течетъ въ жизнь вѣчную“ (Іон. IV, 14).

П. В. Безобразовъ. Преступленіе противъ демократизма. Спб., 1906 г. 8-я д. 52 стр. ц. 7 к.

Обвиненіе въ названномъ преступленіи предъявляется данной брошюрой къ партіи народной свободы — „кадетами“. Выходя изъ анализа резолюціи четвертаго съѣзда партіи по вопросу объ отношеніи къ выборгскому воззванію, и разсматривая мнѣнія и сужденія кадетовъ съ

разныхъ точекъ зрѣнія о „пассивномъ сопротивленіи“, авторъ приходитъ къ заключенію о противорѣчіяхъ, двоедушіи и недобросовѣстности въ принципахъ и тактикѣ этой партіи. Кадеты, по мнѣнію автора, своимъ выборгскимъ воззваніемъ и оправданіемъ его совершили преступленіе противъ народа и вообще противъ демократизма: выпуская воззваніе, они „покушались нанести народу вредъ матеріальный, умственный и нравственный“, а съ другой стороны вся „исторія выборгскаго воззванія говоритъ о томъ, что одни люди хотѣли сдѣлать изъ другихъ средство для достиженія своихъ личныхъ и партійныхъ цѣлей“. Ближайшее ознакомленіе съ партіей, поскольку высказываются ея члены, приводитъ автора къ такимъ конечнымъ выводамъ. „Если мы вникнемъ въ сущность партіи, мы легко замѣтимъ, что она не народная и не демократичная, а доктринерски-бюрократическая“. „Истинные друзья народа и настоящіе демократы не могутъ сочувствовать политическому союзу, облыжно именующему себя партіей народной свободы и партіей демократической. Партія эта вредна... тѣмъ, что она враждебна здравому смыслу и демократическому духу“. Всѣ свои построенія авторъ основываетъ на приводимыхъ имъ выдержкахъ изъ статей кадетскихъ писателей въ разныхъ органахъ періодической печати („Рѣчь“, „Право“, „Полярная Звѣзда“, „Моск. Ежедневн.“, „Нов. Путь“ и пр.). Сопоставляя мысли представителей партіи, высказанныя въ разное время и въ разныхъ мѣстахъ, онъ и улавливаетъ, такъ сказать, своего противника, подводя подъ обвиненіе отъ его собственныхъ устъ; при этомъ пользуется отчасти и критикой кадетскихъ разсужденій со стороны лѣвыхъ партій.

Миссіонерство, старообрядчество и секты.

Застой миссіонерскаго дѣланія въ центрѣ Россіи и возрождающійся интересъ къ миссіи въ далекой Сибири.—Колоссальный успѣхъ бесѣдъ.—Причина начавшагося религіознаго разброда. — Современное состояніе пропаганды религіозныхъ лжеученій въ Россіи.—Церкви и школы въ Сибири.

Слѣдя по періодической епархіальной печати и отчетамъ миссіонеровъ о текущей дѣятельности епархіальныхъ и приходскихъ миссій, приходится съ прискорбіемъ убѣждаться, что въ центрѣ Россіи миссіонерская дѣятельность находится въ затишьѣ и архипастыри и пастыри и миссіонеры обычно спокойны въ такое время, когда казалось бы невозможнымъ и рукъ покладать, это равносильно устраивать работникамъ отдыхъ съ самую страдную пору. Политическіе интересы заслонили все въ церкви, а между тѣмъ въ расколо-сектантскомъ лагерѣ продолжается напряженная работа. Но, слава Богу, не вездѣ миссія прозябаетъ и опустилась,—есть мѣста, гдѣ она воскресаетъ и оживляется соотвѣтственно запросамъ времени. Такъ, интересъ къ миссіонерской дѣятельности возрастаетъ въ далекой Сибири. И нужно отдать справедливость, что въ разсужденіяхъ о необходимости расширенія миссіонерскаго дѣла изъ далекой окраины доносятся до насъ такія истины, къ которымъ полезно прислушаться и руководителямъ центральной внутренней миссіи, т. е. въ епархіяхъ средней Россіи, миссіи не по времени спокойной, хотя, можетъ, быть и не по своей инициативѣ. Такъ въ „Омскихъ епархіальныхъ вѣдомостяхъ“ читаемъ:

„Еще Великій Апостоль языкъ о вѣ сказалъ: „подобаетъ быти среди васъ ересемъ“ и училъ вразумлять и обличать заблуждающихся въ истинѣ... И среди насъ теперь появились ереси... Кто же долженъ вразумлять и обличать еретиковъ, т. е. быть миссіонеромъ въ этомъ дѣлѣ? „Это прямое дѣло приходскихъ пастырей“, говорятъ иные. Но чтобы умѣть вразумить и обличить разнообразнаго въ силахъ и средствахъ врага, какую надо имѣть селидную подготовку и вмѣстѣ съ тѣмъ выдержку, стойкость, находчивость, дабы

не остаться безответнымъ, особенно въ публичныхъ диспутахъ со врагомъ православія! Кто участвовалъ на диспутахъ православныхъ съ сектантами, тотъ знаетъ это.

Подъ силу ли будетъ приходскому труженику-пастырю, если на его и безъ того „намозоленные“ плечи взвалить еще миссіонерскую ношу?! Не достаточно-ли будетъ съ него, если онъ путемъ внѣбогослужебныхъ бесѣдъ и чтеній, хороваго церковнаго пѣнія, отеческаго слова вразумленія колеблющимся и истовымъ отправленіемъ богослуженія будетъ, такъ сказать, держать во оградѣ св. Церкви свою паству, а обличеніе и вразумленіе еретичествующихъ предоставить миссіонеру-специалисту, исключительно посвятившему себя этому дѣлу?

Противники спеціального миссіонера говорятъ о пользѣ окружныхъ (разъѣздныхъ) миссіонеровъ, но опять-таки изъ „приходскихъ“ пастырей. Положа руку на сердце, опять таки скажемъ по совѣсти: развѣ возможно совмѣстить приходскую дѣятельность пастыря съ миссіонерскою—разъѣздной?! Школы, попечительства, бесѣды, требы, богослуженіе съ добавленіемъ еще статистики и прочей канцелярщины развѣ дадутъ возможность приходскому пастырю серьезно заняться миссіонерскимъ дѣломъ, посвятить себя ему, да еще съ разъѣздами по округу? Вѣдь съ этимъ надо считаться!.. Не малое самоиѣніе нужно имѣть, чтобы утвердительно сказать: могу совмѣстить съ пользою и то и другое, т. е. быть дѣятельнымъ приходскимъ пастыремъ и дѣятельнымъ окружнымъ миссіонеромъ.

Нѣтъ, что нибудь да должно быть побочнымъ дѣломъ: или пастырство или миссіонерство, а побочное дѣло уже не есть дѣло въ собственномъ смыслѣ.

Яркою иллюстраціей пользы отъ спеціального института миссіонеровъ служить краткое описаніе въ тѣхъ же „Епар. Вѣд.“ 3-хъ миссіонерскихъ бесѣдъ съ сектантами, проведенныхъ въ первый разъ въ г. Павлодарѣ 16, 17 и 18 февраля новымъ епархіальнымъ миссіонеромъ К. А. Пономаренко. Интересъ къ этимъ бесѣдамъ оказался поразительнымъ.

Бесѣды происходили въ залѣ Народнаго Дома. На первыхъ двухъ бесѣдахъ сектантовъ и православныхъ было еще не такъ много, въ виду неосвѣдомленности о нихъ народа, но на третьей бесѣдѣ 18-го февраля, въ воскресенье, залъ, сцена и кулисы Народнаго Дома буквально были биткомъ набиты слушателями, среди которыхъ замѣтно было не мало интеллигентовъ; предполагаютъ, что на этой бесѣдѣ сектантовъ было около 100 человѣкъ, а православныхъ до 800; среди православныхъ видны были и старообрядцы, мелькали даже и татарскія ермолки.

16 и 17 февраля бесѣды были съ молоканами „объ иконопочита-ніи“ и „о Крестѣ Господнемъ“, а 18 съ баптистами „о духовномъ возрожденіи“, въ частности „о крещеніи младенцевъ“, послѣдняя бесѣда съ баптистами закончилась, къ вящему удовольствію православныхъ, полнымъ торжествомъ православнаго ученія о крещеніи всѣхъ—„и взрослыхъ и младенцевъ“.

Баптистскій наставникъ, разбитый на всѣхъ пунктахъ, вздумалъ обратиться изъ своего неловкаго положенія хитростью, для этого обратилъ вниманіе публики, подозвавъ къ себѣ не больше какъ семилѣтняго мальчика и громко, чтобы всѣ слышали, спросилъ его „скажи намъ: имѣешь ли ты въ себѣ Духа Святаго? крещенъ ли ты во имя Отца и Сына и Св. Духа? Помнишь-ли это и вѣрвань-ли“? Пока сконфуженный мальчикъ смотрѣлъ на своего сопросителя, миссіонеръ обратился къ публикѣ и спросилъ: „скажите, православные, въ комъ болѣе обитаетъ Духъ Святой: въ этомъ ли православномъ ребенкѣ, крещенномъ по вѣрѣ родителей и воспріемниковъ, или въ этомъ сомнительномъ 40-лѣтнемъ баптистѣ“? Послышались шумные возгласы: „Конечно, въ ребенкѣ“. „Дѣтей Христосъ любилъ и говорилъ взрослымъ: если не будете, какъ дѣти, то не войдете въ Царствіе Божіе!“ и пр. Поднявшійся шумъ пришлось прекратить предложеніемъ пропѣть „Молитву Господню“, что и было всѣми единодушно исполнено, послѣ чего всѣ мирно разошлись, а хитрое лукавство баптиста обратилось къ вящему позору баптистской самоувѣренной святости. Принеся сердечную благодарность и русское спасибо миссіонеру за прїѣздъ и проведеніе бесѣдъ, доказавшихъ воочію несостоятельность ученія сектантовъ и непреложную истинность ученія православной церкви, описывающій эти бесѣды справедливо заключаетъ, что публичныя бесѣды миссіонера съ сектантами, раскрывшія казуистику послѣднихъ, смѣлость ихъ (особенно за послѣднее время) и „подвохи“, устраиваемые миссіонеру во время „словопреній“—невольны вызываютъ въ мѣстныхъ пастыряхъ справедливый упрекъ. Центральная Россія, наплодивши массу всевозможныхъ раціоналистическихъ сектъ, стремящихся въ корень подорвать основы православной церкви, стала награждать оными и младшую сестру свою—Сибирь: вотъ уже лѣтъ 12—15 разные уголки Сибири, въ томъ числѣ и наша юная епархія, мало-по-малу наполняются штундистами, баптистами и молоканами. вмѣстѣ съ тѣмъ, за это же время, духовные запросы сибирской православной паствы сильно измѣнились: младенчествуящая вѣра отцовъ смѣнилась испытующей вѣрой дѣтей, пробудившаяся религіозная мысль которыхъ ищетъ удовлетворенія. Вотъ на встрѣчу-то послѣдняго и стараются пробраться, хотя бы окольными путями, сектанты, помышляя уловить въ свои сѣти чады св. Церкви.

Не будучи пророкомъ, можно увѣренно предсказать, что если будетъ продолжаться еще годъ—другой бездѣйствіе миссіи враговъ православія, то души простыхъ вѣрующихъ православныхъ людей, не единицами, и не десятками, а сотнями и тысячами будутъ гибнуть отъ соблазна еретическихъ мудрованій ополчившагося сонма смѣлыхъ и ревностныхъ расколо-сектантскихъ главарей, гордо и высоко поднявшихъ теперь свои головы.

А что это мрачное предположеніе имѣетъ за собой основаніе, говорить современное положеніе религіознаго разброда Россіи, о которомъ такъ правдиво и горячо пишетъ извѣстный дѣятель миссіи И. Г. Айвазовъ въ „Хар. Вѣдом.“. Вихрь законодательства по дѣламъ вѣры, пронесшійся по Россіи, породилъ такой хаосъ въ умахъ и сердцахъ ея разновѣрныхъ обитателей, что положительно приходится разводить руками, при видѣ тѣхъ картинъ, которыми даритъ насъ религіозная жизнь пресловуто-обновленной Россіи!..

Съ одной стороны,—въ высшихъ сферахъ Православной Церкви, нѣкоторые громко заговорили о томъ, что имъ „претить“ названіе церкви „господствующей“ и „первенствующей“, что давно пора бы порвать связь церкви съ государствомъ въ Россіи.; съ другой,—представители иновѣрныхъ и инославныхъ исповѣданій и сектъ съ поразительною энергіею стали добиваться разныхъ государственныхъ привиллегій, нерѣдко въ явный и громадный ущербъ интересамъ Православной Церкви...

Стало твориться что-то неладное. Точно всѣ сбились съ пути... Точно всѣ позабыли прошлыя судьбы Россіи, строеніе и созданіе величія русской земли Православною Церковью... Одни стали жать, гдѣ не сѣяли,—другіе отказались отъ посѣяннаго!.. Одни нагло узурпируютъ права первородства другихъ,—другіе какъ бы усомнились въ своемъ исконномъ первородствѣ и стали тепло-хладны къ защитѣ его.

Обнаглѣвшіе и окрыленные безнаказанностью пропагандисты разныхъ сектъ ринулись въ города и села необъятной Руси. Повсюду они открыли публичную пропаганду своихъ лжеученій на крайній соблазнъ православныхъ овецъ. Прекрасно оснащенные, субсидируемые заграничными „друзьями“ Россіи, одобряемые нашей духовно промотавшеюся аристократіею пера,—религіозные пропагандисты ни во что вмѣняютъ самый вѣроисповѣдній законъ, дѣйствующій въ „обновленной“ Россіи. И посмотрите: даже изувѣрное скопчество и возмутительно-безнравственная хлыстовщина явно расползаются по Руси!..

Не пора ли стражамъ закона проснуться отъ „освободительнаго“ кошмара?! Не пора ли имъ стать на защиту закона, въ соблюденіи котораго счастье и величіе каждой страны?! Или такъ желателенъ

многимъ возвратъ сѣдой старины, когда „сила была правомъ“?!. Но не пронесется ли тогда по всему лицу русской земли страшная пѣснь про древній хаосъ?!. И не сорвется ли тогда съ устъ „освободителей“ и попустителей запоздалый вопль о содѣянномъ?!.

Къ порядку! Пора къ порядку! Нельзя безнаказано попирать право первородства Православной Церкви въ Россіи...

Въ „Основныхъ Государственныхъ Законахъ“ Россійской Имперіи, утвержденныхъ 23 апрѣля 1906 г. Государною волею Хозяина Русской земли, ясно сказано: „первенствующая и господствующая въ Россійской Имперіи вѣра есть Христіанская Православная Каѳолическая Восточнаго исповѣданія“ (ст. 62-я). Всегда на Руси „первенство“ и „господство“ Православной вѣры проявлялось и доселѣ проявляется, главнымъ образомъ, въ томъ, что ее обязательно исповѣдываетъ Императоръ, Престоломъ Всероссійскимъ обладающій (ст. 63-я Осн. Зак.) и что только Православная Церковь имѣетъ законное право на публичное распространеніе своего вѣроученія и на свободное привлеченіе въ свое лоно послѣдователей другихъ иновѣрныхъ и инославныхъ исповѣданій и сектъ (см. Высочайше утвержденный 17 апрѣля 1905 г. журналъ Комитета Министровъ отъ 25 января, 1-го, 8-го и 15-го февр. 1905 г.).

Что касается проживающихъ въ предѣлахъ Россійской Имперіи иновѣрцевъ: евреевъ, магометанъ и язычниковъ, а также послѣдователей инославныхъ христіанскихъ исповѣданій и многочисленныхъ сектъ, то таковые пользуются только правомъ свободного отправленія своей вѣры и богослуженія по обрядамъ оной (ст. 66-я Осн. Закон.). Послѣдователи же изувѣрныхъ ученій, а равно и ученій, соединенныхъ съ безнравственными и гнусными дѣйствіями, не пользуются и означеннымъ правомъ (Высочайше утвержденныя 17 окт. 1906 г. „Правила“ о регистраціи сектант. общинъ—Разд. II, ст. 1-я и 6-я). Болѣе того, самая принадлежность къ такимъ ученіямъ уголовно наказуется (Угол. Улож. ст. 96-я въ редакціи, принятой Высоч. утвержденнымъ 14 марта 1906 г. мнѣніемъ Государ. Совѣта).

Слѣдовательно, иновѣрныя и инославныя исповѣданія, а также и многочисленные у насъ секты никоимъ образомъ не могутъ пользоваться правомъ публичной проповѣди своего вѣроученія иномыслящимъ и особенно членамъ первенствующей въ Имперіи Православной Церкви. Присвоеніе себѣ этого права, неправославнымъ уголовно наказуется: „виновный въ произнесеніи или чтеніи, публично, проповѣди, рѣчи или сочиненія или въ распространеніи или публичномъ выставленіи сочиненія или изображенія, возбуждающихъ къ переходу православныхъ въ иное вѣроисповѣданіе или ученіе, или секту, если сія дѣянія учинены съ цѣлью совращенія православныхъ, наказы-

вается: заключеніемъ въ крѣпости на срокъ не свыше одного года или арестомъ“ (ст. 90-я Уг. Ул.).

Еще Петръ I сказалъ: „всеу законы писать, когда ихъ не хранить“, а мы добавимъ: всеу быть судьями, когда не судить!.. Не достаточно написать: „не дѣлай беззаконія“. Въ практической жизни государства гораздо болѣе важно: „Не терпи беззаконія“ (Лерингъ). Пренебреженіе послѣднею заповѣдью превратитъ неминуемо самое сильное государство въ истукана на глиняныхъ ногахъ...

И ближайшее будущее ничего отраднаго не обѣщаетъ, если обратить вниманіе на новый внесенный министерствомъ внутреннихъ дѣлъ въ Государственную Думу законопроектъ объ инославныхъ и иновѣрныхъ религіозныхъ обществахъ.

Законопроектъ регламентируетъ дѣятельность этихъ обществъ и отношенія къ своимъ сочленамъ и государству.

Въ этихъ видахъ всѣ существующія въ Россіи религіозныя общества раздѣлены въ проектѣ на 3 группы.

Къ первой группѣ отнесены союзы, объединяемые общностью исповѣдуемыхъ ихъ членами догматовъ, а именно: отдѣльныя христіанскія церкви, нехристіанскія исповѣданія, разные секты, толки и согласія.

Ко второй—общества, образуемая для достиженія специально религіозныхъ цѣлей, какъ напримѣръ, миссіонерскія, или же для цѣлей общепользныхъ, но съ извѣстнымъ религіознымъ характеромъ.

Наконецъ, къ третьей группѣ отнесены такъ называемыя братства.

Законопроектъ устанавливается, что признаніе государствомъ за извѣстнымъ вѣроисповѣднымъ союзомъ значенія исповѣданія должно послѣдовать въ законодательномъ порядкѣ, для признанія же законнаго существованія сектъ въ законѣ должны быть только указаны тѣ права, которыя предоставляются этимъ вѣроученіямъ, и условія, которымъ послѣднія должны отвѣчать. Самое же образованіе каждаго отдѣльнаго общества можетъ послѣдовать съ разрѣшенія административной власти, въ лицѣ министра внутреннихъ дѣлъ.

Примѣнительно къ выработанному порядку легализаціи сектъ установлены и формальныя условія, которыя подлежатъ соблюденію для признанія вѣроученія, а также и тѣ права, которыя по закону должны быть присвоены сектамъ.

Относительно правъ, которыя могли бы быть предоставлены разрѣшеннымъ сектамъ, въ принципѣ принято равноправіе всѣхъ сектъ, съ тѣмъ, однако же, чтобы по политическимъ соображеніямъ, основывающимся на особыхъ мѣстныхъ обстоятельствахъ, министерству внутреннихъ дѣлъ принадлежало право ограничивать отдѣльныя секты въ нѣкоторыхъ правахъ. Всѣмъ сектамъ безусловно должно быть предо-

ставлено: 1) право распространенія своего ученія и отправленія культа, 2) право избранія или назначенія требоотправителей съ предоставленіемъ имъ особыхъ преимуществъ духовнаго званія и 3) имущественныя права.

Одновременно съ установленіемъ приведенныхъ началъ для возникновенія и дѣятельности религіозныхъ сектъ проектомъ предусмотрѣны и мѣры для огражденія ихъ отъ возможныхъ нарушеній.

Не ясно-ли отсюда, что Церковь въ виду узаконенія свободы пропаганды, должна изощрять свой духовный „мечъ“, т. е. поднимать миссію и пастырство.

Э. Я.

Расколъ и миссія въ Костромскомъ краѣ.

I.

Отношенія раскольниковъ и сектантовъ къ миссіонерамъ и ихъ собесѣдованіямъ, по свидѣтельству миссіонера по Макарьевскому уѣзду,—одни и тѣ же, что и прежде. Безпоповцы смотрятъ на миссіонеровъ, какъ на апостоловъ антихриста. Самое попеченіе св. церкви объ отступникахъ они считаютъ хитрой уловкой антихриста, который-де, видя, что мученіями и звѣрствомъ нельзя привлечь подъ свою власть, началъ дѣйствовать лестію, притворившись овечкой. По этой причинѣ ихъ настоятели и наставники не расположены обращаться къ законной власти для записи, принятія метрикъ и т. п. Поповцы Макарьевского у., живя рядомъ съ безпоповцами, придерживаются тѣхъ же взглядовъ на миссіонеровъ и на церковь: тоже „мнятъ быть антихриста“, въ церкви, а въ ея миссіонерахъ и священникахъ—слугъ его; по меньшей мѣрѣ они считаютъ миссіонеровъ „адвокатами, наемными слугами правительства“, злонамѣренно утверждая, что будто-бы миссіонеры дѣйствуютъ отъ правительства, а не отъ церкви. Данную имъ „свободу“ они поняли только въ томъ смыслѣ, что они теперь свободны отъ хожденія на бесѣды, если нѣтъ ихъ начетчика—хулигана, свободны хулить православныхъ и православную церковь и т. п. Словомъ, теперь, молъ, дана „свобода“ *только намъ однимъ*. И дѣйствительно, пишетъ о. миссіонеръ, правительство дало имъ большую свободу, чѣмъ православнымъ: наприм., чтобы построить православнымъ часовню или церковь, сколько нужно пройти мытарствъ—нужно разрѣшеніе консисторія, архіерея, синода, строительнаго комитета, исправника, архитектора и т. п., а раскольники, кромѣ закона о „50“, никого не спрося выстроить, что имъ нужно. Или браки,—сколько стѣсненій въ православіи: требуются официальные свѣдѣнія, марки, оглашенія, поручители, обыскная книга, метрики (обязательно плата),

а раскольники безъ всего этого заключаютъ браки и считаютъ дѣло законнымъ, и не боятся, какъ православные, никакой отвѣтственности. Даже денежными суммами, приходскими пожертвованіями, православный приходъ не можетъ распорядиться: большинство приходскихъ пожертвованій уходитъ изъ бѣдныхъ церквей въ города и столицы, а церкви стоятъ неукрашенными и бѣдные приходы остаются безъ помощи. Напротивъ у раскольниковъ всѣ суммы идутъ на свою моленную и общину. Оттого-то они и славятся благотворительностью, которою отступники удерживаются въ „вѣрѣ“, а православные соблазняются. У насъ всѣ пожертвованія уходятъ неизвѣстно куда, на разные комитеты, общества, монастыри и т. п.; прихожане не видятъ отъ прихода для своей церкви помощи и естественно охладѣваютъ къ дѣлу церковной благотворительности. Распоряженіе объ открытіи „совѣтовъ“ въ настоящее время мѣтло, ибо чѣмъ „совѣты“ будутъ распорядиться, когда всѣ жертвы у нихъ отбираются? Все это показываетъ, что о раскольникахъ правительство печется болѣе, чѣмъ о насъ, православныхъ, что вѣру ихъ дѣлаетъ болѣе господствующею, чѣмъ нашу. Это понимаютъ раскольники и гордятся предъ православными:

— Что намъ ваши миссіонеры и попы, говорятъ они, когда сами министры за насъ и самъ Вытинъ (Витте) позналъ нашу правую вѣру!

Немудрено, что теперь раскольники ведутъ себя гордо и развязно. Назови ихъ православный (напр., не „по никомушническому закону“, а по правиламъ и закону церковнымъ) „раскольниками“, они сейчасъ же грозятъ судомъ. Но когда они обзываютъ православныхъ слугами антихриста, еретиками и т. п., то православные, благодаря данной раскольникамъ свободѣ, не смѣютъ даже защищаться, боясь большихъ злохуленій. Встрѣтившись на дорогѣ съ священникомъ, раскольники нарочно не сворачиваютъ, чтобы показать, что они теперь свободны это дѣлать и потѣшать свою гордость, когда священникъ поѣдетъ по снѣгу, а они—по дорогѣ.

Послѣ манифеста 17 апр. 1905 г., пишетъ Варнавицкій уѣздный миссіонеръ, главнымъ образомъ оживились австрійцы и бѣглопоповцы. На религиозной жизни другихъ сектъ: поморцевъ, нѣтовцевъ, немоякъ и проч. этотъ манифестъ осязательно не сказался. Австрійцы же и бѣглопоповцы просто упиваются торжествомъ и злобой надъ православной церковью. Такъ, напр. австрійскій лжепопъ Базановъ, лѣтломъ совершая публично крестный ходъ, проходитъ по селу Пакалямъ и говоритъ своимъ единомышленникамъ:

— Что это? Несутъ иконы, а тамъ (въ православной церкви) не звонятъ!

Бѣглый попъ, Филиппъ Александровъ, изъ моленной Бугрова, въ 1906 году два раза прѣвѣжалъ въ Уренскій край и, получивъ за то большую мзду (которой остался еще не доволенъ),—имѣлъ дерзость приглашать къ Н. А. Бугрову священникомъ сель: Трошкова, Чердаковъ (единовѣрческіе) и Карпова, обѣщая имъ отъ своего покровителя единовременное пособіе по 2000 р. и годовой окладъ по 5000 р. (?).

Начетчики остальныхъ раскольническихъ толковъ и секты „немолякъ“ (ошибочно признаваемой молоканскою), выродившейся изъ нѣтовщины, по прежнему обнаруживали себя нераскаянными; они упорно и бессмысленно защищали и пропагандировали раскольническія и еретическія мудрованія. Зло въ нихъ и ненависть по отношенію къ церкви Христовой и ея пастырямъ увеличивается прямо пропорціонально ихъ возрасту, т. е. чѣмъ старѣе, тѣмъ хуже. Такъ, напр., „немоляка“ Максимъ Сергѣевъ (кр. деревни Максимовки), старикъ уже 60 лѣтъ съ лишкомъ, почти совсѣмъ потерявшій зрѣніе, на „бесѣдахъ“ всѣми мѣрами старается затемнить истину крикомъ, перебиваніемъ рѣчи миссіонера и упорствомъ своихъ неправыхъ сужденій, даже въ мѣстахъ для всѣхъ очевидныхъ и понятныхъ. Бесовѣстность и нахальство у подобныхъ начетчиковъ рѣдко понижались и отъ уговоровъ по ихъ адресу со стороны ихъ единовѣрцевъ вести себя сдержаннѣе, скромнѣе и приличнѣе. Названія по адресу миссіонеровъ—защитниковъ православія и православныхъ священниковъ, „людьми продажными, обманщиками народа, волками въ овечьей шкурѣ, проклятыми еретиками, антихристами“ и т. п. сыплются въ ихъ рѣчи въ отмѣнномъ изобиліи. Люди неопытные, слабые въ вѣрѣ невольно поддаются подъ вліяніе этихъ нахальныхъ грамотеевъ, принимаютъ за чистую правду проповѣдуемое ими лжеученіе и колеблются въ своемъ упованіи. Правда, находились и благоразумные старообрядцы, которые не только не довѣряли лжемудрованію „начетчиковъ“, но даже выгоняли ихъ изъ своей среды или, при назойливой навязчивости къ нимъ, приглашали на бесѣду съ ними о миссіонера. Между прочимъ, по окончаніи бесѣды въ дер. Золотовѣ, 28 янв. м. г. нѣкоторые слушатели наложили такую свою рецензію на ученость своего собесѣдника.

— Нѣтъ, Антропъ, хоть и хорошій ты грамотей, да, видно, до дѣла то еще не дошелъ.

Послѣ бесѣды въ дер. Климовѣ, 22 іюля, 1906 г. многіе изъ слушателей открыто сознавались въ своихъ заблужденіяхъ.

— Да, братцы, говорили они, крестить мы въ церквѣ—не крестимъ: покупаетъ старикъ въ водѣ—и ладно! Вѣнчаться--не вѣнчаемся, а о причастіи ужъ нечего и говорить; мы даже и не понимаемъ, что за

причастіе. А покойникамъ даютъ подорожную безъ подписи. Не знаемъ, что намъ, грѣшнымъ, и будетъ на прибудущемъ свѣтѣ!

Не такъ ведутъ себя начетчики. На бесѣдѣ въ дер. Тулагѣ 14 сент. Максимъ Сергѣевъ нервно кричалъ:

— Братіе, этотъ попъ (миссіонеръ) и есть самый антихристъ: онъ молится щепотью! Только крестъ (двуперстіе) все освящаетъ: и воду крещенія, и масло, и миро, и лица человѣча вѣрующихъ, и тайный хлѣбъ, и священную чашу, и иная вся ¹⁾. Не вѣрьте ему! Они (православные) всѣ некрещенные ²⁾ еретики, они всѣ пойдутъ въ тарь-тарары!

На бесѣдѣ о миссіонера въ селѣ Пакаляхъ, 21 нояб., нѣкто Илья Давыдовъ сильно обвинялъ православныхъ священниковъ за куреніе табаку, ставя этотъ грѣхъ сильнѣе блуда, за „чрезъестественное его (табаку) употребленіе“.

Болѣе братскія отношенія раскольниковъ были къ помощнику миссіонера по Варнавинскому уѣзду, священнику единовѣрческой церкви села Вай о. Харлампію Шашилову. Къ нему очень часто ходили „за совѣтами“ старообрядцы всѣхъ толковъ и согласій Тонкинской, Карповской и даже Уренской волостей. Во многихъ мѣстахъ старообрядцы его принимали „очень радостно“; иногда просили его побесѣдовать по ихъ назначенію и высказывали ему благодарность за бесѣды; „секретно“ выдавали ему Московскія (Федосѣевскія) правила и т. п. Однако послѣ закона о свободѣ пропаганды раскола дѣло миссіи стало гораздо труднѣе. Старообрядцы говорятъ:

— Намъ нынѣ свобода! Али Государь Императоръ меньше васъ, миссіонеровъ, знаетъ, коли призналъ *нашу вѣру*? Наши предки претерпѣли мученіе *за вѣру христіанскую*, нынѣ это Государь, значить, призналъ, а больше намъ нечего и искать.

По наблюденіямъ о миссіонера, безпоповцы вообще остаются при прежнемъ мнѣніи, что въ настоящее время церкви Божіей на землѣ якобы не существуетъ и что въ православной церкви яко-бы царствуетъ антихристъ. Если мужъ и жена изъ старообрядцевъ повѣнчаются бракомъ въ православной церкви (а безпоповцы Варнавинскаго у. въ большинствѣ вѣнчаются въ православной церкви, при чемъ съ присоединеніемъ—за 3 р., а безъ присоединенія за 10 р. и болѣе ³⁾), то у таковыхъ новоженовъ дѣтей не крестятъ и погребеніе

1) См. Кирилл. Кн., 27б.

2) Этотъ немоляка самъ себя перекрестилъ (перекупавъ).

3) Страннымъ представляется вѣнчаніе въ церкви чету завѣдомо раскольничью—безъ присоединенія хотя бы одного изъ брачущихся: благодать св. Таинства можетъ быть сообщаемъ только православнымъ людямъ, а не тѣмъ, которые считаютъ церковь Христову антихристовой.

надъ ними не поютъ до тѣхъ поръ, пока родители не дадутъ обѣта разойтись по разнымъ избамъ и подъ разныя крыши.

По мнѣнію о. миссіонера по Буйскому и Галичскому уѣздамъ, силу раскола составляетъ привычка къ нему, отсутствіе просвѣщенія и матеріальная помощь богатыхъ раскольниковъ. Законъ о свободѣ раскола и ересей былъ мало замѣченъ населеніемъ. Послѣ этого закона смѣло пропаганда ведется только раскольниками австрійцами и, главнымъ образомъ, посредствомъ свободнаго распространенія среди населенія ругательныхъ раскольническихъ книгъ, листовъ, журнала „Старообрядецъ“ и бывшей газеты „Голосъ Старообрядца“.

II.

О благотворности миссіонерскаго дѣла нельзя судить по очевиднымъ результатамъ—обращенію заблудшихъ, т. е. кого и сколько миссіонеръ обратилъ, какъ нельзя судить о благотворительности вообще пастырскаго дѣла по тому, сколько пастырь, самый лучшій, спасъ порученныхъ ему Христомъ душъ и въ рай впустилъ. Миссіонеръ, будь онъ докторъ всѣхъ наукъ и самый идеальный, одинъ не въ силахъ не только обратить заблудшихъ, но и предотвратить отступленіе православныхъ отъ св. церкви, если оно систематически подготавливалось. Миссіонеръ—только помощникъ и руководитель приходскаго пастыря въ дѣлѣ миссіи, но первымъ миссіонеромъ въ своемъ приходѣ долженъ быть самъ приходскій пастырь. Давно эта мысль высказана покойнымъ Нильскимъ и принята первымъ миссіонерскимъ съѣздомъ, но она нова и сейчасъ...

О бесполезности же бесѣдъ съ отступниками сейчасъ говорить, какъ говорятъ нѣкоторые, преждевременно даже по одному тому, что сейчасъ раскольники австрійцы принялись за пропаганду раскола, какъ не принимались никогда.

Макарьевскій уѣздный миссіонеръ благотворность своего миссіонерскаго дѣла видитъ и вполне основательно—въ томъ, что, не смотря на столь энергичную пропаганду австрійскаго раскола, въ его районѣ не было уклоненій въ расколъ, за исключеніемъ бездѣлевскаго единовѣрческаго псаломщика Ив. Водягина, купленнаго австрійцами на вѣсь чистаго золота. О благотворности миссіонерскихъ бесѣдъ свидѣтельствовали слезы умиленія, изливавшіяся раскольниками на нѣкоторыхъ бесѣдахъ.

О такомъ же сердечномъ отношеніи раскольниковъ къ бесѣдамъ пишетъ и Варнавинскій уѣздный миссіонеръ. На всѣхъ бесѣдахъ этотъ миссіонеръ старался всѣми мѣрами повліять не только на умъ

слушателей, но и главное—на сердце ихъ. Разъясняя спорные вопросы, онъ болѣе всего обращалъ вниманіе на раскрытіе положительныхъ истинъ, иллюстрируя ихъ многими примѣрами изъ житія святыхъ. Ему много разъ приходилось наблюдать, что бесѣда религіозно нравственнаго содержанія, касающаяся положительнаго евангельскаго ученія, болше привлекаетъ вниманіе слушателей и смягчаетъ сердца раскольниковъ, нежели разрѣшеніе вопросовъ о томъ, чѣмъ преимуществуетъ троеперстіе предъ двуперстіемъ, какъ лучше ходить вокругъ купели противъ солнца или посолонь, правильно ли запрещеніе Стоглаваго собора не служить по бреющимъ брады сорокоусты и т. п. Рѣшеніемъ подобныхъ вопросовъ онъ занимался только по требованію самихъ слушателей старообрядцевъ. О силѣ впечатлѣній, произведенныхъ его бесѣдами на слушателей, свидѣтельствуется между прочимъ то обстоятельство, что въ истекшемъ году были у исповѣди и св. причастія нѣкоторыя изъ „небывавшихъ“ у сихъ таинствъ всю свою жизнь.

Въ единовѣрїи и постройкѣ единовѣрческихъ церквей о. миссіонеръ усматриваетъ великую услугу миссіи. Такъ въ 1899 году, когда образовался Трошковскій единовѣрческій приходъ, изъ общаго количества 571 прихож. у исповѣди и св. причастія было только 26 чел., а въ минувшемъ году изъ 699 лицъ об. п. было—314 чел. Увеличеніе количества исповѣдавшихся замѣчаетъ онъ во всѣхъ вновь открытыхъ приходахъ. Устройство церквей въ Уренской раскольнической палестинѣ имѣетъ громадное просвѣтительное значеніе. Нѣ будь этихъ церквей, и безъ раскола расколъ былъ бы неизбѣженъ, ибо проѣхать 30 верстъ, помолиться въ праздникъ или воскресный день въ церкви—это не всякому захочется. Вообще по наблюденію о. миссіонера расколъ въ Варнавинскомъ уѣздѣ дѣлается слабѣе прежняго. Какихъ-нибудь 5—6 лѣтъ тому назадъ жители напр., дер. Ваи на постройку храма въ ихъ деревнѣ даже за деньги не давали лѣса; православному человѣку за грѣхъ считали что-либо продать или дружбу съ нимъ водить и т. п., а теперь стало совсѣмъ не то. Ѳеодосѣевцы села Ваи, м. пр., стали подумывать о своихъ безобразныхъ брачныхъ сожителствахъ. Въ истекшемъ году о. Шапиловъ присоединилъ изъ Ѳеодосѣевщины къ св. церкви 6 чел.

О благотворномъ вліяніи миссіонерскаго дѣла въ Буйскомъ и Галичскомъ уѣздахъ, по мнѣнію мѣстнаго о. миссіонера, говоритъ фактъ постепеннаго уменьшенія числа раскольниковъ и ослабленія силы раскола въ округѣ. Такъ,—раскольница австрійскаго согласія, деревни Ѳоминскаго, прихода Горокъ, Анна Григорьева начинаетъ приглашать въ свой домъ православнаго священника съ иконами изъ православнаго храма и записываетъ въ годовое церковное поминовеніе

своихъ родныхъ. Между тѣмъ Анна Григорьева была извѣстна, какъ пропагандистка раскола. Многіе раскольники перестали чуждаться православныхъ. Бѣглоповцы прихода Мотвятина (дер. Черново) во время праздниковъ допускаютъ приходскихъ священниковъ служить въ своихъ домахъ общественные очередные молебны. Въ Шелпоновѣ и Деревеницынѣ—деревняхъ Ильинскаго, что въ Селитской волости, прихода, раскольническое вліяніе на колеблющихся православныхъ ослабѣло: въ истекшемъ году они рѣшились взять въ свои дома церковныя иконы, чего никогда прежде не было, и установить обязательныя деревенскія богомоленія на будущее время. И это такіе православные, которые, молясь иногда въ церкви съ православнымъ священникомъ, просили молитвъ и раскольническихъ старцевъ и старицъ, а иногда и сами заходили помолиться въ моленную. Замѣтно, что, уважая раскольниковъ за уставность въ богослуженіи и благотворительность, они не стали оказывать сочувствія самому расколу.

Священникъ *Е. Зубаревъ.*

Церкви и школы въ Сибири.

(Фондъ Имени Императора Александра III).

Именнымъ Высочайшимъ указомъ Правительствующему Сенату, отъ 15 декабря 1905 года, между прочимъ, Высочайше повелѣно передать въ святѣйшій правительствующій синодъ завѣдываніе фондомъ церковнаго и школьнаго строительства въ Сибири Имени Императора Александра III.

Во исполненіе сего указа изъ канцеляріи комитета министровъ, въ которой дотолѣ сосредоточено было завѣдываніе дѣлами названнаго фонда, переданы были въ хозяйственное управленіе при святѣйшемъ синодѣ наличныя фондовыя средства, а также касающіяся фонда дѣла и переписка.

Въ виду того, что церковно-школьное строительство въ Сибири на средства фонда Имени Императора Александра III производилось до начала текущаго 1906 года подъ высшимъ руководствомъ свѣтской власти и если было до извѣстной степени не чуждо центральному управленію святѣйшаго синода, главнымъ образомъ, благодаря участію въ дѣлахъ фонда директора хозяйственнаго управленія (объ этомъ ниже), то для большинства изъ духовенства и вѣдомства православнаго исповѣданія вообще оно мало знакомо, въ виду сего считаемъ своевременнымъ предложить настоящій краткій историческій очеркъ возникновенія церковно-школьнаго строительства въ Сибири на счетъ

суммъ названнаго фонда и степени его развитія ко времени передачи въ святѣйшій синодъ ¹⁾).

Фондъ возникъ въ 1894 году по мысли въ Бозѣ почивающаго Государя Императора Александра III, въ цѣляхъ религіозно-нравственнаго просвѣщенія и культурнаго развитія переселяющихся въ Сибирь путемъ сооружеія на средства фонда въ переселенческихъ поселкахъ церквей и школъ. Прежде всего должно отмѣтить глубокой интересъ и дѣятельное сочувствіе къ дѣлу церковно-школьнаго строительства въ Сибири въ Бозѣ почивающаго Императора Александра III и нынѣ здравствующаго Государя Николая II. Такъ, еще въ 1883 году почившій Государь Императоръ Александръ III обратилъ высокое вниманіе на крайнюю нужду въ церквахъ и на дальнія пространства приходо въ нѣкоторыхъ епархіяхъ, особенно сибирскихъ, и на соответствующей статьѣ всеподданнѣйшаго отчета оберъ-прокурора Святѣйшаго Синода положилъ Высочайшую отмѣтку: *„На это слѣдуетъ обратить вниманіе жертвователей, тутъ дѣйствительно можно жертвовать съ пользой“*, а въ отчетѣ бывшаго Якутскаго губернатора за 1891 годъ особою отмѣткою изволилъ признать желательность увеличенія числа церквей, молитвенныхъ домовъ при школахъ и священниковъ. Наконецъ, по заявленію во всеподданнѣйшей запискѣ, внесенной въ бывший комитетъ министровъ въ 1888 году, что администрація пограничнаго съ Сибирью Туркестанскаго генералъ-губернаторства встрѣчаетъ финансовыя затрудненія въ дѣлѣ церковнаго строительства—послѣдовала такая Его Величества резолюція: *„Пора привести въ должный видъ православныя церкви. Дѣйствительно стыдно“*.

Сердцу нынѣ царствующаго Государя Императора Николая II, церковно-школьное строительство въ Сибири было всегда весьма близкимъ, каковымъ остается и до послѣдняго времени. Еще будучи Наслѣдникомъ Цесаревичемъ, во время поѣздки по Сибири въ 1891 году, Государь посѣщалъ сибирскія церкви, монастыри и духовно-учебныя заведенія, участвовалъ въ закладкѣ храма въ г. Омскѣ и жертвовалъ на церковно-школьныя нужды; а затѣмъ царственная его любовь къ этому дѣлу сказалась въ многочисленныхъ Высочайшихъ резолюціяхъ,

1) Источниками при составленіи очерка намъ служили: составленная канцелярією комитета министровъ записка: „Церковное дѣло въ районѣ Сибирской желѣзной дороги“, отчеты о положеніи церковнаго и школьнаго строительства въ районѣ Сибирской ж. д. на средства фонда имени Императора Александра III, журналы подготовительной при комитетѣ Сибирской ж. д. комиссіи, на которую съ Высочайшаго соизволенія возложено было распоряженіе пожертвованіями на сооруженіе въ районѣ Сибирской ж. д. церквей и школъ, дѣла бывшаго комитета Сибирской ж. д. дороги и текущая переписка, при этомъ считаемъ нужнымъ оговориться, что при дальнѣйшемъ изложеніи мы не будемъ проставлять цитаты.

послѣдовавшихъ на всеподданнѣйшихъ докладахъ по сему предмету и въ матеріальной помощи сему дѣлу. Такъ, на всеподданнѣйшемъ рапортѣ о состояніи Томской губ. за 1895 годъ, противъ упоминанія о недостаткѣ въ церквахъ и школахъ для переселенческихъ селеній Его Величеству благоугодно было начертать: „*Вопросъ о постройкѣ церквей въ Сибири, въ особенности въ новыхъ поселкахъ, очень близокъ моему сердцу*“, на всеподданнѣйшемъ отчетѣ Акмолинскаго военнаго губернатора за 1896 годъ Государь изволилъ начертать: „*Желаю, чтобы при каждой церкви была школа. Обращаю на это вниманіе статсъ-секретаря Куломзина*“²⁾).

На всеподданнѣйшемъ докладѣ статсъ-секретаря Куломзина объ обильномъ притоцѣ пожертвованій за январь и февраль 1897 года, давшемъ возможность приступить къ постройкѣ двадцати храмовъ, послѣдовала Высочайшая отмѣтка: „*Искренно радуюсь столь обильнымъ пожертвованіямъ на святое дѣло сооруженія церквей и при нихъ школъ въ районѣ Сибирской желѣзной дороги. Надѣюсь на скорое совершеніе предпринятыхъ построекъ*“. Тогда же Государь изволилъ разсматривать и одобрить проектъ каменнаго храма во имя Св. Андрея Критскаго на ст. Тайга Средне-Сибирской жел. дороги. На телеграмму ст.-секретаря Куломзина о закладкѣ въ его присутствіи 1 августа 1897 года храма при ст. Хилонъ, Забайкальской жел. дороги, Государь изволилъ отвѣтить: „*Закладка первой церкви на Забайкальской дорогѣ Меня искренно радуетъ. Николай.*“ На всеподданнѣйшемъ отчетѣ статсъ-секретаря Куломзина по поѣздкѣ въ Сибирь для ознакомленія съ положеніемъ переселенческаго дѣла: противъ словъ отчета, что переселенецъ, который привыкъ на родинѣ къ посѣщенію богослуженія каждый воскресный и праздничный день, который смерть безъ покаянія и причащенія считаетъ страшнымъ несчастіемъ, не понимаетъ похоронъ безъ отпѣванія въ церкви и не представляетъ себѣ, какъ можно недѣлями и мѣсяцами оставлять дѣтей не крещенными, долженъ, по прибытіи въ Сибирь, за отдаленностью церквей, привыкать къ этимъ повседневымъ явленіямъ мѣстной жизни—Государю благоугодно было собственноручно начертать: „*Грустно*“; далѣе выраженное въ отчетѣ убѣжденіе, что надлежитъ напречъ всѣ усилія къ неослабному развитію церковнаго строительства и школьнаго обученія въ Сибири, вызвало Высочайшую отмѣтку: „*Да*“; противъ указанія на то, что быстрое сооруженіе и оборудованіе церквей, созидаемыхъ на частныя пожертвованія въ районѣ Сибирской жел. дороги, возможно лишь благодаря тому исключительному усердію, съ которымъ относятся

1) Управлявшій дѣлами бывшаго комитета Сибирской жел. дороги и предсѣдатель подготовительной при названномъ комитетѣ комисси.

къ этому святому дѣлу строители: Средне-Сибирской жел. дороги дѣйств. ст. сов. Межениновъ, Западно-Сибирской — дѣйств. ст. сов. Михайловскій и начальникъ эксплуатаціи послѣдней линіи кол. сов. Павловскій, вмѣстѣ съ подчиненными имъ служащими, вызвало Высочайшую отмѣтку: „Отрадно“; наконецъ указаніе, что, не смотря на успѣшный ходъ церковнаго строительства, потребность въ церквяхъ далеко еще не можетъ считаться удовлетворенною и что, въ виду основанія новыхъ поселковъ, потребность эта должна съ теченіемъ времени еще возрасти, вызвало Высочайшую резолюцію: „Очевидно“. На докладѣ объ освященіи въ 1898 г. церкви во имя св. Петра, Алексія, Іоны и Филиппа при ст. Исиль-Куль, Западно-Сибирской жел. дороги, сооруженной на пожертвованія московскаго купца И. Д. Баева Государь начерталъ: „Искренно радуюсь“. На представленіи статсъ-секретаремъ Куломзинимъ на благовозрѣніе Государя экземпляра отчета о положеніи церковнаго и школьнаго строительства въ районѣ Сибирской жел. дороги къ 1 января 1899 г. Государь 25 марта изволилъ начертать: „Сердечное спасибо всѣмъ ревнителямъ этого дорогого Мнѣ дѣла. Да развивается оно съ помощью Всевышняго“. На докладѣ объ освященіи 8 церквей въ Сибири — „Искренно радуюсь столь успѣшному ходу дѣла“. При глубокосочувственномъ къ дѣлу Сибирскаго церковно-школьнаго строительства отношеніи, Государь Императоръ оказывалъ этому дѣлу и существенную матеріальную помощь. Такъ, освѣдомившись о значительномъ постычествѣ недостроенныхъ церквей въ Сибири и недостаточности средствъ на окончаніе оныхъ, Государь на докладѣ по сему 5 февр. 1901 года начерталъ: „Жертвую 15 тыс. на достройку нѣсколькихъ церквей въ Сибири“. Деньги эти обращены были на достройку церквей въ пос. Николаевскомъ при оз. Старинка, Ново-Александровскомъ и Полтавкѣ, Каинскаго уѣзда, и въ пос. Ново-Николаевскомъ, Маринскаго уѣзда, Томской губерніи. Съ Высочайшаго соизволенія 29 декабря 1899 г. изъ суммъ Кабинета Его Величества отпущено 6,500 рублей на сооруженіе иконостаса въ церкви Св. Александра Невскаго въ п. Ново-Николаевскомъ, построенной въ память въ Бозѣ почивающаго Императора Александра III, при ст. Обь Средне-Сибирской жел. дор. Кромѣ того Государь пожертвовалъ 363½ арш. бархата, изъ котораго изготовлено полное облаченіе изъ 15 предметовъ для шести церквей, 513 серебряныхъ сосудовъ, вѣсомъ 352 фунт. 44½ зол., 475 экземпляровъ описанія путешествія Его Величества на Востокъ въ 1890—91 гг., изданная кн. Ухтомскимъ, 15,400 пуд. мѣди-латуни, изъ которой отлито 61 звонъ колоколовъ для церквей, сооруженныхъ въ районѣ Сибирской жел. дороги. Съ Высочайшаго же соизволенія изъ гофмаршальской части Мин. Имп. Двора передано около 500 пуд. мѣдной посуды, на

сумму 5.000 р., изъ коей отлито было 7 звоновъ колоколовъ; два прекрасные образа Спасителя и Божіей Матери, покровъ изъ золотой парчи съ гроба въ Вozѣ почившаго Государя Наслѣдника и Великаго Князя Георгія Александровича, изъ покрова сшиты два весьма цѣнные облаченія для священнослужителей, и около 2500 арш. дорогой штофной шелковой матеріи и газета, изъ которыхъ изготовлено 34 полныхъ священническихъ облаченій и одежды на престолы и жертвенники для 30 церквей. Наконецъ, по Высочайше утвержд. 10 сентября 1899 г. и 11 іюля 1903 года Пол. Воен. Совѣта отпущено на отливку колоколовъ для Сибирскихъ церквей еще 4500 п. мѣди-латуни въ стрѣльчатыхъ гильзахъ, изъ коей отлито 54 колокольныхъ звона. Всего отлито изъ отпущенной съ Высочайшаго соизволенія мѣди 122 звона. Государыни Императрицы и другія Августѣйшія особы также выказывали сочувствіе и помощь дѣлу церковно-школьнаго строительства въ Сибири; такъ Государыня Александра Ѳеодоровна пожертвовала 54 облаченія изъ дорогихъ штофныхъ, шелковыхъ и парчевыхъ матерій. Государыня Марія Ѳеодоровна—цѣнные образа Св. Маріи Магдалины для церкви при ст. Петропавловскъ и Св. Великомученика Георгія Побѣдоносца, для церкви въ пос. Ново-Николаевскомъ при ст. Обь. Великій Князь Михайль Александровичъ—2000 р. на церковь Св. Благовѣрнаго Князя Михаила Тверскаго въ пос. Озерномъ, Туринскаго уѣзда, 500 р. на церковь въ дер. Блюдцы, Томской губ.; чрезъ посредство въ Вozѣ почивающаго Великаго Князя Сергія Александровича отъ старость Общества Хоругвеносцевъ Моск. Крем. Соборовъ и монастырей, Казанскаго и Покровскаго соборовъ пожертвовано 20 паръ металлическихъ вызолоченныхъ хоругвей и отъ прихожанъ Покровской церкви въ Красномъ Селѣ въ Москвѣ 150 аналойныхъ иконъ. Великій Князь Константинъ Константиновичъ—весьма цѣнный образъ въ церковь въ пос. Константиновскомъ, Калининскаго уѣзда.

Вопросъ объ удовлетвореніи духовныхъ нуждъ въ Сибири возбуждался и въ высшихъ государственныхъ учрежденіяхъ. Соединенное присутствіе комитета Сибирской жел. дор., бывш. комитета Министровъ и Департамента Государственной Экономіи Государственнаго Совѣта, въ засѣданіи 16 февраля 1893 года выразило полное сочувствіе возбужденному бывш. Оберъ-Прокуроромъ Святѣйшаго Синода К. П. Побѣдоносцевымъ вопросу о необходимости постройки церквей по линіи Сибирской жел. дороги.

Другія учрежденія, а также должностныя лица (особенно духовнаго вѣдомства) и общество всегда оказывали большую матеріальную поддержку дѣлу Сибирскаго церковно-школьнаго строительства. Такъ, хозяйственное управленіе при Святѣйшемъ Синодѣ высылало бесплатно для вновь устроенныхъ Сибирскихъ церквей богослужебныя книги, а

въ 1898 году управленіемъ былъ посланъ въ г. Омскъ для собора комплектъ драгоцѣнной утвари, стоимостью не менѣе тысячи рублей. Училищный совѣтъ при Святѣйшемъ Синодѣ—учебники. Учрежденный въ Москвѣ покойнымъ митрополитомъ Сергіемъ комитетъ для принятія пожертвованій на Сибирскіе храмы пожертвовалъ весьма цѣнный иконостасъ. С.-Петербургское купечество—15 тыс. руб. въ воспоминаніе истеченія 40 л. со дня освобожденія крестьянъ отъ крѣпостной зависимости. Пок. митр. Палладій Спб. и Ладожскій пожертвовалъ облаченія, хранившіяся въ складахъ Александро-Невской лавры; братья Рысины—15 священническихъ облаченій, А. В. Алексѣева—6 полныхъ серебряныхъ комплектовъ церковной утвари, А. И. Столпаковъ—весьма цѣнные старинные два покрыва и плащаницу, кустари крестьяне Красносельской и Сидоровской волостей, Костромской губ., 5330 серебр. крестиковъ. Болѣе крупныя пожертвованія деньгами сдѣлали: моск. купцы И. Д., К. Д. и И. Д. Баевы—205,350 руб.; прот. І. И. Сергіевъ—62,814 р. 50 к., неизвѣстный 39,673 руб., пот. почетный граж. И. Ѳ. Якимовъ 50 т. р., А. Г. Петровъ 33 т. р., челябинскій купецъ А. М. Новиковъ 30 т. р. ¹⁾, жена ген.-маіора Е. И. Кукель 25 т. р., Н. А. Терещенко 23,200 р., пот. поч. граж. И. А. Колесниковъ, 22 т. р., вдова т. сов. Е. К. Ермолова 20 т. р., кн. А. А. Друцкая-Соколинская 20 т. р., кол. секр. Варенцовъ 20 т. р., по духовному завѣщанію д. с. с. Кондратьева 20 т. р., вдовы шт.-кап. М. К. Павловой 18,546 р., В. Б. Спиридонова 12 т. р. и мн. друг. изъ главнаго казначейства отъ разныхъ жертвователей въ уѣздн. и губер. казначействахъ на депозитъ канцеляріи б. ком. министровъ поступило 112,786 руб. 25 к., чрезъ хозяйств. управленіе при Св. Синодѣ 35,123 руб. 76 коп.

Очень многіе изъ жертвователей пожелали остаться неизвѣстными.

Многіе жертвователи вносили деньги въ фондъ съ указаніемъ, во имя какихъ именъ святыхъ и въ какихъ поселкахъ возвести церкви на жертвуемые ими деньги. Такъ, Н. А. Колесниковъ пожертвовалъ 10 т. р. на церковь въ честь Казанской иконы Божіей Матери, школу и причтовый домъ при деревнѣ Атиркѣ, Тарскаго округа, Тобольской губерніи; М. О. Теплова 30 т. р. на церковь Св. Николая Чудотворца и преп. Маріи или предѣлъ въ одной изъ существующихъ въ Сибири церквей при желѣзной дорогѣ (церковь построена при ст. Ногаданъ Забайкал. жел. дор.), Кукель 10 т. р. на церковь при ст. Чита, неизвѣстный 39,673 р. на построеніе 10 храмовъ во имя Воскресенія Христова въ указанныхъ имъ поселкахъ; неизвѣстный 11.000 р. на два храма во имя Св. Феодора Тирона и другой Александра Невскаго

¹⁾ По духовному завѣщанію вдовы полковника М. О. Тепловой 30 т. р.

на стт. Зима и Боготоль Средне-Сиб. жел. дор. неизвѣстный 5 т. р. на церковь во имя Сергія Радонежскаго въ пос. по выбору Государя Императора. Государь указалъ на участокъ Свѣтловодный, Ачинскаго округа, Енисейск. губ. А. М. Новиковъ 30 т. р. на сооруженіе церкви въ воспоминаніе событія 17 октября 1888 г. во имя Св. Андрея Критскаго, память котораго празднуется въ этотъ день. Такимъ путемъ пожертвованія лились. За значительныя услуги, оказанныя дѣлу Сибирскаго церковно-строительства лично дѣятельностью и за крупныя пожертвованія не менѣе 3000 рублей лицамъ обоюга пола выдавались съ 1901 г. съ Высочайшаго каждый разъ соизволенія нагрудный знакъ — эмалевый зеленый крестъ, окруженный бѣлою эмалевою лентою съ подписью на ней золотыми буквами: „за содѣйствіе духовному просвѣщенію Сибири“. Знакъ увѣнчанъ золотымъ вензелевымъ изображеніемъ имени Императора Александра III подъ Императорскою короною; носится онъ на лѣвой сторонѣ груди. При знакѣ выдавалось свидѣтельство за подписью управл. дѣлами комитета Сиб. ж. д. и съ приложеніемъ печати комитета; съ каждаго, удостоеннаго знакомъ, опредѣляется единовременный взносъ въ фондъ въ размѣрѣ 25 рублей. (Правила о нагр. знакахъ съ Высочайшаго соизволенія утверждены 19 апрѣля 1901 г. мин. вн. дѣлъ). Нагрудные знаки Высочайше пожалованы: Вел. Кн. Михаилу Александровичу, митрополитамъ С.-Петербургскому Антонію и Московскому Владиміру, архіепископу Воронежскому Анастасію, епископу Енисейскому Еввѣмію, прот. І. И. Сергіеву, К. П. Побѣдоносцеву, В. К. Саблеру, П. И. Остроумову, моск. купц. И. Д. Баяву, Н. Д. Баяву и другимъ, — всего знакъ пожалованъ 81 лицамъ. За болѣе мелкія пожертвованія выдавались на основаніи Высочайше утв. 22 марта 1901 года правилъ именныя золотыя и серебряныя жетоны для ношенія на часовой цѣпочкѣ. Жетонъ имѣетъ овальную форму, на лицевой сторонѣ его, покрытой зеленой эмалью, находится серебряный крестъ; жетонъ увѣнчанъ вызолоченнымъ вензелевымъ изображеніемъ имени Императора Александра III подъ Императорскою короною. На оборотной сторонѣ помѣщаются начальныя буквы именъ и отчества получающаго жетонъ, фамиліи его и годъ выдачи жетона. Золотыя жетоны ничѣмъ не отличаются по рисунку отъ серебряныхъ. Въ удостовѣреніе права ношенія жетона выдавалось каждому лицу, получающему таковой, особое свидѣтельство за подписью предсѣдателя подготовительной комиссіи и скрѣпою дѣлопроизводителя.

Золотой жетонъ, по правиламъ, выдается одному и тому же лицу только одинъ разъ. Жетоны приготавливались по порученію подготовительной комиссіи, всѣ дѣла о выдачѣ ихъ сосредоточивались въ канцеляріи б. комитета. Добровольныя пожертвованія частныхъ благотвори-

рителей составляли главный источник средствъ для церковно-школьнаго строительства въ Сибири; отъ фонда вспомогательныхъ предпріятій, связанныхъ съ постройкою Сибирской жел. дороги, отпускалось на этотъ предметъ по 25 т. р. ежегодно (въ 1903 и 1904 гг. по 50 т. р.), что къ 1 января 1906 года составляло 275 т. р.

Первое пожертвованіе 200 р. было сдѣлано 22 апрѣля 1894 г. пр. І. И. Сергіевымъ.

За послѣдніе годы притокъ пожертвованій значительно уменьшился.

Въ видахъ достиженія единства въ распоряженіи суммами, какъ ассигнуемыми правительствомъ, такъ и жертвуемыми частными лицами на дѣло церковно-школьнаго строительства въ Сибири, а также съ цѣлью обезпеченія болѣе производительнаго расходованія этими средствами, распоряженіе пожертвованіями на сооруженія въ районѣ Сиб. ж. д. церквей и школъ съ Высочайшаго соизволенія возложено было, какъ сказано выше, на подготовительную при комитетѣ названной дороги комиссію, съ участіемъ въ ея замятіяхъ по дѣламъ этого рода представителя Духовнаго Вѣдомства, каковымъ всегда былъ Директоръ Хозяйственнаго Управленія при Свят. Синодѣ въ 1895 году Тайный Совѣтникъ А. Г. Ильинскій, съ 1896 г. до начала текущаго года Т. Сов. П. И. Остроумовъ, потомъ Товарищемъ Оберъ-прокурора св. Синода, принимавшій весьма дѣятельное участіе въ дѣлахъ комиссіи. Денежныя операціи, по Высочайше утвержд. 5 іюля 1895 г. журналу Комитета Сиб. ж. д., подчинены были ревизіонному надзору Государственнаго Контроля, въ порядкѣ, установленномъ для ревизіи расходовъ, производили изъ фонда вспомогательныхъ предпріятій. Для ближайшаго же наблюденія за движеніемъ церковно-строительныхъ суммъ подготовительная комиссія ежегодно избирала изъ своей среды особый ревизіонный комитетъ, въ составѣ трехъ лицъ, въ числѣ коихъ неоднократно былъ П. И. Остроумовъ, бывшій тогда Директоромъ Хозяйственнаго Управленія при св. Синодѣ; въ настоящемъ году въ ревизіонномъ комитетѣ принималъ участіе Директоръ Хозяйственнаго Управленія д. ст. сов. С. В. Праведниковъ. Церкви на средства фонда строились для желѣзно-дорожныхъ служащихъ и рабочихъ по линіи Сибирской жел. дороги, начиная съ западной ея части: въ Тюкалинскомъ уѣздѣ, Тобольской губ., Томскомъ, Канскомъ и Мариинскомъ Томской губ., Петропавловскомъ, Донскомъ и Копчетавскомъ, Акмолинской области и, главнымъ образомъ, для переселенцевъ, которые шли на сѣверъ отъ желѣзной дороги въ тайгу и урманы Тобольской губ. и на югъ въ степи Акмолинской области. При постройкѣ принимались въ расчетъ: центральный пунктъ среди старожилыхъ деревень и переселенческихъ поселковъ, мѣстныя пожертвованія деньгами и матеріалами: кирпичъ и др., пунктъ пересѣченія рель-

соваго пути трактомъ, дальность разстоянія отъ ближайшей церкви, маловмѣстительность послѣдней и пр. Таковыя церкви: на ст. Татарской, Каинскаго уѣзда, Том. губ., на пересѣченіи желѣзнодорожной линіи трактомъ, идущемъ отъ г. Барнаула до села Юдина и расположенная вблизи 40 переселенческихъ поселковъ церковь на ст. Таежной, узловой станціи Сибирской магистральной съ вѣтвью къ гор. Томску, въ 50 верстахъ отъ ближайшей церкви при малопроезжихъ во время распутицы дорогахъ; церковь с. Ново-Николаевскаго при ст. Кривощеново, поселокъ расположенъ на пересѣченіи Сибирской жел. дороги и рѣки Оби; церковь пос. Ново-Покровскаго, въ Тюнавинской округѣ, отстоитъ отъ ближайшей церкви въ 8 верстахъ, но послѣдняя маловмѣстительна; церковь на ст. Каинскъ, гдѣ помѣщается ж.-д. депо и мастерскія, церковь при дер. Александровской, Томской губ. и окр. въ 17 в. отъ ближайшей церкви, расположена среди раскольничьихъ скитовъ.

При быстротѣ заселенія края выходцами изъ Евр. Россіи и ежегодно возникновеніи новыхъ многочисленныхъ селеній въ пустошныхъ дотолѣ районахъ заблаговременная выработка сѣти поселковъ для постройки церквей и школъ подготовительною комиссіею признана нецѣлесообразною, почему ком. и постановила, чтобы выборъ таковыхъ поселковъ во Владивостокской и Благовѣщенской епархіяхъ производился по соглашенію епархіальнаго начальства съ гражданскими властями Приморской и Амурской областей, съ участіемъ завѣдующихъ землеотводными партіями въ Приамурскомъ краѣ; при такомъ веденіи дѣла сооруженіе церкви отвѣчаетъ нуждамъ существующихъ селеній и видамъ на будущее заселеніе края.

На средства фонда по линіи Сибирской ж. д. и, главнымъ образомъ, въ переселенческихъ поселкахъ сооружено 188 церквей, сооружаются 36.

Средняя стоимость Сибирской церкви равняется 7—9 т. рублей, но есть среди нихъ и роскошныя постройки. Такъ, 29 декабря 1899 г. торжественно освященъ оконченный въ томъ же году постройкою въ память въ Божѣ почивающаго Императора Александра III каменный храмъ въ пос. Ново-Николаевскѣ, близъ ст. Обь и Кривощеново, на правомъ берегу р. Оби, противъ желѣзнодорожнаго моста, съ главнымъ придѣломъ во имя св. Благ. кн. Александра Невскаго и Николая Чудотворца; изъ фонда ассигновано на сооруженіе храма 47 т. руб.; въ томъ числѣ 500 рублей по Высочайшему повелѣнію отпущено изъ суммъ Кабинета Его Величества, 6500 руб. Государемъ пожертвовано на иконостасъ; 19 т. р., пожертвованныхъ Баявыми, и земля отведена безмездно; въ ризницѣ храма золотыя парчевыя облаченія, изготовленные изъ покрыва съ гроба въ Божѣ почи-

вающаго Наслѣдника Цесаревича и Вел. Кн. Георгія Александровича. Государыня Марія Ѳеодоровна пожертвовала драгоцѣнный образъ св. Великомученика Георгія Побѣдоносца.

Недалеко отъ храма, при ст. Кривошеново на мѣстных средства устроено одноклассное училище Министерства Народнаго Просвѣщенія. 18 марта 1900 г. освященъ сооруженный при ст. Петропавловскѣ великолѣпный каменный храмъ въ древле-русскомъ стилѣ XVII вѣка, въ честь Маріи Магдалины; въ храмѣ два предѣла въ честь свят. Ѳеодосія Черниговскаго и иконы Божіей Матери (Всѣхъ Скорбящихъ Радости); на постройку храма, школы и причтоваго дома, израсходовано 50 т. р., изъ нихъ 22 т. отъ Т. Сов. Н. А. Терещенка, 3 т. отъ пот. поч. граж. Ф. К. Головлева, 900 р. отъ прот. І. И. Сергѣева и др. жертвователей специально на Петропавловскую церковь. Государыня Марія Ѳеодоровна пожертвовала въ церковь цѣнный, прекрасной работы, образъ св. Маріи Магдалины, въ серебряной ризѣ. Школа, названная по имени жертвователя Терещинскою, сгорѣла въ январѣ 1902 г. и возобновлена на мѣстных средства; наслѣдники Терещенка пожертвовали на нужды ея 1000 руб.—24 ноября 1900 г. освящена быв. пр. Омскимъ Григоріемъ сооруженная при ст. Омскѣ, въ 4 вер. отъ гор. Омска, каменная церковь во имя св. Троицы, вмѣщающая до 750 чел., для желѣзнодорожныхъ служащихъ и 5 тыс. населенія окрестнаго поселка. На храмъ и школу израсходовано около 47 т. р., въ томъ числѣ 23 т. р. отъ Баевыхъ, 10 т. р. отъ пот. поч. гражд. Л. И. Дерова и 14 т. р. отъ неизвѣстныхъ благотворителей. Школѣ присвоено названіе Соловецкой, такъ какъ на ея устройство поступило 1000 руб. отъ Соловецкаго монастыря. 1 авг. 1899 г. освящена при ст. Тайга, отъ которой идетъ вѣтвь на Томскъ, церковь во имя св. Андрея Критскаго, выстроенная въ память событія 17 окт. 1888 года на пожертвованныя А. М. Новиковымъ 30 т. р. въ хозяйственное Управленіе при св. Синодѣ, откуда деньги были переданы въ фондъ; построены причтовые дома и церковная школа *).

Школъ къ началу сего года было выстроено и открыто 137 и строилось 27, кромѣ этихъ, 61 школа открыта при церквахъ фонда на мѣстных средства.

Въ школахъ и устроенныхъ при станціяхъ жел. дор. читальняхъ организованы были народныя чтенія съ картинами, волшебные фонари и картины къ нимъ высылались на счетъ фонда. Такія читальни

*) Канцелярія б. Комитета Мин. заказывала мѣдныя доски съ выгравированными надписями о томъ, во имя какихъ святыхъ и на чьи пожертвованія построены при помощи фонда церкви для переселенцевъ въ Сибири и отсылала эти доски для прикрѣпленія въ притворахъ подлежащихъ храмовъ.

напр., при ст. Забайкальской жел. д. Мысовая, Верхнеудинская, Петровскій заводъ, Урдина, Митрофаново, при Нерчинскомъ Горномъ заводѣ и др.

III.

Органы, чрезъ которые вела строительное дѣло Канцелярія б. Комитета Министровъ, были разнообразны: такъ губернаторы и крестьянскіе начальники въ губерніяхъ Тобольской и Томской; областная администрація—военные губернаторы и подвѣдомыя имъ областныя учрежденія въ областяхъ: Амколинской, Семипалатинской, Тургайской и Приморской; степной генераль-губернаторъ; на линіи желѣзной дороги постройкою церквей руководили начальники работъ по сооруженію дороги, а по окончаніи ея, начальники ж. дорогъ: Сибирской, Забайкальской, Уссурийской, въ Иркутскѣ, въ Забайкальской области и части Приморской церковно-строительное дѣло вѣдали мѣстные преосвященные; наконецъ, въ Красноярскѣ, по ходатайству Енисейскаго губернатора, былъ учрежденъ въ 1899 году церковно-строительный комитетъ, въ составъ котораго, подъ предсѣдательствомъ епископа Енисейскаго, входятъ мѣстные: губернаторъ, вице-губернаторъ, предсѣдатель казенной палаты, управляющій государственнымъ имуществомъ и нѣкоторые изъ благотворителей; въ Омскѣ также организованъ, подъ предсѣдательствомъ преосвященнаго, церковно-строительный комитетъ. Для ближайшаго руководства строительными работами образовывались на мѣстѣ постройки особые строительные комитеты изъ мѣстныхъ благочиннаго, приходскаго священника и выборныхъ отъ прихожанъ, а въ Приамурскомъ краѣ, въ виду значительной помощи, оказываемой мѣстнымъ населеніемъ при сооруженіи церквей, подгот. комиссіей признано было желательнымъ непосредственное участіе представителей отъ прихожанъ въ распорядительныхъ дѣйствіяхъ по церковно-строительству. Технической надзоръ за работами и составленіе проектовъ церквей и школъ во Владивостокской епархіи были возложены на епархіальнаго архитектора, съ вознагражденіемъ 4⁰/₀ со смѣтной стоимости построекъ. Въ губерніяхъ же Тобольской и Енисейской, а также въ Амколинской области для наблюденія за постройками церквей и школъ съ технической стороны приглашены были опытные десятники техники, при полномъ устраненіи ихъ отъ производства. Денежныхъ расчетовъ при сооруженіи церквей, по одному на губернію, съ производствомъ содержанія по 1500 руб. въ годъ каждому, въ томъ числѣ 300 руб. на разъѣзды. Десятники состоятъ въ распоряженіи: въ Тобольской губ.—мѣстнаго губернатора,

остальные въ распоряженіи Красноярскаго и Омскаго церковно-строительныхъ комитетовъ по принадлежности.

Для ознакомленія на мѣстѣ съ предпринятыми и произведенными на счетъ фонда постройками командировались чиновники б. канцелярив комитета министровъ. Такъ, лѣтомъ 1899 года командированъ былъ инженеръ Путей Сообщенія Жилкинъ въ Тобольскую и Томскую губерніи, лѣтомъ 1903 года Тарасовъ въ Тобольскую и Томскую губерніи и Акмолинскую область, въ 1905 году Васьяновскій въ Томскую, Тобольскую и Енисейскую губерніи.

Отчеты командированныхъ чиновниковъ разсматривались въ особо назначавшихся подкомиссіяхъ. При школахъ, которыя окружены поселками, откуда переселенцы шлютъ своихъ дѣтей и которыя вмѣстѣ съ тѣмъ и заполнены учениками тѣхъ поселковъ, въ которыхъ онѣ расположены, строить, по мѣрѣ средствъ общежитія.

Въ такомъ видѣ представляется дѣло церковно-школьваго строительства въ Сибири на средства фонда имени Императора Александра III ко времени перехода его въ Святѣйшій Синодъ.

Первое опредѣленіе св. Синода по сему дѣлу состоялось 7 и 24 іюля текущаго 1906 года (№ 3763), коимъ, между прочимъ, постановлено: ближайшее завѣдываніе дѣломъ Сибирскаго церковно-школьнаго строительства по фонду Имени Императора Александра III возложить на хозяйственное управленіе при св. Синодѣ, для установленія наиболѣе пѣлесообразнаго и отвѣчающаго мѣстнымъ условіямъ способа веденія дѣла, предложить мѣстнымъ Преосвященнымъ представить въ Центральное управленіе Св. Синода свои соображенія по сему предмету, до поступленія же таковыхъ и установленія того или другаго порядка веденія сего дѣла продолжать церковно-школьное строительство въ Сибири на прежнихъ основаніяхъ; продолжать выдачу золотыхъ и серебряныхъ жетоновъ благотворителямъ на память, внесшихъ или пожертвованія на церковно-школьное строительство въ Сибирь, сдѣлавъ соотвѣтствующія измѣненія въ текстъ купонной книжки и грамотъ, которую и выдавать за подписью директора хозяйственнаго управленія, поступившія въ х. упр. вещевыя пожертвованія, продать по оцѣнкѣ и вырученныя за нихъ деньги обратить въ кассу фонда, для поддержанія и оживленія усердія къ дѣлу Сибирскаго церковно-школьнаго строительства обратиться отъ имени св. Синода съ воззваніемъ къ православному народу русскому, приглашая его посильными пожертвованіями послужить духовнымъ нуждамъ своихъ братьевъ во Христѣ, переселившихся въ отдаленныя мѣста Сибири.

А. Румянцевъ.

Вѣстникъ „Миссіонерскаго Обозрѣнія“.

Министерскій законопроектъ о порядкѣ сооруженія устройства и починкѣ богослужебныхъ и молитвенныхъ зданій.

Разработанный Министерствомъ Внутреннихъ Дѣлъ, по департаменту духовныхъ дѣлъ иностранныхъ исповѣданій, и внесенный на разсмотрѣніе Государственной Думы законопроектъ, опредѣляющій порядокъ сооруженія, устройства и починки богослужебныхъ и молитвенныхъ зданій, исходитъ изъ того соображенія, что религіозныя потребности всѣхъ отдѣльныхъ вѣроисповѣдныхъ группъ населенія должны получать возможно полное удовлетвореніе, и что поэтому сооруженіе инославныхъ и иновѣрныхъ молитвенныхъ зданій должно быть обставлено наименьшими стѣсненіями. Въ соотвѣтствіи съ симъ, Министерство подвергло подробному обсужденію тѣ условія, которыми по дѣйствующему законодательству обставлено разрѣшеніе гражданскою властью инославнаго и иновѣрнаго храмостроительства, съ точки зрѣнія цѣлесообразности ихъ, и пришло къ слѣдующимъ заключеніямъ:

1) Требуемое закономъ соотвѣтствіе молитвенныхъ сооруженій техническимъ требованіямъ строительнаго устава обязательно должно быть соблюдаемо и на будущее время, такъ какъ и означенныя зданія, отличительнымъ признакомъ которыхъ является регулярное, болѣе или менѣе продолжительное и притомъ одновременное скопленіе людей въ опредѣленномъ помѣщеніи, являются зданіями общественными, предназначенными для пользованія публики, и, какъ таковыя, по точному смыслу уст. строит., допускаются къ устройству не иначе, какъ по утвержденіи проектовъ оныхъ техническою властью.

2) Напротивъ того, едва ли представляется основательнымъ настаивать при разрѣшеніи постройки на наличности необходимыхъ на оную денежныхъ средствъ, такъ какъ надлежитъ прежде всего имѣть въ виду, что въ огромномъ большинствѣ случаевъ церковныя и молитвенныя сооруженія производятся на средства, собираемыя путемъ добровольныхъ пожертвованій, и обязательныхъ, принятыхъ на себя

населеніемъ, взносов, послѣднее же, какъ показываетъ практика, охотнѣе жертвуетъ на достройку храма, чѣмъ на сооруженіе такового въ будущемъ. Еще менѣе обоснованнымъ является требуемое въ нѣкоторыхъ случаяхъ удостовѣреніе въ достаточности средствъ для содержанія молитвеннаго зданія. Не вызываемое государственными соображеніями, оно, по неопредѣленности своей, вноситъ лишь въ отношенія государства къ иновѣрцамъ нежелательный дискреціонный элементъ, а поэтому безусловно подлежитъ отміну.

На ряду съ вопросомъ о денежныхъ средствахъ на постройку и содержаніе инославныхъ и иновѣрныхъ молитвенныхъ зданій, проектъ разрѣшаетъ и вопросъ о порядкѣ производства денежныхъ сборовъ на ихъ нужды. При отсутствіи въ дѣйствующемъ законодательствѣ прямыхъ постановленій по этому предмету, на практикѣ сборы добровольныхъ пожертвованій производятся исключительно съ разрѣшенія гражданской власти. Министерство, однако, признало этотъ порядокъ чрезмерно стѣснительнымъ; по мнѣнію Министерства, для всѣхъ вѣроученій, имѣющихъ іерархическое устройство, право дозволять сборъ добровольныхъ пожертвованій могло бы быть предоставлено подлежащему духовному начальству по принадлежности, въ предѣлахъ той территоріи, на которую распространяется юрисдикція этой власти, а для вѣроученій, не имѣющихъ іерархическаго устройства, означенное право должно быть присвоено губернскому начальству въ предѣлахъ губерніи. Въ же границъ мѣстностей, находящихся въ вѣдѣніи мѣстнаго духовнаго или гражданскаго начальства, разрѣшеніе на добровольные сборы во всѣхъ случаяхъ должно принадлежать Министерству Внутреннихъ Дѣлъ, съ тѣмъ, чтобы ему же было предоставлено разработать и утвердить единообразный для всѣхъ исповѣданій и вѣроученій порядокъ производства сборовъ и отчетности по онымъ.

3) Что касается согласія духовнаго начальства на постройку молитвеннаго зданія, то сохраненіе этого условія представляется вполне цѣлесообразнымъ, такъ какъ оно поднимаетъ нравственный авторитетъ духовной власти. При этомъ, по отношенію къ такимъ вѣроученіямъ, у которыхъ не имѣется высшихъ духовныхъ властей, Министерство для предупрежденія неограниченнаго сооруженія храмовъ, въ которыхъ мѣстному населенію, можетъ быть, нѣтъ и надобности, полагало цѣлесообразнымъ постановить, подобно тому, какъ это сдѣлано для старообрядцевъ и отпавшихъ отъ православія сектантовъ закономъ 17-го октября 1906 года, что сооруженіе новаго молитвеннаго зданія, предназначеннаго для общественнаго пользованія, можетъ послѣдовать лишь по изъявленіи согласія со стороны той религіозной общины, для которой это молитвенное зданіе предназначается.

4) Дальнѣйшее сохраненіе въ силѣ особыхъ условій, имѣющихъ въ

виду огражденіе православной вѣры отъ возможныхъ посягательствъ на нее со стороны иновѣрцевъ и проявляющихся въ видѣ согласія православнаго епархіального начальства на устройство инославнаго или иновѣрнаго молитвеннаго зданія и въ соблюденіи въ нѣкоторыхъ случаяхъ опредѣленнаго разстоянія отъ православнаго храма, уже предрѣшено въ отрицательномъ смыслѣ Высочайше утвержденнымъ 17-го апрѣля 1905 года положеніемъ Комитета Министровъ и поэтому едва ли подлежитъ новому обсужденію по существу.

5) Наконецъ дискреціонное право гражданской власти разрѣшить или не разрѣшить постройку также отмѣнено приведеннымъ положеніемъ Комитета Министровъ и замѣнено простымъ констатированіемъ гражданской властью наличности требуемыхъ закономъ для постройки условій.

Такимъ образомъ, согласно предположеніямъ Министерства, сооруженіе въ будущемъ инославныхъ и иновѣрныхъ молитвенныхъ зданій должно производиться при условіи констатированія гражданской властью наличности: а) согласія духовнаго начальства (замѣняемаго въ нѣкоторыхъ случаяхъ согласіемъ общины), и б) соблюденія техническихъ требованій строительнаго устава.

Установивъ эти условія, въ качествѣ общаго начала, Министерство, однако же, не могло не считаться съ такими проявленіями въ области инославнаго и иновѣрнаго храмостроительства, которыя, не являясь прямымъ нарушеніемъ дѣйствующихъ законовъ, посягаютъ на интересы населенія или государства.

Въ этомъ отношеніи Министерство обратило вниманіе на то, что церковно-строительство является въ рукахъ инославнаго и иновѣрнаго духовенства нерѣдко лишь средствомъ для возвеличенія престижа церкви или вѣроученія и усиленія своего вліянія среди единовѣрнаго населенія, что въ стремленіи своемъ къ умноженію числа молитвенныхъ сооружений, инославное и иновѣрное духовенство часто начинаетъ постройку, не имѣя въ своемъ распоряженіи достаточныхъ средствъ, и затѣмъ воздѣйствуя на религиозное чувство прихожанъ, принуждаетъ ихъ къ принятію на себя расходовъ, для нихъ непосильныхъ и надолго подрывающихъ ихъ матеріальное благосостояніе. Съ другой стороны, непомерное размноженіе числа молитвенныхъ зданій неминуемо влечетъ за собою и соотвѣтственное увеличеніе состава духовенства въ степени, далеко не всегда соотвѣтствующей дѣйствительнымъ потребностямъ населенія.

Кромѣ того, сооруженіе инославнаго и иновѣрнаго молитвеннаго зданія можетъ иногда быть совершенно нежелательнымъ и даже непереносимымъ по государственнымъ соображеніямъ. Церковь уже съ давнихъ временъ сдѣлалась однимъ изъ орудій національно-полити-

ческой и религіозной борьбы, и въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ сталкиваются разнородныя національности и исповѣданія, борьба эта нерѣдко проявляется въ очень интенсивныхъ формахъ въ видѣ стремленія одной религіи къ подавленію другой. Считая, что государство не можетъ оставаться безучастнымъ зрителемъ попытокъ подавленія и униженія господствующей православной церкви, Министерство пришло къ заключенію о необходимости подчинить инославное и иновѣрное храмостроительство разрѣшенію гражданской власти, обставленному, конечно, самыми строгими гарантіями законности и безпристрастія.

Въ видѣ общаго правила, по мнѣнію Министерства, разрѣшеніе постройки, въ случаѣ наличности двухъ вышеприведенныхъ условій, повсемѣстно могло бы быть предоставлено мѣстному губернатору или градоначальнику, право же отказа, при сомнѣніи въ наличности приведенныхъ условій, или же, если по политическимъ или экономическимъ соображеніямъ, сооруженіе инославной церкви было бы признано недопустимымъ, надлежало бы предоставить исключительно Министерству Внутреннихъ Дѣлъ, какъ учрежденію центральному, свободному отъ вліянія мѣстныхъ условій и отношеній.

Вышеизложенныя общія начала для разрѣшенія сооруженія инославныхъ и иновѣрныхъ богослужебныхъ зданій, по мнѣнію Министерства, могутъ быть примѣняемы повсемѣстно, и въ дальнѣйшемъ существованіи для отдѣльныхъ мѣстностей и исповѣданій особаго порядка не представляется оснований.

Затѣмъ Министерство вошло въ обсужденіе вопросовъ о томъ: 1) какія именно молитвенныя зданія должны подчиняться проектируемому порядку выдачи разрѣшенія на ихъ сооруженіе; 2) примѣняется ли этотъ порядокъ только къ сооруженію и устройству новыхъ молитвенныхъ зданій, или же распространяется на производство всякихъ строительныхъ работъ и 3) распространяется ли онъ на частныя молитвенныя зданія и помѣщенія.

По первому изъ означенныхъ вопросовъ Министерство, въ виду отсутствія въ законѣ достаточно точнаго опредѣленія понятія богослужебныхъ и молитвенныхъ зданій, установило лишь въ видѣ общаго положенія, что проектированному имъ порядку разрѣшенія должны подчиняться всѣ сооруженія, которыя, независимо отъ присвоенныхъ имъ наименованій, предназначены для постояннаго или временнаго совершенія въ нихъ богослуженій или моленій, въ томъ числѣ и на молитвенные дома всѣхъ протестантскихъ ученій и сектъ, въ которыхъ совершаются временно или постоянно публичныя, общественныя богослуженія, молитвы или проповѣди.

Вмѣстѣ съ тѣмъ Министерство подвергло обсужденію и порядокъ сооруженія подвижныхъ престоловъ и крестовъ, а также нѣкоторыхъ

священныхъ изображеній, которыя не могутъ быть подведены подъ понятіе молитвенныхъ зданій, но также имѣютъ своимъ назначеніемъ служить мѣстомъ для молитвы и для совершенія религіозныхъ обрядовъ. Подвижные престолы представляютъ собою нерѣдко весьма значительныя въ строительномъ отношеніи сооруженія и, какъ таковыя, по мнѣнію Министерства, должны удовлетворять общимъ проектируемымъ для разрѣшенія молитвенныхъ зданій условіямъ, то-есть соответствовать техническимъ требованіямъ строительнаго устава. Что касается постановки крестовъ и священныхъ изображеній, то разрѣшеніе на этотъ предметъ, по дѣйствующему законодательству, должно быть испрашиваемо лишь въ томъ случаѣ, когда на основаніи дѣйствующихъ узаконеній оно требуется для всѣхъ вообще сооружений, и только въ губерніяхъ Царства Польскаго и Западнаго края, по силѣ закона 26-го декабря 1905 года, надписи на этихъ изображеніяхъ, сооружаемыхъ лицами римско-католическаго исповѣданія, за исключеніемъ текстовъ св. писанія, утверждаются мѣстнымъ губернаторомъ. Не усматривая основаній къ измѣненію этого порядка, Министерство полагало, вмѣстѣ съ тѣмъ, необходимымъ сохранить дѣйствіе закона 26-го декабря 1905 года относительно надписей на римско-католическихъ священныхъ изображеніяхъ въ губерніяхъ Царства Польскаго и Западнаго края.

По второму вопросу Министерство, исходя изъ того, что по буквальному смыслу ст. 13 Высочайшаго Указа 17-го апрѣля 1905 г. разрѣшенію гражданской власти, при наличности извѣстныхъ условій, должно подчиняться не только сооруженіе и устройство новыхъ, но и возобновленіе существовавшихъ и ремонтъ существующихъ инославныхъ богослужебныхъ и молитвенныхъ зданій, пришло къ заключенію, что подъ понятіе сооруженія новыхъ храмовъ надлежало бы подвести и перестройку инославныхъ и иновѣрныхъ богослужебныхъ зданій, если такая сопряжена съ увеличеніемъ зданія въ смыслѣ допущенія большаго числа молящихся, ибо въ этомъ случаѣ перестройка зданія лишь замѣняетъ собою сооруженіе новаго храма. Что же касается возобновленія и ремонта, въ тѣсномъ смыслѣ этихъ понятій, инославныхъ молитвенныхъ зданій, то, принявъ во вниманіе, что по общему правилу дѣйствующаго закона (строительный уставъ ст. 143), перестройка, возобновленіе и починка инославныхъ богослужебныхъ зданій производятся безъ участія гражданской власти и предоставлены усмотрѣнію прихожанъ, при условіи разрѣшенія подлежащаго инославнаго духовнаго начальства и соблюденія техническихъ требованій строительнаго устава, и что Государство въ отношеніи инославнаго церковно-строительства заинтересовано только въ наблюденіи за вновь создаемыми инославными храмами, съ точки зрѣнія соответствія ихъ

дѣйствительнымъ интересамъ инославнаго населенія,—Министерство проектировало установить въ законѣ, что перестройка, возобновленіе и ремонтъ какъ инославныхъ, такъ и иновѣрныхъ богослужебныхъ и молитвенныхъ зданій повсемѣстно, на всякую сумму, производятся по усмотрѣнію прихожанъ, съ соблюденіемъ лишь требованій строительнаго устава объ утвержденіи фасадовъ и плановъ, въ случаѣ, если работы вызываютъ составленіе таковыхъ, и по предварительномъ соглашеніи съ Императорскою археологическою комиссіею и съ академіей художествъ, если реставрируемое богослужебное зданіе представляетъ собою монументальный памятникъ древности. Въ частности, по вопросу о сооруженіи и ремонтѣ церковно-приходскихъ зданій въ римско-католическихъ приходахъ Царства Польскаго, таковыя, на основаніи мѣстныхъ узаконеній, производятся въ томъ же порядкѣ, какъ и сооруженіе и исправленіе р.-к. богослужебныхъ зданій, и въ указанныхъ для послѣднихъ случаяхъ требуютъ разрѣшенія гражданской власти, Министерство, не усматривая основаній къ сохраненію этого порядка, проектировало подчинить всѣ эти работы усмотрѣнію самихъ прихожанъ.

По третьему вопросу Министерство признало, что существующія въ законѣ по отношенію къ сооруженію частныхъ молитвенныхъ зданій въ пользу отдѣльныхъ лицъ преимущества не соотвѣтствуютъ началамъ свободы исповѣданія. Относительно самого порядка устройства подобныхъ сооруженій, Министерство полагало, что къ нимъ не могутъ быть предъявляемы какъ техническія требованія строительнаго устава за исключеніемъ тѣхъ случаевъ, когда они представляютъ собою отдѣльныя зданія, такъ и требованіе разрѣшенія свѣтской власти, совсѣмъ не заинтересованной въ этихъ дѣлахъ. Въ данномъ случаѣ требуется лишь разрѣшеніе духовнаго начальства, такъ какъ безъ подобнаго разрѣшенія самая часовня не можетъ получить необходимаго каноническаго освященія.

Наконецъ, проектомъ намѣчены и тѣ мѣры, которыя обезпечивали бы проектированныя положенія отъ злонамѣреннаго нарушенія ихъ въ ущербъ какъ религіознымъ, такъ и государственнымъ интересамъ. Въ этомъ отношеніи Министерство признавало дѣлесообразнымъ ввести въ дѣйствіе ст. 379 и 381 уголовного уложенія, опредѣляющія взысканія за сооруженіе молитвенныхъ зданій безъ надлежащаго разрѣшенія, исключивъ изъ первой упоминаніе о сооруженіи молитвеннаго дома нехристіанскаго вѣроисповѣданія ближе установленнаго или дозволеннаго разстоянія отъ христіанскихъ церквей.

Всѣ выработанныя проектомъ положенія по вопросу о порядкѣ сооруженія, устройства, возобновленія и починки инославныхъ и ино-

вѣрныхъ молитвенныхъ зданій, сводится, на основаніи вышеизложеннаго, къ слѣдующему:

1) Сооруженіе и устройство новыхъ, предназначенныхъ для постоянного или временнаго (кантораты, подвижные престолы и т. п.) совершенія въ нихъ публичныхъ инославныхъ или иновѣрныхъ богомоленій, молитвенныхъ зданій и помѣщеній, а также перестройка существовавшихъ, если этимъ достигается возможность вмѣщенія зданіемъ большаго числа молящихся, разрѣшается губернаторомъ при условіи: а) согласія на постройку со стороны подлежащаго инославнаго или иновѣрнаго духовнаго начальства; б) согласія подлежащей религиозной общины тѣхъ вѣроученій, которыя не имѣютъ установленнаго закономъ или разрѣшеннаго специальными уставами іерархическаго устройства и в) соблюденія техническихъ требованій.

2) Въ случаѣ отступленія отъ указанныхъ въ ст. I условій, а также, если губернаторъ признаетъ производство предполагаемой постройки молитвеннаго зданія несоотвѣтствующей интересамъ мѣстнаго населенія или общегосударственнымъ пользамъ, представляетъ все дѣло вмѣстѣ со своимъ заключеніемъ на усмотрѣніе Министра Внутреннихъ Дѣлъ, который разрѣшаетъ или запрещаетъ постройку. Распоряженіе Министра можетъ быть обжаловано въ общемъ порядкѣ въ Правительствующій Сенатъ.

3) Перестройка, возобновленіе и ремонтъ инославныхъ и иновѣрныхъ молитвенныхъ зданій и помѣщеній, не соединенные съ увеличеніемъ размѣра оныхъ (см. ст. I), производятся безъ особаго на сіе разрѣшенія гражданской власти съ соблюденіемъ техническихъ требованій.

4) Сборъ пожертвованій на постройку и ремонтъ инославныхъ и иновѣрныхъ молитвенныхъ зданій и помѣщеній производится съ разрѣшенія подлежащаго начальства въ предѣлахъ подвѣдомственной послѣднему территории, а по тѣмъ вѣроученіямъ, у которыхъ не имѣется разрѣшеннаго въ законѣмъ порядкѣ іерархическаго устройства,—съ разрѣшенія губернскаго начальства въ предѣлахъ губерніи или области. Въ остальныхъ случаяхъ сборъ пожертвованій разрѣшается Министромъ Внутреннихъ Дѣлъ.

Возобновленіе пастырскихъ собраній въ г. Тифлисъ.

(Кор. „Мисс. Обзор“).

Въ зиму 190^{5/6} года пастырскія собранія тифлискаго духовенства не могли происходить вслѣдствіе полной разъединенности русскаго и грузинскаго духовенства и вслѣдствіе оставленія бывшимъ экзархомъ Грузіи, архіепископомъ Николаемъ своей паствы въ тяжкое время общественной жизни Закавказья.

Пріѣздъ новаго владыки сопровождался извѣстнымъ объявленіемъ высокопреосвященному Никону бойкота со стороны грузинскаго духовенства. Бойкотъ долго не продолжался: грузинское духовенство по прежнему обращается къ своему архипастырю со своими нуждами.

Совѣтъ миссіонерскаго духовно-просвѣтительнаго братства, въ вѣдѣніи котораго состоятъ и пастырскія собранія, счелъ удобнымъ просить владыку-экзарха возобновить пастырскія собранія. На журналѣ, совѣта братства по поводу возобновленія пастырскихъ собраній его высокопреосвященство наложилъ 19 ноября такую резолюцію: „Утверждается. Надѣюсь, что пастырскія собранія послужатъ поводомъ и почвой къ внѣшнему общенію и духовному братскому объединенію духовенства г. Тифлиса и всей епархіи: се что добро, или что красно, но еже жити братія вкупѣ (Пс. 132, 1). На первое собраніе пріѣду и я, а на прочихъ буду стараться бывать“.

Первое собраніе назначено было на 27 ноября. Помимо газетнаго оповѣщенія о собраніи и о резолюціи владыки, всему городскому духовенству была дана особая повѣстка. Но результатъ всего этого получился такой: изъ всего грузинскаго духовенства Тифлиса явилось только 4 священника и одинъ діако́нъ, каедральный соборъ во главѣ съ каедральнымъ протоіереемъ М. Ткемаладзе демонстративно отсутствовалъ, отсутствовали и всѣ видные дѣятели грузинской автокефаліи,—присутствовавшіе грузины принадлежатъ къ такъ называемому благочинію русскихъ приходо́въ. Русское духовенство было почти все. Всего на собраніи было 25 человекъ. Владыка прибылъ самъ въ братскій залъ въ назначенное время. Послѣ молитвы, прот. Сергій Городцевъ прочиталъ слѣдующій докладъ:

Начиная, съ благословенія Его Высокопреосвященства, въ этомъ году пастырскія собранія, Совѣтъ Братства поручилъ мнѣ составить краткую записку о прежнихъ пастырскихъ собраніяхъ духовенства г. Тифлиса и о желательной постановкѣ ихъ на будущее время.

Выполняя это порученіе, сдѣлаю нѣсколько предварительныхъ замѣчаній.

Нужда въ пастырскихъ собраніяхъ сознается всѣмъ духовенствомъ на всемъ пространствѣ Россійской Имперіи. Во многихъ епархіяхъ они происходятъ довольно часто, не только въ видѣ епархіальныхъ съѣздовъ, до послѣдняго времени занимавшихся преимущественно вопросами экономическаго характера, но въ видѣ собраній кружковъ пастырскихъ для вопросовъ чисто пастырскаго характера.

И кто не согласится съ тѣмъ, что настоящее переживаемое нами время, когда всѣ объединяются подъ разными флагами для работы на общую пользу, для пастырей церкви это объединеніе настоятельно необходимо и, конечно, не подъ какимъ либо политическимъ знаменемъ, а подъ тѣмъ знаменемъ, которое дано намъ при нашемъ рукоположеніи отстаивать чистое церковное ученіе отъ всякихъ посползновеній омирщить это ученіе въ теоріи ли, или въ жизни.

Мы всѣ, пастыри церкви, ясно видимъ, что настоящее смутное время преимущественно характеризуется не столько теоретическими нападками на церковь, сколько проявленіями враждебнаго отношенія къ завѣтамъ церковной жизни; страшный упадокъ нравственности замѣчается вездѣ, и не только это паденіе нравственности выражается въ увеличеніи числа преступленій, сколько и особенно въ полномъ игнорированіи того, что называется судомъ совѣсти,—когда преступники свои дѣйствія считаютъ „службою“, слѣдовательно долгомъ.

Это явленіе, повсюду замѣчаемое, ложится, конечно, на насъ, пастырей церкви, тяжелымъ пятномъ и дружная совмѣстная работа пастырей церкви прямо требуется существомъ настоящаго безотраднанаго нравственнаго состоянія общества; объединеніе пастырей, служащихъ единой Христовой церкви, является прямымъ нашимъ долгомъ предъ обществомъ, предъ нашими духовными дѣтьми.

У насъ въ Тифлисѣ пастырскія собранія бывали раньше,—сначала они были, какъ собранія исключительно проповѣдниковъ для этой спеціальной цѣли, т. е. для опредѣленія тѣхъ церквей, гдѣ должны происходить виѣбогослужебныя бесѣды, кто въ какой церкви будетъ говорить, и о чемъ должно говорить въ той или иной церкви,—въ 1904 и 1905 году пастырскія собранія, помимо своей спеціальной задачи усилить виѣбогослужебную проповѣдническую дѣятельность, устраивались для взаимнаго обмѣна мыслей и по разнымъ вопросамъ церковной жизни, прочитывались рефераты на темы церковно-общественнаго характера. Послѣднее собраніе такого характера было 11 января 1905 г.—Начавшіяся волненія и въ общественной жизни и въ духовно-учебныхъ заведеніяхъ не дали возможности къ устроенію подобнаго пастырскихъ собраній, а бывшее пастырское собраніе 13 октября 1905 г. ограничилось только распредѣленіемъ мѣстъ для

въѣбогослужебныхъ бесѣдъ и назначеніемъ проповѣдниковъ,—а такъ какъ въ это время теченіе общественной жизни принимало уже тотъ бурный характеръ, которымъ характеризуется и все внутреннее состояніе нашего государства и особенно нашей окраины даже до послѣднихъ дней, то на томъ же собраніи 13 октября 1905 г. было постановлено пастырскія собранія временно прекратить до наступленія болѣе спокойнаго времени.

Считая настоящее время сравнительно спокойнымъ, а съ другой стороны видя настоятельную необходимость пастырскаго единенія для дружной работы въ смыслѣ воздѣйствія на пасомыхъ, Совѣтъ Братства счелъ возможнымъ просить благословенія его высокопреосвященства на возобновленіе пастырскихъ собраній. Утвердивши журнальное постановленіе Совѣта Братства, владыка въ резолюціи своей написалъ: „Надѣюсь, что пастырскія собранія послужатъ поводомъ и почвой къ внѣшнему общенію и духовному братскому объединенію духовенства г. Тифлиса и всей епархіи: се что добро, или что красно, но еже жити братіи вкупѣ“.

Владыка этой своей резолюціей явно подчеркнул то извѣстное всѣмъ дѣйствительное разъединеніе, которое установилось въ епархіальной жизни послѣ майскаго 1905 года съѣзда грузинскаго духовенства, когда у грузинскаго духовенства явно выразилась тенденція объ освобожденіи грузинскаго народа отъ подчиненія русской церковной власти,—выразившаяся въ концѣ концовъ въ поданной чрезъ архіепископа Николая петиціи грузинскихъ епископовъ Святѣйшему Синоду объ автокефаліи грузинской церкви, какъ настоятельной нуждѣ и грузинскаго духовенства и всего грузинскаго народа; это желаніе грузинскаго духовенства, въ связи со сложениемъ съ себя благочинными этого званія вызвало со стороны русскаго духовенства г. Тифлиса просьбу объ учрежденіи для русскихъ приходовъ особаго благочинническаго округа и извѣстную записку объ учрежденіи, если вопросъ объ автокефаліи утвердительно разрѣшится въ Святѣйшемъ Синодѣ и на будущемъ помѣстномъ соборѣ, самостоятельной закавказской русской архіепископіи. Обѣ стороны въ данномъ вопросѣ высказались опредѣленно; разрѣшеніе этого вопроса, по указу Государя Императора, предстоить членамъ будущаго помѣстнаго собора русской церкви,—слѣдовательно, по моему личному мнѣнію, обѣ стороны въ настоящее время могутъ оставить совершенно этотъ вопросъ безъ дальнѣйшаго обсужденія, подготавливая только матеріалъ для будущаго помѣстнаго собора, такъ какъ если этотъ вопросъ сдѣлать предметомъ обсужденія на нашихъ пастырскихъ собраніяхъ, то всегда возможна страстность съ обѣихъ сторонъ,—а эта страстность естественно отзовется и на взаимоотношеніяхъ пасомыхъ,—а этого то недружелюбнаго

отношенія членовъ единой Святой церкви разныхъ только національностей мы, пастыри, и должны бояться больше всего. Помимо возможности несправедливыхъ взглядовъ и той и другой стороны, уже самая постановка этого вопроса усилитъ, и безъ того имѣющееся предубѣжденіе русскихъ въ отношеніи къ грузинамъ, а грузинъ въ отношеніи къ русскимъ; а такъ какъ, какъ и въ началѣ своего чтенія, я сказалъ про пониженіе уровня нравственности современнаго общества, такъ и теперь повторю, что нравственное состояніе пасомыхъ у насъ должно быть на первомъ планѣ,—то наши споры по этому вопросу только произведутъ деморализирующее впечатлѣніе на нашихъ духовныхъ дѣтей и слѣдовательно для пользы духовныхъ нашихъ дѣтей, за вѣчное спасеніе которыхъ мы отвѣчаемъ предъ Богомъ, этотъ вопросъ, пока мы снова братски не сольемся, какъ въ недавнее прошлое, оставить открытымъ,—а имѣя въ виду вѣчное спасеніе своихъ пасомыхъ говорить именно о современныхъ нуждахъ своей паствы,—чтобы намъ для нихъ больше сдѣлать, а не для себя.

Между тѣмъ вѣдь наше освободительное время можно характеризовать именно такимъ образомъ, что всякій спѣшить имъ воспользоваться въ своихъ выгодахъ,—и духовенство въ данномъ случаѣ, къ сожалѣнію, не составляетъ исключенія.

Наши пастырскія собранія, по моему искреннему убѣжденію, только тогда и могутъ сопровождаться благими послѣдствіями, когда мы вѣрные завѣтамъ Христа Спасителя, на первый планъ поставимъ не свои интересы, а интересы и духовныя нужды своихъ пасомыхъ. Здѣсь и грузины и русскіе одинаково увидятъ, что руководство жизни нашихъ пасомыхъ вышло изъ нашихъ рукъ,—что руководителями мірянъ являются не пастыри, а сами же міряне,—часто какая либо прокламація, уличный листокъ, рѣчь оратора опредѣляютъ направленіе очень многихъ. Недаромъ и серьезныя газеты укоряютъ духовенство въ томъ, что оно выпустило изъ своихъ рукъ то дѣло, которое и по Божескимъ началамъ и по человѣческимъ взглядамъ должно быть всецѣло въ ихъ рукахъ.

Вопросъ о томъ, какъ возстановить въ должной степени вліяніе пастырей на пасомыхъ, думаю, является самымъ жгучимъ вопросомъ для всякаго убѣжденнаго пастыря,—и если мы его поставимъ первымъ на нашихъ пастырскихъ собраніяхъ, то интересъ собраній чрезъ это не умалится. Скажутъ, что строй церковной жизни вообще у насъ такъ несостоятеленъ, что онъ требуетъ коренной реформы. Безъ сомнѣнія такъ,—и это фактъ, всѣми признаваемый; потому и помѣстный соборъ готовится. Но я позволю себѣ въ данномъ случаѣ высказаться такимъ образомъ.

Строй, конечно, строимъ. Но мы то сами вѣдь—личности; мы сами

то вѣдь стоимъ предъ Богомъ со своими личными дѣлами и умереть можемъ каждую минуту, слѣдовательно, нельзя намъ покладать рукъ, надѣясь, что будущій соборъ разрѣшитъ все; каждый день нашей жизни, какъ пастырей, требуетъ отъ насъ пастырскаго дѣла.

Быть можетъ соборъ запоздаетъ, да и не можетъ онъ, при безчисленныхъ язвахъ церковной жизни, всѣ эти язвы исправить,—вѣдь и нашъ будущій соборъ все равно выскажется въ концѣ концовъ, что отъ личности каждаго пастыря зависитъ успѣхъ, или неуспѣхъ его пастырской дѣятельности; онъ несомнѣнно облегчитъ наши формальныя обязанности и отношенія, но требовательно предъявитъ запросы нашей пастырской совѣсти.

И тогда наша пастырская совѣсть будетъ менѣе жечь насъ, когда мы коренной вопросъ—собственно сущность нашего пастырскаго дѣланія—о вліяніи на пасомыхъ въ настоящее время въ той или иной мѣрѣ сдѣлаемъ для себя яснымъ.

Говоря пространнѣе, я имѣю въ виду, стави этотъ вопросъ, слѣдующее. Главнымъ средствомъ воздѣйствія на пасомыхъ, и по ученію нашего Господа и по дѣятельности апостоловъ и изъясненію дѣятельности Господа и апостоловъ у св. отцовъ церкви, является пастырское слово; чѣмъ чаще оно раздается, тѣмъ и вліяніе церковное усиливается.

Но каждое время имѣетъ свои нужды. На какія стороны общественной жизни долженъ въ настоящее время преимущественное вниманіе обращать проповѣдникъ? Какія язвы общественной жизни преимущественно требуютъ духовнаго врачеванія? Отъ какихъ вліяній особенно нужно оберегать свою паству?

Мнѣ лично кажется, что помимо легкаго отношенія къ человѣческой жизни, выражающагося въ постоянномъ кровопролитіи, помимо грабительства, ставшаго явленіемъ обычнымъ,—на эти язвы, думаю, каждый изъ насъ не разъ обращалъ вниманіе пасомыхъ своихъ въ своихъ пастырскихъ навидательныхъ и обличительныхъ обращеніяхъ,—самая страшная язва нашей общественной жизни—это состояніе нашихъ учащихся дѣтей. Въ школахъ нашихъ происходятъ явленія, прямо невѣроятныя. Школа отъ воспитательнаго дѣла какъ бы совсѣмъ отказалась; не родители и учителя являются вершителями школьнаго направленія, а сами учащіеся. Школа въ настоящее время не приучаетъ къ труду, не приучаетъ къ почтительному отношенію къ старшимъ, не обогащаетъ солидными знаніями, не приучаетъ къ выполненію религіозныхъ обязанностей, а приучаетъ къ лѣности, приучаетъ къ самоволію, расшатываетъ дисциплину ума и воли, приучаетъ къ снисходительному (чтобы не сказать болѣе) взгляду на религіозную область жизни человѣка. И мнѣ думается, что единодушное

настойчивое пастырское слово могло бы принести здѣсь громадную пользу. Вѣдь то, что почти повсемѣстно происходитъ въ школьной жизни, является поруганіемъ всего святого, всего того, для чего собственно и дана жизнь человѣку. Изъ школы, если только подобная школьная жизнь продлится, вѣдь будутъ выходить нравственные уроды, безъ принциповъ, безъ твердаго характера,—и конечно безъ любви къ низшимъ, безъ любви къ народу. Я совершенно не склоненъ думать, что наши дѣти такъ испорчены, что исправленіе невозможно, но когда я слышу, что родители оправдываютъ дѣтей въ ихъ современномъ шатаніи, то прямо говорю, что наша обязанность, какъ пастырей церкви, вліять всею силою своего пастырскаго слова на родителей, чтобы они не являлись поощряющими своихъ дѣтей, но родительскою любовію и вліяніемъ пользовались бы какъ великимъ средствомъ къ обузданію расшатанности своихъ дѣтей. И здѣсь я говорю, конечно, не противъ реформъ въ строѣ школьной жизни, но говорю, что воспитаніе есть главнѣйшая задача и семьи и школы,—а разъ родители и школа отказались отъ этого, то пастырямъ церкви надлежитъ настойчиво напоминать эту истину. Здѣсь уже нарушеніе принципа христіанскаго—и молчать нельзя пастырямъ. Я остановилъ свое вниманіе только на одной изъ многочисленныхъ язвъ нравственнаго состоянія нашего общества; но вообще то я имѣю въ виду ту истину, что слово одного значитъ мало, слово двухъ уже больше значитъ, а если насъ будетъ очень много, то и вліяніе будетъ сильное,—и задачу пастырскихъ собраній въ дальнѣйшемъ вижу въ дружномъ обсужденіи того, что надлежитъ намъ исправлять, чтобы совмѣстными усиліями исправленіе совершалось успѣшно“.

Пренія по этому докладу велись подъ непосредственнымъ руководствомъ владыки-эксарха. Состояніе школы, согласно докладу, всѣмъ признано безотраднымъ, голоса только раздѣлились по поводу того, на кого преимущественно долженъ вліять пастырь въ своемъ словѣ на родителей, или дѣтей,—но такъ какъ вліяніе должно быть совмѣстное, то рѣшено, чтобы каждый священникъ по мѣрѣ силъ своихъ настойчиво въ своихъ проповѣдяхъ боролся съ этою язвою общественной жизни.

Затѣмъ владыка-эксархъ указывалъ на необходимость вообще усилить священникамъ проповѣдническую дѣятельность, самимъ быть прилежными въ исполненіи своихъ пастырскихъ обязанностей, въ чтеніи особенно слова Божія.

Въ концѣ собранія были намѣчены мѣста и проповѣдники: для виѣбогослужебныхъ бесѣдъ мѣстъ назначено 10 и только въ тѣхъ церквяхъ, гдѣ богослуженіе происходитъ на церковно-славянскомъ

языкъ,—все это произошло потому, что настоятели грузинскихъ церквей на собраніе не явились, а дѣйствовать на нихъ простыми предписаніями собраніе не нашло удобнымъ, предоставивши ихъ пастырской совѣсти дѣло просвѣщенія своей паствы.

Собраніе продолжалось 2 1/2 ч., окончилось молитвою,—владыка-эксархъ поблагодарилъ присутствовавшихъ и выразилъ надежду, что со временемъ и отсутствовавшіе найдутъ возможность братски дѣлиться между собою мыслями.

До Рождественскихъ праздниковъ рѣшено устраивать пастырскія собранія еженедѣльно, по понедѣльникамъ.

Дай Богъ, чтобы и грузинскіе священники подумали о томъ, что не одна автокефалія—задача ихъ пастырской дѣятельности, но и пастырское воздѣйствіе на пасомыхъ въ смыслѣ поднятія ихъ нравственнаго уровня,—а здѣсь-то и совпаденіе задачъ всѣхъ пастырей православной церкви.

С. Городцевъ.

О средствахъ борьбы противъ раскола.

Однимъ изъ весьма дѣйствительныхъ средствъ борьбы съ расколомъ является образованіе въ приходахъ кружковъ ревнителей православія. Какъ ихъ устроить, вдохнуть жизнь въ нихъ—зависитъ отъ степени церковности устроителей. Можно только сказать, что средство сіе испытанное и полезное. Одинъ батюшка пишетъ: „Съ 15—20 февраля ѣздилъ въ Г. по приглашенію о. Александра. Туда, подъ видомъ переплетчиковъ, пріѣхали расколоучители изъ Вытегорскаго уѣзда с. Шильды—отецъ и сынъ Сѣрковы. Побесѣдовали мы съ ними и съ православными... Бесѣда о причащеніи была успѣшна... Въ воскресенье 18 числа совершили мы открытіе кружка ревнителей православія“. Имѣются и официальные свѣдѣнія о вновь образовавшемся кружкѣ. Въ него, кромѣ причта входитъ 10 человекъ мѣстныхъ прихожанъ. Дай Богъ успѣха новому кружку! 12 апостоловъ побѣдили міръ своею вѣрою, 12 ревнителей православія, считая въ томъ числѣ мѣстнаго батюшку и о. діакона, надѣмся, побѣдятъ своею сплоченностію вокругъ храма Божія расколъ въ приходѣ и не страшны будутъ для нихъ никакіе Сѣрковы и Рѣдчины!“

Борьба съ расколомъ можетъ вестись не только при помощи собесѣдованій и книжныхъ преній, но главнымъ образомъ нравственно-религиознымъ подъемомъ жизни православной среды.

Конечно, книга, да еще старая, въ борьбѣ со старообрядческимъ

расколомъ — первое орудіе. Но ужель, когда нѣтъ этого орудія въ желательномъ количествѣ на рукахъ у православнаго, православіе неминуемо обречено на пораженіе со стороны своего противника? Едва-ли такъ! Правда, когда ведется *преніе* со старообрядцами, то наибольшую силу имѣютъ вещественныя, книжныя доказательства. Бываетъ, что, подобно невѣрующему ап. Томѣ, увѣрившемуся въ воскресеніи Христа только чрезъ осязаніе его тѣлесныхъ язвъ, и на собесѣдованіяхъ со старообрядцами въ правотѣ св. Церкви увѣряетъ ихъ только одна какая-либо строка изъ старой книги или даже буква „иже“, два раза написанная и самолично разсмотрѣнная въ имени Іисусъ. Но эти случаи рѣдки. И не буквою только и побѣдою на преніяхъ сильно православіе. Оно должно быть сильно прежде всего духомъ церковной жизни. Возвыситъ церковную жизнь въ приходѣ — чрезъ богослуженіе, проповѣдь, благотворительность, и расколъ ослабѣетъ. Духъ церковной жизни побѣдитъ, долженъ побѣдить духъ раскола, а также и „букву“, коюю живетъ расколъ.

Если же въ расколѣ не только буква, но есть, хотя и искаженныя, церковныя начала, — а таковыя въ немъ есть — благотворительность, уставность, крѣпость нравовъ и друг., то побѣдитъ расколъ можетъ только истинная высоко развитая церковность православной паствы во главѣ съ пастыремъ, а не бібліотека старыхъ книгъ, какъ бы богата она ими ни была. Итакъ, не въ старой книгѣ только спасеніе, хотя неспорно, и она бываетъ нужна, а въ св. Церкви православной, въ спасающемъ и спасительномъ церковномъ духѣ, который и да возбудится во всѣхъ насъ! А тогда и воинствующій расколъ для насъ будетъ безопасенъ!..

Епархіальный съѣздъ пермско-тобольской старообрядческой бѣлориницкой митрополіи.

Въ г. Екатеринбургѣ 14 и 15 января 1907 года, подъ предсѣдательствомъ старообрядческаго епископа Пермскаго и Тобольскаго, Антонія состоялся первый епархіальный съѣздъ.

На съѣздѣ участвовало 32 духовныхъ лица и 24 мірянина, — всего 56 человекъ.

Программа съѣзда была слѣдующая:

1) Обь организациіи прихода, т.-е. обь учрежденіи общины и ея управленіи по закону 17 октября 1906 года г. 2) о епархіальномъ начетчикѣ; 3) обь открытіи по приходамъ старообрядческихъ училищъ; 4) о внѣбогослужебныхъ воскресныхъ чтеніяхъ, 5) обь учрежденіи благочиній и 6) о приходскихъ судахъ, или такъ называемыхъ судахъ братскихъ.

По первому вопросу — обь учрежденіи общины — постановлено,

чтобы въ теченіе настоящаго 1907 года основать старообрядческія общины по возможности при каждомъ приходѣ, на основаніи правилъ и о всѣхъ дѣйствіяхъ по этому дѣлу доносить мѣстному епископу. Затѣмъ, до полученія отъ правительства метрическихъ книгъ, вмѣнить въ непремѣнную обязанность всѣмъ священникамъ вести необходимыя записи въ своихъ частныхъ книгахъ, а гдѣ таковыхъ не велось, завести новыя книги.

Вопросъ второй—о епархіальномъ начетчикѣ рѣшенъ въ положительномъ смыслѣ, именно: ассигнована сумма въ 1,200 руб., изъ которыхъ 600 руб. жадованья начетчику, а 600—въ завѣдываніе казначея для расходованія, по мѣрѣ надобности, на развѣды начетчика. Сумма эта должна быть внесена по разверсткѣ между всѣми приходами, и сама разверстка состоялась на сѣздѣ. Епархіальнымъ начетчикомъ избранъ А. Д. Токманцевъ.

Распорядителями дѣйствій начетчика избраны священники: о. Пименъ Петровичъ Огневъ и о. Андрей Яковлевичъ Бердышевъ; письмоводство поручено діакону о. Іоанну Сюткину, а казначеемъ избранъ Андроникъ Ефремовичъ Калининъ.

Открытіе школъ, послѣ прочтенія воззванія объ этомъ собора епископовъ, рѣшено предоставить самимъ общинамъ, по ихъ утвержденіи, а до того времени рекомендовать посылку дѣтей въ школы общія, но при этомъ священники обязаны въ учебное время два или три раза собирать дѣтей для преподаванія Закона Божія въ духѣ старообрядческомъ, а гдѣ существуютъ старообрядческія школы, то столько же разъ являться въ оныя для наставленія дѣтей въ Божіемъ законѣ.

Вопросъ о вѣбогослужебныхъ воскресныхъ чтеніяхъ разрѣшенъ также въ положительномъ смыслѣ.

При этомъ указаны и приходы, входящіе въ каждый благочинническій округъ.

Послѣдній вопросъ—о приходскихъ или братскихъ судахъ рѣшенъ въ смыслѣ желательности и полезности таковыхъ. Поэтому постановлено предложить во всей епархіи общимъ собраніямъ приходовъ о введеніи у себя братскихъ примирительныхъ судовъ, какъ объ этомъ учить великій ап. Павелъ въ посланіи къ коринтянамъ зач. 134 (въ русскомъ переводѣ I Коринѣ. гл. 6, ст. 1--8).

Кромѣ того постановлено: Екатеринбургскую братскую бібліотеку именовать епархіально-церковною бібліотекою приходовъ Пермско-Тобольской епархіи старообрядцевъ, пріемлющихъ священство бѣлокриницкой митрополии въ г. Екатеринбургѣ.

О Т К Л И К И.

Иисусъ Христосъ и социальный вопросъ.

I.

Нѣтъ сомнѣнiя, что наиболѣе жгучий вопросъ нашего времени—это вопросъ социальный въ его отношенiи къ евангелiю. Онъ занимаетъ мысли и чувства современнаго общества, заставляя послѣднее останавливаться предъ социальными проблемами и заниматься ихъ разрѣшенiемъ. Въ современной литературѣ, можно сказать, пользуются успѣхомъ почти исключительно лишь тѣ произведенiя пера и мысли, которыя такъ или иначе затрогиваютъ этотъ вопросъ и стараются дать его разрѣшенiе. Въ виду этого трудно обойти молчанiемъ книгу проф. Пибоди—„Иисусъ Христосъ и социальный вопросъ“.

Профессоръ Фр. Пибоди, представившiй наиболѣе полное и обстоятельное изслѣдованiе вопроса объ отношенiи ученiя Иисуса Христа къ запросамъ современной социальной жизни, „не придерживается въ своемъ изложенiи какой-нибудь вѣроисповѣдной точки зрѣнiя, или же научно-философской, но ведетъ свое изслѣдованiе совершенно независимо—какъ замѣчаетъ переводчикъ книги профессора—отъ той и другой точкѣ зрѣнiя... Онъ беретъ ученiе Иисуса Христа прямо, какъ оно дано въ евангелiяхъ... и на протяженiи всей своей книги всегда опирается не на отрывочныя изреченiя или отдѣльныя поступки Иисуса Христа, но принимаетъ во вниманiе всю совокупность идей Христа и, притомъ, что особенно важно, въ связи со всею Его жизнiю“¹⁾. Основная точка зрѣнiя проф. Пибоди на отношенiя Иисуса Христа къ социальному вопросу слѣдующая: Иисусъ Христосъ смотритъ на жизнь, вообще, и въ частности, на социальный миръ „сверху“²⁾, приближается къ социальнымъ вопросамъ „изнутри“³⁾ и созерцаетъ социальныя отношенiя въ „широкомъ кругозорѣ божественныхъ цѣлей“⁴⁾. Отсюда Пибоди выводитъ заключенiе, что „Хри-

1) См. „предисловіе“ переводчика къ цит. кн. проф. Пибоди.

2) Цит. соч. гл. II, стр. 71; *ibid.* стр. 74; гл. III, стр. 132; IV, 158 и 160; V, 208 и 212; VI, 240; VII, 317 и пр.

3) Гл. II, стр. 88; гл. VI, стр. 285.

4) *ibid.*

стось видить во внѣшней жизни только средство къ духовному воспитанію человѣческаго рода, который долженъ находить свою цѣль въ царствѣ небесномъ¹⁾, а потому „никакое изслѣдованіе не могло бы быть болѣе излишнимъ и обманчивымъ, какъ изслѣдованіе евангелія ради подтвержденія принциповъ современной науки. Согласіе науки и религіи въ этомъ смыслѣ столь же недѣйствительно и воображаемо, какъ согласіе поэзіи и химіи, или искусства и политики“²⁾. Но съ другой стороны, замѣчаетъ Пибоди, „ничто не могло болѣе противорѣчить ученію Іисуса, какъ ставшее общимъ представленіе, будто оно отвлекаетъ вниманіе отъ этого міра и направляетъ на иной міръ. Дѣло (служеніе) Іисуса имѣетъ значеніе столько же для этого міра, какъ и для того: „Да придетъ Царствіе Твое“ (на землѣ) молится Онъ“³⁾.

Свое сочиненіе проф. Пибоди разбиваетъ на семь отдѣловъ или главъ: вступительную⁴⁾, излагающую „исторію“ соціальнаго вопроса и его современное значеніе—въ связи съ „широкою ученія Іисуса Христа“; затѣмъ, вторую—основоположительную⁵⁾, устанавливающую „основныя соціальныя положенія въ ученіи Іисуса Христа“; далѣе — слѣдующія четыре (III—VI) главы, комментирующія ученіе Іисуса Христа: а) о семьѣ⁶⁾; б) о богатыхъ⁷⁾; в)—попеченіи о бѣдныхъ⁸⁾ и г) объ устройствѣ индустріи⁹⁾,—и наконецъ послѣднюю (VII), въ которой устанавливается „взаимоотношеніе соціальныхъ вопросовъ“ и дается отвѣтъ на вопросъ: «какъ относится, по самому простому объясненію, ученіе Іисуса Христа къ соціальному вопросу 10)?»

Профессоръ Пибоди, прежде всего, отмѣчаетъ то, что въ современномъ соціальному вопросу есть нѣчто чрезвычайное, чего нельзя обойти молчаніемъ: это его „нравственный“ характеръ¹¹⁾. Этого не отрицаютъ какъ истинные представители христіанства, такъ и лучшіе представители социализма, вслѣдствіе чего являются попытки освѣтить соціальныя вопросы съ точки зрѣнія евангелія. Правда, современные представители соціальнаго ученія стараются утверждать, что если должно возобладать лучшее соціальное устройство, то необходимо должны пасть установленія и обычаи христіанской религіи, какъ главные столпы теперешняго соціальнаго порядка“ (стр. 13, гл. 1-ая). Проф. Пибоди указываетъ лучшій исходъ или программу дѣйствій, слѣдуя которой можно выйти изъ затруднительнаго положенія предъ альтернативой: или христіанство, или социализмъ.

1) Гл. VI, стр. 240.

2) Гл. VII, стр. 301.

3) Ibid. стр. 84—86.

4) Стр. 1—60.

5) Стр. 61—104.

6) Стр. 104—154.

7) Стр. 155—191.

8) Стр. 192—229.

9) 230—287.

10) Стр. 288—307.

11) Ibid. гл. VI, стр. 316—317.

Цѣня въ социальномъ вопросѣ его нравственную основу или моральную подкладку, проф. Пибоди находить вполнѣ правильнымъ опредѣлить съ этой точки зрѣнія христіанскій характеръ социализма. «Христіанскій социализмъ,—пишетъ онъ—„принимаетъ экономическую программу социалистовъ, но онъ изъясняетъ и обосновываетъ ее съ точки зрѣнія религіи“ (ibid. стр. 42) ¹⁾. Вотъ, если на эту же точку зрѣнія станутъ и современные социаль-демократы и учителя социализма, то, быть можетъ, «если они приблизятся къ простотѣ, какая во Христѣ» (ibid. стр. 57) тогда они сойдутся съ истинно-христіански-вѣрующими.

„Исусъ прежде всего былъ не реформаторъ, но пророкъ; не агитаторъ съ какимъ-либо планомъ, но идеалистъ съ духовными воззрѣніями. Его миссія была религіозною миссіею» (гл. II, стр. 62—63). Вотъ почему никогда немислимо отождествленіе христіанства съ социализмомъ ²⁾: «Исусъ никогда не имѣетъ въ виду одно опредѣленное социально-экономическое состояніе общества, а „созерцаетъ“ человѣчество въ его дѣяніяхъ и намѣреніяхъ «въ широкомъ кругозорѣ божественныхъ намѣреній»; лишь дѣло реформатора имѣетъ значеніе для его времени, дѣло же божественнаго посланника имѣетъ значеніе для всѣхъ временъ» (гл. II, стр. 70). Но и для даннаго времени дѣло реформатора имѣетъ значеніе лишь въ томъ случаѣ, если оно освѣщается и освящается евангеліемъ. Въ современной жизни много ненормальнаго и въ современномъ социальномъ строѣ очень мало близкаго къ идеалу, но „главное значеніе въ современной социальной жизни имѣютъ... не механическія погрѣшности, но нравственныя“ (ibid. стр. 94). Это тѣмъ болѣе необходимо помнить потому, что социальный идеалъ, который постоянно и живо присутствуетъ духу Исуса—это: „царство небесное“ или „царство Божіе“, къ каковому идеалу Христосъ и ведетъ человѣчество „изнутри“. Причемъ ясно, что тутъ не разумѣется преимущественно этимъ царствомъ, апокалиптическое или эсхатологическое „царствіе Божіе“, такъ какъ если бы Исусъ былъ занятъ преимущественно этимъ царствомъ, то „Онъ не могъ бы намъ указывать потомъ на царство, которое было будто „внутри“ насъ“ (ibid., стр. 77). Вообще же въ основныя социальныя идеи ученія Исуса Христа, по проф. Пибоди, входятъ: „Взглядъ на вещи сверху, приближеніе изнутри и стремленіе къ духовной цѣли“. „Взоромъ открытой религіозной вѣры Онъ смотритъ на борющійся, блуждающій, грѣшный міръ и ус-

1) Если бы выраженіе „христіанскій социализмъ“ — писать въ другомъ мѣстѣ своей книги Пибоди,—«вздумалъ кто-либо признавать формою правленія, предписаннаго Христомъ, то все это столь же мало находило бы себѣ оправданіе въ ученіи Христа, какъ если бы кто захотѣлъ говорить о христіанской астрономіи или о христіанской наукѣ», гл. VI, стр. 287—238.

2) «Отождествленіе Христова ученія современнымъ социализмомъ—говоритъ проф. Пибоди въ другомъ мѣстѣ,—«самимъ социалистамъ никогда не казалось заслуживающимъ безусловной рекомендаціи... потому что хотя Христосъ постоянно обнаруживаетъ симпатію къ социалистическимъ цѣлямъ, все таки въ Немъ нельзя видѣть такого учителя этихъ цѣлей, на котораго всегда можно рассчитывать въ смыслѣ социализма нашихъ дней» (гл. VI, стр. 251—252).

матриваетъ въ немъ ту основную мысль, что въ социальномъ служеніи личность исполняетъ волю Божію“ (ibid. стр. 82—83).

Установивъ основныя социальныя положенія въ ученіи Иисуса Христа, проф. Пибоди переходитъ къ разсмотрѣнію отдѣльныхъ социальныхъ проблемъ,—и прежде всего, семьи, находящей свое выраженіе въ бракѣ или духовно-физическомъ единеніи двухъ лицъ.

По мысли профессора Пибоди, если социализмъ желаетъ отмѣны нынѣшнихъ ограниченій въ бракѣ, то онъ долженъ разрѣшить вопросъ о болѣе нормальной „постановкѣ“ брака и озабоченія „полигаміи“ и „свободной любви“. „Не можетъ быть большаго самообмана“,—говоритъ Пибоди,—„какъ самообманъ социалиста, воображающаго, будто мы стоимъ теперь на такомъ пунктѣ, гдѣ находятъ мѣсто всеобщее крушеніе семейной системы“ (гл. III, стр. 152). Если вѣрно то, что Христосъ не одобряетъ современныхъ нестроений въ семейной жизни и строго порицаетъ развратъ и проституцію—этихъ наиболѣе грозныхъ предвѣстниковъ совершеннаго разрушенія семейныхъ основъ, то не менѣе вѣрно также и то, что „Христосъ не допускаетъ ни одновременной, ни такъ называемой послѣдовательной полигаміи“ (ibid. стр. 129). Семья—это „объединяющее начало цивилизаціи“ (ibid. стр. 113 и 137), и на прочномъ укладѣ семейной жизни зиждется благоустройство общества, такъ что „вмѣстѣ съ устойчивостью или шаткостью, проявляемыми семьей, будетъ, по всей вѣроятности, стоять или падать и зданіе самой цивилизаціи“ (ibid. стр. 113). Правда, социализмъ не одобряетъ нынѣшняго упадка семейныхъ нравовъ и неустойчивости супружескихъ отношеній, но онъ видитъ причину этого въ ненормальныхъ экономическихъ отношеніяхъ, главнымъ образомъ. Между тѣмъ «большею частью семейная неустойчивость не есть результатъ неблагоприятныхъ экономическихъ отношеній, но продуктъ мірскихъ возрѣвій, ищущихъ счастья и успѣха внѣ дома» (ibid. стр. 144). Въ этомъ нужно видѣть причину проституціи и той прогрессирующей, ужасающей легкости нравовъ и отношеній обоихъ половъ между собою, противъ чего теперь такъ усиленно борются истинно-прогрессивные представители мужского и женскаго племени. Иисусъ не отвергаетъ, что въ бракѣ физическая любовь—это „элементъ, служащій къ духовному единенію“ (ibid., стр. 131), но именно потому бракъ и долженъ быть „не временнымъ соглашеніемъ на совместную жизнь, но дѣйствительно неразрывнымъ сляніемъ... двухъ людей въ одну плотъ, и назначенъ Христомъ для двухъ лицъ и только для двухъ, пока они живы“ (ibid., стр. 126 и 129). Каждой супружеской четѣ предносится семейный идеалъ, указанный Христомъ. „И будетъ два одною плотью... Что Богъ сочеталъ, того человекъ да не разлучаетъ (Мф. 19, 5—6). „Семья, пособственной природѣ“,—говоритъ профессоръ,—«составляетъ переходъ отъ жизни, созерцающей самое себя, къ жизни, подчи-

няющей себя. Индивидуумъ, входя въ социальное единеніе, отказывается отъ своего изолированнаго я» (*ibid.*, стр. 145). И только тамъ,—«гдѣ семья унизила на степень орудія или эгоистическихъ интересовъ или торговаго договора, тамъ не создается доброй перемѣны никакіе внѣшніе законы: если же, съ другой стороны, въ семейной жизни проявляются безкорыстная натура и тоска по духовной родинѣ, тамъ нечего рѣшать семейную проблему: она уже рѣшена» (*ibid.*, стр. 151).

Въ силу этого именно институту семьи Иисусъ Христосъ придаетъ великое, чрезвычайное значеніе, и если вѣрно то, что «къ политикѣ, къ социальнымъ установленіямъ съ большимъ, чѣмъ семья, объемомъ, даже къ богословскимъ спорнымъ вопросамъ своего времени Христосъ относится обыкновенно съ чрезвычайною сдержанностью»... то несомнѣнно вѣрно также и то, что... „семьею и обязанностями состоящихъ въ бракѣ ученіе Иисуса Христа занимается въ несравненно большей степени и входитъ здѣсь въ мельчайшія подробности“ (*ibid.*, стр. 118—119).

Разсматривая ученіе Иисуса Христа о богатыхъ (гл. IV), проф. Пибоди останавливаетъ свое вниманіе на проповѣди социализма о коммунизмѣ. Съ точки зрѣнія социализма—„всякая собственность есть воровство“ («*La propriété c'est le vol*”—говорилъ еще Прудонъ). Поэтому всѣ цѣли и стремленія социалистовъ сводятся къ уничтоженію собственности, къ устраненію нынѣшняго дѣленія людей на богатыхъ и бѣдныхъ и установленію «экономическаго равноправія» или «коммунизма». Въ оправданіе своего намѣренія „осуществить“ коммунизмъ, социалисты ссылаются на историческій примѣръ: коммунизмъ первыхъ христіанъ. Но такъ называемый „коммунизмъ пятидесятницы“ (т. е. коммунизмъ первыхъ христіанъ, который здѣсь разумѣется—„былъ добровольнымъ, особеннымъ и неповторяемымъ проявленіемъ нравственнаго подъема и духовнаго единенія, которые были присущи маленькой общинѣ во время перваго расцвѣта ея новой вѣры“¹⁾).

Если бы такимъ же самымъ способомъ былъ водворенъ и такого же самаго характера былъ „всеобщій“ коммунизмъ социализма, то „конечно, Христосъ радостно привѣтствовалъ бы новое воспламененіе вѣрности, въ силу котораго люди стали бы считать свои имущества общими, и Онъ призналъ бы забывающую себя любовь“²⁾, руководящую членами этого общества. Но трудно ожидать добровольнаго отреченія богатыхъ отъ своихъ имущества, между тѣмъ христіанство, какъ религія свободы, чужда всякаго насилія и цѣнить лишь дѣйствія и поступки, совершаемые мирными способами. То озлобленіе и ненависть къ насильникамъ, которое будетъ у богатыхъ естественнымъ слѣдствіемъ насильственнаго отобранія у нихъ имущества для водворенія коммунизма, уже говоритъ противъ цѣнности такимъ путемъ

1) См. проф. Пибоди цит. соч., гл. I, стр. 20.

2) *Ibidem*, гл. I, стр. 21.

осуществленнаго коммунизма. Нельзя спорить, что современный цивилизованный міръ поступаетъ противъ требованій справедливости, когда допускаетъ въ своей соціальной жизни непомѣрную роскошь и богатство однихъ и ужасающую бѣдность другихъ. Христосъ не одобряетъ такой порядокъ, но если Онъ часто говоритъ объ отреченіи отъ имущества и богатства (дабы вѣрѣе слѣдовать по пути въ царство Божіе), то Онъ, собственно, выражаетъ этимъ ту мысль, что лучше полное и непосредственное отречение отъ богатства, чѣмъ недобросовѣстное пользование имъ.

Для Христа, „уничтоженіе господства капитала и связанной съ нимъ денежной системы имѣетъ значеніе лишь постольку, поскольку это уничтоженіе можетъ служить высшей цѣли; безспорно, Иисусъ Христосъ признаетъ, что любовь къ деньгамъ составляетъ самую непосредственную и самую коварную опасность для христіанской жизни“ (гл. IV, стр. 180). Но съ другой стороны „Иисусъ съ поразительною ясностью признаетъ, что, при мудромъ пользованіи имуществомъ, прибыль должна возрастать, и провозглашаетъ законъ, по которому распределеніе собственности не только прямо идетъ противъ программы соціальной революціи, но и стоитъ въ большомъ согласіи съ методомъ природы“ (ibid., стр. 177). „Ибо всякому имѣющему дастся,—говоритъ Иисусъ,—а у неимѣющаго отнимется и то, что имѣетъ“ (Мтѣ. 25, 29). Иисусъ осуждаетъ жестокосердаго евангельскаго богача, но Онъ же „высказываетъ величайшую похвалу не великодушному раздаятелю милостыни, но вѣрному домоправителю, бдительному привратнику, добросовѣстному рабу“ (ibid., стр. 189). Иисусъ возвышаетъ и награждаетъ евангельскаго нищаго Лазаря за его терпѣніе въ страданіяхъ, но это не даетъ никому права смотрѣть на бѣдность, „какъ на билетъ для входа въ царство Божіе или исключать изъ него состоятельныхъ лицъ только за ихъ богатство“... (ibid., стр. 165).

Богатство можетъ быть и нашимъ другомъ, и нашимъ врагомъ: это зависитъ отъ отношенія, въ какое мы къ нему станемъ; само же по себѣ богатство ни вредно, ни полезно. Если мы можемъ дѣйствительно съ пользою—на благо ближнимъ нашими использовать богатства свои, то мы не вправѣ смотрѣть на нихъ, какъ на нѣчто враждебное намъ въ дѣлѣ устроенія своего спасенія; и только въ томъ случаѣ, если кто расточаетъ свое имущество и не имѣетъ силъ правомѣрно распоряжаться имъ,—лучше ему „быстро и безъ милосердія ниспровергнуть алтарь маммоны, чтобы не постигло его властное порицаніе: „А негоднаго раба выбросить во тьму внѣшнюю: тамъ будетъ плачь и скрежетъ зубовъ“ (Мѣ. 25, 30) (ibid., стр. 181).

Вообще, нужно сказать, что Иисусъ Христосъ одобряетъ и благословляетъ коммунизмъ, но только не соціалистическій, а христіанскій, имѣющій своимъ прототипомъ—умиляющую cadaго христіанина общину первыхъ христіанъ, увы: недостижимый по своей чистотѣ и безкорыстности для современнаго человѣчества.

Исходя изъ вышеуказанной точки зрѣнія Иисуса Христа на

богатство, какъ на орудіе, служащее цѣлямъ осуществленія Царства Божія на землѣ, проф. Пибоди держится ея и при разсмотрѣніи вопроса объ отношеніи Иисуса къ бѣднымъ (гл. V). Признавая несправедливымъ, съ христіанской точки зрѣнія, насильственнымъ путемъ „сразу“ уничтожить нынѣшнее рѣзкое дѣленіе людей на богатыхъ и бѣдныхъ, Пибоди находитъ единственный путь къ достиженію „нѣкотораго коммунизма въ экономическихъ отношеніяхъ“—въ правильной постановкѣ дѣла благотворительности. Если правильно, что Иисусъ Христосъ всегда участливо относился ко всѣмъ несчастнымъ и огорченнымъ, благотворилъ нищимъ, то не ясно-ли, что „попеченіе о бѣдныхъ“—говоритъ Пибоди—„есть самопонятная и простая часть слѣдованія за Христомъ?“¹⁾ Отъ насъ требуется не формальное отношеніе къ дѣлу благотворительности, но живая, одухотворенная постановка ея. И только „чѣмъ добросовѣстнѣе отрѣшается замѣнительная помощь отъ официальнаго характера и рутины, при которыхъ даже имена призрѣваемыхъ остаются неизвѣстными для лицъ, завѣдующихъ учрежденіями, тѣмъ болѣе приближается она къ научной благотворительности и къ ученію Иисуса Христа“ (ibid., стр. 219).

„Поднятіе бѣдныхъ“—говоритъ проф. Пибоди,—„задерживается многими ошибками въ социальномъ механизмѣ, но еще болѣе получаетъ оно препятствій отъ невѣжества, нетерпѣнія, самопревозношенія и несправедливости помогающихъ бѣднымъ; и одну изъ самыхъ чистыхъ радостей человѣческой жизни испытываютъ тѣ, кто оставляетъ въ сторонѣ великіе планы социальнаго улучшенія и терпѣливо посвящаетъ себя служенію немногимъ впадшимъ въ уныніе душамъ, а затѣмъ открываетъ, что онъ другимъ можетъ сообщать силу и поднимать ихъ до самоуваженія и надежды!“ (ibid., стр. 228—229).

Переходя къ разсмотрѣнію ученія Иисуса Христа объ устройствѣ индустріи (гл. VI), проф. Пибоди замѣчаетъ, что „Иисусъ Христосъ не высказываетъ своего сужденія объ экономическихъ программахъ, какъ бы радикальны онѣ ни были. Онъ (Иисусъ Христосъ) говоритъ только, что ни одинъ экономическій планъ, сколь много онъ ни обѣщаетъ, не подаетъ надежды на успѣхъ и прочность, пока индустриальная жизнь сначала не возвысится на степень средства нравственнаго воспитанія и не будетъ отдана Богу, какъ ввѣренный Имъ талантъ“ (гл. VI, стр. 258—259).

Какъ нельзя у Иисуса Христа искать опредѣленной социальной программы вообще, такъ въ частности, нельзя у Него найти и опредѣленнаго отвѣта по вопросу объ устройствѣ индустріи. Признавая, „что богатство и бѣдность, возникая отчасти изъ индустриальныхъ отношеній, имѣютъ еще для себя много другихъ причинъ“ (ibid., стр. 231), Пибоди въ то же время признаетъ, что, „богатство и бѣдность при господствующемъ положеніи вещей въ

1) Цит. соч., гл. V, стр. 203 .

области собственности и промышленности являются неизбежнымъ социальнымъ фактомъ“ (ibid.) Изъ этого слѣдуетъ, что надо заботиться объ измѣненіи и улучшеніи экономическихъ отношеній: „промышленный прогрессъ неизбежно ведетъ къ перемѣнѣ экономическихъ отношеній, какъ учатъ и социалисты; но ни одна частная форма индустриальныхъ установленій не имѣетъ права утверждать, что она осуществляетъ планъ, предназначенный Христомъ“ (ibid. стр., 239). Иисусъ Христосъ не даетъ никакого указанія относительно формы индустриальныхъ установленій и порядка, такъ какъ, во первыхъ, „вводитъ равенство въ экономическихъ отношеніяхъ составляетъ для каждаго вѣка новую проблему социального механизма и должно быть совершаемо новыми планами, о которыхъ Христосъ не могъ сказать что-либо определенное“ (ibid. стр. 273), а, во вторыхъ, потому что миссія Христа и Его ученіе чище и возвышеннѣе, чѣмъ миссія современнаго „мирнаго“ социалиста, а тѣмъ болѣе социаль-революціонера. Но для духа Христова ученія „не безразлично улучшение экономическихъ отношеній: напротивъ, большая часть предпріятій, внесшихъ въ индустриальную жизнь состраданіе и справедливость, вызвана тѣмъ воодушевленіемъ, которое было пробуждено ученіемъ Христа“ (ibid., стр. 276).

Цѣль евангельскаго и социалистическаго оптимизма, повидному, одна и та же: уничтоженіе ненормальнаго существованія двухъ рѣзко другъ отъ друга разнящихся общественныхъ классовъ—богатыхъ и бѣдныхъ. Но социализмъ въ уничтоженіи ставитъ цѣль, отъ осуществленія которой зависитъ развитіе и преобразование общества; Евангеліе же хочетъ, прежде всего, „сообщить своимъ послѣдователямъ нравственное мужество и чувство духовной силы“ (ibid., стр. 272). Слѣдовательно, если многіе реформаторы иногда справедливо указываютъ, какое произвели дѣйствіе на характеръ лучшія экономическія отношенія, то „ученіе Христа обращаетъ вниманіе на тѣ чудныя побѣды, которыя при самыхъ неблагоприятныхъ экономическихъ отношеніяхъ были достигнуты мужами съ крѣпкой вѣрой..., вотъ почему наслаждаются наибольшимъ экономическимъ благосостояніемъ не тѣ страны на землѣ, гдѣ природа болѣе всего благоприятствуетъ человѣку, и работа отличается наименьшею принудительностію, но тѣ, которые въ суровой борьбѣ произвели „людей“ въ подлинномъ смыслѣ этого слова“ (ibid., стр. 275). Вотъ на производство такихъ людей и направлены стремленія и цѣли Христова ученія.

Социализмъ чернитъ характеръ дѣйствительнаго міра, чтобы тѣмъ болѣе поставить на видъ противоположность между нимъ и своимъ идеаломъ, гдѣ „все будутъ контролировать всѣхъ“. Но какъ несомнѣнно вѣрно то, что „если бы контроль надъ индустріей находился въ рукахъ добросовѣстныхъ, великодушныхъ людей, тогда всякая, даже современная экономическая система оказывалась бы успѣшною и справедливою, а индустриальная революція, кажущаяся нынѣ многимъ людямъ безусловно неизбежною, могла бы стать совершенно ненужною“ (ibid., стр. 259), точно такъ же несомнѣнно вѣрно и заключеніе Пибоди къ этой главѣ,

что „если теперешнюю экономическую систему, господствующую въ индустриальномъ мірѣ, должна ниспровергнуть революція, то желающіе новаго индустриальнаго строя должны строить его на основныя мысляхъ ученія Іисуса Христа, если хотять, чтобы новый строй былъ проченъ на продолжительное время; но если бы мы достигли того, чтобы основныя мысли Христова ученія проникли въ нынѣшнюю экономическую систему, то ни о какой революціи въ области индустрии не могло бы быть и рѣчи“ (ibid., стр. 286—287).

Въ послѣдней (VII) главѣ своей книги проф. Пибоди, разсматривая взаимоотношеніе социальныхъ вопросовъ, устанавливаетъ слѣдующее: „научное положеніе о взаимоотношеніи современными словами выражаетъ тоже самое, что и ученіе Іисуса, что именно служеніе самому меньшему изъ братьевъ принимается, какъ ученичество, какъ послѣдованіе Ему“ (гл. VII, стр. 303). Всѣ социальные вопросы имѣютъ одинъ источникъ и одну цѣль, и „въ современной жизни нѣтъ ничего болѣе прекраснаго или героическаго, какъ способность управлять социальнымъ механизмомъ, не теряя при этомъ нравственной жизненности и вѣры“ (ibid., стр. 310). Несомнѣнно, что социальный механизмъ безъ нравственной силы есть просто мертвая рутина или самообольщеніе, какъ машина, на проектъ которой человѣкъ всю жизнь свою потратилъ, и которая однако-же въ заключеніе не хочетъ двигаться (ibid., стр. 307—308).

Коснувшись вопроса о взаимоотношеніи социальныхъ вопросовъ нашего времени, проф. Пибоди не могъ не коснуться вопроса о значеніи участія Церкви въ освободительномъ движеніи. „Сообразно съ ученіемъ Іисуса, говоритъ Пибоди, специальная проблема христіанской церкви въ вѣкъ социальныхъ вопросовъ состоитъ въ томъ, чтобы социальному движенію сообщить ту социальную силу, которая проистекаетъ изъ ученія Іисуса“ (стр. 314). Не даромъ Самъ Іисусъ Христосъ говоритъ апостоламъ: „потому узнаютъ всѣ, что вы Мои ученики, если будете имѣть любовь между собою“ (Іоанн. 13 гл. 35 ст.).

И такъ, только подъ благотворнымъ вліяніемъ ученія Христова, которое есть „полнота благодати и истины“, подъ животворнымъ дѣйствіемъ лучей христіанства можетъ взойти на нивѣ челоѣчества чистая пшеница, безъ примѣси плевель. Только это божественное ученіе можетъ вести челоѣчество къ большому и большому нравственному прогрессу, отъ котораго зависитъ и всякій социально-экономическій прогрессъ.

С. Попесло.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Сдѣланное „Нов. Вр.“ предостереженіе по адресу реформаторовъ церковнаго строя газета „Заря“ назвала „громкимъ и очень опредѣленнымъ окрикомъ“, а „Мисс. Обзор.“—(окрикомъ) „болѣе, чѣмъ яснымъ, но... совсѣмъ уже неканоническимъ“. (См. „Мисс. Обзор.“ № 5, въ ст. В. Скворцова—„Къ исторіи возстановленія патріаршества“).

Изъ провинціальныхъ газетъ первыми привѣтствовали идею возстановленія патріаршества и уничтоженіе оберъ-прокуратуры при синодѣ „Волянь“ № 65 и „Астраханскій Листокъ“ № 64 (обѣ отъ 25 марта) и „Кіевское Слово“ № 6,189 (отъ 26 марта). Послѣднее, впрочемъ, какъ выше отмѣчено, чрезъ три только дня высказалось и противъ возстановленія патріаршества.

Высказываясь за возстановленіе патріаршества, періодическая печать высказывала и свои *ria desideria* относительно объема и значенія власти и авторитета патріарха въ управленіи русскою церковью, или—сказать иначе—изображала типъ будущаго нашего патріарха.

„Новое Время“ въ статьѣ: „Разница именъ или разница вещей“. (№№ 10,438), отъ 27 марта, повторивъ еще разъ мысли свои на тему о преобладаніи въ св. синодѣ чиновническаго элемента надъ духовнымъ, высказало увѣренность, что „возстановленіе патріаршества будетъ не перемѣною титула, а возстановленіемъ,—ну, хотя бы митрополичьяго авторитета въ древнихъ московскихъ предѣлахъ, какъ оно существовало до патріаршества¹⁾. Патріархъ „всея Руси“ простретъ юрисдикцію свою на обще-русскія дѣла, духовенство впервые получитъ въ свое самостоятельное завѣдываніе то, что можно было бы назвать „духовною политикою“ или „программою Россіи въ духовныхъ дѣлахъ“.

Газетѣ „Русь“ очень не понравилось появившееся въ другихъ газетахъ сообщеніе о томъ, что патріархъ будетъ избранъ епископами на точномъ основаніи существующихъ канонѣвъ. Жизнь ушла далеко впередъ и нельзя направлять ее по канонамъ, созданнымъ много вѣ-

¹⁾ Считаемо необходимымъ замѣтить, что „Нов. Вр.“ совершенно ошибочно думаетъ, будто бы авторитетъ митрополита „всея Руси“ былъ меньше, ограниченнѣе авторитета патріарха „всея Руси“. Дѣло надо представлять совершенно наоборотъ. Авторитетъ перваго былъ значительно больше авторитета послѣдняго. И это единственно потому, что при митрополитахъ власть свѣтская не имѣла еще такой силы и значенія, которыя приобрѣла она въ періодъ патріаршества. (Проф. Н. Каптеревъ). Инымъ изъ ученыхъ власть патріарха въ древней Руси представляется совсѣмъ даже ничтожною. „Наше московское патріаршество въ моемъ воображеніи, говоритъ, напримѣръ, профессоръ Завитневичъ,—рисуетъ въ образѣ плавающего въ воздухѣ „мыльнаго пузыря“ („Пет. Лист.“ № 167-й, 1906 г.).

ковъ тому назадъ. „Намъ нужно,—доказываетъ „Русь“,—возрожденіе патріарха не какъ археологическое возвращеніе къ старинѣ. Еще въ XVII в.,—продолжаетъ газета, — патріархъ на осленкѣ вѣзжалъ въ Кремль, и царь велъ за поводъ его осленка. Возстановленіе каноническаго патріарха, по ея мнѣнію, произвело бы на всѣхъ такое же впечатлѣніе, какъ возстановленіе подобнаго, уже ушедшаго вглубь вѣковъ обычая“ (№ 78 отъ 27 марта). Къ этому мнѣнію „Руси“ вполнѣ присоединяются и нѣкоторыя другія газеты. „Кіевское Слово“, напримеръ, говоритъ, что возвратъ къ среднимъ вѣкамъ немислимъ, что „попытка возстановленія каноническаго патріарха вызоветъ лишь озлобленіе и отторженіе... Роль современнаго патріарха, повторяетъ эта газета слова „Руси“, должна быть строго опредѣлена въ соотвѣтствіи съ условіями нашей „текущей“ жизни. Устранять ее по старымъ канонамъ—мало чѣмъ будетъ лучше, чѣмъ духовенству жить по Петровскому регламенту“ (№№ 6,294 за 1905 г.).

Въ „Русск. Листѣ“ (№ 84 отъ 27 марта) передается мнѣніе прот. Н. П. Добротворскаго (бывшаго одно время ректоромъ духовной семинаріи), который сущность церковной реформы полагаетъ въ томъ, чтобы установить непосредственное общеніе мірянъ съ пастырями и пастырей съ Верховною Властью, что было завѣщано устроителями православной церкви. Если для этого понадобится возстановленіе патріаршества, то избраніе патріарха должно совершиться на помѣстномъ церковномъ соборѣ и не одними архіереями, что не удовлетворило бы духовенство и народъ. Для рѣшенія текущихъ дѣлъ при патріархѣ долженъ быть постоянный совѣщательный органъ въ видѣ синода, въ составъ котораго должны войти выборные на ежегодныхъ помѣстныхъ соборахъ, созываемыхъ по митрополіямъ.

Мысль о Добротворскаго о необходимости установить непосредственное общеніе пастырей церкви съ Верховною Властью, что наиболѣе было бы удобно и соответствовало завѣтамъ старины, при посредствѣ патріарха, высказана была многими писателями и публицистами. Ее, между прочимъ, раздѣляетъ и преосвященный нарвскій Антоній. Въ статьѣ „На зарѣ“, напечатанной въ „Нов. Врем.“ (№ 10,431-й отъ 20 марта), епископъ этотъ, привѣтствуя обращеніе св. синода къ Царю съ просьбою о соизволеніи „на избраніе всероссійскаго патріарха“, мыслить роль этого послѣдняго, какъ „богомольца и теплаго печальника за страждущую отчизну предъ престоломъ и трономъ земнымъ“... Необходимо, однако, сказать, что рѣчи обо всемъ этомъ гораздо большее впечатлѣніе могли производить до установленія въ нашемъ государствѣ новаго политическаго строя. Теперь „печалованіе“ предстоятеля Русской церкви за Русскую землю уже не можетъ имѣть того практическаго значенія, какое оно могло имѣть, когда Верховная Власть

олицетворялась у нас однимъ лишь Царемъ самодержавнымъ и неограниченнымъ, безъ Государственной Думы. Это едва ли требуетъ особаго разъясненія. И думается, что еслибы предвидѣлся установленный нынѣ новый политическій строй государства, то мы, вѣроятно всего, и не услышали бы большинства рѣчей — и нужно добавить, — вообще симпатичныхъ, а иногда и очень трогательныхъ, — о „печалованіи“ церковной власти предъ царскою „за Русскую землю“.

Восторженно привѣтствуется идея возстановленія патриаршества въ „Варш. Дневникъ“ (№ 86, отъ 27 марта въ статьѣ Н. Н. Ак.: „Кесарево — Кесареви, а Божіе — Богови“). — „Іерархи, ходатайствующіе нынѣ о возстановленіи древняго патриаршества, говорится здѣсь, являются выразителями мнѣній большинства“ духовенства и истинно-русскихъ людей, сознающихъ ненормальность будто бы „господствующаго“ положенія церкви и стремящагося возвратитъ ей ея нормальное каноническое положеніе. Въстѣ съ симъ іерархи эти являются „выразителями и громаднаго большинства истинно православныхъ людей, стремящихся увидѣть родную церковь не „господствующею“ прислужницею чиновничества, а независимую отъ постороннихъ, Богомъ указанныхъ ея задачъ соображеній.. Дай же, Господи, поскорѣе дожидаться свѣтлаго праздника — всероссійскаго собора, избирающаго „печальника и молитвенника русской земли и возстановляющаго живую жизнь церкви, превращенной двѣсти лѣтъ назадъ въ „православное вѣдомство“. „Русское Дѣло“ въ особомъ прибавленіи помѣстило сообщеніе М. А. Новоселова, прочитанное въ одномъ частномъ собраніи въ Москвѣ, подъ заглавіемъ: „О воссозданіи живой церковности въ Россіи“. По мнѣнію г. Новоселова, верховной властью данной церкви является помѣстный соборъ, а патриархъ есть власть исполнительная. — Въ томъ же прибавленіи къ „Р. Дѣлу“ приводится мнѣніе Н. А. Заозерскаго (изъ его труда: „О средствахъ усиленія нашей церковной власти“), который во главѣ церковнаго управленія ставитъ также помѣстные соборы, ибо источникъ церковной власти въ мѣстной церкви только въ нихъ. Соборъ даетъ наставленіе той управительной власти, которая ставится вмѣсто нынѣшняго синода. Эту управительную власть долженъ представлять патриархъ съ синодомъ, при чемъ въ синодѣ должны быть также не только лица разныхъ чиновъ священства, но и міряне, хорошо знающіе дѣла. Патриархъ долженъ имѣть непосредственное сношеніе съ главою государства. (См. „Бирж. Вѣд.“ № 8,744, отъ 28 марта). — „Слово“ въ № 109, отъ 28 марта, помѣстило письмо одного священника Л., заключающее въ себѣ, между прочимъ, требованіе, чтобы кандидатами въ патриархи явились отнюдь не бывшіе или настоящіе члены св. синода, а простые епископы, которыми непременно должны стать митрополиты и архіепископы, отка-

завшись отъ этихъ сановъ, ради служенія церкви Христовой, наравнѣ съ простыми епископами были и достойнѣйшіе изъ блага духовенства, но нѣкимъ образомъ монахи. Другой священникъ (о. Николай) въ той же газетѣ и въ томъ же № пишетъ: „хотятъ патріарха—это недурно. Но горе, горе, если этотъ патріархъ замѣнитъ только оберъ-прокурора синода, тогда... надѣтъ рясу на оберъ-прокурора и вся реформа“. Сказавъ далѣе, что реформу нужно начинать съ низшей единицы — прихода, и что задачею реформы необходимо поставить предоставленіе возможно большаго участія въ дѣлѣ церковнаго управленія мірянамъ-христіанамъ, безъ которыхъ рядовое духовенство „сотрутъ, принизятъ и закрѣпостятъ или о.о. протоіереи или, о.о. черные архимандриты, онъ утверждаетъ: „Мы боимся больше своихъ, чѣмъ мірянъ. Если при патріархѣ будетъ синодъ, изъ кого, вы думаете, онъ будетъ состоять? Изъ о.о. украшенныхъ... вы думаете, образованіемъ? ничуть нѣтъ,—больше крестами,—изъ рабовъ предъ высшими, а предъ низшими изъ недоступныхъ деспотовъ... Пусть будетъ патріархъ (но не папа), т. е. просто епископъ съ титуломъ патріарха, избранный церковію (лучше, если $\frac{2}{3}$ народа и $\frac{1}{3}$ духовенствомъ). При немъ (не знаю зачѣмъ) хотятъ синода. На что онъ нуженъ? Онъ очень нуженъ, если онъ не будетъ его канцеляріей, да и то только въ патріаршей области, а для церкви онъ совершенно не нуженъ. Патріархъ тогда полезенъ и тогда не горшее зло, если онъ не будетъ единоличнымъ главою, а будетъ только предсѣдателемъ повременныхъ соборовъ,—равнымъ съ прочими членами собора. И тогда будетъ благо отъ патріарха“.—Ту же мысль, что въ „Словѣ“, высказалъ священникъ (о. Николай), въ „Моск. Вѣд.“ (№ 91 отъ 2 апрѣля) высказалъ „Мірянинъ“. Онъ утверждаетъ, что многихъ изъ находящихся въ оградѣ церковной невольнo смущаетъ и тревожитъ вопросъ: не поставлены ли будутъ преобразовательныя работы въ такія условія, что у насъ, вмѣсто единодержавія прокурорскаго, наступитъ единодержавіе патріаршее? Противъ дарованія одному изъ іерарховъ церкви оберъ-прокурорскихъ правъ, что свело бы практическое значеніе реформы высшаго церковнаго управленія къ нулю, въ періодической печати высказалось немало голосовъ.

Въ виду циркулировавшихъ въ мартѣ мѣсяцѣ 1905 г. (до Высочайшаго повелѣнія св. синоду на всеподданнѣйшемъ его докладѣ о созваніи собора енархіальныхъ епископовъ для учрежденія патріаршества и для обсужденія перемѣнъ въ церковномъ управленіи) въ обществѣ и печати слуховъ о томъ, что будто бы св. синодъ принципиально рѣшилъ избраніе патріарха весною же того года, проф. моск. дух. академіи В. Мышцынъ въ „Богосл. Вѣстникъ“ (за мѣс. апрѣль) доказывалъ, что переустройство церковнаго управленія можетъ со-

вершиться только каноническимъ путемъ. „Каноническій же путь церковнаго переустройства лишь одинъ и онъ слишкомъ ясенъ и слишкомъ хорошо извѣстенъ. Этотъ путь есть общероссійскій соборъ всѣхъ епископовъ“, съ правомъ участія на немъ мирянъ. „Избраніе патріарха можетъ состояться лишь на такомъ соборѣ“, а не на какомъ-либо случайномъ и незначительномъ собраніи епископовъ, каковое представляетъ и нынѣшній синодъ.—„Одесскій Листокъ“ (въ № 6,606, отъ 1 апрѣля) высказывается въ томъ смыслѣ, что избраніе патріарха должно совершиться на церковномъ соборѣ, но такомъ, который выражалъ бы „настроеніе всего русскаго духовенства (а не только его главарей) и мирянъ, которые не могутъ не быть заинтересованы въ томъ, чтобы церковь стояла на должной высотѣ“. Относительно „типа патріарха“ газета держится того мнѣнія, что патріархъ долженъ быть „главою церкви въ непосредственномъ смыслѣ этого слова“, т. е. его компетенція должна ограничиваться исключительно сферою только церковныхъ интересовъ.

Просто, если не для курьеза, то только для контраста голосамъ печати, требующимъ возстановленія на Руси патріаршества путемъ каноническимъ, укажемъ на одинъ совершенно оригинальный голосъ свѣтской прессы, поданный со столбцовъ „С.-Петербург. Вѣдомостей“ (№ 43). Нѣкто „Русскій патріотъ“ высказалъ здѣсь, „что на дѣла русской церкви долженъ обратить вниманіе русскій (хорошо, что хоть не германскій, — замѣчаетъ на это г. Гринякинъ въ „Мисс. Обзор.“) министръ внутрен. дѣлъ. Возстановить дѣйствіе церковныхъ канонъ—прямая и первая обязанность гражданской власти... О возстановленіи у насъ патріаршества „долженъ позаботиться всѣмъ помышленіемъ своимъ русскій министръ внутреннихъ дѣлъ...“

„Правосл. Русское Слово“ за мѣсяць апрѣль 1905 года (№ 7) помѣстило довольно обширную (20 стр.) статью подъ заглавіемъ — „О соборности церкви въ связи съ вопросомъ о возстановленіи всероссійскаго патріаршества“. Авторъ этой статьи, обозначившій себя: „Не изъ 32-хъ, но съ 32-мя“, на основаніи главнымъ образомъ богословско-историческаго матеріала, высказалъ рядъ сужденій по вопросу о церковной реформѣ. Мы приведемъ здѣсь лишь тѣ, которыя относятся до возстановленія патріаршества.

По убѣжденію автора, „каждый православный христіанинъ долженъ не только желать, но и всемѣрно содѣйствовать скорѣйшему слышанію обще-церковнаго голоса и, при царящей у насъ повсюду смутѣ, послѣдній теперь важенъ, чтобы не сказать—неотложно—необходимъ. Вспомнимъ по этому случаю, продолжаетъ онъ, свое родное прошлое, а именно время установленія всероссійскаго патріаршества,—вспомнимъ не ради знаменательной исторической параллели съ настоя-

щимъ, а по той причинѣ, что, не вѣдая прошлаго, мы не опредѣлимъ задачъ и своего будущаго; историческій прогматизмъ—существенное условіе человѣческаго прогресса. Разсуждая о патріаршемъ служеніи святѣйшихъ Іова и Гермогена съ современнымъ имъ духовенствомъ, высокопреосвященнѣйшій Филаретъ, архіепископъ Черниговскій пишетъ слѣдующія назидательныя строки: „Чудны судьбы Божіи. Патріаршество явилось въ церкви русской въ такое именно время, когда власть патріарха всего болѣе могла быть полезною для церкви и отечества. Разумѣемъ страшное время самозванцевъ, когда въ волнахъ безначалія и чужеземной власти совсѣмъ готова была погибнуть Россія, и когда личность патріарха, пользовавшагося самымъ высокимъ уваженіемъ въ Россіи, почти одна направляла дѣйствія народа ко спасенію Россіи“. *) Надъ этими словами церковнаго историка, говоритъ авторъ цитуемой статьи, слѣдуетъ призадуматься и не забывать ихъ уже по одному тому, что историкъ этотъ—мужъ великаго совѣта. Правда, сравненіе не доказательство; но безспорно и то, что прочная историческая жизнь создается подъ непремѣннымъ условіемъ „справки“, дѣлаемой современниками „у прошлыхъ родовъ, и проникновенія въ наблюденія отцовъ ихъ“. Эти слова о значеніи и необходимости справокъ у „прошлыхъ родовъ“ донеслись до насъ изъ глубины отдаленнѣйшихъ вѣковъ и произнесены однимъ изъ друзей Іова (Валдадомъ Савхеяниномъ): „вопроси, предлагалъ онъ Іову, рода перваго, изслѣди же по роду отцовъ“ (Гл. VIII, стр. 8).—Отстраняя возраженіе, что проектируемый „запискою 32-хъ“ строй церковнаго управленія „клонится къ папизму“, авторъ говоритъ, что для „папизма“ у насъ нѣтъ почвы и что еслибы какимъ-либо образомъ на первосвятительскомъ престолѣ русской церкви возсѣлъ римскій папа, то съ этимъ первосвятителемъ случилось бы то-же, что съ „гордыми пальмами аравійской земли“, попавшими въ сѣверныя оранжереи... Папизмъ, продолжаетъ авторъ, только и возможенъ въ Римѣ, что и доказывается хотя бы авиньонскимъ плѣненіемъ папъ, оказавшимся, по завѣренію одного р.-католическаго историка (Гергенретера), полезнымъ въ томъ отношеніи, „что римляне должны были получить спасительный опытъ, что такое ихъ городъ безъ папы“... Съ учрежденіемъ патріаршаго достоинства, характеръ церковнаго управленія въ существѣ своемъ будетъ тотъ же, какой былъ въ первенствующей церкви и каковъ онъ теперь въ православныхъ церквахъ Востока, имѣющихъ патріарховъ съ подчиненной имъ лѣстницею архіерей-

*) И. Р. Ц. пер. четв., „Патріаршество“ (изд. 4-е. Черниговъ. 1862 г., стр. 19).

скихъ степеней. Въ патриаршихъ церквахъ, какъ это было и въ первенствующей церкви, высшею законодательною и судящей властью являются соборы.—Въ дальнѣйшей своей рѣчи авторъ возражаетъ на доводы г. Скальковскаго противъ восстановленія у насъ патриаршества. (Ст. г. С-го напечатана въ „Н. Вр.“ отъ 4 апр. № 10446). Между прочимъ, онъ доказываетъ, что духовная „бюрократія“, тормозившая развитіе церкви, „осетры“ этой бюрократіи происходили вовсе не изъ поповичей и дѣтей церковниковъ, какъ утверждаетъ г. Скальковскій, и что если существующій у насъ св. синодъ одобрили восточные патриархи, то этотъ аргументъ ничего не доказываетъ, такъ какъ восточные же патриархи одобрили и всероссійское патриаршество.—Въ концѣ своей статьи авторъ приводитъ взглядъ на разсматриваемый предметъ покойнаго проф. прот. А. И. Иванцова-Платонова, по взгляду котораго „опасаться отъ патриаршей власти какихъ-нибудь столкновеній съ государственной властью нѣтъ основаній. Частный примѣръ столкновенія Никона, и можетъ быть не столько съ царской властью, сколько съ боярскимъ высокоуміемъ, по мнѣнію этого ученаго, ничего не доказываетъ. И въ древней Византіи патриаршая власть никогда не являлась серьезною соперницею государственной власти... При правильной постановкѣ патриаршей власти, несомнѣнно, много можетъ быть пользы и для внутренняго развитія церковной жизни. Уже одно то важно, что во главѣ церкви будетъ стоять одинъ высшій пастырь, считающій себя отвѣтственнымъ за правильное направленіе церковныхъ дѣлъ и порядковъ“. Плѣняла и этого ученаго мысль о непосредственномъ доступѣ патриарха къ царю. „Восстановленіе патриаршества, требуется, по мнѣнію о. профессора, и самымъ вышнимъ положеніемъ и значеніемъ русской церкви среди другихъ православныхъ церквей“. Оно можетъ оказаться также необходимымъ для болѣе правильнаго развитія отношеній нашей церкви къ другимъ православнымъ церквамъ“.

Въ №-рѣ 19-мъ „Церк. Вѣстника“, отъ 12 мая, архим. Михаилъ поставилъ темою для своей статьи вопросъ: „Первосвятитель“ или „первоприсутствующій“? О. Михаилъ доказываетъ, что необходимо именно „первосвятитель“, а не „первоприсутствующій“. Сказавъ, что „первосвятителя“ требуетъ „канонъ“, который „во всемъ его объемѣ“, вовсе не есть безразличныя, случайныя формы благочинія, или церковнаго порядка, въ родѣ того или другаго покроя церковной одежды или храмовой архитектуры, онъ далѣе доказываетъ, что первосвятительство нужно и по существу дѣла. „Первый епископъ въ канонической системѣ—самостоятельный и необходимый дѣятель (факторъ) церковнаго строенія, съ своей особой задачею и областью дѣйствования. Его мѣсто въ системѣ велико и серьезно. Нужно особенно пом-

нить, что въ церкви, кромѣ епископовъ и церковной, правящей организаціи, есть народъ и власть. Для этой половины необходимо нуженъ всероссійскій епископъ. Народъ никогда не можетъ свои чаянія воплотить въ синодъ, т. е. „многоликомъ соборъ“. Онъ жаждаетъ видѣть церковь воплощенной въ ея верховномъ епископѣ, какъ главномъ духовномъ руководителѣ всего народа, съ правомъ къ народу говорить отъ своего лица, какъ духовной главы его“. Признавая справедливымъ заявленіе г. Тихомирова, что отсутствіе первенствующаго епископа сознается русскимъ народомъ, какъ недостатокъ „нужнаго свѣточа“ или церковнаго авторитета, о. Михаилъ говоритъ, что необходимо еще тѣснѣйшее, непосредственное общеніе церковной власти съ Государемъ. При этомъ о. Михаилъ выясняетъ особое побужденіе къ такому общенію. „Мнѣ кажется, говоритъ онъ, церковная жизнь народа, его вѣрованія есть интимнѣйшія „святая святыхъ“, которыя и вѣдомы только церкви, какъ ея духовнику. И ясно, поэтому, что передаваться Государю эта жизнь можетъ только тѣмъ, кому вѣрена тайна ея; передача черезъ какое бы то ни было посредство убиваетъ смыслъ духовныхъ отношеній между народомъ, церковію и главою народа, Государемъ. И потому нуженъ первосвятитель. „Первоприсутствующій“ же, какъ представитель синода, можетъ быть только дѣловымъ докладчикомъ, а не посредникомъ и представителемъ народа.

Но нужно ли и важно ли имя патріарха? спрашиваетъ авторъ и отвѣчаетъ: нужно и важно. „Здѣсь, говоритъ онъ, дѣло идетъ не о славѣ, не о „гремящемъ титулѣ“. Нѣтъ, дѣло идетъ о границѣ, „вѣхахъ“ новой церковной жизни. Мы не хотимъ говорить, какъ иногда говорятъ, будто со временъ Петра церковь въ параличѣ. Нѣтъ. Въ это время жили св. Тихонъ и Серафимъ, въ это время писали А. С. Хомяковъ, Самаринъ и т. д. Но въ то же время ясно, что съ освобожденіемъ церкви для нея настанетъ „новое лѣто“ свободной, интенсивной и благородной работы, время сѣянія, и нужно поставить вѣху на границѣ этого „новаго“. Народъ, въ глазахъ котораго измѣненіе „основъ“ учрежденія необходимо должно выразиться и перемѣной одеждъ, равно какъ и старообрядцы, „перемѣны въ строѣ синода не замѣтять, не схватывать, по крайней мѣрѣ сразу. Имъ нужно яркое и видимое, чтобы они поняли перемѣну и ради нея перемѣнили свое отношеніе къ церкви“.

Толки о „возстановленіи“ въ русской церкви патріаршества естественно вызывали на память исторію „учрежденія“ у насъ патріаршества. Защитники идеи патріаршества доказывали, что патріаршество явилось на Руси не по случайной „мысли“ Бориса Годунова, а какъ слѣдствіе историческаго хода жизни русскаго государства и

церкви. Держащіеся такого взгляда подкрѣпляютъ себя авторитетомъ извѣстнаго русскаго церковнаго историка, митр. Макарія. (Напр. „Южн. Край“, № 845-й отъ 15 мая, статья Н. Ш—ва).

Уже изъ однихъ темъ, которыя брали для себя иные изъ защитниковъ идеи возстановленія патриаршества на Руси, можно заключить, о значительной долѣ того, что высказывалось въ периодической печати противъ этой идеи. Мы видѣли, что иные, доказывая необходимость возстановленія патриаршества, обрисовывали типъ будущаго патриарха подъ вліяніемъ опасеній, какъ бы изъ русскаго патриарха не вышелъ русскій всемогущій папа. Вотъ эти опасенія насадить на Руси, вмѣсто желаемаго патриаршества, папизмъ, исключаяющій въ управленіи церковію начало соборности и являются для многихъ статей исходною точкою въ ихъ доводахъ противъ возстановленія у насъ патриаршества. Въ оправданіе заявленной нами объективности въ передачѣ сужденій печати объ идеалахъ высшаго управленія русскою церковію, поставляемъ для себя долгомъ особо изложить мысли, предостерегающія отъ увлеченія идеею патриаршества или отвергающія ее, какъ бесполезную для цѣли, которою хотятъ ее оправдать и даже вредную.

Такія мысли стали высказываться въ печати съ самаго же начала толковъ о возстановленіи патриаршества и—на что слѣдуетъ обратить особое вниманіе—нерѣдко въ тѣхъ самыхъ органахъ, которые раньше горячо привѣтствовали идею этого возстановленія. Перемѣна иныхъ газетъ во взглядахъ на предметъ совершилась съ быстротою положительно неожиданныю.

Какъ намъ уже извѣстно, „Нов. Время“ въ №-рѣ отъ 19 марта старалось выяснитъ всемогущество оберъ-прокурорской власти въ св. синодѣ, подавляющее авторитетъ представителей въ немъ церкви и отсюда необходимость имѣть во главѣ церкви лицо съ особеннымъ авторитетомъ по самому его положенію, т. е. патриарха. При этомъ настойчиво рекомендовало не бояться стараго „пугала“—повторенія исторіи Никона. „Власти, особенно чрезмѣрной, говорило оно, духовенство уже никогда не получитъ. Просто—не та цивилизація, не тотъ фазисъ исторіи“. Но уже чрезъ пять только дней (25 марта) въ той же газетѣ появилась статья, доказывающая, что опасеніе онаго „пугала“ закралось и въ нее, почему она, какъ тоже намъ уже извѣстно, направила по адресу реформаторовъ церковнаго строя очень опредѣленный, внушительный окрикъ: „въ дѣлѣ реформы, въ цѣляхъ ея—какъ можно дальше отъ сходства съ Никономъ... подалее даже и отъ подражанія Филарету Московскому... иначе вся

Русь повернется фронтомъ противъ возстановленнаго сана“. Спрашивается, зачѣмъ бы было газетѣ дѣлать этотъ „окрикъ“, если бы по нынѣшнимъ временамъ, по духу нынѣшней цивилизаціи она не находила возможнымъ даже и предположить какихъ-либо, напримѣръ, „поползновеній духовенства къ аристократичности“? Въмѣсто поползновеній къ аристократичности, газета рекомендуетъ нашему духовенству проявить „нѣкоторый видъ духовной демократіи“, что, по ея мнѣнію, сдѣлало бы всѣхъ русскихъ ихъ друзьями.—Еще чрезъ нѣсколько дней (въ №-рѣ отъ 4 апрѣля) та же газета помѣщаетъ обширную статью К. Скальковскаго, специально направленную противъ возстановленія патриаршества. (Какъ намъ уже извѣстно, статья эта подвергнута была критическому разбору въ „Правосл.-русск. Словѣ“). По мнѣнію г. Скальковскаго, проектъ возстановленія патриаршества принять публикою съ восторгомъ потому, что онъ есть проектъ „досадительный вѣдомству православнаго исповѣданія“. По этой будто бы, причинѣ, онъ отнесенъ даже „къ числу радикальных“ хотя въ немъ „за новое и свѣжее предлагается очень старое и подкрѣтое“. К. А. Скальковскій убѣжденъ, къ тому же, что „будущій патриархъ на Руси, сидящій на казенномъ жалованьи, будетъ не многимъ вліятельнѣе нынѣшняго первоприсутствующаго члена синода“ и потому ждать отъ него большихъ благъ, въ смыслѣ свободы церкви, не приходится.—Въ этомъ отношеніи г. Скальковскій сходится во мнѣніи съ профессоромъ В. Мышцынымъ, который говоритъ, что „институтъ патриаршества самъ по себѣ ни въ какомъ случаѣ не можетъ гарантировать церкви ея независимости“ („Бог. Вѣсти.“ мѣс. апрѣль. 1905 г.)—Очевидно, также смотритъ на дѣло и „Земецъ“ въ „Севастопольск. Вѣстникѣ“ (№ 97-й), по мнѣнію котораго одно возстановленіе патриаршества не упорядочитъ церковной жизни и не облегчитъ тяжелаго положенія церкви.—А по мнѣнію г. Тернавцева, раздѣляемому и свящ. Петровымъ, съ возстановленіемъ патриаршества, у насъ лишь „увеличились бы пышность богослуженія, богатство одеждъ, свита, долгота службъ и робость просителей въ приемныхъ у духовныхъ особъ.“ (См. „Рус. Слово“ № 97-й).

Особенно горячо и, можно сказать, даже шумно привѣтствовала („трудно скрыть чувство зависти“...) возстановленіе патриаршества газета „Русь“ (№ отъ 23 марта). Она положительно заявила, что „необходимо вернуть православной, господствующей въ Имперіи церкви ея старыя начала, разрушенныя желѣзной десницей Петра Великаго“. (№ отъ 24 марта). Прошло три-четыре дня (въ № отъ 27 марта), газета уже перемѣняетъ тонъ и ставитъ вопросъ: „радоваться ли учрежденію патриаршества?“ И отвѣчаетъ: „намъ нужно возрожденіе патриарха не какъ археологическое возвращеніе къ ста-

ринѣ... Его роль должна быть строго опредѣлена, въ соотвѣтствіи съ условіями нашей текущей жизни. Устраивать ее по старымъ канонамъ—мало чѣмъ будетъ лучше, чѣмъ духовенству жить по Петровскому регламенту“. (Эти слова отвѣта мы имѣли уже случай приводить выше среди миѣній печати о типѣ патріарха).

Въ газетахъ на самыхъ же первыхъ порахъ возникновенія вопроса о церковной реформѣ сообщалось, что, кромѣ упраздненія должности оберъ-прокурора, созыва собора и введенія патріаршества, было еще формулировано представителями церкви одно желаніе, чтобы духовенство участвовало въ государственной жизни Россіи, имѣя представителей во всякихъ государственныхъ коллегіяхъ, начиная съ сельскаго схода и кончая комитетомъ министровъ. Но на такое желаніе духовенства немедленно же стали появляться и возраженія съ явнымъ стремленіемъ компрометировать попутно и самую идею патріаршества. Въ № 32-мъ отъ 25 марта „Сына Отечества“ г. Александровъ-Новиковъ, между прочимъ, писалъ: „если въ учрежденіи патріаршества можно было видѣть освобожденіе церкви отъ гнета міра, освобожденіе, которому нельзя не сочувствовать, то совсѣмъ не то впечатлѣніе производитъ желаніе духовенства заняться сверху и до-низу дѣлами міра“, Тутъ, утверждаетъ авторъ, наоборотъ, начинается опасность гнета клерикализма, болѣе страшнаго, нежели гнетъ бюрократіи, ибо бюрократія основывается лишь на физической силѣ, а клерикализмъ—и на силѣ духовной, хотя бы и ложно воспринимаемой невѣжественнымъ народомъ“. Въ той же газетѣ и въ томъ же ея номерѣ появилась статья „Ал. Штанге“, уже специально направленная противъ учрежденія патріаршества. „Требуется ли,—спрашиваетъ г. Штанге, для свободы церкви, какъ свободнаго единенія вѣрующихъ, учрежденіе патріаршества?“—Отвѣчая на этотъ вопросъ, онъ говоритъ: патріархъ, какъ глава и представитель церкви, можетъ быть нуженъ и полезенъ для такой церкви, религія которой не является господствующей, гдѣ это религія покореннаго народа. Тамъ патріархъ нуженъ, какъ заступникъ предъ иновѣрною властью не только за религію, но и за весь поработанный народъ... Но гдѣ церкви не грозитъ никакое преслѣдованіе, гдѣ, наоборотъ, эта церковь господствующая, тамъ „никакой надобности въ патріархъ не имѣется.“ Патріархъ избирается на всю жизнь, и такая сильная пожизненная несмѣняемая власть стоящаго во главѣ іерархіи менѣе всего можетъ содѣйствовать истинной свободѣ церкви и развитію въ ней соборнаго начала. Патріархъ, избираемый высшими іерархами, подобно тому, какъ папа избирается кардиналами, былъ бы несомнѣнно полнымъ владыкой церкви, который держалъ бы всю іерархію въ такой абсолютной зависимости, передъ которой теперешняя зависимость показалась бы прямо легкой. Воз-

ника бы *ecclesia militans*—воинствующая церковь, пародился бы клерикализм—эта страшная язва, от которой, слава Богу, избавилась Россія и возстановлять которую въ XX вѣкѣ какъ будто и поздно...“ По мнѣнію г. Штанге, вопросъ о патріаршествѣ, касающійся не только внутренней жизни церкви, но и отношенія церкви къ государству, надлежало бы рѣшать не одной церкви, но также и государству. „Въ пользу немедленнаго учрежденія патріаршества, продолжаетъ г. Шанге, приводятъ тотъ доводъ, что оно будетъ содѣйствовать усилению авторитета церкви въ глазахъ темной массы, что было бы столь важно въ наше смутное время. Но этотъ доводъ, говоритъ онъ, необходимо отвергнуть уже потому только, что сторонники этого авторитета въ глазахъ темной народной массы всегда являются сторонниками сохранения темноты этой массы, въ тѣхъ видахъ, чтобы престижъ ихъ сохранился возможно дольше.“—Нѣсколько позже (именно въ № 39-мъ отъ 2 апрѣля) тотъ же „Сынъ Отечества“ доказываетъ, совершенно обратное тому, что утверждаетъ г.г. Ал. Новиковъ и Штанге, т. е., что съ возстановленіемъ патріаршества „нѣтъ никакого основанія“ опасаться зарожденія у насъ клерикализма, такъ какъ въ разноплеменной и разновѣрной Россіи насчитываются десятки миллионныхъ людей, для которыхъ патріархъ естественно не будетъ такимъ авторитетомъ, какъ папа для сотенъ миллионныхъ католиковъ; но тѣмъ не менѣе, газета твердо высказывается за ненадобность возстановленія у насъ патріаршества. „Преданіе о патріархѣ, говоритъ она, будто бы, уже забыто народомъ, 1) историческая нить, порванная 200 лѣтъ тому назадъ, не можетъ натянуться снова, какимъ бы золотомъ ни старались связать ее искусныя руки“...

Въ № 84-мъ отъ 26 марта „Московск. Вѣдомости“ приводятъ, между прочимъ, слѣдующую мысль изъ доклада М. А. Новоселова, сдѣланнаго имъ въ частномъ кружкѣ православныхъ ревнителей церкви, клириковъ и мірянъ: „Что касается постановленія синода о выборѣ патріарха въ „текущую сессію“ (разумѣется въ сессію, заканчивавшуюся весною 1905 года), то противъ этого не можетъ не протестовать ни одинъ православный человѣкъ. Ибо простая замѣна синода патріархомъ дала бы этому послѣднему незаконныя права. Православные люди не могутъ предоставить патріарху тѣхъ преувеличенныхъ правъ, какими синодъ, въ силу самой своей неканоничности, облеченъ въ отношеніи низшихъ епископовъ и даже простыхъ мірянъ въ ихъ приходской жизни“. Эта мысль г. Новоселова, съ предостереженіемъ отъ присвоенія патріарху, въ нарушение церковныхъ канонныхъ, „преуве-

1) Замѣтимъ, что иные, напр., архіеп. «Волынскій Антоній, держатся противоположнаго мнѣнія.

личенныхъ правъ“ въ отношеніи низшихъ епископовъ, очень близка къ вышеизложенной мысли г. Штанге объ опасности для всей іерархіи стать въ абсолютную зависимость отъ патріарха въ случаѣ избранія этого патріарха одними высшими іерархами, когда бы избраніе это ни состоялось.

Газета „Кіевскіе Отклики“, выходя изъ того положенія, на которомъ твердо стоятъ извѣстные ученые (напр. профессора Суворовъ, Каптеревъ, Завитневичъ), общественные дѣятели и писатели-публицисты (напр. Самаринъ, Меншиковъ), что во времена патріаршества церковь наша совсѣмъ не пользовалась самостоятельностью и независимостью отъ свѣтской власти, говоритъ, что, по ея мнѣнію, мысль о возобновленіи у насъ патріаршества во всякомъ случаѣ „ложна въ своей основѣ“. Патріаршество не создастъ ни самостоятельности, ни независимости церкви, не избавитъ ее отъ „усмотрѣнія“ и „бюрократизма“. Мысль о возобновленіи патріаршества, утверждаетъ газета, могла возникнуть только на свойственномъ нѣкоторымъ „консервативнымъ“ кругамъ съ „славянофильской“ окраской увлеченіи старинными отжившими уже формами нашего быта. Когда заговорили о необходимости созванія у насъ народныхъ представителей, этимъ приверженцамъ старины непремѣнно хотѣлось воскресить отжившую хаотическую форму земскаго собора. Теперь, когда заговорили о реформахъ въ церкви, думаютъ воскресить патріаршество“ (№ 84-й отъ 25 марта).

Проф. с. п. б. д. академіи Н. Никольскій въ обширной статьѣ, помѣщенной въ „Нов. Времени“ (№ 10439-й, отъ 28 марта), жестоко и по всѣмъ пунктамъ критикуетъ извѣстную „записку 32-хъ“ с. п. б. священниковъ, которая и выдвинула вопросъ о церковной реформѣ. Этотъ ученый утверждаетъ вообще, что „въ русской жизни никогда не примѣнялся весь тотъ строй церковнаго самоуправленія, который начертанъ въ запискѣ“. По мнѣнію г. Никольскаго, строй этотъ „клонится въ сторону папизма“ съ его нетерпимостью и „свободою“, равному произволу... Безспорно, утверждаетъ профессоръ, основная, но скрытая тенденція „записки“—это уничтоженіе должности оберъ-прокурора св. синода и устраненіе свѣтскаго чиновничества отъ участія въ управленіи церковью“. Но отсюда еще не слѣдуетъ, что замѣнъ прежней системы управленія и можетъ, и должна быть введена именно та, которую предлагаетъ записка, и что эта новая система управленія будетъ лучше, каноничнѣе прежней... Если современное намъ участіе мірскихъ началъ въ управленіи не канонично, то мы опасаемся, чтобы новыя начала управленія не превратились въ клерикально-монашескія, которыя совершенно отдѣляютъ общество отъ церкви подобно тому, какъ это случилось въ католичествѣ. Въ на.

стоящее время „исключительное господство“ этихъ началъ въ церкви до извѣстной степени ограничивалось и антагонизмомъ блага духовенства съ чернымъ и зависимою черного духовенства отъ государственной власти. При новомъ порядкѣ можно предвидѣть, что общество еще болѣе будетъ удаляться отъ церкви, направляемой монахами къ идеаламъ своей среды, а не къ обще-церковнымъ задачамъ.. Монашество въ своей идеѣ есть стремленіе къ личному спасенію, но не къ служенію міру, которое лежитъ въ основѣ Евангелія и опирается на примѣръ Иисуса Христа, пострадавшаго за грѣшный міръ“...) Указываетъ профессоръ и на свидѣтельство исторіи о томъ, что „не одни оберъ-прокуроры бывали еретиками, но что и на патриаршіи кафедры пробирались нерѣдко не лица достойныя, а еретики, грабители церкви, люди пронирыльные и т. д. и т. д., и что ниспроверженіе ихъ сопровождалось сильными смутами“.

Оригинальный поэтъ и мыслитель г. Мережковскій считаетъ „совершенно невозможнымъ у насъ возстановленіе патриарха въ настоящемъ смыслѣ этого слова“. Строго проведенное единоличное начало въ управленіи церковію, по словамъ г. Мережковского, теперь перестала признавать и западная церковь, а восточная этого начала и не знала. Тамъ господствовало соборное правленіе, и патриархъ являлся не болѣе, чѣмъ предсѣдателемъ собора. „Считаю же я, говорить г. Мережковскій, возстановленіе патриарха теперь невозможнымъ потому, что и въ XVII вѣкѣ, когда признаніе духовной власти было не въ примѣръ сильнѣе, чѣмъ теперь, сильное единодержавное церковное правленіе не могло ужиться рядомъ съ государственнымъ“ („Новости“ № 82-й за 1905 г.).—Въ газетахъ: „Слово“ (№№ 112 и 113) и „Разсвѣтъ“ (№ 37-й) доказывается, что не „слѣдуетъ задаваться обновленіемъ одной только головы, надо непременно обновить и все тѣло“ Газета „Слово“, выходя изъ того положенія, что „русскій народъ есть живой организмъ, носящій въ себѣ свои творческія начала“, не допускаетъ, можно сказать и мысли о возстановленіи на Руси допетровскаго патриаршества. Въ № 112-мъ, отъ 1 апрѣля газета эта изрекла: „кончикомъ сапога мы отталкиваемъ нелѣпую попытку поработить жизнедѣятельность освобожденной церкви безсодержательной археологіи, сводящейся къ риторикѣ дурнаго тона. Въ слѣдующемъ №-рѣ (113-мъ) той же газеты Ровинскій высказалъ: „Раньше, чѣмъ возстановлять патриаршество, нужно признать автономность приходо́въ... не о князьяхъ церкви надлежитъ теперь думать, а о тѣлѣ церкви... безъ разрѣшенія этого кореннаго вопроса нашей церковной жизни возстановленіе патриаршества явилось бы только простымъ перенесеніемъ власти изъ рукъ высшей бюрократіи въ руки высшихъ представителей черного духовенства, и еще вопросъ: было бы это

лучше, чѣмъ существующій порядокъ вещей, когда, правда, духовенство обратилось въ чиновниковъ духовнаго вѣдомства, но за то мы не знаемъ клерикализма и всѣхъ его опасныхъ и неприглядныхъ сторонъ“. То же, что г. Ровинскій въ „Словѣ“ и одновременно съ нимъ, высказалъ и г. Слезкинскій въ газетѣ „Разсвѣтъ“ (№ 31-й отъ 1 апрѣля): „Русская православная церковь хочетъ сама собою управляться. Значить, указы станутъ писать и посылать въ епархіи не оберъ-прокуроры св. синода, а патріархи. Но будетъ ли отъ этого лучше церкви и паствѣ, если исполнителями указовъ явятся полновластные епископы?... Всѣ епископы монахи... Создавая патріарховъ, не слѣдуетъ задаваться обновленіемъ только одной головы, надо обновить и остальное тѣло“.

„С.-Петербургскія Вѣдомости“, по поводу предложенія 32-хъ столичныхъ священниковъ назвать архіепископа царствующаго града „ради соборной чести“ патріархомъ, замѣтили: „не въ званіи, конечно, сила, но уроки прошлаго (исторія папства) и современные событія въ Константинопольской церкви показываютъ, какъ быстро и легко „первенство чести“ переходитъ въ „первенство власти“,—и тогда: прощай, церковная свобода... Нѣтъ, стремленія и усилія духовенства и всѣхъ вѣрующихъ должны быть направлены не къ созиданію новыхъ высокихъ церковныхъ должностей, а къ самоотверженному служенію въ духѣ истинной вѣры и любви“. (См. въ „Бирж. Вѣд“. № отъ 28 марта).—На примѣръ Константинопольской церкви въ подтвержденіе возможности скорого и легкаго перехода первенства чести въ первенство власти ссылается и А. Р. въ „Разсвѣтъ“ (№ 42-й). А. Р. остановилъ свое вниманіе на извѣщеніи „Ц. Вѣстника“ (въ № 14-мъ) о „благополучномъ окончаніи“ патріаршаго кризиса въ Константинополѣ. Въ 1904 году у патріарха Іоакима III возникъ по одному дѣлу конфликтъ съ 5 митрополитами греческой церкви. Кризисъ закончился тѣмъ, что патріархъ всѣхъ, стоявшихъ къ нему въ оппозиціи митрополитовъ, удалилъ изъ столицы къ ихъ епархіямъ. Сообщая объ этомъ, „Ц. Вѣстникъ“ замѣтилъ, что „такое рѣшеніе патріарха было въ высшей степени снисходительнымъ и милостивымъ по отношенію къ его противникамъ, такъ какъ въ его распоряженіи было болѣе рѣшительное средство—лишеніе каедръ и низложеніе“.— „Это митрополитовъ то?—задается вопросомъ А. Р.,—членовъ синода? А что же тогда можетъ учинить патріархъ съ другими „соборанами“?...

Разбираясь въ разнообразныхъ слухахъ о предстоящей церковной реформѣ и высказавъ положительный взглядъ, что „нужна не реформа, а нужны и всегда будутъ нужны улучшенія въ различныхъ областяхъ церковной жизни“, „Русскій Листокъ“ (въ № 87-мъ отъ 30

марта) говорить: „изъ двухъ намѣченныхъ доселѣ средствъ врачеванія (существующихъ въ церкви недуговъ) одно истинное и правильное—это соборъ, другое—возстановленіе патріаршества—имѣетъ въ настоящемъ случаѣ значеніе относительное“. А въ № 89-мъ, отъ 1 апрѣля, газета уже совершенно отрицательно относится къ возстановленію патріаршества и, между прочимъ, высказываетъ, что „мы переживаемъ не такое время, чтобы легкомысленно заводить новые дворы“.

Нѣкоторые органы либеральнаго лагеря успѣли объяснить и причину, почему въ этомъ, по крайней мѣрѣ, лагерѣ совершилась такая быстрая перемѣна во взглядахъ на церковную реформу вообще и въ частности на предложенное возстановленіе у насъ патріаршества, почему заявившіе было себя друзьями реформы сдѣлались ея противниками. Такъ, „Новости“ въ статьѣ („Мечтателя“): „Свободная церковь въ несвободномъ государствѣ“ (№ 81-й отъ 30 марта) высказали ту мысль, что привѣтствія церковной реформѣ раздались по недоразумѣнію, происшедшему вслѣдствіе непродуманнаго, поверхностнаго взгляда на реформу и ея послѣдствія.) „Часть общества и печати, говоритъ газета, для которой одинъ призывъ къ борьбѣ съ бюрократизмомъ уже является достаточнымъ основаніемъ для ликующихъ возгласовъ, успѣшила увлечься обманчивымъ „либерализмомъ“, будто бы сквозящимъ въ „запискѣ 32-хъ“. Однако, мало-по-малу начинается отрезвленіе... Нѣтъ основанія, говоритъ газета, увѣрывать въ сліяніе духовенства (хотя бы и „раскрѣпощеннаго“) съ прогрессивными стремленіями русскаго народа“... Въ словахъ и поступкахъ современнаго православнаго духовенства, за ничтожными исключениями, газета слышитъ „отзвукъ того настроенія русской духовной іерархіи, которое заставило Петра однимъ рѣшительнымъ ударомъ покончить съ воскрешаемымъ нынѣ патріаршествомъ“.—Въ „Русскихъ Вѣдомостяхъ“ (въ № 95-мъ отъ 8 апрѣля) помѣщено письмо Е., подъ заглавіемъ: „По поводу одного недоразумѣнія“. Авторъ письма (по рекомендаціи редакціи газеты лицо „компетентное въ церковныхъ вопросахъ“) заявляетъ, въ противность ранѣе высказаннымъ въ этой газетѣ положеніямъ, что „сочувствіе къ предстоящей церковной реформѣ со стороны прогрессивной печати кажется ему чистымъ недоразумѣніемъ“, равно какъ „неразгаданный секретъ—нападки на нее публицистовъ реакціоннаго лагеря“. Далѣе въ письмѣ подчеркивается мысль, что церковная реформа „стремится къ тому, чтобы сдѣлать власть церковную (патріарха) неограниченною и избавить ее отъ всякаго контроля“. „Слишкомъ очевидно, — прибавляетъ газета, — что такая реформа не только не обновитъ нашу церковную жизнь, но даже не внесетъ въ нее никакихъ улучшеній. Конечно, церковь, уп-

правляемая самодержавнымъ патриархомъ, не будетъ болѣе воплощаться въ печальной фигурѣ „добраго чловѣка изъ офицеровъ“, но отсюда еще вовсе не слѣдуетъ, что функции этого „добраго чловѣка“ совсѣмъ упразднятся: онѣ только перейдутъ вмѣстѣ съ другими прерогативами къ новому церковному главѣ. Выйдя изъ непосредственнаго подчиненія государственной власти, церковь перестанетъ быть *невольнымъ* орудіемъ реакціонной политики; но при отсутствіи общественнаго вліянія на церковныя дѣла едва ли что-нибудь помѣшаетъ ей превратиться изъ рабыни государства въ его добрую союзницу и воспріять на себя ту же самую политическую задачу „добровольно“. Очевидно, и „компетентный въ церковныхъ вопросахъ“ авторъ недоволенъ и тревожится тѣмъ, что выражаясь его же словами, ожидаемая реформа церковнаго управленія по существу не имѣетъ ничего общаго съ современнымъ „освободительнымъ движеніемъ“, что она „во всякомъ случаѣ направлена не къ тому, чтобы замѣнить государственную опеку надъ дѣлами русской церкви общественнымъ контролемъ и закономерно ограничить церковную власть, а наоборотъ, къ тому, чтобы сдѣлать эту власть неограниченной и избавить ее отъ всякаго контроля. Какую цѣнность можетъ имѣть такая „реформа“, объ этомъ говоритъ нашъ авторъ,—едва ли есть надобность распространяться.— Въ „Новостяхъ“ (отъ 22 мая) помѣщена статья А. Матюшенскаго подъ заглавіемъ: „Что пробудилось (въ духовенствѣ)?“ Въ отвѣтъ на этотъ вопросъ высказывается: „въ духовныхъ кругахъ пробудилось не стремленіе къ освобожденію вмѣстѣ со всѣми, а совсѣмъ другое—стремленіе удержать за собою господствующее положеніе. Для этого и нуженъ переносъ правъ съ правами непосредственныхъ сношеній съ верховной властью, помимо народно-представительныхъ учрежденій. Имъ нужна не свобода, а власть,—та самая власть, которой они пользовались много вѣковъ и которая теперь ускользаетъ изъ ихъ рукъ, переходитъ въ руки народа“.

Что касается охранительной, консервативной печати, которая, вообще говоря, ничего не имѣетъ въ принципѣ противъ возстановленія патриаршества и съ рѣшительностью утверждаетъ, что „православные русскіе міряне давно уже лелѣяли мечту о возстановленіи истинно-соборной церкви съ патриархомъ во главѣ“, то и эта печать изъ благожелательной по отношенію къ реформѣ высшаго церковнаго управленія очень скоро превратилась въ недоброжелательную, а то и враждебную къ этой реформѣ. Эта перемѣна инымъ, какъ напримѣръ и автору (Е.) выше цитованнаго письма въ „Р. Вѣд.“ (№ 95), представляется „неразгаданнымъ секретомъ“. Ближайшее знакомство съ консервативной печатью, однако, даетъ достаточное объясненіе нападокъ этой печати на реформу и тревогъ по поводу ея проекта,

„Московскія, напр., Вѣдомости“, „Русское Дѣло“, „День“, „Гражданинъ“, „Свѣтъ“, почти одновременно (въ концѣ марта) забили тревогу по поводу „скороспѣлости церковной реформы“, „реформы въ семь дней“. Если въ либеральномъ лагерѣ печати, поспѣшившемъ съ горяча привѣтствовать идею возстановленія патриаршества, поспѣшили даже воспѣть диаграммы въ честь предрѣшеннаго (по крайней мѣрѣ, услужливыми репортерами) патриарха, то въ лагерѣ консервативномъ, наоборотъ, не замедлили раздаться нелестные рѣчи по адресу митрополита Антонія, С. Ю. Витте и 32-хъ петербургскихъ батюшекъ. Пронизуя надъ „петербургскимъ изобрѣтеніемъ“ (выраженіе „Дня“), „Русскій Листокъ“ (въ № отъ 3 апрѣля) выражается, между прочимъ, что „вышіе представители петербургскаго духовенства поставили себѣ парусъ и двинулись впередъ съ попутными административными вѣяніями“, что С. Ю. Витте „послѣ благоустроенія министерства путей сообщения и русскихъ финансовъ занялся благоустроеніемъ нашихъ душъ“...

Болѣе, чѣмъ что-либо другое, возстановило консервативные органы печати противъ церковной реформы то именно обстоятельство, что либеральная печать дѣло реформы привѣтствовала, какъ отголосокъ общаго политическаго движенія и какъ союзника этого движенія. Современемъ и очень скоро печать эта, какъ уже видѣли мы, перемѣнила взглядъ свой на реформу вообще и на проектъ возстановленія патриаршества въ частности; но на первыхъ порахъ симпатіи либеральной печати были на сторонѣ реформы, можно сказать, со всѣми ея подробностями и частностями. Если инымъ изъ либеральнаго лагеря „неразгаданнымъ секретомъ“ казались нападки консервативной печати на церковную реформу, то инымъ изъ лагеря консервативнаго совсѣмъ никакимъ секретомъ не казались привѣтствія этой реформы печати либеральной. Имъ они представлялись лишь странными и лицемерными. „Цѣль церкви, ея призваніе,—разсуждаетъ напримѣръ газета „Заря“ (№ 259 отъ 31 марта),—можно сказать, діаметрально противоположны стремленіямъ и задачамъ нашихъ либеральныхъ, радикальныхъ, агитаторскихъ газетъ. Значить, усиленіе вліянія церкви на общество и народъ имъ отнюдь не можетъ быть желательно и дѣйствительное благо церкви для нихъ хуже ножа остраго“. По мнѣнію газеты, „слишкомъ ужъ наивно“ было бы не вѣрить этому. „Они (т. е. либералы, радикалы и агитаторы) безконечно были бы рады, еслибы церковь совсѣмъ перестала жить и голосъ ея умолкъ навсегда“. „Почему же теперь,—спрашиваетъ газета,—всѣ они такъ дружно привѣтствуютъ предполагаемую реформу высшаго церковнаго управленія и отмѣну оберъ-прокураторы при св. синодѣ?—Да потому, съ убѣжденіемъ отвѣчаетъ она,—что съ осуществленіемъ этой реформы они

1907.

М а й.

XII.

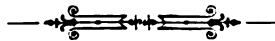
МИССИОНЕРСКОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

ЖУРНАЛЬ ВНУТРЕННЕЙ МИССІИ.

№ 5.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія «Колоколъ» В. М. Скворцова. Невскій 147.

1907.

Редакція «Миссіонерск. Обзор.» Невскій, 153. Телеф. № 222—26.

Содержаніе майской книжки

ЖУРНАЛА «МИССИОНЕРСКОЕ ОБОЗРѢНІЕ» за 1907 годъ.

Начало самобытнаго русскаго церковнаго зодчества и народной поэзи. <i>В. Шемякинъ.</i>	657—670
Религіозно-философское міросозерцаніе К. П. Побѣдоносцева. Свящ. <i>А. Антоповъ.</i>	671—687
Св. Ефремъ Перелавскій—строитель первыхъ больницъ въ Россіи. Д-ръ мед. <i>А. Ф. Мальцевъ.</i>	688—698
Методическія указанія къ веденію противосектантской бѣсѣды о Церкви Христовой. Свящ.—миссіонеръ <i>С. Потъхинъ.</i>	699—712
Къ исторіи секты бесѣдниковъ. Свящ. <i>А. Урбанскій.</i>	713—729
Возвращеніе хлыста въ лоно православной церкви. Калужскій епарх. мисс. свящ. <i>І. Жаровъ.</i>	730—737
Наши «обновленцы» и австрійская «іерархія». Миссіонеръ нижегород. епархін <i>Ө. Круловъ.</i>	738—757
Новая штундо-малеванская община. <i>Православный.</i>	758—765
Обозрѣніе духовной журналистики. Священ. <i>Аркадій Виноградовъ</i>	766—780
Библиографія. Владимиръ Саблеръ. О мирной борьбѣ съ социализмомъ. Путевыя воспоминанія. СПБ. 1907 г. <i>К.</i>	780—783
Миссіонерство, старообрядчество и секты. Изъ жизни тамбовской противосектантской миссіи за 1906 годъ. Миссіонерско-просвѣтительное братство. Бѣсѣды православнаго миссіонера съ раскольниками. Вопль едновѣрцевъ. Старообрядецъ обличаетъ своего «архіепископа». <i>Н. Гринякинъ.</i>	784—796
Вѣстникъ «Миссіонерскаго Обозрѣнія». О вѣроисповѣдной принадлежности дѣтей.—Двадцатипятилѣтіе епископскаго миссіонерства высокопреосвященнаго <i>Арсенія</i> , Архіепископа Харьковскаго и Ахтырскаго.—Старообрядчество села Орѣхова, Екатеринославской губ.—Церковно-приходскіе совѣты. Въ цѣляхъ религіозно-нравственныхъ. Что сдѣлано духовенствомъ для народнаго образованія за періодъ 1884—905 г.г. Освященіе старообрядческаго храма. Предложеніе уфимскаго епископа.	797—807
Отклики. «Ученое монашество» и наша духовная школа. <i>Н. Болховецкій.</i>	808—816
Въ преддверіи всероссійскаго церковнаго собора. <i>И. Преображенскій.</i>	49— 64

При этой книжкѣ вѣмъ подписчикамъ на «Миссіонерское Обозрѣніе» разсылается бесплатное приложеніе къ журналу за текущій годъ подъ заглавіемъ: «Указатель къ чтенію четвероевангелія». Составл. свящ. *Н. Князевымъ* и *Ник. Веригинымъ.*

Издательница *Ю. А. Скворцова.*

Редакторъ *В. М. Скворцовъ.*

Начало самобытнаго русскаго церковнаго зодчества и народной поэзіи.

1.

ИЗЪ СМѢШЕНІЯ древне-славянскаго языческаго искусства съ искусствомъ Византіи начало вырабатываться въ періоды Кіевскій и Владиміро-Суздальскій искусство христіанской Руси. Такое положеніе вещей объяснялось обаяніемъ блеска Византійской имперіи, которое поддерживалось близкими торговыми сношеніями грековъ съ Кіевомъ. Но мы были бы несправедливы, если бы полагали, что русскіе, хотя бы даже сначала, отстранились отъ искусства, предоставивъ его всецѣло грекамъ. Русское искусство уже въ ХХ в. было настолько развито, что этого не могло случиться. Конечно, первые христіанскіе храмы были произведеніями греческихъ мастеровъ, но это объясняется лишь тѣмъ, что въ зодествѣ язычниковъ не нашлось готовой формы для христіанскаго храма. Но прошло немного времени и вмѣсто византійскихъ зодчихъ, мы видимъ уже своихъ русскихъ. Такъ, русскій зодчій, по имени Петръ Милонѣвъ, выстроилъ при Святополкѣ въ Кіевѣ Михайловскій Златоверхій монастырь въ 1108 г. Есть основаніе полагать, что и мозаики въ этомъ храмѣ исполнены русскими, а не греческими мастерами. На это указываютъ славянскія надписи на мозаикахъ и слабовыдержанный византійскій стиль ихъ. Существованіе русской мозаичной мастерской въ то время не покажется намъ очень страннымъ, если мы сопоставимъ фактъ ея существованія съ другими фактами изъ исторіи искусства въ кіевскій періодъ русской исторіи. Въ XII вѣкѣ, напримѣръ, намъ уже извѣстны нѣкоторыя имена русскихъ иконописцевъ. Первымъ между ними слѣдуетъ отмѣтить Святаго Алипія, печерскаго чудотворца. А въ доказательство того, что произведенія русскихъ мастеровъ вывозились въ то время далеко за предѣлы Россіи

можно привести помѣщенную въ трудѣ академика Кондакова „Русскія древности“ (томъ VI) выписку изъ описи имущества Афонской обители „Ксилургу“. Въ ней между другими драгоценными предметами упоминаются: „епитрахиль золотой русской одинъ и два другихъ фофудныхъ“ (парчевыхъ) и даѣе ручникъ Богородицы пурпурный, русской, съ золотымъ бордюромъ, съ крестомъ, кругомъ и двумя птицами; а прочіе два ручника подъ пурпуръ, одинъ для подвѣшиванія съ изображеніями и иныя древнія русскія. „Надо принять во вниманіе, что цитируемая опись была составлена въ XII в. Къ этому времени кievская промышленность сдѣлала уже большіе успѣхи. „Кievскія находки, пишетъ академикъ Кондаковъ, представили рядъ замѣчательныхъ работъ самостоятельной художественной промышленности, даже въ области столь тонкихъ техническихъ художествъ, какова на примѣръ перегородочная эмаль, и въ тоже время замѣчательную близость, а зачастую и тожество съ предметами художественной промышленности, добываемыми въ раскопкахъ Херсонеса, находкахъ кавказскаго побережья, Греціи и Сиріи. Это быстрое развитіе художественной промышленности показываетъ, что русскіе уже въ XII вѣкѣ настолько овладѣли техническими пріобрѣтеніями грековъ, что могли уже производить предметы искусства безъ посторонней помощи. Но для того, чтобы эти работы имѣли значеніе для искусства, необходима была ихъ націонализація. Надо было претворить византійскій элементъ въ своемъ самобытномъ искусствѣ,—чтобы изъ сочетанія греческаго и славянскаго искусства выработалось національное искусство, способное отразить въ себѣ жизнь и идеалы своего народа. Что русское искусство уже въ то время положило начало искусству національному, доказательствомъ служить поэзія удѣльно-вѣчевого времени. Она по справедливости, можно сказать, стояла во главѣ другихъ отраслей искусства. Этому мы, конечно, обязаны св. Кириллу и Меодію, просвѣтителямъ славянскимъ. Какъ доказано въ превосходной монографіи проф. Ламанскаго, святые проповѣдники, будучи въ Хазаріи, лично проповѣдовали истинную вѣру славянамъ днѣпровскимъ. Съ истинной религіей получили новообращенные и книги св. писанія на родномъ языкѣ. Такимъ образомъ наша письменность ведетъ свое начало съ IX вѣка. Теперь для насъ становится яснымъ, почему договоры Олега съ греками писались по-славянски и почему въ XI и XII вѣкахъ мы видимъ нашъ литературный языкъ уже настолько окрѣп-

шимъ и обработаннымъ. Это было великое преимущество нашего искусства надъ таковымъ на западѣ, гдѣ, благодаря вліянію католичества, вмѣсто родного языка употреблялся плохой латинскій. Правда, въ то время были уже собраны древне-германскія пѣсни и сложился уже тотъ народно-германскій эпосъ, которымъ такъ гордятся нѣмцы. Но насколько онъ былъ по своимъ идеаламъ ниже современнаго ему русскаго былиннаго эпоса! Въ то время, какъ герои „Пѣсни о Нибелунгахъ“ выѣзжали на разбой, убивали, грабили, и, не гнушаясь даже измѣной, пѣбивали своихъ враговъ, нападая на нихъ сзади, русскіе богатыри являлись въ глазахъ народа защитниками слабыхъ противъ сильныхъ и родной земли противъ завоевателей. Не ради князя Владиміра и княгини его Апраксин идетъ Илья на смертный бой съ татарами, а ради вдовъ, сиротъ и малыхъ дѣтушекъ. Художественная форма молодой русскои поэзіи была вполне достойна ея высокаго содержанія. До какой красоты образовъ доходитъ творецъ „Слова о Полку Игоревѣ“, когда напримѣръ изображаетъ дѣву обиду, плещущую лебединными крыльями у синя моря... А можетъ быть не одна такая поэма пропала для нашей литературы безслѣдно. Это доказываетъ и упоминаніе пѣвца „Слова“ о твореніяхъ Баяна, а также попадающіяся въ лѣтописяхъ художественные отрывки, свидѣтельствующіе, что они взяты изъ какой-нибудь свѣтской пѣсни. Напримѣръ, превосходный по силѣ выраженія рассказъ о битвѣ Мстислава Владиміровича съ печенѣгами ночью во время грозы. Такимъ образомъ уже одна наша поэзія по справедливости можетъ поставить искусство наше на ряду, если не впереди западно-европейскаго искусства того времени.

Почти тоже мы можемъ сказать и о зодчествѣ. Византійская архитектура встрѣтила на Руси уже довольно опредѣленно развитый архитектурный стиль. Если на первыхъ порахъ наши главные города и украшались чисто византійскими храмами, то храмы эти были все таки окружены тысячами другихъ построекъ въ русскомъ стилѣ. И эти мелкія постройки восторжествовали и растворили въ себѣ византійскій стиль. Совершилось это претвореніе, конечно, постепенно. По мѣрѣ того, какъ слабѣло византійское вліяніе, росла и крѣпла самобытность русскаго зодчества. Ближе всего съ Греціей соприкасался Кіевъ, а потому и зодчество его подверглось наибольшей силѣ византійскаго вліянія, вытѣснивши изъ кіевской архитектуры почти всякую самобытность.

Не то мы видимъ въ Новгородѣ. Туда византійское вліяніе могло только съ трудомъ проникнуть. Оно встрѣтило въ Новгородѣ противовѣсъ въ сильно уже развитомъ зодствѣ и въ непривычномъ для византійскихъ мастеровъ матеріалѣ. Здѣсь византійскій стиль подвергся сильному вліянію со стороны нашего дохристіанскаго зодчества. Пользуясь своими старыми знаніями, новгородскіе мастера переработали византійское искусство по своему и положили основаніе національному русскому искусству.

Творчество новгородцевъ сказалось какъ въ каменной архитектурѣ, гдѣ они сначала должны были подражать византійцамъ, такъ и въ деревянной, гдѣ они были совершенно самостоятельны.

Оригинальность русскихъ мастеровъ сказалась прежде всего въ приготовленіи матеріала для каменныхъ зданій. Матеріаль этотъ былъ чисто мѣстнаго изобрѣтенія. Онъ состоялъ изъ береговаго плитняка вперемежку съ кусками дерева. Все это заливалось особаго состава известью, которая вполнѣтвѣтствіи твердѣла, какъ камень. Обыкновенно изъ такого матеріала выводились двѣ стѣнки, а середина набивалась кирпичемъ и деревомъ. Такою техникой построены всѣ новгородскія церкви XI и XII ст. Что касается до ихъ внѣшняго вида, то я не буду говорить о св. Софій, которая была построена чисто по византійскому образцу, а скажу о небольшихъ церквахъ великаго Новгорода, въ которыхъ уже сказалось самостоятельное творчество новгородцевъ. Скажу о трехъ наиболѣе характерныхъ въ этомъ случаѣ церквахъ. Это церковь Николая на Липнѣ и Спаса на Нередицахъ, около Новгорода, и церковь Іоанна Богослова въ Велебицахъ. Церкви эти построены: Нередицкая въ 1198 г., Никола на Липнѣ въ 1292 г., Велебицкая же вѣроятно въ началѣ тринадцатаго столѣтія. Основой плана всѣхъ этихъ трехъ церквей служитъ квадратъ. Выстроены онѣ довольно высоко, и имѣютъ отчасти видъ столба. Сверху на довольно высокихъ барабанахъ онѣ увѣчаны куполами, но уже не совсѣмъ византійскою фѳормы. Вмѣсто полуциркульнаго византійскаго купола мы видимъ у нихъ купола скорѣе луковичной формы. Это нововведеніе можно объяснить потребностями климата. Въ благодатной Греціи, при незначительности дождей, надъ здапіями въ большинствѣ случаевъ ставились плоскія крыши; и купола надъ храмами тамъ можно было дѣлать низкіе. Дождливый климатъ нашего сѣвера, напротивъ, требовалъ покрытія болѣе высокаго. Потому мы видимъ въ нашихъ сѣверныхъ губерніяхъ такія высокія крыши.

Поэтому то и наши древнерусскія постройки крылись большей частью шатромъ.

Другимъ результатомъ новгородскаго творчества были такъ называемые голосники. Это были, такъ сказать, искусственные резонаторы для усиленія звуковъ при чтеніи и пѣніи церковномъ. Устройство ихъ было слѣдующее. Въ парусахъ купола и въ барабанѣ церковномъ вмазывались круглые глиняные горшки отверстиями вовнутрь храма. Голосники въ византійской архитектурѣ совсѣмъ отсутствуютъ и поэтому изобрѣтеніе ихъ есть дѣло нашего самостоятельнаго творчества. Оно такъ же свидѣтельствуетъ, съ другой стороны, о той любви и заботѣ, которыми пользовалось въ то время церковное пѣніе. Въ то время оно было предметомъ спеціальнаго обученія. Стоитъ вспомнить слѣдующее мѣсто изъ былины о Васильѣ Буслаевѣ, гдѣ такъ описывается его обученіе:

„Отдавала матушка родимая матера
вдова Мамельфа Тимофеевна.
Обучать его во грамотѣ.
Грамота ему въ наукъ пошла.
Присадила Васиньку перомъ писать
И письмо ему въ наукъ пошло.
Отдавала пѣнію учить церковному.
Пѣніе ему въ наукъ пошло.
А и нѣтъ такихъ пѣвцовъ у насъ
Въ цѣломъ славномъ Новѣ-городѣ
Супротивъ Василя Буслаева.

Кромѣ всего этого новгородцы проявили свою самостоятельность еще въ устройствѣ звонницъ или колоколенъ. Сперва колокола у насъ замѣняли била; они вѣроятно пришли къ намъ изъ Византіи. Это были просто желѣзныя доски или полосы, въ которыя били деревянной или желѣзной палкой — отчего и названіе била. Впослѣдствіи мы стали употреблять колокола, взятые нами съ запада. Они бывали большей частью очень маленькихъ размѣровъ. Когда въ XVI вѣкѣ архіепископъ Макарій устроилъ для Софійскаго собора въ Новгородѣ колоколъ вѣсомъ въ 250 пудовъ, то это привело новгородцевъ прямо въ изумленіе, такъ что лѣтописецъ даже написалъ по этому поводу о колоколѣ: „Бысть вельми великъ, яко такова величествомъ не бывало въ великомъ Новѣградѣ и во всей новгородской области яко страшней трубѣ гласяще“. Вслѣдствіе небольшихъ размѣровъ колоколовъ ихъ сначала вѣшали просто на деревянные козлы. Потомъ стали строить звонницы каменные. Надъ колоколами строили небольшую крышку, а сверху увѣнчивали маленькой главкой.

Такого вида звонница сохранилась въ Новгородѣ при Софійскомъ соборѣ.

Новгородская архитектура получила свое дальнѣйшее развитіе въ архитектурѣ Владиміро-Суздаля. Изъ памятниковъ Владиміро-суздальской архитектуры наиболѣе типичны Успенскій Соборъ и церковь св. Дмитрія Солунскаго во Владимірѣ. Всѣ они по типу очень напоминаютъ церкви новгородскія, только онѣ гораздо ихъ больше и красивѣе. Но въ нихъ уже есть много своего новаго, чего мы не видимъ въ церквахъ новгородскихъ. Во первыхъ, онѣ облицованы прекраснымъ бѣлымъ камнемъ, который князья суздальскіе привозили изъ волжской Болгаріи. Потомъ наружныя стѣны владимірскихъ храмовъ опоясаны поперекъ поясомъ изъ рельефныхъ полуколоннокъ.

Главную же особенность владимірскаго зодчества и, такъ сказать, его гордость составляютъ обронныя украшенія, которыми въ большинствѣ покрыты наружныя стѣны владиміро-суздальскихъ церквей.

Особенно отличается облиемъ этихъ украшеній церковь св. Дмитрія Солунскаго, построенная княземъ Всеволодомъ „Большое гнѣздо“ въ 1194 г.. Обронныя украшенія покрываютъ сплошь ея наружныя стѣны и придаютъ всей церкви необыкновенно изящный и легкій видъ.

Тутъ на стѣнахъ изображены и грифы, и птицы, и всадники въ перемежку съ диковинными растеніями и цвѣтами. Обиліе и разнообразіе ихъ поражаютъ всякаго наблюдателя. Всѣ изслѣдователи этого собора много ломали голову, будучи не въ силахъ объяснить себѣ сущность и происхожденіе этой загадочной орнаментаціи.

Кто видѣлъ въ нихъ повтореніе македонскаго гербовника (Строгановыхъ), кто хотѣлъ найти объясненіе этихъ изображеній въ житіи св. Дмитрія Солунскаго, но болѣе всѣхъ приближается къ дѣйствительности мнѣніе академика Ковдакова, который полагаетъ, что обронныя украшенія на церкви св. Дмитрія изображаютъ Соломона во всей славѣ его. Но это только толкованіе содержанія, ничего не говорящее о происхожденіи формы.

Ученые обыскали весь свѣтъ, чтобы узнать, откуда мы позаимствовали эти украшенія. Они только забыли поискать въ Россіи. А съ нея-то и надо было бы начать. Дѣйствительно, если мы вспомнимъ, какъ у насъ уже изъ древности была развита скульптура и какое большое примѣненіе получила у насъ рѣзьба по

дереву, то намъ вовсе не покажутся странными обронныя украшенія на владимірскихъ церквахъ. Доказательствомъ того, что всѣ эти украшенія были плодомъ чисто русскаго творчества, служить ихъ существованіе почти во всѣхъ владимірскихъ церквахъ, хотя и не въ такомъ количествѣ, какъ на церкви св. Димитрія.

II.

Въ то время, какъ поэзія, зодчество и скульптура быстро поднялись и окрѣпли и успѣли оставить намъ памятники національнаго искусства, ихъ сестра по профессіи—живопись сильно отстала и никакъ не могла сравняться съ болѣе счастливыми сестрами. Объясненіемъ этому факту можетъ служить неразвитость славянской живописи въ языческой періодъ нашей исторіи. Въ то время, какъ мы имѣемъ точное представленіе о памятникахъ славянской языческой архитектуры и поэзи, о живописи намъ ничего не извѣстно. Поэтому, по принятіи христіанства, славянской поэзіи и зодчій долженъ былъ только переработать полученное отъ Византіи наслѣдство согласно съ памятниками самобытнаго творчества. Напротивъ того, славянской живописецъ за неимѣніемъ памятниковъ самобытной живописи, долженъ былъ принять византійское иконописаніе цѣликомъ и благодаря догматичности этого рода искусства, долго не могъ освободиться отъ византійскаго вліянія. Живопись это самое молодое русское искусство. Оно перешло къ намъ, также какъ и къ другимъ европейскимъ народамъ, вмѣстѣ съ христіанствомъ. Колыбелью нашей живописи былъ Кіево-Печерскій монастырь, а первымъ русскимъ художникомъ былъ святой Алипій¹⁾. О жизни родоначальника нашей живописи, преподобнаго Алипія Печерскаго, сохранились извѣстія въ памятникахъ XIII в., во второмъ посланіи Поликарпа, черноризца Печерскаго монастыря, къ игумену его Акиндину „О святыхъ и блаженныхъ черноризцахъ братіи нашей“. Изъ этого посланія мы узнаемъ, что преподобный Алипій былъ отданъ своими родителями въ науку греческимъ иконописцамъ, пришедшимъ въ 1084 г. для украшенія Печерской церкви. При рас-

¹⁾ Подробности о жизни преподобнаго Алипія заимствованы нами изъ труда М. и В. И. Успенскихъ „Замѣтки о древне-русскомъ иконописаніи“ СПб. 1901 г.

писаніи Печерской церкви, онъ, „учася, мастеромъ своимъ помагаше“. Учился онъ не только писать иконы, но и готовить ихъ изъ мозаики. Въ 1087 году св. Алипійъ принялъ отъ игумена Никона инокескій чинъ. Въ то время онъ былъ уже хорошо знакомъ съ техникой иконописанія „добръ извыкъ хитрости иконѣи, иконы писати хитръ бѣ зѣло“. На дѣло иконописанія св. Алипійъ не смотрѣлъ какъ на заработокъ. Онъ, хотя и трудился неустанно надъ живописью, но не требовалъ себѣ за это никакой платы. Если онъ и получалъ что, то дѣлилъ все полученное на три части.

„Едину часть на святыхъ иконы, вторую часть въ милостыню нищимъ, а третью часть на потребу тѣлу своему“. Одной изъ отличительныхъ чертъ характера св. Алипія было незлобіе сердца. „Никогда же бо, — поется ему въ церковной пѣсни. — огорчился еси на оскорбляющихъ тя, ниже воздалъ еси зломъ за зло (тропарь 8-й пѣсни канона). Въ житіи св. Алипія передается о нѣсколькихъ его чудесахъ. Приведемъ одно изъ нихъ. Одинъ благочестивый челоуѣкъ заказалъ преподобному написать для него къ празднику образъ Успенія Божіей Матери. Однако болѣзнь помѣшала св. Алипію приняться за работу. Время проходило, а икона не была еще начата. Заказчикъ часто приходилъ къ св. Алипію и докучалъ ему своими просьбами, принуждая приняться за работу. „Чадо, говорилъ ему св. Алипій, не приходи ко мнѣ, ни стужай ми, но взверзи на Господа печаль еже о иконѣ, и Той сотворитъ якоже хоцетъ: икона въ свой праздникъ на своемъ мѣстѣ станеть“. Заказчикъ на время успокоился и снова пришелъ за иконою только наканунѣ праздника, т. е. 14-го августа, и увидѣлъ, что икона все еще не была начата. Это опечалило заказчика и онъ обратился съ упрекомъ къ святому. „Почто не возвѣстилъ ми еси своя немощи, и азъ быхъ далъ иному писати, дабы праздникъ свѣтелъ и честенъ былъ, нынѣ же посрамилъ мя еси“. Больной же съ кротостью отвѣтилъ: „Брате, еда лѣнностію се сотвори хъ? Или не возможно Богу икону Своя Матери написати? Азъ бо отхожу свѣта сего, якоже яви ми Господь и по моемъ отшествіи всяко утѣшитъ тя Богъ“. Грустный ушелъ отъ Алипія заказчикъ. Послѣ его ухода въ келью къ преподобному вошелъ юноша „свѣтелъ“ и началъ писать заказанную икону. Святой въ первую минуту подумалъ, что это присланный заказникомъ иконописецъ, но потомъ по быстротѣ, съ которой новопришедшій работалъ, убѣдился, что то былъ ангель. Въ три часа икона была готова. „О

калугере батюшка, спросилъ у Алипія ангелъ, еда что недостаточно, или чѣмъ согрѣшихъ?“ т. е. не нужно ли еще чего сдѣлать, не ошибся ли я въ чемъ? „Добрѣ сотворилъ еси, — отвѣчалъ иконописецъ. Богъ поможетъ тебѣ зѣло хитро написать и се тобою самъ сдѣлалъ ю естъ“. Окончивъ свою работу, скрылся чудесный незнакомецъ. А заказчикъ не спалъ всю ночь и утромъ, желая помолиться о своихъ грѣхахъ, пошелъ въ церковь. Тамъ, къ своему удивленію, увидалъ онъ уже готовую икону, стоящую на своемъ мѣстѣ. Придя въ себя отъ страха и радости, онъ собралъ родныхъ своихъ и знакомыхъ и отправился съ ними къ преподобному Алипію въ Печерскій монастырь. Въ это время святой былъ уже при смерти. Къ постели его пришелъ заказчикъ съ игуменомъ, чтобы разспросить его объ иконѣ. Св. Алипій, рассказавъ имъ о видѣніи имъ ангела 14-го августа, — прибавилъ: „Ангелъ написа ю, и се той же предстоитъ, пояти мя хотя“, и съ этими словами скончался. Время смерти Святого относятъ къ 1114 г. Намъ мало осталось отъ трудовъ нашего перваго иконописца. Даже тѣ немногія иконы, которыя дошли до нашего времени, вѣроятно уже много разъ подновлены. О такихъ подновленныхъ иконахъ сохранилось до насъ нѣсколько извѣстій. Греческій обычай копировать иконы внѣдрилъ и въ насъ убѣжденіе въ отсутствіи въ иконописцѣ индивидуальнаго творчества. А изъ этого взгляда вытекаетъ и склонность къ подновленію или коллективной работѣ, которая такъ распространена между нашими иконописцами.

Такимъ образомъ, принимая въ расчетъ подновленія, мы не можемъ дать себѣ точнаго отчета въ томъ, что дѣйствительно принадлежитъ кисти преподобнаго Алипія въ дошедшихъ до насъ его работахъ. А ихъ ктому же весьма немного.

Указываютъ всего на три иконы письма св. Алипія: 1) Икона Владимірской Божіей Матери въ Ростовскомъ Соборѣ въ иконостасѣ по лѣвую сторону царскихъ вратъ, 2) Свѣнская икона Б. М. въ Свѣнскомъ монастырѣ, въ 3-хъ верстахъ отъ Брянска, и 3) „Царь царемъ“ или „Предста царица“ — въ иконостасѣ Успенскаго собора въ Москвѣ. Исторія всѣхъ этихъ трехъ иконъ полна чудесами. Икона Владимірской Б. М. чудесно уцѣлѣла отъ пожара, бывшаго въ Кіевѣ при Владимірѣ Мономахѣ. Этотъ князь отправилъ ее въ Ростовъ, въ выстроенную имъ церковь. Церковь эта разрушилась, но икона осталась невредимой. Впослѣдствіи икона сохранилась несмотря на рядъ бывшихъ въ Ростовѣ пожаровъ въ 1166 г., 1213 и 1408 г. Въ 1695 г. митро-

политъ Іосифъ украсилъ икону серебряной ризою, по бокамъ которой семь черневыхъ изображеній съ надписями: одна изъ нихъ гласитъ: „Князь Владиміръ Мономахъ сію икону посла въ градъ Ростовъ въ построенную имъ каменную церковь“. Въ началѣ XIX столѣтія икона эта была подновлена, по приказанію о. прот. Гавріила, извѣстнымъ иконописцемъ Сапожниковымъ. Реставрація эта вызвала сильное неудовольствіе въ ростовцахъ. Въ 40-хъ годахъ XIX столѣтія Иванчинъ-Писаревъ замѣчаетъ объ этой иконѣ: „Она потемнѣла, частію отъ кадилаго и свѣч-ного дыму, частію отъ дальнихъ хожденій съ нею въ разныя мѣста по древнему установленію, что и не даетъ разсмотрѣть, уцѣлѣли-ли эта древнѣйшая русская святыня отъ усердно смѣлой руки поддѣльвателя“. Не менѣе чудесна исторія другой приписываемой преп. Алипію иконы. На иконѣ этой размѣромъ 15×9½ верш. изображена Божія Матерь на тронѣ, а по бокамъ ея святыя Антоній и Θεодосій печерскіе. Объ иконѣ этой повѣствуется слѣдующее: Въ 1288 г., лишившись зрѣнія, черниговскій князь Романъ Михайловичъ, услышавъ объ исцѣленіяхъ, совершившихся въ Печерскомъ монастырѣ отъ образа Божіей Матери, послалъ просить игумена прислать ему этотъ образъ. Архимандритъ печерскій, „сотворивъ совѣтъ съ братіею“, отпустилъ съ посланными священника съ чудотворною иконою. Они поплыли на лодкѣ по рѣкѣ Деснѣ и когда приблизились къ устью впадавшей въ нее рѣчки Свѣны, то лодка остановилась и гребцы не могли двинуть ее дальше. Пришлось заночевать. Утромъ же икона скрылась. Долго искали ее посланные и наконецъ нашли икону недалеко отъ рѣчки Свѣны, стоящую на вѣтвяхъ дуба. О случившемся было доложено князю и онъ вмѣстѣ съ епископомъ, священниками и народомъ отправился за иконою. Недалеко отъ иконы князь Романъ въ горячей молитвѣ далъ обѣтъ Пресвятой Богородицѣ построить на этомъ мѣстѣ монастырь, если Богородица подастъ ему исцѣленіе. Вдругъ глаза его открылись и онъ увидѣлъ тропинку, на которой въ ту же минуту велѣлъ поставить крестъ. „И по се времени, — замѣчаетъ составитель „Сказанія“, — на томъ мѣстѣ крестъ“. Въ тотъ же день, по приказанію князя, началась постройка монастыря. Въ этомъ монастырѣ и по настоящее время сохраняется чудотворная икона Божіей Матери. Находящаяся въ Московскомъ Успенскомъ Соборѣ икона „Предста Царица“ находилась еще въ XVII вѣкѣ въ этомъ соборѣ. Это видно изъ картинъ избранія Михаила Феодоровича на царство.

Икона эта была подновлена изографомъ Кирилломъ Улановымъ въ началѣ XVIII вѣка. Въ подлинникахъ сводной редакціи о ней написано: „Есть Спасовъ образъ во архіерействѣи одеждѣ на престолѣ, и Богородица, яко предста Царица одесную, и св. Іоаннъ Предтеча. Мѣстна въ большомъ Успенскомъ Соборѣ стоитъ близъ Успенія Пресвятыя Богородицы, юже начать писати преподобный Алипій Печерскій; ангель Господень дописа и соверши ю. Чудеса быша“. Слѣдовательно, это очевидно та самая икона, о чудесахъ которой было рассказано выше. На основаніи этихъ дошедшихъ до насъ иконъ работы св. Алипія, изслѣдователь его жизни и работъ, Успенскій, выводитъ заключение о чертахъ самобытности въ работахъ нашего перваго иконописца. Напримѣръ, изображеніе св. Антонія и Θεодосія съ типичными русскими бородами. Намъ кажется, что для установленія факта самобытности, мы имѣемъ слишкомъ много данныхъ. Конечно, св. Алипій могъ выразить въ своихъ работахъ свою индивидуальность, но эта индивидуальность была выражена въ чудномъ византійскомъ искусствѣ. Тамъ, гдѣ форма и содержаніе заимствованы, невозможно видѣть самобытность. Для насъ работы святого Алипія имѣютъ значеніе какъ первый зародышъ будущей національной живописи. Это было греческое искусство, перенесенное на русскую почву. Св. Алипій несомнѣнно распространялъ искусство иконописанія среди своихъ соотечественниковъ. Въ „Сказаніи о святыхъ иконописцахъ“ упомянутъ „спостникъ его, Алипія, преподобный отецъ Григорій Печерскій, иконописецъ кіевскій,—много святыхъ иконъ написалъ чудотворныхъ, яже здѣ въ Россійской землѣ обрѣтаются, въ нетлѣннѣи въ пещерахъ опочиваетъ“.

Однако для того, чтобы образовалась самостоятельная школа кіевскихъ иконописцевъ, надо было много времени, между тѣмъ черезъ 50 лѣтъ послѣ смерти преподобнаго Алипія, Кіевъ былъ взятъ войсками Андрея Боголюбскаго. Кіевъ захирѣлъ. Его слава и сила перешла на сѣверъ, гдѣ и были положены основы нашей молодой живописи.

Если въ Кіевѣ мы не видимъ почти никакихъ попытокъ къ самостоятельности между русскими художниками, за то въ Новгородѣ византійскій стиль въ иконописи подвергся большому измѣненію со стороны новгородскихъ иконописцевъ. Здѣсь въ продолженіе XII и XIII ст. выработался особый иконописный стиль такъ называемыхъ „Новгородскихъ писъменъ“. Главное его отличіе отъ византійскаго была сравнительная короткость

фигуръ. Подробности стали писать отъ руки и не такъ тщательно. Колоритъ былъ уже болѣе грубый. Изъ этого видно, что въ иконопись проникло изученіе дѣйствительности. Художники начали подражать природѣ и, конечно, сначала это у нихъ вышло довольно грубо сравнительно съ красивой условностью. Прежде всего новое направленіе сказалось въ стѣнописи. Одинъ изъ самыхъ типичныхъ образчиковъ таковой мы имѣемъ въ въ церкви св. Георгія въ Старой Ладогѣ. Тамъ между другими изображеніями написанъ на стѣнѣ св. Георгій на бѣломъ конѣ съ развѣвающимся по вѣтру плащемъ и копьемъ въ рукѣ. Онъ закалываетъ страшнаго дракона, отъ котораго въ ужасѣ сторонится царица; а вдали виденъ дворецъ, изъ котораго смотритъ царь со своей свитой. Это уже громадный успѣхъ въ живописи. Уже одно то, что здѣсь вмѣсто золотого фона художникъ попытался изобразить цѣлую сцену, указываетъ на то быстрое развитіе, которое получила у насъ живопись въ это время. Но этого мало. Въ этой иконѣ даже со стороны технической столько достоинствъ, что врядъ ли на западѣ могло быть въ то время что нибудь подобное. Достаточно сказать только то, что художникъ, будучи свободенъ отъ византійской условности, сумѣлъ въ то тоже время сохранить благородство формъ—эту главную основу византійскаго стиля.

Характернымъ памятникомъ XII вѣка являются фрески Спасо-Нередицкой церкви въ Новгородѣ. Тамъ на первомъ мѣстѣ надо поставить изображеніе страшнаго суда на одной изъ стѣнъ церкви. Изображеніе, конечно, символическое. Такъ Архангелъ Михаилъ свертываетъ небо, Иуда находится въ цѣпкихъ когтяхъ сатаны, сидящаго на громадной змѣѣ. Въ другомъ мѣстѣ ангелъ съ вѣсами въ рукахъ взвѣшиваетъ душу, которая представлена въ видѣ маленькаго человѣчка. Апостолы торжественно сидятъ на престолахъ, чтобы судить двѣнадцать колѣнъ израилевыхъ. По срединѣ самъ Христосъ въ кругѣ. И вотъ, не смотря на слабую технику, во всемъ изображеніи столько внутренней силы и величія, что когда новымъ русскимъ художникамъ пришлось обратиться къ позабытымъ было иконописнымъ сюжетамъ и они захотѣли трактовать ихъ въ народномъ духѣ, то композиціи ихъ въ сущности были только подражаніемъ старымъ иконописнымъ образцамъ.

Эта картина страшнаго суда въ Спасо-Нередицкой церкви самое древнее изъ дошедшихъ до насъ изображеній подобнаго рода. Кромѣ него мы имѣемъ еще въ той же церкви и одну изъ

древнѣйшихъ попытокъ русскихъ мастеровъ изобразить портретъ. Это портретъ князя Ярославъ, держащаго въ рукахъ церковь. Онъ, несмотря на ошибки въ пропорціяхъ, написанъ очень живо и характерно. Насколько можно заключить по этому портрету, этотъ родъ живописи, заброшенный впоследствии, имѣлъ въ XI и XII столѣтіяхъ большое распространеніе въ Новгородѣ. Доказательствомъ этого можетъ служить извѣстный портретъ новгородскаго семейства, писанный неизвѣстнымъ мастеромъ и портретъ семейства князя Святослава въ Изборникѣ его имени. Въ концѣ XII столѣтія новгородцы стали совсѣмъ освобождаться отъ византійской условности и живопись ихъ стала уже носить черты самобытности. Въ то время они не только не находились въ зависимости отъ запада, но даже сами влияли на него. Такъ въ одной изъ старыхъ церквей Швеціи, въ городѣ Беросіо, найдена церковная живопись съ изображеніемъ русской церкви о пяти главахъ. Потомъ въ XIV вѣкѣ въ лѣтописи упоминается, что нѣмцы заказали новгородскимъ икононикамъ написать образъ Спаса на рошаномъ углу. Знаменитыя въ то время иконописныя школы запада въ Кельнѣ и въ Прагѣ по технику нѣсколько ни стояли выше новгородскихъ и не вина русскихъ была, что они такъ отстали отъ своихъ болѣе счастливыхъ въ историческомъ отношеніи собратьевъ по искусству.

Теперь еще нѣсколько словъ о миниатюрахъ. Въ этой отрасли искусства художникъ не такъ стѣсненъ традиціями и можетъ использовать свое знаніе природы въ полной мѣрѣ. И тутъ мы видимъ необыкновенно быстрое развитіе иллюстраціи, которое впоследствии тоже пріостановилось или даже одно время пошло назадъ. Двѣнадцатый и тринадцатый вѣка были вѣками расцвѣта русской миниатюры.

Лучшіе изъ оставшихся намъ памятниковъ той эпохи это Изборникъ Святослава, Евангеліе Остромира и Житіе святыхъ Бориса и Глѣба. Самое интересное изъ нихъ въ художественномъ отношеніи это Житіе св. Бориса и Глѣба. Тамъ событія изъ жизни этихъ двухъ святыхъ изображены съ полною реальностью (потомъ она замѣнена византійской условностью). Однако, что больше всего поражаетъ, при ближайшемъ знакомствѣ съ этимъ художественнымъ памятникомъ, такъ это благородство формы. Можетъ быть, многимъ такое заключеніе покажется страннымъ. Мы указуемъ на грубыя ошибки въ пропорціяхъ, но неумѣлую трактовку человѣческаго тѣла. Однако, не смотря на все это, положительно во всѣхъ миниатюрахъ этого памятника несом-

вѣнно выдержано благородство формы, что и свидѣтельствуешь о талантѣ и врожденномъ вкусѣ автора миниатюръ.

Къ сожалѣнію, размѣры предлагаемаго очерка не позволяютъ намъ болѣе распространяться и рассказать о заставкахъ на рукописяхъ и рѣзбѣ по дереву и другихъ отрасляхъ художественной промышленности въ домонгольскій періодъ. Но и всего вышеприведеннаго достаточно, чтобы доказать, что русское искусство того времени отразило въ себѣ жизнь и выразило идеалы современнаго ему русскаго общества. И слѣдовательно въ началѣ нашей исторической жизни мы уже имѣли національное искусство. Если судить по аналогіи съ искусствомъ западно-европейскимъ, то мы въ XII вѣкѣ стояли уже у порога нашего возрожденія. Но татарское нашествіе положило предѣлъ естественному развитію нашего искусства и задержало его ростъ на многія столѣтія.

III.

Религіозно-філософское міросозерцаніе К. П. Побѣдоносцева.

V¹⁾.

УКАЗАВШИ на двѣ существенныя потребности, удовлетвореніе коихъ необходимо для счастья человѣка, и особенно настойчиво подчеркнувши необходимость ихъ равномернаго удовлетворенія, К. П. Побѣдоносцевъ выставляетъ положеніе, что какъ скопленіе естественныхъ благъ не доставляетъ счастья человѣку, такъ не есть его идеаль и первобытное состояніе.

По первому поводу онъ пишетъ такъ. Богатство приводитъ въ движеніе множество низшихъ побужденій человѣческой природы. Богатство налагаетъ на человѣка тяжелыя повинности, связываетъ его свободу во многомъ. Одна изъ самыхъ ощутительныхъ невзгодъ для богача—то, что онъ становится предметомъ эксплуатаціи, около него образуется сплетеніе лжи всякаго рода²⁾.

По второму же читаемъ слѣдующее.

Намъ не слѣдуетъ придерживатся нѣкоторыхъ мнѣній послѣдняго столѣтія и считать ихъ черты первобытной жизни за идеаль, къ которому постоянно должно стремиться современное человечество³⁾... Дикіе народы, при всемъ желаніи, не въ состояніи, подобно народамъ второй эпохи, улучшить почву своихъ земель; выкорчевавъ лѣса, они обрекли бы почву на безплодіе⁴⁾. Сторонясь отъ труда, увеличивающаго производительность почвы и развивающаго умственныя способности, они дѣлаются неспособными къ усовершенствованію средствъ добыванія насущнаго хлѣба и къ поддержкѣ нравственнаго закона, и, такъ сказать, атрофируютъ въ себѣ до нѣкоторой степени самыя лучшія способности человѣка⁵⁾...

¹⁾ См. „Мисс. Обзор.“ № 4 1906 г.

²⁾ Моск. сбор. 124 стр.

³⁾ Основ. Кон. 100.

⁴⁾ Основ. Кон. 101

⁵⁾ Основ. Кон. 102.

Весь смыслъ человѣческой жизни долженъ состоять въ согласованіи достояніи и изобрѣтеніи культуры XIX вѣка съ требованіями нравственнаго закона. Можетъ быть, эта культура была бы менѣе блестяща, чѣмъ въ настоящее время, можетъ быть открытія не были бы столь тонкими и импонирующими въ качественномъ отношеніи, но за то они были бы, можетъ быть, болѣе дѣйственны въ количественномъ отношеніи, захватывая большій кругъ людей, или говоря другими словами, они не способствовали бы сильному проявленію индивидуализма.. Скептикъ къ внѣшнему, матеріальному богатству, К. П. Побѣдоносцевъ пронзилъ своимъ холоднымъ анализомъ даже то благо, которое обыкновенно считается нравственно-высокимъ, это умственное богатство. „Подобно богатству и умъ, образованіе сковываетъ свободу человѣка, разрушаетъ его счастье, особливо умъ изъ ряда выходящій, господственный. Когда умный человѣкъ пріобрѣтаетъ авторитетъ, входитъ въ славу между людьми, поднимаются около него пошлыя побужденія человѣческой природы. Сближеніе съ нимъ ставятъ себѣ въ честь; люди лачинаютъ подходить къ нему не просто, а съ заднею мыслью—показаться передъ нимъ умными людьми и возбудить его вниманіе. Когда умный человѣкъ входитъ въ моду, нѣтъ такой пошлости, которая не пыталась бы надѣвать на себя передъ нимъ маску умнаго человѣка и кривляться передъ нимъ со всею аффектаціей, на которую способна пошлость“¹⁾.

Мы представляемъ себѣ возможнымъ прогрессъ подъ угломъ зрѣнія К. П. П. въ формѣ концентрическихъ круговъ, а не въ формѣ ломанной линіи..

Говоря о новомъ пути человѣческаго прогресса, когда возможно будетъ болѣе равномерное въ количественномъ отношеніи распределеніе матеріальныхъ и умственныхъ благъ, удовлетворяющихъ подробности „пасущаго хлѣба“, мы наталкиваемся и на разсужденіе автора по поводу вопроса: „можетъ ли человѣчество выйти изъ рокового круга смѣнъ благосостоянія и страданія, въ которомъ оно заключено до сихъ поръ“. Отвѣтъ дается такой: „Было бы химерой вѣровать въ будущее, какъ въ царство мира, окончательно установившееся. Человѣкъ, родясь порочнымъ и въ то же время свободнымъ, всегда будетъ склоненъ къ раздору. Съ другой стороны, большая часть людей родится

¹⁾ Моск. Сбор. 124 стр.

съ склонностью къ добру, которая подлежитъ безграничному развитію посредствомъ воспитанія“¹⁾).

Слѣдовательно, счастье, благосостояніе недостижимо по отношенію къ человѣчеству вообще, но достижимо по отношенію къ обществу, къ племени, и именно такому обществу, которое руководствуется требованіями нравственнаго закона²⁾. „Благоденствіе будетъ удѣломъ всякаго племени, доколѣ правители соблюдаютъ основныя начала социальнаго быта. Начинаясь бѣдствія, какъ скоро правители перестаютъ подавать примѣръ добродѣтели, или перестаютъ противоѣствовать вторженію порока и заблужденія“³⁾. Ограничивая объемъ (количество) счастья въ жизни людей, К. П. П. ограничиваетъ и форму (качество) его въ каждомъ человѣкѣ: чѣмъ шире человѣкъ будетъ ставить цѣли, тѣмъ онъ будетъ несчастнѣе. „Счастье отлетѣло отъ человѣка съ той минуты, какъ онъ захотѣлъ овладѣть безконечнымъ, сдѣлать его своимъ, познать его. „Будете знать добро и зло, будете, какъ боги“. Этому знанія не получилъ онъ, но въ немъ произошло раздвоеніе, и съ тѣхъ поръ одна половина его ищетъ другую для того, чтобы возстановить единство и цѣлостъ сознанія и жизни“⁴⁾).

Конст. П—чѣ неоднократно въ своихъ сочиненіяхъ упоминаетъ о раздвоенности, какъ недостаткѣ человѣка, противопоставляя ей цѣльность, „мѣрность“, однако и здѣсь остается вѣренъ себѣ, не вдаваясь въ философскій анализъ раздвоенности... Однако, понявъ ученіе его о жизни, какъ цѣли и критеріи бытія, мы поймемъ его ученіе о „раздвоенности“ съ одной стороны и цѣльности съ другой. Жизнь въ метафизическомъ и естественно-эмпирическомъ смыслѣ есть синтезъ, комплектъ признаковъ, качествъ и элементовъ. Поэтому дифференціация, разчлененіе элементовъ грозитъ разрушеніемъ жизни и существующаго. Возьмите напр. „столь“, разъедините его въ составныхъ частяхъ,—прекратитъ онъ свое существованіе; разложите „воду“ на кислородъ и водородъ,—утратится вода... и т. д. Такъ точно, обостряя одну изъ своихъ способностей въ ущербъ другой, человѣкъ разрушаетъ свое благосостояніе, разрушаетъ жизнь.

¹⁾ Основ. Конст. стр. 116.

²⁾ Курсивъ нашъ.

³⁾ Основ. Конст. 203.

⁴⁾ Моск. Сбор. 111 стр. Ср. „О подр. Христу“. 147 стр.

VI.

Приведенныя слова К. П. Побѣдоносцева о раздвоеніи человѣческой природы и возстановленіи единства и цѣлостности между сознаниемъ и жизнью классически-характерны, потому что содержать въ себѣ зерно, изъ котораго возрастаетъ и развивается ученіе К. П. П. о сущности гносеологическаго, педагогическаго и религіознаго процесса въ человѣкѣ.

И тотъ, и другой, и третій процессы, по мнѣнію К. П. П., тогда только могутъ считаться философски-истинными и практически-полезными, когда они будутъ жизненными, органическими, а не мертвыми, механическими. Жизнь, — какъ сейчасъ говорили — есть организмъ, то есть, строй, синтезъ различныхъ элементовъ. Поэтому синтезъ—единеніе, а не анализъ—разъединеніе выставляетъ К. П. П. и въ качествѣ мѣрки (критерія) и въ качествѣ средства (метода) для человѣческой гносеологіи, воспитательнаго искусства и церковно-религіозной программы.

Съ точки зрѣнія естественно-научной, человѣческое знаніе является результатомъ воздѣйствія на человѣка всей природы, т. е. всей совокупности элементовъ природы; отсюда познаніе человѣка идетъ по синтетическому методу и есть нѣчто сложное.

Объ этомъ свойствѣ человѣческаго познанія вспомнилъ своевременно М. О. Меньшиковъ, дѣлая изъ него приложеніе къ религіозной сферѣ, Побѣдоносцевъ же вспомнилъ о второмъ фактѣ, о второй области, подъ воздѣйствіемъ которой развивается вся система человѣческаго знанія, область воздѣйствія человѣка на человѣка, микрокосма на индивидуумъ. Оказывается, и здѣсь мы, люди, воздѣйствуемъ другъ на друга, или получаемъ впечатлѣнія отъ другихъ людей пластически, цѣлостно, и познаніе наше покоится не на понятіяхъ, а на ощущеніяхъ. „Во всякомъ дѣлѣ жизни дѣйствительной мы болѣе полагаемся на человѣка, который держится упорно и безотчетно мнѣній, непосредственно принятыхъ и удовлетворяющихъ инстинктамъ и потребностямъ природы, нежели на того, кто способенъ измѣнять свои мнѣнія по выводамъ своей логики, которые въ данную минуту представляются ему неоспоримымъ гласомъ разума“¹⁾... „Въ дѣйствительной жизни мы видимъ, что въ большей части случаевъ невозможно довѣ-

¹⁾ Москов. Сбор. 73.

ряться дѣйствію одной способности логическаго мышленія въ человѣкѣ“ 1)... „Двигателемъ дѣятельности служить невѣдѣніе само по себѣ, но не иначе, какъ въ соединеніи съ возбуждающимъ его ощущеніемъ“ 2).

Отсюда К. П. П. дѣлаетъ выводъ, что силлогизмъ не долженъ считаться высшимъ мѣриломъ истины. „Стоитъ только признать силлогизмъ высшимъ, безусловнымъ мѣриломъ истины,—и жизнь дѣйствительная попадетъ въ рабство къ отвлеченной формулѣ разсудочнаго мышленія, умъ со здравымъ смысломъ долженъ будетъ покориться пустотѣ и глупости, владѣющей орудіемъ формулы, и искусство, испытанное жизнью, должно будетъ смолкнуть передъ разсужденіемъ перваго попавшагося юноши, знакомаго съ азбукой формальнаго разсужденія. Можно себѣ представить, что случилось бы съ массою, еслибъ—удалось, наконецъ, нашимъ реформаторамъ привить къ массѣ вѣру въ безусловное руководительное значеніе логической формулы мышленія. Въ массѣ исчезло бы то драгоцѣнное свойство устойчивости, съ помощью коего общество успѣвало до сихъ поръ держаться на твердомъ основаніи“ 3). К. П. Повѣдносцевъ совѣтуетъ какъ можно чаще удерживаться отъ яда разрушающаго анализа. — „Когда душа ощущаетъ жизнь въ себѣ и поконится въ чувствѣ жизни, не стремясь знать, но отражая въ себѣ безконечное, какъ капля чистой воды на вѣткѣ отражаетъ въ себѣ солнечный лучъ, если есть у кого такая пора, дай только, Боже, чтобы она длилась дольше, чтобы самъ человѣкъ по своей волѣ не стремился изъ судьбы своей въ новые предѣлы. Дверь такого счастья не внутри отворяется: нажимая ее изнутри, ее не удержимъ на мѣстѣ. Она отворяется изнутри, и кто хочетъ, чтобы она держалась, не долженъ трогать ее“ 4)...

Въ этомъ пунктѣ К. П. П. сходенъ съ М. О. Меньшиковымъ, который въ одномъ изъ своихъ сочиненій подъ вліяніемъ вышеуказаннаго положенія, что познаніе есть результатъ одновременнаго, цѣлостнаго воздѣйствія на человѣка всей природы, не совѣтуетъ слишкомъ много „мудрствовать, гоняться за безусловной стройностью открывающихся истинъ“; что „точность обыкновенной прозы—аналитическій приѣмъ ея—есть признакъ величайшей неточности“. К. П. П. дѣлаетъ тотъ же выводъ изъ

1) Москов. Сбор. 73.

2) Москов. Сбор. 78.

3) Москов. Сбор. 74.

4) Москов. Сбор. 111—112.

своей гносеологической теоріи, но другими словами: „Одинъ развѣ глупецъ можетъ имѣть обо всемъ ясныя мысли и представленія. Самыя драгоцѣнныя понятія, какія вмѣщаетъ въ себѣ умъ человѣческій, — находятся въ самой глубинѣ поля и въ полумракѣ; около этихъ-то смутныхъ идей, которыя мы не въ силахъ привести въ связь между собою, — возвращаются ясныя мысли, расширяются, развиваются, возвышаются“... „Ключъ къ уразумѣнію существа сознательной жизни души лежитъ въ области безсознательнаго“¹⁾. Отсюда, быть можетъ, объясняется любопытная черта въ характерѣ К. П., о которой публично повѣдалъ знавшій его близко Б. В. Никольскій. К. П. не любилъ и съ большимъ подозрѣніемъ относился къ людямъ, на которыхъ все было гладко, опредѣленно, которые производили слишкомъ ясное, округленное впечатлѣніе.

VII.

Въ примѣненіи къ воспитательной педагогической области, К. П. Побѣдоносцевъ изъ той же гносеологической теоріи дѣлаетъ выводы, развиваемые на страницахъ какъ „Московского Сборника“, такъ особенно въ книгѣ „Ученье и учитель“.

Основная идея, объединяющая всѣ частныя педагогическія положенія, изложена Побѣдоносцевымъ въ концѣ предисловія къ книгѣ „Новая школа“.— „Всякое ученье безплодно и мертво, если оно не есть вмѣстѣ съ тѣмъ воспитаніе ума, съ возбужденіемъ живого интереса къ предмету труда, и воспитаніе воли къ труду добросовѣстному; знаніе нераздѣльно съ умѣніемъ, и оно тогда только прочно и дѣйственно, когда оно на умѣніи зиждется и возбуждается умѣніемъ“²⁾.

Или, какъ говоритъ К. П. П. въ другомъ мѣстѣ, — „знаніе должно имѣть цѣльность“³⁾.

Болѣе подробно о духовной цѣльности К. П. П. рассуждаетъ такъ: „Понятіе о духовной цѣльности человѣка вытѣсняется дробленіемъ ея на отдѣльныя способности и силы, изъ которыхъ каждая развивается и дѣйствуетъ по своимъ особеннымъ законамъ и въ полномъ разобщеніи съ другими. Естественно, что для того, кто свыкъ съ этими представленіями, трудно допустить, что всѣ способности человѣка подчиняются высшей духов-

¹⁾ Москов. Сбор. 189. Ср. „О подр. Христу“. 32, 7 стр. „Вѣчная пам.“ 4, 103 стр.

²⁾ „Новая школа“—Пред. стр. 4.

³⁾ „Ученье и учит.“. I. 44 стр.

ной силѣ сознаніемъ просвѣтленнаго самообладанія, и что въ сущности у всѣхъ одна задача—сознаніе цѣльнаго образа нравственнаго человѣка. И такъ становится понятенъ намъ человѣкъ, какъ равнодушное вмѣстилище, въ которомъ укладываются разныя способности, и мы продолжаемъ толковать о высокому значеніи личности, не замѣчая, что мы же подорвали его, откинувъ понятіе о внутренней цѣльности. Намъ не представляется несколько невозможнымъ, чтобы одинъ и тотъ-же человѣкъ вѣрился въ одно, звалъ другое, восхищался третьимъ... Когда понадобится можно открыть одинъ ящикъ, а всѣ прочіе закрыть ¹⁾.

Какъ же достигнуть этой цѣльности?

Изъ множества цѣнныхъ соображеній К. П. П. мы приведемъ только нѣкоторыя, рисующія формальную и матеріальную сторону этого процесса. Съ формальной стороны, по совѣту К. П. П., не нужно смѣшивать понятіе знанія съ понятіемъ умѣнья е. „Сколько надѣлало вреда смѣшеніе понятія о знаніи съ понятіемъ объ умѣніи. Увлечшись мечтательною задачею всеобщаго просвѣщенія, мы назвали просвѣщеніемъ извѣстную сумму знаній, предположивъ, что она пріобрѣтается прохожденіемъ школьной программы, искусственно скомпонованной кабинетными педагогами. Устроивъ, такимъ образомъ, школу, мы отрѣзали ее отъ жизни и задумали насильственно загонять въ нее дѣтей для того, чтобы подвергнуть ихъ процессу умственного развитія по нашей программѣ“ ²⁾. Дѣлу вредить также вѣра въ спасительное дѣйствование метода, т. е. строя ученія. „Мы склонны приписывать дѣйственную силу методу обученія. Но примѣненіе той или другой методы можетъ имѣть одно лишь механическое дѣйствіе, если ученикъ не понимаетъ, зачѣмъ ему тотъ или другой урокъ. Усвоить ученіе можно только посредствомъ внутренней усвоенія: одно внѣшнее для сего безсильно ³⁾.

Проявленію любознательности и наблюдательности, по словамъ К. П. П., мѣшаетъ увеличеніе „количественнаго знанія“, расширеніе программъ:—„Разсвѣяніе въ разныя стороны развлекаетъ мысль, расслабляетъ волю и мѣшаетъ сосредоточиться на дѣлѣ. Сколько бы ни поглотилъ въ себя образовъ и свѣдѣній дилеттантнизмъ любознательности и вкуса, все останется без-

¹⁾ „Ученые и учит.“ II. 7—8.

²⁾ Моск. Сбор. стр. 69. Ср. „Вѣчная память“ 12.

³⁾ „Ученые и учит.“ стр. 27.

плодно, если не можетъ онъ собрать все свое существо въ себя и двинуть его къ дѣлу“¹⁾.

Для приобрѣтенія цѣльности характера, жизненности впечатлѣній и сосредоточенности мышленія, К. П. Побѣдоносцевъ совѣтуетъ прибѣгать къ приемамъ, матеріальную сторону которыхъ онъ рисуетъ такъ: „Берегись употреблять отвлеченныя фразы, берегись нанизывать правило на правило. Дорога, вымощенная отвлеченностями да правилами, ведетъ къ отупѣнію и отводитъ отъ жизни“²⁾.

Въ противовѣсъ этому, К. П. П. совѣтуетъ вводить въ учебный курсъ ознакомленіе съ самими авторами. „Знаніе непосредственное, изъ первыхъ рукъ, важнѣе знанія изъ вторыхъ рукъ; послѣднее должно служить только замѣной перваго, гдѣ первое невозможно“³⁾.

„Если для исторіи литературы руководствоваться однимъ учебникомъ, не будетъ толку. Дай ученику прочесть стихотвореніе поэта—научи его прочесть, какъ слѣдуетъ—и тогда легко будетъ тебѣ объяснить, а ему понять, кто былъ писатель и что онъ значитъ“⁴⁾. Особенно К. П. П. (едвали не первый въ Россіи) заклеимилъ такъ называемое „объяснительное чтеніе“. „Есть методическіе лабиринты, въ которыхъ только опытный и разумный учитель можетъ найти себѣ входъ и выходъ, а неразумный и начинающій путается безъ исхода. Таковъ лабиринтъ прославляемаго „объяснительнаго чтенія“. Разыгрываясь на этомъ широкомъ полѣ, фантазія учителя можетъ довести ученика до отупѣнія, прерывая мысль его въ чтеніи на каждомъ шагу и сбивая его съ толку вопросами и внушеніями“⁵⁾.

Такіе приемы, рекомендуемые К. П. П., быть можетъ, и не дадутъ уму внѣшней стройности, логической ясности, останутся въ области „безсознательнаго“, но за то, быть можетъ, воздѣйствуютъ на всю психику ученика, разольются по всѣмъ уголкамъ его существа. Такимъ образомъ, К. П. Побѣдоносцевъ и въ педагогикѣ примѣняетъ свой принципъ „пластичности жизни“.

VIII.

Послѣ ученія К. П. Побѣдоносцева о сущности и условіяхъ человѣческаго познанія, а также сущности педагогическаго про-

1) Моск. Сбор. 135 стр. Ср. Вопр. жизн. 67.

2) Ученье и учит. 1 кн. стр. 11.

3) Моск. Сбор. 83 ст.

4) Ученье и учит. I. стр. 9.

5) Ученье и учит. I. стр. 14.

цесса, можно понять и религіозный элементъ въ его міросозерцаніи, т. е. его ученіе о сущности религіи и условіяхъ религіознаго познанія и религіознаго воспитанія.

Религіозное ученіе К. П. П. мы поставляемъ въ связь съ гносеологіей въ силу замѣчаемаго взаимоотношенія между тѣмъ и другимъ, какъ у различныхъ религіозныхъ мыслителей, такъ и комментаторовъ ихъ. Такъ напримѣръ, если гносеологія того или другого автора приводитъ къ выводу о невозможности познанія „истины“ вообще, или невозможности познанія истины индуктивнымъ путемъ, то обыкновенно такой религіозный мыслитель признаетъ или необходимость интуиціи (откровенія) для возникновенія религіи, или же проповѣдуетъ слѣбую, безотчетную вѣру. Если же гносеологія выставляетъ индукцію, какъ методъ и критерій человѣческаго знанія, признаетъ „ощущенія“ какою высшихъ понятій, то и религія въ глазахъ такого мыслителя является однимъ изъ фактовъ человѣческой исторіи и элементовъ человѣческой природы, подлежащимъ изученію или же, не подлежа изученію, превращается въ одно чувство, въ одно намѣреніе. Между этими двумя полюсами находятся различныя переходныя ступени, взаимныя дополненія, порождающія пестроту религіозныхъ теорій. Что же касается того, почему я, приступая къ обсужденію религіознаго элемента въ міросозерцаніи К. П. П., предупредилъ, что его гносеологія помогаетъ выясненію этого пункта, то такое замѣчаніе сдѣлано мною въ виду того, что этотъ вопросъ — освѣщенъ послѣднимъ очень слабо. Большой холодный аналитикъ, вскрывающій, словно анатомъ, невидимые элементы сложныхъ человѣческихъ явленій, какъ напримѣръ, парламентаризма, вліянія печати, роста человѣческаго характера, К. П. П. сжимается въ своемъ анализѣ, прекращаетъ разсужденія, когда подходитъ къ такому явленію человѣческой жизни, какъ „вѣра“ и „религія“. Онъ здѣсь не анатомируетъ, не анализируетъ, а синтезируетъ, описываетъ, пластически изображаетъ вѣру не въ ея составныхъ частяхъ, а въ ея жизни, въ вибраціяхъ человѣческой души.

Въ такомъ пріемѣ сказалась оригинальная черта К. П. П.—ва, отличающая его, напримѣръ, отъ такихъ философовъ-мыслителей, какъ Б. Н. Чичеринъ, В. В. Розановъ и др. Эти мыслители старались проанализировать религію, какъ чувство, и посвятили этому предмету цѣлыя отдѣлы своихъ сочиненій. Въ концѣ концовъ они превратили религію изъ чувства въ разсудокъ, въ нѣчто мертвое и бездушное, и въ оцѣнкѣ ре-

лигіи не ушли далѣе обычныхъ шаблонныхъ фразъ о томъ, что „религія есть стремленіе къ живому, общеніе съ абсолютнымъ“, „какъ скоро человѣкъ имѣетъ понятіе о Богѣ, онъ необходимо стремится къ единенію съ Нимъ“¹⁾, или что „религія есть возстановленное отношеніе между человѣкомъ и Творцемъ его или какъ выполненное въ религіи истинной или какъ стремленіе выполнить въ религіяхъ пелстинныхъ“, „что въ человѣкѣ, какъ духъ, живетъ дыханіе Творца, и этимъ дыханіемъ живетъ онъ, какъ духъ“²⁾. К. П. Побѣдопосцевъ оставилъ свой анализъ при входѣ во святилище вѣры, подобно воину, снимающему оружіе при входѣ въ алтарь, и удержалъ религію въ границахъ чувства и ощущенія, не покрылъ ее амальгамой разсудочности. Въ результатѣ получилась удивительная картина: — съ одной стороны, посвященіе разсужденіямъ о сущности вѣры въ „Московскомъ Сборникѣ“ только 9 листовъ (164—182 стр., изд. 1901 г.), въ „Вопросахъ Жизни“—2 листовъ (52—56), въ „Основн. Конст. чел. рода“—2 листовъ (75—77 стр.), а съ другой стороны появленіе перевода книгъ „О подражаніи Христу“ Фомы Кемпійскаго, „Исповѣдь блаженнаго Августина“ (въ книгѣ „Побѣда, побѣдившая міръ“) и книги „Праздники Господни“. Все эти книги проникнуты общимъ преобладающимъ въ нихъ чувствомъ и воодушевленіемъ. И „Праздники Господни“, и нѣкоторыя примѣчанія къ книгѣ „О подражаніи Христу“ представляютъ образъ лирическаго молитвеннаго изліянія, свидѣтельствующаго о неподдѣльномъ религіозномъ чувствѣ автора.

Въ то время какъ Чичеринъ и Розановъ дали разсужденіе по поводу религіи или молитвы,—отпосаясь весьма скептически, къ молитвенному творчеству церкви, выразившемуся въ богослужебныхъ молитвахъ и пѣснопѣніяхъ, не смотря на пониманіе религіи и Бога въ реально-физиологическомъ, т. е. жизненномъ смыслѣ (какъ это напр. замѣчаютъ у В. В. Розанова во второй періодъ его литературной дѣятельности),—К. П. Побѣдопосцевъ далъ самую религію, самую молитву... Какимъ, напр. лиризмомъ, какимъ творческимъ вдохновеніемъ дышатъ размысленія по поводу Новаго Года и Вербной субботы и др. праздни.

¹⁾ Чичеринъ: „Наука и религія“ (изд. 1901 г.) стр. 174 и далѣе.

²⁾ Розановъ: „О пониманіи“ стр. 541 и далѣе. Приведенными словами, говоря точнѣе, выражается взглядъ Розанова на религію за первую половину его литературной дѣятельности... Но и за вторую половину религіозные взгляды Розанова—вносяшіе „жизнь и физиологію въ существо религіи, покаместъ не дають отпрысковъ религіи въ душѣ, чувствѣ“.

въ его сочиненіи „Праздники Господни.“—„Стоя въ раздумьѣ, тоскѣ и тревогѣ на новомъ поворотѣ жизни, въ минуту прощанія съ тѣмъ, къ чему привязалъ свою душу,—и я спрашиваю: куда Ты ведешь меня, Боже всевѣдущій. Не знаю, гдѣ моя дорога, что меня ожидаетъ на ней, когда она окончится,—но голосъ Духа Твоего говоритъ мнѣ ясно, что новыя узы, новыя скорби ждуть меня на ней. Сколько разъ еще разобьется сердце, сколько пройдетъ еще огней, покуда загорится все чистымъ огнемъ Твоимъ. Сколько еще переживетъ земныхъ привязанностей, сколько разъ горькимъ опытомъ убѣдится, что всякъ человекъ—ложь, и что Ты Одинъ—любовь и истина“¹⁾.

„Господи, пошли мнѣ такое чувство въ этотъ часъ, чтобы я могъ встрѣтить Тебя, какъ мнѣ хочется, какъ жаждетъ душа моя. И пусть оно придетъ ко мнѣ опять въ ту рѣшительную минуту, когда Ты въ послѣдній разъ мнѣ явишься—взять мою душу. Пусть и тогда не останется на мнѣ ни одной одежды, сотканной земною жизнью, чтобы я могъ и тогда съ дѣтскою радостью встрѣтить Тебя и сказать съ послѣднимъ дыханіемъ: Осанна. Ей, гряди, Господи Исусе“²⁾.

Глубиною чувства и свѣжестью тона отличаются многія разсужденія К. П., помѣщенныя въ видѣ приложения въ сочиненіи „О подраж. Христу“³⁾.

IX.

И по этимъ выдержкамъ изъ оригинальныхъ сочиненій К. П. П. и по тому факту, что К. П. остановился на переводѣ сочиненій, запечатлѣнныхъ печатью религіознаго мистицизма, можно заключить, что религіозное мышленіе К. П. носитъ также оттѣнокъ мистицизма. Однако, чтобы понять мистицизмъ К. П. Повѣдоносцева и его основы, нужно принять во вниманіе, какъ мы уже сказали, его гносеологію.

Часто, въ то время, когда „религія“ бывала предметомъ научнаго изученія, она изъ жизненнаго факта превращалась въ отвлеченный терминъ, въ номенклатуру, и изслѣдователь вмѣсто того, чтобы объяснить значеніе и содержаніе религіи, объяснялъ отношеніе слова „религія“ къ категоріи человѣческихъ знаній, и вмѣсто того, чтобы выяснить происхожденіе религіи, какъ

¹⁾ „Праздники Господни“ стр. 46—47.

²⁾ „Праздники Господни“ 81 стр.

³⁾ См. на стран. 3, 6, 11, 13, 18, 21, 25, 27, 31, 34, 38, 41, 44, 48, 59, 72, 78, 65, 141, 147, 197, 205, 246, 255, 261, 278.

чувства, объясняя происхождение слова „религія“. Получалось известное положеніе:—такъ какъ слово „религія“ (отъ „religare“) обозначаетъ связь, союзъ, то и „вѣра есть единеніе между Богомъ и человѣкомъ“. Каковъ же взглядъ К. П. Побѣдоносцева на происхождение „религіи“? Въ этомъ пунктѣ, какъ и въ пунктѣ о цѣли жизни, К. П. П.—въ начинаетъ съ факта,—съ факта жизненности религіи. Религія существуетъ. „Религіозное чувство нераздѣльно съ нею: оно живо и неискоренимо, ибо коренится въ природѣ земного бытія человѣческаго“¹⁾.

„Отъ начала положено въ каждой душѣ человѣческой желаніе къ Богу живому. Прежде, чѣмъ сознаетъ себя, душа начинаетъ искать Бога“²⁾.

Для К. П. происхождение религіи такъ же безразлично, какъ происхождение человѣка—отъ обезьяны или праха земного. Важенъ самый фактъ, что религія и нравственность существуютъ въ человѣкѣ. Существовая въ человѣческой природѣ, религія проявляется въ такихъ фактахъ: Сознаніе своего бессмертнаго „Я“, вѣра въ Единаго Бога, ощущеніе грѣха, исканіе совершенства, жертва любви, чувство долга—вотъ истины, въ которыя душа вѣритъ, не обманываясь, не идолопоклонствуя передъ формулой и теоріей“³⁾. Никакая религія невозможна безъ признанія аксіоматическихъ истинъ, недосягаемыхъ индуктивнымъ путемъ. Къ такимъ аксіомамъ принадлежитъ бытіе личнаго Божества, духовность души человѣческой; отсюда вытекаетъ супернатурализмъ, безъ котораго немыслима никакая религія“⁴⁾. Такое настроеніе всегда будетъ свойственно человѣку:—„Человѣкъ всегда будетъ ощущать свое безсиліе, не смотря на всѣ усовершенствованія матеріальныхъ условій частной и общественной жизни, всегда будетъ ощущать себя раздвоеннымъ существомъ, вопреки всѣмъ ученіямъ, провозглашающимъ свободу плоти и похотей, всегда будетъ сознательно или безсознательно стремиться къ идеальному единству и совершенству. Сколько бы ни ощущалъ онъ въ себѣ животной силы и энергіи, сколько бы ни наслаждался ею, душа его не перестанетъ разсуждать о предѣлѣ земного бытія. Доколѣ человѣкъ не превратится совсѣмъ въ животное, религіозное чувство нельзя исторгнуть изъ души его и изъ соціальной жизни; всякое для

1) Вопросы жизни—52 стр.

2) О подр. Христу. 95 стр.

3) Моск. Сбор. 138.

4) Моск. Сб. 162.

этого насиліе будетъ безумнымъ, и самыя фанатическія преслѣдованія религіи приведуть съ другого конца развѣ къ извращенію вѣры—въ суевѣріе“¹⁾.

На этомъ основаніи К. П. Побѣдоносцевъ считаетъ религію вѣчнымъ достояніемъ человѣчества.

Такъ какъ религія есть сама жизнь, неразрывно связанная со всеми функціями человѣческаго существа, а эту жизнь, какъ сказано ранѣе, нельзя понять и объяснить логически, то, по взгляду К. П. П—ва, и религію нельзя вмѣстить въ логическую формулу.—„Абсолютную истину идеи и чувства не можетъ дать никакой,—самый тонкій и художественный,—критическій анализъ фактовъ“²⁾. „Что выше меня, неизмѣримо, что отъ вѣка было и есть, что неизмѣнно и безконечно, чего не могу я объять, но что меня объемлетъ и держитъ“³⁾—вотъ, во что я хочу вѣрить, какъ въ безусловную истину,—а не въ дѣло рукъ своихъ, не въ твореніе ума своего, не въ логическую формулу мысли. Безконечность вселенной и начало жизни невозможно вмѣстить въ логическую формулу“⁴⁾.

Отсюда вытекають слѣдующіе выводы: 1) религія, какъ и званіе, поконится, таится, въ бессознательной части бытія. „Существенное въ каждомъ вѣроисповѣданіи едва-ли возможно выразить, выяснитъ на бумагѣ или въ опредѣленной формулѣ. Самое существенное, самое драгоценное въ церковномъ вѣрованіи—неуловимо, недоступно опредѣленію, подобно разнообразію свѣта и тѣней, подобно чувству, сложившемуся изъ безконечнаго ряда послѣдовательныхъ ощущеній, представленій и впечатлѣній“⁵⁾.

2) Источника религіи—Бога невозможно выразить и понять разсудочно, логически, можно понять только ощущеніемъ. „Каждый человѣкъ живой душою ощущаетъ“⁶⁾ своего Создателя, такъ же просто, какъ живетъ, и въ этомъ простомъ ощущеніи, независимо отъ разума, обрѣтаетъ свою вѣру“⁷⁾. „Жалкій тотъ человѣкъ, который Бога не ощущаетъ съ собою.. и жизнь страшна ему и смерть страшна“⁸⁾. Душа, какъ нѣкогда

1) Вопр. жизни 53.

2) Моск. Сб. 141.

3) Курсивъ К. П. П—ва.

4) Моск. Сб. 137—138.

5) Моск. Сб. 196.

6) Курс. К. П. Побѣд.

7) Моск. Сб. 171.

8) Ист. дѣтской души—244.

Психея, ощущаетъ Божество — и, среди мрака земного невѣдѣнія, трепетно ищетъ осязатъ то невидимое, въ чемъ она уже обрѣла себѣ радованіе.. но не хватаетъ ея въ свѣтильникъ знанія, тусклое его пламя не можетъ пролить свѣта на предвѣчное сіяніе,—въ лучахъ его оно само собою потухаетъ¹⁾. Весь трагизмъ, вся бѣда Ліонеля, несчастнаго героя „Исторіи дѣтской души“, заключалась въ томъ, что, онъ не могъ научно доказать то, присутствіе чего ощущалъ, и не могъ отречься отъ этого неосязаемаго „вѣчто“, въ которомъ—самъ чувствовалъ—было для него все“²⁾.

Такимъ образомъ Богопознаніе К. П. П.—ва зиждется на Богоощущеніи, и Самъ Богъ, какъ покоящійся въ области безсознательнаго и невмѣщающагося въ область логическихъ формулъ, есть „Непознаваемое Существо“. Вслѣдствіе этого и К. П. П. не прочь принять наименованіе Бога „невѣдомымъ“, въ согласіи съ другими нашими религіозными мыслителями (какъ это можно было бы доказать, приведя ихъ сравнительныя характеристики), и прежде всего, быть можетъ, въ согласіи съ терминами православныхъ молитвъ, именующихъ Бога „невѣдомымъ, непостижимымъ, неизреченнымъ“...

Сходясь съ другими мыслителями въ пониманіи сущности Бога и религіознаго процесса, К. П. Побѣдоносцевъ отличается, если не отъ всѣхъ, то отъ многихъ изъ нихъ тѣмъ, что сохраняетъ равновѣсіе и точность въ терминологіи „религіи“. Если религія есть ощущеніе и переживаніе Бога, то ее нельзя назвать союзомъ между Богомъ и человѣкомъ, предполагающимъ качественное равенство союзниковъ, и нельзя назвать „стремленіемъ“,—потому что всякое стремленіе предполагаетъ, хотя бы въ начальной, исходной точкѣ своего процесса недостатокъ, отсутствіе, пробѣлъ чего то, подлежащій заполненію; между тѣмъ какъ религія—есть фактъ.

Вслѣдствіе этого, религія, какъ и познаніе человѣческое, есть отраженіе высшаго идеала, есть поглощеніе, всасываніе этого идеала, есть методическое переживаніе Бога, а не бурный потокъ. „Не высокимъ пареніемъ и не глубокимъ изслѣдованіемъ приближаемся мы къ Богу, но смиреніемъ простоты“³⁾. Религія есть—не развитіе, а сохраненіе, консерватизмъ. Снова хочется вспомнить здѣсь слѣдующую фразу К. П. П.—ва: „Когда душа

¹⁾ „Ист. дѣт. души“—215 стр. „Вѣчная память“—41 стр.

²⁾ „Ист. дѣт. души“. 217 стр.

³⁾ „О подраж. Христу“. 98 стр.

ощущаетъ жизнь въ себѣ и покоится въ чувствѣ жизни, не стремясь знать, но отражая въ себѣ безконечное, какъ капля чистой воды на вѣткѣ отражаетъ въ себѣ солнечный лучъ“ 1)...

X.

Изъ такого ученія К. П. П—ва о сущности религій можно понять его ученіе о Церкви, объ отношеніи религій къ обряду, ученіе его о воспитаніи религіознаго чувства, а также ученіе о свободѣ совѣсти и отношеніи между Церковью и Государствомъ.

Такъ какъ религія есть жизнь, то она обыкновенно отражается и воплощается во всей жизни человѣка, а также и въ обрядѣ. Поэтому—церковный обрядъ—это одежда, форма, въ которой люди въ разныя времена воплощали для себя религіозное начало, выражали идею Божественнаго въ мірѣ, облакая ее въ живое и дѣйственное тѣло, чтобы она могла обитать между нами, облакая словомъ живымъ и животворящимъ.

„И выразить нельзя, что значить для человѣчества это одѣяніе жизни, важнѣе и необходимѣе всѣхъ одеждъ и украшеній жизни человѣческой“ 2). „Въ массѣ религіозное представленіе, религіозное чувство выражается во множествѣ обрядностей и преданій, которыя съ высшей точки зрѣнія могутъ казаться суевѣріемъ и идолослуженіемъ“... „Но въ этой оболочкѣ, нерѣдко грубой, народнаго вѣрованія таится самое зерно вѣры, способное къ развитію и одухотворенію, таится та же вѣчная истина“ 3).

Религія есть жизнь и воплощеніе физической стороны народа. Она не можетъ быть только внутреннимъ достояніемъ человѣка, а облакается въ общество,—отсюда возникаетъ ученіе К. П. П—ва о церкви. „Гдѣ собраны двое или трое“, только тамъ религія, таящаяся въ духѣ, неистребимо у каждаго, является во внѣшнемъ выраженіи и стремится воплотить себя въ видимомъ общеніи воплотившей церкви. Тайнственно и чудодѣйственно это общеніе одной души съ другою—въ стремленіи къ небу: только въ этомъ стремленіи, а не въ стремленіи книзу, къ землѣ, становится союзъ взаимной любви, образуется общество“ 4). Здѣсь же находится классическое мѣсто, свидѣтельствующее о томъ,

1) „Моск. Сбор.“. Стр. 111.

2) „Моск. Сбор“. 268.

3) „Моск. Сбор“. 151.

4) „Моск. Сбор“. 263 стр.

что церковь—среда есть и школа религіозности, потому что она физически, такъ сказать, органически, производитъ религіозное ощущеніе. „Взглянетъ человекъ въ лицо брату, встрѣтитъ взглядъ его—ласковый, привѣтливый, любовный,—или распаленный гнѣвомъ и ненавистью, и вотъ душа его, дотолѣ спокойная, невольно сама загорается тѣмъ же огнемъ, и отражаясь отъ одного къ другому, огонь вырастаетъ въ безпредѣльное пламя—либо пылкой любви, либо смертельной ненависти: вотъ какая чудесная сила течетъ отъ человека къ человеку. И если такъ дѣйствуетъ эта сила на тѣсныхъ путяхъ земной нашей жизни,—каково должно быть ея дѣйствіе въ стремленіяхъ къ жизни небесной, когда одна душа входитъ въ общеніе съ другой душою въ самой глубинѣ своего внутренняго „я“. Миръ человѣческій—тоже вселенная, и тоже держится силою тяготѣнія. Нѣтъ души человѣческой, которая не обладала бы въ той и другой степени этой силой и сама этой силой не подчинялась. Если бы каждый изъ насъ разумно сознавалъ это, сколько силы нравственной, напрасно расточаемой, могъ бы онъ скопить и распространить около себя въ своей сферѣ. Сколько душъ человѣческихъ, съ которыми приходитъ въ ежедневное соприкосновеніе, могъ бы поддержать и исправить“¹⁾).

Вслѣдствіе того обстоятельства, что религія покоится на органическихъ посылакахъ, усиливаемыхъ социологическими (церковными), не можетъ быть вопроса о такъ называемой свободѣ совѣсти. Религіи и религіозному человеку свойственно восполняться и расширяться. „Никакая религія не свободна отъ большей или меньшей склонности къ фанатизму“²⁾. „Спорный вопросъ о вѣротерпимости, т. е. о равнодушномъ отношеніи ко всякимъ вѣрованіямъ, давно рѣшился бы очень просто, когда бы всѣ вѣрованія держались между собою въ равнодушномъ отношеніи. Но этого никогда не бывало и донинѣ не бываетъ Представительные люди въ каждой церкви и въ каждомъ вѣрованіи преисполнены страстнаго желанія, чтобы всѣ сторонніе люди примкнули къ нимъ и присоединились къ ихъ вѣрованію. Это желаніе, разгораясь, ослѣпляетъ человека и получаетъ характеръ фанатическаго требованія.

Источникъ его можно указывать—въ благоволительномъ желаніи сообщить другимъ людямъ спасительное благо вѣры. Бу-

¹⁾ Вѣчная пам. 21 стр. Срав. 69 стр.

²⁾ Моск. Сбор. 207 стр.

лучи самъ убѣжденъ въ томъ, что обладаетъ единою истинною вѣрой, и что эта истина одна для всѣхъ спасительная, ревнитель вѣры стремится со всею ревностью сообщить ее всѣмъ ¹⁾.

Сколько бы ни разсуждали въ теоріи, принципиально, о вѣротерпимости,—на дѣлѣ ея не существуетъ, по природѣ человѣческой, какъ скоро дѣло касается ученія о вѣрѣ. Нѣтъ ни одной церкви, нѣтъ ни одного вѣроученія (какъ бы ни было оно дико и безсмысленно), которое въ дѣйствительности держалось бы проповѣдуемой имъ свободы: ни одно не отрекается отъ права отрицать и преслѣдовать всякое иное ученіе“.

Правда, К. П. П. не желалъ изъ такого свойства вѣры, изъ скрытаго состоянія проводить въ дѣйствующее, открытое, дѣлая фанатизмъ, такъ сказать, „боевымъ“, ибо онъ говоритъ: „Сохрани Боже, порицать другъ друга за вѣру; пусть каждый вѣруетъ по своему, какъ ему сроднѣе. Но у каждаго есть вѣра, въ которой ему пріютно, которая ему по душѣ, которую онъ любитъ: и нельзя не чувствовать, когда подходишь къ иной вѣрѣ, неродной, несочувственной, что здѣсь—не то, что у насъ; здѣсь непріютно и холодно; здѣсь не хотѣлъ бы жить“. Поэтому, обобщая положеніе К. П. П-ва о свободѣ совѣсти, можно сказать, что онъ совѣтуетъ „лучше не поднимать вопроса о свободѣ совѣсти“ законодательнымъ или литературнымъ путемъ, представляя безсознательной, непосредственной пластикѣ жизни разрѣшать этотъ вопросъ (что будетъ, можетъ быть, худшимъ зломъ по сравненію съ ожесточенными гоненіями).

Свящ. А. Антоновъ.

(Окончаніе слѣдуетъ).

¹⁾ Вопр. жизни. 20 стр.

Св. Ефремъ Переяславскій—строитель первыхъ больницъ въ Россіи.

(Церковно-историческая справка для современныхъ богатыхъ монастырей и лавръ).

Св. Ефремъ былъ епископомъ Переяславскимъ въ концѣ XI в., въ домонгольскій періодъ русской исторіи. Переяславская епископская область въ то время занимала почти всю теперешнюю Полтавскую губернію и сверхъ того: юго-западный уголъ Курской губерніи, сѣверо-западную половину Харьковской губерніи, небольшую полосу въ сѣверной части Орловской губерніи и южную часть Черниговской губерніи, по р. Остру. Границы ея были слѣдующія: на востокъ—верхнія теченія рѣкъ Сейма, Псела и Сѣвернаго Донца, на западъ—рѣка Днѣпръ отъ впаденія въ нее рѣки Десны до впаденія рѣки Ворсклы, на югъ—теченія рѣкъ Ворсклы и Сѣвернаго Донца, на сѣверъ—теченія рѣки Десны и ея притоковъ: Сейма и Остра¹⁾. Переяславскимъ же епископамъ въ XI и въ первой половинѣ XII в. въ церковно-іерархическомъ отношеніи было подвѣдомственно также и княжество Смоленское²⁾.

Главнымъ городомъ епископской области былъ столичный городъ Переяславскаго Удѣльнаго княжества—Переяславль русскій, нынѣ уѣздный городъ полтавской епархіи, входящій въ титулъ полтавскихъ іерарховъ, которые именуются полтавскими и переяславскими. Такимъ образомъ св. Ефремъ былъ однимъ изъ отдаленныхъ предшественниковъ теперешнихъ полтавскихъ святителей. Онъ былъ по счету третьимъ епископомъ³⁾ со времени первоначальнаго учрежденія переяславской епархіи, послѣ

¹⁾ Литературу см. у И. Яновскаго: „Епископы Переяславля русскаго и предѣлы ихъ епархіи“, „Полт. Епарх. Вѣд.“ 1899. 22; стр. 851—852.

²⁾ Ист. р. ц. Е. Голубинскаго. М. 1880. В. I, стр. 567.

³⁾ И. Яновскій, 1. с. стр. 857—861.

оставленія Переяславля первыми кievскими митрополитами, жившими въ немъ до построенія Кіевскаго Софійскаго собора и митрополичьяго дома при немъ въ 1037 году 1).

Родиной св. Ефрема былъ городъ Милитинъ 2), который, повидимому, находился неподалеку отъ Переяславля, въ области переяславскихъ іерарховъ 3). Можетъ быть, онъ былъ на мѣстѣ теперешняго села Малютинцы Переяславскаго уѣзда, напоминающаго своимъ названіемъ имя города 4). Нѣкоторые историки дѣлали предположеніе, что св. Ефремъ былъ по происхожденію грекъ и мѣстомъ родины его считали армянскій городъ Мелитены (Μελιτήνη) 5), но такое предположеніе не можетъ быть согласовано съ тѣмъ несомнѣннымъ фактомъ, что родной городъ св. Ефрема находился въ его епископской области, которая не могла простирается до далекой Арменіи.

Св. Ефремъ, по свидѣтельству лѣтописи, былъ скопецъ 6), оскотенный не по своей доброй волѣ, такъ какъ въ такомъ случаѣ онъ не могъ быть епископомъ. Варварскій обычай оскотенія въ описываемую эпоху былъ въ большомъ распространеніи какъ въ Византіи, такъ и въ Кіевской Руси. Скопцамъ обыкновенно поручался надзоръ за женской половиной княжескихъ и боярскихъ домовъ. И св. Ефремъ до поступленія въ монашество занималъ должность «евнуха» при дворѣ великаго князя кievскаго Изяслава Ярославича 7). Здѣсь онъ достигъ высшаго положенія, сдѣлавшись любимымъ бояриномъ и главнымъ домоправителемъ великаго князя: «бѣ зѣло любимъ княземъ, придержа у него вся»—говоритъ о немъ лѣтописецъ 8). Но ни высокое положеніе при княжескомъ дворѣ, ни знатность, ни богатство, не могли удовлетворить душевныхъ стремленій св. Ефрема. Въ 1054 году онъ, помимо воли великаго князя,

1) Ист. р. ц. Е. Голубинскаго. Т. I, Стр. 286. Ист. р. ц. Макарія, т. II, стр. 16—18.

2) Полн. Собр. Рус. Лѣт. IX, 116.

3) Архим. Леонидъ. „Память древн. писемъ“ 1888. LXXII, стр. XIII—XIV, — Ист. р. ц. Макарія, Спб. 1857, т. I.

4) Н. Сагорда. „Къ житію св. Ефрема Печерскаго еписк. переяславскаго“, — Полт. Епарх. Вѣд. 1895. 20, стр. 70.

5) Карамзинъ. „Истор. Госуд. Россіи“, II, примѣч. 160. М. А. Максимовичъ. Собр. соч. Т. I, стр. 111—116. Е. Голубинскій. Ист. р. ц. Т. I, в. I. — Игуменъ Поліевктъ. „Полт. Еп. Вѣдом.“ 1867—1868.

6) Полн. Собр. Рус. Лѣт., I. 89.

7) Патерикъ или Отечникъ Печерскій. Изд. 1661 г., стр. 138.

8) Ипатек. Лѣт. Стр. 146.

постригся въ монашество въ пещерномъ монастырѣ препод. Антонія у блаженнаго старца іеромонаха Никона ¹⁾. Этимъ св. Ефремъ навлекъ княжескій гнѣвъ какъ на себя, такъ на препод. Антонія и на его пещерную обитель. Только просьбы жены Изяслава къ своему супругу и угрозы ея гнѣвомъ Божіимъ за преслѣдованіе святыхъ отшельниковъ спасли ихъ отъ предположеннаго изгнанія изъ Кіева. Но св. Ефремъ, вѣроятно, по совѣту своихъ наставниковъ, нашель для себя болѣе умѣстнымъ удалиться изъ Кіева и отправился въ Константинополь. Здѣсь онъ жилъ много лѣтъ.

Около 1063 года препод. Феодосій Печерскій, нуждаясь въ уставѣ иноческаго общежитія для устроеннаго имъ въ то время надпещернаго монастыря, посылалъ къ св. Ефрему въ Константинополь за монастырскимъ уставомъ.

Св. Ефремъ написалъ («испсавъ») ²⁾ уставъ студійскаго Константинопольскаго монастыря и послалъ Феодосію. Надо полагать, что писанаго устава иноческаго житія въ обители св. Феодора Студійскаго въ то время еще не было. Всѣ установленія монастырскія поддерживались по устнымъ преданіямъ и по традиціямъ. И св. Ефремъ, какъ говорится въ житіи преп. Феодосія, «испсавъ», т. е. изложилъ письменно студійскій уставъ не съ какой-либо рукописи, а со словъ иноковъ обители, или даже и по собственнымъ наблюденіямъ, такъ какъ онъ несомнѣнно имѣлъ время изучить порядки этого монастыря за долгую жизнь въ Константинополь. Можетъ быть, онъ даже жилъ въ этомъ монастырѣ, пользовавшемся въ то время особенною славою.

Получивъ уставъ отъ св. Ефрема, препод. Феодосій «началь устроить все по уставу Студійскаго монастыря». Будучи по природѣ добрымъ и сострадательнымъ къ ближнимъ, преп. Феодосій, найдя въ уставѣ, наряду съ другими иноческими обязанностями, указанія на обязанность монастырей призрѣвать больныхъ и странниковъ и правила призрѣнія ихъ, отнесся къ выполненію этихъ обязанностей съ особеннымъ вниманіемъ и усердіемъ. Близъ новаго своего монастыря онъ устроилъ «дворъ» съ церковью св. первомученика Стефана, для призрѣнія нищихъ, слѣпыхъ, хромыхъ, прокаженныхъ и другихъ не-

¹⁾ „Житіе преп. Феодосія игумена печерскаго, напис. Несторомъ“. Л. 7 на оборотѣ.

²⁾ „Житіе преп. Феодосія“. Л. 10 на обор.

дужныхъ людей. На содержаніе этихъ несчастныхъ преп. Θεодосій опредѣлилъ выдавать десятую часть всѣхъ монастырскихъ доходовъ ¹⁾).

Такимъ образомъ уже при устройствѣ перваго на Руси «двора для больныхъ и странниковъ» преп. Θεодосіемъ Печерскимъ было участіе св. Ефрема Переяславскаго, ознакомившаго строителя съ совершенно новымъ на Руси учрежденіемъ. Но въ то время еще не наступила широкая дѣятельность св. Ефрема на пользу своей родины.

Св. Ефремъ былъ вызванъ на Русь изъ Константинополя по желанію великаго князя Всеволода Ярославича и поставленъ епископомъ переяславскимъ. Это произошло не ранѣе 1072 г. ²⁾).

Въ новомъ мѣстѣ служенія, на переяславской епископской кафедрѣ, св. Ефремъ, послѣ тѣсной монастырской келліи, выступилъ на поприще широкой и многоплодной дѣятельности. Бывшій бояринъ и домоправитель великокняжеской, св. Ефремъ могъ обладать значительнымъ состояніемъ, которое и захотѣлъ принести на пользу церкви и ближняго. Къ тому же, во время продолжительнаго пребыванія въ Греціи (не менѣе 18-ти лѣтъ) онъ успѣлъ развить вкусъ къ изящному:—«въ Греціи бо бывъ и тамо всякой красотѣ научився», говоритъ о немъ лѣтописецъ ³⁾. Самоотверженная дѣятельность смиреннаго епископа уже отъ современниковъ заслужила ему названіе «преблаженнаго». Въ Степенной книгѣ онъ прославляется «многодобродѣтельнымъ, святымъ и являющимъ чудеса» ⁴⁾. Въ житіи преп. Антонія печерскаго епископъ Сумонъ именуетъ св. Ефрема «знаменитымъ печерскимъ инокомъ» ⁵⁾.

Лѣтописныя сказанія о дѣятельности св. Ефрема между прочимъ повѣствуютъ слѣдующее:

Въ первоначальной лѣтописи подъ 1089 (6597) годомъ записано: «въ се же лѣто священа бысть церкы святаго Михаила Переяславская Ефремомъ митрополитомъ тоя церкы, юже бѣ создалъ велику сущю, бѣ бо преже въ Переяславлѣ митрополья, и пристрой ю великою пристроею, украсивъ ю всякою красотою, церковными сосуды; се бо Ефремъ бѣ скопецъ, высокъ

¹⁾ Печерскій патерикъ, изд. 1661 г. Л. 64 на обор.

²⁾ „Житіе преп. отца нашего Ефрема внуха Ізяславлѣ“, въ Печер. Патер. 1661 г. Л. 138.

³⁾ „Полн. Собр. Рус. Лѣт. Ипатск. сп.“. Стр. 277.

⁴⁾ Степ. Кн. 1, 229.

⁵⁾ „Житіе преп. Антонія Печерск.“ Л. 3.

тѣломъ; бѣ бо тогда многа зданья въздвиже: докончивъ церковь святаго Михаила, заложилъ церковь на воротѣхъ городныхъ во имя святаго мученика Θεодора и посемъ святаго Андрея, у церкви отъ воротъ, и строеніе банное, сего же не бысть преже въ Руси; и градъ бѣ заложилъ камень отъ церкви святаго мученика Θεодора и украсилъ городъ Переяславльскій зданьи церковными и прочими зданьи»¹⁾.

Лѣтописецъ, указавъ на нѣкоторыя церкви въ Переяславлѣ, а также на «строеніе банное» и «градъ камень», объ остальныхъ постройкахъ записалъ въ общихъ выраженіяхъ: «бѣ бо тогда многа зданья въздвиже» и далѣе: «украсилъ городъ Переяславльскій зданьи церковными и прочими зданьи».

Извѣстно, что къ церковнымъ зданіямъ въ древности относились, кромѣ собственно церквей, также и благотворительныя учрежденія, больницы и страннопріимницы.

На основаніи этого, уже по смыслу приведенной записи лѣтописца, можно догадываться, что здѣсь надо подразумѣвать созиданіе св. Ефремомъ такихъ учреждений, которыя онъ привыкъ видѣть въ Греціи при церквахъ и монастыряхъ.

Подтверженіе этихъ предположеній мы находимъ въ Никоновской лѣтописи. Здѣсь мы читаемъ: «бѣ бо тогда зданія многа воздвигль... і строение банное, и врачеве, и больницы всѣмъ приходящимъ безмездно врачеваніе. Такожъ и въ Милитиѣ въ своемъ граде устрои, и по инымъ своимъ градамъ митропольскимъ, иже суть и суѣзды и сволостями, и ссели: се же не бысть преже въ Русіи»²⁾.

Какъ слѣдовало ожидать, св. Ефремъ, по прибытіи на епархію, сосредоточилъ свои заботы на обстроеніи и украшеніи своего епархіальнаго города и другихъ городовъ своей епископской области—церковными зданіями, въ которыхъ въ то время чувствовалась особенная нужда. Но кромѣ построенія церквей и снабженія ихъ богатою утварью, св. Ефремъ устроилъ въ разныхъ населенныхъ мѣстностяхъ своей епархіи больницы, гдѣ врачи подавали безмездную помощь всѣмъ, обращающимся къ нимъ за лѣченіемъ своихъ болѣзней,—«этого преже на Руси не было».

Такимъ образомъ Св. Ефремъ началъ устраивать по городамъ и другимъ населеннымъ мѣстамъ своей епархіи первыя

¹⁾ Полн. Собр. Рус. Лѣт. 1, 89.

²⁾ „Русск. Лѣтоп. по Никон. списку“, Спб. 1767, ч. I, стр. 192. Полн. Собр. Р. Лѣт. IX, 115—116.

больницы въ Россіи, въ которыхъ врачи лѣчили всѣхъ приходящихъ бесплатно.

Характеръ и постановка больницъ Св. Ефрема походили, конечно, на постановку и характеръ такихъ же учреждений, которыя приходилось наблюдать преподобному въ бытность его на востокѣ, въ Византіи. Тамъ обыкновенно устраивались пріюты не только для больныхъ, но и для путешественниковъ, нуждающихся въ отдыхѣ. Въ Византіи такія страннопріимщицы назывались ксенодохіями — *ξενοδοχεῖα*; собственно больничныя помѣщенія носили названіе *νοσοκομεία*; латинское названіе ихъ было *hospital*—госпиталь, отъ слова *hospes*—гость, путешественникъ. Эти учрежденія были неотъемлемою и даже обязательною принадлежностью греческихъ монастырей.

До нашего времени сохранился чрезвычайно важный древній документъ, по которому мы можемъ составить опредѣленное понятіе о больницахъ св. Ефрема. Документъ этотъ—рукопись Студійскаго устава конца XII или начала XIII в., хранящаяся въ Московской Синодальной библіотекѣ подъ № 380 (по прежнему каталогу № 330) ¹⁾. Во второй части этого устава, на 24 и слѣдующихъ листахъ изложены правила призрѣнія недужныхъ и старыхъ и о больницѣ для нихъ. Этими правилами дается совѣтъ при монастырѣ имѣть своего врача, чтобы онъ, живя тутъ, могъ съ большею быстротою являться къ больнымъ; объ этомъ долженъ имѣть особенное попеченіе игумень.

Для врача необходимо имѣть запасы лѣкарственныхъ матеріаловъ: разные виды маслъ, пластыри, медъ, «оружье» и зеліе сушеное, вино, сливы, смоквы, мигдаль и прочее, что, по мнѣнію врача, необходимо и въ какомъ количествѣ онъ считаетъ нужнымъ запасти. Весь запасъ лѣчебныхъ средствъ долженъ храниться у особаго «хранильника», который долженъ выдавать по требованію врача. Врачебную помощь врачъ долженъ оказывать какъ всѣмъ живущимъ въ монастырѣ монахамъ и бѣльцамъ, такъ и приходящимъ. Пріемъ больныхъ врачъ про-

¹⁾ Полный титулъ этой рукописи такой: „Уставникъ разсмотряти о брашнѣ же и о питіи мнихомъ и о всяцемъ яномъ чину и о пребываніи ихъ и въ церкви и въ еде; уставленъ убо не по писанію въ Монастыри Студинистемъ прпнымъ оцемъ нашимъ исповѣдникомъ Θεодоромъ, бывшимъ въ немъ игуменомъ, прѣданъ же писаніемъ отъ Альксѣя святаго и вселенныя патріарха въ поставленемъ имъ монастыри в имя Бжствыня Мтре“.

изводитъ въ страннопріимницѣ и «въ созданиѣмъ недужнымъ храмѣ», гдѣ полагаются постоянные больные (стаціонарные или постельные). Врачъ не имѣетъ права отказывать никому ни въ чемъ, что требуется для лѣченія. Выдача лѣкарствъ производится чрезъ гостинничнаго келаря. Игуменъ долженъ чаще навѣдываться и справляться, не лишаютъ-ли кого нужной выдачи.

Для монастырскихъ старцевъ полагается устройство отдѣльнаго пріюта, гдѣ бы могли находить покой дряхлые старцы. Для каждаго въ пріютѣ полагается особая кровать («одръ»). Провизія для содержанія этого пріюта должна выдаваться отъ монастыря: хлѣбъ, горячее («вариво»), вино и сокъ и прочее, что полагается для монаховъ. Одѣяніе также выдается отъ монастыря и на руки деньги на разные расходы по 2 злотника. Въ баню старцы ходятъ бесплатно, только за мыло взыскивается по 1 сребреннику. Прислугу, одного слугу, старцы выбираютъ для пріюта сами. Слуга долженъ ходить за пищей, готовить постели и проч. Для починки бѣлья приглашается женщина, которая за трудъ свой получаетъ провизіей и деньгами. Дрова, уголья, горячая вода, деревянное масло и свѣчи получаютъ отъ монастыря. Игуменъ долженъ посѣщать этотъ старичій пріютъ по два раза въ недѣлю и не менѣе одного раза. Въ случаѣ болѣзни старцевъ, ихъ обязанъ посѣщать монастырскій врачъ и выдавать все, что требуется. Право на призрѣніе въ пріютѣ для старцевъ имѣютъ не только монахи, но всѣ слуги, свободные, рабы и всѣ прочіе, которые чувствуютъ себя немощными. Призрѣваемымъ не запрещается навѣщать своихъ знакомыхъ, равно и посторонніе монастырю, знакомые старцамъ, могутъ навѣщать ихъ въ пріютѣ.

Ранѣе больничнаго устава, только-что приведеннаго здѣсь въ переводѣ на теперешнее нарѣчіе,—на 225 листѣ этой же рукописи изложены особыя правила «о омовеніи въ банѣ». По этимъ правиламъ всѣ монахи ходятъ въ баню бесплатно; мыло имъ отпускается по уговору. Люди свѣтскіе («мырстии») ходятъ въ баню одинъ разъ въ мѣсяць, а для больныхъ баня готовится 2 раза въ мѣсяць, но число омовеній больнымъ назначаетъ врачъ.

Относительно бань слѣдуетъ замѣтить, что въ Греціи издавна былъ обычай строить бани при церквахъ, въ церковныхъ оградахъ, чтобы люди, входившіе въ храмъ, особенно для принятія св. Причащенія, предварительно вымывались въ банѣ и входили въ храмъ въ возможной тѣлесной чистотѣ. Поэтому

въ Греціи бани были даже причислены къ такимъ церковнымъ зданіямъ, на которыя распространялось право убѣжища ¹⁾. На Руси не только указаннаго обычая не было, но и самыхъ бань тогда еще не знали. Отсюда вполнѣ будутъ понятны слова лѣтописца, приведенныя выше: «се же не бысть преже въ Русси», относящіяся какъ къ больницамъ и къ безмездному врачеванію въ нихъ, такъ и къ банямъ. Да и вся дѣятельность св. Ефрема была настолько велика и плодотворна, настолько она была необычна со стороны епископа, что о ней можно было сказать: «се же не бысть преже въ Русси».

Св. Ефремъ, какъ видно изъ лѣтописнаго сказанія, образовалъ цѣлую сеть больницъ по городамъ и селамъ и обезпечилъ бесплатное лѣченіе всѣмъ приходящимъ, при помощи особо назначенныхъ для этого врачей. При этомъ невольно является вопросъ: гдѣ брались врачи для устраиваемыхъ больницъ? Надо полагать, что русскихъ врачей въ то время еще не было, если не считать монастырскихъ отцовъ—цѣлебниковъ, о которыхъ до насъ дошли свѣдѣнія, какъ, напр., въ Печерскомъ монастырѣ были: преп. Агапитъ, Даміанъ пресвитеръ, Григорій чудотворецъ, Игнатій и Панкратій. Но для насъ будетъ понятнымъ, если мы примемъ во вниманіе съ одной стороны богатство и знатность св. Ефрема, а съ другой—состояніе тогдашней Руси. Св. Ефремъ свободно могъ привезти съ собою врачей-монаховъ, такъ какъ больницы устраивались при церквяхъ. Онъ могъ привезти также и свѣтскихъ профессиональныхъ врачей изъ Константинополя или вызвать ихъ впослѣдствіи, когда были устроены больницы. Русь въ то время не представляла такой страны, для которой трудно было бы найти иностранныхъ искателей счастья. Кіевская Русь вела тогда обширныя сношенія съ восточными и западными государствами и составляла съ ними одну политическую семью ²⁾. Городъ Кіевъ былъ большимъ складочнымъ мѣстомъ для торговыхъ фирмъ разныхъ странъ. Переяславль являлся оплечьемъ кіевского великокняжескаго стола. Переяславское княжество, лежавшее по теченію средняго Днѣпра, на пути съ пышнаго въ то время востока, считалось передовою русскою страной въ принятіи благъ тогдашней цивилизаціи. Въ княжествѣ было множество городовъ. Иностранцевъ на Руси въ то время было настолько много, что

¹⁾ Cod. Theod. См. у Е. Голубинскаго, „Пет. р. ц.“, в. I, стр. 566.

²⁾ Соловьевъ, „Р. Исторія“, т. III, изд. 4, стр. 45. Погодинъ, „Древняя Р. Пет.“, т. II, стр. 774.

напр. въ Кіевѣ они имѣли нѣсколько своихъ церквей 1). Русскіе князья роднились съ иностранными дворами: французскимъ, англійскимъ, шведскимъ, венгерскимъ, нѣмецкимъ, греческимъ 2). Возрастающее значеніе Руси, какъ страны христіанской, привлекало къ себѣ иностранцевъ съ востока и съ запада. Особенно много въ русскія земли переселялось въ тѣ времена изъ своего отечества армянь, послѣ разрушенія сельджукскимъ султаномъ столицы Великой Арменіи въ 1061 году. Немудрено, что нѣкоторые, а можетъ быть и очень многіе армяне, изучившіе медицину, пріѣзжали въ русскія земли, особенно на зовъ такого іерарха, который захотѣлъ устроить больницы по всѣмъ городамъ своей епархіи. До насъ дошли свѣдѣнія въ житіяхъ святыхъ печерскихъ: Агапита и Николы Святоши о двухъ знаменитыхъ врачахъ-иностранцахъ, практиковавшихъ тогда въ Кіевѣ: о врачѣ-армянинѣ и о врачѣ-арабѣ Петрѣ. Оба эти врача были несомнѣнно школьные врачи, научно-образованные, повидимому, послѣдователи римской школы пневматиковъ. Помимо того, въ сосѣдней Польшѣ тогда было много врачей изъ иностранцевъ и туземцевъ, обучавшихся въ Павіи, въ Болоньѣ и въ Парижѣ 3).

Судьба больницъ св. Ефрема для насъ осталась въ точности неизвѣстною, но можно съ большою вѣроятностью утверждать, что они слились съ церковно-приходскими и монастырскими благотворительными учреждениями древней Руси, которыя несомнѣнно существовали со временъ св. Владиміра въ силу изданной имъ грамоты о церковной десятинѣ въ 996 году 4). Возникшія на почвѣ христіанскаго милосердія, больничныя учрежденія сохранились въ церковномъ вѣдомствѣ чрезъ весь періодъ монгольскаго владычества и другія неблагоприятныя условія жизни южно-русскаго народа. Льготы монгольскихъ владыкъ церковнымъ учреждениямъ даютъ право предполагать это, особенно въ тѣхъ мѣстностяхъ, которыя уцѣлѣли отъ первыхъ опустошительныхъ натисковъ завоевателей 5). Сѣмя, посеянное

1) Новгор. Лѣтоп. подъ 1203 г.

2) Н. Костомаровъ. „Черты народной южно-русской исторіи“. Основа. 1862. Іюнь.

3) А. И. Роте. Труды 1-го съѣзда психіатровъ въ Москвѣ въ 1887 г. стр. 826.

4) „Ист. р. ц.“ преосв. Макарія, стр. 269. „Память и похвала Владиміру“, монаха Іакова, стр. 214.

5) „Ист. р. ц.“, арх. Филарета Харьк., изд. 3. 1857 г., т. II. Стр. 99—100.

св. Ефремомъ, можно сказать, непрерывно давало плоды въ теченіе семи вѣковъ, до конца XVIII в., а въ нѣкоторыхъ мѣстахъ—даже до половины XIX в. Еще въ XVII в. церковно-благотворительныя учрежденія южной Руси послужили образцами для устройства богадѣленъ въ Москвѣ.

Такова была жизненность учреждений, созданныхъ на почвѣ христіанскаго милосердія и съ мыслью, что это «дѣло паче всѣхъ честнѣйше и любезнѣйше, еже умножити хваленіе Пресвятому Имени Божію», какъ выражается объ этомъ жизнеописатель преподобнаго.

Годъ кончины св. Ефрема неизвѣстенъ. Въ «Іерархіи Всероссийской Церкви» ⁴⁾ годъ смерти св. Ефрема поставленъ 1104-й. Въ описаніи Кіево-Печерской лавры за 1831 г. (стр. 161) значится, что св. Ефремъ былъ погребенъ въ Переяславской каѳедральной Михайловской церкви въ 1105 году. Моши св. Ефрема издавна покоятся въ ближнихъ пещерахъ Кіево-Печерскія лавры, въ церкви Введенія во храмъ пресв. Богородицы. О времени ихъ перенесенія сюда ничего неизвѣстно. Можно предполагать, что св. Ефремъ, какъ постриженникъ печерскій, завѣщаль похоронить его въ кіевскихъ пещерахъ, на мѣстѣ его первыхъ иноческихъ подвиговъ. Память св. Ефрема празднуется 28 января, вмѣстѣ съ памятью св. Ефрема Сирина.

Д-ръ мед. *А. Ф. Мальцевъ.*

⁴⁾ Москва. 1892 г. Т. I. стр. 145. Н. Д.

Методическія указанія къ веденію противосектантской бесѣды о Церкви Христовой.

УТО такое Церковь Христова? Какое содержаніе вкладывается въ это понятіе? Когда мы читаемъ слова Символа Вѣры, относящіяся къ Церкви Христовой, то мы указываемъ признаки истинной Церкви Христовой, но не раскрываемъ самого понятія Церкви. Вѣрую во едину, святую, соборную и апостольскую Церковь... Единство, святость, соборность и апостоличность — все это качества, признаки, неизбѣжные, правда, неотдѣлимые отъ понятія истинной Церкви Христовой, но не указывающіе, что мыслится подъ понятіемъ: Церковь Христова. Въ Символѣ Вѣры не указывается логическій родовый признакъ Церкви Христовой.

Очевидно, что въ эпоху составленія Символа Вѣры, понятіе Церкви Христовой на столько было ясно въ сознаніи всего христіанскаго міра, что не было никакой нужды опредѣлять это понятіе въ Символѣ Вѣры.

Не то теперь. Мы уже не говоримъ о коренномъ разногласіи на этотъ предметъ православныхъ и католиковъ: грековосточное православіе подъ этимъ понятіемъ разумѣетъ, какъ и указываетъ самое слово по гречески *ἐκκλησία*, собраніе всѣхъ званыхъ христіанъ, а римское католичество — только тѣхъ, кто созываетъ христіанъ на собраніе, т. е., одну церковную іерархію... Объ опредѣленіи понятія Церкви Христовой ведутся большіе споры и въ средѣ православнаго богословскаго міра. Вмѣшиваться въ эти споры не можетъ быть цѣлью миссіонерскихъ бесѣдованій. Мы только обращаемъ вниманіе на то, что миссіонеръ ни въ коемъ случаѣ не можетъ употреблять въ своихъ бесѣдахъ слово Церковь, напередъ не уяснивши слушателямъ это понятіе.

Задача русскаго православнаго миссіонера усложняется въ этомъ случаѣ во первыхъ тѣмъ, что самое слово Церковь — не

русскаго происхожденія и, уже по одному тому, смыслъ его долженъ быть темень для некнижныхъ людей, а во вторыхъ, тѣмъ, что переводъ греческаго слова *ἐκκλησία* на славянскій языкъ словомъ церковь—совершенно неправиленъ.

Славянское слово—церковь—есть или искусственно составленное, или въ народномъ употребленіи измѣненное греческое слово *κωριακόν*, что, по гречески, значить: домъ Божій, домъ Господа. Въ греческомъ языкѣ слова *ἐκκλησία* и *κωριακόν* суть понятія различныя и слово *ἐκκλησία* не можетъ быть замѣнено словомъ *κωριακόν*. Такъ и въ славянскомъ языкѣ греческое слово *ἐκκλησία* не должно было бы быть переведено словомъ церковь. Кромѣ того, позаимствованное съ греческаго языка, слово: церковь въ славянскомъ Новомъ Завѣтѣ приняло самый распространительный смыслъ и этимъ словомъ церковь одинаково и во всѣхъ случаяхъ переведено и слово *ἐκκλησία*, какъ собраніе христіанъ и слово *τὸ ἱερόν*, что значить святилище, и даже слово *ὁ ναός*, что значить домъ Божій, или храмъ.

Слово церковь осталось и въ русскомъ переводѣ Новаго Завѣта. Но здѣсь оно уже не употребляется такъ распространительно. Греческія слова *τὸ ἱερόν* и *ὁ ναός*, по русски переведены словомъ храмъ. Слово церковь осталось только для перевода греческаго слова *ἐκκλησία* и для обозначенія собранія христіанъ, и самаго мѣста собранія (1 Кор. 11, 18; 14, 34; Дѣян. 11, 26).

Чужезычное происхожденіе слова церковь и неправильное, неточное употребленіе его въ Новомъ Завѣтѣ на славянскомъ языкѣ не позволяютъ миссіонеру въ опредѣленіи понятія Церкви Христовой сослаться на самое слово церковь. Это будетъ ссылка на темное, мало извѣстное и даже невѣрное основаніе. Миссіонеръ, поневолѣ, долженъ обратиться къ греческому тексту Новаго Завѣта и выяснитъ слушателямъ, что обозначаетъ собою греческое слово *ἐκκλησία*, употребляемое въ Новомъ Завѣтѣ, какъ имя церкви.

Греческое слово *ἐκκλησία*, какъ и латинское *ecclesia*, по толкованію еще древнихъ толковниковъ, обозначаетъ созваніе или общество званыхъ, въ отличіе отъ обыкновеннаго, случайно составленнаго общества или толпы народа. Въ Дѣянїяхъ Апостоловъ, въ одной и той-же 19-й главѣ, такое случайное общество называется народомъ (*ὁ δῆμος*: ст. 30) или сборищемъ (*ἡ συστροφή*: ст. 40), тогда какъ для обозначенія законнаго или нарочито созваннаго собранія употребляется слово церковь (*ἡ ἐκκλησία*: ст. 39).

Но и изъ этого греческаго значенія слова церковь или *ἐκκλησία* нельзя исходить миссіонеру въ своемъ опредѣленіи понятія Церкви Христовой. Если Церковь Христова есть собраніе или общество людей, созданныхъ Христомъ и для Христа, то сектанты признаютъ, конечно, такое опредѣленіе Церкви Христовой правильнымъ, ибо и они такъ опредѣляютъ понятіе Церкви Христовой, но какъ миссіонеръ тогда докажетъ, что только собраніе православныхъ христіанъ есть дѣйствительная Церковь Христова? Онъ обратится къ указаннымъ въ Символѣ признакамъ Церкви: единству, святости, соборности и апостоличности? Но вѣдь эти признаки не мыслятся въ самомъ понятіи слова церковь, *ἐκκλησία*. Эти признаки—формулировка нашей вѣры въ Церковь Христову. Ихъ еще нужно доказать, оправдать св. Писаніемъ. Они неизбѣжны, неотдѣлимы отъ понятія Церкви Христовой для нашей вѣры, но не для логическаго рачіоналистическаго мышленія. Сектанты признаютъ, что Церковью Христовою является всякое собраніе или общество христіанъ, лишь бы оно было создано во имя Христово, и, если бы миссіонеръ опредѣлилъ понятіе Церкви Христовой, какъ собранія христіанъ во имя Христа, онъ не далъ бы своимъ слушателямъ православнаго опредѣленія Церкви Христовой, хотя былъ бы и вѣренъ требованіямъ логическаго опредѣленія и библейскому словупотребленію.

Догматисты это чувствуютъ и стараются дать понятію Церкви болѣе подробное и точное опредѣленіе. Изъ различныхъ догматическихъ опредѣленій Церкви Христовой миссіонеры, весьма естественно, чаще всего придерживаются опредѣленія, даннаго въ Пространномъ Катихизисѣ митр. Филарета. На вопросъ: что есть Церковь, Катихизисъ отвѣчаетъ: „Церковь есть отъ Бога установленное общество челоувковъ, соединенныхъ православною вѣрою, закономъ Божиимъ, священноначаліемъ и таинствами“. Удобно-ли противосектантскому миссіонеру пользоваться такимъ опредѣленіемъ Церкви Христовой?

Конечно, это опредѣленіе совершенно правильно и, какъ данное въ книгѣ, приравниваемой нашей православной русской церковью къ книгамъ символическимъ, оно для миссіонера, какъ учителя вѣры, или Закона Божія, обязательно. Но, прежде всего, это опредѣленіе слишкомъ схоластично. Попробуйте вы опредѣлить предъ народомъ, уже настроенномъ сектантами, понятіе Церкви въ такой формулѣ, которая ничего не скажетъ сердцу слушателя! Понятіе Церкви Христовой предстанетъ предъ нимъ

въ такомъ сухомъ, безжизненномъ очертаніи, какъ суха и безжизненна самая формула. Если бы миссіонеру нужно было выяснитъ юридически правильно опредѣленіе церкви, тогда еще можно было бы воспользоваться этимъ катихизическимъ опредѣленіемъ. Въ той тяжбѣ между православіемъ и сектантствомъ, характеръ которой, противъ воли миссіонера, принимаютъ иногда противосектантскія бесѣды его, приходится, конечно, прибѣгать и къ юридически точнымъ, хотя и безжизненнымъ, схоластическимъ опредѣленіямъ, но въ раскрытіи понятія Церкви Христовой въ началѣ бесѣды миссіонеръ долженъ обратиться къ опредѣленіямъ болѣе живымъ, болѣе нагляднымъ и трогательнымъ, чѣмъ это схоластическое опредѣленіе Катихизиса.

И это для миссіонера имѣетъ тѣмъ большее значеніе, что хотя указываемый въ Катихизисѣ видовой признакъ Церкви—объединенность общества христіанскаго вѣроу, закономъ Божіимъ, священноначаліемъ и таинствами—и входитъ, какъ содержаніе, въ понятіе Церкви (иначе какое же бы было оно общество, если бы не имѣло общенія въ столь существенныхъ для религіозной жизни отношеніяхъ?)—но это содержаніе религіозной жизни есть плодъ объединенія христіанскаго въ Церковь, а не то, что самъ по себѣ объединяетъ христіанъ въ Церковь. Если на вѣрѣ Апостольской, какъ на камнѣ, Христосъ создалъ Церковь Свою (Мѡ. 16, 18) и если эта вѣра объединяла Апостоловъ въ день основанія Церкви при сошествіи Св. Духа, то долго еще Церковь Христова не имѣла ни однообразныхъ законовъ или каноновъ своей жизни, ни полного устройства іерархіи, ни седмичнаго числа таинствъ. Духъ Божій постепенно раскрывалъ и узаконялъ эти стороны жизни церковной въ исторіи ея, а между тѣмъ и не имѣвшіе полноты церковнаго устройства христіане—такіе же члены Церкви Христовой, достигшіе „мѣры полного возраста Христова“ (Еф. 4, 13), какъ и христіане времени полного расцвѣта церковной жизни.

Сектанты это прекрасно знаютъ. Не нужно забывать, что на помощь имъ въ ихъ возраженіяхъ противъ православнаго катихизическаго опредѣленія Церкви придетъ протестантская богословская литература, которая теперь получила свободный доступъ въ Россію. Сектанты исторически могутъ доказать, что Законъ Божій, священноначаліе и таинства не всегда одинаково и тождественно на протяженіи всей исторіи Церкви представляли и опредѣляли жизнь истинной Церкви Христовой. Миссіонеръ принималъ бы на себя неблагодарный трудъ, если бы взялся истори-

ческими данными опровергать протестантовъ. Тѣмъ въ большемъ затрудненіи оказался бы онъ, если бы взялся доказать, что объединенность христіанъ въ Законѣ Божіемъ, священноначаліи и таинствахъ есть необходимое условіе принадлежности ихъ къ Церкви, на основаніи одного лишь текста Св. Писанія.

А вѣдь этого потребуютъ отъ него сектанты прежде всего. Такъ не лучше-ли не прибѣгать къ такому опредѣленію, которое не только безжизненно по выраженію, но и спорно по содержанію. Миссіонеръ, кромѣ того, не долженъ забывать, что слушатели и собесѣдники его все свое упованіе полагаютъ на букву Св. Писанія. Только тѣ опредѣленія истинъ вѣры для нихъ безспорно приемлемы, которыя прямо основаны на буквѣ Писанія, или еще лучше, прямо выражаются текстомъ Писанія.

Это заставляеть миссіонера въ поискахъ опредѣленія Церкви Христовой обратиться къ Слову Божію. Если само слово Церковь на русскомъ языкѣ, какъ мы видѣли, не опредѣляетъ заключеннаго въ него понятія, то нельзя-ли найти въ Св. Писаніи другихъ словъ, синонимовъ, которыми бы обозначалось то же самое понятіе, которое, по-русски и по-славянски, обозначается словомъ Церковь, а по-гречески — словомъ *ἐκκλησία*? Такими словами, или синонимами, обозначающими Церковь Христову, являются слова или наименованія церкви: царство небесное (Мѡ. 13, 24; 13, 31; 13, 33; 13, 47; 3, 2; 4, 17; 10, 7), царство Божіе (Марк. 4, 26; 4, 30; Лук. 13, 18; 13, 20), домъ Божій (1 Петр. 4, 17; 1 Тим. 3, 15; Евр. 3, 6), градъ Бога живаго (Евр. 12, 22), едино стадо (Іоан. 10, 16) и, наконецъ, тѣло Христово (Еф. 1, 23).

Миссіонеръ и долженъ раскрывать понятіе Церкви Христовой посредствомъ этихъ библейскихъ опредѣленій. Не всѣ эти опредѣленія одинаково соотвѣтствуютъ цѣли его — раскрыть понятіе Церкви Христовой такъ, чтобы можно было съ успѣхомъ въ послѣдствіи доказать, что истинной Церковью Христовой является православная греко-восточная церковь. Если мы опредѣлимъ Церковь Христову, какъ „царство небесное“, принесенное на землю Господомъ Иисусомъ Христомъ, то хотя это опредѣленіе будетъ совершенно правильнымъ, но оно не дастъ никакихъ указаній на признаки реального осязательнаго и внѣшняго существованія этого царства небеснаго. Не подчиненное земнымъ условіямъ существованія, пространства и времени, будучи явленіемъ сверхчувственнаго, небеснаго бытія, хотя и происходящимъ на землѣ, эта церковь Христова, какъ царство не-

бесное, одинаково могла бы осуществляться во всѣхъ христіанскихъ общинахъ.

Еще менѣе удобно для миссіонера опредѣлять понятіе Церкви Христовой, какъ „царства Божія“. Когда Церковь Христова такъ называется въ евангеліи, то этимъ указывается на внутреннюю, независимую отъ внѣшнихъ условій жизни, духовную сущность жизни церковной, какъ царства Божія. Вотъ почему Иисусъ Христосъ, на вопросъ: когда придетъ царствіе Божіе?—отвѣчалъ: „не придетъ царствіе Божіе примѣтнымъ образомъ; и не скажутъ: вотъ, оно здѣсь, или: вотъ тамъ. Ибо царствіе Божіе внутрь васъ“ (Лук. 17, 20, 21). А св. апостоль Павелъ указываетъ, что жизнь Церкви, какъ царства Божія, не связана безусловно ни съ чѣмъ внѣшнимъ, физическимъ. „Царствіе Божіе,—говоритъ онъ,—не пища, и питіе, но праведность, и миръ, и радость во Святомъ Духѣ“ (Рим. 14, 17).

Гораздо удобнѣе, при раскрытіи понятія Церкви Христовой, воспользоваться опредѣленіемъ Церкви, какъ „дома Божія“. Это опредѣленіе указываетъ на нѣчто реальное, какъ бы видимое, осязаемое. Кромѣ того, въ тѣхъ словахъ Писанія, въ которыхъ опредѣляется Церковь Христова, какъ „домъ Божій“, указывается на опредѣленное общество людей, отличныхъ отъ другихъ людей, непринлежащихъ къ этому „дому Божію“. Въ 4 гл. 17 ст. перваго посланія ап. Петра говорится: „время начаться суду съ дома Божія; если же прежде съ насъ начнетъ, то какой конецъ непокоряющимся Евангелію Божію?“ Здѣсь очевидно люди „дома Божія“, т. е. члены Церкви Христовой, противоплагаются людямъ внѣшнимъ для Церкви, непокоряющимся Евангелію Божію? Въ 3 гл. 15 ст. перваго посланія къ Тимоѳею апостоль Павелъ указываетъ ему на необходимость для него знать, „какъ должно поступать въ домъ Божіемъ, который есть Церковь Бога живаго, столпъ и утвержденіе истины“. Предполагаемая у св. апостола Павла правила жизни церковной указываютъ также на опредѣленные признаки Церкви Христовой въ отличіе отъ другихъ человѣческихъ общежитій. Точно такъ на опредѣленный признакъ Церкви Христовой указываетъ апостоль Павелъ и въ посланіи къ евреямъ, когда опредѣляетъ совокупность христіанъ, какъ „домъ Божій“. „Всякій домъ, говоритъ онъ,—устраивается кѣмъ-либо; а устроившій все есть Богъ... А Христосъ какъ Сынъ въ домъ Его. Домъ

же Его—мы, если только дерзновение и упование, которыми хвалимся, твердо сохранимъ до конца“ (3, 4, 6). Такимъ признакомъ Церкви Христовой является неизмѣнность „дерзновения и упования“ т. е. неизмѣнность христіанскихъ добродѣтелей: вѣры и надежды.

Въ этомъ опредѣленіи Церкви Христовой, какъ „дома Божія“, Церковь Христова не представляется для христіанъ какъ нѣчто внѣшнее для нихъ, чуждое ихъ духовному существу, хотя для нихъ и обязательное. Церковь не есть какъ бы домъ, который можетъ существовать съ однимъ домохозяиномъ и безъ насельниковъ, или корабль (часто употребляемый образъ Церкви), который можетъ плыть по водамъ съ однимъ кормчимъ и безъ плавающихъ на немъ путниковъ. Церковь составляютъ все христіане, принадлежащіе къ Ней, не Одинъ лишь Христосъ, не одни лишь домостроители, не одни лишь кормчіе. Въ одно-стороннее, извращенное понятіе о Церкви, какъ сословіи пастырей, внало католичество. Католическіе богословы любятъ представлять Церковь Христову подъ образомъ царства, управляемаго царемъ и поставленными имъ начальниками. Царство это они противопоставляютъ, правда, царству земному, но все естественныя черты царства земного они перепосылаютъ на Церковь. И такъ какъ католическое богословіе развилось въ средніе вѣка христіанской эры, когда идеаломъ государственнаго устройства были деспотизмъ и централизація, когда власти предоставлено было абсолютное господство, а отъ подчиненныхъ требовалось безпрекословное подчиненіе и послушаніе, то такой идеалъ перенесенъ былъ и въ церковное устройство. Вся жизнь Церкви, весь Ея разумъ и воля сосредоточились въ лицѣ римско-католическаго папы и поставляемой имъ римско-католической іерархіи. Для опредѣленія Церкви Христовой римско-католическіе богословы чаще всего пользовались евангельскимъ образомъ „двора овчаго“, при чемъ подъ „Единымъ Пастыремъ“ разумѣли папу, которому Христосъ передалъ Свое право пастн Церковь въ лицѣ апостола Петра (Іоан. 21, 17).

Но если придерживаться евангельскихъ словъ Спасителя, то Церковь необходимо представлять не подъ образомъ „двора овчаго“, а подъ образомъ „одного стада“ Христова. Дворъ овчій скорѣе представляетъ собою частныя церкви, или даже мѣста собраній церковныхъ, храмы, а не Единую Церковь Христову, „единое стадо“. Христосъ говорилъ: „есть у Меня и другія овцы, которыя не сего двора; и тѣхъ надлежитъ

Мнѣ привести; и онѣ услышать голосъ Мой, и будетъ одно стадо и одинъ Пастырь“ (Іоан. 10, 16). Въ католическомъ утвержденіи, что Церковь есть сословіе пастырей, вѣрно только то, что церковь не можетъ быть безъ пастырей, какъ овцы не могутъ составить домашнее стадо безъ пастуха. Но все же стадо представляютъ собою овцы съ пастухомъ, а не одинъ лишь пастухъ. Такъ и Церковь Христову составляютъ всѣ христіане со своими пастырями. По ученію православной Церкви, всѣ христіане, а не одни лишь пастыри, въ какомъ бы положеніи они ни были, не такъ, какъ въ католичествѣ, принимаютъ живое творческое участіе въ жизни и строительствѣ церковномъ. Въ этомъ православная вѣра слѣдуетъ словамъ св. апостола Петра, который говоритъ всѣмъ христіанамъ: „сами, какъ живые камни, устройте изъ себя домъ духовный, священство святое, чтобы приносить духовныя жертвы, благопріятныя Богу, Іисусомъ Христомъ“ (1 Петр. 2, 5).

Опредѣленіе Церкви, какъ „града Божія“, также наглядно, какъ и „дома Божія“, но это опредѣленіе въ Св. Писаніи рѣже встрѣчается. Тѣмъ не менѣе, это опредѣленіе Церкви Христовой, какъ и опредѣленіе Ея, какъ дома Божія, очень удобно для раскрытія предъ слушателями сущности Церкви, Ея свойствъ и признаковъ, указанныхъ въ Символѣ нашей вѣры. Церковь Христова, какъ домъ Божій или градъ Божій есть тѣсное единство всѣхъ принадлежащихъ къ Церкви христіанъ, какъ составныхъ частей дома Божія, между собою и со Христомъ, какъ своимъ основаніемъ. Этотъ домъ Божій одинъ на всѣ времена и для всѣхъ христіанъ, когда либо бывшихъ и будущихъ, живыхъ и умершихъ, лишь бы они, какъ живые камни, входили въ этотъ домъ Божій. Отсюда наша вѣра, что Церковь едина. Какъ домъ Божій, Церковь Христова даетъ пріютъ всѣмъ, кто живетъ въ Ней. Будучи сама свята, освященная Кровію Христовою, она сообщаетъ это свойство святости, освящаетъ всѣхъ, кто къ Ней принадлежитъ, не смотря ни на какія личныя скверны или пороки грѣшныхъ чадъ ея. Заключая въ себѣ всѣхъ принадлежащихъ къ Ней христіанъ, не только живущихъ теперь, но и жившихъ нѣкогда и умершихъ по всей вселенной, Церковь Христова, какъ домъ не человѣческій, а домъ Божій, не ограничивается пространствомъ и временемъ, она церковь соборная или вселенская и разумъ Ея не представляютъ отдѣльные Ея члены, кто бы то ни былъ, а представители отдѣльныхъ Ея частей со всей вселенной, видимые Духомъ Божиимъ,

въ согласіи со Св. Писаніемъ и Св. Преданіемъ, какъ голосомъ умершихъ святыхъ отцовъ и учителей Церкви. Какъ устроенная Христомъ на вѣрѣ св. Апостоловъ, утвержденная и распространяемая по всей вселенной св. Апостолами, Церковь Христова, домъ Божій, должна имѣть и вѣрное, несомнѣнное доказательство, или свидѣтельство изначальнаго отъ Христа и Апостоловъ своего происхожденія. Такимъ свидѣтельствомъ является апостольское священноначаліе, или рядъ епископовъ, преемственно идущихъ отъ св. Апостоловъ.

Опредѣленіе Церкви Христовой, какъ „дома Божія хорошо подходитъ къ значенію слова Церковь, какъ *Κοινωνία*, т. е. домъ Господа, но самый образъ дома, какъ зданія, представляетъ нѣчто косное, неподвижное, гдѣ связь между частями чисто внѣшняя, механическая, а не живая, органическая. Всѣ эти недостатки въ опредѣленіи Церкви Христовой чужды опредѣленію Ея, какъ „тѣла Христова“.

Общество христіанъ, составляющихъ Церковь Христову, Самъ Спаситель представилъ подъ образомъ древеснаго тѣла или растительнаго организма: Виноградной Лозы съ Ея вѣтвями (Іоан. 15, 1—6). Истинная виноградная лоза—это Самъ Христосъ, Виноградарь—это Творецъ и Мздовоздаятель—Отецъ Небесный, а вѣтви—это христіане, пребывающіе въ такомъ тѣсномъ единеніи между собою и со Христомъ, какъ вѣтви на виноградной лозѣ. Въ этомъ единеніи—животворящая сила Церкви. „Какъ вѣтвь не можетъ приносить плода сама собою, если не будетъ на лозѣ, такъ и вы, если не будете во Мнѣ“,—говорилъ Спаситель. „Я есмь Лоза, а вы вѣтви; кто пребываетъ во Мнѣ, и Я въ немъ, тотъ приноситъ много плода, ибо безъ Меня не можете дѣлать ничего“. Кто выходитъ изъ этого тѣснаго видимаго союза со Христомъ, отсѣчь-ли его Виноградарь Богъ, или самъ онъ добровольно не пожелаетъ остаться въ этомъ видимомъ союзѣ со Христомъ, участь такого христіанина одна—погибель. „Всякую у Меня вѣтвь, не приносящую плода, Богъ отсѣкаетъ... Кто не пребудетъ во Мнѣ, извергнется вонъ, какъ вѣтвь, и засохнетъ, а такіа вѣтви собираютъ и бросаютъ въ огонь и онѣ сгораютъ“. Наоборотъ, какъ бы слабъ ни былъ христіанинъ, но если онъ приносить хоть какой-либо плодъ вѣры въ Бога и не отрывается отъ союза со Христомъ въ Церкви, какъ вѣтвь отъ своей лозы, то Богъ такую вѣтвь „приносящую плодъ, очищаетъ, чтобы болѣе принесла плода“... „Въ этомъ образѣ Цер-

кви, какъ виноградной лозы, Церковь представляется тѣснымъ, органическимъ сліяніемъ или единеніемъ христіанъ со Христомъ. Это сущность церковнаго союза. Свойство его—очищеніе или освященіе всякаго христіанина, кто остается вѣреть этому союзу.

Это единеніе въ Церкви Христовой христіанъ съ Господомъ Иисусомъ Христомъ и между собою: св. апостоль Павелъ представляетъ подь образомъ другаго „тѣла“, тѣла человѣческаго. Церковь—это „тѣло Христово“ (1 Кор. 12, 27; Еф. 1, 23; Кол. 1, 24). Господь Иисусъ Христосъ, Глава Церкви—Глава и тѣла Христова (Еф. 1, 22; Кол. 1, 18), а христіане, входящіе въ Церковь, суть „члены тѣла Христова“ (Рим. 12, 5; 1 Кор. 12—27).

Тѣло человѣческое есть образъ Церкви Христовой. Христіанскіе живописцы, желая наглядно изобразить Церковь, представляли ее въ тѣлесномъ изображеніи царственной дѣвы Софіи, Премудрости Божіей. Христіанская мысль этихъ иконописцевъ не была усвоена народомъ и изображеніе Церкви, какъ царственной Дѣвы, было отождествлено съ Лицомъ Пресвятой Богородицы, родившей по плоти Христа, Сына Божія. Но христіанскіе живописцы Царьграда, Софіи Новгородской и Софіи Кіевской—Нерушимой Стѣны изображали въ образѣ Царственной Дѣвы не тѣло Богородицы, а тѣло Церкви, тѣло Христово.

Тѣло Христово—это не умопредставляемый только образъ Церкви, подобно образамъ „дома Божія“ или „града Божія“. Нѣтъ, Церковь есть на самомъ дѣлѣ богочеловѣческое тѣло Христа, богочеловѣчeskій организмъ Христа. Крещенные во Христа, перерожденные отъ воды и св. Духа въ новую тварь, христіане соединяются съ Господомъ Иисусомъ Христомъ въ „одно тѣло“. Это не образъ, не метафора, а истина, дѣйствительность. Тѣло человѣческое есть образъ этого дѣйствительнаго несомнѣннаго тѣла Церкви, тѣла Христа. Всѣ христіане, входящіе въ составъ Церкви Христовой, когда бы и гдѣ бы они ни жили, составляютъ невидимо, но дѣйствительно это божественное тѣло Христово и каждый христіанинъ есть живою членъ этого тѣла въ мѣру своихъ силъ, и благодати Божіей. Пусть христіанину это не видно такъ, какъ ему, напр., видно, что его руки и ноги, дѣйствующія по своему особому назначенію, входятъ въ составъ одного тѣла. Пусть ему кажется, что каждый отдѣльный христіанинъ есть самостоятельная, независимая отъ другихъ христіанъ личность. Это такъ только кажется для чув-

ственныхъ глазъ, для плотскаго разумѣнія. На самомъ дѣлѣ, всѣ принадлежащія къ Церкви христіане составляютъ одно тѣло. Въ Церковь Христову нужно вѣрить, т. е. принимать невидимое, какъ видимое...

Эту сущность Церкви Христовой — единство всѣхъ истинно-вѣрующихъ христіанъ въ одномъ богочеловѣческомъ тѣлѣ Христа, въ тѣлѣ Церкви, св. апостолъ Павелъ представляетъ въ слѣдующихъ словахъ: „Какъ въ одномъ тѣлѣ у насъ много членовъ, но не у всѣхъ членовъ одно и тоже дѣло; такъ мы многіе составляемъ одно тѣло во Христѣ, а порознь одинъ для другого члены“ (Рим. 12, 4—5). „Какъ тѣло одно, но имѣетъ многіе члены, и всѣ члены одного тѣла, хотя ихъ и много, составляютъ одно тѣло,—такъ и Христосъ (въ тѣлѣ Церкви, составленной изъ многихъ христіанъ). Ибо всѣ мы однимъ Духомъ крестились въ одно тѣло, іудеи или еллины, рабы или свободные, и всѣ напоены однимъ Духомъ. Тѣло же не изъ одного члена, но изъ многихъ... И вы—тѣло Христово, а порознь члены“ (1 Кор. 12, 12—27).

Иисусъ Христосъ есть Богочеловѣкъ, сочетавшій неслитно, неизмѣнно, неслиянно и неразлучно божескую Ипостась Свою и человѣческое естество. Такъ и Церковь Христова соединяетъ во-едино, хотя столь же неслитно, неслиянно, неизмѣнно и неразлучно Христа Искупителя и искупленное человѣчество всѣхъ временъ и народовъ въ одно богочеловѣческое тѣло Христово. Христосъ есть душа Церкви, подобно тому, какъ „дыханіе Божіе“ стало въ сотворенномъ изъ земли человѣкѣ „душею живою“ (Быт. 2, 7)... Въ этомъ именно смыслѣ Христосъ—Глава Церкви, которая есть тѣло Его, полнота Наполняющаго все во всемъ“ (Еф. 1, 22, 23).

Какимъ образомъ Христосъ, Искупитель міра и искупленное Имъ человѣчество въ лицѣ Церкви соединяются въ одно „тѣло Христово“—это тайна непостижимая для разума. Но эта тайна имѣетъ своимъ содержаніемъ нѣчто не умопредставляемое только, а реальное, дѣйствительное. Св. Апостолъ Павелъ нѣсколько раскрываетъ намъ эту „великую тайну“, когда сравниваетъ союзъ Христа и Церкви съ брачнымъ союзомъ мужа и жены. Въ этомъ брачномъ союзѣ двухъ существъ: мужчины и женщины, за видимою раздѣльностью ихъ физическаго существованія, скрывается полное соединеніе душъ и тѣлесъ ихъ, такъ что мистически мужъ и жена въ ихъ брачномъ

союзъ представляются какъ „одна плоть“. Христось и Церковь, соединившая принадлежащихъ къ Ней христіанъ со Христомъ, представляются Апостолу еще болѣе тѣснымъ дѣйствительнымъ союзомъ двухъ, такъ сказать, Существовъ въ одно тѣло, такъ что Апостоль беретъ этотъ союзъ въ примѣръ для брачнаго союза мужа и жены и на основаніи этого примѣра даетъ свои наставленія для мужа и жены. „Жены, повинуйтесь своимъ мужьямъ, какъ Господу. Мужъ есть глава жены, какъ и Христось Церкви и Онъ же Спаситель тѣла. Но какъ Церковь повинуется Христу, такъ и жены повинуйтесь своимъ мужьямъ во всемъ. Мужья, любите своихъ женъ, какъ и Христось возлюбилъ Церковь и предалъ Себя за нее, чтобы освятить еѣ, очистивъ банею водою, посредствомъ слова; чтобы представить еѣ Себѣ славною Церковію, не имѣющею пятна, или порока, или чего-либо подобнаго, но дабы она была свята и непорочна. Такъ мужья должны любить своихъ женъ, какъ свои тѣла; любящій свою жену любить самого себя. Ибо никто никогда не имѣлъ ненависти къ своей плоти, но питаетъ и грѣетъ еѣ, какъ и Господь Церковь. Потому что мы члены тѣла Его, отъ плоти Его и костей Его. Посему человекъ оставитъ отца своего и мать и прилѣпится къ женѣ своей и будетъ двое—одна плоть. Тайна сія велика; я говорю по отношенію ко Христу и къ Церкви“ (Еф. 5, 22—32).

Союзъ Христа и Церкви полный,—единое тѣло, и мы христіане—нераздѣльные отъ этого Тѣла члены Его, отъ плоти Его и отъ костей Его. Христось самоотверженно до смерти любитъ Церковь и заботится о ней. Церковь отвѣчаетъ ему полнымъ повиновеніемъ. Но это повиновеніе—не рабское подчиненіе, до полной потери своей личности, а свободное согласіе и покорность. Апостоль Павелъ свидѣтельствуетъ, что всѣ христіане „водимые Духомъ Божіимъ, суть сыны Божіи, потому что они не приняли духа рабства, чтобы жить въ страхѣ, но приняли Духа усыновленія, которымъ зываемъ: Авва, Отче“ (Рим. 8, 14, 15).

Христіане, принадлежащіе къ церкви, хотя и живутъ въ Церкви, по законамъ Церкви, не могутъ испытывать рабскаго страха передъ этими законами, подобно тому страху, который

испытывали люди Ветхаго Завѣта передъ его закономъ. Законы Церкви для христіанъ не есть что-либо внѣшнее. Они родились въ нѣдрахъ самой церкви, какъ Ея жизнь. Подчиненіе христіанъ Церкви, есть подчиненіе своему разуму, только не личному, грѣшному, а слитому съ Божественнымъ Разумомъ всѣхъ христіанъ, принадлежащихъ къ Церкви Христовой.

Опредѣляя Церковь, какъ „тѣло Христово“, миссіонеръ легко можетъ выяснитъ и существенный коренной признакъ Церкви: единство христіанъ со Христомъ и между собою. Гдѣ бы христіане, принадлежащіе къ Церкви Христовой, ни жили, когда бы они ни жили, все равно, не смотря на разность времени и пространства, всѣ они одинаково входятъ въ составъ „тѣла Христова“. Это „тѣло Христово“, Церковь Христова не ограничивается пространствомъ и временемъ. На это прямо указываетъ Апостоль Павель, когда говоритъ, что Христосъ есть Глава Церкви, которая есть тѣло Его, полнота Наполняющаго все во всемъ“ (Ефес. 1, 22. 23)... Полнота Наполняющаго все во всемъ: это значитъ, что ничто въ мірѣ, принадлежащее Христу, не можетъ быть, не должно быть внѣ церкви. Она—Его исполненіе, Его жизнь во всемъ и во всѣхъ, что только носитъ имя Христово. Внѣ Церкви—нѣтъ и Христа въ мірѣ...

Царство небесное, Царство Божіе, эти названія Церкви въ Св. Писаніи опредѣляютъ скорѣе качества Церкви Христовой, чѣмъ самое существо Ея. Домъ Божій, градъ Божій, виноградная лоза и тѣло человѣческое—это образы Церкви. А тѣло Христово—это настоящее дѣйствительное опредѣленіе, выражающее и родовой (тѣло) и видовой (Христово) признаки Ея. При такомъ опредѣленіи Церкви Христовой, у слушателей, если эти слушатели образованы и знакомы съ современной литературой, по ассоціаціи представленій, неизбежно придетъ на мысль социалистическое представленіе человѣчества, какъ коллективной, собирательной личности. Церковь Христова, какъ состоящая изъ всѣхъ принадлежащихъ къ ней христіанъ, можетъ показаться какому нибудь социалисту воспроизведеніемъ, правда, мистическимъ, ихъ материалистическихъ воззрѣній на человѣчество.

Но во первыхъ, Церковь создана Христомъ, а ученіе о ней изъяснено Апостолами за цѣлыхъ 18 вѣковъ до первыхъ учителей социализма. Если говорить о воспроизведеніи и заимствованіи самой идеи собирательной личности, то изначальность христіанской идеи внѣ всякаго сомнѣнія. Во вторыхъ, социализмъ

представляетъ человѣчество объединенное въ одну собирательную коллективную личность въ области только матеріальныхъ, въ частности, экономическихъ интересовъ. До души человѣка социализму дѣла нѣтъ. Душа, по воззрѣнію экономического матеріализма, есть только функція, отправленіе матеріальныхъ силъ человѣка и душа будетъ жить такъ, какъ ее создадутъ матеріальныя, экономическія условія жизни. Понятно, поэтому, что социалистическая собирательная личность нисколько не подходитъ къ личности, или тѣлу Церкви. Здѣсь единеніе, прежде всего, душъ, а черезъ то уже, и единеніе тѣлесъ, какъ органовъ души.

Соціализмъ же представляетъ въ своей коллективной личности человѣчества единеніе тѣлесъ, желудковъ, а потомъ уже и объединеніе душъ, какъ результатъ объединеннаго желудка.

Свящ.-миссіонеръ С. Потѣхинъ.

(Окончаніе слѣдуетъ).

Къ исторіи секты бестѣдниковъ.

VI.

Признавая догматъ объ искупленіи, хлысты страшно исказили его; такъ, они вѣруютъ, что для насажденія благочестія на землѣ Богъ многократно воплощался, по ихъ любимому выраженію, «скатывалъ». Скатывалъ онъ въ Римѣ-Іерусалимѣ, скатывалъ и на горѣ Городинушкѣ, во образѣ Данилы Филиппыча; по избранію послѣдняго былъ во образѣ Ивана Тимофеевича; черезъ 7 лѣтъ послѣ вознесенія скатывалъ въ деревеньку Мыльникову къ сиротѣ Аксиньѣ Яковлевной; скатывалъ онъ въ Москвѣ, въ верховой сторонушкѣ; скатывалъ въ Казани, въ Костромѣ, въ сторонушкѣ Стародубской и другихъ «мѣстахъ преподобныхъ». О каждомъ такомъ скатываніи у хлыстовъ есть болѣе или менѣе распространенныя легенды, издревле сохраняющіяся среди хлыстовъ въ ихъ пѣсняхъ и «божьихъ словахъ», коихъ каждый, хотя бы и неграмотный хлыстъ знаетъ не одну сотню. Вышеизложенное вѣроученіе хлыстовъ находитъ свое выраженіе въ нѣсколькихъ ихъ пѣснопѣніяхъ.

Вотъ пѣсня о воплощеніи Данилы Филипповича:

Дай намъ, Господи
Свѣтъ Иисусъ Христось,
Свѣтъ, помилуй, сударь, грѣшныхъ.
Какъ сошелъ нашъ батюшка на землю,
Воплотился во плоть
Сударь въ человѣческую,
Онъ въ чистую плоть въ Данилову,
Въ чистоплотную во Филипповича.
Онъ пустилъ свой святы духъ
По всѣмъ сердцамъ
И по всѣмъ сударь сердцамъ
Человѣческимъ.
Самъ явился Государь,

Самъ прославился Господь,
 Выбиралъ нашъ Государь
 Себѣ премудрыхъ ловцовъ.
 Уловляли тѣ ловцы
 Всю вселенную.
 Уловленная ловцы
 Вселенная вся.
 Распремудрыми ловцы
 Самъ явилъ нашъ Государь,
 Самъ прославился Господь
 Во своихъ онъ душахъ
 Душахъ праведныхъ
 Ему слава Государю не минуется
 Что отъ нынѣ свѣтъ и до вѣку.
 Дай намъ Господи и пр.

А вотъ что поютъ хлысты объ избраніи въ Сына Божія
 Ивана Тимофеевича (Суслова).

Дай намъ, Господи,
 Дай, Иисусъ свѣтъ Христось,
 Государь Сынъ Божій,
 Помилуй, сударь, грѣшныхъ.
 Той есть Богъ.
 Какъ бы золота трубонька
 Жалобнехонько она вострубила,
 Проглаголоваль нашъ батюшка,
 свѣтъ богатый гость
 свѣтъ небесный Царь
 Черезъ свои уста сахарныя:—
 Послушайте-ка, други милые,
 Вы, братья и сестры духовные,
 Богомъ свѣтомъ полюбовные,
 Самимъ Господомъ избранные,—
 Какова же любовь прежняя была?
 Други милые испугались
 И не могутъ отвѣта они Богу дать
 Какъ бы золота трубонька
 Жалобнехонько она вострубила,—
 Проглаголоваль нашъ батюшка
 свѣтъ богатый гость,
 свѣтъ небесный Царь
 Черезъ свои уста сахарныя:—
 Послушайте, други милые,
 Любовь прежняя—краше солнышка
 И свѣтлѣй она свѣтла мѣсяца.
 Какъ сошелъ Богъ съ неба на землю

И прошелъ онъ огонь-пламя
 И всю землю, всю вселенную,
 Онъ искалъ себѣ товарища
 Онъ изъ умныхъ разумнаго.
 Онъ нашель себѣ товарища
 Сына Божія избраннаго,
 Что Ивана свѣта Тимофеича
 Онъ и бралъ его за праву руку,
 Онъ повель его въ царство небесное
 И въ рай Божій во блаженной.
 Онъ возвелъ его на Христовъ Божій престоль,
 Облачалъ въ ризу нетлѣнную
 И давалъ же онъ ему
 На рученьки Божьи поручни
 На головушку семигранный вѣнецъ.
 Онъ и сдалъ ему свой страшный судъ
 Ты суди-ка, мое дитятко,
 Ты земное и небесное,
 Разсуди-ка, мое дитятко,
 Разсуди всю преисподнюю,
 Дай намъ, Господи и пр.

Иванъ Тимофеевичъ изъ всѣхъ хлыстовскихъ христовъ пользуется среди послѣдователей Данилы Филипповича особымъ уваженіемъ; поэтому, не довольствуясь вышеописаннымъ избраніемъ въ сына Божія, причемъ онъ былъ возведенъ на «Христовъ Божій Престоль» и удостоенъ прочихъ атрибутовъ и милостей, соединенныхъ съ этими высокими достоинствами, стараются самое рожденіе, крещеніе и всю предшествующую этому избранію жизнь Ивана Тимофеевича представить чудесными. Вотъ что говорится объ этомъ въ ихъ «Божіемъ Словѣ»:

Здравствовалъ батюшка,
 Ликовалъ сынъ Божій
 Гость богатый Царь небесный
 Изобранный, возлюбленный, милостивый
 Въ Римѣ Іерусалимѣ
 Въ Каменной Москвѣ
 И въ верховой сторонушкѣ.
 А въ ту де пору-времячко
 Сошелъ онъ съ небесной высоты
 Въ небесныхъ пеленахъ.
 Къ діакону въ ометъ съ соломой.
 Рано утромъ діаконъ пошелъ за соломой
 И сталъ крюкомъ солому дергать;

Но только что запустилъ крюкъ въ солому,
 Слышитъ онъ голосъ отрока:
 «Дьяконъ, дьяконъ,—потихе, глазъ не выколи!»
 Дьяконъ изумился, однако крюкъ въ солому
 Запустилъ и въ другой разъ,
 И снова голосъ говорить ему:
 «Потихе, дьяконъ, глазъ не выколи!»
 И такъ три раза было.
 Послѣ этого дьяконъ поспѣшилъ
 Ометъ съ соломой разобрать
 И нашель въ ней младенца въ небесныхъ пеленахъ.
 Скорехонько взялъ его и принесъ домой.
 Развернулъ небесныя пелены,
 Смотритъ: «мужескъ полъ»...
 Испугался,—да скорѣй къ попу
 Прибѣжалъ и говорить ему:
 «Батюшка! я въ ометѣ младенца нашель».
 А въ ту де пору времячко
 Въ стародубской сторонущкѣ
 Жилъ благочестивый человекъ
 По имени Тимофей Сусловъ;
 Человекъ онъ былъ богатый
 Только дѣтей у него не было.
 Вотъ попъ-то и говорить дьякону:
 «Неси ты его, свѣтъ, къ Тимофею Суслову,
 Да скажи, чтобъ кума-то
 Взялъ онъ встрѣчнаго.
 Сусловъ обрадовался, младенчика принять
 И понесъ крестить.
 Идетъ это онъ съ младенцемъ-то
 А батюшка-сударь катитъ ему на встрѣчу на
 бѣломъ конѣ.
 Сусловъ къ нему и говорить:
 «Добрый человекъ!
 Мнѣ Богъ сына послалъ,
 Такъ не окрестишь-ли?»
 Батюшка согласился
 Подкатили къ Церкви,
 Коня къ оградѣ привязалъ,
 А самъ въ церковь вкатилъ.
 Тѣмъ временемъ въ церкви
 Все къ крестинамъ приготовили,
 А попъ-то вошелъ въ алтарь.
 Да и замѣшкался
 А сударь-батюшка взялъ младенчика
 Да и окрестилъ его.
 Не допустилъ до скверныхъ попов-
 скихъ-то рукъ
 Попъ изъ алтаря-то выходитъ,

Глядь,—кумъ младенца-то окрестилъ уже.
 Онъ и давай кричать:
 «Кумъ! кумъ! что ты дѣлаешь?»
 А сударь-то батюшка и говорить:
 «Я не здѣшній,
 Меня позвали младенчика окрестить,
 Я и окрестилъ,
 Думалъ, мнѣ крестить-то надо».
 Тутъ попъ видитъ, дѣлать нечего,
 И говоритъ: «Ну ужъ видно все равно».
 Младенчика назвали И в а н о м ъ
 А батюшка выкатилъ изъ церкви,
 Сѣлъ на коня.
 И поднялся въ небесную высоту,
 На томъ у батюшки
 И судъ Божій исполнился.

Среди множества «чудесъ», совершенныхъ Иваномъ Тимофеевичемъ до своего избранія въ «Сына Божія», по своей наивности заслуживаетъ особаго вниманія «первое чудо». Вотъ что объ этомъ говоритъ хлыстовское «божіе слово».

Здравствовалъ батюшка,
 Ликовался сынъ Божій
 Изобранный, возлюбленный, милостивый
 Въ святомъ своемъ Римѣ-Іерусалимѣ
 И въ стародубской сторонушкѣ,
 А въ ту де пору-времячко
 Жилъ онъ сударь у своего нареченнаго-отца
 И съ ребятишками игривалъ.
 Однажды подошли они къ пруду,
 А въ пруду лягушекъ видимо-невидимо.
 Вотъ онъ батюшка и говоритъ:
 «Ребята, давайте царя выбирать,
 Кто запретить лягушкамъ кричать,
 Тотъ и будетъ царь».
 Ребята согласились,
 И запрещать стали съ младшаго.
 Тутъ младшій говоритъ:
 «Лягушки, не кричите!»
 А лягушки кричать себѣ да кричать.
 Другой говоритъ: «Лягушки, перестаньте!»
 А они знай свое...
 И такъ всѣ...
 А какъ дошла очередь до батюшки,
 То какъ только онъ сказалъ:

«Лягушки, не смѣйте кричать»;
 Онѣ сразу словно умерли..
 Потомъ батюшка-то и говорить:
 «Пусть теперь будетъ царемъ тотъ,
 Кто лягушекъ кричать заставитъ».
 Заставлять опять начали съ младшаго.
 Одинъ говоритъ: «Лягушки, кричите»,
 Лягушки молчать.
 Другой говоритъ «лягушки кричите»,
 А ихъ словно и нѣтъ.
 А какъ дошла очередь до батюшки,
 Да какъ сказала: «Кричите, лягушки!»
 Лягушки такой гамъ подняли,
 Хоть уши затыкай.
 То и было первое чудо.
 На томъ у батюшки
 И судъ божій исполнился.

Скативъ въ деревню Мыльникову къ сиротѣ Аксинѣ, сударь батюшка далъ нѣсколько заповѣдей,—заповѣдывалъ «чистоту тѣлесную, которая для хлыстовъ является не только «проводницей» душамъ ихъ въ царство небесное, но и ставитъ ихъ «съ богомъ на ровень,—со Христомъ нераздѣлимо»,—тутъ же повелѣно говорить «божіе слово», «сиротамъ божіимъ»,—такъ какъ «это божіе слово есть всему божію дѣлу основа». Вотъ какъ въ поэтическомъ изложеніи говорится объ этомъ у хлыстовъ:

Здравствовалъ батюшка,
 Ликовалъ сынъ Божій
 Гость богатый царь небесный
 Въ верховой сторонушкѣ.
 И изволилъ батюшка
 Укатить въ небесную высоту.
 И прошло его успенію
 И святому вознесенію семь лѣтъ.
 Изволилъ батюшка скатить съ неба на землю
 Въ деревеньку Мыльникову,
 Къ сиротѣ Аксинѣ Яковлевой.
 «Ликуется Государь впереди на лавочкѣ.
 А Аксинюшка поутру встала
 И печку затоплять стала
 Въ печку два полѣна положила
 И третьимъ прикрыла
 И стала она, по суду божію,

Три земныхъ поклона класть;
И... увидѣла: гость богатый впереди ликуется.
Испугалась и обрадовалась
И молитву сотворила:
Господь Иисусъ Христосъ
Сынъ Божій, сударь Свѣтъ
Помилуй насъ грѣшныхъ.
Ты ли, батюшка родной,
Гость богатый дорогой?
Или... это мой грѣшной души мечтаніе?
А гость богатый отвѣчаетъ:
«Аксиньюшка! не убойся:
Я, батюшка родной,
Гость богатый дорогой,
Съ небесной высоты скатился
И гостемъ богатымъ объявился».
Такъ Аксиньюшка его, батюшку,
Три раза вопрошала.
Изволилъ батюшка—гость богатый
Крестно знаменіе на головушку возложить
И молитву сотворить:
«Господи Иисусъ Христосъ Сынъ Божій,
Сударь свѣтъ, помилуй насъ».
Благослови ты, батюшка,
Святъ превышній Богъ спѣтъ бы
Пѣсенку запѣвальную,
Запѣвальную и толковальную,
Которую ты, батюшка самъ
Пѣваль, говорилъ и наказываль.
«Послушайте, други милые
Вы, братья и сестры духовные,
Богомъ свѣтомъ полюбовные,
Самимъ Божіимъ избранные!
Поживите ка вы, други милые,
Во кротости и во смиреніи
И въ любви Божіей добродѣтели;
И держитесь-ка вы чистоты тѣлесной:
«Чистота ваша тѣлесна:
Зато вамъ будетъ красота небесна,
Да, чистота ваша тѣлесна:
«Съ богомъ на ровень,
Со Христомъ не раздѣлима»
«Да, чистота ваша тѣлесна:
Проводница душамъ вашимъ грѣшнымъ
Въ царствіе небесно».
«И во царствіи то царствуйте
Со отцами, матерями
И со всѣми со родами».
Изволилъ батюшка, гость богатый,

Царь небесный проглаголовать:
 «Аксиньюшка! поняла ли?»
 Аксиньюшка отвѣчала:
 «Батюшка государь,—виновата и грѣшна,
 Не поняла».
 Такъ батюшка-то ей
 Трикраты проглаголовать.
 Въ третій то разъ Аксиньюшка отвѣчала:
 «Батюшка, будь милостивъ,—поняла».
 Изволилъ батюшка гость богатый
 Выкатить¹⁾ на пречисты ноженки
 И подкатилъ къ вереечкѣ²⁾,
 И изволилъ проглаголовать:
 «Аксиньюшка!
 Ходятъ ли къ тебѣ сироты Божіи?»
 Аксиньюшка отвѣчала:
 «Благословишь—такъ ходятъ»
 «Аксиньюшка!
 Говори ты имъ это мое «божіе слово»,
 Это мое «божіе слово»
 Всему божію дѣлу основа».
 Изволилъ батюшка, гость богатый,
 Царь небесный, судья милосердный
 Выкатить во сѣночки,
 Изъ сѣночекъ-то на крыльчико,
 А съ крыльчика-то на широкое подворьнице,
 А съ подворьница-то
 Сталь въ небесную высоту подниматься.
 Поднялся сударь на хороминку,
 А тутъ-то стояче деревцо,
 Да такъ и укатилъ сударь
 Въ небесную высоту.
 А Аксиньюшка возвратилась въ палатушку.
 Палатушку убрала
 И въ печкѣ оправила.
 А батюшка то государь
 У «праведныхъ» сердца-то и потревожилъ:
 И сошлись они всѣ и снюхались.
 Аксиньюшка всѣхъ праведныхъ
 По лавочкамъ посадила,
 Сама противъ нихъ на скамеечку сѣла
 И молитву сотворила:
 «Господи Иисусъ Христосъ
 Сынъ Божій сударь свѣтъ
 Помилуй насъ грѣшныхъ»!
 А послушайте-ка, праведны,

1) Встать.

2) Къ двери.

Скажу я вамъ «божіе слово»
 И стала говорить имъ:
 Все вышереченное.
 А праведны выслушали
 И молитву сотворили, и молвили:
 «Сколько мы къ тебѣ ни ходили,
 Никогда ты не говорила это «божіе слово».
 А Аксиньюшка то имъ отвѣтила:
 «Други вы мои милые,
 Ничего то вы еще не знаете,
 Въ сегодняшние де утречію
 Прикатился ко мнѣ сударь—свѣтъ,
 И къ моей душѣ грѣшной
 Это «божіе слово» изъ своихъ пречистыхъ усть
 Проглаголоваль.
 А праведны заговорили:
 «Что же ты,—Аксиньюшка
 Намъ-то про такое дѣло не сказала?»
 Аксиньюшка отвѣтила:
 «Прикатился батюшка на малое времечко.
 Некого было послать,
 И некого оставить,
 А онъ опять укатился въ небесную высоту».
 «Господи Иисусъ Христось,
 Сынъ Божій сударь свѣтъ,
 Помилуй насъ грѣшныхъ»,
 «Аминь, царю небесному
 Государю сыну Божію».

VII.

Вѣруя въ перевоплощеніе сына Божія, хлысты множество иконъ Божіей Матери почитаютъ за изображеніе своихъ хлыстовскихъ «богородицъ», почему разнымъ иконамъ Божіей матери они присвоиваютъ имена извѣстныхъ и особо чтимыхъ хлыстовокъ,—чаще пострадавшихъ за сохраненіе «чистоты тѣлесной» и нежеланіе идти замужъ. Мы уже видѣли, что Казанскую Икону Божіей Матери хлысты почитаютъ за изображеніе своей Аграфены Китаевны; равнымъ образомъ и Смоленскую зовутъ они Дарьей Ефремовной; Тихвинскую—Устиньюшкой.

Грузинскую икону Божію Матери хлысты почитаютъ за изображеніе своей хлыстовки Евфросиніи Степановны и вотъ что повѣствуютъ о ней въ своемъ «божіемъ словѣ»:

Здравствовалъ батюшка,
 Ликовался сынъ Божій,
 Гость богатый царь небесный
 Въ святомъ своемъ Римѣ Іерусалимѣ,
 На матушкѣ Москвѣ
 Въ дому Божіемъ Давидовомъ
 И во всѣхъ мѣстахъ преподобныхъ.
 А въ ту де пору время
 Въ Казани жила дѣвица
 Ефросинія Степановна
 И замужъ она идти не хотѣла,
 А отецъ всячески принуждалъ ее.
 И когда она совсѣмъ отказалась
 Его въ этомъ слушаться,
 Онъ озлѣлъ, и сталъ ее
 Грузить изъ проруби въ прорубь.
 Грузилъ, грузилъ и... утопилъ ее.
 Какъ только утопилъ,
 Тутъ же и явился ликъ ея пречистый
 И стала она:—«Божія матушка Грузинская»
 И на томъ у батюшки
 Судъ Божій исполнился.

Почти тоже самое разсказывается хлыстами и про «богородицу» Владимірскую. Разница только въ томъ, что видя невозможность сохранить свою „чистоту тѣлесную“, она почти изъ подъ вѣнца убѣжала и, взобравшись на верхнія подмости Владимірскаго собора, сама оттуда внизъ бросилась и разбилась до смерти,—послѣ чего „и явился ликъ ея пречистый“. Вотъ объ этомъ „божіе слово“.

„Здравствовалъ батюшка,
 Ликовался сынъ Божій,
 Царь небесный судья милосердный
 Въ святомъ Римѣ Іерусалимѣ,
 Въ Каменной Москвѣ и
 Въ святомъ дому Божіемъ Давидовомъ.
 А въ ту де пору-время въ Казани
 Замужъ дѣвицу отдавали,
 И хотя она-то очень не хотѣла этого,
 Отецъ все таки ее принудилъ.
 А въ то де само времячко
 Въ Казани Владимірскій соборъ строился
 И соборъ то былъ готовъ,
 Только лѣса съ него были не убраны
 Привезли это дѣвицу къ вѣнцу-то;
 А вскочила на помость,

Взобралась вверхъ, да съ верху-то
 Внизъ и бросилась.
 И убилась до смерти.
 А въ то же само времячко
 И образокъ ея явился,
 И стала она:
 „Божьей матушкой Владимірской“
 И на томъ у батюшки
 Судъ божій исполнился.

„Троеручница“ у хлыстовъ и теперь еще здравствуетъ и „ликуется“ въ деревнѣ Четорчакъ, Чистопольскаго уѣзда. „Богородицъ“ у хлыстовъ множество и о каждой изъ нихъ непременно есть легенда или преданіе. Достойно вниманія то обстоятельство, что такія хлыстовскія легенды объ ихъ богородцахъ нерѣдко находятъ себѣ полное довѣріе и имѣютъ довольно широкое распространеніе и въ темной средѣ православно русскаго населенія. Такъ, въ селѣ Кривозеркахъ, Чистопольскаго уѣзда, напр., среди православныхъ женщинъ довольно широко распространено хлыстовское сказаніе объ иконѣ Божіей Матери „Взысканіе Погибшихъ“,—изъ коего видно, что „Взыскающая Погибающая“, какъ тамъ всѣ называютъ эту икону, была татарка, по имени Аллилуіа. Здѣсь въ первый разъ мы слышали и со слова православной старушки записали сказаніе объ этомъ. Послѣ мы не одинъ разъ слышали то же и почти безъ всякаго измѣненія ужъ какъ „божіе слово“. Вотъ оно:

Здравствовалъ батюшка,
 Ликовался сынъ Божій
 Изобранный, возлюбленный, милостивый
 Въ дому Божіемъ Давидовомъ
 Въ Іерусалимѣ своемъ небесномъ.
 А и было де на него гоненіе:
 Послалъ де Иродъ воиновъ избивать
 Младенцевъ Виѳлеемскихъ,
 А батюшка-то и убѣжалъ отъ нихъ
 За городъ въ пастушью избушку;
 А въ избѣ-то сидѣла татарка Аллилуіа
 И топила печку,
 А на рукахъ-то своего младенца держала,
 Вбѣгалъ де батюшка въ избу
 И проглаголовалъ:
 «Аллилуіа, брось своего младенца въ печь,
 И возьми меня Бога на руки».
 И такъ де сердце ей потревожилъ,

Что она его послушалась:
 Своего ребенка въ огонь въ печку бросила,
 А его, батюшку, взяла на руки.
 И только что печь закрыла
 И батюшку на руки взяла,
 Прибѣжали войны и говорятъ:
 «А гдѣ здѣсь Христосъ?»
 «А я, говоритъ, его въ печку
 Въ огонь бросила»
 «Ну, коли бросила, ладно,
 Такъ и надо»... И ушли.
 Татаръ-то тогда не трогали,
 Они съ Иродомъ за одно были.
 А только войны ушли,
 Прибѣжала Божья матушка,
 Увидала у Аллилуіи батюшку
 И схватила его въ обѣ рученьки.
 А батюшка-то проглаголоваль:
 «Аллилуіа, открой печку».
 Та открыла,—смотреть...
 А ея ребеночекъ весь въ цвѣтахъ сидитъ
 И красненькимъ яичкомъ играетъ.
 Тутъ батюшка-то и проглаголоваль:
 «Ну, Аллилуіа, за то, что ты меня спасла,
 Будь ты «Взыскающая Погибающая».
 И на томъ у батюшки
 Судъ Божій исполнился.

Наши хлысты глубоко убѣждены, что «Взыскающая Погибающая» была дѣйствительно татарка Аллилуіа ¹⁾, и въ доказательство истинности этого сказанія даже рекомендуютъ намъ обратить вниманіе на самую икону. «Вездѣ, говорятъ они, Господь у Божіей матушки сидитъ или лежитъ, на одной рученькѣ, а здѣсь, видишь,—Аллилуіа его обѣими руками держитъ,—боится, какъ бы войны не отняли»...

То же вѣрованіе хлыстовъ переносится ими и на иконѣ Спасителя. Такъ мы уже видѣли, что Нерукотворенный образъ Спасителя, находящійся въ военной часовнѣ у воротъ Казанскаго Кремля, хлысты считаютъ за своего «христа» «Китая Лукояновича». Вотъ что говоритъ объ этомъ ихъ «Божіе слово»:

¹⁾ Это вѣрованіе, по свидѣтельству мѣстнаго уважаемаго и заслуживающаго полного довѣрія священника, раздѣляется многими изъ его прихожанъ, среди которыхъ когда-то было много хлыстовъ.

Здравствовалъ батюшка,
 Ликовался сынъ Божій
 Гость богатый, царь небесный
 Въ святомъ своемъ Римѣ Іерусалимѣ,
 На Матушкѣ Москвѣ
 Въ дому Божиѣмъ Давидовомъ
 И въ Казанской сторонушкѣ.
 А въ ту де пору-времячко
 Приходилъ къ нему
 Китай (Тить) Лукояновичъ,
 Спасу образу помолился,
 Сударю поклонился,
 Подаяніе на Христовъ престолъ положилъ.
 Батюшка подаяніе принялъ,
 Милость явилъ,
 Прощеніе учинилъ.
 Зритъ сударь и глаголовать:
 «Китаюшка! ты у насъ клень,
 Китаюшка! ты у насъ клень,
 Китаюшка! ты у насъ клень.
 Если бы это деревцо да выпрямить,
 Если бы его да вытесать,
 Если бы его да выгладить
 Да написать бы икону старообразную,
 То-то образъ бы былъ.
 Было бы на что помолиться
 И «Божію роду» и міру—народу».
 И на томъ у батюшки
 Судъ Божій исполнился.

VIII.

Этими вѣрованіями хлыстовъ и объясняется то обстоятельство, что хлысты очень охотно ходятъ на богомолье въ Казань и непременно этимъ иконамъ (онѣ принадлежать къ особочтимымъ мѣстнымъ иконамъ) ставятъ свѣчи и прикладываются.

Таинства святой церкви хлысты не признаютъ, и даже похуляютъ. Крещеніе, напр., по ихъ мнѣнію, ничто; а если Иванъ Тимофеевичъ, какъ мы выше видѣли, и былъ крещенъ, то крестилъ его самъ сударь батюшка, и не допустилъ до скверныхъ поповскихъ-то рукъ. Позовите вы хлыста окрестить младенца, и онъ ни за что не поидеть; не поидеть потому, что всѣ они младенцевъ почитаютъ за скверну и зовутъ «грѣшками», щенятами. Вотъ почему въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, гдѣ есть хлысты, упорно держится слухъ, что

дѣтей своихъ они нерѣдко морять голодомъ или душать, и оправдываютъ это тѣмъ, что «отъ грѣха они родились,— не грѣхъ де ихъ и убить». Отвращеніе хлыстовъ къ дѣтямъ такъ велико, что многіе пожилые хлысты въ случаяхъ рожденія въ ихъ домѣ ребенка, до шести недѣль дома не обѣдаютъ,—почитая его нечистымъ. Поэтому и любовь къ дѣтямъ у хлыстовъ строго воспрещается; и если, напр., хлысты замѣтятъ, что какая-нибудь ихъ дѣвица подойдетъ къ ребенку, хотя бы и чужому,—приласкаетъ или поцѣлуетъ его,—то не только запрещаютъ ей дѣлать это, но и застраиваютъ, говоря: «Смотри, впередъ не дѣлай этого, а то какъ умрешь, душа-то твоя и перейдетъ въ кобылу, тогда и будешь ты жеребятъ таскать». Если же хлысты и крестятъ своихъ дѣтей въ церкви, то дѣлается это по соображеніямъ чисто практическаго свойства: имъ нужно не таинство, а запись въ метрическія книги. «Безъ крещенія, обычно говорятъ они, церковники не запишутъ въ книги, а безъ этой записи ребенокъ лишается многихъ правъ въ жизни». Въ силу тѣхъ же соображеній хлысты и вѣнчаются въ церкви, хотя, какъ увидимъ ниже, гнушаясь брака, какъ скверны, въ вѣнчаніе такъ же мало вѣрятъ, какъ и въ крещеніе.

Таинства миропомазанія и елеосвященія хлысты почитаютъ за печать антихриста.

Не признаютъ хлысты и таинства св. причащенія. Извѣстны случаи, когда хлысты кощунственно выбрасывали принятыя Св. Тайны. Не такъ давно такой случай былъ, напр., въ селѣ Байтеряковѣ, Лаишевскаго уѣзда.

Вмѣсто церковнаго у хлыстовъ есть свое причащеніе. Достоверно извѣстно, что разъ въ два года хлысты приобщаются огнемъ отъ семи свѣчъ. Бываетъ это такъ: семь свѣчей туго стягиваются бичевой и зажигаются; послѣ извѣстной молитвы каждый изъ присутствующихъ хлыстовъ долженъ проглотить огонь этихъ свѣчъ, т. е. взявъ ихъ въ ротъ погушить; если это кому-либо не удастся сдѣлать сразу, церемонія повторяется. Въ Чистопольскомъ и Спасскомъ у. хлысты причащаются какими-то сухариками, которые размачиваются въ водѣ изъ Московскаго сударя-батюшки колодца. Это причастіе у хлыстовъ всегда имѣется въ запасѣ для больныхъ. Отъ причащавшихся намъ приводилось слышать (слухъ этотъ можетъ быть подтвержденъ свидѣтельскими показаніями), что сухарики эти красноватаго цвѣта и, какъ разжуешь, очень сильно пахнутъ

кровью. Въ селѣ Трехъ-Озерахъ Спасскаго уѣзда народная молва приписываетъ хлыстамъ ритуальное убійство восьмидневныхъ мальчиковъ для причащенія ихъ сердцемъ и кровью, такъ именно, какъ описано это г. Ливановымъ. Насколько правдива эта молва, утверждать не рѣшаемся. Есть еще слухъ, что хлысты (страшно сказать) приобщаются кровью дѣвственницы а primo coitu съ хлыстовскимъ христомъ. Таинство покаянія хлысты отвергаютъ, какъ ненужное, такъ какъ считаютъ себя «праведными», «избранными», «святыми». Мы, не какъ мірскіе,—живемъ честно, не воруетъ, не пьянствуемъ,—какіе у насъ грѣхи?—обычно говорятъ они. У насъ грѣховъ нѣтъ, такъ въ чемъ же намъ каяться-то? Въ селѣ Нижней Баландѣ хлыстовка Евдокія Леонтьевна, захворавши, пригласила священника, но вмѣсто исповѣди,—стала рассказывать ему хлыстовское божіе слово о Лисафѣѣ дѣвицѣ прекрасной—царской дочери,—а потомъ жаловалась на него миссіонеру, говоря: «какой у насъ батюшка, все выпрашиваетъ да до грѣховъ допытывается; вотъ покойный батюшка одно слово батюшка былъ,—придешь это къ нему, а онъ и скажетъ: у тебя, Леонтьевна, поди и грѣховъ-то нѣтъ,—какіе у тебя грѣхи? Ступай себѣ съ Богомъ». Если же хлысты и исповѣдуются, то опять-таки не потому, что вѣрятъ въ благодатную силу таинства и желаютъ чрезъ него очиститься отъ грѣховъ, а только для того, чтобы быть допущенными до причащенія св. Таинъ и тѣмъ скрыть свою принадлежность къ сектѣ.

Извѣстно, что у хлыстовъ на радѣніяхъ бываетъ свое покаяніе, гдѣ каждый хлыстъ, сознающій за собою тотъ или другой грѣхъ противъ «батюшки», публично кается въ немъ вслухъ всей общинѣ и отъ нея получаетъ прощеніе. Обрядъ этотъ у хлыстовъ пзвѣстенъ подъ именемъ «прощенія»,—о немъ будетъ сказано ниже при подробномъ описаніи радѣнія.

Таинство священства хлысты считаютъ самымъ вреднымъ и учатъ, что если бы поповъ не было, то было бы куда лучше, потому что попы не наставники ко спасенію, напротивъ:

Они стада не пасутъ

Лишь волну отъ стада собираютъ

Да «вѣрныхъ-праведныхъ» съ пути истины сбиваютъ.

Брака хлысты гнушаются какъ скверны, холостыхъ и особенно дѣвицъ они всячески уговариваютъ отказаться отъ брака,—

прельщая ихъ великими наградами отъ «батюшки». Вотъ что говорить объ этомъ «божіе слово»:

Здравствовалъ батюшка,
 Ликовался сынъ Божій
 Гость богатый судья милосердный
 Избранный, возлюбленный, милостивый
 Въ верховой сторонушкѣ,
 Въ Божьемъ дому Давидовомъ,
 Въ палатушкѣ своей царской,
 Ликуется багюшка государь
 Со своими вѣрными—праведными,
 Зритъ сударь и глаголовать:
 Послушайте де праведны
 Что я вамъ скажу:
 Вотъ если молодцы и дѣвицы
 Пребудутъ въ дѣвствѣ,
 То въ будущемъ вѣкѣ
 Поставлю ихъ въ три ряда:
 Первый ликъ ангельскій.
 Второй мученическій,
 А третій—сила небесная,
 Да въ будущемъ-то вѣкѣ
 Я награжу ихъ тѣмъ:
 Молодцевъ-то громами,
 А дѣвиць-то молніей
 И дамъ я имъ всѣмъ
 Крылья золотыя—посеребренныя;
 И будутъ они летать по воздуху
 И никто ихъ не возможетъ различить,
 Оттого де, что ризы у нихъ будутъ золотыя,
 А поручни жемчужныя.
 И на томъ у батюшки
 Судъ Божій исполнился.

IX.

Вступившимъ же въ бракъ заповѣдуютъ жить съ женами, какъ съ сестрами,—по заповѣди Данилы Филиппыча: «не женатый не женись, а женатый разженись».

Защищая предъ православными эту заповѣдь, хлысты говорятъ: и у васъ писано «не пожелай жены»...

И спасительность этой заповѣди доказываютъ слѣдующимъ любопытнымъ «божіимъ словомъ».

Здравствовалъ батюшка,
 Ликовался сынъ Божій

Изобранный, возлюбленный, милостивый,
 А въ ту де пору времячко
 Жилъ добрый человекъ
 Любилъ онъ въ церковь ходить,
 Частенько постился,
 Много и долго Богу молился:
 Одинъ былъ за нимъ грѣхъ
 Съ женой де онъ съ законной жилъ.
 И было де ему отъ Бога знаменье
 Пришелъ онъ разъ къ заутрени
 Ранымъ ранехонько
 И церковь-то заперта еще была.
 Подождалъ немножко,
 И хотѣлъ было уже домой идти;
 Глядь, подходитъ къ церкви-то другой человекъ
 И предъ нимъ де двери-то церковныя
 Сами растворилися.
 Вошелъ это онъ въ церковь,
 Помолился Богу и вышелъ,
 А двери-то церковныя за нимъ
 Сами-жъ затворилися.
 Первому-то и захотѣлося узнать,
 Чѣмъ де это онъ такъ Богу угодилъ.
 Тутъ и пошелъ онъ за нимъ слѣдить
 И пришедши къ нему въ домъ,
 Сталъ его выспрашивать:
 Скажи мнѣ добрый человекъ,
 Чѣмъ это ты такъ Богу угодилъ
 Что предъ тобой двери церковныя
 Сами растворяются?...
 «Отъ того де двери церковныя
 Предо мною сами растворяются,
 Что за всю жизнь я никогда
 Съ законной женой
 Не имѣлъ блуда»...
 «Не живи де и ты съ женой
 А чужую-то на время...
 Духъ укажетъ.
 И на томъ у батюшки
 Судъ Божій исполнился.

Свящ. А. Урбанскій.

Возвращеніе хлыста въ лоно Православной церкви.

Калужская епархія, занимающая не послѣднее мѣсто по численности разныхъ раскольническихъ толковъ и согласій, издавна имѣетъ въ нѣсколькихъ приходахъ, хотя таковыхъ сравнительно немного, послѣдователей и тайной секты—хлыстовщины. Среди такихъ немногихъ приходоу, въ которыхъ хлыстовщина свила себѣ прочное гнѣздо, одно изъ первыхъ мѣстъ занимаетъ приходъ села Шкотовки—Игнатовскаго тожъ, Жиздринскаго уѣзда. Сектанты этого прихода, извѣстные среди мѣстныхъ жителей подъ названіемъ «духоборъ»¹⁾ находясь до настоящаго времени въ дѣятельномъ сношеніи съ столичными заправилами хлыстовщины и живя весьма сплоченной семьей, отличаются довольно упорнымъ прозелитизмомъ по отношенію къ мѣстному православному населенію. Благодаря такому отношенію этихъ сектантоу къ мѣстнымъ православнымъ односельчанамъ, въ 1903 году ими былъ уловленъ въ свои душепагубныя сѣти мѣстный (шкотовскій) богатый крестьянинъ Михаилъ Ивановъ Кирилинъ.

Кирилинъ, человекъ матеріально весьма состоятельный, до этого печальнаго факта слылъ за лучшаго православнаго прихожанина, состоялъ даже нѣсколько лѣтъ въ должности церковнаго старосты при мѣстной приходской церкви, дѣлалъ много цѣнныхъ, крупныхъ пожертвованій въ свой приходскій храмъ. Благодаря тому же богатству занималъ довольно видное общественное положеніе не только среди своихъ односельчанъ, но и во всемъ своемъ округѣ, а также имѣлъ замѣтный вѣсъ

¹⁾ Сектанты—хлысты въ Калужской епархіи извѣстны подъ слѣдующими разными названіями: въ Жиздринскомъ уѣздѣ—подъ названіемъ „духоборъ“; въ Мещевскомъ уѣздѣ—„вѣрующихъ“ и „фармазонъ“; въ Тарусскомъ уѣздѣ—„хлыстовъ“.

и значеніи у своей мѣстной свѣтской власти. Послѣднее для сектантовъ особенно было важно и цѣнно въ Кирилинѣ.

Заловить такого человѣка, какимъ считался и на самомъ дѣлѣ былъ Кирилинъ, въ свою среду для шкотовскихъ хлыстовъ было особенно дорого: они вполне были увѣрены, что Кирилинъ, при своемъ богатствѣ и значеніи у мѣстной власти, можетъ оказать ихъ обществу во всѣхъ отношеніяхъ одну только пользу...

Мѣстный причтъ въ теченіе года былъ въ неизвѣстности относительно совращенія Кирилина въ «духоборство». Самъ же Кирилинъ, ставши безусловно вѣрнымъ заповѣдямъ новой своей вѣры, тщательно скрывалъ и всячески маскировалъ свое отступленіе отъ православія и вступленія въ гнусную секту хлыстовъ, стараясь казаться вполне православнымъ. Но сколько онъ ни старался лицемѣрить, народная молва все упорнѣе и упорнѣе стала называть его «духоборомъ».

Приходскій мѣстный священникъ, руководясь, съ одной стороны, этой упорной народной молвой и своими собственными наблюденіями, съ другой,—побуждаемый предписаніемъ епархіальной власти при принятіи на исповѣдь и допущеніи къ Св. Причащенію опознанныхъ и подозрѣваемыхъ хлыстовъ строго держаться указа Св. Синода отъ 26 мая 1900 г. за № 5 т. е. «не допускать къ причащенію Святыхъ Таинъ, пока они, по исповѣданіи своихъ грѣховъ, не произнесутъ вслухъ народа отреченіе отъ всѣхъ хлыстовскихъ заблужденій и не дадутъ обѣщанія до конца жизни твердо содержать ученіе православной церкви» (пунктъ 13), въ Великій Постъ слѣдующаго 1904 г., когда Кирилинъ явился къ нему вмѣстѣ съ прочими на исповѣдь, предъявилъ ему вышесказанныя требованія. Но... тутъ-то и сказала полная принадлежность Кирилина къ хлыстовству. Онъ, услыхавъ отъ священника предложеніе публично засвидѣтельствовать свою принадлежность къ православію, то не только не пожелалъ исполнить предложеннаго духовникомъ, но, не смотря ни на мѣсто, ни на время и, вообще, окружающую обстановку, разразился по адресу духовнаго отца, предъ коимъ только что предсталъ было для очищенія отъ грѣховъ своей совѣсти, дерзкою рѣчью, которую, уходя отъ него, между прочимъ, заключилъ такъ: «ну, помни же ты!»

Съ этого раза Кирилинъ и былъ официально зарегистрированъ въ число сектантовъ—хлыстовъ, извѣстныхъ въ данной мѣстности подъ именемъ «духоборъ».

Съ этого же времени Кирилинъ началъ настойчиво приводить въ исполненіе и свои угрозы, высказанныя приходскому священнику, и ревностно оправдывать надежды, возлагаемыя на него его новыми духовными сестрами и братьями—духоборами. А чтобы у него шло дѣло въ данномъ случаѣ болѣе успѣшно и менѣе безошибочно, то онъ не замедлилъ подыскать себѣ подходящаго руководителя и мастера по кляузнымъ дѣламъ, котораго и нацѣль скоро въ сосѣднемъ заводскомъ селѣ Людиновѣ въ лицѣ нѣкоего К—шева. Послѣдній, именующій себя «юрисконсультomъ», на самомъ же дѣлѣ просто грязный пасквилянтъ, готовый на все, лишь бы изыскать средства къ существованію, и такъ какъ для него, хотя и значащагося по паспорту православнымъ, православіе и какое угодно сектантство все едино, въ равномъ достоинствѣ, то къ писанію пасквилей на православное духовенство онъ обладаетъ особенною любовью и даже избралъ это своею специальностью. И, вотъ, Кирилинъ подѣ руководствомъ этого-то субъекта, щедро вознаграждаемаго имъ, и сталъ осаждать какъ духовную епархіальную, такъ и губернскую свѣтскую власть разнаго рода жалобами на то или другое якобы незаконное и притѣснительное по отношенію къ нему лично или къ духовнымъ братьямъ и сестрамъ дѣйствіе мѣстнаго приходскаго священника,—напримѣръ, о томъ, что послѣдній не допускаетъ ихъ безъ отреченія отъ сектантскихъ заблужденій къ причащенію Св. Таинъ, не удостоиваетъ ихъ христіанскаго погребенія и проч., — старался всевозможными лукавыми способами доказать то, что онъ и его сообщники такіе же православные, какъ и всѣ прочіе мѣстные прихожане, и даже въ нравственномъ отношеніи выше и чище ихъ и что, слѣдовательно, безосновательно и незаконно лишаютъ ихъ причащенія Св. Таинъ, требуютъ отреченія отъ чего-то и называютъ какими-то «хлыстами» и «духоборами». А говоря лично о себѣ, Кирилинъ всегда старался выставить свою всегдашнюю приверженность къ православію и напоминать о томъ, что раньше онъ всегда пользовался отъ причта почетомъ и считался православнымъ; а также напоминать и о своемъ прежнемъ служеніи православной церкви въ должности церковнаго старосты, о своихъ неоднократныхъ пожертвованіяхъ въ пользу приходскаго храма, заканчивая, обычно, самовосхваленіе слѣдующими словами: «только теперь почему-то называютъ меня какимъ-то «хлыстомъ» и «еретникомъ»».

Но всѣ подобнаго рода доводы, увѣренія и самовосхваленія

Кирилина въ принадлежности его и его общества къ церкви православной оставались въ концѣ концовъ безъ послѣдствій и онъ не получалъ не только у епархіальной, но и у губернской власти желанныхъ результатовъ; ибо принадлежность какъ самого Кирилина, такъ и его духовныхъ братій и сестеръ къ душевредной ереси «духоборъ» не подлежала ни малѣйшему сомнѣнію. Кирилинъ же, подстрекаемый и руководимый тѣмъ же гнуснымъ пасквилянтомъ К—шевымъ, не унывалъ и только больше озлоблялся; не разъ высказывая приходскому священнику и намъ при нашихъ бесѣдахъ съ нимъ, что онъ «пойдетъ дальше; до самого Царя дойдетъ и своего все-таки добьется». И дѣйствительно, онъ сталъ подавать, и подавалъ не однажды, жалобы не только на приходскаго священника, но и на епархіальную власть Государю Императору. Но и въ этихъ случаяхъ онъ получалъ результаты для себя тѣ же самыя. Несмотря и на эти неудачи, Кирилинъ съ энергіей отстаивалъ интересы своего общества, и обѣщался дѣйствовать въ томъ же духѣ до тѣхъ поръ, пока докажетъ свою правоту и, главнымъ образомъ, выживетъ изъ прихода главнаго своего врага, настоящаго приходскаго священника,—полагая, что послѣдній предпринималъ извѣстныя мѣры по отношенію къ нему по своей собственной волѣ и желанію, а не по волѣ епархіальнаго начальства... И упорно постоянно твердилъ онъ одно: «своего все-таки добьюсь».

Между тѣмъ калужскій преосвященный Веніаминъ, видя озлобленіе и фанатизмъ Кирилина по отношенію къ православію, обратилъ на состояніе сектантства въ селѣ Шкотовкѣ особенное вниманіе. Такъ, по его предписанію епархіальный миссіонеръ о. Жаровъ-сынъ неоднократно предпринималъ нарочитыя миссіонерскія поѣздки въ означенное село для бесѣдъ съ жалобщиками—сектантами и, главнымъ образомъ, съ Михаиломъ Кирилинымъ. Усиливалъ, благодаря тому же, свои труды къ вразумленію тѣхъ же сектантовъ и мѣстный приходскій пастырь.

Бесѣды, производимыя съ Кирилинымъ и его единовѣрцами, всегда велись въ чисто пастырскомъ духѣ и носили постоянно характеръ полнаго мира и любви. И все-таки, казалось, не умягчали его отношеній къ православію и православнымъ, тѣмъ болѣе не вызывали его на откровенность, а только еще болѣе озлобляли его и вооружали противъ самыхъ бесѣдъ лицъ, бесѣдующихъ съ нимъ, и вообще противъ всего православія.

Но, какъ показало время, это такъ только казалось.

На самомъ же дѣлѣ отеческая забота архипастыря и совмѣст-

ные труды приходскаго пастыря и епархіального миссіонера, предпріятыя ими къ вразумленію и увѣщанію заблуждающагося, при Божіей помощи, сдѣлали свое дѣло. Тотъ самый Кирилинъ, который нѣсколько лѣтъ былъ столпомъ мѣстнаго сектантства, который столько лѣтъ такъ жестоко злобствовалъ и враждовалъ противъ православія, вдругъ, совершенно неожиданно призываетъ къ себѣ своего постояннаго врага--приходскаго священника, торжественно публично отрѣкается отъ принадлежности къ «духоборству» и возвращается подъ душеспасительный кровъ святой православной церкви.

Возвращеніе сектанта Михаила Кирилина въ лоно православной церкви произошло при слѣдующихъ обстоятельствахъ.

4-го числа мѣсяца марта текущаго года,—въ недѣлю сыропустную,—въ обѣденное время мѣстный приходскій священникъ о. Виноградовъ совершенно неожиданно былъ приглашенъ напутствовать больнаго сектанта Михаила Кирилина. О. Виноградовъ, немало удивленный этимъ, взялъ съ собою псаломщика и, немедля, отправился въ домъ больнаго. Придя въ домъ сектанта, священникъ засталъ здѣсь человекъ 10—15 крестьянъ и между ними главаря мѣстнаго сектантства, Аѳ. Аб—скина и того самаго пасквилянта К—шева, подъ руководствомъ котораго больной досаждалъ духовной и свѣтской власти доносками на православное духовенство. Аѳ. Аб—скинъ, очевидно, явился сюда для того, чтобы поддержать своего «колеблющагося» брата, подкрѣпить его и удержать отъ «измѣны» увѣщаніямъ своей секты. И, дѣйствительно, присутствіе Аб—скина нѣсколько сказалось на настроеніи больнаго. Такъ, когда священникъ прежде, чѣмъ приступить къ причащенію больнаго, сталъ предлагать ему необходимыя и должныя въ данномъ случаѣ увѣщанія и вразумленія и говорилъ, между прочимъ, о томъ, что ему предварительно нужно засвидѣтельствовать свою принадлежность къ православной церкви и отречься отъ «духоборскихъ» заблужденій, то больной сколько, съ одной стороны, по обычаю своихъ новѣрцевъ, столько, если не больше, подъ вліяніемъ присутствія здѣсь духовнаго вождя своего карабля, началъ уклоняться и не хотѣлъ послѣдовать предложенію священника. Но, не смотря на всю «заботу» Аб—скина, больной колебался недолго. Сначала онъ робко только повторялъ какъ бы про себя слова «вѣрую», «вѣрую», «вѣрую», а потомъ уже твердо и увѣренно сталъ повторять за священникомъ и полную формулу отреченія отъ

«духоборческой» ереси. И повторялъ это отреченіе не одинъ разъ, а нѣсколько и уже не за священникомъ, а одинъ, самостоятельно. Изъ этого каждому присутствовавшему было видно, что обращающійся не только отрекается отъ своихъ заблужденій, а и какъ бы еще увѣряетъ всѣхъ ихъ въ искренности своего раскаянія и возвращенія къ церкви православной. А у самого во все это время ручьемъ лились слезы. Присутствовавшіе, хорошо зная фанатизмъ больного, были буквально поражены наблюдаемой картиной и отъ умиленія и радости тоже не могли удержать слезъ. Не раздѣляя общаго настроенія только одинъ изъ присутствовавшихъ,—это былъ Аѳ. Абскинъ, теперь уже бывшій собратъ обратившагося. Онъ, тоже не перенося такой картины, конечно, въ другомъ противоположномъ смыслѣ, быстро оставилъ комнату и буквально убѣждалъ къ своимъ духовнымъ сестрамъ—«духоборкамъ», спѣша, вѣроятно, повѣдать имъ «нерадостную» для нихъ и всего ихъ общества вѣсть о «гибели» собрата Михаила.

Послѣ такого вполнѣ искренняго и совершенно сознательнаго отреченія Кирилина отъ своихъ заблужденій, о. Виноградовъ уже наединѣ исповѣдалъ его.

Во время исповѣди кающійся опять горько плакалъ, не одинъ разъ кланялся духовному отцу въ ноги и просилъ у него прощенія (за тѣ, нужно полагать, досажденія, которыя онъ, будучи сектантомъ, наносилъ какъ лично ему, такъ и всему мѣстному православному приходу). По исповѣданіи присоединенный былъ удостоенъ причащенія св. Тѣла и Крови Господнихъ. Молитву: «Вѣрую, Господи, и исповѣдую»... причащающійся прочиталъ истово и благоговѣйно самъ, безъ помощи священника; и затѣмъ, такъ же благоговѣйно, поддерживаемый плачущими отъ радости своими родными, онъ сдѣлалъ земной поклонъ. А у самого все это время слезы и рыданіе не прекращались.

Послѣ этого о. Виноградовъ предложилъ причастившемуся пособороваться. Большой отвѣтилъ на это предложеніе полнымъ согласіемъ. Соборованіе было назначено послѣ вечерни. Во время вечерни о. Виноградовъ передалъ присутствовавшимъ за службой объ отреченіи Михаила Кирилина отъ «духоборства» и объ его возвращеніи въ Церковь православную. Присутствовавшіе, которымъ приверженность Кирилина къ сектантству и его фанатизмъ были хорошо знакомы (нѣкоторые много перенесли отъ него испытаній), когда услышали о такой неожиданной милости Божіей къ заблуждававшемуся фанатику, пришли въ неописуе-

мую радость и благодарили Господа Бога за ниспосланіе такой милости... Затѣмъ священникъ объяснилъ присутствовавшимъ, что такъ какъ многіе изъ нихъ гнѣвались на новаго члена Церкви, то весьма было бы хорошо пойти имъ вмѣстѣ съ нимъ (священникомъ) для присутствованія при соборованіи Кирилина и по соборованіи сердечно; по христіански проститься съ нимъ. На такое предложеніе своего пастыря всѣ бывшіе въ храмѣ отозвались съ радостію и охотно и вслѣдъ за причтомъ всей массой отправились въ домъ присоединеннаго больного. Домъ Кирилина, не смотря на то, что представляетъ изъ себя громадное зданіе, наполнили положительно биткомъ. Такое вниманіе православныхъ чрезвычайно умилило больного, такъ какъ онъ, послѣ всего того, что причинялъ имъ, будучи сектантомъ, конечно, никакъ не ожидалъ отъ нихъ такого къ себѣ вниманія. Когда окончилось соборованіе, всѣ присутствовавшіе при этомъ стали подходить къ больному поздравлять его съ возвращеніемъ въ церковь православную и просили у него прошеніе за причиненныя ему когда-либо обиды и огорченія, причемъ многіе сердечно плакали. Больной, тоже плача, и самъ просилъ у нихъ взаимнаго прошенія и, затѣмъ, приказалъ одѣлать всѣхъ присутствовавшихъ деньгами и баранками. Въ то же время онъ сдѣлалъ духовное завѣщаніе въ пользу своего племянника, вполне православнаго человѣка. Такимъ образомъ, сектанты лишились не только столпа своего сектантства, но и тѣхъ капиталовъ, на которые они, безъ сомнѣнія, полагали надежду больше, чѣмъ на самого обладателя ихъ. Вмѣстѣ съ этимъ больнымъ было сдѣлано распоряженіе о прошеніи имъ многимъ должникамъ долговъ,—такъ, на примѣръ, одному крестьянину прощено было 70 рублей, другому—40 руб. и т. д. Такое чисто христіанское отношеніе больного къ своимъ новымъ братьямъ—православнымъ произвело на нихъ трогательное впечатлѣніе. Они расходились изъ дома новоприсоединеннаго съ великою радостію и съ благодарностію къ Господу за возвращеніе въ лоно своей Церкви раба Божія Михаила.

По присоединеніи Кирилина, Господь судилъ не долго пожить присоединенному, — всего только одну недѣлю. 11-го марта онъ умеръ, и 13-го числа былъ похороненъ.

Въ цѣляхъ большаго назиданія для сектантовъ, священникъ погребеніе примирившагося съ Церковью постарался обставить наивозможно торжественно. Такъ,—въ продолженіе всего пути отъ дома покойнаго до храма и отъ храма до могилы разда-

вался съ приходской колокольни заунывно-торжественный перезвонъ всѣхъ колоколовъ, предъ гробомъ неслись иконы и хоругви, нѣлъ въ двадцать человѣкъ хоръ мѣстныхъ пѣвчихъ, похоронную процессію сопровождала масса православныхъ прихожанъ.

Такъ Господь, «не хотящій смерти грѣшника, но (желающій) чтобъ онъ обратился отъ путей своихъ и былъ живъ» (см. Іезек. 33, 11; 18, 23), не допустилъ до конца погибнуть ярому фанатику, столпу душенгаубной, гнусной хлыстовщины и злобному врагу Церкви Христовой!

Вразуми-же, Господи, и остальныхъ сектантствующихъ, бывшихъ братьевъ и сестеръ покойнаго, продолжающихъ блуждать въ отдѣленіи и раздорѣ съ православною Церковью, познать свое заблужденіе и примириться съ святою Церковью; «внѣ коей, какъ учатъ св. отцы, нѣтъ никому ни спасенія души, ни разрѣшенія грѣховъ» (см. Мал. катихиз. 36 л.) (3-е письмо къ Помпонію).

Калужскій епарх. миссіонеръ, свящ. *І. Жаровъ*.

Наши „обновленцы“ и австрійская „ієрархія“.

Въ № 1-мъ „обновленческаго“ журнала «Сельскій Священникъ» (ноябрь—декабрь 1906 г.) напечатана статья г. Васильева, подъ заглавіемъ: „Австрійская ієрархія“. Статья заключаетъ въ себѣ нѣсколько разнообразныхъ, довольно искусно переплетенныхъ между собою мыслей, на основаніи которыхъ авторъ дѣлаетъ выводъ о неподлежащемъ будто бы сомнѣнію каноническомъ достоинствѣ австрійской „ієрархіи“ и о вытекающихъ отсюда необходимости будто бы для православной Церкви признанія этой „ієрархіи“ дѣйствительною,—и принятія ея членовъ «въ сущихъ санахъ», безъ совершенія надъ ними таинства рукоположенія.

Въ виду того, что статья г. Васильева рекомендується вниманію „предстоящаго церковнаго собора“ и наиболѣе ярко отражаетъ взгляды православнаго духовенства „обновленческой“ фракціи, какъ вообще на расколъ старообрядчества, такъ, въ частности, и на способы борьбы съ нимъ, мы остановимся на ней съ нѣкоторою подробностью, подвергнувъ детальному разсмотрѣнію заключающіяся въ ней мысли.

1) Прежде всего мы не можемъ не отмѣтить спокойнаго, миролюбиваго настроенія автора, вдохновенно начавшаго свою статью ангельскимъ пѣснопѣніемъ, раздавшимся въ небесныхъ высяхъ при рожденіи Спасителя: „Слава въ вышнихъ Богу и на земли миръ, въ челоувѣцѣхъ благоволеніе“!... Проникаясь глубочайшимъ смысломъ этого чуднаго пѣснопѣнія, авторъ статьи, видимо, становится нѣсколько грустнымъ, наблюдая въ жизни преступное отклоненіе грѣшныхъ людей отъ благовѣствованнаго свв. ангелами „мира“, каковое отклоненіе выражается, между прочимъ, и въ существующемъ раздѣленіи старообрядцевъ съ православною Церковью. Подъ вліяніемъ такого настроенія, онъ беретъ на себя даже грѣхъ первоначальнаго раздѣленія старообрядцевъ съ Церковью и приноситъ въ этомъ грѣхѣ смиренное

покаяніе: „мы во сто кратъ грѣшимъ, говоритъ онъ, когда сами отдѣляемся отъ тѣхъ, которые въ существѣ дѣла родные наши братья по вѣрѣ (курс. вездѣ нашъ), плоть отъ плоти нашей и кость отъ костей. А что Богъ сочеталъ, то человѣкъ не долженъ разлучать“. Дѣйствительно, безпричинно отдѣляться отъ своихъ „братьевъ по вѣрѣ“ и такимъ образомъ нарушать единство церковнаго мира,—преступленіе великое, грѣхъ, не омыаемый даже мученическою кровію. Но кто же, спрашивается, является первоначальнымъ „виновникомъ“ столь тяжкаго согрѣшенія, какъ раздѣленіе старообрядцевъ съ Церковію? Оказывается, что, по воззрѣнію г. Васильева, въ этомъ грѣхѣ повинна православная Церковь. „Какъ ни странно, продолжаетъ онъ вслѣдъ за вышеприведенными словами,—но въ этомъ грѣхѣ (т. е. въ грѣхѣ раздѣленія съ нами старообрядцевъ) повинна предъ Господомъ Россійская православная Церковь, та самая, которая имѣетъ прекрасно организованный съ внѣшней стороны институтъ—миссію“. Заключеніе нѣсколько смѣлое и неожиданное! До сихъ поръ мы привыкли слышать такія утвержденія только лишь отъ защитниковъ поповщинскаго раскола: „старообрядцы, пишетъ въ одномъ изъ своихъ произведеній старообрядческій „епископъ“ Иннокентій Усовъ, никогда и ни отъ какой ¹⁾ Церкви не отдѣлялись, а сами новообрядцы отдѣлились отъ Церкви, и потому пусть новообрядцы оправдываютъ свое отдѣленіе отъ Церкви (отъ какой же?), а не старообрядцы“ (см. „Старообрядецъ“ № 1, 1907 г., стр. 11). Исходя изъ такого ложнаго воззрѣнія на „виновниковъ“ первоначальнаго отдѣленія старообрядцевъ отъ Христовой Церкви, старообрядческая газета „Слово Правды“ (№ 20, 1907 г.) находитъ даже возможнымъ считать іерархію православной Церкви „антиканоничною“ и предлагаетъ послѣдней, въ цѣляхъ „примиренія“ съ поповцами, испросить прощеніе и „получить благословеніе“ отъ „іерархін“ поповщинской. Итакъ, утвержденіе г. Васильева относительно первоначальныхъ „виновниковъ“ существующаго раздѣленія старообрядцевъ съ православною Церковію, вполне совпадаетъ съ утвержденіями защитниковъ поповщинскаго раскола. Въ виду этого, мы не можемъ не выразить своего скорбнаго чувства по отношенію къ православною Церкви, вызываемаго сказаннымъ

¹⁾ Даже будто-бы и «ни отъ какой» т.-е. ни отъ «еретической», ни отъ «православной» церкви поповцы не отдѣлялись... Въ какой же, спрашивается, находятся они церкви,—въ «еретической» или въ «православной» или же въ обѣихъ вѣсѣтъ?...

утвержденіемъ: бѣдная православная Церковь! Кто только нынѣ, и въ какихъ только прегрѣшеніяхъ не обвиняетъ тебя?! Даже и такой, повидимому, миролюбиво настроенный „обновленецъ“, какимъ старается показать себя авторъ разсматриваемой статьи,— даже и онъ не устоялъ противъ искушенія, чтобы не бросить въ тебя тяжелый камень обвиненія въ грѣхѣ раскола старообрядчества, позаимствованный, несомнѣнно, изъ раскольническаго арсенала!...

Но когда въ сказанномъ грѣхѣ обвиняютъ православную Церковь именно защитники поповщинскаго раскола, то въ ихъ устахъ это обвиненіе весьма понятно и естественно; когда же этого рода обвиненіе возводится на православную Церковь со стороны православныхъ писателей, какимъ выдаетъ себя и г. Васильевъ, то мы приходимъ въ крайнее изумленіе. Въ его устахъ для насъ совершенно непонятно и необъяснимо утвержденіе, будто бы въ грѣхѣ существующаго нынѣ раскола старообрядчества является повинною предъ Господомъ сама православная Церковь. Вѣдь самъ же онъ говоритъ, что „было время, когда эта старообрядческая фракція (т. е. поповщинско-австрійская) вмѣстѣ съ прочими вѣршла въ царствованіе антихриста въ никоніанской (?) Церкви, утверждала, что „Иисусъ и есть никто иной, какъ антихристъ“, что она „не согласилась тогда съ православнымъ ученіемъ о Церкви, о таинствахъ и преклонялась предъ буквой древняго обряда“. Если же, по словамъ самого г. Васильева „было время“ (да и теперь это „время“ едва-ли миновало!), когда и поповщинская фракція, вмѣстѣ съ прочими старообрядцами, содержала ложныя религіозныя понятія и вѣрованія о православной Церкви и о ея таинствахъ, посѣянные первоучителями старообрядческаго раскола, которые собственно во имя этихъ ложныхъ понятій и вѣрованій и отступили первоначально отъ православной Церкви; то какъ же, послѣ этого, можно утверждать, будто въ „грѣхѣ“ первоначальнаго появленія раскола старообрядчества, донинѣ, къ сожалѣнію, существующаго, повинна православная Церковь, а не сами старообрядцы или ихъ предки? Утверждать это, не значить-ли говорить явную неправду, не значить-ли сообщать историческимъ фактамъ церковно-общественной жизни ложное освѣщеніе? Или уже нынѣ, по воззрѣніямъ нашихъ „обновленцевъ“, вся старая правда, вся историческая истина, въ вопросѣ о расколѣ старообрядчества должна идти на смарку и замѣнена „правдою“ раскольническою?...

За одно съ православною Церковью, г. Васильевъ въ томъ же „грѣхѣ“ существованія нынѣ раскола старообрядчества винить и „миссіонерскій институтъ“ съ его „полемикою“ противъ старообрядцевъ. „Нужно сказать даже болѣе, говоритъ онъ, что этотъ (миссіонерскій) институтъ, имѣющій цѣлью объединеніе всѣхъ подъ одною вѣрою Христовою, и страдаетъ вышеупомянутымъ недостаткомъ (т. е. будто бы служить одною изъ главныхъ причинъ существующаго нынѣ раздѣленія старообрядцевъ съ Церковью). Въ данномъ случаѣ,—поясняетъ онъ, разумѣется миссіонерская полемика съ старообрядцами, пріемлющими австрийское священство“.

По поводу этихъ словъ скажемъ, что мнѣ, какъ одному изъ членовъ „миссіонерскаго института“, не совсѣмъ удобно выступить съ защитою этого „института“ и производимой имъ „полемики противъ старообрядцевъ австрийскаго священства“. Находимъ однако же возможнымъ сказать, что г. Васильевъ и въ воззрѣніяхъ на миссіонерскій институтъ и на „миссіонерскую полемику“ является вполне солидарнымъ съ воззрѣніями защитниковъ поповщинскаго раскола. Напримѣръ, одинъ изъ защитниковъ этого раскола, Фед. Мельниковъ, писалъ въ „Волгарѣ“: „Да, пора, давно пора русской, господствующей церкви прекратить миссіонерствованіе, какъ одну изъ главныхъ причинъ, тормозящихъ дѣло мира и единенія. Должны же, наконецъ, власть имущіе сознать вредность миссіонерскихъ бесѣдъ. Вѣдь всѣмъ извѣстно, что онѣ не только не увеличиваютъ числа послѣдователей господствующей церкви, но даже отталкиваютъ отъ нея и тѣхъ, кто хотѣлъ бы къ ней приблизиться („Волгарь“ № 245, 1905 г.). Если же, какъ видимъ, воззрѣнія г. Васильева на „миссіонерскій институтъ“ и на „миссіонерскую полемику“ совершенно совпадаютъ съ воззрѣніями защитниковъ поповщинскаго раскола, то это обстоятельство служитъ наилучшимъ показателемъ цѣнности и основательности его воззрѣній: собираютъ ли съ терновника виноградъ, или съ репейника смоквы....

2) Почерпнувъ аргументацію своихъ воззрѣній на предметъ первоначальныхъ „виновниковъ“ грѣха раскола церковнаго и на „миссіонерскій институтъ“ изъ кладезя раскольнической премудрости,—г. Васильевъ говоритъ далѣе: „всѣ эти мудрствованія 17 столѣтія (т. е. мудрствованія первоучителей раскола „о царствованіи антихриста, о еретичествѣ православной церкви“, какъ равнымъ образомъ и слѣпое „преклоненіе ихъ предъ книгою древяго обряда“) теперь оставлены старообрядцами-австрий-

цами. Это фактъ, не подлежащій никакому сомнѣнію. Объ этомъ открыто заявляютъ сами старообрядцы на собесѣдованіяхъ, знаютъ это и наши миссіонеры“.

Приведенными словами г. Васильевъ сообщаетъ намъ какъ-бы нѣкое новое „откровеніе“ о религіозномъ міросозерцаніи старообрядцевъ австрійскаго согласія. Намъ, конечно, очень отрадно слышать увѣреніе, что старообрядцы-австрійцы нынѣ уже „оставили“ нелѣпныя мудрованія первооснователей раскола не объ антихристѣ только и о мнимомъ еретичествѣ православной церкви, но оставили даже и усвоенное отъ нихъ неразумное „преклоненіе предъ буквою древляго обряда“; тѣмъ не менѣе не можемъ не отнестись къ такому увѣренію съ нѣкоторою осторожностію. Мы одного раза не слышали отъ поповцевъ „заявленія“, чтобы они нынѣ уже „оставили преклоненіе предъ буквою древляго обряда“, напротивъ, и у австрійцевъ, какъ и у безпоповцевъ, все религіозное міросозерцаніе (если только позволительно назвать этимъ пменемъ софистическія и еретическія построенія ихъ религіозной мысли) питается и живетъ именно слѣпымъ, а подѣ-часъ даже и сознательнымъ „преклоненіемъ предъ буквою древляго обряда“, чѣмъ искусственно и поддерживается пагубное отступленіе отъ истинной Церкви. Но г. Васильевъ, утверждая противное, въ пользу своего мнѣнія ссылается даже на авторитетъ миссіонерскаго „знанія“: объ этомъ „знаютъ и наши миссіонеры“,—говоритъ онъ. Не можемъ отрицать того, что миссіонеры, дѣйствительно, очень хорошо знаютъ современное религіозное настроеніе или міросозерцаніе австрійцевъ, но это „знаніе“ они почерпаютъ не изъ области фантазіи, а изъ реальной дѣйствительности, т. е. „знаютъ“ о религіозномъ настроеніи австрійцевъ и объ ихъ воззрѣніяхъ на православную церковь только лишь то, что объ этомъ говорятъ именно „сами“ австрійцы. Что же объ этомъ они говорятъ? Послушаемъ. О послѣдователяхъ поповщинскаго „епископа“ Іова австрійцы говорятъ, напримѣръ, слѣдующее: „послѣдователи Іова признаютъ, что господствующая церковь, а слѣдовательно и русскій Царь, вѣруетъ не во Христа, а въ антихриста или въ сатану, подѣ именемъ Иисуса“ (см. „Старообрядецъ“ № 2, 1907 г., стр. 197). Положимъ, приведенныя слова австрійцевъ характеризуютъ религіозное настроеніе лишь противокружнической фракціи; объ окружническомъ же настроеніи, быть можетъ, возможно нынѣ составить нѣсколько лучшее понятіе, и именно такое, какого держится о нихъ г. Васильевъ. Опредѣляя дѣй-

ствительное достоинство существующаго нынѣ у окружниковъ религіознаго міровоззрѣнія, онъ говоритъ, что нынѣ „завѣтное желаніе покойнаго Иларіона Егоровича Кабанова, извѣстнаго старообрядческаго дѣятеля и автора Окружнаго Посланія“, написаннаго въ православномъ духѣ, сбылось. Валъ того предѣла, который раздѣлялъ насъ (православныхъ) съ австрійцами, обратился въ ровенникъ. Увы,—г. Васильевъ!—И объ окружникахъ дѣйствительность не позволяетъ еще провозглашать столь отрадныя и столь желанныя вѣсти, какія провозглашаете о нихъ вы, не далѣе какъ въ іюнѣ 1906 года, окружническіе „епископы“ о „написанномъ въ православномъ духѣ Окр. Посланіи“ соборне изрекли слѣдующее: „Окружное посланіе, какъ уничтоженное, подвергается вновь уничтоженію“, а о „господствующей въ Россіи церкви“ сказали, будто бы она „въ порицаніи единоіотнаго имени „Ісусъ“ и въ нѣкоторыхъ другихъ (?) предметахъ еретичествуетъ“ (см. „Старообрядецъ“ № 6, 1906 г., стр. 683). Послѣ столь ясно и откровенно высказаннаго окружническими „епископами“ своего религіознаго міровоззрѣнія по отношенію къ православной церкви, возможно ли утверждать, будто окружники нынѣ уже „оставили“ дикія и невѣжественныя мудрованія расколоучителей 17 столѣтія, и будто „валъ того предѣла“, который раздѣлялъ окружниковъ съ православною церковью, нынѣ уже „въ ровенникъ обратился“? Мы полагаемъ, что и у окружническихъ „епископовъ“ отъ избытка же сердца глаголютъ уста (Лук. 6, 45).

3) Обративъ въ своей фантазіи служившій (и къ сожалѣнію, еще служащій) препятствіемъ для воссоединенія старообрядцевъ съ церковью „валъ того предѣла въ ровенникъ“, г. Васильевъ благодаритъ Господа. „Ну и слава Тебѣ, Господи, скажетъ иной не предубѣжденный человѣкъ,—пишетъ онъ по сему случаю. Теперь остается нашему духовному правительству позаботиться о томъ, чтобы это единеніе (между поповцами и православными) въ мысляхъ и религіозныхъ убѣжденіяхъ (созданное, конечно, фантазією г. Васильева), завершилось бы единеніемъ и въ церковной жизни“.

„Слава Тебѣ, Господи“,—повторимъ вслѣдъ за нашимъ авторомъ и мы. Для г. Васильева, очевидно, настала пора пробужденія. Изъ области грѣзъ и сладостныхъ мечтаній о совершившемся будто бы фактѣ „единенія“ поповцевъ съ православными „въ мысляхъ и религіозныхъ убѣжденіяхъ“, онъ вступаетъ, наконецъ, въ прозаическую сферу дѣйствительной жизни. Онъ уже

выражаетъ желаніе, чтобы „духовное правительство позаботилось“ объ осуществленіи или, по его словамъ, „завершеніи“ религіознаго „единства“ между православными и старообрядцами не въ одномъ только, идиллически настроенномъ, воображеніи г. Васильева, но и въ реальной дѣйствительности, въ самой „церковной жизни“. Не можемъ не сочувствовать этому желанію г. Васильева, хотя и думаемъ, что „духовное правительство“ никогда не чуждалось этихъ „заботъ“, о которыхъ онъ ему теперь напоминаетъ. Напоминаніе это, очевидно, вызвано тѣмиображеніями, что „заботы“ духовнаго правительства въ дѣлѣ привлеченія старообрядцевъ къ соединенію съ православною церковью, доселѣ выражались не въ той формѣ, не въ томъ видѣ, въ какихъ желалось бы нашему автору. Поэтому, для наиболѣе вѣрнаго и наиболѣе успѣшнаго дѣйствованія въ сказанномъ отношеніи, онъ рекомендуетъ нѣсколько иной способъ, доселѣ, кажется, еще не испытанный. „Мы, сыны господствующей церкви, пишетъ онъ, болѣе крѣпки духомъ. Намъ долженъ принадлежать и починъ въ этомъ дѣлѣ (т. е. въ дѣлѣ воссоединенія съ австрійцами „въ церковной жизни“). Для этого должно, прежде всего, прекратить всякую полемику съ австрійцами“. Вотъ онъ, этотъ упрощенный, созрѣвшій въ головахъ нашихъ „обновленцевъ“ способъ воссоединенія австрійцевъ съ церковью, доселѣ упускаемый изъ виду „духовнымъ правительствомъ“. Для осуществленія всѣми желаннаго практическаго воссоединенія старообрядцевъ съ церковью, по ихъ мысли, требуется очень немногое. Стоитъ только упразднить „институтъ миссіонеровъ“. Стоитъ только отложить въ сторону „всякую полемику со старообрядцами“—и желанное время настанетъ: старообрядцы, особенно австрійскаго согласія, не замедлятъ воссоединиться съ православіемъ своими „религіозными мыслями и убѣжденіями“ не въ области только радужныхъ мечтаній, и въ области реальной дѣйствительности, въ сферѣ самой практической „церковной жизни“. Перспектива, дѣйствительно, увлекательная! Она стоитъ того, чтобы использовать во всей полнотѣ рекомендуемый г. Васильевымъ „способъ“ воздѣйствія на болѣе успѣшное и скорое „завершеніе“ дѣла воссоединенія поповцевъ съ церковью. Не даромъ же и сами поповцы непрестанно вопіютъ въ своихъ раскольническихъ газетахъ и журналахъ, объ упраздненіи столь ненавистнаго имъ „миссіонерскаго института“, хотя въ тоже время сами они очень дѣятельно организуютъ цѣлые „союзы“ старообрядческихъ

начетчиковъ, готовыхъ, въ ближайшемъ будущемъ, разсѣяться, подобно апокалипсической саранчѣ, по лицу земли всея Россіи съ пропагандою раскольническихъ лжеученій. Очевидно, и въ „заботахъ“ объ измысленіи наиболѣе дѣйствительныхъ и цѣлесообразныхъ способовъ соединенія старообрядцевъ съ церковью, существуетъ у г. Васильева съ поповцами трогательное единодушіе!...

4) Но дѣло, однако, не въ этомъ „единодушіи“; дѣло въ мотивировкѣ желаемого обновленцами упраздненія „миссіонерской полемики“. Эта мотивировка исходитъ у г. Васильева изъ такого соображенія: „полемика допустима тамъ, гдѣ есть разномысліе; а гдѣ его нѣтъ, а есть только раздѣленіе по недоразумѣнію, тамъ мыслимо только увѣщаніе“. Но если г. Васильевъ серьезно воображаетъ, что у старообрядцевъ съ православными никакого религіознаго „разномыслія“ не существуетъ, то позволительно спросить: какое же именно „недоразумѣніе“ отдѣляетъ старообрядцевъ отъ общенія съ православными „въ церковной жизни“? Ужели, въ самомъ дѣлѣ, только „миссіонерскіи институты“ и „миссіонерская полемика“?...

Между тѣмъ, наблюдая дѣйствительные факты и проявленія въ жизни поповщинской „религіозной мысли“, трудно согласиться съ означеннымъ выше положеніемъ г. Васильева. Въ старообрядческихъ газетахъ и журналахъ мы постоянно имѣемъ возможность читать такія утвержденія, что „истинная Христова Церковь“ есть будто бы церковь поповщинская, что православная Грекороссійская церковь есть будто бы церковь „новоявленная“, „еретическая“, основанная „расколоучителемъ“ Никономъ; что православная Россійская церковь, за произнесеніе въ 1667 году соборныхъ клятвъ на отступниковъ церковныхъ, подпала будто бы анаѳемѣ св. апост. Павла (Гал. 1, 8—9), что она, наконецъ, будто бы есть „Вавилонская блудница“, воспитывающая въ своихъ пасомыхъ „не духъ Христа, а духъ антихриста“. Ужели всѣ эти и подобныя этимъ словоизверженія, граничащія съ богохульствомъ и выражающія, несомнѣнно, подлинныя „религіозныя мысли и убѣжденія“ поповщинскихъ руководителей, не заключаютъ въ себѣ „разномыслія“ съ православіемъ, а представляютъ собою лишь простое или невинное „недоразумѣніе“?! Очевидно, воззрѣнія г. Васильева на предметъ религіознаго „разномыслія“ являются довольно субъективными. При такихъ воззрѣніяхъ на существо „религіознаго разномыслія“, намъ кажется, совершенно излишня не одна „полемика“ съ поповцами,

но излишне даже и „увѣщаніе“ для соединенія ихъ съ общою „церковною жизнью“. Въ самомъ дѣлѣ, для чего потребно рекомендуемое г. Васильевымъ „увѣщаніе“ старообрядцевъ ко вступленію ихъ въ единство съ православною „церковною жизнью“, когда выраженные имъ понятія о единствѣ „религіозной мысли“ и „религіозныхъ убѣжденій“, заключаютъ въ себѣ начало отрицанія или упраздненія самой „церковной жизни“, понимаемой въ смыслѣ сформировавшагося въ извѣстный типъ общиннаго учрежденія, и выдвигаетъ собою, если не окончательный индифферентизмъ, по отношенію къ догматическимъ истинамъ христіанскаго богословія, то популярную нынѣ въ „обновленческихъ“ кругахъ идею христіанскаго индивидуализма?...

5) Держась отрицательнаго отношенія къ усвоенной миссіонерами точкѣ зрѣнія на предметъ религіознаго „разномыслія“, г. Васильевъ выступаетъ поэтому съ довольно строгимъ обвиненіемъ миссіонеровъ въ ихъ несправедливомъ будто бы отношеніи къ старообрядцамъ вообще, и въ частности, къ старообрядческой „іерархіи“. „Наши миссіонеры, заявляетъ онъ, до того привыкли видѣть въ лицѣ старообрядцевъ враговъ Церкви, что ни за что (даже „ни за что“!) не соглашаются приблизиться къ нимъ и признать ихъ православными. Но вѣдь для этого нужно ихъ изобличить въ какомъ-либо неправомысліи 1). И вотъ они со всею силою обрушились на окружническую іерархію 2).

1) Разумѣется; миссіонеры усматриваютъ, наприм., довольно важное и серьезное «неправомысліе» поповцевъ съ православными въ томъ, что предводители поповщинскаго общества почитаютъ православную церковь «еретическою», состоящую «подъ аваемою» св. ап. Павла (см. «Старообрядецъ», № 6, 1906 г., стр. 679), и именуютъ ее «Вавилонскою блудницею» (см. «Церковь временно безъ епископа», стр. 9). Не малое также религіозное «неправомысліе» миссіонеры усматриваютъ и въ сознательномъ содержаніи поповцами еретическаго ученія о подлѣтномъ рожденіи отъ Отца Сына Божія,—о чемъ свидѣтельствуетъ даже поповщинскій «іеродіаконъ» Ипполитъ: «въ 1863 году, говорить онъ, собравшіеся въ царствующемъ градѣ Москвѣ всѣ наши іерархи сознали, что въ Бѣлкриницкомъ уставѣ, на которомъ основана наша митрополія, содержатся важныя погрѣшности въ Богословіи, и просто сказать—страшная ересь... Эта сознанныя и важная ересь не исправлена должнымъ порядкомъ, и по настоящее время печатлется въ нашей іерархіи» (см. «Соврем. Лѣт. раск.» II, стр. 58, приложен.). Къ этому присовокупимъ, что упоминаемая Ипполитомъ «страшная ересь» Бѣлкриницкаго устава поповщинскими «епископами» соборно подтверждена въ 1902 году. Итакъ, съ миссіонерской точки зрѣнія, довольно легко изобличить поповцевъ «въ неправомысліи», но весьма трудно считать ихъ «православными»,—какими, очевидно, почитаетъ поповцевъ г. Васильевъ.

2) Г. Васильеву, очевидно, неизвѣстно, что въ настоящее время подлинно «окружнической» іерархіи уже не существуетъ. Теперь существуютъ въ поповщинскомъ обществѣ двѣ «іерархіи», и обѣ противокружническія: одна прежняя

Она есть не божеское, а человѣческое учрежденіе ¹⁾. Она самозванна, безблагодатна и старообрядцы лишены, слѣдовательно, общенія съ Иисусомъ Христомъ и Духомъ Святымъ въ таинствахъ ²⁾. Старообрядческіе руководители иначе не называются, какъ самозванцами, лжепопами, лжеепископами“ ³⁾.

Итакъ, г. Васильевъ, видимо, оскорбленъ въ своихъ „религіозныхъ“ чувствахъ сообщеніемъ со стороны миссіонеровъ поповщинскимъ руководителямъ перечисленныхъ имъ наименованій. Но если поповщинская „іерархія“, дѣйствительно, представляетъ собою не Божественное, а „человѣческое учрежденіе“, созданное при томъ довольно нечистоплотными средствами и являющееся поэтому преступною узурпаціею истинной или законной епископской власти, то мы желали бы слышать отъ г. Васильева: какъ же, какими наименованіями слѣдуетъ, по христіанской справедливости, называть поповщинскихъ „іерарховъ? Отвѣта на этотъ вопросъ въ статьѣ г. Васильева мы не находимъ. вмѣсто этого, онъ далѣе продолжаетъ лишь плакаться на миссіонеровъ за ихъ будто бы несправедливое наименованіе поповщинскихъ „іерарховъ“, самозванцами и лжеепископами, и продолжаетъ плакаться уже съ довольно прозрачною ироніею. „Чѣмъ же провинилась эта несчастная іерархія?“—спрашиваетъ онъ. И отвѣчаетъ: „А видите ли въ чемъ дѣло. Митрополитъ Амвросій, основатель старообрядческой іерархіи, перешелъ къ поповцамъ безъ благословенія Греческаго патріарха. Затѣмъ, во время перехода изъ Константинополя въ Липованскій монастырь былъ въ казачьей одеждѣ ⁴⁾, единолично посвятилъ Кирилла въ архіереи, получилъ отъ старообрядцевъ вознагражденіе (симонію), избралъ (будто бы избралъ?) для своей митрополіи село

или старая, представителемъ которой является нынѣ Іовъ московскій, а другая новая, представителемъ которой состоитъ Іоаннъ Каргушинъ.

¹⁾ А развѣ это неправда?!

²⁾ И св. Иринея говоритъ: «Гдѣ Церковь, тамъ и Духъ Божій, и гдѣ Духъ Божій тамъ и Церковь и всякая благодать» (кн. 3, гл. 24). А такъ какъ поповцы, по словамъ самого г. Васильева, лишены «единенія» съ церковію, слѣдовательно, они лишены и Духа Божія, сообщаемого вѣрующимъ во св. таинствахъ.

³⁾ Миссіонеры называютъ «старообрядческихъ руководителей» и «епископами», но только лишь въ ковычкахъ...

⁴⁾ На «казачью одежду», какъ на доказательство именно ложности и самозванности поповщинской «іерархіи», миссіонеры никогда не указываютъ. Они указываютъ на эту «одежду, тщательно охранявшую благополучіе бѣгства Амвросія», только лишь какъ на историческій фактъ, дополняющій эффектъ или рельефность картины «легальнаго» учрежденія поповцами своей собственной «іерархіи»...

(тогда какъ надо непремѣнно городъ), между тѣмъ, все это предусмотрѣно церковными канонами“.

Нѣтъ, г. Васильевъ, не этимъ, не этимъ только, на что вы указываете, „провинилась“ оплакиваемая вами австрійская „іерархія“,—хотя не можемъ отрицать, что и перечисленные вами „вины“ ея предъ церковными канонами имѣютъ значеніе и составляютъ неотъемлемую ея принадлежность. Главная же вина поповщинской „іерархін“ заключается въ томъ, что она не имѣетъ преемственнаго посольства отъ Христа и Апостоловъ, не имѣетъ преемственнаго апостольскаго рукоположенія и представляетъ собою именно человѣческое, а не Божественное учрежденіе, изображая такимъ образомъ кошунственную пародію на учрежденную Иисусомъ въ Своей Церкви іерархію. Объ учрежденіи поповщинской „іерархін“, даже и поповцами уважаемый писатель Мельниковъ-Печерскій говоритъ: „учрежденіе Бѣлокриницкой іерархін было дѣломъ: 1) поляковъ, оставившихъ наши предѣлы послѣ революціи 1831 года, 2) австрійскихъ государственныхъ людей, католическаго и униатскаго духовенства, и эрцгерцога Людовика, 3) русскихъ государственныхъ людей: графа Бенкендорфа (лютеранина) и князя Паскевича, дѣйствовавшихъ, вѣроятно, по непониманію того, что они дѣлали“ (см. „Жизнь и лит. дѣят. Мельн.-Печерск.“, сочин. И. Усова, стр. 239—40). Помимо этого, въ основаніе учрежденія поповщинской „іерархін“, по словамъ того же Мельникова, положенъ поповцами сочиненный Павломъ Великодворскимъ „Уставъ“ съ содержаніемъ еретическаго ученія о Св. Троицѣ (тамъ же, стр. 250—251). Вотъ въ чемъ заключаются главныя и существенныя „вины“ новосозданной поповщинской „іерархін“ а не въ нарушеніи только каноновъ церковныхъ, имѣвшихъ мѣсто при ея учрежденіи!

б) Не ознакомившись должнымъ образомъ съ главными и существенными „винами“ поповщинской „іерархін“, по которымъ она является іерархією ложною и самозванною и по которымъ никакъ невозможно, съ православной точки зрѣнія, считать ее „іерархією“ истинною и дѣйствительною,—г. Васильевъ дѣлаетъ, однако же, попытку оправдать или, по крайней мѣрѣ, смягчить „вины“ ея въ указанныхъ имъ преступленіяхъ церковныхъ каноновъ, имѣвшихъ мѣсто при ея учрежденіи. Онъ пишетъ: „Что-жь?! Дѣйствительно, старообрядцами нарушены нѣкоторые каноны. Этого не отвергаютъ и старообрядцы, поэтому среди нихъ возбужденъ вопросъ о канонизаціи іерархін Константинопольскимъ патріархомъ“.

Недоумѣваемъ, изъ какихъ источниковъ почерпаетъ г. Васильевъ столь отрадныя и утѣшительныя о поповцахъ свѣдѣнія. По его словамъ, поповцы будто бы даже и „не отвергаютъ того“, что при учрежденіи или созданіи ими своей собственной „іерархіи“ нарушены были нѣкоторые (справедливѣе—сказать „многіе“) церковныя каноны. Собственно отъ поповцевъ мы никогда не слышали этого; напротивъ, поповцы и въ печати, и на бесѣдахъ довольно настойчиво стараются утверждать, что при учрежденіи ими своей „іерархіи“ не было никакого нарушенія церковныхъ канонѳвъ, почему собственно они и признаютъ ее іерархією вполне „каноничною“. Также и по поводу утвержденія г. Васильева о возбужденіи поповцами предъ Константинопольскимъ патріархомъ вопроса о каноничности ихъ „іерархіи“, считаемъ нужнымъ припомнить сужденіе объ этомъ предметѣ VI всероссійскаго поповщинскаго съѣзда, бывшаго въ 1905 году. Когда одинъ изъ членѳвъ этого съѣзда, нѣкто Макаровъ, сдѣлалъ предложеніе объ обращеніи къ Константинопольскому патріарху съ вопросомъ о каноническомъ достоинствѣ Бѣлокр. „іерархіи“, то, въ отвѣтъ на это предложеніе, съѣздъ „постановилъ“, что такое обращеніе къ патріарху для поповцевъ совершенно „не желательно“ какъ „безполезное“ и даже унижительное“ для ихъ самочинной „іерархіи“. (см. „Старообрядческ. Вѣстн.“, № 9, стр. 573). Имѣя эти факты въ виду, мы думаемъ, что отмѣчаемая сейчасъ утвержденія г. Васильева, которыми онъ, очевидно, надѣялся смягчить нѣсколько „вину“ нарушенія поповцами церковныхъ канонѳвъ и тѣмъ самымъ сообщить нравственно-религіозному облику самодѣльной поповщинской „іерархіи“ нѣкоторую добропорядочность, имѣютъ такую же цѣнность, какъ и его сужденіе о томъ, будто бы поповцы нынѣ уже вполне соединились съ православными „въ религіозныхъ мысляхъ и убѣжденіяхъ“ и только лишь изъ-за миссіонерскаго института отдѣляются отъ общенія съ ними „въ церковной жизни“.

7) Порадовавъ своихъ читателей сообщеніемъ о сознаніи поповцами допущеннаго ими нарушенія церковныхъ канонѳвъ при учрежденіи ими своей „іерархіи“ и о возбужденіи предъ константинопольскимъ патріархомъ вопроса о каноничности этой „іерархіи“,—г. Васильевъ пресерьезно ставитъ, затѣмъ, вопросъ: „можно ли на основаніи неканоничности считать Бѣлокриницкую іерархію безблагодатной, самочинной“? Миссіонеры, заявляетъ онъ, отвѣчаютъ на этотъ вопросъ „утвердительно“. Не желая признать справедливости этого миссіонерскаго „отвѣта“ и желая

показать его несостоятельность, г. Васильевъ тотчасъ же продолжаетъ: „между тѣмъ, въ другихъ случаяхъ мы видимъ, что нарушеніе канонѡвъ не ведетъ къ такимъ страшнымъ послѣдствіямъ. Такъ, въ католической церкви, при всемъ ея разномысліи съ православной, не только по вопросамъ церковной дисциплины ¹⁾, но и по догматическимъ, мы признаемъ полноту благодати Св. Духа. Отсюда іерархическія лица католической церкви по переходѣ въ православную сохраняютъ прежнее свое достоинство“.

Соглашаемся съ г. Васильевымъ, что нарушеніе нѣкоторыми іерархами церковныхъ канонѡвъ не всегда ведетъ къ такимъ „страшнымъ послѣдствіямъ“, чтобы рукополагаемая этими іерархами лица не признавались лицами священными; скажемъ болѣе, даже и догматическое разномысліе нѣкоторыхъ іерарховъ, какъ, наприм., и указанное г. Васильевымъ разномысліе католическихъ епископовъ съ православною церковью, не всегда ведетъ къ непризнанію этихъ іерарховъ іерархами дѣйствительными. Признакомъ дѣйствительнаго достоинства той или иной іерархіи, на основаніи котораго она можетъ быть принимаема церковью въ прежнее достоинствѣ, не всегда служило и служитъ содержимое этою іерархіею догматическое вѣрованіе и ея жизненное или практическое отношеніе къ церковнымъ канонамъ; этимъ признакомъ прежде всего и всегда служило и служитъ преемство апостольскаго рукоположенія. „Надлежитъ слѣдовать пресвитерамъ въ Церкви тѣмъ, говоритъ св. Иринеи, которые имѣютъ преемство отъ Апостоловъ и вмѣстѣ съ преемствомъ епископства, по благоволенію Отца, получили извѣстное дарованіе истины; прочихъ же, которые уклоняются отъ первоначальнаго преемства и гдѣ бы то ни было собираются, имѣтъ въ подозрѣніи, или какъ еретиковъ и лжеучителей, или какъ раскольниковъ, гордыхъ и самоугодниковъ“ (Ирин. стр. 387). Такимъ образомъ, основаніемъ для признанія дѣйствительнаго достоинства той или иной іерархіи всегда и прежде всего должно служить преемственное происхожденіе ея отъ Апостоловъ; а потому ясно, что указаніе г. Васильевымъ на принятіе католическихъ епископовъ въ ихъ достоинствѣ въ пользу принятія въ таковомъ же достоинствѣ поповщинскихъ „епископовъ“, сдѣлано безъ достаточнаго основанія. Первоначальное

¹⁾ Будто самочинное учрежденіе новой іерархіи относится къ вопросамъ «церковной дисциплины»!...

происхожденіе іерархіи католической и—„іерархіи“ поповщинской, ничего общаго не имѣютъ между собою, и усматривать между достоинствомъ той и другой іерархіи какую-либо аналогію не представляется никакой возможности. Католическая іерархія происходитъ изъ одного и того же Божественнаго начала, изъ котораго происходитъ и іерархія церкви православной; ибо католическіе епископы, во время первоначальнаго своего отдѣленія, не отрекались отъ Церкви Христовой и не предавали эту Церковь, въ которой они получили преемственное апостольское рукоположеніе, проклятію,—и значить, первоисточное начало католической іерархіи содержится въ полной благодати Церкви. Не таково происхожденіе „іерархіи“ поповщинской. Первоисточное начало этой послѣдней содержится, во 1-хъ, въ Христовой церкви и, во 2-хъ, происходитъ она отъ такого митрополита (Амвросія), который, прежде чѣмъ поставить для поповцевъ епископомъ Кирилла, торжественно произнесъ отреченіе отъ Христовой Вселенской Церкви, въ которой онъ получилъ рукоположеніе, предалъ ее за мнимыя ереси проклятію и дерзновенно поправилъ святыню ея таинствъ, дозволивъ повторить на себѣ неповторяемое таинство св. миропомазанія. Это „отреченіе“ Амвросія отъ церкви можно сопоставить съ отреченіемъ апостола Петра. Церковь есть тѣло Христова, почему св. ап. Павелъ обозначаетъ иногда это тѣло—Церковь наименованіемъ Христосъ (1 Кор. 12, 12). Св. Златоустъ, поясняя слова ап. Павла, говоритъ: „какъ тѣло и глава составляютъ одного чловека, такъ и Церковь и Христосъ, говоритъ Апостоль, едино суть; посему и именуется вмѣсто Церкви Христа, разумѣя здѣсь тѣло Его (30 бесѣда на 1 посл. Кор., стр. 145, изд. 1858 г.). Но если, даже и св. апостоль Петръ, послѣ отреченія, уже не могъ быть дѣйствительнымъ апостоломъ, если бы Господь, по своему неизреченному милосердію, снова не возстановилъ его въ апостольскомъ достоинствѣ дѣйствіемъ трикратнаго вопрошенія: „любишь-ли мя“ (Іоан. 21, 15—19),—то тѣмъ паче Амвросій, послѣ отреченія отъ Христовой церкви, и проклятія ея съ поправленіемъ святыни ея таинствъ, уже не могъ быть истиннымъ или дѣйствительнымъ митрополитомъ: „кто бы и какой бы онъ ни былъ, но если не сохранилъ ни братской любви, ни церковнаго единенія, тотъ потерялъ и то, чѣмъ былъ прежде“,—говоритъ св. Кипріанъ (ч. 1, стр. 173). Если же, что несомнѣнно, Амвросій, со времени своего отреченія отъ Христовой церкви, пересталъ быть тѣмъ, чѣмъ былъ прежде, т. е. утратилъ

дѣйственную силу преемственнаго апостольскаго рукоположенія; то ясно, что онъ не могъ же сообщить этой силы своимъ ставленникамъ: „ничтоже бо даетъ не имѣяй, и ничтоже приемиетъ что отъ немущаго, аще и мнитсѣ имѣти“ (Номокан. л. 57). Посему, мы полагаемъ, что если бы поповщинскіе „епископы“ даже и не имѣли догматическаго „разномыслія“ съ православною церковью, (чего, однакожъ, нельзя объ нихъ сказать), какъ имѣютъ такое разномысліе епископы католическіе, то и въ этомъ послѣднемъ случаѣ, отношеніе православной церкви къ вопросу о дѣйствительности или недѣйствительности епископскаго сана іерархіи католической и „іерархіи“ поповщинской, при переходѣ кого-либо изъ членовъ этихъ іерархій въ православіе, не можетъ быть о д н н а к о в ы м ъ. Притомъ же, всѣ выше указаннаго, неподобно тяжелыя религиозныя преступленія совершены были Амвросіемъ не по недоразумѣнію, и не „страха ради іудейска“ и даже не по искреннему убѣжденію въ правотѣ поповщинскаго раскола, а единственно по корыстнымъ видамъ и въ угоду отступническому обществу, Христовою Церковью уже осужденному. Имѣя въ виду все сказанное, мы полагаемъ, что указаніе г. Васильева на принятіе православною церковью католическихъ епископовъ въ ихъ достоинствѣ, нисколько не ослабляетъ силы миссіонерскаго понятія о недѣйствительности, ложности, самозванности и безблагодатности поповщинской „іерархіи“.

8) Г. Васильевъ, повидимому, и самъ чувствовать, что приведенный имъ примѣръ принятія католическихъ епископовъ въ ихъ достоинствѣ, не достаточно убѣдителенъ для признанія поповщинской „іерархіи“ дѣйствительною; поэтому, въ пользу своей мысли, онъ дѣлаетъ попытку найти аргументацію уже въ посторонней, совершенно не относящейся къ данному предмету области, а именно въ нарушеніи церковныхъ каноновъ со стороны самой православной церкви. „Извѣстно, говоритъ онъ, что и сама русская православная церковь постоянно нарушала и нарушаетъ церковные каноны. Это теперь признается всѣми, даже высшей іерархіей. И предстоящій помѣстный соборъ имѣетъ цѣлью возстановленіе каноническаго достоинства нашей церкви. Но при всемъ нашемъ недостойствѣ, наше церковное самосознаніе говоритъ намъ, что мы все-же христіане и, какъ таковыя, не лишены обѣщаннаго намъ Духа Святаго, который дѣйствуетъ въ насъ своею благодатію чрезъ таинство“.

Дѣйствительно, наше церковное самосознаніе (точнѣе, —убѣжденность нашей вѣры), говоритъ намъ, что мы „не лишены Духа

Святаго“, не смотря на постоянное нарушение нами нѣкоторыхъ церковныхъ канонѡвъ. И это потому собственно, что мы находимся въ истинной Христовой Церкви: ибо „гдѣ Церковь, тамъ и Духъ Божій и всякая благодать“,—говоритъ св. Иринеѣ Лионскій (кн. 3, гл. 24, стр. 312). Притомъ же, должно сказать, что нарушаемые нашею церковью церковные каноны относятся къ категоріи такого рода, о которыхъ говорилъ еще Зонара: „у древнихъ были нѣкоторые обычаи, исполняемые въ церквахъ, изъ которыхъ одни съ теченіемъ времени измѣнились, а другіе и совершенно прекратились, а нѣкоторые запрещены и правилами“ (см. толков. на 11-е прав. Лаодик. собора); а во время учрежденія поповцами своей новой, самочинной „іерархіи“, помимо того, что учреждалась за оградю Христовой Церкви, а главнымъ орудіемъ этого беззаконія послужилъ отступникъ, отрекшійся отъ Хр. церкви, предавшій ее за мнимыя ереси проклятю и поправшій святыню ея таинствъ,—помимо, говоритъ, этого, поповцами нарушены были тогда церковные каноны такого рода, о которыхъ св. четвертый Вселенскій соборъ сказалъ, чтобы они постоянно „пребывали во всей силѣ“ (прав. 5). Итакъ, въ указуемомъ г. Васильевымъ нарушеніи православною церковью нѣкоторыхъ канонѡвъ, невозможно найти аргумента въ пользу признанія поповщинской „іерархіи“ дѣйствительною: это, можно сказать, искусственное, софистическое построеніе пропагандируемой и защищаемой г. Васильевымъ мысли; ибо какое же, въ самомъ дѣлѣ, имѣетъ отношеніе вопросъ о нарушеніи православною церковью нѣкоторыхъ церковныхъ канонѡвъ къ вопросу о дѣйствительности или недѣйствительности самочинной поповщинской „іерархіи“? Поэтому и дальнѣйшій вопросъ г. Васильева, построенный имъ на основаніи параллельнаго якобы нарушенія церковныхъ канонѡвъ православною и католическою церковью и поповщинскимъ обществомъ: „гдѣ православное вѣдомство мыслить правильно: по отношенію ли къ православною церкви и къ католической (признавая іерархію сихъ церквей дѣйствительною), или по отношенію къ старообрядцамъ австрійцамъ“ (не признавая ихъ „іерархію“ дѣйствительною),—не имѣетъ подъ собою никакой сколько-нибудь твердой и разумной почвы и вовсе не представляетъ собою такой „дилеммы“, которая показывала бы, что „наше православное вѣдомство гдѣ-то „ошибается“,—какъ несправедливо полагаетъ г. Васильевъ. Къ такому ложному выводу могло привести нашего автора только глубокое непониманіе имъ существа вопроса, о которомъ онъ

взялся трактовать,—непониманіе именно того, что невозможность признанія поповщинской „іерархіи“ дѣйствительною вытекаетъ, главнымъ образомъ, не изъ нарушенія поповцами при ея учрежденіи церковныхъ канонѡвъ, но изъ того факта, что она учреждена поповцами за оградѡю истинной церкви и родоначальникомъ ея является уже отступившій отъ Хр. Церкви митрополитъ, предавшій эту церковь проклятію и дерзновенно поругавшій святѣню ея таинствъ. Вотъ въ чемъ содержится истинные мотивы, оправдывающіе православное мышленіе „духовнаго вѣдомства“ относительно невозможности признанія поповщинской „іерархіи“ дѣйствительною, а не въ нарушеніи только поповцами церковныхъ канонѡвъ при учрежденіи этой іерархіи!..

9) Не уразумѣвъ должнымъ образомъ того, въ силу какихъ именно мотивовъ австрійская „іерархія“ не признается нами дѣйствительною и легкомысленно вообразивъ, будто сопоставленіемъ нарушенія православною церковью и учредителями поповщинской „іерархіи“ церковныхъ канонѡвъ создается для православной церкви „дилемма“, единственнымъ выходомъ изъ которой будто бы можетъ быть только лишь признаніе поповщинской „іерархіи“ дѣйствительною,—г. Васильевъ дѣлаетъ такое общее заключеніе своей статьи: „предстоящій церковный соборъ или долженъ (?) признать старообрядцевъ-австрійцевъ вполне православными (?) и въ такомъ случаѣ возбудить вопросъ о присоединеніи ихъ во всей совокупности, вмѣстѣ съ признаніемъ законности и благодатности Бѣлокриницкой іерархіи, или признать миссіонерскую точку зрѣнія (относительно ложности и безблагодатности австрійской іерархіи) правильною, но въ такомъ случаѣ объяснить, почему сама-то православная церковь остается обладательницею Духа Святаго, не смотря на постоянное нарушеніе канонѡвъ“.

Относительно послѣдняго, этого главнаго и кореннаго недоразумѣнія г. Васильева, т. е. „почему именно православная церковь, не смотря на нарушеніе ея канонѡвъ, остается обладательницею Духа Святаго“,—мы уже говорили (п. 8). Теперь скажемъ лишь нѣсколько словъ относительно желаемаго имъ „возбужденія“ на предстоящемъ церковномъ соборѣ вопроса „о воссоединеніи всѣхъ вообще австрійцевъ, вмѣстѣ съ признаніемъ законности и благодатности ихъ іерархіи“. Возбудить этотъ вопросъ, конечно, не трудно, только намъ думается, прежде чѣмъ рекомендовать церковному собору „возбужденіе“ этого вопроса,

г. Васильеву неизлишне было бы подумать о томъ,—пожелаютъ ли сами-то австрійцы воссоединиться съ церковью, если бы православная церковь даже и нашла возможнымъ принять поповщинскихъ „іерарховъ“ безъ новаго рукоположенія? „Вопросъ о примиреніи поповцевъ на указанномъ условіи (т. е. на условіи признанія поповщинской „іерархіи“ дѣйствительною) собственно уже предрѣшенъ въ старообрядческой печати. Разсуждая по поводу толковъ относительно даннаго предмета, журналъ „Старообрядецъ“ категорически отрицаетъ всякую возможность примиренія прежде, чѣмъ русская православная Церковь сама не обратится въ старообрядчество. „Покаяться, говорится въ специальной, посвященной данному предмету въ „Старообрядцѣ“, замѣткѣ, и принять древлеправославное ученіе, содержавшееся еще до-никоновскими предками—вотъ неотложная задача государственной церкви, если она желаетъ дѣйствительнаго примиренія“ (см. Прибавлен. къ „Церковн. Вѣдом.“, № 11, 1907 г., стр. 485). И поповщинская газета „Слово Правды“, поддерживая сейчасъ отмѣченное мнѣніе „Старообрядца“, въ подстрочномъ примѣчаніи къ статьѣ: „Удивительный проектъ или слухъ о капитуляціи Синода“,—говоритъ: „іерархія старообрядческая не нуждается въ постороннемъ благословеніи и утвержденіи. Мы увѣрены, зная всѣхъ нашихъ іерарховъ, что они не поступятъ своимъ достоинствомъ для пріобрѣтенія спасительныхъ благъ (т. е. не примутъ отъ православныхъ епископовъ благословенія и утвержденія епископскаго сана, чтобы на этомъ условіи воссоединиться съ правосл. церковью). До такого униженія не допуститъ ихъ и паства. Старообрядческая іерархія вполне канонична; поэтому отъ нея необходимо получить благословеніе тѣмъ, кто предъ всѣмъ свѣтомъ обнаружилъ свою антиканоничность и цѣлые вѣка топталъ завѣты Христа и Его церкви, а не наоборотъ“ („Сл. Пр.“, № 20, 1907 г., отъ 8 марта). Въ виду такого настроенія, господствующаго среди передовиковъ поповщинскаго общества, руководящихъ поповщиною печатью, мы полагаемъ, что даже и г. Васильеву не трудно согласиться съ основательностію мнѣній, по данному вопросу, высказаннаго на миссіонерскомъ собраніи, состоявшемся въ Н.-Новгородѣ 1906 года: „поднимать въ настоящее время вопросъ о принятіи австрійскихъ клириковъ въ сущихъ санахъ не благовременно и не полезно“ (см. „Колоколь“, № 208, 1906 г.).

10) Для полноты обслѣдованія статьи г. Васильева упомянемъ, въ заключеніе, о невѣрномъ пониманіи имъ нашего лич-

наго воззрѣнія по вопросу о воссоединеніи поповщинскихъ „епископовъ“ въ сущемъ санѣ и о нашемъ личномъ настроеніи по отношенію къ австрійцамъ. Въ разсматриваемой статьѣ онъ говоритъ: „недавно печаталась замѣтка нижегородскаго епархіальнаго миссіонера Круглова (противъ присоединенія австрійской іерархіи въ сущемъ санѣ), который тревожно пишетъ: „если принять австрійскую іерархію въ сущемъ санѣ, то противораскольническая миссія лишена будетъ единственнаго аргумента въ пользу ея незаконности“. Этимъ самымъ Кругловъ, какъ видно, не симпатизирующій (!) австрійцамъ, подтверждаетъ, насколько приблизились къ православной церкви старообрядцы этого толка“. Выходитъ такимъ образомъ, будто бы въ моей „замѣткѣ“ старообрядцы поповщинскаго толка признаются настолько приблизившимися по своимъ религіознымъ воззрѣніямъ къ православной церкви, что нѣтъ уже никакого основанія не считать ихъ „православными“, и въ тоже время будто бы я, по личному настроенію къ поповцамъ, не нахожу возможнымъ или законнымъ принятіе ихъ „епископовъ“ въ сущемъ санѣ. Ни то, ни другое, разумѣется, не справедливо. Поповцевъ, пока они состоятъ въ отступленіи отъ Христовой Церкви, я никогда не назову православными,—не назову ихъ таковыми хотя бы по одному тому, что они не вѣруютъ неложному обѣтованію Спасителя о постоянномъ и непрекращаемомъ существованіи въ Христовой Церкви православныхъ епископовъ (Мѡ. 28, 20), ниспровергая и отрицая это Божественное обѣтованіе фактической стороною своей „церковной“ жизни. Не смотря однакоже на это и на подобныя этому поповщинскія заблужденія, я вовсе не отрицалъ въ своей „замѣткѣ“, какъ и теперь не отрицаю, возможности присоединенія австрійской „іерархіи“ въ сущемъ санѣ, ибо увѣренъ, что авторитетъ православной церкви достаточно правоспособенъ для оказанія поповцамъ и столь исключительнаго снисхожденія (см. мою брошюру: „Къ вопросу о законности Бѣл. іерархіи“, стр. 25, изд. 1906 г.). Я нахожу только, что такое исключительное снисхожденіе можетъ быть оказано поповцамъ съ пользою для церкви лишь въ томъ случаѣ, если бы соборное постановленіе о принятіи поповщинскихъ клириковъ въ сущемъ санѣ состоялось одновременно съ воссоединеніемъ всѣхъ вообще поповщинскихъ „епископовъ“, не исключая и противокрещенныхъ,—о чемъ и было сказано въ моей „замѣткѣ“. Дѣлать же подобнаго рода постановленіе для частичныхъ случаевъ обращенія, для воссоеди-

ненія только лишь одного или нѣсколькихъ „епископовъ“, не можетъ, по моему мнѣнію, найтти для себя никакого оправданія, ибо, какъ полагаю, такое постановленіе принесло бы для православной церкви, вмѣсто пользы, великій и непоправимый вредъ: оно сообщило бы поповщинскому заблужденію большую увѣренность въ правотѣ его положенія и тѣмъ самымъ еще дальше отодвинулъ бы желаемое всѣми православными христіанами воссоединеніе поповцевъ съ церковью. Вотъ моя точка зрѣнія на разсматриваемый предметъ; она, конечно, ни для кого не обязательна, но она собственно излагалась въ упомянутой г. Васильевымъ „замѣткѣ“! Высшая православная церковная власть, до сихъ поръ, серьезно еще и не поднимала вопроса о возможности воссоединенія поповцевъ при условіи признанія ихъ „іерархіи“ дѣйствительною,—объ этомъ поговорили только лишь нѣкоторые газеты и журналы и на нѣкоторыхъ засѣданіяхъ Предсоборной комиссіи; а рукодящіе поповщинскимъ мнѣніемъ газеты и журналы уже изо всѣхъ силъ стараются открещиваться отъ предположенной для нихъ газетными проектами церковной милости и снисхожденія.

Однако, несмотря на господствующія нынѣ въ поповщинской печати озлобленіе и ненависть ко всему православному, мы, съ своей стороны, не считаемъ невозможнымъ въ будущемъ воссоединеніе поповцевъ съ Христовою Церковью. Намъ хорошо извѣстно, что даже и нынѣ многіе изъ благоразумныхъ поповцевъ и нѣкоторые изъ числа ихъ „епископовъ“ достаточно сознаютъ и чувствуютъ ложность своего религіознаго положенія и уже совершенно не находятъ сколько-нибудь основательныхъ причинъ для пребыванія въ расколѣ съ церковью. Эта лучшая и наиболѣе сознательная часть поповщинскаго общества справедливо возмущается современною литературною дѣятельностью поповщинскихъ спекулянтовъ, издающихъ старообрядческіе газеты и журналы и вносящихъ своими писаніями въ непросвѣщенную поповщинскую массу тлетворное и разлагающее вліяніе и не понимающихъ, что съ точки зрѣнія христіанскаго ученія, каждый комъ грязи, брошенный ими въ православную церковь, наиболѣе сильно и наиболѣе рельефно отображается на духовномъ обликѣ поповщинскаго общества и на внутреннемъ существѣ самой поповщинской „іерархіи“...

Миссіонеръ Нижегородской епархіи *Ө. Круловъ*.

Новая штундо-малеванская община.

Во тѣмѣ сектантства.

I.

Не безъ боли сердца пишу это письмо, такъ какъ вмѣсто радостныхъ вѣстей, мнѣ приходится сообщать печальныя вѣсти; вмѣсто того, чтобы извѣщать о радостномъ торжествѣ крестьянъ въ день праздника крестьянской свободы 19 февраля, я вынужденъ писать о штундо-малеванскомъ торжествѣ, которое совершалось 19 февраля въ домѣ мѣстнаго крестьянина Корнія Зелинскаго, по поводу открытія новой штундо-малеванской общины. Въ то время, когда церковный благовѣстъ призывалъ прихожанъ въ церковь на заупокойную молитву о Царѣ-Освободителѣ, штундо-малеванцы для того, чтобы отвлечь крестьянъ отъ храма Божія, устроили торжество въ домѣ кр. Корнія Зелинскаго, съ пѣніемъ штундистскихъ кантатъ, братскимъ лобызаніемъ и истолкованіемъ священнаго писанія. При этомъ у воротъ двора Зелинскаго стоялъ «на стражѣ» штундо-малеванскій апостоль «братъ Божій» и убѣждалъ прохожихъ войти въ домъ Корнія на духовный обѣдъ. И православные соблазнились:

— Ходимъ, може тамъ и по чарци дадутъ ради праздника!— Сказали соблазвившіеся и пошли.

Въ хатѣ Корнія они застали уже собраніе, на которомъ по праву старшинства ораторствовалъ «старшій братъ» пресвитеръ Соловѣевской штундо-малеванской общины Лукьянъ Пустовойтъ.

— Братія!—воскликнулъ пресвитеръ Лукьянъ, приложивши правую руку къ груди.—Братія и сестры! Вы не дивицья на тее, що я зъ иднымъ окомъ, идно око до це знаменіе Боже, воно знаменуе всевидящее око Боже, которе все бачить на земли, всяку неправду и кривду, котору чынять православны попы да архыереи. Свѣята вангелія каже, що первосвященныкы

и старѣйшины возбудили народъ, щобъ погубить Исуса... (Мат. XXVII, 20).

— Правда, правда,—подтвердилъ оратора «братъ» Калень Кривенко.

— Ще свята вангелія каже народу: прийдуть на тебе дни, когда враги твои обложатъ тебя окопаны и окружають тебя, и стѣснятъ тебя отвсюду (Лук. XIX, 43). А хтожь обложывъ свои земли та левады окопаны якъ не попы да паны-богачи?..

-- Правда, правда!—Слышатся голоса собранія.

— Остерегайтесь, каже свято Вангеліе, книжниковъ, которые любятъ ходить въ длинныхъ одеждахъ и любятъ привитаться въ народныхъ собраніяхъ... которые поѣдають дома вдовъ и лицемѣрно долго молятца (Лук. XX, 46 и 47) на службахъ, чытаючи разны оканосьци... — продолжалъ ораторствовать Лукьянь.

И штундо-малеванцы не ошиблись въ расчетахъ, касательно отвлеченія православныхъ отъ Храма Божія: въ домъ Корнія, чтобы выслушивать духовную чепуху изъ устъ одноглазаго штундо-малеванскаго пресвитера, какъ окрестили они бесѣды и толкованія, говоренныя Лукьяномъ; во Храмѣ же Божіемъ въ это время было всего на всего сорокъ душъ обоого пола. Это изъ 7000 душъ населенія! По поводу этого мѣстный грамотѣй Иванъ Прокопьевичъ Савченко, сейчасъ же по выходѣ изъ церкви, послѣ Божественной литургіи, сказалъ свое доброе слово на тему: «Не десять-ли очистились? Гдѣ же девять?» (Лук. XVII, 17). Прихожане за это слово расцѣфовали его. Но, тогда еще неизвѣстно было о томъ, что въ Соловьевкѣ образовалась штундо-малеванская община, которая собирается въ домѣ крестьянина Корнія Зелинскаго. Только вечеромъ узнали о совершившемся въ этотъ день торжествѣ штундо-малеванцевъ въ домѣ Корнія. На слѣдующій день волостной старшина съ мѣстнымъ приходскимъ священникомъ призывали сектантовъ въ сельскую управу для увѣщанія; но они и слушать не захотѣли этого увѣщанія и вели себя дерзко. Они сказали, что не стануть подчиняться уставамъ православной церкви и чествовать Матерь Божію и святыхъ, такъ какъ у нихъ есть свои уставы сердца, и есть у нихъ своя богородица—жена Корнія Ковчанки. «Знай же що лукъ сильныхъ православныхъ преломляется, а немощные штундисты братья Божы препоясываются силою (1 Царствъ. II, 4) и наша сыла возьме верхъ, мы будемъ царствовать въ Руській земли!» Высказали въ заключеніе похвалку штундо-малеванцы.

Достойно замѣчанія еще и то обстоятельство, что сельскій староста Мокій Савченко-Квочка также отказался идти въ церковь на панихиду за Царя-Освободителя, когда его приглашали и просили крестьяне Якимъ Яременко и Іовъ Антоненко-Ныцькъ.

— Ходимъ, цежъ нашъ крестьянскій праздникъ, нашъ великъ-день!—говорили Ярошенко и Ныцькъ старостѣ Квочкѣ, но тотъ изрекъ такой отвѣтъ:

— Цей праздныкъ мени ны почому!—Да такъ и не пошелъ. Ну, не больно-ли все это для сердца православнаго?..

II.

Малеванское «всевидащее око».

Суббота, 24 февраля—этотъ «день покоя», въ текущемъ году у насъ въ с. Соловьевкѣ (Радомысльскаго уѣзда, Кіевской губ.) для православныхъ явился настоящимъ безпокойнымъ днемъ. Дѣло въ томъ, что въ этотъ день, члены новообразовавшейся здѣсь Малеванской общины, подъ предводительствомъ своего пресвитера одноглазаго Лукьяна Пустовойта, совершали хожденіе по хатамъ своихъ сторонниковъ и выбрасывали св. иконы. Начало сдѣлалъ самъ пресвитерьъ, выбросивши иконы изъ хаты своего православнаго родителя Павла Пустовойта, потомъ буйная толпа современныхъ иконоборцовъ перешла въ хату крестьянина Архипа Иванченка-Совука, и, по указанію его сына малеванца Петра, принялась за иконы, но Архипъ съ женою оказали сильное сопротивленіе, вооружились кто чѣмъ могъ: Архипъ схватилъ макогонъ, а жена желѣзные рогаи и стали не допускать непрошенныхъ гостей до поруганія иконъ, причемъ отчаянно кричали и звали на помощь сосѣдей. Когда на крикъ сбѣжались сосѣди, послали за сельскимъ старостою. Старосту застали въ сельской управѣ за игрою въ шашки, на шашечницѣ, сдѣланной изъ доски, на которой изображена была св. икона. На просьбу пойти и разогнать иконоборцевъ, староста Мокій Савченко-Квочка отвѣтилъ отказомъ, сказавъ, что это не его дѣло. Впрочемъ онъ и самъ говаривалъ:

— Гэ, маляръ намалюе на дошцы дивку да каже: це Матерь Божа, а дурный мужикъ и боицьця тугеи дошки...

Походъ на иконы одноглазый Лукьянъ Пустовойтъ предпринялъ послѣ того, какъ вернулся изъ паломничества въ

г. Тарашу къ «богу» Кондрату Малеваному у котораго онъ пробылъ, кажется, цѣлыхъ двѣ недѣли, и который вдохнулъ въ него свой духъ и назначилъ его быть «всевидящимъ окомъ». Лукьянъ, выхваляясь своимъ назначеніемъ, говоритъ, что «богъ» Кондратъ Малеваный, посвящая его въ чинъ «всевидящаго ока», сказалъ ему:

Будь ты мое всевидяще око,
Заглядай людямъ въ сердце глыбоко,
Православныхъ пороки открывай,
Одъ церкви и одъ попа одбивай
И въ свою общину ихъ принимай
И якъ имъ треба жыть, ты научай.
Пламенемъ святой ревности дыши,
И иконы—идолы сокруши.
Принимай въ общину сестру—брата,
Да войдутъ въ мои райскыи врата...

Открывъ въ Соловьевкѣ Малеванскую общину еще 19 февраля, Лукьянъ «всевидящее око», въ субботу 24 февраля принялся за сокрушеніе иконъ; впрочемъ буквального сокрушенія иконъ онъ не совершалъ, а только лишь выбрасывалъ ихъ изъ хатъ. Приступая къ очищенію хатъ отъ мнимыхъ идоловъ, «всевидящее око» обратился къ братіямъ съ такою виршованною рѣчью объ иконахъ:

Братія! Вмѣсто сокрушенія,
Довольно для нихъ изверженія,
Пусть во прахъ они валяющыя,
Нехай люде не ослѣпляющыя;
Нехай воны являть свою сылу
Нехай чудомъ разверзуть могылу
И нехай же воскресять мертвеця
Або заризаного баранця,
Тоди вже вира имъ буде дана,
Що сыльны Тыхоны—Мытропаны!..

Когда на крикъ Архиппа Совука и его жены насобиралась къ ихъ дому цѣлая толпа народа, то кто-то изъ православныхъ задалъ Лукьяну такой вопросъ:

— Якимъ же родомъ будешь ты «всевидяще око», якъ мы

знаемъ, чоу Всевидящее Око Божіе изображаецця у троугольнику?..

— Ну, а хиба я не маю троугольника: душа, до це будэ одынь троугольныкъ—духъ свѣтній; воля—другый троугольныкъ, ветхій днями Господь-Саваоѣ; а розумъ, до це третій троугольныкъ—роспятый Сынъ Божый. Отъ бачешь, у мени находыцца цылый троугольныкъ.

— И йдно око,—сѣиронизироваль дядько Тимошъ.

— У мене идно, да Божее,
У васъ же двое, да вражіи...

Послѣдовалъ на это отвѣтъ «всевидящаго ока».

— Ну, постой! Якъ у насъ очы вражды,
До мы-жъ тобы часинде покажемъ...

Сдѣлали похвалку православные и стали расходиться. Ходятъ слухи, что православные хотятъ учинить погромъ надъ жилищами «всевидящаго ока» и его послѣдователей.

III.

Штундо-малеванская тайна.

— «Братія, не открывать тайны!» Такое предупрежденіе всегда слышится изъ устъ «старшаго брата», когда въ собраніе штундо-малеванцевъ входитъ кто-либо изъ постороннихъ, не принадлежащихъ къ ихъ сектѣ.

— У ихъ, (т. е. у штундо-малеванцевъ) есть якась тайна,—говорятъ православные.

Но какая это тайна и въ чемъ она заключается, до сего времени ничего не было извѣстно, но теперь ходятъ слухи, что тайна эта открыта, ибо нѣтъ ничего сокровеннаго, что не открылось бы, и тайнаго, что не было бы узнано (Матѣ. X, 26). Тайна эта открылась у насъ въ Соловьевкѣ, въ то время, когда здѣсь открывалась штундо-малеванская община. Открывая общину, одноглазый пресвитеръ Лукьянъ Пустовойтъ, озаботился избраніемъ и назначеніемъ богородицы, пророковъ и апостоловъ; и вотъ когда въ санъ богородицы была посвящена имъ жена мѣстнаго штундо-малеванца Корнія Зелинскаго-

Ковчанки, пророкомъ былъ поставленъ Петро Совукъ, а апостолами Коцюбка и Калень Кривенко, тогда онъ, пресвитеръ, сказалъ, что еще остается самое важное и тайное: избрать храмовника, и возложить на него обязанность затворять тѣлесную храмину...

— Намъ храма не треба! послышался было протестъ нѣкоторыхъ, не посвященныхъ въ тайну, но пресвитеръ велѣлъ имъ замолчать и объяснилъ, что дѣло идетъ не о вещественномъ храмѣ, въ которомъ молятся попы, а о тѣлесной храминѣ, т. е. о тѣлѣ и душѣ каждаго брата и сестры; пока человѣкъ живъ и здоровъ, то тѣлесный храмъ его открытъ, когда же заболѣетъ и сдѣлается не способнымъ къ молитвѣ и воспріятію духа, тогда нужно затворять его тѣлесную храмину, для того, чтобы воспрепятствовать вхожденію въ него нечистому, т. е. чтобы священникъ не приобщилъ его волшебныхъ даровъ.

— А якъ же то затворять храмину?—полюбопытствовали нѣкоторые изъ братіи.

— То вже буде знать храмовникъ...

— Все жъ таки намъ треба знать,—настаивала братія.

— Тайна сія велика, но я открываю вамъ: не всѣ мы умремъ, но всѣ измѣнимся (1 Коринѳ. XV, 51), сказалъ апостоль Павелъ.

— Що жъ то значить измѣнимся?

— А те, що якъ мы умремъ такъ, якъ умирають православны, до значить мы не измѣнимся, а намъ треба измѣниться такъ, щобъ мы были чисты и непреткновенны въ день Христовъ (Филип. I, 10). Для того жъ щобъ тѣлесная храмина наша була чыста, до комусь треба затворыть її, отъ се то и буде дѣло храмовныка, щобъ винъ затворявъ, т. е. щобъ помигъ умерты...

— Ага! До це значить намъ треба выбрать такого, который бувъ бы у насъ за смерть?..

— Такъ, такъ,—подтвердилъ пресвитеръ.

— А хтожъ бы це могъ быть у насъ за смерть?—начала разсуждать братія.

— Семеновъ Листратъ Харчукъ здоровый чоловикъ, пего й назначыть; пей може помочь умерать,—высказалъ свое мнѣніе братъ Коцюбка.

— Ни, нехай буде Иванъ Мамынъ-Деревянченко; винъ же риже телята,—сказалъ Корній Ковчанка.

— Да й батько йего Андрій Загнузда, кижуть, дадушувавъ якусь бабу подушкою,—послышался голосъ изъ толпы.

— Согласны на Мамыного Ивана! Согласны!..— изъвила согласіе вся братія.

— Тилькы знай же, братія, шо це велька тайна,—наказывалъ въ заключеніе пресвитеръ.

— Тайна, тайна!—отвѣтило все собраніе.

Такимъ образомъ штундо-малеванская тайна ясна: она совпадаетъ съ ученіемъ раскольничьей секты «душителей».

Какъ передаютъ, на одномъ изъ своихъ собраній, соловьевскіе штундо-малеванцы распѣвали такіе вирши:

Моя тѣлесная храмина,
Хоче затворыщца,
Щобъ на красу божого сына,
Въ раю надывыщца.
Кому-жь тѣлесну цю храмину,
Затворять прилично,
Якъ не Ивану-Мамину сыну?
Йому це прывычно.
Винъ тельщивъ малыхъ посылае
Въ жертву богу-сыну,
Нехай же винъ и затворяе
Нашую храмину!
Нехай насъ тлиныхъ изминяе,
Щобъ мы булы чысты;
Нехай храмъ нашъ такъ не воняе
Якъ попы нечысты!...

IV.

Помазаніе отъ святаго.

Къ штундо-малеванскимъ тайнамъ принадлежитъ и такъ называемое помазаніе отъ святаго, которое состоитъ въ томъ, что «богъ» Кондратъ Малеваный собственноручно надрѣзываетъ своему адепту конецъ пальца, и затѣмъ кровію этого пальца на лбу своего адепта дѣлаетъ начертаніе: 666.

Такое начертаніе сдѣлано Малеванымъ и на лбу посѣтившаго его Соловьевскаго штундо-малеванца Корнія Зелинскаго-Ковчанки, который домой въ Соловьевку вернулся съ надрѣзаннымъ пальцемъ.

Чтобы постигнуть тайну такого помазанія отъ святаго, стоитъ только прочесть въ откровеніи Св. Іоанна Богослова послѣдніе три стиха тринадцатой главы, гдѣ сказано, что всѣмъ, малымъ и великимъ, богатымъ и нищимъ, свободнымъ и рабамъ, положено будетъ начертаніе на правую руку ихъ или на чело ихъ... Здѣсь мудрость. Кто имѣетъ умъ, тотъ сочти число звѣря: ибо это число человѣческое. Число его шесть сотъ шестьдесятъ шесть (Откр. XIII, 16—18). А начертаніе, дѣлаемое Малеваными на лбахъ его послѣдователей, явно изображаетъ число звѣря 666. Нашлись даже такіе мудрецы, что истолковали и самое имя и фамилію Тарашанскаго «бога», и пришли къ убѣжденію, что и самое имя и фамилія его есть не что иное, какъ число звѣря 666. Такъ какъ Кондрать Малеваный поставленъ сектантами въ «бога», т. е. признанъ высшимъ, чѣмъ обыкновенные люди, то наши мудрецы и въ имени и въ фамиліи сего бога нашли необходимымъ и даже благоприличнымъ добавить двѣ буквы, какъ бы въ знакъ двухъ естествъ «бога» Кондрата: божескаго и человѣческаго. Такъ какъ, по толкованію сектантовъ малеванцевъ, «богъ» ихъ Кондрать владѣетъ четвероконечнымъ или четверочастнымъ міромъ, то къ имени бога Кондрата наши мудрецы и прибавили будкву **Д**, которая означаетъ цифру 4. Затѣмъ, такъ какъ «богъ» Малеваный принадлежитъ и къ людямъ, то къ его фамиліи нашли умѣстнымъ прибавить букву **Л**, которая по славянски называется люди. Зная все это, напишемъ теперь имя и фамилію Тарашанскаго «бога» и подъ каждую буквою поставимъ цифру, которая соотвѣтствовала бы буквѣ, и потомъ сочтемъ эти цифры, выйдетъ число звѣря 666:

КОДРАТМАЛЕВАНИ.

20. 70. 4. 4. 100. 1. 300. 40. 1. 30. 30. 5. 2. 1. 50. 80. = 666.

Сектанты увѣряютъ, что богъ Кондрать, совершая помазаніе отъ святаго, произноситъ слова изъ книги дѣяній апостоловъ: «чистъ я отъ крови всѣхъ» (Дѣян. апост. XX, 26). Этимъ онъ какъ бы хочетъ выразить то, что онъ не изъ тѣхъ, которые говорили Пилату о Спасителѣ: кровь Его на насъ и на дѣтяхъ нашихъ (Матѳ. XVII, 25), а выше всѣхъ людей, какъ «богъ», и что онъ не отвѣтствуетъ ни за кого, и невиненъ въ крови своихъ неразумныхъ послѣдователей.

Православный.

Обозрѣніе духовной журналистики.

Христіанская любовь къ людямъ есть основа жизненнаго благополучія.— Отсутствіе этой любви въ современной жизни,—въ «освободительномъ движеніи». Уроки исторіи для предстоящаго Россійскаго церковнаго собора. Учрежденіе патріаршества. Автокефалія отдѣльныхъ церковныхъ общинъ. Избраніе и отставка епископа. Старокатолики. Американская епископальная церковь. Реформа духовныхъ учебныхъ заведеній. Историческія свѣдѣнія о «приходской» жизни въ первые вѣка христіанства. Вопросъ о двоебразіи духовенства. Его практической смыслъ, историческія и православно-каноническія данныя для рѣшенія его.

Обозрѣвая духовную журналистику за текущій годъ, остановимъ свое вниманіе прежде всего на продолженіи статьи Царевскаго въ Православномъ Собесѣдникѣ „Христіанская любовь къ людямъ, какъ основа жизненнаго благополучія“. (Февр. 1907).

Сопоставляя идеаль жизни, основанной на истинной любви (начертанный авторомъ въ январской книжкѣ), съ дѣйствительностью, мы увидимъ печальныя картины. Развѣтіе культурной жизни современнаго общества питаетъ въ человѣкѣ меркантильные интересы, а душа вмѣстѣ съ этимъ калѣчится, любовь въ ней изсякаетъ. Такъ много теперь людей, цѣлью жизни своей ставящихъ созиданіе золотой пирамиды, обращающихъ существованіе свое въ спортъ наибольшаго обогащенія и самоублаженія, и въ зависимости отъ этого—такъ много развелось людей бѣдныхъ душой, нищихъ сердцемъ, людей мертвенныхъ, у которыхъ есть только обликъ жизни, есть жизнь только плоти, или лучше—плоть жизни, но нѣтъ духа живого. А между тѣмъ, законъ любви—это міровой законъ, это какъ бы второе солнце міра, невидимое, но столь-же необходимое въ міровой жизни, какъ и первое. И не въ томъ причина печальныхъ явленій современной жизни, что люди не понимаютъ и не сознаютъ этого закона любви, нѣтъ. Человѣчество все изыскиваетъ и испытываетъ свои средства и пути въ дѣлѣ устроенія царства Божія на землѣ, все усиливается обойтись безъ Бога. Оттого и уходитъ оно все дальше отъ блаженства общенія и единенія съ Нимъ.

Не страдать въ этомъ разладѣ не можетъ человѣчество. Вотъ—здѣсь источникъ тягости жизни, унынія, отчаянія. Путь къ

счастьем можетъ быть только одинъ: съ вѣрою и любовью возвратиться въ объятія Отца. Конечно, нельзя заставить себя любить насильно; любовь не можетъ появиться искусственно, подъ вліяніемъ только холоднаго размышленія, разсудочнаго анализа. Любовь святая есть прежде всего даръ Божій, плодъ Божественной силы, Божіей благодати. Но отъ всякаго человѣка зависитъ приготовлять себя къ воспріятію этого дарованія, по возможности очищать свою душу—потому что только чистые сердцемъ Бога узрять, только непорочныя души и простые сердца способны къ новому постиженію и воплощенію Божіей, святой любви. Отсюда обязанность всякаго христіанина совершенствоваться нравственно,—поддерживать, питать въ душѣ священный огонекъ любви христіанской. Иначе мы распинаемъ и терзаемъ Христа. Переходя отъ этихъ общихъ разсужденій къ конкретной дѣйствительности нашего времени, авторъ находитъ въ ней полное оправданіе своихъ мыслей. Предоставимъ слово ему самому.

„Все современное, такъ называемое „освободительное“ движеніе возникло и повелось, какъ говорятъ, изъ любви къ ближнему, съ благородной цѣлью—во имя челоуѣколюбія и справедливости, во имя счастья и благосостоянія людей, обиженныхъ судьбою, и т. д. Но, не говоря уже о качествахъ и терпимости всѣхъ пріемовъ и формъ, въ которые облеклось у насъ это движеніе, съ своей богословской точки зрѣнія замѣчу: потому уже движеніе современное не вполне отвѣчаетъ высокой своей идеѣ, потому въ немъ не столько славится, сколько распинается Христосъ, что все это великое дѣло массою, такъ называющей себя, „сознательной“ части общества проводится минуя Христа, въ забвеніи Христа,—такъ что самымъ кореннымъ и роковымъ образомъ нарушается въ этомъ случаѣ союзъ любви съ Богомъ, оскорбляется Божественное промышленіе о челоуѣкѣ, челоуѣколюбіе Божіе

Но зато, къ чему же и можетъ привести такая самонадѣянная работа? Можетъ ли она сулить намъ счастье? Возможно ли безъ Бога создать царство Божіе на землѣ?! Напрасно гуманисты желаютъ поднять челоуѣколюбіе, а значить и счастье въ челоуѣчествѣ, только на естественныхъ началахъ, на основаніи однихъ только челоуѣческихъ умозрѣній и соображеній относительно благородства челоуѣческой природы, ея естественныхъ правъ, требованій и т. п. Всѣ эти соображенія основательны и справедливы, но всѣ они и слишкомъ недостаточны, такъ какъ сама жизнь, дѣйствительность постоянно колеблетъ и подрываетъ ихъ, на каждомъ шагу развертываетъ грустныя картины тоже естественной въ естественномъ-то (а не облагодатствованномъ) состояніи поврежденной челоуѣческой природы—вражды, злобы, своеркористія и эгонизма. Въ самомъ дѣлѣ, ужъ то ли не великія благодѣянія и завоеванія новаго прогресса, какъ напримѣръ, дарованная теперь всѣмъ свобода совѣсти, свобода слова,—но вѣдь и эти благодѣянія, безъ руководства религіозно-нравствен-

ныхъ принципѣвъ, получаютъ же такъ часто на глазахъ нашихъ совершенно превратную форму—свободы отъ совѣсти, свободы злословія...

Напрасно также новѣйшіе печальники за челоѣчество возбуждаютъ, раздражаютъ людей несчастныхъ, дѣлая судьбу ихъ тѣмъ самымъ еще больше тягостной; а въ тоже время отнимаютъ у нихъ послѣднюю опору въ жизни—миръ души, надежду на будущую жизнь, вѣру въ Божественное промысленіе, т. е. подрываютъ послѣднія опоры ихъ тяжелаго существованія. Тщетно, вообще, перестраивать жизнь и обосновывать нравственные, гуманные принципы жизнедѣятельности челоѣческой помимо Христа, внѣ основаній и духа истиннаго христіанства. Тщетны вооце усилія вычеркнуть изъ души челоѣческой сверхъестественное, божеское начало, и всю нравственность и духовность челоѣка свести только къ натурѣ, естественности, прикрѣпить только къ природѣ, къ землѣ: въ челоѣкѣ заложены инныя стремленія и его всегда будетъ тянуть вверхъ, къ небу. Эти высшіе порывы челоѣка, не находя удовлетворенія, всегда будутъ причинять страданія челоѣку, всегда будутъ мрачить его душу и жизнь, такъ что никакой естественный, хотя бы и электрической, свѣтъ не разгонитъ этихъ сумерекъ нашей души и современной жизни. Здѣсь потребны иные лучи, иного, живящаго свѣта. Такимъ свѣтомъ живымъ и можетъ быть прежде всего любовь христіанская, всѣхъ и все умиротворяющая и счастливая, связующая, по слову Златоуста, небо и землю въ одно радостное, блаженное единство. Да и можно ли въ самомъ дѣлѣ ожидать какого толка въ достиженіи цѣли всѣхъ цѣлей и усилій челоѣческихъ—въ достиженіи счастья—отъ самаго даже успѣшнаго прогресса современности, отъ самаго широкаго развитія общественной жизни, со всѣми свободами, равноправностью, терпимостью и прочими т. п. преимуществами, когда все это ограничивается только внѣшней жизнью челоѣка и внѣшними отношеніями, а внутренняя жизнь людей не будетъ соединена союзомъ любви въ одинъ духъ, въ одно нравственно-общественное тѣло, въ единый братскій христіанскій союзъ! Однимъ словомъ, своею волею и силою и своими средствами міръ не можетъ возродиться и обновиться. Никакія соціологіи, политическія экономіи и т. п. теоріи, ни тѣмъ ужъ конечно менѣе пущенныя теперь въ столь позорно-преступный оборотъ экспроприаціи, браунинги и т. п. практическіе приемы звѣрства, не измѣняютъ и не поправятъ дѣла: міръ можетъ возродиться, оставаясь „недвижимымъ камени заповѣдей Христовыхъ“; жизнь нашу можетъ обновить, поднять, усовершенить и осчастливить прежде всего и главнымъ образомъ „любовь святая“, христіанская.

Въ связи съ вопросомъ о предстоящемъ Всероссійскомъ сборѣ и о реформахъ въ русской Церковной жизни появилось за текущей годъ нѣсколько статей, дающихъ историческія справки, указывающихъ примѣры изъ прежней церковной практики,—

статей могущихъ для нашего времени послужить на пользу при выясненіи практичныхъ вопросовъ. Такова прежде всего статья проф. А. Лебедева въ Душеполезномъ чтеніи (январь) „Уроки и примѣры изъ исторіи древнихъ соборовъ—примѣнительно къ предстоящему Всероссійскому Собору“. Имѣя въ виду тѣ вопросы, которые долженъ будетъ рѣшить будущій русскій соборъ, и которые намѣчены предсоборнымъ присутствіемъ, авторъ ставитъ себѣ цѣлью указать изъ исторіи аналогіи, могущія говорить за или противъ такого или иного рѣшенія этихъ вопросовъ. Въ предисловіи онъ устанавливаетъ, что по важности нашего будущаго собора, какъ собора великой и вліятельной среди православныхъ обществъ церкви, примѣры намъ слѣдуетъ искать въ практикѣ соборовъ вселенскихъ. Прежде всего авторъ останавливается на вопросѣ о коренномъ законодательномъ переустройствѣ Святѣйшаго Правительствующаго Синода нашей церкви. Подобныя коренныя преобразованія Синода бывали и въ Греческой Церкви, какъ реформа Константинопольскаго Синода IV вселенскимъ соборомъ. У насъ проектируется при реформѣ высшаго управленія въ церкви возвести одного изъ іерарховъ русской церкви въ санъ патріарха. Какъ смотрѣть на это дѣйствіе? Будетъ-ли это возвращеніе къ прежнему строю, возстановленіе патріаршества (какъ думаютъ въ настоящее время большинство компетентныхъ лицъ), или созданіе вновь названнаго института? Авторъ стоитъ на сторонѣ второго смысла разсматриваемаго акта и для основанія своего мнѣнія подробно останавливается на историческихъ примѣрахъ возведенія въ патріархи предстоятеля Церкви Константинопольской и учрежденія патріаршества на Руси.

Возвеличеніе прежняго византійскаго епископа начинается съ образованіемъ изъ Византіи новой восточной столицы—Константинополя. На II вселенскомъ соборѣ епископъ столицы получилъ что-то довольно неопредѣленное: право подписываться на церковныхъ официальныхъ документахъ послѣ главнѣйшаго іерарха римскаго, а фактическихъ большихъ правъ, повидимому, ему при этомъ не дано. Все дѣло ограничилось „преимуществвомъ чести“ (пр. 3). Третій вселенскій соборъ не принесъ никакой выгоды константинопольскому епископу, да иначе и быть не могло. Здѣсь кафедрa константинопольская не имѣла ходатая для себя. Епископомъ столичнымъ въ это время былъ Несторій, осужденный за ересь на этомъ самомъ соборѣ. А кромѣ самого Несторія рѣшительно некому было хлопотать о привилегіяхъ константинопольской кафедрy на этомъ соборѣ. Другимъ іерархамъ здѣсь скорѣе было пріятно, что епископъ константинопольскій не могъ сдѣлать ни одного шага въ интересахъ своей кафедрy. А на слѣдующемъ вселенскомъ соборѣ даже надругались надъ епископомъ столичнымъ. Я собственно при этомъ разумѣю вселенскій по идеѣ, но разбойничій на дѣлѣ, соборъ ефесскій (449 г.): на немъ іерарху константинопольскому, по

волѣ Діоскора, архіепископа Александрійскаго, занявшаго на этомъ соборѣ первое мѣсто, указано было лишь пятое мѣсто, послѣ, невиднаго по своему іерархическому значенію, епископа іерусалимскаго. Но за то, черезъ два года, все измѣнилось. Говоримъ о IV вселенскомъ халкидонскомъ соборѣ. Іерархомъ восточной столицы былъ Анатолій, человекъ ловкій, стоявшій близко ко двору, да и соборъ-то происходилъ такъ сказать у него подъ окнами—въ Халкидонѣ, т. е. на другомъ берегу Босфора. На соборѣ Анатолій игралъ видную роль, хотя роль декоративную онъ и уступалъ часто папскимъ легатамъ. Очень многое благопріятствовало Анатолію, и времени терять понапрасну никакъ не слѣдовало. Все это Анатоліемъ принято было въ расчетъ и правильно оцѣнено. слѣдовало воспользоваться случаемъ для возведенія константинопольской кафедры въ рангъ патриаршихъ. Все это конечно было хорошо; но все таки разсчитывать на то, что предложеніе принято будетъ на соборѣ охотно и единодушно—отнюдь нельзя было. Поэтому Анатолій рѣшилъ дѣйствовать быстрой и натискомъ. Соборныя засѣданія приходили къ концу, епископы, члены собора, видимо были утомлены продолжительностью собора, всѣмъ хотѣлось скорѣе домой, всѣ ждали только прогонныхъ и суточныхъ. Всѣ направляли стопы свои на путь миренъ. При такомъ положеніи вещей, люди бываютъ настроены благодушно: согласятся и на то, что прежде, пожалуй, и вовсе отвергли бы. Этимъ расположеніемъ духа членовъ собора и рѣшилъ воспользоваться Анатолій. На 15-ое засѣданіе собора, повиднмому, совсѣмъ неожиданно, внесены были для утвержденія нѣскольکو „правилъ“, и въ числѣ ихъ, чуть не на послѣднемъ мѣстѣ, находилось правило, провозглашавшее іерарха константинопольскаго патриархомъ и дававшее ему патриаршія права.

Оно предоставляло обычныя въ то время патриаршія права архіепископу новой столицы, уравнивая его въ этомъ случаѣ съ первенствующимъ патриархомъ—римскимъ; „будучи возвеличенъ (второй Римъ, а съ нимъ, конечно, и его предстоятель), подобно древнему Риму, и въ церковныхъ дѣлахъ“. По существу дѣла, правило это особенныхъ сомнѣній не возбуждаетъ. Само собою разумѣется, столичныи архіереи въ тѣ времена не могъ быть ничѣмъ инымъ, какъ патриархомъ.

Но въ актѣ провозглашенія этого правила на соборѣ халкидонскомъ допущено было такъ много отступленій отъ законной нормы, что остается только сожалѣть объ этомъ. Начать съ того, что то „дѣяніе“ собора, именно 15-ое, на которомъ утверждены были 30 „правилъ“, а въ томъ числѣ и знаменитое 28, происходило, очевидно, незаконнымъ образомъ. Объ этомъ „дѣяніи“ (а оно дошло до насъ въ сохранности, въ качествѣ одного изъ актовъ изъ протоколовъ указаннаго собора) мы не знаемъ: когда оно происходило, (въ какой день), гдѣ оно происходило, кто присутствовалъ на засѣданіи, какъ велось разсмотрѣніе правилъ. Вопреки закону и обычаю, обо всемъ этомъ ни словомъ

не упомянуто въ записи 15-го „дѣянiя“. И такое умолчанiе сдѣлано не спроста. Дѣло всплыло по жалобѣ трехъ палскихъ легатовъ, представлявшихъ на этомъ соборѣ особу римскаго архіепископа, Льва I. Они потребовали отъ свѣтскаго правительства пересмотра соборнаго опредѣленiя относительно константинопольской кафедрѣ, въ чемъ имъ не было отказано. Собралось послѣднее, 16-ое засѣданiе собора. На немъ открылось, какъ много неправильностей допущено было при провозглашенiи 28 правила. Прежде всего оказалось, что на предшествующемъ засѣданiи не присутствовали почему-то императорскiе сановники, которые находились однакожъ на всѣхъ прочихъ засѣданiяхъ халкидонскаго собора; палскiе легаты на него не были приглашены, такъ выходитъ, по крайней мѣрѣ, по ихъ словамъ; мѣстомъ засѣданiя почему-то была зала дикастерiи (т. е. консисторiи), тогда какъ всѣ другiя засѣданiя собора происходили въ храмѣ мученицы Евѣмiи. Все это подозрительно. Кромѣ того, нужно сказать, что и вообще моментъ для утвержденiя правила о возвышенiи Константинопольской кафедрѣ былъ выбранъ съ расчетомъ. Главнаго митрополита (экзарха) Фракии и такого же митрополита Асiи (двухъ областей, верховная власть надъ которыми отъ указанныхъ iерарховъ переходила теперь къ Константинополю) на 15-мъ засѣданiи не было: первого потому, что онъ совсѣмъ не присутствовалъ на соборѣ Халкидонскомъ, а второго потому, что онъ въ теченiе этого послѣдняго былъ низложенъ. Главнѣйшiй митрополитъ (экзархъ) третьей области Понтiйской, по правилу 28-му подчиняемой верховенству Константинопольскаго архіепископа, какъ оказывается, своевременно заявилъ протестъ противъ разбираемаго нами опредѣленiя и въ знакъ этого не подписался подъ нимъ. Повидимому, заявляя на 15-мъ засѣданiи такого-же рода протестъ второстепеннѣйшiй митрополитъ города Анкиры. Открылось на послѣднемъ засѣданiи странное противорѣчiе въ показанiяхъ папскихъ легатовъ и одного виднаго члена собора, епископа Евсевiя Дорилейскаго; первые утверждали, что папа отнюдь не разрѣшилъ имъ соглашаться на возвышенiе Константинопольской кафедрѣ, чего и раньше власти искали подъ предлогомъ, что Константинополь сдѣлался столицею вмѣсто Рима; а Евсевiй напротивъ увѣрялъ, что самъ онъ „читалъ 28 правило святѣйшему папѣ въ Римѣ, въ присутствiи Константинопольскихъ клириковъ, и что Левъ принялъ оно“ (?) Легаты подтвердили свои слова, принесенною отъ папы, хартиєю, а Евсевiй ничѣмъ не подтверждалъ своего свидѣтельства, да и оно не можетъ заслуживать никакого довѣрiя: папа Левъ I открыто протестовалъ противъ 28 правила, тотчасъ же послѣ Халкидонскаго собора. Какъ всегда, въ подобныхъ случаяхъ, въ этомъ послѣднемъ засѣданiи, при томъ возбужденномъ состоянiи, въ которомъ находились члены собора, началось то, что въ наше время называется публичнымъ мытьемъ грязнаго бѣлья. Начались упреки во взяточничествѣ. Во всякомъ случаѣ общая картина получалась самая некраш-

вая. Легаты не разъ замѣчали, что возвышеніе Константинопольскаго архіепископа произошло „не по канонамъ“, „вопреки правиламъ“. Соборные нотаріи (секретари) напротивъ старались выкрикивать, что „дѣяніе“ (15-ое) „не производилось тайкомъ“, „не какимъ нибудь воровскимъ образомъ“ ¹⁾. Нельзя умалчивать, что отъ чтенія тѣхъ страницъ „Дѣяній вселенскихъ соборовъ“, на которыхъ изображены обстоятельства возвышенія константинопольскаго іерарха въ достоинство патриаршее, не выносишь пріятнаго впечатлѣнія. Дѣло происходило не такъ, какъ слѣдовало-бы. Какъ бы то ни было, 28 правило никакимъ измѣненіямъ не подвергалось.

Что касается учрежденія патриаршества на Руси, то и здѣсь мы встрѣчаемся съ фактами по меньшей мѣрѣ не красивыми. „Какъ будто какой несчастный рокъ тяготѣетъ на исторіи патриаршества“, замѣчаетъ авторъ.

Патриаршество у насъ учреждено въ 1589 г., въ царствованіе Федора Ивановича, при умѣломъ содѣйствіи Бориса Годунова. Посвящалъ перваго патриарха Іова константинопольскій патриархъ Іеремія II, случайно прибывшій въ Москву съ обыкновенною цѣлью—для сбора милостыни. Какъ происходило дѣло съ учрежденіемъ Московскаго патриаршества, объ этомъ получаемъ интересныя свѣдѣнія отъ очевидца событій греческаго (Монемвасійскаго) митрополита Іерофея, спутника патриарха Іереміи въ его путешествіи по Россіи. Оказывается, что когда задумали на Москвѣ учредить въ русской церкви патриаршество, то косвенными намеками давали знать Іереміи, что желали бы имѣть именно его московскимъ патриархомъ. Но это желаніе было едвали искреннее, а скорѣе притворное: думали, что Іеремія откажется отъ этого предложенія, и что тогда можно будетъ упросить его дать, вмѣсто себя, другаго патриарха для „Россіи“. Къ огорченію Московскихъ властей, Іеремія выражалъ охоту остаться въ Москвѣ, но это не входило въ планы указанныхъ властей. Поэтому, ему стали внушать, что патриархъ у насъ можетъ жить только въ древнемъ городѣ Владимирѣ, и при этомъ же стращали пришельца, говоря, что хотя это и старинный городъ, но хуже даже Кукуза (А Кукузь былъ мѣстомъ заточенія Златоуста). Когда эти застращиванія возымѣли свою силу, и Іеремія не пожелалъ русскаго патриаршества, то власти напрямикъ обратились къ нему съ требованіемъ: „воля царя такова, чтобы ты устроилъ намъ патриархію“. Іеремія началъ было сопротивляться, но „наконецъ, хотя и не по доброй волѣ, онъ рукоположилъ патриарха для Россіи“. Затѣмъ, по волѣ правительства, составлена была „великая и длинная пергаменная грамота, написанная болгарскими (т.-е., конечно, славянскими) письменами“ (добавимъ значить, на непонятномъ для Іереміи языкѣ): здѣсь описывается актъ учрежденія патриаршества въ Россіи. Константинопольскій патриархъ долженъ былъ утвердить своимъ подписомъ, эту

¹⁾ Дѣян. всел. соборовъ. Т. IV, стр. 159—170.

для него невразумительную, грамоту. Что касается греческаго спутника Іереміина, митрополита Іерооѣя, то онъ началъ упорно отказываться отъ подписи подъ актомъ. Онъ возражалъ: „что это за грамота, предлагаемая для подписи? Слѣдовало бы написать ее по гречески, а не по русски, и слѣдовало бы напередъ предложить ее выслушать“. Этотъ митрополитъ долго сопротивлялся; по его словамъ, онъ „былъ даже въ опасности, что его бросятъ въ Москву-рѣку“. Но наконецъ дѣло уладилось: Іерооѣй подписался, да и играть съ огнемъ было не безопасно; разумѣется, не остались безъ вліянія и подарки, за которыми собственно и пріѣхали греческіе гости. Русскіе документы съ своей стороны ясно показываютъ, что дѣло велось нечисто. Для утвержденія учреждаемаго патріаршества нуженъ былъ соборъ въ Москвѣ, и вотъ для этой цѣли держали наготовѣ, но въ тайнѣ отъ Іереміина, нѣсколько представителей высшаго русскаго духовенства; эти представители (а ихъ было очень немного, не болѣе 10) съ прочимъ немногочисленнымъ чернымъ духовенствомъ и успѣшили составить соборъ, лишь только Іереміа согласился поставить патріарха для Россіи. Любопытно, что никого изъ греческихъ архіереевъ и ихъ спутниковъ на соборъ не пригласили: и патріархъ Константинопольскій на немъ не присутствовалъ. Далѣе: русская самомнительность того времени ¹⁾ нашла не торжественнымъ тотъ чинъ поставленія въ патріархи, какой употреблялся Греками, и царь приказалъ своему дьяку Андрею Щелкалову сочинить новый чинъ, выкроивъ его изъ греческаго и русскаго—русскаго, какой примѣнялся въ Россіи при возведеніи на кафедру нашихъ митрополитовъ. Интересно отмѣтить, что требуемый чинъ сочиняется канцелярскимъ путемъ, мірскимъ челоуѣкомъ ²⁾. Тѣмъ же Щелкаловымъ, повидимому, сочинена и „уложенная грамота“ о учрежденіи патріаршества, назначавшаяся для подписи и подписанная учредителями этого послѣдняго, сочинена послѣ собора и не составляетъ подлиннаго протокола соборнаго дѣянія, на которомъ совершилось великое историческое дѣло. Кромѣ того грамота эта не чужда прямой лжи. Такъ въ ней говорится, что поставленіе патріарха на Москвѣ произошло по совѣту „со всѣмъ освященнымъ соборомъ великаго русскаго и греческаго царствія“ и согласно съ „избраніемъ“ (Іова) самимъ Іеремію цареградскимъ и прочими вселенскими патріархами—Александрійскимъ, Антиохійскимъ и Іерусалимскимъ и всѣмъ соборомъ греческимъ“,—чего, какъ извѣстно, на самомъ дѣлѣ не было. Далѣе, этою грамотою въ уста патріарха Іереміина вложены слѣдующія слова: „такъ какъ ветхій Римъ палъ отъ Аполлинаріевой (?) ереси, а второй Римъ, Константинополь, находится въ обладаніи безбожныхъ турокъ, то твое, благодѣтельный царь, великое русскаго

¹⁾ По паденіи Константинополя, этого новаго Рима, русскіе говорили, что Москва есть третій Римъ, а четвертому не бывать.

²⁾ Проф. П. О. Николаевскій. «Учрежденіе патріаршества въ Россіи». «Христ. Чт.», 1860, т. II, 555. 558.

царство, третій Римъ, превзошло благочестіемъ всѣ прежнія царства, и всѣ благочестивыя царства соединились въ одно твое царство“. Само собою понятно, такой грубой лести выразить Іеремія не могъ, да и мысль, въ этихъ словахъ выраженная, чисто московскаго издѣлія. Грамота кончалась надменнымъ замѣчаніемъ, что соборное опредѣленіе о русскомъ патріаршествѣ останется непреложнымъ во вѣки ¹⁾, что однакожь не исполнилось.

Послѣ приведенія этихъ историческихъ примѣровъ, проф. Лебедевъ высказываетъ пожеланіе, чтобы при предстоящемъ у насъ введеніи патріаршей власти канонъ, истина и справедливость не потерпѣли ущерба, и чтобы исторія вписала на своихъ страницахъ это дѣяніе какъ отрадное событіе въ полномъ смыслѣ этого слова. А поэтому слѣдуетъ настаивать на мысли о новомъ созданіи у насъ института патріаршаго, а не считать его возстановленіемъ прежняго, учрежденнаго не по правиламъ церковнымъ, и даже не по правиламъ простой человѣческой порядочности.

Слѣдующимъ вопросомъ, предстоящимъ собору, и могущимъ быть освѣщеннымъ историческими аналогіями, ставить авторъ вопроса объ автокефаліи отдѣльныхъ областей церковныхъ. Точнѣе сказать,—для нашего собора предстоитъ рѣшеніе вопроса о „католикосатѣ“ Грузіи. Авторъ находитъ, что для возобновленія существовавшей 100 лѣтъ тому назадъ автокефаліи Грузіи нѣтъ основаній. Съ присоединеніемъ Грузіи къ Россіи, а церкви первой къ церкви второй, автокефалія кончилась, ибо въ одномъ православномъ царствѣ не можетъ быть двухъ православныхъ церквей. Олинъ только историческій примѣръ говоритъ противъ этого. Это автокефалія церкви о. Кипра, признанная и утвержденная III в. соборомъ. Но разсмотрѣвъ исторію этой автокефаліи, нельзя не придти къ выводу, что знаменитая Кипрская автокефалія имѣетъ скорѣе отрицательное, чѣмъ положительное значеніе при рѣшеніи общаго вопроса. Самый фактъ побѣды Кипра надъ Антиохіей есть историческая случайность; ефесское опредѣленіе касательно кипрской церкви возбуждаетъ не мало недоразумѣній, а исторія этой автокефальной церкви полна превратностей: то вся церковь переселяется въ Геллеспонтъ (VII в.), то снова появляется на Кипрѣ, гдѣ подпадаетъ подъ вліяніе ложныхъ крестоносцевъ (XIII в.); затѣмъ слѣдуетъ „автокефалія магометанская“ по завоеваніи Кипра турками (въ XVI в.) съ дѣленіемъ кипріотовъ на враждующія партіи. И послѣднія извѣстія представляютъ кипрскую церковь въ слѣдующемъ видѣ: она и въ 1905 г. оставалась безъ своего предстоятеля и представителя синода—архіепископа, такъ какъ попрежнему существуетъ раздоръ между двумя партіями, каждая изъ которыхъ желаетъ избрать на архіепископскую кафедру своего кандидата. Не замѣчена и вакантна уже шесть лѣтъ митрополичья кафедра въ

¹⁾ Проф. Николаевскій. «Сношенія русскихъ съ Востокомъ» и т. д. «Христ. Чт.» 1880, т. I, стр. 129—132.

Пафѣ. Неустройствомъ церковныхъ дѣлъ въ Кипрѣ пользуются въ интересахъ пропаганды католики и протестанты.

Касаясь далѣе вопроса о церковномъ управленіи—епископскомъ, проф. Лебедевъ отмѣчаетъ, что въ древности въ избраніи епископовъ и митрополитовъ мірской элементъ принималъ болѣе широкое участіе, чѣмъ предполагается ввести теперь, а также высказываетъ пожеланіе, чтобы паствѣ предоставлено было право требовать отставки своего архіерея, какъ бывало встарину.

По вопросу о предстоящемъ на соборѣ „обсужденіи предметовъ вѣры“ авторъ говоритъ объ единственномъ пока намѣченномъ—о соединеніи старокатоликовъ съ православной церковью. Приводя нѣсколько фактовъ изъ исторіи старокатолическаго движенія, онъ находитъ возможнымъ уравнивать старокатоликовъ въ отношеніи къ православію съ еретиками-иконоборцами. Последній вопросъ, затрогиваемый статьею Лебедева,—это вопросъ о духовныхъ школахъ. Здѣсь, говоритъ авторъ, для нашего собора нѣтъ аналогій въ дѣяніяхъ вселенскихъ соборовъ. Вообще соборы были очень строги при оцѣнкѣ недостатковъ церковныхъ школы въ тогдашнемъ смыслѣ слова. Нашъ будущій соборъ долженъ сдѣлаться провозвѣстникомъ и носителемъ свѣта, гуманности и прогресса.

Въ pendant къ двумъ послѣднимъ пунктамъ статьи Лебедева можно поставить статью Керенскаго въ „Православн. Собесѣд.“ (Январь—февраль) „Американская епископальная церковь“ и замѣтку прот. Боголюбскаго въ „Богословск. Вѣстникѣ“ (февраль) „Объ административно-воспитательномъ строѣ въ духовныхъ семинаріяхъ“. Знакома читателямъ съ ученіемъ представителей американско-епископальной церкви о церкви воинствующей и торжествующей. Керенскій констатируетъ тотъ фактъ, что ученіе американскихъ богослововъ о церкви, если не во всѣхъ, то по крайней мѣрѣ въ большинствѣ частныхъ пунктовъ, существенно уклоняется отъ римско-католическаго и протестантскаго ученія и приближается къ православному ученію. Сопоставляя въ частностяхъ ученіе американцевъ съ православными, можно замѣтить, что воззрѣнія того и другого по существу церкви весьма сходны, но есть нѣкоторыя разности въ ученіи о свойствахъ церкви. Прежде всего единство церкви разграничивается на объективное и субъективное, изъ которыхъ первое основывается на исповѣданіи вѣрующихъ не только одной, но и многихъ церквей, общей канолической вѣры, общихъ практическихъ установленій, на существованіи трехсоставной іерархіи, седмиричнаго числа таинствъ и проч.;—второе основывается на существованіи между отдѣльными членами частныхъ церквей и даже цѣлыми церквами общенія. Такимъ образомъ, можетъ быть единство теоретическое и практическое, для которыхъ допускается американскимъ богословіемъ самостоятельное существованіе. Но такая мысль чужда древней христіанской церкви и оба эти единства, по православному пониманію, настолько нераздѣльны, что напр. отсутствіе призна-

ковъ второго—явно указываетъ и на несуществованіе перваго. Неправильность въ пониманіи единства церкви ведетъ къ неправильности и въ пониманіи ея каѳоличности. Американскіе богословы признаютъ, что членами каѳолической церкви являются всѣ вообще христіане, получившіе крещеніе, даже лица, лишеныя единенія съ церковью истинной. Между тѣмъ по смыслу христіанскаго Откровенія, раскрытому отцами и учителями древней нераздѣльной церкви и подтвержденному вселенскимъ соборомъ, вселенскою церковью можетъ быть признана лишь та церковь, которая содержитъ истинное ученіе. Что касается другихъ свойствъ церкви, то въ пониманіи ихъ американскими богословами нѣтъ ничего такого, противъ чего можно бы возразить съ православной точки зрѣнія. Въ ученіи американцевъ о церкви торжествующей слѣдуетъ замѣтить, что рядомъ съ положеніями, несомнѣнно правильными съ православной точки зрѣнія, встрѣчаются положенія, которыя напрашиваются на критическія замѣчанія. Признавая почитаніе святыхъ и призваніе ихъ, какъ ходатаевъ предъ Богомъ, американскіе богословы эту истину ставятъ въ ряды вселенскихъ истинъ не догматико-теоретическихъ, но практическихъ; утверждаютъ далѣе, что эта истина не имѣетъ будто-бы прямыхъ указаній за себя въ христіанскомъ Откровеніи и въ святоотеческой литературѣ до IV в., что не соотвѣтствуетъ однако истинѣ.

Не полно у американцевъ и ученіе объ иконопочитаніи. Можно думать, что они стоятъ въ данномъ случаѣ на той-же почвѣ, что и старокатолики: признавая вселенскій характеръ за опредѣленіями 7-го всел. соб., въ своихъ вѣроисповѣдныхъ книгахъ и на практикѣ обходятъ вопросъ объ иконопочитаніи. А что касается ученія о почитаніи останковъ святыхъ, то оно совершенно игнорируется американскими богословами—вопреки ученію св. отцовъ. Понятіе о чистилищахъ—у американцевъ не вполне ясное, но въ частныхъ пунктахъ, тѣсно связанныхъ съ ученіемъ о загробной жизни, нельзя усмотрѣть чего нибудь противнаго православной истинѣ. Подобное-же замѣчаніе, по мнѣнію автора, нужно сдѣлать касательно и всѣхъ вообще частныхъ пунктовъ ученія американцевъ о церкви воинствующей. Таково содержаніе еще неоконченной статьи Керенскаго, освѣщающей догматическіе вопросы, могущіе представиться для разрѣшенія нашей церкви.

Прот. Боголюбскій выступаетъ съ своей вышеназванной замѣткой, желая внести и отъ себя нѣкую лепту на дѣло обновленія нашихъ семинарій. Обновленіе хочетъ онъ видѣть не въ починкѣ только „съ разными новыми заплатами по старой матеріи“, а въ „радикальномъ преобразованіи—по духу Новаго Завѣта“.

Дѣлу воспитанія въ духъ семинаріяхъ—по мнѣнію автора—вредитъ тотъ дуализмъ, который проявляется въ существованіи двухъ начальниковъ—ректора и инспектора. Должность инспектора, какъ таковая, должна быть уничтожена, и введена вмѣсто

нея должность помощника ректора. Пусть ректоръ будетъ душой семинаріи, ея умомъ и сердцемъ, и выразителемъ наилучшихъ вождельнѣй своихъ товарищей по учебно-воспитательной службѣ. А для того, чтобы ректоръ былъ живымъ и самостоятельнымъ представителемъ ввѣреннаго ему учебно-воспитательнаго дѣла, необходимо поставить епархіальнаго архіерея въ болѣе корректныя отношенія къ семинаріи и ея корпораціи.

Къ статьямъ, освѣщающимъ путь церковнымъ реформамъ историческими примѣрами,—въ параллель съ трудомъ Лебедева,—слѣдуетъ отнести статью свящ. Чельцова „Православный приходъ съ древнѣйшихъ временъ и до нашихъ дней“. („Звонарь“. янв.—февр.). Историческій обзоръ жизни „прихода“ несомнѣнно можетъ принести большую пользу въ дѣлѣ оживленія приходской жизни въ наше время. Авторъ разсматриваетъ жизнь христіанъ въ первые три вѣка. Церковная жизнь христіанской общины за это время всецѣло опредѣлялась выясненнымъ апостолами ученіемъ о Церкви. Сѣмена христіанской жизни и братскихъ отношеній, вложенныя апостолами въ общину вѣрующихъ своего времени, послѣ нихъ не заглохли, но укрѣпились и залегли прочно. Вѣка II и III представляютъ намъ расцвѣтъ истинно-христіанскихъ отношеній въ Церкви вѣрующихъ. Авторъ останавливается въ частности на слѣдующихъ сторонахъ жизни христіанскаго общества даннаго періода: отношеніе къ іерархіи,—къ ученію, къ суду, благотворительность. Въ отношеніи къ пастырямъ была необыкновенно тѣсная близость. „Иисусъ Христосъ сдѣлалъ насъ священниками Богу Отцу Своему“, говорилъ Тертуллианъ. „Откуда епископъ и клиръ? Не изъ среды-ли всѣхъ“.... Поэтому „какое безуміе полагать, что мірянамъ дозволено то, что запрещено священникамъ; развѣ міряне не тоже, что и мы, священники“? Эта близость обусловливала съ одной стороны самое широкое право мірянъ участвовать въ избраніи себѣ пастыря, а съ другой—и право удаленія отъ себя оказавшихся, по ихъ мнѣнію, недостойными пастырей. То и другое подтверждается древними свидѣтельствами.

Вся церковная жизнь была общей, совмѣстной, согласной. Всѣ дѣла вершились публично, открыто, на виду у всѣхъ и съ общаго всѣхъ вѣдѣнія и согласія; всѣ члены церкви были въ полномъ слыслѣ членами живыми, работающими. Жизнь была жизнію соборной. Предстоятели церкви, по выраженію св. Кипріана, „собираясь съ клиромъ въ присутствіи народа, распоряжались во всемъ по общему согласію“. Многочисленныя историческія свидѣтельства устанавливаютъ фактъ широкаго участія мірянъ на соборахъ, бывшихъ въ ихъ парикіяхъ—приходахъ по вопросамъ догматическимъ, дисциплинарнымъ, богослужебнымъ. Жизнь мірянъ была полною церковною жизнію. Міряне вѣдали, вкушѣ со своими пастырями и подъ ихъ руководствомъ, всѣми сторонами церковной жизни. Они принимали участіе даже въ церковномъ учительствѣ, и тѣмъ болѣе вообще въ богослуженіи, въ которомъ народъ былъ „дѣятеленъ“.

Отношеніе древнихъ христіанъ-мірянъ къ суду церковному выражалось широкимъ ихъ участіемъ въ немъ. Они выслушивали публичную исповѣдь кающихся, принимали въ церковь, наряду съ клиромъ, тѣхъ, кто возвращался къ ихъ обществу отъ какого-либо заблужденія. Само-собой понятно, что братскія отношенія между всѣми членами церковной общины первыхъ христіанъ въ сильной степени возгрѣвали жизнь и дѣлали ее истинно-христіанскою, любовно-братскою. Эта братская любовь прежде всего и ярче всего сказалась въ дѣлахъ благотворенія. На бѣдныхъ, немущихъ членовъ общины, на сиротъ и вдовъ церковною общиною было обращено самое живое и самое любовное вниманіе, дѣло благотворенія ими почиталось первѣйшею обязанностью по отношенію къ самому Христу. Благотворительность была частная и общественная. Самые посты древняя церковь обращала въ средство благотворительности. Относительно поста, научаешь Ерма въ своемъ „Пастырѣ“, поступай такъ: въ тотъ день, въ который постишься, ничего не вкушай кромѣ хлѣба и воды, и исчисливши издержки, которыя ты сдѣлалъ-бы въ этотъ день на пищу, по примѣру прежнихъ дней, остающіяся отъ этого дня, отложи и отдай вдовѣ, сиротѣ, бѣднымъ“...

Словомъ, древнехристіанскій приходъ — паркія является предъ нами во всемъ блескѣ евангельскаго свѣта, какъ самый подлинный, самый яркій отпечатокъ въ жизни и управленіи глаголовъ живота вѣчнаго.

Изъ вопросовъ церковно-общественнаго характера, обсуждаемыхъ на страницахъ богословскихъ и церковно-общественныхъ журналовъ, отмѣтимъ вопросъ о второмъ бракѣ вдоваго духовенства. Въ „Православн. Путевод.“ напечатана статья подъ заглавіемъ „Изъ дневника вдоваго священника“ (№№ 1—5) М а т — с ка го и въ „Звонарь“ (февраль) „Къ вопросу о двоебрачїи духовенства“ (письмо въ редакцію) Вдоваго священника. Обѣ статьи рисуютъ предъ нами тяжелую картину положенія вдовца-священника, обрекаемаго существующимъ закономъ на цѣлый рядъ испытаній, терзаній, часто паденій и непосильной иногда борьбы со страстями и похотями. Авторъ „Дневника“ кончаетъ „снятіемъ сана“, котораго (снятія) впрочемъ онъ не признаетъ ¹⁾, и женитьбой; авторъ „письма“ не видитъ никакого исхода изъ тяжелаго положенія въ настоящее время (такъ какъ и снятіе сана не для всякаго легко и возможно по убѣжденію), кромѣ разрѣшенія духовенству второй разъ жениться.

Всѣ тѣ печали и тяготы жизни, кои изливаютъ авторы въ указанныхъ статьяхъ,—вполнѣ естественны и понятны въ устахъ вдовцовъ съ житейской, общечеловѣческой точки зрѣнія. Второй

¹⁾ Редакція „Путевод.“ дѣлаетъ примѣч., что она не раздѣляетъ взгляда автора на актъ «снятія сана». А мы отъ себя добавимъ, что и авторитетъ каноническаго права, покойный проф. Лашкаревъ, въ своихъ академич. лекціяхъ заявлялъ прямо, что можно запретить священнодѣйствіе, но по человѣческому желанію отнять благодать священства—не возможно.

и даже третій бракъ въ жизни людей явленіе общее,—дѣлаетъ справку „Вдовый священникъ“,—а священникъ прежде всего обыкновенный человѣкъ, стало-быть не лишенный общечеловѣческихъ правъ. Статистика,—этотъ лучший показательъ жизненныхъ интересовъ,—говоритъ, что изъ холостыхъ людей вступаетъ въ бракъ только 40⁰ 0, а изъ вдовцовъ—90⁰ 0, т. е. болѣе чѣмъ вдвое. Но священнику, разумѣется, прежде-то всего нужно сопоставлять свое поведеніе не съ житейской практикой обыкновенныхъ людей, а съ христіанскимъ идеаломъ. Каковъ-же этотъ идеаль и почему онъ отлился въ исторіи православной церкви въ форму воспрещенія брака послѣ посвященія? Съ этихъ сторонъ трактуемый вопросъ освѣщается въ двухъ статьяхъ Богословскаго Вѣстника за февраль. Это „Каноническія опредѣленія брака“ (начало ея отмѣчено нами въ предшествующей книгѣ) Громогласова и „Рукоположеніе, какъ препятствіе къ браку“ Никодима, еп. Далматинскаго (перев. съ сербскаго Л. Ранча). Еп. Никодимъ въ своей статьѣ констатируетъ, что постановленіе православной Церкви о томъ, что епископы не могутъ быть женатыми, священники и діаконы могутъ быть женатыми, повѣнчавшись лишь до посвященія, и не могутъ жениться во второй разъ,—утверждено церковью въ послѣдніе годы VII в. и не вытекаетъ непосредственно изъ ученія Св. Писанія о бракѣ священныхъ лицъ. Возникновеніе такого постановленія объясняется—по его мнѣнію—изъ воззрѣнія, какое имѣли на бракъ вообще представители церкви въ первыя времена христіанства, а также и изъ того, что во времена господства строго-энкратическихъ (воздержаніе) принциповъ весьма односторонне понять былъ совѣтъ апостола Петра, что нужно оберегать себя отъ тѣлесныхъ вождельній, которыя обуравяютъ душу. А энкратическія воззрѣнія утвердились въ ученіи отцовъ Церкви какъ естественная реакція противъ крайней моральной распущенности, царившей въ первые вѣка христіанства среди языческаго общества. Гораздо глубже вникаетъ въ вопросъ о бракѣ г. Громогласовъ. Анализируя въ напечатанномъ отдѣлѣ своего труда первую часть Модестиновой формулы, перешедшей и въ нашу Кормчую, опредѣляющей супружество какъ *coniunctio maris et feminae*, онъ приходитъ къ выводу, что идеальный взглядъ на бракъ, непосредственно вытекающій изъ самаго понятія о немъ и возвышаемый христіанствомъ, постулируетъ въ немъ моногамическій принципъ не только для настоящаго времени, но и послѣдовательно. Т. е. идеаль брака долженъ быть въ такомъ сочетаніи (не физическомъ лишь, но и психическомъ) мужа и жены, чтобы даже и смерть одного изъ супруговъ не прекращала этого союза. Вотъ гдѣ,—по словамъ автора,—источникъ въ общемъ всегда неблагоклоннаго отношенія Православной Церкви къ повторнымъ бракамъ, засвидѣтельствованнаго многочисленными памятниками христіанской письменности, начиная съ посланій апостольскихъ и продолжая нравственно-аскетическими твореніями представителей церковной мысли въ

послѣдующіе вѣка. Обиліе и настойчивость содержащихся въ нихъ наставленій, имѣющихъ цѣлью предотвратить возможность такихъ браковъ въ христіанской средѣ, выразительно свидѣтельствуешь о существованіи здѣсь прочно установившагося взгляда на нихъ, какъ на отклоненіе отъ идеальной нормы христіанскаго супружества. Правда, этотъ церковный идеальный взглядъ на бракъ не могъ быть проводимъ церковью въ жизнь ея членовъ со всею неумолимостію общеобязательнаго закона, встрѣчая себѣ ограниченіе въ справедливомъ требованіи снисхожденія къ человѣческой природѣ. Отсюда произошло, какъ снисхожденіе, разрѣшеніе второго и, какъ крайность, третьяго брака. Таковъ церковный взглядъ на идеальн бракъ. Онъ отразился и на церковно-гражданскихъ постановленіяхъ. Если мы примемъ во вниманіе этотъ идеальный взглядъ на бракъ, то намъ будетъ понятно, почему церковные каноны ограничиваютъ духовныхъ лицъ въ отношеніи брака сравнительно съ „обыкновенными людьми“. Но, — замѣчаетъ г. Громогласовъ, — и изъ этихъ каноновъ въ Восточной Церкви дѣлались въ древнія времена исключенія. „Древняя практика церкви знаетъ и здѣсь фактическія отклоненія отъ установленной нормы, которыя могли бы быть указаны, какъ историческій прецедентъ. тѣмъ, кто думаетъ, что установленіемъ большей снисходительности къ человѣческимъ немощамъ въ наши дни церковь могла бы „преуспѣть на лучшее“.

Свящ. *Аркадій Виноградовъ.*

Владиміръ Саблеръ. О мирной борьбѣ съ социализмомъ. Путевыя воспоминанія. С.-Петербургъ, 1907 г., 148 стр., ц. 90 коп.

Въ послѣднее время вышло не мало книгъ, критикующихъ социализмъ. Но онѣ остаются «гласомъ вопіющаго въ пустынѣ», въ «пустынѣ» современной жизни, дающей реальную почву для мечтаній социализма. Истинная критика не та, которая только указываетъ недостатки, но та, которая даетъ положительное вмѣсто отрицательнаго. Къ числу такихъ истинныхъ, дѣльныхъ возраженій социализму принадлежитъ разбираемое произведеніе Вл. Саблера, говорящаго отъ лица реальной жизни Запада, которую авторъ, какъ путешественникъ, изучилъ болѣе основательно, чѣмъ мы по тенденціознымъ книжкамъ. Благодаря этимъ послѣднимъ социализмъ многіе восприняли, какъ послѣднее слово науки и жизни Запада, какъ нѣчто такое, предъ чѣмъ покорно и безнадежно должны склониться прогрессивная мысль и дѣятельность. Но, ознакомься съ книгой Вл. Саблера, почерпнешь массу интереснѣйшаго матеріала: не безпочвенныхъ теорій и «отсебятины», а фактическаго серьезнаго матеріала, изъ котораго выводимъ какъ разъ обратныя заключенія и то, чему есть и должно поучиться, особенно духовенству. Мы приведемъ выдержку о «крестьянскомъ союзѣ» въ Бельгіи: изъ

нея сразу будетъ видно, какой примѣръ поведенія должно взять духовенство въ вопросѣ аграрномъ и социальномъ.

Въ Бельгii въ 80-хъ годахъ въ крупныхъ промышленныхъ центрахъ возникъ кризисъ. «Глухое недовольство охватило рабочее населенiе, стачки парализовали производство. Въ Люттихъ вспыхнулъ бунтъ. Въ окрестностяхъ Шарлеруа были разгромлены фабрики, сожжены замки, всюду свирѣпствовали опустошенiя и разбой. Возстанiе было быстро и рѣшительно подавлено, порядокъ восторжествовалъ. Но государственные люди Бельгii и друзья народа поняли, что законодательство и силы общественныя должны быть направлены къ устраненiю причинъ, вызывающихъ промышленныя кризисы, и къ упроченiю мира, этого лучшаго залога народнаго преуспѣянiя»... Бельгiйское духовенство, чутко прислушиваясь къ требованiямъ времени, пошло на встрѣчу социальнымъ требованiямъ, стало въ болѣе близкiя отношенiя къ рабочимъ и создало «крестьянскiй союзъ». Исторiя возникновенiя крестьянскаго союза весьма интересна. Инициаторомъ его былъ аббатъ Меллертсъ, человекъ рѣдкой энергii, воодушевленный искренней любовью къ народу и желанiемъ поднять его благосостоянiе.

Аббатъ Меллертсъ типичный фламандецъ, высокаго роста, крѣпко сложенный, съ выразительнымъ, нѣсколько суровымъ лицомъ. Сынъ простаго фермера, онъ выросъ въ деревнѣ и съ юныхъ лѣтъ познакомился съ тяжелыми условiями крестьянской жизни. Поступивъ въ семинарiю, онъ въ часы досуга, много занимался ботаникой. Въ 1874 г. его назначаютъ настоятелемъ въ бѣдный приходъ. Въ короткое время онъ сумѣлъ построить новую церковь, школу и священнической домъ. На его счастье, близъ церковнаго дома оказался садъ. Ботаникъ получилъ возможность, окончивъ занятiя въ церкви и школѣ, работать въ саду и производить въ немъ, къ немалому удивленiю прихожанъ, совершенно въ той мѣстности неизвѣстные опыты по химическому удобренiю почвы. Искусственное питанiе растений дало удивительные результаты. Молодой аббатъ думалъ скоро убѣдить своихъ прихожанъ слѣдовать его примѣру, но крестьяне, эти неисправимые рутинеры, никакъ не могли понять, какимъ образомъ удобренiе, не имѣющее специфическаго запаха навоза, можетъ давать питательную силу злакамъ и овощамъ. Однажды, на собранiи приходскаго общества, къ аббату обратился крестьянинъ и горько жаловался на плохое состоянiе своего поля. «Не сокрушайтесь», сказалъ ему аббатъ. «Я вамъ могу указать на хорошее средство, оно поможетъ вашей бѣдѣ, но воспользуетесь ли вы моимъ средствомъ?». «Да, отвѣчалъ крестьянинъ, если только оно не будетъ слишкомъ дорого».—Аббатъ купилъ 25 килограммовъ химическаго удобренiя съ значительнымъ содержанiемъ фосфорной кислоты. Крестьянинъ беретъ удобренiе, но недовѣрчиво качаетъ головой. Оно ничѣмъ не пахнетъ. Но къ величайшему удивленiю его сосѣдей, урожай на его удобренной

полосѣ превзошелъ самая смѣлая ожиданія. Авторитетъ Меллертса, какъ хорошаго агронома, болѣе не подвергался сомнѣнію въ его приходѣ. И отнюдь не въ ущербъ его пастырской дѣятельности. Крестьяне поняли, что, исполняя для нихъ священническія обязанности, онъ не могъ относиться безучастно къ ихъ тяжкому экономическому положенію и старался, по мѣрѣ силъ, улучшить его. Люттихскій конгрессъ 1886 г. имѣлъ рѣшающее значеніе для дальнѣйшей дѣятельности Меллертса. Хотя на этомъ конгрессѣ, вызванномъ кровавыми стачками фабричныхъ рабочихъ, почти исключительно занимались вопросами, относящимся до фабричной промышленности, но одинъ изъ участниковъ его обратилъ вниманіе и на вопросы аграрные. Онъ весьма остроумно замѣтилъ, что обыкновенно дѣти крикливыя получаютъ все, а тихія ничего. Далѣе одинъ изъ участниковъ конгресса, графъ Делозъ, сообщилъ свѣдѣнія о дѣятельности крестьянскихъ союзовъ въ Германіи. Съ напряженнымъ вниманіемъ слушалъ Меллертсъ этотъ рефератъ. Ему живо пришли на память экономическія невзгоды его прихожанъ. Припомнилось, какъ они эксплуатируются при продажѣ своихъ произведеній и при покупкѣ необходимыхъ имъ припасовъ; насколько они, упрямые рутинеры, безразсудно сохраняютъ прежніе способы воздѣлыванія земли, и какъ они беззащитны, когда ихъ поле постигаетъ какое-либо нежданное бѣдствіе, вродѣ града или наводненія. Ему захотѣлось помочь этимъ бѣднымъ людямъ выйти изъ того одиночества, въ которомъ они всегда будутъ страдать по своей слабости. Захотѣлось Меллертсу устроить въ своемъ приходѣ Крестьянскій Союзъ по образцу союзовъ, столь удачно дѣйствующихъ въ Прирейнскихъ провинціяхъ. Возвратясь изъ Люттиха въ свое село Гооръ, онъ поспѣшилъ собрать своихъ прихожанъ, подробно ознакомилъ ихъ съ хорошими сторонами старыхъ гильдій, умѣвшихъ ограждать нравственные и матеріальные интересы своихъ членовъ, сообщилъ о прекрасныхъ результатахъ, достигнутыхъ въ Германіи земледѣльческими ассоціаціями, и предложилъ устроить нѣчто подобное и въ ихъ селеніи. „Это все прекрасно, отвѣтили ему его прихожане, но все это было очень хорошо въ былыя времена, а теперь люди не тѣ. Нынче всякій хочетъ работать только для себя, а сосѣду вольно самому разбираться въ своей бѣдѣ“.

„Но развѣ вы, какъ добрые христіане, не захотите помочь сосѣду, чѣмъ можете“, возразилъ аббатъ.

„Конечно можемъ, но только повѣрьте, дѣло ваше не увѣнчается успѣхомъ“.

„Ну, нѣтъ, я все таки хочу начать дѣло, пусть желающіе изъ среды вашей послѣдуютъ за мной“.

Прихожане очень любили аббата и не захотѣли слишкомъ его огорчить. Семь человѣкъ, безъ особой охоты, примкнули къ нему. Союзъ этотъ немедленно получилъ громкое наименованіе „Voergild“ крестьянской корпораціи. Вскорѣ, вслѣдъ за

тѣмъ, былъ составленъ и уставъ этой ассоціаціи. Отъ общаго типа синдиката эта крестьянская гильдія отличается своимъ религіознымъ характеромъ. Въ дни собраній члены гильдіи идутъ въ церковь и оттуда въ свою гильдію. На собраніяхъ обыкновенно разсматриваются всѣ вопросы, имѣющіе какой либо интересъ для крестьянъ, обсуждаются способы улучшенія обработки земли и полученія болѣе обильныхъ урожаевъ.

Такимъ образомъ «мирное возрожденіе крестьянства къ новой экономической жизни шло въ разрѣзъ съ излюбленными идеями социализма о классовой борьбѣ. Неизбѣжная пролетаризація массъ, этотъ неопровержимый догматъ былъ съ очевидной наглядностію поколебленъ крестьянскимъ союзомъ. Члены крестьянскихъ гильдій, пользуясь благодаря союзу большимъ достаткомъ, не могли не оцѣнить всѣхъ благъ свободнаго пользованія собственностью. Извлекая, благодаря хорошей организаціи союза, больше выгодъ отъ своего хозяйства, они достигли большей степени довольства, сбереженія ихъ съ каждымъ годомъ все болѣе возрастали, и несомнѣнныя блага современной жизни они не захотѣли промѣнять на сомнительное счастье гадательнаго коммунизма».

Такова, по мысли автора, мирная борьба съ социализмомъ, «Господствующія нынѣ въ социализмѣ ученія прямо враждебны христіанству, а потому и названіе попытки примирить социализмъ съ Евангеліемъ—христіанскимъ социализмомъ, представляется неправильнымъ. Нельзя отождествлять въ одномъ наименованіи два враждебныя взаимно исключаются понятія. Но изъ этого не слѣдуетъ, что, съ точки зрѣнія христіанской, социальныя вопросы не могутъ быть рѣшаемы въ смыслѣ для трудящагося и обездоленнаго человѣчества благопріятномъ».

Другое дѣло, конечно, насколько примѣръ кооперативныхъ обществъ можетъ быть предметомъ непосредственнаго подражанія при другихъ условіяхъ—у насъ, въ Россіи, но формы измѣнчивы, а идеи постоянны, и почтенный авторъ дѣлаетъ цѣнный вкладъ въ критическую литературу о социализмѣ, правильно подчеркнувъ, что только личная энергія и любовь «къ меньшему брату» пастырей народа, подобныхъ аббату Меллертсу, можетъ создать такую нравственную и матеріальную почву, на которой сами собой отъ недостатка питанія исчезнутъ разрушители и «критики» культуры.

К.

Миссіонерство, старообрядчество и секты.

Изъ жизни тамбовской противосектантской миссіи за 1906 годъ.

Изъ жизни тамбовской противосектантской миссіи за минувшій 1906 годъ заслуживаютъ, общаго вниманія два отраднѣхъ факта, именно: устройство миссіонерскаго союза пастырей-сосѣдей изъ сель—Митрополья, Черновки, Коровина, Грибоѣдова и Бондарей и устройство противосектантскихъ миссіонерскихъ курсовъ въ ономъ изъ центровъ баптизма, въ сельъ Пановы Кусты, Тамбовскаго уѣзда, съ 15 ноября по 6 декабря.

Обстоятельства дѣла устройства миссіонерскаго союза пастырей-сосѣдей таковы.

О. о. приходскіе пастыри упомянутыхъ сельъ, собравшись у одного изъ дѣятельныхъ работниковъ на нивѣ Христовой, священника с. Митрополья о. Петра Благонадеждина, 27 февраля братски бесѣдовали о томъ, что необходимо предпринять въ дѣлѣ приходской миссіи въ настоящее время—при дѣйствиіи закона о вѣротерпимости. Для всѣхъ было ясно, что нужно работать и работать дружно, сообща, объединившись. Подумали, да и рѣшили слѣдующее.

Въ виду повсемѣстнаго совершеннаго шатанія умовъ, упадка и нравовъ и свободы вѣроисповѣданій, руководствуясь указомъ св. синода, отъ 1900 года 26 мая за № 5, объ устройствѣ миссіонерскихъ кружковъ, священники ближайшихъ приходоу къ селу Митрополью, Тамбовскаго уѣзда, согласились между собою, для болѣе успѣшной работы въ пользу православія и для рациональной борьбы съ мѣстнымъ сектантствомъ, образовать «Окружной миссіонерскій Митропольскій Союзъ» съ такими задачами: 1) постепенно улучшать и развивать церковно-общественную службу, общественно-приходскія моленія, мѣстныя празднества, крестные ходы, обще-церковное пѣніе въ видахъ привлеченія народа къ храму; 2) при дѣятельной поддержкѣ миссіонерскаго братства ознакомлять населеніе своихъ приходоу, чрезъ раздачу брошюръ, выпуску книгъ, устройство чтеній, собесѣдованій и педагогическихъ ежемѣсячныхъ окруж-

ныхъ собраній всѣхъ членовъ союза, съ ученіемъ православной церкви и политическими способами борьбы съ сектантствомъ; 3) привлекать въ члены миссіонерскаго союза, кромѣ постоянныхъ членовъ причта, прихожанъ, отличающихся усердіемъ къ церкви, благочестіемъ, благоразуміемъ и ревностью въ защитѣ своего упованія; 4) стремиться къ осуществленію постановленія чрезвычайнаго засѣданія Училищнаго при св. синодѣ совѣта 1898 года августа мѣсяца о томъ, чтобы все учебно-воспитательное дѣло въ сектантскихъ селахъ, въ особенности закона Божія, было поставлено въ связи съ цѣлями миссіонерства; 5) устраивать, при матеріальной поддержкѣ миссіонерскаго, Братства періодическіе курсы при церковныхъ школахъ Митропольскаго района съ практическимъ полемически-миссіонерскимъ характеромъ, подъ руководствомъ епархіальнаго миссіонера. Постановили: просить епархіальнаго миссіонера Михаила Ивановича Третьякова ходатайствовать предъ его преосвященствомъ, преосвященнѣйшимъ Иннокентіемъ, объ утвержденіи «Окружнаго Митропольскаго миссіонерскаго союза» для исполненія вышеизложенныхъ задачъ.

Епархіальный миссіонеръ М. Третьяковъ, частно говорившій прежде съ нѣкоторыми о. о. приходскими пастырями о необходимости большаго объединенія приходскихъ силъ для борьбы съ сектантствомъ, вошелъ къ его преосвященству со специальнымъ докладомъ по этому дѣлу.

Указавъ на желаніе о. о. приходскихъ пастырей—образовать изъ себя союзъ пастырей-сосѣдей для рациональной борьбы съ сектантствомъ ихъ приходовъ, епархіальный миссіонеръ просилъ преосвященнѣйшаго Иннокентія благословить и слѣдующія его пожеланія относительно работы этого союза:

- 1) о. о. приходскіе пастыри сѣзжаются вмѣстѣ поочередно въ каждомъ изъ упомянутыхъ селъ;
- 2) для бесѣдъ съ сектантами собираются по возможности—всѣ;
- 3) предъ бесѣдами соборно служатъ молебенъ объ обращеніи заблудшихъ, рекомендованный Св. Синодомъ;
- 4) о. о. приходскіе пастыри вліяютъ съ своей стороны на остальныхъ членовъ причта въ необходимости разумнаго (въ чтеніи и пѣніи) участія въ этомъ дѣлѣ;
- 5) о. о. приходскіе пастыри располагаютъ и возбуждаютъ прихожанъ къ общему пѣнію на молебнахъ предъ открытіемъ бесѣдъ съ сектантами.

27 августа 1906 года на докладѣ епархіальнаго миссіонера М. Третьякова, преосвященный Иннокентій положилъ такую резолюцію:

«Благословляется устройство миссіонерскаго союза изъ пастырей селъ: Митрополя, Чернавки, Коровина, Грибоѣдова и Бондарей. Желая ему успѣховъ въ великомъ дѣлѣ миссіонерства. Предположенія г. миссіонера одобряются. Епископъ Иннокентій».

Такъ сочувственно встрѣтилъ мысль о союзѣ пастырей-сосѣдей мѣстный владыка. Да много и нельзя было ожидать отъ чуткаго архипастыря, бывшаго дѣятеля на противосектантской миссии еще въ Харьковской епархіи (въ званіи Сумскаго викарія), дѣятеля, вынесшаго на своихъ плечахъ знаменитое павловское дѣло, а на Тамбовской каедрѣ заявившаго себя горячимъ поборникомъ миссии, защитникомъ высокаго ея положенія среди епархіальныхъ учреждений. Владыка всегда и вездѣ цѣнилъ институтъ епархіальныхъ миссіонеровъ и заботился объ улучшеніи и матеріальнаго, и правового положенія. Подъ покровительствомъ и руководствомъ такого просвѣщеннаго и чуткаго къ нуждамъ и запросамъ миссии архипастыря миссіонерамъ радостно трудиться и легко переносить всѣ тѣ невзгоды, которыми такъ скорбна миссіонерская служба.

Вскорѣ послѣ открытія союза пастырей-сосѣдей упомянутыхъ пяти селъ къ нему присоединились и другіе о.о. приходскіе пастыри-сосѣди. Въ настоящее время въ этомъ союзѣ числятся около 10 пастырей съ прочими членами причта, діаконами и псаломщиками. Нельзя не порадоваться за всѣхъ, вступившихъ въ названный союзъ съ цѣлью рациональной борьбы съ сектантами мѣстныхъ приходовъ. За послѣднее время эти сектанты особенно воспрянули духомъ. Они выписываютъ молоканскій журналъ «Духовный Христіанинъ». У нихъ же есть и «Молоканскій Вѣстникъ», издававшійся Н. Ф. Кудиновымъ, а также и книги послѣдняго, напр., «Столѣтіе молоканства въ Россіи. 1805—1905» г.г. (гдѣ, между прочимъ, говорится о «началѣ и происхожденіи молоканства», объ «ученіи молоканъ», о «сѣздѣ молоканъ въ с. Воронцовкѣ» и дается «полный молитвенникъ»). Но что особенно интересно, одинъ изъ главарей мѣстнаго молоканства (изъ с. Чернавки, Т. Ф. Гавриловъ) написалъ въ молоканскомъ журналѣ «Духовный Христіанинъ» нѣсколько статей по вѣроученію своихъ единомышленниковъ. Мало того, указанный начетчикъ издалъ отдѣльными оттисками свои статьи и распространяетъ ихъ среди мѣстныхъ молоканъ. Намъ пришлось видѣть, напр., отдѣльнымъ оттискомъ его статью подъ заглавіемъ—«Ученіе о нерукотворенныхъ храмахъ и поклоненіи Богу въ духѣ истины». Эта брошюра отпечатана крупнымъ шрифтомъ, крупнѣе того шрифта, каковымъ эта вещь напечатана въ «Духовномъ Христіанинѣ». Еще маленькая разница: отдѣльная брошюра не имѣетъ указанія на ея автора, тогда какъ въ журналѣ та-же самая статья подписана словами: «Чернавка, Тамбов. губ., Т. Ф. Гавриловъ». Почему понадобилось послѣднему скрывать свое имя въ отдѣльныхъ оттискахъ своихъ (своихъ-ли только, вотъ вопросъ) сочиненій, это—его тайна.

Въ силу всего этого нельзя не привѣтствовать народившійся союзъ пастырей-сосѣдей с. Митрополья, Чернавки, Коровина, Грибоѣдова, Бондарей и слѣдуетъ пожелать, чтобы тамбовскій починъ не остался единственнымъ. Выдвигаемая современными

обстоятельствами миссіонерскія противосектантскія цѣли и задачи такъ сложны, что необходима борьба объединенными силами.

До 1907 года союзъ имѣлъ 6 собраній; изъ нихъ три редакціонныхъ и три исполнительныхъ. На редакціонныхъ вырабатывалась сообща программа предстоящаго исполнительнаго собранія. На исполнительныхъ собраніяхъ велись бесѣды съ сектантами въ томъ селѣ, какое было назначено собраніемъ редакціоннымъ. Въ виду того, что начетчикъ Гавриловъ живетъ въ Чернавкѣ, рѣшено было обратиться особенное вниманіе на это село. И вотъ въ немъ уже было устроено двѣ бесѣды. По обычаю, сектанты-главари не пожаловали на бесѣду. Въмѣсто себя выставили такихъ (конечно, намѣренно), про которыхъ сами сектанты потомъ говорятъ, что они «не особо толковы и не могутъ защищать молоканское упованіе; понятно, что они не смогли защитить его».—Эти бесѣды показали, между прочимъ, и то, какое значеніе приписываютъ рядовые мѣстные молокане трудамъ своего начетчика-писателя. Когда шла рѣчь о причащеніи, то молоканинъ, вызвавшійся защищать свое упованіе, не отъ себя говорилъ, а читалъ изъ «Духовнаго Христіанина» № 6 статью Гаврилова—«Плоть не пользуется ни мало» (стр. 19—31). Эту статью авторъ оканчиваетъ такимъ заявленіемъ: «итакъ, мы доказали, что причащается плоти и крови Сына Человѣческаго только тотъ, кто принимаетъ съ любовью въ сердце свое слова Его и соблюдаетъ ихъ».

За послѣднее время митропольскій союзъ имѣетъ намѣреніе приступить къ детальной критикѣ молоканскаго ученія. Съ этою цѣлью всѣмъ «союзникамъ» предполагаютъ взять отдѣльныя темы, напр.: о томъ, есть-ли обряды у духовныхъ христіанъ, нравственное—бытовое ученіе мѣстныхъ молоканъ, ихъ понятіе о догматахъ и обрядѣ, значеніе того и другого въ дѣлѣ религіи. Мы особенно настаиваемъ на необходимости детального разсмотрѣнія послѣднихъ двухъ вопросовъ. И вотъ именно почему. Въ частной бесѣдѣ съ двумя начетчиками мѣстныхъ молоканъ (с. Чернавки и с. Митрополя) намъ пришлось выслушать поразительныя сужденія о томъ, что „разность въ вѣрѣ—ничто, была-бы любовь; все дѣло въ любви; а о томъ беспокоиться, что одинъ признаетъ Иисуса Христа за Бога, а другой отрицаетъ, третій отвергаетъ второе пришествіе, признавая Христа за Бога, четвертый отвергаетъ догматъ о Св. Троицѣ,—не стоитъ, это не важно; только-бы любовь была между этими разновѣрцами“. Наши собесѣдники, говоря объ этомъ, ссылались на № 2 „Духовнаго Христіанина“ за 1906 г. А въ этомъ № въ статьѣ „Фундаментъ нашего молоканства“ проповѣдуется слѣдующее: „настоящій духовный христіанинъ не можетъ сказать ближнему своему: ты—мнѣ не братъ, ты—погибшій челоуѣкъ, ибо у тебя убѣжденія, несогласныя съ моими; иди отъ меня“. Далѣе: „различія“ въ религіозныхъ убѣжденіяхъ „не мѣшаютъ намъ (молоканамъ) считать другъ друга братьями

и имѣть общеніе другъ съ другомъ во имя любви, которая выше всякой вѣры“.

Съ особеннымъ удовольствіемъ привѣтствуемъ мы это благое начинаніе „союзниковъ“. Труды „союзниковъ“ будутъ направляемы въ существующую при братствѣ издательскую комиссію, задача которой (по § 43 устава Братства)—„изданіе листовъ и брошюръ миссіонерскаго и вообще религіозно-поучительнаго и религіозно-общественнаго содержанія“. Значеніе этихъ листовъ и брошюръ съ детальнымъ разборомъ молоканскаго (мѣстнаго—въ особенности) ученія, несомнѣнно. Нѣтъ лучше пропаганды, какъ путемъ печатнаго слова. Книга, брошюра и листокъ всегда съ читателемъ, а проповѣдникъ, учитель, миссіонеръ временно.

Въ заключеніе нужно отмѣтить, что постановленіе 5-го тамбовскаго миссіонерскаго съѣзда (бывшаго въ январѣ 1906 г.), повидимому, не остаются на бумагѣ, а по мѣстамъ проводятся въ жизнь. Пріятно отмѣтить такое обстоятельство, особенно въ настоящее время, когда то и дѣло слышатся такія рѣчи: „Русская Церковь задремала“... „Русская Церковь умерла“... „Пастыри ея спятъ“... Нѣтъ! Живъ Христосъ, жива и Церковь Русская! Ибо непреложно слово Спасителя: „Я живу, и вы будете жить“ (Іоан. Евангл. 14 гл. 19 ст.). Не остались гласомъ вопіющаго въ пустынѣ и слова преосвященнаго Иннокентія на одномъ изъ протоколовъ съѣзда миссіонерскаго: „Расколъ подымаетъ голову, оживаетъ сектантство. Неужели намъ, православнымъ пастырямъ, скажетъ Господь, какъ нѣкогда Апостоламъ въ саду Геосиманскомъ: „Спите прочее и почивайте“ (Мѡ. XXVI, 45).

„Слава Богу за все“,—говорилъ св. Іоаннъ Златоустъ. Слава Богу,—скажемъ мы,—за то, что ревность у пастырей приходскихъ-сельскихъ по Бозѣ хоть и не у всѣхъ, а все таки у многихъ есть и эти идутъ за плугомъ, не оглядываясь назадъ! Въ добрый часъ! Богъ въ помощь!..

Т. М.

Миссіонерско-просвѣтительное братство.

Въ виду объявляемыхъ въ государствѣ началъ вѣротерпимости и свободы совѣсти Епархіальное Богородично-Серафимовское Миссіонерско-Просвѣтительное Братство, учрежденное при Тамбовской каѳедрѣ, ставитъ себѣ слѣдующія задачи: защита православія отъ сектантовъ, старообрядцевъ и вообще инославныхъ, а также евреевъ, магометанъ и другихъ иновѣрцевъ и распространеніе между ними православной христіанской вѣры и религіозно-нравственное, въ духѣ православной церкви, просвѣщеніе народа.

Для достиженія названныхъ цѣлей братство собираетъ свѣдѣнія о состояніи въ епархіи сектъ, старообрядчества, инославія,

иновѣрія и о положеніи въ ней миссіонерскаго и церковно-просвѣтительнаго дѣла; ведетъ и поддерживаетъ внѣбогослужебныя и религіозныя чтенія и собесѣдованія; оказываетъ всяческое содѣйствіе миссіонерамъ епархіальнымъ, окружнымъ и инымъ; поддерживаетъ и устраиваетъ церковныя школы или миссіонерскіе уроки въ нихъ, преимущественно въ мѣстностяхъ, угрожаемыхъ сектами, старообрядчествомъ, инославіемъ и иновѣріемъ; распространяетъ книги Священнаго Писанія, а равно и издаетъ и распространяетъ книги, брошюры и листки миссіонерскаго и вообще религіозно-поучительнаго и религіозно-общественнаго содержанія, для чего имѣетъ у себя: а) свою торговлю книгами и иконами и б) особую издательскую комиссію; имѣетъ свою библіотеку книгъ миссіонерскихъ, богословскихъ и иныхъ, а также содѣйствуютъ пополненію такими книгами библіотекъ церковныхъ, школьныхъ и другихъ; заботится объ утвержденіи новообращаемыхъ; содѣйствуетъ благоустройству и благолѣпію бѣдныхъ церквей, особенно въ приходахъ единовѣрческихъ и зараженныхъ сектами, старообрядчествомъ, инославіемъ и иновѣріемъ; содѣйствуетъ церковно-приходскимъ совѣтамъ въ удовлетвореніи ихъ религіозно-просвѣтительныхъ нуждъ; вообще всѣми законными способами поддерживаетъ миссіонерское и церковно-просвѣтительное дѣло епархіи.

Матеріальныя средства Братства состоятъ: изъ членскихъ взносов и добровольныхъ пожертвованій деньгами и имуществомъ движимымъ и недвижимымъ; изъ процентовъ съ основнаго капитала Братства; изъ доходовъ съ домовъ, книжной торговли и вообще имущества Братства.

Бесѣда прав. миссіонера съ раскольниками.

(Корреспонденція изъ с. Спасскаго, Нижегородск. губерніи.)

Въ с. Спаскомъ, мѣстный житель Петръ Матяевъ, послѣдователь австрійскаго священства, послѣ объявленія свободы вѣроисповѣданія, построилъ на своей усадьбѣ каменную церковь съ деревянною колокольнею. Такъ какъ австрійцевъ въ нашемъ селѣ незначительное количество, то Матяевъ, для увеличенія послѣдователей своего согласія, нерѣдко приглашаетъ для собесѣдованія съ православными и съ старообрядцами поморскаго согласія извѣстныхъ въ австрійскомъ расколѣ начетчиковъ—Перетрухина, Варакина, Вадыгина и друг. На этихъ собесѣдованіяхъ, мѣстные поморскіе начетчики всегда оказывались слабыми въ защитѣ своего положенія по сравненію съ защитниками австрійцевъ. Это обстоятельство побудило мѣстныхъ безпоповцевъ-поморцевъ пригласить въ с. Спасское для защиты свего упованія извѣстнаго въ безпоповщинскомъ мѣрѣ начетчика Л. Э. Пичугина. Матяевъ, для собесѣдованія съ Пичугинымъ, выписалъ начетчика Варакина. Полемическое собесѣдо-

ваніе между этими двумя раскольническими начетчиками происходило два дня, 6 и 7 мая, въ австрійской церкви, при многочисленномъ стеченіи жителей окрестныхъ селъ и деревень поморскаго и австрійскаго согласій. Въ числѣ слушателей, разумѣется, много было и православныхъ. На первой бесѣдѣ, 6 мая, предметомъ собесѣдованія былъ вопросъ объ австрійскомъ священствѣ, а на второй, 7-го мая,—о перекрещеваніи поморцами крещенныхъ во имя Св. Троицы. На той и другой изъ этихъ бесѣдъ присутствовалъ и мѣстный православный священникъ, о. А. Кавлейскій. По вопросу о законности австрійскаго священства. Пичугинъ сдѣлалъ Варакина совершенно безотвѣтнымъ, обстоятельно доказавъ несостоятельность поповщинской іерархіи; а по вопросу о перекрещеваніи поморцами, у Пичугина вышло нѣсколько слабѣе, хотя нельзя не сказать, что и въ обсужденіи даннаго вопроса Варакинъ не нанесъ пораженія своему противнику. Безпоповцы, ободренные удачными собесѣдованіями Пичугина съ Варакинымъ, сдѣлали послѣ того присутствовавшему на бесѣдахъ православному священнику о. Кавлейскому заявленіе о желаніи бесѣдовать и съ православными. По примѣру безпоповцевъ, и Варакинъ съ своей стороны выразилъ такое же желаніе тому же о. Кавлейскому, О. Кавлейскій, состоящій предсѣдателемъ мѣстнаго отдѣленія братства Св. Креста, принялъ вызовъ раскоучителей. Объявлены были собесѣдованія съ ними на 8, 9 и 10 мая, которыя и состоялись въ православномъ храмѣ. Первую бесѣду велъ съ Пичугинымъ о. Кавлейскій по вопросу о необходимости и вѣчности въ Христовой церкви священства. Вторая и третья бесѣды произведены были съ Варакинымъ по вопросу объ «уничтоженіи» поповщинскими «епископами» Окружнаго Посланія и о причинахъ первоначальнаго отступленія старообрядцевъ отъ Христ. Церкви. Эти послѣднія велъ, со стороны православныхъ, епархіальный миссіонеръ Ѡ. Кругловъ. На всѣхъ бесѣдахъ слушателей было очень много, какъ поморцевъ, такъ и австрійцевъ. Особенно много поморцевъ было на бесѣдѣ 8-го мая; въ числѣ ихъ не менѣе десятка было поморскихъ наставниковъ, прибывшихъ съ разныхъ сторонъ. Присутствіе столь большаго количества поморскихъ наставниковъ на собесѣдованіяхъ въ православномъ храмѣ—явленіе исключительное.

Заслуживаетъ вниманія слѣдующее обстоятельство. Во время собесѣдованія о. Кавлейскаго съ Пичугинымъ, 8 мая, заявился въ православный храмъ слушать бесѣду старообрядческой «епископъ» Иннокентій Усовъ, пріѣхавшій въ Спасское на «Николу». Одѣтъ былъ Иннокентій въ монашеское одѣяніе, имѣя на головѣ иноческій «куклій», нѣчто вродѣ православной скуфьи, который Усовъ не снялъ и въ храмѣ. Православные миссіонеры, соблюдая должную вѣжливость, предоставили поповщинскому «епископу» мѣсто сидѣть въ храмѣ наряду съ безпоповщинскими наставниками. Но оказалось потомъ, что присутствіе поповщинскаго «епископа» въ «кукліѣ» сильно оскорбило рели-

гіозное чувство православныхъ прихожанъ. Они, по окончаніи собесѣдованія, категорически заявили настоятелю храма о. Николаю Золотницкому, чтобы «епископъ» Иннокентій, если пожелаетъ придти и на слѣдующую бесѣду, непременно снималъ въ православномъ храмѣ свою «шапку», какъ они называли поповщинскій «куклій», и что если православные священники и на слѣдующій день дозвоятъ Усову сидѣть въ православномъ храмѣ «въ шапкѣ», то они будутъ на нихъ жаловаться. «Мы не признаемъ австрійскаго архіерейства,—категорически заявили православные прихожане,—и потому для насъ оскорбительно видѣть лжеепископа раскольничьяго въ нашемъ храмѣ въ шапкѣ». Нѣкоторые изъ прихожанъ такого же рода заявленіе сдѣлали потомъ о. Николаю и на бумагѣ. Въ виду сейчасъ сказаннаго, о. Н. Золотницкій тотчасъ же послалъ Иннокентію Усову записку, въ которой просилъ, что въ случаѣ, если онъ пожелаетъ слушать и слѣдующія бесѣды, то, во избѣжаніе могущей быть неприятели, являлся бы въ храмъ съ непокровенною главою. Понятно, послѣ такого предупрежденія, на слѣдующія бесѣды Усовъ уже не являлся. А Варакинъ, по окончаніи собесѣдованія 10-го мая, заявилъ православному священнику, что они, поповцы, по поводу недозволенія поповщинскому «епископу» быть въ православномъ храмѣ «въ шапкѣ» составятъ и отпечатаютъ особую брошюру.

Описанное отношеніе православныхъ прихожанъ къ факту присутствія Иннокентія Усова въ храмѣ въ иноческомъ «кукліѣ» достаточно говоритъ о томъ, какое значеніе имѣютъ поповщинскіе «епископы» въ глазахъ простаго православнаго народа.

№

Старообрядецъ обличаетъ своего «архіепископа».

Старообрядецъ австрійскаго толка А. Ф. Курносоевъ обратился въ нашу редакцію съ просьбою напечатать его обличительное письмо къ московскому старообрядческому «архіепископу» Іоанну. Случай знаменательный. Камни возопили...

Кому не извѣстна похвальба большихъ и маленькихъ старообрядческихъ начетчиковъ, при бесѣдахъ съ православными миссіонерами, чтовъ ихъ «старообрядческой церкви» все обстоитъ болѣе чѣмъ благополучно, что все въ ней совершается истово и по чину. И кому равнымъ образомъ не приходилось слышать на этихъ бесѣдахъ начетническаго похуленія на православную церковь,—что въ ней «все скверно и неблагочестно». Сообщенія православныхъ писателей о безобразіяхъ въ религіозной жизни раскола начетчиками отвергались и отвергаются, какъ якобы пристрастныя, а указанія этихъ же писателей на нѣкоторые непорядки въ православной церкви начетчиками, при всякомъ удобномъ и неудобномъ случаѣ, выкрикивались въ защиту раскола, какъ «достопріятнѣйшія свидѣтельства отъ врагъ». По-

казанія самихъ старообрядцевъ о безчиніи въ ихъ толкѣ—рѣдкость. И это понятно. Фанатичные охранители всякихъ безобразій раскольничьяго «древляго благочестія», самымъ строгимъ образомъ блюдутъ въ этомъ случаѣ своего рода «дисциплину аркана»: осмѣлся старообрядецъ на бесѣдѣ или печатно сообщить во всеуслышаніе о безчинствахъ въ религіозной жизни своего «согласія», его неминуемо ждетъ анаѣма отъ своего общества, по приговору его столповъ, и анаѣма не какъ пустое слово, а со всѣми ея реальными карами не только на религіозную, но и обыденную жизнь «предателя», «сообщника никоніанскаго» и «еретика»... Въ этомъ, между прочимъ, и заключается одна изъ причинъ того явленія, что старообрядецъ, чистосердечно и исповѣднически ищущій подлинно Христовой церкви, блуждаетъ по лабиринту раскольничьяго тартара, переходя отъ одного толка къ другому съ душевными муками и терзаніями совѣсти, пока наконецъ, милостію Божіею, не возведетъ своихъ духовныхъ очей отъ темнаго раскольничьяго «дна»—«горѣ»—къ свѣту святаго православія.

Что же ожидаетъ старообрядца, который обращается съ обличеніемъ къ папѣ своего упованія чрезъ православный миссіонерскій журналъ! Какъ мыслить «Миссіонерское Обозрѣніе» о расколѣ вообще и австрійскомъ въ частности, читатели нашего журнала знаютъ; извѣстно это и руководителямъ старообрядческихъ толковъ, а чрезъ нихъ и рядовымъ старообрядцамъ. И тѣмъ не менѣе что же? Старообрядецъ австрійскаго согласія обращается къ своему «архіепископу» Іоанну Картушину съ обличеніемъ чрезъ «Миссіонерское Обозрѣніе». Видимо, правда громко заговорила въ немъ и онъ, повинувшись ея голосу, уже не смущается предъ возможными для него послѣдствіями письма-обличенія со стороны коноводовъ австрійской «церкви». А высказаться ему гдѣ-либо, помимо православнаго миссіонерскаго журнала, едва-ли найдется. О старообрядческихъ изданіяхъ нечего и говорить: тамъ его письмо-обличеніе просто-на-просто подверглось бы уничтоженію. Въ свѣтской печати и академически-богословской его не сочли бы важнымъ и достойнымъ помѣщенія; а между тѣмъ оно имѣетъ серьезное значеніе, какъ показатель церковнаго «благочинія» въ австрійщинѣ и религіознаго настроенія австрійской паствы: кому же, какъ извѣстно нашимъ читателямъ, «Миссіонерское Обозрѣніе», въ интересахъ очищенія и оздоровленія православной церкви отъ случайныхъ недуговъ, не стѣсняется обнажать раны и въ своемъ духовенствѣ.

Вотъ письмо старообрядца А. Ф. Курносова.

М. Г. Господинъ Редакторъ.

Позвольте чрезъ посредство вашего журнала «Миссіонерское Обозрѣніе» обратиться къ старообрядческому архіепископу Іоанну со слѣдующими вопрошеніями.

Высокопреосвященнѣйшій Владыко Іоаннъ.

Насколько я терпѣлъ всѣ гнусности нашего батюшки отца Григорія Симеоновича Юдина, я полагаю излишнимъ вамъ объ этомъ писать, такъ какъ вы и безъ меня освѣдомлены чрезъ прошеніе и донесеніе нашихъ прихожанъ. Я ждалъ, что не сегодня, такъ завтра послѣдуетъ ваше распоряженіе относительно о. Григорія, но надежда моя меня обманула, и терпѣніе мое лопнуло и я чрезъ посредство журнала «Миссіонерское Обозрѣніе» осмѣливаюсь васъ спросить.

1-е. Владыко Іоаннъ, скажите, пожалуйста, по архіерейской правдѣ, сознательно-ли вы рукоположили изъ діаконовъ рогожскаго кладбища во пресвитеры отца Григорія Симеоновича Юдина, какъ завѣдомага пьяницу съ синими очами?

2-е. Если сознательно, то какими правилами святой церкви вы руководствовались, возводя пьяницу на высокую священническую степень? Если несознательно, то какими свѣдѣніями вы при поставленіи его пользовались?

3-е. Почему до сихъ поръ нѣтъ съ вашей стороны никакого распоряженія или увѣдомленія нашей паствы по дѣлу о нашемъ батюшкѣ, ошарившемъ всѣ шинки и питейные дома, и неоднократно являющемся за церковную службу съ сивухой?

4-е. Почему при поставленіи васъ во архіепископы вы обѣщались назидать паству, и не назидаете, а вмѣсто себя посылаете отца Іпатія, собутыльника нашему батюшкѣ, и почему попы вашей епархіи служатъ не въ своихъ приходяхъ?

5-е. Долго-ли намъ терпѣть нареканія со стороны иновѣрныхъ за грязное поведеніе нашего батюшки?

Прошу вашего архіпастьрскаго благословенія.

Прихожанинъ старообрядецъ А. Ф. *Курносовъ*, дер. Шувой, Моск. губ., богор. уѣзда».

Будемъ ждать, что отвѣтитъ на это письмо Іоаннъ Картушинъ или его секретари. А пока-что скажемъ лишь, что безобразія въ австрійщинѣ—«плоть отъ плоти и кость отъ костей» устроенія бѣлокриницкаго священства. Возникло оно на почвѣ попраанія слова Божія, церковныхъ каноновъ и челоуѣческаго стыда и порядочности: корни его въ обманахъ и подлогахъ искателей архіерейства—иноковъ Павла и Алимпія, въ симоніанскомъ продажничествѣ бѣлаго запрещеннаго митр. Амвросія, отрекшагося отъ церковныхъ каноновъ и изъ-за «сребренниковъ» проклявшаго св. Церковь, и въ пособничествѣ за тѣхъ старообрядцевъ—найти себѣ архіерея—со стороны поляковъ, турокъ и чиновниковъ австрійскаго правительства. И вотъ—каково дерево, таковы и плоды...

Г-на же А. Ф. Курносова усерднѣйше просимъ сообщить намъ о послѣдствіяхъ его письма къ «высокопреосвященнѣйшему владыкѣ» и исповѣднически стоять за правду о Христовой церкви.

Н. Гринякинъ.

Вопль единовѣрцевъ.

Новые вѣроисповѣдныя законы не дали особыхъ радостей облагодѣтельствованному расколосектантству, но за то велию скорбь вызвали среди православнаго населенія, стонущаго отъ закона вѣроисповѣдной свободы. Одинъ изъ такихъ стонувъ и воплей на дняхъ вырвался изъ груди черниговскихъ единовѣрцевъ, поѣдаемыхъ разнузданнымъ расколомъ, въ видѣ прошенія на имя премьеръ-министра. Вотъ этотъ плачь Воронковскихъ единовѣрцевъ, а вмѣстѣ и поучительная бытовая картинка жизни подъ опекою новыхъ законовъ.

«Послѣ закона 17 апрѣля 1905 года о вѣротерпимости, старообрядцы, недовольные еще тѣмъ, что имъ позволено строить свои храмы, обители съ колокольнями, совершать шествія съ крестными ходами, стали всячески открыто смѣяться надъ вѣрованіями православныхъ, а въ особенности недружелюбное отношеніе старообрядцы оказали единовѣрцамъ; чего-чего только единовѣрцы не претерпѣли отъ нихъ. Изъ многихъ издѣвательствъ укажемъ хотя немногія. Въ 1906 году, 6 января въ пос. Воронкѣ православные и единовѣрцы, по давно установившемуся обычаю, освящали воду въ криницѣ, возлѣ Богоявленскаго единовѣрческаго храма. Только что отошли съ крестнымъ ходомъ изъ двухъ церквей отъ криницы, какъ на эту же криницу пришла тысячная толпа старообрядцевъ и пересвятила воду по своему обряду. Многіе изъ толпы старообрядцевъ кричали на православныхъ: «а что, мазепы! вотъ видите, мы вашу воду пересвятили», кричали и другія ругательныя слова. А сколько было кровавыхъ дракъ изъ-за того, если кто изъ православныхъ, по старому обычаю, назоветъ раскольника этимъ названіемъ, а не старообрядцемъ,—о нихъ и говорить не хочется; сколько издѣвательствъ терпятъ тѣ изъ единовѣрцевъ, которые обращаются изъ раскола въ единовѣріе. Всѣхъ такихъ издѣвательствъ даже и описать невозможно. Но и этого для старообрядцевъ мало. Они возбудили ходатайства предъ высшимъ правительствомъ о томъ, чтобы отобрать и отдать въ ихъ распоряженіе тѣ церкви, которыя при Государѣ Императорѣ Николаѣ Павловичѣ отданы были старообрядцамъ, взявшимъ законныхъ священниковъ отъ православной церкви съ благословенія ея, такъ называемымъ единовѣрцамъ, а также и тѣ церкви, которыя прямо были тѣмъ же Императоромъ отданы православнымъ. При этомъ въ особенности настаиваетъ на семъ такъ называемая австрійская секта, появившаяся недавно, въ 1846 году, т. е. уже послѣ отдачи храмовъ единовѣрцамъ и православнымъ. Секта эта имѣетъ незаконныхъ пастырей и занялась больше противоправительственною политикою, нежели вѣрою. Вожди ея, потерявшіе всякую вѣру, безстрашно говорятъ всякую ложь для того, чтобы достигнуть своей цѣли. Вотъ они и пишутъ правительству, чтобы оно отдало имъ церкви, что якобы предки австрійскаго раскола (котораго еще

тогда не было), строили церкви, а при Государѣ Императорѣ Николаѣ Павловичѣ отобраны (не отобраны, а отданы прихожанамъ, которые желали не бѣглыхъ поповъ, а законныхъ, съ благословія церкви); мотивируютъ еще свои ходатайства и тѣмъ, что якобы единовѣрцевъ такъ мало, что и храмы приходятъ въ упадокъ. Это ложь. Единовѣрцевъ въ Черниговской епархіи больше 10 тысячъ душъ; есть три единовѣрческихъ монастыря и 18 храмовъ, которые, за исключеніемъ трехъ бѣдныхъ, всѣ богато убраны единовѣрцами и православными; отъ прежнихъ же церквей мало что гдѣ есть: купцами фабрикантами щедро украшались эти храмы, положены капиталы въ Государственную казну на эти храмы. Изъ многихъ крупныхъ жертвователей, которые были за 100слишкомъ лѣтъ, укажемъ хотя немногихъ.

Въ г. Новозыбковѣ фабрикантъ Максимъ Марковичъ Волковъ—теплую, ветхую церковь совсѣмъ перестроилъ и украсилъ на свои собственные средства; на холодную же также затратилъ большія тысячи.

Въ пос. Злынкѣ фабрикантъ Феодоръ Пгнатъевичъ Осиповъ—на церкви и колокольни затратилъ большія тысячи, а Аванасій Ивановичъ Шведовъ, жившій въ г. Новозыбковѣ, жертвовалъ на всѣ единовѣрческіе церкви и монастыри и затратилъ капитала болѣе 200 тысячъ. И въ настоящее время бѣдныя церкви поддерживаются богатыми единовѣрцами другихъ приходоу. Единовѣрцы, умирая, отдавали свои капиталы на церкви, а Николаевская единовѣрческая церковь въ г. Новозыбковѣ имѣетъ наличнаго капитала болѣе 10 тысячъ рублей.

Фабрикантъ пос. Клинцовъ Димитрій Васильевичъ Барышниковъ затрачиваетъ ежегодно тысячи на единовѣрческія церкви и школы.

Раскольники пишутъ въ своихъ ходатайствахъ на имя правительства, что въ пос. Чуровичахъ мало православныхъ прихожанъ. Это неправда. Тамъ прихожанъ до 600 душъ и уже прихожане готовятъ матеріалъ къ капитальному ремонту сей церкви.

Въ пос. Воронкѣ нашъ единовѣрческій храмъ переведенъ изъ пос. Еліонки въ 1891 году въ гнилушкахъ, которые остались отъ разрушеннаго храма во имя Знаменія Божіей Матери. Перевезенъ этотъ храмъ съ благословія Епархіальнаго Начальства и позволенія правительства, такъ какъ тогда въ Еліонкѣ было два храма. Одинъ крѣпкій остался для тамошнихъ единовѣрцевъ, а разрушенный, въ гнилушкахъ перевезенъ въ пос. Воронокъ и на добавленіе матеріаловъ затрачены тысячи. Такимъ образомъ нашъ храмъ построенъ въ 1891 году почти заново, во имя Богоявленія Господня. Въ 14 лѣтъ старообрядцевъ обратилось въ единовѣріе болѣе 300 душъ; богатые жертвовали капиталы, а бѣдные послѣдніе гроши на украшеніе его, на утварь, при чемъ куплены дорогіе колокола, такъ что старообрядческаго уже въ храмѣ ничего нѣтъ. Однако, недо-

вольные старообрядцы крикомъ кричатъ, что и вашъ же храмъ отберемъ; у насъ средствъ хватить на это... Отъ такихъ слуховъ единовѣрцы приходятъ въ ужасъ и негодованіе; были даже схватки съ старообрядцами, оканчивавшіяся иногда побоями. А что же можетъ быть тогда, если, не дай Богъ, случится то, что старообрядцы проповѣдуютъ? Они говорятъ такъ: 17 апрѣля намъ дана свобода неожиданно и невѣдомо ни для кого; такъ же и указъ послѣдуетъ неожиданно такой: всѣ единовѣрческіе храмы отдаются старообрядцамъ; старообрядцы тогда толпами отобьютъ двери и войдутъ въ единовѣрческіе и нѣкоторые православные храмы; первымъ долгомъ сорвутъ съ престоловъ св. антиминсы новые, выданные епархіальными архіереями и ихъ раскольники считаютъ еретическими, никоніанскими, а свои антиминсы, которые освящены на трупахъ некрещенныхъ черкесъ, положить на мѣстѣ-святѣ. Затѣмъ, св. иконы, надъ которыми старообрядцы кощунственно издѣваются устно и печатно въ своихъ газетахъ и которые есть во всѣхъ единовѣрческихъ храмахъ нашей Черниговской епархіи, напр. иконы св. Ѳеодосія Черниговскаго, преподобнаго Серафима Саровскаго, св. Димитрія Ростовскаго и другихъ, безчестно выкинуть; четырехконечные кресты, сосуды, гдѣ Спаситель изображенъ съ именованнымъ благословіемъ. Евангелія и богослужебныя книги новой печати будутъ рвать и бросать въ неистовомъ озлобленіи. И если бы имъ даже отдали не всѣ церкви, а хотя бы одну и это будетъ для всѣхъ великая печаль. Тогда польется кровь единовѣрцевъ ручьями во всѣхъ приходяхъ вообще, а въ пос. Воронкѣ въ частности, гдѣ единовѣрцевъ сотни, а старообрядцевъ тысячи, но и сотни будутъ биться до смерти за правду и за свои дорогія святыни.

Неужели мы дожили до такого времени, что высшее Правительство допустить до этого? Не вѣримъ и вѣрить не хочется въ это. Но такъ какъ въ настоящее смутное время бываетъ и невозможное—возможно, а посему и ходатайствуемъ предъ вашимъ высокопревосходительствомъ и имѣемъ честь покорнѣйше просить ваше высокопревосходительство не давать хода такимъ незаконнымъ просьбамъ старообрядцевъ?»

Прошеніе подано въ 1907 г. апрѣля 30 дня за подписью уполномоченныхъ единовѣрцевъ посада Воронка: Дмитрія Васильевича Карамина, Ѳедора Подпружникова, Петра Сироткина. Конечно, въ бахвальствѣ раскольниковъ много грубаго, наивнаго и не стоитъ утѣсняемымъ и раздражаемымъ православнымъ близко принимать къ сердцу всѣ эти злокозненные наскоки жестоковѣрныхъ раскольниковъ. Пока правительство въ рукахъ Самодержавнаго Царя, онъ не дастъ въ обиду православные храмы и ихъ поклонниковъ.

Будемъ только дружно и крѣпко охранять святыню православія и самодержавія.

Вѣстникъ „Миссіонерскаго Обзорнія“.

О вѣроисповѣдной принадлежности дѣтей.— Двадцатипятилѣтіе епископскаго миссіонерства высокопреосвященнаго Арсенія, архіепископа Харьковскаго и Ахтырскаго.— Старообрядчество села Орѣхова Екатеринославской губ.— Церковно-приходскіе совѣты.— Что сдѣлано духовенствомъ для народнаго образованія за періодъ 1884—1905 г.г.?

О вѣроисповѣдной принадлежности дѣтей.

Въ разработанномъ Министерствомъ Внутреннихъ Дѣлъ, по департаменту духовныхъ дѣлъ иностранныхъ исповѣданій, законопроектѣ о вызываемыхъ провозглашенной Манифестомъ 17-го октября 1905 г. свободой совѣсти измѣненіяхъ въ области правъ семейственныхъ, вопросъ о вѣроисповѣданой принадлежности дѣтей, какъ родившихся въ брачномъ союзѣ, и такъ внѣбрачныхъ, разрѣшается слѣдующимъ образомъ.

Относительно дѣтей, происшедшихъ отъ родителей, принадлежащихъ къ одному и тому же исповѣданію, законопроектъ принялъ положеніе дѣйствующаго закона, согласно коему дѣти, въ означенныхъ случаяхъ, должны принадлежать къ вѣрѣ родителей, такъ какъ при такомъ условіи родители имѣютъ возможность наблюдать за религіознымъ воспитаніемъ своихъ дѣтей. Такимъ образомъ, ближайшей задачей законопроекта явилось опредѣленіе вѣроисповѣданія дѣтей, происходящихъ отъ такъ называемыхъ смѣшанныхъ браковъ, главнымъ же образомъ, отъ браковъ, въ которыхъ одна сторона принадлежитъ къ православной вѣрѣ.

Въ настоящее время на всемъ пространствѣ Россійской Имперіи, кромѣ Финляндіи, дѣйствуетъ одинъ общій законъ, требующій, чтобы лица разныхъ христіанскихъ исповѣданій, вступая въ бракъ съ лицами православнаго исповѣданія, давали подписку, что рожденные въ семь бракѣ дѣти окрещены и воспитаны будутъ въ правилахъ православнаго исповѣданія. По мнѣнію Министерства, законъ этотъ противорѣчитъ основнымъ началамъ свободы совѣсти, въ силу которыхъ родителямъ при разновѣрїи должно принадлежать право опредѣлять религію дѣтей по свободному соглашенію и только въ случаѣ отсутствія такого соглашенія можетъ быть допущено вмѣшательство въ это дѣло закона. Кромѣ того и въ практическомъ от-

ношеніи означенный законъ нерѣдко можетъ приносить вредъ, такъ какъ, во-первыхъ, принудительное воспитаніе дѣтей въ чужой родителямъ вѣрѣ едва ли способствуетъ утверженію въ дѣтяхъ религіозныхъ убѣжденій, во-вторыхъ, безспорно препятствуетъ, въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ, сближенію разноплеменныхъ русскихъ подданныхъ, которые не вступаютъ въ бракъ между собой единственно по нежеланію одной стороны подчиниться закону о воспитаніи всѣхъ дѣтей своихъ въ православіи, когда другая принадлежитъ къ сему исповѣданію. Наконецъ, и съ догматической точки зрѣнія законъ этотъ не является безусловно необходимымъ, такъ какъ православная церковь уже неоднократно допускала отступленія отъ онаго.

Въ виду этихъ соображеній, Министерство проектировало отмѣнить указанный законъ и, въ соответствіи съ требованіями свободы совѣсти, предоставить опредѣленіе вѣроисповѣданія дѣтей отъ смѣшанныхъ браковъ, независимо отъ религіи родителей, взаимному ихъ соглашенію.

Что же касается случаевъ, въ которыхъ, въ виду непримиримости религіозныхъ убѣжденій супруговъ, или же по религіозному ихъ индифферентизму, соглашенія между ними не состоялось, и религія дѣтей должна быть опредѣлена закономъ. Министерство, въ видѣ общаго правила, приняло дѣйствующую въ Царствѣ Польскомъ систему, согласно коей сыновья должны слѣдовать вѣрѣ отца, а дочери вѣрѣ матери. Лишь по отношенію къ дѣтямъ отъ смѣшанныхъ браковъ православныхъ съ иновѣрцами, Министерство полагало возможнымъ, въ уваженіе къ господствующему положенію православной церкви, допустить, чтобы, при отсутствіи соглашенія между родителями, дѣти были крещены и воспитываемы въ православіи.

На-ряду съ предположеніями, касающимися вѣроисповѣданія дѣтей, происходящихъ отъ брачнаго союза, въ проектѣ отведено мѣсто и пересмотру постановленій, опредѣляющихъ религіозное воспитаніе дѣтей неизвѣстныхъ родителей и внѣбрачныхъ. Признавая, что нынѣ дѣйствующій порядокъ, согласно коему дѣтей неизвѣстныхъ родителей, въ тѣхъ случаяхъ, когда никто не пожелалъ принять ихъ на воспитаніе, надлежитъ крестить по обряду православной церкви, находится въ явномъ несоотвѣтствіи не только съ общими началами свободы совѣсти, но и съ духомъ Высочайшаго Указа 17-го апрѣля 1905 г., коимъ разрѣшено христіанамъ всѣхъ исповѣданій принимаемыхъ ими на воспитаніе некрещенныхъ подкидышей и дѣтей неизвѣстныхъ родителей крестить по обрядамъ своей вѣры, Министерство проектировало воспитаніе некрещенныхъ дѣтей неизвѣстныхъ родителей, которыхъ никто не желаетъ принять на воспитаніе, въ правилахъ той или иной вѣры, предоставить тому лицу или учрежденію, на попеченіи коего они состоятъ, и которое, въ этомъ случаѣ, замѣняетъ имъ ихъ воспитателей. Равнымъ образомъ, въ видахъ обезпеченія призрѣнія и религіознаго воспитанія подкидышей, Министерство признало, что

законъ, предоставляющій всѣмъ христіанамъ право воспитывать въ своей вѣрѣ некрещенныхъ подкидышей, долженъ быть распространенъ и на всѣ нехристіанскія вѣроисповѣданія. Наконецъ, проектъ остановился и на вопросѣ о вѣроисповѣданіи внѣбрачныхъ дѣтей, матери коихъ извѣстны. Принимая во вниманіе, что по закону 14-го марта 1906 г. внѣбрачное дитя отъ матери христіанки можетъ быть, по ея мнѣнію, крещено по обрядамъ ея вѣроисповѣданія, Министерство пришло къ заключенію, что во имя принциповъ какъ гуманности, такъ и религіознаго равноправія, правило это должно быть распространено и на внѣбрачныхъ дѣтей, рожденныхъ отъ матерей нехристіанокъ.

Законодательныя предположенія Министерства, коими на будущее время должно опредѣлиться вѣроисповѣданіе дѣтей, сводятся къ слѣдующимъ положеніямъ:

1) Дѣти лицъ, принадлежащихъ къ одному и тому же вѣроисповѣданію, слѣдуютъ вѣрѣ своихъ родителей. При бракахъ лицъ, принадлежащихъ къ разнымъ вѣроисповѣданіямъ, родителямъ предоставляется, по взаимному ихъ соглашенію, опредѣлять вѣроисповѣданіе дѣтей. Въ случаѣ отсутствія соглашенія, если одинъ изъ супруговъ исповѣдуетъ православную вѣру, всѣ дѣти должны быть крещены по православному обряду, въ остальныхъ же случаяхъ сыновья слѣдуютъ вѣрѣ отца, а дочери—матери.

2) При бракахъ христіанъ съ нехристіанами всѣ дѣти должны быть крещены и воспитаны въ вѣрѣ супруга христіанина.

3) При переходѣ родителей изъ одной вѣры въ другую, всѣ не достигшія семилѣтняго возраста дѣти слѣдуютъ вѣрѣ родителей. Оставленіе же однимъ изъ родителей прежней своей вѣры не влечетъ измѣненія вѣроисповѣданія дѣтей.

4) Вѣроисповѣданіе некрещенныхъ дѣтей неизвѣстныхъ родителей, въ тѣхъ случаяхъ, когда никто не желаетъ принять ихъ на воспитаніе, опредѣляется тѣмъ учрежденіемъ, на попеченіи коего они состоятъ.

5) Нехристіанамъ разрѣшается воспитывать въ своей вѣрѣ принимаемыхъ ими на попеченіе некрещенныхъ дѣтей неизвѣстныхъ родителей. Внѣбрачное дитя, рожденное отъ матери нехристіанки, можетъ быть присоединено къ ея вѣрѣ.

Двадцатипятилѣтіе епископскаго миссіонерства высокопреосвященнаго Арсенія, архіепископа Харьковскаго и Ахтырскаго.

17-го мая текущаго года исполнилось двадцатипятилѣтіе епископскаго служенія Харьковскаго высокопреосвященнаго владыки Арсенія. Но легко сказать: 25 лѣтъ, а прослужить ихъ, да еще на высокомъ отвѣтственномъ посту епископа русской Православной Церкви,—это высокій подвигъ!.. Когда же мы

глянемъ на то, какъ и гдѣ прошли епископскіе годы высокопреосвященнаго юбиляра, то невольно подивимся разносторонности, многоплодности и неустанности, коими запечатлѣна вся епископская дѣятельность Харьковскаго архипастыря. По справедливому замѣчанію представителя Харьковской епархіальной миссіи, на всей дѣятельности высокопреосвященнаго Арсенія въ санѣ епископа лежитъ яркая печать миссіонерства. Почему Харьковскій Епархіальный Совѣтъ по миссіонерскимъ дѣламъ и чествовалъ владыку въ своемъ адресѣ, какъ архипастыря-миссіонера. Еще въ санѣ епископа Ладожскаго, управляя Петербургскою Духовною Академіею, владыка принялъ усиленныя мѣры къ развитію въ будущихъ служителяхъ церкви дара живой церковной проповѣди,—этой стихіи миссіонерскаго дѣланія. Въ 1887 году владыка перешелъ на каедру епископа рижскаго. Здѣсь онъ сталъ лицомъ къ лицу съ многочисленными врагами Православной церкви. Евреи, христіане инославныхъ исповѣданій, особенно лютеранскаго, многочисленныя секты и расколъ,—вотъ тернія, которыми просла нива рижской епархіи и которыя силятся заглушить тамъ православное сѣмя. Владыка повелъ дѣятельную борьбу съ терніями. Онъ не только поливалъ православный посѣвъ,—но и исторгалъ самыя тернія, сѣя на расчищенной почвѣ Слово Божіе. Въ «Миссіонерскомъ Посланіи» къ Рижскому духовенству онъ съ рѣдкою сердечностію призывалъ пастырей «возгрѣвать въ себѣ любовь къ миссіонерству, ревность, рвеніе и усердіе къ нему, имѣя всегда въ своемъ сознаніи важность и душеспасительность онаго для себя и другихъ». Онъ предлагалъ пастырямъ нелѣпно «сѣять слово Божіе съ вѣрою и надеждою, что, падая на разныя почвы, оно упадетъ и на добрую и принесетъ сторичный плодъ». Владыка поднималъ уровень религіозно-нравственнаго воспитанія рижской паствы путемъ повсемѣстныхъ внѣбогослужебныхъ бесѣдъ пастырей съ народомъ и пастырскихъ катихизаций, весьма цѣнныхъ особенно тамъ, гдѣ православной паствѣ грозитъ соблазнъ многочисленныхъ лжеученій. Онъ завелъ специально-миссіонерскія бібліотеки: епархіальную и церковноприходскія, открылъ миссіонерскія бесѣды съ заблудшими чадами церкви—сектантами и раскольниками. Наконецъ, въ помощь и для руководства епархіальнымъ духовенствомъ въ его трудной миссіонерской дѣятельности владыка приступилъ къ учрежденію въ епархіи трехъ должностей епархіальныхъ миссіонеровъ—для латышей, эстонцевъ и глаголемыхъ старообрядцевъ. Такъ вся владычная пахота Божьей нивы въ Рижской епархіи были усерднымъ исполненіемъ завѣта великому Ап. Павлу: «Христосъ послалъ меня не крестить, а благовѣствовать». Владыка по преумощенію былъ въ рижской епархіи «благовѣстникомъ-миссіонеромъ».

Съ тяжелымъ чувствомъ пахаря, насадившаго и полившаго свою ниву, владыка перешелъ въ 1897 году на архіепископскую каедру въ Казань. Но здѣсь предъ его взоромъ предстали

еще большей важности миссіонерская задача. Географическое положеніе Казани на рубежѣ Европейской Россіи и Азіатскихъ народовъ и этнической составъ Казанской епархіи давно дѣлали ее центромъ миссіонерскаго воздѣйствія православной церкви на инородцевъ и иновѣрцевъ Волжско-Камскаго края и азіатской Руси и на многочисленныхъ русскихъ отщепенцевъ отъ церкви. Владыка увидѣлъ предъ собою и одичавшее поле—старокрещенныхъ татаръ, и поле каменистое—татаръ некрещенныхъ, и побѣлѣлыя нивы—чувашей, черемисовъ, вотяковъ и мордвы, и поросшее терніемъ—расколомъ и сектами родное, православное поле. Какъ опытный пахарь, онъ сталъ обрабатывать эти поля; какъ опытный садовникъ, онъ сталъ расчищать свой причудливо заросшій садъ. Подъ его привѣтливимъ кровомъ вскорѣ появилась комиссія по организациіи миссіонерскаго дѣла въ епархіи. Онъ увидѣлъ миссію: противомусульманскую, противоязыческую и противорасколосектантскую. Во главѣ миссіи онъ поставилъ опытныхъ лицъ съ высшимъ богословскимъ образованіемъ. Въ помощь этимъ лицамъ онъ далъ 23 «участковыхъ миссіонера». На все это владыка изыскалъ средства, всѣмъ руководилъ лично, обогативъ всякаго члена дорогой ему миссіонерской семьи плодами своего многолѣтняго миссіонерскаго опыта. Какъ высоко цѣнилъ владыка миссіонерское дѣло въ епархіи, видно хотя-бы изъ одного его предложенія Казанской духовной консисторіи: «на самую необходимую нужду въ епархіи, писалъ владыка, имѣющую прямое отношеніе къ церкви и составляющую главную обязанность епархіальнаго начальства и духовенства—на поддержаніе и развитіе въ епархіи миссіонерскаго дѣла, епархіальный свѣчной заводъ не даетъ ни копейки!..» Эти слова были живительною влагою для дѣятелей Казанской миссіи, которые, какъ и другіе, не рѣдко падали духомъ подъ тяжестью миссіонерской ноши. Но владычная любовь къ нимъ согрѣвала ихъ и они снова бодро шли на работу. Самъ владыка все расширялъ миссіонерское дѣло и направлялъ его въ дебри епархіи. Онъ открылъ миссіонерскія общества для борьбы съ расколомъ и язычествомъ,—умножилъ кружки ревнителей православія, собиралъ къ себѣ для бесѣдъ всѣхъ дѣятелей миссіи, объединялъ ихъ, бодрилъ и оснащалъ, открывъ для нихъ епархіальную миссіонерскую бібліотеку. Но при всѣхъ своихъ заботахъ о специальной миссіи Владыка всегда твердилъ, что въ ней онъ даетъ приходскимъ пастырямъ только помощь, руководство въ ихъ трудной и сложной борьбѣ съ лжеученіями, что собственно и «каждый пастырь есть въ то же время и миссіонеръ». Съ цѣлью образованія пастырей-миссіонеровъ владыка обратилъ Спасо-Преображенскій монастырь въ миссіонерскій, учредилъ при монастырѣ преобразованные миссіонерскіе курсы, обезпечилъ матеріально курсистовъ, привлекъ на курсы лучшихъ учащихся и учащихся, испросивъ утвержденіе «особаго положенія о правахъ и преимуществахъ служащихъ и учащихся на миссіонер-

скихъ курсахъ и штаты сихъ послѣднихъ». Такъ за пять лѣтъ пребыванія владыки въ Казани процвѣла тамъ православная миссія, что усилило религиозное просвѣщеніе не только Казанской паствы, но и обитателей тѣхъ мѣстъ, куда простиралось вліяніе этого центра миссіонерско-просвѣтительныхъ силъ православной церкви. Вслѣдствіе этого имя архипастыря-миссіонера стало близкимъ сердцу всѣхъ дѣятелей миссіи и особенно юной и многострадальной противорасколосоектантской миссіи.

Харьковская епархія еще до прибытія въ нее владыки знала и цѣнила его именно какъ архипастыря-миссіонера. Въ 1903 г. владыка прибылъ въ Харьковъ на архіепископскую кафедру. И въ томъ же году Богодуховское духовенство привѣтствовало его рѣчью: «въ лицѣ тебя мы встрѣчаемъ святителя, питающаго свою паству живымъ святительскимъ словомъ и усерднѣйшаго и неутомимѣйшаго миссіонера, стремящагося къ просвѣщенію свѣтомъ Христова ученія непознавшихъ Христа и заблудшихъ овецъ стада Его».

Не много владыка святительствуетъ въ Харьковѣ, но и за короткое время онъ проявилъ много дѣятельной любви къ мѣстной миссіи. Умудренный долголѣтнимъ миссіонерскимъ опытомъ, онъ сразу понялъ, какъ велики миссіонерскія нужды Харьковской епархіи и какъ онѣ съ годами быстро растутъ, особенно подъ вліяніемъ современной вѣротерпимости. Многочисленныя секты: шундистовъ, толстовцевъ, хлыстовъ, скопцовъ, и игеовистовъ, а также и раскольническіе толки въ епархіи прикрывали къ себѣ вниманіе святителя. И вотъ владыка открываетъ цѣлую сѣть братствъ спеціально-миссіонерскую. Далѣе, онъ преобразовываетъ центральный органъ епархіальной миссіи—«Харьковскій Епархіальный Совѣтъ по миссіонерскимъ дѣламъ», регулируетъ дѣятельность мѣстныхъ миссіонеровъ, увеличиваетъ составъ миссіи, открываетъ окружной миссіонерскій комитетъ, чествуетъ своимъ посѣщеніемъ и руководствомъ благочиннической миссіонерскій сѣздъ, гдѣ привѣтствуетъ мысль о миссіонерскихъ курсахъ и миссіонерско-псаломщической школѣ, привлекаетъ къ миссіонерскому дѣлу низшихъ членовъ клира, усиливаетъ продуктивность миссіонерскихъ сѣздовъ въ епархіи, открываетъ при епархіальномъ органѣ «Миссіонерскій Листокъ», пополняетъ церковныя бібліотеки миссіонерскими изданіями и на епархіальныхъ сѣздахъ духовенства развертываетъ предъ пастырями цѣлую программу планомѣрнаго миссіонерскаго дѣйствованія, вводитъ ихъ въ самый курсъ миссіонерскаго корабля и т. д... Все это сводится у владыки къ тому, чтобы «каждый изъ пастырей былъ миссіонеромъ въ своемъ приходѣ и всегда могъ бы закрыть уста жалающимъ неправедная». Святое желаніе! Завѣтное желаніе!..

Смотря на все, свершенное владыкою за четверть вѣка въ излюбленной имъ миссіонерской области, невольно удивляешься той твердости, бодрости и любви, съ какими онъ несъ и до-

селѣ несетъ подвигъ архипастыря-миссіонера! А вѣдь не разъ бывали штормы, не разъ волны, высоко вздымаясь и пѣнясь, своими мутными гребнями заливали палубу владычнаго миссіонерскаго корабля; не разъ ложные маячные огни манили святителя въ объятія подводныхъ скалъ,—но святитель бодро стоялъ у руля, мощною рукою онъ давалъ свой курсъ кораблю и о владычную стойкость, какъ о гранитную скалу, разбивались всѣ морскія волны.

Но все же волны въ открытомъ морѣ нынѣ сильнѣе бушуютъ. Тамъ рѣютъ другія ладьи. На рѣдкой опытный морякъ. Пусть же высоко и ярко свѣтитъ имъ маячный огонь съ мачты Харьковскаго Святительскаго корабля и пусть со всѣхъ миссіонерскихъ кораблей несется къ владыкѣ-юбилару одинъ сердечный призывъ: «буди съ нами, святой владыка!..

И. Мариупольскій.

Старообрядчество села Орѣхова Екатериносл. губ.

(Корреспонд. Мис. Об.)

Среди мѣстныхъ раскольниковъ австрійскаго толка въ послѣднее время замѣчается сильное броженіе съ явными признаками ихъ тяготѣнія въ сторону православія.

Съ изданіемъ Высочайшаго манифеста о „свободѣ“ вѣроисповѣданій расколь потерялъ здѣсь ореолъ мученичества, служившій вмѣстѣ съ темнотою народной одною изъ главныхъ причинъ твердости раскольниковъ въ обрядовѣріи; на свою обособленность, на отношенія къ нимъ „господствующей“ церкви, олицетворявшейся, по злословію начетчиковъ, урядникомъ, становымъ приставомъ и т. д., до изданія манифеста 17 стр. 1905 г., раскольники смотрѣли сквозь призму своего мнимаго мученичества и не замѣчали беззащитной лжи своихъ руководителей—лжесвященниковъ, которые сами, будучи убѣждены въ неправотѣ своего обрядовѣрія, находили выгоднымъ для себя держать въ немъ свою паству и строго воспрещали ей ходить на бесѣды, устрояемыя здѣсь мѣстнымъ противораскольническимъ миссіонерскимъ Комитетомъ.

Теперь уже не то: „освободительное“ движеніе коснулось и старообрядцевъ. Такъ, мѣстные австрійцы уже мало стали довѣрять своему лже-священнику С. Т—ву, который, какъ то стало извѣстно и старообрядцамъ, представляетъ изъ себя не мученика за свои религіозныя убѣжденія, а искателя выгодныхъ аферъ. Всѣмъ здѣсь памятно, красовавшееся нѣкоторое время въ сельскомъ правленіи, письменное заявленіе этого раскольническаго гешефтмахера, въ которомъ онъ увѣрялъ, что австрійское священство ложно, что австрійскіе священники, въ томъ числѣ и онъ, Т—въ, не священники, а обряженные въ церковныя ризы куклы, хотя предусмотрительно и умалчивалъ о своемъ желаніи получить мѣсто единовѣрческаго священника, о чемъ было уже возбуждено имъ ходатайство предъ Екатеринослав-

скимъ епископомъ. Мудрый архипастырь пожелалъ испытать чистоту намѣреній Т—ва и предложилъ ему должность единовѣрческаго псаломщика. Афера Т—ва не удалась, и онъ снова съ беззащитчивостью принялся стричь уже брошенныхъ имъ и на все согласныхъ овецъ. Памятенъ также и бывшій весной 1904-го года пріѣздъ сюда бойкихъ старообрядческихъ начетчиковъ: покойнаго Зеленкова и Осипа Перетрухина, съ потугами на краснолѣніе увѣрившихъ свою непритязательную аудиторию въ уклоненіи апостоловъ (ап. Петра, трижды отрешагося отъ Спасителя) въ ересь. Извѣстенъ здѣсь также и случай смерти и воскресенія извѣстнаго въ старообрядчествѣ дѣятеля Ѳ. Мельникова...

Все, это взятое вмѣстѣ и оцѣненное старообрядцами по достоинству, возбудило среди нихъ желаніе узнать правду обрядовѣрія, но только не отъ ругателей православной Церкви или своихъ наставниковъ. По инициативѣ мѣстнаго безпоповщинскаго начетчика Ѳ. Л., сюда приглашенъ для бесѣды извѣстный слѣпецъ старообрядецъ А. А. Коноваловъ. Достоиню вниманія то обстоятельство, что австрійцы на своемъ „соборѣ“, бывшемъ 2-го апрѣля с. г., рѣшили защитниковъ своихъ изъ дальнихъ краевъ, какъ людей болѣе болтливыхъ, чѣмъ основательныхъ въ преніяхъ съ противникомъ, не приглашать. Явленіе знаменательное.

Б.

Церковно-приходскіе совѣты.

Не смотря на неблагопріятныя условія своего существованія, церковно-приходскіе совѣты тамъ, гдѣ они открыты, имѣютъ огромное вліяніе на развитіе приходской жизни. При умѣлой организаціи дѣятельность ихъ можетъ быть очень разносторонней. Объ этомъ можно судить по программѣ, принятой Фошненскимъ церковно-приходскимъ совѣтомъ, Малоархангельскаго уѣзда, Орловской епархіи. Программа имѣетъ между прочимъ въ виду:

Въ цѣляхъ религіозно-нравственныхъ:

- 1) Первою и главною заботою совѣта долженъ быть храмъ.
- 2) Въ заботахъ о должномъ поведеніи молящихся въ храмѣ избрать изъ членовъ совѣта трехъ лицъ для надзора, совмѣстно съ церковнымъ старостою, за соблюденіе тишины и порядка.
- 3) Принять мѣры а) къ христіанскому провозженію праздниковъ, б) къ уменьшенію пьянства, в) къ искорененію установившагося обычая собираться молодежи въ осенніе и зимніе вечера вмѣсто такъ называемой «улицы», въ нарочно абонируемыхъ для сего домахъ, внѣ надзора старшихъ.
- 4) Стремиться къ примиренію враждующихъ, къ достиженію должнаго отношенія молодыхъ къ старшимъ, слугъ къ хозяйкамъ и хозяевъ къ слугамъ и т. д.
- 5) Принять мѣры къ улучшенію церковнаго хорового пѣнія и расходовать на это до 100 р. изъ церковныхъ суммъ; для достиженія дальнѣйшаго благоустройства хора собрать изъ среды своей 4 лицъ.

Въ цѣляхъ просвѣтительныхъ:

1) Выписать брошюръ и листковъ религіознаго характера, историческаго и на текущія событія, кои бы, правильно освѣщая положеніе вещей, давали бы возможность простолюдину разобратъся въ массѣ противорѣчивыхъ, но часто ложныхъ, свѣдѣній и слуховъ. 2) Устроить въблизи сторожки уличную библиотеку и къ каждому по возможности празднику вкладывать туда по одному изъ выписанныхъ листковъ; для веденія этого дѣла избрать изъ членовъ совѣта одного. 3) Народныя чтенія религіознаго и историческаго характера, производимыя въ церковно-приходской школѣ съ иллюстраціей при помощи волшебнаго фонаря, расширить отдѣломъ по сельскому хозяйству. 4) Принять мѣры къ улучшенію матеріальнаго положенія школъ вообще; выбрать блюстителей за обученіемъ дѣтей и воспитаніемъ ихъ въ духѣ православной вѣры. Лицамъ этимъ заботиться о матеріальной сторонѣ школы.

Что сдѣлано духовенствомъ для народнаго образованія за періодъ 1884—1905 г.?

Въ 1884 году церковныхъ школъ было 5.517, въ настоящее время имѣется 43.842 съ 1.924.710 учащихся. Изъ нихъ 18 церковно-учительскихъ съ 1.141 учащихся, 416 второклассныхъ съ 21.191 учащихся, 602 двухклассныхъ съ 69.514 учащихся, 24.687 одноклассныхъ съ 1.284.763 учащихся, 18.118 школъ грамоты съ 548.111 учащихся.

Всѣхъ учащихся лицъ въ церковныхъ школахъ всѣхъ разрядовъ состоитъ 95.926, изъ нихъ въ должности законоучителей 44.583, учителей и учительницъ 51.343, въ томъ числѣ членовъ причта 5.929, особыхъ учителей и учительницъ свѣтскихъ 45.414.

Изъ свѣтскихъ учителей и учительницъ состоитъ правоспособныхъ въ церковно-приходскихъ школахъ 21.014 лицъ или 77,12⁰/₁₀₀; въ школахъ грамоты 6.970 лицъ или 41,24⁰/₁₀₀, считая въ этомъ послѣднемъ числѣ второклассниковъ 4.073 чел. обоюго пола.

На устройство и содержаніе всѣхъ церковныхъ школъ за все время было получено всего 145.310.692 руб., изъ нихъ духовенствомъ изыскано и привлечено на нужды просвѣщенія 70.196.980 рублей.

За счетъ этихъ средствъ (казенныхъ и мѣстныхъ) ежегодно содержалась цѣлая армія учащихся лицъ, требующая въ послѣднее время на свое содержаніе свыше 9.000.000 рублей въ годъ.

За счетъ тѣхъ же средствъ выстроены школьныя зданія, нынѣ составляющія въ общей сложности цѣнность свыше 44.000.000 рублей, при чемъ преобладающее большинство зданій одноклассныхъ и двухклассныхъ школъ принадлежитъ церквамъ, какъ жертвованныя имъ.

Земельныхъ участковъ въ пользованіи школъ состоитъ свыше 11.000 десятинъ, при чемъ также наибольшая часть принадлежитъ церквамъ.

О забытой реформѣ.

Епископъ таврической Алексій, отмѣчая всеобщую жажду реформъ во всѣхъ областяхъ жизни, справедливо указываетъ, что основную реформу, съ которой нужно начать, обыкновенно забываютъ. Законъ свободы религіозной совѣсти—дѣло весьма хорошее. Но когда во имя этой свободы люди безсовѣстные издѣваются надъ членами Церкви Христовой, когда представители господствующей въ государствѣ религіи христіанской вынуждены или укрываться отъ преслѣдованія и издѣвательства, или уступать свое мѣсто равнину или шаману, скажите, при чемъ тутъ свобода совѣсти? Свобода слова—дѣло великое. Но когда во имя сей свободы бранятъ все святое и высокое и восхваляютъ и проповѣдуютъ преступленіе, мечъ, огонь и кровь, скажите, къ чему же тутъ свобода слова? Свобода личности—дѣло тоже желательное. Но когда по городамъ и весямъ начинаютъ во имя сей свободы разгуливать и угрызять людей разные волки въ шкурѣ овечьей, скажите, зачѣмъ, къ чему тутъ свобода личности? Вѣдь никто же не выпускаетъ изъ клѣтки на свободу дикихъ кровожадныхъ звѣрей. Тутъ чѣмъ крѣпче запоры, тѣмъ лучше. Значитъ, всѣ свободы хороши, когда люди хороши, когда они умѣютъ ими пользоваться. Значитъ, нужно прежде всего реформировать, перевоспитать чело-вѣка, чтобы онъ имѣлъ въ себѣ образъ Божій не затертымъ, не загрязненнымъ, чтобы чело-вѣкъ сіялъ въ мірѣ именно какъ ликъ Божій. Общественные дѣятели не съ неба падаютъ и не изъ земли вырастаютъ, а рождаются и воспитываются въ семьѣ. Семья есть органическая форма жизни, зерно общественнаго развитія и порядка. Хороши, крѣпки устои семейной жизни,—хороши, надежны будутъ и дѣятели общественные. Подгнили устои семьи, разложилась жизнь семейная, не создадутъ тогда здоровой общественной жизни никакіе искусственные законы и формы жизни. „Мимо семьи, мимо семейнаго воспитанія нельзя устроить никакого прочнаго порядка общественнаго“.

Между тѣмъ, семья русская, если не подгнила еще окончательно, то во всякомъ случаѣ подгниваетъ. Процессъ разложенія начался и идетъ быстрыми шагами

Освященіе старообрядческаго храма.

22 января сего года въ деревнѣ Булатовой, Буткинской волости, Шадринскаго уѣзда было совершено торжественное освященіе старообрядческаго храма въ честь Введенія Пресвятой Богородицы. Освященіе совершалъ пермскій обыватель Андрей Паромовъ, громко именующій себя въ настоящее время владыкою и епископомъ Пермскимъ и Тобольскимъ, съ тремя „священниками“: мѣстными—Дорофеемъ Жулаповымъ, Лепихи-

скимъ—Гордіемъ Лепихинымъ и Екатеринбургскимъ—Пименомъ Огневымъ. Не смотря на такое рѣдкое въ старообрядческомъ мірѣ торжество, старообрядцевъ (даже мѣстныхъ) на освященіе собралось не много. По освященіи храма упомянутымъ Андреемъ Паромовымъ соборнѣ была отслужена литургія. Все же торжественности было немного, а еще меньше было порядка,—такъ и видно, что служить только именующіе себя епископомъ и священниками. По окончаніи литургіи Паромовымъ было прочтано по тетрадкѣ написанное полууставомъ поученіе, въ которомъ онъ сравнилъ прежнія времена съ первыми вѣками христіанства, а своихъ предковъ съ первыми христіанскими мучениками? Паромовъ успѣшилъ вылить полное ведро помоевъ и клеветы на греко-русскую церковь, обвинивъ ее въ всевозможныхъ ересяхъ, даже въ католичествѣ и протестанствѣ. Закончилъ же свое поученіе тѣмъ, что только та церковь истинная, которая имѣетъ священство и двуперстное сложеніе.

Предложеніе Его Преосвященства, Преосвященнѣйшаго Христофора, Уфимской Духовной Консistorіи.

Предлагаю Консistorіи объявить чрезъ напечатаніе въ Епархіальныхъ Вѣдомостяхъ, что 1) о.о. діакона, не получившіе богословскаго образованія, могутъ быть рукополагаемы во священники и назначаемы на священническія мѣста не иначе, какъ по выдержаніи положеннаго испытанія въ нарочито учрежденной для сего Комиссіи, 2) экзамену могутъ быть подвергаемы только прослужившіе въ санѣ діакона не менѣе пяти лѣтъ, 3) желающіе пріобрѣсть право на полученіе священническаго сана могутъ ходатайствовать о разрѣшеніи держать экзаменъ въ установленномъ порядкѣ, не указывая опредѣленнаго мѣста, а лишь только изъявляя желаніе пріобрѣсть право на полученіе священническаго сана.

Псаломщики могутъ быть рукополагаемы въ санѣ діакона по предварительномъ же испытаніи и въ томъ же порядкѣ, какъ и кандидаты на священство.

„Ученое монашество“ и наша духовная школа.

Нидля кого не секретъ, что учебно-воспитательная часть нашихъ духовныхъ академій и семинаріи за послѣднія десятилѣтія пала весьма низко. Тѣ идеалы, съ которыми нѣкогда питомцы академій и семинаріи выходили изъ школы „сѣять разумное, доброе, вѣчное“, и дѣйствительно дѣлали дѣло Божіе, предаваясь наукѣ и службѣ со всей энергіей молодой души, теперь сдѣлались достояніемъ прошлаго. На святомъ мѣстѣ идеаловъ „разумнаго, добраго, вѣчнаго“ въ сердцахъ академистовъ и семинаристовъ теперь по большей части стоитъ кумирь —спокойнаго, сытнаго, теплаго. Гдѣ-же причины такой „мерзости запустѣнія“?

Независимо отъ „духа времени“, безыдейнаго, практичнаго, меркантильнаго, значительная доля этихъ причинъ должна пасть на нынѣшнее „ученое монашество“. Бывшіе сановники духовнаго вѣдомства проводили „протекціонную“ политику по отношенію къ „ученому монашеству“ и въ немъ одномъ, кажется, видѣли спасеніе и нашей духовной школы и нашей церкви.

А что этимъ „протекціонизмомъ“ къ „ученымъ монахамъ“ въ товарищахъ послѣднихъ по академіи и сослуживцахъ по семинаріи самымъ безцеремоннымъ образомъ разрушалось чувство правды и парализовалась энергія къ идейному служенію „дѣлу, а не лицамъ“, отъ чего страдала и страдаетъ духовная школа—сіе повидимому не входило въ соображеніе этихъ сановниковъ. Факты же такого „протекціонизма“ были чудовищны по своей несправедливости. Укажу на лично мнѣ извѣстное.

1) Человѣкъ лѣтъ около 50 отъ роду, въ давнопрошедшія времена уволенный изъ 3 или 4 кл. семинаріи, десятка полтора или 2 лѣтъ служившій въ военномъ вѣдомствѣ и неизвѣстно изъ-за какихъ добродѣтелей оставившій это вѣдомство, восхотѣлъ черезъ нѣсколько затѣмъ лѣтъ быть архіереемъ. Онъ зналъ, къ кому поэтому дѣлу обратиться и съ какимъ обѣтомъ. Обѣтъ монашества былъ принятъ отъ него авансомъ. И этого человѣка приказано

было Совѣту духовной академіи допустить до пріемныхъ экзаменовъ. Каковъ могъ быть экзамень для такого авансоваго монаха, понятно: напр., для сочиненія по библейской исторіи дана была тема: „Значеніе плѣна Вавилонскаго для еврейскаго народа“; авансовый „ученый монахъ“ исходилъ потомъ надъ „трудной“ темой: онъ забылъ даже то, кто въ этотъ плѣнъ кого плѣнилъ.

Сочиненіе „ученаго“ мужа оцѣнено было профессоромъ, понятно, низко. По философіи писали на тему: „Значеніе самосознанія для познанія предметовъ внѣшняго міра“. Здѣсь будущій архіерей ограничился только написаніемъ темы и собственной фамиліи, предоставивъ остальное на Божію волю... Конечно, на такомъ твореніи, при самой снисходительной критикѣ, могла быть поставлена только единица. Авансовый „монахъ“ не падалъ все же духомъ, онъ являлся и на устные экзамены и держалъ ихъ съ неменьшимъ успѣхомъ. Въ академію онъ тѣмъ не менѣе принять былъ „вольнотрудателемъ“. Насколько былъ подготовленъ къ „слушанію“ академическаго курса такой человекъ, ясно. Но онъ принялъ монашество. Курсовыя и кандидатское сочиненія обрабатывали для него благодѣтели. Какія познанія дала ему академія, гдѣ онъ какъ въ темномъ лѣсѣ отсидѣлъ 4 года, тоже понятно. Хотя и въ самомъ хвостѣ онъ все же вышелъ „кандидатомъ“. И что же? Когда его товарищи изъ первыхъ по разрядному списку, и лучшіе кандидаты изъ предшествующаго даже курса, были еще безъ мѣстъ, этотъ „ученый монахъ“ произведенъ былъ въ смотрители духовнаго училища, а вскорѣ затѣмъ и въ ректора семинаріи... Правда и знаніе восторжествовали!..

2) При экзаменаціонныхъ провѣркахъ студенческихъ познаній, „ученые“ монахи, особенно изъ гимназистовъ, очень мало подготовленныхъ къ сознательному усвоенію академическихъ курсовъ по богословскимъ и философскимъ предметамъ, всегда были „не подѣ закономъ, а подѣ благодатью“, и все же въ огромномъ большинствѣ случаевъ были ближе къ концу, чѣмъ къ началу по разрядному списку. Не говоримъ уже о тѣхъ случаяхъ, когда „ученые“ иноки вымаливали у профессоровъ переводные баллы, готовили для экзамена изъ пройденнаго курса ничтожную его часть и даже сподоблялись степени кандидата богословія безъ представленія надлежащихъ (хоть бы для формы) диссертаций.

3) Въ нравственномъ отношеніи студенты-иноки ничуть не возвышались надъ среднимъ уровнемъ академическаго благо-

честія, а во многихъ случаяхъ стояли и ниже этого уровня, по „искушенію“...

4) Нестязательность „ученымъ иноковъ“ можетъ достаточно характеризовать одинъ документъ, хранящійся въ канцеляріи С.-П.-Б. Академіи: „ученый иннокъ“ обращается въ академическое Правленіе съ заявленіемъ такого содержанія: для студентовъ академіи положенъ „казенный“ парикмахеръ; я, какъ монахъ, не могу ни стричься, ни бриться, посему прошу причитающіяся мнѣ, какъ студенту академіи, на бритье и стрижку деньги, выдать мнѣ на руки. Тотъ же „иннокъ“ подсчиталъ, что костюмъ его стоитъ дешевле, чѣмъ обмундировка свѣтскаго студента и проситъ Правленіе удовлетворить его дополнительной (къ монашескому одѣянію) денежной выдачей. Быть можетъ, претензіи этого „инока“ были и справедливы, но только совѣмъ не нестяжательны.

5) Лицъ, принявшихъ монашескій постригъ по призванію, съ рѣшимостью навсегда подчиниться игу иноческихъ обѣтовъ, я не зналъ ни во время своего обученія въ академіи, ни, насколько то было мнѣ извѣстно, во время болѣе чѣмъ десятилѣтней службы по окончаніи академическаго курса. „Иноки“ принимали „образъ ангельскаго житія“ изъ-за того, чтобы немедленно по окончаніи курса, когда первые кандидаты остаются еще безъ мѣстъ, занять лучшія или любыя изъ наличныхъ преподавательскихъ вакансій въ дух.-учебномъ вѣдомствѣ, черезъ годъ, а то сейчасъ же сдѣлаться инспекторомъ, а чрезъ годъ—два дальше—ректоромъ семинаріи въ ожиданіи высшей почести. „Мірскихъ“ же „благъ“ они никогда не чуждались и не отрекались отъ нихъ на будущее время.

6) При наглядно попиравшейся двигателями „ученыхъ монаховъ“ справедливости—воздавать всякому должное, лучшіе кандидаты богословія попадали нерѣдко въ качествѣ преподавателей подъ началъ ректоровъ (изъ своихъ товарищей), которые въ академіи достойно были „притчею во языцѣхъ“ по своему невѣжеству и отсутствію всякихъ нравственныхъ устоевъ.

О взаимоотношеніи такихъ преподавателей и ректоровъ въ семинаріи, а равно о вліяніи этого обстоятельства на учебно-воспитательное дѣло пастырской школы догадаться не трудно.

7) Воспитанники академіи и во время своего обученія и послѣ, на службѣ въ духовно-учебныхъ заведеніяхъ, не могли не развращаться такимъ насиліемъ надъ правдой и презрѣніемъ къ наукѣ и учебно-воспитательной пользѣ духовной школы со

стороны тѣхъ, кто долженъ бы „право править слово истины“. Подвижниковъ науки и долга теперь, разумѣется, не много. Въ большинствѣ же „всѣ мы—люди, всѣ—человѣки“, и такой „порядокъ вещей“ для большинства педагоговъ духовно-учебнаго вѣдомства является началомъ нравственнаго паденія.

8) Не говорю уже о тѣхъ случаяхъ, когда ректоры изъ „ученыхъ монаховъ“, не имѣя никакихъ средствъ достойно подняться на „свѣщницу“, чтобы стать извѣстными и „свѣтить миру“. усиливаются снискивать себѣ уличную популярность заигрываніями съ учащимися, демонстративными панихидами по казненнымъ бунтовщикамъ и объявленіемъ себя социалистами... Не упоминаемъ равнымъ образомъ и о случаяхъ, когда умственно и нравственно убогіе воспитанники академіи ухищрялись получать ученія богословскія степени и хорошія мѣста въ духовно-учебномъ вѣдомствѣ, благодаря лишь обѣщанію принять монашество.

9) Въ общемъ такіе и подобные случаи воспитывали въ педагогахъ духовной школы мѣщанско-утилитарное настроеніе: наука для жизни—нуль, нравственная порядочность тоже не цѣнится, нужна одна наука—всѣми возможными способами устроить себѣ обезпеченную жизнь, т. е. настроеніе, чуждое всякихъ дѣйствительно человѣческихъ идеаловъ.

10) „Ученое монашество“ наше въ подавляющемъ большинствѣ первымъ слѣдовало этому настроенію и, будучи поощряемо сверху, развращало культурную силу духовной школы. Къ наукѣ оно собственно рѣдко прикасалось. Подъ знаменемъ церковности оно большею частію дѣлало себѣ карьеру. Руководимое имъ духовное юношество это чувствовало и „на законномъ основаніи“, такъ сказать, обворовывалось въ своихъ порывахъ къ идеаламъ „разумнаго, добраго, вѣчнаго“.

Вотъ что побуждало меня къ писанію замѣтокъ противъ монашескаго „протекціонизма“, вреднаго для дѣла духовнаго просвѣщенія, и что я всегда по чистой совѣсти могу сказать, поелику „живъ Богъ, жива душа моя“.

На одну изъ такихъ замѣтокъ послѣдовала „справка“ высокопреосвященнаго Антонія, архіепископа волынскаго подъ заглавіемъ „Ученое монашество (статистическая справка)“. („Колоколь“ № 311, за 8 февраля 1907 г.).

Высокопреосвященный Антоній, предположивъ на неизвѣстныхъ намъ основаніяхъ, что я „видимо мало знакомъ съ ученымъ монашествомъ“, „предлагаетъ для разсѣянія моего невѣднія“ „статистическую справку“. Существа вопроса онъ не касается.

Больно было читать эту „справку“ изъ „книжки“, которая мной и имѣлась въ виду, при писаніи замѣтокъ. Больно было потому, что лично высокопреосвященнаго автора я почитаю, какъ истинно-русскаго святителя, и потому, что этотъ святитель, по своей святой довѣрчивости, не видитъ тѣхъ человѣческихъ пороковъ, которые прикрывались мантией его благодати во время его начальствованія въ С.-П.Бургской, Московскои и Казанскои академіяхъ и теперь прячутся подъ ту же мантию.

„Справка“ архіепископа Антонія—во многихъ случаяхъ одно недоразумѣніе:

1) Высокопреосвященный авторъ говоритъ: „г. Болховецкій написалъ въ „Колоколѣ“ замѣтку, враждебную ученому монашеству“... Слова—ученому монашеству—поставлены безъ ковычекъ и мнѣ приписана враждебность къ тому, къ чему я кромѣ благоговѣнія никогда ничего не питалъ. Въ своихъ замѣткахъ слова—ученое монашество—я всегда беру въ ковычкахъ, чтобы показать, что разумѣемое мною „монашество“ ученымъ назвать нельзя и монашествомъ почитать его неосновательно. Монашество это представляетъ собой теперь особый типъ людей, какъ и прочіе человѣцы, жаждущихъ мірскаго блага, но во имя и для сего отрекшихся отъ сюртука для рясы. Этому „ученому монашеству“—наука собственно чужда и монастыри—неизвѣстны. Святоцерковная же древность не знаетъ монашества внѣ монастырей и на непримиримыхъ съ подлинно монашескими объѣтами службахъ.

2) Противъ приблизительно поставленныхъ мною $\frac{9}{10}$ монашествующихъ начальниковъ духовной школы, архіепископъ Антоній высчитываетъ только 9⁰ начальствующихъ монаховъ въ духовно-учебныхъ заведеніяхъ. Такой процентъ получился потому, что высокопреосвященный Антоній посчиталъ въ данномъ случаѣ духовныя училища, въ которыя „ученые монахи“ почти не идутъ и которыя въ пастыре-учительскомъ собственно дѣлѣ духовной школы (семинаріи и академіи) роли не играютъ, и совсѣмъ обошелъ духовныя академіи. Если же у кого есть охота доказывать ничтожность процента начальствующихъ монаховъ въ духовной школѣ, то можно бы взять въ расчетъ вообще школы духовнаго вѣдомства—церковно-учительскія, церковно-приходскія и т. п.; тогда процентъ начальствующихъ въ нихъ монаховъ выразился бы не въ 9, а, быть можетъ, во сто разъ меньше, и мои $\frac{9}{10}$ были бы поражены еще нагляднѣе... Пусть проститъ мнѣ высокопреосвященный владыка нѣкоторую неточ-

ность въ предыдущей замѣткѣ объ „ученомъ монашествѣ“: подъ начальствомъ духовныхъ пастырско-учительскихъ школъ я разумѣю ректоровъ академій и семинарій. И въ данномъ случаѣ $\frac{9}{10}$ —процентъ едва ли „преувеличенный въ 10 разъ“. Нужно только имѣть въ виду слѣдующее. а) Въ духовныхъ академіяхъ, этихъ разсадникахъ и начальства и учительства въ духовныхъ семинаріяхъ, ректорствуютъ исключительно монахи, и ректорствуютъ въ качествѣ заѣзжихъ на время на постоянный дворъ до получения епархіальной каведры; при чемъ идейное руководство, направленіе высшей духовной школы и воспитаніе соотвѣтственнаго настроенія въ питомцахъ академіи совершенно исчезаетъ. Въ виду этого одна $\frac{1}{10}$ ректорствующихъ монаховъ въ академіяхъ, если не въ цифровомъ, то въ моральномъ отношеніи, стоитъ $\frac{9}{10}$ начальствующихъ въ нашей пастырской школѣ. б) Независимо отъ этого, изъ 57 семинарій въ 30 ректорствуютъ „протекціонные“ монахи, не достигшіе иногда и 30-лѣтняго возраста и до своего ректорства имѣвшіе лишь двухъ или трехъ-лѣтній педагогическій опытъ (30 на 57 уже не 9 %). в) Въ остальныхъ семинаріяхъ, если и ректорствуютъ старики или пожилые и опытные протоіереи, то причиною тому только запозданіе ихъ смертнаго часа или выхода въ отставку,—такъ какъ ректорскія вакансіи въ рѣдкихъ случаяхъ замѣщаются теперь не монахами.

з) Высокопреосвященный Антоній сообщаетъ, что „архимандриты стали появляться на ректорскихъ постахъ такъ часто лишь послѣ „радостныхъ“ событій 1905 г., когда доброю волею никто не шелъ начальствовать въ наши духовно-учебныя заведенія и поневолѣ пришлось приняться за монаховъ и ставить ихъ ректорами „за послушаніе“, а „отказывавшихся ссылатъ въ число братій захолустныхъ монастырей“. Сообщение— исторической важности. Оказывается, „ученыхъ монаховъ“ ссылаютъ даже въ захолустные монастыри за то, что они отказываются быть ректорами... Любопытно было бы только знать, на какой планетѣ существуютъ такіе захолустные монастыри и такіе смиренные „ученые“ иноки. Намъ извѣстно только, что если „ученыхъ монаховъ“ и ссылаютъ въ число братій захолустныхъ монастырей, то далеко не за ихъ смиреніе и отказъ быть ректорами... Съ другой стороны эти ссылки исполняются съ такою же точностью, какъ и ссылка социаль-архимандрита Михаила въ число братій Задонскаго монастыря (куда о. Михаилъ и не подумалъ двинуться). Далѣе,—что „доброю волею никто (кромѣ

монаховъ послушныхъ) не шель“ на ректорскія должности, такъ это зависѣло отъ того, что никому, кромѣ монаховъ, этихъ должностей и не предлагалось, а „доброю волею“ проситься на нихъ, даже заслуженнымъ не изъ монашескаго званія дѣятелямъ семинаріи, значило бы наивно напрашиваться на „лаμποпо“... Глубоко убѣжденъ, что въ любой семинаріи, и послѣ „событій 1905 г.“ и раньше, изъ наличнаго состава служащихъ всегда нашлись бы охотники, и достойные именно, занять ректорскую вакансію. Почему бы нашей духовной власти не испробовать избирать ректоровъ изъ этого состава? Тогда не было бы „неволи“ „приниматься за монаховъ“, дѣлать имъ непріятности и даже „сылать въ число братіи захолустныхъ монастырей“... И пользы для дѣла было бы неизмѣримо больше. А для отречшихся отъ міра молодыхъ „ученыхъ монаховъ“ и помимо ректорства нашлось бы не мало болѣе свойственныхъ имъ „послушаній“: у насъ цѣлая Сибирь непросвѣщенныхъ свѣтомъ Христа ученія инородцевъ, десятки милліоновъ неграмотныхъ бѣдняковъ, милліоны раскольниковъ, сотни тысячъ сектантовъ и т. п. Почему бы не направить рать „ученыхъ“ иноковъ въ эту сторону? „Поневоля“ же ставить монаховъ ректорами „за послушаніе“ только (въ смыслѣ ли награды за послушаніе или въ качествѣ послушанія—все равно), значить завѣдомо презирать ректорское дѣло, какъ таковое.

4) Высокопр. Антоній пишетъ: Никогда юноша-студентъ не пойдетъ въ монахи ради честолюбія (въ огромномъ большинствѣ случаевъ идутъ только ради этого!). Всѣ студенты академіи знаютъ, что примуть-ли они монашество въ молодости или въ 35 лѣтъ, а начальниками будутъ въ одно и тоже время потому, что для ректорскаго чина у насъ берутъ во вниманіе не годы священнослуженія, а годы государственной службы вообще. Зачѣмъ будетъ юноша смиряться, пребывая 7—10 лѣтъ іеромонахомъ, когда онъ можетъ прожечь молодость (это на 61 р. 25 к.—то мѣсячнаго содержанія?) міряниномъ, а затѣмъ постригшись въ 35 лѣтъ, сразу надѣтъ золотую шапку“.

Болѣе сильныхъ строкъ противъ „ученаго монашества“ мнѣ не приходилось читать. Въ этихъ строкахъ самое высокое доказательство правоты моей мысли о разлагающемъ вліяніи монашескаго „протекціонизма“ на духовную школу. Высокопр. Антоній категорически утверждаетъ, что „всѣ студенты академіи знаютъ“, какъ вы думаете какую истину? Да ту, что для „начальствованія“ въ духовно-учебныхъ заведеніяхъ и „золотой

шапки“ нужно только „постриженіе въ монашество“... Печальная истина!

Кромѣ того, и съ фактической стороны „справка“ высокопр. владыки на счетъ „7-10 лѣтъ“ іеромонашествованія и „35 лѣтъ“ возраста „ученыхъ монаховъ“ до начальствованія не совсѣмъ точна.

Вотъ примѣры изъ той же „книжки“, на основаніи которой высокопр. Антоній „разсѣиваетъ невѣдѣніе“ мое. Ректоры:

1) С.-П.-Бургской академіи еп. Сергій, окончилъ курсъ въ 1896 г., въ томъ же году сдѣланъ инспекторомъ С.-П.-Б. семинаріи, а въ 1899 г. ректоромъ.

2) Москов. академіи, еп. Евдокимъ, ок. курсъ въ 1894. г., въ 1896 г. инспекторъ сем., въ 1898 г. инспекторъ академіи. въ 1903 г. ректоръ.

3) Астраханской сем., архим. Іоаннъ, ок. кур. 1893 г. въ томъ году смотритель дух. уч., въ 1895 г. инспекторъ семинаріи олонец., въ 1896 г.—инсп. сем. Саратовской, въ 1900 г. ректоръ.

4) Александровской-миссіонерской сем., архим. Арсеній, ок. кур. въ 1902 г., въ 1903 г. инспекторъ сем., въ 1905 г. ректоръ.

5) Волинской сем. архим. Виссаріонъ (родился въ 1878 г.), ок. кур. въ 1902 г., перемѣнивъ 3 мѣста, въ 1903 г. инспекторъ, въ 1905 г. ректоръ.

6) Вятской, сем. архим. Василій, ок. кур. въ 1901 г., въ 1902 г. инспекторъ, въ 1903 г.—ректоръ.

7) Иркутской, архим. Евгеній (род. 1877 г.), ок. кур. въ 1902 г., въ 1904 г. инспекторъ, въ 1906 г.—ректоръ.

8) Кіевской, архим. Амвросій (род. 1878 г.), ок. кур. въ 1903 г., въ 1906 г.—ректоръ.

9) Московской, архим. Ѳеодоръ (род. 1876 г.), ок. кур. въ 1900 г., въ 1902 г. инспекторъ и въ томъ же году ректоръ.

10) Пензенской, архим. Николай (род. 1873 г.), ок. кур. 1897 г., въ 1899 г. инспекторъ, въ 1903 г. ректоръ.

11) Полтавской, архим. Варлаамъ. (род. 1878 г.), изъ гимназистовъ, ок. кур. 1900 г., въ 1901 г. принялъ монашество, въ 1903 г. инспекторъ, въ 1906 году г.—ректоръ.

12) Псковской, архим. Никодимъ, ок. кур. въ 1900 г., въ 1902 г. инспекторъ, въ 1903 г.—ректоръ.

13) Рязанской, архим. Григорій, ок. кур. 1894 г., въ 1896 г. инспекторъ, въ 1897 г.—ректоръ.

14) Самарской, архим. Неофитъ (род. 1875 г.), ок. кур. въ 1901 г., въ 1903 г. смотритель дух. уч., въ 1905 г.—ректоръ.

15) С.-Петербургской, архим. Веніаминъ, ок. кур. въ 1897 г. въ 1898 г. инспекторъ, въ 1902 г.—ректоръ.

16) Тамбовской, архим. Симеонъ (род. 1878 г.), ок. кур. въ 1903 г., въ 1906 г.—ректоръ.

17) Тобольской, архим. Николаѣ, ок. кур. въ 1901 г., въ 1902 г. инспекторъ, въ 1904 г.—ректоръ.

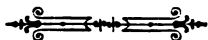
18) Тульской, архим. Алексѣй (род. 1877 г.), ок. кур. въ 1904 г., въ томъ же году инспекторъ, въ 1906 г.—ректоръ.

19) Уфимской, архим. Меодій, ок. кур. въ 1902 г., въ 1903 г. инспекторъ, въ 1906 г. ректоръ.

20) Холмской, архим. Діонисій (род. 1876 г.), ок. кур. въ 1900 г., въ 1901 г. инспекторъ, въ 1902 г.—ректоръ.

Кажется, достаточно примѣровъ, чтобы видѣть, что для „ученыхъ монаховъ“ не требуется ни „35 лѣтъ“ возраста, ни 10 лѣтъ смиренія іеромонашескаго, ни долгой „государственной службы“, чтобы сдѣлаться „поневоля“ ректоромъ и надѣть „золотую шапку“... Я не перечислялъ остальныхъ ректоровъ—монаховъ, такимъ же порядкомъ получившихъ „ректорскій чинъ“ и до „событій 1905 года“: все въ томъ же родѣ. Какіе ректора и руководители духовной школы могутъ быть изъ этихъ quasi-ученыхъ монашенковъ, состоящихъ наперсниками епархіальныхъ владыкъ, и какъ можетъ дѣйствовать двиганіе ихъ „поневоля“ къ „начальствованію“ и „золотымъ шапкамъ“ на учебно-воспитательное дѣло нашихъ семинарій,—предоставимъ судить объ этомъ нашимъ читателямъ. Sapienti sat.

Н. Болховецкій.

надѣются имѣть больше вліянія на главу и членовъ церкви. И нужно признаться, прибавляетъ газета, такія надежды ихъ нельзя считать совсѣмъ уже неосновательными. Антицерковному лагерю хорошо извѣстно существованіе партій около патріаршихъ престоловъ въ Востокахъ, существенно вліяющихъ какъ на самое избраніе патріарха, такъ и на характеръ его управленія церковными дѣлами. Почему же нашимъ либераламъ и радикаламъ не питать надеждъ на образованіе своей партіи, вліятельной и при актѣ избранія патріарха, и въ послѣдующее время?“.

На счетъ реформы высшаго церковнаго управленія въ газетѣ „Заря“ высказано особое оригинальное мнѣніе (см. №№ 261 и 262 отъ 2 и 3 апрѣля), отмѣченное и либеральной и консервативной печатью, первую съ снисходительной улыбкой, а вторую съ серьезнымъ вниманіемъ. Въ означенныхъ №№-хъ газеты изложенъ проектъ реформы, принадлежащій собственно нѣкоторымъ духовнымъ лицамъ, нѣкогда служившимъ въ учрежденіяхъ при св. синодѣ и потому отлично знающимъ всю закулисную сторону существующаго церковнаго управленія. Передающій въ газетѣ этотъ проектъ, нѣкто г. Внѣшній, находитъ его „не только очень любопытнымъ, до-нельзя простымъ, несложнымъ, ввести который можно хоть завтра и при томъ безъ всякой ломки существующаго строя высшаго церковнаго управленія“, но и способнымъ, дѣйствительно, достигнуть цѣли. Сущность такого проекта заключается въ слѣдующемъ.

Знающіе закулисную сторону существующаго высшаго церковнаго управленія сходятся съ приведеннымъ выше мнѣніемъ проф. Н. Никольскаго о томъ, что предполагаемая реформа этого управленія имѣетъ цѣлю возвысить значеніе церковной іерархіи въ ущербъ или ослабленіе (если не полное упраздненіе) оберъ-прокурорской власти. Но для достиженія этой цѣли совсѣмъ не требуется коренной ломки существующаго строя высшаго церковнаго управленія. Чтобы ослабить силу и значеніе оберъ-прокурора въ синодѣ и во всемъ вѣдомствѣ, для этого достаточно изъять изъ его рукъ два прессы, которыми онъ давитъ на высшую церковную іерархію. Первый изъ этихъ прессовъ, простирающій свое дѣйствіе на всю іерархію, это—сосредоточившееся въ рукахъ оберъ-прокурора исключительное право представленія архіереевъ къ почетнымъ наградамъ. „Несправедливо смотрѣть на архіереевъ, какъ на особый сортъ людей, которымъ все человѣческое чуждо. Они въ массѣ своей такіе же люди, какъ и всѣ... Судя же объ архіереяхъ, какъ объ обыкновенныхъ людяхъ, нельзя не признать, что настоящая постановка дѣла объ удостоеніи ихъ почетными наградами очень чувствительна и обидна для ихъ самолюбія, и это тѣмъ болѣе,

что къ архипастырямъ, которыхъ находятъ и которыхъ обходятъ наградами, отношенія пасомыхъ бывають довольно таки различны“. По передаваемому нами проекту, будто бы, слѣдуетъ только изъять изъ рукъ оберъ-прокурорской власти дѣло о награжденіи архіереевъ и передать его въ руки св. синода, „и архіереи станутъ неузнаваемы со стороны ихъ самостоятельности въ отношеніи къ оберъ-прокурорской власти“.—Другой прессъ, которымъ, по изложенному въ „Зарѣ“ проекту, оберъ-прокурорская власть сильно давить на церковную іерархію и главнымъ образомъ на личный составъ св. синода и который также очень легко можно было бы изъять изъ рукъ этой власти, это—чиновники и чиновники именно синодальной канцеляріи. „Логикѣ вещей, говорится въ проектѣ, чиновники синодальной канцеляріи должны бы находиться въ непосредственномъ и полномъ распоряженіи св. синода, какъ чиновники канцеляріи оберъ-прокурорской въ распоряженіи оберъ-прокурора. Однако, вопреки этой естественной логикѣ, служба, а съ нею и судьба синодальныхъ чиновниковъ вѣтъ всякой зависимости отъ синода. Чтобы прессъ этотъ, при надобности, былъ послушенъ и даже ревновалъ къ этому послушанію „по собственному влеченію“, за нимъ, можно сказать, особо ухаживають. Къ синодскимъ чиновникамъ особое благоволеніе со стороны оберъ-прокуратуры; ихъ задобривають... Всѣ лучшія мѣста въ духовномъ вѣдомствѣ замѣщены чиновниками именно синодальной канцеляріи... Синодскіе чиновники видятъ, ощущають, откуда имъ свѣтитъ и даже грѣбеть, и вотъ они, естественно, какъ цвѣтки, тянутся въ сторону тепла и свѣта... Нынѣ, когда архіереи пріѣзжаютъ въ зданіе св. синода на засѣданіе, они чувствуютъ, что являются какъ бы въ чужой домъ, гдѣ имъ не особо рады, ждали по обязанности, ничего отъ нихъ не чають и, потому, мало величаютъ. Поэтому архіереи и держатъ себя въ синодѣ, что называется, отресею ножку, и работають, какъ бы безъ рукъ. Иное дѣло, еслибы они являлись въ синодѣ дѣйствительными хозяевами собственнаго дома. Они были бы тогда несравненно сильнѣе и дѣйствовали несравненно самостоятельнѣе. Не даромъ говорится, что въ своемъ домѣ стѣны помогаютъ“.

Если, какъ это мы уже видѣли, для иныхъ публицистовъ (напр., г. Ровинскаго въ „Словѣ“, № 118-й и г. Слезкинскаго въ „Разсвѣтѣ“ № 31-й) было еще только вопросомъ: будетъ ли лучше, въ смыслѣ свободы церкви, отъ перенесенія власти изъ рукъ высшей бюрократіи въ руки высшихъ представителей духовенства и отъ того, что указы станутъ писать и посылать въ епархіи не оберъ-прокуроры св. синода, а патріархи, то для другихъ публицистовъ это вопроса не составляло. Они съ рѣшительностію утверждали, что будетъ хуже. Вотъ, напри-

мѣръ, какъ разсуждаетъ на этотъ счетъ въ „Нов. Времени“ (№ 10451-й) Я. Кирѣевскій: „Замѣна оберъ-прокурора патриархомъ, а канцелярій, подначальныхъ оберъ-прокурору, собраніями епископовъ, при которыхъ роль канцелярій замѣняютъ единолично секретари-келейники, нерѣдко съ успѣхомъ оспаривающіе у консисторій пальму первенства по части угашенія духа жива въ подначальномъ приходскомъ духовенствѣ,— такая замѣна для всего, забытаго нынѣ, пришибленнаго клира сама по себѣ ровно еще ничего не общаетъ; вѣдь этотъ клиръ очень мало имѣетъ дѣла съ синодальнымъ оберъ-прокуроромъ и его канцеляріей; онъ въ полномъ подчиненіи своимъ архіереямъ, которые въ начальственномъ отношеніи къ нему не связаны никакими правилами, а руководятся только собственнымъ благоусмотрѣніемъ... Притязанія и произволъ свѣтскаго владыки церковнаго управления все-таки могли бы нѣсколько сдерживаться синодомъ, который по закону вовсе не подчиненъ ему. А что же будетъ сдерживать произволъ и чрезмѣрные притязанія патриарха, который будетъ и *de jure* главою всего церковнаго управления? Синодъ при немъ будетъ еще въ большей мѣрѣ простой декораціей, чѣмъ теперь... Для общества, для того собранія вѣрующихъ, которое и образуетъ церковь, не столько важно то, кто распоряжается церковною жизнью и направляетъ ее, а всего болѣе важно то, какъ распоряжаются этою жизнью и куда ее направляютъ... Всякій, кто ставитъ на первомъ планѣ сущность дѣла, а не форму одну, согласится, что замѣна въ церковной администраціи всевластнаго и далекаго отъ церковной жизни вице-мундира такимъ же всевластнымъ и—скажемъ это съ увѣренностію—еще болѣе далекимъ отъ церковной жизни кlobукомъ сама по себѣ еще ничего не предрѣшаетъ для церковно-приходской жизни, тѣмъ болѣе, что по части властолюбія, честолюбія и деспотизма монашескій кlobукъ, какъ извѣстно, нисколько не уступитъ вице-мундиру и даже перещеголяетъ его“.

Одинаково съ г. Кирѣевскимъ смотритъ на дѣло, въ числѣ другихъ публицистовъ и г. Шукинъ (препод. Рижск. дух. семинаріи). „Говорятъ,—пишетъ онъ въ „Рижск. Вѣстникъ“ (№ 77-й),—что при синодѣ церковная власть совершенно подавлена, церковное дѣло подорвано. Но и слабый, недостаточно ревнующій о Христовомъ дѣлѣ, патриархъ можетъ допустить ущербъ для церковнаго дѣла, уступая несправедливому посягательству свѣтской власти, и единодушный, ревностный синодъ въ концѣ концовъ можетъ отстоять святое дѣло, не смотря ни на какое властное оберъ-прокурорское давленіе. Такимъ образомъ, дѣло не въ томъ, патриархъ или синодъ правитъ православною церковью, а въ томъ, есть ли ревность Божія въ правителяхъ его... Напрасно ставятъ въ спеціальную вину синодальной формѣ церковнаго

управленія чиновничій бюрократизмъ. Кто поручится, что онъ не можетъ быть и при патриаршемъ управленіи? Рысоносцы не менѣе фращниковъ могутъ быть, въ сущности, такими же и даже еще горьшими бюрократами“.

Въ „Варшав. Дневникъ“ (№ 95-й) помѣщена статья священника Гр. М—скаго подъ заглавіемъ: „Невольныя опасенія“. Въ статьѣ этой авторъ такъ высказывается: „Положительно можно сказать, что теперь (№ газеты отъ 5 апрѣля 1905 года) мы не встрѣчаемъ ни одной газеты, которая касалась бы наступающей церковной реформы и не была бы проникнута чувствомъ опасенія за будущее. Въ самомъ дѣлѣ, что сулитъ намъ соборъ и патриаршество? Въ настоящее время вся власть церкви принадлежитъ монашеству... Со стороны монашества ясно высказывалось довольно откровенно пожеланіе превратить церковь въ клерикально-монашеское учрежденіе. Но клубокъ въ оградѣ церкви до настоящаго времени встрѣчалъ фракъ и долженъ былъ отступать предъ нимъ. Съ возстановленіемъ патриаршества правящія монашескія сферы возвратятъ себѣ полную свободу дѣйствій въ церкви, и гдѣ гарантіи, что вся теперь уже не стѣсняемая фраккомъ, дѣятельность не сведется единственно только къ интересамъ монашества, гдѣ мы можемъ почерпнуть увѣренность, что возстановленіе патриаршества не будетъ равносильно установленію у насъ своего рода монашескаго папизма?“

„Кому нужно, спрашиваетъ г. Комаровъ въ газетѣ „Свѣтъ“ (№ 89-й), уничтоженіе должности оберъ-прокурора св. синода?—Люди, сильныя волею, умомъ и опытомъ, которымъ чуждо ложное представленіе о почестяхъ и которыхъ не точитъ червь стяжанія, занимающіе высшее духовное положеніе, всегда сумѣютъ быть выслушанными. Такимъ церковнымъ сановникамъ оберъ-прокуроръ не страшенъ“.

Защитниками синодальнаго status quo были у насъ и церковныя іерархи. Таковъ, напр., извѣстный архіепископъ Херсонскій Никаноръ Г-нъ Скворцовъ, передавая въ „Мис. Обзорѣнн“ (№ 5-й) исторію возникновенія вопроса о церковной реформѣ, между прочимъ, передаетъ такой рассказъ относительно преосвященнаго Никанора. „Разъ на экзаменѣ въ д. семинаріи, когда преподаватель пытался критиковать Теофана Прокоповича за его Регламентъ и учрежденіе оберъ-прокуратуры, преосвященный, не обинуясь, замѣтилъ: „если бы не было оберъ-прокуроровъ, то мы всѣ (архіереи) другъ съ другомъ перегрызлись бы“.

Въ ряду статей, въ которыхъ высказываются мнѣнія и сужденія о пользѣ и необходимости оберъ-прокурорской власти при синодѣ, укажемъ на статью „Мірянина“ въ „Нов. Времени“ (№ 10468-й). Статья эта

характерна тѣмъ, что авторъ ея (бывшій попечитель церковно-приходскихъ школъ и членъ епархіальнаго училищнаго совѣта въ Литовской епархіи) доказываетъ свою мысль о пользѣ оберъ-прокуратуры исключительно фактами изъ дѣйствительной жизни въ названной и Оренбургской епархіяхъ и при томъ такими, „за точность которыхъ онъ ручается и отвѣчаетъ“.

Прежде чѣмъ приводитъ самые факты, „Мірянинъ“ высказывается такъ: „На моихъ глазахъ было нѣсколько случаевъ, когда общественное и имущественное положеніе и самое доброе имя сельскихъ пастырей было спасено только страхомъ отвѣтственности предъ такимъ синодомъ, при которомъ имѣется оберъ-прокуроръ... На моихъ глазахъ совершались факты возмутительные—по своему деспотизму и жестокосердію, или же по своей неправдѣ, вызывавшіе во мнѣ чувства величайшаго негодованія къ утѣснителямъ и въ то же время чувства благоговѣйнаго уваженія къ христіанскому терпѣнію и кротости утѣсняемыхъ“.

Приводимые далѣе факты, дѣйствительно, разительны и жаль, что нѣтъ мѣста для передачи ихъ.

IV.

Церковные соборы и ихъ составъ.—Составъ священнаго синода.—Права патріарха, какъ предсѣдателя синода и какъ первоіерарха Р. Церкви.—Права и обязанности оберъ-прокурора свящ. синода.—Отношеніе печати къ самому предсоборному присутствію и отзывы ея о его составѣ, сужденіяхъ и рѣшеніяхъ.—Критика проектовъ состава будущихъ перваго или чрезвычайнаго и послѣдующихъ повременныхъ церковныхъ соборовъ, а также священнаго при патріархѣ синода.

Какъ извѣстно, однимъ изъ важнѣйшихъ вопросовъ, подлежавшихъ обсужденію въ предсоборномъ присутствіи, былъ вопросъ о новомъ устройствѣ высшаго управленія Россійскою православною Церковью. И этотъ вопросъ въ названномъ присутствіи получилъ свое рѣшеніе въ происходившихъ еще въ первой половинѣ іюня мѣсяца минувшаго 1906 года общихъ собраній присутствія. Большинствомъ голосовъ принята такая формула: „Высшее управленіе Русской Церкви принадлежитъ созываемому періодически помѣстному собору подъ предсѣдательствомъ патріарха.

Относительно *состава повременныхъ* соборовъ единогласно признано, что онъ долженъ быть такой-же, какъ и предположенный составъ перваго чрезвычайнаго собора, т. е. изъ епископовъ (съ рѣшающимъ голосомъ), клириковъ и мірянъ (съ совѣщательнымъ). Точно также единогласно принято, что *собору принадлежитъ власть законодательная, руководительная, ревизіонная и высшая судебная, право избранія патріарха*. Кандидатовъ въ патріархи (по рѣшенію большинства членовъ присутствія) указываютъ міряне, клиръ и епископы; избираетъ же изъ числа указанныхъ кандидатовъ соборъ епископовъ.

Органомъ высшаго церковнаго управленія, по проекту присутствія, долженъ быть постоянный синодъ (именуемый „священнымъ“) съ предсѣдателемъ во главѣ. Большинство голосовъ (28 противъ 15) высказались за составъ членовъ постояннаго синода изъ однихъ епископовъ (въ числѣ 12-ти, сверхъ предсѣдателя), безъ участія клириковъ и мірянъ.

Вопросъ о *правахъ* будущаго главы Русской Церкви—*патріарха* обсуждался, отдѣльно, какъ *предсѣдателя синода* и какъ *первоіерарха Русской Церкви*.—Права патріарха, какъ *предсѣдателя*, въ общихъ чертахъ опредѣлены такъ: онъ предсѣдательствуетъ въ синодѣ и ру-

ководитъ тамъ порядкомъ обсужденія дѣлъ, наблюдаетъ за исполненіемъ постановленій синода и за правильнымъ теченіемъ дѣлъ во всѣхъ состоящихъ при синодѣ учрежденіяхъ, принимаетъ жалобы на епископовъ и даетъ имъ надлежащій ходъ, сносятся съ прочими церквами, съ высшими государственными установленіями (по текущимъ дѣламъ), лично ходатайствуетъ предъ Государемъ Императоромъ, какъ покровителемъ Церкви, о неотложныхъ и важнѣйшихъ ея нуждахъ и представляетъ Государю Императору ежегодно всеподданнѣйшіе отчеты о состояніи Церкви.—*Какъ первоіерархъ Русской Церкви*, патриархъ наблюдаетъ за замѣщеніемъ епископскихъ кафедръ, принимаетъ къ своему разсмотрѣнію дѣла по личнымъ спорамъ между собою епископовъ, добровольно обращающихся къ нему за рѣшеніемъ распри безъ формальнаго судопроизводства, разъясняетъ частныя недоумѣнія епископовъ по вопросамъ церковнаго порядка, съ вѣдома синода и съ соизволенія Государя Императора созываетъ всероссійскіе соборы и представляетъ на нихъ, имѣетъ высшее наблюденіе за порядкомъ и благоустройствомъ въ Русской Церкви, пользуется преимуществомъ чести предъ всѣми епископами Р. Церкви и имя его, вмѣстѣ въ имени синода, поминается при богослуженіи во всѣхъ церквахъ Россіи, имѣетъ право посылать учительныя посланія и пастырскія воззванія ко всей Р. Церкви, по нарушенію правъ и обязанностей своего служенія подлежитъ суду собора епископовъ Р. Церкви, созываемаго синодомъ по благоусмотрѣнію Государя Императора.

Въ предсоборномъ присутствіи опредѣлены также права и обязанности оберъ-прокурора священнаго синода. По проекту присутствія, оберъ-прокуроръ въ священномъ синодѣ, какъ представитель Государя Императора, наблюдаетъ за согласіемъ постановленій и рѣшеній синода съ требованіями закона, при несоотвѣтствіи таковыхъ съ закономъ, обращаетъ на это вниманіе синода и затѣмъ въ случаѣ несогласія священнаго синода съ высказаннымъ заключеніемъ, всеподданнѣйше о семъ докладываетъ Его Величеству.—Какъ представитель Государя, защитника Церкви, оберъ-прокуроръ священнаго синода участвуетъ въ высшихъ государственныхъ установленіяхъ въ обсужденіи, а въ соотвѣствующихъ случаяхъ и въ рѣшеніи церковно-общественныхъ дѣлъ и вопросовъ какъ законодательнаго, такъ и исполнительнаго характера, подлежащихъ разсмотрѣнію сихъ установленій.—Оберъ-прокуроръ свящ. синода не входитъ въ составъ совѣта министровъ. Почему смѣна министерства, вслѣдствіе колебанія внутренней политики, не можетъ необходимо влечь за собою и смѣну оберъ-прокурора священнаго синода.

Любопытно и очень важно теперь узнать, какъ отнеслась къ

проекту реформы высшаго церковнаго управления, выработанному пр. присутствіемъ, періодическая печать 1).

По характеру отношенія, по сужденіямъ печати о проектѣ присутствія можно догадываться, какъ извѣстная часть общества отнесется къ церковному собору и съ какими вообще запросами обратится подготовленное печатью общество къ этому будущему собору.

Необходимо припомнить, что вопросъ о реформѣ высшаго церковнаго управления предварительнаго обсуждения и рѣшенія его въ общемъ собраніи пр. присутствія подобно разрабатывался въ I отдѣлѣ присутствія подъ предсѣдательствомъ Херсонскаго архіепископа Дмитрія. Свѣдѣнія о сужденіяхъ и заключеніяхъ отдѣла своевременно проникали въ періодическую печать и подвергались ей критическому разбору.

Но прежде чѣмъ передавать отзывы печати о рѣшеніяхъ сначала отдѣла присутствія, а затѣмъ всего присутствія по вопросу о реформѣ высшаго церковнаго управления считаемъ нужнымъ указать на то, какъ свѣтская періодическая печать отнеслась къ самому предсоборному присутствію.

Печать эта уже послѣ перваго засѣданія пр. присутствія (8 марта м. г.) начала высказывать о немъ свои отзывы. Такъ газета „Нов. Путь“, какъ передаетъ „Колоколь“ (въ № 57-мъ отъ 12 марта), подмѣтивъ, что на первомъ засѣданіи опредѣлились два теченія—одно въ сторону того, чтобы слъзуть компетенцію и даже голосъ мірянъ на соборѣ, другое въ сторону расширенія ихъ участія въ дѣлѣ, подмѣтивъ не-приятное для мірскаго человѣка, такъ сказать, „бореніе“ съ нимъ епископата, не жалуется и пр. присутствія и выражаетъ готовность какъ бы бойкотировать его.

„Думаемъ, говоритъ „Н. Путь“ что благодать можетъ почивать только развѣ на дѣйствіяхъ самаго собора (если по своему составу онъ явится выраженіемъ гласа народнаго, въ которомъ можно видѣть и отраженіе гласа Божія), а никакъ не на подготовительномъ къ нему совѣщаніи, хотя бы и очень авторитетныхъ, но не гласомъ народнымъ избранныхъ лицъ. Это совѣщаніе можетъ намѣтить вопросы для собора, облегчить ему черновую подготовительную работу, но не въ правѣ замыкать дѣйствія собора въ заранѣе опредѣленные рамки, а тѣмъ болѣе предрѣшать такъ или иначе вопросы,

1) Въ своемъ мѣстѣ мы уже объясняли, почему насъ интересуеть преимущественно свѣтская періодическая печать, и считаемъ излишнимъ повторять теперь это объясненіе.

задавая нѣкоторымъ образомъ тонъ. Функціи собора новая коммисія и ея „отдѣлы“ никоимъ образомъ не должны исчерпывать или, выражаясь церковнымъ языкомъ, „предвосхищать“.

По замѣчанію „Колокола“, тирада эта на простомъ разговорномъ языкѣ можетъ быть передана весьма кратко и выразительно: „господа, не много разговаривайте“.

Въ тонъ этому отношенію къ пр. присутствію, М. Ѳеодоровъ въ „П. Листкѣ“ рѣшился даже пророчествовать, что міряне и одни могутъ преобразовать церковь. „Въ результатѣ,—выражается онъ, первое собраніе особаго присутствія показало, что духовенству придется отбросить свои обычные приемы угождать одновременно волкамъ и овцамъ, а идти къ дѣлу обновленія церкви прямымъ, честнымъ путемъ. Въ противномъ случаѣ они окажутся въ хвостѣ у своихъ сотрудниковъ мірянъ и честь преобразования церкви будетъ принадлежать не имъ, а „мірскимъ людямъ“. Такъ высказался г. Ѳеодоровъ (насколько извѣстно, этотъ г. Ѳ—въ—священникъ изъ окрестностей Петербурга) о пр. пр—віи по *первому* его общему собранію. При томъ же убѣжденіи остался онъ и по окончаніи трудовъ присутствія, по его закрытіи. Разница только въ томъ, что въ 1907 году онъ, какъ особое счастье для русской православной церкви, отмѣтилъ, что на дѣло преобразования церкви обратила вниманіе партія народной свободы, которая чрезъ Думу и доведетъ это дѣло до ожидаемаго конца. Надежды М. Ѳ—ва на кадетскую партію вызвали со стороны „Колокола“ ироническое замѣчаніе: „особенно если во главѣ дѣла церк. реформы станетъ въ Думѣ юркій еврейчикъ (№ отъ 6 февр.).“

Въ „Народ. Газетѣ“ (отъ 20 марта) высказано также мнѣніе, будто бы пр. присутствіе хотѣло не только предрѣшить все, что должно быть рѣшено церковнымъ соборомъ, но и предоставить этому собору лишь слѣдовать ея указаніямъ.—Въ газетѣ „Рѣчь“ (отъ 18 апр.) нѣкто А. Р. по тому же предмету высказался такъ: „присутствіе не только разрабатываетъ вопросы реформы, но и подготавливаетъ ихъ рѣшеніе: оно намѣчаетъ строгія рамки, изъ которыхъ „никакоже да не выступитъ будущій всероссійскій помѣстный соборъ“. Иначе говоря, это присутствіе, какъ видно, непрочъ само по себѣ сыграть роль помѣстнаго собора!“...

Итакъ, съ самаго же перваго дня существованія предсоборнаго присутствія въ общественной мысли стало обнаруживаться желаніе быть руководительницею присутствія и готовность вложить указку въ руки самаго будущаго церковнаго собора. Съ явленіемъ этимъ необходимо считается, такъ какъ оно, по справедливому мнѣнію

„Колокола“, никакими компромиссами и дипломатическими шагами не устранимо.

Недовольство составом пр. присутствія за преобладаніе въ немъ класса высшаго монашества и духовной профессуры почти одновременно (отъ 14—16 марта) выражено также въ газетахъ: „Кіев. Жизнь“, (ст. св. С--ва), „Рус. Голосъ“ (ст. *Ипполита Гобшиттера*) и „Сарат. Листокъ“. При этомъ автору статьи въ „К. Жизнь“ составъ пр. пр—вія кажется не только однороднымъ по составу, но и „положительно одностороннимъ по духу“ и потому не могущимъ служить „гарантіей полнаго и всесторонняго предварительнаго изслѣдованія вопросовъ“ (будущаго собора).—Не замедилъ высказать слово осужденія пр. пр—вію свящ. Г. Петровъ. Въ „Р. Словъ“ (отъ 30 марта) онъ писалъ: Соборъ назначенъ. Предписанъ государственною властью. Что же мы видимъ? (Вопросъ—прибавимъ—имѣетъ въ виду все вообще „церковное вѣдомство“, „духовенство въ его-цѣломъ, жаловавшееся, что чиновничество синодальное стѣснило его дѣятельность“). Загорѣлась работа? Загорѣлись сердца? Открылось пастырство духомъ? Загребѣли пламенные рѣчи? Ничего, ничего и ничего. Пошли какія-то комиссіи, подкомиссіи, запросы, переписка, отписка, собраніе мнѣній, обсужденіе программъ, намѣчаніе вопросовъ, споры о правѣ—быть или не быть кому на соборѣ. Громятся горы канцелярскихъ бумагъ, потѣютъ за работой разные синодскіе и архіерейскіе секретари, а живое Божье дѣло, строительство живой христіанской церкви въ русскомъ народѣ на вершокъ не подвинулась, да и не видно желанія подвинуть его. Скажете, спрашиваетъ о. Петровъ, что-же дѣлать? Какъ приступить къ соборному обсужденію? Не съ голыми же пустыми руками идти на соборъ? Надо же заготовить матеріаль. Не знаю,—отвѣчаетъ онъ. Не берусь указывать путь дѣйствій всему російскому духовенству. Я самъ ишу указаній. И обращаюсь за ними къ книгѣ „Дѣяній апостоловъ“. Первый церковный соборъ былъ еще при апостолахъ... Апостолы собрались въ Іерусалимѣ, пришли въ собраніе вѣрующіхъ, и церковь получила руководящее начало. А пришли они на соборъ именно съ пустыми руками, но не съ пустымъ сердцемъ“...

Въ „С.-Петербург. Вѣдомостяхъ“ (№ отъ 7 апр.) нѣкто „*Ревнитель православія*“ высказываетъ твердое свое убѣжденіе, что будущему церковному собору, по справедливости называемому „чрезвычайнымъ“, непременно „придется въ сужденіяхъ своихъ коснуться жизни и другихъ помѣстныхъ православныхъ церквей и обсудить хотя теоретическіе вопросы, напр., объ отношеніи русскаго синода къ болгарской церкви, антиохійской и др. подобныя. Вѣдь никто, утверждаетъ „Ревнитель“, не можетъ поручиться, что уже во время собора константинополь-

ская вселенская патриархія не выдвинетъ этихъ вопросовъ и не поставитъ ихъ ребромъ, требуя категорическаго отвѣта“. Предвидя все это, „Ревнитель“ высказался за необходимость поднять церковный авторитетъ пр. пр—вія приглашеніемъ въ составъ послѣдняго представителей восточныхъ патриарховъ или, по меньшей мѣрѣ, вселенскаго патриарха константинопольскаго. И это, по мнѣнію „Ревнителя“, тѣмъ необходимѣе, что въ 1903 году самъ же русскій синодъ въ посланіи патриарху Іоакиму III въ отвѣтъ на его предложеніе созвать соборъ, высказавшись за неосуществимость въ настоящее время („когда святыя церкви помѣстныя раздѣлены между собою границами государствъ“) всенароднаго и вселенскаго обсужденія ими церковныхъ вопросовъ, такъ писалъ патриарху: „пусть въ тѣхъ случаяхъ, когда предстоитъ въ помѣстной церкви какая-либо реформа, глубоко затрогивающая установившійся церковный строй,—пусть тогда предстоятель этой церкви, посредствомъ посланія или иначе, извѣститъ предстоятелей и другихъ помѣстныхъ церквей, прося у братской опытности ихъ совѣта и поставляя ихъ въ извѣстность о происшедшемъ въ его области“... „И вотъ, говоритъ „Ревнитель“, въ такомъ положеніи, когда необходимъ всякій „братскій совѣтъ и указанія въ случаяхъ затруднительныхъ“,—по Божьему изволенію оказалась теперь сама церковь русская.—И исполненіе ея пожеланій, по изволенію Божію, должно и совершиться прежде всего на ней самой“....

Другое искреннее пожеланіе „Ревнителя“ состоитъ въ томъ, чтобы въ пр. пр—віе не были вызываемы по приглашенію люди, почему-либо признанные для того удобными, а приглашены *естъ*, кому дорого церковное дѣло, приглашены искренне, съ братскою любовью, а не для назиданія, въ которомъ мало кто съ нашей стороны нуждается, такъ какъ кромѣ назиданій никто ничего отъ насъ давно уже и не видѣлъ.

И еще одно „Ревнитель“ высказалъ пожеланіе, это—„чтобы труды пр. пр—вія предавались самому широкому распространенію и популяризаціи среди православныхъ; всѣ извѣстія даже о разногласіяхъ на предварительномъ предсоборномъ обсужденіи церковныхъ вопросовъ могутъ быть только полезны и вызвать заранѣе обмѣнъ мнѣній, который можетъ предупредить болѣе серьезныя разногласія и неожиданности на самомъ соборѣ“.

Совершенно противоположный взглядъ на послѣдній вопросъ высказала (12 апр.) „Россия“... „Мы думаемъ, говоритъ она, что было бы нежелательно предавать труды пр. пр—вія широкой гласности, чтобы лишнимъ разногласіемъ въ обсуждаемыхъ вопросахъ и газетнымъ обмѣномъ мнѣній не вызвать очень серьезныхъ осложненій въ важномъ

дѣлѣ, гдѣ не должно быть ни страстности, ни политики, а одна лишь преданность вѣрѣ отцовъ и любовь къ ближнему“.

Въ „Нов. Времени (отъ 3 іюля), которое радикальныя газеты характеризуютъ, какъ „дружелюбное отцамъ церкви“ (см. напр. „Наша Жизнь“, № 451-й), сотрудникъ этой газеты г. Розановъ отзываясь о пр. пр—віи, что „это не русское и не столичное совѣщаніе, а какое-то деревенско-схоластическое, которое, кромѣ своей колокольни, ничего не видитъ и, кромѣ своего звона, ничего не слышитъ“.

Съ рѣшительнымъ отрицаніемъ всякаго значенія какъ бывшаго пр. присутствія, такъ и будущаго церковнаго собора, отнесся и другой, постоянный сотрудникъ „Нов. Времени“ М. Меньшиковъ. Уже въ концѣ января (28 ч.) сего 1907 года онъ высказалъ (см. 11.902): „Всѣ эти „предсоборныя“ совѣщанія, какъ и самъ соборъ, если онъ когда-нибудь соберется, будутъ священно-канцелярской логомахіей, словоупражненіемъ рясофорной и митроносной бюрократіи... Ровно ничего изъ этого не выйдетъ искренняго и серьезнаго, ничего великаго“. Сотрудникъ „П. Листка“ М. Ѳедоровъ прямо третируетъ работы пр. присутствія (собственно 1-го его отдѣла). „Оно, по его словамъ (въ №-рѣ отъ 12 мая,) хоть и съ грѣхомъ пополамъ, но все же работаетъ и уже пришло къ нѣкоторымъ результатамъ. Къ сожалѣнію, большая часть сдѣланныхъ имъ постановленій такъ странна (говоря мягко), такъ что положительно не знаешь, смѣяться-ли надъ ихъ нелѣпностью или горько плакать о судьбѣ церкви, врученной такимъ „преобразователямъ“. И такой приговоръ объ отдѣлѣ присутствія и его работахъ дѣлается не за какое-либо постановленіе по существу церковной реформы, а только за то, что въ отдѣлѣ большинствомъ голосовъ признано нежелательнымъ допущеніе на будущій соборъ корреспондентовъ.—Въ той же газетѣ нѣкто „Братъ“ въ № отъ 26 мая, высказалъ, что пр. пр—віе своими постановленіями „вноситъ въ церковное общество и въ само духовенство новое раздраженіе, новое недовольство и новый ропотъ“, а отъ 21 іюня изрекъ, что пр. пр—віе, якобы, „задалось цѣлю тормозить дѣло церковнаго обновленія. Только и слышишь отъ него... „странные глаголы“ да „странныя повелѣнія“.

Подобно „Брату“ изъ „П. Листка“ нѣкто А. Р. въ „Рѣчи“ (18 апр.) говоритъ, что цѣлю пр. пр—вія служитъ вовсе не желаніе облегчить и ускорить дѣло церковнаго обновленія, а наоборотъ—возможно дольше оттянуть это дѣло. Созваніе пр. пр—вія, говоритъ Р.,—это—„уловка черныхъ дипломатовъ“, придуманная и пущенная въ ходъ затѣмъ; „чтобы, если не совсѣмъ отклонить, то, по крайней мѣрѣ, какъ можно дольше оттянуть часъ ликвидаціи ихъ управленія

русскою церковью“, давно, якобы, обратившуюся „для монаховъ въ лакомую снѣдь“. Недовольный, какъ и другіе либеральныя и радикальныя газеты составомъ пр. пр—вія за перевѣсъ въ немъ консервативнаго направленія, Р. занятія пр. пр—вія обзываетъ „дѣйствомъ“, „сидѣніемъ“ и „хитрой мистеріей“, совершаемой притомъ въ тиши, „подъ шумокъ.“ „Вокругъ пр—вія, добавляетъ онъ, заранѣе была создана синодомъ атмосфера таинственности и недоступности непосвященному взору. Заранѣе было рѣшено, что церковь будетъ узнавать о своей участи (ходѣ засѣданій пр—вія) лишь чрезъ „Ц. Вѣдомости“ и то каждый разъ лишь съ милостиваго разрѣшенія „владыки“.—Въ №-рѣ отъ 3-го іюня той же газеты какой-то „Непримиримый“ называетъ членовъ пр. пр—вія „сочинителями будущей обновленной церкви“, „странной слѣпотѣ“ которыхъ „остается только изумляться“. Съ особенною рѣзкостью о пр. пр—віи, о его работахъ отозвался все въ той же „Рѣчи“ (отъ 2-го іюля) В. Нильскій. Рѣчи нѣкоторыхъ ораторовъ въ этомъ присутствіи о соборности онъ называетъ не иначе, какъ „явнымъ началомъ „скандала“ съ всероссійскимъ церковнымъ соборомъ“. Этому общему своему заключенію онъ предпосылаетъ слѣдующую тираду: „Когда настоящее солнце, случайно пробравшись въ театральную залу, ударитъ на сцену, на ея декораціи и всю вообще бутафорскую „природу“, дышавшую полною иллюзіей при вечернемъ освѣщеніи,—зритель невольно останавливается пораженный и недоумѣваетъ, какъ могли обмануть его зрѣніе эти жалкія тряпки... То же произошло и со всею русскою дѣйствительностью при свѣтѣ освободительнаго движенія: бросилось въ глаза убожество декорацій, при которыхъ мы жили, сусальное золото, лгавшее глазамъ, чучела вмѣсто живыхъ птицъ, вороны въ павлиньихъ перьяхъ... Ударило это солнце въ нашъ духовный мірокъ. Ударило, и всѣ увидали, каковы наши учителя, наши „князья церкви“; позолота слетѣла съ гнилушекъ, и „мерзость запустѣнія“ встала во весь ростъ. Десятки высшихъ особъ духовнаго міра—епископовъ, профессоровъ, приверженныхъ къ церкви мірянъ, заговорили откровенно въ предсоборномъ присутствіи, и мы увидали, чѣмъ живы наши отцы и учителя. Мы увидали, что они живы ненавистью къ міру и всему мірскому, мы увидали въ нихъ гонителей свободы, свѣта и паче всего—освободительнаго движенія, отъ котораго они всячески пытаются отмахнуться“...

„Астрах. Листокъ“ въ № отъ 14-го іюня приводитъ выдержку нѣкоего православнаго изъ дух. журнала „Церк. Обществ. Жизнь“, въ такихъ выраженіяхъ высказавшагося о пред. пр—віи и о трудахъ его: „безъ совѣта съ православною церковью, безъ всякаго желанія общества вѣрующихъ, безъ котораго немислима никакая церковь,

явились на горизонтѣ русской православной церкви новые закройщики, и давай все перекраивать по своему. До чего они докроятся, одному Богу извѣстно. Изрѣжутъ, можетъ быть, все обезглавленное тѣло, и тогда волей-неволей принуждены будутъ останѳвиться. Предсоборная комиссія верховодитъ судьбами русскаго православія. И вершить эти судьбы точно также, какъ это было во времена патріарха Никона и во дни великаго преобразованія Руси. Истинно скорбимъ за судьбу русскаго православія какъ въ его историческомъ прошломъ, такъ и въ настоящемъ“.

Съ особеннымъ вочувствіемъ и съ самыми горячими благопожеланіями отнесся къ пр. пр—вію въ самомъ же началѣ занятій послѣдняго „Колоколъ“ (см. № отъ 12 марта). Но и въ этой церк.-общ. газетѣ, по тѣмъ или другимъ мотивамъ, помѣщались замѣчанія отдѣльныхъ лицъ, далеко нелестныя для присутствія и его трудовъ. Такъ, напр., въ №-рѣ отъ 22-го октября въ ст. *Н. Борисова*—„Поближе къ жизни“ мы читаемъ: „Прочтите хотя книгу *И. В. Преображенскаго*—„Церковная реформа“, гдѣ собрано все, что говорилось касательно нашихъ церковныхъ нуждъ и что намѣчено къ уврачеванію ихъ людьми разныхъ церковныхъ и общественныхъ положеній, во множествѣ органовъ печати богословскихъ и свѣтскихъ, журналахъ и газетахъ. Простудируйте, съ другой стороны, протоколы засѣданій предсоборнаго присутствія и его отдѣловъ. И вы поймете разницу между „жизнью“ и „академіей“ въ постановкѣ и рѣшеніи назрѣвшихъ церковныхъ вопросовъ. Понятно, что въ „жизни“ кричатъ и „младенцы изсушіе“, но нельзя забывать, что и изъ „устъ младенцевъ“ иногда „совершается хвала“ и что во всякомъ случаѣ *жить-то* въ церкви будутъ они, а для „ученыхъ протоколовъ“ „присутствія“ уже уготовано мѣсто упокоенія въ синодальномъ *архивѣ*“.—Очень неодоброительно отозвался о пр. пр—віи и одинъ изъ нашихъ епископовъ (Н.) и это уже въ концѣ декабря минувшаго года, т. е. по закрытіи присутствія. Дебаты въ присутствіи онъ называетъ „великой болтовней великой предсоборной комиссіи“, а членовъ присутствія—„водоливами“. Консервативная газета „Свѣтъ“ (№ отъ 20 авг.) высказала также, что „помѣстный русскій соборъ, такъ, какъ онъ проектированъ въ предсоборныхъ комиссіяхъ, будетъ чуждъ народу, не будетъ встрѣченъ съ сочувствіемъ образованнымъ классомъ общества и къ нему отнесутся болѣе, чѣмъ холодно правительственныя сферы, распаркивающія теперь предъ католицизмомъ, лютеранизмомъ, ламаизмомъ и широко улыбающіяся предъ расколомъ“.

Въ нѣкоторыхъ изъ газетъ либеральнаго и радикальнаго лагеря не только высказывались рѣзкіе отзывы о предсоборномъ присутствіи и

о его постановленіяхъ и проектахъ, но доказывалась прямая безцѣльность трудовъ присутствія, угрозы по адресу и его, и будущаго собора со стороны Госуд. Думы, предсказывался бойкотъ послѣдняго. Такъ въ „Бир. Вѣдомостяхъ (отъ 10 мая) уже упоминавшійся выше нѣкто Р. передаетъ такіа, между прочимъ, рѣчи бесѣдовавшаго съ нимъ одного, изъ „прогрессивныхъ“ петербургскихъ священниковъ: „Комиссія (т. е. пр. пр—віе) является характернымъ образчикомъ хитроумнаго бюрократическаго творчества: она является учредительной комиссіей, она „рѣшаетъ“ дѣла, но всѣ ея дѣла и рѣшенія регулируются извнѣ... Церковный соборъ, несомнѣнно, состоится, и онъ, быть можетъ, надолго опредѣлитъ путь русской православной церкви, но онъ не долженъ состояться по изготовленному заговорщиками (!) рецепту...¹⁾ Русскій народъ проснулся въ политическомъ отношеніи, его мысль заработала сильно и привела его къ прямымъ логическимъ заключеніямъ, онъ начинаетъ просыпаться и въ религіозномъ отношеніи, и близко то время, когда отъ искренней религіозности онъ отвернется отъ официальной бюрократической церкви, когда онъ настойчиво и, быть можетъ, непоправимо заявитъ, что онъ составляетъ церковь, а не кучка правительственныхъ ставленниковъ. Я говорю, что Г. Дума должна не допустить бюрократическаго собора. „Ни одинъ законъ не можетъ быть принятъ безъ одобренія Думы“. И законъ о созывѣ собора, о составѣ его и правахъ его членовъ не можетъ быть принятъ безъ одобренія Думы.—„А если, спросилъ Р., законъ о созывѣ собора издастъ синодъ безъ вѣдома Думы съ одобренія Государя?—Это будетъ,—отвѣтилъ прогрессивный священникъ,—открытымъ нарушеніемъ правъ Думы, и Дума не должна смолчать въ отвѣтъ на это“.— Чрезъ три дня въ той же газетѣ писалось: „Церковный соборъ по проекту (членовъ пр. пр—віа) ненуженъ никому, и его постигнетъ участь первой совѣщательной Думы (6 августа), никого не удовлетворившей, вызвавшей раздраженіе и превратившейся въ думу 20 февраля... Русская церковь—все бѣлое духовенство и населеніе—давно жаждетъ свергнуть монашеское иго и зажить новою, свѣтлой и радостной жизнью, гдѣ не будетъ ни рабъ, ни свободъ, но всяческая и во всѣхъ Христось.—„Наша Жизнь“ (въ №-рѣ отъ 21 мая) съ увѣренностью предсказываетъ, что проектированный присутствіемъ церковный соборъ „постигнетъ жадкая участь—его будутъ бойкотировать... Вершители судебъ русской церкви едва ли добровольно сойдутъ съ избран-

1) Прогрессивный спб. священникъ пр. пр—віе такъ и называется; „Заговоръ епископовъ противъ церкви, допущенный княземъ Оболенскимъ.“

наго ими пути; но это, заявляет газета, не освобождает насъ, разумѣтся, отъ обязанности указывать ошибки"...—Еще опредѣленнѣе и рѣшительнѣе, въ виду того же проекта будущаго церковнаго собора, высказался въ „Рѣчи“ (въ №-рѣ отъ 3 іюня) выше уже упоминавшійся „Непримиримый“. „Намъ, говоритъ онъ, „остается только изумляться странной слѣпотѣ реформаторовъ церкви, очевидно позаимствованной, у представителей „свѣтской власти“. „Или ихъ прельщаютъ,—спрашиваетъ онъ,—„торжественныя“ встрѣчи г.г. Стишинскихъ, Гурко и Павловыхъ въ Думѣ?...“

Въ дружномъ и громкомъ хорѣ голосовъ, отрицательнаго высказавшихся противъ предсоборнаго присутствія, съ трудомъ можно было разслышать два-три голоса, сочувственно отозвавшихся и о „присутствіи“, и о трудахъ его. Такъ, еще въ началѣ работъ пр. присутствія нѣкто, подписавшійся „Странникъ“, помѣстилъ въ „Русскомъ Государствѣ“ (отъ 17 апрѣля) слѣдующія строки: „Не успѣло еще особое предсоборное присутствіе надлежащимъ образомъ ориентироваться въ намѣченныхъ имъ для предварительной разработки вопросахъ, какъ уже и въ печати, и въ обществѣ начинаютъ раздаваться голоса, все болѣе и болѣе настойчиво заявляющіе о бесполезности всѣхъ предсоборныхъ работъ“. Въ виду того, что поводомъ къ такимъ заявленіямъ служатъ, между прочимъ, обнаружившіяся въ совѣщаніяхъ присутствія, разногласія“, „Странникъ“ говоритъ: „для того и существуетъ присутствіе, для того и соборъ будетъ созванъ, чтобы дать возможность высказаться членамъ церкви и выяснитъ церковный вопросъ, установить единое его рѣшеніе и пониманіе, что, конечно, должно предполагать собой нѣкоторое предварительное расхожденіе членовъ церкви въ ихъ возрѣвнiяхъ на тѣ или иные предметы церковнаго устройства“. Далѣе авторъ отстраняетъ и другой поводъ къ заявленіямъ мрачнаго характера относительно работъ „присутствія“. „Нельзя, говоритъ онъ, требовать отъ того-же особаго присутствія, чтобы оно въ одно мгновеніе ока выяснило и привело въ порядокъ ту громадную массу матеріаловъ, которые подлежатъ его разработкѣ. Дѣло Божіе съ небреженіемъ творить нельзя... И если поспѣшность не есть достоинство тамъ, гдѣ рѣчь идетъ о человѣческой чисто житейской работѣ, то тѣмъ болѣе это нужно сказать о томъ дѣлѣ, которое прежде всего касается его души, благороднѣйшихъ, вѣчныхъ запросовъ его духа... Нужды и потребности церкви должны быть удовлетворены на основаніи не скороспѣлаго ихъ діагноза, а на самомъ тщательномъ анализѣ“. Имѣя въ виду еще лишь начало работъ пр. присутствія, а также суммируя свои наблюденія надъ современной церковной дѣйствительностію, „Стран-

1907.

І ю н ь .

XII.

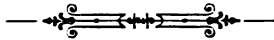
МИССИОНЕРСКОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

ЖУРНАЛЪ ВНУТРЕННЕЙ МИССИИ.

№ 6.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія «Колоколъ» В. М. Скворцова. Невскій 147.

1907.

Редакція «Миссіонерск. Обзор.» Невскій, 153. Телеф. № 222—26.

Содержаніе іюньской книжки

ЖУРНАЛА «МИССИОНЕРСКОЕ ОБОЗРѢНІЕ» за 1907 годъ.

- Подлинная или подложная книга Библия?** (По поводу возбужденныхъ Гастономъ Чамберленомъ толковъ объ историческомъ подлогѣ). *И. Преображенскій*. 817—848
- Религиозно-философское міросозерцаніе К. П. Побѣдоносцева.** Свящ. *А. Антоновъ*. 849—864
- Бывшимъ чадамъ православной Россійской Церкви, но въ разное время и по разнымъ причинамъ отступившимъ отъ нея. Открытое письмо.** *Православный*. 865—878
- Кронштадтскій Андреевскій соборъ, его исторія и описаніе (къ 190 годовщинѣ собора).** *Н. Гринякинъ*. 879—889
- Бесѣда съ сектантами по экономическому вопросу.** 890—897
- Методическія указанія къ веденію противосектантск. бесѣды о Церкви Христовой.** Священ.-миссіонеръ *С. Потъжинъ*. 898—907
- Въ защиту преп. Максима Грека.** Протоіерей *А. Синайскій*. 908—930
- Лѣтопись періодической духовной и свѣтской печати и новыя книги по вопросамъ вѣры и миссіи церкви.** *М. Горькій. «Мать».—Л. Андреевъ. «Элеазаръ», «Иуда Искаріотъ и другіе».* *Я. Г. Булановъ*. 931—937
- И. Потапенко. Непреклонный іерей.** Русское Божіе Слово. Ноябрь. *Н. Пустынникъ*. 937—950
- Обозрѣніе духовой журналистики за мартъ.** Свящ. *А. Виноградовъ*. 950—963
- Миссіонерство, секты и расколъ.** Изъ моихъ наблюденій надъ старообрядцами за 1906 г. Свящ. *Е. Зубаревъ*.—Домогательства сектантовъ.—Миссіонерскій съѣздъ въ Умани. 964—974
- Вѣстникъ «Миссіонерскаго Обозрѣнія».** Блаженная кончина Валаамскаго подвижника схимонаха о. Никиты.—«Дадите имъ ясти».—Памяти перваго единовѣрца изъ городецкихъ раскольниковъ.—Продѣлки старообрядцевъ.—Свѣдѣнія о судимости духовенства 975—982
- Отклики.** Исусъ Христосъ и социальный вопросъ. *В. Попеско*. 983—990
- О «наслоеніяхъ» въ церковно-богослужебномъ обиходѣ.** *І. С.* 990—992

Отъ редакціи: Слѣдующая книжка «Мисс. Обозр.» выйдетъ въ увеличенномъ размѣрѣ и сводная за Іюль и Августъ мѣсяцы, причемъ подписавшимся на журналъ на цѣлый годъ и пожелавшимъ получить въ качествѣ бесплатнаго приложенія кн. «По поводу отпаденія отъ Церкви гр. Л. Н. Толстого» или «Миссіонерскій Щитъ вѣры» діакона *І. Смолина*—эти книги будутъ высланы со слѣдующей же книжкой «Мисс. Обозр.»

Издательница *Ю. А. Скворцова*.

Редакторъ *В. М. Скворцовъ*.

Подлинная или подложная книга Библия?

(По поводу возбужденных Гастономъ Чамберленомъ толковъ объ историческомъ подлогѣ).

Осенью 1906 года у насъ гремѣло имя англичанина рационалиста Гастона Чамберлена. И рѣдко до чьего уха изъ образованнаго общества не достигало это имя. Огромную популярность среди нашего общества, да и заграицею, Чамберленъ снискалъ благодаря своимъ двумъ небольшимъ книжкамъ— „Еврей, ихъ происхождение и причины ихъ вліянія въ Европѣ“ и „Явленіе Христа“.

Популярности и славѣ Чамберлена у насъ содѣйствовали главнымъ образомъ извѣстные писатели-публицисты, сотрудники „Новаго Времени“, г.г. Меньшиковъ и Розановъ. Г-нъ Меньшиковъ вотъ какъ отзывался (въ № 10988) о книгѣ Чамберлена— „Еврей“: „Я прочелъ удивительную книгу, которая составитъ, какъ я убѣжденъ, всемірное событіе. Это книга Гастона Чамберлена о евреяхъ... Эпоха великихъ открытій въ пространствѣ прошла; нельзя уже открыть Америки или Австраліи. Наступаетъ эпоха великихъ открытій во времени. Въ наши мятежные дни открываютъ не новые, а древніе міры, цѣлые материкки исчезнувшихъ цивилизацій, казалось навсегда погребенныхъ, даже память о которыхъ была похоронена на вѣки. Въ океанѣ времени явились свои Колумбы, Магелланы и Куки... Одинъ изъ счастливейшихъ Колумбовъ исторіи—Гастонъ Чамберленъ, англичанинъ, пишущій по-нѣмецки, и его удивительное открытіе можетъ быть самое драгоценное изъ всѣхъ, какія сдѣланы въ этой области. Чамберленъ открылъ Іудею, страну, которую открыть было тѣмъ труднѣе, что она казалась давно извѣстной. Онъ почти ничего не даетъ фактически новаго, но въ хаосѣ стараго матеріала онъ неожиданно бросаетъ такой могучій потокъ свѣта, что вы чувствуете изумленіе. Нашупанная съ тяжкими усиліями нѣсколькихъ поколѣній вѣрная идея

въ рукахъ Колумба явилась ключомъ, которымъ онъ отворилъ широкія двери въ міръ. Чамберлэнъ отдергиваетъ тяжелую завѣсу тысячелѣтнихъ предразсудковъ, историческихъ подлоговъ и суевѣрій, и вотъ наконецъ мы видимъ древній Іерусалимъ, и наконецъ мы понимаемъ вышедшій изъ древности современный Іерусалимъ, разсѣянный среди народовъ и ведущій съ ними все ту же старую и безпощадную борьбу“.

Итакъ, по отзыву г. Меньшикова, Гастонъ Чамберлэнъ—„Колумбъ исторіи“, открывшій Іудею. Въ чемъ же состоитъ это открытіе?

Основная точка Чамберлена та, что „еврейскій народъ остался и навсегда останется въ Европѣ народомъ азіатскимъ, чуждымъ нашей части свѣта, неразрывно связаннымъ съ тѣмъ В. Завѣтомъ, который былъ данъ ему подъ другимъ, отдаленнымъ отъ насъ небомъ“. Въ чемъ же по Чамберлену заключается необыкновенная живучесть еврейства? Главною силою еврейства Чамберлэнъ считаетъ законъ породы. Въ то время, какъ еврейки выходятъ замужъ за христіанъ, ни одинъ еврей никогда не женится иначе, какъ на еврейкѣ. Подъ дѣйствіемъ этого закона, „родовой стволъ остается неприкосновеннымъ, ни одна капля чужой крови въ него не проникаетъ, между тѣмъ тысячи побочныхъ вѣтвей отсѣкаются и служатъ средствомъ для зараженія индо-европейскаго племени еврейскою кровью. „Если это будетъ продолжаться такъ еще нѣсколько столѣтій, то,—предсказываетъ Ч.,—въ Европѣ останется лишь одинъ чистокровный народъ—еврейскій, всѣ остальные обратятся въ стадо псевдо-европейскихъ ублюдковъ, и при томъ это будетъ несомнѣнно народъ выродившійся какъ въ физическомъ, такъ въ нравственномъ и умственномъ отношеніяхъ“.

Но у еврейства, кромѣ силы, заключающейся въ его крови, въ „законѣ породы“, есть еще и другая „несравненная сила“,—это—его національная идея, заключающаяся „въ непоколебимой надеждѣ на осуществленіе обѣщаннаго евреямъ Іеговою всемірнаго владычества“. Безъ вѣры въ пришествіе Мессіи пѣтъ еврейства, а Мессія ихъ—всемірный завоеватель. „Вотъ идея, говоритъ г. Меньшиковъ, самая грандіозная, какая когда-либо одушевляла народы! Заявить претензію на земной шаръ, ни болѣе, ни менѣе—до этого не додумывалась ни одна нація... Легко видѣть, что столь грандіозная идея, остановившаяся въ вѣкахъ, превращается въ *mania grandiosa*, въ видъ національнаго помѣшательства, подобнаго тому, которое пора-

жаеть иногда отдѣльныхъ людей. Именно изъ этой маниакальной мысли о своемъ богоизбранствѣ и будущемъ владычествѣ надъ свѣтомъ — еврейская надменность, еврейское презрѣніе ко всѣмъ народамъ и идолопоклонство самимъ себѣ. Со времени либеральнаго еврейскаго философа Филона „одни лишь еврей — люди въ собственномъ значеніи этого слова“. Эта *mania grandiosa* сама по себѣ есть стремленіе къ владычеству. И еврей, по сильному и мѣткому сравненію г. Меньшикова, „всюду стремятся взять верхъ съ тою же безочетностью, какъ масло надъ водой; и какъ масло надъ водой, не сливаясь съ нею, портить ее — еврей заставляють вырождаться благородный аріискій типъ“.

Замѣтимъ, кстати, что объ этомъ „маслѣ“, о евреяхъ иные ученые очень невысокаго мнѣнія. Даже Ренанъ, поклонникъ еврейства, признаеть семитовъ „низшимъ типомъ“ сравнительно съ аріисцами. „Ужасающее единообразіе семитическаго духа сжимаетъ человѣческій мозгъ, закрываетъ къ нему доступъ всѣхъ идей высшаго порядка, всякаго болѣе тонкаго чувства и дѣлаеть невозможнымъ всякое разумное изслѣдованіе“... Вольтеръ о евреяхъ высказалъ: „Они никогда ничего не изобрѣли; всегда учились у другихъ народовъ и никогда ничему не научили ихъ“. Великіе государи, какъ оба Фридриха II (Гогенштауфенъ и Гогенцоллернъ) страшились евреевъ. „Всюду, гдѣ еврей допущенъ къ власти, онъ злоупотребляеть ею“. Противъ евреевъ былъ Наполеонъ, называвшій ихъ „пожирющею страну саранчей“. Противъ нихъ же былъ послѣдній изъ великихъ государственныхъ людей — Бисмаркъ. — Нелишнее прибавить, что самъ г. Меньшиковъ, въ „писемѣ“ (фельетонѣ) котораго приведены всѣ эти отзывы о евреяхъ, также, далеко невысокаго о нихъ мнѣнія. Въ другомъ мѣстѣ (въ статьѣ „Адскій плащъ“. См. № 11167) онъ, между прочимъ, говоритъ: „отрицаая вообще даровитость еврейской расы, я думаю, что она внесла въ нашу исторію не только чуждыя намъ, но вообще не крупныя свои качества, сильно понизившія уровеньъ русской души“ (нашъ курсивъ).

Какъ было уже сказано, главною силою еврейства Чамберленъ считаетъ «законъ породы». Этотъ законъ въ еврействѣ, однако, не исконный. Онъ сталъ въ немъ дѣйствовать съ точно определеннаго времени. Съ какого же именно и что вызвало этотъ законъ къ жизни? Вотъ за отвѣты на эти вопросы и удастанываютъ Чамберлена названія „Колумба исторіи“, открывшаго Иудею. Въ отвѣтахъ своихъ Ч. прослѣживаетъ эмбриологію

еврейскаго племени и всѣ вліянія на него за тридцать вѣковъ исторіи. Послушаемъ и мы эти отвѣты.

По Чамберлену, еврей прежде всего оказывается почти не семитъ.

„Въ немъ собственно семитской (Сарабской) крови не болѣе 5%. Вдвое болѣе, именно 10%, крови индо-европейской. Половина, 50%, евреевъ чистые сирійцы, особый человѣческій типъ, homo syriacus, весьма отличный и отъ семитовъ, и отъ европейцевъ. Эти сирійцы извѣстны въ Библии подъ именемъ хананеевъ. Наконецъ среди евреевъ 35% помѣсей разныхъ расъ, между которыми замѣтна примѣсь негритянской, вынесенная изъ Египта.—Зерномъ еврейской расы было арабское племя Бени-Израель, перекочевавшее (въ теченіе многихъ столѣтій) къ устью Ефрата, затѣмъ къ верховьямъ этой рѣки и далѣе спустившееся въ Ханаанъ, занятый сирійскими и индо-европейскими племенами. Затѣмъ идетъ переселеніе ихъ въ египетскій Гесемъ и обратное вторженіе въ Ханаанъ. Общая нить исторіи евреевъ у Чамберлена та же, что указана въ Библии, но толкованіе фактовъ совсѣмъ иное. Двигаясь среди высоко-культурныхъ народовъ, дикіе арабскіе пастухи, пріобрѣтая зачатки цивилизаціи, перенимали религію, міѳологію языкъ, и самую кровь другихъ расъ. Насколько строго поддерживалась у евреевъ чистота крови послѣ плѣна вавилонскаго, настолько широко было смѣшеніе въ первое тысячелѣтіе израильской исторіи. Хотя семиты вошли лишь одной двадцатою частью въ типъ еврея, они остались „двигательною силою, жизненнымъ принципомъ“ избраннаго народа“ (№ 1095-II).

Такимъ образомъ, антропологически еврей—типъ крайне смѣшанный. У Чамберлена выясняются характерныя особенности разновидностей, вошедшихъ въ составъ этого типа. Оказывается, что разновидности эти рѣзко несхожи. Указавъ на эту несхожесть, Ч. говоритъ: „всѣ великія историческія расы—результатъ племеннаго смѣшенія, но тамъ, гдѣ различіе между типами непримримо въ силу своей крайней рѣзкости, тамъ отъ смѣшенія получаютъ ублюдки. Это случилось и здѣсь *). Съ анатомической точки зрѣнія скрещеваніе бедунна съ сирій-

*) Объ этихъ то «драконовскихъ законахъ»,—замѣтимъ кстати,—слѣдовало бы особенно твердо помнить нашей, считаемой правительственною, политической партіи октябристовъ, которая думаетъ, что сліянію еврейства съ русскою національною препятствуетъ дѣйствующее у насъ законодательство объ евреяхъ и потому настаиваетъ на необходимости пересмотра этого законодательства во всемъ его объемѣ.

чемъ нѣчто еще болѣе непозволительное, чѣмъ испанца съ южно-американскимъ индѣйцемъ. И къ этой-то смѣси впоследствии присоединился еще ферментъ индо-европейской примѣси».

Тутъ Чамберленъ дѣлаетъ геніальную догадку. Всю дальнѣйшую исторію евреевъ онъ выводитъ изъ оскорбленнаго расоваго инстинкта, изъ протеста крови, почувствовавшей свою нечистоту. «Хотя бы процессъ смѣшенія,—говоритъ Ч.,—происходилъ безсознательно, но онъ тѣмъ не менѣе долженъ быть названъ противоестественнымъ, преступленіемъ, своего рода кровосмѣшеніемъ! Слѣдствіемъ его можетъ быть лишь жалкая или трагическая судьба». Всѣ другіе мулатообразные, смѣшанные народы—финикійцы, вавилоняне, іосифиты, идумеи и пр. погибли безслѣдно. Изъ нихъ одни іудеи выбрали трагическую судьбу, «и въ этомъ доказательство ихъ величія». Іудеи рѣшились отстоять свою расу—установленіемъ жестокаго, желѣзнаго закона чистоты крови... „Безотчетно чувствуя анархію, внесенную въ самый организмъ ихъ чрезмѣрнымъ смѣшеніемъ, евреи сознаютъ эту анархію какъ преступленіе, какъ несчастіе, отъ котораго нужно во что бы то ни стало отдѣлаться. Богоотступничество ихъ—отступничество отъ ихъ родового человѣческаго типа, и вотъ они дѣлаютъ неимовѣрныя успія, чтобы вернуть чистоту расы. Всѣмъ извѣстно, что смѣсь слишкомъ близкихъ породъ, напримѣръ родныхъ сестеръ и братьевъ, ведетъ къ вырожденію. Всего благоприятнѣе смѣсь нѣсколько удаленныхъ типовъ, но всего хуже—потомство слишкомъ далекихъ породъ. Бесплодіе или вырожденіе ихъ удѣлъ. Чтобы избавить народъ свой отъ этой кары Божіей, еврейскіе патриоты, выведшіе евреевъ изъ вавилонскаго плѣна, рѣшились на нѣчто небывалое въ лѣтописяхъ человѣчества. Они—безъ вѣдома и согласія крохотныхъ остатковъ своего племени—рѣшили примѣнить къ нему принципъ раціональнаго скотоводства, законъ создапія породы. Нельзя было выбросить чужую кровь,—они рѣшили многовѣковымъ повтореніемъ ея усвоить, укрѣпить, усилить ее и сдѣлать неподвижнымъ если не единство крови, то однообразіе ея“.

Замыселъ грандіозный. Необычныя средства для его выполненія. „Пришлось поддѣлать, говоритъ Чамберленъ, всю еврейскую исторію съ самаго ея начала, представить евреевъ безукоризненно чистокровнымъ народомъ, избраннымъ Богомъ изъ всѣхъ народовъ земного шара и затѣмъ установить драконов-

скіе законы противъ всякаго племенного смѣшенія. По возвращеніи изъ плѣна вавилонскаго іудеи забыли древній языкъ, на которомъ писана была израильская литература. Сами израильтяне—десять колѣвъ—были истреблены, исчезли безслѣдно. Кучка іудейскихъ патріотовъ рѣшила произвести величайшій подлогъ, какой знаетъ исторія. Они собрали священныя книги, учредили строгую цензуру, которая подъ именемъ великой сингагоги начала передѣлывать текстъ писаній такимъ образомъ, чтобы доказать легенду о величій дома Іуды, о богоизбранничествѣ народа іудейскаго, о будущемъ міровомъ владычествѣ іудеевъ—при условіи исполненія закона и главнымъ образомъ закона о чистотѣ расы и отчужденія отъ другихъ племенъ. Народъ Іудейскій не подозрѣвалъ объ этой переработкѣ писанія, ибо не зналъ языка его.

Все, что есть въ Библии великаго, взято, будто бы, іудеями у истребленныхъ израильтянъ; самимъ іудеямъ принадлежатъ лишь искаженіе и подлогъ. Замѣтимъ, что, по Чамберлену, израиль собственно и есть семитъ или арабъ. Вслѣдствіе постоянного скрещиванья израиля съ ханаеями или хеттеями, а также сѣверянами индо-европейцами (амморейями и др.), которые еще до евреевъ отчасти завоевали Ханаанъ, онъ (израиль) быстро перерождался въ іудея, по преимуществу сирійца. Этотъ-то іудей—сиріецъ и совершилъ историческій подлогъ.

Подлогъ, утверждаетъ Ч., начался съ 622 г. до Р. Хр., когда „при ремонтѣ храма нашли, яко бы, „сборникъ законовъ“. „Сборникъ“, извѣстный подъ именемъ VII книги Моисея (Второзаконія), по увѣреніямъ гебраистовъ, былъ не найденъ тогда, а сочиненъ. По Ч-ну, поддѣлка началась съ дополненія Второзаконія (въ особенности первыми 11-тью историческими главами). Искаженія и подлоги совершилъ священникъ Эздра (уже въ V вѣкѣ до Р. Христова). Эздра, какъ и Неемія, считаются „окончательными организаторами“ еврейства, точнѣе—іудейства, а начало этому іудейству положено Іезекіилемъ, привившимъ плѣнникамъ Вавилона національную идею и мысль о томъ, что призваніе іудеевъ исключительно въ томъ, чтобы быть „святыней“ Іеговы.

Итакъ, мы теперь знаемъ, въ чемъ состоитъ открытіе Чамберлена и за что его называютъ Колумбомъ исторіи. Онъ, видите-ли, открылъ и указалъ на факты мірового значенія, явленіе величины прямо неизмѣримой. Онъ, будто бы, блистательно доказалъ фактъ „историческаго подлога“, подлога всей Библии, всего свящ. Писанія В. Завѣта.

Что же можно сказать по поводу этого „геніальнаго открытія“, — по поводу мысли о подложности Библии? Во первыхъ, мысль эта вовсе не новая и „честь“ открытія ея несправедливо приписывать Чамберлену. „Мысль о подлогѣ Библии, говоритъ напр. свѣщ. М. Лисицынъ, знакома намъ изъ сочиненій нѣмецкихъ профессоровъ еще со студенческой скамьи, ибо каждый нѣмецкій ученый для полученія степени доктора обязательно долженъ выдумать что-либо новое, а многіе современные публицисты напоминаютъ аеннянъ I-го вѣка нашей эры, которые ничего такъ охотно не слушали, какъ новости и, Боже упаси, выслушать какую-либо старую истину, ибо старыя истины—это не болѣе какъ старообрядческій „азъ“. Но, когда дѣло идетъ о ниспроверженіи всего свѣщ. писанія, нашей вѣры, нашихъ надеждъ, думается, что этотъ „азъ“ не есть тотъ „азъ“, за который ратуютъ старообрядцы въ символѣ вѣрѣ („рожденна, а не сотворенна“ читаютъ они вмѣсто нашего—„рожденна, не сотворенна“ и за этотъ „азъ“ готовы умереть), а основной камень, „фундаментъ“ („Колоколь“, № 239). Но, можетъ быть, Чамберлену принадлежитъ честь „окончательнаго разоблаченія“ подлога? Посмотримъ.

Чтобъ правильно судить о предметѣ, необходимо установить правильную точку зрѣнія на него. Въ вопросѣ о подложности Библии необходимо уяснить, совмѣстимо-ли самое понятіе „подложность“ (въ чемъ бы мы ее ни полагали и какъ бы мы ее ни понимали) съ понятіемъ о Библии (по ея происхожденію и исторіи ея сохраненія) и съ тѣми данными о міровыхъ событіяхъ, которыя (т. е. данныя) мы одновременно находимъ и въ Библии и въ исторіи, и согласуется-ли, наконецъ, это понятіе „подложность“ съ понятіемъ о Богѣ, ея (Библии) Виновникѣ и съ живою вѣрою въ Бога вообще? Ни съ чѣмъ этимъ понятіе „подложность“ въ примѣненіи къ Библии ни въ какомъ случаѣ не совмѣстимо и не согласуется¹⁾.

Что такое Библия по общепринятому христіанскому воззрѣнію? „Библия это—„книга Божія“, написанная по вдохновенію и откровенію отъ Духа Святаго мужами, нарочито для сего избранными, обыкновенно называемыми пророками и апостолами. Какъ

¹⁾ Собственно «Библейскую» точку зрѣнія на выдвинутый рационалистомъ Чамберленомъ вопросъ о подложности Библии довольно подробно и твердо устанавливаетъ Евгенийъ Князевъ, преподаватель свѣщ. писанія въ Таврич. дух. семинаріи въ очень интересной статьѣ, помѣщенной въ «Тавр. Е. Вѣд.» № 36-й за 1906-й годъ. Его статью мы и пользуемся.

можно видѣть изъ этого опредѣленія, въ понятіе о Библии прежде всего входитъ понятіе о ея „боговдохновенности“. „Боговдохновенность“, говоритъ г. Князевъ, есть воздѣйствіе Духа Божественнаго на духъ человѣка,—воздѣйствіе, побуждающее волю человѣка къ изложенію той или другой откровенной истины и озаряющее умъ человѣка при изложеніи этой истины. Что книги Св. Писанія писались подъ воздѣйствіемъ Божіимъ, это, какъ убѣдительно доказываетъ нашъ авторъ, открывается изъ самой же Библии. „И сказалъ Господь Моисею: *н а п и ш и с я* ¹⁾ для памяти въ книгу, и внуши Иисусу (Навину), что Я совершенно изглажу память амаликитянъ изъ поднебесной“ (Исх. XVII, 14 ср. XXIV, 4 7; XXXIV, 27; Числ. XXXIII, 2). Или еще: „*з а п и ш и*, говоритъ Господь пророку Аввакуму, *з а п и ш и* видѣніе ²⁾ и начертай ясно на скрижаляхъ, чтобы читающій легко могъ прочитатъ“ (Авв. II, 2). Пророку Іереміи Господь говоритъ: „*н а п и ш и* себѣ всѣ слова, которыя Я говорилъ тебѣ, въ книгу“ (Іер. XXX, 2 ср. XXXVI, 2). Можно было бы привести и еще множество мѣстъ такого же содержанія, но и указанныхъ примѣровъ вполне достаточно для того, чтобы видѣть, подъ воздѣйствіемъ Кого писали свои книги св. пророки. Самъ Христосъ Спаситель, приводя слова изъ Пс. CIX: „рече Господь Господеви моему“ (1 ст.) свидѣтельствуемъ, что они были сказаны Давидомъ „по вдохновенію“ (Матв. XXII, 43—44). Посему-то и св. ап. Павелъ говоритъ: „*все (πᾶσι* все безъ исключенія) *Писаніе θεόπνευστος*, *inspirata*—боговдохновенно“ (2 Тим. III, 16). А что при этомъ вдохновеніи воля и умъ человѣка всецѣло дѣйствовали согласно съ волею и намѣреніями Божественными, объ этомъ яснѣйшее свидѣтельство имѣемъ у св. ап. Петра. „Никогда, говоритъ онъ, пророчество не было произносимо по волѣ человѣческой, но изрекали его святые Божіи человѣки, будучи движимы Духомъ Святымъ“ (2 Петр. I, 21).

Уяснивъ и съ такою отчетливостію, что такое Библия по своему происхожденію, г. Князевъ и переходитъ къ тому тревожному вопросу, который такъ теперь волнуетъ всѣхъ: получивъ начало отъ Бога, Библия не испорчена-ли руками человѣка, не имѣемъ ли мы теперь въ своихъ рукахъ лишь обыкновенное слово человѣческое, а не слово Божіе? Чамберленъ и другіе

¹⁾ Вѣроломство амаликитянъ и ихъ пораженіе.

²⁾ Откровеніе объ оправданіи вѣрою праведниковъ и о гибели нечестивыхъ (Авв. II, 4 и дал.).

отрицательные критики это дѣйствительно и утверждаютъ. „Библия, говорятъ они, испорчена, представляетъ собою подложный документъ“. Но такое утвержденіе совершенно ошибочно и ложно. Противъ него, прежде всего, говоритъ самая исторія свящ. канона, т. е. исторія того, какъ свящ. книги собирались въ одинъ составъ, и какъ, и гдѣ онѣ хранились.

Библия ¹⁾ въ томъ видѣ и составѣ, въ какомъ мы имѣемъ ее теперь, явилась не сразу, а образовывалась постепенно, періодически. Вотъ эта-то исторія постепеннаго образованія состава Библии весьма важна и поучительна.

Естественно, конечно, предположить, что забота о собраніи боговдохновенныхъ писаній и ихъ храненіи должна была лежать прежде всего на самыхъ же свящ. авторахъ. Такъ дѣйствительно и было. Прямые свидѣтельства о таковой именно дѣятельности пророка Моисея, І. Навина и Самуила мы и находимъ въ самой же Библии. Въ частности, о Моисеѣ напр., говорится, что онъ, заключивши въ письмена свои откровенія, законы и повѣствованія, отдалъ свою книгу „священникамъ, сынамъ Левитнымъ, носящимъ ковчегъ завѣта Господня, и всѣмъ старѣйшинамъ (сыновъ) Израилевыхъ. И завѣщаль имъ Моисей и сказалъ: по прошествіи семи лѣтъ, въ годъ отпущенія, въ праздникъ кущей... читай сей законъ предъ всѣмъ Израилемъ вслухъ его“. И далѣе: „возьмите сію книгу закона, и положите ее одесную ковчега завѣта Господа, Бога вашего, и она тамъ будетъ свидѣтельствовать противъ тебя“ (Втор. XXXI, 9. 10. 11 и 26)—Послѣдующіе св. писатели: І. Навинъ и Самуилъ присоединяютъ свои творенія къ писаніямъ боговдохновеннаго Моисея и полагаютъ ихъ на храненіе тамъ же, гдѣ находились и книги Моисеевы, т. е. одесную ковчега завѣта (І. Нав. XXIV, 26; 1 Цар. X, 25). Примѣру пророка Моисея, І. Навина и Самуила безъ сомнѣнія слѣдовали и всѣ другіе свящ. авторы.

Отсюда, такимъ образомъ, открывается, какая величайшая забота прилагалась у евреевъ къ сохраненію божественныхъ писаній! Мы именно видимъ, что свящ. книги, выходяшія изъ-подъ пера боговдохновенныхъ мужей, почитались у ветхозавѣтнаго израиля величайшею святынею, которую можно было хранить только въ недоступномъ для обыкновеннаго смертнаго мѣстѣ, Святомъ Святыхъ, около другой величайшей святыни—

¹⁾ Такъ какъ въ настоящее время поднятъ вопросъ собственно о подложности Библии ветхозавѣтной, то ее мы и имѣемъ главнымъ образомъ въ виду.

ковчега завѣта. Будучи ввѣрены на храненіе священникамъ и левитамъ, эти свящ. книги въ дни величайшихъ ветхозавѣтныхъ праздниковъ прочитывались (какъ это прямо свидѣтельствуется о книгахъ Моисеевыхъ) вслухъ всего, собиравшагося въ то время на поклоненіе Господу, народа (Втор. XXXI, 10—11, ср. Неем. VIII, 18). Такимъ чтеніемъ очевидно имѣлось въ виду закрѣпить истины богооткровенныя въ сознаніи и памяти народной. Объ обличительной же пѣсни Моисеевой (Втор. XXXII) извѣстно, что она тотчасъ же по ея составленіи, по повелѣнію Самого Господа, была вложена „въ уста“ народа, т. е. заучена на память (Втор. XXXI, 19).

Таковы, заключаетъ г. Князевъ, важнѣйшія библейскія данныя по вопросу о храненіи у евреевъ свящ. письменъ. Ко всему этому слѣдуетъ присоединить и замѣчательное свидѣтельство іудейскаго историка Юсіфа Флавія (37—100 по Р. Х.) о древнемъ обычаѣ евреевъ пересматривать свои писанія послѣ всякихъ смутныхъ обстоятельствъ, и въ особенности послѣ продолжительной какой-либо войны. Это было всегда какъ бы новое изданіе древнихъ божественныхъ писаній, производить которое позволялось однакоже только вдохновеннымъ мужамъ, т. е. пророкамъ, помнившимъ древнѣйшія происшествія, по вдохновенію отъ Бога и писавшимъ исторію своего народа съ величайшею точностью.

Итакъ, могъ ли при такихъ условіяхъ. произойти подлогъ свящ. книгъ? Могъ ли онъ произойти, когда цѣлый классъ священниковъ, служителей Іеговы, былъ приставленъ къ охраненію сихъ свящ. письменъ? когда и самъ народъ, безъ сомнѣнія при жизни свящ. авторовъ поучавшійся въ ихъ писаніяхъ и хорошо знавшій ихъ (по крайней мѣрѣ, въ лицѣ лучшихъ своихъ представителей), продолжая поучаться въ нихъ и послѣ смерти сихъ авторовъ, тѣмъ самымъ становился какъ бы стражемъ ихъ писаній?..

Но отрицательные критики всѣми этими библейскими историческими данными не удовлетворяются. Они говорятъ, что самая важнѣйшая порча свящ. текста, подлогъ его произошли при послѣдней редакціи текста при священникѣ Ездрѣ ¹⁾, и эти порча и подлогъ главнымъ образомъ, если не исключительно,

¹⁾ По обще-приванному преданію, послѣдняя редакція и изданіе всего священнаго в.—з. канона въ томъ именно видѣ и составѣ, въ какомъ сей принять христіанскою Церковію и имѣется въ нашей Библии, принадлежитъ боговдохновенному священнику Ездрѣ, этому совершенному учителю закона Бога небеснаго (1 Езд. VII 12).

дѣло (тайное) рукъ этого священника. Вотъ, это возраженіе, созданное Чамберленомъ и такъ усердно популяризированное у насъ г. Меньшиковымъ, невольно останавливаетъ на себѣ особенное вниманіе.

Не успѣешь высказать мысли о совершеніи порчи и подлога Библии священникомъ Ездру, какъ намъ уже представляется эта Библия, видится объемъ ея, объемъ в.—з. текста, несравненно большій, чѣмъ новозавѣтный текстъ, и самъ собою возникаетъ вопросъ: да вѣроятное ли, выполнимое ли это дѣло исказить и подмѣнить весь текстъ В. Завѣта для какого угодно единичнаго лица, какъ бы оно гениально ни было? ¹⁾ Уже если самая мысль о подлогѣ Библии считается гениальною, то какой же гениитъ требуется для осуществленія такой мысли? Простымъ этимъ вопросомъ, въ виду прямо безконечной важности предмета, котораго вопросъ касается, задался и свящ. М. Лисицынъ. Простыми разсужденіями онъ приводитъ къ заключенію, что совершить подлогъ Библии дѣло положительно ни для кого невыполнимое, немислимое. „Возьмите-ка на себя, обращается онъ къ г. Меньшикову, трудъ поддѣлать что-либо общественное (а, вѣдь, Св. Писаніе было извѣстно всѣмъ евреямъ, ибо читалось вслухъ въ синагогахъ и заучивалось въ школахъ). Дѣло окажется не только не легкимъ, а прямо невозможнымъ. Попробовать было Левъ Толстой исправить Евангеліе, и его попытка увѣнчалась успѣхомъ? Извѣстны также подложныя евангелія Никодима, Фомы, но, увы... никогда имъ не занять мѣста настоящаго Евангелія, какъ не занять этого мѣста „Жизни Иисуса“ Ренана. А тутъ видите-ли, читатель, дѣло было сдѣлано очень просто. Пришелъ священникъ Ездра (онъ даже не былъ первосвященникомъ) поддѣлалъ (одинъ! Какой гениальный человекъ!) В. Завѣтъ, и всѣ его приняли, и никто поддѣлки не замѣтилъ, ибо уже не знали еврейскаго языка послѣ плѣна вавилонскаго. Какъ просто! Такъ никто и не узналъ, никто ничего и не замѣтилъ: ни другіе священники, ни первосвященникъ, ни ученые книжники. Никто ни-

¹⁾ Едва ли можно допустить, чтобы свящ. Ездра, задумавъ совершить «историческій подлогъ», посвятилъ кого-либо въ свою грандіозную затѣю. Существуетъ убѣжденіе, что извѣстное трюкъ не можетъ сохраниться въ тайнѣ. Это особенно хорошо помнятъ иезуиты, почему они питомцевъ своихъ, будто бы, никогда не отпускаютъ гулять по двое, а непременно по трое. Не естественнѣе-ли предположить, что искаженія и подлоги дѣлалъ (если, конечно, вѣрить Чамберлену, что подлогъ Библии учиненъ) одинъ Ездра, а «кучка іудейскихъ патриотовъ» лишь помогла ему, будучи въ его рукахъ слѣпымъ орудіемъ? Такъ намъ дѣло это и представляется.

чего не знали. Только одинъ Ездра знаетъ и понимаетъ. Удивительно просто! Но еще болѣе читатель удивится этой простотѣ дѣла, когда обратитъ вниманіе на то, что дѣло было сдѣлано въ Иерусалимѣ, а туда изъ миллионнаго еврейскаго народа переселилось только 42360. Остальные же евреи остались въ разныхъ странахъ и городахъ Мидо-Персидскаго царства и остались съ Св. Писаніемъ въ прежней редакціи. Какъ же это, не объяснить ли г. Меньшиковъ, эти остальные приняли новую редакцію и побросали и сожгли свои старыя священныя книги, такъ что и никакихъ слѣдовъ отъ нихъ не осталось (а книги-то тогда были дорогія, пергаментныя, писанныя, не то, что теперь, когда всю Библию можно купить за 3 рубля)? Какъ это совершилось просто, безъ борьбы и въ исторіи не осталось никакихъ слѣдовъ объ этой величайшей изъ реформъ, когда-либо бывшихъ. Не такъ легко человѣчество разстается со своими вѣрованіями и святынями. Примѣръ у насъ предъ глазами: старообрядческіи многомилліонный и вѣковой расколъ изъ-за старыхъ книгъ“.

Необходимо обратить вниманіе еще на слѣдующее весьма важное обстоятельство. Чамберленъ утверждаетъ, что изъ плѣна вавилонскаго возвратились лишь одни іудеи. А такъ какъ они древній языкъ, на которомъ писана была израильская литература, забыли, то для поддѣлки библейскаго текста была полнѣйшая свобода. Уличить и обличить поддѣльвателей было некому, ибо „сами израильтяне—десять колѣнъ—были, по увѣренію Чамберлена, истреблены, исчезли безслѣдно“. Чамберлену, для его теоріи, конечно, очень важно было „истребить безслѣдно“ израильтянъ и оставить однихъ іудеевъ. Но библейская исторія рѣшительно противорѣчитъ теоріи Чамберлена. Противорѣчіе это было бы совершенно неожиданно и необъяснимо, если бы Библия была дѣйствительно искажена и „вся еврейская исторія поддѣлана“ съ указываемою Чамберленомъ цѣлью.

Изъ прямыхъ свидѣтельствъ Библии видно, что послѣ плѣна вавилонскаго рядомъ съ іудеями существовали и израильтяне и изъ плѣна вавилонскаго возвратились не одни іудеи, но также и израильтяне. Въ указѣ Кира съ позволеніемъ плѣннымъ возвратиться на родину, между прочимъ, выражено: Кто есть изъ васъ (плѣнныхъ), изъ всего народа Его (Господа Бога небеснаго),—да будетъ Богъ его съ нимъ,—и пусть онъ идетъ въ Иерусалимъ... Эти слова указа Кирова, говорятъ прот. Херасковъ, даютъ замѣтить, что разрѣшеніе воз-

вратиться на родину распространено было не на однихъ іудеевъ только, бывшихъ плѣнниковъ вавилонскихъ, но и на весь народъ Іеговы, т. е. и на израильтянъ, бывшихъ плѣнниковъ ассирійскихъ, которые при Кирѣ поступили въ общій составъ Персидской монархіи. И безъ всякаго сомнѣнія, многіе израильтяне, наряду въ іудеями, возвратились на родину, позабывши племенную вражду и религіозную рознь, какъ это видно и изъ Писанія (Неем. XI 3; 1 Пар. IX, 2). Можно полагать, такимъ образомъ, что окончаніе плѣна вавилонскаго было вмѣстѣ, по гласу пророковъ, и окончаніемъ политическаго раздробленія народа Божія на два враждебныя и ревнующія царства. Ибо, согласно пророчествамъ, собрались сыны Іудины и сыны Израилевы вмѣстѣ и поставили себѣ одну главу, и вышли изъ земли переселенія; ибо великъ день Израиля (Ос., I, 11). Ефремъ пересталъ завидовать Іудѣ и Іуда... притѣснять Ефрема (Ис. XI, 13) ¹⁾. Около полутора ста лѣтъ спустя пророкъ Іезекіиль эти пророчества Исаи и Осии, для большей наглядности, разъясняетъ посредствомъ слѣдующаго символическаго дѣйствія, изложеннаго въ 37-й главѣ его книги: И было ко мнѣ слово Господне: Возьми себѣ одинъ жезлъ и напиши на немъ: „Іудѣ и сынамъ Израилевымъ, союзнымъ съ нимъ“; и еще возьми жезлъ и напиши на немъ: „Іосифу“; это—жезлъ Ефрема и всего дома Израилева, союзнаго съ нимъ. И сложи ихъ у себя одинъ съ другимъ въ одинъ жезлъ, чтобы они въ рукѣ твоей были одно. И когда спросятъ у тебя сыны народа твоего: „не объяснишь-ли намъ, что это у тебя?“ Тогда скажи имъ: такъ говоритъ Господь Богъ: вотъ, Я возьму жезлъ Іосифовъ, который въ рукѣ Ефрема и союзныхъ съ нимъ колѣнъ Израилевыхъ, и приложу ихъ къ нему, къ жезлу Іуды, и сдѣлаю ихъ однимъ жезломъ, и будутъ одно въ рукѣ Моей. Когда же оба жезла, на которыхъ ты напишешь, будутъ въ рукѣ твоей предъ глазами ихъ, то скажи имъ: такъ говоритъ Господь Богъ: вотъ, Я возьму сыновъ Израилевыхъ изъ среды народовъ, между которыми они находятся, и соберу ихъ отовсюду и приведу ихъ въ землю ихъ. На этой землѣ, на горахъ Израиля Я сдѣлаю ихъ однимъ народомъ, и одинъ

¹⁾ Обзорѣніе историч. книгъ В. Заѣта, стр. 310.

Царь будетъ царемъ у всѣхъ ихъ, и не будутъ болѣе двумя народами и уже не будутъ впередъ раздѣляться на два царства“ (ст. 15—22).

Послѣ приведеннаго свидѣтельства Библіи, дающаго основаніе утверждать, что изъ плѣна вавилонскаго, вмѣстѣ съ іудеями, возвратились и израильтяне, становится вполне понятнымъ, почему при освященіи второго храма Іерусалимскаго, построеннаго бывшими плѣнниками, въ жертву Господу принесено было, между прочимъ, двѣнадцать козловъ, „по числу колѣнъ израильтевыхъ“ (1 Езд. VI, 17).

Мысль объ искаженіи, о подлогѣ Библіи, кому бы это недостойное, преступное дѣло ни приписывалось, недопустима даже съ точки зрѣнія самой цѣли искаженія и подлога.

Главная конечная цѣль подлога,—говорять,—„поставить на недосыгаемую высоту народъ еврейскій“. Пусть такъ! разсуждаетъ г. Князевъ. Но всякому до очевидности ясно, что для достиженія этой цѣли нужно было бы прежде всего уничтожить въ свящ. текстѣ все то, что такъ или иначе могло „компрометировать“ возвеличиваемый народъ: иначе, вѣдь, получилось бы, что одной рукой создается то, что разрушаетъ другая. Но этого-то именно въ свящ. текстѣ мы и не находимъ. Совершенно наоборотъ: въ немъ какъ бы нарочно оставлено все то, что должно свидѣтельствовать (и доселѣ поразительно свидѣтельствуешь) противъ евреевъ. Кто изъ читавшихъ XXVIII гл. Второзаконія (ст. XXVI гл. Левитъ) не поражался тѣмъ страшными прещеніями гнѣва Божественнаго, которыми Господь угрожаетъ Своему народу въ случаѣ его измѣны и отступленія отъ Него? Чье сердце не содрогалось при чтеніи обличительной пѣсни Моисея (Втор. XXXII), которая для того и была составлена имъ, чтобы быть „противъ нихъ“, т. е. евреевъ, „свидѣтельствомъ“ (Втор. XXXI, 21. 26)! „Ибо я знаю, говоритъ Моисей, обращаясь къ народу еврейскому, знаю упорство твое и жестоковѣдность твою: вотъ и теперь, когда я живу съ вами нынѣ, вы упорны передъ Господомъ: не тѣмъ-ли болѣе по смерти моеи“ (—27)?—Зачѣмъ же тотъ, кто хотѣлъ возвеличить евреевъ, оставилъ эти слова? Зачѣмъ онъ ихъ не уничтожилъ? Зачѣмъ онъ не вырвалъ цѣликомъ XXVIII и XXXII гл. Второзаконія? Зачѣмъ оставлялъ также и громовыя обличительныя рѣчи пророковъ Исая, Іереміи и Іезекіиля? Зачѣмъ сохранены въ свящ. текстѣ повѣствованія о хитромъ поступкѣ Іакова въ отношеніи къ брату своему—Исаву, о грѣхопаденіи Давида и женолюбіи Соломона? Зачѣмъ не

уничтожены послѣднія (XVII—XXI) главы книги Судей, гдѣ въ такихъ мрачныхъ краскахъ изображается идолопоклонство евреевъ и ихъ склонность къ необузданному разврату? Затѣмъ оставлено все это? А затѣмъ, чтобы показать, что Библия совершенно далека отъ того, что ей теперь хотятъ навязать, и въ чемъ ее теперь обвиняютъ: не возвеличивать еврейскій народъ она имѣетъ въ виду, а сообщать лишь одну чистѣйшую истину богооткровенную. Если же она и поставляетъ высоко народъ еврейскій, то только—какъ народъ, дол же н ст в у ю щ і й бытъ святымъ, и она же (т. е. Библия) первая обличаетъ этотъ народъ, когда онъ уклоняется отъ своего назначенія. Не еврейскій народъ возвеличиваетъ Библия, а возвеличиваетъ благочестіе, праведность, святость (ср. Римл. IX, 6—9), и не язычниковъ, какъ таковыхъ (ст. Дѣян. X, 34—35), унижаетъ она, а безбожіе, нечестіе и порокъ. И весь трагизмъ положенія еврейскаго народа въ томъ и состоитъ, что онъ, призванный Богомъ быть „первымъ“ (Исх. IV, 22) между всѣми народами по своей святости (—XIX, 6), хочеть теперь, во что бы то ни стало, добиться этого „первенства“ не „святостью“, а другими—„беззаконными“ путями. Отсюда—и пренебрежительное отношеніе евреевъ ко всѣмъ остальнымъ народамъ, надъ которыми они хотятъ „первенствовать“, и всеобщая ненависть къ нимъ самимъ. Библия, какъ видите, тутъ не при чемъ. Но какъ же послѣ сего долженъ быть страшенъ для человѣка грѣхъ,—грѣхъ, который даже то, что дано человѣку во спасеніе, т. е. слово Божіе, обращаетъ въ орудіе его гибели (ср. Римл. VII, 7—13). Итакъ не должны-ли намъ теперь всѣ разсужденія о подложности Библии представляться однѣми лишь пустыми выдумками, а наговоры на нее (съ легкой руки Ренана)—вытекающими лишь изъ простаго непониманія ея духа (ср. 1 Кор. II, 14)!

Въ частности, что ветхозавѣтное Писаніе во всей цѣлости и неповрежденности сохранилось до начала нашей эры (т. е. до Р. Хр.) и въ такомъ именно видѣ вошло въ составъ нашей Библии, это,—говоритъ тотъ же г. Князевъ,—подтверждается отношеніемъ къ сему Писанію Самого Христа Спасителя и Его апостоловъ.

Еще находясь въ пустынѣ и будучи искушаемъ дьяволомъ, Спаситель отражаетъ его искушенія словами ветхозавѣтнаго Писанія (Матѣ. IV, 4, 7, и 10, ср. Втор. VIII, 3, VI, 16 и VI, 3). Затѣмъ Христосъ торжественно предъ народомъ и апостолами свидѣтельствуетъ: „не думайте, что Я пришелъ нарушить законъ

или пророковъ: не нарушить пришелъ Я, но исполнить“ (Матѣ. V, 17). „Изслѣдуйте Писанія, говоритъ Онъ также Іудеямъ, ибо вы думаете чрезъ нихъ имѣть жизнь вѣчную; а они свидѣтельствуютъ о Мнѣ.. Не думайте, что Я буду васъ обвинять предъ Отцемъ; есть на васъ обвинитель—Моисей, на котораго вы уповаете. Ибо если бы вы вѣрили Моисею¹⁾, то повѣрили бы и Мнѣ, потому что онъ писалъ о Мнѣ (ср. Втор. XVIII, 15 и Дѣян. VII, 37). Если же его писаніямъ не вѣрите; какъ повѣрите Моимъ словамъ?“ (Іоан. V, 39. 45—47). Вдумайтесь поглубже: могла ли такъ свидѣтельствовать о ветхозавѣтныхъ Писаніяхъ Сама Небесная Истина (Іоан. XIV, 6), если бы эти Писанія были сплошной подлогъ или ложь? И утверждать противное не значить-ли послѣ сего—тяжко оскорблять Самого Господа!.. Но, конечно, кто намѣренно закрываетъ глаза свои, чтобы не видѣть, и уши, чтобы не слышать (Іоан. XIII, 15), для того и воскресеніе мертвеца не будетъ нисколько убѣдительно (Лук. XVI, 31)!. А вотъ и еще свидѣтельство объ отношеніи Христа Спасителя къ ветхозавѣтнымъ Писаніямъ. Явившись, по Своемъ воскресеніи, двумъ ученикамъ Своимъ, шедшимъ въ Эммаусъ, Спаситель для укрѣпленія ихъ вѣры въ то, что Христу надлежало пострадать и войти въ славу Свою, „начавъ отъ Моисея, изъ всѣхъ пророковъ изъяснялъ имъ сказанное о Немъ во всемъ Писаніи“ (Лук. XXIV, 27 ср 44). Опять возможно ли было со стороны Христа, если бы Писаніе, на которое Онъ въ данномъ случаѣ ссылался, представляло собою подложный (въ той или иной формѣ) документъ?

Если же Самъ Христосъ ни единымъ словомъ не указываетъ на подложность ветхозавѣтнаго Писанія, а, совершенно наоборотъ, смотритъ на него, какъ на доказательство истинности Своего Божественнаго посланничества и мессіанскаго служенія, то понятно, конечно, съ какимъ благоговѣніемъ должны были относиться къ этому Писанію Его послѣдователи и ученики! И мы дѣйствительно видимъ, что, можно сказать, нѣтъ ни одной страницы новозавѣтныхъ Писаній, гдѣ бы не было ссылокъ на Ветхій Завѣтъ! Неужели это было возможно, если бы тамъ былъ подлогъ? „А все, что писано было прежде, свидѣлствуетъ св. ап. Павелъ въ посланіи къ римлянамъ, написано было намъ въ наставленіе, чтобы мы терпѣніемъ и утѣшеніемъ изъ Писаній сохраняли надежду“ (—XV, 4, ср. 1 Кор. X, 11). И въ посланіи

¹⁾ А вышшіе библейскіе критики хотятъ уничтожить въ насъ вѣру Моисею.

къ возлюбленному ученику своему Тимоѳею тотъ же Апостоль пишетъ: „Ты пребывай въ томъ, чему наученъ, и что тебѣ ввѣрено, зная, къмъ ты наученъ. При томъ же ты изъ дѣтства знаешь Священныя Писанія ¹⁾, которыя могутъ умудрить тебя во спасеніе вѣрою во Христа Іисуса. Все Писаніе боговдохновенно и полезно для наученія, для обличенія, для исправленія, для наставленія въ праведности; да будетъ совершенъ Божій чловѣкъ ко всякому доброму дѣлу приготовленъ“ (2 Тим. III, 14—47). Опять спрашивается: возможно-ли было бы такое отношеніе Апостола ветхозавѣтному Писанію, если бы тамъ была какая бы то ни было ложь.

Что все Писаніе боговдохновенно и что въ частности книги В. Завѣта отнюдь не произведеніе ума чловѣческаго, тѣмъ болѣе лживаго ума, способнаго на подлоги, въ этомъ неопровержимо убѣждаютъ насъ и всемірно-историческія событія.

Въ началѣ 90-тыхъ годовъ прошлаго столѣтія вышла на нѣмецкомъ языкѣ брошюра протестантскаго писателя А. Романна подъ заглавіемъ: «Всемірно-историческія событія, какъ доказательство божественнаго происхожденія библіи». Въ брошюрѣ этой собраны и назидательно сопоставлены знаменательныя историческія событія, предсказанія въ книгахъ Свящ. Писанія и совершившіяся согласно пророчествамъ со всею точностію ²⁾. Будучи разительнымъ доказательствомъ божественнаго происхожденія библейскаго слова, событія эти и сами по себѣ въ высшей степени интересны. Передаемъ рѣчи Романна въ нѣкоторомъ ихъ сокращеніи.

Начало всемірной исторіи ознаменовано могучимъ развитіемъ хамитскихъ народовъ, носителями которой были Вавилонъ и Ассирія, Египеть и Финикія. Въ Вавилонѣ впервые начали наблюдать за теченіемъ небесныхъ свѣтилъ, оттуда ведутъ свое начало наши календарныя званія, отъ вавилонянъ же заимствовано раздѣленіе времени на часы, минуты и секунды, каждый циферблатъ нашихъ часовъ служитъ памятникомъ древне-вавилонской мудрости. Тамъ и въ Египтѣ впервые начали добывать изъ земли руду и желѣзо, золото и серебро... Въ Вавилонѣ и Египтѣ впервые начали правильно заниматься земледѣліемъ... Тамъ же впервые стали сооружать каналы, обжигать

¹⁾ А Тимофей былъ по матери еврей, и матерью и бабкою былъ хорошо наставленъ въ законъ Божию (2 Тим. 1, 5).

²⁾ Та часть брошюры, въ которой дѣлается обзоръ событій собственно всемірной исторіи помѣщена въ переводѣ въ «Ц. Вѣдомостяхъ» за 1895 годъ въ № 16-мъ.

киршичь, строить дома и города, крѣпостныя стѣны и храмы; тамъ же впервые встрѣчаемъ мы правильное государственное устройство, у нихъ же впервые систематически устроено было и военное дѣло: у этихъ народовъ впервые видимъ процвѣтаніе промышленности и торговли. Не только пурпуръ и стекло, но и всевозможныя художественныя издѣлія были у нихъ изобрѣтены. Одежды изъ виссона и ковры, золотыя украшенія и бронзовые сосуды, рѣзные камни и благовонныя масти Египта и Вавилона славились по всему Востоку. Такой трезвый изслѣдователь, какъ Максъ Дункеръ, говоритъ объ египетской промышленности, что она мало въ чемъ уступала современной европейской. Въ Египтѣ впервые изслѣдованы были цѣлебныя средства противъ болѣзней, хотя вмѣстѣ съ тѣмъ египтяне же прославились и приготовленіемъ ядовъ. Финикійскіе корабли первые прорѣзали морскія волны и финикійцы были первымъ торговымъ народомъ міра. Эти хамитскіе народы были также изобрѣтателями первыхъ письменныхъ знаковъ, впоследствии іероглифовъ, которые практическіе финикійцы преобразовали въ буквенное письмо. Какъ храмъ Соломоновъ построенъ былъ финикійскими мастерами, такъ и книги В. Завѣта написаны были буквами, заимствованными отъ финикійцевъ. Однимъ словомъ, здѣсь мы имѣемъ первую великую міровую культуру, пріобрѣтеніями которой мы пользуемся и нынѣ въ своихъ житейскихъ нуждахъ. Но эти міровыя культурныя страны древнѣйшаго міра—Вавилонъ и Ассирія, Египетъ, Финикія и Карфагенъ были также и міродержавными государствами. Индо-европейскіе народы іафетиты свящ. Писанія,—тогда не имѣли еще никакого значенія, они примыкали къ границамъ извѣстнаго тогда цивилизованнаго міра, а семитическіе народы среди хамитскихъ міровыхъ государствъ только отчасти начинали самостоятельное существованіе и не имѣли еще духовнаго вліянія, и всего менѣе, конечно, на далеко отстоявшихъ отъ нихъ не только пространственно, но и духовно іафетитовъ—индо-европейцевъ.

Но вотъ тутъ встрѣчается намъ знаменательное слово изъ начала всего историческаго развитія,—слово, которое свящ. Писаніе влагаетъ въ уста Ною,—слово о томъ, что Богъ размножитъ дѣтей Іафета и отдастъ имъ страны земли, но что эти міродержавныя племена будутъ жить въ шатрахъ Сима, въ родѣ котораго будетъ храниться Божественное откровеніе, напротивъ племена Хама, эти гордые культурою и міровымъ могуществомъ государства древности, должны будутъ сдѣлаться

рабами названныхъ народовъ. Если перенести это древнѣйшее пророчество въ гораздо позднѣйшее время, оно пребудетъ непреложнымъ, какъ въ то время, когда оно было изречено...

Прослѣдимъ за ходомъ всемірной исторіи. Взятіе Трои греками, завоеваніе Вавилона персами Кира, Египта его сыномъ Камбизомъ, и затѣмъ всего Востока Александромъ Великимъ (Македонскимъ), исполнская война Карѳагена съ Римомъ—все это ступи на томъ пути, который ведетъ къ рабству хамитовъ, къ міровому господству индо-европейцевъ іафетитовъ. Народы, нынѣ все еще распространяющіеся по землѣ, наполняющіе міръ и въ немъ господствующіе—это іафетиты, индо-европейцы. И эти народы, потомки Іафета, живутъ нынѣ въ шатрахъ Сима, вѣрують въ Откровеніе, данное роду Симову въ библейскихъ книгахъ Ветхаго и Новаго Завѣта и въ Лицѣ Іисуса Христа. Даже въ противоположномъ образѣ магометанства духовные шатры вышли отъ Сима, отъ арабовъ Измаила—и въ нихъ живутъ многія племена земныя.

Съ этимъ общимъ взглядомъ на всемірную исторію сопоставимъ теперь нѣкоторыя интересныя частности. Онѣ относятся къ Вавилону и Египту, основателямъ и носителямъ и сиро-финикіянамъ—распространителямъ древне-хамитской культуры.

О великолѣпнн и обширности Вавилона рассказываютъ писатели древняго міра. Стѣны города были вышиною болѣе 300 футовъ и въ окружности имѣли 10 нѣмецкихъ миль, ширина ихъ достигала 87 футовъ. Объ этомъ сильномъ сооруженіи говоритъ пророкъ Іеремія (гл. 51, 58): «толстыя стѣны Вавилона—настолько толстыя, что, по свидѣтельству древнихъ, шесть колесницъ въ рядъ могли проѣзжать по нимъ,—до основанія будутъ разрушены, говоритъ Господь Саваоѣ». Спустя лѣтъ 100 послѣ изреченія сего пророчества Дарій Гистаспъ повелѣлъ разобрать ихъ на 75 футовъ, но онѣ продолжали стоять еще около 1000 лѣтъ. А теперь даже слѣда этихъ стѣнъ не могутъ открыть путешественники, не смотря на усиленные и многократныя разысканія. Внутри этихъ стѣнъ сосредоточены были всѣ рѣдкости и все великолѣпіе, какія только возможно было создать человѣческими руками: величественный храмъ бога Бела въ 600 футовъ высоты, висячіе сады, возведенные съ величайшимъ искусствомъ и художественностію и украшенные террасами, достигавшими высоты городскихъ стѣнъ, 100 мѣдныхъ воротъ, царскій дворець построенный Навуходносоромъ, обнесенный тремя стѣнами на 2 нѣмецкихъ мили въ окружности.

И вотъ надъ этимъ то величіемъ пророки изрекають судъ: Божіи «И сдѣлаю его (Вавилонъ) владѣніемъ ежеи и болотомъ» (Исаи 14, 23). «Не заселится никогда и въ роды родовъ не будетъ жителей въ немъ; не раскинетъ аравитянинъ шатра своего, и пастухи со стадами не будутъ отдыхать тамъ» (Исаи 13, 20). „Города его сдѣлались пустыми, землею сухою, степью, землею, гдѣ не живеть ни одинъ человекъ“ (Иерем. 51, 43). Будутъ обитать въ немъ звѣри пустыни, и дома наполнятся филинами» (Ис. 13, 21). И сбылось такъ, какъ сказано, съ буквальною точностію, отъ слова до слова. Полное согласіе показаній путешественниковъ и съ библейскимъ пророчествомъ просто изумительно. Развалины Вавилона два мѣсяца въ году покрыты разливами Евфрата, такъ что многія ихъ части обращаются въ болото и трясины, и видъ Вавилона послѣ спада водъ представляетъ сухую пустыню, выжженную и раскаленную поверхность. Болотомъ и сухою землею сталъ Вавилонъ. Многочисленные на Евфратѣ ежи живутъ тамъ въ развалинахъ Вавилона во множествѣ, дикіе звѣри, шакалы, гиены и ядовитыя пресмыкающіяся—въ превеликомъ множествѣ. Ни одной души человѣческой не живеть тамъ; гробовая тишина царитъ надъ полемъ развалинъ. «Такого рода развалины, насыщенные селитряною кислотою, не могутъ быть восстановлены», пишетъ одинъ путешественникъ. «Невозможно было мнѣ заставить моихъ проводниковъ, арабовъ, провести тамъ ночь изъ страха ихъ предъ злыми духами», пишетъ другой путешественникъ (Буккингамъ). Все это чрезвычайно замѣчательно и никоимъ образомъ не могло произойти путемъ обыкновеннаго разрушенія. Часто Вавилонъ подвергался завоеваніямъ, но онъ остался значительнымъ городомъ. Александръ Великій хотѣлъ снова сдѣлать его столицею своего царства, но онъ тамъ и умеръ. Богатые жители города постепенно выселялись встѣдъ за своими властителями въ другія резиденціи, но бѣдные люди еще долго оставались въ древней столицѣ. Часть города внутри стѣнъ была обращена подъ пашню. Въ IV вѣкѣ по Рождествѣ Христовѣ одному владѣтелю вздумалось сдѣлать изъ Вавилона мѣсто для охоты. Онъ велѣлъ восстановить стѣны вмѣсто ограды и посадить тамъ звѣрей. Они такъ здѣсь разжились и утвердились въ норахъ и расщелинахъ разрушенныхъ дворцовъ, что ни одинъ пастухъ тамъ не можетъ пасти своего стада и ни одинъ человекъ не можетъ тамъ не только жить, но даже на одну ночь раскинуть свою палатку. Наводненія же Евфрата, которыя и понынѣ отчасти превращаютъ Вавилонъ

какъ бы въ болото, только въ новѣйшее время задерживаются само собою удивительнымъ образомъ образовавшеюся дамбою этой рѣки. Еще на одно знаменіе особеннаго суда Божія указуютъ нынѣ развалины Вавилона. О храмъ Бела въ 600 футовъ высоты—этомъ величайшемъ сооруженіи всѣхъ временъ, Господь сказалъ чрезъ пророка Іеремію: «Вотъ, Я— на тебя, гора губительная, разоряющая всю землю, и простру на тебя руку Мою, и низрину тебя со скаль и сдѣлаю тебя горою обгорѣлою» (Іерем. 51, 26). И понынѣ существуетъ на мѣстѣ Вавилона возвышеніе въ 235 футовъ—остатки сего языческаго храма, въ видѣ горнаго хребта. Но массы кирпича не оставляютъ никакого сомнѣнія въ томъ, что они расплавлены огнемъ. Эти обломки звучатъ какъ стекло и со всѣхъ сторонъ обожжены, какъ будто вышли изъ плавильной печи, какъ пишутъ путешественники (Миньянъ, Каппель, сэръ-Портеръ). «Я сдѣлаю тебя горою обгорѣлою», изрекъ нѣкогда Господь.

Съ Вавилономъ соперничалъ о всемірномъ господствѣ и раздѣлялъ его съ нимъ Египеть. Геродотъ полагаетъ число городовъ и селеній этой страны до 20.000. Онъ называетъ Египеть плодороднѣйшею изъ всѣхъ странъ. Долго былъ онъ житницею міра. Объ этомъ могущественномъ царствѣ Іезекіиль восклицаетъ: «оно будетъ слабѣе другихъ царствъ и не будетъ болѣе возноситься надъ народами» (Іезек. 29, 15). Такъ и сбылось. Египеть не прекратилъ свое существованіе, какъ Вавилонъ и Ницевія, но это уже бѣдная страна и безсильное государство. Но знаменательно слѣдующее слово пророка о судѣ, имѣющемъ быть надъ Египтомъ: «И рукою иноземцевъ опустошу землю и все наполняющее ее... И изъ земли Египетской не будетъ уже властителя» (Іезек. 30, 12, 15). И такъ продолжается уже 23 столѣтія, со времени Камбиза. Персы, македоняне, греки, римляне, арабы, грузины, оттоманскіе турки завоевывали Египеть, опустошали и овладѣвали имъ. А изъ страны фараоновъ этихъ самыхъ гордыхъ царственныхъ родовъ древности, могильные памятники которыхъ—пирамиды еще и отнынѣ смотрятъ на насъ со своей высоты, не вышелъ болѣе ни одинъ властитель. Одно время владычествовали въ Египтѣ мамелюки, на Кавказѣ скупленные и сюда привезенные рабы, первоначально бывшіе охранною стражею туркменскихъ князей, которыхъ они убили и сами заняли ихъ мѣсто. Но они вымерли уже во второмъ поколѣніи, и дѣти ихъ не вступили на ихъ мѣсто, а постоянно властвовали рабы, купленные извнѣ и принятые въ ряды мамелюковъ.

Знаменитѣйшіе султаны происходили изъ татарскихъ и черкесскихъ ордъ, и 24 владѣтеля (беки) не имѣли своихъ сыновей и наследниками ихъ всегда были рабы. Изъ Египта не возсталъ болѣе ни одинъ властитель. Нынѣ господами въ Египтѣ англичане.

Тиръ имѣлъ славу перваго торговаго города древняго міра. Карфагенъ, Утика, Кадиксъ—памятники его могущества. И Тиру возвѣщенъ былъ судъ Божій: «И разобьютъ стѣны Тира и разрушатъ башни его, и вымету изъ него прахъ его и сдѣлаю его голою скалою. Мѣстомъ для разстиланія сѣтеи будетъ онъ среди моря», восклицаетъ пророкъ Іезекіиль (26, 4—5). Тиръ былъ разрушенъ Навуходносоромъ, но на близъ лежащемъ въ морѣ островѣ возсталъ Новый Тиръ въ новомъ великолѣпнн, окруженный высокими стѣнами въ 150 футовъ. Но когда, спустя 250 лѣтъ, Александръ Великій осаждалъ Новый Тиръ, онъ велѣлъ проложить на островъ съ материка насыпь (дамбу), для которой послужили удобнымъ матеріаломъ развалины стараго Тира. Этотъ завоеватель, тщетно пытавшійся возстановить развалины Вавилона въ прежнемъ величїи, низринуть въ море таковыя же развалины Тира и разметалъ даже прахъ этого древняго города. А теперь путешественники изображаютъ эти города, то какъ жалкую деревушку, гдѣ проживаютъ 50—60 бѣдныхъ семействъ, съ трудомъ снискивающихъ пропитаніе рыболовствомъ, то какъ скалу, на которой рыбаки сушатъ свои сѣти.

Все это всемірно-историческія событія. Въ нихъ до мельчайшихъ и притомъ характеристичныхъ подробностей исполняется слово Писанія, изреченное столѣтіями и тысячелѣтіями прежде сихъ событій. Совершенно немисливо предугадать человѣческимъ сужденіемъ и догадкою такія подробности этихъ событій въ будущемъ. Не объяснить этого и простою случайностью. Духъ, изрекшій чрезъ пророковъ судьбы царствъ и народовъ, могъ быть только Духомъ Бога Живаго. Всемірная исторія въ такихъ событіяхъ представляетъ ясное свидѣтельство того, что слово Библіи—божественнаго происхожденія, а не произведеніе человѣческаго духа.

И горы Ливанскія, на которыхъ кой-гдѣ еще остались немногіе кедры, всего до 50 деревъ, представляютъ намъ свидѣтельство того, что также Духъ Божій изрекъ чрезъ пророка Исаію объ этихъ горахъ, нѣкогда столь славныхъ высотой своихъ кедровыхъ лѣсовъ, слѣдующія пророческія слова: «И остатокъ деревъ лѣса его такъ будетъ малочисленъ, что дитя въ со-

стояніи будетъ пересчитать ихъ».—Совершенно опустошенные, сысучими песками занесенные, змѣями и черной дресвой наполненные, болѣе 30 каменныхъ городовъ едомлянъ, которые еще во времена Иисуса Навина были богатыми торговыми городами (Иерем. 49, Іезек. 35), обезлюденіе и объдѣніе Палестины, страны питавшей нѣкогда миллионы жителей, полное опустошеніе земли Моавитской; шалаши пастуховъ тамъ, гдѣ нѣкогда стояла великолѣпная столица аммонитянъ ¹⁾—свидѣтельствуютъ о Божескомъ всевѣдѣніи Духа, который все сіе предрекъ въ то время, когда эти страны были въ полномъ своемъ величіи и пышности, и предрекъ притомъ въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ съ совершенною точностію. И если въ Палестинѣ еще можно кой-гдѣ встрѣтить остатки прежняго плодородія, такъ что отдѣльныя мѣстности страны еще и нынѣ подобны раю Господню, то и это пророкъ ясно предсказалъ, говоря: „И останутся, какъ бываетъ при обиваніи маслинъ, двѣ, три ягоды на самой вершинѣ, или четыре, пять на плодоносныхъ вѣтвяхъ“ (Ис. 17, 6).

Осада и разрушеніе Іерусалима, предреченное Господомъ чудесное спасеніе христіанъ изъ окруженнаго непріятелями города, оказавшееся возможнымъ единственно потому, что римляне вдругъ и неожиданно еще разъ отступили съ своимъ войскомъ, сожженіе храма, не смотря на строжайшее повелѣніе римскаго императора сохранить храмъ, господство чужеземныхъ народовъ надъ Палестиною даже до сего дня: до мельчайшихъ подробностей указываютъ намъ, отъ какого Духа все это напередъ было предвозвѣщено. Приведемъ здѣсь одну только подробность, интересную особенно потому, что люди дѣйствовали здѣсь съ открытымъ намѣреніемъ—посрамить Божественное пророчество. Замѣтимъ предварительно, что нижеслѣдующій рассказъ передается многими писателями, и въ особенности Амміаномъ Марцеллиномъ, секретаремъ императора Юліана, ненавидѣвшимъ христіанство также, какъ и его государь. Императоръ Юліанъ вступилъ на престолъ. Онъ ненавидѣлъ Господа Иисуса такъ же глубоко, какъ и тѣ, которые его распинали. Воспитанъ онъ былъ въ христіанствѣ и зналъ ученіе Христова. Онъ захотѣлъ посрамить слово Христа Спасителя и пророчество Писанія. И вотъ онъ рѣшилъ, что Іерусалимъ долженъ принадлежать іудеямъ,

¹⁾ Іезек. 25, 5: «Я сдѣлаю Равву стойломъ для верблюдовъ, и сыновъ Аммоновыхъ—пастухами овецъ». Букингамъ въ описаніи своего путешествія по Аравійскимъ племенамъ рассказываетъ, что онъ располагался тамъ своею палаткою между стадами овецъ и козловъ и почти совершенно не могъ спать отъ бленія стада.

что язычники не должны разрушать его и что вновь долженъ стоять въ немъ возстановленный храмъ Соломоновъ. По приглашенію императора, собрались сыны Іудовы сооружать свой храмъ и вступить вновь въ обладаніе землею отцевъ ихъ. Воодушевленіе было необычайное. Даже слабыхъ женщинъ и дѣвушекъ въ ихъ украшенныхъ серебромъ покрывалахъ можно было видѣть таскавшими щепень на постройку. Радостныя толпы народа работали подъ звуки музыкальныхъ инструментовъ и любимыхъ пѣсень съ великимъ одушевленіемъ. Но императоръ слишкомъ заинтересованъ былъ въ этомъ дѣлѣ, чтобы довѣрить его однимъ іудеямъ. Онъ самъ пошелъ къ нимъ на помощь со своими когортами и легионами, противустоять которымъ казалось невозможнымъ. Они были командированы на работы по сооруженію храма. Властитель міра вступилъ въ открытую борьбу съ Царемъ, который возведенъ былъ на крестъ и не имѣлъ гдѣ голову приклонить. Кто побѣдитъ? Мы знаемъ, кто побѣдилъ. при видѣ развалинъ храма, которыя и понынѣ лежатъ пустынными. Но достойно примѣчанія свидѣтельство того же языческаго писателя, который, какъ сказано, былъ личнымъ секретаремъ и биографомъ Юліана. Страшные огненные шары, рассказываетъ онъ, вырывались изъ земли близъ того мѣста, гдѣ выкапывали грунтъ подъ возстановленныя стѣны и отъ времени до времени дѣлали это мѣсто совершенно недоступнымъ для утраченныхъ рабочихъ. Тщетны были повелѣнія привыкшимъ къ повинновенію солдатамъ продолжать работы. Огонь появлялся до тѣхъ поръ, пока не прекратились работы, послѣ безплодной борьбы.—Вопреки повелѣнію римскаго императора, солдаты Тира сожгли храмъ. Вопреки повелѣнію императора, солдаты Юліана должны были отступиться отъ работъ по его возстановленію.

Въ заключеніе еще одинъ взглядъ на тѣ семь Малоазіатскихъ царей, которые упоминаются въ первой главѣ Апокалипсиса св. Іоанна. Къ Ефесу, Смирнѣ, Пергаму и Фіатирѣ, Сардамъ, Филладельфін и Лаодикии обратилъ Господь Свое слово. Смирна и Филладельфія получили обѣтованіе, что они будутъ судьями пяти прочихъ церквей. Нѣкогда всемірно извѣстный Ефесъ, богатѣйшій городъ Малой Азіи, съ храмомъ о 127 колоннахъ, въ 60 футовъ каждая, высѣченныхъ при томъ изъ цѣльнаго куска паросскаго мрамора, нынѣ представляетъ груды камней и нѣсколько бѣдныхъ хижинокъ. Сарды, бывшая царская резиденція, гдѣ Крезъ собиралъ свои груды сокровищъ и гдѣ христіанская церковь существовала только по имени, но была

мертва внутренно, и этотъ городъ раздѣляетъ судьбу Ефеса. Лаодикія, городъ, которому Господь угрожаетъ своимъ прещеніемъ, что Онъ повергнетъ его изъ устъ Своихъ, городъ, нѣкогда славившійся необыкновенною красотой и рѣдкимъ богатствомъ, окружность котораго вмѣщала 30.000 жителей, нынѣ представляетъ груды обломковъ, какъ и Вавилонъ, гдѣ живутъ только звѣри пустынные и нѣтъ ни одного существа человѣческаго. О Пергамѣ и Фіатирѣ не было сказано, что Господь сдвинетъ свѣтильники ихъ съ мѣста ихъ, хотя и накажетъ за грѣхи въ церквахъ сихъ, и вотъ мы находимъ на мѣстѣ этихъ городовъ небольшія мѣстечки и въ каждомъ изъ нихъ по небольшой греческой и армянской христіанской общинѣ и церкви. Напротивъ Смирна, возлюбленный Господомъ городъ, и нынѣ обширный и цвѣтушій, столица Малої Азіи, съ нѣсколькими церквами и многочисленными христіанами. Но удивительнымъ образомъ стоитъ Филадельфія и нынѣ, какъ историческій памятникъ непреложности слова Господня. Она была маленькимъ городкомъ и лежитъ глубоко внутри страны. „Я сохранию тебя отъ години искушенія, которая придетъ на всю вселенную“, сказалъ Господь къ Филадельфіи. Когда великая година искушенія наступила для странъ и городовъ Малої Азіи при вторженіи ислама, тогда Господь сохранилъ Филадельфію. Восемьдесятъ лѣтъ сопротивлялась маленькая Филадельфія вторженію турецкой силы, и наконецъ съ честью заключила капитуляцію съ однимъ изъ самыхъ гордыхъ оттоманскихъ властителей, и по условію сдачи Филадельфіи сохранила за собою свободу христіанскаго вѣроисповѣданія. Кругомъ ея и въ даль и въ ширь—все магометанское; въ Филадельфіи стоятъ пять церквей и процвѣтаетъ христіанская община. „Я сдѣлаю тебя столпомъ“—сказалъ Господь къ Филадельфіи. Извѣстный историкъ, враждебный Библии Гиббонъ, пишетъ: „Изъ греческихъ общинъ и колоній въ Малої Азіи осталась только Филадельфія, какъ прямо стоящій столбъ посреди поля развалинъ“. Почему не могущественная Лаодикія оказала сопротивленіе натиску турокъ, а маленькая Филадельфія? Почему не Смирна лежитъ въ развалинахъ, и почему не гордый нѣкогда Ефесъ—нынѣ цвѣтушій городъ? Почему прахъ Вавилона не удаленъ съ мѣста, какъ и Тира, и не Тиръ сдѣлался трясинною и болотомъ, какъ развалины Вавилона? И еще, есть-ли то случайность, что все именно такъ и совершилось, какъ объ этомъ сказано въ Священномъ Писаніи, и есть-ли это человѣческій духъ, который все съ такою

точностію предвидѣлъ и предсказалъ? Какое бы торжество для невѣрующаго, если бы здѣсь дѣйствовалъ превратный случай по своему желанію и произволенію. И почему такіе факты людямъ столь мало извѣстны и на нихъ вовсе не обращается никакого вниманія? „Вотъ, предсказанное прежде сбылось, и новое я возвѣщу; прежде нежели оно произойдетъ, Я возвѣщу вамъ“, говоритъ Господь чрезъ пророка Исаію (42, 9). И опять: „Я возвѣщаю отъ начала, что будетъ въ концѣ, и отъ древнихъ временъ то, что еще не сдѣлалось“ (46, 10). Объ идолахъ же восклицаетъ пророкъ съ насмѣшкою: „Скажите, что произойдетъ въ будущемъ, и мы будемъ знать, что вы боги“ (Ис. 41, 23).— Такъ говоримъ и мы: укажите намъ всѣ книги и слова людскія и умъ человѣческой, гдѣ бы то, что было давно предсказано людьми, произошло въ послѣдующіе дни и совершилось бы съ буквальною точностію? Слово, способное это дѣлать, не вышло изъ духа человѣческаго и не высказано имъ,—это слово Духа, Который управляетъ исторіею какъ въ великомъ, такъ и въ маломъ, это—слово Бога Живаго. Историческіе факты стоятъ предъ нашими глазами, какъ неопровержимое тому доказательство ¹⁾.

Итакъ, ходъ всемірной исторіи поразительно согласный даже въ мелочахъ съ предсказаніями Библии за вѣка, за тысячелѣтія, отмечаетъ всякую мысль о подложности Библии.

¹⁾ Вообразите послѣ этого словоизверженіе нѣкоего профессора П. И. Ковалевскаго, утверждающаго, что «чтеніе Библии является безнравственнымъ и развращающимъ» (sic)... Ужъ не мѣтитъ-ли и этотъ специалистъ по душевнымъ болѣзнямъ въ какіе нибудь «Колумбы»?... Въ «Колумбы библейской исторіи онъ во всякомъ случаѣ не годится, ибо въ этой области успѣлъ уже обнаружить крайнее свое невѣжество. Въ одною изъ своихъ сочиненій онъ договорился до того, что «поселилъ есеевъ на берега Мраморнаго моря!... И это профессоръ!.. Приводимыя г. Ковалевскимъ, въ его брошюрѣ «Библия и нравственность», съ позволенія сказать, «доказательства» того, что «Библия такая (будто бы, безнравственная) книга, которую должно держать подъ замкомъ», не только диковинны, но какъ выяснилъ и, дѣйствительно, доказалъ профессоръ А. Бронзовъ, «до такой степени дико и грубо, что сами себѣ провозносятъ самый убійственный приговоръ». Проф. Бронзовъ привелъ всѣкія основанія къ заключенію, что г. Ковалевскій изъ разряда тѣхъ авторовъ, которые «пишутъ и говорятъ о вещахъ, которыхъ не понимаютъ и, повидимому, не желаютъ понимать» (См. «Колоколь» № 367-й). Неудивительно, что «возмутительная мудрованія» г. Ковалевскаго «имѣли честь» находиться подъ арестомъ, вложеннымъ на нихъ (т. е. на брошюру) спб. Комитетомъ по дѣламъ печати. Не знаемъ, считаетъ-ли самъ г. Ковалевскій арестъ Комитетомъ его брошюры позорящимъ его способность понимать Библию; но что другіе арестъ брошюры почтутъ за честь, оказанную ей Комитетомъ, въ этомъ едва ли можно сомнѣваться.

Несогласна, несообразна, наконецъ, эта ложная мысль съ нашимъ понятіемъ о Богѣ, единомъ и истинномъ Виновникѣ книгъ Свящ. Писанія и съ живою нашею вѣрою въ Него вообще.

Принять мысль о томъ, что Богъ попустилъ такъ или иначе, подлогомъ однихъ мѣстъ, искаженіемъ другихъ, извратить, измѣнить святое слово Свое, Имъ же Самимъ данное въ руководство людямъ, говоритъ г. Князевъ, возможно только при двухъ предположеніяхъ: что Богъ или не могъ, или не хотѣлъ сохранить въ цѣлости и неповрежденности святое слово Свое. Но оба эти предположенія одинаково нелѣпы, они могутъ быть допущены только при представленіи Бога существомъ бездѣятельнымъ, мертвымъ (слѣпой Рокъ г. Меньшикова), а не Существомъ Живымъ. Но „живу Я! говоритъ Господь“ (Ис. XLIX, 18; Іер. XXII, 24)... „и вы живы будете“ (Іоан. XIV, 19)! „Видите нынѣ (видите), что это Я, Я—и вѣтъ Бога, кромѣ Меня. Я умерщвляю и оживляю. Я поражаю и Я исцѣляю; и никто не избавитъ отъ руки Моей. Я подьему къ небесамъ руку Мою и (клянуся десницею Моею и) говорю: живу Я во Вѣкъ“ (Втор. XXXII, 39—40)! „Богъ (же) не человѣкъ, чтобы Ему лгать, и не сынъ человѣческій, чтобы Ему измѣняться. Онъ-ли скажетъ, и не сдѣлаетъ, будетъ говорить и не исполнитъ“ (Числ. XXIII, 19)? „Мои мысли не ваши мысли, ни ваши пути—пути Мои, говоритъ Господь. Но какъ небо выше земли, такъ пути Мои выше путей вашихъ, и мысли Мои выше мыслей вашихъ. Какъ дождь и снѣгъ нисходитъ съ неба, и туда не возвращается, но наполяетъ землю, и дѣлаетъ ее способною рождать и произращать, чтобы она давала сѣмя тому, кто сѣетъ, и хлѣбъ тому, кто ѣстъ: такъ и слово Мое, которое нисходитъ изъ устъ Моихъ,—оно не возвращается ко Мнѣ тщетнымъ, но исполняетъ то, что Мнѣ угодно, и совершаетъ то, для чего Я послалъ его“ (Ис. LV, 8—11 ср. Лук. I, 37).—Послѣ такого величественнаго и поразительнаго свидѣтельства Самого Господа о Своемъ словѣ, дерзаетъ утверждать, что Библия есть слово человѣческое, что Богъ попустилъ людямъ извратить откровенія Свои,—не значитъ-ли дерзко богохульствовать? Не лучше-ли въ такомъ случаѣ открыто признаться въ своемъ невѣріи въ Бога вообще, чѣмъ величаясь званіемъ и именемъ христіанина, грубо попираетъ и оскорбляетъ это имя и званіе суемудрыми и безбожными умствованіями (ср. Ис. LIX, 5)?

Въ спеціальное и болѣе или менѣе подробное опроверженіе утверженія Чамберлена о не-еврействѣ І. Христа г. Князевъ не входитъ. Онъ только замѣчаетъ и совершенно справедливо, что послѣ величественнаго и поразительнаго свидѣтельства Самого Господа о Своемъ Словѣ само собою понятно, какой смыслъ должны имѣть для насъ всѣ эти разсужденія о томъ, что Христосъ не еврей, что въ самихъ евреяхъ течетъ не еврейская кровь и т. д. и т. д. Первая же страница Евангелія, первая строка его говоритъ намъ, что Христосъ—еврей, такъ какъ Онъ здѣсь называется „сыномъ Давидовымъ, сыномъ Авраамовымъ“ (Матѣ. I, 1). И св. ап. Павелъ прямо свидѣтельствуемъ, что „Христосъ отъ нихъ“, т. е. отъ евреевъ (Рим. IX, 5). Спорить противъ этого, очевидно, будетъ только тотъ, кто не вѣритъ вообще ничему.

Обходя опроверженіями положеніе Ч—на о не-еврействѣ Христа, г. Князевъ разъясняетъ, зачѣмъ понадобилось поднимать вопросъ о происхожденіи Христа по плоти, зачѣмъ стараются доказать, что Христосъ не еврей? А вотъ зачѣмъ. Доказавши, что Христосъ по крови не еврей, а, положимъ, аріецъ, мы тѣмъ самымъ, будто бы, приблизимъ и Его къ себѣ, и себя къ Нему. Но для всякаго истинновѣрующаго христіанина, справедливо утверждаетъ нашъ авторъ, до очевидности ясно, какая здѣсь заключается ложь: развѣ со Христомъ сблизжаетъ насъ такое или иное происхожденіе Его, а не вѣра и любовь, открывающаяся въ исполненіи Его заповѣдей (Іоан. XIV, 21)?

Христосъ близокъ ко всякому, кто самъ къ Нему близокъ. И въ Евангеліи мы находимъ поразительный, можно сказать, для даннаго случая примѣръ. Однажды, когда Спаситель говорилъ къ народу, „Матерь и братья Его, повѣствуетъ Евангелистъ, стояли внѣ дома, желая говорить съ Нимъ. И нѣкто сказалъ Ему: вотъ, Матерь Твоя и братья Твои стоятъ внѣ, желая говорить съ Тобою. Онъ же сказалъ въ отвѣтъ говорившему: кто Матерь Моя? и кто братья Мои? И указавъ рукою Своею на учениковъ Своихъ, сказалъ: вотъ, Матерь Моя и братья Мои. Ибо кто будетъ исполнять волю Отца Моего небеснаго; тотъ Мнѣ братъ, и сестра, и матерь“¹⁾

¹⁾ Сопоставляя это свидѣтельство Христа съ Его требованіемъ, чтобы послѣдователи Его имѣли къ Нему большую любовь, чѣмъ къ самымъ дорогимъ кровнымъ роднымъ (кто любить отца или мать болѣе нежели Меня, не достоинъ Меня; и кто любитъ сына или дочь болѣе, нежели Меня, не достоинъ Меня.—Матѣ. X, 37), не должны-ли мы признать, что требуетъ отъ насъ въ данномъ случаѣ Христосъ *нѣсколько не больше того, что Самъ даетъ намъ?* Е. Б.

(Матѣ. XII, 46 — 50). Кто изъ людей ближе ко Христу Его Препоблагословенной Матери? Однако Самъ Онъ свидѣтельствуеъ, что въ подобной же близости въ отношеніи къ Нему можетъ находиться и всякій вѣрующій въ Него и творящій волю Отца Его.

Но истинно-вѣрующіе во Христа родны Ему и по плоти и крови, ибо они вкушаютъ Его пречистую плоть и въ ихъ жилахъ течетъ Его животворящая кровь. „Ядущій Мою плоть и пьющій Мою кровь пребываетъ во Мнѣ, и Я въ немъ“, свидѣтельствуеъ Онъ Самъ (Іоан. VI, 56). Посему-то св. ап. Павель о себѣ и о вѣрующихъ говоритъ: „мы члены тѣла Его“, т. е. Христа, „отъ плоти Его и отъ костей Его“ (Ефес. V, 30)! Какого же болѣе тѣснаго родства со Христомъ искать намъ? И какое послѣ этого значеніе могутъ имѣть вопросы: какая во Христѣ текла кровь—семитическая или аріиская? Здѣсь невольно приходятъ на память слова св. ап. Павла, предостерегающаго христіанъ, чтобы они „не занимались баснями и родословіями безконечными, которыя производятъ больше споры, нежели Божіе назиданіе въ вѣрѣ“ (1 Тим. I, 4).

Итакъ, зная изъ вышеприведеннаго евангельскаго разсказа, какъ Самъ Христосъ смотрѣлъ на „плотское родство“, мы отнюдь не будемъ возносить евреевъ на какой-то пьедесталь, если будемъ считать ихъ, согласно библейскому ученію, „средниками Божіими“ по плоти, а себя вмѣстѣ съ этимъ яко бы унижать, какъ чуждыхъ Христу по крови, какъ потомковъ язычниковъ. Но помимо сего, у насъ отнюдь не должно находиться побужденій смотрѣть на евреевъ снизу вверхъ и скромность свою простирать иногда до готовности сдѣлаться рабомъ еврея, до готовности цѣловать края его одежды. Не будемъ въ доказательство отсутствія побужденій къ такой скромности указывать на то, что Ренанъ и другіе извѣстные ориенталисты нашу индоеврейскую расу считаютъ выше и богаче одаренною, чѣмъ другія и въ частности еврейская, не будемъ считать ихъ, подобно Чамберлену вошедшими въ исторію съ „поддѣльнымъ свидѣтельствомъ“ (поддѣльною Библіею). Отъ излишней скромности предъ евреями (пусть не „совершенно ложно“, какъ утверждаетъ Ч., а совершенно правильно въ ихъ племенн мы имѣемъ „источникъ нашей вѣры“) способно воздержатъ насъ уже одно то, что говоритъ намъ сама Библія о народѣ еврейскомъ. Что же говоритъ о немъ Библія?

Выше уже приходилось касаться этого вопроса. Теперь къ сказанному вслѣдъ за г. Князевымъ присоединяемъ слѣдующее.

Еврейскій народъ, какъ это открывается изъ Библіи, дѣйстви-тельно великъ, но—великъ главнымъ образомъ въ своемъ прош-ломъ и отчасти въ будущемъ; настоящее же его состояніе есть состояніе народа, Богомъ отверженнаго (Матѣ. XXIII. 38).

Великъ народъ еврейскій въ своемъ прошломъ, какъ приз-ванный нѣкогда Самимъ Богомъ быть „удѣломъ изъ всѣхъ на-родовъ“, „царствомъ священниковъ и народомъ святымъ“ (Исх. XIX. 5. 6). Великъ этотъ народъ отчасти и въ будущемъ, по-тому что нѣкогда онъ „весь, какъ говоритъ св. ап. Павелъ, спа-сется“, т. е. обратится ко Христу, за каковымъ обращеніемъ должно будетъ послѣдовать уже и всеобщее воскресеніе мерт-выхъ (Римл. XI, 26. 15). Но въ настоящее время евреи, доколѣ они остаются внѣ царства Христа—Мессіи, носятъ на себѣ пе-чать гнѣва Божественнаго и отверженія. Правда, этотъ народъ и теперь выполняетъ „миссію Божію“, но не какъ носитель и об-ладатель Божественной истины, какъ это было въ Ветхомъ За-вѣтѣ, а лишь какъ свидѣтель нашей истины, свидѣтель истин-ности (а не подложности) Библіи, христіанства. Какимъ образомъ? А вотъ какимъ.

Насъ всѣхъ, говоритъ г. Князевъ, конечно, чрезвычайно занима-ютъ вопросы: почему это и для чего народъ еврейскій существу-етъ доселѣ, тогда какъ древнѣйшіе его современники давнымъ давно уже пчезли съ лица земли; почему также этотъ народъ всѣми притѣсняемъ, ненавидимъ и озлобляемъ, начиная отъ вре-менъ древнихъ и до послѣднихъ дней, не смотря ни на какія ста-ранія и самихъ евреевъ, и имъ сочувствующихъ освободиться и освободить ихъ отъ всѣхъ ихъ страданій? ¹⁾ Для людей науки, отрицающихъ Библію, въ этихъ вопросахъ—неисчерпаемая те-ма для всевозможнѣйшихъ и безконечныхъ разсужденій и пред-положеній. А между тѣмъ всѣ эти вопросы, передъ кото-рыми столь беспильнымъ оказывается разумъ человѣка самъ по себѣ, очень просто и ясно разрѣшаются въ самой же Библіи.

¹⁾ Исторія свидѣтельствуешь что евреи иногда пріобрѣтали большое засиліе въ народѣ, среди котораго жили. Главное, въ чемъ всегда заключалось ихъ могущество, были деньги. Онѣ въ ихъ рукахъ играли роль прессы для выжиманія соковъ изъ народа. Но всегда и повсюду наступалъ моментъ, когда народъ возмущался, и тогда начиналось жестокое гоненіе на евреевъ. Евреи, говоритъ г. Меньшиковъ, никогда не умѣли цѣнить христіанской дружбы. Требуя равенства, они домогались повсюду владычества, и въ самые различныя вѣка, при всѣхъ культурахъ дѣло оканчива-лось изгнаніемъ этихъ чужеземцевъ (Н. Вр. № 10988).

Библія говоритъ намъ, что „избранный нѣкогда“ народъ Божій не узналъ и не принялъ пришедшаго къ Нему Мессіи— „во своя приде, и свои Его не приняли“ (Іоан. I, 11)—и чрезъ то сдѣлался отступникомъ отъ Бога, пославшаго Его (ср. Іоан. IX, 34—55). А это-то отступленіе отъ Бога и повлекло за собою исполненіе тѣхъ грозныхъ прещеній гнѣва Божественнаго, которыя были предречены Моисеемъ еще за полторы тысячи лѣтъ до нашей эры. И какъ поразительно сбылись эти грозныя предсказанія на всемъ протяженіи многовѣковой исторіи народа еврейскаго, и какъ поразительно сбываются и доселѣ, и въ наши дни! Приводимыя вслѣдъ за симъ нашимъ авторомъ изъ XXVIII главы Второзаконія пророчества Моисея о судьбѣ народа еврейскаго въ случаѣ отступленія его отъ Бога, непослушанія Ему. дѣйствительно, не могутъ не поражать читателя.

Предостерегая народъ еврейскій отъ непослушанія Богу, отъ измѣны Ему, пророкъ Моисей предвозвѣщаль сему народу: „Если не будешь слушать гласа Господа, Бога твоего“—а это непослушаніе со стороны евреевъ особенно обнаружилось въ отверженіи ими Мессіи, устами Котораго говоритъ самъ Богъ (Евр. I, 1—2),—„если не будешь слушать гласа Господа, Бога Твоего“... свидѣтельствуемъ Моисей, „то приндуть на тебя всѣ проклятія сін и постигнуть тебя. Проклятъ ты (будешь) въ городѣ, и проклятъ ты (будешь) на полѣ. Прокляты (будутъ) житницы твои и кладовыя твои... Проклятъ ты (будешь) при входѣ твоёмъ и проклятъ при выходѣ твоёмъ. Пошлетъ Господь на тебя проклатіе, смятеніе и несчастіе во всякомъ дѣлѣ рукъ твоихъ, какое ни станешь ты дѣлать... Ты будешь только притѣсняемъ и мучимъ во всѣ дни... И будешь ужасомъ, притчею и посмѣшищемъ у всѣхъ народовъ, къ которымъ отведетъ тебя Господь (Богъ)... И разсѣетъ тебя Господь (Богъ твой) по всѣмъ народамъ, отъ края земли до края земли... Но и между этими народами не успокоишься, и не будетъ мѣста покоя для ногъ твоей, и Господь дастъ тебѣ тамъ трепещущее сердце, истаиваніе очей и изнываніе души. Жизнь твоя будетъ висѣть предъ тобою, и будешь трепетать ночью и не будешь увѣренъ въ жизни твоей. Отъ трепета сердца твоего, которымъ ты будешь объять, и отъ того, что ты будешь видѣть глазами твоими, утромъ ты скажешь: о если-бы пришелъ вечеръ! а вечеромъ скажешь: о если-бы наступило утро!.. И приндуть на тебя всѣ проклятія сін, и будутъ преслѣдовать тебя и постигнуть тебя, доколѣ не будешь истребленъ, за то, что ты не слушалъ гласа

Господа, Бога твоего, и не соблюдалъ заповѣдей Его и постановленій Его, которыя Онъ заповѣдалъ тебѣ. Онѣ будутъ знаменіемъ и указаніемъ на тебѣ и на сѣмени твоёмъ во вѣкъ“ (15—17. 19—20. 33. 37. 64—67. 45—46).

Вотъ эти-то послѣднія слова, говоритъ г. Князевъ, и дають ключъ къ уразумѣнію всей исторіи народа еврейскаго. Здѣсь прежде всего характерно то, что проклятія божественныя будутъ тяготѣть надъ народомъ еврейскимъ во вѣкъ. Этимъ самымъ свидѣтельствуется, что сохраненіе народа еврейскаго во вѣкъ есть непосредственное дѣйствіе воли и промысла Божія, которому одному только (а не другимъ какимъ-либо причинамъ и въ томъ числѣ „закону породы“, выдвинутому Чамберленомъ) еврейскій народъ и обязанъ своимъ существованіемъ. Затѣмъ Моисей указываетъ и то, для чего Господь во вѣкъ будетъ сохранять народъ еврейскій. Это именно—для того, чтобы онъ служилъ „знаменіемъ и указаніемъ“... Для кого и въ чемъ? Знаменіемъ и указаніемъ для всѣхъ народовъ въ непреложной истинности Божественнаго откровенія: Моисей по вдохновенію предрекъ этому народу бѣдственную участь въ случаѣ измѣны его Іеговѣ,—и смотрите, какъ поразительно и дивно исполняется это предреченіе доселѣ!.. Кто же послѣ сего дерзнетъ говорить о подложности Библии, кто дерзнетъ сомнѣваться въ истинности слова Божія?.. „Небо и земля прейдутъ, слова же Мои не прейдутъ“, торжественно свидѣтельствууетъ Самъ Господь (Матѣ. XXIV, 35). „Поднимите глаза ваши къ небесамъ, и посмотрите на землю внизъ: ибо небеса исчезнутъ какъ дымъ, и земля обветшаетъ какъ одежда, и жители ея также вымрутъ; а Мое спасеніе пребудетъ вѣчнымъ, и правда Моя не престанетъ.“ (Ис. LI, 6). И не должны ли мы теперь, послѣ сихъ словъ, лишь пасть и преклониться предъ величествомъ Божиимъ; не должны-ли открыто и твердо вслухъ всѣхъ, способныхъ слышать (Матѣ. XIII, 9), засвидѣтельствовать вмѣстѣ съ Псалмопѣвцемъ предъ Господомъ: „откровенія Твои несомнѣнно вѣрны“ (Пс. XCII, 5)... „истина“ Твоя „пребываетъ во вѣкъ“ (Пс. CXVI, 2; ср. Ис. XL, 8; 1 Петр. I, 52).

И. Преображенскій.

Религіозно-філософское міросозерцаніе К. П. Побѣдоносцева.

XI¹⁾.

Наконецъ, на почвѣ сейчасъ выясненнаго ученія К. П. П—ва о сущности вѣры и Церкви вырастаетъ его теорія объ отношеніи Церкви и Государства и теорія о христіанскомъ воспитаніи.

Вопросу объ отношеніи Церкви и Государства, точнѣе сказать, вопросу о невозможности отдѣленія Церкви отъ Государства, посвящена первая статья „Московскаго Сборника“, которая настолько выразительна и опредѣленна для характеристики автора, что достойна была бы быть полностью приведенной здѣсь, чего, однако, невозможно сдѣлать за недостаткомъ мѣста. Мы ограничимся общимъ анализомъ статьи и ходомъ аргументаціи К. П. Побѣдоносцева.

Въ статьѣ находится изложеніе различныхъ теорій отдѣленія Церкви отъ Государства (9 стр.), слѣдствія отдѣленія (19—24 стр.), исторія возникновенія вопроса въ Зап. Европѣ (4—6). Остальныя страницы посвящены разбору и доказательству положенія, что Церковь и Государство должны быть въ союзѣ между собою. Своимъ богословско-юридическимъ мышленіемъ К. П. П—въ устанавливаетъ сначала возможное содержаніе принципа отдѣленія Церкви отъ Государства. Проповѣдуется отдѣленіе Церкви отъ Государства. Тутъ одни слова, но нѣтъ единой идеи, потому что подъ однимъ словомъ отдѣленія можно разумѣть многое. Пусть опредѣлятъ сначала, въ чемъ оно заключается. Если дѣло состоитъ въ болѣе точномъ разграниченіи гражданскаго общества съ обществомъ религіознымъ, церковнымъ, духовнаго со свѣтскимъ, о прямомъ и искреннемъ размежеваніи, безъ хитростей и безъ насилія,—въ такомъ случаѣ всѣ будутъ стоять за такое отдѣленіе. Если, становясь на практическую почву, хотятъ, чтобы государство отказалось отъ права

¹⁾ „Мисс. Обзор“. № 5.

поставлять пастырей Церкви и отъ обязанности содержать ихъ.— это будетъ идеальное состояніе, къ которому желательно перейти, которое нужно готовить къ осуществленію при благоприятныхъ обстоятельствахъ и въ законной формѣ. Когда вопросъ этотъ созрѣетъ, государство, если захочетъ такъ рѣшить его, обязано возратить кому слѣдуетъ право выборовъ пастырей и епископовъ

Въ такомъ смыслѣ принимаетъ К. П. форму отдѣленія Церкви отъ Государства. Но на самомъ дѣлѣ, по современному пониманію, эта формула имѣетъ иной смыслъ. „На самомъ дѣлѣ, говоритъ К. П.—въ, Государству не должно быть дѣла до Церкви, и Церкви—до Государства; итакъ человѣчество должно вращаться въ двухъ обширныхъ сферахъ, такъ что въ одной сферѣ будетъ пребывать тѣло, а въ другой—духъ человѣка, и между обѣими сферами будетъ пространство такое же, какое между небомъ и землею“ 1).

Такой формулы К. П. П.—въ не принимаетъ и опровергаетъ ее слѣдующими доводами 1) метафизическаго характера:—Церковь нельзя отдѣлить отъ Государства, какъ нельзя отдѣлить тѣло отъ духа, вѣру отъ жизни 2). Отдѣлить Церковь отъ Государства,—значитъ расколоть единый нравственный идеаль... „При рожденіи, при бракѣ, при смерти,—въ самые главные моменты бытія человѣческаго, Церковь является съ тремя торжественными таинствами,—а говорить, что ей нѣтъ дѣла до семейства. На нее возложено внушить народу уваженіе къ закону и властямъ, внушить власти уваженіе къ свободѣ человѣческой,—а говорить, что ей нѣтъ дѣла до общества. Нѣтъ,—нравственное начало единое. Оно не можетъ двоняться, такъ чтобы одно было нравственное ученіе частное, другое общественное; одно—свѣтское, другое духовное“ 3).

2) Историческаго характера. Хотя въ нѣкоторыхъ Западно-Европейскихъ Государствахъ и существуетъ теорія отдѣленія Церкви отъ Государства, но на самомъ дѣлѣ Государство по прежнему прибѣгаетъ къ церковной регламентаціи. „Церкви со своими служителями получаютъ содержаніе изъ государственнаго бюджета, общественныя учрежденія, военные полки снабжаются духовными наставниками, христіанскіе праздники удерживаются“

1) „Моск. Сбор.“ 9.

2) „М. Сбор.“ 2, 3, 9, 22 стр. Ср. „Вопросы Ж.“ 10 стр.

3) „М. Сбор. 10 стр.

живаютъ значеніе праздниковъ гражданскихъ; въ службѣ государственной, въ судахъ присяга сохраняетъ свою обязательную силу. Въ Германіи нѣтъ уже государственной Церкви, однако главѣ государственной власти принадлежитъ верховенство.

Въ Церкви Евангелической, и государству въ парламентѣ и во всѣхъ дѣлахъ общественныхъ приходится считаться съ партіями того или иного вѣроисповѣданія. Въ Англіи при уравненіи вѣроисповѣданій на либеральныхъ началахъ, не только король, но и важнѣйшіе государственные сановники должны обязательно принадлежать къ Англиканской Церкви. Сѣвероамериканскій союзъ есть страна религіознаго равенства ¹⁾. „При всемъ томъ конгрессъ открываетъ свои засѣданія молитвою, при участіи духовнаго лица. Духовныя лица содержатся государствомъ при арміи и флотѣ. Президентъ объявляетъ отъ времени до времени установленные дни благодарственные и покаянные. Святость воскреснаго дня охраняется строгимъ закономъ. Въ нѣкоторыхъ штатахъ установлены строгіе законы наказанія за божбу и богохуленіе“ ²⁾.

3) Практическаго характера. Отдѣленіе Церкви отъ Государства приведетъ къ печальнымъ послѣдствіямъ, порождая упадокъ нравственнаго и общественнаго спокойствія, разрушая авторитетъ власти. „Ни начала цѣлости государственной или государственнаго блага, государственной пользы, ни даже начало нравственное—сами по себѣ недостаточны къ утверженію прочной связи между народомъ и государственною властью; и нравственное начало неустойчиво, непрочно, лишено основнаго корня, когда отрѣшается отъ религіозной санкціи. Этой центральной силы безъ сомнѣнія будетъ лишено такое государство, которое, во имя безстрастнаго отношенія ко всѣмъ вѣрованіямъ, само отрекается отъ всякаго вѣрованія—какого бы то ни было. Довѣріе массы народа къ правителямъ основано на вѣрѣ, т. е. не только на единовѣрїи народа съ правительствомъ, но и на простой увѣренности въ томъ, что правительство имѣетъ вѣру и по вѣрѣ дѣйствуетъ“ ³⁾.

Вотъ почему, партіи, радикально отрицающія государство, провозглашаютъ впереди всего религію, какъ личное, частное дѣло, личный и частный интересъ.

4) Морально-юридическаго характера.—Если говорятъ за от-

¹⁾ „М. Сбор.“ 18 стр.

²⁾ „М. Сбор.“ 18 стр.

³⁾ „М. Сбор.“ 15, стр. 3, 5, и 18 стр.

дѣленіе Церкви отъ Государства и выставляють, какъ предлогъ, то, что Церковь слишкомъ вторгается въ частную жизнь, то въ видахъ справедливости и послѣдовательности, нужно говорить и объ удаленіи Государства отъ частной жизни, ибо, по мѣрѣ ослабленія узъ Церкви, растутъ и крѣпнютъ надъ личностью желѣзныя узы государства. „Мысль, что вся частная жизнь должна поглощаться въ общественной, а вся общественная жизнь должна сосредоточиваться въ государствѣ и быть управляема государствомъ, это главная движущая идея социализма, а какъ эта мысль въ ясномъ или неясномъ представленіи угнѣздилась даже въ самыхъ крѣпкихъ умахъ, то и самый простой заурядный человѣкъ безсознательно чѣмъ-нибудь приобщается къ социализму“¹⁾... „Не взирая на всякія свободы, повсемѣстно провозглашаемая, мы стремимся во всемъ подъ власть государства. Мы требуемъ законовъ, мѣръ правительства для всякаго значительнаго проявленія нашей общественной жизни; многіе формально требуютъ сосредоточенія и единообразнаго устройства индивидуальной жизни посредствомъ государства. Чуть у кого жметъ сапогъ на ногѣ,—слышишь крикъ—государство должно вступиться; гдѣ двое, трое жалуются на тяготу, шлетя жалоба, просьба къ правительству²⁾. Въ томъ же обстоятельствѣ, что Церковь вторгается въ частную жизнь, виновато само общество, виноваты отцы, „потому что они допустили священника встать у домашняго очага на ихъ мѣсто“... „На мѣсто отца вводится въ домъ священникъ, извнѣ пришедшій, въ качествѣ духовнаго руководителя, владыки совѣсти, подъ видомъ учителя“... „Отецъ сталъ равнодушенъ къ религіозному сознанию и направленію въ семейной средѣ своей“³⁾.

Слѣдовательно, по ученію К. П. П—ва, лучшимъ средствомъ къ предотвращенію отъ „клерикализма“, автономіи семьи отъ Церкви, должно быть усвоеніе религіознаго христіанскаго воспитанія и христіанскихъ началъ семейной жизни. Этому вопросу К. П. П—въ посвятилъ особую книгу подъ тѣмъ же названіемъ. Этому вопросу посвящается нами слѣдующая глава.

ХІІ.

Хотя методамъ проведенія въ жизнь религіозно-нравственнаго закона я посвящаю отдѣльную главу, но все таки въ ней

1) „М. Сбор.“ 13 стр.

2) „М. Сбор.“ 13 стр.

3) „М. Сбор.“ 11 стр.

невозможно исчерпать полного цикла идей К. П. П—ва по вопросу религиозно-нравственнаго воспитанія, находящимся: а) въ „Основной конституціи человѣческаго рода“ (особенно глава I), б) въ книгѣ „Христіанскія начала семейной жизни“ (192—278) и в) въ книгахъ „Ученье и Учитель“ (I и II). Намѣтимъ только главнѣйшія положенія.

Такъ, прежде всего К. П. П—въ выводитъ необходимость и идею воспитанія изъ „первороднаго“ грѣха, т. е. совокупности врожденныхъ злыхъ наклонностей, непременно повторяющихся, и смѣняющихся у дѣтей. „Всѣ новорожденные склонны ко злу; но въ этомъ отношеніи существуетъ между ними значительная разница, простирающаяся иногда до противоположности. Явленіе это замѣчается и между дѣтьми одной семьи, однихъ родителей, воспитываемыми вмѣстѣ и въ одномъ направленіи“¹⁾. Родясь несовершеннымъ, человѣкъ можетъ, однако, „усовершенить себя добрыми вліяніями“. Вліяніями, „которыя, у народовъ благоденствующихъ, возвышаютъ и усовершенствуютъ человѣка,—относятся къ воспитанію. Они сводятся къ тремъ главнымъ предметамъ; назовемъ ихъ: это 1) принудительная власть родительская, 2) ученическая практика каждаго ремесла или званія, 3) житейскій опытъ“²⁾. Такъ К. П. П—въ вноситъ какъ бы успокоеніе за будущность человѣческой культуры. Въ специальныхъ книгахъ религиозное воспитаніе П—въ раздѣляетъ на три отдѣла: церковное (храмовое), семейное и школьное.

Во всѣхъ трехъ стадіяхъ К. П. П—въ требуетъ отъ воспитанія тѣхъ признаковъ, которые усмотрѣны нами въ его ученіи о познаніи и религіи вообще, т. е. цѣлостности, пластичности и мистицизма. Религиозное обученіе и въ храмѣ и въ семьѣ должно быть основано на священной литературѣ, а не на учебникахъ. „Никакую вѣру невозможно отдѣлить отъ культа, соединеннаго съ вѣрою, то есть отъ богослуженія, и въ особенности отъ нашего православнаго богослуженія. Здѣсь вѣрованіе, облакаясь въ слова, образы и звуки, оживляетъ и возвышаетъ сердечное чувство и правду его освящаетъ красотой. Отрѣшенное отъ богослуженія, преподаваніе Закона Божія отрѣшается отъ Церкви. Но гдѣ оно неразрывно связано съ Церковью, гдѣ дѣти, участвуя въ чтеніи и пѣніи церковномъ, привыкаютъ жить въ церкви ея жизнью и понимать и чувствовать глубину и красоту

¹⁾ „Основ. Конст.“ 26 стр.

²⁾ „Основ. Конст.“ 31 стр.

церковнаго обряда, тамъ только преподаваніе Закона Божія пріобрѣтаетъ желаемую полноту“¹⁾... Первая, основная, живая и дѣйственная школа Закона Божія—есть церковь, т. е. храмъ Божій, съ его богослуженіемъ, чтеніемъ и пѣніемъ“²⁾. Наша православная церковь обладаетъ для сего неоцѣненнымъ сокровищемъ, котораго лишены другія. Нѣтъ ни одного догмата, ни одного великаго или важнаго событія Вѣтхозавѣтной и Евангельской исторіи, что бы не находило себѣ—не только отголоска,—но и живого образа въ составѣ нашего богослуженія. Всему найдется тутъ отраженіе въ стихирахъ, догматикахъ, антифонахъ, канонахъ, псалмахъ, пареміяхъ. И все это является въ словѣ, исполненномъ глубокой поэзіи и въ связи, въ неразрывной связи слова съ пѣніемъ размѣреннымъ, рассчитаннымъ на слово³⁾. „Въ большихъ городахъ, особливо въ столицахъ, замѣною прихода для высшихъ слоевъ общества служатъ домовыя церкви, съ ихъ церемоніальнымъ видомъ, съ ихъ обрѣзаннымъ, нерѣдко искалѣченнымъ богослуженіемъ—жалкая замѣна, посреди коей исчезаетъ духовная связь семьи съ церковью“⁴⁾. „...И вѣра, и нравственность воспитываются въ душѣ цѣльнымъ воздѣйствіемъ (домашней и говоря о школѣ) школьной жизни. Лишь бы эта школьная жизнь не была раздвоена на двѣ отдѣльныя части—религіознаго и свѣтскаго обученія, но составляла въ гармоніи частей одно органическое цѣлое. Семья должна посѣять и воспитать въ душѣ чувство благоговѣнія и вѣры: школа должна не только поддержать это чувство, но и освѣтить въ душѣ идею, безъ которой одно чувство смутно и неустойчиво“⁵⁾... Обученіе вѣры должно быть сосредоточено на лицѣ Господа Иисуса и на Евангельскомъ ученіи. Но всякій вѣрующій принадлежитъ къ церкви, а церковное ученіе основано на догматѣ, и потому основа учительства должна быть догматическая. Ошибаются тѣ, кто думаетъ, что эта основа должна быть преимущественно нравственная. Начала нравственнаго ученія не прочны и шатки, если не коренятся на вѣрѣ“⁶⁾.

Настойчиво требуя участія семьи въ дѣлѣ религіознаго воспитанія, К. П. П.—въ предохраняетъ отъ возможныхъ ошибокъ

1) Ученье и Учит. II. 14 стр.

2) Ученье и Учит. II. 10 стр.

3) Ученье и Учит. II. 10—11.

4) Ученье и Учит. II. 11.

5) Ученье и Учит. I. 28 стр.

6) Ученье и Учит. II. 5 стр.

въ дѣлѣ религіознаго воспитанія. „Случалось, что и богобоязненные родители, увлеченные ложной системой, подѣ влияніемъ ея, допускали въ обращеніи съ дѣтьми самыя опасныя ошибки, и тѣмъ сами отнимали у себя плоды трудовъ, попеченій и молитвъ своихъ. Къ такимъ ошибкамъ можно причислить: настойчивое требованіе сердечнаго сокрушенія, обремененіе памяти религіозными словами:—иные рѣшительно не хотятъ обращать вниманія на естественныя требованія физической жизни и пренебрегаютъ тѣмъ, что можетъ быть достигнуто обыкновенными средствами. Мы нисколько не думаемъ уменьшить цѣну сердечнаго сокрушенія и вполне сознаемъ всю его необходимость. Представляя ребенку испорченность падшей природы человѣческой, страшный судъ и влияние злого духа,—конечно, не трудно привести его въ волненіе, печаль, развитъ въ немъ сомнѣніе о его блаженствѣ, и, такимъ образомъ, подвигнуть его ко всему, что угодно. Тогда поневолѣ съ молитвой и тяжкою борьбою будетъ онъ искать Спасителя. Такимъ образомъ дѣйствовали Джонъ Весли съ англійскими методистами, и нѣкоторые изъ нѣмецкихъ піетистовъ. Но нельзя ихъ одобрить. Можетъ случиться, что такими средствами ранѣе обыкновеннаго времени достигается нѣкоторая опытность въ обращеніи души со Христомъ. Но намъ кажется, что скорѣе опасаться надо такихъ послѣдствій, нежели желать ихъ. Здѣсь и представляется величайшая опасность: впечатлѣнія и ощущенія, прежде времени испытанныя, могутъ сдѣлаться привычнымъ дѣломъ и утратить свою силу и значеніе ¹⁾, лицемѣріе можетъ мало по малу привиться къ душѣ, по мѣрѣ того, какъ исчезаетъ внутренняя сила, и остаются однѣ внѣшнія формы. Ощущенія самыя тонкія и сокровенныя, равно какъ самыя строгія и возвышенныя дѣлаются при этой методѣ предметомъ постояннаго размышленія, ежедневнаго разговора, такъ что исчезаетъ понемногу и священная важность и сладкая таинственность, и остается или постоянное самообольщеніе подѣ видомъ состоянія благодатнаго, или горькое сознаніе усиливающейся неправды и внутренняго безплодія при плодovitости словъ и разсужденій“. „Въ самомъ раннемъ возрастѣ, подобно нѣжному цвѣту, пусть развивается въ нихъ сознаніе ихъ дѣтства, подѣ кроткимъ влияніемъ отцовской и материнской любви“ ²⁾. К. П. П.—въ предупреждаетъ еще отъ увлеченія религіозными романами: „Мы не только не одоб-

¹⁾ Христіан. наготы семейной жизни. 128—129; 133—134 стр.

²⁾ Тамъ же 134—135.

ряемъ этого вкуса публики, но еще видимъ въ немъ признаковъ не совсѣмъ утѣшительнаго направленія, господствующаго въ религіозномъ мірѣ. Такія книги, если будутъ служить замѣною величественно строгаго, здраваго и сильнаго дѣйствія церкви, послужатъ лишь къ замѣнѣ истиннаго христіанства религіей искусственно возбужденныхъ чувствъ и пустыхъ фразъ безъ внутренней силы ¹⁾. Если и дѣти Закону Божию станутъ учиться шутя,—то гдѣ и какъ же научиться отличать забаву отъ строгой истины.

XIII.

Для полноты характеристики религіозно-философскихъ воззрѣній К. П. П.—ва необходимо познакомиться съ его мнѣніемъ относительно условій успѣшнаго достиженія второй потребности человѣческой природы и второй цѣли человѣческой жизни—добыванія „хлѣба насущнаго“, т. е. совокупности насущныхъ средствъ жизни. Разсужденія на эту тему обильно сосредоточены въ книгѣ „Основная конституція человѣческаго рода“ извѣстнаго социолога и экономиста (Ле-Пле). Эта книга, которая вслѣдствіе своей сжатости и отрывочности изложенія вызываетъ читателя на дополнительные соображенія, и должна бы быть перепечатана во многихъ страницахъ, еще болѣе потеряетъ въ своихъ достоинствахъ, если мы еще дальше сократимъ ее.

Руководящею идеею Ле-Пле, какъ автора книги, и К. П. П.—ва, какъ переводчика, было: 1) показать исторически наглядно (наблюденіями надъ нынѣ существующими народами), что счастье и благоденствіе человѣческихъ обществъ и устойчивость и социальный миръ, какъ показатель этого счастья, основываются только на вѣрности ихъ слѣдующимъ началамъ: Закону 10 заповѣдей, родительской власти и собственности, и на секретѣ согласованія новѣйшихъ изобрѣтеній съ преданіями нравственнаго закона, и 2) начертать нѣкоторую программу для отысканія этого секрета.

Для достиженія первой цѣли, авторъ раздѣляетъ исторію человѣчества и бытъ современныхъ людей на три періода—въ зависимости отъ формы обнаруженія человѣческаго труда—первый періодъ—пастушеско-кочевой (или растительный періодъ), второй—примѣненіе животной силы къ организаціи труда (или механическихъ изобрѣтеній) и третій періодъ—примѣненіе силъ природы къ организаціи труда (или каменно-угольный періодъ)...

¹⁾ Тамъ же 137 стр.

Облегченіе физическаго труда сопровождалось ростомъ матеріальнаго благосостоянія и увеличеніемъ духовныхъ сокровищъ. Однако, вслѣдъ за подъемомъ благосостоянія слѣдуетъ нравственный упадокъ. „Существенною причиною, порождающей бѣдствія, служитъ забвеніе основныхъ началъ общественнаго строя, т. е. нарушение Закона 10 заповѣдей, вызванное злоупотребленіемъ благъ, порожденныхъ и умноженныхъ развитіемъ новыхъ силъ и порядковъ“ ¹⁾.

Что же нужно для сохраненія равновѣсія между нравственностью и экономическимъ благосостояніемъ? Отвѣтъ на этотъ вопросъ дается ученіемъ о „семѣ и собственности“.

Разъяснивъ, что „родители призваны продолжать Божіе дѣло творенія на землѣ, призывая новыя существа къ жизни, и если они не воспитываютъ человѣка для общества въ чувствѣ долга, то введутъ въ общество паразита или варвара“ ²⁾, К. П. П.—въ, комментируя Ле-Пле, говоритъ: „Однако, всѣ названные элементы могутъ только содѣйствовать поддержанію нравственнаго и матеріальнаго порядка, но вовсе не удовлетворяютъ второй потребности человѣка, т. е. обладанію насущнымъ хлѣбомъ“.—И еще далѣе говоритъ: „Тутъ являются на помощь установленія, которымъ Ле-Пле далъ остроумное названіе матеріаловъ, какъ то: община, частная собственность и патронатство“ ³⁾.

„Старики, главы семействъ, имѣютъ наблюденіе надъ молодыми семьями, безпристрастно распредѣляютъ работы и продукты, стараются искоренить лѣность и не допускаютъ неблагоразумныхъ расходовъ. Подобный патріархальный порядокъ обезпечиваетъ распредѣленіе довольства между всѣми членами семьи и, не допуская, чтобы порочные или малоспособные впадали въ бѣдность, доставляетъ всѣмъ обладаніе насущнымъ хлѣбомъ.“

Порядокъ этотъ, однако, имѣетъ то неудобство, что выдающиеся члены общества въ большей степени несутъ на себѣ тягость труда и всевозможныхъ лишеній, тогда какъ при распредѣленіи общаго достатка они получаютъ свою долю наравнѣ съ самыми лѣнливыми и неспособными, что заставляетъ ихъ стремиться къ устройству частной собственности ⁴⁾. Если

¹⁾ Основ. Конст. 109.

²⁾ Основ. Конст.—Пред. XVII.

³⁾ Основ. Конст.—Пред. XVIII стр.

⁴⁾ Основ. Конст. Пред. XVIII.

же, при существованіи частной собственности, начнется порча нравовъ, если по той или другой причинѣ уменьшится степень трудолюбія владѣльцевъ,—нищета, не допускаемая при существованіи общиннаго владѣнія, немедленно постигаетъ всѣхъ порочныхъ больныхъ или непредусмотрительныхъ людей. Къ счастью, такой печальный результатъ частной собственности отвращается посредствомъ послѣдняго изъ трехъ учреждений, т. е. патронатства.

Главная задача этой системы состоитъ въ томъ, чтобы болѣе или менѣе тѣсно сплотить извѣстное число бѣдныхъ семей вокругъ богатой семьи, которая посредствомъ труда и своего покровительства, обеспечиваетъ имъ насущный хлѣбъ²⁾.

Затѣмъ К. П. П.—въ приводитъ такой случай: „За оскудѣніемъ ея свободныхъ земель, семейные участки сокращаются, коренная семья мало по малу занимаетъ мѣсто патриархальной, и съ каждымъ днемъ становится труднѣе въ малочисленныхъ группахъ находить наслѣдниковъ, способныхъ достойнымъ образомъ заступить мѣсто своихъ предковъ. Итакъ, становится уже невозможно обезпечить за каждымъ семейнымъ очагомъ блага, проистекающія отъ нравственнаго закона и отъ вѣрнаго насущнаго хлѣба. Если въ средѣ общества уважаются основныя начала общественнаго строя,—на помощь оскудѣвшимъ силою отцамъ семействъ являются—„патроны“ по свободному побужденію. Посреди общаго прогресса устойчивость и миръ охраняются лишь въ томъ случаѣ, когда болѣе обезпеченныя семьи заботливо пекутся о нуждахъ тѣхъ изъ нихъ, которыя подверглись физическимъ или нравственнымъ страданіямъ. Семьи, которыя, пользуясь такимъ преимуществомъ, выполняютъ эти обязанности, называются „руководящими“ и поддерживаются въ своей нелегкой дѣятельности духомъ патронатства. Въ этой характерной чертѣ великихъ народовъ выражается одно изъ самыхъ почтенныхъ свойствъ человѣческой природы¹⁾. Но иногда „сами патроны начинаютъ злоупотреблять своими преимуществами“, и открываются новыя причины упадка, требуется вмѣшательство служителей религіи и государственной власти. Однако и этотъ порядокъ не оказывается до сихъ поръ рѣшительнѣе второго порядка: дѣйствіе его благотвельно лишь до той, пока дѣятели остаются вѣрными духу родительскаго по-

1) Основ. Конст. пред. XIX.

2) Основ. Конст. 136—137.

печенія, который составляет основу какъ того, такъ и другого учрежденія; рано или поздно и они, подвергаясь въ свою очередь порчѣ, вызываютъ въ обществѣ болѣзнь еще болѣе острую ¹⁾.

Для правителей, какъ и для духовенства, высшимъ началомъ дѣятельности служить духъ родительской попечительности.

„По неоднократному выраженію Ле-Пле главная причина социальныхъ и экономическихъ нестроений и упадка лежитъ отчасти въ руководящихъ сословіяхъ, вовсе забывающихъ о лежащемъ на нихъ долгѣ патронатства, отчасти на общественныхъ установленіяхъ, вовсе утратившихъ духъ отеческой попечительности ²⁾. Поэтому въ заключеніе своей книги онъ говоритъ: „Несомнѣнно единственное средство, къ которому должны прибѣгнуть все партіи руководящихъ сословіи: обезпечить населенію хлѣбъ насущный, возстановивъ въ правахъ древня преданія патронатства. Тогда сами собою явятся такія послѣдствія: народъ реорганизуется взаимною связью патроновъ съ клиентами; руководящіе классы, опираясь на рабочихъ и служащихъ, — внушатъ свой духъ мира правительствамъ“ ³⁾.

Однимъ изъ слѣдствій исчезновенія изъ общественнаго строя духа „родительской попечительности“, по мнѣнію Ле-Пле-Повьдоносцева, является подавленіе провинціального и мѣстнаго самоуправленія ⁴⁾, то въ книгѣ „Осн. Конституція“ указываются болѣе частныя реформы общественной жизни.

1) Въ общинѣ развить мѣстную жизнь, привлечь всехъ гражданъ къ интересу общиннаго управленія и ограничить вмѣшательство Государя во все предметы, не входяшіе прямо въ его компетенцію. Община въ дѣйствительности есть истинная и законная власть демократіи.

2) Въ провинціи возстановить руководящій классъ, совокупляя вмѣстѣ отдѣльныя лица, выдающіяся по способностямъ и по матеріальному богатству, на безвозмездное служеніе благу отечества.

3) Наконецъ въ центральномъ управленіи укрѣпить государство и упрочить его благосостояніе, съ одной стороны, сосредоточивая во власти его политическую дѣятельность, съ другой

¹⁾ Основ. Конст. 137 стр.

²⁾ Основ. Конст. 212.

³⁾ Основ. Кон. 206.

⁴⁾ Основ. Конст. 215

стороны, освобождая его отъ дѣлъ частнаго интереса и мѣстной администраціи, которыя съ большою пользою могутъ быть возложены на мѣстныя власти или предоставлены самимъ гражданамъ.

По этой программѣ, точно выведенной изъ наблюденій надъ всѣми народами, государство должно заниматься исключительно такими дѣлами, какъ составленіемъ и примѣненіемъ законовъ, завѣдываніемъ арміей, флотомъ, иностранною политикой, финансами, правосудіемъ, полиціей и призрѣніемъ неспособныхъ членовъ общества 1).

Требуется централизація политическая и децентрализація административная. При такомъ порядкѣ, граждане, занятые веденіемъ мѣстныхъ дѣлъ, менѣе имѣютъ склонности вмѣшиваться въ веденіе общихъ дѣлъ, и противодѣйствовать правительству, которое, въ свою очередь, имѣетъ возможность посвятить свою заботу главнѣйшимъ интересамъ страны.

Съ другой стороны, отдѣльныя лица при ежедневномъ соприкосновеніи съ мѣстными вопросами могутъ приобрѣтать, кромѣ практическаго навыка въ дѣлахъ, привычку къ управленію, и мало по малу станутъ способными переходить отъ управленія общиной, къ управленію областному, и затѣмъ по способности своей къ управленію государственному. Такимъ образомъ, вся страна становится какъ бы обширною школой государственныхъ людей, не случайно вызванныхъ счетомъ голосовъ, но подготовленныхъ къ политической дѣятельности серьезнымъ опытомъ мѣстнаго самоуправленія 2).

Но такъ какъ въ основу соціальныхъ реформъ, вызванныхъ другими лицами, приверженцами такъ называемаго „либерализма“, положено, по мнѣнію Ле-Пле-Побѣдоносцева, невѣрная идея 1) совершенства человѣческой природы, въ силу ея происхожденія, а не воспитанія, и 2) свободы и равенства людей отъ природы, то реформа (по мнѣнію Ле-Пле П—ва) должна произойти сначала въ идеяхъ, а затѣмъ перейти на обычай и учрежденія 3). Ле-Пле особенно критикуетъ принципы 1789 г.— „натурализма и эволюціонизма“.

Тѣ же самые принципы „либерализма“ и французскаго западничества К. П. П—въ критикуетъ и въ своемъ „Московскомъ Сборникѣ“. Такъ какъ онъ стоитъ за сохраненіе стариннаго тра-

1) Основ. Конст. Пред. XXVII.

2) Основ. Конст. Пред. XXVIII.

3) Основ. Конст. 173 стр.

диціоналізма объ условіяхъ счастья и благосостоянія человѣческаго рода, то вполнѣ справедливо, что его міросозерцанію дано названіе „консервативнаго, охранительнаго“, въ лучшемъ, жизненномъ значеніи этого слова.

XIV.

Въ заключеніе нашей статьи, являющейся далеко несовершенной попыткой характеристики религіозно-философскаго міросозерцанія К. П. Побѣдоносцева, опредѣлимъ мѣсто и положеніе К. П. П.—ва въ системѣ нашего русскаго богословія.

Опредѣлимъ, прежде всего, отношеніе его къ живымъ и умершимъ представителямъ свѣтскаго богословія... Размѣры статьи не позволяютъ намъ установить черты сходства и различія взглядовъ К. П. П.—ва не только съ каждымъ изъ нашихъ свѣтскихъ богослововъ, но даже съ главнѣйшими изъ нихъ, перечисленными нами ранѣе. Потому остановимся на вопросѣ, въ какомъ отношеніи находится К. П. П.—въ къ главнѣйшему типу и теченію религіозной мысли въ Россіи. Такихъ типовъ можно установить два: первый типъ можетъ быть названъ типомъ индивидуалистическаго пониманія христіанства, требующаго безконечнаго развитія личности во имя исполненія заповѣди любви къ Богу и личнаго счастья, во имя „самодовлѣющаго“ значенія личности христіанина (представителями этого теченія являются Неплюевъ, кн. С. Трубецкой, Чичеринъ и др.). Второе теченіе можетъ быть названо соціологическимъ пониманіемъ христіанства, показывающимъ сущность христіанской вѣры, въ организаціи Царства Божія на землѣ и требующимъ дѣятельнаго исполненія заповѣди о любви къ ближнимъ, причемъ при различіи основныхъ методовъ мышленія и исходныхъ точекъ, это теченіе раздѣляется на три русла: а) на метафизическое — идейное осуществленіе „христіанской общественности“ (представители — Вл. Соловьевъ, гр. Л. Толстой, Аф. Васильевъ) и б) практически-юридическое осуществленіе христіанства — (Шараповъ, Бабушкинъ, и особенно А. А. Папковъ), в) и смѣшанное идейно-практическое (Кузнецовъ и преимущественно С. Н. Булгаковъ).

К. П. П.—въ по своему міровоззрѣнію долженъ быть зачисленъ во второй типъ богословія третьей категоріи — идейно-практическаго пониманія христіанства. Особенно у него много точекъ соприкосновенія съ профессоромъ С. Н. Булгаковымъ, напр., въ вопросѣ о первородномъ грѣхѣ. Не есть ли это признакъ того,

что наше свѣтское богословіе возвращается въ лоно православія, и что К. П. П.—въ дожилъ до торжества православныхъ идей. Затѣмъ въ организациі общины К. П. П.—въ долженъ быть сближенъ съ А. А. Папковымъ, а въ ученіи о семьѣ, какъ храмнѣ православнаго закона и средствѣ обезпеченія населенія „насущнымъ хлѣбомъ“, очевидно долженъ быть сопоставленъ со страстнымъ защитникомъ семьи—В. В. Розановымъ. А въ пунктѣ, посвященномъ критикѣ современной цивилизациі, критикѣ „научнаго“ аналитическаго знанія, а также въ общей тенденціи укротить жизнь, знаніе и культуру, закрыть и свернуть, такъ сказать, махровые цвѣты современной жизни въ первоначальную ячейку цвѣтка, наконецъ въ тенденціи распространить сферу личнаго труда въ дѣлѣ добыванія „хлѣба насущнаго“—во всѣхъ этихъ пунктахъ, дѣлающихъ мораль и жизненныя требованія К. П. болѣе демократическими, чѣмъ аристократическими—нельзя не провести параллели съ кардинальными принципами религіозно-нравственнаго ученія гр. Л. Толстого.

Такимъ образомъ, К. П. Побѣдоносцевъ совмѣщаетъ черты нѣсколькихъ свѣтскихъ религіозныхъ мыслителей.

Опредѣлимъ теперь отношеніе К. П. П.—ва къ нашему духовному, оффиціальному академическому богословію...

Общественное мнѣніе и духовныхъ, и свѣтскихъ людей давно уже причислило К. П. П.—ва къ числу тишчныхъ, яркихъ ортодоксаловъ. Не ошибемся ли и мы, причисливъ его къ этому лагерю, какъ ошиблись бы, не разобравъ тщательно такихъ, и причисливъ къ ортодоксаламъ еще недавнихъ столповъ изъ мірянъ Предсоборнаго присутствія,—Н. П. Аксакова и ген. А. А. Кирѣева.

Конечно, есть сходство въ основныхъ принципахъ между К. П. П.—мъ и академическимъ ¹⁾ богословіемъ, но есть и принципиальныя различія. Такъ прежде всего здѣсь иная богословская перспектива. Методъ нашего академическаго богословія схоластически-аналитическій. Религіозная истина здѣсь разчленена, анатомирована, представлена со всѣхъ своихъ видимыхъ и невидимыхъ сторонъ, и черезъ это лишена своей священной таинственности. К. П. П.—въ, какъ мы уже видѣли, требуетъ синтетическаго мышленія и „мистическаго“ поясненія религіозныхъ вопросовъ.

¹⁾ Здѣсь и послѣ подъ академическимъ богословіемъ я разумѣю не личное богословіе, а научное, школьное направленіе.

Далѣ, академическое богословіе разчленило на нѣсколько сторонъ и человѣка, отдѣливъ душу отъ тѣла; подавило тѣлесныя, земныя потребности, выставило на видъ только небесныя потребности. К. П. П.—въ ярко высказался и за земныя потребности, разбирая долго вопросъ о „хлѣбѣ насущномъ“.

Въ третьихъ, академическое богословіе держитъ личность христіанина подъ дамокловымъ мечемъ первороднаго „грѣха“ и „грѣховности“ человѣческой природы, отодвигая, однако же, искупленіе его, освобожденіе отъ него въ абстрактную область Церкви и благодати.—К. П. П.—въ, не отрицая „первороднаго грѣха“, и грѣховности, даетъ просвѣтъ освобожденію отъ него, при чемъ совѣтуетъ начинать это освобожденіе какъ можно раньше, и какъ можно въ ближайшей средѣ для ученика—въ семейной средѣ (черезъ воспитаніе).

Въ частности, въ то время, какъ академическое богословіе на началахъ „грѣховности“ строитъ всю систему школьнаго воспитанія ¹⁾, К. П. П.—въ снимаетъ этотъ страхъ въ періодъ воспитанія.

И съ другой стороны, въ то время, какъ академическое богословіе въ дѣлѣ сообщенія учащимся свѣтской и духовной школы религиозныхъ свѣдѣній пошло и идетъ аналитическо-схоластическимъ путемъ,—путемъ Фомы Аквината, а не Фомы Кемпійскаго, дробя единое богословское знаніе на рядъ отдѣльных дисциплинъ (въ духовныхъ семинаріяхъ или академіяхъ), или на рядъ отдѣльных тезисовъ (въ духовныхъ училищахъ и свѣтскихъ школахъ всѣхъ типовъ—черезъ преподаваніе Катехизиса) и тамъ и здѣсь же образовывая учащихся на подлинномъ Словѣ Божіемъ,—К. П. П.—въ требуетъ изученія Священной литературы при религиозномъ воспитаніи учащихся и рѣшительно осуждаетъ катехизическій методъ преподаванія Закона Божія. Компетентное мнѣніе К. П. П.—ва по сему поводу я уже имѣлъ случай привести въ специальной статьѣ о преподаваніи Закона Божія ²⁾.

Наконецъ, въ то время, какъ академическое богословіе, такъ много и подробно говорящее о Церкви, являющейся основою и формою проявленія религиозной жизни, такъ мало сдѣлало для

¹⁾ По отнош. къ духовн. школь объ этомъ свидѣтельствуетъ уставъ и режимъ Духов. Семина. и Училищъ, а по отношенію къ свѣтской школь—„Объяснит. Записки Препод. Закона Божія“.

²⁾ „Послѣдній моментъ реформы Препод. Зак. Б. въ средней общеобразов. школь“ СІБ. 1908 г. стр. 70.

организаціи церковной жизни въ чрезмѣрномъ абстрагированіи идеи церкви, закрыло глаза на маленькую церковь—семью и приходъ, К. П. П—въ не только далъ и начерталъ схему и укладъ семейной и приходской жизни, но то и другое еще спаялъ не отвлеченными, но кровными узами, рекомендуя семью и приходу не только согласіе въ идеяхъ, но и ритмъ въ ощущеніяхъ.

Небезынтересенъ отзывъ о К. П. Побѣдоносцевѣ, сдѣланный по смерти $\frac{1}{2}$ великаго дѣятеля г-номъ В. В. Розановымъ ¹⁾: „Для всякаго, кто имѣлъ малѣйшее къ нему прикосновеніе, не можетъ быть никакого сомнѣнія, что его невозможно поставить и оставить въ ряду дѣйствительно темныхъ людей политики, въ родѣ извѣстнаго австрійскаго Меттерниха: у тѣхъ былъ какой-то врожденный мундиръ, какая то мундирность душеустройства, которая отталкиваетъ отъ нихъ человѣчество. «Не нашъ, не нашъ»,—есть восклицаніе надъ ихъ гробомъ, роковое, самое мучительное, если оно раздается изъ устъ человѣчества. Надъ гробомъ Побѣдоносцева хочется сказать другое, примирительное слово. Я знаю, какъ встануть на дыбы противъ этого слова всѣ, кто лично его не зналъ и просто по этому незнанію не могутъ судить. Мундиръ на него былъ только надѣтъ, притомъ—со стороны. И хотя Побѣдоносцевъ нервно ненавидѣлъ общество и общественность, и въ этомъ отношеніи иногда произносилъ слова удивительной дерзости, но уже по ихъ темпераменту и вообще по отсутствію въ немъ лукавства, хитрости, двуличія, притворства, заискиванія, по этому свободному прекрасному въ немъ духу „онъ былъ нашъ“.

Ясно, что смерть, все примиряющая, примирила К. П. П—ва со свѣтской религіозной интеллигенціей,—и имя его какъ-бы дѣлается лозунгомъ и символомъ столь желательнаго для всѣхъ объединенія между свѣтскимъ и духовнымъ обществомъ, между Церковью и интеллигенціей. Вотъ почему на поставленный въ началѣ нашей статьи вопросъ, „кто и что въ немъ больше потеряло—Церковь или Государство“, мы отвѣтимъ, что и то и другое потеряло въ немъ одинаково, потеряло—честнаго, искренняго, самобытнаго мыслителя, и тамъ и здѣсь образовался пробѣлъ, ничѣмъ пока не заполнимый...

Священникъ *Николай Антоновъ.*

¹⁾ „Новое Время“—за 26 мар. 1907 г. № 11148.

Бывшимъ чадамъ православной Россійской Церкви, но въ разное время и по разнымъ причинамъ отступившимъ отъ нея.

ОТКРЫТОЕ ПИСЬМО ПРАВОСЛАВНАГО.

Искупитель нашъ Господь Иисусъ (Ἰησοῦς) Христосъ, Богомъ Отцемъ помазанный на дѣло спасенія рода человѣческаго (Евр. 1, 9), принесъ на землю миръ и завѣщаль его въ наслѣдіе всѣмъ, въ Него увѣровавшимъ (Лук. 2, 14. Іоан. 14, 27). Въ предсмертной молитвѣ къ Отцу Небесному Онъ просилъ соблюсти учениковъ Своихъ отъ «непріязни»: Отче Святыи, соблюди ихъ во имя Твое, ихже далъ еси Мнѣ, да будетъ едино, якоже и Мы. Да вси едино будутъ, якоже Ты, Отче, во Мнѣ и Азъ въ Тебѣ, да и ти въ Насъ едино будутъ (Іоан. 17, 11, 15, 21).

Но врагъ Бога и людей, которому оставлено до конца міра жалить Сѣмя Жены въ пятю (Быт. 3, 15), еще при жизни святыхъ Апостоловъ породилъ ереси, т. е. раздѣленія, и во все время существованія Христовой Церкви порождалъ и порождаетъ ихъ въ разнообразнѣйшихъ видахъ.

И наша Церковь Россійская не избѣгла этого. И она ужалена въ пятю свою и жало это давало и даетъ себя чувствовать,—вызывая боль и скорбь въ людяхъ міра, особенно же въ кормчихъ корабля Христова—боль и скорбь, но не безъ надежды на возстановленіе унаслѣдованнаго отъ Христа Спасителя міра.

И этотъ миръ сугубо вождельнымъ является въ наши дни, когда нѣтъ и государственно-общественнаго міра въ костѣхъ нашихъ отъ множества грѣхъ нашихъ (Псал. 37, 4), когда преступленіе Каина возобладало надъ нашей землей.

Во имя міра и въ виду предстоящаго Россійской Церкви Собора, естественно вѣрующему въ Господа Иисуса Христа и

основанную Имъ Святую Церковь обратить свой взглядъ на всѣхъ, среди насъ—православныхъ живущихъ, но раздѣлившись съ Церковію и сказать имъ свое слово.

Вознося заранѣе благодареніе Богу за ожидаемое обновленіе нашей церковной жизни черезъ каноническій соборъ, мы скорбимъ о томъ, что нашей радости о славѣ Божіей не приобщенными остаются тѣ наши соотечественники, которые удалились отъ Церкви и отъ преемственнаго ея священства.

А преемство это восходитъ и до русскихъ святителей давно минувшихъ вѣковъ и до греческихъ, отъ коихъ и самую вѣру мы воспріяли, и до непосредственныхъ преемниковъ св. Апостоловъ, отъ рукъ ихъ получившихъ благодать (1-е Тимое. 4, 14, 2-е, 1, 6). И какъ они скорбѣли о церковномъ раздѣленіи, какъ скорбятъ и послѣдніе ихъ преемники, такъ скорбимъ и всѣ мы, вѣрующіе въ Господа; какъ они стремились къ водворенію мира Христова, такъ молимся объ этомъ мирѣ и мы; какъ они воодушевлены были упованіемъ на Того, Кто возвѣстилъ и завѣщалъ миръ, такъ и мы уповаемъ; какъ ихъ не посрамила ихъ надежда, такъ, увѣрены, не посрамитъ она и насъ,—если пастыри наши возьмутъ на рамена свои овцу заблудшую, а всѣ мы, по мѣрѣ силъ и дарованій, поможемъ поднять ее.

Придите же, бывшія чада Св. Церкви Россійской, выслушайте слово любви одного изъ братьевъ вашихъ, по племени и по родинѣ. Васъ много и среди васъ нескончаемая раздѣленія, при томъ безъ всякой надежды на примиреніе, потому что самые устои мира у васъ расшатаны, всеобъемлющая истина Христова разорвана по клочкамъ.

Послѣднее мы и постараемся показать.

1. Проходятъ предъ нами прежде другихъ старообрядцы. Они вѣрують во единого съ нами Христа, Распятаго, чтутъ святое Писаніе, держатся и священнаго Преданія.

Не говоря о вѣрѣ во единого Бога и о принятіи вселенскаго символа вѣры, добро слѣдовать не только писанному слову Божію, но и устно преданному наученію святыхъ апостоловъ и отцовъ Церкви. Въ этомъ наша близость, отсюда наша любовь; но здѣсь же есть и скорбь наша по поводу послѣдняго слова, т. е. «Преданія». Преданіе—слово, особенно вами излюбленное, повсюду оно слышится и на видъ другимъ поставляется. Но преданіе преданію рознь. На ряду съ преданіями вѣры есть преданія церковныхъ порядковъ, уставовъ жизни и богослу-

женія, а также разныхъ богослужебныхъ чиновъ и обычаевъ. Если первыя неприкосновенны, какъ откровеніе свыше, то послѣднія искони вѣковъ въ разныхъ церквахъ были неодинаковы и подвергались измѣненіямъ. Но отъ всего этого не нарушалось единеніе церковное. Преисполненные Христова духа люди, держась своего, уважали и другое, имъ чуждое и даже, когда являлись въ другія православныя церкви, сами слѣдовали ихъ преданіямъ¹⁾. Единеніе вѣры и союзъ мира и любви покрывали все прочее. А что до измѣненій, происшедшихъ во времени, то и вы—старообрядцы, какъ и мы, развѣ то держите и держимъ, что было во времена Апостольскія и въ первыя столѣтія Христовой Церкви?.. И это вы знаете, или легко можете узнать²⁾.

1) Не касаясь частныхъ, укажемъ общія о семъ свидѣтельства древнихъ писателей и сужденія ихъ. Фирмилианъ, епископъ Кесаріи Каппадокійской (3-го вѣка) писалъ св. Кипріану: „И живущіе въ Римѣ не во всемъ соблюдаютъ то, что предано отъ начала; и напрасно кто нибудь сталъ бы претендовать на знаніе апостольскаго авторитета, основываясь на томъ, что видитъ у нихъ относительно дней празднованія Пасхи и относительно многихъ другихъ божественныхъ таинствъ нѣкоторыя разности и что не соблюдаютъ тамъ (въ Римѣ) одинаково всего, что наблюдается въ Іерусалимѣ, почему и въ весьма многихъ провинціяхъ многое по различію мѣстъ и людей пестрѣтъ разнообразіемъ. и однако изъ-за сего никогда не было отступаемо отъ мира и отъ единства каѳолической церкви“ (Патрол. Мин., т. 311. Приводится у Е. Голубинскаго. „Къ нашей полемикѣ со старообрядцами“. Москва 1896 г. стр. 32). Блаженный Августинъ писалъ: „Да будетъ одна вѣра по всей Церкви, хотя самое единство вѣры прославляется нѣкоторыми различными обыкновеніями, которыми нисколько не наносится ушерба тому, что есть истиннаго въ вѣрѣ... Обыкновенія понимаются какъ одежда... но сія одежда пусть такъ разнообразится различными празднованіями, чтобы не быть разодранной враждебными спорами“. Въ другомъ посланіи онъ писалъ: „Различно по странамъ и по мѣстамъ наблюдаемое... подлежитъ свободному соблюденію и не можетъ быть относительно сего лучшей дисциплины для настоящаго и мудраго христіанина, чтобы поступать такъ, какъ поступаютъ въ той церкви, въ которой ему случится быть“. (Патрол. Мин., т. 33. 136—146, 200—201, приводится у Голубинскаго, 33—35). Св. Амвросій писалъ: „Когда я здѣсь (въ Медіоланѣ), я не пошусь въ субботу, когда въ Римѣ, я пошусь. Уважайте каждую церковь, ея обычаи, если не хотите производить соблазна“. (См. книгу: „Церковь Римская и Византійская въ ихъ взаимномъ отношеніи“, Лебедева, стр. 70. Подробн. о частныхъ разностяхъ въ Ист. Сократа, кн. 5, гл. 22, Созомена, кн. 7, гл. 19).

2) Самое важнѣйшее богослуженіе—литургіи были весьма разнообразны и во 2-мъ и 3-мъ вѣкахъ столь продолжительны, что Василій Великій и Іоаннъ Златоустъ, снисходя къ благодати своихъ пасомыхъ, сократили ихъ

Зачѣмъ же вы и доселѣ придаете неизмѣнную для всѣхъ времянь силу и обязательность тому, что унаслѣдовали хотя и отъ русскихъ святыхъ и отъ первыхъ благочестивыхъ нашихъ патріарховъ? Св. Апостолъ Павелъ училъ, поминая наставниковъ, подражать лишь въ рѣ и хъ (Евр. 13, 7).

И то вы можете прочесть у св. Апостола, что мы спасаемся чрезъ вѣру благодатію, которая не отъ насъ, а Божій даръ (Римл. 3, 24. Ефес. 2, 8). Зачѣмъ же пренебрегаете вы ею, во имя преданныхъ обычаевъ и слововыраженій? Зачѣмъ драгоценное промѣняли на малоценное, лучшее на хорошее, и на послѣднемъ успокоились? Вотъ въ этомъ-то и заключается ваша крайность, а наша великая скорбь.

Отъ тѣхъ же благочестивыхъ патріарховъ нашихъ вы и то унаслѣдовали, что благодать сообщается чрезъ церковныя таинства, которыхъ семь (Катих. велик. патр. Филарета). И мы тоже приедемъ и исповѣдуемъ. И въ этомъ опять наша близость. Но одни изъ васъ едва не совѣмъ лишились таинствъ, замѣнивъ ихъ какимъ то «вождедѣніемъ», «огнепальнымъ желаніемъ»,—какъ будто одно желаніе пищи можетъ кого либо насытить. Какъ люди закона, вы—безпоповцы, священства Христова не имущіе, и упоаете на соблюденіе уставовъ церковныхъ и другихъ внѣшнихъ требованій, какъ бы забывъ при этомъ Божию благодать. Путь спасенія представляется вамъ такимъ, по которому вы можете идти и который въ состояніи пройти одни, безъ благодатной помощи. Отъ этого и нѣтъ у васъ и чаши Новаго Завѣта съ Богомъ, нѣтъ и живаго, нагляднаго воспоминанія смерти Завѣщателя, во имя которой и завѣщано царство (Евр. 9, 16—18. Лук. 22, 29), и которое должно совершаться до второго пришествія Господа (1 Коринт. 11, 26). Все это, какъ и многое другое, «спустошено» въ молитвенныхъ домахъ вашихъ (Толк. апостол. л. 49). И вѣрующій, повидимому, во Христа человекъ остался такимъ образомъ безъ крови Завѣта и голодный безъ вкушенія хлѣба животнаго, отъ котораго ядый не умираетъ (Іоан. 6, 50).

(Слич. литург. въ 3 кн. Постановленій Апостольскихъ). О послѣдующихъ намѣненіяхъ въ чинахъ литургій святыхъ Василія Великаго и Іоанна Златоуста см. въ Опис. рук. Синод. библ. Госкаго и Невоструева, № 342 и дал. Измѣненіе частныхъ правилъ и обычаевъ указано въ ст. проф. Н. Ивановскаго «Старообрядство и расколъ» (Соб. сочин. т. I), а также въ статьяхъ іеромонаха Филарета. Есть объ этомъ и въ учебныхъ Руководствахъ.

Просыпается временами и у васъ щемящее чувство сердечной жалости о драгоценной потерѣ и вырывается изъ устъ болѣзненный вопль: «Господи, какой благодати мы лишились!» Не даромъ, чтобы не дать прорваться этому чувству, нѣкоторые закрываютъ въ домахъ своихъ ставни, чтобы живущіе не слышали призыва на молитву церковнаго колокола ¹⁾. А другіе болѣе всего убаюкиваютъ себя и другихъ антихристомъ, какъ бы побѣдившимъ Христа, чрезъ отнятіе отъ тѣла Церкви Его даровъ благодати.

И это основное и общее вѣрованіе безпоповства.

Но подумайте, вѣдь это оскорбленіе для Христа, Единороднаго Сына Божія, и Главы Церкви. Посему, если вашъ болѣзненный вопль вселяетъ надежду на всепрощеніе, то убаюкиваніе мятушейся совѣсти силою врага Христова побуждаетъ призвать васъ къ покаянію.

Другіе изъ васъ, руководимые болѣе живымъ чувствомъ церковности и болѣе яснымъ сознаниемъ необходимости благодатной помощи, почерпали,—а нѣкоторые и теперь почерпаютъ—воду благодати изъ чужого источника, якобы нечистаго, заимствовались и заимствуются священными тайносовершителями отъ иной, чуждой церкви, по ихъ понятіямъ, еретической. И они, подобно безпоповцамъ, полагаютъ и доказываютъ, что Божественный Основатель Церкви, обручившійся съ нею Своею кровію, лишилъ Свою невѣсту (не имущую скверны или порока, Ефес. 5, 27), благодатной струи рукоположенія, отъ Духа Святаго непрерывно истекающей, или что эта струя загрязнена и людямъ самимъ приходится очищать ее. Но это столь же несообразно ни съ вѣрою во Христа, какъ Главу Церкви, ни съ чистотою благодати, ни съ неувядаемою красотою самой Церкви. Не ѣсть ли и это порожденіе неразумныхъ человѣческихъ измышлений? И въ томъ опять скорбь, что люди бѣгутъ отъ свѣта истины во тьму самочинныхъ и искусственно придуманныхъ крайностей.

Сознавая ощутительную неполноту, многіе изъ пріемлющихъ священство задумали устроить и устроили свой колодець, но взяли для него живительную воду изъ другого, чуждаго имъ, источника,—такъ какъ своего не имѣли,—задумали насадить свой садъ, но вѣтку отъ живительной Лозы Христа (Іоан. 15—16) отломали изъ чужого сада, пересадивъ ее на другую почву,—

¹⁾ Такъ практикуется по преимуществу въ бѣгунскихъ кельяхъ.

не на почву Христова мира, а на почву враждебнаго раздѣленія. И къ удивленію, они, именно болѣе всѣхъ они,—стали порочить тотъ садъ, изъ котораго унесли вѣточку, забрасывать грязью и камнями тотъ источникъ, изъ котораго почерпнули воду.—Со скорбію ревнителей Христова мира отмѣчаемъ то, что видимъ и слышимъ.

Ушедшій отъ Греческой церкви бывшій нѣкогда Боснійскій митрополитъ Амвросій явился, по выраженію ихъ учителей, «возстановителемъ» Христовой церкви, такъ что, по словамъ одного общественнаго старообрядческаго документа ¹⁾, «Бѣлокриницкая митрополія въ религіозной нуждѣ россійскихъ старообрядцевъ сослужила и скупленіе». Не должны ли напомнить и этимъ, вѣрующимъ во Христа людямъ, о единомъ Искупителѣ и Возстановителѣ падшаго человѣчества и призвать и ихъ, по поводу неразумныхъ словъ, къ покаянію?..

Къ утѣшенію нашему не можемъ не усмотрѣть, что всѣ эти «антихристы», «огнепальныя желанія» и «вождедѣнія», всѣ эти «возстановители» и «искупители» суть нѣчто наносное, по обстоятельствамъ и искусственно придуманное, отъ нужды острой и тяжелой, что въ корнѣ и основаніи вашего отъ Церкви удаленія лежитъ преувеличенное вами значеніе буквы и внѣшнихъ разностей богослужебнаго чина. Свидѣтельствуютъ объ этомъ и ваши старообрядческіе руководители. Но примѣчательно при этомъ, что незамѣтно для себя, нѣкоторые изъ нихъ проговариваются уже и о маловажномъ значеніи означенныхъ причинъ раздѣленія ²⁾, какъ бы сами тѣмъ себя побивая. Для оправданія же своего они указываютъ уже на нѣчто другое, не отъ начала раздѣленія послѣдовавшее, а по поводу его привзошедшее,—въ родѣ клятвъ, порицаній и т. п. Указуютъ на клятвы,—сами и доселѣ великіе любители клятвъ, которыя съ такою поспѣшностью и легкостью то другъ на друга налагаютъ, то яко

¹⁾ „Самоправіе всероссійскихъ създовъ и ихъ Попечительства“, Рукоп. стр. 23.

²⁾ Пнокъ Павелъ (австрійскій) и Арсеній Швецовъ свидѣтельствовали, что „Грекороссійская церковь въ догматахъ вѣры не погрѣшаетъ“ (См. „Разборъ отвѣтовъ на 8 вопр. іер. Филарета). Пинокентій Усовъ въ своей книгѣ „Церковь Христова временно безъ епископа“, приводитъ слова изъ сочиненія Никифора астраханскаго (отв. на 15 вопр. стр. 324), что „старообрядцы церкви, учащей догматамъ святой вѣры повинуются, но не хотятъ повиноваться только нѣкоторымъ преданіямъ мало важнымъ“, и приведя эти слова, подтверждаетъ, что эти преданія, дѣйствительно, „маловажны“ (Усовъ, стр. 279).

не бывшія вмѣняютъ. Особенно сказалось и сказывается это по поводу извѣстнаго «Окружнаго посланія».

Видится такимъ образомъ, что между нами и вами—старообрядцами—соткана временемъ и вплотную опущена густая завѣса простыхъ недоразумѣній, за которую вы и дошли до странныхъ, почти кощунственныхъ словъ и выраженій, думая лишь восхвалить себя за стойкость въ содержаніи обряда, а поповцы и свою противоканоническую іерархію. Призываемъ общими силами приподнять эту завѣсу и тогда мы увидимъ другъ друга въ ясномъ свѣтѣ Христовой истины,—при чемъ, то рѣзко-немирныя, то необдуманно-самомнительныя слова и выраженія отпадутъ сами собою. Мы увидимъ тогда другъ друга не только какъ братьевъ по народности, но и—по вѣрѣ. И братство о Христѣ будетъ болѣе угодно Христу, чѣмъ пререканія о предметахъ, благовѣствованія Его не касающихся.

И радость будетъ на Небеси.

2. Далѣе предъ нами другіе люди, совѣмъ на старообрядцевъ непохожіе. И они—бывшія чада православной Церкви. Какъ первые безъ мѣры все, нѣкогда существовавшее, хотѣли охранять и отстаивать, до каждаго слова и даже ударенія, такъ послѣдніе пожелали упростить и вовсе упразднить весь чинъ и порядокъ церковный. Какъ первые написали на своемъ знамени «Преданіе» «Старообрядство», такъ послѣдніе задумали совершенно стереть съ своего знамени эти слова, и не только ихъ стереть задумали, но коснулись и истинъ вѣры. Преданіе, богослужебный уставъ, церковное благолѣпіе и прочее тому подобное въ ихъ глазахъ—ничто, поклоненіе священнымъ изображеніямъ—идолопоклонство—святые не представители за насъ предъ Богомъ, посты, какъ воздержаніе отъ извѣстнаго вида пищи,—вредъ одинъ, внѣшняя сторона таинствъ—простые, безблагодатные сами по себѣ символы. Оправдываютъ же себя они тѣмъ, что поклоняются Богу духомъ.

Хорошо, конечно, служить Богу духомъ и истиною, добро думать и то, что Господь въ нерукотворенныхъ храмахъ живетъ и не пріемлетъ угожденія рукъ человѣческихъ (Дѣян. 17, 25), что Ему не угодно поклоненіе доскамъ и краскамъ, что воскрылія ризъ и внѣшнія украшенія и все другое наружное не создаютъ истинной религіи,—т. е. соединенія и общенія съ Божествомъ душъ человѣческихъ, что вообще духъ животворитъ, а плоть не пользуется ничтоже (Іоан. 6. 63). Все это глубоко вѣрно и все это исповѣдуетъ и наша Церковь, къ коей мы принадлежимъ.

Въ этомъ духовная связь наша и съ вами.

Знаемъ, что Господь Иисусъ Христосъ обличалъ преобладаніе внѣшняго надъ внутреннимъ, плотскаго надъ духовнымъ и лицемѣріе тѣхъ, которые устами чтили Бога, а сердце было далеко отъ Него (Матѣ. 15, 8). Но, обличая внѣшнее лицемѣрное, обличалъ ли Онъ самый храмъ, его строителей и молившихся въ немъ? Осуждалъ ли Онъ и украшенія гробницъ праведниковъ и ношеніе ризъ съ воскрыліями, и даваніе десятины, и пошеніе въ субботу и другое тому подобное? Отвѣтъ на это данъ Имъ Самимъ, въ Св. Евангеліи записанный. Храмъ названъ Имъ домомъ Божіимъ, и домомъ молитвы, а о прочемъ сказано: «и сія подобаетъ творити и онѣхъ не оставляти» (Матѣ. 21, 13. 23, 21—23).

Послѣ этихъ ясныхъ, хотя и немногихъ, указаній и о томъ теперь подумайте и поразсудите: можетъ ли облеченный плотію человѣкъ служить Богу только духомъ? Обратите прежде всего вниманіе, что всякое движеніе нашего чувства отображается и въ лицѣ: и радость и скорбь видны на немъ; а потомъ, когда мы обращаемся къ кому-либо съ славословіемъ или мольбой (все равно къ кому), то наше сердечное обращеніе, по свойству природы нашей, требуетъ и слова, какъ внѣшняго выраженія, а потомъ и другого, болѣе нагляднаго дѣйствія. Только ангелы Божіи славословятъ Бога языкомъ духа («святъ, святъ, святъ, еси, Боже»),—котораго мы не слышимъ. А мы, бранныи, на земли не можемъ не выражать сего и устами нашими. Отсюда все внѣшнее богослуженіе, весь чинъ церковный и при немъ и возжиганіе свѣчей и куреніе ѳиміама и колѣнопреклоненія или простое наклоненіе головы, словомъ, все внѣшнее—обрядовое является неотъемлемою нашею потребностью. Посему и Апостоль писалъ: «прославляйте Бога и въ тѣлахъ вашихъ и въ душахъ вашихъ, которыя суть Божіи» (1 Коринѣ. 6, 20). Отсюда прославленіе только духомъ, еслибы и было даже для человѣка возможнымъ, то было бы неполнымъ, а одностороннимъ, половинчатымъ.

Творя къ Богу живому молитвы, моленія, прошенія, благодаренія (1 Тимоѣ. 2, 1), широта любви и благоговѣйное чувство не могутъ пренебречь и молитвенными обращеніями къ Дѣвѣ, родившей Господа, какъ къ живому сосуду и вмѣстительству Божію, какъ къ лѣствицѣ, соединившей землю съ небомъ и ведущей на небо, которую въ образѣ патріархъ Іаковъ видѣлъ (Быт. 28, 12). Побуждаютъ они насъ обращать молит-

венные взоры и къ тѣмъ, которые просіяли на землѣ подвигами жизни и, какъ угодившіе Богу, отошли на соединеніе съ Нимъ:—вспоминать ихъ дѣла и молить о помощи и заступленіи. Вѣдь никого не удивляетъ ходатайство многихъ предъ близкими и къ земному царю людьми и обращеніе къ ихъ посредничеству. Любовь пробуждаетъ насъ молиться и за всѣхъ и о всѣхъ, какъ молились Моисей и Апостоль Павелъ за людей своихъ (Числ. 14, 19. Римл. 9, 3),—и не только за живыхъ, но и за умершихъ, ибо предъ Богомъ всѣ живы (Матѣ. 22, 32. Лук. 20, 38). Въ молитвахъ о послѣднихъ видится и чувствуется единеніе Церкви земной и небесной, подъ единою главою—Христомъ находящейся. Любовь побуждаетъ, далѣе, чтить и внѣшнія изображенія Спасителя, Божіей Матери и Святыхъ, не краски и доски почитая (и имъ поклоняясь), а Лицъ изображенныхъ. Никто вѣдь не брезгаетъ изображеніями черезъ краски или фотографію чтимыхъ: отца, матери, братьевъ, дѣтей и другихъ любимыхъ лицъ, никто не блазнится и не поставитъ въ грѣхъ того, если бы кто и поцѣловалъ эти изображенія. А лобызаніе и поклоненіе изображеніямъ Христа-Спасителя и другихъ святыхъ, съ мыслию о крестѣ и съ осѣненіемъ себя крестомъ,—который составляетъ славу Распятаго Господа (Іоан. 13, 31),—не выражаетъ ли живую потребность души постоянно имѣть въ памяти и носить въ сердцѣ то, что сдѣлано для насъ чрезъ крестъ? «Мнѣ не подобаетъ хвалиться, развѣ только крестомъ Господа нашего Іисуса Христа, Которымъ для меня міръ распятъ, и я для міра» (Галат. 6, 14). А церковныя таинства, наконецъ, какъ внѣшніе проводники очищающей челоуѣка благодати Св. Духа развѣ не Самимъ Спасителемъ указаны? Крещеніе водою,—какъ способъ новаго рожденія, не есть, какъ иные растолковываютъ, принятіе только ученія; крестить и научить не одно и тоже (Матѣ. 28, 19—20. Дѣян. 2, 38 и 41. 8, 37—40). Причащеніе подъ видомъ хлѣба и вина есть, по слову Господа Іисуса Христа, вкушеніе Его тѣла и крови (Іоан. 6, 48—58. Матѣ. 26, 26—28. Лук. 22, 17—20). И помазаніе отъ Духа чрезъ посредство мвры или елея,—какъ повелѣваетъ Священное Писаніе (Іак. 5, 14),—сообщается и многое другое, что Церковію принято, низводитъ благодать.

Не все благовѣствованное буквально было записано Христовыми Апостолами, потому что, если бы все писать, чему училъ и что совершилъ Господь Іисусъ, то и всему міру не вмѣститъ

бы написанныхъ книгъ (Іоан. 21, 25). Многое передано устно, чему также должно слѣдовать. «Итакъ, братія, поучаль Апостолъ, стойте и держите преданія, которымъ вы научены или словомъ, или посланіемъ нашимъ» (2 Солун. 2, 15). «Держись образца здраваго ученія, которое ты слышалъ отъ меня... и что слышалъ отъ меня, то передай вѣрнымъ людямъ, которые были бы способны и другихъ научить» (2 Тимое. 1, 13. 2, 2). И это устно преданное есть тоже «Писаніе», только не на бумажной хартіи начертанное, а на другой, живой. «Вы—наше письмо (бывшая въ Коринѣѣ церковь), написанное въ сердцахъ нашихъ, узнаваемое и читаемое всѣми человекѣми. Вы показываете собою, что вы письмо Христово, чрезъ служеніе наше, написанное не чернилами, но Духомъ Бога живаго, не на скрижаляхъ каменныхъ, но на плотныхъ скрижаляхъ сердца» (2 Коринѣ. 3, 2—3).

Такимъ образомъ отъ апостоловъ шла преемственная передача Христова благовѣстія отъ одного къ другому, отъ однихъ къ другимъ. И способы этой передачи также были и письменные и устные до извѣстнаго времени, когда устно преданное къмъ либо и по какимъ либо обстоятельствамъ записывалось, а потомъ уже въ письменахъ переходило въ потомство. Могли и могутъ быть пререканія по частнымъ вопросамъ о вѣрности и подлинности въ послѣдствіи времени записаннаго; но не общее его отверженіе.

Такъ жили преемники Апостольскіе въ дому Божіемъ, который есть церковь Бога живаго, столпъ и утвержденіе истины (1 Тимое. 3, 15). И предъ нами послѣдніе изъ нихъ. Такъ жила вся Христова церковь пятнадцать, почти 20 столѣтій и разрывать ея исторію и цѣлостность ея жизни чрезъ 15—17 вѣковъ,—а тѣмъ болѣе теперь,—значитъ стремиться не къ распространенію и укрѣпленію вѣчнаго, всемірнаго царства Божія, а къ его разрушенію. Это своего рода церковная революція, а не обрѣтеніе утраченной будто бы истины. Да и о томъ заявлять (какъ это теперь дѣлается), что только мы нашли утраченную вѣками жемчужину Христова ученія, тоже слишкомъ неосторожно и самомиѣнно (Л. Н. Толстой и др. новѣйшіе),—точно мы первые, послѣ двадцати вѣковъ, поняли ученіе Христа. А что, наконецъ, до нападокъ вашихъ и до отрицанія нашей церковности, то напомнимъ вамъ случай изъ стародавнихъ временъ, когда избранный посланникъ Іисуса Христа похвалилъ капище или алтарь «Богу невѣдомому» (Дѣян. 17.

22—23). Зачѣмъ же вы хотите низвергнуть алтарь Бога вѣдомаго,—Христа Распятаго, Который для призванныхъ есть Божія сила и Божія премудрость (1 Кор. I, 23)? Если изъ устъ вашихъ исходило поруганіе этого алтаря, то это—грѣхъ вашъ, побуждающій и васъ къ покаянію.

И это слово о покаяніи тѣмъ болѣе должно быть вамъ понятно, что и сами вы, проповѣдая религію чисто «духовную» и хвалясь ею, не смогли же обойтись безъ чего либо внѣшняго. И у васъ есть свои чины, молитвы и пѣснопѣнія, есть и наружныя выраженія Богопочтенія,—воздѣваніе рукъ, колѣнопреклоненія и т. п.; и у васъ есть слезы, есть и вечера съ преломленіемъ хлѣба, есть у нѣкоторыхъ и водное крещеніе. И вы такимъ образомъ создали свой алтарь. Нѣтъ только надъ нимъ креста Христова, не видится въ немъ изображенія Іисуса Распятаго, нѣтъ Его жертвы, заповѣданной въ воспоминаніе смерти Его (Лук. 22, 19. 1 Коринѳ. 11, 24). Выходить, этотъ алтарь только вашъ, а не Христовъ. Но всѣмъ, что вы имѣете, и сами наглядно показываете—что раньше мы и сказали,—что существу духовно-тѣлесному и на самомъ дѣлѣ, при всемъ желаніи, невозможно обойтись однимъ духовнымъ служеніемъ.

Итакъ, въ основѣ вашего вѣрованія также крайность,—противоположная старообрядцамъ,—а въ развитіи и примѣненіи то же неразуміе.

3. Есть и еще отступившіе отъ насъ, хотя по наружности какъ будто и не чуждые намъ, какіе то особые «Божьи люди», ласковые въ словѣ, воздержные по внѣшности, думающіе о себѣ какъ объ умершихъ о Адамѣ и воскресшихъ о Христѣ. На языкѣ ихъ «Духъ Святой», «Ангелы» и «Архангелы», «Богъ» и «Богородица». Стремленіе ихъ—умерщевленіе плоти и тѣснѣйшее съ Богомъ—Духомъ соединеніе.

Добро стремиться къ такому соединенію, котораго не безъ надежды чаяли всѣ подвизавшіеся добрымъ подвигомъ, начиная со св. Павла,—свидѣтельствовавшего, что въ немъ живетъ Христосъ (Галат. 2, 20). И Самъ Господь далъ надежду на такую близость къ людямъ и на общеніе съ людьми. Вселюся въ нихъ и похожду (2 Коринѳ. 6, 16) и излію Духа Моего на всяку плоть и прорекутъ сынове ваши, и дщери ваши, и старцы ваши сонія узрятъ, и юноши ваши видѣнія увидятъ. Ибо на рабы Моя и на рабыни Моя въ дни оны излію отъ Духа Моего (Іоил. 2, 28—29).

Что для человѣка можетъ быть вождельннѣе такого соединенія съ Божествомъ? Что радостнѣе надежды на него? Кажалось бы, что напоминаніе объ этомъ, которое слышимъ отъ «Божіихъ людей», ничего, кромѣ уваженія къ ихъ слову, не внушаетъ. Но если присмотрѣться ближе къ тому, что вы, «Божіи люди», говорите, то зачѣмъ же это соединеніе съ Божествомъ вы дѣлаете отождествленіемъ Божества съ людьми? Можетъ ли быть единеніе Бога съ человѣкомъ до уничтоженія личности послѣдняго? И Св. Апостолъ Павелъ, послѣ того, какъ въ немъ жилъ Христосъ, и даже когда онъ восхищенъ былъ до третьяго неба (2 Коринѳ. 12, 2—3), не пересталъ быть Павломъ. И тѣ праведники, которые удостоивались содѣлаться селеніями Божіими, не становились сами богами. И тѣ, на которыхъ Господь Иисусъ Христосъ преизобильно изліялъ въ день Пятидесятницы Духа святаго, сами не превратились въ «христовъ», а пошли проповѣдывать единого Христа, при Понтійскомъ Пилатѣ распятаго и воскресшаго (1 Тимое. 6, — 12—13. 1 Коринѳ. 1, 12—13),—и кровію запечатлѣли свою проповѣдь.

У васъ же не такъ. Всѣмъ извѣстные «пророки» ваши становились «богами» и «христами», а «пророчицы»—«богородицами». Не есть ли это самозванное оскорбленіе единороднаго, воплотившагося Сына Божія? И не похоже ли это стремленіе сдѣлаться Богомъ на того безплотнаго духа, который нѣкогда,—еще прежде бытія земли,—задумалъ: «на небо възду, выше звѣздъ небесныхъ поставлю престоль мой, буду подобенъ Вышнему» (Ис. 14, 14)? Тѣмъ же смушалъ онъ и нашихъ прародителей: «будете, какъ боги» (Быт. 3, 5). Послѣдствія извѣстны: «нынѣ же во адъ спидеши» (т. е. отъ свѣта—Бога во тьму) и: «вражду положу между тобою и между женою». Итакъ, самомнѣніе въ богосоединеніи ведетъ въ страшную крайность и пагубу богоотступничества и богоотверженія. Примѣчаете ли, какъ скоро ваши смиренныя, повидимому, и вождельнныя стремленія къ небу, ваши святые и священныя слова: «Богъ», «Христосъ», «Духъ», «Богородица» и другія подобныя, съ высоты неба, по смыслу ихъ, ниспадаютъ ниже земли?..

Вы твердите о поклоненіи Богу «живому», но истинный Христосъ «живъ есть, тойжде и во вѣки» (Евр. 13, 8) и Онъ «не восхищеніемъ, (какъ пророки ваши), непщева быти равенъ Богу» (Филипис. 2, 6).

Далѣ, стремясь къ соединенію съ Божествомъ, вы толкуете о подвигахъ воздержанія. Добро быть подвижникомъ. Но истинный подвигъ и богообщеніе не достигается нескромными возбуждающими похоть круженіями и прыганьемъ, и не сопровождается безнравственными проявленіями плоти. Христова любовь отнюдь не плотская, грѣхъ нельзя убивать грѣхомъ, осѣняющій человѣка Духъ Святой не можетъ, по Его чистотѣ и святости, вести къ зазорному, какъ водилъ и водить какой то «духъ» вашихъ «пророковъ».

Богоотецъ убо Давидъ предъ сѣннымъ ковчегомъ скакаше, играя, но и только. Людіе же Божіи, святіи, образы сбытіе зряше, не такъ уже веселились при появленіи Воскресшаго Христа. Простое: «миръ вамъ» и преломленіе хлѣба или вкушеніе рыбы и краткія наставленія идти проповѣдывать—вотъ и все, что слышали св. апостолы при видѣніи Господа (Матѹ. 28, 17—20. Марк. 16, 15—20, Лук. 24, 36—53. Иоан. 20, 26—27) и послушливо—благоговѣнно сіе воспринимали и о семъ повѣдали міру.

И въ день Пятидесятницы, когда на Апостоловъ сошелъ Духъ Святой и они стали говорить на разныхъ языкахъ, то не было ничего похожего на скаканіе или играніе и языкъ ихъ былъ всѣмъ понятенъ. И на устахъ ихъ былъ тотъ же пророческій глаголь о распятомъ и воскресшемъ Христѣ (Дѣян. 2, 4—41). Похожи ли, хотя сколько нибудъ, ваши «пророчества», когда вы, по выраженію вашему, «овладѣваете духомъ»?

Не замѣчаете ли, что предметомъ христіанско-апостольской проповѣди вездѣ является единый Христосъ, о Которомъ говорили и ветхозавѣтные пророки, а у васъ предметомъ вашихъ «пророчествъ» являются какіе-то «братъ» и «сестра», съ двусмысленными выраженіями.

Хотя Апостолъ и сказалъ,—что идѣже умножится грѣхъ, преизбыточества благодать, но сейчасъ же присовокупилъ: что убо, пребудемъ ли во грѣхѣ, да благодать пріумножится?—Да не будетъ (Римл. 5, 20. 6, 1).

Поразмыслите надъ послѣдними словами Апостола, «званнаго раба Христова» (Римл. 1, 1. Филипп. 1, 1).

Итакъ, вы мните быть въ союзѣ съ Церковью и наружно въ ней пребываете, но духомъ какъ далеко ушли уже отъ нея, забывъ ея главу—Христа и извративъ нравственность.

Покаялся Давидъ о грѣхѣ своемъ и молился: «сердце чисто созижди во мнѣ, Боже, и духъ правъ обнови во утробѣ моей»

(Псал. 50. 12). Покайтесь и вы, оставивъ свое мнимое божество и возстановивъ истинное ученіе о христіанскомъ подвигѣ, оставьте вашихъ самозванныхъ «пророковъ», прельщающихъ васъ и прельщаемыхъ. Вспомните слова истиннаго Христа: Многіе придутъ во имя Мое, и многихъ прельстятъ (Матѹ. 24, 5). Не уподобляйтесь же этимъ «многимъ»; оставите безуміе и живи будете, взыщите разума и поживете (Притч. 9. 6).

Въ краткомъ обращеніи нельзя въ тѣсныя рамки вмѣстить всего, что хотѣлось бы сказать намъ. Но ясно видятся тѣ превеличенія и крайности, какія довели бывшихъ чадъ православной церкви—однихъ до грѣха раздраенія Церкви, котораго и мученическая кровь не смоетъ (Св. Кипріанъ, I. Златоустъ), другихъ до глумленія надъ Церковью, ея таинствами и богославленными святыми, а третьихъ и до послѣдняго грѣха—богоотверженія.

Такъ жалилъ и жалитъ первый библейскій змѣй Сѣмя жены. Но, по слову Господа, Оно сотретъ главу змѣя. Въ крови единаго, безгрѣшнаго положено и начало сему. Чрезъ кровь Его установленъ новый завѣтъ Бога съ человѣкомъ, совершилось примиреніе послѣдняго съ Первымъ, творенія съ Творцемъ. На ней и на Томъ, Кто пролилъ ее, основана и новозавѣтная Церковь Христова, боримая, но не побѣждаемая, неодолимая и вратами ада (Матѹ. 16, 18).

Се нынѣ время благопріятно размыслить о своемъ положеніи и, оставивъ крайности и собственныя измышленія, съ вѣтвями истины, отъ древа той же Христовой Церкви оторванными, повѣдать предстоящему російскихъ святителей Собору скорбь свою и сомнѣнія свои, во имя завѣщаннаго Христомъ единенія въ союзъ мира, который и да будетъ пріятенъ Богу мира и любви.

Имѣющіе быть предъявленными вами частные вопросы и пожеланія будутъ, увѣрены, рассмотрѣны и приняты во вниманіе, насколько то возможно для отцовъ Собора, отвѣтственныхъ за охраненіе истины Господней и за водвореніе мира Христова.

Православный.

„Кронштадтскій Андреевскій соборъ, его исторія и описаніе“.

(Къ 190 годовщинѣ собора).

Предъ нами прекрасная съ такимъ заглавіемъ книга г. Туренскаго. Книга представляетъ собою шедевръ церковно-археологической работы. Кажется, ни одинъ моментъ, ни одинъ уголь, ни одинъ камень собора, ни одна его священная вещь и ни одно украшеніе не оставлено здѣсь безъ своей серьезной критически провѣренной исторіи, вполне научной, документальной. Принявъ во вниманіе, что въ трудѣ г. Туренскаго собственнымъ добросовѣстному ученому автору словомъ отмѣчено отношеніе къ кронштадтской святыньѣ верховной и церковной властей и начальствъ, отъ нихъ поставленныхъ, а также всего населенія острова Котлина, и затѣмъ, со времени настоятельства въ Андреевскомъ соборѣ о. Іоанна Сергіева, и всей православной Россіи,—можно сказать, что авторъ сохранилъ кронштадтское святилище для святой Руси «въ родъ и родъ», и сдѣлалъ цѣнный вкладъ въ нашу церковную исторію 18 и 19 вѣковъ.

Прочитавъ книгу г. Туренскаго, мы поскорбѣли только о томъ, что такихъ «описаній» нашихъ святынь у насъ не только очень мало, но почти нѣтъ, что тѣ, кому «ввѣрено храненіе святилища» (Чис. 3, 32), небрегутъ о своемъ дѣлѣ: огромное большинство нашихъ церквей, соборовъ, монастырей, св. иконъ и т. п. остается у насъ безъ своей исторіи и описанія; а «описанія», какія отъ времени до времени появлялись, по своей неостоятельности—отрывчатости и научной небрежности общають одну путаницу для будущихъ историковъ нашей церкви. Не можетъ вѣдь быть спора, что исторія любой церкви, собора, монастыря, явленія и прославленія св. иконы, открытія и чествованія мощей св. угодниковъ и т. п., представляютъ собою церковный микрокосмъ данной мѣстности: вѣрованія, религіоз-

ная настроенность, христіанская благотворительность и т. п. явленія церковной жизни концентрируются около православныхъ святынь, какъ своихъ знаменъ.

И въ этомъ отношеніи г. Туренскій въ своей книгѣ «далъ прекрасный образецъ историко-археологическаго описанія церковной святыни; онъ показалъ примѣръ, какъ нужно дѣлать описанія предметовъ, достойныхъ церковно-исторической памяти, чтобы и современники описанія знали прошлую исторію святыни и будущей историкъ, «пыль вѣковъ отъ хартій отряхнувъ, правдивыя сказанья» дословно переписалъ бы, «да вѣдаютъ потомки православныхъ» церкви Божіей «минувшую судьбу»...

Книга г. Туренскаго дѣлится на 8 главъ (въ $\frac{1}{8}$ листа 212 страницъ, со множествомъ цѣнныхъ примѣчаній). I) свѣдѣнія о первоначальной обстройкѣ Котлина и первыхъ православныхъ на немъ храмахъ. Судьбы Котлина до XVII вѣка. Устройство на немъ Петромъ «фортеціи» и первой церкви. Обстройка острова каменными домами и мѣстоположеніе среди нихъ первоначальнаго Андреевскаго собора.

II) Исторія собора. Періодъ первый: Свѣдѣнія о построеніи первоначальнаго собора и предположенія о его видѣ и устройствѣ. Основаніе собора по повелѣнію Петра и его вниманіе къ собору. Штатъ и содержаніе причта. Церкви въ Кронштадтѣ съ 1742—1745 г.г. Протопопы собора, какъ кронштад. «заказчики». Вмѣшательство кронштад. комендантовъ въ дѣла собора; арестъ комендантомъ протопопа въ соборѣ. Переводъ собора въ «пристойную палату» въ 1743 г. «О пьянственномъ житіи и непорядочныхъ поступкахъ» среди духовенства того времени. Образованіе прихода при соборѣ. Переводъ собора въ Успенскую церковь и заботы объ улучшеніи соборной ризницы. Учрежденіе въ Кронштѣ дух. училища. Второй періодъ: Закладка настоящаго соборнаго храма Александромъ I. Построеніе собора, его освященіе, видъ и размѣръ. Устройство придѣловъ для собора. Построеніе Успенской при Думѣ церкви и приписаніе ея къ собору. Первое расширеніе собора. Пожертвованія въ соборъ и другія событія съ 1857 по 1874 г. Уничтоженіе пожаромъ 1874 г. двухъ соборныхъ часовенъ. Второе расширеніе собора. Учрежденіе при соборѣ заботами о. Іоанна Андреевскаго Приходскаго Попечительства и его развитіе. Событія съ 1877 по 1897 г. Третье расширеніе Собора и событія послѣ сего. Построеніе новаго дома для причта.

III. Описание собора. Внешній видъ собора. Колокольня, ея «звонъ» и часы. Соборный скверъ. Внутренній видъ и устройство собора. Алтари съ находящимися въ нихъ предметами. Предалтарные иконостасы съ дополнительными къ нимъ образами. Образа въ прочихъ мѣстахъ храма, въ иконостасахъ и кіотахъ. Хоругви. Крестъ. Паникадила, лампы и подсвѣчники. Разныя вещи.

IV. Ризница собора. Исторія ризницы. Евангелія. Кресты на престольные. Священно-богослужебныя сосуды. Ковчеги съ дарохранительницами. Плащаницы. Облаченія священнослужительскія. Воздухи, покровцы и пелены. Образа, хранящіеся въ ризницѣ. Прочія вещи.

V. Соборныя часовни. Свѣдѣнія о прежде бывшихъ часовняхъ при соборѣ. Нынѣшнія соборныя часовни: Тихвинская, Воскресенская, Ильинская и Спасская.

VI. Библіотека и архивъ собора.

VII. Прочія свѣдѣнія о соборѣ. Престольные праздники. Крестныя ходы. Приходъ при соборѣ. Посѣщенія собора Высочайшими особами. Архіерейскія служенія въ соборѣ.

VIII. Причтъ собора. Положеніе о штатѣ причта при соборѣ. Содержаніе причта. Дома для причта. Личный составъ соборнаго причта за прежнее время и нынѣ. Настоятели. Ключари. Священники. Діаконы. Псаломщики. Просфорни. Старосты.

Ужъ изъ одного этого оглавленія видно, что въ книгѣ г. Туренскаго дается историческій портретъ Андреевскаго собора во весь его ростъ.

Въ виду понятнаго интереса къ исторіи Кронштадтскаго Андреевскаго собора, въ которомъ настоятельствуеетъ патріархъ, такъ сказать, церковной благотворительности, глубокочтимый сынами всей Православной Церкви и извѣстный всему міру о. протоіерей Іоаннъ Ильичъ Сергіевъ, мы позволяемъ себѣ познакомить нашихъ читателей, по книгѣ г. Туренскаго, хотя вкратцѣ съ этой исторіей.

Исторія Кронштадтскаго Андреевскаго собора начинается съ 1717 г., когда, по повелѣнію Петра I, на островѣ Котлинѣ (въ Финскомъ заливѣ, въ 30 верстахъ отъ Петербурга) былъ основанъ первоначальный соборный храмъ во имя св. апостола Андрея Первозваннаго.

Находясь близъ береговъ мѣстности, въ древности называвшейся «Ижорскою землею» (или—позже Ингриєю и Ингерман-

ландію) островъ. Котлинъ раздѣлялъ конечно историческія судьбы этой земли. «Ижорская» же земля еще въ XI вѣкѣ принадлежала, какъ извѣстно, къ владѣніямъ Великаго Новгорода, входя въ составъ такъ называемой «Водьской Пятины». Но уже съ половины XII вѣка она становится предметомъ завоевательныхъ стремленій шведовъ, не разъ вторгавшихся въ Ингрію, съ цѣлью отнять ее у русскихъ и утвердиться на берегахъ Невы, какъ главномъ сѣверномъ пути къ морю. Вслѣдствіе сего между русскими и шведами возникали неоднократно войны, при чемъ Ижорская земля или отходила къ шведамъ, или опять была возвращаема намъ. Около 1595 г.,—какъ видно изъ официальной шведской карты того времени, хранящейся въ Стокгольмѣ, въ государственномъ архивѣ, и показывающей границы русскихъ и шведскихъ владѣній въ Ижорской землѣ по Тязвинскому договору, заключенному 18 мая 1595 г.,—островъ Котлинъ, называвшійся шведами «Ретусари», былъ раздѣленъ пограничною чертою по срединѣ на двѣ половины, изъ коихъ восточную владѣли русскіе, а западную шведы. Но по Столбовскому договору, 27 февраля 1617 г., при царѣ Михаилѣ Ѳеодоровичѣ, островъ этотъ былъ уже полностью уступленъ нами Швеціи, вмѣстѣ со всею Ингрією, съ исконно-русскими въ ней городами, какъ-то Ямы (нынѣ Ямбургъ), Иванъ-Городъ, Копорье, Орѣшекъ (нынѣ Шлиссельбургъ). Русскіе сознавали всю важность этой потери Ингрии съ путемъ къ морю чрезъ Неву и потому уже въ 1656 г. царемъ Алексѣемъ Михайловичемъ предположено было занять все побережье отъ Риги до Невы, а также и берега Ладожскаго озера, для чего отправляемы были военные отряды.

Окончательное однако возвращеніе русскими Ингерманландіи совершилось лишь при Петрѣ, вмѣстѣ съ чѣмъ, вскорѣ за основаніемъ въ 1703 г. 16 мая С.-Петербурга, состоялось также воссоединеніе съ русскими владѣніями и Котлина.

Исторія Кронштадтскаго Андреевскаго собора дѣлится на два періода: первый отъ основанія первоначальнаго Андреевскаго собора до сооруженія нынѣшняго соборнаго храма; второй отъ этого послѣдняго момента до нашихъ дней.

Первоначальный соборъ во имя св. апостола Андрея Первозваннаго, на островѣ Котлинѣ былъ основанъ въ 1717 году;

«Срубленъ онъ и порѣшеченъ» гарнизонными войсками, при завѣдываніи архитектурной стороной постройки (выработка плана собора и наблюденіе за его сооруженіемъ), по всей вѣроятности, капитанъ-командора Лейна. Соборъ строился на казенныя суммы.

Посвященіе собора имени св. апостола Андрея Первозваннаго, какъ и самое его построеніе, должно быть приписано мысли самого Петра, который особенно чтить сего апостола, такъ какъ признавалъ за истину древнее (и, можетъ быть, вполне достовѣрное) сказаніе о томъ, что св. Андрей Первозванный проповѣдывалъ ученіе Христово не только въ Кіевской и Новгородской областяхъ, но и въ предѣлахъ нынѣшняго С.-Петербургскаго края. Доказательствомъ особеннаго почитанія св. ап. Андрея Первозваннаго Петромъ служить между прочимъ установленіе имъ, еще 30 авг. 1698 г., ордена въ честь сего Апостола, какъ именно перваго проповѣдника Евангелія въ предѣлахъ Россіи, въ выраженіе чего «на поперечныхъ концахъ орденскаго Андреевскаго креста поставлены буквы S. A. P. R. означающія Sanctus Andreas Patronus Russiae («святый Андрей покровитель Россіи»).

Освященіе собора совершилось 13 іюля 1718 г., въ присутствіи Петра, (вѣроятно) архимандритомъ Θεодосіемъ. Относительно состава первоначальнаго причта собора не имѣется подробныхъ свѣдѣній, извѣстно лишь то, что въ 1720 году при соборѣ состоялъ священникъ Петръ Ивановъ, вызванный сюда изъ Бѣлгорода.

Съ 1723 г., причтъ Андреевскаго собора долженъ былъ состоять изъ протопопа, двухъ священниковъ, двухъ діаконовъ, двухъ дячковъ и двухъ пономарей; (до 1726 г., впрочемъ въ составѣ причта собора числится протодіаконъ, пономарей же совѣмъ не было). Жалованья въ соборѣ получали «протопопы деньгами по 70 р. да за 10 четвертей муки, два священника по 50 рублей каждый да за 5 четвер. муки и за одну четвер. овса; протодіаконъ денегъ 50 р., да за 10 четвер. муки; діаконъ 30 р. да за 10 четвер. муки; два псаломщика каждый по 15 р., да за 3 четвер. муки, просфорня получала 5 руб. денегъ да за полтreti муки. А приходскихъ домовъ, земель и угодьевъ при Андреевскомъ соборѣ не было». Жалованье производилось изъ штабсъ-конторы (одна изъ 12 учрежденныхъ Петромъ коллегій). Были-ли въ то время при соборѣ старосты, сказать трудно. Церковнымъ хозяйствомъ, вѣроятно, распоряжались

кронштадтскіе коменданты: они долгое время «брали себѣ сборъ церковныхъ денегъ, кружечный и свѣчной, не давая въ нихъ никому отчета»; когда же разъ (въ 1734 г.) «духовенство Андреевскаго собора уважительно обратилось къ коменданту, прося церковныхъ денегъ на ремонтъ и починки собора, на ризы, утварь и т. п., то ему отказали въ этомъ на-отрѣзъ».

Петръ неоднократно посѣщаль основанный имъ соборный храмъ. И вниманіе его къ собору не ограничивалось, вѣроятно, только посѣщеніями для молитвы. Весьма возможно, что Государь содѣйствовалъ въ какомъ-либо отношеніи и благоустроенію или благоуукрашенію собора, хотя положительно утверждать этого нельзя, такъ какъ ни отъ самаго первоначальнаго собора, ни отъ его ризницы ничего до насъ не сохранилось. По крайней мѣрѣ въ настоящее время въ соборѣ имѣется лишь одинъ предметъ, связываемый съ именемъ Петра, — это небольшое, рельефное, изъ слоновой кости, медальонное изображеніе св. ап. Андрея Первозваннаго, вырѣзанное, по преданію, собственноручно Петромъ и пожертвованное имъ собору. Въ главной описи церковнаго и ризничнаго имущества собора, отъ 1866 г., изображеніе это записано такъ: «образъ Андрея Первозваннаго изъ слоновой кости, діаметромъ 3 вершка,—работы Государя Императора Петра I, имъ самолично повѣшенъ въ прежнемъ соборѣ Андрея Первозваннаго, на Андреевской лентѣ, въ небольшой круглой бакгаутовой рамѣ».

Со времени присоединенія Ингріи къ Россіи, Котлинъ какъ и другія области Петербургскаго края вошли въ составъ новгородской митрополіи и первоначально, съ 1703 г., управленіе въ нихъ церковными дѣлами велъ непосредственно самъ новгородскій митрополитъ (съ 1697 г. по 1716 г. м. Іовъ). За дальностью же разстоянія, въ 1708 г., по указу Государя Петра I, новгородскій митрополитъ отправилъ въ С.-Петербургъ, для устроенія края въ церковномъ отношеніи Хутынскаго монастыря архимандрита Феодосія, въ качествѣ надзирателя благочинія въ С.-Петербургѣ и въ прочихъ городахъ съ уѣздами, при чемъ Феодосію дана была инструкция: «въ уѣздахъ выбрать къ духовнымъ дѣламъ изъ священниковъ людей правдивыхъ и доброжелательныхъ, которымъ дать за своею рукою наказы касательно управленія духовныхъ дѣлъ, и приказать имъ о всякихъ нужныхъ дѣлахъ писать, и пошлинныя и пенныя деньги высылать къ тебѣ въ С.-Петербургъ, для отсылки въ Новгородъ». Согласно инструкции въ С.-Петербургскомъ краѣ образовано пять округовъ,

1. Золотой крестъ, пожертвованный И. Я. Евреиновымъ при закладкѣ настоящаго Соборнаго Храма, 20 Іюня 1805 г.
2. Изображеніе Св. Апостола Андрея Первозваннаго на слоновой кости. Собственноручной работы Петра I.

«наказовъ»: С.-Петербургскій, Ямбургскій, Выборгскій, Шлиссельбургскій и Котлино-островскій (Кронштадтскій), во главѣ съ «закащиками духовныхъ дѣлъ». На Котлинѣ «заказъ» былъ учрежденъ лишь 22 авг. 1720 г. Первымъ «закащикомъ» былъ упоминавшійся выше свящ. Андреевскаго собора Петръ Ивановъ. По вскорѣ затѣмъ установившейся практикѣ «закащиками духовныхъ дѣлъ» въ Кронштадтѣ всегда были «Андреевскаго собора протопопы».

По должности «закащиковъ» (въ родѣ благочинныхъ на уѣздѣ), протопопы Кронштадтскаго Андреевскаго собора должны были доносить, между прочимъ, высшему духовному началству и о киркахъ инославныхъ исповѣданій.

Занимая вообще почетное и видное мѣсто не только среди прочаго Кронштадтскаго духовенства, но и при сношеніяхъ съ духовными властями, при соприкосновеніяхъ съ властями свѣтскими, протопопы Андреевскаго собора раздѣляли, конечно, ту же участь, которая постигала все православное духовенство того времени. Участь эта обуславливалась измѣненіями, въ извѣстные періоды, общихъ взглядовъ правительства на православную русскую церковь. Такъ при Петрѣ I положеніе православнаго русскаго духовенства было удовлетворительно, ибо Петръ уважалъ православную церковь и ограждалъ ее отъ возможныхъ вредныхъ вліяній со стороны призванныхъ имъ на службу многочисленныхъ иностранцевъ, которымъ онъ хотя и разрѣшилъ имѣть собственное духовенство и строить кирки и костелы, однако поставилъ ихъ (и кирки съ костелами, и цасторовъ съ ксендзами) подъ наблюденіе Св. Синода, такъ что православная церковь была при немъ дѣйствительно господствующею. «И понеже,—какъ говорится въ одной рукописной, вполне достовѣрной исторіи Петра Великаго, понеже въ государствѣ своемъ учредилъ онъ портъ, то не зазила ему совѣсть въ позволеніи чужестраннымъ народамъ свободнаго, по законамъ ихъ, моленія; однако, всякую осторожность употребилъ, дабы не повредился народъ его отсюда ереси». Но совѣтъ инымъ стало положеніе православной церкви послѣ кончины Петра I, когда при русскомъ дворѣ стала постепенно усиливаться нѣмецкая партія, дошедшая наконецъ до полнаго во всемъ владычества, въ лицѣ Бирона и подобныхъ ему временщиковъ и ихъ клевретовъ, давившихъ Россію съ кончины Петра до воцаренія Елисаветы. «Всѣ эти курляндцы, лифляндцы, эстляндцы и разные выходцы изъ нѣмцевъ, укоренившіеся при рус-

скомъ дворѣ, были между собою въ родствѣ, свойствѣ и кумовствѣ, всѣ они высоко держали знамя лютеранства и всѣ нагло выражали презрѣніе къ господствующей православной церкви. А въ это время эти выходцы и составляли правительство, къ которому изъ русскихъ примыкали только тѣ, кто согласился быть слугою, лакеемъ у нѣмцевъ. Понятно, при такомъ составѣ русскаго правительства, положеніе православнаго духовенства въ Петербургѣ, да и во всей Россіи, было невыносимо. Воеводы и губернаторы, не сносаясь съ духовною властью, а иногда и по нерасположенію къ этой власти, хватали священно-и церковно-служителей держали ихъ подъ арестомъ, били, мучили. Возвысить голосъ въ защиту ихъ никто не смѣлъ, иначе и тому грозила тяжкая кара».

«Слѣдую политикѣ, давившей духовенство сверху, и разные мѣстные командиры, военные и свѣтскіе, вмѣшивались въ церковныя дѣла, гдѣ и не слѣдовало, и чинили причтамъ и самымъ церквамъ разныя притѣсненія».

Какъ распоряжались кронштадтскіе коменданты сборами Андреевскаго собора уже было упомянуто. Удивительный примѣръ самоуправства въ церковныхъ дѣлахъ явилъ въ 1734 году, состоявшій въ чинѣ бригадира комендантъ Леонтій Соймоновъ. Въ Кронштадтѣ, со временъ Петра, освящать воду, въ день св. Богоявленія, ходили къ морю изъ Богоявленской церкви. Бригадиръ же Соймоновъ, въ 1734 г., построилъ іордань въ прудѣ и гордо требовалъ, чтобы старый порядокъ оставить, а дѣлали бы теперь по его желанію. Протопопъ Андреевскаго собора, безъ своего начальства, не согласился на такую перемѣну, и Соймоновъ подалъ на него доносъ прямо въ св. Синодъ, минуя духовное правленіе. Въ ноябрѣ 1734 г. тотъ же бригадиръ требовалъ къ себѣ на допросъ, по чужому дѣлу, діакона кронштадтскаго гарнизоннаго полка Андрея Васильева. Діаконъ, боясь придирокъ и знаменитой въ нашихъ лѣтописяхъ прикосновенности къ дѣлу, посовѣтовался съ андреевскимъ протопопомъ на счетъ того, идти ему на допросъ, или нѣтъ. А надобно замѣтить, что, по вопросу, возбужденному св. Синодомъ, императоръ Петръ I, указомъ отъ 15 марта 1721 г., постановилъ: «духовнаго чина людей въ свѣтскія судебныя мѣста, ни по какимъ дѣламъ, кромѣ тяжкихъ государственныхъ, безъ сношенія въ С.-Петербургѣ съ конторою св. Синода, не брать и тѣмъ св. церкви преобиды не чинить». Андреевскій протопопъ лучше коменданта зналъ законы и, разумѣется, далъ

совѣтъ діакону въ смыслѣ Петровскаго указа. Что же сдѣлалъ Соймоновъ? 23 ноября, наканунѣ праздника св. великомученицы Екатерины, протопопа, по отслуженіи имъ вечерни, солдаты арестовали въ соборѣ, привели на гауптвахту и посадили вмѣстѣ съ преступниками. На другой день въ соборѣ слѣдовало сдѣлать поминовеніе о цесаревнѣ Екатеринѣ Іоанновнѣ, а его не было по случаю ареста протоіерея. Поставляя опущеніе поминокъ въ вину протоіерею, Соймоновъ злонамѣренно донесъ о семъ въ Духовное правленіе, зная, какъ за это духовныхъ били плетью въ тогдашнее время. По подобнымъ же извѣтамъ въ то время наказывали плетью, съ лишеніемъ сана не только священниковъ и протопоповъ, но даже и архимандритовъ и епископовъ; такъ были лишены сана и наказаны плетью архимандритъ Воскресенскаго монастыря (Новый Іерусалимъ) Мелхиседекъ Боршовъ—за то, что разъ въ царскій день служилъ въ ризахъ не перваго, а втораго разряда, и воронежскій епископъ Левъ Юрловъ, за опозданіе, вслѣдствіе неполученія своевременно указа, молебствіемъ по случаю восшествія на престолъ Анны Іоанновны. Униженный и обезчещенный Соймоновымъ кронштадтскій протоіерей въ Духовномъ правленіи, правда былъ признанъ не виновнымъ. Но Соймоновъ и не былъ привлеченъ къ отвѣту.

Къ счастью, такое приниженіе православной церкви и духовенства продолжалось сравнительно не долго. Въ ночь съ 24 на 25 ноября 1741 г. совершился государственный переворотъ, низвергнувшій нѣмецкую партію: на престолъ вступила «дщерь Петрова» Елисавета, искренно расположенная ко всему русскому и любившая православную церковь и духовенство. Ея воцареніе, привѣтствовавшееся всей Россіей, какъ «избавленіе отъ хищныхъ совъ и нетопырей, сидѣвшихъ въ гнѣздѣ орла російскаго и мыслившихъ злое государству» сопровождалось повсюду искреннимъ народнымъ ликованіемъ и торжествами. Въ «Андреевскомъ заказѣ города Кронштадта вѣрноподданные выражали радость свою стрѣльбою изъ ружей. Торжественный звонъ по церквамъ продолжался три дня».

Съ воцареніемъ Елисаветы положеніе всего вообще православнаго духовенства значительно улучшилось. Но для причта Кронштадтскаго Андреевскаго собора эта перемѣна къ лучшему совпала съ крупною и печальною перемѣною въ положеніи самого собора. Дѣло въ томъ, что къ началу царствованія Елисаветы первоначальный деревянный соборный Андреевскій

храмъ пришелъ въ ветхость и потому въ 1742 г. разрѣшено было построить, вмѣсто него, новый храмъ. Сооруженіе этого новаго храма не могло осуществиться скоро; первоначальный же храмъ должны были, по обстоятельствамъ, разобрать почти безъ промедленій,—и соборъ, по разборкѣ сего храма, былъ «перенесенъ» въ «пристойную палату одного изъ каменныхъ «губернскихъ» (построенныхъ на губернскія средства) домовъ (вѣроятно, въ зданіе, занимаемое нынѣ гимназіей).

Пребываніе собора въ названной палатѣ предполагалось лишь «временнымъ», впредь до сооруженія новаго соборнаго храма. Но этотъ новый храмъ—нынѣшній соборъ—былъ начатъ постройкой лишь въ 1805 г., а оконченъ въ 1817 г., т. е. чрезъ 74 года послѣ разборки первоначальнаго соборнаго храма. И изъ столь продолжительнаго, почти 75 лѣтняго періода, соборъ пребывалъ въ «пристойной палатѣ» наибольшую часть времени, съ 1743 по 1787 г., т. е. 44 года. Какъ была обстроена и приспособлена эта «пристойная палата» для помѣщенія въ ней собора, неизвѣстно. Но соборъ вполнѣ сохранялъ, во все время пребыванія здѣсь, свое значеніе; и настоятели его попрежнему продолжали состоять «Кронштадтскими закащиками» со всѣми ихъ правами и прерогативами.

Н. Гринякинъ.

(Окончаніе слѣдуетъ).

Бесѣды съ сектантами по экономическому вопросу.

Осенью прошлаго года я дѣлалъ миссіонерскую поѣздку по епархіи. Прибылъ я, между прочимъ, въ одно селеніе, гдѣ проживало семействъ 5—6 сектантовъ шундо-баптистовъ. Православный священникъ, въ приходѣ котораго жили сектанты, радушно пріютилъ меня. Отдохнувъ отъ дороги, я предложилъ батюшкѣ обычный у миссіонеровъ вопросъ:

— Скажите, пожалуйста, какъ себя чувствуютъ здѣшніе сектанты?

Священникъ сказалъ мнѣ:

— Могу сообщить вамъ,—наши сектанты теперь—въ особой фазѣ. Вы думаете, они будутъ толковать съ вами по прежнему о Библии? Вотъ увидите: Библию долой, будутъ толковать теперь о землѣ, о нуждѣ...

Наше дѣло—читать народу св. Библию и звать людей къ добру. Почитаемъ св. Писаніе, побесѣдуемъ...,—попробовалъ отговориться я.

— А вотъ увидите.

Подъ вечеръ, взявъ Библию, я съ батюшкой отправилсь въ домъ одного изъ сектантовъ. Сектанты были предувѣдомлены о моемъ пріѣздѣ, и были въ сборѣ. Мы поздоровались съ собесѣдниками и по приглашенію присѣли къ столу. Скоро домъ наполнился сосѣдями, желавшими послушать бесѣду.

Священникъ прочелъ „Царю Небесный“, мы помолчались. Я началъ:

— Въ нашемъ житейскомъ быту мы, любя другъ друга, подѣляемся хлѣбомъ тѣлеснымъ. Сейчасъ по любви Христовой вкусимъ отъ духовнаго хлѣба, почитаемъ сообща святое Писаніе и, если кто замѣтитъ недостатокъ въ пониманіи другого, подѣлимся нашимъ разумѣніемъ...

Одинъ изъ сектантовъ поднялся и попросилъ слова.

Онъ сказалъ:

— Библія, г. миссіонеръ, есть и у васъ, и у насъ. Мы всегда можемъ почитать ее. Вы, мы считаемъ, человѣкъ ученый и бывали кое-гдѣ. Вы скажите намъ вотъ о чемъ. Почему это ваша церковь и правительство не позаботятся вотъ объ этомъ. У насъ дѣти одѣты въ лохмотья, а у пановъ собака ходитъ съ золотымъ ошейникомъ. Я служилъ и трудился. Ни мнѣ, ни дѣтямъ—ничего. А у того тамъ какой-нибудь дѣдъ или прадѣдъ былъ гдѣ-то и у дѣтей теперь тысячи десятинъ земли. Вы, вотъ, проповѣдуете любовь, а гдѣ она эта любовь-то? Вы намъ бѣднякамъ говорите, вы имъ то бы сказали!

Батюшка оказался правъ.

Сектанта поддержалъ другой собратъ. Слушатели насторожились.

Я всталъ и сказалъ:

— Человѣческая ученость, вы сами должны знать, если она не опирается на слово Божіе,—ничто! Прежде всего, по поводу сказаннаго вами, скажу такъ, какъ говорить намъ священное Писаніе.

Вотъ что сказалъ Господь:

„Не заботьтесь и не говорите „что намъ ѣсть?“ или: „что пить“ или: „во что одѣться?“ потому что всего этого ищутъ язычники и потому что Отецъ вашъ небесный знаетъ, что вы имѣете нужду во всемъ этомъ. Ищите же прежде Царства Божія и правды Его и это все приложится вамъ“ (Матѳ. 6, 31—33).

Не подумайте, ради Христа, бр., что я хочу уклониться отъ отвѣта: видитъ Богъ, нѣтъ! Слова Спасителя, прочитанныя мной, я понимаю такъ. Заботься, прежде всего, о душѣ, о духовныхъ дарахъ, объ исполненіи заповѣдей Божіихъ, о благахъ вѣчной жизни,—ты будешь честенъ, трудолюбивъ, доволенъ необходимымъ и Господь не оставитъ тебя безъ пищи и одежды! Будь человѣкомъ, иди къ Богу и будетъ тебѣ! Ищи Царства Божія ¹⁾ и праведности по силѣ Божіей и остальное приложится тебѣ! Я говорю о насущныхъ хлѣбѣхъ и одеждѣ. Бываетъ иногда, что Богъ временно попускаетъ бѣдность, несчастья въ жизни добраго человѣка (какъ на примѣръ,—изъ жизни Іова). Это исключеніе; здѣсь общій строй жизни не при чемъ.—Общее явленіе въ жизни таково, что добрая въ Богѣ жизнь не бываетъ и ма-

¹⁾ Подъ Царствомъ Божіимъ я разумѣю и разумью не благоустройство земное, какъ цѣль жизни, а Богообщеніе, благо вѣчной жизни. Къ послѣднему (оно цѣль) прилагается по волѣ Божіей и первое.

теріально бѣдной. Истинно сказалъ пророкъ Давидъ: „я былъ молодъ и состарѣлся и не видѣлъ праведника оставленнымъ и потомковъ его просящими хлѣба“ (Псал. 36, 25). Согласно слову Божію каждый человѣкъ долженъ прежде всего искать Царства Божія, и хлѣбъ и одежда приложатся ему и дѣтямъ его.

Крайности сходятся: и тотъ бѣднякъ, который думаетъ улучшить свою жизнь даровымъ и насильно взятымъ добромъ, и тотъ богачъ, который умножаетъ добро свое безъ пользы для ближнихъ, утѣняетъ бѣднаго, оба уповаютъ на хлѣбъ, оба въ этомъ грѣшатъ предъ Богомъ. По Писанію, и богатый, надѣющійся на богатство свое и не подѣляющійся имъ съ ближнимъ, идетъ къ гибели; если онъ хочетъ быть совершеннымъ, онъ долженъ подѣляться добромъ съ бѣдными; трудно ему быть праведнымъ (но возможно: такъ, Иосифъ изъ Аримаѳен былъ богатымъ—ср. Луки 19, 8. 1 Тим. 6, 17). Богатство большей частью далеко отъ праведности, но все же и оно связано съ трудомъ: при роскоши и ничегонедѣланіи и богатому трудно удержать свое богатство¹⁾.

Скажу вамъ то, что я видѣлъ при своихъ поѣздкахъ—по области.

Безработицы, т. е. нужды при трудѣ я не видѣлъ. А то приходилось видѣть: рабочіе руки нужны, а работниковъ нѣтъ и не потому, что это невыгодно. Видѣлъ я, какъ въ трактирѣ рабочіе, осуждая богачей за напрасныя траты, тутъ же безъ нужды перебили непринлежащую имъ посуду. Видѣлъ много такихъ, которые суетятся, ничего не дѣлая и не желая дѣлать... Вы упомянули о панахъ. О тѣхъ родовитыхъ панахъ (барахъ), которые были, осталась одна память. Дѣти праздно жившихъ отцовъ обѣднѣли, прожились. Я былъ не разъ въ земляхъ донского коннозаводства,—въ Сальскомъ округѣ. Тамъ первые годы моей службы земля отдавалась 7—9 копѣекъ за десятину; арендаторы должны были поставлять нѣкоторое количество лошадей казнѣ, не за такъ, а за приличную плату; кромѣ того, часть земли они могли распахать и могли имѣть рогатый скотъ. Первый разъ, когда я узналъ объ этомъ, удивился. Въ Россіи земля арендуется 10—15 р. и люди живутъ и бываютъ довольны. Казалось, жить бы коннозаводчикамъ и богатѣть. А многіе проживались! И на земляхъ донского коннозаводства и на панскихъ усадьбахъ теперъ кто сидитъ? Простые люди и ваши братья, крестьяне. Вы это сами хорошо знаете.

¹⁾ Праздно живущій капиталистъ естественно чрезъ нѣсколько поколѣній вырождается и неизбежно пополняетъ ряды пролетаріата.

Сектанты и слушатели подтвердили, что на бывших панских землях сидятъ большей частію крестьяне.

— Вамъ кажется, что я не проповѣдую богатымъ. Могу засвидѣтельствовать, что проповѣдую и имъ одинаково. Пастыри и миссіонеры православной церкви всюду и всѣмъ проповѣдуютъ любовь и милосердіе. И людей нестяжательныхъ, живущихъ во славу Бога для ближнихъ, не мало въ нашей церкви. Правда, не всѣ послушны проповѣди о любви. Такъ было и при Христѣ и Апостолахъ. Господь создалъ людей свободными.

— Вы считаете себя евангельскими христіанами. У васъ есть богачи?

— Есть...

— Я сказалъ вамъ, что говоритъ Писаніе и что я видѣлъ. Скажите вы: по вашему какъ нужно устроить жизнь?

Сектанты отвѣтили:

— Не знаемъ.

— Повѣрьте, бр., что насильственное отнятіе имуществъ другъ у друга, о чемъ говорятъ нѣкоторые, не приведетъ къ добру. Безъ бунта, крови, обидъ эта затѣя не пройдетъ. А изъ посѣяннаго тернія никогда не вырастетъ пшеница,—будетъ всегда терніе. Насиліе однихъ надъ другими въ дѣлежѣ имѣній поведетъ только къ безконечной междуусобной войнѣ. Лѣнныя и безпечныя будутъ требовать постояннаго передѣла, сильные богатствомъ—бороться за свои права.

Въ 4 главѣ евангелія отъ Матѳея разсказывается, какъ сатана искушалъ Господа.—Если Ты—Сынъ Божій, говорилъ онъ Христу, скажи, чтобы камни эти сдѣлались хлѣбамн.—Одинъ русскій писатель ¹⁾ толкуетъ это мѣсто приблизительно такъ: Ты идешь проповѣдывать голоднымъ, нищимъ, впередъ дай имъ хлѣба, накорми ихъ! Господь отвергъ предложеніе діавола. Если бы Господь послушалъ его совѣта, Онъ воспиталъ бы не людей, а стадо звѣрей. Онъ обличалъ въ послѣдствіи тѣхъ, которые ходили за Нимъ потому, что „ѣли хлѣбы и насытились“. Животные, пьяные и сумасшедшіе бросаются на пищу, у нихъ молчитъ умъ. Живой умъ не будетъ безъ пищи. Такъ, человѣкъ, когда вѣритъ, что отъ хлѣба—все, опускается до животнаго, ищетъ дароваго хлѣба—и не удовлетворится, не найдетъ его! когда человѣкъ живетъ по Божьи, хлѣбъ приложится ему въ его трудъ и благочестіи.

¹⁾ Достоевскій, Бр. Карамазовы (гл. «Вел. инквизиторъ»).

Бываютъ я въ слободахъ, станицахъ, въ городахъ, на рудникахъ и—могу повторить слова пророка Давида—не видѣть я честно трудящагося и оставленнаго безъ крова и пищи.

Братья! Будемъ стремиться къ Царству Божію, жить словомъ Господнимъ, по заповѣдямъ Его, не завидуя и не желая чужого,—слова Господни вѣрны!—что намъ нужно, приложится намъ.

„Имѣя пропитаніе и одежду, будемъ довольны тѣмъ“ (1 Тим. 6, 8).

Батюшка прочелъ „Отче Нашъ“ и послѣ молитвы бесѣда окончилась. Мы радушно простились со слушателями и собесѣдниками. Возможно (предполагаю по опыту), что сектанты хотѣли поиспытать насъ. Совершающееся въ сердцѣ ближняго сокрыто отъ человѣка. Но, насколько можно было замѣтить совнѣ, видимо, евангельскій взглядъ на экономику принять быль слушателями бесѣды. Правда, что богатства однихъ являются соблазномъ для другихъ. Неоспоримо, что этотъ соблазнъ и социальныя неудобства, создаваемые т. н. капитализмомъ, могутъ быть устранимы ни чѣмъ инымъ, какъ только евангельскимъ, церковнымъ воспитаніемъ.

Атмосфера настоящаго времени по причинѣ перемѣнъ въ ходѣ внутренней отечественной политики и, видимо, продолжающейся ея неустойчивости, можно сказать, настолько пропитана ея темами (при пропагандѣ различными политическими партіями—черезъ чтенія и брошюры—своихъ проектовъ), что чуть ли не каждому приходится составлять сужденіе о предметѣ и высказываться. Наиболѣе острое, для многихъ соблазнительное и, повидимому, простое рѣшеніе вопроса объ экономическомъ благоустройствѣ общества путемъ политическихъ реформъ предлагается, какъ извѣстно, въ социализмѣ. Считаю необходимымъ, хотя бы въ формѣ послѣсловія къ описанію вышеприведенной бесѣды,—высказаться нѣсколько опредѣленнѣе—предъ читателями журнала—по поводу той точки зрѣнія на социалистическія теоріи, которую я разумѣлъ въ бесѣдѣ.

Общее мировоззрѣніе партіи эсъ-эръ и эсъ-дэ представляется мнѣ въ такомъ видѣ.

Жизнь движется и управляется экономическимъ началомъ, стремленіемъ къ удовлетворенію потребностей путемъ тѣхъ, или иныхъ матеріальныхъ средствъ. На зарѣ исторіи, когда формой общественной жизни была семья, было равенство въ

трудъ и потребленіи его продуктовъ. При дальнѣйшемъ развитіи общественной жизни появилось товарное производство, обмѣнъ, деньги и специализація труда. Моментъ, когда одинъ изъ членовъ первобытной коммуны протянулъ руку для усвоенія матеріала, средствъ производства и прибавочной стоимости труда другихъ былъ первымъ капиталистическимъ грѣхопадениемъ. Явились крупные землевладѣльцы. Ремесла вызвали конкуренцію. Образовались богачи и бѣднота. Появленіе машинъ ускорило процессъ роста экономического неравенства: фабричное производство вытѣснило ремесла и ограничило право собственности на орудія производства кругомъ капиталистовъ (нѣчто подобное произошло и въ области сельскаго хозяйства). Человѣчество раздѣлилось на немногихъ капиталистовъ и миллионы пролетаріевъ. Ростъ капитализма идетъ параллельно росту пролетаріата, причемъ число капиталистовъ сокращается конкуренціей. Матеріалистическое начало, управляющее исторіей, развивается не однообразно, а діалектически. Настанетъ пора, когда движимые экономической нуждой (сознаніе опредѣляется бытіемъ) „пролетаріи всѣхъ странъ соединятся“ и экспроприруютъ находящіяся въ рукахъ капитала средства производства. Тогда будетъ равноправная міровая коммуна, тогда уничтожится капитализмъ, несправедливая эксплуатація чужого труда, тогда люди будутъ жить въ лучшихъ экономическихъ условіяхъ и освобожденное отъ дѣмона нужды человѣчество будетъ свободно прогрессировать въ области эстетики, науки, философіи...

Такова—вкратцѣ—общая теорія социализма (съ философской стороны діалектическаго матеріализма).

Теорія эта ложна: ея философское основаніе и конечные выводы не соотвѣтствуютъ дѣйствительности и логикѣ (представляемую въ ней картину развитія политико-экономическихъ отношеній можно считать вѣрной, поскольку эта картина взята изъ исторіи).

Теорія предполагаетъ, что движеніе и уровень жизни зависятъ отъ экономическихъ условій. Этому предположенію противорѣчитъ тотъ фактъ, что классъ капиталистовъ по уровню во всѣхъ отношеніяхъ (физическомъ, умственномъ и нравственномъ), если не ниже, то во всякомъ случаѣ не выше класса менѣе обеспеченныхъ и бѣдняковъ. Въ томъ, что ростъ капитализма, развиваясь, придетъ къ самоуничтоженію, предполагается діалектическое развитіе экономики. Предположимъ, что человѣкъ развиваетъ только одну группу мускуловъ, получается ихъ

переразвитіе (гипертрофія), ослабляется организмъ и чрезъ то слабѣетъ въ концѣ концовъ и развиваемый органъ. Весь діалектизмъ здѣсь въ односторонности. Въ ней (а не въ „капиталистическомъ строѣ“, который самъ есть ея слѣдствіе, выраженіе) лежитъ причина атактистическихъ явленій въ семьяхъ богачей и прогоранія отдѣльныхъ капиталовъ. Не о хлѣбѣ единомъ живъ будетъ человѣкъ.

Говорятъ: сознаніе управляется бытіемъ. Рѣчи на митингахъ, брошюры, прокламаціи, идущія отъ обезпеченной среды, свидѣтельствуютъ, что и говорящіе это хотятъ перестроить бытіе путемъ измѣненій сознанія. И бытіе измѣняется сознаніемъ.

Выводъ изъ исторіи, дѣлаемый социализмомъ, можно съ успѣхомъ занести въ учебникъ логики, какъ примѣръ на *quaternio terminorum*; капитализмъ исторически росъ, слѣдовательно будетъ равенство...

Главная ошибка теоріи въ выводѣ заключается въ слѣдующемъ.

Стимуломъ къ экспропріаціи капитала, коллективному строю производства и потребленія—въ социализмѣ—является экономическая необходимость, т. е. личная экономическая выгода при правовомъ союзѣ социальныхъ единицъ: социалисты не братья, а товарищи, пайщики (въ проектируемомъ общественномъ строѣ). Члены „коммуны будущаго“ не жертвуютъ собой, а хотятъ получить слѣдуемое—по ихъ мнѣнію—каждому. Логически вытекаетъ: пролетарій будетъ добиваться положенія члена коммуны, но достиженіе этой цѣли никоимъ образомъ не исключаетъ для него желанія и возможности пробиться сверхъ общаго строя въ экономическомъ отношеніи и начать новую эру капиталистической борьбы.

Современные факты говорятъ, что капиталистъ и пролетарій—изъ одной среды и ихъ роли мѣняются. Кромѣ того, характерно то, что—два врага—капиталистъ и социалистъ въ сущности—люди одной и той же вѣры: богъ того и другого—экономическія блага; разница—та, что одинъ хочетъ ихъ сохранить, другой экспропріировать.

Истоится ли почва эксплуатаціи массъ капиталомъ? Въ предѣлахъ социалистической теоріи нѣтъ твердыхъ данныхъ къ утвердительному отвѣту на этотъ вопросъ.

Кратко: изъ основъ социалистическихъ теорій прямой выводъ тотъ, что въ области экономки и права силы можетъ быть

только безконечная животная борьба за экономически выгодное существованіе.

Для достиженія общественнаго блага во всѣхъ отношеніяхъ нужно, чтобы убѣжденіе въ его необходимости было внутреннимъ, живымъ началомъ въ людяхъ, чтобы союзъ ихъ былъ не только товариществомъ, а братствомъ до самопожертвованія ¹⁾—любовью, которая не исчерпывается экономическими и эгоистическими интересами. Безпристрастная исторія вѣрно свидѣтельствуешь, что въ первобытной коммуны было экономическое равенство: тогда была любовь. Преслѣдованіе животно-экономическихъ цѣлей естественно дало исторію социальныхъ золъ, экономического неравенства и его слѣдствій. Будущія равенство и свобода—возможны только при общемъ искреннемъ братствѣ, въ царствѣ любви, проповѣданной «словомъ, исходящимъ изъ устъ Божіихъ», любви, которую принесъ въ міръ Христосъ и которую исповѣдуетъ Его св. церковь.

Эту послѣднюю истину—согласно евангелію—я старался, какъ могъ, утвердить въ сердцахъ сектантовъ и слушателей на вышензложенной бесѣдѣ.

Д. Граціанскій.

¹⁾ Нѣкоторые социалисты вскользь упоминають объ этомъ, но это упоминаніе не имѣеть никакихъ логическихъ точекъ соприкосновенія съ общими началами теоріи.

Методическія указанія къ веденію противосект . бесѣды о Церкви Христовой ¹⁾).

Выясняя понятіе о церкви Христовой, миссіонеръ долженъ считаться и съ господствующими въ народѣ недоразумѣніями и заблужденіями на этотъ предметъ. Не вскрыть ихъ, обойти ихъ, удовлетвориться только положительнымъ выясненіемъ подлиннаго, основаннаго на текстѣ Св. Писанія содержанія понятія Церкви Христовой, это значитъ сдѣлать дѣло даже меньше, чѣмъ на половину. Миссіонеръ долженъ помнить, что господствующія, укоренившіяся воззрѣнія сильнѣе, чѣмъ слово проповѣдника. Предъ лицомъ проповѣдуемой имъ истины они не исчезнутъ яко исчезаетъ дымъ. Онъ долженъ взять на себя трудъ нарочитаго выясненія всѣхъ недоумѣній и заблужденій, которыя существуютъ въ народѣ относительно самаго понятія Церкви Христовой.

Главныхъ заблужденій здѣсь два. Одно, что Церковь Христова это храмъ, другое, что въ Церкви Христовой значеніе имѣетъ только духовенство. Эти укоренившіяся въ народѣ неправильныя воззрѣнія на Церковь Христову даютъ большое основаніе сектантамъ отвергать эти воззрѣнія, причемъ они отвергаютъ ихъ не какъ народныя заблужденія, а какъ православное ученіе.

Мы видѣли, что библейское употребленіе слова церковь на славянскомъ языкѣ, дѣйствительно, даетъ основаніе сектантамъ полагать, что православные считаютъ Церковь Христовою храмъ, зданіе. Миссіонеръ долженъ выяснитъ это недоразумѣніе и разъяснитъ, что такое, въ дѣйствительности, православное ученіе разумѣетъ подъ словомъ церковь. Но въ тоже время миссіонеръ долженъ дать объясненіе и оправданіе тому, почему православные христіане называютъ Церковь Христовою храмъ

¹⁾ См. „Миссіонер. Обзор.“ № 5

или зданіе. Съ большимъ удобствомъ миссіонеръ можетъ употребить слѣдующія два объясненія.

Онъ можетъ указать, что въ Св. Писаніи часто однимъ и тѣмъ же словомъ обозначаются два разныхъ понятія, двѣ совершенно различныя вещи: напр.: крещеніе, какъ простое омовеніе (на славянскомъ языкѣ: крещеніе чваномъ Мрк. 7, 8, Лук. 38) крещеніе, какъ знакъ покаянія и возрожденія (крещеніе Иоанново и Христово) и крещеніе, какъ страданіе Христово (Мѳ. 20, 22). Чаша, какъ сосудъ (Мр. 7, 4) и чаша, какъ страданіе (Мѳ. 20, 22 и 26. 39). Лукъ, какъ оружіе (Пс. 43, 7) и лукъ, какъ овощъ (Числ. 11, 5). Точно также и слово Церковь можетъ обозначать собою два совершенно различныхъ понятія: и собраніе христіанъ, какъ «тѣло Христово», и храмъ, какъ зданіе для молитвы. Это то, что на ученomъ языкѣ называется омонимъ—одно названіе для двухъ предметовъ.

Но есть и другое основаніе, почему словомъ Церковь на славянскомъ языкѣ называется храмъ. Храмъ есть домъ Божій, домъ Господень. А Церковь Христова, какъ собраніе вѣрующихъ, въ Св. Писаніи называется домомъ Божиимъ. Апостолъ Павелъ пишетъ Тимошею: «чтобы ты зналъ, какъ должно поступать въ домѣ Божіемъ, который есть церковь Бога живаго (1 Тим. 3, 15). Тоже и у Апостола Петра (1, 4, 17). Конечно домъ Божій, домъ Господень есть только, какъ мы видѣли, образъ Церкви Христовой. Но обратное употребленіе слова церковь, для обозначенія храма, какъ зданія для молитвы, нисколько не противорѣчитъ не только священному языку Писанія, но и обыкновенному языку человѣческому. Когда православные христіане называютъ Церковью—храмъ какъ зданіе, они нисколько не заблуждаются и не отвергаютъ Церкви, какъ собранія принадлежащихъ къ Церкви Христовой христіанъ, Церкви, какъ живого «тѣла Христова». Вѣдь храмъ—не обыкновенное зданіе. У христіанъ онъ даже не-просто домъ молитвы, молитвенный домъ. Онъ образъ, символъ Церкви, потому живая Церковь, тѣло Христово, входитъ въ храмъ для своего церковнаго дѣла. Стѣны храма содержатъ въ себѣ, какъ бы обнимаютъ собою живое тѣло Христа. Вполнѣ понятно, поэтому, что христіане имѣютъ полное основаніе, въ виду такого высокаго значенія храма, наименовать его Церковью Христовою. Здѣсь употребляется то, что на ученomъ языкѣ называется синекдоха, когда содержащее употребляется вмѣсто содержимаго. Такъ словомъ школа обозначается зданіе, гдѣ

учится школа, какъ собраніе учениковъ, словомъ волость обозначается зданіе, гдѣ рѣшаются дѣла жителей цѣлой волости, какъ собранія нѣсколькихъ селъ и деревень и т. п.

Указанная нами неясность въ пониманіи слова **церковь**, неясность, замѣчаемая въ мышленіи и словоупотребленіи православныхъ простолюдиновъ и подчеркиваемая сектантами, носитъ характеръ чисто формальнаго заблужденія. Изъ того, что церковью Христовою именуется храмъ, догматъ Церкви, какъ живого тѣла Христова, отнюдь не нарушается, хотя, можетъ быть, и затемняется въ христіанскомъ сознаніи. Другое заблужденіе касается догмата по существу.

Благодаря чисто внѣшнимъ обстоятельствамъ церковной жизни на Руси, у насъ образовалось сословіе духовенства или духовное сословіе, не въ томъ только смыслѣ, что это собраніе занимающихся однимъ дѣломъ лицъ, а въ томъ, что эти лица уже по своему рожденію обречены на это дѣло. Духовенство обособилось въ русской жизни какъ каста. Это не могло не повліять и на религіозное сознаніе народа, и въ народѣ стали смотрѣть на духовенство, какъ на лицъ, воплощающихъ въ себѣ всю жизнь Церкви. Спросите у обыкновеннаго простолюдина: что такое **церковь**? Если онъ не скажетъ: «**Церковь**? а вотъ Успенья Божіей Матери, или Зачатіевская (т. е. храмъ въ память Успенія Божіей Матери, или Зачатія св. Анны)», то скажетъ непременно: «**церковь**?—а это попы, духовенство то исть». И въ самомъ дѣлѣ, какъ народъ могъ иначе смотрѣть на **Церковь**, когда цѣлые вѣка всякое, даже малѣйшее проявленіе жизни церковной совершалось клиромъ, а не «людіями». Мы уже не говоримъ о чтеніи и пѣніи въ церквахъ и при самомалѣйшихъ требахъ, но даже обязанность помыть полъ въ церкви, возжечь свѣчи и кадило и ударить въ колоколъ—благовѣсть было «правомъ» духовнаго лица, хотя бы такимъ лицомъ и былъ скромный пономарь. Если къ этому присоединить, что право служить въ церкви соединялось съ правами рожденія, то неудивительно, что простолюдинъ, въ отвѣтъ на вопросъ: что такое **Церковь**, отвѣчаетъ: попы!

Миссіонеръ непременно долженъ разъяснить это печальное, извращающее догматъ Церкви Христовой заблужденіе. Онъ долженъ выяснитъ, что **Церковь Христова** требуетъ дѣятельнаго участія въ своей жизни всѣхъ принадлежащихъ къ Ней христіанъ, что **Церковь** возлагаетъ на духовенство особыя обязанности служенія, но отнюдь не лишаетъ никого изъ христі-

анъ своей доли участія въ жизни церковной. Правами въ Церкви духовенство должно пользоваться не по рожденію и даже не по воспитанію и образованію; а по призванію на дѣло служенія. Призваніе это право Церкви, т. е. всѣхъ христіанъ, хотя и осуществляется епископомъ. Миссіонеръ не долженъ стѣсняться и со всею рѣшительностью долженъ заявить себя сторонникомъ возрожденія приходской жизни. Онъ долженъ указать, что жизнь Церкви не есть дѣло одного лишь духовенства, что Слово Божіе призываетъ всѣхъ христіанъ къ живому участію въ благодатной жизни Церкви. «Приступая ко Иисусу Христу, говоритъ св. Апостоль Петръ, — камню живому, чело-вѣками отверженному, но Богомъ избранному, драгоценному, и сами, какъ живые камни, устрояйте изъ себя домъ духовный, священство святое, чтобы приносить духовныя жертвы, благопріятныя Богу Иисусомъ Христомъ...

...Вы родъ избранный, царственное священство, народъ свя-тый, люди, взятые въ удѣлъ, дабы возвѣщать совершенства Призвавшаго васъ изъ тьмы въ чудный Свой свѣтъ» (1 Петр. 2, 4. 5. 9) Духовенство зовется «удѣломъ Божіимъ», клиромъ не потому, что оно одно есть родъ избранный, а потому, что вся Церковь, этотъ родъ избранный и царственное священство, возложила на него дѣло служенія Церкви, а не обладанія Ею, какъ учить насъ тотъ же Апостоль (5, 3). Только вся Церковь, все тѣло Христово есть «столпъ и утвержденіе истины», а не одно духовенство, по ученію Апостола Павла (1 Тим. 3, 15). Только при живомъ участіи всѣхъ, принадлежащихъ къ Церкви христіанъ, возрастаетъ Церковь Христова какъ живое тѣло Христа, соединяющее въ Себѣ всѣхъ христіанъ. Для «дѣла этого служенія, къ совершенію святыхъ, для созданія тѣла Христова Господь и поставилъ однихъ апостолами, другихъ пророками, иныхъ пастырями и учителями, доколѣ всѣ придемъ въ единство вѣры и познанія Сына Божія, въ мужа совершеннаго, въ мѣру полнаго возраста Христова, дабы христіане «истинною любовью все возвращали въ Того, Который есть глава, Христось, изъ Котораго все тѣло, составленное и совокупаемое посредствомъ всякихъ, взаимно скрѣпляющихъ связей, при дѣйствіи въ свою мѣру каждаго члена, получаетъ приращеніе для созиданія самого себя въ любви». Такъ учить св. апостоль Павелъ (Еф. 4, 11—16) объ истинной жизни Церкви Христовой и самодѣятельномъ живомъ участіи въ «свою мѣру» каждаго отдѣльнаго члена Церкви въ жизни Ея.

Но если въ вѣроучительную задачу миссіонера входитъ выяснить истинное понятіе о Церкви Христовой и разсѣять укоренившіяся издавна среди православныхъ заблужденія относительно этого догмата, то непремѣнно его обязанностию должно стать и опроверженіе тѣхъ чисто протестантскихъ заблужденій о догматѣ Церкви, которыя проникаютъ въ сознаніе христіанъ при все болѣе и болѣе развивающемся просвѣщеніи, даже и безъ прямыхъ выступленій сектантскихъ. Эти заблужденія сводятся къ отрицанію существеннаго значенія въ Церкви Христовой священноначалія или іерархіи. Мысль образованнаго человѣка естественно склоняется къ тому, что въ основѣ своей заключаетъ очевидный фактъ, а не какое-то принимаемое вѣрою таинство. Образованные люди склонны допустить въ Церкви Христовой различныя служенія богослужебнаго, учительнаго и управительнаго характера, но думаютъ, что право на занятіе въ Церкви Христовой должностей этого служенія имѣютъ личныя способности каждаго человѣка сами по себѣ, а не чрезъ таинство святительскаго рукоположенія. Сравнительно съ другими членами Церкви большая образованность въ знаніяхъ вѣры, болѣе зрѣлый возрастъ и большая способность вести дѣло церковное, вотъ и достаточно, чтобы быть въ Церкви священнослужителемъ, наставникомъ и управителемъ. Такое воззрѣніе ведетъ къ отрицанію правъ и дара священства, - получаемого священнослужителями въ таинствѣ священства. Подъ это распространяющееся съ развитіемъ образованія рационалистическое воззрѣніе сектанты только подставляютъ тексты о всесвященствѣ христіанъ.

Они указываютъ на уже не разъ приводимый нами текстъ изъ перваго посланія Апостола Петра: «сами, какъ живые камни, устрояйте изъ себя домъ духовный, священство святое, чтобы приносить духовныя жертвы Богу. Вы родъ избранный, царственное священство, народъ святой, люди, взятые въ удѣлъ, чтобы возвѣщать совершенства Призвавшаго васъ» (2, 5. 9). Приводя этотъ текстъ, сектанты указываютъ, что право священнослуженія и проповѣди (приносить жертвы и возвѣщать совершенства Божіи) принадлежитъ равно всѣмъ христіанамъ. Кромѣ того, говорятъ они, Господь «содѣлалъ всѣхъ христіанъ священниками Богу и Отцу Своему» какъ говоритъ Апостоль Іоаннъ въ Откровеніи (1. 6; 5, 10). Тоже пророчественно говорится и въ Ветхомъ Заветѣ: «будете Моимъ удѣломъ, будете у Меня царствомъ священниковъ и народомъ святымъ» (Исх. 19, 5. 6).

Какъ же нужно понимать эти слова Св. Писанія о всесвященствѣ христіанъ? Такъ-ли, что всѣ христіане имѣють права и даръ священства, и особыхъ священниковъ, нарочитую благодать Божію получающихъ на свое служеніе, не нужно? Или только въ томъ смыслѣ, что каждый христіанинъ долженъ принимать живое, самодѣятельное участіе въ жизни церковной, но благодать Божія въ Церкви подается все же рукою и молитвами нарочитыхъ священниковъ?

Слова о всесвященствѣ сказаны впервые Богомъ по отношенію къ народу Израильскому, а не пророчественно, какъ думаютъ сектанты, по отношенію къ христіанамъ. «Если будете слушаться гласа Моего,—говорилъ Господь народу Израильскому,—то будете Моимъ удѣломъ изъ всѣхъ народовъ и будете у Меня царствомъ священниковъ и народомъ святымъ» (Исх. 19, 5. 6). Но вслѣдъ за этимъ обѣтованіемъ всесвященства для всего народа Израильскаго, Богъ повелѣваетъ Моисею посвятить Аарона и его сыновей на особое священническое служеніе въ народѣ Израильскомъ. «Возьми къ себѣ Аарона,—сказалъ Господь Моисею,—и сыновей его съ нимъ, чтобы онъ былъ священникомъ Мнѣ» (Исх. 28, 1)... «Вотъ что долженъ ты совершить надъ ними, чтобы посвятить ихъ во священники Мнѣ...» (Исх. 29, 1). «И освящу скинію собранія и жертвенникъ, и Аарона и сыновъ его освящу, чтобы они священнодѣйствовали Мнѣ. И буду обитать среди сыновъ Израилевыхъ и буду ихъ Богомъ» (Исх. 29, 44. 45). И когда нашлись среди народа Израильскаго люди, Корей, Даанъ и Авиронъ, которые стали возставать противъ особаго, нарочитаго священства Аарона и сыновей его, говоря: «полно вамъ, все общество, всѣ святы, и среди ихъ Господь! Почему вы ставите себя выше народа Господня?»—Господь разгнѣвался на такихъ людей и страшно наказалъ ихъ (Числ. 16 гл.). Отсюда видно, что слова Божіи о всесвященствѣ народа Израильскаго нужно понимать въ томъ смыслѣ, что весь народъ освященъ Богомъ, а не въ томъ, что каждый Израильтянинъ могъ самъ быть для себя священникомъ.

Такъ точно нужно понимать о всесвященствѣ христіанъ и слова Св. Писанія Новаго Завѣта. Когда св. апостоль Петръ наставляетъ христіанъ устроить изъ себя священство святое, то этимъ онъ отнюдь не указываетъ, что каждый христіанинъ самъ для себя долженъ быть священникомъ. Нѣтъ! Каждый христіанинъ, по мѣрѣ своихъ силъ, долженъ принимать само-

дѣятельное участіе въ освященіи себя благодатію Божіею, но въ Церкви Христовой существуютъ пастыри, которые пасутъ это Божіе стадо и надзираютъ за наслѣдіемъ Божіимъ. Апостоль Петръ даетъ этимъ пастырямъ наставленіе, какъ проходить свое служеніе. «Пастырей вашихъ умоляю я, сопастырь и свидѣтель страданій Христовыхъ,—писалъ онъ въ томъ же самомъ посланіи, гдѣ писалъ и о всесвященствѣ христіанъ,—пасите Божіе стадо, какое у васъ, надзирая за нимъ не принужденно, но охотно и богоугодно, не для гнусной корысти, но изъ усердія, не господствуя надъ наслѣдіемъ Божіимъ, но подавая примѣръ стаду; и когда явится Пастыреначальникъ, вы получите неувядающій вѣнецъ славы» (5, 1—4). Если бы каждый христіанинъ самъ для себя былъ священникомъ, то зачѣмъ бы нужно было христіанамъ еще особое пастырство, и зачѣмъ Апостоль Петръ и, особенно, Апостоль Павелъ писали свои наставленія пастырямъ? Апостоль Павелъ написалъ три нарочитыхъ пастырскихъ посланій: два къ Тимоѳею и одно къ Титу.

Слова Откровенія Іоанна о всесвященствѣ христіанъ также нельзя понимать въ смыслѣ излишества въ Церкви Христовой особаго священническаго служенія. Апостоль говоритъ: «возлюбившему насъ, и омывшему насъ Кровію Своею, и содѣлавшему насъ царями и священниками Богу и Отцу Своему, слава и держава во вѣки вѣковъ. Аминь...» (1, 5, 6); Христосъ «содѣлалъ насъ царями и священниками Богу нашему; и мы будемъ царствовать на землѣ» (5, 10). Если бы эти слова Откровенія понимать буквально и указываемыя Апостоломъ священническое и царское достоинства относить лично къ каждому христіанину именно въ томъ смыслѣ, что каждый христіанинъ есть и священникъ, и царь, то получилась бы нелѣпость. Цари и священники бывають тамъ, гдѣ есть еще и люди, надъ которыми они могутъ царствовать и которыхъ они могутъ освящать. Но если христіане всѣ являютъ собою лично и царей и священниковъ, то кто же будетъ представлять собою людей, надъ которыми они будутъ царствовать и священствовать? Не надъ язычниками же и іудеями всѣ христіане лично и царствуютъ и священствуютъ?! Нужно вчитаться въ слова Откровенія и тогда ясенъ будетъ смыслъ ихъ. Иисусъ Христосъ всѣхъ христіанъ содѣлалъ царями и священниками не по отношенію къ другимъ людямъ, а «Богу и Отцу Своему, Богу нашему», т. е. христіане стали у Бога, заслугами Иисуса

Христа, въ такой чести, какъ цари и священники. Царство христіанъ на землѣ въ смыслѣ господства и обладанія землею дѣло будущее и слова объ этомъ царствѣ—слова пророческія.

Особое священническое служеніе духовенства въ Церкви Христовой нисколько не умаляетъ мысли о всесвященствѣ христіанъ и нисколько не отклоняетъ обязанности каждаго христіанина принимать самодѣятельное участіе въ жизни церковной. Каждый христіанинъ долженъ жить и дѣйствовать въ Церкви въ мѣру своихъ силъ и своего дара. Апостоль Павелъ слѣдующимъ образомъ изъясняетъ это общее всѣхъ христіанъ участіе въ жизни Церкви при сохраненіи особаго священническаго, пастырскаго и учительскаго служенія за отдѣльными лицами. «Дары (въ Церкви) различны,—говоритъ онъ,—а Духъ одинъ и тотъ же; и дѣйствія различны, а Богъ одинъ и тотъ же, производящій все во всѣхъ. Но каждому дается проявленіе Духа на пользу. Одному дается Духомъ слово мудрости, другому—слово знанія, тѣмъ же Духомъ; иному—дары исцѣленій тѣмъ же Духомъ; иному—чудотворенія, иному—пророчество, иному различеніе духовъ, иному разные языки, иному истолкованіе языковъ. Все же сіе производитъ одинъ и тотъ же Духъ, раздѣляя каждому особо, какъ Ему угодно... И иныхъ Богъ поставилъ въ Церкви во первыхъ апостолами, во вторыхъ пророками, въ третьихъ учителями; далѣе инымъ далъ силы чудодѣйственныя, также дары исцѣленій, вспоможенія, управленія, разные языки. Всѣ-ли апостолы? всѣ-ли пророки? всѣ-ли учителя? всѣ-ли чудотворицы? всѣ-ли имѣютъ дары исцѣленій? всѣ-ли говорятъ языками? всѣ-ли истолкователи? (1 Кор. 12, 4—11; 28—30). Очевидно, что и священниками въ собственномъ смыслѣ въ Церкви Христовой не могутъ быть всѣ, а лишь тѣ, кто имѣетъ этотъ даръ и право.

Миссіонеръ не долженъ остановиться, впрочемъ, на этой мысли и на этомъ доказательствѣ. Разъясняя слушателямъ понятіе Церкви Христовой и отвѣчая на всѣ возможные недоумѣнія и возраженія относительно православнаго ученія объ этомъ догматѣ и осуществленія его въ жизни православной Церкви, миссіонеръ долженъ выяснитъ, что жизнь неправильно сѣзуила понятіе Церкви Христовой. Теперь церковной жизнью считается только то, что въ храмѣ и на домахъ совершается духовенствомъ. Всевозможныя службы Божіи и требы, отправляемыя духовенствомъ,—это жизнь Церкви, а то, что совершается православными христіанами внѣ храма и помимо ду-

ховенства, то не жизнь Церкви. Отсюда и произошло отождествленіе Церкви Христовой съ храмомъ и духовенствомъ.

Въ Апостольское время и въ вѣкъ широкаго развитія Церкви Христовой, въ вѣкъ Вселенскихъ соборовъ, было не такъ. Церковь Христова обнимала собою всю человѣческую жизнь христіанина во всѣхъ ея проявленіяхъ, не ограничиваясь тѣмъ, что теперь называется церковными требами. Все въ жизни христіанина требовало освященія. Для всего необходимо было дарованіе, даръ, благодать св. Духа. Отсюда многообразность церковнаго служенія. То, что теперь считается свѣтскими, мірскими занятіями, то прежде было церковнымъ въ такой точно степени, какъ служеніе въ храмѣ. Всѣ виды человѣческой «мудрости», ученость и способность учительства (слово знанія), врачество (даръ исцѣленій), сила побѣждать естество (чудотворенія), предвѣдѣніе (пророчество), способность понимать человѣка и всѣ вопросы жизни (различеніе духовъ) языкознаніе (разные языки и истолкованіе языковъ), дѣятельность благотворительная (вспоможенія) и административная (управленія), все это было въ Церкви Христовой, а не внѣ Ея, какъ теперь. Каждый христіанинъ, поэтому, находилъ въ Церкви свое дѣло, прилагалъ свой даръ и дарованіе и естественно не противопоставлялъ себя духовенству, а вмѣстѣ съ духовенствомъ жилъ дѣятельною жизнью Церкви.

Церковь столько же поглощала природныя, освященныя Духомъ Святымъ способности и труды тѣхъ, кто теперь зовется міряниномъ, какъ и тѣхъ, кто зовется священнослужителемъ. И это объединеніе всѣхъ христіанъ въ одной общей жизни Церкви при апостолахъ совершалось даже тамъ, гдѣ, повидимому, рѣзче всего должно быть замѣтно различіе между клиромъ и мірянами именно, въ храмахъ. Апостоль Павелъ пишетъ коринѣянамъ: «когда вы сходитесь, и у каждаго изъ васъ есть псаломъ, есть поученіе, есть языкъ, есть откровеніе, есть истолкованіе,—все сіе да будетъ къ назиданію (1 Кор. 14, 26)». И это апостоль говорилъ не духовенству, а мірянамъ. Церковь Христова не знала раздѣленія своего на духовенства и мірянъ. Въ Церкви не было «міра» въ томъ смыслѣ, какъ теперь. «Міромъ», мірскимъ звалось все языческое, пожалуй еще и іудейское, но отнюдь не христіанское. Такое раздѣленіе Церкви, и совершенно неправильно, внесли въ жизнь монахи, отождествивъ себя съ понятіемъ «духовныхъ христіанъ», а всю остальную церковь, въ

томъ числѣ и бѣлое духовенство, назвавъ «міромъ», мірянами. Затѣмъ уже изъ этого «міра» священнослужители при храмѣ выдѣлили себя какъ клиръ, или причтъ, оставивъ имя мірянъ за людьми, не посвященными на служеніе при храмѣ.

Священное Писаніе выдѣляетъ священнослужителей, только какъ пастырей и домостроителей таинъ Божіихъ. Но каноны церковные усвояютъ имъ и общее названіе клира, въ противоположеніе мірянамъ. Однако это противоположеніе какъ не переносило на клириковъ всѣхъ отправленій благодатной жизни Церкви, такъ и не лишало «мірянъ» низведенія благодати Божіей чрезъ рукоположеніе и на различные виды ихъ мірскаго служенія. Въ клиръ, кромѣ нынѣшнихъ священнослужителей трехъ степеней: епископской, пресвитерской и діаконской и церковнослужительской, псаломщицкой, было не малое число другихъ служеній, что замѣчается еще и теперь въ церквахъ западныхъ и восточныхъ. Съ другой стороны сохранились отъ древности чины руковозложенія (хиротоніи и хиротесіи) при поставленіи на различныя мірскія должности. Это и понятно. Если Церковь есть тѣло Христово, объемлющее всѣхъ принадлежащихъ къ ней христіанъ, то ни одинъ христіанинъ въ своей жизни не можетъ оставаться безъ нарочитыхъ даровъ Св. Духа, сообщаемыхъ въ церкви чрезъ домостроителей, и при отправленіи дѣлъ своего мірскаго служенія.

Выяснивъ понятіе Церкви Христовой въ связи съ разъясненіемъ различныхъ недоумѣній, которыя создала жизнь нашего православнаго русскаго народа относительно этого догмата вѣры нашей, миссіонеръ долженъ дальше раскрыть или уяснить существо Церкви, Ея свойства и признаки такъ, чтобы служителямъ было ясно, что истинной Церковью Христовой является православная, каѳолическая или вселенская Церковь. Сдѣлать это миссіонеръ можетъ, выясняя символическое ученіе о единствѣ, святости, соборности и апостоличности Церкви Христовой.

Священникъ-миссіонеръ *С. Потъгинъ*.

Въ защиту преп. Максима Грека. ¹⁾

(По поводу соч. Е. Голубинскаго: „Къ нашей полемикѣ съ старообрядцами“.—Москва, 1905 г. Изд. второе, исправленное и дополненное).

Сочиненія проф. Е. Голубинскаго, какъ по исторіи русской церкви, такъ и немногія по рускому расколу, отличаются, между прочимъ, оригинальностью въ изслѣдованіи предмета и выводовъ и своеобразностію. Эта своеобразность у него часто такова, что съ его сужденіями и заключеніями никакъ нельзя согласиться, не смотря на его необыкновенную эрудицію и усилія, по-

¹⁾ Въ № 49 „Церк. Вѣд.“ за прошлый 1906-й годъ напечатана библиографическая замѣтка г. Верожскаго о книгѣ г. Е. Е. Голубинскаго: „Къ нашей полемикѣ съ старообрядцами“. (Изд. 2-е, М. 1905 г.); кратко излагая содержаніе названнаго сочиненія, рецензентъ касается и научнаго значенія книги, состоящаго въ новой постановкѣ и разработкѣ, принципиальной и детальной, вопросовъ, составляющихъ отъ лѣтъ древнихъ предметъ разногласія, споровъ и полемики между православною церковью и послѣдователями русскаго раскола—старообрядства. Имя автора книги и серьезность замѣтки библиографа побудили насъ познакомиться съ содержаніемъ и приемами изслѣдованія г. Голубинскаго въ новой сферѣ послѣднихъ по времени его ученыхъ изысканій, для которыхъ (вопросовъ старообрядчества) многолѣтніе труды по древне-русской церковной исторіи могутъ служить благоприятными условіями. Изъ разсмотрѣнныхъ въ книгѣ г. Голубинскаго вопросовъ мы обратимъ вниманіе на тѣсно связанное между собою два вопроса о перстосложеніи и аллилуія со стороны (предполагаемаго) отношенія къ нимъ преп. Максима Грека по взгляду православныхъ и старообрядческихъ полемистовъ. Въ вопросѣ о двуперстіи и сугубомъ аллилуія послѣдователи раскола находятъ въ авторѣ сочиненія своего защитника, какъ приписывающаго путемъ своеобразныхъ, но не приемлемыхъ доказательствъ, преп. отцу взглядъ о древности и правильности двуперстія и сугубаго аллилуія, вопреки установившемуся и вѣрному у православныхъ полемистовъ взгляду на преп. Максима Грека, совершенно противоположному. Разбору своеобразнаго взгляда г. Голубинскаго на преп. Максима Грека и посвящена настоящая статья.

средствомъ частыхъ повтореній и тождесловіи, расположить читателя въ свою пользу. Относясь отрицательно до придирчивости къ чужимъ мнѣніямъ и существующимъ взглядамъ и увлекаясь критикою ихъ, г. Голубинскій часто оставляетъ свои новыя взгляды и сужденія безъ надлежащаго обслѣдованія и такимъ образомъ ставитъ своихъ читателей въ недоумѣніе въ вопросахъ весьма важныхъ, теоретическаго свойства и практическаго (полемическаго въ данномъ случаѣ). Если сводить на практическую почву своеобразныя, одностороннія мнѣнія нашего ученаго по вопросу о постановкѣ полемики православныхъ миссіонеровъ съ представителями раскола старообрядства, то долгъ справедливости и безпристрастія побуждаетъ отмѣтить то, что, вмѣсто облегченія полемики встрѣчаетъ новыя затрудненія, примѣняя послѣднія новѣйшія изслѣдованія и совѣты г. Голубинскаго въ спорныхъ вопросахъ между православіемъ и расколомъ.

Не касаясь многихъ вопросовъ по исторіи русскаго раскола старообрядства, входящихъ въ содержаніе и разсмотрѣніе интересной книги проф. Голубинскаго, мы на первый разъ остановимъ вниманіе на рѣзкомъ и ошибочномъ отзывѣ автора о знаменитомъ духовномъ писателѣ, богословѣ и полемистѣ по вѣроисповѣднымъ и церковно-общественнымъ вопросамъ, XVI в., препод. Максимъ Грекъ (1518—1556 г.), которому онъ, согласно съ расколуучителями, но вопреки полемистамъ православнымъ и исторической правдѣ, приписываетъ мнѣніе о дуперстїи, какъ будто бы господствовавшей тогда среди русскихъ формъ крестнаго знаменія предъ троеперстїемъ въ противорѣчіе обычаю греческой церкви, гдѣ было дѣло наоборотъ, т. е. троеперстїе преобладало надъ дуперстїемъ и вытѣснило послѣднее, какъ форму менѣе совершенную въ символическомъ отношеніи; ему же тотъ же авторъ приписываетъ мнѣніе о сугубой аллилуїи, какъ болѣе вѣрной и употребительной формѣ славословія при богослуженіи, чѣмъ трегубой.

Интересуясь и занимаясь вопросами по расколу старообрядства съ принципиальной и практической стороны (при бесѣдахъ съ старообрядцами въ С.-Петербургѣ), нахожу умѣстнымъ сдѣлать нѣсколько замѣчаній и возраженій противъ отзыва проф. Голубинскаго о преп. Максимѣ Грекѣ въ спорномъ вопросѣ, какъ отзывѣ поспѣшномъ, неосновательномъ и ошибочномъ, соединенномъ при томъ съ самоувѣренностью и сожалѣніемъ къ мнимой слабости идеальнаго отца, оставшагося вѣрнымъ своимъ убѣжденіямъ до конца, безъ „пятна“ и противорѣчія.

I.

Извѣстно, что защитники раскола, какъ полемисты-писатели, такъ и простые послѣдователи его, начиная съ первыхъ расколоучителей и представителей его съ Андреемъ Денисовымъ во главѣ до настоящихъ сторонниковъ во главѣ со Швецовымъ и Мельниковымъ, придавали чрезвычайно важное значеніе вопросу о двуперстїи, считая его не символомъ только, а догматомъ, не подлежащимъ ни измѣненіямъ въ триперстїе, ни превращеніемъ въ какую либо другую форму изображенія. Употребленіе двуперстїя старообрядцы считали настолько же древнимъ, истиннымъ, непререкаемымъ и спасительнымъ обычаемъ, насколько отмѣненіе двуперстїя и замѣну его триперстїемъ признавали обычаемъ нововводнымъ, ошибочнымъ и еретическимъ, ведущимъ къ неблагочестію и гибели. Помимо теоретическихъ соображеній (невысокаго качества) въ пользу правильности и древности двуперстнаго перстосложенія, расколоучители ссылаются, между прочимъ, на свидѣтельства нѣкоторыхъ церковныхъ писателей общехристіанскихъ и русскихъ,—на свидѣтельства неясныя и сомнительныя, какъ-то: на „Слово“ блаж. Теодорита, св. Мелетїя, и преп. Максима Грека,—свидѣтельства, неосновательность которыхъ уже доказана православными противораскольничьими полемистами, начиная съ автора „Жезла правленія“, Симеона Полоцкаго (1667 г.), „Духовной Пращицы“,—еп. Питирима (11719 г.), „Обличенія раскольнической неправды“—архїеп. Теофилакта Лопатинскаго (1743 г.) и др. новѣйшихъ.

Прежде всего очень жаль, что проф. Голубинскій не привелъ въ подлинномъ и полномъ видѣ слова преп. Максима Грека, какъ памятника весьма важнаго и спорнаго, которому онъ придаетъ большое значеніе со стороны православныхъ и старообрядческихъ писателей въ вопросѣ о двуперстїи и сугубой аллилуїи. Мы не знаемъ того, одинъ ли это памятникъ, свидѣтельствующій о двухъ спорныхъ предметахъ, или два отдѣльныхъ памятника, трактующіе каждый объ особомъ предметѣ—одинъ о крестномъ знаменїи, а другой объ аллилуїи; неизвѣстно и то, трактатъ ли это въ видѣ словъ и разсужденій подобно другимъ разсужденіямъ преп. Максима Грека о различныхъ предметахъ, или отрывки въ родѣ краткихъ положеній, изреченій и голословныхъ наставленій. Г. Голубинскому должно быть извѣстно, что два „Слова“ (или „Слово“) преп. Максима Грека, на которыя онъ ссылается, въ печати до сихъ поръ не

извѣстны; они извѣстны немногимъ счастливымъ спеціалистамъ въ рукописи, въ рукописныхъ сборникахъ, большинству недоступныхъ. Въ полное собраніе сочиненій преп. Максима Грека, при изданіи ихъ казанскою духовною академіею, въ 1860 г., эти два „Слова“, приписываемыя преп. отцу нѣкоторыми учеными, не вошли, какъ не принадлежація преп. Максиму Греку, о чемъ редація казанской академіи сочла нужнымъ заявить въ особомъ примѣчаніи. Правда, старообрядческіе писатели приводятъ оба свидѣтельства преп. Максима Грека въ своихъ сочиненіяхъ, но въ отрывочномъ краткомъ видѣ, въ такомъ неопредѣленномъ видѣ, въ какомъ приводитъ и г. Голубинскій,—а это большой недостатокъ въ спеціальномъ изслѣдованіи. Въ вѣрности и приложимости свидѣтельства по данному вопросу можно убѣдиться только послѣ прочтенія и изученія всего памятника въ цѣльномъ видѣ, всѣхъ его частей, общихъ мыслей и частныхъ,—словомъ всего содержанія, но главное послѣ сравненія его съ другими мнѣніями и всѣми сочиненіями автора, дабы не было принципіальнаго противорѣчія между общими взглядами и отдѣльными сужденіями автора по данному частному вопросу. Правда, мы должны имѣть довѣріе къ автору, его ученой опытности и добросовѣстности, но мы должны, съ другой стороны, во имя правды и убѣжденности, провѣрять заключенія автора, не застрахованнаго отъ увлеченія и ошибокъ. Отчего бы, повторяемъ, проф. Е. Е. Голубинскому не издать было, въ качествѣ приложений къ своему сочиненію, интересныхъ, но неизвѣстныхъ въ печати, двухъ памятниковъ, которые онъ такъ самоувѣренно приписываетъ, вопреки установленному въ противураскольнической литературѣ взгляду, преп. Максиму Греку? Тѣмъ болѣе странно то, что г. профессоръ, спеціально взявшись за разработку и новую постановку вопроса о двуперстии въ цѣляхъ обличенія и упорядоченія современной противураскольнической полемики, не далъ въ руки православнымъ (и старообрядческимъ) полемистамъ необходимаго оружія—памятника, дабы они отнесли къ нему самостоятельно, а не по дѣтски, какъ ученики... Живя вблизи московской духовной академіи, въ бібліотекѣ которой находится означенный сборникъ рукописныхъ твореній преп. Максима Грека, г. Голубинскій могъ бы извлечь два слова его, по всей вѣроятности краткія, для помѣщенія въ своей книгѣ и тѣмъ бы оказалъ услугу дѣлу. Но, если онъ почему-либо не считалъ необходимымъ издавать означенныхъ памятниковъ, то мы вправѣ были ожидать отъ автора критиче-

скаго разбора ихъ съ внѣшней и внутренней стороны, описанія ихъ археологическаго, литературнаго и библиографическаго, однако, къ удивленію нашему, этого необходимаго разбора почему-то не сдѣлано; онъ ограничился замѣчаніемъ, что въ подлинной принадлежности словъ Максиму не можетъ (?) быть никакого сомнѣнія (стр. 172).

Этого мало. Г. Голубинскій не коснулся и даже не упомянулъ ни единымъ словомъ о тѣмъ православныхъ полемистахъ XVII—XVIII вв., которые подвергали сомнѣнію и разбору спорныя свидѣтельства преп. Максима Грека въ отвѣтъ и противовѣсъ писательства въ свою пользу. Что это значитъ? Какой-то новый ученый приѣмъ въ литературѣ вопроса,—не то игнорированіе, не то забвеніе, не то невѣдѣніе. Но если г. профессоръ обращается по вопросу о перстосложеніи къ сочиненіямъ иностранныхъ ученыхъ, не имѣющихъ прямого отношенія къ дѣлу, то просто непонятно, отчего онъ уклоняется отъ разбора взглядовъ своихъ отечественныхъ писателей, подвергавшихъ разбору ссылку расколуучителей на преп. Максима Грека въ вопросѣ о двуперстїи... Вотъ эти писатели въ хронологическомъ порядкѣ.

По словамъ г. Голубинскаго, подлинный текстъ рѣчи преп. Максима Грека о двуперстїи слѣдующій: „совокупленіемъ трїехъ перстей: сирѣчь: пальца и еже отъ средняго и малаго исповѣдуемъ (?), протяженіемъ долгаго и средняго исповѣдуемъ“. Чувствуя нескладность рѣчи и неопредѣленность ея, не свойственныя преп. Максиму Греку, выражавшемуся всегда полною періодическою рѣчью, а не двусмысленно и отрывочно, г. Голубинскій спѣшитъ поправить дѣло, говоря: „въ сущности ничего (?) нескладнаго тутъ нѣтъ: Максимъ употребляетъ выраженіе „средній“ не о взаимномъ положеніи перстовъ, а объ ихъ относительной величинѣ и разумѣетъ подъ среднимъ въ первомъ случаѣ малый средній, во второмъ—указательный, а подъ долгимъ—большой средній.

Читая текстъ рѣчи по изложенію проф. Голубинскаго, невольно и естественно спросишь: зачѣмъ нужно было сокращать рѣчь преп. Максима и безъ того краткую,—неумѣстно краткую въ вопросѣ въ то время весьма важномъ? Тѣмъ болѣе, что, по словамъ автора, преп. Максимъ Грекъ отвѣчалъ на предложенный ему кѣмъ-то вопросъ о формѣ перстостосложенія. Сама по себѣ форма выраженія о двуперстїи, противорѣчащая ученому слогу преп. отца, тогда уже (1532 г.) довольно обработанному и ясному, возбуждаетъ подозрѣніе, оправдывающееся другими соображеніями.

Авторъ „Жезла Правленія“, извѣстный писатель и дѣятель XVII в. въ Москвѣ, первый усомнился въ подлинности свидѣтельства преп. Максима Грека о двуперстїи, представленнаго со стороны расколоучителей противъ введеннаго п. Никономъ триперстнаго сложенія для крестнаго знаменія. На 21 вопросъ (обличеніе) Никиты: христіанамъ крестнаго знаменія тремя перстами совокупляти не противно-ли преданіямъ св. отецъ—авторъ „Жезла“ даетъ обширный и обстоятельный отвѣтъ, доказывая съ символической и церковно-исторической точки зрѣнія превосходство триперстія предъ двуперстіемъ и опровергая разсужденія, ссылки и свидѣтельства расколоучителей въ пользу превосходства двуперстія. Что касается до свидѣтельства преп. Максима Грека, то авторъ рѣшительно заявляетъ: Максима Грека великоученаго челоуѣка приедемъ, когда онъ въ своихъ сочиненіяхъ согласенъ съ церковью; а въ двуперстномъ образованїи нещучемъ его (считаемъ) снисходивши людемъ ненаказаннымъ (т. е. простымъ) и навѣтовъ боявшася, или прилогъ чуждый быти; но и нѣсть доволенъ единъ во свидѣтельство противъ всея церкви древнѣйшему обычаю и преданію; аще бы утвердилъ онъ свое преданіе апостольскими или свв. отецъ свидѣтельства, имѣлъ бы ны послушенны, но сего не сотворшу, ничто ны нудить повиноватися“ ¹⁾.

Авторъ „Увѣта духовнаго“, повторяя содержаніе „Жезла Правленія“, въ вопросѣ о двуперстїи, не касается свидѣтельства преп. Максима Грека, какъ сомнительнаго и ранѣе опровергнутаго; но онъ рѣшительно и основательно оспариваетъ ссылку расколоучителей на свидѣтельства преп. отца о сугубомъ аллилуїя, о чемъ рѣчь будетъ въ своемъ мѣстѣ.

Авторъ „Прашницы дух.“, еп. Питиримъ, знатокъ древней письменности и бывший самъ послѣдователемъ раскола, довелъ сомнѣніе въ свидѣтельство преп. Максима Грека о двуперстїи до отрицанія. Чтобы видѣть, какое важное значеніе придавали расколоучители свидѣтельству преп. Максима Грека, какъ и самому преподобному отцу, считаемъ умѣстнымъ привести просьбу (71-й изъ всѣхъ вопросовъ 240), предложенный еп. Питириму послѣдователями діаконскаго согласія или толка въ Нижнемъ-Новгородѣ, около 1718—1720 г.: „Кому подобаеть лучше вѣрити, извѣстному ли святому и преподобному Чудотворцу и свидѣтельствуванному отъ четверопрестольныхъ патріарховъ все-

¹⁾ „Жезль Правленія“, листъ 62; возоблч. 21.

ленскихъ и нашихъ россійскихъ, яко премудрому богослову и философу и православной вѣры учителю Максиму Греку, учившему креститься двѣма персты, или какому-либо другому лицу (рѣчь идетъ о діаконѣ монахѣ П. Дамаскинѣ, котораго раскольники то считаютъ своимъ противникомъ, то сторонникомъ въ данномъ вопросѣ), въ числѣ святыхъ отецъ не вчиненному и святостію не извѣстному и отъ свв. прежнихъ церковныхъ учителей не свидѣтельствованному, учившему креститься тремя персты?

На предложенный вопросъ еп. Питиримъ отвѣчалъ слѣдующее: «На преп. Максима лжете въ семь вопросѣ; преп. Максимъ Грекъ сего не писалъ, еже креститься двѣма персты, но инъ нѣкто, хотя таковое новомодное ученіе утвердите, написалъ ложно подъ именемъ преподобнаго отца; но и въ ономъ ложномъ писаніи, кое подъ именемъ Максимовомъ написано, такового повелѣнія нѣтъ, чтобы двѣма персты креститься; но только написано—сначала первый перстъ и двѣма послѣдними, а два перста указательный да средній имѣти протяжены; а какъ крестится, тремя ли совокупленными, или двѣма протяженными, или всѣми пятью, о томъ сущаго повелѣнія нѣтъ, и не написано; какъ по всему таковому неопредѣленному вѣрить и внимать будемъ? И какъ то повелѣніе и почему вѣрно будетъ, яко Максимъ тако бы написалъ слагати персты? Но всячески убо не Максимъ. Если бы такъ написалъ Максимъ слагати персты, опредѣлилъ бы всячески, которыми и креститесь, тремя ли совокупленными или двѣма протяженными, или всѣми пятью, а не оставилъ бы церкви святой такового повелѣнія всячески неопредѣленнаго. Такъ какъ преп. Максимъ былъ наукою богословъ, то всѣмъ ясно, что такое писаніе (т. е. нескладное и неопредѣленное) ложно преп. Максима именемъ отитуловано; но инъ нѣкто такового сложенія любитель написалъ тайно по отшествіи св. Максима отъ сего свѣта; и посему ясно, что если бы преп. Максимъ такъ написалъ и такъ креститься двѣма персты училъ, то бы препод. Максима таковое писаніе и таковое ученіе на ономъ соборѣ, который былъ въ лѣто 7059 (т. е. въ 1551 г.), при Іоаннѣ Васильевичѣ и преп. м. Макаріи, того собора отцы утверждали креститься двумя перстами, тогда написали бы во свидѣтельство всѣмъ достовѣрное, потому что преп. Максимъ въ то время еще былъ живъ, но и того всего о немъ въ ономъ соборѣ ничего нѣтъ и не находится; и по всѣмъ вышеозначеннымъ винамъ (причинамъ) совершен-

но на преподобнаго солгано и вѣрить тому не надлежитъ весьма» ¹⁾).

Нельзя не согласиться съ критическими замѣчаніями автора „Пращицы“; жаль только, что онъ не указалъ, откуда заимствовалъ онъ текстъ свидѣтельства преп. Максима Грека о двуперстіи, изъ „Слова“ ли преп. отца или отрывочно изъ какого либо другого источника, изъ вторыхъ рукъ, какъ говорятъ; но важно то, что хотя текстъ свидѣтельства по „Пращицѣ“ отличается отъ текста, изложеннаго проф. Голубинскимъ, болѣе свободною рѣчью въ передачѣ и сокращенною (въ сравненіи съ «нескладною» у Голубинскаго); однако совершенно основательно указаніе еп. Питирима на неопредѣленность и неясность рѣчи преп. Максима въ такомъ важномъ вопросѣ, каковъ вопросъ объ истинной формѣ крестнаго знаменія, за разъясненіемъ и рѣшеніемъ котораго нарочито обращались къ нему, какъ человѣку авторитетному, представителю греческаго православія и обычаевъ. Если признать «Слово» достовѣрнымъ, принадлежащимъ преп. Максиму Греку, то авторъ его долженъ былъ бы изложить свое мнѣніе точно, ясно и опредѣленно, а не вводитъ вопрошавшихъ современниковъ и послѣдующее поколѣніе своею неопредѣленностію и двусмысленностію въ недоумѣніе и заблужденіе. Рѣчь преп. отца должна бы быть въ этомъ случаѣ предписательная, а не повѣствовательная, какъ думаетъ ошибочно г. Голубинскій, желая и усиливаясь во что бы то ни стало навязать преп. Максиму мнѣніе о двуперстіи и отстоять свое предположеніе. Взятая сама по себѣ нескладная рѣчь преп. отца, строго говоря, есть не повѣствовательная и не предписательная, а неудачно составленная какимъ-то неважнымъ русскимъ грамотѣемъ,—рѣчь странная, не сообразующаяся съ установившимся строемъ письменной рѣчи преп. Максима Грека ни по формѣ, ни по содержанію. Если бы, далѣе, по предложенію г. Голубинскаго, преп. Максимъ Грекъ считалъ, какъ двуперстіе, такъ и триперстіе одинаково правильными и на практикѣ (въ греческой и въ русской церкви) употребительными формами крестнаго знаменія, то спрашивается, почему же онъ въ данномъ случаѣ не высказалъ своихъ взглядовъ на интересовавшій русское общество вопросъ, когда представлялась къ тому потребность и даже запросъ со стороны его знакомыхъ и почитателей? А преп. Максимъ Грекъ отличался правдивостію и чуткостію къ потребностямъ времени!

¹⁾ „Духовная Пращица“, лист. 143—144. СПбургъ 1826 г.

Подобно еп. Питириму, отрицаетъ достовѣрность и несостоятельность мнимаго свидѣтельства преп. Максима Грека въ пользу двуперстія и авторъ сочиненія «Обличеніе неправды раскольниковской», архіепископъ Теофилактъ Лопатинскій, при разборѣ „Поморскихъ Отвѣтовъ“, гдѣ, въ 80-мъ, вопросѣ, Андрей Денисовъ приводитъ пресловутое свидѣтельство преп. Максима Грека.

На основаніи внутреннихъ и внѣшнихъ признаковъ авторъ „Обличенія“ доказываетъ полную несостоятельность свидѣтельства о двуперстіи, рассматривая его со всѣхъ сторонъ и новыхъ точекъ зрѣнія по свойству своего своеобразнаго способа изслѣдованія, отличающаго въ немъ критическій талантъ и тонкій юморъ.

«Ищутъ нынѣ, говоритъ авторъ, раскольщики защищенія своего зловѣрія отъ того, котораго во времена жизни его 1) раскольщиковъ нарицали и гоняли, какъ еретика и развратителя благочестія, какъ всѣмъ извѣстно. (Здѣсь, конечно, не анахронизмъ, а то лишь, что современники преп. Максима Грека уподобляются по своимъ взглядамъ, заблужденіямъ и отношеніямъ къ преп. отцу сторонникамъ раскола XVII—XVIII вв.). Сей, глаголютъ, о крестномъ знаменіи наставляетъ насъ: яко совокупленіемъ тріехъ персть тайну св. Единосущныя Троицы и протяженіемъ двою-указательнаго и средняго, шедшася два естества во Христѣ исповѣдати 2). Есть слово въ книгѣ Максима (о двуперстіи), но его ли сочиненія, невѣроятно,—больше подозрительно; скорѣе оно составлено другимъ къмъ либо, любителемъ двуперстнаго раскольникьяго сложенія, и вложено въ сочиненіе преп. Максима. Подтверждается предположеніе это, между прочимъ, тѣмъ, что не во всѣхъ сборникахъ преп. отца помѣщается на одномъ и томъ же мѣстѣ, но на разныхъ: то въ главѣ 40, то въ 32, то въ 33; отсюда слѣдуетъ, что раскольники еще не согласились между собою, на какомъ мѣстѣ прилично быть ему... Причины подозрѣнія слѣдующія.

1) А жилъ онъ, по мнѣнію нашихъ раскольниковъ старообрядцевъ, во время „церковнаго благочестія“. Редакція.

2) Редакція еп. Теофилакта нѣсколько отличается отъ редакціи текста у Денисова. Послѣдній выражается: „протяженіемъ долгаго и средняго шедшася два естества во Христѣ, сирѣчь Самаго Спаса Христа исповѣдуемъ—совершенно Бога и совершенно Человѣка во двою существу и естеству вѣруемаго и познаваемаго“. Это символика, а не рѣчь и указаніе на двуперстіе; странно, какъ могъ довольствоваться такимъ изложеніемъ А. Денисовъ, искусный софистъ и тенденціозный писатель. Поморск. отв. Рукоп. библ. Спб. д. акад. № А II (321, л. 55, вопр. 14).

Еп. Теофилактъ считаетъ и по справедливости преп. Максима Грека такимъ писателемъ, который, подобно Теодориту Кирскому, не могъ чего либо утверждать безъ достаточнаго основанія и доводовъ,—тѣмъ болѣе не могъ писать неопредѣленно, двумысленно, нескладно, давая отвѣтъ на обращенный къ нему вопросъ со стороны вопрошавшихъ, искавшихъ у него совѣта и руководства, какъ это видно изъ оглавленія того „Слова“, изъ котораго приводится самое свидѣтельство; такъ какъ преп. Максимъ Грекъ во всемъ былъ согласенъ съ греческою церковью, то не могъ и въ формѣ перстосложенія для крестнаго знаменія отступать и другихъ отвращать отъ обычая своей церкви.—церкви, гдѣ тогда употреблялось триперстное, а не двуперстное сложение перстовъ; если бы преп. Максимъ ставилъ, подобно раскольникамъ, сложение перстовъ въ догматъ, то онъ объ этомъ упомянулъ бы, когда представлялъ свое исповѣданіе вѣры, оправдываясь противъ обвиненія въ еретичествѣ со стороны злобныхъ невѣждъ; далѣе, если преп. Максимъ Грекъ предостерегалъ христіанъ не принимать писаній, не засвидѣтельствованныхъ отъ св. отцевъ, то какъ онъ могъ предлагать ученіе о правильности перстосложенія безъ подтвержденія его свидѣтельствами отъ учителей церковныхъ? ¹⁾

Итакъ, на основаніи всего сказаннаго, нужно признать задачу изслѣдованія г. Голубинскаго объ иной лучшей постановкѣ нашей полемики съ раскольниками въ вопросѣ о двуперстїи неудачною.

Неудачною нужно признать и попытку автора изслѣдованія по другому, сродному съ предшествовавшему, вопросу о сугубой аллилуїа.

Какъ двуперстіе, такъ и двоеніе церковной пѣсни или сугубой аллилуїа есть одинъ изъ существенныхъ пунктовъ, составляющихъ заблужденіе старообрядцевъ со времени возникновенія раскола до настоящаго времени. Кромѣ Стоглаваго Собора (1551-го года), утвердившаго употребленіе сугубой аллилуїа при богослуженіи вмѣсто трегубой, послѣдователи раскола ссылаются, между прочимъ, на свидѣтельство преп. Максима Грека, находящееся будто бы въ словѣ, при надлежащемъ преп. отцу. Но противъ этого свидѣтельства представлены православными полемистами сильныя возраженія, доходящія до отрицанія. Авторы «Жезла Правленія», „Увѣта“, „Пращицы“ и „Обличенія“ опровергали достовѣрность означеннаго свидѣтельства; съ особен-

¹⁾ Обличен. неправды раскольника, глав. 1, лист. 13—15.

ною основательностію и рѣшительностію отнесся къ нему еп. Теофилактъ, составившій на это цѣлый трактатъ. Такъ какъ г. Голубинскій, держась одинаковаго съ старообрядцами взгляда на свидѣтельство преп. Максима Грека о двоеніи аллилуія, не входитъ въ разборъ критики еп. Теофилактомъ мнимаго свидѣтельства преп. Максима, то мы считаемъ нужнымъ привести въ краткомъ видѣ сущность мнѣнія автора „Обличенія“ объ означенномъ свидѣтельствѣ,

Сущность опроверженія еп. Теофилактомъ свидѣтельства по свойству своему сходна съ критикою его изложеннаго нами свидѣтельства того же якобы отца о двуперстномъ сложеніи.

Во 1-хъ, еп. Теофилактъ отрицаетъ принадлежность преп. Максиму Греку слова, въ которомъ находится наставленіе о двоеніи, а не о троеніи аллилуія: по мнѣнію автора, это слово поддѣльное, составленное какимъ-либо суевѣрнымъ безумнымъ раскольникомъ и вложенное въ книгу преп. Максима. Содержаніе слова имѣетъ характеръ повѣствовательный, вымышленный, а не историческій, лишенный достовѣрности, вѣроятія и разсудительности.

По «Слову», двоить пѣснь аллилуія при богослуженіи съ прибавленіемъ „Слава Тебѣ, Боже“, первый ввелъ въ употребленіе св. Игнатій Богоносецъ на основаніи, будто бы, бывшаго ему видѣнія, во время котораго ангелы, раздѣленные на два лика, пѣли аллилуія по дважды. Такъ какъ источникъ этого сказанія неизвѣстенъ, а самъ сочинитель не могъ знать и видѣть св. Игнатія, жившаго въ первомъ вѣкѣ, то еп. Теофилактъ повѣстбасню считаетъ недостойною преп. Максима Грека, какъ писателя серьезнаго. Есть, по словамъ критика, нѣчто похожее въ житіи св. Игнатія, помѣщенномъ въ сочиненіяхъ церк. историка Сократа, но тамъ рѣчь касается не аллилуія, а пѣнія антифоннаго, т. е. пѣнія попеременно на два лика, или клироса, каковое пѣніе, какъ слышанное отъ ангеловъ, введено было св. Игнатіемъ въ антиохійской церкви и распространилось въ другихъ мѣстахъ.

Далѣе, совершенно ложно утверждаетъ «Слово», будто бы троеніе аллилуія—латинская ересь. Преп. Максиму Греку, какъ долго жившему и учившемуся въ римскихъ странахъ, хорошо извѣстно, какъ употребляется тамъ при богослуженіи аллилуія: употребляется по однажды, дважды, трижды, четырежды, 5 разъ, 6, 9 и болѣе, но безъ прибавленія—„Слава Тебѣ, Боже“; а во время поста св. четырехдесятницы совсѣмъ не употребля-

ется. Сами латиняне въ IX в. заявляли, что научились пѣть аллилуія съ нѣкоторымъ измѣненіемъ не отъ папы, а отъ восточной церкви ¹⁾).

Похуливъ трикратное аллилуія и похваливъ двукратное на основаніи сомнительной повѣсти, составитель подметнаго «Слова» дошелъ до явнаго противорѣчіи и нелѣпости, когда свою сказку о двоеніи аллилуія предпочелъ св. писанію, гдѣ упоминается о томъ, какъ небесные чины, въ видѣніи св. Іоанна Богослова, пѣли аллилуія, повторяя до 4-хъ разъ ²⁾).

Если такъ, то ангелы въ видѣніи св. Игнатія, по повѣсти, долженствовавшіе знать о пѣніи до 4-хъ разъ аллилуія по апокалипсису, противорѣчили ангеламъ апокалипсиса, предписывая двоеніе; кому же тогда вѣрить для соблюденія согласія и единства?.. Является, такимъ образомъ, недоумѣніе. Для разъясненія недоумѣнія „подметный Максимъ“, какъ называетъ его еп. Теофилактъ, прибѣгаетъ къ трудно передаваемому искусственному приему аккомодации, обличающему въ авторѣ мелкій и узкій казуистическій раскольнической умъ, а никакъ не свободный широкой богословствующей развитой разумъ (преп. Максима Грека),—умъ, запутавшійся въ противорѣчіи, но не стѣсняющійся вести длинную рѣчь о томъ, въ чемъ не можетъ дать отчета. Замѣтно, что большого стоило труда богословствованіе подметнаго Максима, направлявшагося не къ подтвержденію двоенія аллилуія, а скорѣе къ опроверженію троенія. Изложимъ въ краткомъ видѣ мысли „подметнаго Максима“.

4 аллилуія возглашали, по мнѣнію подметнаго Максима, не 4 лика, а три; первый голосъ съ неба и вторичный онъ соединилъ въ одинъ; по одному аллилуія провозглашали второй и третій ликъ, но всѣ три лика произнесли аллилуія по однажды, а не по дважды и не по трижды, потому что Единъ есть Богъ, Св. Троица и какъ единымъ поклоненіемъ поклоняемъ бываетъ, такъ и единою аллилуіею славословится.

Тремъ чинамъ, воспѣвшимъ аллилуія по-единожды, соотвѣтствуютъ три чина на землѣ апостольской церкви: первый чинъ священниковъ и отъ лица ихъ должно воспѣваться первое аллилуія; второй чинъ—преп. иноковъ и отъ лица ихъ должно воспѣваться (или произноситься) второе аллилуія; третій же чинъ—православныхъ вѣрныхъ мірянъ и отъ ихъ лица должно припѣваться—Слава Тебѣ, Боже, что равносильно по смыслу

¹⁾ Облич., лист. 95—96.

²⁾ Апокалипс., гл. 19, 1—6.

аллилуія (во избѣжаніе третьяго аллилуія). Такимъ образомъ, соединивши по апокалипсису два аллилуія въ одно отъ перваго и втораго лика, какъ бы одного лица, подметный Максимъ въ примѣненіи къ земной церкви оставилъ два аллилуія для употребленія при богослуженіи съ прибавленіемъ „слава Тебѣ Боже“, распредѣливъ по своеобразному соображенію произносить то и другое священникамъ, монахамъ и мірянамъ, каковой распорядокъ никогда не соблюдается и ни съ чѣмъ не вяжется: точно такъ же остается скрытымъ и непонятнымъ переходъ отъ небесной церкви къ земной.

Называя всѣ разсужденія подметнаго Максима буесловіями, еп. Теофилактъ справедливо замѣчаетъ, что оный Максимъ не приспособилъ четыре апокалипсическія аллилуія ни къ двоекратной, ни троекратной аллилуіи; мало этого: подметный Максимъ, вмѣсто утвержденія, потерялъ свое двукратное аллилуія, когда говорилъ, что каждый чинъ (ликъ) по апокалипсису припѣвываетъ аллилуія единожды, а не по-дважды, и не по-трижды, а что касается до трехъ ликовъ, между которыми онъ распредѣляетъ употребленіе аллилуія для славословія Единого Бога, то не только отъ чина, но и отъ трехъ и девяти чиновъ надлежитъ прославить единою аллилуію Его, какъ Единого Бога для всѣхъ чиновъ.

По Теофилакту, толкованіе подметнымъ Максимомъ апокалипсиса невѣрно и противно истинному значенію слова аллилуія и святоотеческому писанію. Аллилуія значить: хвалите Бога, а не слава Тебѣ Боже. По подметному Максиму, единою аллилуію славословится Едино божество, между тѣмъ св. Андрей Неокесарійскій (+ 712 г.) толкуетъ: трижды Богу возсылается аллилуія отъ человѣкъ и отъ ангеловъ ради единого тріипостаснаго божества—Отца и Сына и Св. Духа. „Ты, о Максиме! обращается еп. Теофилактъ, едино божество воспоминаешь, а о Троицѣ Ипостасной, яко жидовинъ, молчиши; добре въ „Жезлѣ Правленія“ написано: чрезъ троеніе аллилуія знаменуются три лица божественныя: чрезъ двоеніе аллилуія не изображается совершенно таинство Св. Троицы“.

Произвольно и нелѣпо раздѣлять, ради двойного аллилуія, людей на три чина и лишать мірянъ употреблять эту ангельскую пѣснь.

Изъ всего сказаннаго можно видѣть, по заключенію автора „Обличенія“, что не преп. Максима Грека сія суть о двоеніи аллилуія мудрованія, но нѣкоего безсловеснаго мужика-расколь-

ника, иже и самъ не вѣдѣше, еже писаше“¹⁾. Въ самомъ дѣлѣ: есть ли и возможно ли было что-либо подобное въ сочиненіяхъ и мысляхъ преп. Максима Грека, чтобы приписать ему неразсудительныя рѣчи повѣсти о сугубой аллилуія!? „Зрите, раскольщички, пишетъ критикъ, на чемъ вы утверждаетесь, егда о двоеніи аллилуія ссылаетесь на Максима Грека подметнаго!“...

Послѣ всего сказаннаго, спрашивается: какъ же относится къ пресловутой, исполненной большихъ несообразностей и искаженій, повѣсти о сугубомъ аллилуія г. Голубинскій? Онъ относится къ „Слову“ преп. Максима Грека, т. е. къ Максиму подметному, съ какимъ-то страннымъ дѣтскимъ довѣріемъ; онъ приписываетъ „Слово“ это „къ смѣющимъ трижды глаголати аллилуія чрезъ преданія церковныя“ преп. Максиму Греку, хотя и сожалѣетъ и недоумѣваетъ, что преп. отецъ написалъ такое омрачающее его свѣтлую память слово²⁾. Чтобы ознакомиться съ странными, противорѣчащими другъ другу и уничтожающими другъ друга разсужденіями почтеннаго автора по вопросу объ аллилуія пред. Максима Грека, считаемъ нужнымъ привести подлинныя его мысли, извлеченныя изъ выше названнаго сочиненія его. „Преп. Максимъ Грекъ былъ горячій поборникъ правды, подобный древнимъ пророкамъ, къ которымъ онъ не безъ основанія себя приравнивалъ. Но и солнце не безъ пятенъ, и наше слово необходимо (?) принимать не за иное что, какъ за малое пятно на весьма свѣтлой, въ общемъ, памяти Максима. Горячій поборникъ правды, онъ на этотъ разъ былъ ей за вѣдомомъ невѣренъ. Въ своемъ словѣ онъ говоритъ о сугубой аллилуіѣ такъ, какъ будто бы въ его время она находилась у грековъ въ общемъ единообразномъ употребленіи; но это неправда; можетъ быть, въ его время трегубая аллилуія еще и не стала рѣшительно господствующею, какъ это столѣтіемъ позднѣе, но несомнѣнно, что она находилась у нихъ. по крайней мѣрѣ, въ такомъ же употребленіи, какъ и сугубая аллилуія. Онъ утверждаетъ въ словѣ, будто „что бо есть у насъ: слава Тебѣ. Боже, то есть у евреевъ: аллилуія“; но, что онъ зналъ дѣйствительное значеніе слова аллилуія, на это мы имѣемъ положительное доказательство. Онъ утверждаетъ въ словѣ, будто троеенія аллилуіи есть обычай римской церкви; но чтобы, проживъ столько времени въ Италіи, онъ не зналъ, какъ возглашается въ римской церкви пѣснь аллилуія, и что о церкви римской

¹⁾ Облич. Неправд. раскольнич., лист. 94—99.

²⁾ Къ нашей полемикѣ съ старообрядцами, стр. 216—217.

вовсе нельзя сказать, чтобы ея обычай составляло троеніе пѣсни, этого невозможно предполагать. Онъ утверждаетъ въ словѣ, будто двоенію пѣсни аллилуія во псалмоглаголаніяхъ наученъ былъ отъ ангеловъ св. Игнатій Богоносець, и не можетъ подлежать сомнѣнію, что сказанія о наученіи ангелами Игнатія Богоносца антифонному или двуклиросному пѣнію псалмовъ онъ искажаетъ не по невѣдѣнію, а намѣренно (или намѣренно отдаетъ предпочтеніе сказаніямъ апокрифическимъ предъ сказаніями достовѣрными)¹⁾. „Но какъ же могло случиться, продолжаетъ рассуждать проф. Голубинскій, чтобы преп. Максимъ Грекъ написалъ такое, омрачающее его память слово? Относительно этого необходимо или, по крайней мѣрѣ, со всею вѣроятностью должно думать слѣдующее. Въ Москвѣ, въ Максимово время, сугубая аллилуія, если не находилась въ общемъ употребленіи, то, по крайней мѣрѣ, была въ высшей придворной сферѣ; какой-нибудь весьма сановитый поборникъ сугубой аллилуія предложилъ Максиму услужить ему своимъ перомъ (безъ ума и разсужденія? за какую плату?), и онъ, надѣясь добиться чрезъ сановника того въ отношеніи къ себѣ, чего искалъ (отпуска на родину или, по крайней мѣрѣ, свободы отъ заточенія и церковнаго отлученія) и имѣлъ слабость согласиться“¹⁾.

Если признать вѣрнымъ мнѣніе г. Голубинскаго, высказанное довольно смѣло и рѣшительно, что не соотвѣтствуетъ вообще характеру историческихъ изысканій, то преп. отца нужно считать виновникомъ во многихъ дурныхъ послѣдствіяхъ „Слова“ и, главнымъ образомъ, виновникомъ въ происхожденіи раскола старообрядства и упорнаго сопротивленія послѣдователей его отъ начала возникновенія его вплоть до настоящаго времени. И если московскій м. Макарій († 1564 г.) подвергается сильнымъ укоризнамъ за опредѣленіе о сугубой аллилуія, сдѣланное на Стоглавомъ Соборѣ 1551 г., на основаніи ненадежныхъ источниковъ, какъ напр., житіе преп. Ефросима псковскаго, то, по мнѣнію того же профессора, значительная большая часть вины должна быть снята съ м. Макарія и возложена на преп. Максима Грека. Нашъ строгій ученый съ увѣренностію думаетъ, что м. Макарій сдѣлалъ (не Макарій, а соборъ, на которомъ онъ былъ предсѣдателемъ) свое опредѣленіе о сугубомъ аллилуія, главнымъ образомъ, на основаніи слова преп. Максима о двоеніи аллилуія, хотя въ соборномъ опредѣленіи не упоминается

¹⁾ См. Унтован. соч. Е. Голубинскаго, стр. 216—218.

имя преп. Максима, какъ челоуѣка изъ грековъ, къ которымъ тогда русскіе не имѣли будто бы никакого довѣрія.

Но представленное мнѣніе проф. Голубинскаго не можетъ быть принято по многимъ соображеніямъ; оно принадлежитъ лично ему одному, какъ своеобразно мотивированное; церковный историкъ м. Макарій Булгаковъ († 1882 г.) держался этого мнѣнія условно, сомнѣваясь въ принадлежности пред. Максиму Греку „Слова къ смѣющимъ трижды глаголати“¹⁾; это мнѣніе тенденціозно и вообще несостоятельно.

Нужно не знать преп. Максима Грека ни съ церковно-литературной, ни нравственной стороны, чтобы рѣшительно приписать ему, какъ писателю, извѣстное „Слово“ о двоеніи аллилуія, имѣющее всѣ признаки апокрифическаго, т. е. сомнительнаго, недостовернаго характера и происхожденія; нужно удивляться тому, какъ рѣшился г. Голубинскій выступить печатно съ ненаучнымъ и обиднымъ для свѣтлой памяти пред. Максима Грека мнѣніемъ, приближающимся къ „повѣстямъ и рассказамъ“ беллетриста...

Чтобы выступить съ новымъ взглядомъ на извѣстное историческое явленіе, фактъ или вопросъ, отрицающимъ установившійся, требуется имѣть въ наличности вѣскія доказательства, достовѣрныя данныя или вновь открытые матеріалы, измѣняющіе существующее положеніе дѣла. Обратимся къ доказательствамъ, которыми г. Голубинскій подтверждаетъ свое мнѣніе.

Прежде всего нужно установить то положеніе, что въ XVI в. и даже XV в. у русскихъ было въ употребленіи одновременно двоеніе аллилуія и троеніе; какая была форма правильнѣе и распространеннѣе, не доказано несомнѣннымъ образомъ. Въ греческой церкви въ XVI в. установилось троеніе аллилуія, но не безъ исключенія; двоеніе употреблялось въ нѣкоторыхъ помѣстныхъ церквахъ. Это извѣстно было преп. Максиму Греку; какъ представитель греческаго православія, просвѣщенія и обычая, преп. отецъ держался обычая употреблять троеніе аллилуія, бывшее формою господствовавшей. На Стоглавомъ Соборѣ 1551 г. опредѣленіе состоялось въ пользу двоенія, а не троенія.

Текстъ соборнаго опредѣленія слѣдующій: „въ Псковѣ и псковской землѣ по многимъ монастырямъ и церквамъ, да и въ новгородской землѣ по многимъ мѣстамъ донинѣ говорили трегубую аллилуію, вопреки апостольскимъ и отеческимъ преда-

¹⁾ М. Макарій. Истор. р. ц. т. VIII, 3-я кн., стр. 139. Спб. 1877 г.

ніямъ, но мы узнали достовѣрно отъ писателя житія преп. отца нашего Ефросима псковскаго, новаго чудотворца, какъ ради его св. молитвъ, Преч. Богородица извѣстила и запретила о трегубой аллилуіа и повелѣла православнымъ христіанамъ говорить сугубую аллилуію, а третье—слава Тебѣ Боже, какъ и передала св. соборная и апостольская церковь, а не трегубить аллилуіа, какъ прежде сего говорили во Псковѣ и по многимъ мѣстамъ, а четвертое приговаривали—слава Тебѣ Боже. Это не есть предаіе православныхъ, но ересь латинянь: они не славятъ Троицу, но четверяютъ, и признаютъ св. Духа исходящимъ отъ Отца и Сына и тѣмъ творятъ св. Духа раболѣпнымъ. И потому не подобаеъ трегубить аллилуію, но два говорить—аллилуіа, а въ третій разъ—слава Тебѣ, Боже: ибо по-еврейски—аллилуіа, а по нашему по-русски—слава Тебѣ, Боже“¹⁾.

Хотя въ опредѣленіи собора не дѣлается, какъ уже ранѣе сказано, никакого намека на мнѣніе и личность преп. Максима Грека, однако проф. Голубинскій зависимость опредѣленія собора отъ Максимова „Слова“ считаетъ не только вѣроятною и возможною, но даже ясною. Ясность этой зависимости подкрѣпляется сходствомъ и тождественностію объясненія слова „аллилуіа“, какъ въ опредѣленіи собора, такъ и въ извѣстномъ „Словѣ“ преп. Максима „на смѣющихъ глаголати трижды аллилуіа“: аллилуіа значитъ слава Тебѣ, Боже; но это совпаденіе чисто внѣшнее; соборъ могъ заимствовать объясненіе и изъ другихъ источниковъ, которыхъ было не мало въ то время,—тѣмъ болѣе, что хотя объясненіе было и не правильно, и смѣшивалось и замѣнялось правильнымъ: „хвала Богу“, но, по внутреннему своему значенію, приближалось къ правильному и не смущало собою русскихъ при ихъ простотѣ и нетребовательности; однако вопросъ въ томъ, почему же преподобный Максимъ Грекъ допустилъ не только неправильную форму употребленія аллилуіа, но и неправильное объясненіе самого слова, сознавая неправильность того и другого? Г. профессоръ приписываетъ Максиму Греку и то, будто бы послѣдній намѣренно, а не по невѣдѣнію, допустилъ ошибку въ своемъ „Словѣ“ и повліялъ на м. Макарія и чрезъ него на соборъ, назвавъ троеніе аллилуіа латинскою ересью, зная хорошо по опыту порядокъ и особенности католическаго богослуженія; по мнѣнію того же профессора, преп. Максимъ Грекъ, вопреки своему убѣжденію и цер-

¹⁾ Стоглав. гл. 42. Макарій Истор. р. ц., т. VIII, ч. 3-я, стр. 140—141.

ковно-историческимъ даннымъ, намѣренно искажаетъ сказанія повѣсти о наученіи ангелами св. Игнатія Богоносца антифонному пѣнію псалмовъ, т. е. намѣренно отдастъ предпочтеніе сказаніямъ апокрифическимъ предъ сказаніями достоверными.

Трудно собраться съ силами и сосредоточиться, чтобы, прочитавши мрачныя соображенія проф. Голубинскаго, возражать противъ такого небывалаго приѣма и отношенія къ историческимъ документамъ и личностямъ.

Если признать зависимость опредѣленія Стоглаваго Собора объ аллилуія отъ мнѣнія и личности преп. Максима Грека, то непостижимо и нелѣпо, что принято было мнѣніе неправильное, мотивированное не правдоподобными и разумными соображеніями, а мыслями, основанными на сомнительныхъ источникахъ каково вымышленное тогда мало извѣстное житіе св. Ефросима, — житіе, исполненное несообразностей и хронологическихъ противорѣчій¹⁾; при допущенія вліянія и участія преп. Максима Грека на опредѣленіе Собора 1551 г., аргументація въ пользу „сугубой аллилуія“ должна и могла быть иная, болѣе или менѣе основанная на древности и символизаци, въ чемъ преп. Максимъ Грекъ не могъ затрудняться, имѣя въ виду практику греческой церкви, гдѣ еще въ его время по мѣстамъ было употребленіе „сугубаго аллилуія“. Если и допустить принадлежащимъ преп. Максиму „Слово къ смѣющимъ трижды глаголати аллилуія“, написаннымъ по частной просьбѣ неизвѣстнаго, вопреки убѣжденію преп. отца, какъ предполагаетъ г. Голубинскій, то нравственно и психологически невозможно согласиться съ тѣмъ, чтобы преп. отецъ, идеальный и всегда твердый и послѣдовательный въ своихъ убѣжденіяхъ и дѣйствіяхъ, рѣшилъ

¹⁾ Для ознакомленія съ содержаніемъ житія преп. Ефросима, приведемъ главные пункты, обличающіе въ составителѣ его невѣжество и обманъ съ цѣлю привлечь довѣрчиваго читателя. Авторъ „Обличенія“ доказалъ всю несостоятельность житія Ефросима. Незнѣстность писателя житія, заключающіяся въ немъ еретическія мысли, вложеніе въ уста Богоматери странныхъ мыслей о двоеніи аллилуія, какъ какой то тайны, обусловливающей дѣло спасенія людей, самый характеръ сообщенныхъ свѣдѣній въ состояніи сновидѣнія, а не въ дѣйствительности, не на яву, невѣрность толкованія слова аллилуія самого по себѣ и значенія употребленія его въ книгѣ апокалипсиса (19, 1—6)—все это, вмѣстѣ взятое, съ ошибками въ годахъ, лицахъ и событіяхъ, дало еп. Теофилактю полное право отвергать сказаніе изъ житія св. Ефросима, какъ нелѣпость, а автора его считать „предерзкимъ и преглушымъ шутомъ“. М. Макарій. Истор. р. церкви, т. VIII, 133—4 Облич. л. 35.

покривить душою въ дѣлѣ чрезвычайной важности, въ опредѣленіи помѣстнаго церковнаго собора, долженствовавшего имѣть обязательную каноническую силу и значеніе для всей русской церкви на послѣдующія времена и сдѣлаться извѣстнымъ повсюду и главнымъ образомъ въ греческой церкви, отъ лица которой онъ былъ всегда достойнымъ представителемъ, руководителемъ въ высшихъ вопросахъ вѣры, послушнымъ сыномъ и вѣрнымъ хранителемъ святоотеческихъ преданій и обычаевъ. Допустить такую позорную, безнравственную сдѣлку значило бы взять на себя такой тяжкій грѣхъ, для котораго, по тогдашнимъ временамъ, не было прощенія ни въ семъ вѣкѣ, ни въ будущемъ. Со стороны нашего ученаго, измѣряющаго идеальныхъ историческихъ дѣятелей по современнымъ типамъ, это не только не основательно, но и грѣшно; грѣшно омрачать свѣтлую личность труженика, исповѣдника и страдальца, къ плодотворной и безукоризненной дѣятельности котораго относятся съ глубокою признательностью, какъ духовные знатоки русской исторіи, такъ и свѣтскіе.

Положимъ, что истина, научная ли то, или практическая житейская выше всего и личности, но дѣло въ томъ, есть ли въ нашемъ распоряженіи ясный и вполне достовѣрный документъ, на основаніи котораго можно бы увѣренно и рѣшительно приписать преп. Максиму Греку, какъ наставленіе о сугубой аллилуіи, повліявшее будто бы на опредѣленіе Собора 1551 г., такъ и мотивировку мнѣнія его о происхожденіи и вѣрности установленія двоенія, а не троенія аллилуіи? Такого-то документа и не имѣется. Есть извѣстное „Слово о смѣющихся трижды глаголати аллилуіи“, но подлинность его по происхожденію и содержанію не только оспаривается, но и отрицается; недостовѣрность и нелѣпость содержанія его достаточно доказана авторомъ „Обличенія“, еп. Теофилактомъ Лопатинскимъ, о чемъ у насъ была рѣчь. Но какъ относится г. Голубинскій къ сомнительному документу? Не сомнѣваясь въ его достовѣрности, онъ признаетъ нелѣпость его содержанія, несвойственнаго преп. Максиму Греку. Чтобы выйти изъ явнаго противорѣчія, онъ допускаетъ неискренность со стороны преп. отца, состоящую въ намѣренномъ притворномъ искаженіи достовѣрныхъ свѣдѣній о происхожденіи «сугубой аллилуіи» и правильности двоенія ея. Но приписать преп. Максиму Греку необычный и приемъ сочинительства, значитъ признать его подверженнымъ помраченію ума или юродству, каковое состояніе, какъ болѣзненное, не при-

нимается обыкновенно во вниманіе при оцѣнкѣ дѣятельности человѣка; но ни изъ какого свидѣтельства не видно, чтобы преп. Максимъ Грекъ страдалъ, помимо физическихъ страданій отъ монаховъ волоколамскаго монастыря, разстройствомъ умственныхъ способностей или юродствомъ, въ то время довольно распространеннымъ явленіемъ среди русскихъ ¹⁾).

Но такое отношеніе къ историческимъ документамъ, ведущее къ искаженію истины, совсѣмъ не научно, произвольно и тенденціозно; это значитъ навязывать документу и выводить изъ него не то, что въ немъ содержится, а то, что желаетъ изслѣдователь, вопреки буквѣ и смыслу. Эти азбучныя научныя условія хорошо извѣстны г. Голубинскому, уже ветерану и авторитету въ дѣлѣ церковно-историческихъ изслѣдованій, но странно, когда онъ не принимаетъ ихъ во вниманіе въ данномъ случаѣ. увлекаясь своимъ излюбленнымъ, но одностороннимъ критическимъ методомъ изслѣдованія до крайности. Было бы гораздо полезнѣе, необходимѣе и научнѣе, еслибы нашъ ученый обстоятельно и критически разсмотрѣлъ „Слово“ преп. Максима, какъ документъ сомнительный и спорный, по странному содержанію своему не соответствующій взглядамъ и пріемамъ преп. отца, какъ писателя извѣстнаго.

Нахожденіе „Слова къ смѣющимъ“ въ сборникѣ сочиненій преп. Максима Грека еще не доказываетъ принадлежности его преп. отцу; названія древне-русскіе сборники получали иногда по чисто внѣшнимъ и случайнымъ признакамъ, какъ, напр., по первому сочиненію автора, по преобладающему количеству сочиненій составителя, по извѣстному содержанію ихъ, не исклю-

¹⁾ Увлечшись предвзятою мыслию о привлеченіи преп. Максима Грека къ числу сторонниковъ сугубой аллилуія, г. Голубинскій упустилъ изъ виду важное свидѣтельство автора „Увѣта духовнаго“, несомнѣнно подтверждающее взглядъ преп. отца на данный вопросъ совершенно иной, противоположный. Вотъ это свидѣтельство: «въ древнихъ греческихъ книгахъ, говоритъ авторъ „Увѣта“, въ тріоди цвѣтной, писанной въ лѣто 6852 года (1344 г.), и свидѣствованной Максимомъ Грекомъ св. горы, рукою его подписанной, въ концѣ книги, въ в. субботу на утрени по каѳизмѣ (говорится) «блажени непорочнии, по тропарѣхъ же: ангельскій соборъ удивися зря Тебе, сице написано: аллилуія, аллилуія, аллилуія, слава Тебѣ, Боже» ¹⁾. Изъ приведеннаго свидѣтельства ясно, какого взгляда держался преп. Максимъ Грекъ на спорный вопросъ; если бы онъ держался сугубой аллилуія, то не пропустилъ бы безъ поправки или замѣчанія ошибки въ книгѣ, которую онъ, просматривая и свѣряя съ древними оригиналами, долженъ былъ засвидѣтельствовать своею подписью.

¹⁾ Увѣтъ Духовный. Москва, 1892 г., изд. 2 е; лист. 150—151.

чавшему присутствія сочиненій другихъ авторовъ (какъ напр., „Книга о вѣрѣ“, „Кириллова книга“ и т. п. получили свое названіе на основаніи статей, занимающихъ въ книгахъ первыя мѣста между сборными разсужденіями разныхъ авторовъ о разныхъ предметахъ). Такимъ образомъ, со стороны ученаго требовалось тщательное разсмотрѣніе Максимовскаго сборника: нужно было опредѣлить время его составленія, самый составъ входящихъ въ него рукописей, сличеніе почерка руки преп. Максима Грека съ почеркомъ сочиненій сборника и преимущественно съ почеркомъ „Слова“, мѣсто послѣдняго въ ряду другихъ рукописей, разныя помѣтки, помарки, прибавки и т. п.; но, главное, необходимо установить, кто составлялъ сборникъ—самъ ли преп. отецъ или другой кто и изъ чего это видно ¹⁾. Но такого обстоятельнаго разбора „Слова“ не сдѣлано ни еп. Ѳеофилактомъ Лопатинскимъ, ни проф. Голубинскимъ: оба они признали содержаніе памятника нелѣпнымъ; первый на основаніи содержанія отвергаетъ достовѣрность памятника, не подвергая его разбору съ внѣшней стороны; второй признаетъ его безъ надлежащаго критическаго разбора достовѣрнымъ.

Такимъ образомъ, все побуждаетъ быть крайне осторожнымъ, дабы не привлекать преп. Максима Грека къ отвѣтственности за опредѣленіе Стоглаваго Собора о сугубомъ аллилуія—опредѣленіе, состоявшееся безъ личнаго присутствія и участія на Соборѣ преп. отца; совершенно не извѣстно, руководились ли члены Собора мнѣніемъ преп. Максима въ этомъ вопросѣ; есть основаніе отрицать вліяніе на опредѣленіе Собора со стороны преп. Максима, находившагося въ то время въ подозрѣніи и

¹⁾ Хотя г. Голубинскій и замѣтилъ въ одномъ подстрочномъ примѣчаніи, что составитель сборника—самъ преп. Максимъ Грекъ, но этого недостаточно; не видя сборника, приходится на слово вѣрить г. Голубинскому, между тѣмъ, какъ самъ онъ не довѣряетъ очевидности, не вѣритъ, напр., ни въ букву „Слова“, ни въ содержаніе „Слова“, заимствованнаго изъ сборника (*ibid.*, стр. 216, прим. 1). Названіе сборника, какъ составленнаго, по словамъ преп. отца, подъ вліяніемъ Св. Духа, не гармонируетъ съ допущеніемъ обмана относительно правильности употребленія крестнаго знаменія и аллилуія, въ явное противорѣчіе убѣжденіямъ преп. Максима Грека. Позволительно и умѣстно спросить у г. Голубинскаго: что бы сказалъ онъ, еслибы, руководствуясь способомъ его разсужденій въ данномъ случаѣ, кто либо сталъ понимать его слова и выводы въ превратномъ смыслѣ, совсѣмъ противномъ обычному употребленію?.. Зачѣмъ же другому, да притомъ идеальному лицу приписывать то, чего самъ авторъ не допустилъ бы по отношенію къ себѣ безъ явнаго противорѣчія и униженія?..

опалъ у церковныхъ властей, не говоря уже о томъ, что авторитетъ греческой церкви тогда потерялъ среди русскихъ свою силу, согласно утверженію и проф. Голубинскаго; объ ясной зависимости опредѣленія Собора 1551 г. отъ преп. Максима Грека можетъ говорить только воображеніе и настойчивое желаніе нашего ученаго критика, а не видимая фактическая и официальная сторона дѣла. Что касается до предположенія автора о томъ, будто бы преп. Максимъ Грекъ согласился, въ противорѣчіе своимъ убѣжденіямъ, написать наставленіе о двоеніи аллилуія по просьбѣ «какого либо сановитаго поборника сугубой аллилуія, надѣясь чрезъ него добиться (?) свободы отъ заточенія, анаемы или отпуска на родину, то такое предположеніе, какъ голословное, противорѣчащее высоко-нравственному облику преп. отца и его недостойное, не заслуживаетъ опроверженія; оно даже не отличается и остроуміемъ, которое иногда употребляется нѣкоторыми за отсутствіемъ доказательствъ.

На основаніи всего сказаннаго нужно признать преждевременнымъ и неосновательнымъ мнѣніе, приписывающее преп. Максиму Греку раскольническій взглядъ на двуперстіе и сугубую аллилуія, взглядъ, высказанный проф. Е. Голубинскимъ въ рѣшительномъ видѣ и даже въ формѣ обвиненія на основаніи спорныхъ свидѣтельствъ, въ угоду послѣдователямъ русскаго раскола старообрядчества и вопреки существующему взгляду православныхъ полемистовъ, какъ взгляду научно-правильному. Въмѣсто обвиненій преп. Максима Грека, и безъ того много потерявшаго при жизни отъ невѣжества, упорства и недоброжелательства со стороны современниковъ, доля справедливости требуетъ того, издать и изслѣдовать по всемъ правиламъ науки „максимовскій сборникъ“, заключающій въ себѣ два свидѣтельства о спорныхъ вопросахъ—о формѣ крестнаго знаменія и объ аллилуія; это нужно сдѣлать въ виду особенно того, что полемисты и защитники раскола прикрываются и оправдываются высокимъ авторитетомъ преп. Максима Грека въ отстаиваніи и пропагандѣ своихъ заблужденій. Послѣдователи русскаго раскола старообрядчества въ XVII—XVIII вв. ссылались на преп. Максима Грека для подтвержденія своихъ мнѣній; хотя ссылки ихъ были неудачны въ вопросахъ о формѣ перстосложенія для изображенія крестнаго знаменія (двуперстнаго), сугубой аллилуія и др., но самое обращеніе ихъ ко взгляду преп. Максима Грека свидѣтельствуетъ объ авторитетѣ преп. отца, какъ

святаго мужа, книжнаго и правильнаго, древне-русскаго свидѣтеля и защитника старины ¹⁾).

О самомъ преп. Максимѣ Грекѣ, въ заключеніе, нужно сказать слѣдующее: онъ былъ самый видный и идеальный представитель на Руси грекоправославнаго просвѣщенія, безкорыстный и скромный, высоконравственный и вѣрный своимъ убѣжденіямъ, но въ то же время и самый несчастливый, если возможно считать несчастіемъ великодушно и невинно перенесенныя страданія за правду и убѣжденія, долженствующія вполнѣ и достойно вознаградиться въ будущей жизни отъ всеправеднаго Судіи. Личность и заслуги Максима Грека въ дѣлѣ просвѣщенія Россіи XVI ст. и во вліяніи на современное ему и послѣдующее поколѣніе, достаточно оцѣненныя въ ученой литературѣ, побуждаютъ ожидать еще большаго вниманія къ нему со стороны русскихъ ученыхъ, вниманія и изученія сочиненій его не партійнаго или тенденціознаго, а безпристрастнаго и объективнаго.

Протоіерей *А. Синайскій.*

¹⁾ См. нашъ „Очеркъ о церковно-обществ. дѣятельности преп. Максима Грека по части объясненія исправленія заблужденій и недостатковъ русскаго общества XVI ст.“, гдѣ приведена почти вся литература о преп. отцѣ.

ХРОНИКА.

Лѣтопись періодической духовной и свѣтской печати и новыя книги по вопросамъ вѣры и миссiи церкви.

На литературномъ безвременьи.

(Критическіи этюды)

М. Горькій. «Мать».—Л. Андреевъ. «Элеазаръ», «Иуда Искариотъ и другіе».

Бездарный, но зато архирадикальный копѣчный листокъ, переводная брошюрка, написанная такимъ языкомъ, что черезъ каждыя двѣ строки приходится лазить въ словарь,—въ конецъ забили русскій языкъ и русскую литературу. Возьмите любой сборникъ, любой журналъ—сушь и пустота, а если и есть что, то такого пошиба, такого специфическаго привкуса, что лучше бы у автора въ моментъ писанья перо сломалось.

Возьмите послѣднія «творенія» самыхъ модныхъ, раздутыхъ рекламою писателей, Горькаго и Андреева.

Послѣ неудачнаго вояжа по Америкѣ, пославъ плевковъ Франціи, посвятивъ пошлѣйшій памфлетъ императору Германіи, получивъ заслуженную головоломку отъ полиціи въ Италіи,—нашъ патентованный «буревѣтникъ» Максимъ Горькій засѣлъ въ Сорренто и угрожаетъ читающему міру цѣлыми тремя книгами о неблагодарныхъ американцахъ и романомъ, въ которомъ сей проповѣдникъ босяцко-пролетарской морали (купившій, впрочемъ, трехсоттысячное имѣніе въ Поволжьи) общается «изслѣдовать истинную причину русскихъ бѣдствій».

Какіе «плевки» еще направитъ онъ по адресу американскихъ «буржуевъ» въ цѣлыхъ трехъ книгахъ,—какъ отомститъ имъ «великій» Максимъ за то свое подличаніе и систематическое заискиваніе предъ ними, въ которомъ обвиняетъ его въ анархическомъ органѣ „Mother Yhr“ извѣстная американская агитаторша Клейръ,—міру, покамѣсть, невѣдомо. Можно лишь быть увѣреннымъ, что эта будетъ такая же бездарная белиберда, какъ его «Мовъ», «Чарлз—мэнъ»...

Но его романъ о «корнѣ русскихъ золъ» уже начался печатаніемъ съ XVI «Сборника Т-ва Знаніе» подъ заглавіемъ «Мать».

Моды дня заставили и Горькаго спуститься съ высоты босяцко-презрительнаго верхоглядства на русскую жизнь, и заняться «сознательнымъ, идейнымъ организованнымъ пролетариатомъ». Разумѣется, — опміамъ, и пресмыканье по обычному въ наши дни трафарету.

Но это уже старо, и Горькому приходится на этомъ пути идти въ хвостъ за другими, еще болѣе, чѣмъ онъ, въ такихъ дѣлахъ опытными. Козыри тутъ не въ его рукахъ, помириться съ этимъ онъ не хочетъ, а потому съ соціальной и экономической стороны «пролетарскаго» мировоззрѣнія онъ перелетѣлъ на вопросъ о религійи, о христіанствѣ.

Но и тутъ ему не удалось особо съоригинальничать.

Извѣстенъ исконный взглядъ главарей соціализма на религію, какъ на нѣчто, связанное-де съ невѣжествомъ, притупляющее умъ, какъ опіумъ (Карлъ Марксъ), какъ на политическое средство, задерживающее наступленіе «дѣйствительной» свободы при «лучшихъ» условіяхъ общественной и экономической жизни, — взглядъ, фальшивость котораго давнымъ-давно доказана.

Если теперь Бебель заявляетъ, что небо соціалисты «предоставляютъ ангеламъ и воробьямъ», то еще „Азбука знанія для мыслящихъ людей“ спрашивала:

„Для чего тебѣ, пролетарій, желать безсмертія? Можетъ быть, чтобы бездѣйствовать и тунеядствовать на небѣ, населенномъ блаженными существами?“

Но ты и здѣсь этого не дѣлалъ. Твоя постоянная цѣль есть трудъ, вознагражденный наслажденіемъ“...

Съ той же фальшивой точки зрѣнія рѣшаетъ религіозные вопросы и Горькій устами рабочаго Рыбина, только что отвѣдавшего пролетарской «сознательности».

— „Я думаю,—заявляетъ онъ,—что религія наша фальшивая и вредная намъ“.

И авторъ доволенъ эффектомъ столь пошлой, шаблонной фразы, благо-разумно замалчивая, конечно, что и самая фраза-то эта цѣликомъ-взята въ очень скверномъ переводѣ изъ стараго- престараго изданія нѣмецкихъ соціалистовъ «Часы благоговѣнія или псалмы въ стихахъ».

Тѣ же псалмы увѣряютъ насъ, что —

...„Жалокъ тотъ,
Кто силу Бога признаетъ
И выражаетъ это“.

— что и

„Самъ Богъ и жалокъ и смѣшонъ,
Какъ рабское раба произведенье!“

Ну и Горькій перепѣваетъ это.

— „Христось,—увѣряетъ Рыбинъ,—былъ не твердъ духомъ... Пронеси, говоритъ, мимо меня чашу... И кесаря признавалъ... Богъ не можетъ признавать власти человѣческой надъ людьми,— Онъ есть вся власть! Онъ душу свою не дѣлитъ: это Божеское, это человѣческое... Если Онъ сошелъ утвердить божеское,—ему не надо ничего (?) человѣческаго.—А онъ торговлю признавалъ... и бракъ признавалъ... И смоковницу проклялъ Онъ неправильно“...

Этимъ и исчерпались всё познанія Горькаго-Рыбина въ евангельской исторіи.

Въ самомъ дѣлѣ,—«какой-то тамъ» Христосъ и кесаря признавалъ, и на казнь шелъ, а не съ пироксилиномъ и динамитомъ анархію проповѣдывалъ,—торговлю, а слѣдовательно, и собственность признавалъ, а ни воровствомъ, ни «экспроприациями», какъ сознательные пролетаріи, не занимался... Можно-ли мириться сверхъ-босяку и пролетарію съ такимъ не «товарищескимъ» Богомъ?!

И Рыбинъ заявляетъ:

— „Надо новую вѣру придумать... надо сотворить Бога для всѣхъ“...

И придумать его надо по модному способу, очевидно, путемъ всеобщаго, равнаго, прямаго и тайнаго голосованія. Рѣшеніе вопроса, быть или не быть Богу, и Богу этому или иному, Рыбинъ благосклонно предоставляетъ «народу».

— „Пусть самъ сообразить... Можетъ, онъ захочетъ все отвергнуть... всю жизнь (!) и всѣ науки,—можетъ, онъ увидитъ, что все противъ него направлено... какъ, примѣрно, Богъ церковный... Вы только передайте ему всѣ книги въ руки, а ужъ онъ самъ отвѣтитъ—вотъ“.

Рѣшивъ столь глупо (мягко говоря) вопросъ о „причинѣ всѣхъ золъ въ Россіи“, Горькій, впрочемъ, не выдерживаетъ до конца и, сбившись съ полнаго отрицанія религіи до признанія необходимости хотя бы иной, сочиненной,—сбивается еще разъ до признанія Бога существующаго, не нуждающагося въ «сотвореніи» Его Рыбиними и К-о.

— „Богъ,—заявляетъ философъ въ блузѣ,—соединяетъ человѣка во единое, круглое... Богъ всегда (?) создаетъ круглое—такова земля и всѣ звѣзды, и все (?) видимое... Острое человѣкомъ сдѣлано... Церковь же могила Бога и человѣка“.

Въ результатѣ отъ всей горьковской «Матери», обещающей быть объемистой и многолистной, получается лишь отвращеніе, презрѣніе къ рекламированному разгильдяю, сплящющемуся, въ погонѣ за модой и дешевой популярностью излюбленнымъ п л е в к о м ъ погасить недостижимое солнце.

Но все онъ пыжится: даже его единомышленники, даже окончательно окадетившаяся подъ руководствомъ Кизеветтера «Русская Мысль» рѣшаетъ: Горькій гибнетъ!

А «Товарищъ», органъ тѣхъ, передъ кѣмъ началъ теперь лебезить Горькій, даетъ ему еще болѣе рѣзкую отвѣдь:

„Я утверждаю слѣдующее: 1) сущность дарованія Горькаго—безсознательный анархизмъ. „Босякъ“—типъ не только социальный, но и общечеловѣческой, типъ безсознательнаго анархиста; 2) анархизмъ босяка Горькаго соединяется чисто внѣшнимъ образомъ съ социализмомъ; 3) полусознательное, механическое соединеніе двухъ непримиримыхъ идей—материалистическаго социализма и ирраціональнаго анархизма—пагубно повліяло на творчество Горькаго, и 4) „Философія“ Горькаго—общераспространенный, дешевый материализмъ, лженаучный позитивизмъ—философія оппортунизма (sic!), унаслѣдованная отъ вымирающей буржуазіи и находящаяся въ рѣзкомъ противорѣчій съ психологіей пролетаріата“.

Не поздоровится отъ такихъ похвалъ!

Вообще, съ легкой руки удиченнаго плагиатора (!) Г. С. Петрова, подлое хватаніе погаными руками предметовъ чужаго вѣрованія ста-

ло моднымъ, обычнымъ явленіемъ. Не преминулъ, конечно, заняться этимъ и Леонидъ Андреевъ, выступившій въ «Золотомъ Рунѣ» съ рассказомъ «Элеазаръ» и въ томъ же XVI «Сборникѣ Т-ва Знанія» — «Иуда Искаріотъ и другіе».

Элеазаръ—это вифанскій Лазарь, воскрешенный Христомъ изъ мертвыхъ. Земныя радости, конечно, могли погаснуть для того, кто позналъ тайну вѣчности.

Но настроенія возвращеннаго къ жизни близнеца, разумѣется, должны быть свѣтлыми, положительными христіанскими настроеніями. Онъ не могъ принести съ собою мрачной безнадежности: это было бы отрицаніемъ и самого чуда, и воскресившаго Христа.

Но именно послѣднее-то и хочется доказать грязному перу писателя-порнографиста. Его Лазарь является такимъ, какъ будто тамъ въ вѣчности онъ не нашелъ ничего, кромѣ зияющей пустоты и тьмы, хотя, повторяемъ, тогда не могло бы быть воскрешенія, не могло бы быть и Воскрешающаго.

Во взорѣ андреевскаго Элеазара губительная власть, убивающая надежду и радость жизни во всѣхъ, имѣющихъ несчастье встрѣтить его взоръ. Какъ новая Медуза, онъ пугаетъ всѣхъ; его избѣгаютъ, какъ прокаженнаго.

Пріѣзжаетъ къ нему знаменитый римскій скульпторъ, но отъ него уѣзжаетъ живымъ трупомъ, безучастнымъ къ жизни и ея радостямъ. Наконецъ, самъ Августъ вызываетъ Элеазара. На вопросъ Цезаря онъ отвѣчаетъ однимъ:

—Я былъ мертвъ.

И слова Цезаря замираютъ подъ мутнымъ взглядомъ воскрешеннаго, дающимъ страшное предвидѣніе будущаго. Элеазару выжидаютъ глаза, и слѣпой, слабый, обросшій лохматыми волосами, онъ, въ угоду автору, гибнетъ въ пустынѣ.

Исказивъ такъ значеніе Христова чуда, обративъ его въ какое-то проклятіе воскрешенному, Андреевъ еще безцеремоннѣе обошелся и съ исторической истиной, въ другомъ рассказѣ «Иуда Искаріотъ и другіе», причемъ, какъ изъ Лазаря Андреевъ сдѣлалъ зачѣмъ-то Элеазара, такъ и уроженца города Искаріоты онъ ухитрился обратить въ Иуду «изъ Каріота».

Отвратительный образъ ученика-предателя интересовалъ многихъ и ученыхъ, и поэтовъ, и драматурговъ. Чего добивался Иуда, предавая Спасителя? Евангеліе Іоанна изображаетъ намъ предателя самыми непривлекательными штрихами. Православная Церковь въ своихъ пѣснопѣніяхъ объясняетъ ужасное преступленіе «недугомъ сребролюбія», которымъ былъ одержимъ Искаріотъ.

Разъ говоритъ Церковь, то это, слѣдовательно, — неглубоко, нетонко, несправедливо въ глазахъ ея враговъ. И начинаются поиски за другими объясненіями причинъ предательства, начинается идеализація предателя.

«Предательство совершено потому, что Иуда хотѣлъ ускорить воцареніе Мессіи, вѣря въ невозможность Его смерти». — Чѣмъ не объясненіе? И за него ухватываются Бардтъ, Лайтфутъ, Лиде, Нимейеръ, Павлюсъ, Тидъ, Шолмейеръ и другіе «мейеры» и нашъ Аскоченскій.

«Предательство совершено потому, что Иуда разочаровался во Христа», т. е. опять таки былъ правъ. Тоже «хлесткое» объясненіе, и за него жадно схватываются Кеймъ, Горскій и Муретовъ.

«Никакого Иуды не было—все это мнѣ»,—рѣшаетъ Штраусъ.

«Предательство—результатъ бережливости Иуды: Христось слишкомъ дорого обходился своей духовной семьѣ», рѣшаетъ Ренайтъ. Но это уже совсѣмъ ближе къ церковному объясненію «недуга» предателя.

Всего этого, какъ ни какъ, недостаточно для полной реабилитации Иуды, для возведенія его на пьедесталъ. Нашимъ порнографистамъ и тутъ было суждено побить рекордъ, и Андреевъ рѣшилъ:

«Христось преданъ потому, что Иуда слишкомъ любилъ Его, любилъ больше, чѣмъ «другіе» одиннадцать апостоловъ, и самъ былъ лучше (!) ихъ». Исторія не знаетъ предательства изъ любви и повѣсившихся триумфаторовъ,—что жъ, тѣмъ оригинальнѣе!

Впрочемъ, Иуда и въ изображеніи Андреева мерзавецъ (разумѣйде, каковы остальные одиннадцать, бывшіе куда хуже Иуды!). Онъ

«всюду лжетъ, кривляется, зорко высматриваетъ что-то своимъ воровскимъ глазомъ и вдругъ уходитъ внезапно, оставляя по себѣ непріятности и ссору, любопытный, лукавый и злой, какъ одноглазый бѣсъ».

Обладающій хорошимъ здоровьемъ, Иуда для чего-то притворяется болѣзненнымъ, хилымъ. Всѣ дѣйствія свои онъ сопровождаетъ пискомъ, воплемъ и смѣхомъ, похожимъ на лай гіены.

На что-жъ изъ этого? По Андрееву, Самъ Христось, слушая шутки и Петра,

„такъ хохоталъ надъ ними, что на нѣсколько минутъ приходилось останавливать разговоръ“

И Петръ, по мнѣнію писателя-порнографиста, былъ чѣмъ-то вродѣ гоголевскаго бурсака,—пьяница и честности неважной.

Иуда, напримѣръ,

„самъ покупалъ, отчаянно торгуясь, дорогое вино для Іисуса и потомъ очень сердился, когда почти все его выпивалъ Петръ съ равнодушіемъ человѣка, придающаго значеніе только количеству“.

Далѣе,—Иуда былъ воръ. Разъ онъ укралъ три динарія. Господь простилъ его.

— „Никто не долженъ считать, сколько денегъ получилъ Иуда. Онъ нашъ братъ, и всѣ деньги его, какъ и наши, и если ему нужно много, пусть беретъ много, никому не говоря и не совѣтуясь“.

Въ другой разъ Иуда ухитрился украсть у римскихъ легионеровъ два меча.

„Ѳома задумался и печально сказалъ:

— Опять ты поступилъ нехорошо, Иуда. Зачѣмъ ты крадешь?

— Но вѣдь нѣтъ-же чужого?“

Дѣйствительно,—Иудина мораль!

Но за то, по мнѣнію Андреева, никто не могъ такъ любить, такъ обожать Христа, какъ этотъ мерзавецъ—Иуда. Онъ выручаетъ Христа въ критическихъ случаяхъ. Такъ, въ одномъ селеніи Его встрѣтили очень недружелюбно и хотѣли побить камнями и Его, и Его учениковъ. Спасъ Его, конечно, Иуда, а не кто-нибудь другой.

„Онъ кричалъ, что вовсе не одержимъ бѣсомъ Назорей, что Онъ просто обманщикъ, воръ, любящій деньги; какъ и всѣ его ученики, какъ и самъ Іуда—потрясалъ денежнымъ ящикомъ, кривлялся и молилъ, припадая къ землѣ. И постепенно гнѣвъ толпы перешелъ въ смѣхъ и отвращеніе, и опустили поднятыя съ каменьями руки.

— Недостойны эти люди, чтобы умереть отъ руки честнаго,—говорили одни, въ то время, какъ другіе задумчиво провожали глазами быстро удалявагося Іуду“.

Изъ страстнаго, ревниваго обожанія Учителя Іуда и предать Его. Пусть Іисусъ убѣдится, что никто—ни Петръ, ни Іоаннъ, ни Матвѣй—не пойдетъ за Нимъ. А Іуда пойдетъ. Ихъ будетъ только двое.

Андреевъ для чего-то, вопреки прямымъ указаніямъ евангелистовъ, заставляетъ Іуду нѣсколько разъ встрѣчать отказы первосвященника. Наконецъ, сдѣлка состоялась. Іуда вступаетъ въ «горячій и бѣшеный торгъ» (при чемъ торгъ, разъ предательство не изъ-за денегъ?), хохочетъ, когда Іисуса оцѣниваютъ въ тридцать сребренниковъ—цѣну раба, или блудницы—«пробуетъ на зубахъ» монеты.

Слѣдуетъ предательскій поцѣлуй въ саду Геосиманскомъ.

Вытянувшись въ сотню гремящихъ, рыдающихъ струнъ, онъ быстро рванулся къ Іисусу и нѣжно поцѣловалъ его въ холодную щеку. Такъ тихо, такъ нѣжно, съ такой мучительной любовью и тоской, что будь Іисусъ цвѣткомъ на тоненькомъ стебелькѣ—онъ не колыхнулъ бы его этимъ поцѣлуемъ и жемчужной росы не сронилъ бы съ этихъ лепестковъ“.

Не смущаетъ андреевскаго Іуду и вопросъ Предаваемаго:

— «Цѣлованіемъ ли ты предаешь Сына человѣческаго?»

Безмолвнымъ и гордымъ, какъ смерть въ своемъ гордомъ величіи, стоялъ Іуда изъ Каріота, внутри его стонало, ревѣло и выло тысячью буйныхъ и огненныхъ голосовъ.

— Да! Цѣлованіемъ любви предаемъ мы Тебя на поруганія, на истязанія, на смерть! Голосомъ любви скликаемъ мы палачей изъ темныхъ норъ и ставимъ крестъ—и высоко надъ теменемъ земли мы поднимаемъ на крестъ любовью распятую Любовь!“

Христось осужденъ—Іуда цѣлуетъ руки Пилату.

Христось распятъ—Іуда трепещетъ.

„Вдругъ всю свою грозную массою они двинуется впередъ, молча, безъ крика, сотрутъ солдатъ, зальютъ ихъ по уши своею кровью, вырвутъ изъ земли проклятый крестъ и руками оставшихся въ живыхъ выско надъ теменемъ земли поднимутъ свободнаго Іисуса“.

Христось померъ—Іуда, швыряетъ «въ лица первосвященника и судей» сребренники и чувствуетъ себя побѣдителемъ. Онъ заявляетъ апостолу:

— „Я иду къ Нему. Кто за Искаріотомъ къ Іисусу?“

И автору Іуда кажется героемъ, онъ видитъ въ немъ какое-то необыкновенное благородство. И прежде всего предатель, агунъ и воръ—выше всѣхъ «другихъ» апостоловъ!

Идеализированье предательства, лжи, хитрости, воровства и другихъ преступленій, униженіе христіанской добродѣтели—цѣль «Іуды Искаріота и другихъ».

Отрицаніе благотворнаго значенія чудесъ Христовыхъ и внушенія понятія о безнадежности загробнаго существованія—цѣль «Элеазара».

Упраздненіе Христа, какъ несоотвѣтствующаго «товарищескимъ» вкусамъ—цѣль «Матери».

Уже и сейчасъ достаточно ясно обрисовалось направленіе модныхъ искателей «новой правды»,

Что-же дастъ намъ дальше наше литературное безвременье?! ¹⁾

Я. Г. Булановъ.

И. Потапенко. Непреклонный іерей. Русское Божіе слово. Ноябрь.

I.

Римъ—сказалъ. Roma locuta est.

Это мы про г. Потапенко.

Онъ какъ-то замолкъ и молчалъ долго. Правда, это молчаніе было относительнымъ. Его перо не знало отдыха и покоя. Но онъ писалъ на общія идейныя темы,—такъ сказать, временно покинулъ тѣ тучныя пажити, съ которыхъ онъ собиралъ обильные плоды въ нѣсколько дней своей литературной славы.

Онъ когда-то сорвалъ крупный кушъ на идейности и сознательности въ примѣненіи ихъ къ русскому православному духовенству. У него были свои герои въ скромной рясѣ сельскаго священника. «Окружающая среда» была, конечно, ужасна. Иначе не можетъ быть никакой идейности. Идеиность-бы и не торжествовала, если-бы никакая среда не заѣдала героя, хотя по здравому смыслу всегда выходило такъ, что не среда заѣдала героя, а герой заѣдалъ среду. Но уже таковъ жаргонъ современнаго мечтательнаго романа.

Прежніе герои г. Потапенко въ водоворотъ новой политической жизни сразу-же устарѣли, покрылись пылью и, какъ кадеты, потеряли свою популярность. Мыслящая Россія мирилась только на трудовиковъ и социаль-революціонеровъ.

И г. Потапенко остался за флагомъ. Онъ очень много писалъ, его печатали и, вѣроятно, подписчики журналовъ его читали, но властителемъ думъ и пророкомъ жизни онъ уже не былъ...

Пришли другія времена,
Явились новые герои...

Не надо быть литературнымъ критикомъ, чтобы сразу-же понять, въ чемъ тутъ дѣло. Г. Потапенко не высказывался въ полной мѣрѣ, т. е. съ должною степенью сознательности и вооруженности, по аграрному вопросу, т. е. по вопросу о томъ, когда и какъ именно надо поджигать усадьбы и громить частную собственность.

Отъ него собственно ждали специальной работы. Какъ знатокъ и обличитель помѣстнаго духовенства, онъ долженъ былъ дать авторитетное указаніе, какому наказанію подлежатъ пастыри сельскихъ приходовъ за произнесеніе въ церкви поученій и проповѣдей въ защиту частной земельной собственности.

¹⁾ И что дастъ дальше Св. Руси хулиганская „свобода печати“? Ред.

Органы оппозиціонной и революціонной печати долго ждали отъ него обязательно присяги на вѣрность, но онъ почему-то медлилъ.

Нынѣ жребій брошенъ, и Рубиконъ перейдевъ.

Г. Поталенко присягнулъ передъ знаменами пролетаріата.

Онъ написалъ свой проектъ рѣшенія этого вопроса, озаглавилъ его «Непреклонный іерей» и напечаталъ его въ «Русскомъ Богатствѣ».

По его заключенію, іерей, виновный въ произнесеніи съ церковнаго амвона проповѣди въ защиту частной земельной собственности, карается поджогомъ службъ и частичнымъ, т. е. не до тла, разгромомъ плодovъ и орудій хозяйственнаго производства.

Всѣ о.о. благочинные социаль-революціонныхъ и социаль-демократическихъ округовъ теперь выдадутъ ему патентъ политической благонадежности и пролетарской правовѣрности за эту работу. Формальность исполнена. Благонамѣренность засвидѣтельствована. Паспортъ выданъ... Но

Сомнительно уклончивое слово
И вѣры нѣтъ лукавому льстецу.

Чтобы отбыть обязательную для идейнаго писателя повинность, г. Поталенко изложилъ свой проектъ уголовного кодекса для сельскаго духовенства въ беллетристической формѣ, хотя ни въ фабулѣ, ни въ рѣчахъ дѣйствующихъ лицъ нѣтъ никакихъ данныхъ для художественнаго творчества.

А беллетристическая форма имѣетъ свои Сциллы и Харибды, особенно для уголовного законопроекта.

Авторъ изъ соображеній главнымъ образомъ полнотности, можетъ меньше потратить пороку на идейность и сознательность платформы и больше на красоты мѣстной природы и мѣстнаго колорита, на звуковые и свѣтовые эффекты, на общеустановленную лирику и партійный пафосъ изложенія.

Эта Сцилла

Съ другой стороны, какъ полагается, Харибда.

Чтобы придать себѣ видъ большей убѣдительности и авторитетности, авторъ сразу говоритъ тремя языками: 1) огненнымъ, отъ имени о. Станислава Войтковскаго, не то большевика, не то максималиста; 2) суконнымъ, отъ имени о. Платона Немоенко, который ни въ тѣхъ, ни въ сѣхъ, ни туда, ни сюда, ни Богу свѣчка, ни чорту кочерга, что-то въ родѣ кадета—и 3) сатанинскимъ, отъ имени о. Кузьмы Рубиکوнова, который и въ Бога вѣруетъ и за частную собственность стоитъ, т. е. является черносотенцемъ, провокаторомъ и сатрапомъ, занимается доносами и бережетъ свое хозяйство.

Но эта тройственность языка не производитъ должной иллюзіи: слишкомъ замѣтно, что дѣйствуетъ и вращается собственно одинъ языкъ, языкъ г. Поталенко,—вращается на три стороны, работаетъ, такъ сказать, за трехъ, но въ каждомъ направленіи своей тройственности обнаруживаетъ своеобразный оттѣнокъ картавости и установленнаго косноязычія.

Тутъ тоже новая опасность. Когда одинъ говоритъ за троихъ, у этого одного должно быть много логики и декламации, діалектики и софистики. Но когда запасовъ не хватаетъ и на одинъ ротъ, а надо накормить пустые желудки трехъ вѣжковъ,—литературный пиръ пріобрѣтаетъ шумный, но не сытный колоритъ.

Впрочемъ, пусть судятъ сами читатели.

II.

О. благочинный отъ имени преосвященнаго словесно предложилъ священникамъ своего округа въ торжественные дни произносить проповѣди въ честь и похвалу частной собственности. Двѣ трети благочинія тотчасъ замечали, если не о вооруженномъ возстаніи, то по меньшей мѣрѣ объ общей политической и пастырской забастовкѣ, какъ заявленіе своей симпатіи къ воинствующему пролетариату.

На кадетовъ сама судьба валитъ всѣ шишки: о. Немоенко пришлось «выступить» первымъ и на торжественное богослуженіе въ храмовой день приходской церкви онъ пригласилъ на сослуженіе двухъ сосѣднихъ священниковъ, о. Войтковскаго и о. Рубиконова. Батюшки приняли приглашеніе,—отчасти для того, чтобы на митингъ изыскать средства для организованной борьбы съ о. благочиннымъ, потрясти существующій строй и возродить человѣчество.

Художнику свойственно говорить образами. Въ рукахъ опытнаго мастера борода и животъ иногда говорятъ больше, чѣмъ политическія рѣчи и проповѣди. Этимъ пріемомъ охотно пользуется и г. Потапенко. Вотъ внѣшній обликъ отцовъ іереевъ, зеркало ихъ политической непреклонности или преклоняемости.

Первое мѣсто, конечно, большому гостю: о. Станиславу Войтковскому.

«Лицо у него было необыкновенно смуглое, за что въ семинаріи еще его звали «цыганомъ». Недлинная, но очень густая борода, густыя, тоже недлинные кудри были черны, какъ смоль. И глаза у него были черные, но въ нихъ не было обычнаго для этого цвѣта жестокости, взглядъ ихъ былъ нѣсколько безпокойный, но мягкій. Эти глаза всегда казались думающими, ихъ выраженіе часто мѣнялось, особенно когда о. Станиславъ съ кѣмъ-нибудь разговаривалъ. Это были въ высшей степени живые глаза».

Не то Спорафучиле, не то Ринальдо-Ринальдини,—во всякомъ случаѣ, что то экзотическое, восточное,—скорѣе рамишвилевское, чѣмъ плехановское. Очевидно, будущая первая скрипка въ освободительномъ трио.

По семинаріи о. Станиславъ и о. Платонъ Немоенко—товарищи.

Они были очень различны не только по цвѣту лица и волосъ (о. Платонъ былъ чистѣйшій блондинъ, и у него такіе были золотисто-свѣтлые волосы, что казалось, будто они лучились), а и по фигурѣ и манерамъ. О. Станиславъ былъ довольно высокъ, худощавъ и подвиженъ, говорилъ баскомъ, отрывисто, скоро, иногда запинаясь. Отецъ-же Платонъ имѣлъ уже обнаружившуюся склонность къ полнотѣ, и его молочныя щеки были какія-то пухлыя. Двигался онъ не спѣша, какъ-то разсудительно дѣлая каждый шагъ, говорилъ приятнымъ теноромъ, слегка нараспѣвъ».

Какая-то странная помѣсь Обломова и Собакевича съ Мангловымъ, что-то расплывчатое и растяжимое, то расплывающееся, то вдругъ съеживающееся, полное добрыхъ намѣреній и уклончивости, такъ сказать, родичево-набоковское или струве-милюковское, малиновый кисель съ кафенскимъ перцемъ и русской горчицей.

Какъ и подобаеть социаль-революционеру, о. Станиславъ съ о. Платономъ былъ близокъ, а съ отцомъ Кузьмою далекъ.

«Всегда это былъ человекъ хитрый, ловко приспособляющійся къ обстоятельствамъ, а вотъ о. Платонъ считаетъ это мудрымъ. Но о. Станиславъ не высоко цѣнилъ эту мудрость».

Онъ былъ невысокій, широкоплечій и какъ-то необыкновенно крѣпко сложенный. Большая голова его, уже на половину лысая (онъ былъ лысъ еще въ семинаріи), была именно приставлена къ плечамъ, шея совсѣмъ у него не было видно; лицо круглое и загорѣлое, глаза бѣгающіе и хитрые, борода и усы рѣденькіе, неопредѣленнаго цвѣта».

Словомъ, змѣи, ящера и жабы, «чудище обло, огромно, озорно, стозѣвно и даяй», виргилиевскій церберъ, ангелъ съ мечомъ у двери затвореннаго рая, истый черносотенникъ, т. -е. православный, безъ всякихъ признаковъ розановской миквы и апокалипсическаго агнца по кухоннымъ рецептамъ г. Мережковского—такъ сказать, исконный врагъ скоропачительной сознательности и легкомысленной вооруженности. До нѣкоторой степени въ семьѣ г. Потапенко это тотъ англійскій придворный мальчишка для съченія, котораго больно съкли за шалости принцевъ, чтобы наглядно показать имъ дѣйствія розогъ.

Отецъ Платонъ, находчивый и сообразительный, какъ и подобаеть кадету, рѣшилъ служить не всеобщую, а утреню, чтобы тремъ іереемъ послѣ вечерни «поужинать не грѣхъ было». Такимъ образомъ, въ іерейскомъ триклиніи сошлись: крайній лѣвый кадета и мѣстный «сатрапъ» въ рясахъ.

Здѣсь замѣтны слѣды литературнаго плагиата. Свой замыселъ г. Потапенко заимствовалъ, повидимому, изъ «Божественной комедіи» Данте, только девять круговъ дантовскаго ада онъ сократилъ до трехъ т. е.: въ верху Станиславъ, бомбометатели и экспроприаторы, ниже о. Платонъ, т. е. кадеты, теплые ребята, но ни холодные и не горячіе, которыхъ «не принимаетъ небо, потому что они его недостойны, но не принимаетъ и адъ, чтобы грѣшники при видѣ ихъ, не стали гордиться»,—и въ самомъ низу о. Кузьма, въ роли Вельзевула съ Іудою и Кассиемъ на колѣняхъ, мохноногіи стражъ геенны огненной и частной собственности.

Диспозиція предстоящей баталіи готова.

Сценическая ремарка. «Вотъ пришло новое время, совсѣмъ новое, какого и ожидать нельзя было, какое, какъ казалось ни изъ чего вытекало».

Поправка къ ней... Казалось и—оказалось.

III.

Суть идейной беллеристики въ политико-экономическомъ трактатѣ г. Потапенко, какъ мы видимъ, сводится къ аграрному вопросу. Чтобы сберечь мѣсто и не повторяться, по фактическимъ даннымъ разсказа

отмѣтимъ имущественное положеніе трехъ отцевъ іереевъ и ихъ мораль по вопросамъ частной собственности вообще.

Начнемъ снизу.

«О. Кузьма дѣятельно ховяйничалъ на церковной землѣ, отъ которой получалъ дохода больше, чѣмъ отъ церкви, и это всегда былъ у него первый предметъ для разговора. Онъ зналъ городекія цѣны на всѣ сорта хлѣба и даже могъ предсказать, поднимутся цѣны или упадутъ. И онъ умѣлъ свой хлѣбъ выдержать до хорошихъ цѣнъ, хотябы для этого пришлось ему держать его въ амбарѣ всю зиму».

Земля для него была основа. Онъ замыслилъ на ней сдѣлать большое дѣло. Толковый, способный, изобрѣтательный, онъ умѣлъ подобрать такіе сорта хлѣбовъ, которые на ней отлично родились, и въ то время, какъ у мужиковъ былъ неурожай, на его поле можно было залюбоваться».

Крестьянамъ онъ не былъ симпатиченъ, но какъ человѣкъ осторожный и хитрый, онъ умѣлъ держать себя искусно. Во время послѣднихъ событій, когда всѣ деревни были заполнены однимъ словомъ «земля», онъ, когда его объ этомъ спрашивали, высказывался очень ловко. Пузыревцы (его прихожане) были, конечно, прежде всего земледѣльцы. Но, окруженные водой, они волей-неволей притягивались къ рыболовству. У всѣхъ у нихъ водились лодки и сѣти, и всѣ умѣли рыболовствовать.

«Но бѣда была въ томъ, что вся, окружавшая ихъ, вода принадлежала не имъ, а помѣщику. Какимъ-то непонятнымъ ходомъ, при надѣлѣ земель во время освобожденія, сумѣли всю воду оттягать въ удѣл помѣщику, и крестьяне должны были или брать въ аренду воду, или платить за каждую ловлю. Большею частью выходило такъ, что имъ не удавалось сговариваться съ помѣщикомъ и воду забиралъ въ свои лапы какой-нибудь подрядчикъ, а ему приходилось платить почти вдвое.

«И вотъ, когда мужики спрашивали о. Кузьму о его мнѣніи на счетъ прирѣзки земли, онъ отвѣчалъ, какъ истинный мудрецъ:

— Да что земля! Земля, конечно, дѣло хорошее, а только вотъ пузыревцамъ не земли надобно спрашивать, а воды побольше...

«Пузыревцы находили это остроумнымъ и смѣялись, а о. Кузьма, благодаря этому, какъ нельзя лучше избѣгалъ прямого отвѣта на вопросъ».

Подведемъ нѣкоторые итоги. О. Кузьма любилъ и понималъ сельское хозяйство. Своимъ примѣромъ онъ давалъ драгоценный урокъ своимъ прихожанамъ. То, что онъ дѣлалъ, въ печати и обществѣ принято называть «интенсификаціею производства». Этимъ особенно гордились и гордятся помѣщики-дворяне и главнымъ образомъ въ этомъ, помимо юридическаго, видятъ свое нравственное право на частную земельную собственность. Всѣ эти доводы и доказательства о. Кузьма могъ-бы повторить и отъ своего имени.

Это разъ. Потомъ, интенсификація производства повышаетъ и доходность земли. Это избавляло отъ прижимистости въ вымогательствахъ усиленной платы за требоисправленіе. Значить, это содѣйствовало установленію лучшихъ отношеній между священникомъ и приходомъ. Да и г. Потапенко не обвиняетъ его въ мздоимствѣ.

Прихожане будто-бы не симпатизировали аграрнымъ воззрѣніямъ о. Кузьмы. Ну, это понятно. Въ этомъ виноватъ Генри Джорджъ и Марксъ, догмы которыхъ такъ усердно перевирали доморощенные агитаторы и пропагандисты. О. Кузьма дипломатично уклонялся отъ этихъ философскихъ споровъ: мужики плохіе философы и теоретическіе споры съ ними ни къ чему не ведутъ. А агитаторы на этой почвѣ несутъ иногда какую-то чепуху и ерунду, какъ о. Станиславъ и г. Потапенко, такъ что спорить съ ними—только время и легкія тратить и портить. Придетъ время и они отрезвѣютъ. А пока—мели Емезя, твоя недѣля...

IV.

Поднимемся выше, къ о. Платону Немоенко и къ самому о. Станиславу.

«О Платонъ тоже занимался землей, но безъ умѣнья и таланта, и у него хозяйство шло плохо. Что-же касается о. Станислава, то онъ свою церковную землю отдавалъ за «скопчину», т. е. за извѣстную долю и его эти вопросы не интересовали».

Такимъ образомъ, строго говоря, къ аграрному вопросу причастенъ только одинъ о. Кузьма. О. Платонъ Немоенко—типъ интеллигентнаго помѣщика средней руки, который не бросаетъ хозяйства, но ведетъ его спустя рукава, какъ придется, и предается праздной мечтательности либеральнаго отгѣнка. О. Станиславъ Войтковскій пролетарій до мозга костей, не то марксистъ, не то трудовикъ, совершенно случайно надѣвшій рясу и, такъ сказать, только ожидающій очереди идти въ монастырь на клиросное послушаніе. Его пастырское званіе—какое-то роковое и странное заблужденіе, которое станетъ невозможнымъ, когда жизнь установитъ достаточно высокой умственный и нравственный цензъ для лицъ, принимающихъ священство.

Отношеніе къ церковной земельной собственности—уже заранѣе опредѣляетъ политическую платформу трехъ іереевъ, собравшихся у о. Платона.

Застрѣльщикомъ въ спорѣ выступаетъ самъ г. Потапенко, конечно, въ образѣ своего героя, о. Войтковскаго.

— Ты своихъ прихожанъ знаешь... Какіе имъ были даны надѣлы при освобожденіи?—спрашиваетъ о. Станиславъ о. Платона.

— По четыре съ половиной.

— Такъ. Съ тѣхъ поръ народилось пять поколѣній. Четыре съ половиной десятины въ большинствѣ раздробились на пять частей, такъ это выходитъ меньше одной десятины на семью. Вотъ и скажи: можетъ семья жить на доходъ менѣе, чѣмъ съ одной десятины?.. Нѣтъ ты только это скажи...

— Ну, что-жь... Ясно... Не можетъ...

— Слѣдовательно земля мужику необходима?

— Н-да, разумѣется...

— Слѣдовательно, это не бредни?

— Въ дѣйствительности, конечно...

— Слѣдовательно,—съ безпощадной логичностью спорщика говорилъ

о. Станиславъ:—сѣдовательно, объявляя въ церкви, что это бредни, ты скажешь явную ложь...»

Ну, «безопасность» такой логичности—іереею, даже сельскому, не въ честь и не въ славу. Съ такою логикою и моральною и пономарю не найти мѣста. Такая «безопасность» только такимъ нашимъ идейнымъ журналамъ, какъ «Русское Богатство», и по плечу.

Очевидно, что понятіе о «необходимости» въ головѣ о. Станислава сломало всю систему логики. Извѣстно, что чѣмъ шире аппетиты, тѣмъ шире предѣлы «необходимости». Если дать волю толкованіямъ о. о. Станиславовъ, «необходимость»—партиійная и односторонняя,—сѣсть большую половину населенія. Сокровенная логика тутъ та: земли мало, людей много; надо убавить людей, чтобы прибавилось земли.

Малоземелье въ исторіи не новость. И изъ-за земли не на животь, а на смерть дрались народы. Чужую землю брали силою оружія. Но въ предѣлахъ своего племени такъ вопросъ о малоземельи рѣшали только канибалы и дикари.

Когда и почему вдругъ такъ задичалъ о. Станиславъ, т. е. г. Потапенко, сказать трудно. Впрочемъ, идейная беллетристика въ толстыхъ журналахъ—дама капризная. Ей подавай, чего ей нога хочетъ. По временамъ ей такія вещи «необходимы», отъ которыхъ всякаго порядочнаго человѣка въ краску вгонить. И вопліи понятно, по какимъ соображеніямъ полнотности и популярности г. Потапенко приносить такія жертвы на алтарь «Русскаго Богатства». Но зачѣмъ-же такъ клеветать на о. Станислава? Слова нѣтъ, по попущенію Божію бываютъ и неразумные іереи, которые въ дебряхъ теорій способны въ трехъ соснахъ запутаться. Но развѣ ихъ уже такъ много? И если они бываютъ, почему-же идейные беллетристы именно передъ ними гнуть свою легкомысленную голову?

Тутъ, кажется, сельское духовенство винить нельзя. Тутъ вся вина на идейныхъ беллетристахъ: это они рисуютъ то, чего на самомъ дѣлѣ нѣтъ, но что надо измышлять ради партиійности и тенденціозности.

Самый умный и толковый изъ трехъ іереевъ, понятно, о. Кузьма. Именно поэтому, г. Потапенко и старается ему свинью подложить. Что же? Въ своихъ разсказахъ онъ полный хозяинъ. Тутъ у него своя рука владыка. Но... шила въ мѣшкѣ не утаишь.

Какихъ ни измышляй причинъ,
Чтобъ мужу бую умудриться,—
Нельзя-же вѣкъ носить личинъ
И истина должна открыться.

И на зло г. Потапенку—она и открывается.

— Позвольте вмѣшаться,—въ высшей степени деликатно сказала о. Кузьма,—я не вполне раздѣляю ваше мнѣніе. Но если оно такое, то вы имѣете полную возможность осуществить его, отдавъ причитающуюся вамъ церковную землю въ безвозмездное пользованіе мужикамъ.

— ...Я вамъ скажу, что я уже это сдѣлалъ.

— Какъ? Сдѣлали?—вопросилъ о. Кузьма и отъ изумленія даже поднялся на мѣстѣ.

— Именно. Я предоставилъ свою землю мужикамъ.

— На какихъ-же условіяхъ?

— Прежде мнѣ шла третья копна, а нынче я сказалъ; что останется, дадите, сколько захотите.

— Вотъ какъ! Ну, это, знаете, знаете, это—пагубно. Вы показываете плохой примѣръ. Завтра придуть ко мнѣ мои прихожане и скажутъ: вотъ бурячковой батюшка своимъ отдалъ землю, давай и ты намъ. А я, знаешь, на это не согласенъ,

— Это дѣло ваше, о. Кузьма».

Но у о. Кузьмы было доказательство и болѣе сильное, которое онъ приберегъ къ концу.

— Да въ сущности, разъ она церковная, вы не имѣете права...

— Ну, о. Кузьма. Давайте, лучше кончимъ этотъ разговоръ,—стараясь, чтобы его голосъ звучалъ какъ можно болѣе примирительно, промолвилъ о. Станиславъ,—завтра мы съ вами за однимъ престоломъ обѣдно служимъ, зачѣмъ-же намъ ссориться? Давайте говорить о нашемъ простѣ»...

Таковы рѣчи кадетовъ. Они хотятъ говорить «какъ можно болѣе примирительно» о такихъ вопросахъ, по которымъ никакое примиреніе невозможно. О. Кузьма приперъ о. Станислава къ стѣнѣ. Тутъ дѣйствительно логичность беспощадна. А о. Станиславъ старается сохранить видъ гордаго превосходства и съ удивительнымъ легкомысліемъ считаетъ споръ оконченнымъ тамъ, гдѣ онъ только еще начинается.

У о. Кузьмы есть исторія, есть прошлое и будущее, есть почва подъ ногами, съ которой его не собьешь избитой фразой. О. Станиславъ. дитя мгновенія, случайной фразы, перваго впечатлѣнія, нербдуманнаго порыва, степной ковыль на почвѣ логики и жизни. По своему, онъ характеренъ. Характеренъ, только какъ герой г. Потапенко. Въ его болтовнѣ звучитъ такое всестороннее непониманіе, такое неприкрытое невѣжество, которое по нынѣшнимъ временамъ—такъ цѣнится на рынкахъ пролетарской идейности.

V.

Философскій и научный багажъ о. Станислава по аграрному вопросу, какъ мы видѣли и еще увидимъ,—почти котомка нищаго. Тамъ только черствые огрызки чужихъ необдуманныхъ фразъ и чужой легковѣсной мечтательности. Но онъ чувствуетъ себя такимъ мудрецомъ и героемъ, какихъ еще не видало солнце при существовавшемъ и пока что еще существующемъ строѣ.

Въ ночь передъ праздникомъ онъ не спалъ и тѣшилъ себя великолѣпными мечтами.

«Пустое это—всѣ эти страхи на счетъ лишенія прихода, ссылка въ монастырь и т. п. Пусть призовутъ его и спросятъ: почему? И онъ объяснитъ и они поймутъ, что онъ не можетъ идти противъ своей совѣсти.

«Нѣтъ, не выйдетъ онъ къ народу и не скажетъ того, что считаетъ неправдой. Да и какъ это сдѣлать? Постоянно общался съ прихожанами, онъ уже много разъ бесѣдовалъ съ ними о землѣ и всегда приз-

навалъ справедливость ихъ требованій. Да и свою землю, церковную, онъ отдалъ въ общее пользованіе именно по этому самому. Стало невозможнымъ, получая доходы за требы отъ тѣхъ-же крестьянъ, еще пользоваться землею, отрѣзанной отъ ихъ-же скудныхъ надѣловъ.

«Вѣдь церковная земля не съ неба свалилась. Ее отдѣлили нѣкогда отъ крестьянской-же части. Какъ же не вернуть его добро человѣку, который обдѣлѣвъ, впалъ въ нищенское состояніе?»

«И вотъ хотятъ, чтобы онъ, послѣ всего этого, вышелъ въ церкви къ народу и говорилъ противъ его законныхъ желаній и противъ себя самого. Нѣтъ, этого нельзя требовать отъ человѣка, особенно отъ служителя церкви, который долженъ сохранять за собой доброе вліяніе на паству.

„Но, когда онъ думалъ о завтрашнемъ днѣ, ему становилось страшно. Вѣдь о. Платонъ считаетъ себя обязаннымъ въ точности исполнить указаніе благочиннаго и именно завтра, въ храмовой день, сказать то, что отъ него требуютъ.

„Какъ-же это будетъ? Онъ, о. Станиславъ, будетъ участвовать въ этой службѣ, онъ будетъ стоять въ алтарѣ и слышать, какъ этотъ обдѣнный, слабый духомъ человѣкъ, будетъ говорить своимъ прихожанамъ неправду... Какъ онъ будетъ краснѣть, какъ ему будетъ стыдно за товарища, за свой санъ“.

Трудно допустить, что о. Станиславъ дѣйствительно окончилъ полный семинарскій курсъ. Къ вопросамъ теоретическаго мышленія онъ относится съ тѣмъ простодушнымъ невѣжествомъ, какое рѣдко встрѣчается даже у безграмотнаго человѣка. Онъ въ первый разъ поднимаетъ край той завѣсы, за которою скрываются тайны исторіи и культуры.

О. Платонъ, конечно, не въ счетъ. Въ его совѣсти—какая-то идейная каша, пища еще безсловеснаго ребенка. За что сталъ-бы краснѣть о. Станиславъ, если бы проповѣдь говорилъ не о. Платонъ, а о. Кузьма? Это уловка г. Потапенка, чтобы отклониться отъ вопроса по существу и придать мнимую серьезность самому опрометчивому легкомыслию. Это идейный вольтъ, какихъ теперь много.

Пусть о. Станислава спросить: почему?—и онъ скажетъ, и они поймутъ...

Какая младенческая самонадѣянность! Мы уже слышали, что онъ говоритъ. Въ его словахъ нѣтъ ни смысла, ни содержанія. Тутъ и понимать нечего. Отрывки изъ газетныхъ статей уличнаго пошиба. Первымъ-ли говорить эти уличные фразы о. Станиславъ? Какъ поздно онъ узнаетъ азбуку той науки, въ которой онъ, какъ духовный пастырь своего духовнаго стада, долженъ бы знать какъ общій фундаментъ, такъ и всѣ подробности!

Не въ мѣру поздно онъ натолкнулся на рядъ идей, которыя сразу-же сбили его съ толку и сдѣлали его неспособнымъ разбираться въ практической жизни.

И его смущаетъ, что онъ уже связанъ, что онъ обѣщаль прихожанамъ то, что по существу дѣла неосуществимо. Вотъ любопытная психологическая черта, общая всему нашему освободительному теченію! Новый золотой вѣкъ обѣщаютъ „человѣчеству“ социаллисты! Волю и землю обѣщали народу кадеты! Но социаллисты знаютъ сами, от-

лично знаютъ, что ихъ золотой вѣкъ далеко, страшно далеко, если только это не горячечный сонъ людей съ беспорядочной и безпочвенной фантазіей. Кадеты лгали и знали, что они лгутъ, продолжали и продолжаютъ лгать, не стыдясь того, что ихъ обманы—открылись и ихъ ложь понята и замѣчена.

Это бѣда и о. Станислава. Онъ слишкомъ щедро и безразсудно вышелъ на встрѣчу «требованіямъ» своихъ прихожанъ и ему придется такъ-же отлыгаться отъ прихожанъ, какъ онъ будетъ отлыгаться и отъ консисторіи.

Съ его болѣною „совѣстью“, съ его мимолетными и легкомысленными убѣжденіями не слѣдовало идти въ священники. Здѣсь онъ совѣтъ не на мѣстѣ. слѣдовало-бы поискать другой карьеры и дѣятельности, гдѣ нужна другая „совѣсть“ и гдѣ не такъ зазорно агитировать и подбивать къ мятежу. Конечно, его соплотъ въ монастырь или лишать сана. Онъ и самъ отлично это знаетъ и признаетъ справедливость такого рѣшенія его судьбы. Но когда Стеньку Разина или Пугачева везутъ въ Москву, тѣ знаютъ, что ихъ не будутъ спрашивать: почему? Они не думаютъ, что «они скажутъ и ихъ поймутъ». Говорить нечего: это всѣмъ извѣстно. А понимать ихъ... Да что-же тутъ непонятнаго?

VI.

О. Платонъ Немоенко сказалъ за обѣдней свою проповѣдь и о. Станиславъ Войтковскій слушалъ ее изъ алтаря.

Проповѣдь была очень плохая. Г. Потапенко приводитъ изъ нея только отрывки.

«... Ибо сказано: всякая тварь властямъ предержавшимъ да повируется, иѣсть бо власть, аще не отъ Бога... Тихо, медленно лилось изъ устъ о. Платона... «А что касается проявляющагося среди васъ нежеланія уплачивать установленныя закономъ подати, то и насей предметъ ясно выражено: воздадите кесареву кесарю, а Божіе Богу».

«...И такимъ образомъ ясно,—заканчивалъ свою рѣчь о. Платонъ,— что внушаемая вамъ и извнѣ и прививающіяся въ вашихъ умахъ требованія противорѣчатъ истинному ученію церкви и, слѣдовательно, влекутъ не къ спасенію души, а къ пагубѣ». И за тѣмъ послышалось тихое «аминь», и уже другимъ, пѣвучимъ голосомъ о. Платонъ началъ произносить «возгласъ».

Проповѣдь, конечно, не изъ важныхъ. И хуже всего, конечно, то, что она противорѣчитъ тексту выборгскаго воззванія. О. Станиславъ не вытерпѣлъ такой обиды, не остался обѣдать у своего товарища и подъ пустымъ предлогомъ сразу послѣ обѣдни уѣхалъ домой.

О. Станиславъ зналъ, что проповѣдь о. Платона вызоветъ въ умахъ его прихожанъ смущеніе. Такихъ словъ они никогда не слышали отъ своего батюшки. О. Станиславъ вообще не любилъ говорить проповѣди. Онъ замѣтилъ, что самая краснорѣчивая проповѣдь никогда никого не убѣждаетъ. Прихожанинъ смотреть на нее, какъ на часть службы, считаетъ своимъ долгомъ выслушать ее съ умиленіемъ, иногда даже заплачетъ, но въ сердце его она не входитъ.

«И онъ никогда не говорилъ съ народомъ, какъ ораторъ, любилъ поговорить съ человѣкомъ, встрѣтившись съ нимъ по дѣлу или на улицѣ. Въ послѣднее-же время, когда деревня замерла въ трепетномъ ожиданіи выполненія своей мечты о кусочкѣ земли, когда жадно ловилось и толковалось каждое слово, сказанное тамъ, въ столицѣ, въ какомъ-то невѣдомомъ и казавшемся волшебнымъ Таврическомъ дворцѣ, между домомъ о. Станислава и деревней установились самыя живыя непрерывныя сношенія. Онъ получалъ газеты, онъ все зналъ, все понималъ. Къ нему шли, какъ къ оракулу, и вотъ тутъ-то бесѣдамы не было конца».

Какая характерная фраза! «Онъ читалъ газеты, онъ все зналъ, все понималъ». Чей это голосъ? Прихода, г. Потапенка или самаго о. Станислава? Многіе читали газеты и многіе не знали того, что было на самомъ дѣлѣ, или знали то, чего никогда не было. И если бы о. Станиславъ «все понималъ», то г. Потапенко непременно воспользовался-бы этимъ драгоценнымъ литературнымъ матеріаломъ. Его съ руками оторвали-бы за огромныя деньги эти откровенія полнаго пониманія, котораго такъ мало было и въ газетахъ и въ читателяхъ газетъ.

„Идейность“ и „сознательность“ о. Станислава много ниже средняго уровня „мыслящей Россіи“. Будь она больше, рассказъ г. Потапенка не производилъ-бы впечатлѣнія такой личной бездарности и такой скудости мысли. Но такое уже повѣтріе пошло. Всякій, кто читаетъ газеты, думаетъ, что онъ «все знаетъ и все понимаетъ». Самый дешевый способъ набираться періодической мудрости и становиться „оракуломъ“ неграмотной толпы.

О. Станиславъ порицалъ двойственность и нерѣшительность о. Платона. Это казалось ему дѣломъ опаснымъ. И онъ оказался злымъ пророкомъ для своего товарища по семинаріи.

„И вдругъ точно безуміе охватило все село. Чей-то единичный возгласъ, можетъ быть, случайно слетѣвшій съ языка, прозвучалъ, какъ голосъ съ неба, которому все захотѣли повиноваться. Вся деревня кинулась за три версты, на помѣщичьи „кошары“, гдѣ обыкновенно жили овцы. Овецъ было много, тысячи три, да все были хорошія, „шпанки“. Дѣло было послѣ захода солнца, какъ разъ время, когда овцы пришли для дойки.

„Съ крикомъ и гиканьемъ, съ палками, вилами, лопатами и камнями, бросилась вся эта обезумѣвшая толпа на овецъ и пастуховъ. А не прошло и пяти минутъ, какъ камышевыя кошары, загонны, сараи, и все что было здѣсь, пылало въ огнѣ. Помѣщикъ былъ богатый и не жилъ здѣсь. Въ экономіи былъ управляющій. Поднялась горячка; истребительное зрѣлище еще болѣе взбудоражило мужиковъ, и они уже двигались въ село, на самую экономію, гдѣ, на огромномъ току, поднимались къ небу гигантскіе стога сѣна и сотни скирды еще несмоложеннаго хлѣба.

„Поскакали верховые въ ближнее мѣстечко, гдѣ жилъ становой, и въ городъ, и всюду, гдѣ только можно было найти помощь.

„Но, можетъ быть, никто такъ не былъ изумленъ, какъ сами мужики, тѣмъ неожиданнымъ зрѣлищемъ, какое они нашли въ самомъ селѣ.

Каждый изъ нихъ могъ поклясться, что его руки не участвовали въ этомъ дѣлѣ. Никто не думалъ объ о. Платонѣ. Мысль о кошарахъ всецѣло владѣла умами. И казалось, что это съ самаго неба упала искра и зажгла сѣно и солому, и снопы на току о. Платона. Конечно, небо здѣсь было не причемъ. Это была единичная воля кого-то, вспомнишаго о недавней проповѣди о. Платона и, по доротѣ къ кошарамъ, между прочимъ, не пожалѣвшаго сѣрной спички.

«Высоко поднималось зарево надъ кровнымъ добромъ о. Платона. Огонь грозилъ сараямъ, гдѣ у него стояли лошади и коровы, и самому дому. Съ минуту поколебались мужики: не приняться-ли тушить? Но точно во всѣхъ грудяхъ разомъ окаменѣли сердца—никто не двинулся».

О. Станиславъ видѣлъ зарево пожара.

— А я... давно тревожусь,—говорилъ онъ своей женѣ.—Этой своей ненужной проповѣдью онъ дурно поставилъ себя въ приходѣ. Всего можно ожидать. Я поѣду... Пусть заложатъ лошадь».

Наивный и простодушный о. Платонъ вѣрилъ Клизветтеру и кадетамъ... Онъ въ кредитъ принялъ лукавое объясненіе о. Станислава.

— Нѣтъ, Станиславъ, не случайность,—говорилъ онъ.—Если бы ты видѣлъ, какъ мы съ женой умоляли ихъ о помощи... Но никто пальцемъ не пошевелинулъ. Стояли, какъ каменные. Какъ же не за то? Благодарю, благодарю о. благочиннаго и преосвященнаго владыку! Имъ тамъ хорошо сидѣть въ каменныхъ городскихъ палатахъ да сочинять разные указы... А намъ-то, исполнителямъ, каково приходится... Охъ, Господи, до чего я дослужился...»

Удивительно мирно и идиллически описана у г. Потапенка безобразная картина варварскаго погрома. Возгласъ, «какъ голосъ съ неба», искра «какъ будто бы съ самаго неба»,—все съ неба.

«Конечно, небо здѣсь не причемъ»,—разсудительно замѣчаетъ самъ идейный беллетристъ.

А если «не причемъ», то зачѣмъ-же и приплетать его?

И голосъ былъ съ земли, и искра была изъ сѣрной спички. Вѣроятно, орудовалъ кто-нибудь изъ прихожанъ о. Станислава.

VII.

О. Станиславъ, какъ и слѣдовало ожидать, попалъ подъ судъ. Передъ судебнымъ слѣдователемъ онъ еще разъ изложилъ свою «ограбную» программу.

«Распоряженіемъ преосвященнаго,—показывалъ онъ,—предписывалось выразить передъ прихожанами мысль, что ихъ стремленія и домогательства получить прирѣзку земли неосновательны и недѣлы и суть, какъ выразился о. благочинный, пустыя бредни. Я-же, наблюдая близко жизнь крестьянъ, получилъ глубокое убѣжденіе, что эти домогательства основательны и законны, ибо земли у крестьянъ очень недостаточно, и имъ, безъ добавочной земли, существовать невозможно».

«...Если я признаю, что у прихожанъ моихъ недостаточно земли, чтобы кормиться, самъ же я, главнымъ образомъ, живу доходами съ

требъ, земля-же мнѣ дана лишь, какъ вспомогательное средство. то я обязанъ поступиться ею въ пользу своихъ прихожанъ, тѣмъ болѣе, что при нарѣзкѣ она была отторгнута отъ ихъ же надѣловъ».

Вотъ и все, что могъ сказать «непреклонный», но малообразованный іерей передъ судебнымъ слѣдователемъ. Немного. И все это какіе-то пустяки, какаля-то идейная жвачка, теоретическая мочалка, которую жуютъ и пережевываютъ учителя и трибуны освободительнаго движенія. Если земли мало, то это вовсе еще не доказательство «законности» отнять землю у другого. Очевидно, что малограмотный іерей, который «читаетъ газеты» и только поэтому «все знаетъ, все понимаетъ», въ сущности ничего не знаетъ и ничего не понимаетъ, а только кривляется на манеръ коммунистовъ и социалистовъ.

— Не видите-ли вы,—спрашивалъ о. Станислава слѣдователь,—въ печальномъ фактѣ пожара у о. Платона Немоенко нѣкотораго нравственнаго воздѣйствія этого вашего отношенія къ вопросу?

— Нѣтъ, не могу видѣть этого. Для меня ясно другое: если-бы о. Платонъ не сказалъ въ церкви проповѣди согласно распоряженію, у него не было-бы пожара».

Вотъ послѣднее слово г. Потапенка, приписанное имъ лукавому и лицемерному іерею. Пропаганды и подстрекательства нѣтъ: все «съ неба» или «какъ будто-бы съ неба». Навпные люди! Всѣ и всякія преступленія совершаются людьми и не безъ злой воли. Идти на преступленіе и при этомъ рассчитывать на обязательную амнистію — признакъ явнаго слабоумія и моральной испорченности. О. Станиславъ Войтковскій несомнѣнно заслуживаетъ клиросаго послушанія, хотя-бы и не въ Череменинскомъ монастырѣ, если не подлежитъ уголовному наказанію. Во всякомъ случаѣ, онъ сѣветъ вѣтеръ, чтобы пожать бурю.

Что-же это значить? Ни художественности, ни беллетристики въ строгомъ смыслѣ слова—нѣтъ. Надуманный бытъ, надуманные типы, причудливая и неестественная фабула. Цѣна такой литературной работѣ—мѣдный грошъ. Искусственный паѣосъ, глупая логика, младенческія мысли. Зачѣмъ же такіе журналы, какъ «Русское Богатство», украшаютъ свои страницы такими повѣстями?

Отвѣтъ одинъ: ради тенденціи. Какая-же тутъ тенденція? Показать, что священнику, который позволить себѣ крѣпко стоять за право частной собственности, грозитъ опасность поджога и погрома. Правду-ли говорить г. Потапенко? Что-же, такіе факты были и они возможны. Но, если священники, по примѣру о. Станислава, станутъ сами проповѣдывать экспроприацію земельной собственности, такихъ фактовъ будетъ еще больше. Будетъ рѣзня, все будетъ сожжено и уничтожено. Что-же тутъ хорошаго? Какое-же тутъ геройство?

И развѣ не очевидно, что у такихъ идейныхъ беллетристовъ, какъ г. Потапенко, умеръ разумъ и пропала совѣсть. Онъ пугаетъ людей «существующаго строя» и жетъ,—позорною ложью кадетовъ. Онъ въ литературномъ мірѣ играетъ такую-же роль, какую игралъ въ своемъ благочиніи его герой, о. Станиславъ, который, съ двуличностью Милокова и Кизеветтера, подбивалъ своихъ «друзей слѣва» на разгромъ имущества о. Платона Немоенко.

Вотъ умственный и нравственный уровень корифеевъ нашей идейной беллетристики. Вотъ куда хотять вести общество мнимые мастера русскаго художественнаго слова.

Не пора-ли взятъ за умъ и ограждать свои семьи, свои приходы и своихъ прихожанъ отъ опощляющаго вліянія этой растлѣнной беллетристики?

Н. Пустынникъ.

Обозрѣніе духовной журналистики за мартъ.

Первое посланіе ап. Павла къ Коринѣянамъ.—Происхожденіе душъ человѣческихъ.—Древнецерковная іерархія съ исторической точки зрѣнія, въ частности древній діаконалъ и возстановленіе его въ настоящее время.—Смертная казнь и критическій разборъ оправданій ея.—Патріархъ Гермогенъ и его самоотверженное служеніе бѣдствующему отечеству.—Религіозной экстазъ въ русскомъ мистическомъ сектанствѣ.

Начиная обозрѣніе мѣсячныхъ богословскихъ журналовъ, въ настоящій разъ остановимъ прежде всего вниманіе свое на статьѣ Д. И. Богдашевскаго «Первое посланіе ап. Павла къ Коринѣянамъ» (Труды Кіевск. Академіи. Мартъ). Первое посланіе къ Коринѣянамъ тѣснѣйшимъ образомъ связано съ извѣстными историческими условіями, — съ тогдашнимъ состояніемъ коринѣской церкви, и въ этомъ смыслѣ справедливо называютъ его «церковно-историческимъ фрагментомъ», въ высшей степени важнымъ для ознакомленія съ жизнью Церкви въ перво-христіанскую эпоху. Въ наше время—время различныхъ реформъ, касающихся и церковной жизни, очень важно имѣть передъ глазами образцы жизни древне-христіанской; отсюда, тщательное обслѣдованіе такого посланія ап. Павла, какъ 1-ое къ Коринѣ., приобретаетъ особенный интересъ для нашего времени. Изъ посланія открывается яркая и живая картина состоянія коринѣской церкви. Картина эта во многомъ свѣтлая, радостная, но болѣе—печальная и неутѣшительная. Духъ Божій обильно изливался въ коринѣской церкви и коринѣяне «обогатились всѣмъ, всякимъ словомъ и всякимъ познаніемъ», не имѣли «недостатка ни въ какомъ дарованіи, ожидая явленія Господа нашего Іисуса Христа». Но возрожденіе ихъ новымъ христіанскимъ духомъ встрѣчало много препятствій со стороны окружавшей ихъ языческой атмосферы, языческаго склада мысли и жизни; ветхій человекъ жилъ, и дѣйствовалъ, и не одинъ разъ обнаруживался. Борьба новаго и ветхаго человека порождала въ вѣрующихъ коринѣской церкви разнообразныя запросы и нужды, а потому столь-же разнообразно по своему содержанію и посланіе апостола, дающее отвѣтъ на эти нужды. Въ немъ разъясняются вопросы догматическіе, нравственные, каноническіе и литургическіе. Авторъ давной статьи не входитъ въ разборъ содержанія всего посланія, онъ даетъ лишь общія свѣдѣнія о немъ. Нарисовавъ картину коринѣской жизни, онъ изображаетъ дѣятельность апостола Павла въ этомъ городѣ: затѣмъ, повѣствуя объ уходѣ отсюда апостола, излагаетъ обстоятельства, побудившія къ написанію посланія. Изъ содержанія посланія авторъ подробно останавливается лишь на вопросѣ о существовавшихъ въ Коринѣ партіяхъ, полагая, что

таковыхъ было четыре (а не три), и разногласія и споры между ними вращались на вопросъ о значеніи авторитетовъ въ дѣлѣ учительства и непригодности той или иной формы евангельскаго благовѣстія. Что касается подлинности и неповрежденности перваго посланія на Коринѳянамъ, то авторъ констатируетъ, что онъ вѣдъ всякаго сомнѣнія. Апостольское происхожденіе посланія отрицается только самыми крайними радикальными критиками, измышляющими для того самыя несообразныя основанія. Разумное сомнѣніе въ подлинности посланія, по выраженію одного ученаго, не имѣетъ никакой опоры. Подобнымъ образомъ и теоріи о фрагментарности посланія обнаруживаютъ лишь крайній критическій произволъ. Можно надѣяться, что почтенный проф. Богдашевскій послѣ настоящей статьи дастъ и обстоятельное изслѣдованіе самаго содержанія посланія, представляющаго—какъ уже указано выше—значительный интересъ особенно для нашего времени.

Изъ статей по вопросамъ христіанскаго вѣроученія на страницахъ духовныхъ журналовъ отиѣтимъ статью В. Давыденко въ журналѣ «Вѣра и Разумъ» «Святоотеческое ученіе о происхожденіи души человѣка» (кн. I—IV). Вопросъ о происхожденіи душъ не сразу нашелъ себѣ опредѣленное рѣшеніе у св. отцовъ церкви, но постепенно выяснялся и раскрывался до тѣхъ поръ, пока, наконецъ, христіанскою церковью не было признано болѣе вѣроятнымъ и болѣе соответствующимъ духу христіанства одно изъ вѣскольныхъ сужденій по сему предмету. Въ святоотеческой литературѣ по вопросу о происхожденіи душъ мы встрѣчаемъ три различныхъ мнѣнія или три гипотезы для рѣшенія вопроса о происхожденіи душъ: 1) гипотеза предсуществованія душъ, 2) гипотеза креацианизма или продолжающагося творенія душъ, 3) гипотеза генерацианизма или традицианизма, признающая непосредственную передачу или рожденіе одной души отъ другой. Всѣ эти разнообразныя мнѣнія или гипотезы окончательно выяснились и опредѣлились къ IV вѣку, вѣку наибольшаго развитія христіанской учености. Въ дальнѣйшее время каждая изъ этихъ теорій находила себѣ защитниковъ, но ни одна изъ нихъ не получила рѣшительнаго перевѣса надъ другими. Авторъ подробно останавливается на каждой изъ указанныхъ теорій, разсматриваетъ ихъ исторически и логически, пользуясь цитатами изъ св. отцовъ, и послѣ критическаго изслѣдованія приходитъ къ заключенію, что ни которая изъ нихъ не даетъ намъ опредѣленнаго отвѣта на поставленный вопросъ и что всѣ онѣ страдаютъ такими существенными недостатками, при которыхъ ни въ какомъ случаѣ не могутъ быть приняты каждая въ отдѣльности. Но съ другой стороны, каждая изъ разсмотрѣнныхъ гипотезъ заключаетъ въ себѣ и извѣстную долю истины и извѣстныя положительныя стороны, весьма важныя въ томъ или въ иномъ отношеніи для выясненія вопроса о происхожденіи душъ. Поэтому, весьма понятно, почему ни слово Божіе, ни разумъ человѣческій, ни свидѣтельства отцовъ церкви не благопріятствуютъ исполнѣ ни одной изъ трехъ указанныхъ гипотезъ, хотя въ тоже время весьма легко могутъ быть приспособляемы къ каждой изъ нихъ въ отдѣльности. Это положительно свидѣтельствуетъ о томъ, что каждая

изъ нихъ заключаетъ въ себѣ часть истины, которая и имѣетъ въ свою очередь то или другое основаніе въ Писаніи, въ соображеніяхъ разума и въ твореніяхъ святыхъ отцовъ церкви. Выдѣлить эту долю истины изъ каждаго ученія, объединить ее въ одномъ согласномъ ученіи, путемъ соглашенія всѣхъ трехъ гипотезъ и устраненіе ихъ крайностей, и составляло прямую задачу нѣкоторыхъ отцовъ церкви въ рѣшеніи вопроса о происхожденіи душъ человѣческихъ.

Принявъ лучшія стороны трехъ разсмотрѣнныхъ гипотезъ и очистивъ ихъ отъ наиболѣе рѣзкихъ недостатковъ, можно представить ученіе о происхожденіи душъ въ родѣ человѣческомъ въ слѣдующемъ видѣ.

Душа, какъ существо недѣлимое и въ то же время измѣняющееся, происходя вмѣстѣ съ тѣломъ отъ родителей, до происхожденія своего пребываетъ въ состояніи возможности въ ихъ естествѣ, именно родотворящей силѣ, усвоенной имъ, и чрезъ нихъ, и отъ нихъ приходитъ въ дѣйствительное бытіе. Вотъ *traducianismus*.

Но въ тоже самое время душа, появляющаяся на поприще земного существованія при посредствѣ родителей, есть дыханіе жизни, сообщаемое Богомъ—Творцомъ. Слѣдовательно, истинный Родитель ея, если позволительно такъ выразиться, есть Богъ и начало бытія ея восходитъ въ область вѣчности. Вотъ *praexistentianismus*!

Между тѣмъ, происходящая душа есть новое существо, которое изъ состоянія чистой возможности переходитъ въ дѣйствительное бытіе. Основаніе этого бытія, хотя и заключается въ родителяхъ, но самая первопричина его полагается въ томъ, что въ нихъ есть выше ихъ самихъ, а именно, въ безконечной силѣ Божіей, вліяющей въ нихъ; дѣйствіе же этой силы всегда открывается подъ вліяніемъ свободной воли Божіей, возвышающейся надъ всѣми отношеніями времени. Переведеніе существа изъ состоянія чистой возможности въ состояніе дѣйствительнаго бытія свободною волею Божіею есть твореніе. Вотъ *creatianismus*! ¹⁾

Въ такомъ же смыслѣ принимала ученіе о происхожденіи душъ и христіанская церковь, которая отъкрыто засвидѣтельствовала это ученіе, какъ общецерковное, формулировавъ его въ своихъ вѣроопредѣленіяхъ.

А. Лебедевъ въ статьѣ «По вопросу о происхожденіи первохристіанской іерархіи» («Богослов. Вѣстникъ». Мартъ) задается цѣлю отвѣтить на поставленный вопросъ съ точки зрѣнія исторической перспективы, хотя предупреждаетъ, что въ этомъ отношеніи не слѣдуетъ обольщать себя слишкомъ большими надеждами. На основаніи скудныхъ показаній историческихъ фактовъ первыхъ вѣковъ христіанства, а отчасти и съ помощію своихъ догадокъ, авторъ утверждаетъ, что іерархія создалась, сформировалась и опредѣлилась постепенно, на протяженіи долгаго времени, путемъ историческаго процесса.

Епископъ—это былъ въ первенствующей церкви организаторъ общины, занималъ онъ—по автору—второстепенное мѣсто (послѣ пророковъ и учителей). Лишь только въ половинѣ II вѣка всѣ епи-

¹⁾ Безсмер. души и самоуб. Апол. опытъ Тихомирова. Москв. 1882 г. стр. 10.

скопы возросли въ своемъ значеніи: сходили со сцены, вымирали пророки и дидаскалы и служеніе ихъ по наслѣдству перешло на епископовъ. Епископы стали учить въ церкви, стали вождями христіанскихъ обществъ въ ученіи. Съ этихъ поръ (приблизительно съ конца II в.) первымъ предикатомъ епископскаго званія стало учительство. А прежде будто бы этого не было. Отъ пророковъ и дидаскаловъ перешли къ епископамъ названіе «первосвященникъ», кафедра, начатки въ качествѣ вознагражденія труда. Авторъ находитъ нужнымъ оговориться, что всѣ эти опредѣленія епископской должности *explicite* или *implicite* были даны въ пастырскихъ посланіяхъ, но только они раскрывались путемъ жизненнаго развитія въ теченіе исторіи и получили здѣсь — съ постепенностію — свой должный смыслъ. Рядомъ съ епископомъ въ древней церкви авторъ ставитъ діакона. Діаконатъ—по его мнѣнію—появился впервые не въ іерусалимской церкви (избранные семь мужей имѣли особое и временное назначеніе), а въ церквяхъ изъ язычниковъ, какъ и епископатъ. Діаконъ былъ младшимъ братомъ епископа. Въ древности какая-нибудь небольшая община могла не имѣть пресвитеровъ, но безъ діакона обойтись она не могла, какъ свидѣтельствуетъ Елифаній Кипрскій. Такова была первая стадія развитія діаконата. Все обѣщало ему блестящую будущность. Но не такъ было на дѣлѣ. Въмѣсто того, чтобы расти, онъ сталъ малѣться. Епископы съ теченіемъ времени высоко поднялись, а діаконы далеко остались позади: историческій процессъ не далъ діаконамъ ничего изъ того, чѣмъ воспользовались по наслѣдству епископы. Учительство, усвоенное епископами, и затѣмъ и пресвитерами, отодвинуло діаконатъ на третье мѣсто. Что касается пресвитерства, то—по мнѣнію автора—подъ это понятіе въ первенствующей церкви подходили всѣ почтенные члены общины—дѣтми, подвигами, благотворительностію, а также всѣ лица, исполнявшія опредѣленные церковныя обязанности или, иначе сказать, лица должностныя въ христіанской общинѣ, напр. епископы. Пресвитеры составляли совѣтъ и можно думать, что этотъ институтъ возникъ на іудейской почвѣ, въ Іерусалимѣ, какъ-бы взамѣнъ еврейскаго синедріона. Ясныхъ историческихъ указаній на развитіе пресвитерства и на приобрѣтеніе имъ извѣстныхъ опредѣленныхъ функций въ христіанской общинѣ нѣтъ изъ I и II вѣковъ. Во всякомъ случаѣ должно было пройти не мало времени, прежде чѣмъ пресвитеръ сдѣлался въ полномъ смыслѣ слова помощникомъ епископа, его *alterego*.

Въ той-же книжкѣ «Богословскаго Вѣстника» находимъ статью свящ. П. Кремлевскаго «Древній діаконатъ и его возстановленіе», которую можно поставить на ряду съ только-что рассмотрѣнной статьей Лебедева. Свящ. Кремлевскій останавливается на главной функціи діаконскаго служенія въ древней церкви—служеніи трапезамъ, благотворительности и призываетъ къ возстановленію этой функціи діаконата въ самыхъ широкихъ размѣрахъ въ настоящее время. Благотворительная дѣятельность древнихъ діаконовъ авторъ видитъ въ служеніи семи избранныхъ мужей въ Іерусалимской общинѣ (которыхъ профессоръ Лебедевъ не признаетъ за первыхъ діаконовъ).

Получивъ отъ св. апостоловъ такое важное занятіе, какъ забота объ ежедневномъ содержаніи вѣрующихъ, діаконы скоро возвысились

въ ряду другихъ служеній церковныхъ и заняли такое видное положеніе, что стали ближайшими помощниками епископовъ. У насъ, въ настоящее время не проявляется діаконатомъ эта благотворительная дѣятельность, оттого и самое служеніе діаконское стало внѣшнее, случайно, несущественно и даже необязательно для каждой отдѣльной общины. Если-же діаконство священно и принадлежитъ къ пастырскому служенію въ церкви, то должно имѣть и свое самостоятельное дѣло, свою спеціальную функцію. Нужно возвратить діаконату изстари принадлежавшее ему служеніе, которое дало ему бытіе и право на вѣчное существованіе. Благотворительность несомнѣнно есть великое, священное дѣло христіанъ. Безъ хлѣба жить нельзя, нельзя думать ни о чемъ—ни о душѣ, ни о Христѣ, ни о спасеніи; отъ голоднаго нельзя требовать добродѣтели. Вотъ почему, утверждаетъ авторъ, необходимо, чтобы церковь, не ограничиваясь благотвореніемъ только отчасти (какъ въ настоящее время), взяла это дѣло въ свои руки, сдѣлала-бы его своею спеціальностью. Какъ организовать это новое дѣло, подскажетъ любовь и общій голосъ церковный. Жизнь сама создаетъ приходскую и общецерковную благотворительность. Только была-бы любовь да охота, заканчиваетъ авторъ свою статью.

Изъ статей на злободневныя темы въ духовныхъ журналахъ укажемъ на интересную статью Экземплярскаго въ «Трудахъ кіевской дух. академіи» подъ заглавіемъ «Нѣсколько мыслей по поводу смертной казни въ русской богословской литературѣ послѣдняго времени» (Мартъ). Авторъ ставитъ своею задачею отмѣтить основныя положенія, выдвигаемыя современными защитниками смертной казни съ нравственно-христіанской точки зрѣнія, и посмотрѣть на нихъ критически. Всѣ доказательства, приводимыя защитниками смертной казни въ нашей апологетической литературѣ, сводятся къ тремъ основнымъ группамъ: къ первой группѣ принадлежатъ доказательства, занимаванныя изъ Библии; вторая группа доказательствъ утверждаетъ на обще-этическихъ соображеніяхъ—о правдѣ, справедливости, возмездіи и т. п.; наконецъ третья группа исходной точкой доказательствъ имѣетъ устрашающее значеніе смертной казни. Разбору первой группы доказательствъ авторъ предпосылаетъ нѣсколько общихъ разсужденій, дающихъ возможность установить принципиальный взглядъ на эти доказательства.

«Какъ неоспоримо свидѣтельствуетъ исторія церкви, особенно въ періодъ вселенскихъ соборовъ, самое ясное выраженіе извѣстной истины въ новозавѣтномъ Откровеніи не могло препятствовать ложному пониманію христіанскаго вѣроученія. Много вѣковъ самой напряженной работы мысли и самой ожесточенной борьбы потребовалось для того, чтобы точно опредѣлить безспорныя истины христіанской вѣры. Не менѣе возможны разногласія и въ пониманіи христіанскаго ученія о жизни, и наше время, думается, есть та эпоха, которая начинается собою періодъ всесторонняго изслѣдованія именно основъ нравственнаго христіанскаго ученія, которыя будучи, повидимому, со всею ясностью и точностью выражены въ Словѣ Божіемъ, различно понимаются представителями богословской мысли и не нашли еще пока авторитетнаго разрѣшенія въ формулахъ, принятыхъ Вселенскою

Церковью. Къ числу частныхъ вопросовъ подобнаго рода принадлежить и вопросъ о смертной казни. Что въ Евангелии Христовомъ нѣтъ и не могло быть рѣчи о смертной казни—это несомнѣнно. Христосъ Спаситель и Его святые Апостолы никогда не выступали въ качествѣ политическихъ реформаторовъ, а обращались къ совѣсти людской и только чрезъ союзъ совѣстей въ христіанской Церкви могъ воплощаться въ жизни общества чистый идеаль христіанской нравственности. Насколько далеко современному христіанскому государству до воплощенія въ своей жизни великихъ завѣтовъ Христа, конечно, нѣтъ нужды и доказывать. Но также несомнѣнно и то, что подь воздѣйствіемъ христіанской проповѣди неизмѣнно совершался и медленный постепенный процессъ христіанизации самой государственной жизни. Начавшись съ внѣшности—съ отмены смертной казни черезъ распятіе,—этотъ процессъ захватывалъ все большія и большія глубины государственной жизни, и христіанство являлось такимъ образомъ силою, реформирующею и самыя юридическія отношенія людей. Но параллельно съ этимъ шелъ и идетъ обратный процессъ—обмѣршенія христіанства въ лицѣ представителей церковной мысли. Что мы разумѣемъ подь этимъ, едва-ли надо раскрывать подробно, такъ близко присуще это горестное сознание сердцу каждаго современнаго христіанина. Это—стремленіе освятить авторитетомъ Христа тѣ устойчивыя учрежденія государственной жизни, которыя несогласны съ духомъ Христова ученія».

Далѣе авторъ останавливается въ частности на тѣхъ новозавѣтныхъ цитатахъ, которыя берутся духовными писателями—защитниками смертной казни. Это Іоан. 19, 10—11; Рим. 12, 1—4. Христосъ на судѣ у Пилата, говорятъ, имѣлъ случай осудить смертную казнь, но не сдѣлалъ этого, а напротивъ «санкціонировалъ» дѣятельность судящей и наказующей власти Божественнымъ авторитетомъ. Подобно и ап. Павелъ, говоря о богоустановленности власти, утверждаетъ будто-бы богоустановленность всѣхъ функцій этой власти, до смертной казни включительно. Но, по мнѣнію автора, указанныя мѣста Новаго Завѣта утверждаютъ лишь богоустановленность власти въ принципѣ, но вовсе не самыя функцій этой власти, и тѣмъ болѣе не самый образъ пользованія этой властью. Множество изъ тѣхъ функцій, которыя принадлежали Пилату, напр. власть предавать осужденнаго поруганію, теперь осуждены безповоротно всѣми христіанскими народами; и однако Христосъ Спаситель кротко сносилъ это поруганіе, признавая, что та власть надъ Нимъ, которою дѣйствовалъ Пилатъ, была дана ему свыше. Признать богоустановленность власти въ принципѣ вовсе не значитъ еще признать и богоустановленность всѣхъ функцій, захваченныхъ этой властію надъ людьми, и тѣмъ болѣе непогрѣшимость самыхъ дѣйствій этой власти. Иначе намъ придется забыть основу христіанскаго поведенія: должно болѣе повиноваться Богу, чѣмъ людямъ. Ничто не совершается безъ воли Отца Небеснаго, однако не все согласно съ этой волей, многое, и прежде всего все злое, Господь лишь попускаетъ. Нѣкоторые защитники смертной казни привлекаютъ для доказательства въ свою пользу даже изъ нагорной проповѣди слова Христовы, объясняющія заповѣдь «не убій». Предавая на личному суду даже и напрасный гнѣвъ на брата, Христосъ не устра-

ниеть—говорять—смертной казни, а предполагаетъ ее, какъ искони извѣстное народу возмездіе за убійство. По мнѣнію автора, пользование для оправданія смертной казни этимъ мѣстомъ нагорной проповѣди, гдѣ Христосъ расширяетъ смыслъ шестой заповѣди закона запрещеніемъ убійствъ словомъ и осужденіемъ, по меньшей мѣрѣ странно и ведетъ оно къ неестественнымъ выводамъ. Точно также ничего не даетъ для защиты смертной казни и цитата Лук. 13, 4. Словомъ, анализъ мѣстъ Новаго Завѣта, приводимыхъ для защиты смертной казни, свидѣтельствуетъ скорѣе о несоотвѣтствіи наказанія смертною казнью самой буквы Евангелія, не говоря ужъ про общій духъ любви и милости, проникающій ученіе Господа Автору кажется что сами защитники на основаніи этихъ мѣстъ Писанія смертной казни сознають, вопреки своимъ доказательствамъ, что Христосъ нигдѣ не одобрялъ смертную казнь. Что касается мѣстъ изъ Ветхаго Завѣта, могущихъ дать основаніе для оправданія смертной казни, то здѣсь прежде всего приходится коснуться вопроса объ обязательности ветхозав. закона для людей новозавѣтныхъ. Общая мысль защитниковъ смертной казни та, что одинъ законодатель не могъ преподавать двухъ различныхъ законовъ. Но при этомъ де забывается, что различіе законодательствъ можетъ обусловливаться не только различіемъ законодателя—чего безспорно нѣтъ въ отношеніи откровеннаго закона,—но и различіемъ той цѣли, для которой данъ законъ, его назначеніемъ. Законъ—по слову апостола—былъ пѣстунъ во Христа, и Христосъ есть конецъ закона. Потому-то апостоль прямо говоритъ объ упрядненіи закона заповѣдей ученіемъ Господнимъ. Съ этой апостольской точки зрѣнія и должно устанавливать взглядъ на единство двухъ Завѣтовъ. Ветхозавѣтный законъ это тѣнь, образъ вещей. Образъ, тѣнь, изображеніе—нѣчто само по себѣ не существующее, а имѣющее силу въ предметъ, дающемъ ихъ. Такъ и Ветхій Завѣтъ всю силу и смыслъ имѣлъ только въ Солницѣ правды, во Христѣ Спасителѣ. Зная Христа и Его ученіе, мы можемъ точно и безошибочно опредѣлить, какъ это и сдѣлала вселенская церковь, что было въ Ветхомъ Завѣтѣ вѣчнаго и что должно быть признано преходящимъ. Частное разсмотрѣніе отдѣльныхъ узаконеній Ветхаго Закона также приводитъ автора къ заключенію, что въ нихъ не содержится основанія для взгляда на казнь убійцы, какъ на необходимый долгъ правящей власти.

Основная мысль второй группы доказательствъ необходимости смертной казни указывается авторомъ въ томъ, что смертная казнь признается выраженіемъ нравственнаго порядка, какъ возстановленіе правды. Но съ этой точки зрѣнія смертная казнь не можетъ имѣть оправданія. Право убитаго на жизнь не можетъ быть возстановлено новымъ убійствомъ, а право общества на безопасность и долгъ наказать преступленіе могутъ и должны быть осуществлены другими средствами. А—если поэтому—признать въ принципѣ возможность раскаянія даже убійцы, то какія побужденія требовать его смерти? Божественной воли такое безповоротное осужденіе противно, не говоря уже о томъ, что христіанинъ не можетъ забыть, что жизнь—Божій даръ и Божья собственность; для людей эта казнь не нужна,

потому что обезопасить преступника государство всегда въ силахъ, а въ случаѣ искренняго раскаянія казнъ раскаявшася—безчеловѣчна.

Вообще, если признавать возможность раскаянія, то смертная казнъ будетъ равно противорѣчить и Божескимъ и человѣческимъ законамъ жизни. Даже если принять понятие абсолютной преступности, то смертная казнъ все же не получаетъ привлекательности.

Перехождая къ третьей группѣ доказательствъ, основывающихся на устрашающемъ вліяніи смертной казни, авторъ прежде всего замѣчаетъ, что разъ смертная казнъ по существу есть явленіе нравственно-недостойное человѣческаго общества, то, конечно, никакіе утилитарныя соображенія, хотя бы то самаго высокаго свойства, не могутъ ее оправдать. А затѣмъ, приводитъ мнѣнія ученыхъ юристовъ (Кисляковскаго, Таганцева), утверждающія, что смертная казнъ преступниковъ не уменьшаетъ преступленій, и что объясняется это психологически такъ: когда человѣкъ замышляетъ преступленіе, въ его душѣ преобладаетъ не страхъ наказанія, а надежда на ненаказанность. Таково содержаніе статьи Экземпларскаго.

Фальшивые доводы цитируемаго автора здѣсь мы не будемъ опровергать. Укажемъ лишь на рядъ весьма обстоятельныхъ стетей, помѣщенныхъ въ «Мисс. Обзоръ», по вопросу о смертной казни.

Мартовская книжка «Православнаго Собесѣдника» половину своихъ страницъ посвящаетъ памяти патріарха Гермогена. Въ настоящемъ году исполнилось 300 лѣтъ съ возведенія этого приснопамятнаго святителя въ патріархи всероссійскіе изъ митрополитовъ казанскаго и этотъ юбилей городъ Казань праздновалъ, вспоминая заслуги святителя Гермогена не только для Казани, но и для всей Россіи. Отголоскомъ этого Казанскаго празднества и является рядъ статей въ «Прав. Собесѣдникѣ». Остановимъ вниманіе читателей на одной изъ этихъ статей, на статьѣ Царевскаго подъ заглавіемъ «Гермогенъ, святѣйшій патріархъ всероссійскій, въ его самоотверженномъ служеніи бѣдствующему отечеству». Эта статья ярко рисуетъ предъ нами великую личность святителя и его заслугу предъ родиной. А такъ какъ подвигъ св. Гермогена относится къ эпохѣ смутнаго времени на Руси, аналогію съ которой представляетъ и наше тяжелое время, то возстановить въ памяти образъ великаго человѣка и его служенія родинѣ вполне благоверенно. Для русскаго человѣка, милостію Божіею уберегшаго въ себѣ и въ наши лукавые, опасные дни національное русское чувство, сохранившаго въ сердцѣ своей святой огонекъ любви къ родинѣ и народности своей, воспоминаніе о величайшемъ русскомъ патріотѣ Гермогенѣ есть большая пріятность, истинное удовольствіе. Смутное время—это самая мрачная и самая страшная страница русскаго исторіи, когда все самое святое, дорогое и завѣтное, для русскаго человѣка—народность, государственность и вѣра православная—были въ крайней, роковой опасности. Это эпоха великаго гнѣва Божія, безпримѣрныхъ смуть и волненій внутреннихъ и вѣншихъ, эпоха вопіющаго развращенія политическаго и паденія религіозно-нравственнаго самихъ русскаго людей и крайней опасности для Россіи со стороны другихъ, иновѣрныхъ и иноплеменныхъ народовъ. Все заставляло тогда думать, что пробилъ послѣдній

часть для Россіи, что ей уже нѣтъ спасенія. Но спасеніе нашлось; оно исходило изъ нѣдръ святой православной церкви нашей, которая въ эти моменты крайняго паденія и ослабленія всѣхъ основъ, началъ и силъ нашего отечества явила въ себѣ великую нравственную твердыню, разрозненные и растерявшіеся элементы нашей государственности, подняла духъ погибавшей народности, одушевила и спасла Россію отъ гибели. Главнымъ вождемъ въ этомъ одушевленіи народномъ, истиннымъ богатыремъ православнаго русскаго національнаго духа, вдохновителемъ и спасителемъ отечества и явился предстоятель церкви русской патріотъ Гермогенъ. Сознавая, яснѣе всѣхъ своихъ современниковъ, гибельность политическаго распутства, заразительно губившую русскую землю, Гермогенъ честно и самоотверженно началъ кипучую дѣятельность, проявилъ всебѣрные усилія спасти, поддержать погибшее отечество. Располагая средствами только духовными, онъ назначилъ по всѣмъ церквамъ всенародныя моленія о дарованіи побѣды надъ мятежниками; онъ предавалъ анаемѣ главныхъ злодѣевъ отечества и т. д.; онъ собиралъ пожертвованія на защитниковъ Москвы и престола; онъ разсылалъ во всѣ концы предписанія духовенству и воззванія къ народу, въ которыхъ требовалъ, приказывалъ, умолялъ—собирать ратниковъ; снаряжать защитниковъ, присылать ихъ въ Москву; предписывалъ монашествующимъ самимъ вооружаться на спасеніе Россіи, обязывалъ монастыри присылать въ Москву жизненные припасы, и т. д. и т. д.

Съ явною опасностью даже для жизни своей, являлся онъ на площадяхъ, среди бунтарей и крамольниковъ, усмиралъ словомъ своимъ шумныя сборища, унималъ заговоры; а еще важнѣе того, онъ составлялъ и пускалъ въ обращеніе одну за другою нѣсколько грамотъ къ народу русскому, въ которыхъ со всею силою наболѣваго сердца, въ высшей степени трогательно, задушевно увѣщевалъ опомниться, отстать отъ пзмѣны, сжалиться надъ терзаемымъ отечествомъ.

Какъ стражъ отъ Бога и пастырь душъ христіанскихъ на землѣ, патріархъ заклиналъ паству свою всероссійскую подражать предкамъ, старымъ русскимъ людямъ, которые честными трудами и кровію своею созидали и укрѣпляли родную землю, а не губили и не разоряли ее и мужественно всегда берегли, обороняли отечество. А затѣмъ, когда поляки овладѣли Москвою,—Гермогенъ одинъ возсталъ на страшный и тяжкій, не самоотверженный только, а прямо мученичскій подвигъ—спасенія погибавшей вѣры и отечества.

«Упорствуешь въ зложелательствѣ къ намъ, писали тогда поляки, только одинъ осмидесятилѣтній патріархъ; но и его уже хладное, загрубѣлое сердце смягчается привѣтливостью нашею». Но совсѣмъ напрасно такъ опрометчиво поляки хотѣли обмануть сами себя. «Хладное-то и загрубѣлое» сердце святого старца горѣло такимъ пламеннымъ огнемъ нѣжнѣйшей любви къ отчизнѣ, что именно отъ этого огня и сгорѣли скоро поляки на Руси. Никакими подходами нельзя было обойти и оболѣстить прозорливаго, мудраго старца. Истинный, а въ ту пору можно сказать и единственный другъ, опора отечества, онъ презиралъ всѣ заискиванія поляковъ, какъ нисколько не стра-

нился и гнѣва, угрозъ ихъ. Онъ одинъ, окруженный могущественнымъ станомъ злобствовавшихъ и ненавидѣвшихъ его враговъ, рѣшился бороться съ ними открыто; онъ самоотверженно началъ свой патріотическій, святой, такъ сказать, походъ на нихъ. Всѣмъ окружающимъ его близкимъ или только приходившимъ и зачѣмъ либо обращавшимся къ нему людямъ, всѣмъ вообще, въ комъ еще билось истинно-русское сердце, онъ авторитетно и убѣжденно началъ говорить, внушать, убѣждать, что нужно возстановить на Руси прежнее, національное православно-русское правительство и во что бы то ни стало избавиться отъ иновѣрнаго и иноплеменнаго полоненія Россіи. Открыто всюду и всѣмъ проповѣдуя это, Гермогенъ усердно началъ сношаться съ жителями другихъ городовъ, поднималъ и въ нихъ патріотическое настроеніе, вдохновлялъ энергичнымъ желаніемъ избавиться отъ непрощенныхъ разорителей отечества. Онъ распорядился разослать всюду по Россіи грамоту отъ московскихъ людей ко всѣмъ православнымъ русскимъ людямъ, въ которой призывались всѣ соединиться «за одно, противъ общихъ враговъ», подъ руководствомъ Москвы—«такъ какъ у насъ корень царства, здѣсь образъ Божіей Матери, вѣчной Заступницы христіанъ, писанный евангелистомъ Лукой, здѣсь великіе свѣтильники и хранители земли русской: Петръ, Алексій, Іона чудотворцы» и т. д. «У насъ, добавляли москвичи отъ себя, и первопрестольникъ апостольской церкви, святѣйшій Гермогенъ патріархъ, прямъ, какъ пастырь, душу свою полагаетъ за вѣру христіанскую несомнѣнно». Самъ же первопрестольникъ отъ себя добавлялъ, что присяга, данная русскими людьми Владиславу, какъ не принявшему православія, не обязательна, и что онъ святительской властью своею снимаетъ ее съ клявшихся и благословляетъ всѣхъ ополчиться на спасеніе вѣры и отечества.

Высокій примѣръ его личнаго самоотверженія и святой ревности воодушевлялъ всѣхъ честныхъ и лучшихъ русскихъ людей. А притѣсненія патріарха поляками только еще больше поднимали его въ глазахъ народа и только питали еще большее негодованіе противъ поработителей отечества.

И услышавъ былъ священнѣйшій кличъ доблестнаго архипастыря по всей Россіи. Единодушно вставала, ополчалась вся родная страна по мановенію Гермогена.

Обнаружились сокровенныя, но могучія силы свято-русскія, открыто сказались затаенныя и подавленные было въ хаосѣ смутной поры самыя интимныя и святыя религіозныя и патріотическія чувства вѣрныхъ дѣтей Россіи. Народъ собирался на священнѣйшій подвигъ защиты вѣры и отечества.

Поляки думали, что стоитъ только развратить бояръ, такъ или иначе, грозой или лаской, посулами или подачками склонить ихъ на свою сторону, и Русь въ ихъ рукахъ. А оказалось, что есть на Руси еще великая сила, это—народъ простой, русскій; а надъ этимъ народомъ, въ свою очередь, есть еще другая духовная сила, могущественнѣйшая, способная поднять народъ на смертную борьбу, это—святая вѣра народная, православно-русская. И вотъ приступили ляхи къ тому, кто такъ очевидно располагалъ этими силами и былъ настоящею душою

народнаго ополченія Руси, къ Гермогену. Отселѣ и начинается страдальчество, мученичество великаго святителя. По сказанію современника, «много было истязаемъ архипастырь». Его совѣмъ отстранили отъ его архипастырскихъ обязанностей по управленію паствою російскою, лишили даже возможности совершать въ соборныхъ храмахъ при стеченіи народа богослуженія; дворъ патриаршіи былъ разграбленъ, его самого заключили подъ стражу, окружили польскими солдатами; никого къ нему не пускали, какъ къ мятежнику, заговорщику; обходились съ нимъ жестоко и безчеловѣчно. Беззащитный, онъ долженъ былъ терпѣть въ окружавшемъ его станѣ враговъ позоръ, издѣвательства и всяческія притѣсенія.

Онъ официально сверженъ былъ съ престола, заточенъ въ Чудовъ монастырь, гдѣ и томился въ тѣсной, мрачной кельѣ, отрѣзанный отъ всего роднаго, русскаго, окруженный свирѣпою, вражеской стражей. Но и незримый міру, онъ дѣйствовалъ на міръ силой своихъ молитвъ, авторитетомъ одного имени его. По выраженію историка (Карамзина), и «въ темной кельѣ онъ сіялъ, какъ лучезарное свѣтило, готовое угаснуть, но уже воспламенившее жизнь въ отечествѣ и ревность къ великому дѣлу». Святое дѣло спасенія отчизны, временно затормозившееся, снова возгоралось яркимъ пламенемъ, и главнымъ образомъ благодаря, и въ этомъ случаѣ, непосредственному указанію и почину великаго узника. Дѣло было такъ. Въ ту пору завязавшихся сношеній и переговоровъ между разными городами и общаго тяготѣнія всѣхъ къ душѣ русскаго наstroенія, къ Гермогену, изъ Нижняго-Новгорода прибыли въ Москву два посла, родомъ свѣяжцы. Какими-то судьбами удалось имъ проникнуть къ томившемуся въ заточеніи Гермогену. И вотъ это-то свиданіе имѣло великія въ судьбахъ общаго русскаго дѣла послѣдствія. Прежде всего, святитель Гермогенъ чрезъ этихъ посланцевъ постарался воодушевить нижегородцевъ на подвигъ за страждущее отечество, призывалъ ихъ къ ополченію и посылая свое благословеніе на сіе святое дѣло; а потомъ—что особенно важно—онъ нашелъ возможность написать и послать съ ними къ нижегородцамъ большое посланіе, грамоту. Чрезвычайно трогательна эта послѣдняя грамота великаго святителя.

Это были послѣднія распоряженія, послѣднее завѣщаніе великаго святителя, и оно могущественно подвинуло святое дѣло спасенія отечества. Слова исповѣдника-страдальца отозвались по всей Россіи: они передавались изъ устъ въ уста между вѣрными сынами родины. И снова вся Русь закипѣла святою ревностью. Поднялись отовсюду дружины народныя: откликнулись сердца русскія на призывъ Гермогена вездѣ, но прежде всего и главнымъ образомъ въ Нижнемъ-Новгородѣ, которому и честь и главенство въ предстоящемъ подвигѣ патриотическому вручилъ самъ святитель.

Озлобленные поляки бросили несокрушимаго старца въ сырую темницу и порѣшили уморить поборателя за вѣру православную и отечество русское» ужасною, мучительною смертью—голодною. Ему перестали давать пищу. Нѣсколько недѣль промучился святой старецъ отъ голода, изнуренія, истощенія и всякихъ лишеній. Наконецъ, 17 февраля, какъ свѣтильникъ лампы предъ святой иконою, отъ исто-

шенія елен, погасъ. Непорочною и словно разрѣшительною жертвою отошелъ святитель Гермогенъ въ вѣчныя селенія Отца Небеснаго молитвенникомъ и печальникомъ за русскую землю.

Угасъ великій печальникъ земли родной, но уже совершивши грандіозное, величайшее, святое дѣло—уже изведшіи скорбною, изстрадавшею отечество изъ пучины бѣдствій, уже на зарѣ спасенія, накануне освобожденія. Почилъ славный и въ роды родовъ достохвальный святитель Божій отъ невѣроятныхъ, напряженныхъ заботъ и трудовъ земныхъ. Но вѣковѣчный великій подвигъ его жизненный еще расцвѣталъ и раскрывался; великое патріотическое дѣло, начатое и одухотворенное имъ, крѣпло и упрочивалось. Результаты Гермогеновскихъ усилій и этого подвига его извѣстны: только нѣсколько мѣсяцевъ не дожилъ онъ до радости исполненія своихъ чаяній и стремленій,—умеръ, можно сказать, на порогѣ такъ мучительно имъ желанной обѣтованной земли его. 22 октября этого 1612 года, въ день, именно съ того дня и доселѣ всѣмъ намъ радостный и праздничный, поляки русскіе, осѣняемые державнымъ покровомъ Царицы Небесной, чудотворною своею иконою Казанскою, сопутствовавшей ратникамъ, вступили въ Москву. Распахнулись ворота кремлевскія. Съ крестомъ, иконами и съ духовенствомъ во главѣ, воины русскіе въ слезахъ радости и умиленія вступили во святая святыхъ земли русской, въ родной для великаго сердца русскаго первопрестольный кафедральный соборъ Успенскій. Радостный и торжественный звонъ оглашалъ изъ пепла воскресную Москву. Всенародный, земскій молебенъ былъ искреннимъ отголоскомъ переполнявшей всѣ сердца русскія пламенной благодарности милостивому Богу избавителю. Какъ-то сразу, быстро, словно по мановенію силы небесной, пчезли поляки и литовцы не только изъ Москвы, а и изъ Смоленска, изъ предѣловъ Россіи,—воскресъ Богъ земли русской и расточились всѣ враги ея.

Ровно черезъ годъ послѣ мученической кончины великаго Божія ратника на русской землѣ, незабвеннаго печальника во всѣхъ пережитыхъ страданіяхъ и вдохновителя во спасеніе ей—святителя Гермогена, именно 21 февраля 1613 г., уже въ обновленной и умиротворенной Москвѣ, на Красной площади, подъ открытымъ небомъ, подъ осѣненіемъ святынь кремлевскихъ, состоялся великій соборъ представителей со всѣхъ концовъ земли русской. Рѣшалось дѣло величайшей важности: предстояло избрать царя, хозяина земли русской. И прежде, чѣмъ именитые люди взошли на лобное мѣсто, чтобы объявить народу свое предположеніе, какъ изъ многотысячной толпы, словно изъ единой груди, вырвался, согласный и боярскому предположенію, единодушный, могучій кликъ, кликъ всей земли святиорусской: Михаилъ Феодоровичъ Романовъ да будетъ царемъ-государемъ царству Московскому и всей державѣ русской! Въ этомъ «гласѣ народа» прозвучалъ «гласъ Божій». Выше предугазаніе Гермогена совершилось. Подвигъ Гермогеновскій завершился такъ желаннымъ имъ и отъ Бога благодсловеннымъ концомъ. И конецъ этотъ легъ возглавіемъ, сталъ началомъ новой жизни для обновленной и спасенной Россіи.

Изъ сумрака минувшихъ вѣковъ благородный, величественный образъ Гермогена возстаетъ теперь въ воображеніи нашемъ, какъ бле-

стящая звѣзда, ярко свѣтившая на безотрадномъ небѣ окутавшей въ ту пору всю землю русскую и мучительно тяжелой ночи; стоитъ, какъ недвижимый, непоколебимый маякъ, указывавшій всей Россіи путь жизненный въ непроглядномъ, гибельномъ сумракѣ смуть и лихолѣтя. Вся самоотверженная жизнь и мученическая кончина Гермогена, еще по словамъ стараго лѣтописца, выше словесныхъ восхваленій. Подвиги этого исповѣдника вѣры, страдальца за отечество, достойны удивленія. Если теперь никакое украшеніе не отличаетъ скромную гробницу Гермогена, если пока все еще нѣтъ на Руси памятника, достойно напоминающаго о самоотверженномъ служеніи его страждущему отечеству, то во всякомъ случаѣ память о Гермогенѣ должна быть неизгладимо, незабвенно запечатлѣна въ сердцахъ людей, любящихъ свою родину.

Заключаетъ свою статью авторъ слѣдующимъ послѣсловіемъ.

Премудрый царь Давидъ въ своей боговдохновенной и такъ русскими людьми любимой Псалтири сказалъ: Помянухъ дни древніе и поучихся. Мы тоже помянули дни древніе; вспомнили мы страшныя, по истинѣ, грозныя страницы нашей былой русской жизни, вспомнили не изъ празднаго же, пустаго любопытства, а, хочется думать, чтобы хоть немножко, между прочимъ, и поучиться въ этой родной намъ старинѣ. Если когда, такъ ужъ именно теперь, въ переживаемые нами дни, особенно нужно и дорого намъ наставленіе, поученіе минувшаго. Что довело тогда отцовъ нашихъ до такихъ страстей, отечество наше до края гибели?—Причины ясны, какъ день Божій. Во первыхъ, вызванная, вслѣдствіе злодѣяства надъ законнымъ представителемъ рода царскаго Димитріемъ царевичемъ, шаткость власти царственной, колебаніе престола царскаго и безгосударіе. Во-вторыхъ, низкая и близорукая измѣна своей націи, народности, преступное со стороны думныхъ бояръ—въ узко-эгоистическихъ, корыстныхъ расчетахъ—предательство страны родной иноземцамъ, допущенное хозяйничанье на Руси иностранцевъ-иноувѣрцевъ. Наконецъ, третья, болѣе общая и болѣе широкая причина: обнаружившійся во всей этой сложной и до крайности печальной исторіи развратъ политическій и вообще гибельное религіозно-нравственное паденіе, духовное обнищаніе русскихъ людей; допущенная малодушіемъ и попустительствомъ многихъ, измѣна отцепреданнымъ традиціямъ, приниженіе святыни православія, легкомысленная и непростительная готовность даже вѣрнуть судьбы православія и отчизны иноувѣрной опеку.

А что подняло Россію, что спасло ее? Спасло ее—подъ покровомъ и по указанію церкви, подъ руководствомъ патріота-вождя, пастыря православнаго—во-первыхъ, высвобожденіе Руси изъ подъ путь иноземщины, удаленіе иностранцевъ, простиравшихъ руки на обладаніе ею,—освобожденіе отъ чужого, а потому и естественно корыстнаго и опаснаго, вреднаго и разрушительнаго вмѣшательства иноземцевъ въ наши, свои русскія дѣла. Далѣе, во-вторыхъ, подчиненіе самодержавной власти единому, народомъ избраннаго и излюбленнаго государя. И, наконецъ, въ-третьихъ, купленный цѣною тяжкихъ страстей и испытаній, общій и политическій и религіозно-нравственный подъемъ русскихъ людей, объединеніе очпщенной въ горнилахъ

бѣдствій Россіи,—сплотившаяся коллективная сила русской земли и русскаго ума, дѣятельно обнаружившіеся въ самоотверженномъ стояніи и даже въ крестоносномъ подвигѣ русскихъ людей—за вѣру православную и за отечество святорусское.

Такимъ образомъ, помянутые нами дни древніе Россіи со всею очевидностію—и съ той и съ другой стороны, отрицательнымъ и положительнымъ путемъ—обнаруживаютъ, выдаютъ три начала, силы, три основныхъ столпа, на которыхъ зиждется жизнь, сила и крѣпость Россіи и отъ большей или меньшей твердости, устойчивости которыхъ зависитъ все ея счастье или несчастье, спокойствіе или лихолѣтіе. Эти начала суть: вѣра православная, царь самодержавный и общее во всѣхъ русскихъ людяхъ, такъ сказать, земское самочувствіе рода племени своего, народность наша русская.

Несомнѣнно, что помянутые нами дни древніе бросаютъ яркіи лучи и на наше современное лихолѣтіе. Дай Боже, что-бы русскіе люди, хотя бы по поводу приближающаго юбилейнаго поминовенія величайшаго патріота Россіи патріарха Гермогена, задумались надъ тѣмъ далекимъ и страшнымъ, но роднымъ и поучительнымъ минувшимъ, и извлекли бы изъ этого воспоминанія-раздумья урокъ и пользу для нашего настоящаго и будущаго. Дай Богъ, чтобы и русскій человѣкъ, слѣдуя примѣру мудрѣйшаго изъ людей, царя Давида, могъ тогда по совѣсти сказать вмѣстѣ съ нимъ: помянухъ дни древніе и поучихся во всѣхъ дѣлахъ Господнихъ.

Въ «Богословскомъ Вѣстникѣ» (Маргъ) помѣщено начало статьи Д. Коновалова, интересной съ специально-миссіонерской точки зрѣнія, подъ заглавіемъ «Религіозный экстазъ въ русскомъ мистическомъ сектанствѣ.» На основаніи различныхъ духовныхъ дѣлъ о сектантахъ и многочисленныхъ печатныхъ источниковъ авторъ задается цѣлю нарисовать полную картину сектантскаго экстаза. Сопоставляя отдѣльные случаи обнаруженія экстаза въ русскомъ мистическомъ сектанствѣ на протяженіи почти трехъ столѣтій, мы находимъ, говоритъ авторъ, что новая картина его складывается изъ двухъ параллельныхъ рядовъ явленій: тѣлесныхъ съ одной стороны, и душевныхъ, съ другой. Въ развитіи того и другого ряда наблюдается извѣстная послѣдовательность, позволяющая обозрѣвать явленія каждаго изъ нихъ по группамъ, чередующимся въ опредѣленномъ порядкѣ, или по періодамъ. Число періодовъ, по которымъ протекаютъ тѣлесныя и душевныя проявленія сектантскаго экстаза, одинаково для тѣхъ и другихъ, но, въ виду разнородности самыхъ проявленій, мы разсмотримъ ихъ раздѣльно, начиная съ періодовъ, наблюдаемыхъ въ развитіи тѣлесно-экстатическихъ явленій. Намѣтивъ такимъ образомъ планъ своей работы, авторъ переходитъ къ первому періоду тѣлесныхъ явленій—періоду возбужденія органическихъ функций и описываетъ (по документамъ) такія проявленія экстаза, какъ трепетаніе сердца, измѣненія въ лицѣ, въ глазахъ, температурныя ощущенія; потъ, пѣна, слезы.

Миссіонерство, секты и расколь.

Изъ моихъ наблюденій надъ старообрядцами.

(За 1906 годъ).

Расколь силенъ нашей слабостью и нерадѣніемъ, а ничуть не собственной внутренней силой религіозности, истиннымъ благочестіемъ, благочиніемъ, и благолѣпіемъ богослуженія. Въ послѣднемъ случаѣ онъ отличается отъ православія, какъ тьма отъ свѣта. Какъ теперь ни стараются раскольники - австрійцы строить „церкви“ съ куполами, крестами и колоколами, вообще использовать послѣдній о нихъ законъ, но прикрыть этимъ свое внутреннее религіозное убожество не могутъ. Этимъ убожествомъ Господь Богъ покаралъ ихъ за грѣхъ раскола и противленіе св. церкви, за высокомерное о себѣ мнѣніе. „Если бы въ свое время намъ, старообрядцамъ, дана была свобода устраниваться такъ,—похваляется „Голосъ Старообрядца“ (№ 65),—какъ намъ это желательно, было бы дозволено свободно развиваться и совершенствоваться въ образованіи, то, несомнѣнно, у насъ давно бы были свои не только среднія учебныя заведенія, но, пожалуй, и свои академіи, и институты и университеты“. Выше этого старообрядцамъ уже нечего сказать въ похвалѣбу о себѣ. Такимъ „старовѣрскимъ“ Хлестаковымъ, какъ Мельниковъ и Бриліантовъ, „Церковный Вѣстникъ“ справедливо читаетъ нотацію: „Интересно знать, какъ это старообрядческіе профессора будутъ отстаивать въ университетахъ, напримѣръ, недавно (5 іюля, въ актѣ примиренія окружниковъ съ неокружниками) вновь опубликованныя положенія относительно того, что никопіанская церковь „еретичествуетъ“ въ „порицаніи“ единоотцаго имени Христова „Ісусъ“¹⁾, въ троеніи аллилуія и трое-

¹⁾ Лжеепископъ Кириллъ Одесскій, въ грамотѣ, отъ 23 сентября, прямо заявляетъ лжеосвященному собору—въ Москвѣ, что „мудрованіе послѣдователей Никона объ имени Ісусъ есть еретическое“, почему и не слѣдуетъ принимать это имя Спасителя, а лжеосвященный соборъ лжеепископовъ, не обинуясь, расписывается подъ этимъ богохульствомъ: „Сіе изложеніе епископа Кирилла приѣмлется и нами. Лѣта 7415, сентября 23 дня“ („Старообрядецъ“ № 10, стр. 1171 и 1172).

перстномъ сложеніи?! Старобрядчество въ самомъ существѣ своемъ отрицаетъ подлинное живое образованіе... Дѣйствительное же образованіе, приобщая старообрядцевъ къ великимъ задачамъ культуры и къ необъятно большимъ и трагическимъ темамъ, на которыя жило человѣчество въ своей исторіи, неизбежно убьетъ старообрядчество въ самомъ корнѣ (№ 38, стр. 1232). Въ самомъ дѣлѣ, если въ порицаніи, и то не церковію, а частными лицами, притомъ вынужденномъ злѣйшими порицаніями самихъ раскольниковъ, подобными сейчасъ указаннымъ,—если въ этомъ порицаніи раскольники видятъ ересь, которая, по канонамъ церковнымъ, есть измѣна вѣрѣ, то, ясно, что они вѣрують въ букву и слоги ¹⁾, и такимъ образомъ сами дѣлають „чуждое“ прибавленіе къ вѣрѣ, т. е. сами объявляютъ себя еретиками. И все это дѣлають во имя девиза: „Христіане всѣхъ согласіи соединяйтесь“ (неоднократно въ „Старообрядцѣ“)! Во имя этого девиза окружники отвергли „Окружное посланіе“ (5 іюля) и, сдѣлавъ громадный шагъ назадъ, подпали подъ запрещеніе въ священнодѣйствіи и проклятіе отъ своего краденнаго митрополита Амвросія, выраженныя имъ въ грамотѣ, отъ 28 окт. 1863 г., на отвергающихъ „Окружное посланіе“. И что же, проповѣдуя вѣру въ букву, подпавъ подъ запрещеніе въ священнослуженіи и проклятіе отъ своего перваго апостола, они достигли желаемаго соединенія, по крайней мѣрѣ, съ неокружниками? Только на бумагѣ и то не со всѣми неокружниками. Въ самомъ „Старообрядцѣ“ объявлено, что на Гайсинскомъ соборѣ 15 окт. у окружниковъ съ неокружниками „мира не послѣдовало. Братья разѣхались не примиренными. Виновицами этого каинова дѣла явились іовиты—колонтаевцы“, т. е. послѣдователи лже-епископа Іова (№ 10, стр. 1200). „На своемъ недавнемъ соборѣ (10 ноября),—пишетъ извѣстный наблюдатель текущей сутолоки жизненной П. Д. Боборыкинъ („Р. Сл.“ № 277, 12 ноября),—„противоокружники“ ни на одну пядь не отступили отъ безусловнаго осужденія бывшихъ своихъ одновѣрцевъ (окружниковъ). Вражда—все та же. Нетерпимость закоренѣлаго упорства—въ полной неприкосновенности“ Мнѣ лично достоверно извѣстно, что въ Нерехтскомъ уѣздѣ окружники съ неокружниками и не думали примиряться: лжепопы или „братья“ „каинова дѣла“ окружникъ „Егорій Ивановичъ Лакомкинъ“ (=666) и неокружникъ Трифонъ Ивановъ—по прежнему враждуютъ. Значитъ, только напрасно, соборнѣ подтвердивъ вѣру въ букву, окружники навлекли на себя запрещеніе въ священнослуженіи и проклятіе м. Амвросія, напрасно нарушили разумное постановленіе своихъ прежнихъ отцовъ, издавшихъ „Окружное посланіе“.

¹⁾ „Имя Божіе,—учитъ вселенскій учитель св. Василій Великій,—называется святымъ, конечно, не потому, что въ самыхъ слогахъ имѣетъ нѣкоторую освящающую силу, но потому, что свято и чисто всякое свойство Божіе“... (ч. 1, стр. 244, изд. 4-е).

Насколько австрійцы боятся запрещенія и проклятія м. Амвросія и цѣвнтя свое прежнее соборное постановленіе, какъ столько же почитаютъ и самую свою именуемую святяню, какъ то моленныя, „престолы“ и проч. 15 и 16 марта я бесѣдоваль съ „начетчикомъ“ (изъ Самарской губ.) И. А. Лукинымъ въ селѣ Куниковѣ, Костромскаго у., въ австрійской моленной; въ ней ревнители „благочестія“ убрали полотняный иконостасъ, а „престолъ“ сдвинули къ „горнему мѣсту“, на мѣсто „престола“ поставили столы для книгъ... Лукинъ, нисколько не ужасаясь того, что находился на мѣстѣ престола, велъ себя, какъ „начетчикъ“ (хотя и обязался условіемъ вести себя по человѣчески), такъ что я не разъ напоминалъ ему о „святѣмъ мѣстѣ семъ“. Не лучше того творится и въ пресловутомъ Преображенскомъ (строющемся) монастырѣ Усова, находящемся у самой границы Костромской губ. (близъ села Валковъ). 9 сентября я зашелъ въ этотъ монастырь во время лжелитургійной службы, которая совершалась на чердакѣ жилого помѣщенія, хотя можно было бы отвести мѣсто для этого въ самомъ помѣщеніи. Самая лжелитургія поразила меня своимъ убожествомъ. Напрасно учитель пѣнія изъ слободскихъ (Черниговской губ.) махаль во время „Вѣрую“ (когда я вошелъ) длинной указкой: пѣвцы пѣли или, вѣрнѣе, хныкали какимъ-то безжизненно глѣбнымъ нѣтъемъ. Пропѣли причастенъ, растянувъ его на все время причащенія служащаго, при чемъ не обошлось безъ вопроса вслухъ учителемъ пѣнія: „какой сегодня причастенъ?“ Отворились „царскія врата“, показался „священнонокъ“ съ красно-фіолетовымъ носомъ, пронзень могильнымъ голосомъ: „со страхомъ Божиимъ“ и проч., почесаль себѣ плѣшь и поставилъ „потиръ“ на „престолъ“. Не оборачиваясь къ народу, даже напередъ взявъ кадило, онъ провоздыхаль: „спаси Боже“... Затѣмъ обычное: „всегда и нынѣ“... и съ дискомъ на головѣ „попъ“ почему то пошелъ вокругъ престола противъ солнца. А когда читаль: „Благослови благословящія“, то дважды повторилъ „державнаго Богохранимаго царя“ и сдѣлаль нѣсколько ошибокъ; войдя въ „алтарь“ онъ положилъ служебникъ на „престолъ“. Во время чтенія „Благословлю Господа“, раздавая по цѣлой просфорѣ, онъ самъ поднесъ чтецу-мальчику просфору. Учитель пѣнія былъ въ моленной въ брюкахъ, хотя и въ „христіанкѣ“ (слободское названіе поддевки), а мальчики пѣвцы просто въ „спинжакахъ“ и брюкахъ. На улицахъ учитель пѣнія разговорилъ съ нами (насъ было три священника). Между прочимъ спросилъ: „здѣсь есть единовѣрческій священникъ? Такъ ли мы служимъ?“ О. Феодоръ Смирновъ (изъ Боженокъ) отвѣтилъ: „почти, что такъ“. Инокъ я замѣтилъ всего 2, а бѣльцовъ вмѣстѣ съ мальчиками 9—10. Когда я спросилъ учителя пѣнія, почему ихъ „батюшко“ такъ ошибочно служить, развѣ недавно поставленъ? онъ, не обинуясь, сказалъ, что поставленъ давно, „да только болѣлъ головой“. О. П. Мечалинскій замѣтилъ, что „іеромонахъ“ безграмотный.

Мнѣ указали то мѣсто, на которомъ совершалась „старовѣрская“ литургія самимъ Усовымъ 6 августа, въ палаткѣ, на походномъ престолѣ. Здѣсь теперь лежалъ лишь конскій пометь. Крестьяне ближайшихъ деревень рассказывали мнѣ, что когда кончилась обѣдня, и изъ палатки убрали „престолъ“, тотчасъ „барыни по вѣрѣ“ устремились въ эту палатку переодѣваться... Мѣсто, на которомъ была представляема Усовымъ „литургія“, и доселѣ не огорожено, даже опакощено. И сбылось слово основателя раскола протоп. Аввакума: „въ нѣкоторое время и конюшня—де нынѣ церкви лучше“. И пусть! Таковъ ужъ вкусъ передовыхъ старообрядцевъ. Въ этой области съ ними спорить не легко.

Такое же угнетающее впечатлѣніе я вынесъ отъ „богослуженія“ нѣтовцевъ по „малому началу“. Нужно замѣтить объ этомъ толкѣ, что порядки въ немъ измѣнились около двадцати пяти лѣтъ тому назадъ: православныхъ и сейчасъ нѣтовцы этого согласія принимаютъ къ себѣ по „малому началу“, но дѣтей своихъ крестятъ и браки заключаютъ уже не въ православной церкви, какъ это было прежде, а выбираютъ для этого своего „попа“—наставника, который управляетъ и общимъ моленіемъ. Такимъ „попомъ“ въ дер. Боженькахъ, Боярской вол., Макарьевского у., служилъ мѣстный крестьянинъ Андрей Антоновъ Котовъ, въ домѣ котораго я и былъ во время заутрени 10 сентября. Дѣло обстояло такъ. Въ полночь, когда я спалъ въ сараѣ на сѣнѣ о. Ѳ. Смирнова (изъ мѣстныхъ нѣтовцевъ), я услышалъ повѣстку къ старообрядческому моленію, довольно оригинальную. Самъ ли „попъ“ Андрей или посланный имъ ходилъ по деревнѣ и стучалъ подъ окнами старообрядческихъ домовъ, произнося молитву и призывая къ службѣ: „Господи, Исусе Христе, Сыне Божій, помилуй насъ! Христа ради, собирайтесь молиться“. Самъ я не рѣшился бы посмотрѣть моленіе старообрядцевъ, но о. Ѳеодоръ настойчиво совѣтовалъ мнѣ, увѣряя, что я не слышалъ еще такого безграмотнаго чтенія и не видалъ такого жалкаго богослуженія. Я пришелъ въ домъ Андрея во время пѣнія прокимна предъ Евангеліемъ и потому стоялъ безъ позволенія до конца Евангелія, послѣ котораго спросили позволенія, на что получилъ отъ Андрея привѣтливо-снисходительное: „можно“. Прокимень пѣли сравнительно сносно (по старообрядчески) и „на рѣчь“, какъ и все пѣніе. Но въ чтеніи „попъ“ Андрей прямо ужъ конкурировалъ съ австрійскимъ попомъ, котораго я слышалъ наканунѣ. Читалка, старая дѣва, дочь умершаго „попа“, постоянно его поправляла. Отмѣчу болѣе важныя изъ этихъ поправокъ. „Попъ“ читаетъ Евангеліе:

— И примѣ хлѣбъ благослови, и преломивъ дѣлаше има.

— Даяше има, — поправляетъ читалка.

— Гдѣ, не вижу, посвѣти.

Читалка посвѣтила и онъ поправился:

— Дая—аше и има—а.

Далѣе:

— Не сердце ли наю горя бѣ на ю.

— Въ наю,—неволью поправиль и я въ одинъ голосъ съ читалкой.

— Горя бѣ въ на-ю,

Вмѣсто „Милостію и щедротами“ говорилъ обычное для немущихъ священства „Господи Ісусе“ не самъ „попъ“, а старикъ Яковъ Калистратовъ, мой главный возражатель на бесѣдѣ 8 сентября. Онъ все время сидѣлъ на концѣ лавки предъ иконами и дремалъ. Сидѣла также одна старушка на лавкѣ у печи и дремала, а на печи кто то крѣпко спалъ. Со-сѣдство съ лѣвой стороны со старушкой, а съ правой—съ большой „поганой“ лоханью мнѣ не доставляло удовольствія... Въ это время проснулся ребенокъ—дѣвочка „попа“ Андрея лѣтъ 6—7. Мать ея хотѣла ее нести на лохань, но дѣвочка благоразумно попросилась „на мостъ“ (въ сѣни). Начали канонъ; службу дневнымъ св. мученицамъ оставили: Андрей читалъ воскресный, другой мужчина,—тоже бывший на моей бесѣдѣ,—крестовоскресный, а читалка —Пресвятой Богородицѣ—и только. Только одна читалка читала недурно, а Андрей и его товарищъ—прямо изъ рукъ вонъ. Ирмосы и катавасіи запѣвалъ самъ Андрей и обычно вралъ. Читалка была тверже его и въ пѣніи, такъ что на половинѣ катавасіи послѣ 3-ей пѣсни она остановила его и запѣла по своему, а за ней—и всѣ пѣвцы, которыхъ было четыре человекъ (кромѣ указанныхъ чтецовъ пѣла еще одна женщина). Послѣ 3-ей пѣсни сдѣлали пропускъ: не читали сѣдальна, тотчасъ послѣ катавасіи запѣвъ прмось 4-й пѣсни. Я насилу достоялъ до конца 6-й пѣсни и вышелъ на свѣжій воздухъ. Народу было на молитвѣ вмѣстѣ съ домашними Андрея всего около 10 чел., хотя въ Боженькахъ пѣтовцевъ насчитывается до 10 домовъ. Знать, не привлекательно для самихъ пѣтовцевъ ихъ «богослуженіе», несмотря на вышеобъясненный призывъ къ нему, а вѣрнѣе: и старообрядцы заразились общимъ духомъ религіознаго индифферентизма.

Тщетно раскольники австрійцы хотять прикрыть внутреннюю пустоту и срамоту раскола вообще и свою въ особенности своей литературой. Въ 1906 году у нихъ появились на свѣтъ журналъ „Старообрядецъ“ и газета „Голосъ Старообрядца“, переименованный въ „Старообрядческую Жизнь“. Въ этихъ своихъ органахъ они, при всей своей демонической злобѣ, хулиганскихъ ругательствахъ, лжи и клеветѣ на св. православную церковь и на ея служителей, требуютъ къ самимъ себѣ совершенно обратныхъ отношеній, и даже за канонически правильное названіе ихъ раскольниками и признаніе ихъ священства «въ сущемъ санѣ», т. е. мірянами, не имѣющими благодати священства, ругаютъ черносотенцами, и оскверняютъ святое слово „свобода“ которой они ищутъ только для себя, будучи при томъ рабами злобы. Объ этой литературѣ нужно сказать словами пророка: «И завладѣтъ ею пеликанъ и ежъ; и филинъ и воронъ поселятся въ ней; и протянутъ по ней вервь разоренія и отвѣсь

уничтоженія. Никого не останется тамъ изъ знатныхъ ея („начетчиковъ“), кого можно было бы призвать на царство (въ президенты старовѣрской республики!) и всѣ князья ея будутъ ничто...: и будетъ она жилищемъ шакаловъ, пристанищемъ страусовъ. И звѣри пустыни будутъ встрѣчаться съ дикими кошками, и лѣшіе будутъ перекликаться одинъ съ другимъ; тамъ будетъ отдыхать ночное привидѣніе и находить себѣ покой. Тамъ угниѣдится летучій змѣй, будетъ класть яйца и выводить дѣтей и собирать ихъ подъ тѣнь свою; тамъ и коршуны будутъ собираться одинъ къ другому“ (Исаи 34, 11—15).

Свящ. Е. Зубаревъ.

Домогательства сектантства.

На всероссійскомъ сѣздѣ въ Петербургѣ сектанты представили правительству свои соображенія и домогательства по разсмотрѣнію правительственнаго закона о свободѣ совѣсти. Разсмотрѣвъ постоянно этотъ законъ, сѣздъ такъ формулировалъ свои пожеланія и требованія.

Статью закона, гласящую... «предоставляется свободное исполненіе ихъ вѣры и отправленіе религиозныхъ обрядовъ по правиламъ ихъ вѣроученій...», сектанты желаютъ расширить такимъ добавленіемъ: «и распространеніе своего ученія по средствомъ личнаго разговора, проповѣди и печатнаго слова», иначе говоря, желаютъ полной свободы пропаганды своего ученія. Ст. 2, разрешающую сектантамъ собираться «для общей молитвы въ молитвенномъ домѣ или иномъ предназначенномъ для сего помѣщеніи», желаютъ измѣнить такъ: — «для общей молитвы въ молитвенныхъ или иныхъ предназначенныхъ для сего помѣщеніяхъ, а также въ своихъ частныхъ домахъ и квартирахъ». Ст. 7-ю, опредѣляющую, допускающую составъ сектантской общины 50 человекъ, эти сектанты просятъ измѣнить въ томъ смыслѣ, чтобы наименьшее число сектантской общины могло состоять изъ 25 человекъ обоюга пола. Ст. 17—гласящую: «Въ общемъ собраніи имѣетъ голосъ каждый членъ общины, достигшій 25 лѣтъ, кромѣ лицъ, которыя постановленіемъ общаго собранія лишены права голоса»,—сектантскій сѣздъ измѣняетъ въ такой редакціи: «Въ общемъ собраніи каждый членъ общины, достигшій гражданскаго совершеннолѣтія, кромѣ лицъ, которыя были чѣмъ либо опорочены въ средѣ своего общества и исключены изъ числа членовъ онаго».

По поводу статей 27, 28 и 29, тракующихъ о наставникахъ, опредѣляющихъ нравственныя качества ихъ и порядокъ выборовъ, сѣздъ выставилъ слѣдующія казуистическія возраженія: «Всѣ три статьи (27, 28, 29), касательно качествъ и способностей наставниковъ, соединены нами въ одну статью. Статей 28 дается слишкомъ много поводовъ властямъ къ непризнанію избранныхъ общиною наставниковъ. Неграмотныхъ община сама не изберетъ, гражданское совершен-

нолѣтіе достаточно для занятія должности наставника, уголовному наказанію избираемое лицо могло подвергнуться за соврашеніе или пропаганду своего ученія, что въ нашихъ глазахъ нисколько не кладетъ пятна на его нравственную репутацію; людей порочныхъ какъ то: воровъ, мошенниковъ, обманщиковъ, ростовщиковъ и проч. сектантская община, признающая авторитетъ библіи, никогда не изберетъ. Но можетъ случиться, что до присоединенія своего къ общинѣ избираемое ею лицо и было когда-либо обвинено въ своей жизни въ какомъ-либо изъ сихъ упоминаемыхъ въ правилахъ преступленій, но оно обратилось, исправилось и Богъ простилъ его ¹⁾, а настоящій законъ не прощаетъ его ни въ силу давности, ни въ силу Всеми-лостивѣйшаго Манифеста и губернаторъ или градоначальникъ можетъ не признать его въ должности за преступленія, содѣянные имъ до его должности, за преступленія, содѣянные имъ до его обращенія и присоединенія къ общинѣ». Въ концѣ свою казуистику сектантскій съѣздъ заключаетъ гордымъ и даже кощунственнымъ утвержденіемъ, которое называется у св. отцовъ прелестью: «По нашему убѣжденію, наши наставники имѣютъ призваніе отъ Бога, проповѣдывать слово Божіе и пасти словесное стадо Христово (минимумъ 25 головъ), посему они не нуждаются подобно чиновникамъ въ утвержденіи ихъ гражданской властію и могутъ быть отрѣшены отъ своей должности не иначе, какъ по рѣшенію самой общины (это Божіи-то и избранники?); иначе это было бы вмѣшательствомъ гражданской власти во внутренній строй нашихъ общинъ. Посему мы можемъ только двоякимъ порядкомъ извѣщать подлежащія власти о лицахъ, которыя состоятъ у насъ наставниками».

Замѣтимъ, что въ силу этого сектанты почти нигдѣ не регистрируютъ своихъ общинъ, пользуясь всѣми благами свободы вѣроисповѣдной, но не желая нести обязанностей, налагаемыхъ новымъ закономъ. Ст. 30-ю, освобождающую наставниковъ отъ призыва на дѣйствительную военную службу—сектанты доподняють: «и отъ всякихъ общественныхъ и натуральныхъ повинностей на все время состоянія ихъ въ семъ званіи» ²⁾. По ст. 33 наставникамъ виды на жительство выдаются изъ Губернскаго Правленія, но сектанты на это не соглашаются и статью эту измѣняютъ въ томъ смыслѣ, что виды на жительство наставники должны получать изъ мѣстъ ихъ приписки.

Возложенную ст. 35-ю на наставниковъ обязанность веденія книгъ для записей рожденій, браковъ и смертей ихъ единовѣрцевъ на основаніи установленныхъ по сему предмету правилъ, съѣздъ совершенно снимаетъ, говори, что на наставниковъ не должно возлагать какихъ либо гражданскихъ или административныхъ обязанностей, въ томъ числѣ и веденія метрическихъ записей, для чего общиною избирается особое лицо. Въ этомъ же смыслѣ измѣняются и всѣ тѣ статьи (35, 39, 44, 56 и 57), въ которыхъ говорится о правилахъ и отвѣт-

¹⁾ Значитъ, какъ перешелъ человекъ въ секту святыхъ, такъ уже всѣ грѣшии Богъ проститъ и законъ гражданскій безсиленъ ихъ ограничить.

²⁾ Если отъ каждой общины въ 25 челов. обоого пола будетъ освобожденъ отъ всѣхъ повинностей наставникъ, то получится довольно солидная цифра освобожденныхъ.

ственности по веденію метрическихъ книгъ наставникомъ, перенося выполненіе этихъ правилъ на «особо избранныхъ общиною для сего лицъ или ихъ замѣстителей». И наконецъ къ ст. 45, гласящей: «Родившіеся, бракосочетавшіеся умершіе записываются въ книги немедленно по совершенію требы. Браки, воспрещенные гражданскими и уголовными законами не могутъ быть совершаемы и внесенію въ книги не подлежатъ. Сектантскій сѣздъ дополняетъ такимъ примѣчаніемъ: «Всѣ же прежде совершенные, до изданія сего закона, образованія общинъ и выдачи книгъ, акты рожденія и смерти могутъ быть внесены въ соответствующія особыя книги и имѣть законную силу, но за точность записей въ эти книги лицо, ведущее ихъ, не должно быть отвѣтственно».

Какъ слабо развито чувство, законности и долга у сектантовъ. Требованіе это равносильно одобренію всякаго произвола и подвоховъ въ акты столь огромной важности.

Миссіонерскій сѣздъ въ Умани.

Съ 18 по 22 іюня с. г. въ гор. Умани Кіевской губерніи, состоялся миссіонерскій сѣздъ духовенства Кіевской епархіи, подъ предсѣдательствомъ его преосвященства, преосвященнаго Иннокентія, епископа Каневского, для ознакомленія съ состояніемъ и вѣроученіемъ сектантства, особенно усиливающагося въ епархіи адвентизма и способами борьбы съ нимъ. Сѣздъ былъ многолюдный. Участвовало болѣе ста Кіевскихъ священниковъ, четыре изъ Подоліи, два епископальныхъ миссіонера—Г. Михайловъ изъ Волыни и В. И. Лотоцкій—изъ Подоліи, два Кіевскихъ епархіальныхъ миссіонера о. Савва Потѣхинъ и Николай Андреевичъ Бѣлогорскій и Василій Михайловичъ Скворцовъ. Собраніе происходило въ зданіи духовнаго училища, тамъ же въ занятыхъ комнатахъ были устроены спальни и столовая, а во дворѣ временная кухня. Всѣ участвовавшіе пользовались полнымъ содержаніемъ: завтракомъ, чаемъ, обѣдомъ изъ трехъ блюдъ иужиномъ. Сто пятьдесятъ рублей, отпущенные Кіевскимъ епархіальнымъ миссіонерскимъ комитетомъ и около ста рублей, пожертвованныхъ участниками въ сѣздъ, оказались въ рукахъ завѣдывающаго хозяйственною частью собранія, свящ. о. Николая Молчановскаго, весьма продуктивными.

Каждый день въ 5 часовъ утра начиналась литургія, послѣ которой владыка и присутствовавшіе отправлялись въ столовую завтракать и пить чай, отъ половины девятаго до 2 часовъ дня занимались, два часа предоставлялось на обѣдъ и отдыхъ, а съ четырехъ часовъ до десяти ночи, а иногда и позже опять занимались. Послѣ ужина тотчасъ же, въ столовой, самъ владыка читалъ вечернія молитвы по школьному порядку, т. е. съ общимъ пѣніемъ извѣстныхъ молитвъ. Смотря по погодѣ и положенію солнца, занятія происходили въ комнатахъ и на училищномъ дворѣ, подъ тѣнью деревьевъ, у стѣны зданія. Чтобы не такъ ощущалась жара, преосвященный

предсѣдатель предложилъ сидѣть безъ рясы и самъ сидѣлъ только въ подрясникѣ. Сообщенія, предложенія, заявленія и дебаты велись оживленно и съ отличнымъ вниманіемъ. Владыка своимъ мягкимъ и сердечнымъ обращеніемъ располагалъ каждаго къ себѣ и давалъ каждому возможность высказать свои мысли. Каждый чувствовалъ себя непринужденно, но эта непринужденность никого не доводила до фамильярности и никто въ присутствіи владыки, во время занятій или въ столовой, не выходилъ изъ предѣловъ безукоризненной корректности.

Въ началѣ занятій, послѣ молебна въ церкви объ обращеніи заблудшихъ и рѣши владыки о цѣляхъ настоящаго миссіонерскаго собранія и условіяхъ его успѣха, была совершена въ занятой комнатѣ литія о болящемъ р. Б. іереѣ Павлѣ, страждущемъ отъ пулевыхъ ранъ, нанесенныхъ ему злоумышленниками наканунѣ выѣзда его въ Умань (о. Павелъ Циприановичъ, свящ. м. Богуслава, одинъ изъ энергичныхъ миссіонеровъ епархіи). Въ продолженіе восьми засѣданій собранію были сообщены доклады о состояніи сектантства въ Кіевской епархіи, его ростъ, статистическія данныя, объ его молебныхъ и проповѣдникахъ, его литературѣ, было разсмотрѣно ученіе сектантовъ, а въ частности адвентистовъ, о смерти души вмѣстѣ съ тѣломъ, объ излишествахъ почитать Пресвятую Богородицу и святыхъ, о бесполезности моленія за умершихъ, о празднованіи адвентистами субботы вмѣсто воскреснаго дня, объ излишествахъ тѣлесныхъ религіозныхъ упражненій: постовъ, поклоновъ, хожденій на богомолье и проч.; было дано знакомство съ ученіемъ малеванцевъ и адвентистовъ о первомъ пришествіи Сына Божія на землю и объ ожиданіи ими втораго пришествія, для устроенія земнаго царства Божьяго; была выяснена программа противъ-сектантскихъ церковныхъ поученій и внѣбогослужебныхъ бесѣдъ; были преподаны примѣрныя урокъ Закона Божьяго, по методу Ольшевскаго въ школахъ приходовъ съ сектантскимъ населеніемъ; были уяснены цѣли организаціи пастырскихъ собраній и союзовъ, а также и братствъ, имѣющихъ большое значеніе въ дѣлѣ оживленія церковно-приходской жизни прихода и въ дѣлѣ поднятія религіозности, преданности православной церкви, нравственности и благосостоянія; попутно опредѣлялись и выяснялись понятія о церкви, приходѣ, выборномъ началѣ, объ участіи духовенства въ политическихъ партіяхъ, въ частности о цѣляхъ союза русскаго народа и его дѣйствіяхъ, были рѣшаемы недоумѣнные вопросы изъ пастырской и миссіонерской практики, напр. что такое духъ, душа и тѣло, кто духовный и кто душевный, какъ святые могутъ слышать молитвы, обрашаемая къ нимъ съ разныхъ мѣстъ и проч. Кромѣ того были заслушаны доклады, читанные сельскими приходскими священниками. Выдающимися среди нихъ были два доклада о. Саввы Богдановича—о школьномъ паломничествѣ и организаціи церковно-школьной дружины изъ окончившихъ церковно-приходскія школы, для удержанія въ православіи самихъ школьниковъ, нерѣдко по полученіи свидѣтельства уклоняющихся въ сектантство, и въ помощь православной миссіи,—и докладъ священника о. Забринскаго о средствахъ оживленія приходской жизни чрезъ

приходскія собранія, по образцу сектантскихъ собраній, съ чтеніемъ и толкованіемъ слова Божія, пѣніемъ псалмовъ и оцѣнкой съ точки правды Божіей каждаго явленія общественной и частной жизни въ приходѣ, съ примѣненіемъ, указанныхъ собраніемъ, дисциплинарныхъ мѣръ. На примѣръ такого оживленія въ приходѣ указано с. Салиха Тарашанскаго уѣзда, гдѣ священникъ,—изъ крестьянъ-начетчиковъ, чрезъ храмъ и школу, объединилъ православныхъ въ такую общину, въ которой христіанская жизнь идетъ правильнымъ путемъ, всѣ стремятся къ лучшему, исправляютъ и поддерживаютъ друга друга, гдѣ сами штундисты завидуютъ такой организаціи и гдѣ, безъ полемики съ сектантами, много отпадшихъ возвращается въ православіе.

Съ тезисами сектантскаго ученія, апологетикой православія и полемикой съ сектантами, въ такомъ именно порядкѣ собраніе было ознакомлено миссіонерами о. Саввою Потѣхинымъ и Н. А. Бѣлогорскимъ. Первый искреннею убѣжденностію въ своемъ упованіи и сердечною теплою живой рѣчи завладѣвалъ полнымъ вниманіемъ слушателей. Душа радовалась, видя такого миссіонера, глубоко сознающаго важность своего дѣла и съ любовью и сожалѣніемъ относящагося къ заблуждающемуся челоѣку и во Христвъ брату. Рѣчь о. Саввы простая и понятная, обоснованная на словѣ Божіемъ и разумѣ, полная наглядныхъ и красивыхъ образовъ, всего захватываетъ слушателя. Николай Андреевичъ Бѣлогорскій постепенно, медленно, шагъ за шагомъ, ровно и спокойно, отъ меньшаго круга вводя въ большій и высшій кругъ пониманія, строго научнымъ путемъ ставитъ слушателей на точку сектантскаго пониманія и съ полной доказательностію и глубокой убѣдительностію въ истинѣ переводитъ на точку пониманія православной церкви. Первый спеціалистъ въ миссіонерствѣ со штундо-баптистами, второй—съ адвентистами.

Но кромѣ мѣстныхъ миссіонеровъ большое участіе въ дѣлѣ освѣщенія и выясненія поставленныхъ на очередь вопросовъ принималъ извѣстный всей Россіи миссіонеръ и организаторъ миссіонерскихъ кружковъ, издатель миссіонерскаго журнала, миссіонерскихъ книгъ и брошюръ и, наконецъ, церковно-общественной газеты «Колоколъ», Василій Михайловичъ Скворцовъ, нарочито прибывшій въ Умань на миссіонерскій съѣздъ. Такіе вопросы, какъ выясненіе программы противосектантскихъ церковныхъ поученій и вѣбогослужебныхъ бесѣдъ, уясненіе цѣлей пастырскихъ собраній и совѣтовъ, понятія о церкви и приходѣ, послѣдствія выборнаго начала, объ участіи духовенства въ политическихъ партіяхъ, о союзѣ русскаго народа, его цѣляхъ и его будущемъ,—можно сказать, исключительно формулировались В. М. Скворцовымъ. Общее впечатлѣніе отъ рѣчей В. М. Скворцова получилось такое, что на духовенствѣ въ настоящее тяжелое и смутное время лежитъ обязанность отвѣтить на всѣ вопросы—соціальные и экономическіе, выдвинутые жизнью, словомъ христіанской православной церкви. Ибо настала пора, когда взоры всѣхъ обращены на церковь и ждутъ отъ нея успокоенія взволнованныхъ и обуреваемыхъ русскихъ душъ. Церковныя поученія и

внѣбогослужебныя бѣды да послужать сей цѣли. Пастырскія собранія и пастырскіе союзы да помогутъ пастырямъ уяснить русское государственное дѣло и его къ нему отношеніе. Предстоящіе выборы въ 3-ю Государственную Думу пройдутъ желательнымъ путемъ, если только духовенство приметъ участіе въ подготовкѣ народа къ истинно-русскому государственному дѣлу. Въ противномъ случаѣ будетъ позднее раскаяніе, когда русское дѣло устроится русскимъ народомъ безъ его пастырей-руководителей. Горе пастырямъ, когда стануть укорять ихъ въ несочувствіи русскому дѣлу. Напрасно многими примѣрами духовенства иллюстрируетъ дефекты союза русскаго народа. Этотъ союзъ знаетъ русское дѣло, цѣли его самыя либеральныя и демократическія и если бы духовенство откликнулось на желаніе народа—видѣть среди членовъ своего союза своихъ пастырей, даже въ качествѣ руководителей, тогда этихъ дефектовъ не существовало бы, и устроеніе дѣлъ Русской Имперіи шло бы эволюционнымъ и мирнымъ путемъ. Приходскія собранія и приходскіе совѣты это плюсъ духовенства, когда оно останется руководителемъ народа, и минусъ, когда иные руководители подчинятъ духовенство совѣтамъ. Одна іерархія не составляетъ церкви, равно какъ причтъ не составляетъ прихода, но какъ церковь есть общество всѣхъ безъ исключенія одинаково вѣрующихъ, совокупно съ іерархією, то таково опредѣленіе и прихода. Приходъ въ своемъ цѣломъ составѣ имѣетъ храмъ, содержитъ и разныя просвѣтительныя и благотворительныя учрежденія. Такой взглядъ выработала и особая коммисія при Свят. Синодѣ: по ея проекту причтъ избирается приходомъ изъ лицъ, рекомендуемыхъ епископомъ и потомъ имъ утвержденныхъ. Что касается выборнаго начала, то оно имѣетъ много недостатковъ и для духовенства оно скорѣе лишнее, чѣмъ необходимое, нбо самый главный недостатокъ, это тогъ, что оно не объединитъ пастырей, а разъединитъ на партіи. Таковы взгляды В. М. Скворцова.

Принимали дѣятельное участіе въ сѣздѣ еще миссіонеры: подольскій В. И. Лотоцкій и волинскій Михайловъ. Первый привѣтствовалъ сѣздъ отъ имени преосвященнѣйшаго Пароенія Подольскаго, преосвященнѣйшаго Никона Балтскаго, Епархіального Миссіонерскаго Комитета, Свято-Троицкаго Братства и всей Подольской епархіи. Второй—Михайловъ, самородокъ по образованію, миссіонеръ по призванію и пламенный ораторъ, произнесъ нѣсколько прекрасныхъ рѣчей.

Въ заключеніе скажемъ, что подобныя миссіонерскіе сѣзды съ участіемъ талантливыхъ дѣятелей, весьма желательны. Они дадутъ пастырямъ возможность подготовиться къ встрѣчѣ надвигающагося сектантства, широко пользующагося закономъ 17 апрѣля, для своего распространенія, и выработать тѣ мѣропріятія, какія необходимы для защиты нашихъ приходовъ отъ посягательствъ католицизма.

Свящ. *Антоній Юшкевичъ.*

Вѣстникъ „Миссіонерскаго Обзорнія“.

Блаженная кончина Балаамскаго подвижника схимонаха о. Никиты.—Дадите имъ ясти.—Памяти перваго единовѣрца изъ городецкихъ раскольниковъ.

Блаженная кончина Балаамскаго подвижника схимонаха о. Никиты.

Въ одномъ изъ майскихъ №№ «Колокола» помѣщено было краткое сообщеніе о кончинѣ извѣстнаго своею подвижническою жизнью старца схимонаха Балаамскаго монастыря о. Никиты, съ миромъ отошедшаго ко Господу въ день Великой Субботы (21 апрѣля), въ 8¹/₂ часовъ вечера.

Жизнь этого смиреннаго подвижника настолько поучительна, что въ свое время она несомнѣнно, должна будетъ составить предметъ особаго описанія; до того же времени мы считаемъ своимъ святымъ долгомъ и вполне благовременнымъ предать во всеобщее свѣдѣніе всѣхъ истинно вѣрующихъ обстоятельства кончины приснопамятнаго о. Никиты. Пусть всѣ вѣрные сыны и дочери православія, въ нынѣшнее тяжелое для Церкви время, не унываютъ и не падаютъ духомъ, но стоятъ крѣпко, съ твердою вѣрою въ то, что Господь любить, поконитъ и прославляетъ любящихъ Его и хранящихъ заповѣди Его.

Повѣствованіе наше взято прямо со словъ духовника почившаго подвижника, іеромонаха отца П.

Надо сказать, что въ Бозѣ почившій о. Никита, по принятіи, въ 1891 г., св. схимы, удалившись въ пустыню, въ скитъ Св. Іоанна Предтечи, положилъ себѣ за правило возможно чаще приступать къ причащенію Животворящихъ Таинъ Христовыхъ, что и исполнялъ, говѣя непременно разъ въ двѣ недѣли, и одно время еженедѣльно. Заболѣвъ опасно минушею зимою, старецъ еще чаще сталъ прибѣгать къ сему неизсякаемому Источнику жизни. За мѣсяць, приблизительно, до кончины о. Никита, по благодати Божіей, и вопреки всякимъ ожиданіямъ, оправился отъ своихъ тѣлесныхъ недуговъ настолько, что могъ, по прежнему, выполнять свое молитвенное правило, но тутъ-то, къ общему удивленію, и сталъ готовиться къ переходу въ иную, вѣчную жизнь.

За нѣсколько лѣтъ о. Никита, по милости Божіей, провидѣлъ время своей кончины и многимъ говорилъ, что смерть постигнетъ его около Праздника св. Пасхи, а потому ежегодно, предъ этимъ Великимъ Праздникомъ, особенно приготовилъ себя къ исходу. Такъ было и въ этомъ году.

На шестой недѣлѣ В. Поста силы старца стали примѣтно падать и онъ, уразумѣвъ, что часъ его кончины близокъ, сталъ усердно къ сему часу готовиться.

Въ субботу Лазареву, 14 апрѣля, о. Никита сподобился причаститься Св. Христовыхъ Таинъ. Причастивши его, о. духовникъ, іеромонахъ И. сказалъ: «Завтра, о. Никита, я тебя опять причащу, а затѣмъ у насъ въ скиту не будетъ литургіи до Великаго Четверга, такъ, если ты очень слабъ, я приготовлю запасные Св. Дары и причащу тебя, когда захочешь». Старецъ отвѣтилъ: «По милости Божіей, я дождусь четверга».

Въ Вербное Воскресенье о. Никиту навѣстилъ и тѣлесный врачъ, рясофорный монахъ І. Но какія цѣлебныя травы могли быть нужны этому подвижнику, когда онъ самъ благоухалъ, какъ весенній цвѣтокъ, что остановило на себѣ вниманіе монастырскаго врача, засвидѣтельствовавшего предъ всѣми объ этомъ дивномъ явленіи, послѣ блаженной кончины старца.

Причастившись въ В. Четвергъ, о. Никита просилъ духовника позаботиться объ его могилѣ, мѣсто для которой было имъ указано еще ранѣе у алтаря скитскаго храма. «Не беспокойтесь, прибавилъ при этомъ о. Никита, если могилу нельзя будетъ, изъ-за камня, сдѣлать довольной глубины, вѣдь запахъ отъ меня никакого не будетъ».

Въ В. Пятницу старецъ, бесѣдуя съ духовникомъ, сказалъ: «По милости Божіей я дождусь субботы; а вы, отецъ П. и отецъ П. (монахъ, близкій другъ почившаго), снесите и вынесите,—я буду въ первый день стоять съ вами въ церкви, а разговляться вы всѣ, по милости Божіей, будете въ монастырѣ».

«Мы, говоритъ отецъ П., не поняли,—что о. Никита говоритъ о своей кончинѣ; что же касается разговѣнья въ монастырѣ, то мы прямо усумнились, ибо попасть въ то время съ Предтеченскаго острова чрезъ заливъ въ монастырь было, изъ-за массы пловучаго льду, почти невозможно.»—«Въ В. Субботу, продолжаетъ о. духовникъ, я отслужилъ порану литургію и причастилъ старца Св. Таинъ; онъ былъ очень радостенъ и благодарилъ меня за любовь къ нему».

Днемъ вся братія скитская отправилась за версту отъ скита, на томъ же островѣ, къ наибольше узкому мѣсту залива, чтобы попытаться устроить тамъ какую-нибудь переправу и послать въ монастырь за припасами къ Празднику; но разговляться въ монастырь никто не собирався, ибо всѣмъ хотѣлось провести послѣдніе дни съ уважаемымъ старцемъ, который видимо угасалъ. Взятая, для устройства переправы, веревка оказалась коротка; пошлн въ скитъ за другою, подлиннѣе. Какъ разъ въ это время и духовникъ зашелъ къ о. Никитѣ и старецъ прямо встрѣтилъ его словами: «Переправу устраиваете? Что же такую короткую веревку взяли?»

Духовникъ былъ крайне изумленъ этимъ вопросомъ, зная навѣрное, что о. Никита ни отъ кого изъ братіи объ устройствѣ переправы и знать не могъ!

Послѣ обѣда отецъ Н. сидѣлъ у о. Никиты до 6 ч. вечера и, между прочимъ сказалъ ему: «Ну вотъ, о. Никита! Теперь дожидайся Свѣтлаго Христова Воскресенія, и я тебя причащу!» Въ отвѣтъ на эти слова старецъ нѣсколько разъ повторилъ: «Будетъ усненіе... усненіе будетъ». Не уразумѣвъ сначала этихъ словъ и думая, что о. Никита говоритъ о праздникѣ Успенія, о. духовникъ сказалъ: «Батюшка, Успеніе еще не скоро будетъ, а завтра, ради Великаго Праздника развѣ не хочешь приобщиться?».—«Ахъ какой ты, отецъ И! —отвѣтилъ старецъ.—Какъ часто ходишь ко мнѣ, а этого еще не понимаешь. Сказано—усненіе будетъ... будетъ усненіе!..» Потомъ старецъ спросилъ: «Который теперь часъ?» и, узнавши, что уже седьмой часъ вечера, сказалъ: «Теперь бояться нечего! Спаситель уже сошелъ во адъ и разрушилъ его!» Послѣ сихъ словъ сказалъ духовнику и отцу И., чтобы шли въ церковь.—«А съ кѣмъ же ты, батюшка, останешься?» спросилъ духовникъ.—«Съ Богомъ», отвѣтилъ старецъ.

Во время чтенія вечерняго канона и совершилось усненіе о. Никиты, о чемъ онъ и предупредждалъ духовника, и пришедшіе въ концы канона навѣстить его нашли уже бездыханнымъ.

Тѣло усопшаго были надлежащимъ порядкомъ опрятано монашествующею скитскою братією, положено въ гробъ и перенесено въ церковь, гдѣ скоро должно было начаться служеніе Пасхальной Утрени и Литургіи. Исполнилось предсказаніе старца: въ первый день Великаго Праздника онъ, какъ бы живой, стоялъ въ церкви вмѣстѣ съ братією, окруженный ею; и храмъ оглашается торжественною побѣдною пѣснью во славу Воскресшаго Христа. Вѣрный рабъ, мертвый тѣломъ, но живой духомъ вошелъ въ радость Господа своего. Горячо молилась братія у гроба почившаго общаго отца и вмѣсто грусти, у всѣхъ на душѣ были радость, любовь и надежда, которыя слегка лишь омрачались, по естественной человѣческой немощи, грустью, при мысли о томъ, что не придется болѣе здѣсь на землѣ увидать о. Никиту, не придется болѣе наслаждаться его любовною бесѣдою и примѣрами угожденія Богу!

Отправивши пасхальную службу, скитская братія, которой накануне, хотя и съ большимъ трудомъ, удалось все-таки устроить кое-какую переправу чрезъ заливъ, направилась, по обычаю, разговляться въ монастырь, вспоминая предсмертныя слова старца о. Никиты: «Вы всѣ будете разговляться въ монастырѣ» и неся съ собою вѣсть о кончинѣ досточтимаго старца.

Вотъ, православные люди, предъ вами свѣтлый образъ православнаго человѣка, но сильнаго вѣрою въ Бога и добрыми дѣлами, истиннаго раба Божія, котораго Господу угодно было отличить предъ людьми еще при жизни.

Не оскудѣла и не оскудѣетъ сила православнаго народа Русскаго, доколѣ есть у него такіе помощники и ходатаи предъ Богомъ, которые молятся за Церковь Православную, Святую Русь и Царя Бя—Помазанника Божія!

А потому, православные русскіе люди, воспріянемъ духомъ и будемъ съ упованіемъ взирать на будущее, твердо слѣдуя завѣтамъ нашей Матери—Церкви и памятуя, что съ нами Богъ!

N.

«Дадите имъ ясти»

(По поводу миссіонерскихъ бесѣдъ въ Красномъ Логу Воронеж. губ.)

Томимые духовною жаждою, старообрядцы Краснаго Лога, Воронеж. губ., старательно ища убѣдительнаго слова истины, въ концѣ мин. года ходатайствовали предъ Св. Синодомъ о командированіи къ нимъ синодальнаго миссіонера о. Ксенофонта Крючкова для собесѣдованій. Странія ихъ увѣнчались успѣхомъ: о. Крючковъ не замедлилъ явиться. Извѣстіе объ его приѣздѣ съ быстротою молніи пронеслось по Красному Логу и съ такою же быстротою облетѣло окрестныя села.

Въ Красномъ же Логу настроеніе, какъ православныхъ, такъ особенно старообрядцевъ, приняло оживленный характеръ. Старообрядцы, желая выяснить и разрѣшить на бесѣдѣ давно мучащіе ихъ вопросы вѣры, рѣшили просить о приѣздѣ своего апологета, безпововскаго начетчика Пичугина. Къ Пичугину полетѣли умиленные посланія и телеграммы. Но Пичугинъ былъ неумолимъ. Отрядили посольство *въ самый Поимъ*, просить Пичугина лично.

О. протоіерей, оставшись ждать начетчика, согласился на просьбы старообрядцевъ и предложилъ имъ рядъ домашнихъ бесѣдъ, о которыхъ невольно хочется сказать слово.

Вѣрность, увѣренность и убѣдительность всюду проглядывала въ бесѣдахъ о. Крючкова. Но что особенно было хорошо—это простота его бесѣдъ и ихъ общедоступность. Самые трудно понимаемые вопросы рѣшались имъ съ удивительною простотою и понятливостію. Его отзывчивость и желаніе дать разяснительный отвѣтъ каждому вопрошающему поражали самыхъ упорныхъ и фанатичныхъ старообрядцевъ. Вотъ почему уже послѣ двухъ домашнихъ бесѣдъ от. Ксенофонтъ завоевалъ общую симпатію старообрядцевъ и на третьей бесѣдѣ его уже называли «нашъ». Каждый вечеръ они оставляли его около 2-хъ часовъ ночи и на слѣдующій день рано уже ожидали его пробужденія.

«Удивительное дѣло—говорилъ о. Ксенофонтъ—«говорятъ, пала вѣра въ народѣ, что же тогда ихъ сюда тянетъ? почему они съ такой особенной жаждою бѣгутъ сюда?»... Бесѣды о. Ксенофонта были такъ теплы, любовны, интересны, многопоучительны, что не только старообрядцы и вообще народъ, но и интеллигенція, собравшаяся изъ сосѣднихъ селеній, съ большимъ удовольствіемъ выслушивали ихъ. «Вотъ, поистинѣ, добрый пастырь»—говорили про о. Ксенофонта старообрядцы. И, дѣйствительно, въ своихъ бесѣдахъ онъ не навязываетъ то или другое разясненіе или ученіе, а увлекаетъ къ нимъ; не исполняетъ только долгъ, а любовно идетъ на встрѣчу духовно

жаждущимъ. Онъ несеть не слово жестокаго обличенія, а—наставленіе и отеческое вразумленіе.

За эти качества о. Ксенофонта здѣсь по достоинству оцѣнили. Ему признательны были и православные, которые съ восторгомъ благодарили его, и особенно старообрядцы; послѣдніе часы они буквально взяли его къ себѣ и на своихъ же лошадяхъ доставили въ сосѣдній пунктъ, и сами въ большемъ количествѣ потянулись за нимъ. Старообрядцы сердечно благодарили о. Ксенофонта; благодарили за свѣтъ, пролитый на ихъ души, за ласку и любовь, согрѣвшаю ихъ.

Діаконъ *І. Нуровъ.*

Памяти перваго единовѣрца изъ городецкихъ раскольниковъ.

(Корресп. изъ с. Городца Нижегород. губ.)

5 мая с. г. въ селѣ Городцѣ скончался на 83 году отъ рожденія Николай Ивановичъ Баусовъ.

Н. И. Баусовъ уроженецъ Городца. Рожденъ и воспитанъ въ бѣглопоповскомъ расколѣ и былъ виднымъ дѣятелемъ въ Городецкой бѣглопоповской часовнѣ и не менѣе виднымъ начетчикомъ на раскольниковыхъ сѣздахъ. Въ 1874 году, на 47-мъ году своей жизни, Н. И. принялъ православіе, на правахъ единовѣрца, и положилъ начало выхода изъ раскола—бѣглопоповскаго въ с. Городцѣ. Поступокъ его поразилъ весь мѣстный расколъ. Вспомню, мы какъ то боялись на него поглядѣть и полагали, что съ нимъ должно совершиться очень скоро то же, что съ Іудею предателемъ. Онъ это видѣлъ, но самъ насъ (раскольниковъ) не чуждался. Онъ насъ приласкалъ, и началъ намъ давать журналъ «Истину». (Я былъ тогда еще 15 лѣтъ и воспитывался въ расколѣ).

Преосвященный Іоанникій архіепископъ Ниж. (потомъ митр. Кіевскій) болѣе 5 разъ приглашалъ его къ себѣ и предлагалъ принять на себя миссіонерское служеніе церкви православной. Но Н. И. предложенія эти отклонялъ.

Н. И. миссіонерствовалъ своимъ примѣромъ. Послѣ его обращенія въ православіе, за послѣднія 35 лѣтъ присоединено въ лоно Церкви Христовой изъ раскола Городецкаго округа болѣе 240 тысячъ душъ.

Н. И. въ свое время сотрудничалъ въ журналѣ «Истина», и обратилъ на себя вниманіе руководителей австрійскаго раскола.

Въ 1873 году къ нему нарочно пріѣзжалъ въ Городецъ о. Швецовъ съ цѣлью совратить его въ австрійщину, и имѣлъ съ Н. И. бесѣду. Но въ заключеніе бесѣды Н. И. сказалъ Швецову: «Онисъ Вас., я ожидалъ отъ тебя чего нибудь подѣльнѣе, а ты мнѣ предложилъ только то, что мы со своими стариками толковали десятки лѣтъ». Швецовъ послѣ того сказалъ своимъ, что Н. И. Баусова считать старообрядцемъ нѣтъ никакой надежды, разъ онъ даетъ вопросы о времени паденія греческаго православія».

Много пришлось Н. И. перенести отъ раскольниковъ и даже домашнихъ своихъ разныхъ огорченій.

Великую скорбь ему причиняла его малограмотная и безгранично фанатичная супруга раскольница. Ни его личные совѣты ей, ни масса посѣщавшихъ его домъ миссіонерствующихъ духовныхъ и свѣтскихъ лицъ не могли ослабить ея фанатизмъ. И она не могла примириться со своимъ супругомъ даже при концѣ его жизни за измѣну расколу; при выносѣ его праха изъ дома, она не вошла и въ комнату его проводить; такъ же поступили и другіе его родные раскольники—сестра и два зятя; они не явились и въ домъ его на проводы и похороны; а зятя Н. И. Баусова. изъ прогрессистовъ: они устраиваютъ народныя читальни, всеословные клубы, и т. п.

Вѣчная тебѣ память, нашъ старшій братъ по обращенію изъ раскольничьей тьмы къ свѣту православія!

К. Коретинъ.

Продѣлки старообрядцевъ.

Я думаю, что каждому, интересующемуся бытомъ нашихъ старообрядцевъ, получившихъ свободу, небезъинтересно знать, что они дѣлаютъ теперь и какъ пользуются данными имъ правами.

Все ученіе старообрядцевъ сводится къ ненависти къ церкви православной. Если кто не раздѣляетъ ихъ ученія, они прибѣгаютъ обыкновенно къ помощи проклятія и отлученія отъ часовни. Такое средство сильно дѣйствуетъ на темный народъ. Такъ, наставникъ Челвинско-Русаковской волости, Л. А. С., всѣми силами старается расширить границы своего прихода и сдѣлать его непримиримымъ врагомъ православія. Онъ взялъ себѣ за правило проклинать и отлучать отъ «общества» всякаго непокорнаго раба и думаетъ этой мѣрой упрочить свое благополучіе. Такъ, одна изъ старообрядокъ попросила своего пастыря записать и ее, вмѣстѣ съ другими записывающимися въ формирующуюся общину, но получила категорическій отказъ въ своей просьбѣ. Отказъ этотъ мотивировался тѣмъ, что мужъ ея и дѣти считаются православными, а этого старообрядцы не хотятъ терпѣть. «Я тебѣ ставлю въ обязанность обратить мужа и дѣтей въ нашу вѣру и тогда тебя приму, а теперь нѣтъ тебѣ мѣста съ нами», говорилъ раскольничій пастырь. Не легко было слышать старообрядкѣ такой грозный приговоръ. Она со слезами просила наставника, но послѣдній былъ неумолимъ. Вотъ какимъ путемъ вербуютъ свою паству наши вожди старообрядчества!

Наши наставники одно затвердили, что не ладно ходить въ церковь, и каждому говорятъ объ этомъ. Что они находятъ «неладно» въ хожденіи въ церковь, объяснить не въ состояніи, кромѣ мелкихъ придирокъ.

Недавно былъ такой случай. Одинъ изъ бывшихъ старообрядцевъ, нѣкто С. Ж., шелъ въ мѣстный храмъ къ всенощной (въ селѣ Васильевскомъ всегда служатъ всенощныя). Дорогой нагоняетъ его

одинъ изъ наставниковъ и говорить: «Садись, доведу». Съѣзъ С. Ж. и зашелъ между ними разговоръ.—«Куда же ты пошелъ?»—спрашиваетъ своего сѣдока наставникъ.—«Въ церковь ко всенощной»—отвѣтилъ ему С. Ж. Наставникъ въ раздумьи покачалъ головой и говоритъ:—«Неладно, вѣдь, не по той дорожкѣ то пошелъ».—«Зачѣмъ неладно?»—спросилъ С. Ж.—«Да неладно», отвѣчалъ наставникъ. «Да почему неладно-то?»—настойчиво начинаетъ допытывать наставника С. Ж.—«Да такъ»—уклончиво отвѣтилъ ему наставникъ.

—«А ты куда поѣхалъ?»—спросилъ въ свою очередь заинтересованный С. Ж.—«Я поѣхалъ на поминки къ Давыдихѣ».—«Сусло пить?»—съ ироніей спросилъ С. Ж.—«Како сусло?»—«Да, вѣдь, вы ѣздите на поминки только туда, гдѣ знаете, что сварить для вась сусло»—насмѣшливо замѣтилъ С. Ж.—«Я не знаю, кто это выдумалъ про сусло-то»—съ досадой отвѣтилъ наставникъ и въ селѣ они разстались: одинъ пошелъ ко всенощной, а другой поѣхалъ пить сусло...

Вскорѣ тотъ же наставникъ получилъ приглашеніе на другія поминки—помолиться за одного старичка, бывшаго до самого дня смерти старообрядцемъ, но предъ смертью перешедшаго въ православіе. Жена умершаго старичка, держащаяся старообрядчества и желающая помолиться за своего мужа по своему, пригласила наставника, но наставникъ отказался отъ приглашенія, считая грѣхомъ молиться за православныхъ. Тогда она обратилась къ другому наставнику, который безпрекословно пріѣхалъ, но, чтобы не впасть въ грѣхъ и доходовъ не лишиться, добросовѣстно выполнилъ все, что полагалось, во имени умершаго не упоминалъ нигдѣ, такъ что послѣ моленія нѣкоторые изъ бывшихъ тутъ православныхъ спрашивали: «за кого же молились сегодня?»

Въ такихъ случаяхъ рѣдкій наставникъ не бываетъ находчивъ. Онъ и предъ Богомъ и предъ людьми всегда найдетъ себѣ оправданіе. Въ оправданіе предъ Богомъ онъ скажетъ: Ты, Господи, знаешь, за кого я молился, а людямъ—я молился, не упоминая имени, потому что въ этомъ грѣха нѣтъ...

Передамъ еще одинъ случай, имѣвшій мѣсто въ селѣ Васильевскомъ. Челвинско-Русаковское общество, общимъ сходомъ, бывшимъ въ прошломъ году, постановило въ память 17 октября 1905 г., пріобрѣсти для своей волости икону святителя Николая за 100 рублей. Икону эту приготовили и въ апрѣлѣ текущаго года привезли. Старообрядцы, разсматривая ее, нашли на ней имя Іисусъ, а не Ісусъ, какъ обыкновенно принято у нихъ писать, и были возмущены этимъ. Было много разговоровъ по поводу этого, а тому, кто написалъ такъ, былъ даже сдѣланъ выговоръ. По случаю этого событія одинъ наставникъ о имени Іисусъ велъ со старушками слѣдующую бесѣду. «Вотъ у насъ привезли икону, да не ладно написана. Надо написать-то Ісусъ, а написано Іисусъ».—«А почему неладно писать Іисусъ?»—спрашиваютъ его слушательницы. На этотъ вопросъ наставникъ отвѣтилъ слѣдующее: «одинъ святой видѣлъ сонъ, будто надъ нимъ разверзлось небо и на престолѣ сидитъ Богъ и Ісусъ. Попы-то не поняли и стали писать Іисусъ». Такой наивный рассказъ, видимо, удо-

влетворилъ слушательницъ и онѣ замолчали, вполнѣ довольныя тѣмъ, что поны никоніанскіе не могутъ понять самыхъ простыхъ вещей.

Діаконъ Гр. Лозиновскихъ

(«Перм. Еп. Вѣд.»).

Свѣдѣнія о судимости духовенства

Омская духовная консисторія, на страницахъ *Омскихъ епархіал. вѣдом.* разъяснила духовенству, какая судимость вносится въ послужные списки.

Къ документамъ, на которыхъ начертываются содѣянные духовенствомъ проступки, относятся *справочные листки, клировыя вѣдомости и послужные списки*.

Въ «*справочные листки*» должно вносить о каждомъ лицѣ всѣ «возникшія дѣла», т. е. административнаго ли они рода и порядка, или судебного, и при томъ безразлично, чѣмъ это дѣло кончилось, т. е. взысканіемъ или оправданіемъ.

Списки эти ведутся въ консисторіи (ук. Св. Сун. отъ 5 октября 1901 г. за № 12) и соотвѣтствуютъ журнальнымъ книгамъ о поведеніи духовенства, подвѣдомаго протопресвитеру военнаго и морского духовенства (ст. 16 пол. объ упр. церк. и дух. воен. и морск. дух. 12 іюня 1890 г.)

Въ «*клировыя вѣдомости*» (7 графа) должно вносить только результаты (рѣшенія) дѣлъ собственно «судныхъ» и, при томъ, опять безразлично, чѣмъ они кончились, такъ что могло быть данное лицо судомъ и оправдано, но судимость все-таки должна быть внесена. Ведутся вѣдомости церковными причтами и провѣряются благочиннымъ, причѣмъ до послѣднихъ иногда могутъ и не доходить свѣдѣнія о послѣдствіяхъ суда; напримѣръ, суда собственнаго архіерейскаго, и благочинный въ этомъ случаѣ не вправѣ наставлять о внесеніи ихъ въ клировыя вѣдомости (фор. клир. вѣд. 7 ст. 155 Уст. Дух. Консист.).

Въ «*послужные списки*» надо вносить не всякую судимость и не всѣ мѣры взысканія и, наконецъ, вовсе не вносить рѣшенія, заканчивающіяся оправданіемъ. Вносятся въ послужные списки только приговоры суда формальнаго, а изъ наказаній лишь тѣ, которыя указаны въ п. п. 1—7 ст. 176 Уст. Дух. Консист., прочія же наказанія, означенныя въ п. п. 8—12 той же ст. хотя бы они и налагались по суду формальному, внесенію въ послужной списокъ не подлежатъ. (Ук. Св. Сун. отъ 26 іюня 1902 г., № 8). Послужные списки составляются въ консисторіи по особо установленной для нихъ формѣ и по особымъ случаямъ (по поводу награжденія, пенсін и проч.). Клировая вѣдомость—не послужной списокъ, а только матеріалъ для послѣдняго.

ОТКЛИКИ.

Иисусъ Христосъ и социальный вопросъ ¹⁾.

II.

По учению Иисуса Христа, цѣлью всѣхъ своихъ стремленій человѣчество должно ставить „Царство Божіе“.

По мысли социализма, совершеннѣйшая жизнь, противопоставляемая имъ евангельскому царству Божію, должна наступить здѣсь, на землѣ, въ недалекомъ будущемъ (сроки указываются неодинаковые, но, во всякомъ случаѣ, непродолжительные, недолгіе сравнительно), причемъ социализмъ опирается на очевидность прогресса человѣчества. „Человѣчество — говорятъ они— должно развиваться и идти впередъ (прогрессировать) по пути своего развитія и самосовершенствованія. Это—законъ историческій, законъ необходимости, шествія котораго не остановитъ никакими усиліями ретроградовъ и другихъ злонамѣренныхъ и зловредныхъ людей“. Будущность человѣчества представляется взору социалиста въ самомъ радужномъ свѣтѣ; только къ этому будущему, т. е. къ идеалу экономическаго равенства и сытой, обеспеченной, полной всякихъ матеріальныхъ благъ и удовольствій жизни, человѣчество придетъ, не отрицая социализмъ, путемъ предварительной упорной и, быть можетъ, продолжительной борьбы. Но все же этотъ продолжительный періодъ—говорятъ социалисты—когда-нибудь закончится, и въ концѣ концовъ люди добьются здѣсь же на землѣ осуществленія идеала социальной жизни, если только они согласятся принять социалистическій идеалъ и добиваться его осуществленія.

Не вдаваясь въ подробности относительно возможности осуществленія когда-либо социалистическаго идеала, а равно въ

¹⁾ См. „Мисс. Обзор.“ кн. № 4.

оцѣнку степени „идеальности“ жизни, основанной на социалистическихъ началахъ, разберемся пока въ тѣхъ мнѣніяхъ лицъ, которые допускаютъ возможность осуществленія евангельскаго идеала Царства Божія здѣсь, на землѣ. Таковы мнѣнія профессора Пибоди, Вл. Соловьева и Л. Н. Толстого.

Проф. Пибоди говоритъ, между прочимъ: „царство небесное живетъ уже въ планахъ Божіихъ, и когда воля Божія будетъ на землѣ, тогда царство Божіе, которое теперь есть внутреннее и духовное, станетъ видимымъ и будетъ господствовать на землѣ также, какъ и на небѣ“. „Христіанинъ—дѣловой человѣкъ приближается къ индустриальнымъ проблемамъ съ внутренней стороны и убѣжденъ, что экономическое „тысячелѣтнее царство“ можетъ быть приближено прежде всего самоотверженнымъ посвященіемъ себя на служеніе отдѣльнымъ лицамъ“¹⁾.

Но если можно согласиться съ мнѣніемъ проф. Пибоди, что современному реформатору нужна именно „способность простираť свой взоръ за предѣлы своей отдѣльной работы и въ ея обстоятельствахъ, причинахъ и дѣйствіяхъ признавать какъ бы частичное движеніе божественнаго плана“...²⁾, то, признавъ справедливымъ замѣчаніе того же профессора, что „людямъ, воспитаннымъ въ христіанскомъ преданіи, столь же трудно вѣрить въ то, что царство человѣческаго равенства и братства приближается свободною игрою страстей и ненависти, какъ и въ то, что худой міръ можетъ превратиться въ любвеобильный и прекрасный, благодаря лишь какому-либо внѣшнему плану“³⁾, нельзя не признать неизбѣжности всегдашняго существованія зла въ человѣческой природѣ, въ силу котораго человѣчество въ полномъ своемъ составѣ можетъ достигнуть нравственнаго перерожденія и совершенной жизни только путемъ какого-либо осолобога дѣйствія Божіей силы и Божьяго промысла.

Точно также трудно согласиться съ мнѣніями о томъ же Вл. Соловьева и Л. Н. Толстого. Вотъ что напримѣръ говоритъ Вл. Соловьевъ. „Цѣль устроенія царства Божія (чтобы Христосъ „вообразился“ во всѣхъ) достигается двоякимъ путемъ: путемъ личнаго нравственнаго совершенствованія и путемъ улучшенія общественныхъ отношеній“⁴⁾. И еще „только такая жизнь, та-

1) Цит. соч. стр. 80 и гл. VI, стр. 285.

2) Ibid. стр. 270.

3) Ibid.

4) Вл. Соловьевъ—„Духовныя основы жизни“. Глав. III, ст. 157 (изд. 3. Спб. 1897 г.).

кая культура, которая ничего не исключаетъ, но въ своей всецѣлости совмѣщаетъ высшую степень единства съ полнѣйшимъ развитіемъ свободной множественности, только она одна можетъ дать настоящее прочное удовлетвореніе всѣмъ потребностямъ человѣческаго чувства, мышленія и воли и быть, такимъ образомъ, дѣйствительно общечеловѣческой, или вселенскою культурой, причемъ ясно, что вмѣстѣ съ тѣмъ и именно вслѣдствіе своей всецѣлости эта культура будетъ болѣе, чѣмъ человѣческая, вода людей въ актуальное общеніе съ міромъ божественнымъ“¹⁾. Стало быть, что для насъ достаточно пока, Вл. Соловьевъ вѣрить въ возможность достиженія человѣчествомъ такой культуры и „всеобъемлющаго“ культурнаго состоянія, осуществленнаго подъ вліяніемъ религіи.

Равнымъ образомъ Л. Н. Толстой надѣется, что человѣчество когда-нибудь согласится признать его ученіе „о непротивленіи злу“, гдѣ онъ говоритъ, между прочимъ, что подданные не должны сопротивляться насилію, а правительство не должно наказывать (а слѣдовательно должно исчезнуть); народы не должны вступаться за свой домъ и кровь, когда на нихъ безнаказанно нападаютъ. Но если правда, что формы общественнаго управленія и устройства вообще—измѣнчивы, и постоянно, чрезъ извѣстный промежутокъ времени, должны уступать мѣсто новымъ формамъ, то неправда, что человѣчество когда-либо подчинится принципу „пассивнаго сопротивленія или непротивленія злу“.

Оба мыслителя, такимъ образомъ, точно также, какъ и профессоръ Пибоди, заблуждаются въ вопросѣ о Царствѣ Божіемъ именно потому, что они надѣются на то, что можно достигнуть здѣсь „на землѣ“ откровенія евангельскаго царства во всей его широтѣ, полнотѣ и идеальности.

Соловьевъ, который желаетъ, не ограничиваясь воспитаніемъ человѣка къ будущему славному царству, постепенно преобразовать окружающую насъ дѣйствительность, въ сущности, невольно впадаетъ нѣсколько въ матеріалистическій „тонъ“ социализма, отъ котораго отрещивается, а потому ему при такомъ планѣ, пришлось пожертвовать въ значительной степени духовностью и свободою Божьяго Царствія.

Л. Н. Толстой, имѣя въ виду идеаль Царства Божія, совершенно игнорируетъ дѣйствительность, природу человѣка и его слабости:

¹⁾ Вл. Соловьевъ—„Критика“... заключеніе къ „приложенію“ ст. 435.

приглашая всѣхъ отказаться отъ собственности, отъ своего «эгоизма» и нравственно перевоспитать себя, онъ предлагаетъ не что иное, какъ сразу осуществить на землѣ жизнь, которая, по свойству человѣческой природы, на землѣ въ полномъ видѣ не осуществима.

„Царство Божіе—говоритъ Мартенсенъ—есть высшее благо, какъ совершенно законченное благо (*bonum consummatum*), такое, которое заключаетъ въ себѣ все совершенство (*omnibus numeris absolutum*), и, какъ таковое, оно есть благо эсхатологическое, которое можетъ наступить только съ исчезновеніемъ существующей формы настоящаго міра... Высшее благо въ его полномъ значеніи можетъ наступить только вмѣстѣ съ законченной гармоніей міра, гдѣ брэнное уступить мѣсто совершенному“ ¹⁾, и въ другомъ мѣстѣ: „совершенное состояніе вещей не можетъ быть установлено до тѣхъ поръ, пока грѣхъ, преступленіе и смерть обитаютъ на землѣ“ ²⁾.

Такое ученіе вполне согласно съ тѣмъ, что открылъ намъ Господь Иисусъ Христосъ по этому поводу.

При чемъ—Иисусъ Христосъ, несмотря на всѣ увѣренія Ренана ³⁾, никогда не былъ революционеромъ въ современномъ смыслѣ этого слова, т. е., у Него никогда не было никакихъ тенденцій къ насильственнымъ или же революціоннымъ переворотамъ. Иисусъ дѣйствительно „обаятельный моралистъ...“, который пытается (въ смыслѣ „желаетъ“ и „помогаетъ“) обновить человѣчество въ его основахъ и воздвигнуть на землѣ царство постигнутаго Имъ идеала“ ⁴⁾ (не того, который представлялъ себѣ Ренанъ). Но Иисусъ никогда не одобрялъ насилія, какъ не одобряетъ Онъ и всѣ новѣйшія попытки революціонеровъ насильственными способами добиться кореннаго переустройства человѣческой жизни. „При всей громадности переворота, который долженъ былъ совершиться, переворотъ (христіанствомъ) былъ произведенъ самыми сдержанными и мягкими средствами. Христіанство отнеслось съ нѣжною сострадательностью ко всему существовавшему въ мірѣ, снося терпѣливо всякое зло, которое могло быть устранено цѣною только еще большаго зла“ ⁵⁾.

¹⁾ Мартенсенъ «Христіан. ученіе о нравственности». Т. ., ч. I, ст. 156—157.

²⁾ Ibid, т. II, ч. II, ст. 604.

³⁾ Цит. соч., гл. VI, стр. 48, стр. 52 и др.

⁴⁾ Ibid., стр. 48.

⁵⁾ „Ессе Номо“—вступ. крит. ст. Гладстона, стр. 9.

При этомъ нужно отмѣтить одно важное обстоятельство, которое упускается изъ виду теперь разными устроителями царства Божія на землѣ,—это паденіе въ людяхъ религіозности и неразрывной съ ней нравственности, которое никакъ нельзя считать предвѣстникомъ блага человѣчества.

Бebelъ говоритъ, что «нравственность и мораль существуютъ и безъ религіи; и что желать утверждать противоположное могутъ или простачи или ханжи»¹⁾, но мы не думаемъ, чтобы самъ Бebelъ искренно вѣрилъ въ силу и убѣдительность тѣхъ своихъ положеній, гдѣ онъ старается доказать „нравственное безъ религіознаго“. Мы согласны съ Бebelемъ, что при условіи достиженія рисуемыхъ имъ перспективъ, общество, въ подавляющемъ большинствѣ своихъ членовъ, станетъ менѣе религіознымъ (конечно, отъ своей сытости и „матеріальной“ удовлетворенности). Но вмѣстѣ съ тѣмъ мы утверждаемъ, что понизится тогда не одинъ религіозный, а и нравственный уровень человѣчества, потому что нравственность и безрелигіозность, въ строгомъ смыслѣ этого слова, также не могутъ одновременно существовать во всемъ человѣчествѣ, какъ и въ одномъ человѣкѣ. Съ пониженіемъ одного уровня необходимо слѣдуетъ пониженіе и другого, такъ какъ понятія „религія“ и „нравственность“ относятся другъ къ другу, какъ основаніе къ слѣдствію, а не какъ два независимыя другъ отъ друга основоположенія.

Иное дѣло, если бы человѣчество, вмѣстѣ съ достигаемымъ прогрессомъ въ экономическихъ отношеніяхъ и (внѣшнемъ) устроеніи своей соціальной жизни, соображалось бы и съ требованіями Евангелія, подъ влияніемъ котораго оно поумѣрило бы свои „экономическія“ стремленія и расчеты и обратило бы болѣе серьезное вниманіе на свое нравственное состояніе.

Но человѣчество не хочетъ знать цѣлей Божіихъ, которыя довольно ясно открыты въ Евангеліи, а хочетъ идти своимъ путемъ. Поэтому оно никогда и не будетъ довольствоваться своими „самостоятельными“ успѣхами, какъ достояніемъ несовершеннымъ. Удовлетворяясь на время достигнутымъ результатомъ, оно снова начнетъ искать выхода изъ создавшагося положенія, снова будетъ „комбинировать“ обстоятельства, снова начинать свою историческую работу-задачу, но какъ только опять уклонится отъ путей Божіихъ, то снова промахнется, и т. д.

1) Бebelъ «Женщина и социализмъ», стр. 496.

Мы видимъ теперь, что человѣчество далеко уклонилось отъ Христа, хотя и не отвергло Его совсѣмъ,—и занятое почти исключительно политико-экономическими отношеніями и интересами, не хочетъ считаться съ ученіемъ Его объ этихъ интересахъ и отношеніяхъ. Но, само собою разумѣется, что человѣчество не въ полномъ своемъ составѣ будетъ въ „соціализованномъ“ обществѣ одержимо „лѣнью и апатіей“ и утратить „духовную энергію“: будутъ безъ сомнѣнія и тогда вѣрные ученики Христовы, которыхъ не будетъ удовлетворять „матеріальная“ жизнь. „Матеріалистическій“ образъ жизни будущихъ всемірныхъ гражданъ-соціалистовъ будетъ представлять препятствіе къ сохраненію истиннаго духа Христовыхъ послѣдователей, и только „нѣкоторое“ количество добродѣтельныхъ натуръ сохранитъ еще вѣру во Христа и Его идеалы.... Гордое успѣхами науки и культуры, человѣчество (за исключеніемъ лишь немногихъ своихъ сочленовъ), отнесетъ „въ область преданій“ чистый духъ ученія Христа, такъ что подлинно „Сынъ человѣческой, прія, найдеть-ли вѣру на землѣ?“ (Лук. 18, 8). Уменьшеніе вѣры само собою произведетъ ухудшеніе нравовъ, и если человѣчество, на первыхъ порахъ формально добродѣтельное, и уменьшитъ (если даже не уничтожитъ на время) количество преступленій у себя, то все же не надолго, и совершенной добродѣтели у себя не осуществитъ, какъ вопли справедливо замѣчаетъ, кажется, Менгеръ, что „преступленія будутъ существовать и въ соціалистическомъ обществѣ“, и евангельская истина о „предсудномъ состояніи“ человѣчества должна исполниться.

Къ тому же человѣчество, съ проведеніемъ въ жизнь требованій соціализма, вовсе не будетъ такъ счастливо, какъ это стараются доказать теперешніе соціалисты. Прежде всего, не смотря на всю громадность успѣховъ культуры, все же люди никогда не смогутъ дойти до уничтоженія смерти, такъ какъ нельзя же создать взаменъ улетѣвшей изъ организма души какую-либо новую душу! Стало быть, смерть, исчезаніе однихъ съ жизненной сцены и появленіе на свѣтъ новыхъ людей, которые снова исчезнуть должны, болѣзнь, хотя бы и „подъ старость“ только—все это, что не сможетъ исчезнуть, пока стоитъ этотъ міръ, далеко не можетъ заглушить въ человѣствѣ недовольства (глухого) противъ несовершенствъ, хотя бы и соціализованнаго человѣчества. Какъ-то не мирится съ требованіями логики и справедливости то обстоятельство, что человѣчество и живетъ и „создаетъ благосостояніе“, хотя бы и чисто

матеріальное, для кого-то и для чего-то. Безспорно, и тогда мучительными будутъ неразрѣшимые вопросы: почему происходитъ безостановочная смѣна мертвыхъ живыми, куда дѣваются первые и куда дѣнутся вторые? Значить, весь смыслъ культурныхъ завоеваній цѣликомъ все отходить и отходить къ грядущимъ поколѣніямъ, а умершіе совершенно исчезаютъ, потому и непричастны болѣе культурѣ человѣчества? И неужели ничего не должны получить умершіе еще давно люди, безспорно и съ пользою потрудившіеся на благо и пользу человѣчества, причемъ сами этими благами не воспользовались?.. Нѣтъ! человѣчество самою логикой фактовъ придетъ къ недовольству своимъ положеніемъ. Тогда, весьма вѣроятно, въ безуміи утратитъ всякій идеаль и это будетъ уже „начало конца“.

Итакъ, одна „экономическая“ осуществимость ученія социализма не дѣлаетъ ее „абсолютной“ теоріей человѣческаго блага. Такой теоріей является одна евангельская истина, идеи же социализма далеко не соотвѣтствуютъ духу Евангелія, а потому въ осуществленіи социализма человѣчествомъ никакъ нельзя признать осуществленіе или наступленіе царства Божія на землѣ. Духу или идеѣ этого царства совершенно чужды тотъ матеріалистическій духъ, которымъ такъ и вѣетъ отъ социализма. Наиболѣе вѣрнымъ и надежнымъ руководствомъ для человѣчества на его пути къ лучшей жизни является данный намъ Евангеліемъ идеаль: „ищите прежде царства Божія и правды Его, а (прочее) все приложится вамъ“. Христось не отвергаетъ значенія внѣшнихъ условій его жизни, только они въ судьбахъ царства Божія играютъ второстепенную роль.

Вѣрные сыны Христовы для блага своего и человѣчества твердо должны работать надъ нравственнымъ самосовершенствованіемъ—самовоспитаніемъ, надъ выработкой въ себѣ христіанскаго міросозерцанія или подлинно евангельскаго міровозрѣнія, такъ какъ безъ Христа—безъ Бога люди не могутъ добиться осуществленія царства Божія на землѣ, какъ то грезится социалистическимъ и подобнымъ имъ проповѣдникамъ.

Въ заключеніе вспомнимъ слова великаго Гёте, которыми онъ резюмировалъ сущность своихъ историческихъ и нравственныхъ взглядовъ, послѣ долгой и неутомимой работы надъ самимъ собою: „Пусть духовная культура все идетъ впередъ, пусть человѣческій духъ все совершенствуется, какъ хочетъ; но онъ не превзойдетъ высоты и нравственной культуры христіанства,

какъ оно вырисовывается намъ и свѣтитъ въ Евангеліяхъ“¹⁾. а потому, будемъ стремиться насаждать у себя эту именно „евангельскую“ культуру!

В. Понеско.

О «наслоеніяхъ» въ церковно-приходскомъ обиходѣ.

На дняхъ пришлось мнѣ побесѣдовать съ однимъ сельскимъ священникомъ СПбургской епархіи, объявившимъ себя „другомъ“ сотрудника газеты „Пет. Лист.“, запрещеннаго, свящ. Паозерскаго. Бесѣда касалась многихъ религіозныхъ вопросовъ, при чемъ мой собесѣдникъ, говоря о разныхъ, по его словамъ, „излишнихъ наслоеніяхъ“ въ церковно-богослужебномъ обиходѣ, между прочимъ, какъ на яркій примѣръ этого „наслоенія“, указалъ на то, что и къ главной молитвѣ Господней: Отче нашъ прибавлено нѣчто сверхъ написаннаго въ Евангеліи и что де прибавкою къ словамъ, возглашаемымъ священникомъ: Яко Твое есть царство и сила и слава, еще и словъ: Отца и Сына и Святаго Духа и проч.—искажается смыслъ самой молитвы, данной Иисусомъ Христомъ для обращенія къ Богу Отцу, а черезъ прибавку уже превращающейся въ молитву ко Св. Троицѣ, тогда какъ Пресв. Троицѣ есть особая молитва, какъ равно есть отдѣльныя молитвы Господу Иисусу и Св. Духу. При этомъ священникъ заявилъ, что онъ ни въ какихъ книгахъ не могъ найти происхожденія упомянутой прибавки. хотя въ селѣ, гдѣ онъ настоятельствуетъ, имѣется богатая библіотека, да кромѣ того, какъ живущій не далеко отъ Петербурга и часто бывающій въ столицѣ, священникъ этотъ всегда имѣлъ возможность быть въ любой библіотекѣ. Каково же было мое удивленіе, когда только, что вернувшись домой послѣ описываемой бесѣды, я заглянулъ въ извѣстную каждому духовному лицу книгу изъясненій богослуженія подъ названіемъ „Новая Скрижаль“, изданіе 15-е, и здѣсь на стр. 77 нашелъ полное и обстоятельное объясненіе недоумѣній сельскаго батюшки. Изъ этого объясненія видно, что молитва Господня, хотя и возносится къ единому Отцу и дана намъ Сыномъ, возносится

¹⁾ Проф. А. Гарнакъ: „Сущн. христіанства“—1-я лекція, стр. 3 (перевъ нѣм. В. и М. Блюмъ, Москва, 1906 г.).

однако, не къ одному только Отцу, но ко всѣмъ тремъ Лицамъ, но такъ какъ Троица нераздѣльна, Отець, Сынъ и Св. Духъ единосущны, — посему, когда читаемъ Отче нашъ, тогда вспоминаемъ и Сына и Св. Духа. Это самое и Церковь намъ показываетъ, когда сію молитву заключаетъ словами: Яко Твое есть царство и сила и слава Отца и Сына и Святаго Духа и проч. Отсюда видно, что возгласъ славословія, дѣлаемый священникомъ послѣ молитвы „Отче нашъ“, установленъ Церковью, въ лицѣ тѣхъ же св. угодниковъ, которые въ разныя времена и по разнымъ случаямъ составляли церковныя молитвословія, какъ напр. славословіе: „Слава Отцу и Сыну и Св. Духу, и нынѣ и присно и во вѣки вѣковъ, аминь“, повторяющееся многократно во время богослуженій, составлено издревле въ честь св. Троицы, св. Мелентіемъ и Флавіаномъ, антиохійскими патріархами для отраженія нѣкоторыхъ еретическихъ ученій Арія и Савеллія.

Тотъ же священникъ, повторяя взгляды своего друга газетнаго сотрудника о. Паозерскаго, высказался о незаконности ношенія священнослужителями длинныхъ волосъ и повседневной священнической одежды—рясы и подрясника. Когда я указалъ не только на традиціонность особой одежды для духовенства, но и на доказательства, хотя и косвенныя, изъ свящ. Писанія, подтверждающія древность происхожденія всего того, что этотъ священникъ находитъ „наслоеніемъ“, то мой собесѣдникъ махнувъ рукой, только и могъ сказать давно избитую фразу: „это все натяжки“...

Изъ дальнѣйшихъ разговоровъ съ этимъ батюшкою выяснилось, что онъ давно занимается изысканіемъ „недоумѣнныхъ вопросовъ“ изъ религіознаго быта, но только весьма съ большими затрудненіями удается ему получать удовлетворительные отвѣты. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ онъ задалъ вопросъ одному изъ С.-Пбургскихъ епархіальныхъ миссіонеровъ о томъ, куда дѣвается послѣ смерти духъ животныхъ: скотины, звѣрей и т. п. Этотъ миссіонеръ такъ и не отвѣтилъ, а передалъ для отвѣта другому миссіонеру. Послѣдній въ письмѣ своемъ, удивляясь неосвѣдомленности въ книжныхъ знаніяхъ батюшки вопрошателя, прямого отвѣта не далъ, а указалъ на тѣ книги, въ которыхъ онъ можетъ всесторонне уяснить себѣ недоумѣніе. Но батюшка не только не удовлетворился этимъ отвѣтомъ, заставляющимъ его немного потрудиться надъ книгами, но сильно обидѣлся на „неделикатность“ миссіонера, осмѣлившагося упомянуть о

неосвѣдомленности его, пригороднаго священника, и это письмо доселѣ хранитъ, показывая при всякомъ случаѣ своимъ знакомымъ, какъ шедевръ „грубости“ миссіонера. Однако, куда дѣвается духъ скотины послѣ смерти, онъ, кажется и не уяснилъ себѣ. Прихожу на помощь батюшкѣ, хотя отчасти, въ изъясненіи о судьбѣ духа скотины. Въ 3 гл. ст. 19—20 кн. Екклесіаста читаемъ: „участь сыновъ человѣческихъ и участь животныхъ участь одна: какъ тѣ умираютъ, такъ умираютъ и эти, одно дыханіе у всѣхъ... Все идетъ въ одно мѣсто: все произошло изъ праха и все возвратится въ прахъ. Эти слова Екклесіастомъ сказаны только „въ сердцѣ своемъ“ и больше о судьбѣ духа скота и друг. животныхъ нигдѣ ничего не говорится, стало быть судьбы ихъ таковы и есть, тогда какъ о человѣкѣ въ той же книгѣ въ 12 главѣ ст. 7 говорится, что „возвратится прахъ въ землю, чѣмъ онъ и былъ; а духъ возвратится къ Богу, Который далъ его“. Въ свящ. Писаніи Нов. Завѣта есть еще болѣе определенное указаніе о судьбѣ духа человѣческаго, но ничего не говорится о судьбѣ духа животныхъ.

Конечно, если бы потрудиться надъ книгами, то можно было бы дать и болѣе обстоятельное объясненіе всѣмъ недоумѣніямъ сельскаго батюшки, но для всякаго человѣка, вѣрующаго въ простотѣ сердца Св. Библии, ученію православной церкви, достаточно будетъ и этого, если же кто одержимъ скептицизмомъ ап. Фомы, тому только и можно сказать: иди, потрудись надъ богословскими и др. книгами самъ, и увидишь все, что тебѣ нужно, а „сельскому батюшкѣ“ легко это сдѣлать при помощи хранящагося у него письма отъ миссіонера.

I. С.

никъ“ заключаетъ: „духовенство пробуждается, и мы склонны думать, что оно во всякомъ случаѣ не „провалитъ“ своего церковнаго дѣла“.

Какъ извѣстно, къ концу своихъ занятій пр. присутствіе представило въ Совѣтъ Министровъ „программу реформъ по духовному вѣдомству“, которая есть не что иное, какъ резюме заключительныхъ выводовъ общихъ и секціонныхъ собраній „присутствія“. По отзыву „Нов. Времени“ (отъ 17 ноября) программа „даетъ впечатлѣніе несомнѣнно огромнаго движенія во всѣхъ направленіяхъ по всѣмъ русламъ церковной жизни... Проектъ все двигаетъ, по крайней мѣрѣ хочетъ все двинуть, и общество и печать должны помочь этому движенію“.—Почти предъ самымъ закрытіемъ предсоборнаго присутствія „Колоколь“ съ твердостью высказалъ (24 ноября): „Что бы тамъ ни писали оппозиціонные духовные и свѣтскіе органы печати о безнадежности, яко бы, реформаторскихъ трудовъ пр. присутствія, а послѣднее мѣтко нащупываетъ и правильно освѣщаетъ большыя мѣста, ставитъ вѣрный діагнозъ и прогнозъ застарѣлыхъ недуговъ нашего церковнаго организма“.

Заслуживаетъ особаго вниманія оцѣнка значенія трудовъ пр. присутствія въ отношеніи къ будущему помѣстному собору, сдѣланная „Моск. Вѣд.“ уже по закрытіи присутствія (въ № отъ 20 декабря). „Для многихъ, говорятъ онѣ, представляется, что проекты особаго присутствія, законченные по всѣмъ главнѣйшимъ вопросамъ, могутъ явиться готовою программой сужденій для помѣстнаго собора. Этого послѣдняго мы отнюдь не раздѣляемъ. Конечно, помѣстный соборъ, съ точки зрѣнія права, ни мало не связанъ предшествовавшими работами. Но фактически онѣ не могутъ не имѣть на него огромнаго вліянія, представляя нравственный авторитетъ, съ которымъ, безъ сомнѣнія, будетъ считаться соборъ. А между тѣмъ, эти мнѣнія выразили въ себѣ два совершенно противоположныя теченія, существующія въ нашей церкви. Должно признать, что труды особаго присутствія имѣютъ большую цѣнность для нашей церковной и церковно-государственной мысли. Разработка множества вопросовъ произведена имъ съ глубокимъ знаніемъ, внимательностью и горячимъ желаніемъ каждаго направленія доказать справедливость своего мнѣнія и ошибочность мнѣнія противниковъ. Съ этой точки зрѣнія „журналы и протоколы“ присутствія являются цѣннымъ источникомъ освѣдомленія для всѣхъ ревнителей Православной Церкви. Но въ постановкѣ церковныхъ вопросовъ мы никакъ не можемъ руководствоваться общими голосованіями Предсоборнаго Присутствія.

Въ Присутствіи мы постоянно видимъ глубокую противоположность

двухъ направленийъ во взглядѣ на *существо Церкви*, откуда истекаетъ и противоположность взглядовъ на каждую отдѣльно взятую область ея жизни. Мнѣнія такихъ авторитетовъ церковной науки, какъ профессора Алмазовъ, Бердниковъ, Глубоковскій, Остроумовъ и т. д., и мнѣнія такихъ, несомнѣнно, ученыхъ лицъ, какъ напримѣръ, Н. Аксаковъ, настолько противоположны по существу, что не могли быть органически слиты. Въ голосованіяхъ Присутствія мы постоянно видимъ двѣ группы: на одной сторонѣ являются гг. Аксаковъ, Кузнецовъ, Папковъ, о. Рождественскій, на другой гг. Алмазовъ, Бердниковъ, Глубоковскій, о. Буткевичъ и т. д. Тутъ несомнѣнно два направленія, и если между ними попадаютъ промежуточные силы, то, во всякомъ случаѣ, голосованія даютъ не органической синтезъ двухъ мнѣній, а являются ничего не доказывающимъ (въ смыслѣ истины) свидѣтельствомъ лишь того факта, что въ залѣ засѣданій Святѣйшаго Синода въ данный моментъ было больше лицъ одного или другого направленія. При этомъ нерѣдко важнѣйшія рѣшенія проходятъ самымъ ничтожнымъ большинствомъ голосовъ“.

Въ періодической печати о предсоборномъ присутствіи и о трудахъ его несравненно многочисленнѣе были отзывы отрицательные, среди которыхъ встрѣчаются и рѣзкіе, грубые, озлобленно-пренебрежительные, оскорбительные.

Уже изъ приведенныхъ выше выдержекъ можно отчасти видѣть, чѣмъ вызвано какъ въ либеральномъ и радикальномъ лагеряхъ печати, такъ даже и консервативномъ, несочувственное отношеніе къ предсоборному присутствію и трудамъ его. Но мы на причины этого несочувствія печати, въ виду немаловажнаго значенія, которое она, по мнѣнію нашему, уже имѣла и можетъ еще имѣть въ дѣлѣ реформы высшаго церковнаго управленія, считаемъ нужнымъ указать особо.

Какъ видѣли мы, особенное несочувствіе и даже прямо враждебное отношеніе къ пр. присутствію и его трудамъ выразила печать либеральная и радикальная. Чѣмъ же собственно она была недовольна, на что негодовала, противъ чего протестовала подчасъ въ рѣзкомъ до неприличія тонѣ?

Печати этого лагера, какъ объ этомъ уже упоминалось, не явился самый составъ пр. присутствія (изъ высшаго монашества и профессуры преимущественно духовной). Она съ первыхъ же дней пр. присутствія начала настойчиво доказывать, что, въ виду значущести подлежащихъ рѣшенію будущаго собора вопросовъ, въ „присутствіе“ непременно должны войти, на правахъ членовъ съ рѣшающимъ голосомъ, представители разныхъ классовъ населенія: и архіереи, и рядовые священники, и міряне, при этомъ священники и міряне (вклю-

чая профессоровъ) должны войти не, по вызову или назначенію, а по избранію. Если съ теченіемъ времени въ пр. пр.—віи усиленъ былъ, по убѣжденію печати, именно подъ ея воздѣйствіемъ свѣтскій элементъ и элементъ бѣлаго духовенства, то далеко не въ желательной ею мѣрѣ и не по рекомендованному ею способу (выборному), поэтому такимъ измѣненіемъ въ составѣ присутствія она осталась неудовлетворенною.

Если уже недовольна печать либеральнаго и радикальнаго лагеря составомъ предсоборнаго присутствія, то тѣмъ съ большимъ недовольствомъ и отрицаніемъ отнеслась она къ проектированному присутствіемъ составу будущаго перваго чрезвычайнаго и затѣмъ послѣдующихъ повременныхъ церковныхъ соборовъ, а также къ составу священнаго при патріархѣ синода.

Печать этаго лагеря спѣшила предупредить, что если въ пр. присутствіи возобладаетъ мнѣніе, что будущій соборъ долженъ явиться голосомъ духовенства, а не голосомъ земли, и соборъ сформируется согласно этому мнѣнію, то „сущность всѣхъ реформъ можетъ свестись только къ ряду палліативовъ, дающихъ возможность духовенству успокоиться на нѣкоторыхъ улучшеніяхъ быта и условій его жизни. Духовенство,—предупреждала далѣе эта печать,—не достигнетъ тогда своей, по ея мнѣнію главной цѣли—не сольется съ обществомъ и своими силами не проведетъ грани между „цесаревымъ“ и „божіимъ“. Только примкнувъ къ обществу и народу, къ его освободительному движенію, духовенство приобрѣтетъ возможность разрѣшенія назрѣвшихъ за двухсотлѣтіе вопросовъ, не исключая и своихъ собственныхъ выгодъ“ („Сарат. Листокъ“, 16 марта).

19 марта, въ Москвѣ въ собраніи членовъ союза 17 октября проф. В. А. Соколовъ прочелъ рефератъ о предстоящемъ церковномъ соборѣ. „Народная Газета“ (отъ 20 марта) съ особеннымъ сочувствіемъ отнеслась къ положеніямъ докладчика, что „предстоящій церковный соборъ будетъ пользоваться авторитетомъ и значеніемъ лишь тогда, если клиру и мірянамъ будетъ предоставлено право рѣшающаго голоса при всѣхъ постановленіяхъ собора“ и что „строй церковной жизни долженъ быть основанъ на широкихъ выборныхъ началахъ“... „Засѣдающая въ синодѣ коммиссія, говоритъ эта газета, упорно желаетъ, чтобы соборъ состоялъ изъ однихъ епископовъ. Изъ мірянъ и клира будутъ допущены только тѣ, которые желательны епископамъ, т. е. наперсники архіереевъ и родственники этихъ наперсниковъ *), занимающіе при

*) Если бы въ одномъ, а то въ обоихъ случаяхъ вмѣсто слова наперсники газета употребляетъ слово „наперстники“. На это стоитъ обратить вниманіе.

консисторіяхъ и семинаріяхъ, тепленькія мѣстечки. Такой соборъ не можетъ быть голосомъ церкви. Необходимо организовать епархіальные сѣзды и предоставить полную свободу для обсужденія на нихъ, а также путемъ печати, церковныхъ вопросовъ.—Свящ. Петровъ, если и расходится съ либеральною печатью во мнѣніи о необходимости какихъ-либо предварительныхъ трудовъ по разработкѣ матеріаловъ къ будущему собору, на который, по примѣру апостольскаго собора, слѣдуетъ явиться лишь съ полнымъ сердцемъ, хотя бы и съ пустыми руками, то по вопросу о составѣ собора онъ всецѣло присоединяется къ голосамъ, требующимъ широкаго участія на соборѣ мірянъ и бѣлаго духовенства. По его заключенію, въ пр. присутствіи шли „горячіе споры о томъ, чтобы ограничить какъ можно тѣснѣе кругъ участниковъ предполагаемаго церковнаго собора“, чтобы не допустить на него мірянъ и священниковъ и все это, будто бы, затѣмъ, чтобы, подъ давленіемъ монаховъ-епископовъ, всѣ нужды церкви свести чуть-ли не къ одному водворенію и усиленію монашеской дисциплины въ церкви и въ жизни вѣрующихъ“ („Р. Слово“, отъ 30 марта). — Въ „Бирж. Вѣдомостяхъ“ (отъ 10 мая) г-мъ Р. переданъ извѣстный уже намъ взглядъ на пр. присутствіе „одного изъ прогрессивныхъ петербургскихъ священниковъ“. Священникъ этотъ назвалъ „присутствіе“ не болѣе не менѣе, какъ „заговоромъ епископовъ противъ церкви“, разрушить который онъ призывалъ Г. Думу. Въ оправданіе такого названія прогрессивный священникъ высказалъ: „Послѣ долгаго гнета и подчиненія церкви созывается „помѣстный церковный соборъ“. Къ нему идутъ заранѣе хитроумныя приготовленія: запрашиваются мнѣнія о составѣ собора и о необходимыхъ реформахъ церковной жизни у епархіальныхъ епископовъ, при чемъ въ помощь себѣ (курсивъ Р.) при разработкѣ отвѣта они могутъ назначать комиссіи... Полученные такимъ образомъ отвѣты составляютъ матеріалъ для „помѣстнаго все-россійскаго церковнаго собора“, а между тѣмъ не разрѣшаются ни епархіальные соборы духовенства (что было бы всего нормальнѣе), ни даже епархіальные сѣзды депутатовъ для обсужденія вопросовъ церковной жизни. Епископы, ставленники оберъ-прокуроровъ св. синода, берутъ, такимъ образомъ, исключительно въ свои руки всю церковную реформу. Голосъ „черни“—бѣлаго духовенства и вѣрующихъ мірянъ—имъ даже неинтересенъ, они стоятъ выше этого, они будутъ слушать тѣхъ, кого они захотятъ, постановятъ то, что они захотятъ... Если общественному мнѣнію и сдѣлана уступка и „присутствіемъ“ рѣшенъ „въ положительномъ смыслѣ вопросъ о допущеніи на соборъ бѣлаго духовенства и мірянъ, но... безъ права голоса“.

„Провинціальная газета „Голосъ Сѣвера“ (въ № отъ 2 февр. 1907 г.) высказала: „Созывъ собора—вопросъ неотложной нужды; но конечно,

не изъ однихъ епископовъ, рабовъ приказнаго строя и чуждыхъ своей частвѣ, но и изъ депутатовъ отъ блага духовенства и мірянъ, свободно избранныхъ“.

Подробно и съ большимъ предубѣжденіемъ высказался противъ пр. присутствія и трудовъ его въ „Нов. Времени“ (отъ 20 мая) нѣкто Д—ъ. „Уже самое составленіе предсоборной комиссіи изъ членовъ „по вызову“ предсѣдателя (съ Высочайшаго совзволенія), а не по выборамъ на мѣстахъ, заранѣ дискредитировало достоинство ея работъ: всѣ были увѣрены, что духовныя власти сдѣлають благоприятный для своихъ замысловъ подборъ. Существованіе такой увѣренности не могло оставаться неизвѣстнымъ организаторамъ комиссіи, и они попытались усыпить недоувѣріе общества: въ составъ комиссіи включено было немало авторитетныхъ, популярныхъ и внушающихъ довѣріе именъ; но на-ряду съ ними и въ противовѣсъ имъ, въ подавляюще большемъ количествѣ привлечены и привлекаемы были завѣдомые реакціонеры и сервиллисты“. Сказавъ далѣе, что нѣкоторые изъ выдающихся прогрессистовъ, видя себя въ меньшинствѣ, не захотѣли работать вмѣстѣ съ „прислужническимъ“ большинствомъ и вышли изъ состава комиссіи, а другіе, если не перестали „ходить на совѣтъ насильниковъ“, то, якобы, „всячески“ притѣсняемые они вынуждены были „свести свою роль къ печальной обязанности ограждать свое доброе имя посредствомъ систематически заявляемаго „отдѣльнаго мнѣнія“. По мнѣнію Д—а, „побѣда архіереевъ“ въ пр. присутствіи при рѣшеніи вопроса о порядкѣ выборовъ представителей на соборъ, отъ духовенства и мірянъ, по которому выбранный въ концѣ-концовъ утверждается въ этомъ званіи епископомъ,—побѣда архіереевъ, якобы, „увлекшихся идеей подмѣнить церковныя интересы своими личными интересами, въ результатѣ оказалась побѣдой Пирра“. „Общее собраніе (15 мая). говоритъ Д—ъ, давъ (по вопросу о выборахъ) полное торжество архіерейскимъ притязаніямъ, вмѣстѣ съ тѣмъ со всею очевидностью показало, что собственно соборъ не можетъ состояться, а то, что, пожалуй, сфабрикують подъ его именемъ, будетъ нѣчто совсѣмъ другое“. Получится, по выраженію Д—а, не соборъ, а бюрократически организованный „архіерейскій съѣздъ“.

Сотрудникъ „Нов. Времени“ г. Розановъ, какъ это намъ уже извѣстно, о пр. присутствіи высказался, что „это не русское и не столичное совѣщаніе, а какое-то деревенское-схоластическое, которое, кромѣ своей колокольни, ничего не видитъ и, кромѣ своего звона, ничего не слышитъ“. Что же заставило г. Розанова такъ думать и съ такимъ глумленіемъ отзываться о пр. присутствіи? А вотъ что: „Меня, говоритъ онъ, поразило, что въ „протоколахъ предсоборной комиссіи“ (какъ и въ „отвѣтахъ епархіальныхъ архіереевъ“ на запросъ синода

касательно предстоящей церковной реформы) почти вовсе нѣтъ даже ссылокъ на какія-нибудь изреченія, на страницу Евангелія, на притчу, на событіе евангельское, не говоря уже объ общей проникнутости духомъ евангельскимъ... Точно разсуждающіе вовсе уже не суть христіане... Во вторыхъ, во всѣхъ этихъ дебатахъ и трактатахъ видно такое рѣшительное забвеніе Россіи и теперешнихъ довольно трудныхъ и критическихъ ея обстоятельствъ, какъ-бы пр. комиссія собиралась не въ Петербургѣ, а гдѣ-нибудь на о. Явѣ или на горѣ Аѳонѣ, и не въ XX, а въ X вѣкѣ... Религіозная глубина дебатовъ (и „записокъ“) близка къ нулю. Впечатлѣніе такое, что духовенство русское менѣе религіозно, чѣмъ которое бы то ни было изъ другихъ нашихъ сословій, не говоря уже о мужикахъ... Обмельзла рѣка русская, рѣка церковная. Пустыня. И только изъ всѣхъ строкъ торчитъ этотъ бѣдственный „патріархъ“... Увѣренъ вполне, что высшее духовенство соберется на соборъ, обдумаетъ митры, патріарха; но уже никто за нимъ не пойдетъ, никто душою, кромѣ простецовъ и карьеристовъ, съ ними не сольется“... Все вышензложенное г. Розановъ изрекъ въ статьѣ подъ точно отвѣчающимъ его понятіямъ не только о пр. пр—віи и его проектѣ будущаго собора, но и о самой православной церкви заглавіемъ: „Нехристіанскій соборъ“. Этой церкви (по общепринятому понятію о ней), утверждаетъ г. Розановъ въ той же статьѣ, у насъ нѣтъ: „у насъ есть только *сословная церковь* (его курсивъ). И все церковное, все даже христіанское обращено на служеніе сословію. Но это, со всею рѣшительностію заявляетъ онъ, язычество, это полное язычество, только съ пристегнутымъ сюда именемъ Христа“... (См. № отъ 3 іюля). Итакъ, предстоящій церковный соборъ одинъ сотрудникъ „Нов. Времени“ (Д—ъ) назвалъ „архіерейскимъ съѣздомъ“, а другой—даже „нехристіанскимъ соборомъ“. Это очень рѣшительно, но въ такой же ли мѣрѣ справедливо? Это, думаемъ, для очень многихъ составитъ вопросъ.—По близкимъ къ мнѣнію г. Розанова соображеніямъ отрицательно отнесся и къ пр. пр—вію, и къ будущему собору сотрудникъ того же „Нов. Времени“ М. Меньшиковъ. Какъ уже извѣстно намъ, г. Меньшиковъ „всѣ совѣщанія и въ присутствіи, и на соборѣ считаетъ ни чѣмъ инымъ, какъ „священно-канцелярской логомахіей, словоупражненіемъ рясофорной и митроносной бюрократіи“, не общающимъ «ничего искренняго, серьезнаго великаго». Отрицаая всякое значеніе предсоборныхъ и соборныхъ совѣщаній, этотъ публицистъ рѣшительно не вѣритъ и вообще въ церковную реформу. Онъ говоритъ: «я совершенно не вѣрю въ затѣянную у насъ церковную реформу». Какая же причина такого отрицательнаго у г. М—ва отношенія даже ко всему вообще дѣлу церковной реформы? Почему онъ не вѣритъ въ искренне и серьезно задуманное, поистинѣ, великое

дѣло? Вотъ его же отвѣтъ на это вопросъ: „Въ дѣлѣ церкви, говоритъ онъ, великое дается вѣрой, а именно въ наличности - то вѣры у отцовъ соборныхъ и позволительно усомниться... То, что называется реформаціей, есть дѣло народное и должно идти изъ народа. Сейчасъ народъ еще не готовъ для религіознаго движенія. Посмотримъ, что будетъ чрезъ 20 лѣтъ при свободѣ вѣры. Реформа церкви бесполезна, если она основана не на существѣ вѣры“ (№ 11.092, отъ 28 янв.). Между прочимъ замѣтимъ, что изъ дальнѣйшихъ разсужденій г. Меньшикова, въ разъясненіе вопроса: „что же такое вѣра?“—видно, что онъ свящ. исторію ветхаго и новаго завѣта считаетъ „Библейскою“ и евангельскою легендою“.

Въ газетѣ „Рѣчь“ (отъ 3 іюня) нѣкто „Непримиримый“, какъ тоже намъ уже извѣстно, нашелъ членовъ пр. пр—вія подверженными удивительной, странной слѣпотѣ. Эта слѣпота, по мнѣнію «Непримиримаго» особенно ярко обнаруживалась, «когда обсуждался вопросъ о составѣ будущаго постояннаго высшаго учрежденіи по управленію церковью, т. е. синода». „Хотя этотъ синодъ, разсуждаетъ «Н—мый» и отданъ подъ власть почти неограниченнаго властителя—патріарха, который будетъ владычествовать и надъ церковными соборами, какъ несмѣняемый предсѣдатель ихъ ¹⁾, но «сочинители» (т. е. члены пр. пр—вія) все таки убоялись мірянъ и рѣшили не допускать ихъ представителей въ составъ членовъ синода. Впрочемъ, та же участь постигла и представителей клира:—будущій синодъ состоитъ только изъ епископовъ,—патріаршихъ послушниковъ. Но,—и это всего любопытнѣе,—продолжаетъ «Н—мый», «сочинители» реформы боялись даже епископовъ» и потому, отвергнувъ выборное начало при формированіи состава синода, при которомъ могли бы попадать и „непослушные“, рѣшили, подъ видомъ уничтоженія поводовъ къ искательству, зависти, честолюбію, замѣнить это начало „епископскимъ каталогомъ“, т. е. вызывать всѣхъ епископовъ въ синодъ поочередно, по особому списку ихъ старшинства. И все это, по догадкамъ „Н—го“, съ цѣлю „прикрыть слишкомъ ужъ очевидныя вождедѣнія къ захвату власти“. Изум-

¹⁾ Подожительно, нельзя не удивляться тому, какъ превратно поняла либеральная печать типъ патріарха, проектированный пр. пр—емъ. О „почти неограниченномъ владычествѣ патріарха“ по этому типу не можетъ быть никакой рѣчи. Гораздо вѣрнѣе судить по этому предмету Б. въ „Колоколѣ“ (отъ 12 іюля). «Въ угоду демократическимъ тенденціямъ, получившимъ широкое распространеніе въ нѣкоторыхъ кругахъ духовенства нашего, говоритъ Б., будущій русскій патріархъ поставленъ въ проектѣ пр. пр—вія въ такое положеніе въ отношеніи управленія русскою церковію, что представляется связаннымъ по рукамъ и по ногамъ священнымъ синодомъ и повременнымъ соборомъ».

ляясь „странной слѣпотѣ реформаторовъ церкви, очевидно, будто бы, позаимствованной у представителей „свѣтской власти“, „Н—мый“ и вопрошаетъ многозначительно: „Или ихъ прельщаютъ „торжественныя“ встрѣчи г.г. Стишинскихъ, Гурко, Павловыхъ въ Думѣ?“

Черезъ мѣсяць въ той же газетѣ (№ отъ 2 іюля) высказалъ свое извѣстное уже намъ до неприличія грубое мнѣніе о пр. присутствіи В. Нильскій. Уже одинъ заголовокъ его статьи—„Всероссійскій скандалъ“—чего стѣбитъ? В. Нильскій предсказываетъ, что будущій всероссійскій церковный соборъ, если онъ организуется по проекту пр. пр—вія, превратится во „всероссійскій скандалъ“, будто бы, „начало“ которому обнаружилось въ дебатахъ присутствія по организации собора и по другимъ вопросамъ церковной реформы. „Пренія по вопросу о выборахъ мірянъ (на будущій соборъ), пишетъ г. Нильскій, развернули яркую картину—скажемъ прямо—убожество міропониманія среди „учителей жизни“. Сначала пытались „убить“ вопросъ о выборахъ мірянъ на канонической почвѣ, но подходящихъ каноновъ не оказалось. Тогда началось обсужденіе „по существу“, т. е. словесное уничтоженіе идеи выборности... Честь нанесенія окончательнаго удара этой идеѣ принадлежитъ проф. Голубеву. Онъ „напомнилъ“ собранію про заявленія нѣкоторыхъ членовъ Думы, „что они по счастью только не находятся въ острогѣ. При сходныхъ съ думскими выборами не придуть-ли и къ намъ на соборъ пастыри, которые по счастью только не находятся въ Соловецкой обители!“... Собраніе испугалось и постановило извѣстное рѣшеніе относительно *decorum*'а выборовъ“...

Противъ проектированнаго пр. пр—віемъ состава будущаго церковнаго собора и роли въ немъ епископовъ подалъ въ „С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ“ (отъ 3 іюня) „голосъ“ какой-то „Христіанскій пастырь“ (М. К.). „Замѣчательно, говоритъ онъ, что собора желаютъ болѣе всего высшіе іерархи, т. е. тѣ лица, которыя совершенно незнакомы(?) съ религиозно-нравственнымъ состояніемъ народа, съ его нуждами и потребностями: они желаютъ быть руководителями собора! Не значить-ли это, что епископы желаютъ расширить свою власть, которая теперь ограничивается властью оберъ-прокурора?.. Нравственные недостатки и нужды пасомыхъ болѣе всего знаютъ приходскіе священники,—и соборъ долженъ состоять изъ нихъ *).

*) Не лишне замѣтить, что въ „С.-Петербург. Вѣдомостяхъ“, въ качествѣ сотрудниковъ подбираются священники съ малообычными, а то и совсѣмъ необычными для священника „голосами“ и «мыслями» по церковнымъ вопросамъ.

Дня за три—за четыре (30 или 31 мая) до появленія въ этой газетѣ „Голоса христіанскаго пастыря“ (М. К.) напечатаны были „Мысли священника“ (Піонова), и вотъ, между прочимъ, какія: „У насъ, въ Россіи, пра-

Съ рѣшительною также критикою проекта выборовъ членовъ церковнаго собора выступилъ въ „Волховскомъ Листкѣ“ (отъ 2 іюля) нѣкто „Православный“. Въ этомъ проектѣ, говоритъ онъ, „нѣтъ и тѣни того, что составляетъ суть всякихъ свободныхъ выборовъ, и нужно только удивляться, для чего понадобилось въ такомъ важномъ дѣлѣ маскироваться? Ужели можно теперь кого-нибудь обмануть, называя „архіерейское усмотрѣніе“,—что равносильно произволу,—выборами?—Нѣтъ, не то теперь время. Если желательны выборы, то при нихъ нѣтъ и не должно быть мѣста усмотрѣнію и произволу. Изъ выбранныхъ на благочинническихъ собраніяхъ кандидатовъ долженъ быть членомъ собора не тотъ, кого изъ этихъ кандидатовъ выберетъ и утвердитъ архіерей „по своему усмотрѣнію“, а тотъ, кто на выборахъ получитъ большинство избирательныхъ голосовъ. Только при этомъ условіи выборы могутъ быть свободными и разумными, иначе они превращаются въ недостойную для духовенства комедію и теряютъ всякій смыслъ“.

Въ „Нашей Жизни“ (въ № отъ 23 іюня) Вик. Аловъ придаетъ большую цѣну трудамъ пред. присутствія, но съ особой точки зрѣнія. Подобно В. Нильскому въ „Рѣчи“, высказавшему (въ статьѣ: „Всероссійскій скандалъ“) мнѣніе, что труды пр. пр—вія сыграли роль „настоящаго солнца“, которое, случайно ворвавшись въ театральную залу, разрушаетъ бутафорскую „природу“ сцены, дышащую при вечернемъ освѣщеніи полною иллюзіей и обнаруживаетъ убожество декораций—сусальное золото, тряпки и проч., такъ они, эти труды „присутствія“, выяснили, каковы „наши учителя“, наши „князья церкви“ („гонители свѣта, свободы“, живущіе только „ненавистью къ міру и всему мірскому“),—подобно г. Нильскому и г. Аловъ говоритъ въ статьѣ: „Тяжелый молотъ“ (какія все заглавія!..): „труды пред. присутствія оказали русскому народу незамѣнимую услугу—они отдернули жреческіе покровы и обнажили „правду матку“. Отъ журналовъ этого „присутствія“ нельзя укрыться, въ нихъ нельзя не увидать глубины

вославіе слишкомъ срослось съ государственностью и ревизія жизни, предстоящая Думѣ, неизбежно, должна явиться судомъ надъ Вѣд. Пр. Ис. — повѣданія“. Думать о прежней, блаженной памяти, господственности православія слишкомъ наивно, да и не дай, Боже: наша господственность развивала въ насъ, культивировала исключительно фарисейство. Кошмаромъ, порой и съ петлей опричника стояло правослаіе не одно столѣтіе надъ живой религіозной душой“. Не дай, Богъ, чтобы было „господствующее положеніе“ православной церкви“... Остается одно сказать: не дай, Богъ, чтобы подобныя мысли свящ—ка Піонова, какъ піонъ, расцвѣли въ средѣ нашего духовенства..

Авторъ.

паденія византійскихъ церковныхъ идеаловъ, послѣдняго слова монашествующей церкви“. По мнѣнію г. Алова, „современные представители церкви совершенно безнадежны въ смыслѣ пониманія совершающихся событій съ какой-либо иной точки зрѣнія, кромѣ безконечной гордости своею властью“, а «современный строй церкви нуждается не въ мелкомъ ремонтѣ, а въ коренной перестройкѣ, которая изгнала бы изъ церкви проникающій ее нынѣ «полицейскій духъ». Въ существующемъ строѣ церкви, утверждаетъ г. Аловъ, коренится «непосредственная угроза общественной безопасности». Итакъ, необходима коренная церковная реформа. Между тѣмъ, по убѣжденію г. Алова, „окончательно выяснилось, что церковный соборъ ничего, кромѣ новаго вреда для церкви, принести не можетъ, а слѣдовательно, и всѣ надежды на грядущую реформу церковнаго строя нашего должны угаснуть. Теперь даже для наивно-вѣрующихъ должно быть яснымъ, что сверху они ничего не дождутся, кромѣ новыхъ попытокъ укрѣпленія власти“. Вотъ въ этой полной безнадежности на „верхъ“ г. Аловъ и рассчитываетъ на „тяжелый молотъ“, т. е. „на народное самосознаніе“, готовое уже воспрянуть и рѣшительно отвернуться и отъ „учителей“, заведшихъ его въ пустыни абсолютизма, и отъ самаго ихъ ученія, потакающаго насиліямъ земныхъ властей подъ видомъ якобы неизбежно присущаго церкви безразличнаго и даже жестокаго отношенія къ „земной жизни человѣческой“ *)).

В. Аловъ, какъ сейчасъ мы видѣли, утверждаетъ, что проектированный „церковный соборъ ничего, кромѣ новаго вреда для церкви, принести не можетъ“ и что предотвратить или—точнѣе истребить, уничтожить этотъ вредъ можетъ лишь „тяжелый молотъ народнаго самосознанія“. Итакъ, газета „Наша Жизнь“, по крайней мѣрѣ, въ лицѣ этого сотрудника, за благо православной церкви, хотя и своеобразно понимаемое. Но что же эта газета въ лицѣ другихъ своихъ сотрудни-

*) Замѣтимъ, что въ крайней рѣзкости отзывовъ о епископахъ никакимъ свѣтскимъ писателямъ не уступаютъ петербургскіе священники, входящіе въ составъ, такъ называемаго, „Союза церковнаго обновленія.“ Вотъ напр., какъ они отозвались о епископахъ въ „Рѣчи“: „Епископы не видятъ того, что паства не сегодня-завтра броситъ всѣхъ тѣхъ, кто останется покоренъ желѣзному „папскому“ жезлу епископовъ... Намъ недостаточно позлащенныхъ украшеній, которыя, тормозя и задерживая всякое живое теченіе въ церковной жизни, стоятъ посреди церкви не живыми столпами, а мертвыми кумирами, заслоняющими собою свѣтлый ликъ Христа“ (См. въ «Вар. Дн.» отъ 19 іюля въ ст. Кріушина). Поистинѣ, тяжело было приводить этотъ цитатъ! „Горестный соблазнъ для многихъ“ не епископать въ теперешней его организаціи, какъ думаетъ г. Кріушинъ, а вотъ такой, какъ приведенный, отзывъ пастырей объ архипастыряхъ...

ковъ понимаетъ подъ „православіемъ?“ Узнать это очень не лишне, для правильнаго пониманія сужденій сего органа радикальной печати по нашимъ церковнымъ вопросамъ. „Православіе“, по опредѣленію Д. В. Философова (въ №-рѣ отъ 29 іюня), ничто другое, какъ „историческій предразсудокъ“ русскаго народа. Предразсудокъ этотъ (какъ и другой—„монархизмъ“) долженъ быть искорененъ; но „любовь къ народу“ требуетъ „чтобы помочь ему безболѣзненно освободиться отъ предразсудковъ“. По мнѣнію г. Ф—ва, „въ данную минуту для этого есть лишь одно средство: бороться за то, чтобы былъ созванъ подлинный, а не поддѣльный, церковный соборъ,—соборъ, покоящійся на широкихъ избирательныхъ началахъ, т. е. именно на столь ненавистной клерикализму идеѣ народовластія“. Такой соборъ „дастъ истокъ религіознымъ силамъ, подготовить русло для нормальнаго теченія могущихъ взволновать народную стихію религіозныхъ запросовъ“. Г. Ф—въ даже подсказывалъ, что „постановленіе пр. комиссіи о томъ, чтобы оберъ-прокуроръ синода въ нарушение „основныхъ законовъ“ былъ выдѣленъ изъ состава комитета, есть самый реальный поводъ для запроса въ Думѣ“ (первой, въ то время уже отживавшей свои послѣдніе дни). Это подсказываніе г. Ф—мъ „запроса“ невольно напоминаютъ уже извѣстное намъ „предсказываніе“ г. Алова (въ №-рѣ отъ 21 мая) того, что церковный соборъ, по рецепту нашихъ „владыкъ“, постигнетъ жалкая участь: его будутъ бойкотировать. Критика „рецепта“ на этотъ разъ дается въ такихъ выраженіяхъ: „епископы свели уже на нѣтъ все значеніе церковнаго собора; изъ своего рода „учредительнаго собранія“ соборъ обращается въ простую бюрократическую „комиссію съ участіемъ свѣдущихъ лицъ изъ мірянъ“ и „клира“, избираемыхъ епископами“. Вѣроятное всего потому, что г. Алову все это пришлось высказывать въ разгарѣ дѣятельности „распущенной Думы“, онъ счелъ нужнымъ предупредительно указать „епископамъ“, „что расчеты ихъ на „послушаніе“ имъ (будущихъ пастырей и паствы), не менѣе ошибочны, чѣмъ расчеты бюрократіи насчетъ „послушанія „Думы“. Конечно и г. Ф—въ подсказывалъ „запросъ“ въ Думѣ, совершенно не предвидя близкаго уже тогда конца существованія непослушной Думы.

Довольно своеобразную мысль высказалъ о соборѣ, точнѣе—о ближайшей цѣли его свящ. Васильевъ въ газетѣ „Рѣчь“, отъ 29 марта текущаго 1907 года. Взглядъ его собственно на соборъ, на проектированный составъ его обычный, даже и по тону изложенія, для газеты, въ которой онъ пишетъ. Соборъ, по этому взгляду, долженъ организоваться при примѣненіи свободнаго выборнаго начала. Собранія же „изъ чиновниковъ правительства, чуждыхъ народу, попавшихъ въ народные „архипастыри“ безъ желанія и воли народа, русская церковь не приметъ“. О. Васильевъ многозначительно напоминаетъ о соборахъ, наз-

ванных „еретическими“ и „разбойничьими“. Но, какъ замѣчено выше, особенно интересно объясненіе о. Васильевымъ побужденій, съ которыми выдвинуть этотъ вопросъ о чрезвычайномъ церковномъ соборѣ. „Мысль объ этомъ соборѣ, говоритъ онъ, появилась въ связи (?) съ изысканіемъ со стороны правительства мѣръ потушить начинающійся революціонный пожаръ“. Слѣдя за вибраціей этой мысли, съ повышеніемъ и пониженіемъ, о. В—въ пришелъ къ заключенію, что при подъемѣ „освободительнаго движенія“, при появленіи на политической авансценѣ перваго и потомъ втораго русскихъ парламентовъ, она (мысль о соборѣ) понижалась и „скептики, будто-бы, ядовито замѣчали, что въ такое время соборъ не ко двору“. Во вторую Думу „попало“ „красныхъ“ больше, чѣмъ „истинно-русскихъ людей“ и „мысль о соборѣ была окончательно оставлена“. Но зашумѣли и „русскіе люди“... Въ воздухѣ снова запахло роспускомъ. И снова всплыла на поверхность и мысль о соборѣ“. Такъ представляется о. Васильеву „вибрація мысли о соборѣ“. Но такое „представленіе“ не оправдывается дѣйствительностію. Съ подъемомъ революціонной волны мысль о соборѣ вовсе не падала, а напротивъ, даже поднималась, переходя въ настойчивое требованіе. И никакой шумъ „русскихъ людей“ не вліялъ на пониженіе ея уровня. О роспускѣ второй Думы „русскіе люди“, какъ извѣстно, зашумѣли съ первыхъ же дней ея открытія, и въ эти же дни о необходимости скорѣйшаго созванія церковнаго собора раздались громкіе голоса, только не изъ реакціоннаго, а изъ либеральнаго и радикальнаго лагеря печати. Въ февралѣ же мѣсяцѣ въ указанномъ смыслѣ высказались „Новое Время“ и „Голосъ Сѣвера“, а въ началѣ мая „Слово“.

Изъ приведенныхъ сужденій свѣтской періодической печати, преимущественно о выработанномъ предсоборнымъ присутствіемъ проектъ перваго церковнаго собора, о составѣ его и о составѣ священнаго синода видно, во первыхъ, что по этому вопросу высказывалась преимущественно печать либеральная и радикальная, а во вторыхъ, что голоса этой печати слились въ дружный хоръ протестующихъ голосовъ противъ усиленія власти высшей церковной іерархіи, противъ усиленія епископата и настойчиво, а иногда запальчиво и съ угрозами требующихъ усиленія или даже преобладающаго значенія въ церкви, въ строй ея жизни рядоваго блага духовенства и точно также мірянъ. Идею народовластиа, которую либеральный и радикальный лагерь печати усиливается внѣдрить въ жизнь государства, лагерь этотъ усиленно старается ввести и въ строй церковной жизни. На этой идеѣ, чуждой душѣ русскаго народа *), какъ на краеугольномъ камнѣ, онъ и желаетъ основать какъ политическую, такъ и церковную реформы.

*) Русскій народъ не зналъ борьбы за власть. Если онъ самъ и сво-

Приходится отмѣтить, что въ вопросѣ о соборѣ и синодѣ, точнѣе—о ихъ составѣ, сужденіямъ либеральной и радикальной печати не было дано отпора со стороны печати консервативной, если не считать нѣсколькихъ (немногихъ) статей церк.-общ. газеты „Колоколъ“. По крайней мѣрѣ, намъ ничего другого не попадалось въ консервативныхъ газетахъ. Въ „Колоколѣ“ же, напр., въ №-рѣ отъ 7-го іюня, нѣкто „Посторонній“ напечаталъ, между прочимъ: „внимательно читаю журналы засѣданій предсоборныхъ комиссій и не могу понять притязанія мірянъ, да еще въ настоящее время? Неужели ноги должны стоять выше головы, а Св. Духъ на соборѣ долженъ витать не надъ епископами, принявшими его на хиротоніи, а надъ франкмсонствующими и ни во что невѣрующими мірянами? Нужно много наглости, чтобы думать, что архіереи настолько невѣжды, что ихъ, мірянъ, доводамъ подчинятся“.— Съ большою силою высказался въ той же газетѣ (№ 311) *Сергій Нилусъ* о великой для православной церкви опасности, которая можетъ произтечь для нея отъ самаго собора, если церковь заблаговременно не отлучитъ изъ своей среды доселѣ „невозбранно и безпрепятственно принадлежащихъ къ ней открытыхъ и тайныхъ ярыхъ ея гонителей и хулителей“. Неужели, спрашиваетъ онъ, не видно тамъ, на высотахъ церковной іерархіи, несущей такой страшный отвѣтъ передъ Судіей Нелицепріятнымъ, что; если по ихъ законному почину, по власти, имъ отъ Бога данной, они не рѣшатся немедленно очиститъ Божьей нивы отъ расплодившихся безъ мѣры плевелъ, и притомъ не дожидаясь предстоящаго собора, то соборъ, если только ему попустить быть Господь, будетъ не освященнымъ соборомъ, а нечестивымъ сонмищемъ, въ которомъ малое зерно истинно-вѣрныхъ потонетъ въ плевелахъ новаго язычества и для спасенія своего съ немногими своими истинными пастырями во главѣ отторгнется уже не своей властью, а Божіей, отъ того большого организма, который только по одному недоразумѣнію и недомыслію продолжаютъ еще именовать господствующей церковью“.—Въ №-рѣ отъ 12 іюня нѣкто Б. высказался противъ обвиненія пр. пр-вія въ томъ, будто бы, оно устанавливаетъ механической способъ избранія временныхъ членовъ синода. Б. говоритъ: „принятый пр. присутвіемъ способъ призванія временныхъ членовъ свящ. си-

бно избралъ себѣ Царя, то и въ этомъ актѣ онъ отнюдь не призналъ себя властью, отъ которой зависитъ Царь, а назвалъ Царя «Богомъ избраннымъ». Онъ признаетъ Царя и дѣйствующимъ также «Божією споспѣшествующею милостью». Идея народовластія или народоправства, какъ лицемѣрно нелѣпая, выдуманная, чтобы дать высшимъ сословіямъ незамѣтно держать въ своихъ рукахъ народъ, чужда душѣ русскаго народа—этого «Богоносца» (Сергѣевичъ, Айвазовъ и др. См. „Колоколъ“ № 297-й въ статьѣ—„Власть русскаго Царя“).

нода, къ исполненію обязанностей—есть очередной. А развѣ очередной порядокъ есть порядокъ механической? Нѣтъ. Онъ есть видоизмѣненіе общаго участія, участія всѣхъ епископовъ въ дѣянiяхъ собора; онъ употребляется въ томъ случаѣ, когда созывать на соборъ всѣхъ епископовъ неудобно или нѣтъ надобности. Всякій другой порядокъ назначенія временныхъ членовъ свящ. синода будетъ противорѣчить началу соборности, предоставляющему каждому правящему епископу право участвовать въ соборныхъ дѣянiяхъ, если не всѣхъ вмѣстѣ въ одно и то же время, то по крайней мѣрѣ по очереди; потому что всякій другой порядокъ будетъ лишать нѣкоторыхъ епископовъ на неопредѣленное время фактическаго участія въ обсужденіи церковныхъ дѣлъ на соборѣ. Кромѣ того, предположенный пр. пр—віемъ способъ назначенія временныхъ членовъ собора имѣетъ за собою то преимущество, что исключается всякое усмотрѣніе, всякій искусственный подборъ въ составъ членовъ свящ. синода. Намъ кажется, всякій долженъ согласиться, что это преимущество нельзя не отнести къ числу крупныхъ достоинствъ пр. присутствiя.“

V.

Возобновленіе въ печати интереса къ вопросу о возстановленіи патріаршества.—Усиленіе отрицательнаго ея отношенія къ идеѣ патріаршества.—Тревога либеральной и радикальной печати.—Протестъ противъ проектированнаго пр. присутствіямъ умаленія значенія оберъ-прокуратуры въ церковномъ управленіи.—Голоса консервативной печати за необходимость возстановленія патріаршества.

Предсоборное присутствіе въ проектѣ своемъ въ положительномъ смыслѣ рѣшило вопросъ о возстановленіи у насъ патріаршества. Свѣтская печать не оставила безъ своей спеціальной критики этой части проекта пр. присутствія.

Читателямъ уже извѣстно, какою неистощимою темою послужила для печати идея возстановленія патріаршества съ самаго же начала возникновенія у насъ вопроса о церковной реформѣ вообще, т. е. весною 1905 года и особенно въ мартѣ мѣсяцѣ. Тогда идея эта не сходила съ газетныхъ столбцовъ. Въ иные дни трактаты о ней можно было встрѣтить въ 3, 4 и 5-ти газетахъ Съ теченіемъ времени, какъ это и вполнѣ естественно, интересъ къ идеѣ патріаршества ослабѣлъ. Но вотъ открылось пр. пр—віе, заговорившее о патріаршествѣ и интересъ къ вопросу оживился.

Послѣ того, что уже высказано было свѣтскою періодическою печатью весною 1905 года по вопросу о возстановленіи патріаршества, трудно было ожидать много новаго въ ея сужденіяхъ по этому же вопросу, вызванныхъ проектомъ пр. присутствія. И, дѣйствительно, новаго по существу высказано было мало. Тутъ, пожалуй, наибольшій интересъ представляетъ тонъ, въ которомъ свѣтская печать высказывалась о сужденіяхъ и рѣшеніяхъ пр. пр—вія. По существу предмета печать преимущественно высказывалась о будущемъ, предполагаемомъ ею отношеніи церковной власти къ свѣтской и о значеніи идеи патріаршества для судьбы освободительнаго движенія.

Говоря вообще, печать либеральнаго и радикальнаго лагеря съ открытіемъ предсоборнаго присутствія усилила свое отрицательное отношеніе къ идеѣ возстановленія патріаршества на Руси. Мало того, она стала этою идеею тревожиться.

Въ „II. Листкѣ“ (14 іюня) знакомый уже намъ „Братъ“ на спеціальный вопросъ: „Нуженъ-ли Россіи патріархъ?“ далъ отвѣтъ рѣшительный. „Мы, говоритъ онъ, рѣшительно убѣждены, что появленіе патріарха въ нашей церкви не принесетъ существенной пользы нашему церковно-просвѣтительному и церковно-общественному дѣлу. Нѣтъ рѣшительно никакого основанія думать иначе. Конечно, въ цер-

ковныхъ канонахъ, въ постановленіяхъ древнихъ соборовъ есть указанія на патріаршество, какъ на особую церковный институтъ. Но наряду съ этимъ, ни одна страница исторіи (?) не говоритъ за то, чтобы патріархъ былъ такой церковной силой, которая вносила бы живую христіанскую жизнь въ церковный организмъ. Немало, скажемъ болѣе, было патріарховъ-еретиковъ, людей далеко не стоявшихъ на высотѣ своего призванія... Русская исторія также знаетъ институтъ патріаршества. Но, вмѣстѣ съ этимъ, не ей-ли пришлось такъ много испытать отъ честолюбія патріарховъ! Достаточно вспомнить патріарха Никона, одного изъ самыхъ главныхъ виновниковъ раздѣленія русской церкви на двѣ доселѣ враждующихъ половины (даже половины!?)—православную и старообрядческую. Вообще съ именемъ патріарха исторія связала совсѣмъ противное духу Христовой церкви *написническое* начало господственнаго отношенія правителя церкви къ своей церковной паствѣ. И вотъ почему мы увѣрены, вполне увѣрены въ томъ, что возстановленіе русскаго патріаршества внесетъ лишь новую смуту въ церковную жизнь, дастъ только новый толчокъ и поводъ къ всевозможнымъ домогательствамъ и интригамъ, отъ которыхъ и безъ того стонетъ наша изболѣвшаяся, изстрадавшаяся церковь“. Приведа далѣе, въ подкрѣпленіе своего мнѣнія, отзвѣвъ бывш. преосвящ. Туркестанскаго Паисія по вопросу о русскомъ патріархѣ, „Братъ“ продолжаетъ: можно было бы, впрочемъ, оправдать до нѣкоторой степени проектъ пр. пр—вія въ томъ случаѣ, если бы осуществленія его желалъ народъ, вся церковь Христова. Но этого и нѣтъ и быть не можетъ. Народъ и не думаетъ о патріархѣ. Патріаршество ничего не говоритъ ни его уму, ни его сердцу. Даже небольшое пр. пр—віе раздѣлилось по данному вопросу. Противники патріаршества утверждаютъ, что они могли бы еще примириться съ указаннымъ проектомъ, если бы патріархъ явился, какъ и подобаетъ ему, народнымъ „печальникомъ“, ходатаемъ предъ гражданскою властью за народную нужду и горе. Но... пр. пр—віе, исполненное бюрократическихъ замысловъ, отвергло идею патріаршаго „печалованья“ за народъ... Патріархъ уже въ самомъ проектѣ о немъ отгородилъ себя китайской стѣной отъ народа. Нуженъ-ли такой патріархъ?“... Конечно, съ точки зрѣнія „Брата“, это—вопросъ, не требующій отвѣта.

Повидимому, особенную тревогу идея возстановленія патріаршена Руси возбудилъ въ сотрудникѣ „Н. Времени“ г. Розановѣ. Онъ призываетъ Россію очнуться и не допускать у себя учрежденія папства. Въ статьѣ—„Начало папства на Руси“ (въ №-рѣ отъ 18 іюня) онъ въ тонѣ, исключаящемъ всякія сомнѣнія, говоритъ: „преподобные отцы“ предсоборной комиссіи, которая въ сущности присвоила себѣ права собора... ни болѣе, ни менѣе, какъ похерили всему народу еще *милое* и